This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск киег Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Novyi sbornik statei po slavianovedenie

НОВЫЙ СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

СОСТАВЛЕННЫЙ и ИЗДАННЫЙ

УЧЕНИКАМИ

В. И. ЛАМАНСКАГО

ПРИ УЧАСТІИ ИХЪ УЧЕНИКОВЪ

ПО СЛУЧАЮ

50-ЛѢТІЯ ЕГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Съ приложеніемъ портрета В. И. Ламанскаго, библіографіи его трудовъ, четырехъ портретныхъ группъ участниковъ Сборника и двухъ таблицъ къ статьѣ „О древнѣйшихъ знакахъ письма".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

D377
N6

ВЛАДИМІРУ ИВАНОВИЧУ

ЛАМАНСКОМУ

посвящаютъ

благодарные ученики

ВЛАДИМІРУ ИВАНОВИЧУ

ЛАМАНСКОМУ

посвящаютъ

благодарные ученики

Глубокоуважаемый

Владимиръ Ивановичъ!

Прошло свыше двадцати лѣтъ со времени скромнаго чествованія группой Вашихъ первыхъ учениковъ 25-лѣтія Вашей учено-педагогической дѣятельности, давшаго имъ поводъ подвести ей нѣкоторые общіе итоги, сдѣлать попытку ея общей характеристики.

Нынѣ, въ знаменательный день исполнившагося полустолѣтія Вашего ученаго труженичества, вспоминая эту, смѣемъ думать, вполнѣ правдивую и обоснованную оцѣнку, намъ остается признать, что итоги протекшаго съ тѣхъ поръ періода Вашей плодотворной ученой жизни еще глубже и шире раскрыли, еще прочнѣе закрѣпили и лучше выяснили смыслъ и вѣсъ всего прежде ими сказаннаго [1]).

Не считая нужнымъ повторять здѣсь наши мысли о давно уже общепризнанныхъ замѣчательныхъ качествахъ Вашихъ научныхъ трудовъ и всей Вашей дѣятельности и перечислять Ваши заслуги передъ наукой и Славянствомъ, мы не можемъ однакожъ не отмѣтить нѣсколько наиболѣе важныхъ и знаменательныхъ моментовъ пройденнаго Вами съ тѣхъ поръ славнаго пути.

Продолжая въ минувшія десятилѣтія работать съ неослабной энергіей, обогащая нашу славянскую науку но-

[1]) См. предисловіе къ «Сборнику статей по славяновѣдѣнію, составл. и изданн. учениками В. И. Ламанскаго», Спб. 1883.

В. Ламанскій

Глубокочтимый

Владиміръ Ивановичъ!

Прошло свыше двадцати лѣтъ со времени скромнаго чествованія группой Вашихъ первыхъ учениковъ 25-лѣтія Вашей учено-педагогической дѣятельности, давшаго имъ поводъ подвести ей нѣкоторые общіе итоги, сдѣлать попытку ея общей характеристики.

Нынѣ, въ знаменательный день исполнившагося полустолѣтія Вашего ученаго труженичества, вспоминая эту, смѣемъ думать, вполнѣ правдивую и обоснованную оцѣнку, намъ остается признать, что итоги протекшаго съ тѣхъ поръ періода Вашей плодотворной жизни лишь еще глубже и шире раскрыли, еще прочнѣе закрѣпили и лучше выяснили смыслъ и вѣсъ всего тогда нами сказаннаго [1]).

Не считая нужнымъ повторять здѣсь наши мысли о давно уже общепризнанныхъ замѣчательныхъ качествахъ Вашихъ научныхъ трудовъ и всей Вашей дѣятельности, и перечислять Ваши заслуги передъ наукой и Славянствомъ, мы не можемъ однакожъ не отмѣтить нѣсколько наиболѣе важныхъ и знаменательныхъ моментовъ пройденнаго Вами съ тѣхъ поръ славнаго пути.

Продолжая въ минувшія десятилѣтія работать съ неослабной энергіей, обогащая нашу славянскую науку но-

---

[1]) См. предисловіе къ «Сборнику статей по славяновѣдѣнію, составл. и изданн. учениками В. И. Ламанскаго». Спб. 1883.

В. Ламанскій

Глубокочтимый

Владиміръ Ивановичъ!

Прошло свыше двадцати лѣтъ со времени скромнаго чествованія группой Вашихъ первыхъ учениковъ 25-лѣтія Вашей учено-педагогической дѣятельности, давшаго имъ поводъ подвести ей нѣкоторые общіе итоги, сдѣлать попытку ея общей характеристики.

Нынѣ, въ знаменательный день исполнившагося полустолѣтія Вашего ученаго труженичества, вспоминая эту, смѣемъ думать, вполнѣ правдивую и обоснованную оцѣнку, намъ остается признать, что итоги протекшаго съ тѣхъ поръ періода Вашей плодотворной жизни лишь еще глубже и шире раскрыли, еще прочнѣе закрѣпили и лучше выяснили смыслъ и вѣсъ всего тогда нами сказаннаго [1]).

Не считая нужнымъ повторять здѣсь наши мысли о давно уже общепризнанныхъ замѣчательныхъ качествахъ Вашихъ научныхъ трудовъ и всей Вашей дѣятельности, и перечислять Ваши заслуги передъ наукой и Славянствомъ, мы не можемъ однакожъ не отмѣтить нѣсколько наиболѣе важныхъ и знаменательныхъ моментовъ пройденнаго Вами съ тѣхъ поръ славнаго пути.

Продолжая въ минувшія десятилѣтія работать съ неослабной энергіей, обогащая нашу славянскую науку но-

---

[1]) См. предисловіе къ «Сборнику статей по славяновѣдѣнію, составл. и изданн. учениками В. И. Ламанскаго». Спб. 1883.

выми произведеніями Вашей сильной мысли и высокоталантливаго пера, подготовляя и образуя все новыя поколѣнія русскихъ филологовъ и историковъ—славистовъ, а въ то же время часто отзываясь въ печати на животрепещущіе вопросы, какъ русской, такъ и западно-славянской политической и общественной жизни, Вы успѣли уже пожать многіе прекрасные плоды въ разнообразныхъ сферахъ Вашей дѣятельности—какъ ученаго, какъ профессора и какъ публициста.

Въ русскихъ историческихъ и археологическихъ изученіяхъ славянскаго міра въ послѣднія десятилѣтія Вы не могли не замѣчать высокой оцѣнки и преемственнаго продолженія Вашихъ капитальныхъ, всегда пролагавшихъ новые пути, изслѣдованій, сознательнаго усвоенія и развитія многихъ Вашихъ руководящихъ положеній и взглядовъ, отчасти даже осуществленія нѣкоторыхъ Вашихъ завѣтныхъ плановъ и идей.

Въ нашей ученой литературѣ и на университетскихъ каѳедрахъ за этотъ періодъ времени выступили на Вашихъ глазахъ не только многіе Ваши ученики разныхъ поколѣній (съ вып. 1867 до в. 1898 г.), но и ученики Вашихъ учениковъ, т. е. Ваши какъ-бы духовные внуки. Такимъ образомъ Вы, одинъ изъ патріарховъ русскаго славяновѣдѣнія, явились, можно сказать, и создателемъ цѣлой уже немалочисленной школы русскихъ славистовъ.

Въ новѣйшихъ быстрыхъ и крупныхъ успѣхахъ нашего отечествовѣдѣнія, нашихъ этнографическихъ изученій Россіи и ея живой старины Вы съ чувствомъ справедливой гордости можете видѣть прямые слѣды Вашихъ заботъ и усилій, Вашей просвѣщенной поддержки научныхъ предпріятій и молодыхъ дарованій, словомъ, Вашей долголѣтней и полезной дѣятельности, какъ предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Географическаго Общества.

Наконецъ, нельзя умолчать и о томъ, что знаменательное избраніе Васъ въ 1899 г. въ члены нашей Академіи Наукъ, увѣнчавшее Ваше ученое поприще, было

молчаливымъ и мирнымъ, но безспорно великимъ нравственнымъ торжествомъ Вашимъ, всенародно воочію засвидѣтельствовавшимъ о наступленіи новой эры въ исторіи этого высшаго ученаго учрежденія, о его возрожденіи, которому Вы столько способствовали Вашими до нынѣ памятными горячими, продиктованными голосомъ правды и народнаго самосознанія, статьями.

Таковы главные и самые осязательные результаты Вашей полувѣковой разносторонней дѣятельности, на которые Вы нынѣ можете оглянуться съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія.

Но настоящій пятидесятилѣтній юбилей Вашъ, думается намъ, не есть только личный Вашъ юбилей,— это праздникъ не только для вашихъ друзей, учениковъ и почитателей, не только для славянской науки. Его смыслъ несравненно глубже и шире.

Онъ имѣетъ общественно-историческое значеніе, какъ для Россіи, такъ и для всего Славянства. Это вмѣстѣ нѣкоторымъ образомъ и юбилей новѣйшаго славянскаго возрожденія Россіи, юбилей подъема и замѣтнаго роста славянскаго самосознанія въ нашей наукѣ, литературѣ и жизни.

Вы начали свое ученое и общественное поприще въ серединѣ 50-хъ годовъ, въ тотъ поворотный моментъ нашей жизни, когда послѣ бѣдственной Крымской войны Россія вступила въ новую славную эпоху своей исторіи и не только стала обновляться внутренно рядомъ великихъ реформъ, но и стала яснѣе опознавать себя державой не только русской, но и славянской, имѣющей свои неизмѣнныя историческія задачи въ отношеніи къ зарубежнымъ своимъ соплеменникамъ. Въ ту пору, благодаря многимъ историческимъ причинамъ, среди которыхъ сыграли главную роль важныя событія въ западнославянскомъ мірѣ, быстрые успѣхи у насъ славянскихъ изученій въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и—въ сущности глубокое вопреки противнымъ теченіямъ—вліяніе славянофильскихъ воззрѣній, въ жизнь русскаго общества, въ

развитіе русской общественной мысли проникаетъ мощная струя славянскаго самосознанія.

Вы какъ разъ тогда выступали на общественную арену, и, посвятивъ себя изученію русско-славянской древности и старины и историческихъ судебъ всего греко-славянскаго міра, съ несокрушимой энергіей и молодымъ энтузіазмомъ углубились въ анализъ и рѣшеніе труднѣйшихъ вопросовъ въ этой области. Своими превосходными изслѣдованіями и глубокомысленными обобщеніями Вы не только обогатили славянскую науку и дали новое широкое и самостоятельное направленіе разработкѣ у насъ славянской исторіи, — Вы стали съ этой эпохи 50-хъ годовъ однимъ изъ главныхъ и авторитетнѣйшихъ будителей славянской идеи и самосознанія въ русскомъ обществѣ, настойчиво направлявшимъ послѣднее на самостоятельный національный путь развитія и образованія. Въ протекшіе полвѣка Ваши высокопоучительные труды, Ваши смѣлыя обличенія и горячіе призывы къ дружной просвѣтительной работѣ, къ народному самопознанію и общественному самовоспитанію находили всегда живой сочувственный отголосокъ въ истинно-русскихъ людяхъ. Понятно, что и на славянскомъ Западѣ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за Вашей дѣятельностью и высоко цѣнили ее. Вотъ почему Ваше имя стало такимъ популярнымъ во всѣхъ концахъ славянскаго міра.

Привѣтствуя Васъ въ столь знаменательный для Васъ день, мы искренно радуемся, что онъ застаетъ Васъ еще въ пору высшаго расцвѣта умственныхъ и нравственныхъ силъ, когда Вы, во всеоружіи разностороннихъ знаній, умудренный жизненнымъ опытомъ, достигли тѣхъ высотъ міросозерцанія и той ширины умственнаго кругозора, съ которыхъ человѣческому уму все въ мірѣ какъ-бы раскрывается глубже и шире и многое проясняется, и когда поэтому его мысли, наблюденія и выводы должны выслушиваться современниками съ особеннымъ интересомъ, вниманіемъ и вдумчивостью.

Все это заставляетъ насъ вмѣстѣ со всѣмъ ученымъ

міромъ горячо желать, чтобы Вы еще многіе годы продолжали плодотворно работать на пользу родной науки. Не менѣе усердно желаемъ мы, заодно со всѣми преданными сынами Россіи и славянства, чтобы Вы со свойственнной Вамъ отзывчивостью возможно чаще высказывались о современныхъ намъ событіяхъ и вопросахъ русско-славянской, обще-европейской и міровой жизни, освѣщая ихъ яркимъ свѣтомъ Вашихъ глубокихъ историческихъ знаній и соображеній и тонкимъ чутьемъ Вашей горячей славянской души.

Слабымъ выраженіемъ личныхъ чувствъ высокаго уваженія и сердечной благодарности учениковъ Вашихъ пусть будетъ этотъ посвященный имени Вашему посильный трудъ, новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный нами при участіи нѣкоторыхъ нашихъ учениковъ и слушателей, не менѣе насъ почитающихъ имя и дѣятельность маститаго корифея славяновѣдѣнія, общаго учителя и руководителя, если не съ каѳедры, то своими образцовыми трудами, увлекающимъ примѣромъ живымъ словомъ и сочувствіемъ.

19-го декабря 1904 г.

Библіографія учено-литературныхъ трудовъ В. И. Ламанскаго и матеріаловъ для его біографіи,

сост. **П. Д. Драгановымъ.**

I.

Хронологическій перечень учено-литературныхъ трудовъ В. И. Ламанскаго.

1854.

1. Народныя Южно-Русскія пѣсни. Изданіе Амвросія *Метлинскаго.* Кіевъ. Въ универс. типогр. 1854. In 8° 472 и XVII. (Рецензія, безъ подписи автора).

„Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общества", 1854 г., ч. XII, отд. IV, стр. 13—40 и отдѣльно. Спб. 1854. 8°.

1856.

2. Путешествіе въ русскую Карелію.

Вѣстникъ Имп. Р. Геогр. Общ. за 1856 ч. XVII.

3. Этнографическія замѣчанія и наблюденія Кастрена о Лопаряхъ, Корелахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ, извлеченныя изъ его путевыхъ воспоминаній 1838—1844 г. (изд. А. Шифнеромъ Спб. 1853 г.).

Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества, кн. IV, 1958 г., стр. 219—320.

1857.

4. О распространеніи знаній въ Россіи.

„Современникъ", 1857 г., т. LXIII, № 5, стр. 1—46 и отд. оттискъ, Спб., 8°.

1858.

5. Нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Русскихъ къ Грекамъ.

„Русская Бесѣда", 1858, кн. 12. Смѣсь, стр. 103—140.

1859.

6. Письмо графа М. Головкина къ герцогу Бирону объ Оренбургѣ. 1739 г. (Сообщеніе).

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ." 1859 г., ч. XXVI, отд. II, стр. 156—158.

7. Записка Оренбургскаго губернатора Рейнсдорфа о недостаткахъ ввѣренной его управленію губерніи. 1770 г. (Сообщеніе).

„Вѣстникъ Имп. Русск Геогр. Общества“ 1859 г., т. XXVII, отд. II, стр. 90—104.

8. Записка Дмитрія Волкова объ Оренбургской губерніи. 1763 г. (Сообщеніе).

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества„ 1859 г., ч. XXVII, отд; II, стр. 49—60.

9. Старинная русская картографія.

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1859 г., ч. XXVII, отд. V, стр. 13—18.

10. Типографская библіотека въ Москвѣ.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1859 г., № 230 и отдѣльно (СПБ., 1859). Въ Имп. Публич. Библ. 18, 53, 3, 126.

11. Мнѣніе Англичанъ и Американцевъ о русскомъ владычествѣ на Амурѣ.

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“ 1859 г. ч. XXV, отд. V, стр. 53—56.

12. Населеніе земного шара по его количеству, племеннымъ различіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Соч. Дитерици.

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXVI, отд. III стр. 37—75.

13. О древнѣйшихъ поселеніяхъ сваестроителей по разнымъ швейцарскимъ озерамъ. Статья К. Риттера. (Сообщ.).

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“ 1859 г. ч. XXVI, отд. III, стр. 76—82.

14. Характеристика различныхъ народностей Австрійской Имперіи. Записка г. Чернига, читанная въ Вѣнской Академіи Наукъ. (Petermann's Mitth.).

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1859 г., ч. XXVI, отд. V, стр. 73—82.

15. Этнографическій очеркъ восточной Галиціи. Статья г. Циммермана (въ Извѣстіяхъ Вѣнскаго Геогр. Общества. Mitth. 1858 г., H. 3.).

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества“. 1859 г., ч. XXVI, отд. V, стр. 83—92.

16. Обозрѣніе русской географической литературы за 1858 г. Статьи 1, 3, 4-ая М. Устинова и 2-ая В. Л.

„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества“ 1859 г., ч. XXVI, отд. IV, стр. 1—18, (ст. 1); ч. XXVII, отд. IV, стр. 1—30, (ст. 2), 31—102, (ст. 3 и 4).

17. О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи. Сочиненіе—

„Спб. Тип. Имп. Акад. Наукъ“, 1859. 8°, XII+370+227. Отдѣльный оттискъ „Ученыхъ Записокъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ“ за 1859 г., кн. V.

На 3 страницѣ:

„Францу Палацкому, славному исторіографу народа Чешскаго, въ знакъ глубочайшаго уваженія, посвящаетъ авторъ свой первый ученый трудъ“.

Введеніе—стран. 7—8.

Печатать позволяется. Цензоръ С. Палаузовъ.

Оглавленiе:

Славяне въ Малой Азiи (1—191).
Славяне въ Африкѣ (192—221).
Славяне въ Испанiи (222—270).
Историческiя замѣчанiя къ сочиненiю „О Славянахъ въ Малой Азiи, Африкѣ и Испанiи" (стр. 1—229):
I) О сношенiяхъ Русскихъ съ Греками (1—37).
II) О Руси. Нѣсколько замѣтокъ на книгу г. Куника (38—83).
III) О Роксоланахъ (84—88).
IV) Замѣтка о городѣ Окакъ Ибнъ-Датуты.
V) О важности вопросовъ объ отношенiяхъ мiра Славянскаго къ Пиринейскому полуострову (стран. 90—122).
VI) Iеронимъ Пражскiй (123—131).
VII) Жижка (132—140).
VIII) О чешскомъ казачествѣ въ XV вѣкѣ (141—154).
IX) О русскихъ гулящихъ людяхъ. О славянской стихiи въ Портѣ Оттоманской (155—164).
О новѣйшихъ отношенiяхъ Славянъ къ Арабамъ (164—175).
О важности для насъ изученiя М. Азiи (175—178).
Объ источникахъ и матерiалахъ исторiи Дубровника (178—184).
X) Нѣкоторыя данныя изъ исторiи отношенiй Россiи къ Пиринейскому полуострову до конца XVIII вѣка (185—227).

О немъ:

Срезневскiй, И. И. Разборъ сочиненiя В. И. Ламанскаго: „О Славянахъ въ Малой Азiи, Африкѣ и Испанiи" Спб. 1869. XXIX присужденiе Демидовскихъ наградъ. 1860 (и отдѣльно). Стран. 125—130.
Пыпинъ А. Н. Новыя Славянскiя изслѣдованiя. „Современникъ", 1860. Томъ LXXX, отдѣленiе III, 309—328.
Ламанскаго, В. О Славянахъ въ Малой Азiи, въ Африкѣ и Испанiи. Летопис Србск. Матице. Кн. 100 стран. 160.
Шахматовъ, А. А. (Зап. объ учен. трудахъ В. И. Л.).

1860.

18. Рѣчь, произнесенная въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 31 января 1860 г. при публичной защитѣ диссертацiи на степень магистра: «О Славянахъ въ Малой Азiи, Африкѣ и Испанiи», съ примѣчанiемъ Редакцiи.
„Русская Бесѣда", 1860 г., кн. 19, № 1, смѣсь отд. стр. 119—132.
Тамъ же 10 пунктовъ Положенiй магистранта при защитѣ своей диссертацiи.

19. Заговоръ отъ грыжи. (Сообщенiе).
„Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ." 1860 г., ч. XXX, стр. 146.

20. Историческiя бумаги временъ Анны Iоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II.
„Русская Бесѣда", 1860 г., № 2, кн. 20, отд. наукъ, стр. 179—258.

21. Мнѣнiя въ Государственномъ Совѣтѣ: I. Объ отпускѣ крестьянъ на волю цѣлыми селеньями. II. По дѣлу о заключенномъ вологодскою помѣщицею, Аникiевою, условiи съ крестьянами ея на увольненiе ихъ въ свободные хлѣбопашцы, графовъ С. и Н. Румянцевыхъ и кн. Лопухина. III. О дворцовыхъ добровольныхъ складкахъ, гр. Румянцева. IV. О земскихъ повинностяхъ, гр. С. Румянцева. V. О пособiяхъ къ поправленiю разстроеннаго состоянiя дѣлъ кн. Доминика Радзивила и графовъ Н. и С. Румянцевыхъ. VI. По дѣлу Перетца о соли, графовъ Н. и С.

Румянцевыхъ. VII. О преобразованіи Сената, Д. Трощинскаго. (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Моск. Унив., 1860, кн. 1, отд. V, стр. 65—104.

22. Дѣло Кобылина. (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Моск. Унив., 1860, кн. 2, отд. V, стр. 21—23.

23. Подмётное письмо импер. Петру Первому. (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, кн. 2, отд. V, стр. 27—30.

24. Мнѣніе гр. С. П. Румянцева по рекрутскому учрежденію и гр. Н. П. Румянцева по рапорту московскаго военнаго губернатора о земляхъ, бывшихъ вѣдомства дворцоваго (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, кн. 2, отд. V, стр. 235—237.

25. Освѣдомленіе, почему гр. Бестужевъ-Рюминъ ѣздитъ каждый день изъ двора и сватается, а ко Двору Ея Величества не ѣздитъ (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, кн. 2, отд. V, стр. 237—238.

26. Письмо Имп. Екатерины II къ А. П. Сумарокову (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, кн. 2, отд. V, стр. 238.

27. Записка П. И. Ягужинскаго о состояніи Россіи (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, кн. 4, отд. V, стр. 269—273.

28. Прошеніе Алексѣя Бестужева-Рюмина объ оказаніи милосердія оберъ-кригс-комиссару Свѣчину (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1860, кн. 3, отд. V, стр. 50—51.

29. Записки о жалованьѣ служителямъ итальянской компаніи и о деньгахъ, слѣдующихъ портнымъ и сапожникамъ за сдѣланныя имъ вещи (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1860, кн. 3, отд. V, стр. 52—60.

30. Вѣдомость о числѣ солдатъ, потребныхъ къ строеніямъ въ Петербургѣ, Петергофѣ и Стрѣльнѣ, 1754 г. и записка о суммахъ на постройки въ Зимнемъ дворцѣ (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1860, кн. 3, отд. V, стр. 62—63.

31. Подметное письмо Императрицѣ Екатеринѣ II 1791 года (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1860, кн. 4, отд. V, стр. 274—279.

32. Доношеніе Императрицѣ Георгія, архіеп. Ростовскаго, о притѣсненіи духовенству (Сообщ.).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, кн. 4, отд. V, стр. 280.

33. Доношеніе Питиримово о раскольникахъ.—Посланіе Іоны Львова Керженцамъ.—Записка новгородско-сѣверскихъ, курскихъ и екатеринославскихъ старообрядцевъ, представленная кн. Потемкину въ 1784 г., съ его примѣчаніями на поляхъ. (Сообщенія).

„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1860, кн. 4, отд. V, стр. 281—290.

34. По дѣлу о крестьянахъ жены подпор. Загряжскаго, сужденныхъ въ смертоубійствѣ по случаю найденнаго

въ лѣсу мертваго тѣла, мнѣнія графовъ С. П. и Н. П. Румянцевыхъ. (Сообщ.).
„Чтенія“ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1860, кн. 4, отд. V, стр. 291—295.

1861.

35. Голосъ изъ Угорской Руси о русскомъ языкѣ (Сообщ.).
„День“, 1861, № 5.

36. Прошеніе Галицкихъ Русиновъ Австрійскому Государственному Министру 30 сентября 1861 г. (Сообщ.).
„День“, 1861, № 9.

37. Письмо кн. Потемкина къ импер. Екатеринѣ II.— Письма И. И. Шувалова.—Доношеніе В. К. Тредьяковскаго въ Комм. Слѣд. объ Академіи Наукъ.—Судьба А. П. Чирикова (Сообщ.).
„Библіограф. Записки“, 1861, № 12, стр. 351—357.

38. Переписка А. М. Сумарокова съ разными лицами.
„Лѣтописи Русск. Литературы и Древности“, изд. Н. Тихонравовымъ. 1861 г., т. III. Смѣсь и библіографія, стр. 59—80.

39. Любовное заклинаніе (изъ слѣдственнаго дѣла 1769 г.).
„Лѣтописи русской литературы и древности“, изд. Н. С. Тихонравовымъ. 1861 г., т. III. Смѣсь, стр. 92—93.

40. Академія Наукъ (Императорская, С.-Петербургская).
„Энциклопед. Словарь“, составл. русскими учеными и литераторами. Томъ II, 1861 г., стр. 273—280.

41. По поводу статьи «Современника» «Національная безтактность».
„День“, 1862 г., № 2.

42. Сборникъ чертежей Москвы, ея окрестностей и города Пскова XVII столѣтія.
Приложеніе по II т. „Записокъ Славяно-Русскаго Отд. Археологическаго общества“, изд. подъ ред. В. И. Ламанскаго.

1862.

43. Евдокимъ Михайловичъ Кравковъ, дворянинъ староверъ.
„День“. 1862 г., № 28 и „Памятники Новой Русской Исторіи“, В. Кампирева, Спб. 1871 г., т. I, отд. I, стр. 36—49.

44. Письмо Секретаря Этнографическаго Отдѣленія Влад. Ив. Ламанскаго къ секретарю Имп. Русск. Геогр. Общества о трудахъ гг. Рыбникова, Мошнина, В. Вербицкаго, Примѣрова и Мясникова.
Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. 1862 г., кн. 1, отд. 2.

45. Письма Сумарокова, Щербатова и Новикова къ Г. В. Козицкому.
Лѣтописи Русской Литературы и Древности, изд. Н. Тихонравовымъ 1862 г., т. IV. Смѣсь, стр. 29—49.

46. Замѣтка о Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Дрезденѣ. Извлеченіе изъ письма.
Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1862 г., окт., стр. 111—119.

47. Записка протоіерея Самборскаго о В. Кн. Александрѣ Павловнѣ и примѣчанія къ ней.
„День“ 1862 г., № 37; также: „Памятники Новой Русской Исторіи“. В. Кашпирева. 1872 г., т. III, отд. II, стр. 47—68.

48. Письмо княг. Е. Р. Дашковой къ Императрицѣ Екатеринѣ II. (Сообщ.)
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив.“ 1862, кн. I, отд. V, стр. 171.

49. Матеріалы о Кулибинѣ (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. Древн. Р.“ 1862, кн. 1. отд. V, стр. 178—188.

50. Письмо фельдмаршала гр. Миниха къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (сообщ.)
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1862, кн. 4, отд. V, 149—154.

51. Прошенія П. Девіера, Степ. Апраксина и гр. Алексѣя Бестужева-Рюмина (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р.“, 1862, кн. 4 отд. V. стр. 155—191.

52. Два письма и прошеніе къ Императрицѣ Г. Броуна (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р.“, 1862, кн. 4, отд. V, стр. 192—196.

53. Прошеніе къ Императору А. Радищева (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р.“, 1862, кн. 4, отд. V, стр. 197—198.

54. Секретная инструкція отправленному, по Высоч. повелѣнію, въ Боровичи колл. асс. В. Николеву для надзиранія за Суворовымъ и донесеніе Николева о Суворовѣ (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р.“, 1862, кн. 4, отд. V, стр. 199—203.

55. Переписка объ отдачѣ дома и назначеніи пенсіи граф. Суворовой-Рымникской (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р.“, 1862. кн. 4, отд. V, стр. 204—206.

56. Бумаги и записки маркиза Радишевскаго и Михаила Аврамова (Сообщ.).
Академику Пекарскому: „Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“. Т. I. Спб. 1862, стр. 495—514.

1863.

57. М. В. Ломоносовъ, біографическій очеркъ.
„Отечественныя Записки“ 1863 г., № 1. стр. 244 — 295, № 2, стр. 460—509.

58. Мнѣнія русскихъ государственныхъ мужей объ отношеніи Россіи къ Пруссіи при императрицѣ Елизаветѣ (Сообщеніе).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. при Моск. Унив.“ 1863, кн. 1, отд. V, стр. 115—164.

59. Дѣло о П. Богдановичѣ. (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Р.“, 1863, кн. 1, отд. V, стр. 210—211.

60. Письма и записки императрицы Екатерины II, къ гр. Н. И. Панину. (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1863, кн. 2, отд. II, стр. 1—160.

61. Примѣчанія на книгу, изд. доминиканцемъ Берн. Рибейрою, бывшимъ при исп. посл., герцогѣ де-Лиріи, въ Москвѣ во время коронаціи императрицы Анны Ивановны. Собственоручная записка Ѳеофана Прокоповича (Сообщ.)
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1863, кн. 2, отд. V, стр. 1—16.

62. Дѣло о волненіи крестьянъ Демидова и Гончарова фабричныхъ и фабричныхъ людей въ Калужской губерніи 1752 г. (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1863, кн. 2, отд. V, стр. 17—44.

63. «Планъ о приведеніи Россійской торговли въ лучшее состояніе 1765 г., составленный фонъ-Клингштетомъ», и «О распространеніи торга съ областями Хивинскою, Бухарскою и Индѣйскими 1787 г.». (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1863, кн. 2, отд. V, стр. 45—64.

64. Дѣло о профессорѣ Московскаго университета І. В. Л. Мельманѣ. (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1863, кн. 2, отд. V, стр. 86—120.

1864.

65. Сербія и южнославянскія провинціи Австріи.
„Отечественныя Записки" 1864 г., № 2, стр. 649 — 702; № 5, стр. 353—380 и отд. оттискъ.

66. Столѣтняя память М. В. Ломоносову 4-го апрѣля 1865 г.
„День". 1864 г., № 37 — 38. Отд. выпускъ, 1-ое изд. 1864 г.; 2-ое — 1865 г.

67. О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ съ филологическими и историческими примѣчаніями.
Приложеніе къ VI-му тому „Записокъ Императорской Академіи Наукъ", № 1, стр. 1—167.

68. Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ.
„Отечественныя Записки" 1864 г., № 11, стр. 96 — 188, № 12, стр. 548—616 и отд. оттискъ (1865 г.).

1865.

69. Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносовѣ (Сообщ.)
„Чтенія" въ Имп. Обществѣ Истор. и Древн. при Моск. Унив. 1865 г., кн. II, отд. V, стр. 69—70.

70. Ломоносовъ и Академія Наукъ.
„Чтенія" въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. при Моск. Унив. 1865 г., кн. I. отд. V, стр. 37—192.

71. Письма фельдмаршала Миниха изъ Сибири 1746 г.,
„Русскій Архивъ" 1865 г., стр. 1418—1446.

1867.

100. **Рѣчь на обѣдѣ у Предсѣдателя Комитета Всероссійской Этнографической Выставки В. А. Дашкова, 27 апрѣля 1867 г. въ актовомъ залѣ Имп. Московскаго Университета.**

Всероссійская Этнографическая Выставка и Славянскій Съѣздъ въ 1867 г. Москва, 1867. 8°. стр. 84—87.

101. **Рѣчь на Славянскомъ обѣдѣ 11 мая 1867 г. въ залѣ С.-Петербургскаго Дворянскаго Собранія.**

Всероссійская Этнографическая Выставка и Славянскій Съѣздъ. Москва. 1867, стр. 203—206.

102. **Рѣчь на прощальномъ Славянскомъ завтракѣ въ гостинницѣ Belle-Vue. 3 іюня 1867 г.**

Всеросс. Этнограф. Выставка и Слав. Съѣздъ. М., 1867, стр. 459.

103. **Славянство и міръ будущаго. Посланіе къ Славянамъ съ береговъ Дуная Людевита Штура. Переводъ неизданной нѣмецкой рукописи съ Предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. (Das Slaventhum und die Welt der Zukumft. Botschaft eines Slovaken vom Jahre 1855 an alle slavischen Völken. Aus dem Nachlasse des Ludevit Stur).**

Чтенія въ Обществѣ Люб. Истор. и Древн. 1867 кн. I, отд. III, стран. 1—1901 и отдѣльный оттискъ.

104. **Распространеніе Русскаго языка у Славянъ.**

„Журн. Мин. Нар. Просвѣщ." 1867 г., іюнь, стр. 441—447.

105. **Замѣтка о Славянскихъ топографическихъ названіяхъ. Трудъ I. Я. Эрбена съ примѣчаніями В. И. Л.**

„Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.", 1867, октябрь № 10 стран. 243—261.

106. **Чтенія о славянской исторіи въ Импер. С.-Петербургскомъ Университетѣ. Чтеніе 1-ое. Изученіе славянства и русское самосознаніе.**

Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1867 г., янв., стр. 116—153 и отдѣльно. Спб. 1867, 8°.

Отзывъ *И. И. Срезневскаго*: «Нельзя не отмѣтить, что В. И. Ламанскій первый началъ преподавать подробно и *критически* исторію Славянъ и для этого долженъ былъ вырабатывать многое непочатое и перерабатывать по источникамъ вновь то, что сдѣлано было прежде безъ должной внимательности къ *правдѣ* и къ *полнотѣ* сопоставленія событій».

Срав. *Православное Обозрѣніе*. 1867, томъ 133.

107. **Пріѣздъ славянъ въ Россію.**

„С.-Петербургскія Вѣдомости" 1867, № 96.

108. **Письмо изъ С.-Петербурга о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ славянъ.**

„Москва" 1867, № 69.

109. **Іерусалимъ, Римъ и Парижъ.**

„Москва", 1867, № 187.

110. **Подметное письмо о кн. А. Д. Меньшиковѣ (Сообщ.).**

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 1—3.

111. **Доклады имп. Елизаветѣ Петровнѣ презид. Академіи Наукъ гр. К. Г. Разумовскаго (Сообщ.).**

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. I, отд. V, стр. 4—6.

112. **Докладъ Святѣйшаго Синода имп. Елизаветѣ Петровнѣ о книгахъ, противныхъ вѣрѣ и нравственности (Сообщ.).**

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. I, отд. V, стр. 7—8.

113. Директоръ Академіи Наукъ княгиня Е. Р. Дашкова (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 9—53.
114. Бумаги Кс. Домбровскаго (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 49—88
115. По случаю слуха о прибытіи Костюшки въ русскія владѣнія въ 1798 г. (Сообщ).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. 2, отд. V, стр. 40—48.
116. Дѣло о Байбаковѣ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. 2, отд. V, стр. 36.
117. Доклады Коммисіи императрицѣ объ учрежденіи народныхъ училищъ (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. 1, отд. V, стр. 54—56.
118. Письмо проф. Делиля къ А. П. Волынскому (Сообщ.).
Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, кн. 3, отд. V, стр. 1—3.
119. Письмо Тауберта къ Козицкому и прошеніе его къ Императрицѣ о мызѣ и проч. (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1867, кн. 3, отд. V, стр. 4—8.
120. Прошеніе къ Императрицѣ Киріяка Кондратовича (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1867, кн. 3, отд. V, стр. 8—10.
121. О смерти академика Гмелина въ плѣну у одного горскаго кавказскаго владѣтеля. Донесеніе въ академическую коммисію студ. И. Михайлова и рисовальщика Ф. Баура (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1867, кн. 3, отд. V, стр. 11—16.
122. Мнѣніе куратора моск. унив. Шувалова о замѣчаніяхъ коммисіи на проектированный университетскій уставъ (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1867, кн. 3, отд. V, стр. 103—106.
123. Прошеніе къ Императрицѣ Мелисино объ опредѣленіи его на службу (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1867, кн. 3, отд. V, стр. 107—108.
124. Бумаги, относящіяся до Н. И. Новикова (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1867, кн. 4, отд. V, стр. 40—62.
125. Голосъ о необходимости имѣть одинаковые законы въ Прибалтійскихъ губ. съ законами Россійской Имперіи, поданный въ коммисію сочиненія проекта Новаго Уложенія камер-конторы Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ депутатомъ Арт. Шишковымъ (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1867, кн. 4, отд. V, стр. 83—95.

1868.

126. Краткія замѣтки о смутѣ, произведенной Гурьевыми и Хрущевыми въ 1762 г. и о Наталіи Пассековой.
„Осьмнадцатый вѣкъ", т. I, изд. П. Бартенева. Москва, 1868, стр. 49 и 81.
127. Двѣ черногорскія грамоты къ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ (Сообщ.).
„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс." при Моск. Унив., 1868, кн. 1, отд. V, стр. 233—237.

128. Записка Стеф. Стратимировича, правосл. серб. и валах. народа митрополита, въ Угорскомъ королевствѣ сущаго, представленная чрезъ посредство русскаго прот А. А. Самборскаго Императору Александру Павловичу въ 1804 г., объ освобожденіи сербскаго народа вообще (Сообщ.).

„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1868, кн. 1, отд. V., стр. 238—256.

1869.

129. Первые дни Екатеринина царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ В. П. Л.

„Осьмнадцатый вѣкъ", т. IV, изд. П. Бартенева, стр. 207—215. Москва, 1869 г.

130. Собственноручное письмо Императрицы Екатерины II къ гр. П. И. Румянцеву и собственноручная замѣтка Екатерины II о гр. Ланжеронѣ.

„Русскій Архивъ", 1869, № 2, стр. 202—208.

130a. Непорѣшенный вопросъ (И. И. Срезневскому).

„Ж. М. Н. Пр.", 1869, №№ 1, 6, 7 и 9 (январь, іюнь, іюль и сентябрь).
Дата: Венеція, 1868.

I. Объ историческомъ образованіи древняго славянскаго и русскаго языка (№ 1).
II. Болгарское нарѣчіе и письменность въ XVI—XVII вв. (№№ 6 и 7).
III. Болгарская словесность въ XVIII в. (№ 9).

1870.

131. Турецкій царевичъ Джеммъ (чит. въ засѣд. Спб. Слав. Благотв. Ком. 14 февраля 1870 г.).

„Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотв. Общ." по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшихся въ 1868—1883 гг. Спб. 1883 г., стр. 49 (излож. содерж.).

132. Записки Императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ 1848 г. (Сообщ.).

„Русская Старина", 1870, т. I, стр. 553—562.

1870 — 1871.

133. Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ.

„Заря", 1870, № 1, стр. 8—67, № 2, стр. 1—65, № 5, стр. 1—77, № 12, стр. 44—161 и отдѣльной книгой:

Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ.

Изслѣдованіе. Спб., Типогр. Майкова, 1871. IV стр.+1 нен. л.+316 стран. 8°

Содержаніе:

Предисловіе, стр. I—IV.
Опечатки 1 нен. л.
Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ:
I. Исторія средняя и новая 1—60 стр.
II. Господствующее Европейское, преимущественно Нѣмецкое воззрѣніе на Славянъ (стран. 61—125).
III. Критическій разборъ господствующаго Европейскаго, преимущественно Нѣмецкаго воззрѣнія на Славянъ, сравненіе Славянъ съ Неграми, Женщинами, Кельтами, Туранцами. Новѣйшая теорія (Духинскаго) о Туранскомъ происхожденіи Великой Руси. (Стран. 126—316).

1873.

134. Бабольна. Русск. Энциклоп. Словарь, И. Н. Березина, отд. I. Томъ III, Б., вып. I. Спб., 1873, страп. 10.

135. Бабукичь, Вѣкославъ, хорватскій писатель.
Тамъ же, стр. 13.

136. Бабулиповичь Буничь, Михаилъ (Babulina di Roma), югославянскій писатель † 1590.
Тамъ же, страп. 13.

137. Базельскій соборъ.
Тамъ же, страп. 82—89.

138. Балаша-Дьярматъ, городъ въ Венгріи.
Тамъ же, страп. 138.

139. Баллаги, Морицъ, венгерскій оріенталистъ.
Тамъ же, стр. 153.

140. Баллингъ, Карлъ-Іосифъ (1805—1857), чешскій инженеръ.
Тамъ же, страп. 155.

141. Балшичи или, по сербски, Баошичи, сербскій владѣтельный родъ въ Сѣверной Албаніи и Черногоріи.
Тамъ же, страп. 168.

142. Бальбинъ, Богуславъ-Алоизій, чешскій историкъ.
Тамъ же, страп. 169.

143. Банатъ, Темешскій.
Тамъ же, страп. 190—193.

144. Банизіо, Іаковъ (Старшій) и Б. Младшій, знаменитые дипломаты своего времени, оба славянскаго происхожденія и любимцы Императоровъ Максимиліана I и Карла V.
Тамъ же, страп. 202.

145. Бардѣевъ, королевскій вольный городъ въ Венгріи.
Тамъ же, страп. 261.

146. Баттара, Антоній Людовикъ, типографщикъ въ Далмаціи.
Тамъ же, страп. 228.

147. Что такое славянофилы?
„Чтеніе въ Засѣданіи Спб. Отд. Слав. Благ. Комитета.
См. первыя 15 лѣтъ. Спб. Слав. Общества. Спб. 1883.

148. Записка кн. Меттерниха о состояніи умовъ въ Европѣ и объ обязанностяхъ правительствъ.
„Русская Старина“ 1873, т. VIII, стр. 783—799.

149. О жизни и дѣятельности М. О. Бодянскаго, А. Н. Попова и Ѳ. В. Чижова.
Чтенія въ Засѣданіяхъ Спб. Отдѣла Слав. Благ. Комитета въ 1873.
См. Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Общества. Спб. 1883.

1874.

150. Отзывъ о трудѣ Р. Ѳ. Брандта „Османъ“, поэма Гундулича. Сочиненіе па тему, предложенную Историко-Филологическимъ Факультетомъ.
Протоколы засѣданій Совѣта И. Спб. Унив. за первую половину 1874—1875 г., съ Прилож. № 11. Спб. 1875, стр. 108—111.

151. Польскій вельможа XV в. Янъ Остророгъ.
Чтеніе въ Спб. отдѣленіи Слав. Благ. Общества 27 января 1874 г.
См. Голосъ, 1874 № 44 и 60. (Протоколъ Слав. Общества. Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Бкаг. Общества Спб. 1883.

152. Андрей Фричъ Модржевскій.
Чтеніе въ Спб. Отдѣл. Слав. Благ. Общества 14-го февраля 3 и 17 марта.
Голосъ, 1874 №№ 81 и 96 (Протоколъ Слав. Общества). См. Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общества. Спб. 1883, стр. 259—266.

1875.

153. Рецензія на книги А. А. Котляревскаго: „Книга о древностяхъ и исторіи поморск. Славянъ въ XII в.“ и «Древности права балтійскихъ Славянъ“.
„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1875 г., янв., стр. 204—247.

154. Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ. Историко-литературные и культурные очерки. Предисловіе. Введеніе. I—XII, (Памяти Ѳ. И. Тютчева).
„Славянскій Сборникъ“, подъ ред. Н. Страхова, Т. I, Спб. 1875. Изданіе Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, стр. 413—584.

155. Записочки Екатерины II къ князю Потемкину (сообщены В. И. Ламанскимъ).
„Русскій Архивъ“ 1875 г., № 10, стр. 253—254.

156. Отзывъ о сочиненіи Ст. Пташицкаго на тему: „Представить литературный и филологическій разборъ сочиненіи польскаго поэта XVI в. Николая Рея изъ Нагловицъ“.
Протоколы засѣд. Совѣта Имп. Спб. Унив. за первую полов. 1875—1876. Спб. 1876, стран. 102—104.

157. Отзывъ о сочиненіи К. Грота: „Представить разборъ свидѣтельствъ К. Багрянороднаго (De administrando Imperio) о южныхъ славянахъ, критически провѣривъ важнѣйшіе комментаріи къ нимъ Лучича, Бандурія, Микоци, Шафарика, Дюммлера и Рачкаго“.
Тамъ же, стр. 104—105.

158. Отзывъ о сочиненіи Т. Флоринскаго на ту же тему: „Представить разборъ свидѣтельствъ Константина Порфиророднаго о южныхъ славянахъ“ и т. д.
Тамъ же, стр. 105—107.

1876.

159. Россія уже тѣмъ полезна Славянамъ, что она существуетъ.
Сборникъ „Братская Помочь“, Спб., 1876, стран. 10—34.
Отзывъ: Вѣстникъ Европы, 1878, май, стран. 283—316 (статья А. Н. Пыпина за подписью А. В-нъ).

160. Русское общественное и народное движеніе въ пользу славянъ.
„Новое время“, 1876 г., № 294, 298.

160. Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ писатель и общественный дѣятель (чит. въ засѣд. Слав. Благотвор. Комит. 28 марта 1876 г.).
„Въ память Ю. Ѳ. Самарина“. Спб. 1876 г. и „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 370—371 (сокращ. пересказъ).

161. Развитіе у насъ западническихъ воззрѣній въ XIX столѣтіи.

„Чтеніе въ годовомъ собраніи Спб. Отдѣл. Слав. Комитета въ 1876 г.“ См. «Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общ.“. Спб. 1883.

162. Српске Народне пjесме (Спб. 1876). 8°.

Имп. Публ. Библ.

1877.

163. Рѣчь въ торжественномъ собр. Спб. Слав. Благотворительнаго Общества 11 мая 1877 г., (О дѣятельности Петербургскаго Отдѣла Слав. Благ. Общества въ первыя 8 лѣтъ его существованія).

„Протоколъ торж. общаго собранія Спб. Слав. Общ. 11 мая 1877 г.“, стр. 26—41. „Первыя 15 лѣтъ существованія. Спб. Слав. Благотв. Общества“. Спб. 1883, стр. 450—458.

164. Записка объ ученыхъ трудахъ заслуженнаго ординарнаго профессора и декана Историко-филологическаго факультета И. И. Срезневскаго.

„Протоколы засѣданій Совѣта И. Спб. Унив. за вторую полов. 1876—1877 съ Прилож.“ № 16. Спб. 1878, стран. 56—57.

165. Отзывъ о сочиненіи В. Регеля: „Жизнь Козьмы Пражскаго и его Хроника“.

„Протоколы засѣд. Совѣта Им. Спб. Унив. за первую полов. 1877—1878“. № 17. Спб. 1878. Стран. 75—76.

166. Отзывъ о сочиненіи студента Петра Колева, „Козьма Пражскій и его Хроника“.

Тамъ же, стран. 76.

167. Отзывъ о сочиненіи М. Соколова: «Разобрать критически, съ приложеніемъ перевода на русскій яз. извѣстій о крещеніи Болгаръ и изложить отношенія Болгаріи при Борисѣ къ Риму и Цареграду».

Тамъ же, стран. 77—79.

1878.

168. Критическая статья о сочиненіи В. И. Срезневскаго: Древнославянскій переводъ Псалтыри. С.-Петербургъ, 1877 г.

„Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.“ 1878 г., сентябрь, стр. 180—205.

169. Бумаги Екатерины II (Сообщено съ подлинниковъ В. И. Ламанскимъ).

„Русскій Архивъ“ 1878 г., тетр. 7, стр. 279—282.

170. Два русскихъ мнѣнія о присоединеніи Босніи къ Австро-Венгріи. (А. А. Майкова и И. С. Ястребова).

„Новое Время“ 1878 г., № 893.

171. Историческая миссія Австро-Венгріи.

„Новое Время“, 1878 г., № 907.

172. Нѣсколько замѣчаній члена бывшей комиссіи по сбору пожертвованій въ пользу страждущихъ семействъ славянъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи В. И. Ламанскаго на §§ доклада ревизіонной комиссіи Спб. Слав. Благотв. Общества.

Приложеніе лит. А. къ докладу ревизіонной комиссіи общему собранію Спб. Слав. Благотв. Общ. и объясненіямъ бывшей комиссіи по сбору пожертвованій на этотъ докладъ ревиз. комиссіи. Приложеніе къ протоколу засѣд. Слав. Благотв. Общ. 29 окт. 1878 г. „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 503—508.

1879.

173. Еще племянникъ и санскритологъ (акад. Бетлингъ и Ротъ).

„Новое Время", 1879 г., № 1140.

174. Отзывъ о сочиненіи Ѳ. Истомина: „О складѣ народныхъ славянскихъ пѣсенъ".

„Протоколы засѣд. Совѣта Императорскаго Спб. Унив." за первую полов. 1879—1880 г. № 21. Спб. 1880. стр. 153—154.

175. Отзывъ о сочиненіи Алексѣя Петрова: „Достовѣрность извѣстій Гербордова житія Оттона Бамбергскаго".

Тамъ же, стр. 154.

176. Отзывъ о сочиненіи Николая Анненскаго: „Языкъ Галицкой Руси на основаніи пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, собр. Я. Ѳ. Головацкимъ".

Тамъ же, стр. 154—155.

177. Евреи и нѣмцы въ Привислянскомъ краѣ.

„Русскій Вѣстникъ", 1879 г., № 3, стр. 371—421.

1879—1880.

178. Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка.

Ж. М. Н. П., 1879; январь, 131—160; февраль, 311—366; мартъ, 118—159; апрѣль, 247—276; августъ, 1—33; 1880, іюнь, 312—353.

179. Лекціи проф. В. И. Ламанскаго по славянскимъ нарѣчіямъ въ Имп. Спб. Университетѣ (въ 1879—1880 акад. году) составлены Владимірскимъ. Спб. Литографія Альвардта, Петерб. ст., Б. пр., д. № 77. Стр. 24+76. 8°.

Содержаніе: О сербскомъ нарѣчіи, стр. 1. Удареніе и долгота въ Серб. яз., стр. 3. Историческій обзоръ звуковъ и формъ Сербск. языка, стр. 13. Кашубское нарѣчіе, стр. 23. Замѣтки по Чешскому яз., стр. 1. Польское нарѣчіе, стр. 33. Словацкое нарѣчіе, стр. 71.

1880.

180. Некрологъ И. И. Срезневскаго.

„Новое Время", 1880 г., № 1421.

181. Могущество Турокъ-Османовъ въ Европѣ (1396—1739). Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Спб. Унив. 8 февраля 1880 г. ординарнымъ профессоромъ В. И. Ламанскимъ.

„Протоколы Засѣд. Совѣта И. Спб. Универс." за первую полов. 1879—1880. Стр. 131—153. „Историческ. Вѣстникъ", 1880, № 3, стр. 1—23.

Эта торжественная рѣчь два года спустя появилась въ переводѣ на словацкій языкъ:

Lamansky Vlad. Moc Turkov-Osmanov v Europe. Slov. Pohlady, II, 1882, stran. 1—16.

182. Открытое письмо ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Ламанскаго къ адъюнкту астрономіи въ Пулковской Обсерваторіи г. Баклунду.

„Новое Время", 1880, ноябр. 23, № 1703.

(По поводу забаллотировки нѣмецкимъ большинствомъ Имп. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ Д. И Менделѣева въ ординарные академики).

183. Открытое письмо ординарнаго профессора Императорскаго Спб. Университета Ламанскаго къ директору Пулковской Обсерваторіи, ординарному академику О. В. Струве.

(Тамъ же).

184. Записка объ ученыхъ трудахъ Игнатія Викентьевича Ягича.

„Протоколы Засѣд. Совѣта И. Спб. Унив. за втор. полов. 1879—1880. № 22. Спб. 1881. Стр. 67—72.

1880—1881.

185. Лекціи по Славянскимъ нарѣчіямъ, читанныя профессоромъ С.-Петербургскаго Университета В. И. Ламанскимъ за 1880—81 акад. годъ. Корректоръ Платоновъ. Литографія Гробовой, Петерб. стор. Бол. пр. № 23. 233 стр. 8°.

Содержаніе: Введеніе, стр. 3—4. Краткій обзоръ успѣховъ славистики стр. 4—21. Понятіе о греко-славянскомъ мірѣ, стр. 21—62 Классификація славянскихъ нарѣчій, стр. 62. Особенности болгарскаго нарѣчія, стр. 67—86. Этнографическія свѣдѣнія о болгарской народности, стр. 87. Болгарская народная поэзія, стр. 91. Особенности сербскаго нарѣчія, стр. 134. Сербская народная поэзія, стр. 157. Сербскія народныя празднества, стр. 165. Хорваты, стр. 196. Особенности Чакавщины и о Штокавско-Чаковскомъ удареніи, стр. 198. Извѣстія Византійцевъ о поселеніи Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Начало исторіи Славянъ до паденія Болгарскаго (славянскаго) царства, стр. 202. Словинцы, стр. 221. Образецъ ихъ нарѣчія, стр. 229.

1881.

186. Исторія славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (Рецензія).

„Русь", 1880 г., №№ 1, 3, 5, 7 и 1881 г., № 8.

1881—1882.

187. Обозрѣніе народностей и нарѣчій Славянскихъ. Лекціи, читанныя Вл. Ив. Ламанскимъ въ семестръ 1881—1882 года. Издалъ М. Крыжановскій. Спб. Литографія Гробовой. Пет. ст., Б. пр., д. № 23. 1 нен. л.+314+(31—317). 8°.

188. О новыхъ русскихъ трудахъ по исторіи Западнаго Славянства.

„Русь", 1882, №№ 24, 26 и 28.

189. L'assassinat politique à Venise du XV au XVIII siècle. Revue historique, 1882 г., septembre—octobre, pp. 105—120.

Перечень,—всего 91 №№,—политическихъ убійствъ, съ 3 іюля 1415 по 26 сентября 1768 г.

1882—1883.

190. Польша временъ Ягеллоновскихъ (1386—1572).

Курсъ лекцій, читанныхъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Спб. Университета В. И Ламанскимъ студентамъ славяно-русскаго и историческаго отдѣленія факультета въ теченіе академическаго 1882/3 года. Изданіе студента 3 курса *М. Крыжановскаго*, литографія Гробовой, Спб., Петербургская сторона. Стран. 342. 4°.

191. **Воспоминанія Ѳ. В. Чижова съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго.**

„Историческій Вѣстникъ“, 1883 г., № 2, стр. 241—262.

192. **Отвѣтное слово В. И. Ламанскаго на привѣтствіе бывшихъ учениковъ, подарившихъ свой Сборникъ статей по славяновѣдѣнію.**

„Новое Время“, 1883, мая 12, № 2586.

193. **„Государственныя тайны Венеціи“ Les Secrets d'Etat de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XVI siècle avec les grecs, les Slaves, les Turcs и т. д. (Томъ изъ 65 листовъ убористой печати).**

„Русь“, 1883, № 22, ноября 15, стр. 23—41.

Внизу подстрочное примѣчаніе В. И. Ламанскаго: «Предлагаемая статья есть предисловіе къ имѣющему выйти въ свѣтъ «на дняхъ» новому труду» и т. д.

1883—1884.

194. **Исторія новой Польской литературы (Мицкевичъ, Юл. Словацкій и Сигизм. Красинскій).**

Лекціи заслуженнаго профессора Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета *В. И. Ламанскаго*. Академ. 1883/4 г. Составитель *П. Драгановъ*. (Спб.), Литографія Гробовой, Петерб. сторона, Больш. просп., д. № 23. Стр. 329+7 въ б. 8-ку.

195. **Исторія Чехіи, Польши и Венгріи до XIV вѣка.**

Лекціи заслуженнаго профессора Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета В. И. Ламанскаго. Академ. 1883/4 годъ. Составитель *П. Драгановъ*. (Спб.). литографія Гробовой, Петербургская стор., Больш. пр., д. № 23 Стр. 464+8 въ б. 8-ку.

1884.

196. **Le Panslavisme par Vladimir Lamansky.**

Revue International, édition de prof. comte Angelo de Gubernatis. Florence, 1884, Mars, Tome I, 851—866.

Статья эта представляетъ перепечатку второй части Предисловія (Préface) В. И. Ламанскаго къ его труду: «Secrets d'Etat de Venise St.-Pét. 1884». Заглавіе его дано не В. И. Ламанскимъ, а профессоромъ А. де-Губернатисомъ.

197. **Secrets d'Etat de Venise. Documents extraits notices et études servant à eclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane** á la fin du XV-e au XVI-e sieglè par **Vladimir Lamansky**, professeur de l'Université à St.-Pétersbourg. Эпиграфъ: „Alles was unsern Geist befreit, ohne uns die Herrschaft über uns selbst zu geben, ist verderblich.—Wo ich aufhören muss sittlich zu sein, habe ich keine Gewalt mehr“ (**Goethe**).

Saint-Pétersbourg. 1884. 2 нен. стран. + 1 нен. листъ + XXXVI + XXXII + 834 + 96 + 64. 8°.

На 2-й ненум. страницѣ: Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Имп. Спб. Университета 28 ноября 1883 г. За Декана: заслуж. орд. проф. В. Бауеръ. Imprèmerie de l'Académie Imperriale des Sciences. (Vass. Ostr., 9 ligne, № 12).

На 1-мъ ненум. листѣ единственныя русскія слова во всей книгѣ: «Трудъ мой посвящаю добрымъ пріятелямъ и милымъ друзьямъ: Ѳ. Ѳ. Зигелю, А. Г. Семеновичу, А. С. Будиловичу, Ю. С. Анненкову, Ѳ. И. Успенскому, Г. А. Воскресенскому, Р. Ѳ. Брандту, В. Н. Малинину, К. Я. Гроту, И. И. Соколову, Т. Д. Флоринскому, С. Л.

Пташицкому, М. И. Соколову, П. А. Сырку, И. Ф. Анненскому, В. Ѳ. Регелю, И. С. Пальмову, Ѳ. М. Истомину, Г. М. Князеву, В. А. Кракау, А. А. Петрову».

Содержаніе: Préface, стр. I—XXXVI. Table des Matiéres. Premiére serie, стр. I—XII (1415. 3 jul.—1768. 26 sept.), стр. I—XII и 1—154. Deuxiéme serie (Notes, additions et éclaircis sements) стр. XII—XIV и 154—544. Troisiéme serie (Les Grecs et les Slavès, sujets de Venise. Les Turcs, ennemis et alliés de la République), стр. XIV—XXXII и 545—830. Errata dans la Préface et dans la Table des matiéres ib.—Addenda et Corrigenda стр. 831—834.—Documents relatifs au abus l'administration dans les îles du Levant et en Dalmatie, стр. 1—014. Documents relatifs a l'état des parics dans les îles de Chypre et de Candie au XVI-e siégle, стр. 014—034. Memoire, présenté au gouvernement Vénetien par les Nobles de l'île de Candie sur l'importance et la nécessité du servage (Parichia), ainsi que sur les deux sortes de parics de Candie, стр. 034—61. Lecta fuit supplicatio infrascripta etc. supplicia stratiotarum Serenissimo Principi ac Excellentissimis Dominis, стр. 062—96. Index des noms de personnes et de lieux, стр. 1—60.—Les années du decés les Doges, etc. стр. 61—62. Errata стр. 63—64. Цѣна 8 руб.

Критическая оцѣнка этой книги: Бауеръ, В. Новый трудъ В. И. Ламанскаго. «Новое Время», 1883 декабря 28 № 2813. Истоминъ, Ѳ. М. Новый ученый трудъ В. И. Ламанскаго. «Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общества», 1884 № 1 и 2, стр. 26—27. Будиловичъ, А. С. Новыя данныя для исторіи Восточнаго вопроса. Ж. М. Н. П. 1885 № 2, стр. 316—348, № 4 стр. 285—299. № 5 стр. 147—160 и № 6 стр. 238—280. The Edinburgh Review, 1887. № 339 july pp. 35—63. Срв. *Шахматовъ А. А.* Записка объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго (Спб. 1899). См. еще ниже въ отд. «Отзывы о главныхъ трудахъ В. И. Ламанскаго».

198. **Отзывъ о сочиненіи студ. IV курса М. Крыжановскаго на тему:**

„Разобрать лѣтопись Яна Чарнковскаго и представить по ней внутреннее состояніе Польши, провѣривъ и дополнивъ ее другими современными извѣстіями".

Протоколы Засѣд. Совѣта Имп. Спб. Унив. за вторую полов. 1883—1884. № 30. Спб. 1884 стран. 123.

199. **Западно-славянскіе вопросы занимательны для насъ и въ мирное время. I—III. Рѣчь въ торжественн. собраніи Спб. Слав. Благ. Общества.**

„Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общества" 1884. № 3, стр. 6—13 (перепечатка изъ „Новаго Времени").

200. **О томъ, что будто нѣмецкой культуры нѣтъ, никогда не бывало и быть не можетъ.**

„Извѣст. Спб. Слав. Благ. Общ.", 1884, № 4, стр. 6—18.

201. **Замѣчанія на статью г. Шумавана (о Чехахъ, какъ передовомъ постѣ «единой» европейской культуры въ сторону «темной» Россіи).**

„Извѣст. Спб. Слав. Благ. Общ.", 1884, № 5, стр. 16—19.
(Шуманавъ—псевдонимъ проф. Ржабека).

202. **О русскихъ плѣнницахъ и рабыняхъ на невольничьихъ рынкахъ Малой Азіи, Египта, Сѣверной Африки и Испаніи и Франціи. Сообщеніе VI Археологическому Съѣзду въ Одессѣ (1884).**

203. **Чего намъ особенно желать и что намъ нужно дѣлать въ Западно-Славянскихъ земляхъ.**

Рѣчь, произнесенная въ Общемъ Собраніи Спб. Слав. Благ. Общества 15 ноября 1884 г.

„Извѣст. Спб. Славянск. Благотв. Общ.", 1884, № 12, стр. 4—18 и отдѣльно. Спб. 16°.

1885.

204. **Докладъ Общему Собранію Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества 20 января 1885 г. по объявленію Совѣтомъ этого Общества нижеслѣдующей (данной В. И. Ламанскимъ) темы въ Торжественномъ Собраніи, имѣющемъ быть 6-го апрѣля с. г. въ память тысячелѣтія со времени блаженной кончины Св. Меѳодія и конкурса на соисканіе преміи въ 2.000 рублей за лучшее сочиненіе объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ:**

«Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго и испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ, у поляковъ—польскаго въ Западной Руси, у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить по возможности со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ, лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя, появившіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предыдущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ—древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ».

„Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.", 1885, стр. 332—333.

205. **Отвѣтъ на письмо г. Драгоманова (въ Спб. Славянское Благотворительное Общество).**

„Извѣст. Спб. Слав. Благ. Общ. 1885, № 2, стр. 80—83.

206. **Кирилло-Меѳодіевская идея (Европа Кирилла и Меѳодія). Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Спб. Слав. Благ. Общества въ день тысячелѣтія блаженной кончины Св. Меѳодія, первоучителя Славянскаго.**

„Новое Время", 1885, апрѣля 13, № 3276. „Извѣстія Спб. Слав. Благ Общ.", 1885, апр., стр. 208—212.

207. **Словарь шести Славянскихъ языковъ.**

Ж. М. Н. П. за 1885, № 12, стр. 239—250.

Рецензія книги: „Краткій словарь шести славянскихъ языковъ (русскаго съ церк.-славянскимъ, болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго), а также французскій и нѣмецкій, по порученію Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, составленный подъ редакціею проф. Ф. Миклошича. С.-Петербургъ, Москва и Вѣна. М. Вольфъ и Браумиллеръ. 1885. Составители: Ф. Миклошичъ, В. Никольскій, Ст. Новаковичъ, А. Маценауеръ и А. Брикнеръ.

1886.

208. **Памяти И. С. Аксакова.**

„Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общества", 1886, № 2, стр. 54—55.

209. **Памяти П. А. Лавровскаго. (†28 февраля 1886 г.).**

„Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.", 1886, № 4—5, стр. 232—234.

210. **О положеніи болгарскихъ и славянскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія историка и слависта.** Рѣчь въ торж. собр. Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 23 ноября 1886 г., подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново.

„Извѣст. Спб. Слав. Благ. Общ.“.- 1886, № 12, стр. 556—564 (перепечатано изъ „Нов. Врем.“) и отдѣльно. Спб. 1887, 16°.

Переводы этой рѣчи 1) на французскій яз., Люиса Мильвуа. Объ этомъ см. „Нов. Вр.“ 1886 въ № 3882 (отъ 18 декабря); 2) на хорватскій яз. въ газетѣ Hrvatska, 1886. №№ 1, 2, 3 и 4 декабря. Переводъ почти полный, за исключеніемъ мѣстъ объ Австро-Венгріи. Отзывы и разборъ рѣчи: 1) въ чешскихъ газетахъ: Politik въ № отъ 2 декабря стр. 45—46. Живный. Извѣстія Спб. Слав. Общ. 1887, № 2, стр. 112. (Parlamentär); б) въ болгарскихъ газетахъ: Смѣсена Китка, органъ Славейкова 1886. Стояновъ, З. Русскіе славянофилы и болгарскій кризисъ „Свобода“, 1887. (Статья ругательная). Перепечатка въ „Изв. Спб. Слав. Общ.“, 1887, № 1, стр. 451. Кисимовъ, П. Политически писма. Букарестъ, 1886, стр. 63.

1887.

211. **Обозрѣніе Славянскихъ нарѣчій.** Спб. 1887 г. (Литографія).

Въ Имп. Публ. Библ. 18. 208. 5. 58.

212. **Тема на премію А. Ѳ. Гильфердинга въ 1.000 руб. по изученію Македоніи въ этнографическомъ, діалектологическомъ, историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ:**

„Представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, при чемъ особенно остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить на основаніи источниковъ историческія судьбы Македоніи съ VI по XV в.; приложить Указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ Византіи и Славянской старины въ указанное время“ (Спб. 1887 въ л.).

213. **Отзывъ о рукописныхъ матеріалахъ по этнографіи и діалектологіи Македоніи, собранныхъ П. Д. Драгановымъ.**

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1887. Спб. 1888, стр. 40—41.

214. **Восточный, Славянскій вопросъ.**

„Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.“, 1887, № 9, стр. 433—440.

215. **Примѣчаніе редакціи на статью проф. П. Сречковича: «Замѣчаніе на статью проф. Дринова о Дебрскомъ говорѣ».**

„Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.“ 1887, № 9, стран. 440.

216. **Объ общеславянскомъ значеніи Русскаго литературнаго языка.**

Тамъ же, стран. 451—454.

217. **Погледъ на политику Србије после Берлинског уговора** у Београду 1887. (Рецензія).

Тамъ же, стран. 466—472.

218. **Русскій языкъ вмѣсто Нѣмецкаго, Славянское богослуженіе вмѣсто Латинскаго.**

Тамъ же. № 10, стран. 479—483.

219. Примѣчаніе редакціи къ статьямъ: «Письма о Словѣнцахъ».
Тамъ же. № 10, стр. 488—489.

220. Отвѣтъ чешскаго «Выхода» польскому «Краю» (подъ псевд. Пеховскаго) [1]).
Тамъ же, № 10, стр. 503—504.

221. Торговля европейскихъ странъ съ Сербіею и значеніе Солунской жел. дороги (подпис. Пеховскій).
Тамъ же, № 10, стр. 505—506.

222. Посланіе папскаго нунція Галимберти въ Вѣнѣ о Славянскомъ богослуженіи въ Австро-Венгріи (подпис. П—ій).
Тамъ же, № 10, стр. 509—518.

223. О современномъ положеніи Болгаріи.
Тамъ же, № 10 стран. 511—516.

224. Чистосердечное признаніе «Діла» о положеніи Русскаго народа въ Австріи (подпис. Пеховскій).
Тамъ же, 1887, № 10, стр. 517.

225. Новооткрытое стихотвореніе В. А. Жуковскаго. «Солнце и Борей».
Тамъ же, 1887, № 10, стран. 520.

226. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (Некрологъ).
Тамъ же, 1887, № 10, стран. 520—521.

227. Отъ Редакціи. (Обращеніе къ читателямъ и подписчикамъ о посильномъ улучшеніи Журнала).
Тамъ же, 1887, № 10, стран. 525.

228. Объявленіе о подпискѣ на «Извѣстія Спб. Слав. Благотворительнаго Общества» въ 1888 году.
Тамъ же, № 10, стран. 526.

229. Славянскій, Западный вопросъ. (По поводу письма проф. Сречковича).
Тамъ же, 1887, № 11—12, стран. 530—539.

230. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ: «Изъ Босніи».
Тамъ же, № 11—12. стран. 576.

231. Примѣчаніе къ статьѣ: «О нѣкоторыхъ податяхъ и повинностяхъ въ Босніи подъ Австрійскимъ управленіемъ»: 1) О наложеніи и взиманіи десятины. 2) О наложеніи третины и взиманіи ея. 3) Общественныя постройки.
Тамъ же, № 11—12, стр. 592.

232. Отъ редакціи къ статьѣ: Пастырское посланіе досточтимому духовенству всей Горицкой митрополіи поклонъ и благословеніе Господа и Спаса нашего І. Христа, въ Горицѣ, ноября 26 дня 1887 г.
Тамъ же, 1887 г., № 11—12, стр. 602.
Подъ этимъ Посланіемъ подписи: Алоизій, князь-архіерей Горицкій и митрополитъ, Іоаннъ Непомукъ, еп. Тріестско-Коперскій, Франнъ Аніанъ, еп. Крскій, Іаковъ, кн.-еп. Люблянскій и Іоаннъ Креститель, еп. Порѣчко-Пульскій.

---

[1]) Псевдонимъ Пеховскій или П—ій въ „Изв. Слав. Благ. Общ." принадлежитъ В. И. Ламанскому. „Пехово" была часть города Боровичей, гдѣ у В. И. было два домика съ садомъ и огородомъ и гдѣ онъ тогда живалъ лѣтомъ. *Ред.*

1888.

233. Предложеніе Совѣта Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества объ избраніи въ почетные члены кн. Николая Черногорскаго и еп. Іосифа Штроссмайера, по случаю 300-лѣтняго юбилея славнаго пѣвца свободнаго Дубровника, поэта Гундулича.
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 2.

234. Отъ редакціи къ статьѣ Ю. П. Кузнецова: Экономическій и семейно-бытовой переломъ въ крестьянствѣ Царства Польскаго.
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 10—11.

235. Объ изученіи Русскаго языка въ общей Австро-Венгерской арміи (Изъ «Pesther Lloyd»).
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 19—23.

236. Примѣчанія къ статьѣ «Хорваты».
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 23.

237. Примѣчанія редакціи къ статьямъ Эдуарда Лойко: «Польскія письма».
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 39—40, № 3, стран. 148—151, № 6—7, стран. 296—297 и №№ 11—12, стран. 591—592.

238. Отъ редакціи по поводу полученнаго изъ Варшавы подметнаго письма.
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 48.

239. Милославъ Гурбанъ (Некрологъ).
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 52.

240. Отъ редакціи къ статьѣ: Рѣчь члена австрійскаго парламента Думрейхера о среднемъ сословіи.
Тамъ же, 1888 г., № 2, стран. 67.

241. Славянскія мечты о славянской Австріи (II—аго).
Тамъ же, № 2, стр. 100.

242. Русскій языкъ, русская литература и воспоминанія о русскихъ у Мадьяръ (II—аго).
Тамъ же, № 2. стр. 100—101.

243. Любопытный отзывъ католическаго духовнаго словѣнскаго журнала «Соча» о Славянствѣ.
Тамъ же, 1888 г., № 2, стран. 101—104.

244. Примѣчаніе къ статьѣ: «Славяне въ Константинополѣ».
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 140.

245. Отъ редакціи къ статьѣ Босняка: Что такое Австрійцы для Босняковъ, православныхъ и частью магометанъ?
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 154.

246. Примѣчанія къ статьѣ: «Любопытный отзывъ польскаго критика гр. Тарновскаго о Пушкинѣ».
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 171 и 173.

247. Отъ редакціи по поводу статей въ чешскихъ журналахъ преимущественно правительственной партіи и статей Ив. Лебеды «За Чеховъ» и (Кр. Геруца) «За Словѣнцевъ».
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 176—181.

248. Примѣчанія редактора къ статьѣ А. В. Васильева: Противъ редакціи «Извѣстій».
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 192—193.

249. **Примѣчанія къ статьѣ Славянофила**: «Надо ли жертвовать Чехами въ пользу германизма?» (По поводу статей проф. Ламанскаго и чешской газеты «Politik»).
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 194—196.

250. **Примѣчанія редакціи къ статьѣ: «Безконечныя обвиненія въ измѣнѣ».**
Тамъ же. 1888 г.. № 4—5. стран. 197—199.

251. **Открытый отвѣтъ генералу Кирѣеву** (на открытое письмо къ профессору Ламанскому А. Кирѣева). I—XVII.
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 203—235.

252. **Примѣчанія редакціи къ статьѣ Іосифа Голечка «Чехъ въ Россіи».**
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 235—239.

253. **Мнѣніе императора Фридриха III о будущемъ Славянства.**
Тамъ же. 1888 г., № 4—5, стран. 243.

254. **Примѣчанія къ статьѣ: «Французскія школы въ Константинополѣ»** (Изъ ж. «La Terre Sainte»).
Тамъ же, 1888 г. № 4—5, стран. 248.

255. **Примѣчаніе къ рѣчи М. О. Кояловича, посланной въ Кіевъ къ 900-лѣтію Крещенія Руси.**
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 283.

256. **Примѣчаніе къ статьѣ г. Шапкарева** (объ этнографическомъ составѣ Македоніи).
Тамъ же. 1888 г., № 6—7, стран. 308.

257. **Примѣчаніе къ статьѣ В. Добрусскаго**: Нѣсколько свѣдѣній объ отуреченіи Родопскихъ Болгаръ.
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 332.

258. **Примѣчаніе къ статьѣ П. Занкова «О нѣмцахъ въ Россіи».**
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 348.

259. **Призваніе Австріи съ прусской точки зрѣнія 30 лѣтъ назадъ.**
Тамъ же, № 6—7, стр. 349—351.

260. **Примѣчаніе къ статьѣ.** «Прошеніе русскихъ выборныхъ людей въ Вѣнѣ о сохраненіи правъ русскаго народа относительно его языка, представленное Государственному Министру 30 сент. 1861».
Тамъ же. 1888 г., № 6—7. стран. 351—352.

261. **Очерки Венгріи** (Памяти Людевита Штура). Отрывокъ.
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 361—396.

262. **Примѣчанія къ статьѣ Симонсфельда**: «Историческій очеркъ нѣмецкой колонизаціи (на Балканскомъ полуостровѣ и въ другихъ странахъ). (Die Deutschen als Colonisatoren in de Geschichte).
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 396—399, № 8, стран. 441—443, № 10, стран. 558—559.

263. **Примѣчаніе къ статьѣ Словѣнца изъ Штиріи. Р (авникарю?)**: „О литературномъ единствѣ народовъ Славянскаго племени".
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 413.

264. **Примѣчанія къ статьѣ.** „Черты Чешской общественности" (по газетѣ «Čas»).
Тамъ же, 1888 г., № 8, стран. 436—437 и 440—441.

265. Благой совѣтъ проф. Лескина южнымъ Славянамъ о Русскомъ языкѣ (изъ газеты „Parlamentär“).
Тамъ же, 1888 г., № 8, стран. 448.

266. Народонаселеніе Болгаріи и В. Румеліи и виды на нѣмецкую въ нихъ колонизацію (II—аго).
Тамъ же, № 8, стр. 448—450.

267. Отъ редакціи (О рѣшительныхъ мѣрахъ противъ неисправнаго выхода книжекъ).
Тамъ же, 1888 г., № 8, стран. 476.

268. Кіевское привѣтствіе епископа Штроссмайера (по случаю 900-лѣтія Крещенія Руси).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 480—492.

269. Примѣчаніе къ статьѣ Фр. Подгорника „Общеславянскій языкъ“ (по поводу чешской академіи, и мнѣнія объ этомъ издателя Журнала исторіи и политики фонъ-Цвидинека-Зюденгорста).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 496.

270. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ: «Морава и Славянство» (Изъ газеты «Кромѣрж. Новин»).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 497.

271. Къ исторіи партій въ Болгаріи (Послѣдній отзывъ Каравеловскаго органа о Радославовѣ).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 510—512.

272. Примѣчаніе редактора къ статьѣ Н. Бобчева, «Периодическо Списание на Болгарското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ». 1887».
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 520.

273. Примѣчаніе редакціи къ Письму польскаго священника епископу Штроссмайеру.
Тамъ же, 1888 г., № 10, стран. 563—567.

274. Примѣчаніе къ статьѣ: «Письма о Словѣнцахъ».
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 582.

275. Примѣчанія къ письму г-на X. изъ Плоцка.
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 585—588.

276. Примѣчаніе къ письму Будрыса въ «Краѣ» изъ Тыльжи (въ Пруссіи).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 588.

277. Изъ политическаго завѣщанія австрійскаго министра барона Брука (Die Aufgaben Oesterreichs).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 598—600.

278. Примѣчанія редактора къ статьѣ Я. Червинки: По Чешскому вопросу (по поводу статей профессора В. И. Ламанскаго).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 604, 609—612.

279. Примѣчанія къ статьѣ: «Грегръ противъ Ламанскаго». Изъ «Kroměřižske Noviny», переводъ въ «Parlamentär»).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 630—632.

280. Примѣчанія редактора къ статьѣ чешской газеты «Čas»: Письма редактора «Народныхъ Листовъ» Ю. Грегра къ профессору Ламанскому въ Защиту Западнаго Славянства.
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стр. 635—638.

1885.

204. **Докладъ Общему Собранію Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества 20 января 1885 г. по объявленію Совѣтомъ этого Общества нижеслѣдующей (данной В. И. Ламанскимъ) темы въ Торжественномъ Собраніи, имѣющемъ быть 6-го апрѣля с. г. въ память тысячелѣтія со времени блаженной кончины Св. Меѳодія и конкурса на соисканіе преміи въ 2.000 рублей за лучшее сочиненіе объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ:**

«Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго и испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ, у поляковъ—польскаго въ Западной Руси, у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить по возможности со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ, лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя, появившіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предыдущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ—древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ».

„Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.", 1885, стр. 332—333.

205. **Отвѣтъ на письмо г. Драгоманова (въ Спб. Славянское Благотворительное Общество).**

„Извѣст. Спб. Слав. Благ. Общ. 1885, № 2, стр. 80—83.

206. **Кирилло-Меѳодіевская идея (Европа Кирилла и Меѳодія). Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Спб. Слав. Благ. Общества въ день тысячелѣтія блаженной кончины Св. Меѳодія, первоучителя Славянскаго.**

„Новое Время", 1885, апрѣля 13, № 3276. „Извѣстія Спб. Слав. Благ Общ.", 1885, апр., стр. 208—212.

207. **Словарь шести Славянскихъ языковъ.**

Ж. М. Н. П. за 1885, № 12, стр. 239—250.

Рецензія книги: „Краткій словарь шести славянскихъ языковъ (русскаго съ церк.-славянскимъ, болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго), а также французскій и нѣмецкій, по порученію Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, составленный подъ редакціею проф. Ф. Миклошича. С.-Петербургъ, Москва и Вѣна. М. Вольфъ и Браумиллеръ. 1885. Составители: Ф. Миклошичъ, В. Никольскій, Ст. Новаковичъ, А. Маценауеръ и А. Брикнеръ.

1886.

208. **Памяти И. С. Аксакова.**

„Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общества", 1886, № 2, стр. 54—55.

209. **Памяти П. А. Лавровскаго. (†28 февраля 1886 г.).**

„Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.", 1886, № 4—5, стр. 232—234.

210. **О положенiи болгарскихъ и славянскихъ дѣлъ съ точки зрѣнiя историка и слависта.** Рѣчь въ торж. собр. Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 23 ноября 1886 г., подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново.

„Извѣст. Спб. Слав. Благ. Общ.".- 1886, № 12, стр. 556—564 (перепечатано изъ „Нов. Врем.") и отдѣльно. Спб. 1887, 16°.

Переводы этой рѣчи 1) на французскiй яз., Люиса Мильвуа. Объ этомъ см. „Нов. Вр." 1886 въ № 3882 (отъ 18 декабря); 2) на хорватскiй яз. въ газетѣ Hrvatska, 1886. №№ 1, 2, 3 и 4 декабря. Переводъ почти полный, за исключенiемъ мѣстъ объ Австро-Венгрiи. Отзывы и разборъ рѣчи: 1) въ чешскихъ газетахъ: Politik въ № отъ 2 декабря стр. 45—46. Живный. Извѣстiя Спб. Слав. Общ. 1887, № 2, стр. 112. (Parlamentär); б) въ болгарскихъ газетахъ: Смѣсена Китка, органъ Славейкова 1886. Стояновъ, З. Русскiе славянофилы и болгарскiй кризисъ „Свобода", 1887. (Статья ругательная). Перепечатка въ „Изв. Спб. Слав. Общ.", 1887, № 1, стр. 451. Кисимовъ, П. Политически писма, Бухарестъ, 1886, стр. 63.

1887.

211. **Обозрѣнiе Славянскихъ нарѣчiй.** Спб. 1887 г. (Литографiя).

Въ Имп. Публ. Библ. 18. 208. 5. 58.

212. **Тема на премiю А. Ѳ. Гильфердинга въ 1.000 руб. по изученiю Македонiи въ этнографическомъ, дiалектологическомъ, историческомъ и археологическомъ отношенiяхъ:**

„Представить географическiй и этнографическiй очеркъ современной Македонiи, при чемъ особенно остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенiя; изложить на основанiи источниковъ историческiя судьбы Македонiи съ VI по XV в.; приложить Указатель урочищъ и краткое описанiе сохранившихся въ нынѣшней Македонiи памятниковъ Византiи и Славянской старины въ указанное время" (Спб. 1887 въ л.).

213. **Отзывъ о рукописныхъ матерiалахъ по этнографiи и дiалектологiи Македонiи, собранныхъ П. Д. Драгановымъ.**

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1887. Спб. 1888, стр. 40—41.

214. **Восточный, Славянскiй вопросъ.**

„Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.", 1887, № 9, стр. 433—440.

215. **Примѣчанiе редакцiи на статью проф. П. Сречковича: «Замѣчанiе на статью проф. Дринова о Дебрскомъ говорѣ».**

„Изв. Спб. Слав. Благ. Общ." 1887, № 9, стран. 440.

216. **Объ общеславянскомъ значенiи Русскаго литературнаго языка.**

Тамъ же, стран. 451—454.

217. **Погледъ на политику Србиjе после Берлинског уговора у Београду 1887.** (Рецензiя).

Тамъ же, стран. 466—472.

218. **Русскiй языкъ вмѣсто Нѣмецкаго, Славянское богослуженiе вмѣсто Латинскаго.**

Тамъ же, № 10, стран. 479—483.

219. Примѣчаніе редакціи къ статьямъ: «Письма о Словѣнцахъ».
Тамъ же, № 10, стр. 488—489.

220. Отвѣтъ чешскаго «Выхода» польскому «Краю» (подъ псевд. Пеховскаго) [1]).
Тамъ же, № 10, стр. 503—504.

221. Торговля европейскихъ странъ съ Сербіею и значеніе Солунской жел. дороги (подпис. Пеховскій).
Тамъ же, № 10, стр. 505—506.

222. Посланіе папскаго нунція Галимберти въ Вѣнѣ о Славянскомъ богослуженіи въ Австро-Венгріи (подпис. П—ій).
Тамъ же, № 10, стр. 509—518.

223. О современномъ положеніи Болгаріи.
Тамъ же, № 10 стран. 511—516.

224. Чистосердечное признаніе «Діла» о положеніи Русскаго народа въ Австріи (подпис. Пеховскій).
Тамъ же, 1887, № 10, стр. 517.

225. Новооткрытое стихотвореніе В. А. Жуковскаго. «Солнце и Борей».
Тамъ же, 1887, № 10, стран. 520.

226. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (Некрологъ).
Тамъ же, 1887, № 10, стран. 520—521.

227. Отъ Редакціи. (Обращеніе къ читателямъ и подписчикамъ о посильномъ улучшеніи Журнала).
Тамъ же, 1887, № 10, стран. 525.

228. Объявленіе о подпискѣ на «Извѣстія Спб. Слав. Благотворительнаго Общества» въ 1888 году.
Тамъ же, № 10, стран. 526.

229. Славянскій, Западный вопросъ. (По поводу письма проф. Сречковича).
Тамъ же, 1887, № 11—12, стран. 530—539.

230. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ: «Изъ Босніи».
Тамъ же, № 11—12. стран. 576.

231. Примѣчаніе къ статьѣ: «О нѣкоторыхъ податяхъ и повинностяхъ въ Босніи подъ Австрійскимъ управленіемъ»: 1) О наложеніи и взиманіи десятины. 2) О наложеніи третины и взиманіи ея. 3) Общественныя постройки.
Тамъ же, № 11—12, стр. 592.

232. Отъ редакціи къ статьѣ: Пастырское посланіе досточтимому духовенству всей Горицкой митрополіи поклонъ и благословеніе Господа и Спаса нашего І. Христа, въ Горицѣ, ноября 26 дня 1887 г.
Тамъ же, 1887 г., № 11—12, стр. 602.
Подъ этимъ Посланіемъ подписи: Алоизій, князь-архіерей Горицкій и митрополитъ, Іоаннъ Непомукъ, еп. Тріестско-Коперскій, Францъ Аніанъ, еп. Крскій, Іаковъ, кн.-еп. Люблянскій и Іоаннъ Креститель, еп. Порѣчко-Пульскій.

---

[1]) Псевдонимъ Пеховскій или П—ій въ „Изв. Слав. Благ. Общ." принадлежитъ В. И. Ламанскому. „Пехово" была часть города Боровичей, гдѣ у В. И. было два домика съ садомъ и огородомъ и гдѣ онъ тогда живалъ лѣтомъ. *Ред.*

1888.

233. Предложеніе Совѣта Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества объ избраніи въ почетные члены кн. Николая Черногорскаго и еп. Іосифа Штроссмайера, по случаю 300-лѣтняго юбилея славнаго пѣвца свободнаго Дубровника, поэта Гундулича.
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 2.

234. Отъ редакціи къ статьѣ Ю. П. Кузнецова: Экономическій и семейно-бытовой переломъ въ крестьянствѣ Царства Польскаго.
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 10—11.

235. Объ изученіи Русскаго языка въ общей Австро-Венгерской арміи (Изъ «Pesther Lloyd»).
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 19—23.

236. Примѣчанія къ статьѣ «Хорваты».
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 23.

237. Примѣчанія редакціи къ статьямъ Эдуарда Лойко: «Польскія письма».
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 39—40, № 3, стран. 148—151, № 6—7, стран. 296—297 и №№ 11—12, стран. 591—592.

238. Отъ редакціи по поводу полученнаго изъ Варшавы подметнаго письма.
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 48.

239. Милославъ Гурбанъ (Некрологъ).
Тамъ же, 1888 г., № 1, стран. 52.

240. Отъ редакціи къ статьѣ: Рѣчь члена австрійскаго парламента Думрейхера о среднемъ сословіи.
Тамъ же, 1888 г., № 2, стран. 67.

241. Славянскія мечты о славянской Австріи (II—аго).
Тамъ же, № 2, стр. 100.

242. Русскій языкъ, русская литература и воспоминанія о русскихъ у Мадьяръ (II—аго).
Тамъ же, № 2, стр. 100—101.

243. Любопытный отзывъ католическаго духовнаго словѣнскаго журнала «Соча» о Славянствѣ.
Тамъ же, 1888 г., № 2, стран. 101—104.

244. Примѣчаніе къ статьѣ: «Славяне въ Константинополѣ».
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 140.

245. Отъ редакціи къ статьѣ Босняка: Что такое Австрійцы для Босняковъ, православныхъ и частью магометанъ?
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 154.

246. Примѣчанія къ статьѣ: «Любопытный отзывъ польскаго критика гр. Тарновскаго о Пушкинѣ».
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 171 и 173.

247. Отъ редакціи по поводу статей въ чешскихъ журналахъ преимущественно правительственной партіи и статей Ив. Лебеды «За Чеховъ» и (Кр. Геруца) «За Словѣнцевъ».
Тамъ же, 1888 г., № 3, стран. 176—181.

248. Примѣчанія редактора къ статьѣ А. В. Васильева: Противъ редакціи «Извѣстій».
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 192—193.

249. **Примѣчанія къ статьѣ Славянофила:** «Надо ли жертвовать Чехами въ пользу германизма?» (По поводу статей проф. Ламанскаго и чешской газеты «Politik»).
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 194—196.

250. **Примѣчанія редакціи къ статьѣ: «Безконечныя обвиненія въ измѣнѣ».**
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 197—199.

251. **Открытый отвѣтъ генералу Кирѣеву** (на открытое письмо къ профессору Ламанскому А. Кирѣева). I—XVII.
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 203—235.

252. **Примѣчанія редакціи къ статьѣ Іосифа Голечка «Чехъ въ Россіи».**
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 235—239.

253. **Мнѣніе императора Фридриха III о будущемъ Славянства.**
Тамъ же, 1888 г., № 4—5, стран. 243.

254. **Примѣчанія къ статьѣ: «Французскія школы въ Константинополѣ»** (Изъ ж. «La Terre Sainte»).
Тамъ же, 1888 г. № 4—5, стран. 248.

255. **Примѣчаніе къ рѣчи М. О. Кояловича, посланной въ Кіевъ къ 900-лѣтію Крещенія Руси.**
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 283.

256. **Примѣчаніе къ статьѣ г. Шапкарева (объ этнографическомъ составѣ Македоніи).**
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 308.

257. **Примѣчаніе къ статьѣ В. Добрусскаго:** Нѣсколько свѣдѣній объ отуреченіи Родопскихъ Болгаръ.
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 332.

258. **Примѣчаніе къ статьѣ П. Занкова «О нѣмцахъ въ Россіи».**
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 348.

259. **Призваніе Австріи съ прусской точки зрѣнія 30 лѣтъ назадъ.**
Тамъ же, № 6—7, стр. 349—351.

260. **Примѣчаніе къ статьѣ.** «Прошеніе русскихъ выборныхъ людей въ Вѣнѣ о сохраненіи правъ русскаго народа относительно его языка, представленное Государственному Министру 30 сент. 1861».
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 351—352.

261. **Очерки Венгріи** (Памяти Людевита Штура). Отрывокъ.
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 361—396.

262. **Примѣчанія къ статьѣ Симонсфельда:** «Историческій очеркъ нѣмецкой колонизаціи (на Балканскомъ полуостровѣ и въ другихъ странахъ). (Die Deutschen als Colonisatoren in de Geschichte).
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 396—399, № 8, стран. 441—443, № 10, стран. 558—559.

263. **Примѣчаніе къ статьѣ Словѣнца изъ Штиріи. Р (авникарю?):** „О литературномъ единствѣ народовъ Славянскаго племени“.
Тамъ же, 1888 г., № 6—7, стран. 413.

264. **Примѣчанія къ статьѣ.** „Черты Чешской общественности“ (по газетѣ «Čas»).
Тамъ же, 1888 г., № 8, стран. 436—437 и 440—441.

265. Благой совѣтъ проф. Лескина южнымъ Славянамъ о Русскомъ языкѣ (изъ газеты „Parlamentär").
Тамъ же, 1888 г., № 8, стран. 448.

266. Народонаселеніе Болгаріи и В. Румеліи и виды на нѣмецкую въ нихъ колонизацію (II—аго).
Тамъ же, № 8, стр. 448—450.

267. Отъ редакціи (О рѣшительныхъ мѣрахъ противъ неисправнаго выхода книжекъ).
Тамъ же, 1888 г., № 8, стран. 476.

268. Кіевское привѣтствіе епископа Штроссмайера (по случаю 900-лѣтія Крещенія Руси).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 480—492.

269. Примѣчаніе къ статьѣ Фр. Подгорника „Общеславянскій языкъ" (по поводу чешской академіи, и мнѣнія объ этомъ издателя Журнала исторіи и политики фонъ-Цвидинека-Зюденгорста).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 496.

270. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ: «Морава и Славянство» (Изъ газеты «Кромѣрж. Новин»).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 497.

271. Къ исторіи партій въ Болгаріи (Послѣдній отзывъ Каравеловскаго органа о Радославовѣ).
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 510—512.

272. Примѣчаніе редактора къ статьѣ Н. Бобчева, «Периодическо Списание на Болгарското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ». 1887».
Тамъ же, 1888 г., № 9, стран. 520.

273. Примѣчаніе редакціи къ Письму польскаго священника епископу Штроссмайеру.
Тамъ же, 1888 г., № 10, стран. 563—567.

274. Примѣчаніе къ статьѣ: «Письма о Словѣнцахъ».
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 582.

275. Примѣчанія къ письму г-на X. изъ Плоцка.
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 585—588.

276. Примѣчаніе къ письму Будрыса въ «Краѣ» изъ Тыльжи (въ Пруссіи).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 588.

277. Изъ политическаго завѣщанія австрійскаго министра барона Брука (Die Aufgaben Oesterreichs).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 598—600.

278. Примѣчанія редактора къ статьѣ Я. Червинки: По Чешскому вопросу (по поводу статей профессора В. И. Ламанскаго).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 604, 609—612.

279. Примѣчанія къ статьѣ: «Грегръ противъ Ламанскаго». Изъ «Kroměřížske Noviny», переводъ въ «Parlamentär»).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 630—632.

280. Примѣчанія редактора къ статьѣ чешской газеты «Čas»: Письма редактора «Народныхъ Листовъ» Ю. Грегра къ профессору Ламанскому въ Защиту Западнаго Славянства.
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стр. 635—638.

281. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ: «Нѣмецкіе отзывы о рѣчахъ гг. Грегра и Вашатаго».
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 644—645.

282. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ: «Вѣнскіе Чехи», (изъ газеты «Český Západ»).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 645.

283. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ П. Б. Соханя. «Новое важное изданіе по Славянскому искусству и народовѣдѣнію». (Образцы словенскихъ народныхъ вышивокъ).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 669.

284. Отъ редактора (по поводу статьи В. М. Бѣлозерскаго, Ор. Ѳ. Миллера и А. А. Папкова: «Невольничество у Мадьяръ»).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 669—670 и 689—690.

285. Отъ редактора (по поводу оставленія редакторства «Извѣстій Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества»).
Тамъ же, 1888 г., № 11—12, стран. 691—696.

286. О дебри и дебрянахъ. Чтеніе и объясненіе статьи П. Д. Драганова въ Этнографическомъ Отдѣл. Имп. Рус. Геогр. Общ.
„Новое Время“, 1888, апрѣля 3, № 4345.

1889.

287. О преподаваніи Славянскаго языка и Русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.
Сообщеніе Историко-Филологич. Обществу при Имп. Спб. Университетѣ 8 декабря 1889.

1890.

288. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Біографическій очеркъ (1812—1880). Москва 1890.
Оттискъ изъ Исторической Записки Имп. Моск. Археологич. Общества за первыя 25 лѣтъ его существованія, 2 изданіе.

289. Подписка на „Живую Старину“.
„Жив. Старина“, вып. I, Спб. 1890, стр. IX—X.

290. Отъ редакціи „Живой Старины“. Главы I—X.
Посвящается памяти дорогого товарища И. П. Минаева.
„Живая Старина“, выпускъ I, 1890, стр. XI—XLVI. (Программа ж. „Живая Старина“.

291. Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ, 1840 г.
„Живая Старина“, вып. I, 1890, стр. 84.

292. Примѣчаніе Ред. къ ст. В. Л. Приклонскаго: «Три года въ Якутской области».
(Якутскія загадки и сказки въ переводѣ казака Як. полка П. И. Безсонова). „Жив. Стар.“, вып. I, 1890, стр. 33.

293. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день (1741).
„Жив. Стар.“, вып. I, 1890, отд. II, 34.

294. Пешель, Оскаръ: Народовѣдѣніе, переводъ подъ ред. и съ предисл. Э. Ю. Петри съ 6-го изд., дополненнаго Кирхгоффомъ. Спб. изд. А. Суворина (Рец.).
„Жив. Стар.“, вып. I. 1890, отд. III, 1—3.

295. Пыпинъ, А. Н. Исторія русской энтогафіи. Т. I. Общій обзоръ изученія народности и этнографія великорусская. Спб. 1890 (рец.).
„Жив. Стар.“, вып. I, 1890, отд. III, 3, вып. II, 1890 отд. III, 218—233.

296. Веске, М. П. Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890 (Рецеп.).
„Жив. Стар.“, вып. I, 1890, отд. III, 5.

297. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ по статьямъ г. Янка Б.
„Жив. Стар.“, вып. I, 1890 отд. III, 24—29.

298. Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ (брошюра г. Фел. Кутлика).
„Жив. Стар.“, вып. I, 1890, отд. III, 29—33.

299. Примѣчаніе Ред. къ сказкѣ «О нѣкоемъ князѣ и княгинѣ».
(По записи свящ. изъ Кодемы о. К. И. Боголѣпова въ его рукописи: Свѣдѣнія о жителяхъ Шахословской вол., Шенк. у., Арханг. губ.). „Жив. Стар.“, вып. II, 1890 отд. I, 23.

300. Отъ Редактора. Примѣчаніе къ статьѣ И. И. Срезневскаго: Сербо-Лужицкій народный календарь.
„Жив. Стар.“, вып. II, 1890, отд. I, 55.

301. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и друг. (1836—1846). (Предисловіе и Примѣчанія).
„Жив. Стар.“. вып. II, 1890, отд. I, 108—109, 117, 121 и слѣд., вып. III, 1891, отд. I, стр. 19, 21, 23, 27, 38 и 44, вып. IV, 1891, отд. IV, 3—42 и отдѣльно. Спб. 1892 (см. ниже подъ № 310).
Въ числѣ «другихъ» значатся письма: Северину, С. И. Барановскому, Сухачеву, Вознровичу, О. М. Бодянскому, одному сербу (племяннику I. Хаджича), кн. Волконскому (попечителю Спб. учеб. округа), В. Т. Благовѣщенскому. Кромѣ того имѣются письма В. В. Ганки, П. П. Дубровскаго, Ор. и Ѳ. Ст. Евецкихъ.

302. Ред. примѣч. къ статьѣ А. К. Васильева объ Аримаспахъ (по труду В. Томашка: Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о Скиѳскомъ Сѣверѣ).
„Жив. Стар.“, вып. II, 1890, отд. III, 209.

303. Отзывъ объ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ А. А. Потебни.
„Отчетъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“ за 1890 г. Спб. 1891, стр. 19—27.

1891.

304. Примѣчанія къ статьѣ: «Свадебный обрядъ въ Угорской Руси».
„Жив. Стар.“, вып. III, 1891, отд. II, 137 и 156.

305. Примѣчаніе къ отвѣтнымъ статьямъ И. Евсѣева и М. Успенскаго на запросъ проф. А. И. Соболевскаго о Псковскомъ говорѣ.
„Жив. Стар.“, вып. III, 1891, отд. III, 200—201.

306. Вопросные пункты по говорамъ: а) Костромскимъ, особенно Галичскому, Чухломскому и Кологривовскому; б) Новоладожскому и въ разныхъ уѣздахъ Новгородской губ. сравнительно съ Карельскими;

334. Письмо въ редакцію.
„Новое Время“, 1894, № 6722.
Поправка къ предыдущей рѣчи.
Литература о рѣчи въ память Императора Александра III.
Суворинъ, А. Маленькія письма. «Новое Время», 1894, ноября 25; Гейсманъ, П. А., проф. Ник. Акад. Генер. Штаба: «Нѣсколько мыслей по вопросу объ отношеніяхъ стратегіи къ политикѣ. По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ чрезвычайномъ общемъ собраніи членовъ Спб. Слав. Общества 10 ноября 1894 г. (Отдѣльный оттискъ изъ «Русской Бесѣды», подъ ред. В. Драгоміренкаго, Спб., 1895).

1895.

335. Отзывъ о трудахъ И. Н. Смирнова.
„Отчётъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“ за 1895 г., Спб. 1896, стр. 26—28.

336. Примѣчаніе къ статьѣ Д. П. Никольскаго: О Бессермахъ. (Этнологическія замѣтки).
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 27.

337. Письма О. М. Бодянскаго къ Станку—Вразу въ Загребъ.
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 46.

338. Письма а) аббата Іосифа Добровскаго 29 декабря 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 ноября 1824 г. къ Министру Народнаго Просвѣщенія, адмиралу А. Шишкову.
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 199—200.

339. Объ инородческихъ языкахъ въ Россіи вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенности.
„Жив. Стар.“, годъ V, 1898, стр. 262—271.

340. Примѣчаніе къ статьѣ студента Спб. Университета В. Ламанскаго: Говоръ южной части Томскаго округа Томской губерніи.
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 416.

341. Богдановичъ, А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. Гродно. 1895 (рецензія).
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 475—476.

342. Труды Тибетской Экспедиціи 1889—1890 гг. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Спб. 1895 (рецен.).
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 469—475.

343. Примѣчаніе къ статьѣ Ив. Яблонскаго: Замѣтка по поводу изданія: „Жмудскихъ пѣсенъ изъ Полангена“.
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 469.

344. Weigand, G. Die Arumunen, sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren. Leipzig. 1895 (рецен.).
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 480—486.

345. Отъ Редакціи (Къ статьѣ М. И. Соколова: Летучій огненный змѣй).
„Жив. Стар.“, годъ V, 1895, стр. 493.

1895—1896.

346. Исторія Славянъ. Конспектъ лекцій, читан. въ Имп. Спб. Университетѣ за акад.. 1895/6 годъ. Составленъ студентомъ А. С. Раевскимъ. Спб. (Литографія) стр. 144. 8°.

Дополненія.

I. Труды В. И. Ламанскаго непоявившіеся въ свѣтъ, неизданные университетскіе курсы, рѣчи и пр.

1854.

393. Разсужденіе объ языкѣ Русской правды. Студенческое сочиненіе, удостоенное серебряной медали.

О немъ см. „Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Спб. Университета, т. I, Спб. 1896, стран. 363. И. И. Срезневскій выразилъ впослѣдствіи сожалѣніе, что эта „медальная диссертація" не издана. См. его „Записку объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго" въ „Протоколахъ засѣданій Совѣта Императ. Спб. Унив. за вторую полов. 1872—1873 г., № 8. Спб. стр. 45.

1868.

394. Историко-этнографическій обзоръ Славянскихъ народностей внѣ Россіи.

„Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Имп. Спб. Унив. на 1867—1868 г., Спб. 1868", стр. 11. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Славянскаго Благотв. Общества", Спб. 1883, стр. 44.

395. Польская грамматика и чтеніе образцовъ Старопольскаго языка.

Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Имп. Спб. Унив. на 1867—1868 г. Спб. 1868, стран. 11.

1870.

396. Историческая Христоматія Славянскихъ народовъ. Составлена по порученію С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета.

См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Общества", Спб. 1883, стран. 44. 171 и 831.

1871.

397. Обзоръ взаимныхъ отношеній Славянскихъ народовъ и историческаго развитія идеи Славянскаго единства.

(О немъ см. *В. И. Ламанскаго*: Объ историч. изуч. греко-славянск. міра съ Европѣ. Спб. 1871, стран. 283).

1872.

398. Христоматія по Исторіи Славянъ.

О ней см. *Срезневскій, И.*: Записка объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго. „Протоколы засѣдан. Сов. Имп. Спб. Унив. за 2 пол. 1872—1873 ак. г. № 8, стран. 45—49.

399. Очеркъ Исторіи Славянскихъ государствъ.

400. Возрожденіе Хорватіи.

1873.

401. Что такое славянофилы?

Чтеніе въ торж. собр. Спб. Слав. Благ. Общ. въ 1873 г. См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общ.".

359. Два отзыва по присужденію большой и малой золотой медалей Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (О трудахъ Н. Л. Гондатти объ Анадырскомъ краѣ и А. Ростковскаго: «Распредѣленіе жителей Битольскаго и Солунскаго вилайетовъ по національностямъ и исповѣданіямъ въ 1897 г.»).
„Жив. Стар.", годъ VIII, 1898 стр. 445—446.

360. Записка объ избраніи въ члены Имп. Спб. Университета Чешскаго ученаго Вацлава Владивоя Томка.
Протоколы засѣданій Совѣта Имп. Спб. Унив. за 1898 г., № 54. Спб. 1899, стр. 38—44.

361. Записка о возведеніи въ степень доктора всеобщей исторіи Чешскихъ ученыхъ Антонина Рѣзка и Яроміра Челяковскаго.
Тамъ же, стр. 44—49.

1899.

362. Отзывъ о трудахъ В. И. Іохельсона.
„Отчетъ Имп. Рус. Геогр. Общ." за 1899. Спб. 1900, стр. 36—38.

363. Примѣчаніе къ статьѣ Гр. Потанина: этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотьмы.
„Жив. Стар.", годъ IX, 1899, стр. 23 и слѣд.

364. Примѣчаніе къ статьѣ г. А. Ростковскаго: «Распредѣленіе жителей Битольскаго и Солунскаго вилайетовъ по національностямъ и религіи, съ картою».
„Жив. Стар.", годъ IX, 1899, стр. 62.

365. Примѣчаніе къ статьѣ І. Эндзелина: Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ.
„Жив. Стар.", годъ IX, 1899, стр. 285—286.

366. Рачкій, Францъ, славистъ.
Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, томъ XXVI, Спб. 1899, стр. 392—394.

367. Отзывъ о диссертаціи на степень доктора Славянской филологіи П. А. Сырку: «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго».
Протоколы засѣданій Совѣта Имп. Спб. Унив. за 1899 г. № 55. Спб. 1900, стр. 45.

368. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. Изслѣдованіе П. Сырку. Томъ I, вып. 1. Спб. 1899. (Рец.).
Журн. Мин. Народн. Просв., 1899, № 11 (ноябрь), 103—136, № 12 (декабрь), 312—362, всего I—XXV главъ.

369. Замѣтка объ Ясахъ-Аланахъ. Сообщеніе XI археологическому съѣзду въ г. Кіевѣ въ 1899 г.
„Археологическія Извѣстія и замѣтки", издаваемыя Импер. Москов. Археолог. Обществомъ подъ редакціею Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова, томъ VII, 1900, стр. 294—297. Труды XI Археол. Съѣзда въ Кіевѣ, 1899, подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слуцкаго. Томъ II. Москва. 1902, стр. 118—121.

1900.

370. Примѣчаніе въ статьѣ В. Мошкова: Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ вотяковъ, черемисовъ и мордвы.
„Жив. Стар.", годъ X, 1900, стр. 202 и 209.

371. Отзывъ о трудахъ Валентина Александровича Мошкова.

„Отчетъ Имп. Рус. Геогр. Общ." за 1900, Спб. 1901, стр. 33.

372. Л. Н. Майковъ († 7 апр. 1900 г.). Читано въ отдѣленіи этнографіи И. Р. Г. О. 12-го мая.

„Жив. Стар.", годъ X, 1900, стр. 602—603.

373. Славяне.

Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXX, Спб. 1900, стран. 287—293.

374. Взглядъ на судьбы Юго-Западнаго Славянства, en regard нѣмецкій переводъ статьи подъ заглавіемъ: „Ein Blick auf die Schicksale des Süd-West-Slaventhum".

Славянскій Вѣкъ (Вѣна), 1900, №№ 9 и 10, стр. 2—15.

375. Комиссія по вопросу объ изслѣдованіи остатковъ славянъ въ Ганноверѣ.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ за январь—май 1900 г. (Спб. 1900), стр. X.

376. О распространеніи Русскаго языка на Западѣ. По поводу книги доктора Генриха Гр. Куденгове (Coudehove): Politische Studien über Oesterreich-Ungarn. Gerold u. Comp. Wien. 1900.

Отчетъ Отд. Рус. Яз. и Слов. Имп. Ак. Наукъ за 1900 г., стр. 29.

1901.

377. Редакторское примѣчаніе къ статьѣ: Заговоръ крови.

„Жив. Стар.", годъ XI, 1901, стр. 126.

378. Примѣчаніе редакціи къ статьѣ Г. Ильинскаго: Beiträge zur Ethnographie der Hannoverschen Elbslaven, von A. Vieth (въ ж. „Archiv f. Slav. Ph."). (Рецензія).

„Жив. Стар.". годъ XI, 1901.

379. Отъ редактора. Къ статьѣ Офейкова: Замѣтки о Македоніи. По поводу статей г. Драганова о Македоніи (въ „Изв. Спб. Слав. Благ. Общ." за 1888 г.).

„Жив. Стар.", годъ XI, 1901, стр. 314.

380. Примѣчанія къ статьѣ Сергѣя Браиловскаго: Матеріалы для словаря Удиһэ.

„Жив. Стар.", годъ XI, 1901, стр. 430.

381. Примѣчанія къ статьѣ М. Н. Косича: Звуковыя особенности Бѣлорусскаго говора въ Черниговской губ.

„Жив. Стар.", годъ XI, 1901, стр. 78.

382. Отзывъ о трудѣ Д. И. Зеленина по изслѣдованію говоровъ Ярапскаго у.

„Отчетъ Имп. Рус. Геогр. Общ." за 1901 г. Спб. 1902, стр. 40.

383. Появленіе и развитіе литературныхъ языковъ у народовъ Славянскихъ. Глава I. Древне-Славянскій церковный языкъ. Славянскіе апостолы. Двѣ азбуки. Относительная ихъ древность. Паннонская теорія старая и новая. (Продолженіе слѣдуетъ).

Изв. Отд. Рус. Яз. и Слов. Имп. Академіи Наукъ. 1901 г. Тома VI кн. 4-я Спб., 1901, стр. 312—339.

Рецензія на трудъ И. В. Ягича: Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, von Vatroslav Jagić. (Denkschrif. d. k. Akad. d. Wissen. in Wien. Phil. Hist. Cl. B. XLVII, I, 885; II, 965).

384. Можно-ли уподоблять Россію Австро-Венгріи въ вопросѣ о народностяхъ?
Славянскій Вѣкъ, 1901, № 11—12.

1902.

385. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1902 годъ, составленный къ торжественному засѣданію Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1902 года академикомъ В. И. Ламанскимъ (Спб., 1902). Стр. 30 + 70. 8°.
Сюда вошли также два некролога — А. А. Майкова и С. Рачинскаго.

386. Вопросы и Отвѣты объ общинномъ землевладѣніи.
„Жив. Стар.", годъ XII, 1902.

387. Примѣчанія къ статьѣ А. Н. Харузина: Матеріалы по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. «Жилище Словинца Верхней Крайны».
„Жив. Стар.", годъ XII, 1902, стр. 293 и 346.

388. Разборъ сочиненія проф. А. А. Кочубинскаго: Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи восточнаго вопроса. Пятилѣтняя война (1735—1739). Одесса. 1889.
Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филол. Отд. Томъ VI, № 2. Отчетъ о 42-мъ присужденіи наградъ гр. С. С. Уварова. (Читанъ въ публичномъ засѣданіи Имп. Акад. Наукъ 25 сент. 1900 г.). Спб. 1902.

1903.

389. Kritische Bemerkungen.
„Archiv für Slavische Philologie", Band XXV, 1903, ss. 544—553 и s. w.
Это резюме (см. ниже) большого труда В. И. Ламанскаго „Славянское житіе св. Кирилла" и т. д.

1903—1904.

390. Славянское житіе Св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и историческій источникъ (Критическія Замѣтки).
„Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія", 1903, №№ 2, 4, 5, 6, 7 и 12, 1904, №№ 1, 4, 5.

1904.

391. Письмо къ Предсѣдателю Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, М. П. Погодину (пис. въ 1860 г.).
Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Томъ XVIII. Спб. 1904, стр. 371—374.
О кончинѣ А. С. Хомякова, предсѣдателя этого общества и между прочимъ о публичныхъ лекціяхъ В. И. Ламанскаго о Россійской Академіи, Ломоносовѣ и Шлецерѣ.

392. Разборъ трудовъ Д-ра Яна Квачалы о трудахъ и перепискѣ Я. Амоса Коменскаго.
I) Dr. Jan Kvačala: „Korrespondence Jana Amosa Komenského. I. Listy Komenského a vrstevníku jeho. Nova sbirka. V. Praze, 1898.
II)—II. Listy Komenského a vrstevníku jeho. Zprávy o živote jeho ze současných pramenu. Menší latinské spisky někteře, 1902. („Spisy Jana Amosa Komenského. Cislo 1—a 5).
См. Отчетъ о присужденіи премій Проф. А. А. Котляревскаго въ 1904 году. Спб. 1904, стр. 2—4.

Дополненія.

I. Труды В. И. Ламанскаго непоявившіеся въ свѣтъ, неизданные университетскіе курсы, рѣчи и пр.

1854.

393. Разсужденіе объ языкѣ Русской правды. Студенческое сочиненіе, удостоенное серебряной медали.

О немъ см. „Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Спб. Университета, т. I, Спб. 1896, стран. 363. И. И. Срезневскій выразилъ впослѣдствіи сожалѣніе, что эта „медальная диссертація“ не издана. См. его „Записку объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго“ въ „Протоколахъ засѣданій Совѣта Императ. Спб. Унив. за вторую полов. 1872—1873 г., № 8. Спб. стр. 45.

1868.

394. Историко-этнографическій обзоръ Славянскихъ народностей внѣ Россіи.

„Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Имп. Спб. Унив. на 1867—1868 г., Спб. 1868“, стр. 11. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Славянскаго Благотв. Общества“, Спб. 1883, стр. 44.

395. Польская грамматика и чтеніе образцовъ Старопольскаго языка.

Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Имп. Спб. Унив. на 1867—1868 г. Спб. 1868, стран. 11.

1870.

396. Историческая Христоматія Славянскихъ народовъ. Составлена по порученію С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета.

См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Общества“, Спб. 1883, стран. 44. 171 и 831.

1871.

397. Обзоръ взаимныхъ отношеній Славянскихъ народовъ и историческаго развитія идеи Славянскаго единства.

(О немъ см. *В. И. Ламанскаго*: Объ историч. изуч. греко-славянск. міра съ Европѣ. Спб. 1871, стран. 283).

1872.

398. Христоматія по Исторіи Славянъ.

О ней см. *Срезневскій, И.*: Записка объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго. „Протоколы засѣдан. Сов. Имп. Спб. Унив. за 2 пол. 1872—1873 ак. г. № 8, стран. 45—49.

399. Очеркъ Исторіи Славянскихъ государствъ.

400. Возрожденіе Хорватіи.

1873.

401. Что такое славянофилы?

Чтеніе въ торж. собр. Спб. Слав. Благ. Общ. въ 1873 г. См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общ.“.

402. О. М. Бодянскій. Жизнь и дѣятельность.
Чтеніе въ Спб. Слав. Благ. Общ. за 1873 г. См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общ.".

403. Жизнь А. Н. Попова.
Чтеніе въ Спб. Слав. Благ. Общ. См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общ.".

404. Дѣятельность Ѳ. В. Чижова.
Чтеніе въ Спб. Слав. Благ. Общ. См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общ.".

1876.

405. Развитіе у насъ Западническихъ воззрѣній въ XIX столѣтіи.
Чтеніе въ торж. собр. Спб. Слав. Благ. Ком. См. „Первыя 15 лѣтъ Спб. Слав. Благ. Общ.".

1884—1885.

406. Исторія новѣйшей польской литературы. (Мицкевичъ, Словацкій и гр. С. Красинскій).
Лекціи въ Имп. Спб. Унив. въ 1884—1885 ак. году.
Содержаніе. Прозаическія сочиненія Мицкевича: а) Исторія странствованія Польскаго народа. б) Лекціи по исторіи Славянскихъ литературъ въ College de France. в) Товянизмъ и душевная болѣзнь Мицкевича. г) Товянизмъ и валленродизмъ въ сочиненіяхъ Словацкаго. д) Гр. Красинскій и его «Небожественная комедія».

407. Исторія Чеховъ со времени Ренессанса въ періодъ Реакціи (Gegenreformation) до Бѣлогорской битвы и новѣйшаго Возрожденія включительно. Чехи при Фердинандѣ II-мъ и Петрѣ Великомъ.

1886.

408. Возрожденіе Славянскихъ народностей съ половины XIX в.
Обозрѣніе препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на первое полугодіе 1886—1887 г. Спб. 1886, стран. 14.

409. Критическій обзоръ источниковъ древнеславянской исторіи: византійцы, арабы и романо-германцы (историки, лѣтописцы и географы). Славянскіе источники.
Пособія: Монографіи Гирша, Макушева, Рачкаго, Гаркави, Палацкаго, Марцали, Цейса и Бобржинскаго.
Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на первое пол. 1886—1887 г. Спб., 1886, стран. 14.

410. Исторія Западныхъ (Южныхъ и Сѣверныхъ) Славянъ съ VI в. до конца XII или начала XIII вв.
Пособія: Частныя исторіи отдѣльныхъ славянскихъ земель: Болгаріи К. Иречекъ, Сербіи и Хорватіи Миклошичъ, Григоровичъ и Рачкій, Венгріи—Салай, Фесслеръ и Клейнъ, Чехіи—Палацкій, Томекъ и Польши—Рэппель и Бобржинскій.
Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на первое полугод. 1886—1887 г. Спб. 1886, стран. 14.

411. Пособія для исторіи Чехіи и Польши (Исторіографъ Чехіи Ф. Палацкій и историческіе труды Шайнохи, Бобржинскаго и Прохазки).
Обозр. преп. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на второе полугодіе 1885—1886. Спб. 1885, стран. 11.

412. Чтенія отрывковъ старо-чешской литературы. (Ѳ. Щитный, Я. Гусъ, Хельчицкій, Вшегордъ Благославъ и А. Коменскій).

Обозр. преп. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на второе полугодіе 1885—1886 г. Спб. 1885, стран. 11.

413. Обозрѣніе источниковъ исторіи Гуситской эпохи.

Обозр. преп. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на второе пол. 1885—1886 г. Спб. 1885, стран. 11.

414. Исторія Чехіи и Польши въ XV в.

Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на второе пол. 1885—1886. Спб. 1885, стран. 11.

415. О краледворской рукописи. (По поводу статей проф. Гебауера въ „Атенеѣ"). Сообщеніе Историко-филологическому Обществу при Имп. Спб. Университетѣ за 1886 г.

416. О глаголицѣ (По поводу книги Д. Ѳ. Бѣляева).

Тамъ же.

1887.

417. Исторія Славянскихъ народовъ въ XV—XVII вв.

Пособія. Историки Турціи—Гаммеръ и Цинкейзенъ, Венеціи—Романини, Австріи—А. Губеръ и Кронесъ, Венгріи—Хорватъ, Чехіи—Палацкій, Томекъ и Гиндели, Польши — Бобржинскій; монографіи Шуйскаго, Закржевскаго, труды С. Соловьева, Кашпирева, Кояловича.

Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на второе полуг. 1886—1887 г. Спб. 1887, стран. 14.

418. Чтенія образцовъ Славянскихъ нарѣчій съ историко-грамматическимъ и историко-литературными введеніями передъ каждымъ нарѣчіемъ и толкованіями при чтеніи и переводѣ открывковъ изъ памятниковъ древняго, средняго и новаго періодовъ.

Пособія: «Литературная Христоматія» и печатаемый «Сборникъ образцовъ Чешскаго языка».

Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на второе полугодіе 1886—1887. Спб., 1887, стран. 14.

419. Общій обзоръ Славянскихъ народностей и нарѣчій, съ чтеніемъ и толкованіемъ памятниковъ Западнославянскихъ нарѣчій, преимущественно Сербо-Хорватскаго, Чешскаго и Польскаго.

Пособія: «Slovanski Narodopis» Шафарика, 1848, русскій переводъ Бодянскаго. «Славянская діалектологія» проф. Петровскаго, Казань. «Этнографическая карта Славянскихъ пародовъ» Мирковича, съ таблицами А. Будиловича.

Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осеннее полуг. 1887 г. Спб., 1887, стран. 19—20.

420. Исторія Юго-Западныхъ и Сѣверо-Западныхъ Славянскихъ земель и народовъ съ VI до XIV вѣка.

Обозрѣніе препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осеннее полугод. 1887 г. Спб., 1887, стран. 19—20.

421. Къ пятидесятилѣтію появленія труда П. Л. Шафарика «Славянскія древности». Сообщеніе Историко-Филологическому Обществу при Императорскомъ Спб. Университетѣ.

1901.

460. М. П. Погодинъ Характеристика его ученой, литературной и общественной дѣятельности.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтія со дня рожденія М. П. Погодина.

1902.

461. Критическій разборъ Паннонской теоріи Копитара, Миклошича и Шафарика.

См. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности за 1902 годъ, составленный академикомъ В. И. Ламанскимъ, стр. 29).

462. Объ языкахъ съ точки зрѣнія лингвистической и филологической.

II. Научныя и литературныя изданія подъ редакціею В. И. Ламанскаго.

1861.

463. Записки по Славяно-Русскому Отдѣленію Императорскаго Спб. Археологическаго Общества. Изд. подъ редакціей В. И. Ламанскаго, съ 1861 г. (Томъ II).

1862.

464. Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. V выпускъ подъ наблюденіемъ Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго.

1867.

465. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи, издаваемыя подъ редакціей Дѣйствительнаго Члена В. И. Ламанскаго. Спб. 8°.

Томъ I, Спб. 1867; XIX, Спб. 1890; XX, Спб. 1891; XXII, подъ ред. В. И. Ламанскаго и П. Драганова (Македонско-Славянскій Этнографич. Сборникъ—Выпускъ I, Спб. 1884).

1887—1888.

466. Извѣстія Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества подъ редакціей В. И. Ламанскаго. Спб. (съ 1 сентября 1887 по декабрь 1888 гг.), всего 9 книжекъ.

1889.

467. Томекъ В. Янъ Жижка, переводъ съ чешскаго. подъ редакціей В. И. Ламанскаго.

Изданіе Спб. Слав. Благ. Общества. Спб. 1889.

1890—1904.

468. **Живая Старина**, періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго. Спб. 8°.

Годъ I, 1890—1891; II, 1892; III, 1893; IV, 1894; V, 1895; VI, 1896; VII, 1897; VIII, 1898; IX, 1899; X, 1900; XI, 1901; XII, 1902; XIII, 1903.

Критич. отзывъ объ этомъ изданія см. въ «Вѣстникѣ Европы», 1890 № 11 стран. 436—443 (статья *А. Н. Пыпина*).

469. **Россія**, полное географическое описаніе нашего отечества, подъ ред. В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, изд. Девріена, до нынѣ 6 томовъ, 1899—1903.

1901.

470. **Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ**, подъ редакціей В. И. Ламанскаго, Спб. 8°.

Томъ LXIX, Спб. 1901 г.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей В. И. Ламанскаго. Спб. 8°.

Томъ LXX, 1902; LXXI, 1902; LXXII, 1902.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей В. И. Ламанскаго.

Томъ LXXIII, 1903; LXXIV, 1903.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, Спб., 8°.

Томъ LXXV, 1904.

1904.

471. **«Академическій Сборникъ статей по славяновѣдѣнію»**, издаваемый подъ редакціей В. И. Ламанскаго Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ къ предстоящему первому съѣзду славянскихъ филологовъ и историковъ въ С.-Петербургѣ. (Спб., 1904—1905).

II.

Матеріалы для біографіи В. И. Ламанскаго,

а) Родъ Ламанскихъ.

1. **Р(уммель?), В.** Ламанскіе, русскіе дворяне.
„Энциклоп. Словарь" Брокгауза и Ефрона. Томъ XVII. Спб. 1896, стр. 288.

2. Родъ Ламанскихъ.
Въ Родословной книгѣ С.-Петербургской губ. Ч. III.

б) Оффиціальныя свѣдѣнія о В. И. Ламанскомъ.

3. **Григорьевъ, В. В.,** ордин. проф. по каѳедрѣ Исторіи Востока: Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная по порученію Совѣта Университета. Спб., 1870.
Біографич. свѣдѣнія о В. И. Ламанскомъ помѣщены на стран. 319, 328, 374—377, 412 и 413 и въ Прибавл. на стран. XXIV и XLVIII.

4. Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія, 1869—1894. Томъ I, Спб., 1896.
На стран. 363—364 автобіографическая замѣтка В. И. Ламанскаго.

в) Біографическія статьи о В. И. Ламанскомъ.

5. **Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ.**
„Русскій Энциклопедическій Словарь" издаваемый профессоромъ С.-Петерб. Университета *И. Н. Березинымъ*. Годъ II, отд. II и III, вып. V, тетрадь II, Спб., 1875, стран. 69.

6. **De-Gubernatis, A.** Dizionario Biografico degli Scrittori contemporanei. Dir. da Conte Angelo de Gubernatis.
Firenze. 1 ed. 1879—1880, 1883; 2 ed. 1888—1891.

7. **De-Gubernatis, A.** Dictionnaire International des ecrivains du jour. Florence. 1884. 2 ed. 1891.

8. **J., F. V.** V. J. Lamansky a my Cechove.
„Osveta", 1888.

9. **Gregr, J.** Na obranu Zapadniho Slovanstva.
Narodní Listy, 1888; русскій переводъ въ „Слав. Извѣстіяхъ", подъ ред. В. В. Комарова за 1889 г.

10. **Lamanskij, Wladimir Iwanowitsch.**
Meyers Konversations-Lexicon. B. X. Neuer Abdruck. Leipzig & Wien. Bibliographisches Institut. 1896, ss. 972.

11. **Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ.**
„Энциклопедическій Словарь". Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (Спб.). Томъ XVII, Спб., 1896, стр. 288.

12. **Lamanskij, Vladimir Ivanovič,** Slavista rusky.
Ottuv Slovnik Naučny. Illustrovaná Encyklopædie obecných vědomostí. Patnáctý díl. Vydavatel a nakladatel J. Otto v Praze. 1900, stran. 575—576. (За подписью *Snk*).

13. **Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ.**
„Настольный Энциклопедическій Словарь" Тов-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°, 5-е дополн. изд. Москва. Т. V, 1901, стр. 2578—2579.

1898—1899.

450. Сѣверо-Западные Славяне. Статистическо-этнографическіе очерки. Характеристика нарѣчій и чтеніе образцовъ.

Обозрѣн. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугод. 1897—1898. Спб., 1898, стр. 26—27.

451. Исторія Чеховъ въ Гуситскій періодъ (съ конца XIV в. до смерти Ю. Подѣбрада).

Обозрѣн. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугод. 1898—1899. Спб., 1898, стр. 26—27.

452. Важнѣйшія эпохи исторіи Славянскихъ народовъ въ средніе вѣка.

Обозрѣн. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугод. 1898—1899. Спб., 1898, стр. 26—27.

453. Чтеніе и разборъ нѣкоторыхъ сочиненій Гуса и П. Хельчицкаго и нѣкоторыхъ документовъ, относительно Гуситовъ.

Обозрѣн. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугод. 1898—1899. Спб., 1898, стр. 26—27.

1899—1900.

454. Сербо-хорватская литература въ Далмаціи и Дубровникѣ съ XV в. по XVIII в.

(Пособія, Ягичъ, Любичъ и Рачкій).

Обозрѣніе препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугод. 1899—1900 г. Спб., 1899.

455. Чтеніе и разборъ Adami Бременскаго „Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum ex recens. Sappenbergi in usum scholarum ex Monum. Germ. Hist. recens. (I часть).

Обозрѣн. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугодія 1899—1900. Спб., 1899.

456. Разборъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ по сборникамъ Рачкаго (Documenta etc.).

Пособія: Дюммлеръ, Рачкій, Дриновъ, Новаковичъ, Иречекъ и К. Гротъ.

Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугодія 1899—1900. Спб., 1899.

457. Славянскія древности.

(Пособія: Шафарика, Maretić, Гильфердингъ, Макушевъ, Гаркави, Куникъ и Розенъ, Успенскій, Котляревскій, Флоринскій и Krek, Gr.)

Обозр. препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугодія 1899—1900 г. Спб., 1899.

458. Славянскія нарѣчія (Сербо-хорватское, словѣнское и чешское).

(Практическія занятія по Славянскимъ нарѣчіямъ: Чтеніе текстовъ Сербо-хорватскихъ, и Чешскихъ, старыхъ и новыхъ).

Обозрѣніе препод. наукъ въ Имп. Спб. Унив. на осен. и весен. полугодія 1899—1900 г. Спб. 1899.

1900.

459. Книга французскаго слависта Ауербаха объ Южныхъ и Западныхъ Славянахъ. Сообщеніе въ Этнограф. Отдѣл. Импер. Русскаго Географич. Общ. за 1900 г.

1901.

460. М. П. Погодинъ Характеристика его ученой, литературной и общественной дѣятельности.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтія со дня рожденія М. П. Погодина.

1902.

461. Критическій разборъ Паннонской теоріи Копитара, Миклошича и Шафарика.

См. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности за 1902 годъ, составленный академикомъ В. И. Ламанскимъ. стр. 29).

462. Объ языкахъ съ точки зрѣнія лингвистической и филологической.

II. Научныя и литературныя изданія подъ редакціею В. И. Ламанскаго.

1861.

463. Записки по Славяно-Русскому Отдѣленію Императорскаго Спб. Археологическаго Общества. Изд. подъ редакціей В. И. Ламанскаго, съ 1861 г. (Томъ II).

1862.

464. Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. V выпускъ подъ наблюденіемъ Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго.

1867.

465. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи, издаваемыя подъ редакціей Дѣйствительнаго Члена В. И. Ламанскаго. Спб. 8°.

Томъ I, Спб. 1867; XIX, Спб. 1890; XX, Спб. 1891; XXII, подъ ред. В. И. Ламанскаго и П. Драганова (Македонско-Славянскій Этнографич. Сборникъ—Выпускъ I, Спб. 1884).

1887—1888.

466. Извѣстія Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества подъ редакціей В. И. Ламанскаго. Спб. (съ 1 сентября 1887 по декабрь 1888 гг.), всего 9 книжекъ.

1889.

467. Томекъ В. Янъ Жижка, переводъ съ чешскаго. подъ редакціей В. И. Ламанскаго.

Изданіе Спб. Слав. Благ. Общества. Спб. 1889.

1890 – 1904.

468. Живая Старина, періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго. Спб. 8°.

Годъ I, 1890—1891; II, 1892; III, 1893; IV, 1894; V, 1895; VI, 1896; VII, 1897; VIII, 1898; IX, 1899; X, 1900; XI, 1901; XII, 1902; XIII, 1903.

Критич. отзывъ объ этомъ изданіи см. въ «Вѣстникѣ Европы», 1890 № 11 стран. 436—443 (статья *А. Н. Пыпина*).

469. Россія, полное географическое описаніе нашего отечества, подъ ред. В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, изд. Девріена, до нынѣ 6 томовъ, 1899—1903.

1901.

470. Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей В. И. Ламанскаго, Спб. 8°.

Томъ LXIX, Спб. 1901 г.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей В. И. Ламанскаго. Спб. 8°.

Томъ LXX, 1902; LXXI, 1902; LXXII, 1902.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей В. И. Ламанскаго.

Томъ LXXIII, 1903; LXXIV, 1903.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, Спб., 8°.

Томъ LXXV, 1904.

1904.

471. «Академическій Сборникъ статей по славяновѣдѣнію», издаваемый подъ редакціей В. И. Ламанскаго Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ къ предстоящему первому съѣзду славянскихъ филологовъ и историковъ въ С.-Петербургѣ. (Спб., 1904—1905).

Конецъ «Записки»:

«Всѣ, слѣдящіе за успѣхами *самостоятельной* научной дѣятельности русской, *одинаково* признаютъ значеніе Ламанскаго, какъ одного *изъ самыхъ замѣчательныхъ ея участниковъ*. Такъ и должно быть: на это дали ему право его многообразные труды, его даровитость и обширныя знанія, счастливое соединеніе въ умѣ его умѣнья вникать въ *мелочи* съ выдержкой *широкаго* общаго кругозора любознательности, своеобразныхъ помысловъ и домысловъ съ неутомимою изыскательностью и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ его готовность содѣйствовать работамъ другихъ, его теплое усердіе въ помощи молодымъ любителямъ науки»...

25. **Котляревскій, А.** Славяновѣдѣніе въ Россіи.
„Кіевскій Славянскій Ежегодникъ“ Задерацкаго I, 1876.
Изъ „Часописи Музеа Кралевстви Ческего“ 1874. I, 23—25 II—III, 169—189.
(О докторской диссертаціи В. И. Ламанскаго: «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ», Спб., 1870).

26. **Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.** Къ юбилею В. И. Ламанскаго.
„Новое Время“, 1883, мая 12.

27. **Бауеръ, В. В.**, проф. Новый трудъ В. И. Ламанскаго.
„Новое Время“, 1883 г., декабря 28, № 2813 (о сборникѣ „Secrets d'Etat de Venise etc. St.-Pét. 1883).

28. Revue International, ed, comte Angelo de Gubernatis, Florence, Mars, 1884, tome I, 851—866 (статья «Panslavisme»).

29. **Будиловичъ, А. С.**, проф. Новыя данныя для исторіи Восточнаго вопроса (о кн. Secrets d'Etat de Venise).
„Ж. М. Н. Пр.“ 1885, №№ 2, 4, 5 и 6.

30. **Болотовъ, В. В.**, проф. (о той же книгѣ) „Церковн. Вѣстн.“ 1884. №№ 6 и 7.

31. **Мартенсъ**, проф. (о томъ же) Journ. de St. Petersb., Janv. 14/20. 1884.

32. **Brown, H. F.** (о томъ же) Academy 1884, Aug. 2. № 639, p. 73.

33. **Mas Latrie**, M. le Comte de—. De l'empoisonnement politique dans la république de Venise (о томъ же изданіи, при чемъ В. И. Л—го авторъ называетъ Victor, вѣроятно желая передать по франц. имя Владиміръ). Mémoires de l'Académie des Inscriptions et belles lettres, t. XXXIV, 2 partie, Paris. 1895, pp. 197—259 (со стр. 234) и отд. отт. 67 стр..

34. **L. Leger** (о томъ же) Revue critique. 1884 (5 mai), p. 374—375.

35. (The) Edinburgh Review, London. Edinburgh, Vol. CLXVI. 1887, july... october, pp. 35—63.
(Political Assassination).

е) Чествованіе В. И. Ламанскаго въ 1883 г.

36. Сборникъ статей по Славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности (съ портретомъ въ текстѣ). Спб., 1883, стр. XVIII+XVIII_8+11+495. 8°.

Содержаніе:

Владиміру Ивановичу Ламанскому посвящаютъ ученики . . . стр. III
Посвященіе . . . . V—VIII
Сочиненія и изданія В. И. Ламанскаго, съ 1854 по 1883 г. IX—XVIII
Дополнительный списокъ сочиненій и изданій В. И. Ламанскаго, всего 163 №№ . . . . XVIII_8
Списокъ заключающихся въ Сборникѣ статей и ихъ авторовъ . . . . XIX—XX

Авторами явились:

Зигель, Θ. Θ., магистръ исторіи. *Семеновичъ, А. Г.*, докторъ философіи Лейпцигскаго университета и въ Спб. университетѣ. *Будиловичъ, А. С.*, докторъ славянской филологіи. *Анненковъ, Ю. С.*, (†), кандидатъ историко-филологическаго факультета. *Успенскій, Θ. И.*, докторъ всеобщей исторіи. *Воскресенскій, Г. А.*, магистръ богословія. *Брандтъ, Р. Θ.*, магистръ славянской филологіи. *Малининъ, В. Н.*, магистръ богословія. *Гротъ, К. Я.*, магистръ славянской филологіи. *Соколовъ, И. И.* (†), канд. ист.-фил. фак. *Флоринскій, Т. Д.*, магистръ слав. фил. *Пташицкій, С. Л.*, канд. ист.-фил. фак. *Соколовъ, М. И.*, канд. ист.-фил. фак. *Сырку, П. А.* магистрантъ слав. фил. *Анненскій, И. Θ.*, канд. ист.-фил. фак. *Регель, В. Э.*, канд. ист.-фил. фак. *Пальмовъ, И. С.*, магистръ богословія. *Истоминъ, Θ. М.*, канд. ист.-фил. фак. *Князевъ, Г. М.*, канд. ист.-фил. фак. *Кракау, В. А.*, канд. ист.-фил. фак. и *Петровъ, А. А.*, канд. ист.-фил. фак.

Поправки и опечатки ко всему тексту, стр. 491—495.

37. По поводу двадцатипятилѣтія учено-литературной дѣятельности Владиміра Ивановича Ламанскаго.

„Новое Время", 1883, мая 9, № 2583.

38. Чествованіе 25-лѣтія ученой и профессорской дѣятельности В. И. Ламанскаго.

„Новое Время", 1883, мая 12, № 2586, стр. 3.

39. **Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.**, проф. Привѣтствіе изъ Рима В. И. Ламанскому.

„Новое Время", 1883, мая 12, № 2586.

...«Популярности Вы не искали, потому что Вамъ, какъ С. М. Соловьеву, некогда было ея искать, но Вы нашли нѣчто болѣе прочное: Вы создали свою школу. Теперь уже многіе ученики Ваши занимаютъ каѳедры по славяновѣдѣнію, средневѣковой и русской исторіи. Для нихъ, Вашихъ учениковъ, открытъ новый міръ Греко-Славянскій, поле, на которомъ преимущественно слѣдуетъ работать русскимъ ученымъ... Вы еще во цвѣтѣ силъ. Да дастъ Вамъ Господь Богъ долгую жизнь, да пошлетъ Онъ Вамъ возможность возрастать изъ силы въ силу, изъ славы въ славу, да сподобитесь Вы увидать хотя бы зарю того, что составляло предметъ Вашихъ чаяній—міродержавной роли нашего славянскаго племени».

40. Адресъ преподавателей гимназій петербургскихъ и иногороднихъ В. И. Ламанскому (отъ 48 лицъ).

„Новое Время", 12 мая 1883 г.

41. Дипломъ Императорскаго Новороссійскаго университета своему почетному члену В. И. Ламанскому, «во вниманіе къ его педагогической дѣятельности, оживившей славянскія и византійскія занятія въ Россіи и въ уваженіе его заслугъ, какъ образователя школы ученыхъ и профессоровъ».

„Новое Время", 1883, мая 12.

42. Отъ Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и Историческаго Общества Нестора Лѣтописца своему почетному члену В. И. Ламанскому.

„Новое Время", 1883, мая 12.

43. Поздравительныя телеграммы на имя В. И. Ламанскаго къ его юбилею.

„Новое Время", 1883, мая 12.

Изъ *Варшавы* (отъ Θ. Θ. Зигеля и А. С. Будиловича)
» *Одессы* — отъ проф. Θ. И. Успенскаго.
» *Нѣжина*—отъ профессоровъ института и преподавателей гимназіи.
» *Кронштадта* — отъ учителей гимназіи, бывшихъ учениковъ В. И. Ламанскаго.

Изъ *Кіева* — отъ доцента Д. Т. Флоринскаго.
» *Бѣлграда* — отъ Серб. Учен. Дружества (за подписью 15 ученыхъ и профессоровъ).
Оттуда-же — отъ серба Николы Іовановича (на сербск. яз.).
Изъ *Люблявы* — отъ Словенской Матицы.
Отъ студентовъ-филологовъ 2 курса.
Отъ А. И. Савельева и т. д.

44. Привѣтственныя письма В. Г. Васильевскаго и В. В. Бауера В. И. Ламанскому.
„Новое Время", 1883 мая 12.

45. **С(мирновъ), А.** Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный учениками В. И. Ламанскаго. (Рец.).
„Русскій Филологич. вѣстникъ". Томъ X, 1883 стран. 153.

46. Slovenske Pohlady, časopis zábávno-poučny, redak. Sv. Hurban (Vajanski), vydavatel Pavel Mudron. Turč. Sv. Mart. Ročnik. III, 1883 kn. 5. (Объ юбилеѣ В. И. Ламанскаго).

47. **Флоринскій, Т. Д.** Юбилей В. И. Ламанскаго.
„Кіевскій Славянскій Ежегодникъ" за 1884 г. стр. 317—327 (изъ „Новаго Времени").

48. **Кулаковскій, П. А.** Объ избраніи В. И. Ламанскаго почетнымъ членомъ Юго-Славянской Академіи Наукъ и Искусствъ въ Загребѣ.
„Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества", 1884, № 2, стр. 18.

49. Предложеніе Предсѣдателя Спб. Слав. Благ. Общ. П. П. Дурново объ избраніи въ почетные члены В. И. Ламанскаго.
„Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.", 1884, № 1, стр. 2.

ж) Вступленіе В. И. Ламанскаго въ Императорскую Академію Наукъ.

50. **Шахматовъ, А. А.**, академикъ. Записка объ ученыхъ трудахъ заслуженнаго профессора Императорскаго Спб Университета В. И. Ламанскаго.
Извлеченія изъ Протоколовъ засѣданій Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ за январь—май 1899 года, стран. XXXIX—XLVII.
Конецъ этой записки:
«Сказаннаго о трудахъ В. И. Ламанскаго вполнѣ достаточно для того чтобы объяснить этотъ выборъ, на которомъ остановилось Отдѣленіе (русскаго яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ), когда оно получило возможность расширить составъ своихъ членовъ. Послѣ отъѣзда академика И. В. Ягича заграницу, славяновѣдѣніе — важная отрасль дѣятельности II отдѣленія — остается до сихъ поръ не представленнымъ въ нашей Академіи. Оно найдетъ достойнаго представителя въ лицѣ *старѣйшаго* изъ нашихъ славистовъ, *ученые труды котораго уже давно упрочили за нимъ славу настоящаго русскаго академика*».

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ

(въ порядкѣ окончанія авторами университетскаго курса).

Ѳ. Ѳ. Зигель (вып. 1867), *проф. Императорскаго Варшавскаго университета.* — стр.

Періодизація славянскаго права . . . . 1— 20

А. С. Будиловичъ (вып. 1867), *б. ректоръ и проф. Императорскаго Юрьевскаго университета.*

Къ характеристикѣ Фр. Лад. Ригера . . . . . 21— 34

Ѳ. И. Успенскій (вып. 1871), *директоръ Археологическаго Института въ Константинополь.*

О древнѣйшихъ знакахъ письма . . . . 321—335

Г. А. Воскресенскій (вып. 1874 Московской Духовной Академіи, командир. въ С.-Петербургскій Университетъ), *проф. Московской Духовной Академіи.*

Изъ славянской церковной хроники 1902 г. . . . 64— 68

Р. Ѳ. Брандтъ (вып. 1875), *проф. Императорскаго Московскаго университета.*

О двоинныхъ формахъ и объ ограниченномъ числѣ. 35— 44

К. Я. Гротъ (вып. 1876), *б. проф. Императорскаго Варшавскаго университета.*

Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ . . . . 69—140

Т. Д. Флоринскій (вып. 1876), *проф. Императорскаго университета Св. Владиміра.*

Дубровницкій статутъ 1272 г. . . . . 491—506

С. Л. Пташицкій (вып. 1877), *пр.-доц. Императорскаго С.-Петербургскаго университета.*

Западно-русскіе переводы хроникъ Бѣльскаго и Стрыковскаго (Библіографическая замѣтка). . . . 372—384

М. И. Соколовъ (вып. 1878), *проф. Императорскаго Московскаго университета.*

Фениксъ въ апокрифахъ объ Энохѣ и Варухѣ . . 395—405

И. П. Филевичъ вып. 1879), *проф. Императорскаго Варшавскаго университета.*

Карпатская Русь наканунѣ XX вѣка . . . . . . 45— 63

И. С. Пальмовъ (вып. 1880, С.-Петербургской Духовной Академіи), *проф. С.-Петербургской Духовной Академіи.*

Мануальникъ Вячеслава Коранды, какъ источникъ для характеристики религіозно-реформаторскихъ идей чешскаго утраквизма второй половины XV вѣка. 141—180

Ѳ. М. Истоминъ (вып. 1880), *членъ совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.*

Къ вопросу о старинѣ и новизнѣ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ . . . . 363—371

А. Л. Петровъ (вып. 1880), *преподаватель С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.*

Матеріалы для исторіи Угорской Руси „Старая вѣра и унія въ XVII—XVIII вв.“ . . . . 185—257

П. Д. Драгановъ (вып. 1884), *помощникъ библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки.*

Забытая статья Ф. Миклошича . . . . 297—303

Е. В. Пѣтуховъ (вып. 1885), *проф. Императорскаго Юрьевскаго университета.*

Письма В. А. Жуковскаго къ канцлеру Фридриху фонъ-Миллеру . . . . 336—343

А. А. Васильевъ (вып. 1892), *проф. Императорскаго Юрьевскаго университета.*

Арабскій синаксарь о болгарскомъ походѣ Императора Никифора I . . . . 361—362

А. Л. Погодинъ (вып. 1894), *проф. Императорскаго Варшавскаго университета.*

Этимологическія замѣтки: 1) Къ исторіи сношеній славянъ и Литвы съ иранскими племенами. 2) Свобода . . . . 181—184

Н. В. Ястребовъ (вып. 1895), *пр.-доц. Императорскаго С.-Петербургскаго университета.*

Хельчицкій и Гусъ . . . . 468—490

Д. И. Абрамовичъ (вып. 1895 С.-Петербургской Духовной Академіи), *доц. С.-Петербургской Духовной Академіи.*

О Спасо-Прилуцкомъ Прологѣ Спб. Дух. Академіи . 282—288

Г. А. Ильинскій (вып. 1898), *пр.-доц. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.*

Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербскомъ языкѣ . . . . 307—313

Е. Ѳ. Карскій (учен. Р. Ѳ. Брандта и М. И. Соколова въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко, вып. 1885), *проф. Императорскаго Варшавскаго университета.*

По вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи . . . . 314—320

Н. В. Шляковъ (уч. Р. Ѳ. Брандта и М. И. Соколова въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко вып. 1885), *преподаватель Неплюевскаго кадетскаго корпуса въ Оренбургѣ.*

Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ . . . . 289—296

А. Н. Ясинскій (уч. проф. Ѳ. Я. Фортинскаго (†) и слушатель Т. Д. Флоринскаго въ университетѣ Св. Владиміра, вып. 1888), *проф. Императорскаго Юрьевскаго университета.*

Характеристика средневѣковой нѣмецкой колонизаціи на югѣ Чехіи . . . . 385—394

К. Ѳ. Радченко (уч. Т. Д. Флоринскаго въ университетѣ Св. Владиміра, вып. 1894), *проф. Императорскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.*

Замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ фонетики Рупаланскаго нарѣчія . . . . 304—306

В. А. Францевъ (уч. К. Я. Грота и А. С. Будиловича въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, вып. 1890), *проф. Императорскаго Варшавскаго университета.*

Къ исторіи каѳедры славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ Королевскомъ Александровскомъ Университетѣ . . . . 348—360

Е. Ф. Тураева-Церетели (слушат. А. Л. Петрова на Высшихъ женскихъ курсахъ, вып. 1893 г.), *преподав. Женскаго Педагогическаго Института.*

Черты изъ церковной жизни Западной Руси XVI в. по 3 письмамъ минорита о. Іоанна Коморовскаго . 258—281

Н. Н. Дурново (уч. М. И. Соколова и Р. Ѳ. Брандта въ Московскомъ университетѣ, вып. 1899), *прив.-доц. Императорскаго Московскаго университета.*

Повѣсть о старцѣ, просившемъ руки царской дочери. 344—347

А. М. Лукьяненко (уч. Т. Д. Флоринскаго въ университетѣ Св. Владиміра, вып. 1903), *стипендіатъ Императорскаго университета Св. Владиміра.*

Почаевскій Сборникъ Кіевской Духовной Академіи Молдаво-болгарской редакціи XVI в. со стороны своего языка . . . . 406—467

Я. Гротъ.

А. С. Будиловичъ.

Θ. Θ. Зигель.

Г. Θ. Брандтъ.

Т. Д. Флоринскій.

Θ. И. Успенскій.

М. И. Соколовъ.

С. Л. Пташицкій.

Т-ВО Р. ГОЛИКЕ И А. ВИЛЬБОРГЪ.

Г. А. Воскресенскій.

И. С. Пальмовъ.

Ѳ. М. Истоминъ.

А. Л. Петровъ.

И. П. Филевичъ.

Г. А. Воскресенскій.

И. С. Пальмовъ.

Ѳ. М. Истоминъ.

А. Л. Петровъ.

И. П. Филевичъ.

...тyховъ.

Б. А. [illegible]

А. А. Васильевъ.

А. Д. По[illegible]инъ.

Д. И. Абрамовичъ.

И. В. Ястребовъ.

Г. И. [illegible]

В. Пѣтуховъ.

П. Д. Драгановъ.

А. А. Васильевъ.

А. Л. Погодинъ.

Д. И. Абрамовичъ.

Н. В. Ястребовъ.

Г. И. Ильинскій.

Т-ВО Р. ГОЛИКЕ И А. ВИЛЬБОРГЪ.

Періодизація славянскаго права.

Ф. Ф. Зигеля.

Если признать существованіе славянскаго права, какъ самостоятельнаго научнаго предмета, то, конечно, необходимо предположить, что и историческое развитіе представленій объ устройствѣ государственной и частной жизни въ отдѣльныхъ славянскихъ государствахъ совершалось однообразно. Спрашивается теперь, въ чемъ же можно найдти такое однообразіе при всемъ кажущемся громадномъ различіи позднѣйшаго политическаго и частнаго быта Славянъ?

Обращаясь за разъясненіемъ этого вопроса прежде всего къ сравнительно-историческимъ изысканіямъ о тѣхъ силахъ, которыя производятъ измѣненіе во всемъ общественномъ строѣ, мы находимъ слѣдующіе четыре различныхъ отвѣта:

1) О. Контъ въ началѣ прошлаго вѣка высказалъ мнѣніе, находящее многочисленныхъ поклонниковъ и доселѣ, что каждое общество и каждое твореніе его, напр., каждая наука, пробѣгаетъ необходимо три ступени развитія: богословскій, когда человѣкъ стремится все объяснить дѣйствіемъ существъ, ему подобныхъ, но несравненно болѣе могущественныхъ; метафизическій, когда все объясняется извѣстными силами, напр., жизненной энергіей, и позитивный, когда изучаются только одни явленія въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности съ цѣлью открыть законы явленій ради владычества надъ ними. Въ тѣсной связи съ этимъ взглядомъ находится положеніе, что накопленіе и распространеніе знаній въ народѣ ускоряетъ прогрессъ, а потому можетъ быть поставлено въ основу періодизаціи (Бокль).

2) Французскій мыслитель Кине первый бросилъ мысль о значеніи религіозныхъ измѣненій для строя государства и общества. Эта идея нашла себѣ блестящаго представителя въ Фюстель-де-Куланжъ, который стремился доказать, что перемѣны въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народныхъ массъ производятъ перевороты во всемъ общественномъ бытѣ (La cité antique).

3) Карлъ Марксъ со своими послѣдователями рѣшилъ, что движенія народовъ опредѣляются экономическими силами. Такъ

называемый экономическій матеріализмъ и теперь можетъ считаться наиболѣе распространенною теоріею у насъ, хотя на Западѣ Европы уже появилось новое, болѣе широкое обобщеніе.

4) Въ самое послѣднее время все болѣе склоняются къ тому, что измѣненіе въ міросозерцаніи должно считаться исходною точкою новаго періода, а это измѣненіе обыкновенно вызывается не однимъ только паденіемъ старыхъ религіозныхъ вѣрованій или распространеніемъ знаній или накопленіемъ и распредѣленіемъ богатствъ, а въ большинствѣ случаевъ цѣлою совокупностью самыхъ разнообразныхъ причинъ [1]). И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что измѣненія въ міросозерцаніи должны служить началами новыхъ періодовъ.

Если мы отъ этихъ соціологическихъ соображеній обратимся къ философскимъ наблюденіямъ надъ правомъ, то здѣсь мы встрѣчаемся съ Р. фонъ-Іерингомъ, который стремится доказать, что измѣненія въ воззрѣніяхъ на правду и справедливость должны служить признакомъ появленія новаго періода. Идеалы правды и справедливости присущи извѣстному ряду поколѣній, которыя обыкновенно, однако, не въ состояніи дать себѣ въ этомъ яснаго отчета. Эти идеалы внѣдряются въ юридическія правила, опредѣляютъ качество юридическихъ институтовъ, придавая послѣднимъ большое сходство между собою при всемъ разнообразіи содержанія, а не высказываются въ ясно выраженныхъ положеніяхъ. Этотъ взглядъ знаменитаго историка-юриста какъ бы подтверждаетъ мнѣнія соціологовъ, ибо вѣдь измѣненія въ идеалахъ коренятся въ концѣ концовъ въ измѣненіи взглядовъ на вселенную.

Если мы глубже вникнемъ въ эту, повидимому, совершенно правильную мысль, то окажется, что въ развитіи каждой мыслящей единицы (человѣкъ, общество, народъ и т. д.), мы можемъ подмѣтить три ступени, когда эта единица вырабатываетъ свои взгляды на міръ совершенно самостоятельно, руководясь исключительно своимъ наблюденіемъ, затѣмъ, когда она подчиняется почти безусловно взглядамъ лицъ, по ея мнѣнію авторитетныхъ, напр., учителей, и наконецъ, когда она начинаетъ относиться критически къ преподаннымъ положеніямъ, начинаетъ провѣрять ихъ своимъ опытомъ, однимъ словомъ, усваиваетъ только то, что вполнѣ научно обосновано или, по крайней мѣрѣ, полезно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ эта единица.

Подготовивъ себя самыми широкими обобщеніями изъ изуче-

---

[1]) См. объ этомъ послѣднемъ мнѣніи статью Штейнметца: Classification des types sociaux, стр. 43—147. L'année sociologique, т. III. 1900. Штейнметцъ, опираясь отчасти на мнѣніи Сузерланда (стр. 117—125), предлагаетъ группировать человѣчество „по преобладающему характеру его умственной жизни" (стр. 137, 8).

нія общественныхъ явленій, мы теперь уже можемъ перейдти къ исторіи славянскаго права и посмотрѣть, не находятъ ли эти обобщенія себѣ примѣненіе въ этой гораздо болѣе узкой области. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что стародавнее славянство жило своими собственными идеалами, которое оно вынесло изъ праславянской, арійской старины. Затѣмъ уже до утвержденія христіанства, первые славянскіе князья—творцы большихъ политическихъ союзовъ начали заимствовать образцы для переустройства своихъ государствъ изъ державы Меровинговъ или изъ Византіи. Послѣ принятія христіанства образованность европейская, западная и восточная, разсматривалась и разсматривается, какъ образованность общечеловѣческая. Этотъ періодъ преклоненія передъ результатами чужой мысли, начавшійся въ X в., когда болѣе обширныя политическія единицы уже опредѣлились, и христіанство охватило цѣлое славянство, длится до сихъ поръ, хотя безспорно уже начинаютъ проявляться преимущественно въ литературѣ, признаки самостоятельности.

Такой долгій періодъ подражанія и усвоенія чужаго міросозерцанія не долженъ удивлять насъ. Въ развитіи каждаго выдающагося народа мы замѣчаемъ періодъ, въ который онъ перерабатываетъ въ себѣ все добытое своими предшественниками. Нельзя уже теперь сомнѣваться, что важнѣйшая часть образованности, дѣйствительно составляетъ плодъ усилій всего человѣчества. Для насъ теперь ясно, что древневавилонскіе памятники, напр., законникъ Гаммураби, оказывали вліяніе не только на позднѣйшій Вавилонъ, Ассирію, Персію, но можетъ быть и на болѣе позднія времена, что на греческое искусство черезъ Кипръ вліялъ древній Египетъ, что во взглядахъ Платона чувствуется знакомство съ политическимъ устройствомъ древняго Египта и съ философско-религіозными системами древней Индіи и т. д., и т. д. Множество открытій, изобрѣтеній и мыслей передаются и пробуждаютъ дотолѣ дремлющую народную мысль къ дальнѣйшему прогрессу. Кромѣ этого безспорнаго факта мы видимъ другой, что чѣмъ болѣе пріобрѣтено человѣчествомъ, тѣмъ долѣе длится процессъ усвоенія. Періодъ несамостоятельной жизни Греціи очень не великъ, но уже Риму приходилось въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ находиться подъ подавляющимъ вліяніемъ Греціи; значеніе же древней классической образованности такъ могущественно, что, не смотря на невѣроятный подъемъ естественныхъ наукъ до сихъ поръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изученіе древнихъ языковъ особено полезно и поучительно. Если же мы ко всему этому прибавимъ, что къ наслѣдію Греціи и Рима даже средневѣковая Европа присоединила немало, что къ этому присовокупилась съ XVIII в. цѣлая сфера

новаго вѣдѣнія наукъ экономическихъ, почти неизвѣстныхъ древнему и средневѣковому міру, что разработка естественныхъ наукъ, преимущественно на Западѣ Европы, достигла поразительныхъ результатовъ, что вся эта все растущая масса знаній производила измѣненія въ европейскомъ міросозерцаніи, если все это мы только представимъ себѣ, тогда продолжительность подавляющаго вліянія европейской мысли намъ станетъ всецѣло понятной.

Объяснивъ долгую несамостоятельность славянской мысли, мы должны остановиться на вопросѣ, будетъ ли она въ состояніи сказать что-либо новое. Отвѣтить на это, думается мнѣ, не особенно трудно. Уже давно было подмѣчено, что и въ образованностяхъ необходимъ обмѣнъ народовъ; какъ Греція ожила приливомъ македонской крови, такъ и древніе Германцы, дѣти лѣсовъ и болотъ сѣверной Европы, произвели оживляющее дѣйствіе на культуру древняго міра. Фактъ этотъ давно подмѣченъ, хотя научно еще не разъясненъ. Можетъ быть сначала присвоенныя, а затѣмъ всецѣло укрѣпившіяся представленія о мірѣ становятся до того дороги, что ихъ необходимое для жизни измѣненіе является почти что невозможнымъ; но можетъ быть и усовершенствованія чужаго міросозерцанія путемъ дорого стоющаго собственнаго опыта черезъ чуръ ослабляютъ производительныя силы. Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ необходимость свѣжихъ народовъ для движенія впередъ всего человѣчества замѣчалась повсемѣстно. Но кромѣ сказаннаго, совокупность того, что называется образованностію даннаго культурнаго типа, слагается изъ неравноцѣнныхъ элементовъ. Въ ней находятся въ весьма слабой степени незыблемыя данныя науки, а главный ея составъ набирается изъ обобщеній, далеко недостаточныхъ, изъ мнѣній, даже просто изъ предразсудковъ. Образованіе этой второй составной части обыкновенно произошло подъ вліяніемъ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ мѣстныхъ и историческихъ условій. Вотъ почему перенести данныя общественныя формы изъ одной среды въ другую бываетъ не легко и эти пересадки, обыкновенно, оказываются не совсѣмъ удачными. Все нами выраженное особенно относится къ общественнымъ явленіямъ. До какой степени ихъ научная постройка еще недостаточна, видно изъ слѣдующаго. Наиболѣе простыя, а потому и наиболѣе удобныя для изученія экономическія явленія сложились, казалось, въ довольно прочную систему, въ такъ называемую классическую Политическую Экономію; не смотря на это, уже историческое направленіе внесло не мало новаго, расширивъ сферу наблюденія. Когда же политико-экономическія истины пришлось испытывать на совершенно новой, американской почвѣ, тогда оказалось, что въ основу экономическихъ наукъ легли опыты Франціи

нія общественныхъ явленій, мы теперь уже можемъ перейдти къ исторіи славянскаго права и посмотрѣть, не находятъ ли эти обобщенія себѣ примѣненіе въ этой гораздо болѣе узкой области. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что стародавнее славянство жило своими собственными идеалами, которое оно вынесло изъ праславянской, арійской старины. Затѣмъ уже до утвержденія христіанства, первые славянскіе князья—творцы большихъ политическихъ союзовъ начали заимствовать образцы для переустройства своихъ государствъ изъ державы Меровинговъ или изъ Византіи. Послѣ принятія христіанства образованность европейская, западная и восточная, разсматривалась и разсматривается, какъ образованность общечеловѣческая. Этотъ періодъ преклоненія передъ результатами чужой мысли, начавшійся въ X в., когда болѣе обширныя политическія единицы уже опредѣлились, и христіанство охватило цѣлое славянство, длится до сихъ поръ, хотя безспорно уже начинаютъ проявляться преимущественно въ литературѣ, признаки самостоятельности.

Такой долгій періодъ подражанія и усвоенія чужаго міросозерцанія не долженъ удивлять насъ. Въ развитіи каждаго выдающагося народа мы замѣчаемъ періодъ, въ который онъ перерабатываетъ въ себѣ все добытое своими предшественниками. Нельзя уже теперь сомнѣваться, что важнѣйшая часть образованности, дѣйствительно составляетъ плодъ усилій всего человѣчества. Для насъ теперь ясно, что древневавилонскіе памятники, напр., законникъ Гаммураби, оказывали вліяніе не только на позднѣйшій Вавилонъ, Ассирію, Персію, но можетъ быть и на болѣе позднія времена, что на греческое искусство черезъ Кипръ вліялъ древній Египетъ, что во взглядахъ Платона чувствуется знакомство съ политическимъ устройствомъ древняго Египта и съ философско-религіозными системами древней Индіи и т. д., и т. д. Множество открытій, изобрѣтеній и мыслей передаются и пробуждаютъ дотолѣ дремлющую народную мысль къ дальнѣйшему прогрессу. Кромѣ этого безспорнаго факта мы видимъ другой, что чѣмъ болѣе пріобрѣтено человѣчествомъ, тѣмъ долѣе длится процессъ усвоенія. Періодъ несамостоятельной жизни Греціи очень не великъ, но уже Риму приходилось въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ находиться подъ подавляющимъ вліяніемъ Греціи; значеніе же древней классической образованности такъ могущественно, что, не смотря на невѣроятный подъемъ естественныхъ наукъ до сихъ поръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изученіе древнихъ языковъ особено полезно и поучительно. Если же мы ко всему этому прибавимъ, что къ наслѣдію Греціи и Рима даже средневѣковая Европа присоединила немало, что къ этому присовокупилась съ XVIII в. цѣлая сфера

Древнѣйшій періодъ европейскихъ народовъ начался наивной вѣрой въ возможность достигнуть посредствомъ человѣческаго ума истины, но закончился онъ скептицизмомъ, такъ что уже въ Неопиѳагореизмѣ и Неоплатонизмѣ человѣческій умъ извѣрился въ себѣ самомъ и думалъ найдти успокоеніе въ божественномъ откровеніи. Когда оно появилось, человѣчество рѣшило, что въ религіи необходимо отыскать не только указанія на отношеніе человѣка къ Богу, не только — на отношеніе человѣка къ человѣку, но и положенія объ организаціи вселенной. Такимъ образомъ въ Старомъ и Новомъ Завѣтахъ искали отвѣта на всѣ вопросы, а сама наука сводилась къ умѣнью открыть въ Священномъ Писаніи данныя для рѣшенія запросовъ жизни. Слѣдовательно, не наблюденіе и опытъ, какъ у древнихъ, но авторитетъ опредѣлялъ все. Когда Св. Писаніе оказывалось недостаточнымъ, тогда признавали, что и въ языческія времена могли быть боговдохновенные люди, къ которымъ присоединили Платона, въ особенности Аристотеля и отчасти римскихъ юристовъ. И такъ всѣмъ этимъ лицамъ вѣрили, какъ боговдохновеннымъ, а совсѣмъ не потому, что ихъ мнѣнія могли быть доказаны. Такому состоянію европейской мысли всецѣло соотвѣтствовалъ и методъ. Если истина уже открыта, то ее необходимо разъяснить себѣ и приспособить къ жизни. И такъ устанавливалось положеніе, основанное болѣе или менѣе на божественомъ авторитетѣ; это положеніе разъяснялось примѣрами, разчленялось на составныя части и т. д. Такимъ образомъ методъ былъ дедуктивный и притомъ схоластическій, ибо въ училищѣ (scola) тоже разъясняли ученикамъ уже открытыя истины, а не пытались съ ними дойти до новыхъ. Вникая глубже въ это средневѣковое міросозерцаніе, такъ прекрасно изображенное покойнымъ Эйкеномъ [1]), мы замѣчаемъ, что оно далеко не представляется такимъ законченнымъ, какъ міросозерцаніе Шеллинга или Гегеля, даже Спенсера [2]), что въ немъ, какъ и на географическихъ картахъ мало изслѣдованныхъ странъ, занимаетъ нѣкоторыя мѣста неизвѣстное. Это потому, что Богу не благоугодно было открыть полную истину слабому человѣческому уму. Поэтому человѣкъ и не могъ стремиться къ систематическому знанію, ибо система предполагаетъ полную, законченную картину бытія; между тѣмъ какъ были открыты только одни отрывочныя, ничѣмъ не связанныя положенія. Все нами сказанное находитъ себѣ полное приложеніе и къ правовѣдѣнію. Отношеніе церкви къ государству, государственной власти къ подданнымъ стремились обосновать на Словѣ Божіемъ или на римскомъ правѣ;

[1]) Eicken. Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. 1887.
[2]) Хотя у Спенсера видное мѣсто тоже занимаетъ невѣдомое.

и въ особенности Англіи, недостаточно полные для постройки науки. Появились трэсты, синдикаты и т. д., т. е. явленія Политическою Экономіею не предвидѣнныя, но быстро усвоенныя и европейскою жизнію. Теперь уже сѣверо-американскіе ученые, напр., Л. Уордъ, поговариваютъ даже о полной перестройкѣ Политической Экономіи [1]). И такъ оказывается, что политическія, общественныя и экономическія науки заключаютъ въ себѣ такъ называемые эмперическіе законы, т. е. примѣнимые только къ явленіямъ, уже подвергнутымъ наблюденію, а не новымъ. Въ географическомъ отношеніи Славянство поставлено, подобно Америкѣ, въ условія, совсѣмъ не сходныя съ западноевропейскими. Жизнь его раскинулась на необъятныхъ пространствахъ; съ одной стороны, оно соприкасается съ западной Европой, съ другой, на самомъ отдаленномъ Востокѣ омывается Тихимъ океаномъ; на Югѣ окаймляется морями, горами, громадными рѣками и граничитъ съ самыми разнообразными народами; на Сѣверѣ доходитъ до береговъ Ледовитаго океана. Меня поэтому нисколько не удивляли рѣчи западноевропейскихъ ученыхъ, которые ожидаютъ чрезвычайно многаго отъ провѣрки на несравненно большемъ просторѣ государство- и обществовѣдѣнія, построеннаго на опытахъ, сдѣланныхъ въ сравнительно незначительныхъ географическихъ предѣлахъ.

Такимъ образомъ оказывается, что самый существенный періодъ славянскихъ представленій о правѣ, обществѣ и государствѣ охватываетъ цѣлое тысячелѣтіе. Образованіе славяно-языческихъ убѣжденій объ общественномъ и государственномъ устройствѣ уходитъ въ глубочайшую, сѣдую старину, имѣющую чрезвычайно много общаго съ бытомъ Грековъ временъ Гомера, Римлянъ временъ царей, Кельтовъ и Германцевъ. Что же касается будущаго, то гадать о немъ, конечно, несвоевременно. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлился въ общихъ чертахъ и этотъ тысячелѣтній періодъ, какъ прошедшій въ усвоеніи всего того, что добыто предшествующими умственными усиліями самой выдающейся части человѣчества. Если наши умозаключенія были сдѣланы до сихъ поръ правильно, тогда въ содержаніи самаго усвояемаго Славянами мы должны искать основъ для раздѣленія упомянутаго тысячелѣтія на болѣе мелкіе періоды. Если мы теперь обратимся къ исторіи европейской образованности, то мы замѣчаемъ рѣзкое различіе между средними и новыми вѣками. Дѣйствительно, чѣмъ глубже мы проникаемъ въ умственную жизнь Европы, тѣмъ ярче проявляются намъ не только характерныя отличія, но и причины этихъ отличій.

---

[1]) Lester Ward. Psychic factors of civilization. Boston. 1893. Гл. XXXIII.

то теперь каждая личность стремится завоевать себѣ возможно полную самостоятельность. Наука освобождается отъ служенія богословія и пріобрѣтаетъ независимое мѣсто; наблюденіе и опытъ становятся почти исключительными средствами научнаго прогресса, что сближаетъ новые вѣка съ древностію. Съ Лейбница появляется мысль о послѣдовательности развитія, совершенно недоступная средневѣковью, которое признавало только царство истины и царство лжи; мысль эта находитъ себѣ полное выраженіе въ ученіи Дарвина и въ философіи Спенсера. Народныя массы стремятся получить участіе въ политической, общественной, литературной жизни, а это вызываетъ оживленіе народныхъ языковъ, дабы возможно скорѣе сдѣлать результаты науки достояніемъ всѣхъ. Наконецъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствуется потребность обосновать міросозерцаніе на незыблемыхъ научныхъ данныхъ. Въ огромной области правовѣдѣнія измѣненія тоже чрезвычайны. Для среднихъ вѣковъ было доступно только право, какъ примѣняющее къ людскимъ спорамъ начало справедливости, весьма грубо понимаемое, какъ воздаяніе каждому своего (suum cuique tribuere). Новое время ставитъ подлѣ права гражданскаго, судебнаго и уголовнаго право государственное, международное и науки экономическія; оно вноситъ идеи о закономѣрности и о постепенности развитія (эволюціи); оно стремится усовершенствовать сожительство людей посредствомъ предвидѣнія общественныхъ золъ и устраненіе ихъ не черезъ революціонные взрывы, стоющіе столькихъ крови и слезъ, а черезъ мирную и настойчивую работу поколѣній. Если средніе вѣка смотрѣли на жизнь людей на землѣ, какъ на временной искусъ, то, наоборотъ, новое время пыталось взглянуть на земное пребываніе, какъ на единственно возможное и измѣрить земнымъ мѣриломъ необъятное; въ англійской философіи, наиболѣе глубокой, и въ этомъ отношеніи происходитъ перемѣна, ибо высказывается стремленіе отграничить земную сферу съ земною наукою отъ сферы непознаваемаго съ религіей. Такимъ образомъ самостоятельная мысль человѣческая, освобожденная отъ всевозможныхъ стѣсненій, стремится указать каждому явленію свое подобающее мѣсто и построить на прочныхъ, научныхъ устояхъ благосостояніе людей.

Итакъ, обобщая все вышеизложенное, мы можемъ сказать, что если въ средніе вѣка владычествовала церковь и первенствовали церковные интересы, то въ новое время владычествуетъ государство и свѣтскіе интересы занимаютъ первое мѣсто.

Переходя теперь къ отдѣльнымъ славянскимъ государствамъ, намъ не трудно будетъ опредѣлить объемъ новой исторіи въ каждомъ изъ нихъ. Мы начинаемъ съ *Чехіи*, ибо это государство занимаетъ первенствующее мѣсто среди цѣлаго Славянства. Чеш-

ское право сохранило чрезвычайно много остатковъ глубочайшей древности; Чехія обладаетъ самою блестящею юридическою литературой, дозволяющей намъ подробно изобразить судебное, гражданское и уголовное право; Чехи проявили въ гуситскомъ движеніи, ранѣе западной Европы, замѣчательную самостоятельность религіозной мысли и нанесли первый ударъ средневѣковому строю; въ ихъ гуситствѣ впервые ясно обрисовалось національное движеніе; наконецъ, ранѣе другихъ Славянъ они выдвинули мысль о духовномъ единеніи Славянства, т. е. поняли, что возрожденіе малыхъ народностей безъ объединительныхъ стремленій вноситъ рознь въ человѣчество и нарушаетъ величавый ходъ его къ все большему и большему единству.

Сраженіе у Липанъ въ 1434 г., гдѣ была поражена демократическая партія объединенными силами пановъ и рыцарства, представляется мнѣ событіемъ настолько важнымъ, что съ него должно начинать новый періодъ. Уже само образованіе двухъ партій, въ основѣ которыхъ не столько лежали религіозныя, сколько политическія и экономическія различія, указывало на значительное охлажденіе къ вопросамъ о вѣрѣ; въ демократической партіи, несомнѣнно, еще чувствовалось религіозное воодушевленіе и ея пораженіе было вмѣстѣ съ тѣмъ пораженіемъ людей, которымъ особенно дороги были завѣты великаго реформатора. Дѣйствительно, уже въ 1436 г. появляется чисто свѣтское требованіе рыцарства объ участіи въ верховномъ земскомъ судѣ; къ концу XV в. рыцарство заключаетъ тѣсный союзъ съ панами, въ громадномъ большинствѣ католиками, противъ горожанъ, всецѣло какъ и рыцари, гуситовъ. Съ 1434 г. всѣ вопросы, занимающіе пановъ, рыцарство и горожанъ, почти исключительно политическаго и экономическаго характера, эти сословія стремятся занять наиболѣе выгодное мѣсто при окончательномъ устройствѣ государства послѣ неурядицъ гуситскихъ войнъ. Даже само начало вѣротерпимости, впервые появившееся на Кутногорскомъ сеймѣ 1484 г. и окончательно признанное маестатомъ Рудольфа II 1609 г., указываетъ, думается мнѣ, что пламенное чувство вѣры, стремящееся посвятить все ея распространенію, уступило мѣсто разсудочному мышленію, предпочитающему миръ и спокойствіе религіозной войнѣ. При этомъ нельзя не отмѣтить, что государственный строй Чехіи носилъ характеръ сословный, точно такой, какой былъ повсюду распространенъ въ тогдашней западной Европѣ, несмотря на значительную самостоятельность чешской общественной жизни, обусловленную участіемъ городского элемента.

Переходя отъ Чехіи къ *Польшѣ,* мы замѣчаемъ съ XVI в. существенный переворотъ. Уже со второй половины XV-го в.

чувствуется вѣяніе новыхъ идей. Громко высказываемое на различныхъ съѣздахъ недовольство церковными десятинами, противодѣйствія церковнымъ судамъ противъ еретиковъ, постановленіе Піотрковскаго сейма 1496 г. о томъ, что высшія духовныя должности должны замѣщаться шляхтичами, указываютъ на то, что съ церковью не церемонились. Само реформаціонное движеніе XVI в. было вызвано не столько стремленіемъ найти истинную вѣру, сколько желаніемъ освободиться отъ опеки католической церкви. Въ началѣ XVI в. (Радомскій сеймъ 1505—6 г.) окончательно устанавляются составъ и предметы вѣдомства сейма и съ этого момента единый полноправный народъ—шляхта почти беретъ въ свои руки бразды правленія; о томъ, что духовные должны засѣдать, какъ таковые, въ посольской избѣ, даже и не заикались. При этомъ нужно замѣтить, что на весь строй польской общественной жизни оказали подавляющее вліяніе Римъ царей и идеи греческихъ философовъ Платона, а въ особенности Аристотеля; это особенно облегчалось тѣмъ, что полноправными гражданами считалась не болѣе, какъ одна десятая часть населенія.

Хорватское государство рано утратило свою полную самостоятельность, а потому и не могло проявить достаточно сильно присутствіе новыхъ идей; тѣмъ не менѣе и въ немъ съ XVI в. чувствуется вліяніе гуманизма и великихъ открытій.

На Балканскомъ полуостровѣ славянскія государства (*Болгарія, Сербія*) пали въ XIV и въ XV в., а потому и не могли участвовать во всеобщемъ переворотѣ.

Значительно позже, а именно съ конца XVII в., отразила на себѣ *Россія* вліяніе новыхъ идей. Громадность Россіи, малонаселенность и сравнительная бѣдность страны, необходимость тяжелой борьбы съ иноплеменниками, наконецъ отдаленость отъ Запада Европы, откуда, послѣ паденія Константинополя, и могъ только проникать лучъ просвѣщенія, всецѣло объясняютъ это явленіе. Поэтому въ Россіи мы почти не замѣчаемъ вліянія гуманизма, великихъ открытій XV и XVI вѣковъ и реформаціонныхъ идей; она прямо входитъ въ европейскій XVIII в. съ его просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, съ его взглядомъ на дворянство не какъ на военное, а какъ на наиболѣе экономически обезпеченное и просвѣщенное сословіе, долженствующее быть руководящимъ классомъ въ обществѣ и т. д. Притомъ XVIII в. цѣнилъ и науку, особенно если изъ нея можно было извлечь непосредственную пользу. Все это отразилось съ чрезвычайною силою на Россіи и придавало русской исторіи XVIII и XIX вв. характеръ не только свѣтскій, но пожалуй отчасти матеріалистическій. Даже войны за освобожденіе Востока, подъ покровомъ религіи, преслѣдовали

иной разъ весьма осязательные политическіе и экономическіе интересы. Подавляющее вліяніе идей Западной Европы объясняется тѣмъ, что послѣ закрѣпощенія крестьянъ только незначительная часть населенія, а именно прежнее служилое сословіе, принимало участіе въ общественной и умственной жизни страны.

Выдѣливъ въ отдѣльныхъ славянскихъ государствахъ періодъ новой исторіи и отмѣтивъ, что въ немъ большое значеніе имѣли разнообразныя иноземныя вліянія вслѣдствіе малочисленности той среды, въ которой протекала вся политическая, общественная и литературная жизнь, мы теперь должны остановиться на времени, прошедшемъ въ отдѣльныхъ славянскихъ государствахъ съ X-го в. до начала новаго періода, и спросить себя, не можетъ ли и это время подлежать дѣленію на періоды. Внимательное изученіе Славянства въ этотъ промежутокъ его политической жизни, дѣйствительно, указываетъ на весьма существенный переломъ. Въ теченіе первыхъ столѣтій мы не можемъ установить прочныхъ юридическихъ началъ; отсутствіе ихъ замѣняется договорами, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ какъ бы не было и юридическихъ правилъ и каждый могъ дѣйствовать безъ малѣйшихъ стѣсненій. Но такое состояніе послѣ нѣсколькихъ столѣтій измѣняется. Возникаютъ извѣстныя правила, нарушить которыя считалось незаконнымъ. И такъ въ каждомъ славянскомъ государствѣ мы можемъ отдѣлить періодъ несложившихся нормъ и періодъ болѣе или менѣе опредѣленнаго юридическаго порядка. Не трудно дать объясненіе такому явленію.

Славяно-языческій общественный бытъ, повидимому, сложился въ крѣпкія формы. Это мы можемъ предполагать не только на основаніи консерватизма Славянъ вообще, не только вслѣдствіе полнаго совпаденія этого быта со славяно-языческимъ міросозерцаніемъ [1]), или вслѣдствіе близости его къ общественному быту Аріевъ, но также и на основаніи долго продолжающихся переживаній. Уже въ 20-хъ годахъ IX в. у Лютичей на престолъ покойнаго князя вступилъ его старшій сынъ, который, однако, правилъ, пока онъ былъ угоденъ народу [2]); совершенно такъ же, какъ въ Чехіи, Польшѣ или Россія даже въ XIII в. Уже у Поморянъ для дѣйствительности постановленій народнаго собранія требовалось единогласіе, какъ и на русскихъ вѣчахъ и т. д. Этотъ крѣпко сложившійся бытъ былъ, однако, поколебленъ появленіемъ князей—творцовъ болѣе обширныхъ политическихъ союзовъ. Такой князь опирался въ своихъ дѣйствіяхъ не на совѣтѣ знати и старѣйшинъ, не на народномъ собранія, а на всецѣло преданной

---

[1]) Напр. кровавая месть находила себѣ объясненіе въ представленіяхъ о загробной жизни.

[2]) Гильфердингъ. Ист. балт. Славянъ. Спб. 1874 г. стр. 74.

чувствуется вѣяніе новыхъ идей. Громко высказываемое на различныхъ съѣздахъ недовольство церковными десятинами, противодѣйствія церковнымъ судамъ противъ еретиковъ, постановленіе Піотрковскаго сейма 1496 г. о томъ, что высшія духовныя должности должны замѣщаться шляхтичами, указываютъ на то, что съ церковью не церемонились. Само реформаціонное движеніе XVI в. было вызвано не столько стремленіемъ найти истинную вѣру, сколько желаніемъ освободиться отъ опеки католической церкви. Въ началѣ XVI в. (Радомскій сеймъ 1505—6 г.) окончательно установляются составъ и предметы вѣдомства сейма и съ этого момента единый полноправный народъ—шляхта почти беретъ въ свои руки бразды правленія; о томъ, что духовные должны засѣдать, какъ таковые, въ посольской избѣ, даже и не заикались. При этомъ нужно замѣтить, что на весь строй польской общественной жизни оказали подавляющее вліяніе Римъ царей и идеи греческихъ философовъ Платона, а въ особенности Аристотеля; это особенно облегчалось тѣмъ, что полноправными гражданами считалась не болѣе, какъ одна десятая часть населенія.

Хорватское государство рано утратило свою полную самостоятельность, а потому и не могло проявить достаточно сильно присутствіе новыхъ идей; тѣмъ не менѣе и въ немъ съ XVI в. чувствуется вліяніе гуманизма и великихъ открытій.

На Балканскомъ полуостровѣ славянскія государства (*Болгарія, Сербія*) пали въ XIV и въ XV в., а потому и не могли участвовать во всеобщемъ переворотѣ.

Значительно позже, а именно съ конца XVII в., отразила на себѣ *Россія* вліяніе новыхъ идей. Громадность Россіи, малонаселенность и сравнительная бѣдность страны, необходимость тяжелой борьбы съ иноплеменниками, наконецъ отдаленость отъ Запада Европы, откуда, послѣ паденія Константинополя, и могъ только проникать лучъ просвѣщенія, всецѣло объясняютъ это явленіе. Поэтому въ Россіи мы почти не замѣчаемъ вліянія гуманизма, великихъ открытій XV и XVI вѣковъ и реформаціонныхъ идей; она прямо входитъ въ европейскій XVIII в. съ его просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, съ его взглядомъ на дворянство не какъ на военное, а какъ на наиболѣе экономически обезпеченное и просвѣщенное сословіе, долженствующее быть руководящимъ классомъ въ обществѣ и т. д. Притомъ XVIII в. цѣнилъ и науку, особенно если изъ нея можно было извлечь непосредственную пользу. Все это отразилось съ чрезвычайною силою на Россіи и придавало русской исторіи XVIII и XIX вв. характеръ не только свѣтскій, но пожалуй отчасти матеріалистическій. Даже войны за освобожденіе Востока, подъ покровомъ религіи, преслѣдовали

противъ него. Реакція противъ христіанско-византійскихъ порядковъ была такъ сильна въ Болгаріи, что она чрезвычайно способствовала распространенію богумильства [1]) и привела первое болгарское царство даже къ паденію. Въ Польшѣ послѣ изгнанія Мечислава II возникаетъ кровавое преслѣдованіе христіанъ; даже волненія во время кіевскаго похода Болеслава Смѣлаго были, вѣроятно, вызваны воспоминаніями языческой славянской старины. Въ Чехіи еще въ концѣ XI-го в. Бретиславъ II уничтожалъ священныя рощи [2]), а въ Сербіи слѣды язычества сохранились до конца XII в. Послѣ всего сказаннаго становится всецѣло понятнымъ, что средневѣковыя воззрѣнія въ ихъ Западной или Восточной формѣ могли быть усвоены даже высшими слоями общества только по истеченіи цѣлыхъ столѣтій. Въ теченіе этихъ столѣтій, очевидно, и не могли существовать прочныя юридическія начала; они постепенно только складывались изъ соединенія древнеязыческихъ представленій съ новыми понятіями, занесенными духовенствамъ съ Запада или Востока. Этотъ образовательный процессъ, однако, долженъ былъ закончиться, если только государство продолжало жить и не исчезало вслѣдствіе внутреннихъ противорѣчій, какъ первое болгарское царство. И такъ, промежутокъ времени отъ X-го в. до начала новаго періода естественно распадается на два періода, на періодъ борьбы двухъ міросозерцаній, язычески-славянскаго и средневѣковаго европейскаго, и порожденнаго этою борьбою хаоса, и на періодъ, въ которомъ общественная жизнь уже упорядочена сложившимися юридическими правилами съ характеристическими признаками средневѣковья. Посмотримъ теперь, какъ отграничиваются оба эти періода въ различныхъ славянскихъ государствахъ.

Въ *Чехіи*, гдѣ вліяніе Запада началось сравнительно рано и было вслѣдствіе близости къ Германіи сильно, уже въ началѣ XIII-го в. можно встрѣтить указаніе на прочно сложившіяся юридическія правила. Тѣмъ не менѣе 1253 г. долженъ быть, повидимому, поставленъ, какъ послѣдній предѣлъ 1-го періода. Въ этомъ году взошелъ на чешскій престолъ Оттокаръ II. Онъ назначилъ нѣсколько лицъ изъ состава сейма пожизненными судьями и тѣмъ учредилъ верховный земскій судъ, что привело современемъ къ сосредоточенію въ Прагѣ почти всѣхъ спорныхъ дѣлъ изъ всей Чехіи; онъ призывалъ особенно усердно въ города нѣмецкихъ колонистовъ и тѣмъ положилъ начало городскому сословію; онъ

[1]) По моему мнѣнію, богумильство даже возникло какъ реакція языческо славянскихъ религіозныхъ и общественныхъ убѣжденій противъ христіанско-византійскаго строя.

[2]) Fontes. II. стр. 136,7.

поручилъ уголовный судъ надъ низшими слоями общества и полицейскій надзоръ за населеніемъ въ каждой области двумъ назначеннымъ имъ панамъ, т. н. поправцамъ. Всѣ эти мѣры совершенно разрушили старый строй чешской жизни, заключавшій въ себѣ еще немало остатковъ языческой старины. До образованія чешскаго государства каждое племя составляло одно политическое цѣлое; послѣ объединенія племенъ при Болеславѣ I (936—967) нѣкоторыя племена непосредственно перешли въ области, во главѣ которыхъ стояли княжескіе намѣстники, вѣроятно, часто назначаемые изъ потомковъ бывшихъ племенныхъ князей. Такимъ образомъ, племя, какъ самоуправляющаяся единица, перешло въ чешское государство; надъ областями, старыми племенами, былъ только князь и подлѣ него сеймъ. Оттокаръ II, очевидно, считалъ такое устройство чешскаго государства съ значительною самостоятельностью отдѣльныхъ областей не безопаснымъ для государственнаго единства. Поэтому его мѣры были направлены къ уничтоженію старой областной, т. е. племенной во времена язычества, связи и къ усиленію королевской власти и королевскаго вліянія на судъ и администрацію. Сто лѣтъ спустя, составныя части чешскаго государства (Моравія, Силезія, Лужицы и т. д.) соединяются новымъ, феодальнымъ началомъ, въ чемъ наглядно проявляется вліяніе Западно-Европейскихъ, специфически германскихъ идей.

Въ *Польшѣ* разрушеніе многихъ старославянскихъ учрежденій указываетъ на конецъ XIII в. Къ этому времени относится паденіе судовъ божіихъ и значительное ослабленіе соприсяжничества подъ вліяніемъ церкви. Въ началѣ XIV в. тоже очень замѣтно разложеніе старославянскаго института „ополя", по крайней мѣрѣ, въ Силезіи, Великой и Малой Польшѣ. Ополя, по моему мнѣнію, были административными общинами, судившими преступленія своихъ членовъ, слѣдившими за миромъ и спокойствіемъ въ своихъ предѣлахъ, отбывавшими сообща налоги и повинности и даже имѣвшими нѣкоторое отношеніе къ землевладѣнію. Очевидно, такія общины были остатками языческой славянской старины, въ которой, по словамъ Гельмольда, каждый такой округъ имѣлъ своего идола и своего жреца. Понятно, такія мелкія самоуправляющіяся единицы не соотвѣтствовали новымъ порядкамъ, появившимся въ Славянствѣ со временъ князей—творцовъ большихъ политическихъ союзовъ. Да и церковь, вѣроятно, не особенно дружелюбно смотрѣла на эти тѣсно сплоченные союзы людей, большею частію, средняго достатка. Вотъ почему они и сохранились въ памятникахъ, какъ округа, на которые возлагалось множество обязанностей, но которые не имѣли правъ. Паденіе упо-

мянутыхъ мною учрежденій должно было привести къ существеннымъ измѣненіямъ въ судебномъ правѣ и въ управленіи. Наконецъ, необходимо припомнить, что къ концу XIII в. относится появленіе королевскаго титула, какъ признака измѣнившихся въ обществѣ взглядовъ на верховную власть, и начало объединенія отдѣльныхъ княжествъ.

Въ *Хорватіи* прекращеніе туземной династіи въ 1102 г. и добровольное присоединеніе къ Венгріи можетъ быть признано началомъ новаго періода.

Среди православныхъ государствъ въ *Болгаріи* оба періода отдѣлены рѣзко византійскимъ завоеваніемъ 1018 г., именно первое болгарское царство имѣетъ яркія черты перваго періода, а второе (1181—1396) проявляетъ не менѣе характерныя особенности второго.

Сербія со Стефана Немани вступаетъ непосредственно во второй періодъ и въ немъ заканчиваетъ свою самостоятельную жизнь. Періодъ взаимной борьбы началъ языческо-славянскихъ и началъ христіанско-византійскихъ здѣсь только отчасти намъ извѣстенъ (столкновенія сербскихъ племенъ съ Симеономъ Болгарскимъ).

Россія вслѣдствіе своей обширности, малонаселенности и отдаленности отъ Византіи представляетъ много особенностей. Событія до распаденія Россіи на удѣлы совершенно сходны съ событіями временъ Ростислава и Святополка велико-моравскихъ, Болеслава I-го чешскаго и Болеслава Храбраго польскаго и ихъ непосредственныхъ преемниковъ. Но съ распаденія Россіи на удѣлы начинаются переживанія старо-славянскихъ до-христіанскихъ порядковъ. Переживанія до того ясны и притомъ не въ одномъ государственномъ, но и въ частномъ быту, что могутъ служить превосходнѣйшимъ комментаріемъ къ быту Поморья временъ Оттона Бамбергскаго, къ общественной жизни Лютичей и Бодричей. Вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ такъ рѣзко не проявляется противорѣчіе живой дѣйствительности съ ея бурными вѣчами и частой смѣной князей съ одной стороны, и міросозерцанія монаховъ-лѣтописцевъ съ другой. Взглядъ послѣднихъ на князей, какъ на самодержавныхъ до того опредѣленно высказанъ, что долго приводилъ въ заблужденіе нашихъ лучшихъ историковъ. Распаденіе на удѣлы, однако, должно было усилить вліяніе христіанско-византійскихъ идей не смотря на трудности, представляемыя обширностію и малонасенностію страны. Уже въ концѣ XIV в. вліяніе церкви сильно, церковный бракъ утвержденъ, власть князей весьма значительна. Но въ исторіи Россіи особенное значеніе имѣетъ половина XV в. (паденіе Константинополя). Съ этого момента, по мнѣнію книжниковъ того времени, на Москву пало наслѣдіе

Византіи охранять православіе на Востокѣ. Казалось, предварительно необходимо было принять византійскія формы жизни политической, общественной и даже семейной, возможно усилить благочестіе и, наконецъ, напречь всѣ военныя и экономическія силы страны для борьбы съ иновѣрцами. Съ половины XV-го в. все подчиняется цѣлямъ православія, а сама Москва въ глазахъ православнаго міра становится третьимъ Римомъ. Крутыя мѣры Ивана III и IV сносились потому, что ихъ поддерживала церковь, что онѣ предпринимались въ видахъ цѣли, предначертанной самимъ Богомъ.

Характеристическія особенности перваго періода славянскаго права, я думаю, достаточно очевидны, но второй періодъ требуетъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ поясненій. Въ *Чехіи* время отъ 1253 по 1434 г. носитъ на себѣ отпечатокъ иноземщины, что и было одною изъ причинъ гуситскаго движенія. Паны, сильно проникнутые германизмомъ, играютъ самую видную роль въ судахъ, на сеймахъ, въ центральномъ и мѣстномъ управленіи; уже въ XIV в., по образцу западной Европы, они составляютъ изъ себя замкнутое сословіе. Подлѣ государства чрезвычайно видное, почти независимое мѣсто занимаетъ церковь, которая стоитъ во главѣ народнаго образованія и учрежденій, направленныхъ къ охранѣ народнаго здравія, къ устраненію бѣдности и безпомощности; религіозные вопросы наиболѣе занимаютъ людей того времени, что и порождаетъ религіозное разномысліе. Въ *Польшѣ* съ 1300—1505 г. мы замѣчаемъ расчлененность общества, появившуюся еще во второй половинѣ XIII в., на духовенство, знать, рыцарство, все болѣе и болѣе проникающееся рыцарскими идеалами, горожанъ и крестьянъ, причемъ духовенство, рыцарство и горожане пользуются значительнымъ самоуправленіемъ, а знать занимаетъ самое выдающееся мѣсто въ цѣломъ государствѣ. Церковные интересы преобладаютъ до того, что направляютъ политику королей съ Запада на Востокъ, что приводитъ къ занятію галицкой Руси и къ соединенію съ Литовскимъ княжествомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется сильное вліяніе церкви, церковнаго и римскаго права и въ общежитейскихъ отношеніяхъ. Въ *Хорватіи* и *Далмаціи* къ вліянію Германіи и Франціи присоединяется вліяніе Венеціи и Италіи съ ея чрезвычайно развитою городскою жизнью, такъ что Приморско-славянскія городскія общины являются сколками съ Венеціи. Вслѣдствіе преобладанія западно-европейскихъ взглядовъ на королевскую власть, сословія, положеніе церкви, вслѣдствіе вліянія римскаго, каноническаго и нѣмецкаго права на судебное и гражданское право, славяно-католическія государства во второмъ періодѣ чрезвычайно походятъ на государства западной Европы, хотя

съ феодализмомъ мы встрѣчаемся развѣ только въ одномъ чешскомъ государствѣ, а также въ Хорватіи и Далмаціи.

Что касается православно-славянскихъ государствъ, а именно *Болгаріи, Сербіи* и *Россіи*, то въ нихъ византійскіе государственные и общественные образцы имѣли громадное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ церковное, и византійское право оказывало сильное вліяніе на гражданское, судебное и уголовное право. Если мы замѣчаемъ нѣкоторыя видныя отличія отъ обще-византійскаго типа, напр., сословность, бащины властелей, въ государственномъ бытѣ Болгаріи и Сербіи, то они объясняются вліяніемъ Венгріи и феодальныхъ представленій, появившихся съ завоеванія Константинополя Латинянами. Впрочемъ, тому подобныя политическія формаціи и по тѣмъ же причинамъ мы находимъ и въ Византіи съ XIII в.

Подводя итоги всему сказанному, мы замѣчаемъ, что Славянство въ своемъ всестороннемъ развитіи прошло двѣ ступени и находится наканунѣ вступленія въ третью.

Въ теченіе *первой ступени развитія* Славянство жило исключительно своими собственными идеями. Власть князя носила характеръ скорѣе жреца и судьи, чѣмъ военноначальника. Онъ управлялъ и издавалъ законы при помощи совѣта, состоящаго изъ знати и старѣйшинъ, и народнаго собранія, которое и придавало постановленіямъ обязательную силу. Общество распадалось на знать, отличающуюся по своимъ правамъ, и на свободный народъ. Управленіе облегчалось чрезвычайно существованіемъ большихъ самоуправляющихся общинъ, ополь, жупъ, уѣздовъ, околицъ и т. д. Такъ какъ въ языческомъ Славянствѣ считалось общепризнаннымъ правиломъ, что каждое общее дѣло должно было подлежать общему обсужденію и единогласному рѣшенію народа, то древнеславянское государство должно было быть малаго объема, чѣмъ и объяснима крайняя неустойчивость бóльшихъ политическихъ соединеній. Во главѣ довольно многолюдныхъ кровныхъ союзовъ стояли домовладыки, воля которыхъ разсматривалась обыкновенно, какъ воля усопшихъ предковъ. Каждая административная община занимала опредѣленное количество земли, на которой сидѣли упомянутые кровные союзы, обрабатывая поля до выпашки, а затѣмъ переселяясь на новое мѣсто. Только трудъ связывалъ землю съ сидѣвшими на ней союзами; поэтому луга, а въ особенности выгоны и лѣса разсматривались какъ достояніе общины. Внутри кровныхъ союзовъ существовали уже отдѣльныя семьи, живущія въ отдѣльныхъ хатахъ и придерживающіяся обыкновенно единобрачія.

Наконецъ, посягательства на самые устои такого быта, освященные преданіями и религіей, карались смертію и изгнаніемъ, а посягательства на отдѣльныя лица—кровавою местью. Конечно, вслѣдствіе недостатка источниковъ нарисованная нами картина общественнаго быта Славянъ не можетъ быть признана всецѣло доказанной.

Вторая ступень развитія начинается образованіемъ большихъ политическихъ союзовъ и принятіемъ христіанства. Многочисленность неудачныхъ попытокъ образованія большаго политическаго союза, легкость, съ которою распадалсяуже образовавшійся союзъ, наконецъ, реакціи противъ него въ историческія времена ясно указываютъ, что славянскія народныя массы не чувствовали потребности въ большей сплоченности. Такая потребность сознавалась только выдающимися славянскими князьями и ихъ ближайшими сотрудниками. При этомъ князья опирались на учрежденіи, уже извѣстномъ языческому Славянству, а именно на дружинѣ. Кромѣ того, князья обыкновенно пользовались помощію уже прочно сложившагося государства (Германіи, Византіи, Болгаріи), признавая себя данниками этого государства. Введеніе христіанской религіи тоже считалось чрезвычайно важнымъ средствомъ разрушенія славяно-языческаго міросозерцанія. Такимъ образомъ начинается ступень воспріятія образованности западно-европейской или византійской. Такъ какъ народныя славянскія массы были довольны своимъ старымъ языческимъ бытомъ и не чувствовали нужды въ его измѣненіи, то процессъ усвоенія этой средневѣковой образованности долженъ былъ происходить медленно, вызывать не разъ реакціи и произвести долгое броженіе въ народныхъ массахъ, выразившееся въ сферѣ юридической отсутствіемъ прочно сложившихся юридическихъ началъ. Тѣмъ не менѣе, если славянское государство не распадалось вслѣдствіе внутреннихъ противорѣчій, наступалъ моментъ, когда противорѣчія примирялисъ и возникалъ уже окрѣпшій юридическій порядокъ. Если бы мы задумали, такъ сказать, химически разложить юридическія начала II-го періода, мы получили бы два составныхъ элемента, одинъ, ведущій свою родословную изъ праславянской, пожалуй, арійской старины, и другой, заимствованный изъ Европейскаго Запада или Востока. Спаяніе этихъ двухъ элементовъ, понятно, произошло въ извѣстной исторической средѣ со свойственными ей опредѣленными потребностями, а потому оказывавшей тоже не мало вліянія на образовавшееся юридическое начало [1]). Однако, средневѣковое міро-

---

[1]) Такого рода мысль не можетъ смущать юристовъ. Вѣдь не безызвѣстно, что юридическія начала Code Napoleon тоже могутъ быть какъ-бы химически разложены на два элемента, древнегерманскій и римскій. Современная наука гражданскаго права во Франціи и занимается теперь этимъ дѣломъ.

созерцаніе со своимъ преобладаніемъ церковныхъ интересовъ тоже сходитъ со сцены. Славянству приходится снова перестраиваться согласно ожившимъ преданіямъ древнихъ Рима и Греціи, согласно идеямъ временъ реформаціи и согласно указаніямъ отчасти даже научнымъ. Такъ появляется *третій періодъ* со своимъ характерньмъ значеніемъ государства, свѣтскихъ интересовъ и свѣтской науки. Наконецъ, такъ какъ чужое міросозерцаніе могло быть усвоено только людьми, экономически обезпеченными, которыхъ въ обществѣ всегда не особенно много, а въ средніе вѣка ихъ было еще менѣе, то понятно вся политическая, общественная и умственная жизнь Славянства могла вращаться только въ сравнительно узкой средѣ. Это съ одной стороны облегчало и ускоряло усвоеніе, съ другой имѣло своимъ послѣдствіемъ, что народныя славянскія массы, за исключеніемъ одной Чехіи, чуть ли не остались на той же ступени развитія, какъ въ XIII-омъ в. Это печальное явленіе имѣетъ и свою выгоду. Такъ какъ весь европейскій государственный, общественный и экономическій бытъ построенъ въ весьма слабой степени на научныхъ данныхъ, а въ гораздо большей—на предразсудкахъ и даже отчасти прямыхъ заблужденіяхъ, то Славянству даже удобно обладать громаднымъ человѣческимъ матеріаломъ, не искалѣченнымъ еще различными фантастическими ученіями.

Наиболѣе сжато наши мысли могутъ быть выражены такъ:

I. Древнѣйшій славянскій бытъ до X-го в.

II. Усвоеніе Славянами западноевропейской или византійской образованности съ X в. по XX в.

1. Періодъ несложившихся юридическихъ правилъ вслѣдствіе борьбы двухъ противоположныхъ міросозерцаній.

Чехія съ X в. по 1253 г.	Болгарія съ X в. по 1018 г.
Польша съ X в. по 1300 г.	Сербія.
Хорватія съ Далматіей съ X в. по 1102 г.	Россія съ X в. по 1453 г.

2. Періодъ средневѣковой сложившихся юридическихъ началъ.

Чехія съ 1253 по 1434 г.	Болгарія съ 1181 по 1396 г.
Польша съ 1300 по 1505 г.	Сербія съ 1181 по 1456 г.
Хорватія съ Далматіей съ 1102 по XVI в.	Россія съ 1453 по XVIII в.

3. Періодъ новый съ преобладаніемъ свѣтскихъ интересовъ.

Чехія съ 1434 по 1627 г.
Польша съ 1505 по 1795 г.
Хорватія съ Далматіей съ XVI в.

Россія въ XVIII и XIX в.
Черногорія.
Сербія.
Болгарія.

Къ характеристикѣ Франтишка Ладислава Ригера.

А. С. Будиловича.

18 февраля 1903 года скончался въ Чешской Прагѣ на 85-мъ году жизни знаменитый чешскій дѣятель д-ръ Ф. Л. Ригеръ. Смерть его вызвала единодушныя сожалѣнія и глубокую скорбь во всемъ чешскомъ народѣ. Торжественныя, поистинѣ королевскія похороны его на пражскомъ Вышеградѣ, при соучастіи стотысячной массы, въ присутствіи представителей всѣхъ слоевъ населенія и безчисленныхъ депутацій отъ чехо-моравскихъ городовъ, общинъ, корпорацій, отчасти и отъ другихъ австро-славянскихъ народностей, служатъ доказательствомъ широкой популярности его не только въ Чехіи, но и въ прочихъ австрійскихъ областяхъ. Этотъ всенародный порывъ былъ настолько силенъ, что увлекъ и прежнихъ антагонистовъ Ригера, такъ что у гроба его еще разъ объединилась вся современная Чехія, признававшая почившаго вождя какъ-бы ея некоронованнымъ королемъ.

Въ чемъ же заключается заслуга Ригера, его права на благодарность чеховъ и прочихъ славянъ?

По происхожденію, Ригеръ, подобно большинству дѣятелей чешскаго возрожденія, былъ сынъ простого седлака, именно мельника въ г. Семиляхъ, въ с. в. Чехіи. Онъ родился въ 1818 году. Образованіе получилъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, ичинской и пражской, а высшее—на философскомъ и юридическомъ факультетахъ вѣнскаго и пражскаго университетовъ. Послѣдній удостоилъ Ригера въ 1846 году степени доктора правъ за сочиненіе по политической экономіи. Впослѣдствіи Ригеръ имѣлъ возможность дополнить свое образованіе продолжительными путешествіями по славянскимъ землямъ Австріи, затѣмъ въ Италіи, Франціи, Голландіи, Англіи, а также обширнымъ чтеніемъ, главнымъ образомъ, по наукамъ политическимъ и экономическимъ. Онъ предназначалъ себя къ академической дѣятельности, но это оказалось невозможнымъ при господствѣ въ ту пору въ пражскомъ университетѣ германизма. Пришлось оставаться частнымъ человѣкомъ, что, впрочемъ, болѣе соотвѣтствовало и наклонностямъ Ригера, чуждаго всякаго честолюбія и оппортунизма. Этимъ же объ-

ясняется и то, почему Ригеръ, занявъ впослѣдствіи одно изъ первыхъ мѣстъ между героями австрійскаго парламентаризма, ни разу не соблазнился министерскимъ портфелемъ, достигнуть котораго было бы ему не трудно, при его выдающихся талантахъ и обширныхъ связяхъ. Только въ послѣдніе годы жизни онъ принялъ пожалованный ему баронскій титулъ и званіе члена палаты господъ, хотя не придавалъ этому особеннаго значенія.

При такихъ условіяхъ, не связанный ни службою, ни чужими инструкціями, Ригеръ могъ тѣмъ съ большимъ досугомъ и свободой посвятить себя дѣятельности общественной, гдѣ и стяжалъ себѣ безсмертное имя.

Изъ событій личной жизни Ригера заслуживаетъ особаго упоминанія то обстоятельство, что въ 1853 году онъ женился на дочери Палацкаго, съ которымъ уже раньше сблизился въ парламентахъ вѣнскомъ и кромѣрижскомъ, въ бурные 1848 и 1849 гг. Эта семейная связь была весьма благодѣтельна и для Ригера и для чеховъ въ томъ отношеніи, что она еще тѣснѣе сроднила этихъ двухъ выдающихся дѣятелей, изъ которыхъ одинъ былъ геніальнымъ чешскимъ исторіографомъ, а другой—блестящимъ ораторомъ и неутомимымъ общественнымъ организаторомъ.

Физическій типъ Ригера одно изъ близкихъ къ нему лицъ (Шубертъ), въ посвященной почившему вождю рѣчи, характеризуетъ такъ: „Въ его личности, какъ и въ лицѣ, было что-то богатырское, а вмѣстѣ милое. Уже его могучая осанка невольно обращала на него взоры. Будучи высокаго роста и крѣпкаго сложенія, онъ до глубокой старости имѣлъ походку скорую и нѣсколько рѣзкую, какъ то бываетъ у горцевъ. Всегда румяное и ясное лицо его, обыкновенно улыбающееся, было обрамлено бакенбардами, а густые волосы, слегка посѣдѣвшіе въ послѣдніе годы, покрывали его характерную голову, съ темными глазами, сіявшими изъ-подъ густыхъ бровей. Кто разъ его видѣлъ, уже не могъ его забыть, равно какъ и его мягкаго, звонкаго, металлическаго голоса“.

Природа надѣлила Ригера большими, рѣдкими способностями и блестящимъ ораторскимъ талантомъ, въ которомъ онъ не имѣлъ соперника ни въ Прагѣ, ни въ Вѣнѣ. Богатство содержанія соединялось въ его рѣчахъ съ изяществомъ формы, обиліемъ образовъ, поэтическимъ колоритомъ и вмѣстѣ искренностью, правдивостью, теплотою тона. Необыкновенная энергія и трудоспособность побуждали Ригера брать на себя не бѣловую лишь, но и черновую, детальную работу въ избранныхъ имъ областяхъ. И всѣ эти рѣдкія силы и способности были направляемы къ одной цѣли его пылкимъ и вмѣстѣ твердымъ, сознательнымъ патріотизмомъ,

готовностью всѣмъ жертвовать для блага чеховъ, съ полнымъ забвеніемъ личныхъ чувствъ и интересовъ. Это выразилось и въ его отеческомъ завѣщаніи „Моему народу", въ которомъ онъ формулируетъ опытъ всей своей жизни и, въ заключеніе, жертвуетъ изъ своего не особенно значительнаго имущества 200.000 кронъ на чешскія культурныя цѣли.

На служеніе какимъ же патріотическимъ цѣлямъ посвятилъ Ригеръ свои выдающіяся силы, свой трудъ, свою жизнь? Какіе идеалы воодушевляли его въ дѣятельности?

Главнымъ изъ этихъ идеаловъ было возрожденіе чешскаго народа, возстановленіе его прежней самобытности и славы. Въ этомъ отношеніи Ригеръ является продолжателемъ чешскихъ дѣятелей первой половины XIX вѣка, но съ постепеннымъ расширеніемъ ихъ программы съ области научно-литературной, гдѣ вращалась дотолѣ дѣятельность Юнгмана, Коллара, Шафарика, Челяковскаго, Ганки, Палацкаго и др., на области общественную, экономическую и политическую. Съ юношескою энергіей принялся Ригеръ уже въ 40-ые годы за организацію чешскихъ общественныхъ силъ, устраивалъ общества, клубы, кружки и старался замѣнить въ публичномъ употребленіи языкъ нѣмецкій чешскимъ. Такъ возникли тогда чешская „Мѣщанская Бесѣда", „Промысловая Еднота", любительскій театръ, впослѣдствіи же литературный фондъ „Святоборъ", „Серединная Школьная Матица" и многія другія общественно-просвѣтительныя учрежденія. Ригеръ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи чеховъ на экономическомъ полѣ, путемъ учрежденія „заложенъ", банковъ, акціонерныхъ обществъ и т. п. разсадниковъ освобожденія чеховъ отъ нѣмецкаго капитала и эксплоатаціи.

Вопросы соціальные стояли для Ригера уже на второмъ планѣ, особенно съ той поры, какъ, сблизившись съ Палацкимъ, онъ научился у послѣдняго дорожить и тѣми элементами чехизма, какіе сохранились и возродились, наконецъ, въ чешской шляхтѣ По этой же причинѣ онъ, не будучи самъ фанатикомъ папизма, не рѣшился однако, стать въ антагонизмъ съ чешскимъ католическимъ духовенствомъ, которое въ извѣстныхъ границахъ также готово было содѣйствовать народному возрожденію чеховъ, конечно, не по преданіямъ гуситства, а въ рамкахъ католическаго вѣроисповѣданія.

И въ научно-литературной области Ригеръ старался укрѣпить чехизмъ, для чего онъ рѣшился въ 1846 году произнести на чешскомъ языкѣ свою докторскую рѣчь лѣтъ пять спустя на этомъ же языкѣ онъ представилъ диссертацію pro venia legendi, что и было причиною отклоненія ея нѣмецкимъ сенатомъ праж-

скаго университета. Особенно же памятно въ чешской литературѣ предпринятое Ригеромъ въ 1867 году изданіе Чешской Энциклопедіи, которую онъ въ теченіе 19-ти лѣтъ довелъ до конца, въ XI томахъ, при соучастіи всѣхъ наличныхъ чешскихъ научныхъ силъ. Отъ него же вышелъ сильный толчекъ въ развитіи чешской публицистики, благодаря основанію въ 1861 году „Народныхъ Листовъ", которые, правда, стали впослѣдствіи органомъ политическихъ антагонистовъ Ригера, но во всякомъ случаѣ сослужили великую службу чешскому дѣлу. Ему же во многомъ обязана своимъ блестящимъ развитіемъ чешская школа—низшая, средняя и высшая, благодаря между прочимъ учрежденію „Серединной Школьной Матицы" (Ригеръ былъ однимъ изъ учредителей и старой „Чешской Матицы", въ 1836 году) и постепенному выдѣленію въ Прагѣ изъ нѣмецкой политехники и университета соотвѣтственныхъ чешскихъ учрежденій. Естественнымъ слѣдствіемъ такого подъема школъ было возникновеніе въ Прагѣ и чешской академіи наукъ, по почину архитектора Главки, при соучастіи и поддержкѣ Ригера.

Въ послѣдніе годы онъ хлопоталъ и объ учрежденіи чешскаго университета въ Моравіи.

Ригеру же принадлежитъ главная заслуга въ сооруженіи въ Прагѣ въ 60-хъ годахъ временнаго чешскаго театра, а впослѣдствіи, въ 80-ые годы, нынѣшняго великолѣпнаго зданія „Народнаго дивадла", наряду съ которымъ Ригеръ старался въ послѣдніе годы жизни открыть еще особый драматическій театръ. Но это пока не осуществилось, какъ и его проектъ чешскаго театра въ моравскомъ Bернѣ.

Въ какомъ же видѣ представлялъ себѣ Ригеръ нормальныя отношенія возрожденной Чехіи къ Австріи и другимъ сосѣднимъ странамъ?

Подобно своему тестю Палацкому, Ригеръ былъ до конца жизни приверженцемъ Габсбургской монархіи и не разъ повторялъ его фразу о необходимости этой политической организаціи для славянъ, хотя по временамъ и считалъ такую необходимость злой ироніей судьбы. Вытекала же эта необходимость для Ригера изъ сознанія слабости вѣтвей западнаго Славянства къ независимому политическому бытію, въ вѣкъ образованія большихъ міровыхъ державъ, въ частности же—объединенной Нѣмечины, на западномъ рубежѣ Славянскаго міра.

Грозящія отсюда западнымъ славянамъ, въ особенности чехамъ, опасности представлялись какъ Палацкому, такъ и Ригеру столь роковыми, что они готовы были подъ этою угрозою забыть и происхожденіе Австріи, какъ Восточной Марки Каролингскаго царства,

и ея вину въ паденіи Велико-моравскаго государства и смертельную вражду къ чешскимъ Премысловичамъ, и коварную политику Фердинандовъ I, II, III, погромъ бѣлогорскій, слѣдовавшую за нимъ гибель на эшафотѣ лучшихъ чешскихъ патріотовъ той эпохи, бѣдствія чешско-братскаго экзулантства, опустошенія 30-лѣтней войны, обскурантское управленіе Леопольда I, германизаторскіе планы Маріи Терезіи и Іосифа II, полувѣковой гнетъ Меттерниховскаго режима, а, наконецъ, совершившіяся уже на глазахъ Ригера безчисленныя смѣны политическихъ системъ, то заигрываніе съ Франкфуртомъ, то поддакиваніе Берлину, съ постыднымъ предоставленіемъ въ Угріи вѣрныхъ славянъ мятежнымъ мадьярамъ, а въ Цислейтаніи—не менѣе вѣрныхъ червонорусовъ, хорватовъ, чеховъ мятежнымъ полякамъ, итальянцамъ, всенѣмцамъ.

Какими же способами разсчитывалъ Ригеръ преобразовать этотъ старый форпостъ германизма въ охранный валъ Западнаго Славянства, противъ потока, угрожающаго ему изъ-за Шумавы и Рудныхъ горъ? Наиболѣе надеждъ Ригеръ возлагалъ въ этомъ отношеніи на преобразованіе Австріи изъ государства абсолютнаго, бюрократическаго, въ конституціонное, почему и принялъ самое горячее участіе въ этомъ процессѣ, начавшемся въ смутахъ 1848—49 годовъ и до нѣкоторой степени завершенномъ—послѣ 10-лѣтняго перерыва—въ 60-ые годы прошлаго вѣка.

Въ первый изъ этихъ періодовъ Ригеръ увлекался особенно надеждою перенести въ Австріи центръ государственной тяжести сверху внизъ, отъ онѣмеченныхъ слоевъ бюрократіи и аристократіи къ болѣе чистымъ, въ славянскомъ смыслѣ, среднимъ и низшимъ слоямъ населенія. Потому-то въ Вѣнскомъ и Кромѣрижскомъ парламентахъ 1849 года, ратуя за уравненіе правъ чешскаго языка и народности съ нѣмецкими, Ригеръ особенно напиралъ на положеніе: всякая государственная власть исходитъ отъ народа. Подобно Палацкому, и Ригеръ стоялъ тогда за превращеніе Австріи въ федерацію народностей, автономныхъ на соотвѣтственной этнографической площади.

Впослѣдствіи, однако, въ виду постигшей эту программу неудачи, Ригеръ, наряду съ Палацкимъ, пересталъ уже подчеркивать принципъ народнаго произволенія, которое вѣдь можетъ выражаться и въ актахъ насилія по отношенію къ другимъ народностямъ, какъ это и замѣчалось въ Австріи по отношенію къ славянамъ между нѣмцами, мадьярами и нѣкоторыми другими хищными народностями. Кромѣ того въ краяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, къ какимъ принадлежитъ и Чехія, труднымъ оказалось произвести разграниченіе между законными предѣлами воли каждой изъ перемѣшанныхъ народностей. Наконецъ, приходилось считаться со

взглядами чешской шляхты, которая вовсе не склонна была отречься отъ своихъ старыхъ прерогативъ, въ интересахъ другихъ слоевъ населенія.

По всѣмъ этимъ причинамъ съ 60-хъ годовъ въ основу политической программы Ригера кладется уже не федерація автономныхъ народностей, а идея чешскаго государственнаго права. Основывается эта идея на договорныхъ отношеніяхъ земель Чешской короны къ династіи Габсбурговъ, которые вѣдь не завоевали этихъ земель, а только приженили ихъ, подобно землямъ угорскимъ, съ клятвеннымъ обязательствомъ охранять ихъ государственныя права.

Хотя, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи не было существенной разницы въ правахъ Габсбурговъ на земли Короны св. Стефана и св. Вячеслава, однако судьба государственно-правовыхъ стремленій Деака въ Венгріи, а Ригера въ Чехіи оказалась діаметрально противоположною: первому удалось, при содѣйствіи гр. Бейста и другихъ нѣмцевъ, добиться въ 1867 году почти полной независимости земель Угорской Короны, на условіяхъ чуть не личной или династической уніи съ Австріей, тогда какъ землямъ чешскимъ пришлось занять положеніе не болѣе какъ провинцій въ составѣ новаго политическаго конгломерата, названнаго Цислейтаніей.

Правда, ни Ригеръ, ни его послѣдователи теоретически никогда не признали и донынѣ не признаютъ столь радикальнаго и односторонняго измѣненія ихъ договорныхъ отношеній къ Габсбургамъ. Но фактически Ригеру пришлось послѣ продолжительныхъ (16-тилѣтнихъ) колебаній вступить на путь компромисса съ цислейтанскими министрами и рейхсратомъ, чтобы хоть въ частностяхъ что-нибудь выгадать для культурнаго подъема чешскихъ земель. Былъ, впрочемъ, въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій моментъ, когда имп. Францъ Іосифъ, по совѣту гр. Гогенварта, выразилъ было готовность признать государственныя права чешскихъ земель и закрѣпить ихъ, подобно своимъ предмѣстникамъ, коронаціонною присягой въ Градчинѣ. Но по интригамъ нѣмцевъ и мадьяръ, особенно вслѣдствіе давленія изъ Берлина, это торжественое обѣщаніе, данное чешскому сейму, было взято назадъ и никогда уже не повторялось.

Ригеру пришлось все болѣе и болѣе ограничивать политическія требованія чеховъ и въ союзѣ съ поляками добиваться хоть равноправности чешскаго языка съ нѣмецкимъ во внутреннемъ управленіи страны. Въ этомъ смыслѣ имъ составлены были въ 1890 году такъ называемыя пунктаціи, т. е. основные пункты для соглашенія съ нѣмцами. Но противъ этихъ пунктацій воз-

стала младочешская партія, вынудившая въ 1893 г. Ригера сойти съ политической арены, причемъ толпа устроила передъ окнами его дома возмутительную демонстрацію, въ которой однако скоро раскаялась.

Оказалось, что удаленіе Ригера не улучшило, а наоборотъ ухудшило положеніе чеховъ и въ сеймѣ, и въ рейхсратѣ. Младочехамъ пришлось наконецъ прибѣгнуть къ такимъ отчаяннымъ средствамъ, какъ парламентская обструкція, притомъ безъ пользы для дѣла, чѣмъ и объясняется почти совпавшій со смертію Ригера возвратъ младочеховъ къ его политической программѣ. Вотъ почему при его погребеніи чехи еще разъ объединились подъ его знаменемъ и съ одушевленіемъ отнеслись къ его загробнымъ внушеніямъ, выраженнымъ въ его политическомъ завѣщаніи: «Моему народу, сказано въ немъ, я отъ души желаю, чтобы онъ никогда не впадалъ ни въ малодушіе, ни въ надменную самоувѣренность; совѣтую, чтобы онъ отстаивалъ свои права, ясно и безпристрастно понимаемыя, но не увлекаясь при этомъ страстью наносить ущербъ кому-либо другому; желаю, чтобы, прислушиваясь къ совѣтамъ людей почтенныхъ и доказавшихъ свой патріотизмъ на дѣлѣ, онъ не обращалъ вниманія на звучныя рѣчи и пустые возгласы, льстящіе его самолюбію, какъ это часто дѣлается со стороны людей незрѣлыхъ, сомнительной нравственности, или эгоистовъ, ищущихъ для себя пользы, популярности или политическаго значенія; совѣтую, чтобы онъ (народъ) всего болѣе полагался на собственную силу, конечно, не преувеличивая ея и не пускаясь въ опасныя предпріятія, угрожающія самому его бытію, а наоборотъ памятуя, что онъ можетъ обезпечить свою будущность единственно честнымъ, духовнымъ и физическимъ трудомъ, и то шагъ за шагомъ. Далѣе, я желаю, чтобы мой народъ никогда не покидалъ стремленій идеальныхъ, христіанскихъ, вѣчныхъ законовъ чести, права и человѣчности, особенно же, чтобы онъ никогда не вступалъ на путь насилія, хотя бы отступленіе отъ справедливости и сулило ему минутный успѣхъ; онъ долженъ помнить, что общее международное уваженіе къ праву является самой надежной охраной народовъ, особенно народовъ малыхъ, которымъ всего опаснѣе выйти изъ-подъ этой охраны и вступить на почву силы или правъ сильнѣйшаго. Наконецъ, я желаю, чтобы мой народъ всемѣрно подавлялъ въ себѣ грѣхъ зависти, къ сожалѣнію, очень нерѣдкій у насъ. Этотъ мерзкій грѣхъ, который вовсе не приноситъ грѣшнику пользы, а только отравляетъ его, грѣхъ, удушающій въ человѣкѣ полетъ мыслей, пятнающій каждый подвигъ, заподазривающій каждый безкорыстный трудъ, низвергающій въ грязь каждое величіе или

даже заглушающій его въ самомъ зародышѣ, — парализуетъ воздѣйствіе на другихъ и самаго благороднаго поступка. Этотъ именно грѣхъ издревле былъ у славянъ богатѣйшимъ источникомъ несогласій, ослабленія всякаго авторитета, даже источникомъ ихъ порабощенія другими или помѣхою къ образованію сильныхъ организацій. Если сыны и дщери нашего народа всегда будутъ, по этимъ началамъ, мудро, согласно и безъ зависти стараться о возвеличеніи его, то я твердо увѣренъ, что они настолько подымутъ его культурную и физическую мощь, что она восторжествуетъ надъ всѣми случайностями и политическими переворотами, которыхъ направленіе и значеніе, конечно, никто не можетъ впередъ опредѣлить, а не то что измѣрить, особенно по отношенію къ народу столь малому, какъ нашъ. Но мы не должны покидать вѣры въ справедливое высшее управленіе судьбами народовъ».

Выяснивъ взгляды Ригера на положеніе и задачи чеховъ въ составѣ имперіи Габсбурговъ, мы должны еще остановиться на вопросѣ: какъ понималъ онъ отношеніе своего народа къ прочимъ славянскимъ народамъ и вообще къ идеямъ славизма?

Нельзя отрицать, что на его взглядахъ по этому предмету отразились до нѣкоторой степени славянскіе элементы чешскаго возрожденія, которыхъ главными носителями въЧехіи были, послѣ Добровскаго, Юнгманъ, Шафарикъ, Ганка, Челяковскій, Коларъ, Эрбенъ, Патера. Уже въ молодости Ригеръ путешествовалъ по славянскимъ землямъ и познакомился со многими дѣятелями возрожденія у поляковъ, словаковъ, сербовъ, хорватовъ, словинцевъ; былъ однимъ изъ иниціаторовъ славянскаго съѣзда въ Прагѣ въ 1848 году; хорошо говорилъ по польски и понималъ по русски; старался воздѣйствовать на поляковъ въ 1863 году въ смыслѣ примиренія ихъ съ русскими, считая братоубійственныя войны крайне вредными для славянскаго дѣла; въ разные періоды своей парламентской дѣятельности вступалъ въ соглашеніе то съ поляками, то съ хорватами, словинцами и другими славянскими народностями; даже носилъ на пальцѣ перстень съ кирилловскою надписью: „правда“.

Но при всемъ томъ Ригеръ не считался въ Чехіи главою славянофильской группы, уступая въ этомъ отношеніи и Брауперу, и Сладковскому, и многимъ другимъ современнымъ ему чешскимъ дѣятелямъ. Правда, онъ примкнулъ въ 1867 году, совмѣстно съ Палацкимъ, къ московскому пилигримству австрійскихъ славянъ, но это объясняется въ немалой мѣрѣ и критическимъ положеніемъ чеховъ въ борьбѣ противъ австрійскаго дуализма, въ которой Ригеру оказалось невозможнымъ особенно заинтересовать Наполеона III.

Вообще же, Ригеръ былъ поборникомъ не восточнаго, а западнаго, австрійскаго славизма, который предполагалось составить изъ славянъ католиковъ, въ видахъ противодѣйствія не только протестантской Германіи, но и православной Россіи, какъ это было высказываемо и Палацкимъ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать, что Ригеръ имѣлъ нѣкоторое основаніе не довѣрять Россіи, въ періодъ ея германофильской политики, приведшей къ образованію на границахъ Чехіи могущественной имперіи Гогенцоллерновъ. Между чехами донынѣ даже существуетъ убѣжденіе, что русская дипломатія въ 1871 году не только не поддержала усилій Ригера и Гогенварта—устроить въ Прагѣ коронацію Франца Іосифа вѣнцомъ св. Вячеслава, но, наоборотъ, помѣшала этому, заодно съ Бисмаркомъ. Возможно однако, что мнѣніе это и не опирается на вѣрныхъ данныхъ.

Подобно Палацкому, Ригеръ не раздѣлялъ и стремленій нѣкоторыхъ чеховъ, съ Юнгманомъ во главѣ, къ сближенію славянъ на почвѣ общаго литературнаго языка. Онъ прямо высказалъ это и въ одной изъ своихъ рѣчей на Московскомъ Съѣздѣ 1867 года, гдѣ рекомендуетъ славянамъ ту же разрозненность діалектовъ, какая существовала въ древней Греціи до Аристотеля, а въ старой Италіи до Данта; другими словами, Ригеръ желалъ воскресить взглядъ Колара, который подъ литературною взаимностью славянъ понималъ изученіе каждымъ образованнымъ славяниномъ всѣхъ главныхъ славянскихъ нарѣчій и чтеніе выходящихъ на нихъ сочиненій.

Но какъ устоять, при такой взаимности, славянамъ западнымъ отъ натиска на нихъ могущественныхъ міровыхъ языковъ Запада, особенно нѣмецкаго, съ которымъ, очевидно, не справиться въ отдѣльности ни языку чешскому, ни польскому, ни словинскому, а развѣ при соединенныхъ усиліяхъ всѣхъ славянъ и при братскомъ содѣйствіи міроваго языка русскаго!

По аналогичнымъ причинамъ не чувствовалъ Ригеръ симпатіи и къ новымъ теченіямъ въ чешской религіозной жизни, выражающимся то въ культѣ Гуса, то въ попыткахъ старокатолицизма, то въ стремленіяхъ къ возстановленію кирилло-меѳодіевскаго языка въ богослуженіи по уніатскому или православному исповѣданію. Оцѣнивая этого рода стремленія съ точекъ зрѣнія своей политической программы, Ригеръ не могъ ими увлекаться уже потому, что они грозили разрывомъ между отдѣльными слоями чешскаго народа, слѣдовательно и ослабленіемъ его устойчивости въ борьбѣ за жизнь.

Каковы же были итоги полувѣкового беззавѣтнаго служенія Ригера чешкому народу подъ знаменемъ этихъ идей?

Эти итоги громадны! Ихъ нельзя, конечно, перечесть по пальцамъ, ибо, какъ дѣятель не бюрократическій, а общественный и парламентскій, Ригеръ все время работалъ не одинъ, а въ сообществѣ прежде всего своего тестя Палацкаго, который при жизни и затмевалъ до нѣкоторой степени Ригера своей научной и публицистической славой, а затѣмъ и многихъ другихъ заслуженныхъ дѣятелей, каковы, напр. Браунеръ, Кламъ-Мартиницъ, Лобковицъ, Пражакъ, Главка и многочисленные послѣдователи Ригера въ младшей школѣ чешскихъ патріотовъ. Но достаточно сказать, что, по общему признанію чеховъ, за послѣднія 50 лѣтъ не возникло у нихъ ни одного важнаго народнаго учрежденія и не достигнуто ни одной крупной патріотической цѣли безъ личнаго участія и значительнаго вклада Ригера, то какъ инициатора, то какъ совершителя или участника. Являясь учредителемъ, а затѣмъ предсѣдателемъ или членомъ разныхъ патріотическихъ обществъ, клубовъ, предпріятій, Ригеръ никогда не былъ въ нихъ лишь голой фирмой, а напротивъ главной рабочей силой. Для выдѣленія, слѣдовательно, его вкладовъ въ чешское народное дѣло достаточно сравнить нынѣшнюю Чехію съ тою, при которой Ригеръ выступилъ въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка на общественную арену. Если при такомъ сравненіи окажется большой успѣхъ, то въ балансѣ прибыли будетъ заключаться въ большой, въ наибольшей, по сравненію съ другими дѣятелями этой эпохи, долѣ и сумма его вкладовъ.

Въ 40-хъ годахъ Чехія едва начала поднимать голову отъ порабощенія и униженія, въ какомъ она находилась 200 лѣтъ, съ Бѣлогорской битвы. Германизмъ тяготѣлъ во всѣхъ областяхъ народной жизни, сковывая ея движеніе. Не только Прага, но и большая часть меньшихъ городовъ Чехіи, Моравіи, Силезіи находились въ управленіи нѣмецкихъ думъ. Не было почти еще ни чешскихъ школъ, ни чешскихъ театровъ, ни чешскихъ судовъ, ни администраціи; вездѣ царилъ нѣмецкій чиновникъ, словно въ Зальцбургѣ или Тиролѣ. Идеи чешскаго возрожденія вращались въ тѣсномъ кружкѣ писателей и имѣли скорѣе теоретическій, архивный характеръ, мало воздѣйствуя на жизнь. Народныя массы хранили, конечно, чешскій языкъ, отчасти и преданія славной старины, но были запуганы и безпомощны.

То ли видимъ въ нынѣшней Чехіи! Народное самосознаніе пробудилось и энергически выражается во всѣхъ слояхъ населенія; система чешскихъ школъ — низшихъ, среднихъ, высшихъ, вплоть до университета и политехники, достигла высокаго развитія; жизнь научная, литературная, художественная бьетъ мощнымъ ключемъ, что особенно ярко выражается въ дѣятельности чешской Академіи Наукъ, и въ такихъ изданіяхъ, какъ вторая—

послѣ Ригеровой—чешская энциклопедія, издаваемая нынѣ Оттомъ. Даже въ сферѣ поэзіи появились и дѣйствуютъ теперь столь выдающіеся таланты, какъ Ярославъ Верхлицкій и Святополкъ Чехъ, далеко оставившіе за собою и Челяковскаго, и поэтовъ такъ называемаго золотого чешскобратскаго вѣка чешской литературы. Размѣръ же экономическаго развитія новой Чехіи можно было оцѣнить на пражскихъ выставкахъ—промышленной и этнографической, въ 90 годахъ прошлаго вѣка.

Не удивительно, что чехи успѣли въ этотъ періодъ времени отвоевать отъ нѣмцевъ и Прагу, и множество другихъ онѣмеченныхъ раньше чешскихъ и моравскихъ городовъ, и успѣшно распространяютъ свою племенную область на счетъ нѣмцевъ, несмотря на все противодѣйствіе и мѣстныхъ, и зарубежныхъ силъ, въ томъ числѣ Gustav Adolf Verein'a и Всенѣмецкаго Союза. Такимъ образомъ, до извѣстной степени осуществляются стремленія Ригера, выраженныя въ его двухъ девизахъ: ne dejme se! v praci a vedeni naše spaseni!

Но все же и нынѣ, несмотря на мощный подъемъ чехизма въ Ригеровскій періодъ чешской исторіи, нельзя сказать, чтобы его будущность была вполнѣ обезпечена. Не только государственныя права Чехіи, но и равноправность или равноцѣнность чешскаго языка со вторымъ земскимъ языкомъ, нѣмецкимъ, все еще не признаны, не утверждены закономъ. Наоборотъ, нѣмцы энергичнѣе прежняго добиваются признанія нѣмецкаго языка государственнымъ не только въ Вѣнѣ, Грацѣ и Люблянѣ, но и въ Прагѣ. Не отказались они и отъ попытки оторвать отъ Чехіи, Моравіи и Силезіи тѣ округа, гдѣ большинство населенія нѣмецкое, чтобы такимъ образомъ подготовить присоединеніе ихъ къ смежнымъ областямъ Нѣмечины. Съ другой стороны, натискъ суроваго германизма изъ-за горъ, со стороны Баваріи, Саксоніи, прусской Силезіи, все возрастаетъ. О характерѣ этого натиска можно судить по нынѣшней прусской политикѣ въ Познани и прусской Силезіи, а равно по характерному изреченію Момзена: „Чеха нужно бить палкою по башкѣ, пока онъ не смирится передъ нѣмцемъ".

Но не однѣ эти международныя переспективы, въ возникновеніи которыхъ нельзя, конечно, винить ни Ригера, ни его чеховъ, грозятъ дѣлу чешскаго возрожденія и даже существованія. Есть и въ средѣ самого чешскаго общества не мало элементовъ разложенія, ослабляющихъ его устойчивость въ борьбѣ съ нѣмцами. Элементы эти находятся и на верхахъ общества, въ шаткомъ, ненадежномъ настроеніи чешской аристократіи и іерархіи, и его низахъ, въ распространеніи между рабочими классами идей ин-

тернаціональнаго соціализма, и, наконецъ, въ серединѣ, въ разливѣ между молодежью отрицательныхъ ученій, благодаря вредной дѣятельности нѣкоторыхъ космополитствующихъ профессоровъ, журналовъ, клубовъ. И сословная рознь вновь разрастается нынѣ между чехами, вмѣсто прежняго объединенія подъ знаменемъ Палацкаго и Ригера. Нѣкоторыя предостереженія въ этомъ отношеніи даны чехамъ и въ упомянутомъ завѣщаніи Ригера, но врядъ ли они въ состояніи будутъ надолго парализовать этотъ процессъ общественнаго разложенія.

Нельзя при этомъ забывать, что кромѣ указанныхъ Ригеромъ въ завѣщаніи недостатковъ современнаго чехизма, вродѣ зависти, популярничанія, оппортунизма, есть и болѣе глубокіе источники его слабости, не замѣченные или не отмѣченные почившимъ мыслителемъ и дѣятелемъ. Они заключаются въ ненадежности самыхъ критеріевъ этого чехизма, или тѣхъ чертъ, которыми современный чехъ отличается отъ нѣмца вообще, а богемскаго и моравскаго въ частности. Критеріи эти заключаются главнымъ образомъ въ особенностяхъ расовыхъ, т. е. въ происхожденіи, крови, языкѣ; въ сферѣ же культурной чехи, по условіямъ своей исторической школы, особенно за послѣдніе вѣка, слишкомъ уже сблизились съ нѣмцами, такъ что во многихъ отношеніяхъ являются какъ-бы чешскимъ противнемъ нѣмецкой образованности. Въ этомъ смыслѣ они ушли по пути къ германизаціи дальше любого другого славянскаго народа, не исключая ни поляковъ, ни словинцевъ, хотя съ другой стороны они и превосходятъ послѣднихъ по энергіи самосознанія, опирающейся на инстинктахъ расы и преданіяхъ гуситской эпохи.

Къ этой узости культурнаго субстрата подъ новѣйшимъ чехизмомъ присоединяется еще нѣкоторое самомнѣніе и недостаточная оцѣнка чехами тѣхъ элементовъ силы, какіе и для нихъ хранятся въ идеѣ славянства. Въ этомъ отношеніи современное поколѣніе чеховъ, пожалуй, даже нѣсколько отстало отъ того, изъ котораго вышли Юнгманъ, Шафарикъ и Челяковскій. Конечно, въ этомъ слѣдуетъ винить ни однихъ чеховъ, но и прочихъ славянъ, которые донынѣ не выработали еще реальныхъ формъ славянскаго духовнаго объединенія, подобныхъ, напр., тѣмъ, какія уже со временъ Лютера объединяютъ нѣмцевъ въ сферѣ вѣроисповѣдной и язычной. Но всеже примѣръ нынѣшнихъ словаковъ, которые при не менѣе трудныхъ условіяхъ весьма успѣшно развиваются въ идейной области, по завѣтамъ Штура, Гурбана, Кузмани, въ направленіи славянскомъ, а не узкообластномъ, какъ чехи или поляки, доказываетъ возможность и для этихъ послѣднихъ расширить и углубить основы своего возрожденія на почвѣ стремленій общеславянскихъ и завѣтовъ кирилло-меѳодіевскихъ.

Въ надеждѣ, что это и совершится въ ближайшемъ будущемъ, мы можемъ разсматривать эпоху Ригера, какъ особый законченный нынѣ періодъ чешскаго возрожденія, подготовившій для народа возможность выступить съ полными силами на болѣе широкій путь общеславянскаго развитія. Ибо только послѣднее въ состояніи обезпечить племенную и культурную будущность этой даровитой, стойкой, энергичной части нашего великаго племени!

Закончу эту характеристику Ригера слѣдующимъ переведеннымъ мною стихотвореніемъ чешскаго поэта Верхлицкаго, обратившимъ на себя въ Чехіи вниманіе, какъ первый отзвукъ лиры этого пѣвца на дѣятельность Ригера.

Съ тобой моя пѣснь разминулась, хоть долго
Пришлось ей носиться въ тобой освѣщенныхъ
Орбитахъ страны. О, сколько ужъ разъ
Дрожащей рукою я брался за лавръ
Священный, чтобъ имъ увѣнчать великана,
Съ челомъ легендарнымъ, гдѣ врѣзались тѣни
Борьбы богатырской и львиныхъ усилій,
Въ очахъ же блестѣло сознаніе долга!
Съ тобой моя пѣснь разминулась, хоть имя
Твое на зарѣ моихъ дней ужъ гремѣло,
Какъ кличъ боевой, когда мощнымъ перуномъ
Волшебнаго слова иль молніей глазъ
Разилъ ты, бывало, чернѣвшія тучи
И въ прахъ низвергалъ вѣковыя преграды,
Что ненависть съ предубѣжденьемъ воздвигли
Напротивъ желѣзнаго чешскаго лба.
Ты шелъ впереди, высоко держа факелъ,
Что тесть твой вѣщій, съ генія блескомъ,
Возжегъ на священныхъ могильникахъ предковъ,
Изъ пепла и праха ихъ урнъ, саркофаговъ.
И къ жизни насъ велъ тотъ факелъ, возженный
Въ гробахъ! За тобой шелъ народъ весь съ довѣрьемъ.
И мало-по-малу, росою надеждъ,
Какъ розъ ароматомъ, покрылась страна.
Но буря примчалась, неслись ураганы,
Не разъ подъ тобой исчезалъ зыбкій берегъ;
И каждый разъ ты снова воспрянулъ,
Судебъ отчизны кузнецъ богатырскій.
О, какъ хотѣлось тогда моей пѣснѣ
Примкнуть къ громогласнымъ восторгамъ толпы,
Когда величаво ты шелъ среди массъ,

Подъ ливнемъ трофеевъ, какъ Божій атлетъ!
Да робость брала! Между тѣмъ, горизонтъ
Опять стемнѣлъ. И велѣніемъ рока,
„Осанна“ восторговъ предъ домомъ твоимъ
Смѣнилось вдругъ крикомъ: „распни, распни!..“
Я видѣлъ, какъ ты уходилъ съ поля битвы,
Закутавшись гордо въ разорванный плащъ.
Но пурпуръ его такъ же чистъ былъ, какъ руки!
Гдѣ лучшая, думалось, тема для пѣсни?
Не могъ ты вступить въ Ханаанъ нашихъ сновъ,
Куда такъ упорно измлада стремился,
Куда столько лѣтъ насъ пустынями велъ
Твой вѣщій духъ, твоя львиная сила.
Но тѣни росли, ужъ близился вечеръ,
На фонѣ вѣковъ во весь ростъ выдѣлялся
Чистѣйшій чешскаго типъ патріарха,
Согбеннаго ношею лѣтъ и заслугъ.
Между тѣмъ, въ трудахъ для общаго блага
Ты шелъ все впередъ, вдохновляемый вѣрой.
Такъ жнецъ возвращается съ поля за жатвой,
Прощальнымъ заката лучемъ озаренный...
Въ лицѣ трудовомъ затеплилась улыбка:
Ты зрѣлъ буйный плодъ долголѣтнихъ усилій!
А жизни твоей мощный токъ незамѣтно
Вливался въ великое море любви...
Такимъ-то я видѣлъ тебя! А нынче
Съ надгробнымъ рыданьемъ слилась моя пѣснь,
Въ подавленномъ ритмѣ свивая тебѣ
Изъ чувствъ всенародныхъ безсмертья вѣнецъ.

Въ надеждѣ, что это и совершится въ ближайшемъ будущемъ, можемъ разсматривать эпоху Ригера, какъ особый законченный нѣ періодъ чешскаго возрожденія, подготовившій для народа можность выступить съ полными силами на болѣе широкій путь щеславянскаго развитія. Ибо только послѣднее въ состояніи зпечить племенную и культурную будущность этой даровитой, йкой, энергичной части нашего великаго племени!

Закончу эту характеристику Ригера слѣдующимъ переведенмъ мною стихотвореніемъ чешскаго поэта Верхлицкаго, атившимъ на себя въ Чехіи вниманіе, какъ первый отзвукъ ы этого пѣвца на дѣятельность Ригера.

Съ тобой моя пѣснь разминулась, хоть долго
Пришлось ей носиться въ тобой освѣщенныхъ
Орбитахъ страны. О, сколько ужъ разъ
Дрожащей рукою я брался за лавръ
Священный, чтобъ имъ увѣнчать великана,
Съ челомъ легендарнымъ, гдѣ врѣзались тѣни
Борьбы богатырской и львиныхъ усилій,
Въ очахъ же блестѣло сознаніе долга!
Съ тобой моя пѣснь разминулась, хоть имя
Твое на зарѣ моихъ дней ужъ гремѣло,
Какъ кличъ боевой, когда мощнымъ перуномъ
Волшебнаго слова иль молніей глазъ
Разилъ ты, бывало, чернѣвшія тучи
И въ прахъ низвергалъ вѣковыя преграды,
Что ненависть съ предубѣжденьемъ воздвигли
Напротивъ желѣзнаго чешскаго лба.
Ты шелъ впереди, высоко́ держа факелъ,
Что тесть твой вѣщій, съ генія блескомъ,
Возжегъ на священныхъ могильникахъ предковъ,
Изъ пепла и праха ихъ урнъ, саркофаговъ.
И къ жизни насъ велъ тотъ факелъ, возженный
Въ гробахъ! За тобой шелъ народъ весь съ довѣрьемъ.
И мало-по-малу, росою надеждъ,
Какъ розъ ароматомъ, покрылась страна.
Но буря примчалась, неслись ураганы,
Не разъ подъ тобой исчезалъ зыбкій берегъ;
И каждый разъ ты снова воспрянулъ,
Судебъ отчизны кузнецъ богатырскій.
О, какъ хотѣлось тогда моей пѣснѣ
Примкнуть къ громогласнымъ восторгамъ толпы,
Когда величаво ты шелъ среди массъ,

жинðю, какъ *мѣщане*, *стулья*, *куры*, при однинѣ *мѣщанинъ*, *стулъ*, *курица*[1]).

Колѣни и *двѣсти* даже переиначены на множинный ладъ, такъ что кончаются вмѣсто *е* (*ѣ*) на *и*. Впрочемъ *двѣсти*, рядомъ съ одиннымъ *сто* и множинными *триста*, *четыреста*, можетъ считаться настоящимъ остаткомъ двоины[2]).

Двоинными *формами*, и древними, и *характерными*, кромѣ особенно очевиднаго двѣ[3]), мы должны признать *брылѣ* (отвислыя губы у нѣкоторыхъ собачьихъ породъ,—тамбовское, Опытъ Областного Словаря), однинà: *брылà*, *брилà* (Даль)[4]) и *мудѣ* testiculi къ *мудò*. Такая же форма есть *скулѣ*, слышанное однимъ изъ моихъ слушателей, въ Коломенскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ поговорочномъ выраженіи „*мои мудѣ, какъ его скулѣ*“. Таково еще и сибирское *лылѣ*, при тверскомъ *лылы́* (нижняя губа, рыло) и *шулѣ* testiculi, къ коему мы у Даля находимъ однину *шулò*[5]), а также сообщенное мнѣ Ѳ. Ег. Коршемъ *брудѣ* бакенбарды[6]).

Иное дѣло *рылѣ* (рóдникъ *рылéй*) разновидность къ *ры́ля* (родъ струннаго инструмента): его *е* д. б. надо выводить изъ старорусскаго множиннаго окончанія *ѣ*. Въ твердомъ различьи о такомъ толкованіи нечего думать, ибо туда *ѣ* почти не заходитъ: и немногочисленные примѣры у Соболевскаго (Лекціи, 3 изд., стр. 182; 2 изд.—167) едва-ли не подлежатъ еще сокращенію[7]).

Въ большемъ количествѣ, чѣмъ у Великороссовъ, двоинныя формы уцѣлѣли, какъ извѣстно, у Бѣлоруссовъ и Малороссовъ.

---

[1]) Кстати замѣчу, что мы „куры“, по происхожденію, вслѣдъ за Алексѣемъ Ив. Соболевскимъ, должны признать множинðю къ мужескому *куръ*. Изъ исторіи русскаго языка, IV, Ж. М. Н. П., 1901, № 10, стр. 406.

[2]) Мимоходомъ приведу здѣсь еще одинъ примѣръ на отмѣченное уже у Миклошича (Сравнит. морфол., стр. 398—Vergleich. Wortbildungslehre, 287) *дваста*: „чуть ли не дваста человѣкъ“ Достоевскій, Подростокъ, часть III, гл. I, отд. 3. (Въ устахъ простолюдина).

[3]) У другой числовки, *óбѣ*, бездарное *е* м. б. иногда сбивается на *и*.

[4]) Слово это д. б. тождественно съ польскимъ bryła глыба, хотя и далеко отъ него по значенію. Дàлевская множина *брылй* (рядомъ съ *брылы́*) видимо переиначена изъ *брылѣ* на множинный ладъ. Также *пахвй* рядомъ съ *пахвы́* и съ одиннымъ *пахвà* (конскій подхвостникъ), надо думать, предполагаетъ двоинное *пахвѣ*. Пахвà, конечно, равно малорус. *піхвà* ножны, чеш. и польс. pochva и серб. pohve, въ обоихъ значеніяхъ—Miklosich, Etymol. Wörterbuch, и представляетъ въ первомъ слогѣ àкальское написаніе; *по*, видно, предлогъ, а корень *хъв*: разновидность къ *хов* (ховати прятать, малорусское и сѣверозападное), какъ *зъв-зов* (зовѫ-зъвати).

[5]) Отмѣчено въ Кочетовской станицѣ Донской области. Изв. О. Р. яз. и сл. И. А. Н., т. III, 124. Тамъ же слышится и *скулѣ*.

[6]) Срв. стар. *бруди* волосы (Даль, Срезневскій) и *брудастый* о собакахъ.

[7]) *Андрѣевѣ дѣти* похоже на описку, или можетъ быть объяснено смысловымъ родствомъ принадлежныхъ мѣстоименій *моѣ*, *твоѣ*, *своѣ*. *Тѣ грамотѣ* (которое тоже могло бы быть опиской, или же объясняться соблазнительной полнотой такого согласованія), *смотрѣвъ въ грамотѣ* и *грамотѣ опришьнии* мнѣ хотѣлось бы оправдать изготовленьемъ грамотъ, по числу договаривающихся сторонъ, именно въ двухъ экземплярахъ; 4 *гривне* и 13 *ногате* я также призналъ бы

О двоинныхъ формахъ и объ ограниченномъ числѣ.

Романа Брандта.

„Ограниченнымъ числомъ", или—заимствуя и дѣлая научнымъ терминомъ сербское слово „малйна" малое количество,—„малиндю", я называю ту грамматическую категорію, которая является въ современной русской рѣчи преемницей старинной двоины, значитъ, напримѣръ, „два стола̀, три окна̀, четыре рукѝ", и которая до сихъ поръ не имѣетъ никакого названія.

Противъ предлагаемаго термина можно бы, пожалуй, возразить, что онъ не подходитъ къ такимъ соединеніямъ, какъ 82 дома, 143 села, 1.994 человѣка, гдѣ говорится о большихъ количествахъ; но грамматически это тоже ограниченное число, подобно тому, какъ 5.001 домъ—одинное,—тутъ мы видимъ такой случай, гдѣ языкъ расходится съ логикой. Нѣсколько меня смущаетъ, что производное отъ моей „малины" — „малинный" несовсѣмъ кстати напоминаетъ о „малинѣ"; впрочемъ, отъ „малйна" обыкновенно образуютъ „малиновый" (малиновое варенье).

Но имѣется ли вообще надобность во введеньи новаго термина? Вѣдь въ научной грамматикѣ можно говорить объ „остаткахъ двойственнаго числа", или короче, по моему способу, о „двоинныхъ формахъ". Однако, это выраженіе было бы неумѣстно въ начальной грамматикѣ, гдѣ нечего и упоминать объ утраченной двоинѣ, а кромѣ того въ немъ смѣшиваются два существенно различныхъ, хотя и связанныхъ между собой явленія: 1) явленіе внѣшнее—употребленье двоинныхъ формъ при обыкновенномъ множинномъ значеніи, напр. „безчисленныя небесныя очи", и 2) явленіе смысловое—употребленье двоинныхъ (иногда значительно переиначенныхъ) формъ при представленіи о небольшомъ количествѣ, отличаемомъ какъ отъ единичности, такъ и отъ многости, напр. *два, оба, три, четыре дома.*

Относительно *двоинныхъ формъ* считаю нелишнимъ подчеркнуть, что иныя изъ нихъ нехарактерны: *очи, уши* и *плечи*, рядомъ съ *око, ухо, плечо*, представляется намъ такою же инотемною мно-

397, прим. 6,—сыграли не послѣднюю роль при образованіи новотворной малины̀ на *и*: двѣ ноги̇, да и на родственный широкій звукъ *ы*: двѣ сестры̀. Конечно, тутъ благопріятствовали также множинныя формы на *ы* и на *и* (древнія, какъ ко̀сти, и вторичныя, какъ зѐмли), а также совпаденье съ однинными ро̀дниками древнихъ двоинныхъ формъ мужескаго рода: два стола̀, и новотворныхъ средняго рода: два села̀. Срв. то же примѣчанье въ Сравнит. морф. Но, чтобы послѣднее обстоятельство было тутъ главною или даже единственною причиною—это мнѣніе Алексѣя Ив. Соболевскаго [1]),—мнѣ кажется невѣроятнымъ: вѣдь такимъ случайнымъ совпаденіемъ, какъ „у стола“ и „два стола“ языкъ едва-ли могъ настолько дорожить, чтобы ему подражать въ другихъ случаяхъ.

Должно быть только теперь, по установленьи своемъ въ теперешнемъ видѣ, малина̀ (по выраженью Буслаева) [2]) „обыкновенно смѣшивается съ родительнымъ падежомъ единственнаго числа“. Противъ такого сближенія можно бы даже возражать, указывая на то, что нерѣдкій въ другихъ случаяхъ у̀ковый ро̀дникъ (песку̀, са̀хару, и̇зъ лѣсу и т. п.) здѣсь совершенно не допускается, что̀ въ свое время оговорилъ прямо отождествлявшій малину̀ съ однииннымъ ро̀дникомъ Ломоносовъ [3]). Но возраженье это невѣское, а вдобавокъ, у̀ковая малина̀ всетаки встрѣчается—а именно въ Онежскихъ былинахъ мы читаемъ: прошло тутъ времечка три̇ год*у* 247, ровно три̇ час*у*, собираетъ-то онъ силы ровно три̇ полк*у* 327; Буслаевъ (§ 231, прим. 3) цитуетъ изъ актовъ XVI и XVII столѣтія: косить два год*у*, жить два год*у*, два запрос*у*. Съ другой стороны, въ пользу тѣсной связи малины̀ съ однииннымъ ро̀дникомъ можно бы сослаться на управленье: „два маленькихъ стола̀, три большихъ окна̀, четыре красивыхъ сестры̀“: Дельбрюкъ [4]) объясняетъ этотъ оборотъ именно тѣмъ, что, при сознаніи съ одной стороны множности, данныя формы съ другой примыкаютъ къ одинному ро̀днику [5]). Правда, въ III-мъ

---

1) Лекціи, 3-ье изд., стран. 204, во 2-мъ изд.—189.

2) Историческая грамматика, § 90. Изд. 3-ье. Москва 1868. Этимологія, стр. 219.

3) Мы у него читаемъ, что „два, три, четыре“... „родительнаго на *у* отнюдь не терпятъ“, и что „два, три, четыре, въ именительномъ требуютъ родительнаго единственнаго“. Россійская грамматика. Спб. 1755. §§ 174 и 481. Давая то же управленское правило, Гречъ (Краткая рус. грам. § 148, 5) присоединяетъ еще *полтора* и *полтретья*, что̀ исторически, конечно, ошибочно, но справедливо по теперешнему пониманію, для коего „эти полтора̀ ведра̀“ такое же ограниченное число, какъ „два, три, четыре ведра̀“.

4) Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen B. I. Strassburg 1893, S. 145, I.

5) Дельбрюкъ (видно, подъ вліяніемъ Миклошича) говоритъ только о мужеской малинѣ, но это не существенно.

томѣ (Strassburg 1900, стр. 254) онъ склоняется къ другому толкованію, а именно допускаетъ заимствованье множиннаго рȯдника изъ управленія предмѣтничныхъ числȯвокъ (пять, шесть и т. д.); но первое толкованіе естественнѣе, ибо выраженье „два маленькая стола̀“, по образцу „пять маленькихъ столовъ“, д. б. превратилось бы въ „два маленькихъ сто*ловъ*“. Впрочемъ, скорѣй всего слѣдуетъ считать множинный рȯдникъ при двоинномъ назывникѣ, по первоначальному смыслу, дополненіемъ, такъ что „два маленькихъ стола̀“ первоначально значило „два стола̀ изъ числа маленькихъ“. Аналогичны, кажется, имена вродѣ „Петръ Красныхъ“, и старинныя выраженія „ты какихъ родовъ?“, „князь Иванъ Ивановичь Дебрянскихъ князей“, „я по отцѣ Скотининыхъ“ Недоросль, д. III, явл. 5[1]). Въ пользу послѣдняго пониманія говоритъ то обстоятельство, что въ старѣйшихъ примѣрахъ на такую согласовку рȯдникъ чуть ли не всегда стоитъ позади: „четыре корабля военныхъ, три человѣка сильныхъ“ [2]). (Если то же самое замѣчается и въ выраженьяхъ „четыре корабля военные“, „два человѣка сильные“, то опять-таки можно сослаться на неполноту согласовки).

Но, хотя бы въ языкѣ и не было связи между малинными назывниками и одинными родниками, а имѣлось бы только случайное сходство, какъ между какимъ-нибудь одиннымъ назывникомъ *брод* и множиннымъ рȯдникомъ борȯд,—все-таки постоянное сходство въ данномъ случаѣ есть фактъ, и дѣйствительно не можетъ не сознаваться [3]).

Какъ рѣдкій архаизмъ, въ народной поэзіи, встрѣчается правильное согласованіе прикладка, т. е. постановка его въ малинѣ: „Два остра̀ копья мурзамецкія“ Древпія рус. стихотв., I, 2, три бѣла̀ шатра Тж., 228. (Буслаевъ, § 231, пр. 3). Припомнимъ также сходное согласованье отмѣченныхъ въ Сравн. морф., стр. 397, прим. 5, поговорокъ: „Два кума Абакума“ и „Два брата

---

¹) Буслаевъ, Истор. грам. § 243, 1, б.

²) Ломоносовъ, § 482, Буслаевъ, § 231, прим. 2, Соболевскій, Лекціи, изд. 3, стр. 203 (во 2-мъ изд.—188).

³) Оговорю здѣсь, что малиный назывникъ заслуживаетъ названія падежа „назывно-винильнаго“, притомъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ одинномъ числѣ, т. к. малинный винильникъ и у одушевленныхъ именъ не разъ является въ своемъ древнемъ видѣ: *куплю два коня, обѣ коровы.* Соб., Лек., изд. 3, стр. 198—199. Прибавлю нѣсколько примѣровъ изъ народной рѣчи: „*загналъ два воробья, купилъ три кобылы, двѣ лошади*—или: *двухъ лошадей* (Н. Н. Дурново, Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи, Варшава, 1903 г. стр. 137-Р. Ф. В., т. XLVII); *узила читыри сына* (В. Иль. Чернышевъ. „Матеріалы для изученія говоровъ Мещовскаго уѣзда“ (Калужской губерніи). С.-Петербургъ. 1901 г.—оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXX,—стр. 172. Винильникъ „*свои два сына*“, мнѣ недавно попался въ обыкновенномъ разговорѣ, причемъ въ продолженіи рѣчи превратился во множинное „*двоихъ сыновей*“.

съ Арбата, и оба горбата [1]) и прибавимъ загадку „Два арапа, родные брата“, Павленковъ, Наглядная азбука, С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 36, а также записанное изъ живой рѣчи „Два старшіе вѣдь бирюкѝ“ (т. е. буки, нелюдимы) „порядочные“. Таково же (тоже подслушанное въ разговорѣ) „И что жъ? оба—жидà“. „Дà, евреи“.

Припомнимъ еще, по части управленія, ту странность, что въ женскомъ родѣ число̀вка *оба-обѣ* расходится съ число̀вкою *два-двѣ*, допуская при себѣ мно̀жное число [2]). Буслаевъ, говоря объ „остаткахъ двойственнаго числа“ при „два, двѣ; оба, обѣ“ (§ 90) рядомъ съ двѣ рукѝ, двѣ щекѝ, ставитъ *обѣ ру̀ки*, *обѣ щёки*. Отмѣтимъ, какъ литературный примѣръ на это: „выросли большія Обѣ сёстры, сдѣлались невѣсты“. Авенаріусъ, Дѣтскія сказки, Морозко. Съ другой стороны, у того же писателя: „знай за обѣ щекѝ уплетаетъ“, Цыганъ-косарь, а у Даля, подъ словомъ Противъ—„по обѣ рукѝ“. Множину̀ при *обѣ* представляютъ, кажется, и слѣдующіе стихи Алексѣя Толстого: „Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я—Мы обѣ стороны ея“. Донъ-Жуанъ, часть II, сц. 5, хотя размѣръ допускаетъ также чтеніе „обѣ сторонѝ“. Изъ живой рѣчи мною недавно записано „обѣ но̀ги“, но также, за другимъ лицомъ, „обѣ сторонѝ“ [3]).

Гораздо рѣже назывно-винильника сохраняются двоинныя формы *косвенниковъ*. Притомъ тутъ почти что нѣтъ настоящихъ падежей.

Древній ро̀дникъ (онъ же и мѣстникъ) *двою* или его переиначка на именной ладъ *дву*, какъ первая часть сложенія—*двоюродный*, *двуличный* и т. п., не есть уже падежъ; таково же *дву* въ составѣ псковского и тверского *сдву̀роди*: „онъ мнѣ сдву̀роди“, Даль, Сдваивать. *Во очію* прежде всего книжное, а кромѣ того (какъ и сдвуроди) должно быть признано нарѣчіемъ; нарѣчьями считаю также народныя вочью̀ и заочью̀: „что̀ одинъ у меня былъ свѣтъ въ очью“ Чулковъ, I, № 142 (Буслаевъ § 90, прим. 3), „въ глаза лестью льстятъ, за очью поѣдомъ съѣсть хотятъ“ Сахаровъ, Сказ. рус. нар. 147. *Смо̀лоду* тоже нарѣчіе, да къ тому же м. б. и не содержитъ двоиннаго ро̀дника, а одинный [4]).

---

[1]) Въ Далевомъ словарѣ (во всѣхъ трехъ изданіяхъ) „горбаты“; также въ „Полномъ собраніи русскихъ пословицъ и поговорокъ“. С.-Петербургъ, 1822 г. Однако мое „оба горбата“, источника котораго я теперь не въ состояніи указать, не есть недосмотръ и ужъ очень похоже на уцѣлѣвшій подъ охраною рифмы архаизмъ.

[2]) Разница есть также въ томъ, что „при оба, обѣ, встрѣчаются прилагательныя въ родительномъ множественнаго числа рѣже“. Бусл., § 231, 1.

[3]) Двойственное управленье слова *обѣ* хорошо бы объяснялось двойственностью выговора, если таковая существуетъ: о̀бѣ̆ могло бы сбиваться на множину такъ же, какъ фонетически сбивается на множинное о̀би.

[4]) Миклошичъ. Сравнительная морфологія, стран. 398, прим. 3.

томѣ (Strassburg 1900, стр. 254) онъ склоняется къ другому толкованію, а именно допускаетъ заимствованье множиннаго рȍдника изъ управленія предмѣтничныхъ числȍвокъ (пять, шесть и т. д.); но первое толкованіе естественнѣе, ибо выраженье „два маленькая стола̀“, по образцу „пять маленькихъ столовъ“, д. б. превратилось бы въ „два маленькихъ сто*ловъ*“. Впрочемъ, скорѣй всего слѣдуетъ считать множинный рȍдникъ при двоинномъ назывникѣ, по первоначальному смыслу, дополненіемъ, такъ что „два маленькихъ стола̀“ первоначально значило „два стола̀ изъ числа маленькихъ“. Аналогичны, кажется, имена вродѣ „Петръ Красныхъ“, и старинныя выраженія „ты какихъ родовъ?“, „князь Иванъ Ивановичь Дебрянскихъ князей“, „я по отцѣ Скотининыхъ“ Недоросль, д. III, явл. 5 [1]). Въ пользу послѣдняго пониманія говоритъ то обстоятельство, что въ старѣйшихъ примѣрахъ на такую согласовку рȍдникъ чуть ли не всегда стоитъ позади: „четыре корабля военныхъ, три человѣка сильныхъ“ [2]). (Если то же самое замѣчается и въ выраженьяхъ „четыре корабля военные“, „два человѣка сильные“, то опять-таки можно сослаться на неполноту согласовки).

Но, хотя бы въ языкѣ и не было связи между малинными назывниками и одинными родниками, а имѣлось бы только случайное сходство, какъ между какимъ-нибудь одиннымъ назывникомъ *брод* и множиннымъ рȍдникомъ борȍд,—все-таки постоянное сходство въ данномъ случаѣ есть фактъ, и дѣйствительно не можетъ не сознаваться [3]).

Какъ рѣдкій архаизмъ, въ народной поэзіи, встрѣчается правильное согласованіе прикладка, т. е. постановка его въ малинѣ: „Два остра̀ копья мурзамецкія“ Древнія рус. стихотв., I, 2, три бѣла̀ шатра Тж., 228. (Буслаевъ, § 231, пр. 3). Припомнимъ также сходное согласованье отмѣченныхъ въ Сравн. морф., стр. 397, прим. 5, поговорокъ: „Два кума Абакума“ и „Два брата

---

[1]) Буслаевъ, Истор. грам. § 243, 1, *б.*

[2]) Ломоносовъ, § 482, Буслаевъ, § 231, прим. 2, Соболевскій, Лекціи, изд. 3, стр. 203 (во 2-мъ изд.—188).

[3]) Оговорю здѣсь, что малиный назывникъ заслуживаетъ названія падежа „назывно-винильнаго“, притомъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ одинномъ числѣ, т. к. малинный винильникъ и у одушевленныхъ именъ не разъ является въ своемъ древнемъ видѣ: *куплю два коня, обѣ коровы.* Соб., Лек., изд. 3, стр. 198—199. Прибавлю нѣсколько примѣровъ изъ народной рѣчи: „*загналъ два воробья, купилъ три кобылы, двѣ лошади*—или: *двухъ лошадей* (Н. Н. Дурново, Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи, Варшава, 1903 г. стр. 137-Р. Ф. В., т. XLVII); *узила̀ чятыри сына* (В. Иль. Чернышевъ. „Матеріалы для изученія говоровъ Мещовскаго уѣзда“ (Калужской губерніи). С.-Петербургъ. 1901 г.—оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXX,—стр. 172. Винильникъ „*свои два сына*“, мнѣ недавно попался въ обыкновенномъ разговорѣ, причемъ въ продолженіи рѣчи превратился во множинное „*двоихъ сыновей*“.

„Стоитъ домикъ небольшой, Съ двумя свѣтлыми окна̀ми, Съ распашными ворота̀ми“ Кольцовъ, Домикъ лѣсника; „Будемъ спать, какъ спалъ Обломовъ, Въ продолженіе двухъ то̀мовъ“ В. С. Курочкинъ, Приговоръ IV (Гербель, Рус. поэты); „двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ“ Гоголь, Пропавшая грамота, въ началѣ.

Изъ разговорной рѣчи у меня записаны слѣдующія выраженія: „на двухъ бра̀товъ по 10,000 пришлось“; „матерія съ двумя цвѣтами“; „буръ съ тремя зу̀бами“; „я увидалъ всего одного или двухъ татариновъ“; „взялъ два яйца̀ и сидитъ съ двумя яйца̀ми въ рукахъ“; „телѣги о трехъ колеса̀хъ не бываетъ“ [1]).

Конечно, въ такихъ случаяхъ часто, м. б. даже преимущественно, употребляются и обыкновенныя множинныя формы, напр. „между двумя сильными сосѣдями“ Марлинскій, Аммалатъ-бекъ, гл. IV (была возможность написать „сосѣдами“); „мы пользуемся тремя стульями, пожертвованными Дмитріемъ Дмитричемъ“ (говорившій могъ бы сказать „стулами“).

Очень стоило бы подобрать побольше примѣровъ на̀ новотворныя малинныя формы, а также примѣровъ уклоненія отъ нихъ тамъ, гдѣ онѣ были бы возможны. Мнѣ напр. кажется, что обязательно говорить „двумя слова̀ми“, хотя можно бы сказать „двумя сло̀вами“; отъ реченья „господинъ“, особенно въ виду церковнаго двѣма господинома, естественно бы ожидать образованій „двух господинов, двум господинам, двумя господинами, о двух господинах“, однако имѣется: „На двухъ господъ служить, ни одному не угодить“; „Двумъ господамъ не служатъ“ Даль, подъ словами Господь и Два (Т. I, 3-е изд., столбцы 951—2 и 1031).

Не слѣдуетъ забывать, что книжные люди, вслѣдствіе молчанья о такихъ формахъ грамматики, вѣроятно, мало расположены къ малиннымъ косвенникамъ и м. б. иногда насилуютъ въ ущербъ имъ свое живое чутье.

Еще надо имѣть въ виду мѣстныя и личныя особенности въ склоненьи и въ акцентовкѣ. Такъ, нельзя быть безусловно увѣрену, что Кольцовъ и Курочкинъ не могли бы употребить окна̀ми, то̀мовъ также во множномъ числѣ; Лермонтовское же звѣзда̀ми—„Упали двѣ слезы, двумя звѣзда̀ми“, я несмотря на предшествующее „Подъ звѣздами Аллы, одни съ тобою“ [2]), даже не рѣшился поставить въ число примѣровъ, ибо мы читаемъ напр. у Пушкина: „Звѣзда̀ми падая на брегъ“ Евг. Он., гл. IV стрф. 42, у Жуковскаго: „славу, Взнесенную безумцами къ звѣзда̀мъ“ Орл. дѣва, прологъ, у

[1]) Послѣдній примѣръ записанъ изъ устъ ребенка, 5-тилѣтъ.
[2]) Аулъ Бастунджи, глава II, строфы XIV и XII.

Майкова: „Ввѣряясь лишь звѣзда̀мъ“ Акерманскія степи, и у Случевскаго: „другимъ звѣзда̀мъ“ Весной (Гербель, Русскіе поэты). Несомнѣнную множину̀ представляютъ слѣдующіе стихи Ѳ. Евг. Корша: „Читалъ лишь въ двухъ я звѣздахъ... Читалъ въ двухъ свѣтлыхъ звѣздахъ“ (Звѣздочетамъ, Стихотворенія Франца Прешириа. Москва 1901, стр. 83); но, по его устному сообщенію, у него и „въ двухъ звѣзда̀хъ“ было бы множино̀ю, т. к. вторичная акцентовка „въ звѣздахъ“ ему непривычна и допущена только для размѣра. Подобнымъ же образомъ, слышалъ напр. „двум села̀м“, „трём сестра̀м“, надо справиться, не скажетъ ли данное лицо такъ же и во множинѣ, какъ у Кольцова: „По села̀мъ, городамъ, по торговымъ людя̀мъ“ Что ты спишь, мужичокъ? и какъ въ поговоркѣ: „Всѣмъ сестра̀мъ по серьга̀мъ“ [1]). Малинныя же [на мое чутье] гнѣзда̀м, ребра̀м, надо полагать, слышатся какъ множина̀ въ поговоркахъ: „По мѣстамъ, какъ соловьи по гнѣздамъ“ Даль, Гнѣздо, и „Не по годамъ, а по ребрамъ“ [2]). Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ, С.-Петербургъ 1822, № 3205. И Гоголь своихъ „поросенковъ“ м. б. допустилъ бы также во множину̀, какъ бываетъ въ просторѣчьи и какъ у Нарѣжнаго: „довольно гусей, куръ и *поросенковъ*“ Бурсакъ, ч. IV, гл. 6. Срв. тамъ же „всѣ твои кобылы родили *жеребенковъ* изъ чистаго золота“, ч. III, гл. 3, и „человѣкъ до пяти поваровъ и *поваренковъ*“ Писемскій, Тысяча душъ, ч. II, гл. 5, въ началѣ. „Изъ *поваренковъ*, за грѣхи, Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи“ Крыловъ, Пастухъ. Также, если кто сказалъ „пѣтухъ съ двумя *курицами*“, желательно еще провѣрить, не скажетъ ли онъ тоже „съ пятью курицами“ вм. „съ пятью курами“.

Мѣстныя особенности при нашихъ наблюденіяхъ иногда могутъ поставить намъ настоящія ловушки: такъ, если бы мы отъ ярославца услыхали выраженье „съ двумя колокола́ми“ и приняли бы это за множину, мы бы ошиблись, т. к. ко́локол по-ярославски колоколо́, множина́—колоко́ла [3]). И въ книжной рѣчи возможны недоразумѣнья такого рода: писавшій о „двухъ сосѣдахъ“ могъ бы употребить эту форму не какъ малинную, а какъ множинную, по твердому различію. Сличимъ сравнит. морфол., стр. 413, прим. 3. Мнѣ и въ самомъ дѣлѣ пришлось исключить помѣщенное было въ число примѣровъ выраженіе „изъ верёвокъ лѣстница, съ двумя здоровыми крюка́ми“ (Два веронца—Сочиненія Шекспира, изд. Н. В. Гербеля), т. к. переводчикъ—Вс. Ѳ.

[1]) Въ видѣ примѣра на множинное акцентованье приведу изъ живой рѣчи выраженіе „о Дядѣ Ванѣ, о Чайкѣ, о Трёхъ сёстрахъ“.

[2]) Это д. б. значитъ: не уважали его старость, а вздули его.

[3]) Формы колоколо̀ и колоко̀ла указаны мнѣ Матв. Ив. Соколовымъ и Н. В. Шляковымъ. Колоколо̀, какъ сѣверно-русское вообще, есть у Даля.

Миллеръ—сообщилъ мнѣ, что сказалъ бы также „съ пятью крюка́ми", а не „съ пятью крючьями".

Надо имѣть въ виду еще и тó, что появленье малинныхъ косвенниковъ м. б. зависитъ отчасти отъ сосѣдства однородныхъ назывно-винильниковъ: возможно, что говорящій „между двумя дома́ми", упомянувъ сперва про „два дóма", сказалъ бы затѣмъ „между этими двумя дóмами".

Оговорю также, что наши новотворные косвенники пожалуй заслуживаютъ (по-школьному) названія „ошибокъ"; но вѣдь таковы-же были когда-то всѣ особенности новаго языка противъ стариннаго: и тѣ русскіе, кои впервые употребляли выраженія *два села́, двѣ сестры́,* выражались для своего времени „неправильно".

Кончаю настоящую статейку, въ коей я старался дать нѣсколько иное освѣщенье общеизвѣстному явленію и указалъ на него нѣсколько новыхъ примѣровъ. Желательно, разумѣется, представить болѣе полный разборъ вопроса, основанный на болѣе богатомъ матерьялѣ, и я надѣюсь, что повторенные и добавленные здѣсь факты побудятъ другихъ къ поправкамъ и дополненіямъ.

Москва, 16 января 1904 года.

Майкова: „Ввѣрясь лишь звѣзда̀мъ“ Акерманскія степи, и у Случевскаго: „другимъ звѣзда̀мъ“ Весной (Гербель, Русскіе поэты). Несомнѣнную множину̀ представляютъ слѣдующіе стихи Ѳ. Евг. Корша: „Читалъ лишь въ двухъ я звѣ̀здахъ... Читалъ въ двухъ свѣтлыхъ звѣ̀здахъ“ (Звѣздочетамъ, Стихотворенія Франца Прешириа. Москва 1901, стр. 83); но, по его устному сообщенію, у него и „въ двухъ звѣзда̀хъ“ было бы множиндю, т. к. вторичная акцентовка „въ звѣ̀здахъ“ ему непривычна и допущена только для размѣра. Подобнымъ же образомъ, слышалъ напр. „двум села̀м“, „трём сестра̀м“, надо справиться, не скажетъ ли данное лицо такъ же и во множинѣ, какъ у Кольцова: „По села̀мъ, городамъ, по торговымъ людя̀мъ“ Что ты спишь, мужичокъ? и какъ въ поговоркѣ: „Всѣмъ сестра̀мъ по серьга̀мъ“ [1]). Малинныя же [на мое чутье] гнѣзда̀м, ребра̀м, надо полагать, слышатся какъ множина̀ въ поговоркахъ: „По мѣстамъ, какъ соловьи по гнѣздамъ“ Даль, Гнѣздо, и „Не по годамъ, а по ребрамъ“ [2]). Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ, С.-Петербургъ 1822, № 3205. И Гоголь своихъ „поросенковъ“ м. б. допустилъ бы также во множину̀, какъ бываетъ въ просторѣчьи и какъ у Нарѣжнаго: „довольно гусей, куръ и *поросенковъ*“ Бурсакъ, ч. IV, гл. 6. Срв. тамъ же „всѣ твои кобылы родили *жеребенковъ* изъ чистаго золота“, ч. III, гл. 3, и „человѣкъ до пяти поваровъ и *поваренковъ*“ Писемскій, Тысяча душъ, ч. II, гл. 5, въ началѣ. „Изъ *поваренковъ*, за грѣхи, Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи“ Крыловъ, Пастухъ. Также, если кто сказалъ „пѣтухъ съ двумя *курицами*“, желательно еще провѣрить, не скажетъ ли онъ тоже „съ пятью курицами“ вм. „съ пятью курами“.

Мѣстныя особенности при нашихъ наблюденіяхъ иногда могутъ поставить намъ настоящія ловушки: такъ, если бы мы отъ ярославца услыхали выраженье „съ двумя колокола́ми“ и приняли бы это за множину, мы бы ошиблись, т. к. ко́локол поярославски колоколо́, множина́—колоко́ла [3]). И въ книжной рѣчи возможны недоразумѣнья такого рода: писавшій о „двухъ сосѣдахъ“ могъ бы употребить эту форму не какъ малинную, а какъ множинную, по твердому различію. Сличимъ сравнит. морфол., стр. 413, прим. 3. Мнѣ и въ самомъ дѣлѣ пришлось исключить помѣщенное было въ число примѣровъ выраженіе „изъ верёвокъ лѣстница, съ двумя здоровыми крю́ка́ми“ (Два веронца—Сочиненія Шекспира, изд. Н. В. Гербеля), т. к. переводчикъ—Вс. Ѳ.

---

[1]) Въ видѣ примѣра на множинное акцентованье приведу изъ живой рѣчи выраженіе „о Дядѣ Ванѣ, о Чайкѣ, о Трёхъ сёстрахъ“.

[2]) Это д. б. значитъ: не уважали его старость, а вздули его.

[3]) Формы колоколд̀ и колокд̀ла указаны мнѣ Матв. Ив. Соколовымъ и Н. В. Шляковымъ. Колоколд̀, какъ сѣверно-русское вообще, есть у Даля.

скимъ славянствомъ и отдѣльно отъ Россіи, чѣмъ и обусловлено указанное выше особое ея положеніе. Какъ же отразилась на ней движущая идея вѣка, какое наслѣдіе оставилъ онъ по себѣ вѣку новому? На этихъ вопросахъ мы позволимъ себѣ остановиться въ настоящей замѣткѣ.

При первой встрѣчѣ съ русскимъ населеніемъ Галичины, отошедшей къ Австріи по первому раздѣлу Польши, австрійскіе чиновники нашли, что это—народность не то „россійская", т. е. одинаковая съ жителями русскаго государства, не то „иллирійская".

Вопросъ о народности возникъ такимъ образомъ на почвѣ галицкой Руси сразу, при первомъ ознакомленіи съ нею Австріи. Ни въ какомъ другомъ отношеніи австрійскіе чиновники не почувствовали затрудненій. Вѣрнымъ взглядомъ они сразу оцѣнили характеръ русскихъ и польскихъ отношеній, и сразу стали на сторону подавленной Руси, состоявшей въ сущности изъ безправной массы „хлоповъ и поповъ русской вѣры".

Самодержавный шляхетскій народъ былъ поставленъ въ рамки закона и долженъ былъ склониться передъ его представителемъ—австрійскимъ чиновникомъ. Одна эта мѣра, проведенная на первыхъ порахъ съ нѣмецкой послѣдовательностью и строгостью, составила въ жизни галицкой Руси эпоху въ полномъ смыслѣ слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры къ облегченію положенія русскаго духовенства и подъему его образованія. Въ Львовѣ былъ открытъ нѣмецкій университетъ, а съ 1787 г. нѣкоторые предметы читались здѣсь русскимъ богословамъ на тогдашнемъ русскомъ литературномъ или славяно-русскомъ языкѣ, что сообщало самому университету въ извѣстной мѣрѣ русскій характеръ.

Благодаря этому, условія жизни новыхъ австрійскихъ подданныхъ измѣнились совершенно. Народная масса почувствовала себя подъ защитой закона, а сельское духовенство, сливавшееся до тѣхъ поръ съ массой въ нуждѣ и безправіи, было поднято и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Оно должно было составить первый кадръ верхняго образованнаго класса не то „россійской", не то „иллирійской" народности.

Съ такою неопредѣленностью ея характера Австрія не могла примириться. Скоро установленъ былъ точный терминъ для ея обозначенія. Австрія выбрала для этого старый терминъ папской канцеляріи: Ruthenus (*Ruthene*, *ruthenisch*), рѣшительно исключивъ изъ употребленія другой, соотвѣтствовавшій народному обозначенію и въ началѣ нерѣдко попадавшійся въ оффиціальныхъ австрійскихъ бумагахъ: *Russe*, *russisch*.

Такимъ образомъ была рѣшительно устранена неопредѣленность польской терминологіи, по которой слово *Русинъ* имѣло два значенія: въ примѣненіи къ безправной народной массѣ оно сохраняло свой этнографическій смыслъ, связывая Русь польскаго государства со всею остальною Русью; въ примѣненіи къ лицамъ и группамъ, возвышавшимся надъ уровнемъ массы, оно обозначало людей русскаго рода и вѣры, но польской культуры. Послѣдняя очень скоро претворяла такихъ Русиновъ въ совершенныхъ поляковъ, а потому „*русинство*" составляло въ Польшѣ въ сущности лишь временную стадію перерожденія Руси въ Польшу. Затѣмъ оставалось лишь воспоминаніе о прежнемъ русскомъ родѣ и вѣрѣ, а въ дѣйствительности получался мѣстный варіантъ польской національности: gente ruthenus natione polonus.

Именно поэтому такіе „Русины" и не годились для Австріи. Перерожденіе Руси въ Польшу вовсе не соотвѣтствовало ея государственнымъ интересамъ. „Просвѣщенное, либеральное и справедливое" („aufgeklärte, liberale u. gerechte"), а къ тому еще „мягкое" („milde") австрійское правительство, какъ любило оно называть себя въ тѣ времена, не могло, конечно, допустить у себя такого перелива силъ одной народности въ другую. „Рутены" во всей своей совокупности должны были оставаться „Рутенами"— отдѣльной, самостоятельной этнографической единицей, въ ряду другихъ славянскихъ и неславянскихъ народностей австрійскаго конгломерата; имъ была предоставлена возможность самостоятельнаго развитія.

Такъ обозначился на почвѣ галицкой Руси „рутенскій" вопросъ. Но ясно поставлена была пока лишь одна его сторона—отношенія къ полякамъ: типъ—gente ruthenus, natione polonus долженъ былъ исчезнуть. Но этимъ вопросъ далеко не исчерпывался.

Съ окончательнымъ паденіемъ Польши, Австрія стала непосредственной сосѣдкой Россіи, и австрійскому правительству приходилось подумать объ огражденіи своихъ „Рутеновъ" отъ вліянія могущественной сосѣдки. Задача была тѣмъ болѣе трудная, что Екатерина любила заниматься русской исторіей и не только имѣла понятіе о „Червонной Руси", но даже не забыла упомянуть о ней въ одномъ изъ писемъ къ Гримму. Но счастье не измѣнило Австріи: по смерти Екатерины круто измѣнился характеръ русско-польскихъ отношеній, а съ „дней Александровыхъ счастливаго начала" у Австріи исчезли всякія опасенія насчетъ русскаго сосѣдства.

Формы западно-русской жизни, сложившіяся подъ польскимъ вліяніемъ и теперь готовыя, казалось, рухнуть совершенно, усиленно закрѣплялись русской властью. Чарторыжскій, Чацкій и

цѣлый сонмъ ихъ помощниковъ свободно расправили крылья надъ всею западною Русью.

Австрійскіе „Рутены“ имѣли полное основаніе трепетать предъ такою участью, и какъ утопающіе всѣми силами хватались за Австрію.

„Любезнѣйшіе собратья! говорилъ въ 1806 г. на собраніи галицко-русскаго епархіальнаго духовенства докторъ богословія М. Гарасевичъ, взгляните на современное положеніе нашего духовенства, и вы убѣдитесь, что оно никогда не достигало такой высокой степени. А благодаря чему? Благодаря милости кротчайшаго австрійскаго правительства, ибо съ того времени, какъ мы перешли подъ власть мудрой, справедливой, кроткой и руководящейся либеральными принципами австрійской власти, съ нами обращаются отечески и наравнѣ съ другими“. И подобныя рѣчи находили живой отголосокъ въ тогдашнемъ галицкомъ духовенствѣ. Вотъ какой всеподданнѣйшій адресъ составило оно въ томъ же собраніи: „Всемилостивѣйшій Монархъ! Не имѣя возможности явиться у твоего престола, мы стоимъ передъ твоимъ изображеніемъ и торжественно заявляемъ, что твои милости и благодѣянія, которыхъ мы стали участниками, останутся навсегда неизгладимы въ нашихъ сердцахъ, что рутенскій народъ и рутенскій клиръ (dass die ruthenische Nazion u. der ruthenische Klerus), всегда преданные своимъ повелителямъ, питаютъ къ тебѣ и твоему престолу величайшую любовь и преданность, что мы, въ качествѣ учителей народа и отцовъ семей, какъ до сихъ поръ, такъ и впредь будемъ употреблять всѣ наши усилія, чтобы при каждомъ случаѣ внѣдрять нашимъ роднымъ и духовнымъ дѣтямъ неизмѣнную вѣрность, послушаніе, любовь и привязанность къ твоему священному престолу, однимъ словомъ—чистый и истинный патріотизмъ, и что мы во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ постараемся представить несомнѣнныя доказательства, что австрійскій домъ въ своихъ обширныхъ государствахъ не имѣетъ никого болѣе преданнаго, чѣмъ рутенскій клиръ и рутенскій народъ въ Галичинѣ“.

Такъ, въ силу обстоятельствъ, обозначилась и другая сторона „рутенскаго“ вопроса: „Рутены“ сами должны были страстно желать какъ можно болѣе обособиться отъ Россіи, стать австрійцами, а это дѣйствительно сообщало „рутенству“ или „рутенизму“ реальный смыслъ отдѣльной, самостоятельной народности въ предѣлахъ державы Габсбурговъ. Но обстоятельства не позволили ограничить „рутенскій“ вопросъ этими предѣлами.

Положеніе дѣлъ, созданное политикой Александра I, не могло не отозваться и въ Галиціи. Почувствовавъ свою силу, поляки

запротестовали противъ „рутенства“. „Рутены“, заявляли поляки— чистая фикція. Есть только „Русины“—хлопы, съ своими хлопскими попами. Таковыми имъ и подобаетъ оставаться и нечего тутъ ломать голову. „Галиція, заявилъ львовскій латинскій архіепископъ Анквичъ,—часть Польши, и потому польскій языкъ считается въ ней народнымъ, если же желаютъ дать возможность хлопу греко-католической вѣры читать катихизисъ и церковныя книги, то наилучше было бы переложить ихъ на польскій языкъ или, по крайней мѣрѣ, напечатать латинскими буквами, такъ какъ не слѣдуетъ для хлоповъ умножать нарѣчія и алфавиты“. Резонность этого рода заявленій признали и австрійскія власти. „Для просвѣщеннаго, либеральнаго и справедливаго австрійскаго правительства, говорится въ одномъ изъ тогдашнихъ оффиціальныхъ документовъ, нѣтъ никакихъ политическихъ основаній противиться обученію въ Галичинѣ польскому чтенію и письму, а если принимать во вниманіе соображенія политическаго свойства, то, конечно, менѣе благоразумно распространять вмѣсто польскаго „рутенскій“ языкъ, представляющій лишь нарѣчіе (Abartung) русскаго языка“.

Положеніе „Рутеновъ“ оказалось чрезвычайно труднымъ. Какъ вырабатывать народность безъ языка? а между тѣмъ ихъ письменный языкъ, употреблявшійся, напр., въ пастырскихъ посланіяхъ митрополитовъ, епископовъ, сталъ возбуждать опасенія австрійскихъ властей,—а что, если это языкъ не настоящій ruthenisch, совершенно чуждый опасному russisch? Заботливыя власти очень безпокоились, что добрый „рутенскій“ народъ, пожалуй, не пойметъ пастырскихъ посланій и, чего добраго, будетъ коснѣть въ старыхъ „схизматическихъ“ представленіяхъ. Неоднократно дѣлались предложенія духовной рутенской власти употреблять понятный для паствы *мѣстный* народный языкъ, настоящій ruthenisch, безъ всякаго сомнѣнія. „Рутены“ никакъ не могли понять этихъ предложеній и, конечно, не могли ихъ исполнить. Вѣдь для этого требовалось въ сущности изобрѣсти новый языкъ, но эта мысль тогдашнимъ „Рутенамъ“ казалась совершенной нелѣпостью. Пришлось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. И вотъ, въ 1818 г. митрополитъ торжественно заявляетъ властямъ, что его паства—вовсе не „Россіяне“, а „Рутены“, что они споконъ вѣку говорятъ своимъ собственнымъ „рутенскимъ“ языкомъ, писали и пишутъ на немъ же, что русскій (russische, „россійскій“) языкъ рѣзко отличается отъ „рутенскаго“ и совершенно чуждъ „греко-католическому“ населенію Галичины.

Но этому заявленію повѣрили плохо.

Тогда въ той же митрополичьей канцеляріи сдѣлана была

цѣлый сонмъ ихъ помощниковъ свободно расправили крылья надъ всею западною Русью.

Австрійскіе „Рутены“ имѣли полное основаніе трепетать предъ такою участью, и какъ утопающіе всѣми силами хватались за Австрію.

„Любезнѣйшіе собратья! говорилъ въ 1806 г. на собраніи галицко-русскаго епархіальнаго духовенства докторъ богословія М. Гарасевичъ, взгляните на современное положеніе нашего духовенства, и вы убѣдитесь, что оно никогда не достигало такой высокой степени. А благодаря чему? Благодаря милости кротчайшаго австрійскаго правительства, ибо съ того времени, какъ мы перешли подъ власть мудрой, справедливой, кроткой и руководящейся либеральными принципами австрійской власти, съ нами обращаются отечески и наравнѣ съ другими“. И подобныя рѣчи находили живой отголосокъ въ тогдашнемъ галицкомъ духовенствѣ. Вотъ какой всеподданнѣйшій адресъ составило оно въ томъ же собраніи: „Всемилостивѣйшій Монархъ! Не имѣя возможности явиться у твоего престола, мы стоимъ передъ твоимъ изображеніемъ и торжественно заявляемъ, что твои милости и благодѣянія, которыхъ мы стали участниками, останутся навсегда неизгладимы въ нашихъ сердцахъ, что рутенскій народъ и рутенскій клиръ (dass die ruthenische Nazion u. der ruthenische Klerus), всегда преданные своимъ повелителямъ, питаютъ къ тебѣ и твоему престолу величайшую любовь и преданность, что мы, въ качествѣ учителей народа и отцовъ семей, какъ до сихъ поръ, такъ и впредь будемъ употреблять всѣ наши усилія, чтобы при каждомъ случаѣ внѣдрять нашимъ роднымъ и духовнымъ дѣтямъ неизмѣнную вѣрность, послушаніе, любовь и привязанность къ твоему священному престолу, однимъ словомъ—чистый и истинный патріотизмъ, и что мы во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ постараемся представить несомнѣнныя доказательства, что австрійскій домъ въ своихъ обширныхъ государствахъ не имѣетъ никого болѣе преданнаго, чѣмъ рутенскій клиръ и рутенскій народъ въ Галичинѣ“.

Такъ, въ силу обстоятельствъ, обозначилась и другая сторона „рутенскаго“ вопроса: „Рутены“ сами должны были страстно желать какъ можно болѣе обособиться отъ Россіи, стать австрійцами, а это дѣйствительно сообщало „рутенству“ или „рутенизму“ реальный смыслъ отдѣльной, самостоятельной народности въ предѣлахъ державы Габсбурговъ. Но обстоятельства не позволили ограничить „рутенскій“ вопросъ этими предѣлами.

Положеніе дѣлъ, созданное политикой Александра I, не могло не отозваться и въ Галиціи. Почувствовавъ свою силу, поляки

запротестовали противъ „рутенства". „Рутены", заявляли поляки— чистая фикція. Есть только „Русины"—хлопы, съ своими хлопскими попами. Таковыми имъ и подобаетъ оставаться и нечего тутъ ломать голову. „Галиція, заявилъ львовскій латинскій архіепископъ Анквичъ,—часть Польши, и потому польскій языкъ считается въ ней народнымъ, если же желаютъ дать возможность хлопу греко-католической вѣры читать катихизисъ и церковныя книги, то наилучше было бы переложить ихъ на польскій языкъ или, по крайней мѣрѣ, напечатать латинскими буквами, такъ какъ не слѣдуетъ для хлоповъ умножать нарѣчія и алфавиты". Резонность этого рода заявленій признали и австрійскія власти. „Для просвѣщеннаго, либеральнаго и справедливаго австрійскаго правительства, говорится въ одномъ изъ тогдашнихъ оффиціальныхъ документовъ, нѣтъ никакихъ политическихъ основаній противиться обученію въ Галичинѣ польскому чтенію и письму, а если принимать во вниманіе соображенія политическаго свойства, то, конечно, менѣе благоразумно распространять вмѣсто польскаго „рутенскій" языкъ, представляющій лишь нарѣчіе (Abartung) русскаго языка".

Положеніе „Рутеновъ" оказалось чрезвычайно труднымъ. Какъ вырабатывать народность безъ языка? а между тѣмъ ихъ письменный языкъ, употреблявшійся, напр., въ пастырскихъ посланіяхъ митрополитовъ, епископовъ, сталъ возбуждать опасенія австрійскихъ властей,—а что̀, если это языкъ не настоящій ruthenisch, совершенно чуждый опасному russisch? Заботливыя власти очень безпокоились, что добрый „рутенскій" народъ, пожалуй, не пойметъ пастырскихъ посланій и, чего добраго, будетъ коснѣть въ старыхъ „схизматическихъ" представленіяхъ. Неоднократно дѣлались предложенія духовной рутенской власти употреблять понятный для паствы *мѣстный* народный языкъ, настоящій ruthenisch, безъ всякаго сомнѣнія. „Рутены" никакъ не могли понять этихъ предложеній и, конечно, не могли ихъ исполнить. Вѣдь для этого требовалось въ сущности изобрѣсти новый языкъ, но эта мысль тогдашнимъ „Рутенамъ" казалась совершенной нелѣпостью. Пришлось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. И вотъ, въ 1818 г. митрополитъ торжественно заявляетъ властямъ, что его паства—вовсе не „Россіяне", а „Рутены", что они споконъ вѣку говорятъ своимъ собственнымъ „рутенскимъ" языкомъ, писали и пишутъ на немъ же, что русскій (russische, „россійскій") языкъ рѣзко отличается отъ „рутенскаго" и совершенно чуждъ „греко-католическому" населенію Галичины.

Но этому заявленію повѣрили плохо.

Тогда въ той же митрополичьей канцеляріи сдѣлана была

попытка научно обосновать прежнее заявленіе. Въ еще болѣе отдѣланномъ видѣ оно было изложено каноникомъ И. Могильницкимъ въ статьѣ „O jezyku ruskim", помѣщенной въ ученомъ изданіи библіотеки Оссолинскихъ за 1829 г.

Эта статья одного изъ выдающихся тогдашнихъ галичанъ представляетъ, кажется, первый опытъ научной формулировки вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ народностей. Взгляды автора вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ обычнымъ представленіямъ, которыя сложились чисто механически, подъ вліяніемъ вѣкового политическаго разобщенія русскаго народа. Не удивительно, что въ результатѣ получились не двѣ народности одного народа, а двѣ отдѣльныя, самостоятельныя національности—„россійская" и „рутенская"; границу между нимъ составлялъ старый московско-литовскій рубежъ.

Теорія Могильницкаго была обоснована какъ нельзя лучше, но ей повѣрили такъ же плохо, какъ и торжественному заявленію митрополита, просто потому, что въ дѣйствительности никто, никогда не наблюдалъ фактовъ, которые бы ей соотвѣтствовали. Въ дѣйствительности на обширномъ пространствѣ „Рутеніи" почтеннаго каноника всѣ видѣли и знали, во-1-хъ „хлоповъ русской вѣры", но никто не зналъ, чѣмъ отличаются эти хлопы отъ „россійскихъ", во-2-хъ—людей „русскаго рода", но самыхъ различныхъ національностей—польской, мадьярской, даже румынской и словацкой. Въ тѣсной обстановкѣ галицкаго митрополичьяго круга была еще одна разновидность людей „русскаго рода"—nationis austriacae. Они могли говорить почти на всѣхъ австрійскихъ языкахъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ они писали оффиціальныя бумаги и, въ случаѣ надобности, ученые трактаты, но „рутенскій" языкъ имъ давался очень плохо. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, „рутенизмъ", прекрасно обоснованный Могильницкимъ въ теоріи, становился въ дѣйствительности чѣмъ-то комичнымъ, и сами „Рутены" не прочь были пошутить надъ нимъ, напр. въ пѣсенкѣ: „былъ соби Грыцько родомъ зъ Коломыи"... За время до 1848 г. „Рутенизмъ" оказался пригоднымъ лишь для оффиціальнаго парада и не могъ осилить даже традиціоннаго „русинства". Галицкая Русь все болѣе и болѣе мертвѣла. Слабый проблескъ жизни, мелькнувшій въ 30-хъ годахъ въ стѣнахъ львовской семинаріи, не оживилъ ея, и она уже не могла принять участія въ начавшемся обновленіи русской литературы и науки. Только благодаря эмигрантамъ изъ угорской Руси, Карпатская Русь не осталась ему совершенно чуждой.

Въ такомъ положеніи „рутенскій" вопросъ оставался до 1848 г., когда, подъ вліяніемъ новыхъ условій, онъ вдругъ по-

лучилъ вовсе не комичный, а весьма серьезный характеръ, такъ какъ оказалось, что ни „рутенскій“ мундиръ, ни „русинскій“ кунтушъ нисколько не измѣнили его русской сущности.

1848-й годъ называютъ обыкновенно „весной“ европейскихъ народовъ. Карпатская Русь политически должна быть къ нимъ причислена. Но „весна“ въ ней должна была сказаться иначе, просто по тому, что, наравнѣ съ всей западной Русью, она давно потеряла всю свою листву и сохранила лишь глубоко вросшіе въ родную землю корни. Въ 48-мъ году настало, повидимому, время, когда характеръ земли долженъ былъ опредѣляться именно по этимъ народнымъ корнямъ, а не по колеблемой и уносимой вѣтромъ листвѣ. Такъ оно, конечно, должно было быть, но не всегда все бываетъ такъ, какъ должно быть.

Въ 48-мъ году повсюду очень сильно сказалась идея народности. Въ дѣйствительности, однако, на первый планъ выдвинулись „политическія націи“, а живыя, но неполитическія народности оказались не въ авантажѣ.

„Sind Sie denn eigentlich mit den Grossrussen eine und dieselbe Nation?“ спросилъ намѣстникъ Стадіонъ галицко-русскую депутацію, явившуюся къ нему лишь 19 апрѣля, т. е. цѣлый мѣсяцъ спустя послѣ начавшагося въ Львовѣ движенія.

Старая сказка началась сызнова. Но условія, въ которыхъ она стала опять сказываться, были другія: канцелярскій шопотъ смѣнился громкими дебатами въ собраніяхъ и парламентахъ, и выступившіе опять на сцену „Рутены“ вызвали на ней не мало шума. „Рутенскій“ вопросъ оказался опять вопросомъ, выходящимъ за предѣлы Габсбургской державы. Политическая граница 1772 г. наиболѣе отвѣчала обычнымъ представленіямъ выработавшимся на основаніи старыхъ политическихъ рамокъ; но она была упразднена исторіей, а что еще хуже—она подымала вопросъ не о „Рутенахъ“, а какой то громадный вопросъ о Руси, связанной и съ Польшей, и съ Россіей. Оттого „Рутенскій“ вопросъ сталъ чѣмъ-то вродѣ тяжелаго кошмара какъ для пражскаго съѣзда, такъ и для вѣнскаго и кромерижскаго парламентовъ. Не помогли ни вышучиванья, ни различныя уловки. Вѣнскій юмористъ, еврей Сапфиръ, провозгласилъ „Рутеновъ“ изобрѣтеніемъ Стадіона; во Львовѣ они считались изобрѣтеніемъ Голуховскаго; въ Прагѣ ихъ старались выставить, какъ исключительно „клерикальную“ партію. Никто, конечно, этому не вѣрилъ, но многіе повторяли эту условную ложь, желая найти въ ней хоть нѣкоторое успокоеніе, хоть какой-нибудь выходъ изъ безвыходной путаницы.

И во Львовѣ, и въ Прагѣ, и въ Вѣнѣ отлично понимали, что вопросъ о „Рутенахъ“ связывается съ вопросомъ о всей Руси и не можетъ быть отъ него отдѣленъ. Галичанамъ пришлось дать по этому поводу объясненіе вѣнскому парламенту, пришлось признать не только племенное единство, но и общность судебъ въ прошломъ, родственность языка, нравовъ и проч. Неудивительно, что вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Тѣмъ не менѣе, 48-й годъ оставилъ глубокій слѣдъ въ жизни Карпатской Руси. Ей самой пришлось передъ судомъ народовъ защищать свои права, интересы и нужды, и какъ ни мало было подготовлено мѣстное русское общество къ исполненію такой задачи, тѣмъ не менѣе время создало людей, которые оказались на надлежащей высотѣ.

Въ 48-мъ году, Карпатская Русь прошла первый курсъ настоящей политической школы. Это была не та школа, которую проходила съ 30-хъ годовъ галицко-русская учащаяся молодежь въ кружкахъ польской конспираціи, а школа дѣйствительной жизни, открытой политической дѣятельности. Обстоятельства на короткое время предоставили русскому обществу значительную степень свободы и самодѣятельности, и не мечты, а дѣйствительная жизнь подсказывала фактическія нужды. На собраніяхъ говорилось о томъ, что дѣйствительно заставляло говорить о себѣ, что болѣло; соборный умъ опредѣлялъ силу и степень боли. Прояснялось общественное сознаніе, опредѣлялась воля и естественно выдвигались отдѣльные представители, особенно удачно формулировавшіе общія потребности.

Благодаря этому, въ 48-мъ году впервые былъ поставленъ рядъ вопросовъ, составляющихъ и понынѣ злобу карпато-русской жизни. Политически разрозненныя части Карпатской Руси обнаружили взаимное тяготѣніе, мелькнулъ даже вопросъ объ ихъ объединеніи. Въ прямой связи съ этимъ поставленъ былъ вопросъ о раздѣленіи Галиціи по народностямъ, наконецъ, тогда же всплылъ вопросъ и о русскомъ литературномъ языкѣ.

Конечно, только въ послѣднемъ вопросѣ умъ и воля Карпатской Руси представляли единственную высшую инстанцію, и только этотъ вопросъ и былъ дѣйствительно рѣшенъ; по крайней мѣрѣ, на такъ называемомъ „Соборѣ галицко-русскихъ ученыхъ“ былъ вполнѣ ясно и опредѣленно указанъ путь для его рѣшенія, а въ учредительномъ собраніи галицко-русской матицы въ 1849 г. было сдѣлано слѣдующее постановленіе: „всѣ дѣла (т. е. сочиненія, польск. dzieła), призначенныи до просвѣщенія общенароднаго, издавати и печатати на добѣ сколько возможно тѣмъ языкомъ, якій живе въ устахъ народа; противно-же дѣла

высшой науки, до круга читательства литературно-образованнаго принадлежащіи, издавати въ языцѣ письменномъ, который мае начало своего развитія въ далекой минувшости, а который *ошибочно чисто-россійскимъ называютъ*".

Въ 1849-мъ году явились русскія войска спасать Австрію. Пришли, спасли и ушли. Но ихъ путь лежалъ черезъ Карпатскую Русь, и новая встрѣча послѣ всего того, что было въ 48-мъ г. не могла пройти безслѣдно. Племенное единство Руси обнаружилось теперь ясно для всѣхъ, обнаружилась и справедливость поговорки, которую очень любилъ повторять даже такой „рутенецъ", какъ М. Гарасевичъ: „велика русска маты". Теперь получали смыслъ и такіе отдѣльные факты культурной жизни Карпатской Руси, какъ эмиграція нѣкоторыхъ ея представителей въ Россію, посѣщеніе Львова Погодинымъ, письмо Максимовича Зубрицкому по вопросу о русскомъ литературномъ языкѣ. Очень ясно должна была представиться и причина „рутенскихъ", „русинскихъ" и „руснацкихъ" бѣдствій.

Центральнымъ выраженіемъ этого сознанія служитъ „Исторія древняго галичско-русскаго княжества" Д. Зубрицкаго, появившаяся во Львовѣ въ 1852 г. Она была написана на русскомъ литературномъ языкѣ. Возможность писать на этомъ языкѣ галичанину, никогда не бывавшему въ Россіи и еще болѣе—возможность читать написанную на этомъ языкѣ книгу по всей Карпатской Руси какъ нельзя болѣе ярко подтвердила справедливость заявленія членовъ матицы, что этотъ языкъ „ошибочно чисто-россійскимъ называютъ".

Въ исторіи „рутенскаго" вопроса здѣсь нельзя не усматривать начало конца; „Русинство" было убито уже 48-мъ годомъ окончательно (дѣятельностью знаменитаго „Русскаго Собора", съ его не менѣе знаменитой „русской шляхтой": Пузына, Стецкій, Шумлянскій, Голеевскій, Дѣдушицкій —„prawdziwi Rusini"); „Рутены" какъ то само собою преобразились, и атмосфера Карпатской Руси сразу очистилась. Но Русь не была хозяиномъ въ своей хатѣ, и вслѣдствіе этого „рутенскій" вопросъ продолжилъ свое существованіе.

„Рутены" были провозглашены „тирольцами востока", но въ то же время намѣстникомъ Галиціи былъ назначенъ гр. Агеноръ Голуховскій, а въ австрійской политикѣ въ Карпатской Руси, особенно въ Галичинѣ, ярко намѣчается переходъ на сторону „исторической націи".

Новый галицкій намѣстникъ долженъ былъ понемногу парализовать пробужденіе галицко-русскаго общества, уничтожить его организацію, долженъ былъ поднять пошатнувшееся значеніе

„политической націи“. Все это онъ сдѣлалъ, да это съ отмѣной конституціи и не представляло особеннаго труда. Десятилѣтнее правленіе Голуховскаго не оставляетъ сомнѣнія, что онъ былъ орудіемъ Вѣны, выбраннымъ по указанію такого крупнаго представителя старой Австріи, какъ Стадіонъ. Въ знаменитыхъ запискахъ: о „Рутеніи“ (1849) и о русскомъ языкѣ въ школахъ (1851), Голуховскій съ необыкновенной отчетливостью указывалъ Вѣнѣ на грозную опасность неизбѣжнаго возникновенія вопроса о культурномъ и политическомъ единствѣ всея Руси. Это объясняетъ источникъ искренней преданности Голуховскаго Австріи, но, конечно не отнимаетъ у его записокъ важнаго историческаго значенія.

Въ отношеніяхъ Голуховскаго къ Руси можно отмѣтить чуждую „мягкой“ австрійской администраціи страстность и высокомѣріе. Но эта черта едва ли требуетъ объясненія. Вѣнское правительство было въ этомъ случаѣ не всегда довольно намѣстникомъ и нерѣдко старалось сдерживать его порывы, особенно въ послѣдніе годы его намѣстничества, когда онъ почувствовалъ себя галиційскимъ проконсуломъ. Онъ поднялъ старый вопросъ о замѣнѣ русской азбуки латиницей, или, по крайней мѣрѣ, замѣтномъ обособленіи ея отъ общерусскаго правописанія, объ упраздненіи юліанскаго календаря—все это съ цѣлью сближенія Руси съ Европой; наконецъ, предложилъ консисторіи озаботиться переводомъ славянской библіи на мѣстное народное нарѣчіе, такъ какъ, по его взгляду, славянская библія представляла удобное средство для „панславистической“ или что то же—„московской“ агитаціи. Къ этой сторонѣ дѣятельности Голуховскаго Вѣна могла относиться лишь съ снисходительной улыбкой, и ни одна изъ этихъ затѣй галиційскаго проконсула не была тогда осуществлена. Потомъ, не торопясь, найдены были другія формы, болѣе мягкія, другія орудія, болѣе подходящія.

Въ такомъ положеніи встрѣтила Галицкая Русь 60-е годы.

Съ „октябрьскаго диплома“ (1860) начинается рядъ экспериментовъ, направленныхъ къ оздоровленію австрійской государственной организаціи. Окончательно она была выработана подъ вліяніемъ того положенія, въ какомъ оказалась Австрія, вытѣсненная изъ Германіи и Италіи и очутившаяся на политическомъ распутьи. „Выжидать“ (какъ сказалъ Шмерлингъ Мадьярамъ: „wir können warten“) было болѣе нельзя. Надо было немедля собрать вокругъ династіи—главнаго цемента государства всѣ элементы, способные поддержать цѣлость его частей. Живыя

народности представляли матерьялъ ненадежный, и поневолѣ пришлось опереться на „политическія націи“. Отсюда современный дуализмъ Австріи. Особенныя условія, въ какихъ оказалась тогда третья нація, создали для нея особое положеніе.

На происходившемъ какъ разъ въ переходный періодъ австрійской жизни первомъ галиційскомъ сеймѣ Полякамъ предоставлена была почти полная возможность устраиваться въ Галиціи сообразно ихъ интересамъ и планамъ. Послѣ испытаннаго ими политическаго крушенія, шатавшаяся австрійская храмина оказалась для нихъ прибѣжищемъ, и на нее они возложили свои надежды, ей передали завѣты своей неудавшейся цивилизаціонной миссіи на востокѣ и торжественно заявили объ этомъ въ своемъ адресѣ Императору 1866 г. Нельзя было сомнѣваться въ полной искренности ихъ словъ: „przy Tobie, panie, stoimy i stać chcemy!“

Поляки заняли въ государствѣ положеніе, правда, неоформленное закономъ, а потому несовсѣмъ удобное, но оно создавало въ Галиціи полную иллюзію старой Польши...

Благодаря этому, въ новыхъ условіяхъ жизни, выдвигавшей повсюду задачи культурно-національнаго единенія, Австріи удалось создать въ славянствѣ силу, задачи которой заключались „въ умаленіи всего, что было въ славянствѣ истинно великаго, въ подстановкѣ началъ разъединенія на мѣсто единенія“...

Галицкая Русь начала переходный періодъ австрійской жизни „обрядовымъ движеніемъ“, затѣмъ, похоронивъ надежды, какія возлагала на сеймъ, открыто заявила о своемъ единствѣ со всею остальною Русью и, наконецъ... раскололась на двѣ партіи. Все это составляетъ злобу дня въ жизни всей Карпатской Руси и по настоящее время. Въ виду этого мы ограничимся указаніемъ лишь общаго характера отмѣченныхъ явленій.

Обрядовое движеніе заключалось въ стремленіи возстановить чистоту уніатскаго обряда, т. е. устранить изъ него латинскія примѣси, при посредствѣ которыхъ производилось постепенное, такъ сказать, вывѣтриваніе изъ уніи ея русскихъ началъ.

Вотъ почему оно естественно получало смыслъ рѣшительнаго шага къ возстановленію народной самостоятельности. Потому оно и охватило всю галицкую Русь и живо отозвалось въ тоже уніатской угорской Руси. Обрядовое движеніе подтвердило то общее правило, по которому обновленіе народной жизни начинается въ самой важной, самой дорогой для народа области—его церкви.

Связь обрядоваго движенія съ жизнью остальной Руси обнаружилась черезъ Холмщину. Для уясненія этого, достаточно напомнить, что съ освобожденіемъ крестьянъ русскій народный ха-

рактеръ всей западной Руси обнаружился такъ ярко, что онъ долженъ былъ, наконецъ, лечь въ основу внутренней русской политики на всемъ громадномъ пространствѣ русскаго запада, въ томъ числѣ и входящей въ административный составъ такъ называемаго Царства Польскаго—Холмщины.

Это была наиболѣе приниженная и народно-обезличенная часть Данилова наслѣдія, но все-же на днѣ ея придавленной польщизной души теплилась еще смутная память о Кіевѣ, какъ общей русской матери, о Владимірѣ Святомъ, о Романѣ и Даніилѣ. Это было замѣчено сразу, и въ запущенномъ Холмѣ закипѣла новая жизнь. Общій высокій подъемъ ея темпа по всей Руси сообщилъ, между прочимъ, и реформамъ въ Царствѣ Польскомъ такой характеръ, который не могъ не производить громаднаго впечатлѣнія, особенно при сопоставленіи ихъ съ одновременной дѣятельностью перваго галиційскаго сейма.

Уніатскій характеръ Холмщины естественно указывалъ и для ея обновленія тотъ же путь, на который ступила уніатская тѣсно связанная съ нею Карпатская Русь. По призыву Милютина и Черкасскаго въ Холмщину собралось не мало русскихъ людей съ разныхъ концовъ Россіи, особенно южно-руссовъ и въ частности Кіевлянъ (Ѳ. Г. Лебединцевъ, Е. М. Крыжановскій, на короткое время П. А. Кулишъ), а на ряду съ ними стали въ общій дружный строй и приглашенные сюда же Галичане съ знаменитымъ своимъ „батькомъ"—епископомъ Михаиломъ (Куземскимъ).

На живомъ дѣлѣ обновленія русской народности въ Холмщинѣ русская государственность получила задачу показать свою способность къ объединенію и организаціи раздробленныхъ русскихъ общественныхъ силъ. Задача была вполнѣ опредѣленная, матерьялъ какъ нельзя болѣе благодарный. Въ малыхъ размѣрахъ дѣла чувствовался безспорно великій козырь, и по началу казалось, что онъ будетъ выигранъ даже безъ всякаго особеннаго труда.

Но, увы! надежды быстро развѣялись. Уніатская эпопея въ Холмщинѣ дала полнѣйшее фіаско. Благодарнѣйшее дѣло было проиграно передъ лицомъ всей Руси, Польши и всего славянства, проиграно такъ, какъ трудно было бы проиграть даже по конкурсу на наихудшій исходъ...

Для Карпатской Руси это имѣло неисчислимыя послѣдствія. Силы Галичины и отчасти угорской Руси были ослаблены эмиграціей въ Холмщину, и наоборотъ—изъ Холмщины направились въ Галичину самые фанатическіе и озлобленные противъ Россіи представители холмскаго „русинства". При ихъ содѣйствіи, начатое въ Галичинѣ обрядовое движеніе продолжается и понынѣ, но, конечно, въ обратномъ направленіи.

Перейдемъ къ заявленію галицкаго „Слова" о единствѣ всего русскаго народа отъ Тисы до Великаго океана.

Въ теченіе вѣковъ—это былъ фактъ, не подлежавшій въ сущности никакому сомнѣнію. Для всѣхъ было совершенно ясно, что всѣ русскія волости и земли, всѣ люди русскаго языка и вѣры составляютъ одну Русь. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія русской жизни, этотъ фактъ остается фактомъ и по настоящее время. Онъ ярко выражается въ главномъ признакѣ народности—языкѣ: „всѣ русскія нарѣчія составляютъ одно цѣлое,—объ этомъ среди языковѣдовъ нѣтъ никакого спора". Всѣ русскіе люди, слѣдовательно, остаются и теперь людьми одного языка, образуютъ одинъ русскій народъ. Что же новаго сказало „Слово" въ 1866 г.?

Заявленіе „Слова" всегда толковалось и до сихъ поръ толкуется, какъ „*панславистическое*". Извѣстно, какой смыслъ придается этому понятію въ Австріи, особенно представителями ея привилегированныхъ націй. И это не даромъ. Уже 1848-й годъ показалъ, что русскій вопросъ въ Австріи есть вопросъ *всеславянскій* въ полномъ смыслѣ слова: онъ не ограничивается предѣлами Австріи и подымаетъ коренной для всего славянства вопросъ—не о положеніи „политическихъ націй", а *о взаимныхъ отношеніяхъ живыхъ этнографическихъ особей*. Этотъ вопросъ такъ естественно вытекалъ изъ самой природы Карпатской Руси, что онъ съ полной опредѣленностью былъ поставленъ такъ называемымъ „соборомъ галицко-русскихъ ученыхъ" 48-го года. При этомъ совершенно ясно былъ указанъ путь его рѣшенія. Вотъ почему этотъ соборъ имѣетъ несомнѣнно крупное историческое значеніе. Извѣстное намъ постановленіе галицко-русской матицы 49-го г. было лишь исполненіемъ его предначертаній, признанныхъ всей Карпатской Русью. Вотъ почему это постановленіе до сихъ поръ сохраняетъ значеніе соборнаго рѣшенія всей Карпатской Руси. Это—фактъ совершенно безспорный. Весь вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, было ли это рѣшеніе выраженіемъ исключительно мѣстныхъ потребностей и взглядовъ Карпатской Руси, или же оно согласовалось съ общимъ ходомъ культурной русской жизни и было лишь однимъ изъ ея частныхъ проявленій? Утвердительный отвѣтъ именно въ послѣднемъ смыслѣ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ, къ концу XVIII в. все малорусское лѣвобережье настолько ожило и обновилось въ родной русской обстановкѣ, что дало Россіи цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей, весело заговорило на своемъ нарѣчіи, и его „Энеида" была встрѣчена благодушнымъ привѣтомъ всей Россіи. Также точно встрѣчены были и разсказы Гоголя.

Гоголь закрѣпилъ духовное единеніе двухъ наиболѣе оригинальныхъ частей русскаго цѣлаго въ той высшей области народной жизни, которая выражается въ литературѣ. Онъ ввелъ въ нее малорусскій элементъ, какъ начало совершенно равноправное съ великорусскимъ. Только съ Гоголя стали входить въ содержаніе русскаго общественнаго сознанія и малорусская современность, и малорусское прошлое. Гоголь доказалъ, что русскому обществу нечего опасаться обращенія малороссовъ къ своему прошлому, какъ опасался Полевой; что этимъ прошлымъ только скрѣпляются природныя племенныя связи и что малорусскія черты только обогащаютъ и расширяютъ общерусское содержаніе.

Въ культурной жизни русскаго общества Гоголь явилъ новый типъ русскаго человѣка. „Я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская,—писалъ онъ въ 1844 году А. О. Смирновой,—знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,—явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ“.

Значеніе Гоголя въ этомъ отношеніи стало очевидно лишь въ самое послѣднее время. Постепенный ходъ жизни обнаружилъ, наконецъ, совершенно ясно, что въ Гоголѣ мы имѣемъ самаго типичнаго представителя той (какъ выражается г. Овсянико-Куликовскій) особой, фактически существующей разновидности русскихъ людей—на великорусской ли, малорусской, бѣлорусской или, наконецъ, инородческой основѣ—для которыхъ языкъ русской литературы, культурнаго общежитія и гражданственности является роднымъ. Какъ пламенно любилъ Россію этотъ геніальный *общерусcъ*, доказали послѣднія минуты его жизни, „когда онъ оказался не въ силахъ послѣдовать совѣту о. Матвѣя и думалъ не столько о своемъ спасеніи, сколько о спасеніи Россіи“. Какъ гармонически сочеталось малорусское съ общерусскимъ, можно видѣть и на личности Максимовича. Однимъ словомъ, на верхахъ русскаго образованнаго общества завершилось въ 40-хъ годахъ то, что уже давно завершилось въ жизни народной массы и такъ просто было выражено словами Тетяны И. П. Котляревскаго: „Годы вамъ спорытысь. Теперъ чи москаль, чи нашъ, все одно: вси одного царя. Тилько въ тымъ разныця, що одни дуже шпарки, а други смырни“. Ни о какомъ „раздвоеніи“ не было, да и не могло быть рѣчи.

Одновременно съ завершеніемъ дѣятельности Гоголя обозначается то идейное теченіе, въ которомъ любовь къ малорусской стихіи соединилась съ вниманіемъ къ общерусскимъ и общеславянскимъ отношеніямъ. Разумѣю такъ называемое „Кирилло-Меѳодіевское братство".

Въ теченіяхъ русской мысли идеи этого „братства" представляютъ особенную струю, родственную московскому славянофильству и рѣзко отличную отъ петербургскаго западничества. Тогда какъ послѣднее думало исключительно о человѣчествѣ вообще и съ этой отвлеченной высоты относилось съ пренебреженіемъ ко всякой отдѣльной народной личности, въ особенности русской и славянской, въ московскомъ славянофильствѣ и кіевскомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ зарождалась и получала теоретическое обоснованіе сознательная любовь и уваженіе къ живымъ народностямъ, безъ которыхъ человѣчество оставалось бы пустымъ звукомъ.

Дѣятельность „братства" была болѣе чѣмъ скромная, — она не выходила за предѣлы очень тѣснаго кружка, къ тому же въ самомъ началѣ была прервана катастрофой. Но она важна, какъ одинъ изъ показателей того умственнаго теченія, которое съ наибольшей яркостью выразилось въ такъ называемомъ славянофильствѣ. Въ этомъ отношеніи значеніе славянофильства не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію. Оно, какъ и значеніе Гоголя, окончательно выяснилось именно теперь, въ самое послѣднее время, когда общій ходъ жизни повелительно поставилъ на очередь тѣ вопросы, на которыхъ тогда останавливались лишь избранные умы. „Можно сказать, справедливо замѣчаетъ П. Виноградовъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нигдѣ идеи начала вѣка не выражались такъ законченно и послѣдовательно, какъ въ московскомъ славянофильствѣ".

Въ 40-е годы всѣ эти прекрасные задатки не могли быть, однако, фактически проведены въ жизнь. Они являлись нарушеніемъ установленнаго Меттернихомъ порядка. Оттого, между прочимъ, была запрещена въ Россіи „Исторія Галичско-русскаго княжества" Д. Зубрицкаго, написанная, согласно постановленію Матицы, на общерусскомъ литературномъ языкѣ. Положеніе измѣнилось лишь въ 60-е годы, когда сразу ожили сѣмена 40-хъ годовъ: ожило славянофильство, обнаружилось такъ называемое украйнофильство и даже стало пробиваться бѣлоруссофильство.

Въ условіяхъ обновляющейся тогда русской жизни, возникновеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и направленій свидѣтельствовало о пробужденіи русской народной стихіи даже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она въ теченіе вѣковъ была „принижена до земли". Въ

украйнофильствѣ и бѣлоруссофильствѣ, наравнѣ съ московскимъ славянофильствомъ выступала на сцену русская народность въ своемъ полномъ объемѣ, во всемъ своемъ жизненномъ разнообразіи и въ тоже время въ тѣсной связи съ дѣйствительнымъ разнообразіемъ своего прошлаго какъ разъ въ то время, когда великая крестьянская реформа призывала къ „свободному труду“ всю Русь.

При правильномъ развитіи русской жизни, всѣ означенныя теченія должны были естественно слиться въ одно широкое русло *русской національной идеи*, оживляя ее гармоніей дѣйствительнаго жизненнаго разнообразія. Теперь можно уже ясно намѣтить, какъ постепенно вырабатывалась та діагональ общерусскаго сознанія, на которой сходились разныя идейныя теченія тогдашней русской общественной мысли. По существу на этой діагонали сошлись славянофилы, Костомаровъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Тургеневъ, а въ открывавшемся широкомъ просторѣ русской жизни могло быть вполнѣ достаточно мѣста не только для малорусскихъ, но даже для бѣлорусскихъ, южно и сѣверно-великорусскихъ Шашкевичей, Шевченковъ, Федьковичей, Франковъ, Стефаниковъ. Жизнь, на примѣрѣ Марка Вовчка, показывала полную возможность взаимообмѣна, въ зависимости отъ личныхъ условій и влеченій... Не пропадала бы такимъ образомъ ни одна черта русской народной жизни и духа, а находила бы себѣ свое мѣсто въ общей русской сокровищницѣ, все болѣе и болѣе обогащаемой мѣстной разработкой народной поэзіи, исторіи, быта, нравовъ и проч. и проч. Все это расширяло бы русскую культуру, и, обнявъ все русское, она естественнымъ путемъ подошла бы къ славянству и неизбѣжно потянула бы его съ собою...

Могло ли это чудное время общерусской весны не отразиться на Галицкой Руси? Кажется, гораздо естественнѣе спросить, какъ могло случиться, что не вся она откликнулась на заявленіе Слова?

То, что послѣдовало въ Галичинѣ за этимъ заявленіемъ и продолжается еще и по настоящее время, замѣтно отзываясь не только на Карпатской Руси, но даже за ея предѣлами, представляетъ рядъ явленій невыразимо грустныхъ. Въ характеристикѣ этого тяжелаго, хотя, очевидно, неизбѣжнаго процесса мы ограничимся немногими отзывами, не возбуждающими никакихъ сомнѣній. Мы приведемъ эти отзывы въ подлинномъ разнообразіи ихъ правописанія,—кстати это можетъ служить иллюстраціей одной изъ нашихъ современныхъ злобъ.

Расколъ, вызванный заявленіемъ „Слова“, повергъ галицкую Русь въ такое состояніе, которое Н. Устіановичъ очень удачно обозначилъ словами завѣта: „и врази домашніи его“. Другой гали-

чанинъ, М. Павликъ говоритъ объ этомъ слѣд.: „Від тоді „світли" галицкі Русини стали страхъ нетерплячі одні на одних. Не признаті другому ничогісінько добраго через те, що він інакше думае чи належить до іншої партії перекрутити нераз ясну як сонце правду, задля вузкихъ партійних цілей, здоптати ногами талантъ, утопити въ лижці води й найблизшаго друга та брата, ато й кликнути на него поліцію — се все у нас від тоді річ звичайна". А вотъ какъ характеризуетъ это же положеніе сынъ упомянутаго Н. Устіановича, дѣятельный членъ „молодой громады", посвящая своему отцу свою трагедію „Ярополкъ". "Зъ борцѣвъ свободы звелись мы на розпинателѣвъ ей. Непропускаемо вôльнаго слова противнои гадки и зазубившись въ буквахъ и выраженіяхъ и формахъ поржавѣлыхъ и новыхъ, одцуралисьмо ся другъ друга, патріотъ патріота, сынъ батька; безчестимо, плюгавимо и нищимо ся передъ лицемъ развельможившихъ ся ворогôвъ, безъ надѣи тверезои на будучнôсть, безъ любы до нынѣшности, безъ почитанія для бувальщины тяжкой въ наши дѣла—пьяны завзятемъ однымъ—скарбомъ однѣсенькимъ, перехованымъ зъ пра-пра-прадѣдôвъ—молимъ и чаемъ лишь помсты на ворогахъ нашихъ—хочь бы по трупахъ нашихъ"...

Таково же, если еще не хуже, это положеніе и теперь. Въ чемъ же дѣло, гдѣ же причина всего этого безобразія?

Мы говорили о „русинствѣ" и „рутенствѣ", видѣли, что то и другое были въ сущности разными проявленіями то въ польской, то въ австрійской обработкѣ одного и того же *русскаго вопроса*, который, по существу дѣла, неразрывно связанъ съ самыми крупными факторами русской и славянской жизни.

Съ 48-го года выяснилось его громадное политическое значеніе, и чѣмъ дальше, тѣмъ ярче обрисовывается связь политической его стороны съ культурною, тѣмъ ярче выступаетъ *всеславянскій* его характеръ. На почвѣ Карпатской Руси это обнаруживается съ осязательною наглядностью, между прочимъ, въ отождествленіи „панславизма" съ „москвофильствомъ". Что-же новаго представляетъ обнаружившійся послѣ заявленія „Слова" и теперь, на нашихъ глазахъ окончательно оформившійся „украінсько-руській" національзмъ? Главный его лозунгъ—національная отдѣльность („окремишность" или „видрубность"-odrebnosc"), какъ отъ поляковъ, такъ и отъ „россіянъ"—мы видѣли уже въ теоріи Могильницкаго. Въ подлинной своей наличности терминъ „окремишность" имѣется уже въ „Дневникѣ русскомъ" Вагилевича, а затѣмъ—съ 1867 г. эта идея развивается съ удручающимъ однообразіемъ во всѣхъ „*рускихъ*" „*руськихъ*" и наконецъ современныхъ „*украінско-руськихъ*" изданіяхъ и писаніяхъ.

Но быть можетъ, измѣнилось отношеніе къ этому вопросу со стороны „просвѣщенной, либеральной и справедливой“ Австріи или, если угодно, Европы?

За время до 1890 г. имѣется въ этомъ отношеніи не мало чрезвычайно краснорѣчивыхъ фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не будемъ и говорить о несчастномъ Вагилевичѣ и его „Дневникѣ русскомъ“, съ болѣе чѣмъ наивными восхваленіями законнаго польско-русскаго „малженства“, а также дѣятельности Выговскаго и Мазепы. Кому и почему служила выдвинутая Голуховскимъ въ 1867 г. „Русь“ К. Горбаля и Ф. Заревича—извѣстно въ точности. Извѣстно также, кто и во имя какихъ цѣлей предполагалъ поставить „бідолашнаго“ Кулиша во главѣ неосуществившагося, впрочемъ, изданія „Хуторъ“. Не менѣе извѣстно, какъ оформились, наконецъ, затѣи Голуховскаго объ обособленіи галицко-русскаго правописанія отъ общерусскаго, а также еще болѣе раннія затѣи австрійскихъ властей о подъемѣ мѣстной рѣчи, „вполнѣ понятной для народной массы“ на степень литературнаго языка или, иначе говоря, какъ осуществилось, наконецъ, подъ крыломъ Австріи то, о чемъ она давно-давно мечтала, и что, какъ Галичане, такъ и русскіе малороссы (Максимовичъ, Костомаровъ, а по временамъ и Кулишъ) считали „несостоятельнымъ съ перваго взгляда, несмотря на соблазнительность“. Наконецъ, не такъ давно г. Франко разсказалъ чрезвычайно интересный эпизодъ съ „Правдой“ Конисскаго. Если вѣрить его разсказу, то къ „окремишности“ не былъ равнодушенъ и самый крупный представитель новѣйшей Европы—Бисмаркъ. Выходитъ даже какъ будто такъ, что именно ему принадлежитъ санкція идеи второго лозунга современной Украіны-Руси“: „*самостійность*“, т. е. политическая независимость Малороссіи. Рядъ этихъ фактовъ завершается въ 1890 г. такъ называемымъ „танцюристымъ раемъ“ слишкомъ хорошо извѣстной „Новой Эры“.

Что же во всемъ этомъ новаго? Вѣдь еще въ 1849 г. одинъ изъ видныхъ рыцарей старой Австріи очень краснорѣчиво изобразилъ по этому-же поводу свои чувства. „Мы, съ своей стороны, говорилъ Стадіонъ, испытываемъ истинное, неизмѣримое утѣшеніе, если бросимъ взоръ на великій народъ Рутеновъ почти исчезнувшій изъ памяти народовъ и теперь возстающій изъ вѣкового сна исторической смерти къ національному сознанію и силѣ. Должно быть въ этомъ народѣ дремлютъ дѣйствительно великія силы, если, несмотря на вѣковое безпримѣрное рабство, онъ сохранилъ и жизненность, и упругость, удивляющую міръ. Это—въ полномъ смыслѣ слова—народъ будущаго; онъ призванъ сыграть въ исторіи великую роль. Чувства человѣколюбія испы-

тываютъ удовлетвореніе, при видѣ того, что на развалинахъ погибшей отъ внутренняго безсилія Польши, возстаетъ новый народъ, призванный стать передовымъ постомъ европейской цивилизаціи на востокѣ. Чего не въ силахъ была сдѣлать Польша, то сдѣлаетъ Рутенія: она раздавитъ извивающуюся около ея гнѣзда змѣю".

И все это до послѣдней подробности—до мечтаній о „раздавленіи змѣи"—разыгрываютъ какъ по нотамъ современные представители „Украіны-Руси". „Мовгрім—говоритъ одинъ изъ нихъ—залунае надъ Украіною проймаючій окликъ мести і страшноі відплати... Тоді кинесь вона на своихъ „братів"—сусідівъ... тоді і виложить вона на стил і свое право до житя: право на *политичну самостійность,* право бути своим паном в своій власній хаті!.. Як проти Польщи, такъ и проти Великоруси буде мусила Украіна виступити до бою, проти обох тих націй буде мусила добиватися политичной видрубности, политичной самостійности".

Тѣнь Стадіона ликуетъ, а за нею все болѣе и болѣе ясно обрисовывается желѣзная фигура другого европейскаго рыцаря, который, если вѣрить г. Франку обѣими руками благословлялъ ненависть къ „Москвѣ" редактора галицкой „Правды" 1888 г.

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!

Русскій народъ видѣлъ на своемъ вѣку ужасы и не такого „завзятья", еще не имѣя предъ собой того свѣтлаго пути, который такъ ясно намѣченъ знаменательной и незабвенной эпохой общерусскаго пробужденія...

Мы, Русскіе, особенно по ближайшемъ знакомствѣ съ своимъ роднымъ міромъ не можемъ и сомнѣваться въ будущей великой роли и русскаго языка, и русскаго народа. Но было бы нелѣпо, дѣтски ласкать себя надеждой, что это величіе можетъ быть достигнуто безъ всякой борьбы, безъ энергическихъ усилій съ нашей стороны.

Изъ славянской церковной хроники 1902 г.

Г. А. Воскресенскаго.

Сербскій народно-церковный конгрессъ въ Карловцахъ.

Состоявшійся въ 1902 г. въ Карловцахъ народно-церковный конгрессъ, имѣвшій 37 засѣданій (съ 26 мая по 6 іюля), вызвалъ въ сербской печати до противоположности различную оцѣнку. Тогда какъ по однимъ „и этотъ конгрессъ не внесъ въ церковно-народную сокровищницу ни новыхъ правъ, ни гарантій [1]“, другіе, напротивъ, говорятъ, что послѣдній конгрессъ былъ значительный и плодотворный: „въ своихъ засѣданіяхъ въ теченіе шести недѣль онъ исполнилъ столько административныхъ дѣлъ, сколько не сдѣлали, можетъ быть, всѣ сербскіе народно-церковные конгрессы съ 1875 г., съ тѣхъ поръ какъ начало функціонировать настоящее соборное устройство [2]“. Чтобы правильно судить о характерѣ и значеніи дѣятельности послѣдняго народно-церковнаго конгресса, нужно знать историческія обстоятельства и условія, при которыхъ онъ состоялся, нужно окинуть однимъ взоромъ дѣятельность и всѣхъ предшествующихъ народно-церковныхъ конгрессовъ.

„Кто слѣдилъ за развитіемъ нашей народно-церковной автономіи за послѣдніе годы,—говоритъ „Христ. Весник“,—тотъ могъ убѣдиться, что на этомъ единомъ полѣ, на которомъ нынѣ можемъ двигаться впередъ, подвигались мы весьма медленно и туго. Прошло 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ созидаемъ свою автономію и все никакъ не можемъ еще довершить [3]“. Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ сербскіе народно-церковные конгрессы хотѣли построить автономію на возможно-широкихъ свободолюбивыхъ основаніяхъ. Въ томъ же направленіи шло имъ на встрѣчу и тогдашнее венгерское правительство, отчасти и серб-

---

[1]) Церк. Вѣстн. 1902, № 37, корреспонденція изъ Карловицъ свящ. Д. Якшича

[2]) Застава, 1902, № 150.

[3]) Христ. Весник., 1902, дек., 677, статья: „Іедан поглед на автономне прилике у Карловачкој Митрополији и рад последњег сабора народно-црквеног“.

ская іерархія, и вотъ тогда, между прочимъ, состоялись распоряженія объ организаціи церковныхъ общинъ съ свободнымъ выборомъ предсѣдателя, общинамъ уступлено право выбора приходскаго духовенства отъ діакона до окружного протопресвитера, урегулировано жалованье духовенства соотвѣтственно съ потребностями времени, выработаны правила о народныхъ школахъ, фондахъ и т. д., что все получило санкцію въ такъ называемомъ „Корол. Рескриптѣ отъ 10 августа 1868 г.“. Въ началѣ дѣла шли довольно гладко и даже прогрессивно въ томъ же свободолюбивомъ направленіи,—въ 1870 г. предложенъ проектъ, чтобы впредь конгрессъ свободно избиралъ изъ своей среды предсѣдателя помимо митрополита, который постоянно занималъ предсѣдательское мѣсто по своему положенію и достоинству. Но здѣсь наступилъ расколъ. Большая часть конгресса съ іерархіей во главѣ была рѣшительно противъ этого проекта, и, послѣ долгой и ожесточенной борьбы, тогдашній патріархъ Самуилъ Маширевичъ распустилъ конгрессъ, а 7 января 1871 г. скоропостижно скончался. На мѣсто Самуила администраторомъ назначенъ Арсеній Стойковичъ, епископъ будимскій. Распущенный конгрессъ вновь былъ созванъ и продолжалъ дѣятельность въ томъ же свободолюбивомъ направленіи. Предложены были новые законопроекты, согласно коимъ регулировалось соборное устройство, учреждался комитетъ конгресса, какъ постоянный его представитель, епархіальнымъ скупщинамъ предоставлялось право выбирать въ соотвѣтственномъ количествѣ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ епархіальнаго управленія, депутаты на народно-церковный конгрессъ баллотировались совмѣстно духовными и свѣтскими избирателями (тогда какъ раньше священники избирали отдѣльно своихъ депутатовъ, числомъ 25, а свѣтскіе члены также своихъ въ количествѣ 50-ти). Проекты эти были утверждены высшею административною властію. Но когда затѣмъ слѣдовало приступить къ выбору митрополита-патріарха, и когда депутаты между собой уговорились не дѣлать торжественной встрѣчи по заранѣе составленному церемоніалу королевскому коммиссару, который для этой цѣли былъ высланъ и уже прибылъ въ Варадинъ,—конгрессъ немедленно былъ распущенъ, Арсеній лишенъ званія администратора, и на его мѣсто назначенъ въ 1872 г. епископъ пакрачскій Никаноръ Груичъ, двухлѣтнее управленіе котораго ознаменовалось полнымъ застоемъ въ развитіи церковной автономіи. Въ 1874 г. созванъ былъ конгрессъ для выборовъ митрополита-патріарха,—избранъ былъ Арсеній Стойковичъ, но послѣ того какъ выборъ этотъ не былъ утвержденъ правительствомъ, конгрессъ, минуя своихъ отечественныхъ епископовъ, избралъ на

патріаршую каѳедру романскаго митрополита Прокопія Ивачковича. При этомъ митрополитѣ также состоялся народно-церковный конгрессъ, выработавшій нѣкоторые проекты въ прежнемъ свободолюбивомъ направленіи, но постановленія конгресса не были утверждены правительствомъ. Между тѣмъ въ одной части духовенства проявилась реакція подъ предводительствомъ бачскаго епископа Германа, который постановленія конгресса провозгласилъ за „антиканоническія“ и „протестантскія“, и которому удалось устранить Прокопія и самому получить постъ администратора митрополіи въ 1879 г. Мало того,—епископъ Германъ, „grata persona“ при дворѣ, въ 1881 г. отъ правительства назначенъ былъ и патріархомъ-митрополитомъ, съ устраненіемъ народныхъ избранниковъ—Арсенія Стойковича (второй разъ былъ избираемъ) и Ѳеофана Живковича. Для народно-церковной автономіи наступили теперь тяжелыя времена. Не могло быть и рѣчи о правильной дѣятельности народно-церковнаго конгресса,—за все время управленія его († 1888 г.) всего одинъ разъ созывался конгрессъ, но и тотъ не успѣлъ еще приступить къ дѣламъ, какъ былъ закрытъ. На конгрессѣ 1890 г. избранъ нынѣшній митрополитъ-патріархъ Георгій Бранковичъ и шли оживленныя разсужденія о томъ, чтобы всѣ отдѣльныя автономныя установленія и распоряженія свести въ одно цѣлое, въ одинъ органическій статутъ. Того же желало и правительство, и для этой цѣли избрана была коммиссія изъ 15-ти лицъ, которая и выработала такъ называемый „jедноставни статут“. Большинство членовъ конгресса, однако, не согласилось принять этотъ статутъ, опасаясь, что правительство своимъ вмѣшательствомъ и ограниченіями можетъ лишить сербскую церковь и тѣхъ немногихъ правъ, которыя ею уже пріобрѣтены. И когда на конгрессѣ 1897 г. правительство черезъ своего коммиссара категорически потребовало, чтобы прежде всего, не въ очередь, былъ разсмотрѣнъ „jедноставни статут“, депутаты отказались исполнить это требованіе, послѣдствіемъ чего было преждевременное закрытіе конгресса, который затѣмъ не созывался цѣлыхъ пять лѣтъ, до 1902 г.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ состоялся послѣдній народно-церковный конгрессъ, и дѣятельность его нельзя не назвать плодотворною и успѣшною. По характеру своему дѣятельность эта была по преимуществу административная и контрольная или ревизіонная. Конгрессъ 1902 г. основательно разсмотрѣлъ и оцѣнилъ отчетъ комитета конгресса за 12 лѣтъ, равно отчетъ училищнаго совѣта, разсмотрѣлъ отчеты народно-церковныхъ фондовъ за 11 лѣтъ, избралъ новый митрополитскій совѣтъ, учи-

лищный совѣтъ и референтовъ, новый комитетъ конгресса, пополнилъ многія праздныя или освободившіяся вакансіи, выработалъ полезныя постановленія относительно епархіальныхъ скупщинъ, по вопросу о лучшемъ управленіи многочисленныхъ монастырскихъ имуществъ и т. д. Немаловажное значеніе имѣетъ резолюція конгресса о возвращеніи присвоеннаго румынами сербскаго монастыря Ходоша. Для этой цѣли избрана коммиссія, которой поручено извлечь изъ пештскихъ и вѣнскихъ архивовъ нужныя данныя и при помощи ихъ искать возвращенія этого чисто-сербскаго монастыря. Немало велось на конгрессѣ разсужденій по вопросу о замѣщеніи многочисленныхъ праздныхъ священническихъ мѣстъ. Изъ всѣхъ епархій карловицкой митрополіи архидіецеза лучше всѣхъ снабжена духовенствомъ. Только нѣсколько малыхъ приходовъ обслуживаются здѣсь монахами, на всѣхъ остальныхъ имѣются свои штатные священники. Но зато сильное оскудѣніе духовенства замѣчается въ другихъ епархіяхъ, особенно въ горно-карловицкой, пакрачской и будимской. Цѣлая треть приходовъ не имѣютъ постоянныхъ священниковъ. По два, по три прихода даются на обслуженье одному священнику. Такой недостатокъ въ священникахъ приноситъ великій вредъ и религіознымъ и національнымъ интересамъ сербскаго народа. Предлагалось нѣсколько проектовъ и мѣръ къ пополненію рядовъ духовенства въ означенныхъ епархіяхъ. Одинъ проектъ (священника Соларича) рекомендовалъ улучшеніе матеріальнаго положенія священниковъ, такъ какъ вслѣдствіе недостаточнаго содержанія молодежь неохотно идетъ въ богословскую школу. Другой проектъ (архим. Г. Летича) находилъ возможнымъ помочь горю черезъ устройство въ Верхнихъ Карловцахъ общежитія для бѣдныхъ учениковъ гимназіи добраго поведенія изъ епархій горно-карловицкой, пакрачской и будимской. Ученики получали бы здѣсь безплатно квартиру и столъ, и ихъ родители давали бы обязательство, что, по окончаніи гимназіи дѣти ихъ поступятъ въ богословскую школу и затѣмъ займутъ священническія мѣста въ тѣхъ епархіяхъ. Указывалось еще средство,—чтобы молодымъ людямъ добраго поведенія тѣхъ епархій дозволено было поступать въ карловицкую богословскую школу изъ VI-го класса среднихъ учебныхъ заведеній, т. е. на два года раньше окончанія полнаго гимназическаго курса. При этомъ ссылались на примѣръ Сербіи, гдѣ въ семинарію принимаются окончившіе только пять классовъ среднихъ школъ, и между тѣмъ изъ нихъ выходятъ хорошіе священники. Да и въ самой карловицкой митрополіи не такъ давно были священники съ малой научной подготовкой и, однако, они сумѣли быть добрыми пастырями и блюстителями вѣры и нравственности.

Во исполненіе опредѣленія народно-церковнаго конгресса 1902 г., комитетъ конгресса въ засѣданіи 21 сентября того же года постановилъ основать и издавать оффиціальный органъ народно-церковныхъ автономныхъ дѣлъ подъ названіемъ „Српски Митрополијски Гласник", а въ засѣданіи 15 декабря 1902 г. опредѣлилъ объемъ и программу новаго журнала, постановивъ, что въ немъ должны печататься всѣ оффиціальныя распоряженія всѣхъ народно-церковныхъ автономныхъ властей и всѣ служебныя объявленія народно-церковныхъ митрополитскихъ, епархіальныхъ и церковно-общинныхъ властей и органовъ, а также и отчеты о засѣданіяхъ комитета конгресса и остальныхъ выше упомянутыхъ властей. Новый журналъ выходитъ съ января 1903 г. по два раза въ мѣсяцъ, объемомъ въ одинъ печатный листъ; подписная цѣна на годъ 5 кор. (франковъ), на полгода 3 кор. Въ связи съ возникновеніемъ новаго журнала и на годъ раньше основаннаго „Богословскаго Гласника [1])" послѣдовало измѣненіе программы перваго по времени оффиціальнаго органа карловицкой митрополіи „Српскога Сиона" (основанъ митрополитомъ патріархомъ Георгіемъ Бранковичемъ въ 1890 г.). Съ 1903 г. „Српски Сион" не имѣетъ въ программѣ спеціально-богословскаго и автономно-административнаго отдѣловъ, и ограничивается помѣщеніемъ въ оффиціальной части объявленій о всѣхъ перемѣнахъ въ составѣ духовенства карловицкой митрополіи, о свободныхъ вакансіяхъ, отчетовъ о засѣданіяхъ епархіальныхъ консисторій, митрополитскаго церковнаго совѣта и архіерейскаго собора, а также важнѣйшихъ распоряженій этихъ властей. Въ неоффиціальной части „Српски Сион" обѣщаетъ помѣщать матеріалы изъ народно-церковной исторіи карловицкой, свѣдѣнія о главнѣйшихъ событіяхъ церковной жизни, жизнеописанія замѣчательныхъ лицъ изъ духовенства, равно какъ статьи по церковно-народнымъ вопросамъ. Выходитъ „Српски Сион" по два раза въ мѣсяцъ, объемомъ въ два печатныхъ листа,—цѣна на годъ 8 кор., за границу 10 кор. Адресъ всѣхъ трехъ означенныхъ журналовъ: Autriche—Hongrie. Slavonie. Karlowitz.

---

[1]) „Богословски Гласник" выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ около пяти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна на годъ 12 франк., за границу 15 франковъ.

Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ.

К. Я. Грота.

„Наша образованность и наша общеобразовательная литература, за исключеніемъ немногихъ добрыхъ и свѣтлыхъ явленій, страдаетъ еще великими пробѣлами, недостатками, даже крупными пороками. Въ нашей школѣ, въ нашей образовательной и ученой литературѣ, въ русской образованности вообще еще очень мало здороваго, сочнаго, своего, русскаго, національнаго. Рядомъ съ немногимъ сравнительно свѣтлымъ и хорошимъ, что въ нихъ имѣется, сколько въ нихъ близорукой, ограниченной подражательности“...

В. Ламанскій: „Три міра“ (Славян. Обозр. 1892 г.).

„Въ этихъ земляхъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ русской наукѣ и образованности предстоятъ великія завоеванія. Есть сотни и сотни болѣе или менѣе важныхъ и крупныхъ вопросовъ языкознанія, археологіи, исторіи, этнологіи и этнографіи, которые ждутъ правильной постановки, изслѣдованія и разрѣшенія преимущественно, быть можетъ, исключительно отъ русскихъ ученыхъ“.

В. Ламанскій, „Очерки Венгріи“ (Изв. Слав. Благ. Общ. 1888, № 6—7).

Если есть область, въ которой еще и нынѣ ярко выражаются и бросаются въ глаза наша русская культурная несамостоятельность и подражательность, наше часто безотчетное западничество и европеизмъ, фальшиво отождествляемый еще многими съ всечеловѣчностью, наша порой рабская зависимость отъ идей и точекъ зрѣнія западнаго, романогерманскаго міра, то это—область нашихъ *историческихъ изученій*, т. е., какъ научнаго, такъ и школьнаго изученія не только исторіи общеевропейской и міровой, но и исторіи нашего собственнаго *средняго*, грекославянскаго міра. Скажемъ болѣе: эта черта не могла не отразиться неизбѣжно и на характерѣ, пріёмахъ и успѣхахъ изученія и оцѣнки матеріала даже нашей отечественной исторіи, оставляющихъ желать еще многаго въ смыслѣ расширенія кругозора послѣдней, особенно въ сторону славянства, и оплодотворенія ея истинно національнымъ воззрѣніемъ и творческою мыслью.

Мнѣ кажется, достаточно окинуть взглядомъ нашу научную и популярную историческую литературу о Европѣ, о ея Западѣ и Востокѣ, взвѣсить хоть слегка содержаніе и взаимное отношеніе ея отдѣловъ, наконецъ, просмотрѣть наши русскіе учебники и программы по всеобщей и русской исторіи, а кстати и географіи, чтобы, не углубляясь даже въ характеристику господствующихъ въ ней воззрѣній и направленія, убѣдиться въ справедливости высказаннаго утвержденія.

Слишкомъ очевидны замѣчаемые при этомъ несообразности и пробѣлы, поразительныя странности въ нашемъ масштабѣ и перспективѣ: вмѣсто того чтобы, естественно сазнавая себя какъ-бы въ центрѣ, смотрѣть кругомъ своими глазами, судить и оцѣнивать и себя и окружающее по своему разуму, подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія, мы—повторяя зады нашего полунѣмецкаго ученичества—продолжаемъ смотрѣть на себя и на весь міръ глазами глубоко намъ чуждаго и враждебнаго европейскаго Запада, главнымъ образомъ германскаго, и готовы—съ чужого голоса—оцѣнивать факты и явленія не только міровой и общеевропейской, но и своей славянской исторіи исключительно съ этой западной, quasi-общечеловѣческой точки зрѣнія. Вслѣдствіе того, у насъ естественно выдвигается, преувеличивается то, что̀ для насъ далеко и чуждо, второстепенно и неважно, подавляя все остальное, и напротивъ умаляется, а часто совсѣмъ игнорируется и замалчивается самое для насъ близкое, существенное и важное. Не говоря уже о невниманіи ко всему Востоку, судьбы того міра, который связанъ съ нами органически и неразрывно, отъ отношеній къ которому зависитъ осуществленіе нашихъ міровыхъ культурно-историческихъ задачъ и національныхъ интересовъ, словомъ, все наше будущее, занимаютъ въ нашихъ историческихъ изученіяхъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто, притомъ въ самомъ разрозненномъ, безсвязномъ и отрывочномъ изложеніи, полномъ недомолвокъ и пробѣловъ. Я уже не говорю объ отсутствіи пониманія самыхъ крупныхъ и важныхъ вопросовъ историческихъ взаимоотношеній, о превратности взглядовъ, ложномъ освѣщеніи явленій и такой же ихъ окраскѣ, идущихъ все изъ того же источника.

Удивительно ли при такомъ еще господствующемъ у насъ направленіи, что западно-славянская географическая номенклатура донынѣ является въ нашихъ изданіяхъ и усваивается въ школѣ въ безобразно-искаженной нѣмецкой формѣ—намъ на стыдъ, а врагамъ нашимъ на потѣху, что въ нашихъ школьныхъ программахъ и руководствахъ по всеобщей исторіи вездѣ на первомъ и главномъ мѣстѣ стоятъ германцы, а уже какъ придатокъ къ нимъ и въ качествѣ ихъ „сосѣдей" славяне—наряду съ финнами, что

исторіи западныхъ и южныхъ славянъ не отводится въ этихъ программахъ почти никакого мѣста подъ предлогомъ „фактической сложности и запутанности ея содержанія и недостаточной разработанности ея вопросовъ въ наукѣ“ (!?) [1]), что вообще о самыхъ для Россіи капитальныхъ и животрепещущихъ историческихъ вопросахъ, намъ наиболѣе близкихъ и въ практическомъ, матеріальномъ и въ духовномъ смыслѣ, къ каковымъ прежде всего принадлежатъ вопросы южно-славянскій, или турецкій, называемый нами, по вѣчному обезьянству — „восточнымъ“ (тогда какъ для насъ онъ вовсе не восточный, а *южный* или, точнѣе, *юго-западный*), и австро-славянскій, мы выносимъ изъ школы въ лучшемъ случаѣ лишь самое смутное и не предѣленное представленіе.

Отлагая до другого времени намѣреніе изложить нѣсколько мыслей объ изученіи историческихъ судебъ нашего міра въ связи съ исторіей Россіи и западной Европы, мы хотимъ отмѣтить и разсмотрѣть здѣсь одинъ особенно бросающійся въ глаза пробѣлъ въ нашихъ русскихъ изученіяхъ исторіи сопредѣльныхъ намъ западныхъ странъ и народовъ, какъ въ научной, такъ и въ школьной (и популярно-литературной) сферѣ.

Мы разумѣемъ судьбы *Карпато-дунайскихъ земель* во всѣ фазы ихъ историческаго прошлаго.

I.

Что, дѣйствительно, исторіи этихъ Карпато-дунайскихъ странъ въ границахъ старой Угріи, а равно и поглотившей ее Австріи, а потомъ Австро-Венгріи у насъ до сихъ поръ не удѣлялось ни въ наукѣ, ни въ ея популяризаціи подобающаго имъ по значенію вниманія, что, напротивъ, эта область оставалась всегда въ какомъ-то странномъ пренебреженіи и запущеніи,—этого нечего доказывать.

Просмотрите только и спеціальную и общую литературу предмета, и васъ поразитъ ея необыкновенная скудость и, такъ сказать, случайность ея содержанія. Загляните въ наши историческія программы—и вы будете тщетно искать въ нихъ отдѣловъ

---

[1]) См. „Примѣрныя программы и объяснительныя записки по исторіи“ (стр. 10; 40—41), составленныя комиссіей по реформѣ средней школы въ министерство ген. П. С. Ванновскаго.—Къ подобному же недоумѣнію относительно направленія и пониманія задачъ нашего русскаго историческаго преподаванія можетъ дать поводъ и встрѣченная нами случайно записка проф. А. Лаппо-Данилевскаго для школы кн. Тенишева „Матеріалы для плана общеобразовательнаго курса по исторіи человѣчества“. (Памятная книжка Тенишевскаго училища, годъ I. Спб. 1902, стр. 87), гдѣ Россія и славянство не только не являются естественной исходной сферой наблюденій и не поставлены въ центрѣ изученій, но, можно сказать, почти совсѣмъ отсутствуютъ...

и вопросовъ, характеризующихъ интересное прошлое этихъ, во всѣхъ отношеніяхъ близкихъ намъ, странъ [1]).

Причины этого явленія — многоразличны. Я не стану ихъ изслѣдовать подробно, но не могу не высказать нѣсколько соображеній, могущихъ до нѣкоторой степени уяснить дѣло.

Данная территорія своими географическими, этнографическими и культурными условіями издавна занимала среди другихъ земель совершенно особое положеніе, наложившее своеобразный характеръ на всю ея исторію и всѣ ея отношенія къ западу и востоку Европы. Здѣсь изначала происходила встрѣча и столкновеніе различныхъ расъ, міровъ и культурныхъ типовъ. Что-то среднее, промежуточное, переходное опредѣляло историческую роль и отношенія этихъ земель. Нашъ средній, греко-славянскій міръ, къ которому онѣ принадлежатъ во всѣхъ отношеніяхъ, перемѣшался здѣсь съ надвинувшимся сюда романо-германскимъ Западомъ, и создалась чрезвычайная сложность и запутанность отношеній — какъ въ прошломъ, такъ, особенно, въ современномъ ихъ состояніи. Это не европейскій Западъ и не славянскій или азіатскій Востокъ, а пестрая полоса соприкосновенія, взаимнаго натиска, самозащиты и вѣчной борьбы другъ другу чуждыхъ и по существу враждебныхъ стихій и силъ на почвѣ племенной, культурной и религіозной. Кинутые въ теченіе вѣковъ на эту западную окраину средняго міра, въ среду славянства (съ которымъ должны были сростись) обломки племенъ и ордъ дикаго азіатскаго Востока, ставъ здѣсь новымъ историческимъ факторомъ, не могли не принять виднаго участія въ борьбѣ Востока съ напирающимъ на него Западомъ, служа то тому, то другому, выступая то въ роли оплота греко-славянскаго міра противъ захватовъ и поглотительныхъ стремленій романо-германской Европы, то въ качествѣ союзника и орудія послѣдней противъ славянства. Германскій міръ рано понялъ важное значеніе Карпато-дунайскихъ земель, и изстари всѣ его усилія и политика были направлены къ тому, чтобы постепенно захватить ихъ въ свои руки, стать въ нихъ твердой ногой, сдѣлать изъ нихъ базу для своихъ агрессивныхъ дѣйствій на югѣ и востокѣ, что ему въ значительной степени и удалось...

Но какъ ни важна и ни величественна эта стародавняя народная и міровая борьба на Дунаѣ, восточно-славянскій или нашъ русскій міръ—по условіямъ и обстоятельствамъ своего роста и развитія и благодаря инымъ географически- и исторически-

[1]) Достаточно сказать, что въ вышеупомянутыхъ „Примѣрныхъ программахъ“ (средн. и новой исторіи) нѣтъ даже имени старой Угріи (или Венгріи), а Австро-Венгрія также почти что забыта.

не только за Балканами, на Босфорѣ, но въ то же время и въ такой же мѣрѣ и на среднемъ Дунаѣ; что расположенный здѣсь государственный организмъ унаслѣдовалъ отъ далекой старины, отъ своей исторической предмѣстницы, Угріи, исконныя тяготѣнія и притязанія на сосѣднія Балканскія области и народности; что какъ старая Угрія, такъ и нынѣшняя Австро-Венгрія всегда страстно и стихійно стремились къ политическому и экономическому господству на югѣ; что первой удавалось временами и отчасти осуществлять его, послѣдняя уже достигла его на нашихъ глазахъ въ Босніи и Герцеговинѣ; что были эпохи, когда Карпато-дунайская территорія входила въ извѣстной мѣрѣ въ политическую сферу великихъ Балканскихъ державъ—Византійской и Турецкой въ пору расцвѣта ихъ силъ: напр. при Комнинахъ въ XII в. и въ XVI—XVII вв., когда центральная Угрія была въ турецкихъ рукахъ; что, слѣдовательно, съ постепеннымъ ослабленіемъ и устраненіемъ турецкаго владычества за Дунаемъ и за Балканами, естественно и традиціонно возстаютъ прежнія властолюбивыя притязанія средне-дунайской державы, а именно ея господствующихъ факторовъ, мадьяръ и нѣмецкихъ Габсбурговъ, на сосѣднія Балканскія земли, что, несомнѣнно, со всѣмъ этимъ придется считаться при какомъ бы то ни было рѣшеніи турецкаго вопроса, а это рѣшеніе и благопріятный для славянства оборотъ дѣлъ за Балканами будетъ зависѣть не отъ одной только нашей политики на полуостровѣ, но и отъ такого же намъ и вообще славянству благопріятнаго поворота государственной жизни, этническихъ отношеній и общей политики въ Карпато-дунайскихъ земляхъ.

Итакъ, интересоваться и заниматься послѣдними, исторически изучать ихъ, пополняя этотъ существенный пробѣлъ нашей науки и образованности, намъ въ высшей степени важно и необходимо, если мы хотимъ быть на высотѣ предстоящихъ намъ міровыхъ историческихъ задачъ и оказать желательное вліяніе на рѣшеніе славянскаго вопроса во всемъ его объемѣ.

Чтобы содѣйствовать сколько-нибудь привлеченію вниманія русскихъ людей къ этой области, полезно будетъ бросить хотя бы общій взглядъ на положеніе, характеръ и историческое прошлое этихъ земель, на ихъ роль въ судьбахъ славянства и въ его отношеніяхъ къ европейскому Западу.

II.

Подъ *Карпато-дунайскою* областью должно бы собственно, въ буквальномъ смыслѣ, разумѣть территорію, окаймляемую Карпатскою горною системою на востокѣ, сѣверѣ и сѣверо-западѣ,

мель и народовъ одного и того же міра, отсутствіе между ними живыхъ непрерывныхъ и разнообразныхъ сношеній и взаимнаго близкаго, непосредственнаго знакомства.

Это явленіе несомнѣнно отразилось неблагопріятно и на нашихъ международныхъ отношеніяхъ, внѣшнихъ дѣлахъ и политическихъ успѣхахъ.

Съ одной стороны, рѣшая—послѣ многовѣкового соперничества и борьбы съ братскимъ, но культурно-чуждымъ и враждебнымъ намъ польскимъ народомъ—вопросъ о нашей западной окраинѣ, мы, присоединяя къ своимъ владѣніямъ значительную часть польскаго племени, пренебрегли и пожертвовали именно той исконно-русской (восточно-галицкой) землей и тою свыше 3-хъ милліонною частью русскаго народа, которыя прилегаютъ къ Карпато-дунайскимъ областямъ и соединеніе съ которыми, несомнѣнно, открыло бы послѣднія для нашего разносторонняго вліянія и возстановила бы живую связь, нѣкогда существовавшую между народами и государствами по обѣ стороны Карпатъ.

Съ другой стороны, преслѣдуя упорно наши культурныя и государственныя задачи на юго-западѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, увлекаясь борьбою съ турками и освобожденіемъ нашихъ южныхъ братьевъ, словомъ, стремясь къ разрѣшенію такъ называемаго „восточнаго“ (для зап. Европы) вопроса, мы опять фатально погрѣшили одностороннимъ и узкимъ его пониманіемъ, ограничивая его сущность судьбою Балканскаго полуострова, его единоплеменныхъ намъ и единовѣрныхъ народностей и Константинополя и упуская изъ виду неразрывную историческую, вѣковую связь балканскаго вопроса съ угро- и австро-славянскимъ вопросомъ въ Карпато-дунайскихъ земляхъ, этой главной аренѣ борьбы и наступленія европейскаго Запада на Востокъ.

Исконная и естественная взаимная близость и тяготѣніе земель, прорѣзываемыхъ Дунаемъ, не только въ среднемъ, но и въ нижнемъ его теченіи, т. е. странъ Балканскихъ и странъ Прикарпатскихъ, проходящія красною нитью черезъ всю ихъ исторію и обусловленныя отчасти и этнографіей ихъ (особенно со времени извѣстныхъ сербскихъ переселеній изъ-за Дуная), не были въ должной мѣрѣ оцѣнены и взвѣшены у насъ—вообще и въ частности въ нашей балканской освободительной политикѣ. Вслѣдствіе вышеотмѣченнаго пассивнаго отношенія русскаго міра къ судьбѣ Закарпатья, отсутствія основательнаго знанія и пониманія его исторіи, у насъ въ большинствѣ не понимали и всего объёма и смысла „восточнаго“ вопроса, какъ преимущественно *славянскаго* въ самомъ широкомъ значеніи. Не принималась въ расчетъ сложность и, такъ сказать, двойственность этого вопроса, именно: что развязка его

не только за Балканами, на Босфорѣ, но въ то же время и въ такой же мѣрѣ и на среднемъ Дунаѣ; что расположенный здѣсь государственный организмъ унаслѣдовалъ отъ далекой старины, отъ своей исторической предмѣстницы, Угріи, исконныя тяготѣнія и притязанія на сосѣднія Балканскія области и народности; что какъ старая Угрія, такъ и нынѣшняя Австро-Венгрія всегда страстно и стихійно стремились къ политическому и экономическому господству на югѣ; что первой удавалось временами и отчасти осуществлять его, послѣдняя уже достигла его на нашихъ глазахъ въ Босніи и Герцеговинѣ; что были эпохи, когда Карпато-дунайская территорія входила въ извѣстной мѣрѣ въ политическую сферу великихъ Балканскихъ державъ—Византійской и Турецкой въ пору расцвѣта ихъ силъ: напр. при Комнинахъ въ XII в. и въ XVI—XVII вв., когда центральная Угрія была въ турецкихъ рукахъ; что, слѣдовательно, съ постепеннымъ ослабленіемъ и устраненіемъ турецкаго владычества за Дунаемъ и за Балканами, естественно и традиціонно возстаютъ прежнія властолюбивыя притязанія средне-дунайской державы, а именно ея господствующихъ факторовъ, мадьяръ и нѣмецкихъ Габсбурговъ, на сосѣднія Балканскія земли, что, несомнѣнно, со всѣмъ этимъ придется считаться при какомъ бы то ни было рѣшеніи турецкаго вопроса, а это рѣшеніе и благопріятный для славянства оборотъ дѣлъ за Балканами будетъ зависѣть не отъ одной только нашей политики на полуостровѣ, но и отъ такого же намъ и вообще славянству благопріятнаго поворота государственной жизни, этническихъ отношеній и общей политики въ Карпато-дунайскихъ земляхъ.

Итакъ, интересоваться и заниматься послѣдними, исторически изучать ихъ, пополняя этотъ существенный пробѣлъ нашей науки и образованности, намъ въ высшей степени важно и необходимо, если мы хотимъ быть на высотѣ предстоящихъ намъ міровыхъ историческихъ задачъ и оказать желательное вліяніе на рѣшеніе славянскаго вопроса во всемъ его объемѣ.

Чтобы содѣйствовать сколько-нибудь привлеченію вниманія русскихъ людей къ этой области, полезно будетъ бросить хотя бы общій взглядъ на положеніе, характеръ и историческое прошлое этихъ земель, на ихъ роль въ судьбахъ славянства и въ его отношеніяхъ къ европейскому Западу.

II.

Подъ *Карпато-дунайскою* областью должно бы собственно, въ буквальномъ смыслѣ, разумѣть территорію, окаймляемую Карпатскою горною системою на востокѣ, сѣверѣ и сѣверо-западѣ,

восточно-альпійскою на западѣ, рѣками Савой и отчасти Дунаемъ на югѣ, т. е. приблизительно въ границахъ старой Угріи или современной Венгріи—Транслейтаніи. Но мы съ нашей исторической точки зрѣнія, по большей части, говоря о „Карпато-дунайскихъ земляхъ“, понимаемъ ихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, включая сюда и прилегающія къ собственно-угорской территоріи, съ ней исторически и этнически связанныя окраиныя Австро-венгерскія области, т. е. болѣе или менѣе въ объёмѣ Австрійской монархіи въ ея цѣломъ, объединившей Карпато-угорскія вѣтви славянства съ его крайними западными форпостами въ Чехіи и у Адріатики [1]).

Достаточно извѣстно, какую большую роль въ судьбѣ земель и народовъ играютъ природный характеръ, строеніе и географическое положеніе занимаемой ими территоріи. Карпато-дунайская область не составляетъ, конечно, исключенія. Характернымъ для нея является расположеніе въ ея центрѣ обширной средне-дунайской низменности, соединенной Дунаемъ съ малой угорской низменностью на западѣ и большой молдо-валашской на востокѣ (а тѣмъ самымъ и съ великой русской равниной) и закрытой съ востока, сѣвера и запада высокими и сплошными горными системами, образующими на востокѣ замкнутую возвышенную область Трансильванію, а на крайнемъ сѣверо-западѣ, уже въ бассейнѣ Лабы, но тяготѣющую къ Дунаю, также вполнѣ замкнутую Чешскую горную область и низину. Дунай, орошая и тѣсно связывая своими обильными притоками горныя и низменныя части территоріи, своимъ теченіемъ съ запада на востокъ опредѣляетъ и направляетъ главное теченіе народной, политической и экономической жизни дунайскихъ земель. Широкая средне-дунайская низменность роднитъ и связываетъ эти земли съ главнымъ туловищемъ средняго міра, съ великой восточно-европейской равниной, а черезъ нее и съ средне-азіятской: она опредѣляетъ ихъ историческую судьбу и ихъ роль по отношенію къ востоку и западу. Но и горнымъ системамъ, ее окружающимъ, принадлежитъ, разумѣется, своя значительная роль въ исторіи. Въ этомъ отношеніи всего важнѣе значеніе Карпатской цѣпи, съ ея отовсюду замкнутою Трансильванскою твердынею. Нельзя отрицать ея роли, какъ существенной географической преграды между землями по обѣ ея стороны и какъ природнаго оплота для странъ Дунайскихъ. Она до нѣкоторой степени обусловливаетъ ту разобщенность и ту отчужденность, о которой мы говорили выше, останавливая или парализуя и безъ того слабыя влеченія сосѣдняго русскаго міра въ эту сторону.

[1]) Точнѣе было бы назвать эту территорію *Карпато-судето-альпійско-дунайскою*, но мы предпочитаемъ болѣе краткій терминъ „Карпато-дунайскій“.

Но это значеніе ея много ослабляется этническими условіями: одноплеменность и народно-культурная взаимность какъ румынъ въ Молдо-Валахіи, Буковинѣ и Трансильваніи, такъ и русскаго населенія въ Предкарпатьи и Закарпатьи тѣснѣйше связываютъ между собою эти области и дѣлаютъ дунайскія земли доступными съ сосѣдняго востока всякимъ вліяніямъ, прежде всего культурнымъ, на что у насъ, въ Россіи до-нынѣ не обращалось должнаго вниманія.

Если горные кряжи, окружающіе Чешскую землю (Судетская система. etc.), имѣли значеніе нѣсколько аналогичное съ Карпатами— въ смыслѣ защиты отъ напора сосѣдей, то этого уже никакъ нельзя сказать о Восточно-альпійской горной системѣ, которая и по характеру и направленію своему и по положенію относительно сосѣдняго германскаго міра искони служила, напротивъ, завоевательнымъ задачамъ послѣдняго, облегчая ему наступательное движеніе на востокъ, въ равнины средне-дунайскія—по долинамъ Альпійскимъ и теченію Дуная и его правыхъ притоковъ. Что касается южныхъ предѣловъ занимающей насъ территоріи, то тутъ должна быть принята въ должное вниманіе отмѣченная уже выше, но, къ сожалѣнію, часто упускаемая изъ виду естественная и тѣсная связь земель, расположенныхъ съ обѣихъ сторонъ Дуная, обусловливающая взаимное ихъ тяготѣніе и взаимную ихъ экономическую и политическую зависимость, подтверждаемыя всей ихъ исторіей.

Но каково бы ни было значеніе тѣхъ или другихъ окраинъ Карпато-дунайской территоріи, тѣхъ или иныхъ особенностей ея орографіи и гидрографіи, все-же главную, всеопредѣляющую роль въ ея исторической судьбѣ, да и въ исторіи средней Европы вообще, несомнѣнно, сыграла раскинувшаяся въ ея центрѣ большая Тиссо-дунайская низменность, являющаяся продолженіемъ какъ низменности нижнедунайской, такъ и обширной восточной т. е. южнорусской равнины. Такая важная историческая роль этой низины обусловливалась, разумѣется, ея географическимъ положеніемъ на пути главныхъ народныхъ передвиженій и набѣговъ съ европейскаго и азіатскаго востока на западъ и югъ Европы и степнымъ, особенно благопріятнымъ для кочевниковъ ея характеромъ. Она была какъ-бы нарочно создана здѣсь въ центрѣ, между Востокомъ и Западомъ, чтобы служить стоянкой и убѣжищемъ для новыхъ народовъ, передвигавшихся на рубежѣ христіанской эры на западъ съ цѣлью обновленія старой Европы, и особенно для тѣхъ туранскихъ или урало-алтайскихъ племенъ и полчищъ, кочевыхъ и дикихъ дѣтей Азіи, которыхъ судьба не даромъ забрасывала періодически въ эпоху средневѣковья въ среду европейскихъ арійцевъ, заставляя вмѣшиваться въ ихъ отноше-

нія. Она, эта область, оставаясь въ сферѣ средняго міра, стала какъ-бы преддверьемъ романо-германскаго Запада для греко-славянскаго Востока и обратно, промежуточнымъ звеномъ и переходнымъ поясомъ между двумя сложившимися тысячу лѣтъ тому назадъ на западѣ и востокѣ Европы своеобразными культурно-историческими мірами, издавна связанными и сплетенными между собой множествомъ матеріальныхъ и духовныхъ нитей и элементовъ и одновременно непримиримо раздѣленными традиціоннымъ антагонизмомъ племеннымъ, политическимъ и культурнымъ и упорною вѣковою борьбой, въ которой наступательная роль всегда принадлежала только одному изъ нихъ, т. е. Западу.

Вторгавшіеся сюда и располагавшіеся здѣсь, на равнинахъ средняго Дуная, въ разныя времена насильники-азіаты монгольскаго, турецкаго и тюрко-финскаго племенъ, приносили гибель, разореніе и гнетъ одинаково для всего арійскаго населенія этихъ странъ; ихъ услугами часто пользовались во взаимной борьбѣ обѣ враждовавшія стороны; но временно порабощая и притѣсняя славянъ, эти чуждыя восточныя племена силою вещей и обстоятельствъ сживались и срастались (если не ассимилировались) съ окружавшею ихъ этническою средою греко-славянства, умножали силы послѣдняго и становились невольно или вольно его оплотомъ, и вмѣстѣ грозою и бичемъ для европейскаго Запада. Если этому послѣднему удавалось, въ свою очередь, привлекать къ себѣ иныхъ изъ нихъ и обращать ихъ временно въ орудіе своихъ цѣлей (какъ происходитъ съ мадьярами и въ новѣйшее время), то зато сколько разъ эти пришельцы являлись въ критическій моментъ исторической жизни, при надвигавшейся съ запада грозной опасности, союзниками народовъ греко-славянскаго міра и уже однимъ своимъ появленіемъ на среднемъ Дунаѣ, а тѣмъ болѣе истребительными и побѣдоносными наѣздами на западъ (авары, угры, татары, турки) надолго останавливали или задерживали напоръ германскаго міра на славянскій въ областяхъ средняго Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ и даже въ сосѣднихъ восточно-альпійскихъ и чешскихъ земляхъ.

Ближайшимъ же и прямымъ послѣдствіемъ этого постояннаго привлеченія въ среднедунайскую равнину восточныхъ ордъ, приведшаго уже въ исходѣ IX в. къ прочному завладѣнію ею такой пришлой и чуждой Европѣ расой, какъ мадьяры, нельзя не признать то распредѣленіе племенъ и тотъ своеобразный этническій составъ, которые отличаютъ Карпато-дунайскую территорію и придаютъ ей такой исключительно-пестрый характеръ.

Славяне, первобытная родина которыхъ въ Европѣ несомнѣнно охватывала значительную (во всякомъ случаѣ сѣверо-во-

сточную) часть Карпатской области, послѣ передвиженія въ первые вѣка христіанской эры германскихъ племенъ на западъ и въ Италію, остались господствующимъ въ этихъ земляхъ осѣдлымъ народомъ, неудержимой волной разлившимся отсюда по всему Балканскому полуострову, по берегамъ Адріатики, на западъ—въ края Альпійскіе, а на сѣверѣ составившимъ одно сплошное цѣлое съ сѣверо-восточными соплеменными вѣтвями. Но именно этотъ стихійный разливъ славянства вширь и вдаль, его центробѣжныя стремленія не могли не ослабить его въ самомъ центрѣ (по своему природному характеру менѣе благопріятномъ для быстраго освоенія земледѣльческой культурѣ) и не лишить его способности отразить именно здѣсь напоръ съ противоположныхъ концовъ новыхъ, чуждыхъ народныхъ элементовъ и могучихъ силъ.

Послѣднимъ удалось прорвать въ Карпатахъ и на среднемъ Дунаѣ нѣкогда непрерывную славянскую этническую цѣпь и образовать постепенно широкую иноплеменную полосу—румыно-мадьяро-нѣмецкую, занимающую весь средній поясъ нынѣшней Австро-Венгріи, а затѣмъ нѣмцамъ и мадьярамъ удалось занять и политически-господствующее въ новой Дунайской державѣ положеніе. Тѣмъ не менѣе этнически (численно) Славяне на югѣ и сѣверѣ въ своей совокупности продолжаютъ преобладать надъ каждою изъ трехъ разорвавшихъ ихъ народностей и неудержимо тяготѣютъ другъ къ другу, повинуясь центростремительному закону (при всѣхъ своихъ центробѣжныхъ, сепаратистическихъ наклонностяхъ) и опираясь на непосредственно примыкающихъ соплеменниковъ на сѣверѣ и югѣ.

Звенья раздѣлившей славянъ чуждой полосы существенно разнородны. Между тѣмъ какъ западное изъ нихъ, нѣмецкое, всецѣло принадлежа европейскому Западу, является исконнымъ и опаснѣйшимъ аванпостомъ западнаго, прежде всего германскаго міра, центральное—мадьярское и восточное—румынское изначала принадлежали міру среднему, греко-славянскому и въ самомъ своемъ историческомъ образованіи, своей этнологіи и языкѣ, своемъ народно-бытовомъ и культурномъ развитіи глубоко связаны съ окружающимъ ихъ славянствомъ безчисленными нитями. Но издавна начавшійся послѣдовательный и неослабный завоевательный политическій и культурный натискъ западнаго германскаго клина на его мадьярское и румынское продолженіе, имѣющій цѣлью овладѣть этимъ центральнымъ поясомъ и окончательно оторвать эти народности отъ славянскаго тѣла, уже успѣлъ достигнуть значительныхъ результатовъ, особенно на мадьярской почвѣ. Понятно, что задача и интересъ славянства состоятъ въ томъ, чтобъ всячески противодѣйствовать срастанію и союзу этихъ раздѣляю-

щихъ его на Дунаѣ народностей съ Западомъ, и для этого помогать умноженію и укрѣпленію ихъ давнихъ органическихъ связей съ тѣмъ міромъ, которому онѣ принадлежатъ природою вещей и единеніе съ которымъ дѣйствительно обезпечиваетъ имъ самобытное національное существованіе и въ будущемъ, ибо германскій Drang имѣетъ въ виду въ концѣ концовъ лишь одно: поглощеніе и германизацію всего, что попадаетъ въ его политическую, экономическую и культурную сферу.

Настоящее господство сохранившихъ еще много азіатскаго въ своей природѣ мадьяръ надъ славянами и румынами въ Венгріи и Трансильваніи есть искусственная, анормальная политическая система, созданная все тѣмъ же завоевательнымъ напоромъ германизма, мадьярамъ самимъ не менѣе враждебнаго, а съ желательнымъ возстановленіемъ рано или поздно въ этихъ восточно-дунайскихъ земляхъ естественнаго равновѣсія народныхъ стихій и силъ, мадьяры не остались бы одинокими и обособленными, какими они въ сущности являются теперь, а если пожелаютъ сойтись и примириться съ окружающими ихъ племенами, то станутъ сильными и обезпеченными этимъ единеніемъ и сплоченностью передъ общимъ врагомъ на Западѣ.

Въ виду этого возможное сближеніе и разнообразное общеніе мадьярской и румынской народностей съ сердцевиной славянскаго міра, съ величайшимъ и сильнѣйшимъ его народомъ, на почвѣ взаимнаго изученія въ прошломъ и въ настоящемъ чрезвычайно желательны; но если съ нашей стороны и, пожалуй, съ румынской осуществленіе этого сближенія зависитъ лишь отъ роста и расширенія сознанія истинной пользы такихъ взаимныхъ изученій, то мадьярамъ еще, повидимому, далеко до необходимаго для этого отрезвленія и исцѣленія отъ заимствованной ими у нѣмцевъ безсмысленной славянофобіи.

Что касается самого Карпато-дунайскаго славянства, то его этническій составъ и распредѣленіе отводитъ занимающей насъ территоріи особо важное, по истинѣ въ этомъ смыслѣ центральное положеніе и какъ-бы объединительную роль въ славянскомъ мірѣ, какъ этнологическомъ цѣломъ. Ибо вокругъ среднедунайской равнины сгруппированы почти всѣ разновидности славянскаго племени,—фактъ, который естественно подалъ поводъ къ извѣстной старой, какъ наша первая лѣтопись, не выдерживающей однакожъ научной критики теоріи о разселеніи всѣхъ славянъ изъ этого первобытнаго средоточія, съ береговъ Дуная. Здѣсь, въ Карпато-дунайскихъ предѣлахъ сходятся и имѣютъ своихъ представителей и русскіе, и поляки, и чехо - словенская народность (чехи и словаки), и словенцы, и хорваты, и сербы,

и, наконецъ, даже болгары (нѣкогда въ Трансильваніи), по почти всѣ эти племена или части племенъ тяготѣютъ къ своимъ внѣшнимъ народнымъ и культурнымъ средоточіямъ, къ главнымъ массамъ своимъ и государственнымъ организмамъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, и это условіе отразилось одинаково сильно какъ на ихъ исторической судьбѣ, такъ и на исторіи тѣхъ дунайскихъ политическихъ образованій, которыя ихъ послѣдовательно объединяли.

Непрерывающіяся многоразличныя историческія связи переплетаютъ исторію старой независимой Угріи, позднѣйшей Австріи и нынѣшней Австро-Венгріи съ судьбами государствъ и народовъ западно-, восточно- и южно-славянскихъ, — очевидно и изученіе тѣхъ и другихъ не можетъ быть никакъ обособлено и разрознено. Между тѣмъ этой необходимой связи, равномѣрности и параллельности изученія у насъ именно донынѣ не доставало благодаря вышеотмѣченному недостатку вниманія къ исторіи Карпато-дунайскихъ земель вообще.

Вводя еще кое-какъ, хотя и въ очень скромной мѣрѣ, въ кругъ своихъ историческихъ изученій судьбы Польши, Чехіи и Южнаго славянства, мы оставляли безъ всякаго вниманія и забывали исторію тѣсно этнически-связанныхъ съ ними славянъ Карпато дунайскихъ, подобно тому, какъ и въ нашей русской исторіи мы всегда или удѣляли слишкомъ ничтожное мѣсто политически-оторваннымъ отъ насъ Карпатскимъ братьямъ или вовсе ихъ игнорировали.

Возможно было еще одно: знакомиться съ судьбами этихъ славянъ въ исторіи другъ друга смѣнявшихъ державъ дунайскихъ, но именно этотъ отдѣлъ западной, европейской исторіи (куда его включили), какъ мы уже видѣли, оказывался у насъ почему-то въ полномъ пренебреженіи: эпоха предмадьярская оставалась для насъ смутною, односторонне освѣщенною; исторія Угорской державы была для насъ совсѣмъ terra incognita: наши изученія ея вовсе ни касались; почти столь же мало мы интересовались старой Австріей и ея отношеніями, и нѣкоторое исключеніе дѣлалось лишь для новѣйшей ея исторіи съ XVIII вѣка.

Такимъ образомъ и съ этой стороны и съ этой точки зрѣнія судьбы Карпато-дунайскаго славянства оказывались для насъ чужды, неясны и туманны.

Фактически почти выброшенная изъ общаго нашего историческаго кругозора, эта область составляла огромный вопіющій пробѣлъ въ нашемъ знаніи и пониманіи своего средняго, греко-славянскаго міра; для полноты и цѣльности этого пониманія недоставало именно тѣхъ среднихъ, центральныхъ звеньевъ, которыя одни могутъ связать и объединить въ нашемъ представленіи

разрозненные, судьбой разобщенные и разбросанные члены одного органически-единаго и этнически-однороднаго цѣлаго, — всеславянства.

Дѣйствительно, по серединному своему положенію, по важности въ исторіи средне-дунайской равнины и карпатской твердыни, по своей связующей въ этническомъ отношеніи роли въ славянствѣ—Карпато-дунайскія земли, какъ своего рода узелъ, въ которомъ сходились и переплетались исторически всѣ почти корни или вѣтви могучаго славянскаго дерева, могли бы съ удобствомъ занимать и центральное мѣсто въ изученіи какъ исторической этнографіи, такъ и политической и культурной исторіи греко-славянства въ его цѣломъ, служить центромъ отправленія для параллельнаго и связнаго обозрѣнія судьбы всѣхъ славянскихъ народностей. Какъ съ высокихъ вершинъ славянскихъ Карпатъ, этого самаго возвышеннаго и центральнаго пункта нашей всеславянской родины, всего легче охватить взглядомъ всѣ страны греко-славянскаго міра: на сѣверѣ и востокѣ широкую, безпредѣльную Русь, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ—земли польскія съ остатками родственныхъ имъ славянъ прибалтійскихъ и полабскихъ, на западѣ — земли чешско-словенскія, съ ихъ передовымъ и сторожевымъ чешскимъ аванпостомъ, на юго-западѣ и югѣ, отъ восточныхъ Альпъ и береговъ Адріатики до Чернаго, „русскаго“ моря, широко раскинувшіяся къ югу земли словенцевъ, хорватовъ, сербовъ и болгаръ,—такъ точно и въ обозрѣніи историческихъ судебъ всего славянства въ его совокупности, особенно удобно поставить точкой отправленія ту же центральную Карпато-дунайскую территорію, которая искони играла такую исключительно-важную роль въ этихъ судьбахъ,—тѣ области, въ которыхъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ забилась впервые народно-политическая и христіански-культурная жизнь славянства, на почвѣ которыхъ впервые встрѣтились и вступили въ вѣковую борьбу народы западной Европы съ выходцами Азіи, новый европейскій міръ съ древнимъ (греко-римскимъ), Византійская имперія съ новой Священной имперіей германской націи и Римомъ, Восточная церковь съ папствомъ и латинствомъ, греко-славянство съ романо-германствомъ, западные славяне съ нѣмцами и воинствующимъ германизмомъ, и откуда, наконецъ, всего виднѣе и яснѣе обрисовываются политическія и народно-культурныя стремленія, притязанія и дѣйствія всѣхъ міровыхъ силъ восточной и средней Европы: старой Византіи и смѣнившей ее Турціи, и Венеціи, и папскаго Рима, и Западной имперіи, и германскаго міра и проч., кончая старой и новой Россіей...

Вотъ, слѣдовательно, какъ сама исторія заставляетъ насъ

смотрѣть на историческое значеніе для славянства Карпато-дунайскихъ земель. Пусть же безпристрастный читатель судитъ самъ, можно ли намъ мириться съ той поразительной несообразностью, что мы, русскіе, и въ нашей научной и популярной исторіографіи, и въ нашей школѣ усердно разрабатывая, подробно изучая и излагая исторію западной Европы, судьбы Германіи и Англіи, Италіи и Франціи, Испаніи и Португаліи и другихъ мелкихъ, далекихъ и чуждыхъ намъ государствъ и земель, лишь кое-какъ, отрывочно и случайно вводимъ въ эти изученія судьбы Чехіи, Польши, Византіи и Южнаго славянства, и почти совсѣмъ забываемъ и устраняемъ изъ нихъ исторію Угріи, старой Австріи, мадьяръ, румынъ и славянъ Карпато-дунайскихъ...

III.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду начертать сколько-нибудь цѣльную и полную картину историческаго прошлаго Карпато-дунайскихъ земель. Для уясненія ихъ значенія въ судьбахъ славянства достаточно будетъ бросить общій взглядъ на это прошлое, отмѣтить и охарактеризовать его главные эпохи и моменты. Этотъ бѣглый критическій взглядъ не можетъ не убѣдить каждаго въ томъ, что установленныя нами особенности природнаго характера, географическаго положенія и этническаго состава этой области и ея отношеній къ прилегающимъ землямъ европейскаго Востока и Запада—создали ей и судьбу исключительную по своей важности и разностороннему значенію въ исторіи славянства и Европы, что и въ историческомъ отношеніи эти земли издревле заняли центральное мѣсто и великую роль въ самыхъ крупныхъ и основныхъ событіяхъ и явленіяхъ политическаго и международнаго, національнаго и религіозно-культурнаго порядка въ греко-славянскомъ мірѣ.

Всматриваясь умственнымъ взоромъ въ эту историческую жизнь, перебирая и оцѣнивая послѣдовательный ходъ смѣнявшихъ другъ друга событій и эпохъ, мы замѣчаемъ нѣсколько крупныхъ, выдѣляющихся періодовъ, на которые вполнѣ естественно распадается историческій путь, пройденный Карпато-дунайскими землями и ихъ народами.

Эти періоды слѣдующіе:

I. Со времени разселенія славянъ (V в.) до конца IX-го и нач. X в., т. е. до водворенія мадьяръ на среднемъ Дунаѣ.

II. Съ начала X до конца XIII в., т. е. до прекращенія народной угорской династіи и образованія подъ бокомъ сильнаго Австро-габсбургскаго ядра.

III. Съ конца XIII или начала XIV в. до 1526 г., т. е. до турецко-габсбургскаго разгрома Угріи, потери ею самостоятельности и раздробленія.

IV. Съ 1526 г. до конца XVII в., т. е. до изгнанія турокъ изъ Венгріи и почти полнаго и окончательнаго поглощенія Угріи— Австро-германской державой.

V. Съ конца XVII в. до послѣднихъ десятилѣтій XIX в. (до 1867 г.), до созданія искусственной системы дуализма, до сильнѣйшаго обострѣнія внутреннихъ австро-венгерскихъ отношеній.

VI. Съ 1867 г. — новѣйшая эпоха дуализма и крайняго осложненія и обострѣнія внутреннихъ народныхъ отношеній, которыя должны привести, повидимому, или къ распаденію Австро-Венгріи или къ созданію въ этой монархіи какой-либо иной государственной системы или группировки.

Вглядимся же поближе въ эти періоды и отмѣтимъ ихъ самыя крупныя опредѣляющія черты, моменты и общій характеръ. Этимъ путемъ, естественно, и должна выясниться историческая роль и значеніе нашей территоріи въ судьбахъ нашего славянскаго міра во всѣ эпохи ея исторіи.

Первый періодъ (VI — IX в.)—это пора еще не сложившихся этническихъ и политическихъ отношеній: опустошительныхъ набѣговъ и временнаго господства кочевыхъ азіатскихъ насильниковъ, послѣдовательныхъ передвиженій и разселенія подъ шумъ этой грозы славянскихъ массъ въ направленіи къ западу и югу, — пора первыхъ попытокъ у славянъ средне-дунайскихъ и окраинныхъ на западѣ къ политической организаціи и объединенію въ видахъ самозащиты и отпора враждебнымъ силамъ, начинающимъ надвигаться съ запада,—наконецъ, пора первыхъ рѣшительныхъ движеній и ударовъ этихъ западныхъ силъ въ лицѣ германства на образующійся въ его сосѣдствѣ міръ славянскій, — первыхъ схватокъ начинавшейся между ними борьбы, въ которую въ исходѣ IX в. вмѣшались новые азіатскіе пришельцы и создали здѣсь новое положеніе и въ этническомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что пока въ другихъ областяхъ, исподволь занимаемыхъ славянами на востокѣ, сѣверѣ и югѣ отъ нашей территоріи, жизнь развивается еще довольно медленно и почти невозмутимо, происходитъ мирная колонизація и приспособленіе къ новымъ условіямъ, установляются болѣе или менѣе миролюбиво modus vivendi и взаимныя отношенія съ тѣмъ населеніемъ и жизненнымъ строемъ, которые уже застаютъ новые поселенцы,—въ это время Карпато-дунайскіе земли, особенно за-

падныя ихъ части, переживаютъ уже цѣлый рядъ важныхъ историческихъ переворотовъ и событій, видятъ у себя первыя усилія и шаги славянства на пути народно-политическаго и національно-культурнаго развитія, первую его враждебную встрѣчу и первые моменты борьбы съ будущими соперниками и поработителями.

Уже въ пору перваго выступленія славянъ на сцену исторіи, въ эти земли вторгаются, располагаются въ нихъ и громятъ отсюда западную и южную Европу полчища азіатовъ, то гунновъ, то аваръ, сыгравшихъ такую важную роль въ первоначальной исторіи славянства. Гунны, освободивъ славянъ отъ готовъ, оттѣснили главныя массы германцевъ изъ Карпато-дунайскихъ областей на западъ, устрашили ихъ своими дикими наѣздами и показали путь славянамъ въ дунайскія и балканскія земли. Авары довершили ихъ дѣло, помогши многочисленнымъ славянскимъ племенамъ среди грозы опустошительныхъ походовъ въ предѣлы Византійской имперіи съ одной стороны и франко-германскихъ владѣній съ другой—наводнить собою средне-дунайскія, восточно-альпійскія и южныя, задунайскія земли (до береговъ Адріатики и за самые Балканы).

VII вѣкъ ознаменовался уже первой попыткой образованія здѣсь, въ крайнихъ западныхъ предѣлахъ славянскаго разселенія, политическаго союза Само, правда, очень недолговѣчнаго, но доказывающаго внушительную численность и силу новыхъ поселенцевъ. Какъ гроза аварская, такъ еще болѣе эта объединительная попытка Само вызвали серіозныя опасенія и сознаніе необходимости энергичнаго отпора въ сосѣднемъ западномъ мірѣ, гдѣ вскорѣ быстрое развитіе франко-германской политической мощи и образованіе монархіи Карла Великаго, а особенно возсозданіе въ союзѣ съ папствомъ новой Священной римской имперіи и церковный расколъ породили широкіе завоевательные, религіозныя и культурные замыслы, а тѣмъ самымъ и рѣшительное наступательное движеніе на Востокъ, на возникающій новый славянскій міръ, котораго естественное сближеніе и сродненіе съ старой, но еще полной жизни, какъ-бы упраздняемой теперь Западомъ Восточной имперіей и съ ея церковью являлось чѣмъ-то предопредѣленнымъ и неотвратимымъ, и должно было предусматриваться и предчувствоваться въ Европѣ.

Сближеніе это было обоюдное, основанное на общихъ интересахъ. Византія, идя ему навстрѣчу (еще во время грозы аварской), надѣялась почерпнуть въ новыхъ полезныхъ поселенцахъ новыя силы и не ошиблась... Славяне, частью вторгнувшіеся, частью привлеченные въ ея государственные предѣлы, естественно вошли въ ея культурную сферу и потянули за собой другихъ. И

въ этомъ процессѣ культурнаго срастанія двухъ національныхъ стихій и образованія греко-славянскаго культурно-историческаго цѣлаго на долю Дунайскихъ земель досталась первая роль, ибо именно здѣсь совершились въ IX вѣкѣ событія не только все-славянскаго, но, можно сказать, мірового значенія: новая замѣчательная попытка политическаго объединенія славянъ—Великоморавскій политическій союзъ — ознаменовалась достопамятною, безконечно-плодотворною дѣятельностью славянскихъ апостоловъ въ Паннонiи и Моравіи. Здѣсь полагалось начало народной церкви и національно-славянской христіанской образованности, созидались основы и опредѣлялись характеръ и направленіе всей будущности, всего послѣдующаго историческаго развитія славянства, его міровая роль и отношенія къ романо-германской Европѣ, къ Западу и къ азіатскому Вопросу. Христіанизація народныхъ массъ и ихъ быта, обращеніе къ греческой церкви, насажденіе церковно-славянской письменности и образованности на славянскомъ югѣ, у болгаръ и сербовъ, и на востокѣ—у русскихъ, а частично и у другихъ западныхъ славянъ было лишь продолженіемъ того дѣла, которое было заложено Кирилломъ и Меѳодіемъ и могло, къ сожалѣнію, лишь очень не долго продержаться въ средне-дунайскихъ земляхъ. Отсюда, изъ Великой Моравіи потекли обильныя струи славянской церковной письменности и обрядности, общаго церковнаго языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и національнаго самосознанія по всѣмъ направленіямъ—въ соплеменныя страны: на сѣверъ—къ полякамъ, на западъ—къ чехамъ, на югъ—къ словенцамъ, сербо-хорватамъ и болгарамъ (сюда непосредственно черезъ изгнанныхъ учениковъ Меѳодія) и, наконецъ, на востокъ—на Русь, гдѣ они прочно пустили корни особенно съ этого времени, если даже и относить первое насажденіе христіанства и славянской письменности у русскихъ славянскими апостолами—еще къ эпохѣ „хазарской“ ихъ миссіи, т. е. ко времени *до* ихъ проповѣди на Дунаѣ[1]).

Но этотъ первый подъёмъ духовныхъ силъ славянства, обѣщавшій самостоятельное развитіе политическое и культурное, отнюдь не былъ въ видахъ западныхъ сосѣдей, франко-германской державы и римской церкви, и здѣсь же на Дунаѣ молодому насажденію славянскихъ апостоловъ и моравскихъ князей привелось испытать и первые разрушительные удары превосходившихъ ихъ враждебныхъ силъ и уступить ихъ стремительному напору. Паденіе Велико-моравскаго политическаго союза и разрушеніе нѣмецкой интригой кирилло-меѳодіевскаго дѣла въ Паннонiи и Моравіи

[1]) Какъ это остроумно и убѣдительно стремится доказать въ своемъ новомъ интересномъ изслѣдованіи В. И. Ламанскій, см. „Славянское житье св. Кирилла — etc“. Журн. М. Нар. Пр. 1903—4 гг.

Быть можетъ, ославяненіе мадьяръ, котораго не избѣгла въ извѣстной мѣрѣ и династія Арпадовичей, благодаря славянскимъ родственнымъ узамъ, было бы еще рѣшительнѣе, еслибъ въ Угрію въ слѣдующіе за поселеніемъ ихъ вѣка (XI, XII, XIII вв.) не приливали съ востока въ такомъ количествѣ родственные по тюркской крови элементы въ лицѣ печенѣговъ, узовъ, особенно половцевъ (куманъ) и, наконецъ, даже татаръ, подкрѣпившихъ ея азіятскую, т. е. мадьярскую стихію. Тому же, т. е. сохраненію мадьярами своей народности, могли способствовать и другія культурныя условія созданныя дѣятельнымъ вліяніемъ Запада. Такова роль римской церкви, латинства и вошедшаго въ употребленіе въ государственную сферу и оффиціальныя отношенія латинскаго языка. Какъ языкъ нейтральный, устранявшій поводы къ племенному соперничеству и антагонизму и способствовавшій государственному единству и общей равноправности, латынь, несомнѣнно, сослужила свою службу, но невозможно отрицать того, что она въ то же время чрезвычайно содѣйствовала, въ качествѣ сильнаго орудія мысли и духа, укрѣпленію въ Угріи западныхъ германо-романскихъ вліяній и римской церкви. Въ этомъ смыслѣ для самобытности Угріи ея роль—отрицательная.

Исторія первыхъ вѣковъ существованія Угорской державы отражаетъ тотъ внутренній разладъ, ту упорную борьбу, которая завязалась здѣсь между встрѣтившимися противными, другъ друга исключающими и враждебными теченіями и стремленіями какъ въ области народно-бытовой и политической, такъ и въ сферѣ религіозно-культурной. Въ этотъ періодъ традиціонныя связи Угріи съ восточно-славянскимъ и греко-христіанскимъ міромъ и извѣстныя тяготѣнія къ нему еще замѣтны и сказываются въ рядѣ явленій и отношеній внутренней и внѣшней политики и церкви. Вспомнимъ энергическую защиту независимости и самобытности Угріи противъ политическихъ притязаній Запада во 2-ой половинѣ XI и началѣ XII вѣка, особенно при сильныхъ ея государяхъ (Ладиславѣ Св. и Коломанѣ), враждебное отношеніе угорскаго населенія и государей къ крестоноснымъ движеніямъ, частыя сближенія, сношенія и союзы (династическіе и политическіе) съ сосѣдними славянскими государствами, причемъ тутъ особенно важны связи съ южными славянами, съ кіевскою и галицкою Русью, наконецъ, явные признаки продолжающихся еще прочныхъ связей съ восточной церковью и живучести самимъ народомъ охраняемой „старой вѣры“.

Но самое образованіе на среднемъ Дунаѣ сильнаго государства, объединившаго Карпато-дунайское славянство съ новымъ, Европѣ чуждымъ племенемъ и явившагося продолженіемъ Великоморавской объединительной попытки, могшаго стать крѣпкимъ

въ этотъ критическій моментъ передъ германскимъ фронтомъ въ равнинѣ средне-дунайской.

Погромъ *мадьярскій* въ исходѣ IX в., водвореніе здѣсь этого потуреченнаго и одичалаго финскаго (или собственно угорскаго) пріуральскаго племени, его полвѣка длившіеся грозные и хищническіе наѣзды и опустошенія западныхъ и, прежде всего, германскихъ земель и образованіе имъ въ X в. Угорской державы произвели рѣшительный переворотъ на среднемъ Дунаѣ, измѣнили соотношеніе силъ въ происходившей неравной борьбѣ, положили на время предѣлъ и задержали наступательное движеніе романо-германскаго міра въ эту сторону и направили на новый историческій путь Карпато-дунайскую область и славянство какъ бывшей В. Моравіи, такъ и сосѣднее, съ нимъ связанное.

Таково великое значеніе въ судьбахъ греко-славянскаго міра крупныхъ событій, разыгравшихся на Дунаѣ въ исходѣ IX и началѣ X вѣка и открывшихъ для этихъ странъ новую историческую эпоху.

IV.

Исторія Дунайскихъ земель съ начала X в. по конецъ XIII в. есть періодъ сложенія и своеобразнаго устроенія и развитія Угріи, этой новой славяно-мадьярской державы подъ народной династіей, на основѣ естественнаго сближенія и взаимныхъ интересовъ племенъ, въ теченіе котораго она, постепенно расширяя свои границы, вліяніе и притязанія и входя въ политическую сферу сосѣднихъ западно-славянскихъ державъ и народовъ, еще, правда, не порывала вполнѣ первоначальныхъ унаслѣдованныхъ отъ кирилло-меѳодіевской эпохи связей съ восточнымъ греко-славянскимъ міромъ, но неудержимо подпадала вліянію западныхъ политическихъ и культурныхъ факторовъ, при возобновившемся очень скоро наступленіи римской церкви и германо-имперской силы, цѣлямъ которыхъ ее хотѣли принудить служить на востокѣ. Серединное положеніе Угріи на границахъ и соприкосновеніи столь противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу міровъ налагаетъ характеръ какой-то двойственности, разлада, измѣнчивости и шаткости на исторію ея внутренней и внѣшней жизни и отношеній. Дѣятельная, въ нѣкоторомъ смыслѣ культурно-руководящая роль славянскаго элемента въ Угріи обусловливалась не только его численностью и культурнымъ превосходствомъ, но и даннымъ ей въ самомъ началѣ автономнымъ (жупнымъ и градскимъ) устройствомъ на славянскихъ бытовыхъ основаніяхъ, связаннымъ съ племенною равноправностью (и получившимъ впослѣдствіи еще бóльшее развитіе въ либеральномъ духѣ).

Быть можетъ, ославяненіе мадьяръ, котораго не избѣгла въ извѣстной мѣрѣ и династія Арпадовичей, благодаря славянскимъ родственнымъ узамъ, было бы еще рѣшительнѣе, еслибъ въ Угрію въ слѣдующіе за поселеніемъ ихъ вѣка (XI, XII, XIII вв.) не приливали съ востока въ такомъ количествѣ родственные по тюркской крови элементы въ лицѣ печенѣговъ, узовъ, особенно половцевъ (куманъ) и, наконецъ, даже татаръ, подкрѣпившихъ ея азіятскую, т. е. мадьярскую стихію. Тому же, т. е. сохраненію мадьярами своей народности, могли способствовать и другія культурныя условія созданныя дѣятельнымъ вліяніемъ Запада. Такова роль римской церкви, латинства и вошедшаго въ употребленіе въ государственную сферу и оффиціальныя отношенія латинскаго языка. Какъ языкъ нейтральный, устранявшій поводы къ племенному соперничеству и антагонизму и способствовавшій государственному единству и общей равноправности, латынь, несомнѣнно, сослужила свою службу, но невозможно отрицать того, что она въ то же время чрезвычайно содѣйствовала, въ качествѣ сильнаго орудія мысли и духа, укрѣпленію въ Угріи западныхъ германо-романскихъ вліяній и римской церкви. Въ этомъ смыслѣ для самобытности Угріи ея роль—отрицательная.

Исторія первыхъ вѣковъ существованія Угорской державы отражаетъ тотъ внутренній разладъ, ту упорную борьбу, которая завязалась здѣсь между встрѣтившимися противными, другъ друга исключающими и враждебными теченіями и стремленіями какъ въ области народно-бытовой и политической, такъ и въ сферѣ религіозно-культурной. Въ этотъ періодъ традиціонныя связи Угріи съ восточно-славянскимъ и греко-христіанскимъ міромъ и извѣстныя тяготѣнія къ нему еще замѣтны и сказываются въ рядѣ явленій и отношеній внутренней и внѣшней политики и церкви. Вспомнимъ энергическую защиту независимости и самобытности Угріи противъ политическихъ притязаній Запада во 2-ой половинѣ XI и началѣ XII вѣка, особенно при сильныхъ ея государяхъ (Ладиславѣ Св. и Коломанѣ), враждебное отношеніе угорскаго населенія и государей къ крестоноснымъ движеніямъ, частыя сближенія, сношенія и союзы (династическіе и политическіе) съ сосѣдними славянскими государствами, причемъ тутъ особенно важны связи съ южными славянами, съ кіевскою и галицкою Русью, наконецъ, явные признаки продолжающихся еще прочныхъ связей съ восточной церковью и живучести самимъ народомъ охраняемой „старой вѣры“.

Но самое образованіе на среднемъ Дунаѣ сильнаго государства, объединившаго Карпато-дунайское славянство съ новымъ, Европѣ чуждымъ племенемъ и явившагося продолженіемъ Велико-моравской объединительной попытки, могшаго стать крѣпкимъ

звеномъ, связующимъ славянскій западъ съ югомъ и востокомъ, противорѣчило, задачамъ и стремленіямъ латино-германскаго міра, которыхъ осуществленіе было этимъ временно затруднено и задержано.

Однакожъ, благопріятныя условія для успѣшнаго наступленія послѣдняго еще существовали. Результаты тѣхъ успѣховъ, которые были достигнуты здѣсь германствомъ и Римомъ до погрома мадьярскаго, должны были сказаться очень скоро. Со вступленіемъ жизни Угорской державы и ея народовъ въ спокойное русло, прерванная воинственная дѣятельность германизма и римской церкви возобновилась съ удвоенной силой, и тѣ могущественныя культурныя вліянія, которымъ подпали западныя вѣтви славянства при самомъ своемъ поселеніи въ земляхъ дунае-альпійскихъ и чешскихъ и съ которыми пришлось уже считаться и дѣйствовавшимъ въ Панноніи и Моравіи славянскимъ апостоламъ, съ прежней энергіей вступили въ свою роль.

Уже въ нач. XI в., а особенно послѣ Стефана Св., Римъ одержалъ въ Угріи рѣшительную, хотя на первыхъ порахъ и болѣе внѣшнюю побѣду. Этого было достаточно для успѣха его дальнѣйшихъ завоеваній. Широкій приливъ культурныхъ воздѣйствій—путемъ латинизаціи—былъ обезпеченъ. Одновременно начались и упорно продолжались попытки германской имперской силы къ политическому вмѣшательству въ дѣла Угріи, къ территоріальнымъ захватамъ и даже къ привлеченію Угріи въ ленную зависимость,—попытки, встрѣтившія однако энергическій отпоръ со стороны лучшихъ и сильнѣйшихъ угорскихъ государей. Но усиленіе или ослабленіе натиска западныхъ сосѣдей на дунайскія земли зависѣли не только отъ различной силы оказываемаго ему сопротивленія, но не менѣе и отъ внутренняго политическаго и международнаго положенія германскаго міра, слагавшихся въ немъ самомъ отношеній и движеній, и отвлеченія его вниманія и силъ въ иныя стороны. Силу его напора на Угрію и славянъ дунайскихъ (а также на Чехію) не могли не ослаблять такія явленія и задачи, какъ итальянскія политика и предпріятія германскихъ государей, борьба съ папствомъ, т. е. явный разладъ между факторами, исторически связанными и въ отношеніи къ Востоку единодушными, затѣмъ упорное и систематическое, поглощавшее много силъ крестовое завоевательное движеніе на сѣверо-востокъ противъ славянства полабскаго и балтійскаго, пруссовъ и далѣе — подъ предлогомъ распространенія христіанства, но съ цѣлями политическими и германизаціонными, увѣнчавшимися въ XIII вѣкѣ важными успѣхами.

Но рядомъ съ этимъ совершалось и другое явленіе, знаме-

пующее то же самое стихійное движеніе Европы на востокъ и не могшее не отозваться особенно чувствительно на Угріи, лежавшей на пути послѣдняго. Это были грандіозные крестовые походы западныхъ народовъ и князей въ Палестину съ конечной цѣлью освобожденія Гроба Господня отъ невѣрныхъ, но неизмѣнно по существу своему связанные съ враждебно-агрессивными планами и дѣйствіями противъ Византійской имперіи и восточныхъ христіанъ (съ конца XI по XIII вѣкъ). Это крестовое движеніе, встрѣчавшее по большей части подозрительное, недовѣрчивое и непріязненное къ себѣ отношеніе въ Угріи, особенно въ народныхъ массахъ, оказало тѣмъ не менѣе значительное вліяніе на скрѣпленіе новыхъ политическихъ сношеній и связей съ Западомъ, выразившихся, напр., въ XII вѣкѣ (при королѣ Гейзѣ II) въ присоединеніи Угріи къ западной норманно-французской коалиціи противъ неожиданнаго союза двухъ имперій (Византійской и Германской), грозившихъ съ двухъ сторонъ ея независимости. Какъ западные сосѣди, такъ и усилившаяся при Комнинахъ Византія пользовались для своихъ цѣлей каждой внутренней смутой въ Угріи и слабостью ея правителей. Наступательная политика и широкіе замыслы Комниновъ, особенно императора Мануила, не только относительно Италіи, но и среднедунайскихъ земель, т. е. Угріи, не могли содѣйствовать послѣдней въ отстаиваніи ею политической и культурной самобытности, а скорѣе, напротивъ, принуждали ее искать опоры на другой сторонѣ, а тутъ и являлись съ своими услугами, съ политической и иной поддержкой западные сосѣди и римская церковь, находившіе всегда усердныхъ друзей и приверженцевъ въ самой Угріи (гдѣ всегда боролись противныя теченія и партіи). Такъ послѣдняя невольно поддавалась постепенно преобладающему вліянію западно-европейскихъ стремленій и началъ.

Въ связи съ этимъ опредѣлялись и выяснялись роль и отношенія Угріи къ окружающему ее міру славянскому, съ которымъ она была такъ связана всѣмъ своимъ бытіемъ. Въ этомъ смыслѣ занимающая насъ эпоха Арпадовичей имѣетъ очень важное значеніе. Благодаря своему центральному положенію и численно превосходящей стихіи славянской, Угрія естественно стала втягиваться въ дѣла и интересы сосѣднихъ славянскихъ политическихъ организмовъ. Послѣдніе переживали въ XI—XIII вв. время переходное въ своемъ развитіи, время преобразованія своего стараго (еще языческаго) общественнаго быта, періодъ попытокъ болѣе прочнаго государственнаго сложенія и политическаго объединенія, впрочемъ, вообще еще мало успѣшныхъ вслѣдствіе съ одной стороны медленнаго политическаго и культурнаго развитія и усвоенія новыхъ христіанскихъ началъ и государственности, а съ другой—племен-

ной раздробленности, соперничества и преобладанія центробѣжныхъ стремленій при еще слабомъ національномъ самосознаніи, наконецъ и вслѣдствіе господства удѣльной неурядицы, отсутствія вполнѣ сложившихся правовыхъ нормъ и неустановившагося порядка или принципа престолонаслѣдія. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, въ этихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ организмахъ (именно Чехіи и Польшѣ) успѣли въ эту пору такъ внѣдриться и такъ наложить на нихъ свой рѣзкій отпечатокъ сосѣднее германство и римская церковь, что этотъ слагавшійся западно-славянскій государственно-бытовой и культурный типъ (впрочемъ, видоизмѣняющійся у чеховъ и поляковъ) уже тогда рѣшительно и глубоко обособляется отъ прочаго, самобытнаго и своеобразнаго во всѣхъ отношеніяхъ, восточнаго и южнаго славянства. Угрія, хотя и не прекращала съ этимъ православнымъ славянствомъ тѣсныхъ связей, однако, по историческимъ условіямъ не могла удержать культурнаго и бытового съ нимъ единства и, сохраняя въ извѣстной мѣрѣ свою исконную своеобразность, невольно пріобрѣтала черты значительно объевропеившагося государственно-бытового строя западно-славянскихъ державъ, которыя временами не только тѣсно съ нею сближались, но и искали объединиться, и, въ свою очередь, становилась даже проводникомъ этихъ бытовыхъ вліяній на славянскомъ югѣ.

Разнородные славянскіе элементы Угріи, а также и румынскій, тяготѣя къ сосѣднимъ соплеменнымъ народамъ и землямъ,— благодаря своей роли въ ея государственной жизни, естественно возбуждали въ ней политическія стремленія не только къ расширенію сферы своего вліянія, но и къ присоединенію смежныхъ славянскихъ и румынскихъ областей, и эти притязанія достигали во многихъ случаяхъ то прочнаго (какъ въ Трансильваніи, Спишѣ, Хорватіи и Славоніи), то временнаго осуществленія (напр., въ Далмаціи, Боснѣ, Срѣмѣ, дунайской или Виддинской Болгаріи, Валахіи и Молдавіи, Галичѣ, части Моравіи и пр.) и послужили причиной включенія въ титулъ угорскихъ королей ряда названій сосѣднихъ земель, такъ называемыхъ по венгерскому государственному праву „partes adnexae“ (Галиціи, Куманіи т. е. Румыніи, Болгаріи, Сербіи, Босніи, Далмаціи, etc). Интересно, что по мѣрѣ усиленія въ Угріи латино-германскаго вліянія такія притязанія Угріи поощрялись и даже поддерживались на Западѣ, особенно со стороны папства, видѣвшаго въ дунайской державѣ удобное орудіе для своихъ цѣлей пропаганды римской церкви и латинства на славянскомъ югѣ и востокѣ.

Въ частности къ XI—XII вв. относится въ исторіи Угріи рядъ интересныхъ событій и эпизодовъ изъ разнородныхъ спо-

шеній и связей, союзовъ и столкновеній этой державы какъ съ Восточной имперіей, такъ и съ сосѣдними славянскими государствами и княжествами: Чехіей, Польшей, Галицкою и Кіевскою Русью, Южнымъ славянствомъ, которому она помогала въ достиженіи политической независимости, наконецъ, Далмаціей и Венеціей. Однакожъ, останавливаться на нихъ подробнѣе мы здѣсь не можемъ. Отмѣтимъ лишь общее наблюдаемое явленіе, что сближеніе и связи Угріи съ западными славянскими державами и народами (Чехіей и Польшей), находившимися съ самаго начала въ сферѣ культурныхъ воздѣйствій, политики, общественной и церковной жизни западнаго, германскаго міра, должны были мощно и постепенно способствовать вовлеченію и Угріи въ эти объятія Рима и германизма, чему лишь въ слабой мѣрѣ могли противодѣйствовать болѣе пассивныя и случайныя и менѣе постоянныя ея сближенія съ восточными и южными сосѣдями.

XIII вѣкъ ознаменовался въ исторіи взаимныхъ отношеній греко-славянскаго міра къ романо-германскому Западу и къ азіатскому Востоку величайшими событіями, оказавшими существенное вліяніе на судьбу Европы вообще и славянства въ частности,—и въ нихъ опять Карпато-дунайскимъ землямъ выпала на долю видная роль.

Движеніе латино-германской Европы на юго-востокъ подъ знаменемъ креста, но съ мечомъ въ рукѣ, увѣнчалось къ тому времени крупнымъ успѣхомъ въ своей ближайшей цѣли: 4-ый крестовый походъ завершился основаніемъ „Латинской имперіи" въ Константинополѣ (1204), имѣвшимъ своимъ главнымъ результатомъ—наводненіе Балканскаго полуострова, т. е. всѣхъ владѣній Византіи западно-европейскими (латинскими) и венеціанскими колоніями и предпріятіями, ослабленіе авторитета и вліянія Восточной церкви и, наконецъ, подрывъ силы, значенія и престижа Восточной императорской власти, вмѣстѣ съ возникновеніемъ внутреннихъ смутъ и партійной борьбы, что̀ все вмѣстѣ несомнѣнно подготовило будущіе успѣхи турокъ-османовъ въ XIV—XV вв.

Правда, тѣ же событія помогли усиленію и политическому подъёму на счетъ изнемогавшей Византіи Южному славянству, но въ то же время для послѣдняго представляли серьёзную угрозу какъ расцвѣтъ и политическіе успѣхи дѣятельной, властолюбивой и пронырливой Венеціи, такъ и постепенное рѣшительное торжество въ сосѣдней дунайской державѣ интересовъ латинства и германизма, старающихся навязать ей соотвѣтственную служебную своимъ цѣлямъ миссію—особенно относительно Балканскаго полуострова.

Въ то же время германскій міръ упорно и послѣдовательно

продолжалъ свое завоевательное движеніе и на сѣверо-востокъ: окончательно порабощалъ и усиленно германизовалъ полабскихъ и балтійскихъ славянъ и предпринималъ крестовые походы противъ языческаго населенія земель польскихъ, прусской и ливонской, основывая на этихъ отдаленныхъ окраинахъ воинственные ордена (Тевтонскій и Меченосцевъ), которые пріобрѣли особенную силу и политическое значеніе, соединившись для дружнаго дѣйствія въ 1237 году. Враждующіе между собой и разрозненные сѣверозападные и западные славяне (въ Польскомъ и Чешскомъ государствахъ) не только не оказывали единодушнаго и стойкаго сопротивленія этому нѣмецкому напору, но напротивъ, своей близорукой, перемѣнчивой политикой, соперничествомъ, угодничествомъ передъ Римомъ и папствомъ, нерѣдкими измѣнами прямымъ и явнымъ славянскимъ интересамъ помогали нѣмцамъ въ ихъ задачахъ. А пока эта неравная борьба разыгрывалась на западѣ, съ востока надвигалась на славянскій міръ другая страшная гроза...

Столь губительный для населенія и жизни восточной Европы *татарскій* погромъ, всей своей тяжестью и бѣдствіями обрушившійся на восточное (русское) славянство, на долго крѣпко связалъ ему руки, парализовалъ его силы и лишилъ западныхъ его соплеменниковъ могущественной нравственной и матеріальной опоры, значительно облегчивъ такимъ образомъ Западу достиженіе его цѣлей въ средней Европѣ.

Но татарская гроза захватила, хотя впрочемъ и мимолетно, также и эту послѣднюю, и тутъ опять наиболѣе пострадавшими оказались Дунайскія земли и именно Угрія (въ 1240-хъ гг.). Изъ тяжкихъ бѣдствій этого разгрома Угрія вышла возстановленною и снова сильною, благодаря государственной дѣятельности выдающагося правителя (кор. Бѣлы IV). Устрашивъ западную Европу и тѣмъ временно задержавъ наступавшія германскія волны, татарское нашествіе вызвало для Угріи еще внутреннее немаловажное событіе: переселеніе съ нижняго Дуная и поселеніе въ ея предѣлахъ массы половцевъ или куманъ (до 40.000 сем.), значительно подкрѣпившихъ собою азіатскую (т. е. мадьярскую) стихію въ государствѣ.

Къ концу XIII вѣка на западныхъ границахъ Угріи совершились событія, которымъ суждено было выдвинуть и упрочить развитіе новаго сильнаго фактора на среднемъ Дунаѣ, ставшаго съ той поры главной угрозой не только для благополучія и роста, но и для самаго существованія Угріи. Мы разумѣемъ, конечно, зерно будущей *Австріи*. Угрія сдѣлала тогда непоправимую и роковую, съ точки зрѣнія ея собственнаго блага и славянства, ошибку. Вмѣсто того, чтобы поддержать усиливавшуюся (при

Оттокарахъ и Вацлавахъ) Чехію, начинавшую сознавать важность объединенія западнаго славянства и удачно распространившую (при Оттокарѣ II) свое господство къ югу на счетъ Австрійскаго герцогства и сосѣднихъ славянскихъ областей Штиріи, Карантаніи и Крайны, она помогла противъ этой славянской державы пріобрѣтавшему все болѣе значенія въ смыслѣ германскаго завоевательнаго форпоста Австрійскому герцогству, выросшему на мѣстѣ Восточной марки и позднѣйшихъ владѣній Бабенберговъ, а именно знаменитому его вождю, Рудольфу Габсбургскому, сумѣвшему стать во главѣ Германской имперіи, этому истинному основателю будущей Австріи и Габсбургскаго могущества. Послѣдній съ помощью Угріи не только осилилъ Чехію и Оттокара II и отнялъ у него всѣ южныя области (Штирію, Каринтію и Крайну), ставшія съ тѣхъ поръ наслѣдственнымъ Габсбургскимъ владѣніемъ, но и готовъ былъ предъявить и поддерживать притязанія на самую Угрію (какъ и на Чехію). Такимъ образомъ, Угрія своими руками способствовала созданію у себя подъ бокомъ сильнаго и ей враждебнаго германскаго политическаго ядра на Дунаѣ, изъ котораго постепенно выросло—на ея гибель—габсбурго-австрійское могущество. Этимъ не только была чрезвычайно ослаблена и Чехія и все вообще западное славянство, но создались на среднемъ Дунаѣ совершенно новыя политическія условія и нарушилось равновѣсіе силъ, конечно, въ ущербъ Угріи, гдѣ къ тому же къ концу того же вѣка прекратилась народная династія Арпадовичей и такимъ образомъ утраченъ былъ важный факторъ сплоченности и единства государства.

V.

Но сломить Угрію удалось не такъ еще скоро, и притомъ не иначе, какъ при содѣйствіи многихъ условій. Съ начала XIV вѣка она вступаетъ въ новый историческій періодъ: этотъ второй и вмѣстѣ послѣдній періодъ ея государственной самостоятельности (до 1526) подъ управленіемъ различныхъ, смѣнявшихъ другъ друга, большею частью чужеземныхъ династій (Премысловичей, Анжуйцевъ, Люксембурговъ, Гуніадовъ и Ягеллоновъ)— представляетъ апогей ея мощи и роста, расширенія ея политической роли и вліянія, когда она вступила рѣшительно въ русло политики и отношеній западно-славянскихъ державъ (Чехіи и Польши) и увлекалась съ одной стороны стремленіемъ осуществить давнія, на своемъ „историческомъ правѣ“ и на взаимномъ тяготѣніи земель и народовъ основанныя притязанія на задунайскія области, а съ другой—объединительными для всего западнаго славянства попытками. Такимъ образомъ, она сыграла свою роль въ

общемъ политическомъ подъёмѣ западнаго славянства и энергическомъ отраженіи напора германской волны, характеризующихъ XV вѣкъ, что, однакожъ, не избавило ее отъ роковой участи въ концѣ концовъ запутаться въ разставленныхъ ей австро-германскимъ сосѣдомъ сѣтяхъ и стать вскорѣ добычей частью его, частью стремившихся сюда изъ-за Дуная турокъ. Такимъ образомъ здѣсь, въ Угріи —европейскій Западъ снова столкнулся съ надвигавшимся на него азіатскимъ Востокомъ, и народы Угріи должны были бороться съ турками, защищая главнѣйше интересы западной (католической) Европы, и прежде всего германскаго міра.

XIV вѣкъ, начавшійся для Угріи эпохой нѣкоторой внутренней смуты и разлада вслѣдствіе утраты объединяющаго фактора—старой династіи и вслѣдствіе проявившихся тяготѣній племенныхъ группъ къ внѣшнимъ соплеменнымъ политическимъ организмамъ послѣ неудачной объединительной попытки со стороны Чехіи (послѣдніе Премысловичи, Вацлавы II и III) и упроченія, наконецъ на престолѣ родственной Арпадовичамъ итальянизированной французской династіи Анжуйской, снова сплотившей государство, далъ Угріи сильнаго и замѣчательнаго правителя въ лицѣ Людовика Великаго (1342—1382). Этотъ способный и могущественный государь, полуславянинъ (сынъ польки) [1]), развернулъ широкую и смѣлую политическую дѣятельность въ смыслѣ осуществленія пресловутыхъ „историческихъ“ правъ короны, т. е. собиранія и объединенія около Угріи, какъ центральнаго ядра, не только примыкавшихъ къ ней западно-славянскихъ, но и южныхъ и отчасти даже восточныхъ областей.

Присоединивъ Галицкую Русь, распространивъ свое господство въ Молдавію и Валахію („Куманію“ т. е. Румынію), въ Бдынскую Болгарію и Далмацію, утвердивъ свое вліяніе въ Сербіи и Босніи, наконецъ, получивъ по родственнымъ узамъ и польскую корону, Людовикъ поднялъ Угрію на небывалую высоту большой славянской державы и расширилъ такъ ея предѣлы, что она простиралясь чуть-ли не отъ Балканъ до Балтійскаго моря и отъ Чернаго до Адріатики. Къ сожалѣнію, этотъ политическій разцвѣтъ и размахъ Угріи, заставившій притихнуть и властолюбиваго западнаго сосѣда, не былъ продолжителенъ, такъ какъ со смертью Людовика обстоятельства измѣнились, и преемникъ его (Сигизмундъ) былъ слабъ и шелъ совсѣмъ по другому пути; но знаменательно то, что съ этимъ подъёмомъ мощи и славянской роли угорской державы приблизительно совпадаетъ такой же по-

---

[1]) Сынъ Карла Роберта отъ брака съ дочерью Владислава Локотка польскаго, Елизаветой.

степенный подъёмъ славянскихъ силъ и самосознанія повсюду и энергическій, стремительный отпоръ насиліямъ и захватамъ враговъ какъ на западѣ, такъ и на югѣ и на востокѣ, къ сожалѣнію, сопровождавшійся кое-гдѣ и междуславянскимъ соперничествомъ, взаимною распрею и усиленіемъ однихъ славянъ на счетъ другихъ.

Въ это время (около середины XIV в.) Польша вступаетъ въ періодъ своего государственнаго разрастанія и крупной исторической (какъ политической, такъ и культурной) роли, отторгая сперва отъ Руси Галичъ, а затѣмъ—связывая свою судьбу съ Литвой. Чехія, хотя и вовлеченная въ государственную систему и политическій міръ имперіи нѣмецкой націи и ставшая даже въ центрѣ его и въ господствующей роли при Люксембургахъ, не только быстро идетъ впередъ во внѣшнемъ могуществѣ, внутреннемъ благосостояніи и культурѣ (Карлъ I (IV), но—что еще важнѣе—дѣлаетъ значительные успѣхи въ смыслѣ національнаго развитія и самосознанія, въ духовной самобытности и религіозной эмансипаціи (начатки гусситства). Къ сожалѣнію, въ то же время она роковымъ образомъ связываетъ себя договорными отношеніями съ австрійскими Габсбургами, на чемъ послѣдніе основываютъ впослѣдствіи свои притязанія. Недостатокъ дальновидности, широкаго и яснаго славянскаго сознанія и политическаго смысла проявляется также и въ отношеніяхъ ея на сѣверо-востокѣ, къ нѣмецкимъ орденамъ и Польшѣ. Одновременно Южное славянство, пользуясь упадкомъ и безсиліемъ Восточной имперіи, сперва ослабленной и униженной Латинской имперіей и хозяйничаньемъ западной, романской Европы, а теперь серіозно угрожаемой новымъ азіатскимъ насильникомъ (турками-османами), поднимается, и достигая хотя и на краткій мигъ апогея своей силы и своего роста (Сербія при Стеф. Душанѣ), необдуманно стремится, впрочемъ вполнѣ безнадежно, одолѣть Византію и стать на ея мѣсто; ему однакожъ пришлось первому подвергнуться жестокимъ ударамъ надвигающагося на Европу новаго восточнаго врага.

Наконецъ, на славянскомъ востокѣ Русь начинаетъ рѣшительно освобождаться отъ татарскаго ига, и Москва настойчиво работаетъ надъ великимъ дѣломъ собиранія и объединенія русскихъ земель, дѣломъ, которое велось тихо, но обдуманно и твердо, и которому предстояло мощное развитіе и успѣхъ.

Между тѣмъ успѣхи и прочное водвореніе турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, обусловленные цѣлымъ рядомъ причинъ, особенно же внутреннимъ безсиліемъ, распатанностью и отсутствіемъ единенія тамошнихъ христіанскихъ народовъ и государствъ, становились къ концу XIV в., угрозой и для сосѣдней Угріи, куда

новые завоеватели начали уже простирать свои жадныя взоры. Важное центральное географическое положеніе Дунайскихъ земель опять должно было сказаться во всей силѣ. Какъ турки явились сильнымъ факторомъ въ исторической судьбѣ этихъ земель, такъ и послѣднимъ, т. е. именно Угріи выпала на долю первостепенная роль въ исторіи турецкаго погрома—относительно и славянства и Европы вообще.

Съ точки зрѣнія исторической борьбы двухъ міровъ Европы нельзя не видѣть извѣстной аналогіи между погромомъ турецкимъ и прежними азіатскими нашествіями: какъ эти (напр., аварское, мадьярское, печенѣжское etc.), такъ и турецкое имѣли для славянства и его судебъ и отрицательное и положительное значеніе. Это въ частности подтверждается и на Угріи. Поработивъ южное славянство, турки принесли съ собою въ слѣдующіе вѣка не мало бѣдствій и разоренія и для славянъ угорскихъ, но въ то же время, какъ страшная, враждебная всему христіанству сила, угрожавшая обрушиться на западную Европу, они могли стать опорой и союзникомъ для того славянскаго Востока, на который имѣлъ притязанія германскій міръ.

Такимъ образомъ послѣдній, ставя теперь своей главной задачей борьбу съ новымъ опаснѣйшимъ врагомъ, сталъ видѣть въ Угорской державѣ и ея народахъ желанный оплотъ и защиту отъ него для всего Запада, и слѣдовательно, этотъ грозный и бѣдственный для юго-восточной Европы погромъ силою вещей долженъ былъ задержать завоевательный напоръ германства и папскаго Рима въ этомъ направленіи. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго момента, до новаго поворота въ соотношеніи рѣшающихъ факторовъ и условій. Вѣдь не случайно же тотъ процессъ подъёма и роста славянства на сѣверо-западѣ, развитія его духовныхъ силъ и національнаго самосознанія, который замѣчается уже въ XIV вѣкѣ, не только не ослабѣлъ въ слѣдующемъ періодѣ, т. е. въ эпоху наступленія и завоеваній турокъ, но, напротивъ, именно въ первой половинѣ XV в. достигъ наибольшаго напряженія, выразившись въ рядѣ величайшихъ и знаменательнѣйшихъ событій и явленій славянской исторіи. Національная и религіозная борьба съ германствомъ и Римомъ въ Чехіи, героическія войны гусситскія, въ которыхъ приняло участіе и остальное западное славянство, отчаянная борьба Польши въ соединеніи съ Литвой (при участіи чеховъ и русскихъ и даже татаръ) съ нѣмецкими рыцарями, съ тевтонскимъ орденомъ, знаменитая, роковая для послѣднихъ, битва Грюнвальденская (1410), дальнѣйшіе успѣхи Польши (при Казимірѣ IV),— все это свидѣтельствуетъ о томъ, что вѣковой

натискъ и притязанія Запада встрѣтили въ это время серіозный отпоръ въ поднимавшемся и замѣтно стремившемся къ объединенію, по крайней мѣрѣ духовному, славянскомъ мірѣ и уже не могли разсчитывать на прежніе успѣхи.

Въ этомъ общемъ движеніи и порывѣ къ самобытному развитію и народной независимости приняла участіе въ XV в., хотя и нѣсколько позже, также Угорская держава. Ей, правда, пришлось опять пережить въ первыя десятилѣтія XV в. время безсилія, а затѣмъ внутренняго броженія и разлада въ царствованіе легкомысленнаго и своевольнаго Сигизмунда, государя чешско-угорскаго, памятнаго понесеннымъ отъ турокъ чувствительнымъ пораженіемъ (при Никополѣ) и злополучнымъ наслѣдственнымъ договоромъ съ Габсбургами, а также и послѣ его смерти (1437), когда опять сказались различные интересы партій и племенныхъ группъ въ самой Угріи, тянувшихъ въ разныя стороны, и когда государству серіозно грозили съ одной стороны турки и усилившаяся Венеція, а съ другой коварныя объятія австрійскаго сосѣда.

Однакожъ Угріи суждено было еще разъ преодолѣть внутреннія и внѣшнія затрудненія и достигнуть снова матеріальнаго и духовнаго расцвѣта и внѣшняго политическаго блеска, когда правленіе перешло въ руки домашней (по происхожденію румынской) династіи знаменитыхъ Гуніадовъ. Янъ Гуніадъ и особенно Матвѣй Корвинъ не только успѣли поднять государственный престижъ Угріи и внушить страхъ ближайшимъ врагамъ ея (туркамъ и Австріи), но и выступить съ широкими активными планами и притязаніями на сѣверѣ—въ отношеніи къ землямъ Чешскимъ и къ Польшѣ.

Такимъ образомъ, въ XV в. Угрія еще стоитъ крѣпко на стражѣ своей независимости и борется за-одно съ славянствомъ, при полной еще солидарности и единодушіи своихъ народовъ, противъ притязаній и попытокъ германской Европы распространить свое владычество на средній Дунай. Но эта задача Угріи осложнилась и затруднилась побѣдоноснымъ движеніемъ турокъ къ сѣверу и окончательнымъ ихъ торжествомъ надъ Византіей (взятіе ея въ 1453 г.), послѣ чего они, водворивъ въ своемъ новомъ царствѣ прочный порядокъ и умиротворивъ мудрой политикой покоренные народы, естественно направили свое вниманіе на сосѣднюю дунайскую державу, для которой наступалъ дѣйствительно критическій моментъ.

Со смертью (1490) Матвѣя Корвина и прекращеніемъ, за неимѣніемъ у него потомства, этой способной угорской династіи, опять выступила во всей силѣ опасность западная, австро-германская, тѣмъ болѣе, что въ самой Угріи Габсбурги уже давно

имѣли не мало приверженцевъ; но на время съ внѣшней стороны она была еще разъ отвращена избраніемъ въ короли Ягайловича, польско-чешскаго короля Владислава Казиміровича. Казалось бы, это избраніе славянской династіи, объединеніе съ Угріей Чехіи и сближеніе съ ней Польши должны были быть благопріятны интересамъ и положенію всего славянства относительно Запада. Но слабые, податливые и недальновидные Ягайловичи сыграли фатальную, глубоко-прискорбную роль. Ихъ водвореніе на Дунаѣ ознаменовалось новымъ несчастнымъ и роковымъ наслѣдственнымъ договоромъ съ императоромъ Максиміліаномъ и королемъ польскимъ Сигизмундомъ I, которымъ былъ окончательно проложенъ путь Габсбургскому дому къ столь давно желанной коронѣ угорской. Турецкая гроза, между тѣмъ, надвигалась. Сынъ Владислава, юный Людовикъ, былъ еще менѣе отца на высотѣ своего труднаго положенія.

Смертельный ударъ, нанесенный, наконецъ, турками, катастрофа 1526 г. (при Могачѣ, гдѣ убитъ молодой король Людовикъ) рѣшили судьбу Угріи и положили конецъ ея самостоятельному бытію. Съ одной стороны Австро-Германія, съ другой Турція явились распорядителями ея судебъ и въ концѣ концовъ раздробили ее. Первой въ лицѣ Фердинанда I достались тотчасъ же западная и сѣверо-западная ея часть. Женатый на сестрѣ Людовика II, умершаго безъ потомства, онъ овладѣлъ престоломъ угорскимъ, основываясь на наслѣдственныхъ правахъ и какъ-бы принимая на себя роль и миссію защитника Угріи и вмѣстѣ Европы отъ грозы турецкой.

Но у него оказался еще серіозный соперникъ въ самой Угріи, которая еще успѣла выставить энергическаго стоятеля за свою независимость, бывшаго претендента на корону угорскую, славянина родомъ, Іоанна Запольскаго, который утвердилъ свою власть въ восточной (Затисской) Угріи и главнымъ образомъ въ Трансильваніи, ставшей надолго очагомъ еще не совсѣмъ сокрушенной политической свободы угорскихъ народовъ (до конца XVII в.). Но чтобы успѣшно противостоять Габсбургамъ и бороться съ ихъ завоевательными усиліями, ему пришлось искать опоры въ туркахъ и вообще внѣ Угріи. Это было, конечно, на руку послѣднимъ, уже какъ-бы стоявшимъ въ дверяхъ Угріи и готовымъ продолжать начатое предпріятіе, распространить и утвердить свое владычество въ самомъ сердцѣ Угорской державы; это и удалось имъ довольно скоро (по смерти І. Запольскаго 1540), такъ какъ Габсбурги и съ своей имперскою властью не были въ силахъ помѣшать тому. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVI в. турки овладѣли всей центральной Угріей, утвердившись

на среднемъ Дунаѣ. Только Трансильванія, хотя и признавая верховную власть Турціи, продолжала еще и послѣ того отстаивать свою независимость и играть важную роль въ угорскихъ и турко-австрійскихъ отношеніяхъ.

Водвореніе на Дунаѣ габсбургской, т. е. германской власти, эта завѣтная мечта германскаго міра, а съ другой стороны непрошеннаго и враждебнаго христіанству и Европѣ новаго азіатскаго властителя, турокъ, открываютъ новую эру въ исторіи Карпато-дунайскихъ земель. Въ какія отношенія стали эти двѣ силы къ покореннымъ ими или отстаивавшимъ еще свою свободу народамъ Угріи, къ ихъ стремленіямъ и интересамъ, къ славянству не только угорскому, но и сосѣднему, — это не замедлило обнаружиться въ наступившую эпоху двойного порабощенія этихъ земель.

VI.

Четвертый періодъ исторіи Карпато-дунайскихъ земель, длившійся около 150 лѣтъ (отъ 1526, или вѣрнѣе отъ 1540-хъ гг., т. е. прочнаго утвержденія турокъ въ Дунайской равнинѣ, до конца XVII в.), есть періодъ переходный отъ политической независимости старой Угріи къ полному ея подчиненію нѣмецкой династіи сосѣдней Австріи и сліянію съ германскимъ политическимъ міромъ. Въ эту эпоху Угрія попадаетъ въ цѣпкія руки на западѣ Австро-Германіи и Габсбурговъ, на востокѣ — турокъ, и лишь самыя восточныя ея окраины, въ особенности Трансильванія, опираясь на этихъ грозныхъ враговъ Европы, сохраняютъ нѣкоторую самостоятельность и становятся главной ареной борьбы за старую свободу всѣхъ народностей Угріи, мадьяръ, славянъ и румынъ, одинаково ею дорожившихъ. Съ этого времени ея двойного плѣна въ зависимости отъ ожесточенной борьбы двухъ внѣшнихъ могуществъ (австро-габсбургскаго и турецкаго) за обладаніе ею и борьбы съ ними народовъ Угріи за свою свободу, — и внутреннія и внѣшнія отношенія Дунайскихъ земель чрезвычайно осложняются и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе запутываются. Съ этой точки зрѣнія исторія ихъ въ эту эпоху заслуживаетъ особенно осторожнаго и внимательнаго обслѣдованія, именно въ нашемъ славянскомъ освѣщеніи (чего мы еще не имѣемъ) и представляетъ выдающійся интересъ.

Сообразно тому значенію, которое теперь выпало на долю восточной части Угріи, этотъ интересъ и сосредоточивается преимущественно на ней, именно на Трансильваніи и ея исключительно-важной и активной роли въ политической жизни и отношеніяхъ XVI и XVII вв., какъ Карпато-дунайскихъ областей,

такъ и всего западнаго славянства. Никогда, ни ранѣе, ни позже эта замкнутая горная область, достигшая въ ту пору силою обстоятельствъ политическаго обособленія и извѣстной независимости, не играла такой выдающейся роли. А роль эта была обусловлена тѣмъ, что обѣ боровшіяся за Угрію силы (и Турція и Австрія) возлагали свои надежды на эту страну-твердыню, какъ на выгоднаго союзника или орудіе для одолѣнія противника, и готовы были на предоставленіе ей разныхъ уступокъ и льготъ, а въ то же время и сама Угрія, т. е. народности ея, отстаивавшія свои политическія права, свою государственную и религіозную свободу, видѣли въ ней, въ Трансильваніи (со времени Іоанна Запольскаго), главный очагъ и надежный оплотъ своихъ вольностей. Весь смыслъ завязавшейся теперь на Дунаѣ борьбы враждебныхъ другъ другу политическихъ силъ и народовъ, составлявшей, конечно, продолженіе все той же вѣковой борьбы европейскаго Запада и Востока, заключался въ томъ, что въ исконную распрю угорскихъ народовъ и Карпато-дунайскаго славянства съ одолѣвавшимъ ихъ западнымъ врагомъ, съ германствомъ (дѣйствовавшимъ пока еще въ союзѣ съ Римомъ), вмѣшался новый и такой сильный факторъ, какъ турки, представители совсѣмъ чуждаго міра, особой культуры и враги христіанства вообще. А ихъ грозное не для одного юго-востока Европы наступленіе должно было повліять рѣшительно на взаимное отношеніе и распредѣленіе всѣхъ политическихъ, экономическихъ и культурныхъ силъ Европы, особенно средней, и вовлечь многіе изъ этихъ дѣятелей въ ту великую историческую драму, которая разыгрывалась на среднемъ Дунаѣ.

Какъ же отнеслись къ туркамъ народы Угріи и различные общественные слои и политическія партіи, боровшіеся за или противъ западнаго, германскаго господства?

Естественно, что народныя массы славянъ и мадьяръ и вообще всѣ приверженцы политической независимости и культурной самобытности своей родины, когда познакомились съ характеромъ турецкаго владычества, не посягавшаго на національныя и бытовыя особенности, на духовную индивидуальность покоряемаго населенія, стали охотнѣе мириться съ этимъ болѣе матеріальнымъ бѣдствіемъ и игомъ, чѣмъ съ угрожавшимъ имъ разлагающимъ австро-германскимъ гнетомъ, и стали даже смотрѣть на турокъ до нѣкоторой степени какъ на союзниковъ и оплотъ противъ завоевательнаго движенія германскаго Запада. Наоборотъ, этотъ западный міръ, въ лицѣ австро-габсбургскаго могущества и Рима, равно какъ и довольно многочисленные приверженцы ихъ въ самой Угріи, видѣли въ туркахъ новую страш-

и объединенія еще въ XIV в., и окончательно сбросивъ иго татарское въ XV-мъ, продолжала все крѣпнуть и расти, не безъ вліянія фикціи перенесенія на Москву (3-ій Римъ) византійскаго наслѣдія (Іоаннъ III и Софія Палеологъ). Несмотря на многіе тяжелыя утраты и удары на западѣ и внутренній домашній кризисъ (смутное время), она въ XV и XVI вв. въ общемъ успѣшно отражала наступательное движеніе Польши, съ которой боролась тѣмъ упорнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе послѣдняя дѣйствовала какъ форпостъ и орудіе латинскаго Запада.

Съ конца XVI в. и въ XVII в. къ Россіи постепенно и окончательно переходитъ гегемонія въ славянскомъ мірѣ: она выступаетъ самостоятельно, съ своими опредѣленными задачами и призваніемъ, и на нее переносятъ всѣ свои симпатіи и надежды не только порабощенное турками Южное славянство, но и все Западное, еще боровшееся на Дунаѣ противъ завоевательнаго германскаго натиска. Естественно, что и народы Угріи стали ощущать политическую и духовную мощь своего восточнаго сосѣда и видѣть въ немъ могучую поддержку, если не матеріальную и активную, то хоть нравственную.

Но рядомъ съ этими возраставшими на Востокѣ въ самомъ славянствѣ историческими двигателями, способными оказать сильное вліяніе въ двойной борьбѣ южныхъ и западныхъ славянъ съ мусульманствомъ и съ латино-германствомъ, разыгрались въ то же время (XVI—XVII в.) и на Западѣ такія событія и общественно-культурныя явленія, знаменующія собой рѣзкій поворотъ къ новому времени въ исторіи Европы, которыя оказались болѣе или менѣе благопріятнымъ условіемъ для славянской самозащиты вообще и въ Угріи въ частности, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, значительно парализовали завоевательный натискъ германизма и римской церкви и, найдя сильный отголосокъ и удобную почву въ самомъ западномъ славянствѣ, стали новымъ важнымъ двигателемъ въ его національныхъ стремленіяхъ и борьбѣ за независимость. Мы говоримъ о возникшемъ великомъ расколѣ въ западно-христіанской церкви, о реформаціонномъ движеніи, охватившемъ весь германскій міръ, проникшемъ даже кое-гдѣ въ романскія земли, и нанесшемъ тяжкій ударъ авторитету Рима и вообще преобладавшимъ до тѣхъ поръ церковнымъ интересамъ,—говоримъ о разрывѣ между главными, до тѣхъ поръ единодушными силами, наступавшими противъ греко-славянскаго Востока, между Римомъ, т. е. папствомъ съ одной стороны и большею частью германскаго народа и родственной ему Европой (сѣверной)—съ другой.

Это великое движеніе, сразу раздѣлившее весь Западъ на два враждебныхъ лагеря, раздвоившее его силы и направившее

достигшей въ XV—XVI в. своего полнаго политическаго расцвѣта и апогея вліянія и являвшейся существеннымъ оплотомъ христіанскаго и особенно латинскаго Запада противъ турокъ. Но если она дѣйствительно сыграла важную роль въ борьбѣ Европы съ надвигавшимся исламомъ и въ нанесеніи турецкому владычеству перваго рѣшительнаго удара (при Лепанто въ 1571 г. вмѣстѣ съ испанскими и папскими силами), то съ другой стороны до этого она косвенно оказала извѣстную услугу славянству, облегчивъ туркамъ ихъ успѣхи (Солиманъ Вел.) въ Угріи. Другимъ сильнымъ оплотомъ Запада, христіанской (т. е. главнымъ образомъ католической) Европы противъ турокъ являлась Польша, послѣ разгрома Тевтонскаго ордена въ XV в., достигшая въ XVI в. своего наибольшаго расширенія и политическаго могущества, своего высшаго національнаго развитія и культурнаго вліянія. Унія Литвы (а вмѣстѣ и западной Руси) съ Польшей, борьба послѣдней съ турками въ интересахъ Южнаго славянства, обращавшаго тогда къ ней свои лучшія упованія (вспомнимъ безсмертную поэму „Османъ" Гундулича!), наконецъ, національныя стремленія части польскаго общества и даже попытки эманципаціи отъ Рима для созданія народно-славянской церкви (Фричъ Моджевскій!),—все это чрезвычайно подняло значеніе Польши въ славянскомъ мірѣ: она должна была стать хоть нравственной опорой и для боровшихся за независимость народовъ сосѣдней Угріи. Но такая руководящая и освободительная роль въ смыслѣ славянской самобытности, удержаніе которой обусловливалось лишь возможностью внутренняго духовнаго перерожденія большинства поляковъ,—была не по силамъ польскому государству и народу, давно отдавшимся всецѣло духовной власти Рима и вообще Запада и принявшимъ на себя отъ нихъ же миссію борьбы съ Турціей, конечно, не въ защиту православнаго греко-славянскаго міра, а въ интересахъ римско-католической Европы.

Вмѣсто того, чтобы вести рѣшительную славянскую политику на западѣ, направляя свои силы въ эту сторону, откуда все надвигался исконный врагъ славянства и гдѣ ея же династія (Ягеллоны) погубила, предавъ въ сѣти Австріи и германства, не только Угрію, но и Чехію,—послѣдняя перешла въ томъ же роковомъ 1526 г. въ руки Габсбурговъ и тѣмъ почти утратила свою самостоятельную боевую славянскую роль—Польша, въ угоду римской церкви и Западу, направляла тѣмъ временемъ всѣ свои силы и завоевательныя стремленія на востокъ, противъ братской Россіи, которую, конечно, никогда не могла осилить, и этой борьбой только обезсиливала себя...

Между тѣмъ Русь, начавъ великое дѣло своего освобожденія

я объединенія еще въ XIV в., и окончательно сбросивъ иго татарское въ XV-мъ, продолжала все крѣпнуть и расти, не безъ вліянія фикціи перенесенія на Москву (3-ій Римъ) византійскаго наслѣдія (Іоаннъ III и Софія Палеологъ). Несмотря на многіе тяжелыя утраты и удары на западѣ и внутренній домашній кризисъ (смутное время), она въ XV и XVI вв. въ общемъ успѣшно отражала наступательное движеніе Польши, съ которой боролась тѣмъ упорнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе послѣдняя дѣйствовала какъ форпостъ и орудіе латинскаго Запада.

Съ конца XVI в. и въ XVII в. къ Россіи постепенно и окончательно переходитъ гегемонія въ славянскомъ мірѣ: она выступаетъ самостоятельно, съ своими опредѣленными задачами и призваніемъ, и на нее переносятъ всѣ свои симпатіи и надежды не только порабощенное турками Южное славянство, но и все Западное, еще боровшееся на Дунаѣ противъ завоевательнаго германскаго натиска. Естественно, что и народы Угріи стали ощущать политическую и духовную мощь своего восточнаго сосѣда и видѣть въ немъ могучую поддержку, если не матеріальную и активную, то хоть нравственную.

Но рядомъ съ этими возраставшими на Востокѣ въ самомъ славянствѣ историческими двигателями, способными оказать сильное вліяніе въ двойной борьбѣ южныхъ и западныхъ славянъ съ мусульманствомъ и съ латино-германствомъ, разыгрались въ то же время (XVI—XVII в.) и на Западѣ такія событія и общественно-культурныя явленія, знаменующія собой рѣзкій поворотъ къ новому времени въ исторіи Европы, которыя оказались болѣе или менѣе благопріятнымъ условіемъ для славянской самозащиты вообще и въ Угріи въ частности, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, значительно парализовали завоевательный натискъ германизма и римской церкви и, найдя сильный отголосокъ и удобную почву въ самомъ западномъ славянствѣ, стали новымъ важнымъ двигателемъ въ его національныхъ стремленіяхъ и борьбѣ за независимость. Мы говоримъ о возникшемъ великомъ расколѣ въ западно-христіанской церкви, о реформаціонномъ движеніи, охватившемъ весь германскій міръ, проникшемъ даже кое-гдѣ въ романскія земли, и нанесшемъ тяжкій ударъ авторитету Рима и вообще преобладавшимъ до тѣхъ поръ церковнымъ интересамъ,—говоримъ о разрывѣ между главными, до тѣхъ поръ единодушными силами, наступавшими противъ греко-славянскаго Востока, между Римомъ, т. е. папствомъ съ одной стороны и большею частью германскаго народа и родственной ему Европой (сѣверной)—съ другой.

Это великое движеніе, сразу раздѣлившее весь Западъ на два враждебныхъ лагеря, раздвоившее его силы и направившее

ихъ другъ противъ друга, несомнѣнно, хотя и не на-долго, задержало общій ихъ напоръ на востокъ, причемъ знаменательнѣе всего то, что толчокъ къ этому движенію былъ данъ, очевидно съ востока же, изъ міра славянскаго, ибо не что другое, какъ чешское гуситство (XV в.) и реформа Гуса, коренящіяся въ кирилло-меѳодіевскихъ преданіяхъ, и возникшее изъ нея чешско-братское движеніе насадили сѣмена и существенно подготовили тотъ размахъ и то развитіе, которые получили затѣмъ лютеранство и другія протестантскія секты въ германскихъ странахъ. Въ этомъ заключается міровое, общечеловѣческое значеніе чешскаго національно-религіознаго движенія (помимо его роли собственно-славянской), тенденціозно умаляемое въ господствующемъ у насъ германскомъ освѣщеніи и искусственномъ разграниченіи и расчлененіи европейской исторіи.

Само собою понятно, что реформаціонное, антипапское движеніе, прежде въ гуситскихъ, а затѣмъ различныхъ протестантскихъ формахъ нашло благопріятную почву для своего распространенія въ западно-славянскихъ земляхъ, а между прочимъ и въ Угріи, гдѣ оно и пустило корни въ видѣ кальвинизма (у мадьяръ и нѣкоторыхъ угорскихъ славянъ) и рядомъ съ православіемъ и политическими правами народовъ дунайскихъ стало предметомъ ожесточенной народной защиты и борьбы съ Австріей и Габсбургами, какъ представителями воинствующаго папства и латинизаціи (вмѣстѣ съ германизаціей), какъ настойчивыми проводниками католической реакціи. Такимъ образомъ въ религіозной борьбѣ, раздиравшей Европу въ эту эпоху XVI—XVII вв., невольно увлекшей отчасти и западное славянство и осложнившейся борьбою всего христіанства съ турками, Карпато-дунайскія земли и угорскія народности сыграли не послѣдню роль.

Осложненія и грозныя препятствія, которыя встрѣчали Австро-германская держава и ея династія въ преслѣдованіи своихъ задачъ и притязаній въ угорскихъ областяхъ—съ одной стороны, въ лицѣ турокъ, съ другой—въ лицѣ славянъ и мадьяръ, защитниковъ политической и религіозной свободы своей родины, не могли, однакожъ, ослабить энергію австрійскаго напора: напротивъ, эти препятствія и угрозы, временные успѣхи противниковъ еще болѣе разжигали политическую алчность и притязанія Габсбурговъ, дѣлали ихъ наступательную и реакціонную политику все болѣе упорною и рѣшительною. Мы уже говорили о томъ невольномъ сближеніи, о тѣхъ сдѣлкахъ и взаимныхъ услугахъ, которыя силою обстоятельствъ возникали въ эту эпоху между турками и защитниками народныхъ правъ и свободы въ Угріи. Въ этой борьбѣ и въ этихъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли, пер-

венствующую роль играла Трансильванія, ставшая на стражѣ этихъ угорскихъ правъ и этой свободы и представлявшая для обѣихъ сторонъ—и для турокъ и для Австро-Германіи—желанное орудіе для ихъ цѣлей, благодаря чему она и продолжала сохранять въ XVII в. извѣстную самостоятельность.

Для Имперіи овладѣніе этой послѣдней угорской твердыней было обусловлено окончательнымъ торжествомъ надъ турками въ Угріи, которое требовало не только исключительнаго напряженія силъ, но особенно благопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Необходимо было прежде обезпечить себя съ другихъ сторонъ. На западѣ надо было оказать самый суровый отпоръ цѣлому союзу оторвавшихся отъ церковнаго единства съ Римомъ протестантскихъ державъ, вступившихъ въ продолжительную (30-лѣтнюю) борьбу съ его приверженцами. Борьба эта завязалась въ стиснутой съ 1526 г. Габсбургами многострадальной Чехіи, павшей въ самомъ началѣ жертвой этого ожесточеннаго столкновенія двухъ противоположныхъ началъ и теченій и неистовой католической реакціи (1620 г. Бѣлогорская битва). Чехія, эта передовая славянская крѣпость, перестала существовать какъ политическая единица, и стала составною частью Австро-германской имперіи, вступавшею нынѣ въ новую фазу своего историческаго развитія и государственнаго сложенія. Западное славянство оказывается теперь повсюду порабощеннымъ и придавленнымъ своими врагами; южные славяне—турками, чехо-моравскія и другія западныя вѣтви—Австро-германскою имперіей. Польшѣ угрожалъ съ одной стороны ростъ Россіи, съ другой—возникавшая по ея же винѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ новая германская политическая организація (наслѣдіе Тевтонскаго ордена, слившееся съ Бранденбургомъ и положившее начало Пруссіи) уже другого, протестантскаго, но для славянства не менѣе враждебнаго типа, которой предстояло вскорѣ взять на себя главную и руководящую роль въ дальнѣйшемъ наступленіи Запада и германизма на греко-славянскій міръ.

Приближался и послѣдній актъ исторической драмы западнославянской, который долженъ былъ разыграться на среднемъ Дунаѣ и въ земляхъ старой Угріи,—тамъ, гдѣ шла послѣдняя отчаянная борьба за оставшійся призракъ угорской независимости, гдѣ въ послѣднихъ судорожныхъ вспышкахъ гибли скудные остатки западно-славянской политической свободы и самобытности. Истинные патріоты угорскіе хотѣли освобожденія родины отъ позорной власти турокъ—самостоятельно, своими народными силами, а не цѣною германскаго, еще болѣе тяжкаго и опаснаго плѣна, и потому они всячески отбивались отъ навязчивыхъ австрійскихъ

объятій, ища опоры гдѣ только было возможно на нее расчитывать. Но Габсбурги имѣли за себя священную идею защиты христіанской Европы отъ мусульманской грозы, и это одно давало имъ и силу и союзниковъ, давало имъ оправданіе—въ завоевательномъ движеніи на востокъ. Любопытно, что противъ этого движенія угорскія народности—помимо турокъ и восточнаго славянскаго міра—находили поддержку и теперь и позже еще на крайнемъ романскомъ Западѣ, во Франціи (вспомнимъ, напр., возстаніе Текели и помощь Людовика XIV), въ чемъ между прочимъ сказался исконный антагонизмъ романской и германской стихій, уже выступавшій не разъ даже и въ исторіи Дунайскихъ земель (напр., въ XII в.) и столь рѣзко обострившійся въ новѣйшее время... Но всѣ усилія свободолюбивыхъ сыновъ Угріи и ихъ друзей были тщетны. Сѣвшіе имъ на шею азіатскіе насильники, поднявшіе противъ себя цѣлую коалицію христіанскихъ державъ, вынуждаемые къ очищенію средне-дунайскихъ областей, неминуемо отдавали ихъ во власть новому, столь давно на нихъ имѣвшему виды западному поработителю, Австро-германской державѣ.

Въ самомъ концѣ XVII в. совершилось изгнаніе турокъ изъ Угріи, и этому торжеству христіанства, но вмѣстѣ и австрійской политики отчасти содѣйствовали и сами южные и западные славяне, фатальнымъ образомъ расчищая тѣмъ путь дальнѣйшимъ германскимъ захватамъ. Съ одной стороны дѣятельно стали помогать противъ турокъ (за одно съ хорватами) тѣ многочисленные сербскіе эмигранты, которые именно въ этотъ критическій моментъ были приглашены изъ центральныхъ сербскихъ областей Турціи, ради избавленія отъ мусульманскаго ига, подъ покровительство Австріи—ея ловкимъ и дальновиднымъ правительствомъ и поселены на ея земляхъ по Дунаю, вдоль границъ турецкихъ (напр., Арсеній III Черноевичъ); съ другой—самую главную услугу оказалъ польскій король Іоаннъ Собѣсскій, освободившій въ 1683 г. осажденную турками Вѣну и помогшій нанести имъ рѣшительный ударъ, которымъ и начинается ихъ вытѣсненіе изъ Угріи и ослабленіе ихъ могущества. Шагъ за шагомъ они принуждены теперь отступать передъ сильнѣйшимъ противникомъ. Наконецъ, взятіе австрійцами Офена въ 1687 г. и новая побѣда при Могачѣ, повлекшая за собой занятіе Трансильваніи (Семиградскаго княжества), окончательно рѣшили дѣло. Турки были изгнаны, и Угрія цѣликомъ оказалась въ рукахъ Австро-Германіи. Въ томъ же 1687 г. на достопамятномъ, знаменательномъ сеймѣ въ Прессбургѣ корона угорская объявлена наслѣдственною въ Габсбургской династіи, и Угрія окончательно слилась съ Австріей, хотя за ней и при-

знаны конституціонныя права и сдѣлана такимъ образомъ уступка ея историческому строю и народному самоуправленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Имперія и Габсбурги (императоръ Леопольдъ I) давали ясно чувствовать, что именно завоеваніе—въ виду возстанія Текели и благопріятствовавшаго туркамъ національнаго анти-австрійскаго движенія—отдаетъ Угрію въ руки Австріи и твердо устанавливаетъ неоспоримыя права послѣдней на первую. Рядъ слѣдовавшихъ за этимъ войнъ и пораженій турокъ, смѣнявшихся впрочемъ и ихъ временными новыми успѣхами въ еще непокорномъ Австріи Семиградскомъ княжествѣ, привелъ въ концѣ концовъ, благодаря поддержкѣ союзныхъ противъ Турціи державъ, къ рѣшительному пораженію турокъ (Евгеніемъ Савойскимъ), а къ знаменитому Карловицкому миру (1699), по которому Трансильванія окончательно присоединена къ Австріи, а за Турціей остался лишь Темешварскій Банатъ.

Такимъ образомъ римско-германскій напоръ въ предѣлахъ Карпато-дунайскихъ земель достигъ своей конечной цѣли. Наступилъ для нихъ съ XVIII в. новый историческій періодъ: періодъ полнаго политическаго и культурнаго подчиненія новой великой Дунайской державѣ, постепенно создавшейся на развалинахъ западной Имперіи изъ стараго германо-австрійскаго ядра и имъ опутанныхъ и осиленныхъ Чехіи и Угріи. Габсбургская монархія, соединяя въ себѣ невольно унаслѣдованныя ею противоположные и непримиримые интересы и задачи своихъ составныхъ частей и враждебныхъ другъ другу народовъ, должна была выступить въ исторіи Европы, какъ новый, совершенно своеобразный государственный организмъ, особенно со времени обращенія своего изъ римско-германской имперіи въ *Австрійскую* (1805). Политическая роль и судьба этого организма опредѣляются и выясняются съ одной стороны его своеобразнымъ сложеніемъ и историческимъ прошлымъ, съ другой—все продолжающейся борьбой Востока съ наступающимъ на него Западомъ и положеніемъ его земель на главной аренѣ этой борьбы.

VII.

Итакъ, изгнаніе турокъ изъ Угріи и переходъ почти всей ея территоріи (со включеніемъ Трансильваніи) подъ власть Австріи и Габсбурговъ кореннымъ образомъ измѣнили судьбу Карпато-дунайскихъ земель, связавъ ее окончательно съ государствомъ и династіей, представлявшими до сихъ поръ историческія задачи и интересы только Римско-германскаго міра и вообще Запада на Дунаѣ. Но поглощеніе такихъ политическихъ тѣлъ, нѣкогда само-

стоятельныхъ и сильныхъ, какъ славянская Чехія и полуславянская Угрія, не могло не создать въ Австріи совершенно новаго порядка вещей, не осложнить и не измѣнить существенно политическое положеніе, характеръ и роль тѣхъ силъ, которыя сплотили новую дунайскую державу, особенно въ зависимости отъ перемѣнъ и развитія событій и отношеній въ Европѣ вообще и германскомъ мірѣ въ частности.

Наступившій періодъ (съ конца XVII до второй половины XIX вѣка) есть періодъ преобразованія Австро-габсбургской державы изъ выродившейся и разложившейся Священной римской имперіи нѣмецкой націи въ собственно *Австрійскую* разношерстную, многоплеменную имперію,—періодъ образованія и роста австрійской государственной идеи, какъ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ исторіи и политическаго равновѣсія новой Европы, періодъ развитія и установленія какъ своеобразной внутренней политической системы и племенныхъ отношеній Австріи путемъ продолжительной народной борьбы-самозащиты—главнѣйше со стороны неукротимой Угріи, такъ и внѣшней политики и отношеній ея къ славянскому Востоку (особенно къ Турціи и Южному славянству) и къ германскому Западу, гдѣ гегемонія переходитъ съ половины XVIII вѣка рѣшительно къ молодому сѣверо-германскому государству и отнынѣ сопернику Австріи—къ Пруссіи. Процессъ внутренняго сложенія Австрійской монархіи послѣ тщетныхъ попытокъ ея поглотить и органически слить съ собой Угрію такъ же, какъ это было сдѣлано съ Чехіей, характеризуется послѣдовательными уступками одному изъ народныхъ элементовъ Угріи, наиболѣе упорному и вмѣстѣ представлявшемуся менѣе опаснымъ для германизма, противъ другихъ народностей,—характеризуется такимъ образомъ постепеннымъ подъёмомъ и развитіемъ властнаго, всепоглощающаго *мадьяризма* и приниженіемъ славянства.

Начало этого періода (начало XVIII вѣка) ознаменовалось продолжительной и ожесточенной борьбой австрійской власти съ упорствовавшими народными (славяно-мадьярскими) элементами Угріи, возмущенными политическимъ посягательствомъ Австріи на оставленныя ихъ родинѣ историческія права и вольности. Въ этой борьбѣ опять главнымъ очагомъ и оплотомъ служило еще сохранявшее сознаніе своей отдѣльности Семиградское княжество. Если это народное возстаніе было въ концѣ-концовъ, несмотря на мужество и стойкость такихъ борцовъ, какими были Ракоци (Раковскій) II и А. Кароли, и несмотря на помощь Франціи и нравственную поддержку сосѣдняго славянства (Польши и Россіи, т. е. Петра I), все-таки подавлено, то оно однакожъ убѣдило Австрію въ огромной силѣ сопротивленія и жизненности угорскаго исто-

рическаго строя, въ необходимости съ ними считаться. Въ этомъ ее должна была утвердить и дальнѣйшая непрестанная болѣе или менѣе успѣшная конституціонная борьба угорскихъ патріотовъ за народныя права и свободу совѣсти, которыя австрійская власть и династія стремились всячески урѣзать и сократить.

Эта поглотительная, централизаціонная и реакціонная политика послѣднихъ вытекала, конечно, изъ традиціонныхъ задачъ ими воплощаемаго католицизма и германизма. Отъ своего стараго германскаго зерна, исконнаго проводника міродержавныхъ стремленій и идей Священной римской имперіи, новая Дунайская монархія должна была унаслѣдовать все ту же миссію по отношенію къ греко-славянскому Востоку, которую германскій Западъ и Римъ нѣкогда старался навязать и независимой Угріи. Эта миссія распространенія власти и вліянія этихъ двухъ силъ на востокъ и югъ (посредствомъ латинизаціи и германизаціи) должна была стать жизненнымъ призваніемъ, главнымъ raison d'être Австро-германскаго государства, еще не утратившаго первенства въ средней Европѣ. Но въ связи съ нею долженъ былъ выдвинуться и неотложный вопросъ продолженія борьбы христіанской Европы съ турками для окончательнаго сокрушенія этого чуждаго и постыднаго для Европы могущества,—вопросъ объ участи Балканскаго полуострова и его народовъ, о будущемъ наслѣдствѣ турокъ, однимъ словомъ, такъ названный (на западѣ) *восточный* вопросъ, ставшій съ тѣхъ поръ однимъ изъ самыхъ большихъ, сложныхъ и трудноразрѣшимыхъ вопросовъ общеевропейской политики и международныхъ отношеній. Естественно, что этотъ вопросъ, касаясь прежде всего судьбы всего южнаго задунайскаго славянства, въ концѣ концовъ переплелся и неразрывно связался съ вопросомъ о тяготѣвшемъ къ южному средне-дунайскомъ (угорскомъ и австрійскомъ) славянствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ турецкій вопросъ, какъ вопросъ о бывшихъ владѣніяхъ Восточной имперіи, о заполоненныхъ исламомъ отечествѣ и святыняхъ Восточной церкви, о православныхъ племенахъ славянскихъ, долженъ былъ неизбѣжно поставить Австро-германскую, а потомъ Австрійскую имперію лицомъ къ лицу и въ понятное соперничество съ главнымъ представителемъ славянскаго міра и въ частности православнаго славянства, съ той державой, къ которой въ XVIII вѣкѣ рѣшительно и окончательно перешло первенство въ этомъ восточно-европейскомъ или среднемъ мірѣ, которая все смѣлѣе и тверже выступала въ своей исторической роли законной наслѣдницы Восточной имперіи и защитницы своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, и которую ея геніальный и могучій вождь, Петръ I, вознесъ въ это время

на небывалую политическую высоту и ввелъ въ рядъ великихъ европейскихъ державъ.

Россія, непрестанно усиливаясь и расширяясь во всѣ стороны, подвигаясь все дальше къ югу, къ берегамъ Чернаго моря, готовая протянуть руку помощи своимъ Балканскимъ братьямъ и единовѣрцамъ противъ вѣкового гнета турокъ, пріобрѣтала все большее значеніе, популярность и искреннія симпатіи у этихъ народовъ, а вмѣстѣ и у западныхъ славянъ вообще.

Что касается Австріи, то и ея отношеніе къ этому „восточному" вопросу опредѣлялось теперь не только идеей борьбы христіанства съ исламомъ и историческимъ напоромъ на Востокъ латинства и германизма. Тутъ должны были получить существенное значеніе новый сложный государственный составъ, такъ сказать этническое преобразованіе Дунайской монархіи послѣ поглощенія Австріей стольких славянскихъ, мадьярскаго и значительной части румынскаго народовъ. Если раздавленная и парализованная Чехія не могла еще оказывать активнаго вліянія на австрійскую политику (что началось лишь съ ея возрожденіемъ въ XIX вѣкѣ), то иначе было дѣло съ Угріей и ея народами. Присоединивъ ихъ къ своему организму, связавъ ихъ съ собой государственно и династически, но не подавивъ ихъ жизненныхъ силъ, ихъ національнаго духа и энергіи, Габсбургская держава должна была невольно воспринять и въ извѣстной мѣрѣ усвоить себѣ традиціонныя внѣшнія отношенія, тяготѣнія и задачи прежней независимой Угріи. Тѣ интересы и притязанія, которые характеризуютъ во всѣ вѣка, какъ мы видѣли, политику этой послѣдней, по отношенію къ сосѣднимъ южно-славянскимъ, задунайскимъ и нижнедунайскимъ землямъ, къ сѣверо-западнымъ и закарпатскимъ славянамъ, къ этимъ по теоріи „partes adnexae" бывшаго Угорскаго королевства, становятся сами собой элементами политической жизни и тяготѣній Габсбургской монархіи, тѣмъ болѣе, что они совпадаютъ въ общемъ съ тенденціями германскаго Drang nach Osten. Къ этому присоединяется и усиленіе этническихъ связей населенія по обѣ стороны угорскаго Дуная вслѣдствіе извѣстной эмиграціи сербовъ изъ Турціи въ XVIII вѣкѣ, оказавшихъ такія большія услуги въ турецкихъ войнахъ Австріи. Такимъ образомъ и географическая близость и традиціонные интересы ставили Дунайской имперіи тѣ же самыя *освободительныя* задачи (хотя и небезкорыстныя) по отношенію къ Балканскому полуострову и его поработителю, которыя ей внушались западной Европой и которыя въ то же время съ другой стороны и съ иной конечной цѣлью становились историческимъ призваніемъ великой восточной славянской державы.

Соперничество дѣлалось неизбѣжнымъ, различіе интересовъ—трудно примиримымъ... И тѣмъ не менѣе столь же неизбѣжными и естественными становились и совмѣстныя предпріятія и союзныя дѣйствія обѣихъ державъ, и Россіи, и Австріи, противъ турокъ. Россія въ XVIII вѣкѣ оказывала большую помощь своей сосѣдкѣ, ведшей нѣсколько и по большей части не особенно удачныхъ войнъ съ Турціей. Еслибъ не русская помощь, послѣдняя могла надѣлать много еще болѣе серіозныхъ хлопотъ Австрійской державѣ, особенно въ разсчетѣ на поддержку недовольныхъ революціонныхъ элементовъ Угріи (мадьяръ и славянъ) и на внѣшнихъ враговъ Австріи (напр. Франціи). Такая, силою вещей вынужденная совмѣстная союзническая, политическая дѣятельность относительно Турціи и Балканскихъ народовъ—двухъ столь противоположныхъ и враждебныхъ въ своихъ историческихъ стремленіяхъ силъ, какъ православно-славянская восточная и римско-нѣмецко-габсбургская имперіи, должна была отчасти продолжаться и впослѣдствіи, хотя и была парализуема въ XIX вѣкѣ выдвинутымъ послѣдней и вообще Западомъ изъ страха передъ Россіей принципомъ сохраненія „цѣлости Турціи“,—она остается фактически неизбѣжной и въ наши дни...

Какъ на югѣ по отношенію къ задунайскому славянству, такъ и на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ замѣчается то же явленіе: усвоеніе Австро-германской дунайской монархіей традиціонныхъ тяготѣній и притязаній старой Угріи въ отношеніи къ галицкимъ русско-польскимъ окраинамъ. И этимъ притязаніямъ суждено было дѣйствительно осуществиться вслѣдствіе развитія того рокового историческаго процесса, который тѣмъ временемъ совершался на сѣверномъ славяно-германскомъ рубежѣ и которому постепенно подверглось недавно еще сильное и обширное Польское государство, ставшее въ концѣ концовъ жертвой западно-европейскихъ латино-нѣмецкихъ вліяній, своей близорукой и фальшивой внѣшней политики и внутренняго разложенія и неурядицы. Неудержимо идя къ политическому упадку, которому помогли и внѣшнія осложненія съ Швеціей и хозяйничанье послѣдней въ чужомъ домѣ, Польша должна была смириться и уступить не только передъ Россіей, которой значеніе и авторитетъ все возрастали, особенно послѣ побѣдъ Петра Великаго надъ шведами, но вскорѣ и передъ той новой прусско-германской политической силой, которая начала быстро расти и крѣпнуть подъ бокомъ на западѣ и должна была сыграть такую жестокую, убійственную роль въ судьбѣ польскаго народа; наконецъ, и Дунайская монархія, опираясь на старыя угорскія притязанія и историческія права, въ критическій для Польши моментъ явилась въ ряду ея разрушите-

лей и сонаслѣдниковъ. Это неотвратимое паденіе Польши кончилось въ концѣ XVIII вѣка ея постепеннымъ распаденіемъ и троекратнымъ раздѣломъ между тремя сосѣдними державами,—злосчастной развязкой, столь фатальной не для одного польскаго народа, но и для всего славянства; на его счетъ достигъ новаго существеннаго расширенія и успѣховъ въ своемъ историческомъ натискѣ германскій міръ; но славянство и во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ должно было сильно пострадать отъ этой огромной территоріальной потери и обостренія домашней вражды между двумя братскими народами, чѣмъ, конечно, не замедлили воспользоваться всѣ враги его.

Между тѣмъ Австро-германская имперія прошла, вслѣдствіе великихъ западно-европейскихъ переворотовъ второй половины XVIII и начала XIX вѣка, черезъ рядъ политическихъ потрясеній и династическихъ осложненій. Вспомнимъ бракъ дочери императора Карла VI и наслѣдницы его австрійскихъ владѣній по знаменитой „прагматической санкціи" Маріи-Терезіи съ Францемъ, герцогомъ Лотарингскимъ, и образованіе такимъ образомъ Габсбургско-лотарингскаго дома. Монархія пережила важныя эпохи внѣшней и внутренней жизни, военныя невзгоды, территоріальныя измѣненія, новое торжество системы централизаціи и абсолютизма (особенно при Маріи Терезіи и Іосифѣ II) и, наконецъ, въ 1805 году превратилась при Францѣ II, по окончательномъ упраздненіи Священной римской имперіи, въ собственно *Австрійскую имперію.* Но и теперь она стремилась удержать свой германскій характеръ и остаться вѣрной своей вѣковой традиціонной миссіи расширенія германскаго и римско-церковнаго владычества въ предѣлахъ Карпато-дунайскихъ земель, вопреки одинокимъ голосамъ болѣе дальновидныхъ австрійскихъ политиковъ, совѣтовавшихъ перестроить государство на новыхъ началахъ, перевести центръ тяжести на востокъ и отрѣшиться отъ германской идеи. Поэтому ея соперничество съ могучей защитницей славянства, Россіей, должно было неизбѣжно расти, питаемое главнымъ образомъ непримиримостью ихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ оживавшее съ ослабленіемъ и разложеніемъ Турціи Южное славянство естественно тяготѣло болѣе къ единовѣрной Россіи, чѣмъ къ Австріи. И вотъ Дунайская имперія, съ присоединеніемъ послѣ раздѣловъ части Польши (не только польской, но и русской Галиціи, допущеніе чего—великій грѣхъ Россіи!), пользуется антагонизмомъ двухъ славянскихъ народностей, беретъ подъ свое покровительство и употребляетъ отнынѣ поляковъ, какъ орудіе противъ Россіи и Востока въ своей внутренней и внѣшней политикѣ.

Однакожъ главнымъ рычагомъ въ развивавшейся внутренней политической системѣ Австріи, соотвѣтственно ея исторической миссіи, долженъ былъ стать, конечно, не славянскій, а другой выдающійся коренной элементъ ея пестраго этническаго состава, наиболѣе отвѣчавшій ея видамъ. Это были—*мадьяры*. Австрія и ея династія скоро поняли, что Угрія, при сохраненіи своего внутренняго равновѣсія, народнаго единенія и солидарности, при традиціонной общности племенныхъ и земскихъ интересовъ, можетъ доставить имъ еще много хлопотъ и затрудненій, и потому они не замедлили прибѣгнуть къ той политической системѣ, которая издавна успѣшно примѣнялась нѣмцами въ ихъ завоевательномъ движеніи на востокъ, къ системѣ раздѣленія силъ и натравливанія однихъ племенъ противъ другихъ, согласно іезуитскому лозунгу devide et impera. И вотъ Австрія систематически сѣетъ раздоръ и возбуждаетъ антагонизмъ и вражду между угорскими народностями. Такъ какъ многочисленное славянское населеніе Угріи и другихъ австрійскихъ земель, могущее найти опору въ великой восточной соплеменной державѣ, кажется ей наиболѣе опаснымъ и не внушающимъ довѣрія, она рѣшается сдѣлать, въ удовлетвореніе староугорскихъ автономныхъ притязаній, уступки и дать политическое надъ нимъ преобладаніе другому, правда еще болѣе настойчивому и упорному въ своихъ стремленіяхъ, но зато этнически - одинокому и всѣмъ прочимъ чуждому элементу, именно мадьярскому. Эту, еще не доросшую до истинной культурности и сохранившую еще инстинкты азіатской дикости и исключительности народность она беретъ подъ свое покровительство, предоставляетъ ей, въ ущербъ другимъ угорскимъ народамъ, захватить постепенно въ свои руки политическое господство и всѣ права и дѣлаетъ ее орудіемъ своей традиціонной враждебной славянству и восточной церкви политики. Этимъ естественно подготовлялся переходъ къ новой государственной системѣ, къ политическому раздвоенію Дунайской державы (дуализму), къ возрожденію Угріи, какъ цѣльнаго автономнаго организма, но уже въ новомъ, совершенно отличномъ отъ прежняго мадьярскомъ облаченіи, мадьярской переработкѣ.

Мадьярамъ, по натурѣ склоннымъ къ фанатизму, самомнѣнію и кичливости, но вмѣстѣ сознававшимъ свою племенную отчужденность и культурную отсталось, не трудно было привить идею объ ихъ особой исторической миссіи служить „охранной стѣной“ для западной Европы и „посредникомъ между западной культурой и восточнымъ варварствомъ“... Въ этомъ дѣлѣ возвеличенія мадьяръ въ Угріи сыграли огромную роль и новыя возникавшія въ Европѣ идеи, стремленія и характеръ эпохи (осо-

бенно съ конца XVIII вѣка), развитіе національной идеи или національизма. Проснувшееся подъ этими общими вліяніями мадьярское племенное самосознаніе, искусственно питаемое и возбуждаемое германо-австрійской славянофобіей, стало въ теченіе XIX вѣка быстро расти и принимать все болѣе острый, исключительный характеръ, переходя въ національную нетерпимость и шовинизмъ.

Такое обостренiе національнаго вопроса и усиленіе мадьяро-славянскаго антагонизма естественно обусловливалось одновременнымъ ростомъ самосознанія у западныхъ славянъ вообще, и угорскихъ въ частности, начинавшимся тогда культурнымъ и политическимъ возрожденіемъ западнаго и южнаго славянства, особенно проявившимся у чеховъ и словаковъ, и сопровождавшимся большимъ оживленіемъ взаимныхъ культурныхъ связей и тяготѣнія между всѣмъ западнымъ славянствомъ (со включеніемъ и южнаго) съ одной стороны, и могущественной естественной его покровительницей, Россіей,—съ другой, тѣмъ болѣе, что и въ послѣдней съ начала XIX в. начинаютъ также возникать и бродить идеи и проекты, разумѣется еще очень смутные, незрѣлые и легкомысленные, о содѣйствіи западнымъ соплеменникамъ въ ихъ освободительныхъ стремленіяхъ. При такомъ національномъ движеніи въ славянскомъ мірѣ, въ этомъ отношеніи не отстававшимъ отъ общеевропейскаго развитія и духа эпохи, Австрія, видя въ немъ серіозное препятствіе для своихъ цѣлей и притязаній, успѣшно стала запугивать и мадьяръ страшнымъ призракомъ панславизма и ожидавшею ихъ опасностью потонуть въ славянскомъ морѣ и льстить вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ національному самолюбію, ихъ расовымъ страстямъ и инстинктамъ.

Не удивительно поэтому, что мадьяры, возмнивъ дѣйствительно о своемъ призваніи и почувствовавъ силу и власть въ рукахъ своихъ, постепенно усвоили себѣ систему всяческаго притѣсненія славянскихъ народностей Угріи, сокращенія ихъ политическихъ правъ, ихъ культурнаго угнетенія, въ чемъ находили себѣ постоянно поощреніе со стороны австрійской государственной власти и династіи. Но послѣднія могли бы, если-бъ не были ослѣплены своимъ пристрастіемъ, расчитать и предусмотрѣть, что мадьярская притязательность и національная нетерпимость не замедлятъ обратиться и противъ самой Австріи, что мадьяры въ своей политикѣ притѣсненія прочихъ народностей въ концѣ концовъ не пощадятъ и нѣмцевъ, что они не довольствуются предоставленнымъ имъ привиллегированнымъ положеніемъ, а будутъ стремиться все къ большей независимости, все къ большему обособленію.

Такъ оно и случилось на дѣлѣ; а когда Австрія въ поло-

винѣ XIX в. (въ роковую во всей Европѣ годину 1848 г.) оказалась въ самомъ тяжеломъ, критическомъ положеніи повсемѣстной внутренней смуты, то прежде всѣхъ и всего рѣшительнѣе поднялись противъ нея и не только противъ господствовавшаго реакціоннаго австрійскаго режима (Меттерниха), но и противъ самой династіи, именно мадьяры, поставившія монархію своимъ возстаніемъ въ столь великое и опасное затрудненіе, что ей пришлось обратиться за помощью къ тому государству, которое она считала своимъ соперникомъ и съ которымъ ее до нынѣ соединяли временами и поневолѣ лишь одинъ общій внѣшній врагъ—турки. Въ то же время мадьяры своими притязаніями и внутренней политикой такъ возбудили противъ себя всѣхъ угорскихъ славянъ (хорватовъ, словаковъ, сербовъ, русскихъ), что заставили и ихъ за-одно съ русскими войсками Николая I защищать Австрію.

Эта помощь Австріи и вмѣшательство Россіи въ австро-угорскія дѣла, при всей кажущейся безполезности и анормальности ихъ съ русско-славянской точки зрѣнія, имѣли все-же несомнѣнно и общее историческое значеніе въ смыслѣ поддержанія политическаго равновѣсія въ Средней Европѣ въ виду возрастанія идеи всегерманскаго единенія, котораго представительницей готовилась уже тогда выступить Пруссія, и частное значеніе, весьма существенное для австро-угорскаго славянства, для подъёма его духа, его нравственныхъ силъ и для роста идеи славянской взаимности, наконецъ и для русско-мадьярскаго знакомства, чему такъ способствовало пребываніе русскихъ войскъ въ Угріи. Однакожъ, рядомъ съ положительными благопріятными, слѣдствіями, эти событія, какъ это всегда бываетъ, имѣли и свои отрицательные для славянскаго дѣла результаты, которые обнаружились очень скоро. Укрощеніе мадьяръ съ помощью Россіи и славянъ не могло не возбудить первыхъ еще болѣе противъ послѣднихъ, не могло смягчить венгерской столь тяжелой мадьяризаторской политики, не могло также ослабить упорства мадьярскихъ политическихъ домагательствъ.

Съ другой стороны и Австрія, видя національное пробужденіе и возрастающія притязанія своихъ славянъ, какъ будто испугалась послѣдствій своего обращенія къ славянской помощи, такъ какъ слишкомъ боялась Россіи и ея вліянія на славянъ и даже на мадьяръ. Послѣ крутой расправы и временнаго возвращенія къ абсолютизму и централизаціи, она не замедлила постепенно возвратить мадьярамъ почти всю конституціонную ихъ свободу и развязать имъ руки по отношенію къ прочимъ элементамъ Угріи.

имперіи на двѣ половины, и предоставленіе одной изъ нихъ, именно восточной, въ полное распоряженіе мадьярамъ, иначе возстановленіе вмѣсто прежней Угріи новой Мадьяріи было лишь неизбѣжнымъ исходомъ и завершеніемъ начавшейся еще въ XVIII в. благопріятной мадьярамъ и враждебной славянамъ габсбургской политики.

Правда, самостоятельная организація Венгріи, т. е. „Транслейтаніи" на первыхъ порахъ не считалась безусловно вредною для немадьярскихъ народностей вообще и для Карпато-дунайскаго славянства въ частности и была проведена даже не безъ вліянія русской политики, ожидавшей отъ этой перемѣны блага для славянъ въ виду либеральнаго настроенія лучшихъ вождей мадьярскаго народа, такихъ дѣятелей, какъ Дэакъ и Этвешъ. У этихъ, наиболѣе прозорливыхъ и благородныхъ политиковъ, какъ и вообще у лучшихъ тогдашнихъ мадьяръ (какъ напр. и у историка Салая) замѣтно проявлялась готовность дать удовлетвореніе справедливымъ національнымъ требованіямъ славянъ и румынъ, не лишать ихъ извѣстныхъ политическихъ правъ и организовать венгерское самоуправленіе на началахъ большей справедливости.

Но эти благородныя стремленія, обѣщанія и мечты очень скоро разлетѣлись какъ дымъ среди все сгущавшейся атмосферы мадьярской національной исключительности, нетерпимости и шовинизма. Мадьяры воспользовались своею властью и грубою силою, предоставленными имъ нѣмецкимъ правительствомъ и династіей, для утвержденія въ Транслейтаніи полнаго и безконтрольнаго своего господства, между прочимъ, посредствомъ неправильнаго, искусственнаго дѣленія страны на избирательные округа (съ преобладаніемъ или участіемъ мадьярскаго населенія, вмѣсто естественнаго дѣленія—по народностямъ). Но имъ не достаточно было и политическаго господства.

Дойдя до крайняго предѣла самомнѣнія и высокомѣрія и подстрекаемые все той же австрійской славянофобіей и пресловутымъ пугаломъ всепоглощающаго панславизма, они задались нынѣ еще болѣе смѣлой и грандіозной задачей—навязать всѣмъ угорскимъ народностямъ свой языкъ, всѣхъ обезличить и затѣмъ омадьярить, обративъ такимъ образомъ Венгрію въ одно однородное національно-политическое цѣлое.

Надъ осуществленіемъ этой мечты они работаютъ упорно и послѣдовательно вотъ уже многія десятилѣтія, не щадя никого, даже и самихъ нѣмцевъ (напр., трансильванскихъ саксовъ), чѣмъ вызываютъ негодованіе и попреки австрійскихъ нѣмцевъ въ неблагодарности. Съ другой стороны мадьяры съ неменьшей энергіей стремятся къ все большему обособленію и независимости

заннаго съ нимъ либеральнаго и протестантскаго прусско-нѣмецкаго движенія „прочь отъ Рима".

Этотъ безнадежный хаосъ непримиримыхъ антагонизмовъ и противорѣчій, поддерживаемый настоящей дуалистической системой и габсбургско-германскимъ политическимъ режимомъ и тенденціями, долженъ въ концѣ концовъ привести или къ полному государственному разложенію, или къ перестройкѣ монархіи на новыхъ началахъ, дѣйствительно соотвѣтствующихъ ея этническому сложенію и историческимъ правамъ ея главныхъ народовъ.

Совершившееся послѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей (1866) оскорбительное исключеніе послѣдней изъ германскаго союза и вообще изъ Германіи, казалось, должно бы было послужить окончательнымъ толчкомъ къ тому повороту, который въ сущности могъ произойти уже въ 1806 г. съ созданіемъ собственно „Австрійской имперіи", т. е. къ перерожденію Австріи въ смыслѣ полной эманципаціи отъ Германіи и ея задачъ и возстановленія историческихъ правъ своихъ главныхъ составныхъ частей, къ организація на наиболѣе справедливыхъ, напр., федеративныхъ началахъ новой, вполнѣ независимой Дунайской державы, оправдывающей свое названіе (Австрія—Austria, Ostreich, Oesterreich), въ которой на западѣ группа земель Чешской короны (Чехія, Моравія, Силезія) являлась бы надежнымъ оплотомъ противъ прусско-нѣмецкаго владычества и пангерманизма, въ то время, какъ земли славянъ юго-западныхъ (хорвато-словенскихъ) служили бы предохранительнымъ валомъ отъ напора италіанской стихіи, а на востокѣ и югѣ группа земель и племенъ „Угорской короны" (съ „тріединымъ королевствомъ"), при полной народной равноправности, представляла бы естественную почву и историческую опору для развитія вліянія Австріи въ соплеменныхъ земляхъ Балканскаго полуострова и для совмѣстной съ Россіей политики относительно Турціи.

Но Австрія, т. е. главнымъ образомъ династія не могла и не хотѣла помириться съ внезапной утратой своей роли и значенія въ германскомъ мірѣ, не хотѣла отрѣшиться отъ своихъ историческихъ германскихъ традицій, отъ своей враждебно-наступательной противъ греко-славянскаго Востока миссіи, и предпочла самостоятельности сильной мадьяро-славяно-австрійской федеративной монархіи—унизительную служебную роль послушнаго приспѣшника и орудія въ рукахъ своего естественнаго соперника, объединившейся Германіи, съ которой ей уже не приходится конкурировать ни въ силѣ (вслѣдствіе своего внутренняго разлада и безпомощности), ни въ великодержавномъ значеніи. Допущенная ею новая государственная система дуализма, т. е. раздѣленія

имперіи на двѣ половины, и предоставленіе одной изъ нихъ, именно восточной, въ полное распоряженіе мадьярамъ, иначе возстановленіе вмѣсто прежней Угріи новой Мадьяріи было лишь неизбѣжнымъ исходомъ и завершеніемъ начавшейся еще въ XVIII в. благопріятной мадьярамъ и враждебной славянамъ габсбургской политики.

Правда, самостоятельная организація Венгріи, т. е. „Транслейтаніи" на первыхъ порахъ не считалась безусловно вредною для немадьярскихъ народностей вообще и для Карпато-дунайскаго славянства въ частности и была проведена даже не безъ вліянія русской политики, ожидавшей отъ этой перемѣны блага для славянъ въ виду либеральнаго настроенія лучшихъ вождей мадьярскаго народа, такихъ дѣятелей, какъ Дэакъ и Этвешь. У этихъ, наиболѣе прозорливыхъ и благородныхъ политиковъ, какъ и вообще у лучшихъ тогдашнихъ мадьяръ (какъ напр. и у историка Салая) замѣтно проявлялась готовность дать удовлетвореніе справедливымъ національнымъ требованіямъ славянъ и румынъ, не лишать ихъ извѣстныхъ политическихъ правъ и организовать венгерское самоуправленіе на началахъ большей справедливости.

Но эти благородныя стремленія, обѣщанія и мечты очень скоро разлетѣлись какъ дымъ среди все сгущавшейся атмосферы мадьярской національной исключительности, нетерпимости и шовинизма. Мадьяры воспользовались своею властью и грубою силою, предоставленными имъ нѣмецкимъ правительствомъ и династіей, для утвержденія въ Транслейтаніи полнаго и безконтрольнаго своего господства, между прочимъ, посредствомъ неправильнаго, искусственнаго дѣленія страны на избирательные округа (съ преобладаніемъ или участіемъ мадьярскаго населенія, вмѣсто естественнаго дѣленія—по народностямъ). Но имъ не достаточно было и политическаго господства.

Дойдя до крайняго предѣла самомнѣнія и высокомѣрія и подстрекаемые все той же австрійской славянофобіей и пресловутымъ пугаломъ всепоглощающаго панславизма, они задались нынѣ еще болѣе смѣлой и грандіозной задачей—навязать всѣмъ угорскимъ народностямъ свой языкъ, всѣхъ обезличить и затѣмъ омадьярить, обративъ такимъ образомъ Венгрію въ одно однородное національно-политическое цѣлое.

Надъ осуществленіемъ этой мечты они работаютъ упорно и послѣдовательно вотъ уже многія десятилѣтія, не щадя никого, даже и самихъ нѣмцевъ (напр., трансильванскихъ саксовъ), чѣмъ вызываютъ негодованіе и попреки австрійскихъ нѣмцевъ въ неблагодарности. Съ другой стороны мадьяры съ неменьшей энергіей стремятся къ все большему обособленію и независимости

Венгріи и этимъ, конечно, подкапываются подъ основу и старую историческую идею Дунайскаго государства, подъ его цѣлость и единство. Продолжая имъ уступать и потакать, Габсбурги, какъ представители этой идеи и общеавстрійскихъ интересовъ, сами, такъ сказать, роютъ себѣ яму, ибо мадьяры обращаются нынѣ слишкомъ явно изъ ихъ союзника въ орудіе подрывающихъ ихъ значеніе пангерманизма и германской имперіи, какъ во внутреннихъ дѣлахъ Австро-Венгріи, такъ и въ австрійской балканской политикѣ.

Въ такихъ коренныхъ противорѣчіяхъ и заключается весь безнадежной трагизмъ положенія династіи и Австріи въ ихъ двусмысленной, несамостоятельной роли.

Дѣло въ томъ, что этотъ внутренній разладъ не ограничивается отношеніями чисто-политическими или національными. Онъ идетъ глубже, вслѣдствіе столкновенія искони представляемыхъ и защищаемыхъ Австріей и Габсбургами интересовъ римско-католической церкви и папства съ имъ противными, исходящими изъ Пруссіи пангерманскими тенденціями и политикой въ протестантской либеральной окраскѣ. Австрія такимъ образомъ, ставъ на путь пангерманской, прусско-нѣмецкой политики, очутилась въ глубокомъ разладѣ, въ коллизіи со своими старыми традиціонными римско-папскими, латинскими стремленіями, задачами и сочувствіями, столь дорогими многимъ изъ ея католическихъ народовъ. Результатомъ этого была неблагопріятная для государственнаго развитія и единства новая группировка и раздвоеніе факторовъ, дотолѣ солидарныхъ и связанныхъ общимъ интересомъ, усиленіе элементовъ смуты и разложенія, крайнее обостреніе взаимной вражды и неустанной борьбы народовъ, политическихъ партій и культурныхъ теченій, неустойчивость и шаткость правительственной политики, и среди всего этого въ высшей степени затруднительное, щекотливое и фальшивое положеніе короны и династіи.

Особенно обострились австрійскія отношенія въ эпоху антипапской политики Германіи и Бисмарка и пресловутаго Kulturkampf'а, но въ новѣйшее время эта послѣдняя смѣнилась болѣе дальновидной примирительной относительно Рима политикой Вильгельма II, ищущаго сближенія съ католическимъ міромъ—въ сознаніи общности задачъ на грекославянскомъ Востокѣ.

Однако жъ насколько еще велико могущество Римской церкви и папства, насколько еще крѣпки и прочны старыя связи съ ними Габсбургской династіи и Австріи, настолько же сильны и стойки свившія себѣ и здѣсь гнѣздо прусско-германскія антипапскія стремленія „прочь отъ Рима“, а потому всѣ эти при-

мирительныя теченія, равно какъ и временные политическія союзы (какъ „тройственный“ и сепаратный австро-германскій) не могутъ уничтожить или хоть сгладить то глубокое, внутреннее духовное противорѣчіе и ту фальшь которыя лежатъ въ одновременной службѣ Габсбурговъ, а слѣдовательно и ихъ монархіи съ одной стороны — папству и римско-католической идеи какъ своимъ историческимъ завѣтамъ, съ другой — протестантскому либеральному пангерманизму и идеѣ прусско-нѣмецкаго империализма. Этотъ разладъ между силами, которыхъ единеніе и совокупная дѣятельность такъ тяжело всегда отзывались на западномъ славянствѣ, оказывается, конечно, до нѣкоторой степени на руку славянамъ австрійскимъ въ ихъ борьбѣ съ германизаціонными и централизаціонными поползновеніями правительства, а равно и съ ультрамонтанствомъ и іезуитизмомъ воинствующей римской церкви, и они имъ пользуются сколько можно; но при всемъ томъ ихъ современное положеніе, какъ и положеніе стонущихъ подъ мадьярскими насиліями угорскихъ славянъ, крайне тяжелое и ихъ стойкая борьба за національныя права и за самое бытье свое противъ анормальнаго и несправедливаго мадьяро-нѣмецкаго режима привлекаетъ глубокія сочувствія и нравственную поддержку всего славянскаго и даже отчасти неславянскаго міра.

Въ послѣднія десятилѣтія, по мѣрѣ развитія и роста наступающаго пангерманизма какъ въ средней Европѣ вообще такъ и въ нѣдрахъ самой Австріи, славянское движеніе въ ней и дѣятельныя стремленія славянскихъ народностей (особенно чеховъ, словенцевъ, поляковъ и даже русскихъ въ Галиціи, хорватовъ и сербовъ) къ отвоеванію себѣ политической равноправности, въ связи съ утвержденіемъ въ Австріи конституціоннаго строя, чрезвычайно усилились и до нѣкоторой степени парализуютъ успѣхи мадьяризма въ Венгріи и особенно германизма въ Австріи. Но къ сожалѣнію этимъ стремленіямъ и этому славянскому отпору не достаетъ необходимаго единенія, согласія сплоченности, опирающихся на сознанія громадной важности національнаго единства и полной общности интересовъ и задачъ.

Исконный историческій грѣхъ славянъ, выражавшійся издавна въ безпрестанныхъ взаимныхъ счетахъ, усобицахъ и завистливомъ соперничествѣ и бывшій причиной стольких бѣдствій и частыхъ успѣховъ надъ ними то тѣхъ, то другихъ враговъ-насильниковъ къ сожалѣнію и нынѣ еще мѣшаетъ имъ сплотиться, забывъ взаимную вражду, и общими силами завоевать себѣ въ томъ государствѣ, которое ихъ объединило, соотвѣтственное ихъ этническому мѣсту и историческимъ правамъ и преданіямъ положеніе рядомъ съ австрійскими нѣмцами и мадьярами.

Разобщенность, разрозненность и слабость славянъ не только вредитъ имъ въ домашнихъ ихъ дѣлахъ, въ отстаиваніи ихъ народныхъ правъ, но и лишаетъ ихъ принадлежащаго имъ по существу дѣла и по исторіи значенія и вліянія во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, особенно въ столь важномъ вопросѣ, каковъ балканскій или турецкій. Между тѣмъ огромный такъ называемый „восточный" или вѣрнѣе общеславянскій вопросъ, какъ мы уже указывали, связываетъ съ ихъ собственной судьбой и ихъ будущностью рѣшеніе исторической судьбы Балканскаго полуострова и Южнаго славянства.

Мы уже выше отмѣчали, что географическія и этническія связи и отношенія и историческое тяготѣніе въ задунайскія области, характеризовавшія жизнь и политику старой самостоятельной Угріи, были естественно унаслѣдованы и поглотившей ее новой дунайской державой. Съ этой точки зрѣнія дѣятельная политика послѣдней на Балканскомъ полуостровѣ находитъ себѣ достаточное объясненіе и оправданіе. Но вопросъ самый первый и важный—это ея сущность, ея характеръ. А послѣднія невольно опредѣляются конечно преобладающими въ Австро-Венгріи политическими факторами и силами. Если этой балканской политикѣ даютъ направленіе и вдохновляютъ ее съ одной стороны мадьярскія славянофобія, національный шовинизмъ и непомѣрная притязательность, а съ другой—внушаемыя германской имперіей пангерманскія вожделѣнія и историческій Drang nach Osten, воплощаемые самой династіей и современной государственной системой, какъ это на дѣлѣ и было по большей части въ наши дни (напр. съ окупаціей Босніи и Герцоговины въ 1878 г. и несчастнымъ для славянъ хозяйничаніемъ тамъ), то такая австрійская политика не можетъ конечно итти на пользу какъ заинтересованныхъ и постепенно освобождаемыхъ великой Россіей отъ турецкаго гнета южныхъ народовъ, такъ и Карпато-дунайскаго славянства, да и вообще всего славянскаго міра.

Дѣятельная роль и исторически-законное вліяніе Дунайской монархіи на судьбу и отношенія народовъ Балканскаго полуострова должны быть опредѣляемы лишь истинными существенными интересами послѣднихъ и естественно связанными съ ними интересами и выгодами соплеменныхъ народовъ Австро-Венгріи, т. е. большинства ея населенія, въ соблюденіи которыхъ заключается и истинное благо и прочная будущность этого государства. Только при такихъ нормальныхъ условіяхъ можно было бы вполнѣ примириться съ предоставленіемъ этой державѣ извѣстной роли и вліянія на полуостровѣ, съ осуществленіемъ здѣсь ея частныхъ, экономическихъ и культурныхъ народныхъ, преиму-

щественно западно-славянскихъ, а отнюдь не западно-европейскихъ, пангерманскихъ или римско-церковныхъ интересовъ съ участіемъ ея въ окончательномъ рѣшеніи турецкаго и южно-славянскаго вопросовъ, въ которомъ первая и главная роль можетъ и должна принадлежать только Россіи.

Въ противномъ случаѣ, т. е. при настоящихъ неестественныхъ условіяхъ мадьяро-нѣмецкой государственной системы, направляющихъ и внѣшнюю политику Австро-Венгріи, — эти ея вліяніе, интересы и участіе могутъ итти безусловно лишь ко вреду славянства, къ непрочному, неправильному, а потому лишь временному рѣшенію великаго „восточнаго", т. е. славянскаго вопроса.

Все сказанное должно убѣдить всякаго безпристрастнаго судью въ томъ, что охарактеризованный нами современный искусственный и глубоко несправедливый строй Австро-Венгріи, основанный на отдачѣ большинства ея народовъ въ жертву мадьяризму и воинствующимъ западноевропейскимъ стихіямъ (пангерманизму, католицизму и пр.), и приведшій нынѣ къ крайнему внутреннему хаосу, разладу, ожесточенной борьбѣ и смутѣ, не только не обезпечиваетъ государству правильнаго и прочнаго развитія и вообще сколько-нибудь вѣрнаго будущаго, но напротивъ, можетъ имѣть для него въ недалекомъ времени трагическія послѣдствія, ибо для достиженія ихъ, т. е. распаденія и разложенія государства послѣдовательно работаютъ тѣ именно силы, которымъ роковымъ образомъ потакаютъ Австрія и ея династія, т. е. мадьяры и германскій „Drang".

Между тѣмъ существованіе Дунайской монархіи, объединяющей западное славянство вмѣстѣ съ нѣкоторыми, самой судьбой съ нимъ спаянными, народностями и составляющей надежную опору (рядомъ съ великой восточной славянской имперіей) для народовъ Балканскаго полуострова, а съ другой стороны достаточно сильный противовѣсъ объединенной Германской имперіи съ ея всенѣмецкими задачами въ средней Европѣ — является очевидно совершенной необходимостью не только для славянскаго міра, но и для политическаго равновѣсія съ общеевропейской точки зрѣнія и особенно въ интересахъ романской Европы, и въ частности — Франціи, которая хорошо понимаетъ это и не оставляетъ случая выказать [1]).

Но, чтобъ Дунайская держава дѣйствительно выполняла свое историческое назначеніе и истинное призваніе, она должна быть

---

[1]) Это выражалось не разъ въ политическихъ манифестаціяхъ, напр. чешско-французскихъ, высказывалось французскими политическими дѣятелями и писателями. Достаточно назвать хотя бы имена Леруа Больэ, René Henry Шерадама etc. Оттуда сочувствія Франціи такому явленію, какъ „кельто-славянская лига".

сильною, вполнѣ самостоятельною, прочно стоящею на своихъ естественныхъ, историческихъ и народныхъ основаніяхъ, почерпающею свою силу и вліяніе не извнѣ, а изъ себя самой, изъ главныхъ элементовъ своего состава и организма.

Очевидно нынѣшняя Австро-Венгрія въ своемъ хаотическомъ, расшатанномъ состояніи, если ей суждено еще существовать, должна въ скоромъ времени подвергнуться коренной перестройкѣ на вышеуказанныхъ началахъ. Такимъ образомъ Карпато-дунайскія земли должны повидимому скоро вступить въ новую историческую эру.

Если Австрія не доведетъ себя до катострофы или полнаго распаденія, столь желательнаго для объединительныхъ и завоевательныхъ стремленій германизма, или насильственнаго переворота во взаимномъ соотношеніи и распредѣленіи ея элементовъ и силъ, то внутреннее, мирное переустройство ея на новыхъ, естественныхъ основаніяхъ возможно лишь въ двоякомъ смыслѣ или направленіи: при существенномъ измѣненіи взглядовъ и политики хотя бы одного изъ двухъ главныхъ политическихъ факторовъ современной Австро-Венгріи, т. е. или Габсбургской династіи или привилегированной нынѣ мадьярской народности и ея вожаковъ.

Если Габсбурги и поддерживающія ихъ австрійскія католическія сферы въ состояніи понять, пока еще не поздно, къ чему ихъ приведутъ въ концѣ концовъ съ одной стороны непрекращающіяся уступки мадьяризму и транслейтанскому сепаратизму, съ другой — въ самой Цизлейтаніи потаканье пангерманскимъ теченіямъ и притязаніямъ, если въ старой австрійской династіи заговоритъ наконецъ сильнѣе и рѣшительнѣе чувство вѣковой гордости, уязвленнаго самолюбія, глубокой обиды, нанесенной ей молодымъ соперникомъ, Гогенцолернами, посредствомъ позорнаго изгнанія ея изъ Германіи и заставитъ ее отрѣшиться отъ служенія имъ и вообще пангерманской идеѣ, если наконецъ рядомъ съ этимъ чувство справедливости заставитъ династію услышать стоны и безпрестанныя жалобы жестоко подавляемыхъ мадьярскимъ шовинизмомъ и насиліями народностей и законныя требованія цизлейтанскихъ славянъ и взять ихъ подъ свою защиту,—въ такомъ случаѣ можетъ и высшею имперскою или королевскою волею быть положенъ конецъ настоящему мадьярскому господству и безправію прочихъ народностей въ Венгріи, а въ Цизлейтаніи могутъ быть также возстановлены племенное равновѣсіе, равноправность и историческія права одной изъ главныхъ составныхъ частей Австріи, т. е. „земель Чешской короны“. А въ такой перемѣнѣ политики династія нашла бы могущественную поддержку всѣхъ славянскихъ племенъ Австро-Венгріи, румынъ и даже по всей вѣроятности трансильванскихъ нѣмцевъ (сак-

совъ), т. е. огромнаго большинства ея подданныхъ, при полной поддержкѣ и сочувствіи остальнаго славянства, что несомнѣнно ее усилило бы и подняло ея значеніе и престижъ, не говоря уже о достигаемомъ этимъ укрѣпленіи всей монархіи.

Но возможно ли ожидать отъ Габсбургской династіи, нѣмецкой по крови и по духу, такого постиженія истинныхъ современныхъ интересовъ своихъ и своего государства, и отрѣшенія отъ стародавнихъ германскихъ традицій и исторической роли въ германскомъ мірѣ, въ чемъ ее поддерживаютъ многочисленныя еще живыя ея связи съ нимъ, особенно съ нѣкоторыми его членами,—это большой вопросъ, для рѣшенія котораго въ утвердительномъ смыслѣ мы не находимъ, къ сожалѣнію ни въ исторіи, ни въ настоящемъ никакихъ данныхъ или основаній.

Другое возможное условіе благополучнаго рѣшенія наступающаго для Австріи кризиса есть перемѣна настроенія и политики другого историческаго фактора, искусственно поднятаго и надѣленнаго властью противоестественной австрійской политической системой, а именно мадьярской народности. Не представляется ли съ этой стороны нѣсколько болѣе надежды на благопріятное для будущаго Дунайской державы и всѣхъ ея народовъ внутреннее переустройство?

Надо сознаться, что настоящее настроеніе мадьяръ, ихъ народныхъ вождей и большинства ихъ политическихъ партій, которыхъ обуяла въ наши дни настоящая мадьяризаторская горячка и ослѣпилъ какой-то безотчетный страхъ передъ славянствомъ, не возбуждаетъ особенныхъ надеждъ на возможность перемѣны политики въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Но хотѣлось бы думать, что тутъ отрезвленіе все-же возможно и должно же наступить рано или поздно—подъ вліяніемъ все возрастающей угрозы завоеваній пангерманизма, одинаково опаснаго какъ для славянъ, такъ и для мадьяръ. Сила вещей и историческія событія должны, наконецъ, убѣдить и народную венгерскую массу и самыхъ предубѣжденныхъ мадьярскихъ шовинистовъ, что будущность ихъ народа—въ примиреніи и сближеніи съ окружающими ихъ народностями, съ угорскими славянами въ частности и славянствомъ вообще, въ соединеніи ихъ силъ, ихъ труда и ихъ дарованій для совмѣстной борьбы съ общимъ наступающимъ врагомъ-германизмомъ, что въ этомъ союзѣ равноправныхъ и солидарныхъ другъ съ другомъ народностей заключаются жизненные интересы и самая надежная политическая опора, можно даже сказать, спасеніе самой Дунайской монархіи, которую коварно толкаетъ въ пропасть междоусобій и разложеній ея прусско-германскій „союзникъ“.

Если исторія, какъ мы замѣтили, не даетъ намъ никакихъ основаній для ожиданія какого-либо благопріятнаго славянской Австріи переворота въ образѣ мыслей и сочувствіяхъ нѣмецкой Габсбургской династіи, всегда остававшейся вѣрной своей исконной враждебности къ греко-славянскому міру, то относительно мадьяро-славянскихъ отношеній и нашей еще не утраченной надежды на ихъ постепенное измѣненіе мы, напротивъ, именно въ исторіи, какъ она насъ учитъ и какъ достаточно, надѣемся, выясняется и изъ нашего очерка, почерпаемъ и поучительныя указанія и существенную опору.

Въ самомъ дѣлѣ, если современный мадьярскій племенной шовинизмъ, ни съ чѣмъ не сообразныя національныя притязанія и вожделѣнія мадьяръ, безотчетный ихъ страхъ передъ призракомъ панславизма и взаимная враждебность этихъ народностей въ Угріи (особенно со стороны мадьярской) представляютъ нѣчто сравнительно новое, искусственное и раздутое, плодъ противоестественной австрійско-нѣмецкой политической системы и агитаціи, главнымъ образомъ за послѣднее столѣтіе, если ничего подобнаго не было ни въ старой самостоятельной Угріи, ни въ эпоху турецкаго владычества и борьбы за историческія права и вольности угорскихъ народовъ при сліяніи съ австро-габсбургской державой (съ половины XVI до половины XVIII вв.), если, напротивъ, жизненная сила славяно-мадьярской Угріи во всѣ вѣка (до конца XVIII в.) заключалась въ согласіи, въ общности земскихъ интересовъ и задачъ ея народовъ, въ стремленіяхъ центростремительныхъ при полной племенной равноправности, въ дружной борьбѣ съ исконнымъ врагомъ, посягавшимъ издавна на ея самобытность и независимость, и наконецъ ее осилившимъ, если даже и въ наше время среди самихъ мадьяръ и ихъ представителей раздавались время отъ времени благородные голоса въ пользу примиренія и уступокъ національнымъ интересамъ и правамъ прочихъ венгерскихъ племенъ (вспомнимъ Деака, Этвеша, Салая, Мочари), то почему не предполагать возможности возврата къ такимъ же отношеніямъ въ современной Дунайской державѣ, угрожаемой въ бытіи своемъ все тѣмъ же западнымъ врагомъ и могущей сохранить свою цѣлость, самостоятельность и великодержавную роль лишь при правильномъ соотношеніи своихъ составныхъ частей, при справедливомъ удовлетвореніи историческихъ народныхъ правъ, лишь при внутреннемъ политическомъ равновѣсіи и гармоніи.

Если насъ спросятъ, какимъ путемъ можно бы ускорить этотъ внутренній переворотъ, эту перестройку національныхъ отношеній и силъ, какъ подготовку къ политическому преобразованію

государства, съ которой придется поневолѣ считаться и династіи (если она дорожитъ своей судьбой), то мы укажемъ, какъ на единственно возможный, вѣрный и спасительный путь къ этой цѣли, на скорѣйшее прочное *взаимное сближеніе и союзъ всего угорскаго и австрійскаго славянства*, на забвеніе славянскими племенами взаимныхъ счетовъ, ссоръ, мелкаго соперничества и узкихъ сепаратистическихъ тенденцій, на соединеніе ими воедино всѣхъ народныхъ силъ, стремленій и интересовъ, на общую неустанную дружную работу (каждый народъ въ своей политической сферѣ и сообразно своимъ условіямъ) и упорную борьбу за свои народныя права и за идею государственнаго единства и независимости Австріи противъ главнаго ихъ историческаго врага. Такое соединеніе славянскихъ силъ Австро-Венгріи вмѣстѣ съ примирительнымъ и безпристрастнымъ отношеніямъ къ старымъ сожителямъ и сподвижникамъ въ борьбѣ за свободу, къ мадьярамъ, могло бы образумить, отрезвить и послѣднихъ, отвлечь ихъ отъ пагубной идеи созданія самостоятельной „Мадьяріи" и привлечь къ общему дѣлу переустройства Дунайской славяно-австро-венгерской имперіи на новыхъ началахъ, къ дѣлу ея обновленія и укрѣпленія.

Въ такомъ процессѣ глубоко заинтересовано все славянство и, разумѣется, Россія, русскій народъ во главѣ его, ибо съ нимъ, съ этимъ австрійскимъ вопросомъ неразрывно связано желательное разрѣшеніе всего такъ называемаго „восточнаго", т. е. западно- и южно-славянскаго вопроса, а слѣдовательно, и дальнѣйшая судьба нашего греко-славянскаго міра. Карпато-дунайской монархіи, какъ державѣ, объединяющей на справедливыхъ началахъ всѣ народы этой территоріи, и представляющей частные интересы западнаго славянства, какъ могущественному оплоту греко-славянскаго Востока противъ пангерманскаго нашествія, какъ самостоятельному соединительному звену между европейскимъ Западомъ и Востокомъ, Россія и славянство будутъ всегда сочувствовать и первая охотно раздѣлитъ съ *такой* Австріей вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Но когда это будетъ?

Во всякомъ случаѣ, долгъ всего славянства и прежде всего Россіи всячески хоть нравственно и духовно поддерживать австрійскихъ и угорскихъ славянъ и тѣ народы, которые примкнутъ къ нимъ, въ ихъ великой задачѣ политическаго обновленія и возрожденія своего государства.

IX.

Представленный нами здѣсь общій обзоръ историческаго прошлаго Карпато-дунайскихъ земель и политической судьбы ихъ народовъ служитъ, какъ намъ кажется, достаточно прочнымъ

обоснованіемъ высказаннаго нами выше положенія объ исключительно-важной роли этихъ земель въ исторической жизни славянства и вообще всего греко-славянскаго міра, особенно въ его отношеніяхъ къ міру западно-европейскому, а тѣмъ самымъ и въ общей политической и культурной исторіи всей Европы. Въ частности въ нашемъ изложеніи въ крупныхъ чертахъ выясняются и ближайшія историческія отношенія интересующихъ насъ земель къ отдѣльнымъ частямъ нашего славянскаго міра и, между прочимъ, отношенія къ Россіи, а равно и послѣдней къ нимъ, т. е. вопросъ наиболѣе намъ близкій и возбуждающій преимущественно наше вниманіе.

Если мы мысленно прослѣдимъ по вѣкамъ и эпохамъ эти взаимныя отношенія, то не затруднимся отмѣтить цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ историческихъ явленій и событій, связывающихъ политическое, экономическое и культурное развитіе и судьбу этихъ главнѣйшихъ частей славянскаго міра и свидѣтельствующихъ о взаимномъ вліяніи и воздѣйствіи различныхъ явленій, силъ и факторовъ, въ разное время слагавшихся то на русско-славянскомъ Востокѣ, то на Карпато-дунайскомъ Западѣ. Перечислять здѣсь вновь эти факты и данныя было бы излишне. Но, если нельзя отрицать почти непрерывающагося проявленія этихъ историческихъ связей и взаимодѣйствій, то тѣмъ не менѣе не теряетъ своей силы и высказанное нами въ самомъ началѣ нашей статьи неоспоримое наблюденіе, что, благодаря особымъ условіямъ сложенія и развитія нашего восточнаго русскаго міра, давшимъ и особое направленіе и его государственному росту и политическимъ стремленіямъ, всякія отношенія, государственныя и народныя влеченія и интересы этого міра именно къ сосѣднимъ землямъ Карпато-дунайскимъ, въ ихъ общемъ характерѣ и общемъ многовѣковомъ итогѣ, далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ установленнымъ нами значенію и важной роли, которыя принадлежатъ этимъ болѣе чѣмъ на половину славянскимъ землямъ и ихъ трагической судьбѣ въ исторіи всего греко-славянства. Только этимъ нѣкоторымъ нашимъ историческимъ равнодушіемъ, пассивностью и сдержанностью въ эту сторону можно объяснить такія несообразныя и несомнѣнно прискорбныя для славянства явленія, какъ, напр., допущенное Россіей отлученіе и отчужденіе, а затѣмъ довольно безучастное предоставленіе своей судьбѣ и произволу чуждой и враждебной власти—значительной и важной по старобытной роли вѣтви русскаго племени (въ Галиціи), какъ странное равнодушіе наше къ тяжкой судьбѣ и страданіямъ другихъ нашихъ Карпато-дунайскихъ соплеменниковъ особенно въ Венгріи, какъ, далѣе, непростительныя ошибки наши въ Балкан-

ской политикѣ—по отношенію къ Австріи, подобныя предоставленію Босніи и Герцеговины мадьяро-нѣмецкой опекѣ, а слѣдовательно и поглощенію, какъ, наконецъ, отсутствіе до сихъ поръ въ русскомъ обществѣ и въ русскихъ властвующихъ сферахъ истиннаго интереса къ внутреннимъ отношеніямъ, національной борьбѣ, культурной жизни и стремленіямъ славянъ въ Австро-венгерской монархіи и еще царствующіе у насъ по этой части поразительный туманъ или просто невѣжество.

Это отсутствіе должнаго интереса къ данному предмету, отсутствіе знаній и пониманія, этотъ важный, существенный пробѣлъ въ нашихъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ изученіяхъ мы подчеркнули уже въ началѣ нашего изложенія. Теперь намъ остается, въ заключеніе своей задачи, еще удѣлить этому вопросу нѣкоторое вниманіе.

Изъ всего изложеннаго нами легко видѣть, какое видное, большое мѣсто *должны бы*, по природѣ вещей и по справедливости, занимать этнографія и исторія, древности, старина и современность Карпато-дунайскихъ земель какъ въ нашихъ научныхъ археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ изысканіяхъ, такъ и въ школьныхъ изученіяхъ и въ популярной литературѣ, этихъ лучшихъ показателяхъ общественныхъ интересовъ и народнаго самосознанія.

Что же оказывается въ дѣйствительности? Что находимъ мы, напр., въ нашей *ученой исторической литературѣ* по занимающему насъ предмету? Къ сожалѣнію, болѣе внимательное ея разсмотрѣніе заставляетъ признать наше утвержденіе о ея поразительной скудости отнюдь не преувеличеннымъ. Правда, можно назвать нѣсколько крупныхъ авторитетныхъ именъ нашей славистической науки, заявившихъ себя и въ этой области постановкой важныхъ вопросовъ ея изученія, самостоятельнымъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ ея сторонъ и даже разработкой нѣкоторыхъ частныхъ темъ, но сколько-нибудь цѣльныхъ, крупныхъ и существенныхъ русскихъ изслѣдованій или обобщающихъ критическихъ работъ въ этой литературѣ мы указать не въ состояніи.

Не только нѣтъ общаго и цѣльнаго серіознаго труда по исторіи Карпато-дунайскихъ земель (до этого еще слишкомъ далеко!), но нѣтъ даже и изображенія или разработки какой-либо отдѣльной цѣльной эпохи или періода существованія той или другой дунайской политической организаціи (Угріи, Австро-германской или Австрійской имперіи). Недостатокъ ученаго и общественнаго интереса къ этой области особенно ярко характеризуется тѣмъ, что не имѣется у насъ даже и переводнаго сочиненія, т. е. русскаго *перевода* какого-нибудь выдающагося общаго

историческаго труда (нѣмецкаго, мадьярскаго или напр., чешскаго) по исторіи Угорской или Австрійской державы, а такихъ иностранныхъ, достойныхъ нашего вниманія трудовъ, существуетъ достаточно.

Между тѣмъ другіе европейскіе народы, не говоря уже о нѣмцахъ, даже болѣе насъ удаленные отъ Австро-Венгріи и географически, и судьбой, и интересами, напр., французы имѣютъ основательные цѣльные труды по исторіи этой державы [1]). Но и по изученію отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ изъ этой области, по части историческихъ монографій этотъ отдѣлъ исторіи представляетъ у насъ крайне мало сколько-нибудь крупныхъ, важныхъ и самостоятельныхъ работъ [2]).

И однакожъ мы не можемъ сказать, чтобъ въ ученой нашей литературѣ (главнымъ образомъ по славистикѣ) на этотъ отдѣлъ, карпато-дунайскій или угро-австрійскій, не обращалось вовсе никакого вниманія. О великой важности изученія этой области, именно для насъ, русскихъ, говорилось давно и много разъ очень убѣдительно и авторитетно. Многіе выдающіеся наши историки и этнографы-слависты, начиная со старшаго поколѣнія (напр., Надеждинъ, Венелинъ, Срезневскій, Гильфердингъ) [3]), вполнѣ сознавали эту важность и въ своихъ ученыхъ трудахъ и статьяхъ касались вопросовъ разработки этой исторіи, удачно бросали свѣтъ на разныя ея особенности и уголки, будили и направляли въ эту сторону русскую мысль и научный интересъ и этимъ хоть сколько-нибудь привлекали къ ней спеціальное вниманіе кое-кого изъ своихъ преемниковъ-славистовъ.

Особенная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ ветерану и корифею русскаго славяновѣдѣнія вообще, и славянскихъ историческихъ изученій въ частности, глубокочтимому нашему академику Владиміру Ивановичу Ламанскому. Въ цѣломъ рядѣ своихъ трудовъ, статей и замѣтокъ, не говоря уже объ университетскихъ его чтеніяхъ (къ сожалѣнію, неизданныхъ), онъ, обнимая своимъ широкимъ взглядомъ историческую судьбу славянства и всего греко-славянскаго міра, выдвигаетъ истинное значеніе и роль Карпато-дунайскихъ земель, указываетъ на необходимость и важность разработки исторіи Угріи въ ея цѣломъ, и ея составныхъ частей, проводитъ интересныя и поучительныя параллели, сбли-

[1]) Напр., Louis Leger, Histoire de l'Autriche-Hongrie, depuis les origines jusqu'à l'anné 1894. Paris. 1895. Срав. Н. Попова, Критич. Обозрѣніе, 1879, № 12 (по поводу 1-го изд.).

[2]) Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь Чехія и чешская исторія— благодаря своему обще-европейскому интересу и роли чеховъ въ исторіи нашей славистики.

[3]) Мы имѣемъ въ виду лишь отечественную науку, не включая сюда историковъ и славистовъ мѣстныхъ галицко-русскихъ и угро-русскихъ.

женія и аналогіи угорской исторіи съ исторіей (внѣшней и внутренней) сосѣднихъ славянскихъ державъ, Чехіи и Польши, мѣтко отмѣчаетъ интересныя черты и вліянія въ исторіи взаимныхъ отношеній данныхъ земель и Россіи въ старое и новое время, наконецъ, разъясняетъ и доказываетъ настоятельную необходимость русскихъ археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ изысканій въ этихъ областяхъ и старается привлечь общественный интересъ и участіе къ нашимъ, матеріально и духовно жестоко угнетаемымъ и подавляемымъ мадьярами и нѣмцами соплеменникамъ [1]).

По стопамъ В. И. Ламанскаго шли и нѣкоторые другіе наши слависты, которымъ изученіе судьбы и этнографіи Карпато-дунайскихъ земель, вопросовъ западно-славянскаго или „восточнаго", и въ частности — австро-угорскаго обязано также многими дѣльными и важными указаніями, руководящими соображеніями и замѣчаніями. Такое значеніе имѣютъ, напр., нѣкоторыя работы и статьи Нила Попова, А. А. Кочубинскаго, І. І. Первольфа и особенно А. С. Будиловича [2]), а также въ новѣйшее время И. П. Филевича (съ точки зрѣнія древней русской исторіи) [3]).

И не смотря на все это постоянно проявлявшееся въ нашей научной славистической историографіи сознаніе важности

---

[1]) См. напр. слѣдующіе его труды и статьи:
О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, Спб. 1860.
„Рѣчь" при защитѣ этой диссертаціи, Рус. Бесѣда, М. 1860, I.
Объ историч. изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ, Спб. 1871.
Изученіе Славянства и русское самосознаніе (Чтеніе въ Имп. СПбург. универс. 1867 Ж. М. Н. Пр., ч. CXXXIII.
Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв. Слав. Сборникъ. 1875, т. I. СПБ.
Историческая миссія Австро-Венгріи. Новое Время 1878, № 907.
Могущество Турокъ Османовъ въ Европѣ (Рѣчь въ Универс.) Историч. Вѣстникъ 1880, т. I, т. II.
Secrets d'état de Venise, StPeterb. 1884.
Очерки Венгріи (Памяти Луд. Штура), Извѣстія Слав. Благ. Общ. 1888, №№ 6—7.
Три міра Азійско-Европейскаго материка. Слав. Обозрѣніе 1892, янв., февраль, мартъ и апрѣль.
и проч.

[2]) См. напр., его статьи:
Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная. Ж. М. Н. Пр. 1874, декабрь.
Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра, Спб., Слав. Сборн., т. II, 1878.
Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса (разборъ изд. В. И. Ламанскаго Secrets d'état de Venise) Ж. М. Н. Пр. 1885, февраль, апрѣль, май и іюнь.
Нѣсколько данныхъ о научной постановкѣ славянской исторіи etc. Юрьевъ, 1898.
Тысячелѣтіе Мадьяръ, Спб. 1896.
Современный мадьяризмъ въ перспективахъ угро-славянской исторіи и жизни. Изв. Слав. Благ. Общ. Спб. 1902. И проч.

[3]) Исторія Древней Руси, т. I, Варш., 1896 и рядъ статей объ Угорской вообще Карпатской Руси (см., напр., Варш. Унив. Изв. 1884, V и проч.).

этихъ изученій, она оставалась и остается до сихъ поръ такъ неимовѣрно бѣдною и тощею въ этомъ своемъ отдѣлѣ. Кромѣ коренныхъ, такъ сказать внутреннихъ причинъ этого пробѣла, о которыхъ уже говорено нами выше, онъ можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ объясненъ еще и тѣмъ, что въ то время какъ наши спеціалисты по славянской исторіи удѣляютъ свое вниманіе и силы преимущественно разработкѣ исторіи отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и ихъ государствъ (Чехіи, Польши, Южныхъ славянъ) и сравнительно мало затрагиваютъ при этомъ Венгрію и Дунайскихъ славянъ, наши „всеобщіе" историки, по большей части держащіе себя очень далеко отъ славянскихъ изученій и отъ національной русско-славянской точки зрѣнія, чуждаются занятій историческимъ прошлымъ старой Угріи и Австріи, вообще всѣхъ этихъ дунайскихъ земель, между прочимъ безъ сомнѣнія и по той простой причинѣ, что основательное изученіе его источниковъ и всей литературы требуетъ знанія языковъ не только славянскихъ, но и мадьярскаго и даже румынскаго.

Результатъ этого явленія тотъ, что русская ученая литература по всеобщей Европейской исторіи насчитываетъ рядъ большихъ, самостоятельныхъ и даже довольно замѣчательныхъ трудовъ и монографій по исторіи Германіи, Франціи, Англіи, Италіи и проч., но почти вовсе не имѣетъ подобныхъ трудовъ (да и вообще историческихъ очерковъ, хотя бы компилятивныхъ) для Угріи и Австріи, ей однако несравненно болѣе близкихъ, родственныхъ и, казалось бы, привлекательныхъ.

Если мы ближе разсмотримъ содержаніе наличной столь скудной литературы нашего угро- и австровѣдѣнія, распредѣливъ его по отдѣламъ и историческимъ эпохамъ, то придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, еще рѣзче подтверждающимъ нашъ общій выводъ.

Что касается изученія Карпато-дунайской территоріи въ современной и исторической этнографіи, этнологіи и археологіи, то эта область остается въ нашей наукѣ совершенно еще не разработанной и едва лишь затронутой (да и то главнымъ образомъ въ ея восточной, Карпатской окраинѣ) работами немногихъ русскихъ историковъ и филологовъ, между которыми выдѣляется проницательный Надеждинъ съ новѣйшими своими продолжателями и послѣдователями.

Въ разработкѣ собственно исторіи этихъ земель, судьбы и историческаго прошлаго тѣхъ политическихъ организацій и государствъ, въ которыя онѣ издревле и въ теченіе вѣковъ входили, трудно указать періодъ, который привлекалъ бы особенное вниманіе русской исторической науки и служилъ бы темой хоть

нѣсколькихъ серіозныхъ ученыхъ работъ. Для каждой исторической эры можно пожалуй назвать кое-что: то монографію, то статью, то очеркъ, то замѣтку, имѣющіе несомнѣнно свою бо́льшую или меньшую цѣну и значеніе, но нельзя привести почти ничего болѣе крупнаго, цѣльнаго, капитальнаго.

Сравнительно болѣе другихъ эпохъ повезло у насъ все-таки древнѣйшей исторіи Карпато-дунайскихъ странъ—до образованія Угорской державы (до начала X в.). Этому способствовали съ одной стороны неразрывная связь древностей этихъ земель съ важнѣйшими и интереснѣйшими вопросами древностей общеславянскихъ, а также русскихъ и балканскихъ, а затѣмъ исключительные интересъ и вниманіе, которые возбуждались и у насъ издавна судьбой первой замѣчательной попытки политическаго объединенія у западныхъ славянъ, Велико-моравскимъ союзомъ, и ознаменовавшей его исторической плодотворной дѣятельностью великихъ славянскихъ просвѣтителей.

Благодаря этимъ вопросамъ, исторической древности этой территоріи удѣлено значительное вниманіе и въ кирилло-меѳодіевской литературѣ (особенно въ отдѣлахъ, посвященныхъ панноно-моравской дѣятельности апостоловъ), и въ трудахъ по древностямъ общеславянскимъ, русскимъ и нижнедунайскимъ такихъ русскихъ ученыхъ, какъ Надеждинъ, Венелинъ, Ламанскій, Брунъ, Н. Барсовъ, Васильевскій, Качубинскій, Успенскій, Иловайскій, Будиловичъ, Филевичъ и друг. [1]).

Исторія старой Угріи, т. е. самостоятельной Угорской мадьяро-славянской) державы (съ X в. по 1526 г.), при всемъ своемъ великомъ значеніи и интересѣ для исторіи славянскаго міра и для насъ, къ сожалѣнію, очень долго оставалась совсѣмъ безъ вниманія и безъ всякой разработки съ нашей стороны. Это—одинъ изъ самыхъ большихъ и поразительныхъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ и нашей исторической наукѣ. Только по необходимости, попутно, разрабатывая историческую судьбу сосѣднихъ государствъ и народовъ (Византіи, Южнаго славянства, Россіи и Польши), немногіе наши историки робко заглядывали въ эту темную, неизвѣданную область. Лишь въ новѣйшее время ею стали интересоваться нѣсколько болѣе, главнымъ образомъ, благодаря неустаннымъ указаніямъ все того же глубочайшаго нашего знатока славянской исторіи В. И. Ламанскаго, издавна удѣлявшаго исторіи Угріи большое вниманіе въ своихъ всегда пробивающихъ путь для новыхъ ученыхъ пріобрѣтеній изслѣдо-

---

[1]) Позволю себѣ кстати упомянуть и о своихъ работахъ о поселеніи мадьяръ въ Дунайской равнинѣ и разрушеніи Великой Моравіи („Моравія и Мадьяры“, Спб., 1881).

ваніяхъ, статьяхъ и замѣткахъ. Кромѣ того можно назвать развѣ еще двухъ-трехъ русскихъ ученыхъ, не совсѣмъ чуждавшихся этой области и труды которыхъ, ей посвященные или ея касающіеся, сохранятъ свое значеніе и могутъ послужить началомъ для дѣятельности будущихъ русскихъ историковъ Угріи [1]).

Не больше, а пожалуй еще меньше сдѣлано и для изученія интереснѣйшаго періода турецкаго владычества на среднемъ Дунаѣ, завоеваній австро-германскихъ и борьбы восточной Угріи (особ. Трансильваніи) за угорскую независимость и народныя права (съ 1526 по кон. XVII в.). Нѣсколько случайныхъ статей и очерковъ изъ этой эпохи — вотъ все содержаніе этого отдѣла.

Наконецъ, послѣдняя эпоха Австро-Габсбургская или мадьяро-нѣмецкая (до и послѣ введенія дуализма), какъ болѣе новая, живѣе и прямѣе связанная съ разными вопросами нашей русской и славянской современности, не могла не привлекать къ себѣ нѣсколько болѣе вниманія нашего образованнаго общества и ученыхъ историковъ (по крайней мѣрѣ славистовъ). Но, не смотря на это, и тутъ мы не въ состояніи назвать ни одного сколько-нибудь значительнаго и крупнаго не только самостоятельнаго, но даже и компилятивнаго сочиненія. Вся наша литература объ Австріи (и Австро-Венгріи) съ начала XVIII в. ограничивается не очень длиннымъ рядомъ ученыхъ статей, этюдовъ и очерковъ, между которыми самыя важныя и цѣнныя принадлежатъ все тѣмъ же русскимъ славистамъ разныхъ поколѣній, между которыми выдаются опять тѣ же знакомыя имена Ламанскаго, Гильфердига, Нила Попова, Первольфа, Будиловича и др. [2]).

[1]) Таковы, напр., статьи *В. Г. Васильевскаго*: „Византія и Печенѣги", „Изъ исторіи Византіи въ XII в." (Слав. Сборн., т. II и III) и проч.; *Ѳ. Успенскаго* „Образованіе 2-го Болгарскаго царства; *А. С. Будиловича* (Очерки изъ церк. ист. зап. Слав., Варш., 1880); *Н. Попова* „Мядьярскій историкъ Влад. Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до Прагматической санкціи"; работы *И. П. Филевича* etc. Вспомнимъ очеркъ *Березина* „Политическое отношеніе Тріединаго кор. къ Венгріи (Ж. М. Н. Пр., 1873). Кстати будетъ упомянуть здѣсь и о нашей работѣ „Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII в.", Варш., 1889, и нѣсколькихъ другихъ статьяхъ, касающихся исторіи Угріи.

[2]) Вспомнимъ, напр., статьи: *Ламанскаго* „Сербы и южно-славянскія провинціи Австріи" (Отеч. Зап. 1864), *Гильфердинга* „Славянскіе народы въ Австріи и Турціи; Развитіе народности у западн. Славянъ; Венгрія и Славяне; Славянскія народности и польская партія въ Австріи" и проч. (Сочин., т. II); *Н. Попова*, названная уже статья о Салаѣ, и „Австрійская публицистика передъ введеніемъ дуализма" (Слав. Ежегодн. Кіев., III); *Первольфа*: „Австрійскіе славяне въ 184⁸/₉ г.; Славянское движеніе въ 1848 г.; Мадьяры и восточный вопросъ", и многія другія; *Будиловича*, кромѣ уже названныхъ статей о Мадьярахъ, „О значеніи русскаго похода 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ" etc. Къ нимъ можно бы прибавить еще рядъ статей и очерковъ, принадлежащихъ другимъ авторамъ, изъ русскихъ журналовъ и періодическихъ изданій 2-й половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Но такая библіографія не входитъ въ нашу задачу. Упомянемъ лишь болѣе извѣстныя имена: Кельсіева, Кустодіева, Де-Воллана, Спасовича, Ливчака, Фрейганга, Кулаковскаго и др.

X.

Остается еще взглянуть на результаты нашего изученія занимающей насъ области въ границахъ *отдѣльныхъ народностей* или *племенъ*, населяющихъ Карпато-дунайскую территорію. Быть можетъ эти результаты окажутся болѣе утѣшительными?

Оставляя и здѣсь въ сторонѣ Чеховъ, которые, сообразно своему исключительному положенію и исторической роли въ далекомъ прошломъ и нынѣ, привлекали къ себѣ всегда и бóльшій, болѣе постоянный и живой интересъ въ нашемъ обществѣ, и потому занимаютъ нѣсколько болѣе мѣста въ русской научно-исторической литературѣ, изученіе жизни и судебъ другихъ народностей Карпато-дунайскихъ и Австрійскихъ [1]), какъ ни печально въ этомъ признаться, не можетъ похвалиться своею содержательностью и крупными успѣхами.

Нечего говорить о томъ, что у насъ почти вовсе не знаютъ и не изучаютъ мадьярскую и румынскую (въ Трансильваніи, Буковинѣ, etc.) народности, столь же мало углубляются въ ихъ исторію, сколько въ ихъ языкъ, этнографію, словесность—вопреки громадной важности этихъ изученій. Особенно ощутительно отсутствіе у насъ науки мадьяровѣдѣнія и спеціалистовъ по этой части [2]), въ виду возрастающей настоятельной потребности въ основательномъ знаніи мадьярщины для цѣлей историческихъ и филологическихъ, для усвоенія себѣ прошлаго и настоящаго Венгріи во всѣхъ отношеніяхъ.

Естественно, что значительно больше вниманія съ нашей стороны должны были привлекать къ себѣ наши соплеменники, славянскія племена Австро-Венгріи: сербы, хорваты, словенцы, словаки и русскіе. Но на вопросъ, много ли сдѣлано нами по разработкѣ ихъ историческаго прошлаго, къ сожалѣнію, мы затруднились бы отвѣтить утѣшительною ссылкою на богатую и содержательную литературу. Что касается сербовъ, хорватовъ и словенцевъ, принадлежащихъ собственно къ южному, задунайскому славянству, то ихъ исторія естественно должна входить, какъ часть цѣлаго, въ область южно-славянскихъ изученій, и въ этомъ отдѣлѣ имъ дѣйствительно принадлежитъ свое мѣсто. Они не совсѣмъ забыты слѣдовательно и въ русской исторіографіи по славянству, поскольку въ нее входитъ исторія южныхъ балканскихъ славянъ. Но въ

---

[1]) Австрійскихъ нѣмцевъ мы здѣсь совсѣмъ исключаемъ, такъ какъ есть кому заниматься ими и на Западѣ.

[2]) Большая часть славистовъ, занимавшихся исторіей Угріи, не были мадьяровѣдами въ настоящемъ смыслѣ слова.

отдѣльности ихъ прошлымъ въ составѣ Австрійской монархіи и въ связи съ ея цѣлымъ — у насъ почти не занимались.

Въ такомъ же приблизительно положеніи, и во всякомъ случаѣ, не въ лучшемъ находятся словаки и даже зарубежные русскіе, конечно, къ великому стыду нашему. Если о современномъ бѣдственномъ состояніи и дѣлахъ словаковъ у насъ уже есть кое-какіе труды и статьи, между прочимъ, принадлежащіе перу извѣстныхъ славистовъ [1]), то напротивъ исторія ихъ, отчасти вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій и скудости источниковъ, остается почти незатронутой.

Можно было бы ожидать, что особой привилегіей нашего вниманія и интереса пользуются братская намъ русская народность Галиціи и Венгріи, эта давно нами утраченная многострадальная часть нашего народа, ея судьба политическая, соціальная и культурная.

Однакожъ, какъ ни горько, приходится признаться, что на дѣлѣ этого нѣтъ, что и тутъ мы очень и очень далеки отъ тѣхъ результатовъ, которые должны бы быть уже достигнуты нами, что и эта самая близкая намъ во всѣхъ отношеніяхъ область находилась до сихъ поръ въ неимовѣрномъ и непонятномъ запущеніи и пренебреженіи не только въ нашей общей исторіографіи и даже славистикѣ, но и у спеціалистовъ по русской исторіи, для которыхъ, казалось бы, она—своя, особенно нужна, неотдѣлима отъ ихъ круга изученія. Отчасти это продолжается и нынѣ, хотя и замѣтенъ уже нѣкоторый поворотъ къ лучшему, къ увеличенію интереса къ ней.

Въ этой области нѣсколько болѣе повезло живущимъ въ Карпатахъ и по ту сторону Карпатъ *Угро-руссамъ.*

Эта маленькая вѣтвь великаго русскаго дерева, подавленная тяжелымъ гнетомъ мадьяризма, отчасти благодаря голосамъ нѣсколькихъ своихъ выдающихся представителей (въ новое время А. И. Добрянскаго), стала у насъ довольно рано предметомъ разносторонняго изученія славистовъ, между прочимъ въ историческомъ отношеніи, и хотя и по этому предмету нѣтъ до-нынѣ спеціальнаго и крупнаго труда,—по крайней мѣрѣ, въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ и журналахъ разбросано довольно много о немъ статей, очерковъ и замѣтокъ. Въ числѣ ихъ авторовъ есть имена ученыхъ и старыхъ и современныхъ намъ поколѣній, напр., Надеждина, Срезневскаго, Головацкаго, Добрянскаго, еп. Арсенія, Кустодіева, затѣмъ Кочубинскаго, Будиловича, Де-Воллана, Филе-

---

[1]) О нихъ писали Ламанскій, Кочубинскій, Будиловичъ, М. Д., Макушевъ, Пичъ (онъ впрочемъ чехъ, писавшій по-русски), Флоринскій и др.

вича, Флоринскаго, А. Л. Петрова, Францева и др. [1]), хотя надо замѣтить, что собственно исторической судьбѣ угро-руссовъ въ этихъ по большей части журнальныхъ статьяхъ посвящено сравнительно очень немного вниманія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе нашей исторической ученой литературы объ Угріи, Австро-Венгріи и ея народахъ. Этотъ краткій общій обзоръ, достаточно обнаруживающій всю бѣдность этой области, можетъ послужить и нѣкоторымъ указаніемъ на наиболѣе существенныя и важные пробѣлы ея, нуждающіеся въ пополненіи, на отдѣлы, заслуживающіе преимущественнаго вниманія русскихъ историковъ и славистовъ, а равно и русскихъ ученыхъ учрежденій [2]).

При такомъ состояніи нашего научнаго австро- и угровѣдѣнія и при охарактеризованномъ нами уровнѣ нашего общественнаго интереса и участія къ этой области знанія, становится довольно понятнымъ и столь поражающій насъ соотвѣтственный пробѣлъ и въ нашей общей *популярной литературѣ*, и въ особенности въ нашемъ *школьномъ* преподаваніи.

Мы уже выше, въ началѣ статьи, констатировали это прискорбное явленіе. Вопросъ учебный, вопросъ о нашихъ школьныхъ курсахъ и программахъ, въ которыхъ этотъ пробѣлъ слишкомъ очевиденъ и бьетъ въ глаза, заслуживаетъ особаго обстоятельнаго разсмотрѣнія въ связи съ критическимъ пересмотромъ нашихъ учебныхъ историческихъ программъ вообще. Но здѣсь онъ не входитъ въ нашъ планъ. Прибавимъ лишь два слова.

Неудовлетворительность нашихъ учебныхъ программъ, нашихъ школьныхъ руководствъ и пособій, особенно въ отношеніи къ направленію и точкамъ зрѣнія, есть вопросъ старый, слишкомъ знакомый, давно назрѣвшій, но, къ сожалѣнію, все еще не поддающійся счастливому разрѣшенію, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, что здоровое, зрѣлое и крѣпкое національное самосознаніе все еще не охватило одинаково всѣхъ слоевъ нашего общества,

---

[1]) Подробную библіографію можно найти въ работѣ *Вл. Францева*: „Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси“ (Рус. Фин.. Вѣстн. Варш. 1901). Эта литература имѣетъ уже 100-лѣтнюю у насъ давность Первый въ русской литературѣ трудъ, посвященный судьбамъ этого племени, принадлежитъ *Орлаю*, „Исторія о Карпато-Россахъ“ въ „Сѣверномъ Вѣстн.“ въ 1804 г.

[2]) Въ виду этого большое сочувствіе и надежды вызываетъ поднятая недавно въ Этнографич. Отдѣленіи Рус. Географич. Общества мысль о сооруженіи ученой экспедиціи въ Венгрію совокупными силами Общества и Академіи Наукъ для изысканій этнографическихъ, историко-археологическихъ, etc. и привлеченія въ нее лучшихъ нашихъ спеціалистовъ. О такомъ изученіи западно-слав. странъ Австріи и Турціи русскими учеными говорилось у насъ давно (напр. В. И. Ламанскимъ).

всей нашей жизни и нашей образованности. Дѣлались, правда, попытки къ улучшеніямъ въ школьномъ дѣлѣ, въ учебныхъ планахъ и программахъ между прочимъ и историческихъ, но въ направленіи совершенно ложномъ, quasi-научномъ и скорѣе даже космополитическомъ, чѣмъ національно-русскомъ [1]).

Еще въ 1860 г., чуть не полвѣка тому назадъ, В. И. Ламанскій, говоря о полномъ незнакомствѣ русскихъ образованныхъ людей съ сокровищами славянской литературы и народной поэзіи [2]), замѣтилъ: „Впрочемъ, такія явленія не болѣе странны, чѣмъ наши географическія и историческія учебники, съ ихъ чуднымъ правописаніемъ мѣстныхъ и собственныхъ именъ славянскихъ, съ ихъ забавнымъ, простодушнымъ до глупости, незнаніемъ греко-славянскаго міра“. Онъ, впрочемъ, высказывалъ при этомъ надежду, что „намъ вскорѣ уяснятся всѣ эти странности нашего воспитанія, и лѣтъ черезъ тридцать на него всѣ станутъ глядѣть такъ, какъ глядятъ теперь на русское воспитаніе прошлаго и начала XIX столѣтія“. Однакожъ, эти надежды его, увы! еще не оправдались даже и теперь, а 32 года спустя (въ 1892 г.) онъ не могъ опять не высказать подобнаго же сужденія, что „русская школа, какъ народная, такъ средняя и высшая, находится еще въ положеніи далеко не благопріятномъ“, что „наша образованность мало еще отвѣчаетъ потребностямъ и задачамъ Россіи, мало опознала духовныя и насущныя нужды славянства, всего нашего міра, гдѣ ей досталось первое мѣсто“ [3]).

Лучшимъ и краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ справедливости этихъ словъ и въ наши дни могутъ служить уже отмѣченныя нами „ученое“ направленіе и странное отношеніе къ славянству и нашему міру, обнаруженное въ новѣйшихъ, составленныхъ нашими историками-спеціалистами—вышеупомянутыхъ примѣрныхъ средне-учебныхъ программахъ по исторіи и въ объяснительныхъ къ нимъ запискахъ.

Въ частности, для иллюстраціи отношенія русской исторической науки и педагогіи къ изученію именно Карпато-дунайскихъ земель эти программы по средней и новой исторіи чрезвычайно любопытны и характерны, ибо въ нихъ, какъ было выше упомянуто, не только нѣтъ вовсе рѣчи о судьбѣ народовъ въ смѣнявшихъ другъ друга дунайскихъ государствахъ, но въ первой (средневѣковой) нѣтъ даже упоминанія о существованіи

---

[1]) См. Примѣрныя программы и объяснительныя записки по исторіи (выработанныя Комиссіей при ген. Ванновскомъ).

[2]) Въ своей Рѣчи при защитѣ маг. диссертаціи. См. Русск. Бесѣда, М. 1860, I, Смѣсь, стр. 141.

[3]) Три міра Азійско-европейскаго материка. Слав. Обозрѣніе, 1892, стр. 478 и 480.

Угорской державы, нѣтъ даже вовсе имени Угріи или Венгріи, а во второй (новой) исторіи Австрійской имперіи отведено самое незамѣтное, ничтожное мѣсто...

Наша скромная задача была привлечь хотя сколько-нибудь вниманіе русскаго образованнаго общества и молодыхъ ученыхъ силъ именно къ этой важной и интересной области. Указаніе такихъ существенныхъ пробѣловъ въ нашей русской литературѣ и образованности, чѣмъ чаще оно будетъ повторяться, тѣмъ скорѣе можетъ воодушевить и подвинуть къ ихъ скорѣйшему и основательному пополненію научную пытливость и рвеніе начинающихъ и будущихъ ученыхъ работниковъ на нивѣ русско-славянской или обще-европейской исторіи.

печатанъ ранѣе, см. Výbor z literatury české, II, 733.—7) Odpověd' na matrykát bosákuov anno 1496 post pascha (45—96).—8) De sepultura 1508 (96—98).—9) In sacramento venerabilis eucharistie si sanguis est in prima specie, quia adversarii dicunt: ubi est corpus, ibi et sanguis (трактатъ этотъ не напечатанъ издателемъ сборника, но въ рукописи помѣщается на лл. 83a—84a).—10) Littera magistri Johannis Rokyczane missa ad Muldaviam contra Pighardos anno 1469 (98—102) [1].—11) Littera magistrorum ex officio spirituali missa hincinde adversus Pighardos—другою рукою: Anno 1478 circa Katherine (102—104).—12) Domino Wilhelmo Zub de jejunio, 1486 circa Gregorii (104—107).—13) Contra Nicolaitas et Slamitas, laycos fantasticos, ex officio (107—109): это посланіе разослано утраквистской консисторіей въ 1487 г. противъ сектантовъ-сламитовъ и приверженцевъ микулашенцевъ (николаитовъ.—14) Quod Christus dominus processit ex bonis et malis—другою рукою приписано: in quorundam discordia (не напечатано издателемъ, но въ рукописи помѣщено на лл. 91b—92a).—15) Exhortacio coram sacerdotibus, ut sint scientifici, doctrinati, honesti, exemplares, concordes, non contenciosi (109—111).—16) Adhortacio coram Hradeczensibus, dum erant in commocione (111—113).—17) De compaternitate etc.—позднѣйшею рукою: ad Kaufim (113—115).—18) Johanni dicto Markolth apostatanti. W. K. (115—117).—19) Thobie P. adversario de censuris—другою рукою: Tempore bellorum (117—118).—20) Magistro H. de adinvencionibus—другою рукою: ad Libek (?) (118—120).—21) Alexandro responsiva confortatoria ad opponendum contra falsilogos — другою рукою: in Poděbrad (120—121).—22) Contra Pighardos, domino Regi (121).—23) Anno 1488, domino Regi, post Michaelis, de Pighardis (121 — 122), напечатано ранѣе, см. Arhiv Český VI, 213 и слѣд.—24) Domino Dubecký, domino Hradecký de communionis permutacione exemplo sabati (122—124).—25) Gabrieli, quia non scribit nec federat *a* et *b* (124—125).—26) Dubecský a Hradecský, de „nisi manducaveritis" de spirituali manducacione (125—127).—27) In adventu episcoporum ad coronandum regem Wladislaum (127—8).—28) In adventu domini Johannis, electi in episcopum Varadiensem, 1478 feria II post Ambrosii (128—9).—29) In adventu secundo 1480 Clementis (119—130).—30) In quarto 1488 ante Wenceslai (130—131).—31) In adventu episcopi Augustini 1482 ante Pentecostes (131—2).—32) Vindicta post commocionem anno 1483 septembris 28 Regi Ungarie etc. (132—134).—33) Comiti Galeoto in Mirandula (134—5).—34) Uxori Galeoti (135—6).—

[1]) Вѣрность надписанія „ad Muldaviam" и указанія года письма въ связи съ личностью Рокицаны подвергнута издателемъ сомнѣнію.

35) Robertus hec Linconiensis episcopus (не напечатано, но въ рукописи находится на лл. 108b—111a).—36) Чешскій переводъ предъидущаго сатирическаго произведенія противъ роскоши и распущенности римской іерархіи, приписываемаго еп. линкольнскому Роберту (137—141).—37) Že Pigharti odpierají býti konšelé. Anno 1492 ante palmarum domino Bohuše Kostka (141—3).—38) Sacerdos Martinus Lupáč contra aspersorium (143—5).—39) Johanni Glat... (vel Slat...) (145—7). Дальнѣйшія статьи сборника, начиная съ № 40 по № 44, не напечатаны въ изданіи Тругляржа. Онѣ озаглавливаются такъ: 40) S (acerdoti) Thobie responsiva (въ рук. лл. 119a—120a).—41) Responsiva Alexandro pro constancia rethorisanti (въ рук. л. 120a—b).—42) Excusatoria et grates pro dono (въ рук. лл. 120b—121a).—43) Ad positum in infirmitate (въ рук. лл. 121a—122a).—44) Sacerdoti Sigismundo plebano Čáslaviensi de compaternitate (въ рук. л. 122a—b).—45) List kněze Martina—другою рукою: Lupáč,—опять иною: vo kropáči 147—9).—46) Sacerdos Martinus Lupáč scribendo cuidam amico ponit et istud inter cetera (149—151).—47) Ad episcopum Augustinum 1492 in quadragesima (151—4).—48) 1492 Quando de Hradišť eidem Augustino (154—5).—49) Contra adversarios compactata non servantes (155—7).—50) De errore dicencium animas non ire ad celum (aut) ad inferos, sed ad receptacula usque diem idicii detineri. 1505 circa Magdalene (этотъ полемико-догматическій трактатъ не напечатанъ въ изданіи Тругляржа, но въ рукописи находится на лл. 130a—131a).—51) De jejunio et comestibilibus (такъ какъ трактатъ этотъ въ первыхъ листахъ сходенъ по своему содержанію съ № 12, то въ изданіи Тругляржа напечатана только часть его, л. 133b, на стр. 157, а предъидущіе листы 131a—133a остаются не напечатанными—въ рукописи).—52) Dies dominicus a christianis est sanctificandus (точно также и этотъ полемическій противъ братьевъ трактатъ не весь напечатанъ въ изданіи Тругляржа на стр. 158—160,—только два послѣдніе листа 140a—141b напечатаны, а предъидущіе листы 134a—140a остаются не напечатанными—въ рукописи).—53) Odpor proti Pikhartským mátlokám. K žádosti jednoho pána znamenitého (160—174).—54) Ad postulacionem sacerdotum Zaczensium responsiva Pikusoni. Proti jinému pikúsovi bez peřie v Žaci (174—182).—55) Panu Mikulášovi Trčkovi de malo sacerdote (182—7) 1498 (?).—56) Безъ заглавія—начинается словами: Argute auceps (вмѣсто первоначальнаго augur), декана Иларія литомѣржицкаго о причащеніи на вопросъ Коранды: „kteří jsu ptáci lepší, ti-li, ježto jedie a pijí, čili ti,

kteří jedie toliko a nepijí?“ (187—193).—57) Тоже безъ заглавія—начинается словами: „Nenie ptáčníkuov, ač ty mne ptáčníkem nazýváš“ (193—202), можетъ быть 1465 г.—отвѣтъ Коранды.—58) Tyto věci dávám napsány pro tyto příčiny—другою рукою: Jošt biskup Vratislavský rodu pánuov Ronzberských (sic), а на сторонѣ: A. 1465. Regine Johanne (203—5), напечатано ранѣе, см. Výbor z lit. české II, стр. 723.—59) Jošt biskup Vratislawský tento spis poslal králi Jiřiemu léta 1465 po svatém Jiří противъ причащенія подъ обоими видами (205—7), напечатано ранѣе тамъ же, стр. 716.—60) Odpověď na spis Joštuov о причащеніи подъ обоими видами (207—210).—61) Jošt biskup Vratislavský poslal králi Jiřímu tyto kusy. Třinácte šprochuov vajovských—на сторонѣ: 1465 post Johannis (211), напечатано ранѣе, см. Výbor z lit. české II, стр. 127.—62) Odpověď na šprochy Klímovy z Prudovic. Třinádcte nešprochóv vajovských (212—13), напечатано ранѣе тамъ же, II, стр. 728.—63) Item jiný spis o spravedlnosti a nespravedlnosti téhož Jošta (213), напечатано ранѣе тамъ же, II, стр. 730.—64) Odpověď. Povahy křesťanské spravedlnosti (213—14), напечатано тамъ же.—65) Aliud responsum na šprochy (214—16), напечатано ранѣе, см. Zprávy kr. č. spol. 1865, стр. 21.—66) Užitkové pravé viery k svým vyšším a najviece od duchovních, и затѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ магистровъ: Skutkové ošemetné viery k svým vyšším a najviec od duchovních (216—217). Но статья эта почти въ самомъ началѣ прерывается въ сборникѣ, такъ какъ дальнѣйшіе листы въ рукописи вырваны и вообще въ настоящемъ сборникѣ не сохранились. Въ сохранившемся же описаніи настоящаго сборника, сдѣланномъ знаменитымъ Шафарикомъ и обнародованномъ послѣ его смерти I. Иречкомъ [1]), къ вышеперечисленнымъ статьямъ прибавлена еще 67) статья, вложенная въ сборникъ: Copia epistole, quam mag. Johannes Borotin scripserat Rokycanae occulte anno Domini 1437, которая напечатана ранѣе Гёфлеромъ [2]).

Мы привели заглавія отдѣльныхъ статей сборника въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены въ самой рукописи и въ печатномъ изданіи г. Тругларжа. Изъ одного простого перечня статей можно усмотрѣть, что содержаніе изданной Тругларжемъ рукописи представляетъ, такъ сказать, сборный характеръ, т. е.

---

[1]) См. Zprávy (Sitzungsberichte) král. české spol. nauk v Praze 1876, стр. 87. Здѣсь не лишне замѣтить, что напечатанное Иречкомъ оглавленіе цѣлаго сборника въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неисправно и—какъ оказывается изъ сравненія съ рукописнымъ оригиналомъ—то же оглавленіе напечатано исправнѣе въ изданіи Тругларжа.

[2]) Höfler, Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen (Wien, 1865), II, 832—5.

рукопись есть сборникъ разныхъ статей, частію оффиціальнаго происхожденія и назначенія со стороны утраквистской консисторіи, частію же содержитъ въ себѣ богословско-полемическіе трактаты, характеризующіе внутреннія чешскія отношенія, главнымъ образомъ, въ сферѣ религіозной жизни въ странѣ. Свой тезисъ о сборномъ характерѣ изданной рукописи издатель разъясняетъ подробнѣе слѣдующими наблюденіями. По его мнѣнію, вся рукопись состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ, механически только связанныхъ въ одно цѣлое. Первая группа обнимаетъ №№ 1—6, вторая №№ 7—9, третья №№ 10—51, четвертая №№ 52—55, пятая №№ 56—57 и, наконецъ, шестая №№ 58—66. И каждая изъ этихъ группъ представляетъ содержаніе довольно разнообразное. Такъ, первая группа, начинаясь съ письма І. Зайца изъ Газенбурга († 1495) къ магистрамъ-подобоямъ, отъ 1489 г., съ приглашеніемъ ихъ возвратиться въ лоно римской церкви и противостать крайностямъ „пикардскимъ", содержитъ въ себѣ далѣе (№№ 2 и 3) отвѣтъ магистровъ, редактированный Корандою и посланный въ 1493 году по адресу І. Зайца, затѣмъ—письма J. Косткѣ отъ 1478—1479 г., писанныя, можетъ быть, Корандою, и, наконецъ, письмо І. Рокицаны противъ „пикардовъ" (т. е. братьевъ) отъ 1468 г.[1]). Вторая группа обнимаетъ только три трактата, изъ коихъ самый обширный первый (№ 7) представляетъ „отвѣтъ" на сочиненіе (т. н. „matrykat"[2]), францисканца І. Воднянскаго приписываемый обыкновенно Корандѣ, хотя въ „отвѣтѣ" нѣтъ на это прямыхъ указаній, а самимъ издателемъ, г. Тругляржемъ, приводятся нѣкоторыя соображенія и противъ авторства Коранды[3]). Во всякомъ случаѣ и г. Тругляржъ допускаетъ, что настоящій „отвѣтъ" исправленъ и дополненъ Корандою. Два же другіе трактата разсматриваемой группы (№№ 8—9), небольшіе по объему, внесены въ сборникъ позднѣе, можетъ быть, самимъ Корандою. Третья группа, самая большая по объему и весьма разнообразная по содержанію, представляетъ по большей части копіи раз-

---

[1]) Въ „Братскомъ архивѣ" (Bratrský archiv=Brüder-Archiv, рук. оригиналъ въ Гернгутѣ, а копія въ библіотекѣ Музея королевства Чешскаго), т. I, письмо это обозначено датою 1471, что̀, по мнѣнію проф. Я. Голля (Čas. Mus. král. Česk. 1883, стр. 516), невѣрно.

[2]) Іос. Труглярж (O životě a spisech známých i domnělých bosáka Jana Vodňanského въ Čas. Mus. kral. Česk." 1884, 524—47) предполагаетъ, что этотъ „матрикатъ", находящійся въ рукописи пражской университетской библіотеки sign. 11. E. 1 (подъ латинскимъ заглавіемъ: Epistola ad quendam baronem Moravie degentem cujusdam fratris ordinis minorum de observantia tunc temporis predicatorem in conventu Jemnicensi, л. 231), принадлежитъ францисканскому монаху І. Воднянскому (род. 1460; но годъ его смертя не извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, въ 1534 г. І. Воднянскій былъ еще живъ,—см. Čas. Mus. král. Česk. 1884, стр. 543), хотя въ самомъ „матрикатѣ" нѣтъ имени автора.

[3]) См. введеніе, стр. XI.

ныхъ писемъ и бумагъ, относящихся по времени происхожденія не только къ эпохѣ администраціи Коранды, но и къ болѣе ранней— І. Рокицаны (№ 10), Мартина Лупача (№№ 38, 45, 46) и др. Четвертая группа состоитъ изъ четырехъ трактатовъ полемико-догматическихъ и по своему содержанію примыкаетъ къ группамъ первой и второй. А пятая группа, самая меньшая по объему, но—по словамъ издателя—самая старшая часть кодекса, состоитъ изъ двухъ номеровъ, изъ коихъ второй (№ 57) есть отвѣтъ Коранды на латинское письмо декана Иларія литомѣржицкаго. Шестая же группа состоитъ по большей части изъ политическихъ афоризмовъ и сентенцій Іошта Розенбергскаго (еп. вратиславскаго) и отвѣтовъ на нихъ со стороны пражскихъ магистровъ, между прочимъ, самого Коранды,— по характеру своего содержанія она примыкаетъ къ третьей группѣ. Всѣ вышеотмѣченныя группы, обнимающія цѣлое содержаніе сборника, именно „Мануальника“ Корандова, составлены, по крайней мѣрѣ, первыя три около 1493 г., а послѣднія три присоединены къ сборнику около 1500 г.; можетъ быть, и составителемъ сборника былъ самъ Коранда [1]). Во всякомъ случаѣ самому Корандѣ принадлежитъ въ нашемъ сборникѣ, можетъ быть, не мало статей. Но другой вопросъ: какія же изъ этихъ статей принадлежатъ Корандѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не легкій, ибо поставленныя при многихъ статьяхъ, иногда, правда, позднѣйшею рукою, буквы *WK*, т. е. Václav Koranda (напр., при №№ 15, 18 и 56), или же одна буква *K* (при многихъ статьяхъ), не могутъ опредѣленно указывать на авторство В. Коранды, такъ какъ, напр., извѣстно, что № 56 написанъ не Корандою, а Иларіемъ литомѣржицкимъ, но Корандѣ принадлежитъ № 57. Точно также и статьи съ однимъ знакомъ *K* не могутъ быть приписываемы всегда Корандѣ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ опредѣленно усвояются другимъ авторамъ (напр., №№ 35, 36, 58 и др.). Но, безъ сомнѣнія, повторяемъ, въ сборникѣ есть не мало статей, принадлежащихъ Корандѣ [2]).

---

[1]) См. введеніе, стр. VIII.

[2]) По мнѣнію издателя „Мануальника“, Корандѣ могутъ принадлежать слѣдующія статьи: №№ 4, 5, 12, 15, м. б. 17 (?), 18, м. б. 55, но несомнѣнно 57. Иречекъ (Rukověť, I, 395—6) присоединяетъ къ вышепоименованнымъ статьямъ (№№ 4, 5 и 57) слѣдующія: №№ 3, 7, 22, 23, 37, 62 и еще нѣкоторыя другія. Впрочемъ, вопросъ о принадлежности Корандѣ тѣхъ или другихъ статей сборника еще не разрѣшенъ, и для нашей цѣли онъ пока не имѣетъ особо важнаго значенія. Важнѣе для насъ то, что въ „Мануальникѣ“ Коранды содержатся не только статьи, безспорно ему принадлежащія, но также статьи и другихъ солидарныхъ съ нимъ авторовъ, даже документы цѣлыхъ утраквистскихъ корпорацій и институцій, какъ, напр., магистровъ университета и въ особенности утраквистской консисторіи. А это и значитъ, что разсматриваемый нами сборникъ можетъ характеризовать дѣятельность и направленіе не одного, хотя и вліятельнаго по своему служебному положенію, лица (Коранды), а цѣлаго учрежденія, т. е. всей утраквистской консисторіи извѣстнаго періода времени. Слѣдовательно, въ утраквистскихъ статьяхъ сборника выражается не единич-

Въ общемъ же сборникъ, по разнымъ признакамъ оффиціальнаго происхожденія нѣкоторыхъ статей и „формулярнаго" значенія копій нѣкоторыхъ документовъ, можетъ быть признанъ въ значительной своей части памятникомъ церковно-административной дѣятельности утраквистской консисторіи второй половины XV в. и въ частности дѣятельности администратора Коранды. Этому выводу не препятствуетъ и то, что въ сборникѣ, наряду съ оффиціальными актами или ихъ копіями, есть и богословско-полемиче-

---

ное явленіе современнаго утраквизма, а коллективное направленіе наиболѣе рѣшающихъ его факторовъ даннаго времени, ибо въ гуситской утраквистской консисторіи сосредоточивалось управленіе и руководство всѣми духовными дѣлами утраквистской церкви. Консисторіи,—при отсутствіи утраквистскаго архіепископа, въ утвержденіи котораго Римъ упорно отказывалъ (не смотря на свое обѣщаніе при заключеніи базельскихъ компактатовъ),—принадлежали административныя прерогативы епископской власти: администраторъ и помощники его—члены консисторіи (число которыхъ простиралось до 12, а иногда и меньше) наблюдали—и за чистотою утраквистскаго ученія, и за церковно-административными дѣлами вакантной архіепархіи. Начало отдѣльнаго отъ католиковъ утраквистскаго консисторіальнаго управленія относится къ первымъ годамъ открытаго всенароднаго движенія въ Чехіи послѣ мученической кончины Гуса. Въ 1418 году гуситское духовенство, какъ извѣстно, признало рѣшающій авторитетъ университета въ дѣлахъ вѣры, а черезъ годъ потомъ избраны были для этой цѣли четыре магистра. Въ 1421 году на сторону гуситовъ перешелъ пражскій католическій архіепископъ Конрадъ, который до своей смерти († 1431) оставался верховнымъ гуситскимъ пастыремъ, посвящая новыхъ ставленниковъ и управляя дѣлами архіепархіи при помощи четырехъ избранныхъ въ томъ же 1421 году администраторовъ. Это—начало утраквистской (т. н. нижней, въ нижней части г. Праги, въ отличіе отъ верхней, на верху, на Градчанахъ, католической) консисторіи. Сначала было четыре администратора, а потомъ въ 1422 г. былъ избранъ духовенствомъ и утвержденъ архіепископомъ одинъ. Въ 1427 г. былъ таковымъ администраторомъ (генеральнымъ викаріемъ) І. Рокицана. Послѣ же смерти архіепископа Конрада († 1431), Рокицана былъ избранъ въ 1432 г. единственнымъ „директоромъ клира", а въ 1435 г. былъ избранъ въ архіепископы, въ каковой должности, однако, не получилъ утвержденія изъ Рима до самой своей смерти († 1471). Когда въ 1437 году, вслѣдствіе вмѣшательства Сигизмунда, положеніе Рокицаны становилось небезопаснымъ въ Прагѣ, администраторомъ сталъ Христіанъ изъ Прахатицъ († 1439), послѣ смерти котораго избраны были администраторами маг. І. Пржибрамъ († 1448) и вмѣстѣ съ нимъ Прокопъ изъ Пильзня, остававшіеся въ своей должности до взятія Праги Юріемъ Подѣбрадскимъ въ 1448 году. Однако, въ четырехъ восточныхъ округахъ Чехіи Рокицана и въ это время, въ 1441 году, былъ признаваемъ администраторомъ, пока со взятіемъ въ 1448 году Праги Юріемъ Подѣбрадскимъ, вмѣстѣ съ нимъ, не возвратился въ столицу, гдѣ потомъ до самой своей смерти сохранилъ за собою должность единственнаго духовнаго администратора во всей странѣ. Въ 1465 г. въ помощь ему приданы были члены консисторіи. Послѣ Рокицаны, какъ извѣстно, избранъ былъ въ администраторы В. Коранда (1471—1497) и 12 членовъ консисторіи, изъ коихъ четверо избирались обыкновенно изъ магистровъ университета, а восемь—изъ священниковъ. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей эволюціей въ судьбахъ утраквистской консисторіи: при разныхъ измѣнявшихся историческихъ обстоятельствахъ она продолжала свое тоже, такъ сказать, перемѣнное существованіе, не только во внѣшней судьбѣ, но и во внутреннемъ развитіи и направленіи—въ связи съ происходившими эволюціями въ нѣдрахъ утраквизма, до окончательнаго уничтоженія ея въ 1622 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія о началѣ и судьбахъ утраквистской консисторіи см., напр., въ ст. В. В. Т о м к а „O církewní spráwě strany pod obojí w Čechách od r. 1415 az 1622" (въ Čas. Českého Mus, 1848, стр. 365—383, 441—468) и въ новѣйшей книгѣ: Život církevní v Čechách (до конца XVI в.)—napsal Zikmund W i n t e r (v Praze 1895), sv. I, кн. 2, стр. 319—399

скіе трактаты, даже частная, повидимому, переписка между разными лицами, ибо и эти матеріалы могли быть достояніемъ архива утраквистской консисторіи—или какъ результатъ консисторскаго дѣлопроизводства, или же какъ руководственныя указанія для извѣстныхъ дѣйствій и распоряженій консисторіи. Поэтому Корандовъ „Мануальникъ“ можетъ быть признанъ цѣннымъ источникомъ для характеристики церковной жизни Чехіи второй половины XV в. вообще и современнаго утраквизма въ особенности. Но такъ какъ онъ является старѣйшимъ остаткомъ цѣлаго архива утраквистской консисторіи, то церковно-историческая цѣнность его еще болѣе увеличивается.

Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ содержанія всѣхъ статей „Мануальника“, но только тѣхъ изъ нихъ, которыя раскрываютъ сущность религіозно-реформаторскаго направленія тогдашняго утраквизма, т. е. утраквизма Коранды и его единомышленниковъ, или иначе—утраквизма эпохи Корандовой администраціи. А Вячеславъ Коранда, какъ уже сказано, былъ избранъ въ администраторы ок. 23 апрѣля 1471 г. (послѣ смерти администратора маг. I. Рокицаны † 22 февраля 1471) и скончался 9 февр. 1519 г., управляя дѣлами консисторіи, кажется, только до 1497 г. Послѣ него поставленъ былъ въ администраторы королемъ Владиславомъ маг. Іаковъ изъ Стржибра (Jacubus ze Stříbra), умершій въ 1499 г. Преемникомъ же послѣдняго, по избранію сословій и духовенства, былъ маг. Павелъ изъ Жатца (1500—1517 гг.). Всѣ эти, смѣнявшіе другъ друга, администраторы принадлежали къ университетской средѣ,—были профессорами и являлись на своей администраторской должности выразителями направленія, господствовавшаго тогда въ университетѣ. А университетъ въ то время еще продолжалъ (со времени гуситскихъ войнъ) быть и оставаться высшимъ блюстителемъ и критеріемъ утраквистской доктрины. Слѣдовательно, матеріалы, заключающіеся въ „Мануальникѣ“ Коранды, какъ собственныя его произведенія, такъ и разныя „сповѣди“ пражскихъ магистровъ, представляютъ данныя, которыя могутъ точно характеризовать существо тогдашняго утраквизма. Конечно, не всѣ матеріалы, заключающіеся въ „Мануальникѣ“, служатъ этой цѣли: нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напр., письма I. Рокицаны, Мартина Лупача) относятся ко времени, непосредственно предшествующему эпохѣ Коранды; но важно то, что идеи этихъ горячихъ поборниковъ утраквизма цѣнились и признавались даже руководящими въ вѣкъ Коранды; другіе же матеріалы (какъ, напр., въ группахъ третьей и шестой), представляя собою нерѣдко „формулярные“ образцы, не даютъ надлежащихъ свѣдѣній для характеристики внутренней сущности со-

временнаго утраквизма. Поэтому мы остановимся только на тѣхъ матеріалахъ „Мануальника“ Коранды, которые наиболѣе точно и опредѣленно характеризуютъ существо современнаго утраквизма. Конечно, для этой послѣдней цѣли могли бы дать нѣкоторые дополнительные матеріалы и другія сочиненія современныхъ писателей-утраквистовъ, не заключающіяся въ „Мануальникѣ“, и, прежде всего, сочиненія самого Коранды. Изъ сочиненій Коранды, которыя перечислены Іос. Иречкомъ[1]) и о которыхъ мы упоминаемъ въ другомъ, печатаемомъ нами, сочиненіи (о чешскихъ братьяхъ въ ихъ конфессіяхъ) наиболѣе характерными для данной нашей цѣли, представляются, напр., слѣдующія: 1) Poselstvie krále Jiřího do Říma k papeži 1462 (напеч. Эрбеномъ въ Výbor z literatury české, II, 663—714, Archiv Český, VIII, 1888, 321—364), 2) Dvacatero příčin, že jest lépe přijímati pode dvojí než pod jednou[2]). Есть и другіе полемическіе трактаты и письма Коранды, не содержащіеся въ „Мануальникѣ“, направленные главнымъ образомъ противъ „братьевъ“, которые тоже освѣщаютъ общее религіозно-реформаторское его направленіе. Имѣя все это въ виду, мы, однако, используемъ непосредственно тотъ матеріалъ, который заключается въ „Мануальникѣ“, для характеристики внутренняго существа и особенностей современнаго утраквизма.

Конечно, мы не намѣрены писать исторію утраквизма изъ эпохи администраторской дѣятельности Коранды, тѣмъ болѣе, что внѣшнія событія этой эпохи были предметомъ изложенія въ немалочисленныхъ историческихъ трудахъ чешскихъ и другихъ ученыхъ (Палацкаго, Томка, Дени-Ванчуры и др.). А обращаемъ вниманіе только на ту внутреннюю сторону жизни тогдашняго Корандовскаго утраквизма, которая остается и доселѣ неизслѣдованною въ своемъ существѣ и подробностяхъ, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, того, что число печатныхъ матеріаловъ для этого недостаточно, а рукописныя остаются неизданными или даже неизвѣстными. Да и вообще цѣлая внутренняя исторія жизни этого Корандовскаго утраквизма, въ лицѣ его главныхъ предста-

---

[1]) Rukovět́ k dějinám literatury české (v Praze 1875), I, 395—6.

[2]) Трактатъ этотъ находится въ рукописи Музея королевства Чешскаго, sign. V. E. 8, лл. 87—132 (in 4°). Нѣкоторыя извлеченія изъ него, какъ и изъ другихъ частей рукописи, сдѣланы Ганкою въ Rozbor staročeské literatury, II (v Praze 1845), стр. 50—51, гдѣ однако неправильно въ заглавіи сдѣлано обобщеніе содержанія рукописи: Dewatero příčin etc вм. Dwacatero příčin etc. Та же ошибка повторена Иречкомъ въ Rukovět, I, 395). На концѣ трактата названной рукописи значится: Finis sabbato in albis annorum dni 1490. Трактатъ прямо начинается обращеніемъ автора къ нѣкоему Никодиму: Nikodeme w Kristu Ježíši bratře najmilejší etc. Затѣмъ слѣдуетъ перечень двадцати „причинъ“ почему „вѣрные христіане“ должны принимать таинство евхаристіи не подъ однимъ, а подъ обоими видами—хлѣба и вина.

вителей, начиная почти отъ самаго историческаго появленія его и кончая эпохою приближенія его (одной его части) къ лютеранизму, спеціально еще не изучена въ тѣхъ деталяхъ, которыя характеризуютъ религіозно-реформаторскіе его устои. Ни дѣятельность Якубка изъ Стржибра († 1429), перваго „возстановителя чаши" въ гуситской Чехіи и родоначальника собственно организовавшагося позже утраквизма, ни дѣятельность ученика и продолжателя его I. Рокицаны, ни участіе въ цѣломъ движеніи Мартина Лупача († 1468), ни дѣятельность Вячеслава Коранды († 1519) еще не подвергнуты спеціальному и всестороннему изслѣдованію. Сравнительно болѣе другихъ посчастливилось въ научной литературѣ о гуситизмѣ I. Рокицанѣ. Не говоря уже о цѣлыхъ системахъ—„Исторіи чешскаго народа" Палацкаго, „Исторіи города Праги" (Dějepis města Prahy) Томка и другихъ общихъ трудовъ по исторіи чешскаго національно-религіознаго движенія, извѣстныя стороны дѣятельности Рокицаны служили въ послѣднее время предметомъ слѣдующихъ новѣйшихъ изслѣдованій чешскихъ ученыхъ: 1) Hynek Hrubý, České postilly. Studie literarně a kulturně historická. V Praze 1901 (320 стр.), гдѣ значительная часть второй главы, заключающей въ себѣ между прочимъ характеристику „Постиллъ" Гуса, Якубка изъ Стржибра и Мартина Лупача, посвящена оцѣнкѣ проповѣднической дѣятельности I. Рокицаны (66—151 стр.). 2) А для характеристики религіозно-реформаторскихъ его стремленій содержательный и отчасти въ первый разъ изданный матеріалъ представляетъ книга молодого чешскаго ученаго г. Неѣдлаго (Zdeněk Nejedlý), Prameny k synodám strany pražské a táborské (vznik husitské konfesse). V Praze 1900 (186 стр.). Все-таки, и эти труды не задавались цѣлію изобразить религіозно-реформаторскую дѣятельность Рокицаны въ цѣломъ, но даютъ, несомнѣнно, цѣнные матеріалы, помогающіе дальнѣйшей научной монографической работѣ о Рокицанѣ. Само собою разумѣется, что Рокицанѣ отводится мѣсто и въ немалочисленной литературѣ о чешскихъ братьяхъ, поскольку въ ихъ судьбѣ играла роль личность Рокицаны, какъ одного изъ первыхъ виновниковъ религіознаго возбужденія первоначальныхъ членовъ братской общины. Но опять и въ этихъ изслѣдованіяхъ о братьяхъ личность Рокицаны оцѣнивается не всесторонне, а нерѣдко и односторонне. Однимъ словомъ, Рокицана ждетъ еще своего біографа и аппеллируетъ къ безпристрастному суду исторіи. Еще менѣе посчастливилось въ научной литературѣ Якубку изъ Стржибра, хотя его роль въ исторіи гуситскаго движенія громко начинаетъ выступать еще при жизни Гуса чрезъ возбужденіе вопроса о „чашѣ", ставшей, какъ извѣстно, общимъ

знаменемъ всѣхъ гуситовъ. За исключеніемъ краткихъ свѣдѣній о его личности и трудахъ въ общихъ системахъ чешской исторіи и литературы и въ разныхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по гуситскому вопросу, въ томъ числѣ, между прочимъ, и въ нашемъ изслѣдованіи „Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи“ (СПб. 1881),—нѣтъ другого новѣйшаго о немъ изслѣдованія. А въ нашемъ изслѣдованіи сгруппированы всѣ результаты разысканій предшествующихъ ученыхъ и собственные наши выводы съ спеціальнымъ анализомъ его трактатовъ о чашѣ. Мало того, не только не изданы, но и не приведены въ извѣстность всѣ литературные труды Якубка Стржибрскаго [1]). А безъ этого, конечно, не можетъ быть удовлетворена и настоятельная научная нужда въ спеціальномъ изслѣдованіи о Якубкѣ Стржибрскомъ. Далѣе, и третій представитель того утраквистскаго направленія, на сторонѣ котораго стремился впослѣдствіи остаться Коранда, не только не нашелъ для себя біографа, но и литературное его наслѣдіе, можетъ быть, въ значительной своей части, остается неизвѣстнымъ и во всякомъ случаѣ не обнародованнымъ. Я разумѣю сподвижника Рокицаны, избраннаго въ архіепископскіе суффраганы къ нему въ 1435 г., священника Мартина Лупача. Будишинская рукопись, на которую первый обратилъ вниманіе Палацкій [2]), до сихъ поръ остается не только не изданною, но почти неизвѣстною по содержанію даже изслѣдователямъ гуситскаго движенія: по крайней мѣрѣ, точныхъ ссылокъ на ея содержаніе не встрѣчается (свѣдѣнія о содержаніи этой рукописи, съ которой мы имѣли случай познакомиться, сообщаемъ въ другомъ, печатаемомъ нами, сочиненіи). Наконецъ и самъ Коранда, преемникъ Рокицаны по администраціи утраквистской консисторіей, равно и цѣлая эпоха его управленія въ исторіи утраквизма не была предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій, за исключеніемъ, конечно, вышеупомянутыхъ общихъ историческихъ трудовъ по исторіи Чехіи вообще и чешской реформаціи въ частности. Въ особенности же внутреннее развитіе утраквизма данной эпохи, религіозно-реформаторскія его стремленія и чаянія обыкновенно представляются не съ надлежащею опредѣленностію и, конечно, безъ желательной полноты. Причина этого, какъ сказано, заключалась, главнымъ образомъ, въ недостаткѣ общедоступныхъ источниковъ для характеристики внутренней жизни современнаго данной эпохѣ утраквизма: богословскіе трактаты утраквистовъ этой эпохи остаются въ значительной своей части не только не напечатан-

---

1) Ср. у Иречка, Rukověť, I, 308.

2) Dějiny národu Českého v Čechách a v Moravě (v Praze 1857), Díl IV, 1. стр. 393, прим. 368.

ными, но и не приведенными даже въ надлежащую, опредѣленную историческую извѣстность. Но трактаты и другіе разнаго рода памятники утраквизма, напечатанные въ „Мануальникѣ“ Коранды, до нѣкоторой степени восполняютъ пробѣлъ въ источникахъ, который мы, съ своей стороны, будемъ дополнять ссылками на другіе источники, отчасти печатные, отчасти рукописные, изъ пражскихъ книгохранилищъ.

Какъ выше было сказано, не всѣ напечатанные въ „Мануальникѣ“ матеріалы имѣютъ одинаковое значеніе для пониманія реформаторскихъ идей современнаго утраквизма. Для нашей цѣли наиболѣе содержательный и соотвѣтствующій нашей задачѣ матеріалъ представляютъ слѣдующіе №№ всѣхъ шести группъ сборника: № 1)—письмо I. Зайца изъ Газенбурга † 1495 г. пражскимъ магистрамъ-подобоямъ отъ 1489 г.—съ увѣщаніемъ возвратиться въ лоно церкви римской и съ предостереженіемъ ихъ отъ заблужденій „пикардовъ“, т. е. чешскихъ братьевъ. №№ 2 и 3)—предисловіе къ „отвѣту“ и самый „отвѣтъ“ магистровъ пражскихъ отъ 1493 г. на предъидущее письмо I. Зайца изъ Газенбурга, гдѣ они опровергаютъ направленныя противъ нихъ обвиненія, разъясняя свою точку зрѣнія какъ на предметъ своихъ собственныхъ утраквистскихъ вѣрованій, такъ и на отношенія ихъ къ вѣрованіямъ римско-католической церкви и заблужденіямъ „пикардовъ“, т. е. чешскихъ братьевъ. № 4)—письмо I. Косткѣ, склонявшемуся къ „братьямъ“, со стороны магистровъ пражскихъ, хотя авторъ и выражается нерѣдко въ единственномъ числѣ, о преніяхъ ихъ съ „пикардами“, т. е. братьями въ 1478: письмо интересно, главнымъ образомъ, для пониманія современнаго братскаго вѣроученія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи примыкаетъ къ нему и слѣдующій № 5)—письмо тому же I. Косткѣ отъ 1479 г. съ предостереженіемъ его отъ увлеченія „пикардами“. № 7)—обширный полемическій трактатъ, въ отвѣтъ „na matrykat bosakuov“, съ опроверженіемъ, шагъ за шагомъ, всѣхъ возраженій „францисканскаго монаха“, съ точки зрѣнія утраквиста, неизвѣстнаго по имени, но отрицающаго свое родство съ „пикардами“,—трактатъ, содержащій въ себѣ подробное изложеніе богословскихъ утраквистскихъ воззрѣній при сопоставленіи ихъ съ римско-католическими и „пикардскими“. № 8)—латинскій трактатъ отъ 1508 г. противъ роскоши погребальныхъ процессій и дорогихъ памятниковъ, со ссылкою, между прочимъ, на авторитетъ I. Гуса, и № 9)—латинскій трактатъ противъ римско-католическаго ученія о томъ, что и подъ евхаристійнымъ видомъ хлѣба преподается вѣрующимъ не только тѣло Христово, но и кровь Его. № 11)—оффиціальное латинское письмо пражскихъ магистровъ отъ 1478 г. къ провин-

ціальнымъ деканамъ съ жалобою на преслѣдованія со стороны римлянъ, съ предостереженіемъ предъ невѣрными „братьями“ и съ увѣщаніемъ къ духовенству о необходимости вести добродѣтельную жизнь. № 15)—по всей вѣроятности не полная рѣчь Коранды на синодѣ утраквистовъ о томъ, что духовенство должно имѣть правое и истинное знаніе о вѣрѣ и жить честно и служить примѣромъ для всѣхъ. № 22)—жалоба королю противъ „пикардовъ“, т. е. братьевъ. № 23)—письмо пражскихъ магистровъ королю отъ 1488 г. о „пикардахъ“, т. е. „братьяхъ“, о томъ, что, будто бы имъ ставились разныя препятствія для преній о вѣрѣ съ магистрами, которые на самомъ дѣлѣ желаютъ публичныхъ преній и просятъ объ этомъ. № 24)—краткій чешскій полемическій трактатъ съ опроверженіемъ римскихъ основаній измѣненія практики причащенія подъ обоими видами и оставленія для міранъ одного евхаристійнаго вида, причащенія подъ видомъ хлѣба—тѣла и крови Христовой вмѣстѣ. № 26)—краткое чешское объясненіе словъ Ев. Іоанна 6, 53—6 въ смыслѣ утраквистскомъ. №№ 33 и 34)—оба эти письма двумъ адресатамъ содержатъ въ себѣ опроверженія распространявшихся въ то время по Италіи, т. е. ок. 1482 г., обвиненій противъ утраквистовъ, въ частности относительно дурного будто бы пріема въ Чехіи еп. санктуринскаго Августина Луціана, который прибылъ въ страну для исполненія епископскихъ функцій и оставался между чехами съ 1482 по † 1493[1]); опровергаются и другія обвиненія противъ утраквистовъ, правовѣріе которыхъ здѣсь, т. е. во второмъ письмѣ, подтверждается и разъясняется. № 37)—опроверженіе магистровъ, написанное Б. Косткѣ въ 1492 г., противъ ученія братьевъ о невмѣшательствѣ ихъ въ дѣла судебныя, административныя и пр. № 49)—небольшой латинскій трактатецъ съ обвиненіемъ римской стороны въ несоблюденіи компактатовъ и краткій обзоръ чешской реформаціи отъ Гуса до конца XV в. и пр. № 52)—богословскій трактатъ о необходимости почитанія праздничныхъ дней, которыхъ не почитаютъ „пикарды“, т. е. братья, допускающіе и другія, опровергаемыя авторомъ, неправильности. № 53)—полемическій

[1]) Утраквисты, послѣ смерти архіепископа Конрада († 1431), испытывали большую нужду въ правильно-рукоположенныхъ священникахъ, такъ какъ Римъ не утверждалъ ни Рокицаны, ни его избранныхъ викаріевъ въ новомъ ихъ званіи. Послѣ ратификаціи базельскихъ компактатовъ, посвящалъ утраквистамъ клириковъ посланный въ Чехію легатъ базельскаго собора еп. констанскій (въ Норманділ) Филибертъ (+1439); затѣмъ клирики для своего посвященія отправлялись чаще всего въ Италію. Но въ 1482 г. прибылъ въ Прагу итальянецъ—еп. санктуринскій Августинъ Луціанъ и былъ принятъ консисторіей и магистрами весьма радушно: въ теченіе 11 лѣтъ исполнялъ здѣсь епископскія обязанности, но въ частной жизни и служебной практикѣ допускалъ злоупотребленія (роскошь, симонію и пр.), противъ которыхъ дѣйствительно слышались возраженія и неудовольствія утраквистовъ. Ср. еще № 47.

трактатъ противъ ученія братьевъ о таинствѣ евхаристіи изъ времени ок. 1473 г. № 54)—любопытный трактатъ магистровъ, по предположенію Труглржа, появившійся между 1470—80 гг. и направленный противъ братьевъ, съ доказательствами изъ Св. Писанія, сочиненій Матвѣя Яновскаго, І. Гуса и умѣренныхъ таборитовъ (въ частности Николая Бискупца),—относительно таинства евхаристіи, о личныхъ недостаткахъ священника для дѣйственности таинства, о поклоненіи таинству евхаристіи, о духовномъ и сакраментальномъ принятіи Христа въ евхаристіи подъ видомъ хлѣба и вина, и пр. № 55)—небольшой чешскій трактатецъ, по всей вѣроятности, принадлежащій самому Корандѣ и содержащій въ себѣ разрѣшеніе вопроса о томъ, что и грѣшный священникъ священнодѣйствуетъ при совершеніи таинства. № 57)—реплика самого Коранды на предъидущее въ № 56 письмо Иларія декана литомѣржицкаго († 1469) противъ утраквистовъ, въ которомъ, въ аллегорической формѣ—„kteří jsú ptáci lepší, ti-li, ježto jedie a pijí, čili ti, kteří jedie toliko a ne pijí?"—вопросъ разъясняется, вопреки Иларію, въ смыслѣ утраквистскомъ. Наконецъ, имѣютъ значеніе для нашей цѣли №№ 59 и 60, изъ коихъ въ первомъ, писанномъ еп. вратиславскимъ Іоштомъ королю Юрію Подѣбрадскому въ 1465 г., содержатся обвиненія утраквистовъ въ 9 пунктахъ, главнымъ образомъ, по вопросу о причащеніи подъ обоими видами и о послушаніи церкви, а во второмъ содержится отвѣтъ на всѣ девять пунктовъ обвиненія.

Конечно, и въ другихъ статьяхъ нашего сборника, не указанныхъ нами здѣсь, по исчисленныхъ выше и напечатанныхъ въ изданіи Труглржа, заключаются интересные матеріалы для пониманія исторіи не одного только утраквизма, но и вообще цѣлаго религіознаго движенія данной эпохи. Для характеристики же основныхъ мотивовъ современнаго утраквизма, его религіозно-реформаторскихъ идей и стремленій въ данную эпоху, только что поименованныя статьи сборника представляютъ матеріалъ наиболѣе существенный и важный.

Какъ же характеризуется современный утраквизмъ въ своемъ существѣ по вышеназваннымъ источникамъ, которые содержатся въ сборникѣ, именуемомъ „Мануальникъ В. Коранды"? Подъ существомъ утраквизма мы разумѣемъ здѣсь основные его руководящіе принципы, его религіозно-реформаторскія идеи, а не частныя историческія обнаруженія ихъ въ извѣстной исторической обстановкѣ, въ извѣстныхъ временныхъ историческихъ взаимоотношеніяхъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ факторовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи „Мануальникъ" Коранды не изобилуетъ, пожалуй, многочисленными историческими данными, которыя, впрочемъ, не

мало восполняютъ собою рядъ другихъ источниковъ, характеризующихъ цѣлую эпоху. Но принципіальная сторона современнаго утраквизма, его доктрина и вообще религіозно-реформаторскія стремленія представлены въ нашемъ памятникѣ довольно подробно, опредѣленно и даже оффиціально документально, такъ какъ сборникъ, какъ уже сказано, представляетъ рядъ или протокольныхъ, такъ сказать, актовъ утраквистской консисторіи, или же произведеній самого администратора консисторіи В. Коранды, или же, наконецъ, произведеній пражскихъ магистровъ-блюстителей „чистоты" утраквистскаго ученія въ его послѣдовательномъ историческомъ развитіи. Основныя положенія утраквизма Корандовой эпохи раскрываются въ нашемъ сборникѣ въ противоположность возраженіямъ противниковъ его въ данную эпоху—въ лицѣ „римлянъ" съ одной стороны и „пикардовъ", т. е. чешскихъ братьевъ съ другой. Въ такомъ контекстѣ они представляются еще отчетливѣе, чѣмъ въ положительномъ ихъ изложеніи, въ тѣхъ или другихъ богословскихъ трактатахъ. Мы не задаемся цѣлью слѣдить за подробностями аргументаціи утраквистовъ въ полемикѣ съ ихъ противниками, тѣмъ болѣе, что это потребовало бы спеціальнаго разбора и противоположныхъ доктринъ—римско-католиковъ и братьевъ; но отмѣтимъ только положительную сторону въ ученіи современнаго утраквизма по даннымъ нашего сборника, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ аналогичныхъ указаній изъ другихъ современныхъ памятниковъ Корандовой эпохи, главнымъ образомъ, изъ его же сочиненій, не вошедшихъ въ составъ нашего сборника.

Утраквизмъ Коранды и его единомышленниковъ или вообще его эпохи (второй половины XV в.) остается вѣрнымъ тѣмъ же основоположеніямъ, которыя заключаются въ такъ называемыхъ базельскихъ компактатахъ 1436 г., опиравшихся, какъ извѣстно, на четырехъ пражскихъ членахъ, формулированныхъ еще въ 1420 г. пражскимъ университетомъ, этимъ главнымъ блюстителемъ чистоты вѣры въ гуситскую эпоху. Въ текстѣ пражскихъ членовъ (на латинскомъ, чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) заключались слѣдующія требованія: 1) чтобы слово Божіе въ королевствѣ Чешскомъ свободно и безпрепятственно установленнымъ образомъ проповѣдывалось священниками; 2) чтобы святѣйшее таинство тѣла и крови Христовой, по заповѣди и установленію Спасителя, свободно раздавалось подъ обоими видами всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ, которымъ никакіе смертные грѣхи не препятствуютъ въ этомъ; 3) чтобы духовенство отказалось отъ свѣтской власти надъ мірскими богатствами; и 4) чтобы всѣ смертные грѣхи, въ особенности публичные и другіе проступки, противные Бож-

ственному закону, разумно и какъ слѣдуетъ были наказываемы и искореняемы [1]). Вышеприведенный текстъ четырехъ пражскихъ членовъ, не смотря на различныя толкованія его со стороны двухъ главныхъ гуситскихъ партій — утраквистовъ и таборитовъ, послужилъ все-таки исходною точкою и основаніемъ для послѣдующихъ переговоровъ ихъ съ легатами базельскаго собора и для заключенія съ послѣдними такъ называемыхъ базельскихъ компактатовъ [2]). Текстъ этихъ компактатовъ содержалъ въ себѣ, въ сущности, тѣ же общія требованія, которыя заключались въ вышеуказанныхъ 4-хъ пражскихъ членахъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограничительными условіями, сдѣлавшимися впослѣдствіи дипломатическимъ оружіемъ въ рукахъ Рима, для ослабленія и даже полнаго почти уничтоженія первоначальныхъ требованій гуситовъ. Главнымъ предметомъ внутренняго разногласія и недоразумѣній между католиками и гуситами былъ вопросъ о причащеніи подъ однимъ или обоими евхаристійными видами. 23 декабря 1437 года, какъ извѣстно, въ 30 засѣданіи базельскаго собора, состоялось слѣдующее постановленіе относительно причащенія подъ обоими видами. „Вѣрующіе міряне или клирики, причащающіеся только, но не священнодѣйствующіе, заповѣдію Самого Христа не призываются къ принятію св. таинства евхаристіи подъ обоими видами, но церковь, руководимая Духомъ истины, пребывающимъ въ ней во вѣкъ, съ которою Христосъ пребываетъ до скончанія вѣка, — имѣетъ право дозволить прича-

---

[1]) Латинскій текстъ пражскихъ членовъ приводится у Лаврентія изъ Бржезова (см. Höfler, Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen, II, 480; ср. болѣе исправное изданіе текста хроники Vavřince z Březové kronika Husitská въ Fontes rerum bohemicarum, t. V (v Praze 1893), стр. 391 и т. д. Латинскій текстъ пражскихъ членовъ съ сокращеніями приведенъ и въ нашемъ сочиненіи „Вопросъ о чашѣ“ и пр., стр. 395 и слѣд., прим. 1.

[2]) Какъ извѣстно, заключенію базельскихъ компактатовъ предшествовали продолжительные переговоры гуситовъ съ легатами базельскаго собора, закончившіеся иглавскимъ (въ г. Иглавѣ) соглашеніемъ ихъ 5 іюля 1436 г. А въ основу иглавскаго соглашенія положены были пражскіе компактаты 30 ноября 1433 г., измѣненные въ отдѣльныхъ пунктахъ на сеймѣ въ Брнѣ (см. Monumenta concil. gener. saec. XV saec. I, 775 etc. 820 etc.), но въ сущности своей сохранившіе требованія четырехъ пражскихъ членовъ 1420 г. Чехи, черезъ своихъ депутатовъ въ Иглавѣ, заявили о повиновеніи римско-католической церкви, а легаты базельскаго собора, съ своей стороны, обѣщали, что они, какъ и вообще всѣ католики, будутъ соблюдать миръ и единеніе съ чехами и моравлянами, будутъ считать ихъ „добрыми христіанами“ и „дѣйствительными сынами“ св. матери—церкви; администратору пражской архіепископіи и епископамъ—оломуцкому и литомышльскому дается право, сообразно съ компактатами, посвящать утраквистскихъ клириковъ, торжественно обѣщается предоставленіе гуситамъ полной свободы причащенія подъ обоими видами, но съ условіемъ, чтобы причащающіе народъ подъ обоими видами священники разъясняли народу, что подъ каждымъ евхаристійнымъ видомъ- весь Христосъ. См. Archiv Český, III, 443—4, 423 и слѣд. Подробнѣе см. въ нашемъ сочиненіи „Вопросъ о чашѣ“ и пр., стр. 457 и слѣд.

щеніе подъ обоими видами также и не священнодѣйствующимъ, насколько это, по ея усмотрѣнію, будетъ согласно съ святостію самаго таинства и будетъ служить въ пользу и во спасеніе всѣмъ вѣрующимъ; а принимаетъ ли кто-либо таинство евхаристіи подъ однимъ видомъ или подъ обоими, во всякомъ случаѣ достойно пріемлющимъ его оно служитъ во спасеніе. И отнюдь не должно сомнѣваться въ томъ, что подъ видомъ хлѣба—не только плоть и подъ видомъ вина—не только кровь, но подъ каждымъ видомъ—весь и цѣлый Христосъ. Похваленъ также обычай причащенія мірянъ подъ однимъ видомъ,—онъ разумно введенъ церковію и св. отцами и доселѣ, въ продолженіи значительнаго промежутка времени, былъ соблюдаемъ и, одобренный свѣдущими въ законѣ Божіемъ, Св. Писаніи и канонахъ докторами, долженъ почитаться закономъ, такъ что никто не имѣетъ права его порицать или измѣнять безъ авторитета церкви" [1]). Это постановленіе базельскаго собора служило окончательной ратификаціей важнѣйшаго члена компактатовъ о причащеніи. Какъ видно изъ текста самаго постановленія, необходимымъ признается только совершеніе евхаристіи подъ обоими видами, но способъ преподаванія ея мірянамъ и даже не священнодѣйствующимъ служителямъ церкви будто бы не заповѣданъ опредѣленно Самимъ Христомъ, а установленіе его подъ однимъ или обоими видами зависитъ-де отъ церкви (конечно, отъ римско-католической!), которая снисходительно и уступаетъ гуситамъ право причащенія подъ обоими видами. Такимъ образомъ, базельскій соборъ исполненіе главнаго гуситскаго требованія „о чашѣ" поставилъ въ зависимость отъ „усмотрѣнія" церкви. Въ зависимости же отъ „усмотрѣнія" церкви, отъ ея авторитета и благоразумія ея высшихъ представителей, поставлено исполненіе и другихъ членовъ компактатовъ: послушаніе „церкви" поставлено на соборѣ главнымъ условіемъ для исполненія гуситскихъ требованій. Однако, не смотря и на заявленное чехами въ иглавскихъ 5 іюля 1436 г. постановленіяхъ, утвержденныхъ базельскимъ соборомъ, послушаніе римско-католической церкви подъ условіемъ только выполненія ихъ требованій, состоявшееся примиреніе чеховъ съ Римомъ не могло считаться твердымъ и обезпеченнымъ, ибо каждая изъ договаривавшихся сторонъ по-своему понимала условія достигнутаго соглашенія. Чехи-гуситы безусловно отстаивали спасительность и необходимость причащенія подъ обоими видами и мірянъ, практиковали и причащеніе дѣ-

---

[1]) Подлинный латинскій текстъ этого постановленія см. въ Monument. concil. gener. saec. XV, II, 1112; также Cochlaeus, Hist. Hussitarum, lib. VIII, 308 etc.; въ нашемъ сочиненіи „Вопросъ о чашѣ" и пр., въ приложеніи стр. 582, ср. стр. 460.

тей; точно также и въ остальныхъ членахъ компактатовъ они предполагали дѣйствительныя основанія для надлежащей въ гуситскомъ смыслѣ реформы церкви, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ, добиваясь чешской короны, обѣщалъ, при заключеніи компактатовъ, провести дѣйствительную реформу церкви примѣнительно къ компактатамъ и исполнить другія обѣщанія относительно нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, самостоятельности и независимости отъ Рима гуситской утраквистской церкви. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи послѣдовавшее въ 1435 г. избраніе Рокицаны въ архіепископы и двухъ ему викаріевъ, въ лицѣ Мартина Лупача (въ епископа оломуцкаго) и Вячеслава изъ Высокаго Мыта (въ епископа литомышльскаго), являлось какъ бы внѣшнимъ выраженіемъ гуситско-утраквистскихъ стремленій къ церковной самостоятельности и нѣкоторой независимости отъ Рима, хотя и при существеннномъ съ нимъ согласіи почти во всѣхъ догматахъ церковныхъ. Признавая даже папство и всю вообще римскую іерархію, они (т. е. гуситы-утраквисты) не теряли только изъ виду приближенія ея, въ сферѣ церковно-практическихъ отношеній къ первобытной чистотѣ временъ апостольскихъ. Различаясь съ римско-католическою церковію въ ученіи о способѣ причащенія міранъ, они, однако, не отдѣлялись отъ нея въ догматическомъ ученіи о пресуществленіи и принимали толкованіе римско-католическихъ богослововъ о томъ, что въ каждомъ евхаристійномъ видѣ весь и цѣлый Христосъ, хотя при этомъ настаивали па необходимости причащенія и духовныхъ и міранъ подъ обоими евхаристійными видами. Признавали логически необходимымъ выводомъ изъ ученія о пресуществленіи поклоненіе Христу въ таинствѣ евхаристіи. Согласны были съ римско-католическою церковію не только въ догматахъ, но даже и во многихъ обрядахъ, допуская только чешскій языкъ въ богослуженіи, прославляя память Гуса и порицая разныя злоупотребленія римской церкви въ сферѣ церковно-практической. Такъ, повидимому, близко стояли другъ къ другу и римско-католики, и утраквисты, не только партіи Пржибрамовой (болѣе умѣренной), но и Рокицановой. Съ другой стороны, въ практическомъ отношеніи между ними была пропасть, ибо въ компактатахъ Римъ допустилъ уступку не только въ членѣ о причащеніи, но и въ трехъ остальныхъ членахъ, поскольку дѣло касалось практическаго примѣненія принципіальныхъ въ нихъ требованій о свободной проповѣди (хотя только священникамъ, законно поставленнымъ), лишенія духовенства права владѣнія мірскими богатствами (хотя и оставлено духовенству вообще право пользованія имѣніями) и, наконецъ, искорененія публичныхъ грѣховъ (но только тѣми, кто

имѣетъ на то право). Правда, все это было поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія церкви—ея авторитета. Тѣмъ не менѣе, принципъ начатой реформаціи признанъ былъ и Римомъ въ компактатахъ. Но, естественно, Римъ, согласившись съ этимъ принципомъ вынужденно, подъ давленіемъ труднаго своего положенія, не думалъ практически осуществлять его, считая каждую уступку свою лишнею и къ тому же противорѣчащею собственному церковному авторитету. Ему даже казалась тяжелою и та уступка, которую онъ сдѣлалъ на базельскомъ соборѣ по вопросу о причащеніи, не смотря на то, что только недавно, а именно на констанцскомъ соборѣ (15 іюня 1415 г.), состоялось формальное опредѣленіе объ узаконеніи существовавшей на западѣ новой практики причащенія мірянъ подъ однимъ видомъ хлѣба [1]). Сдѣлавши уступку чехамъ противъ констанцскаго опредѣленія на базельскомъ соборѣ, Римъ какъ бы измѣнилъ себѣ; но, желая быть послѣдовательнымъ, онъ рѣшилъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, исправить вынужденно-допущенную уступку. Отсюда, съ перваго же момента вынужденнаго признанія компактатовъ, онъ началъ противиться ихъ добросовѣстному исполненію, пока устами папы Пія II въ 1462 г. не объявилъ ихъ уничтоженными [2]), признавъ ихъ, однако, снова въ 1564 году, когда они уже потеряли свое первоначальное значеніе и потомъ (въ 1567 г.) самими чехами объявлены были недѣйствительными и болѣе не существующими.

Мы не будемъ слѣдить за исторіей послѣдовательной борьбы Рима противъ компактатовъ въ Чехіи отъ времени ихъ заключенія на базельскомъ соборѣ до конца періода управленія утраквистской консисторіей В. Коранды. Достаточно только напомнить, что начавшееся тотчасъ послѣ ратифакаціи компактатовъ на базельскомъ соборѣ ихъ неисполненіе при жизни такъ много и хитро обѣщавшаго чехамъ Сигизмунда († 1437) продолжалось и при его преемникѣ Альбрехтѣ (дек. 1437—окт. 1439), не ослабѣвало и въ періодъ „безкоролевья“ до вступленія на престолъ Ладислава (1453—1457), но, встрѣтившись съ утраквистской оппозиціей въ правленіе Юрія Подѣбрада (съ 1448 года, короля съ 1457 по 1471 г.), оно еще сильнѣе поддерживалось изъ Рима благодаря усиліямъ папъ Пія II Павла II и властолюбивому коварству угорскаго короля Матвѣя Корвина. Не смотря на стойкость въ борьбѣ съ Римомъ утраквизма

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ въ нашемъ сочиненіи „Вопросъ о чашѣ“ и пр. стр. 342 и слѣд.

[2]) Процессъ этой внутренней борьбы Рима противъ компактатовъ въ данное время сжато и наглядно изображенъ Корандою въ описаніи посольства отъ Юрія Подѣбрада въ Римъ въ 1462 г.: „Poselstvie krále Jiřího do Říma k papeži“.

не смотря на успѣхи послѣдняго, достигнутые въ царствованіе утраквистскаго короля Юрія Подѣбрадскаго, католицизмъ въ Чехіи не слагалъ своего оружія и довелъ дѣло до того, что самъ Юрій Подѣбрадъ вынужденъ былъ предложить чешскому сейму назначить наслѣдникомъ чешскаго престола не одного изъ своихъ сыновей, а сына польскаго короля Казиміра-Владислава (1471—1516), который потомъ, будучи католикомъ, не только не помогалъ внутреннему росту утраквизма, но скорѣе всего способствовалъ его упадку. Въ нашу задачу не входитъ также и то, какъ утраквизмъ въ это время, въ лицѣ своихъ представителей, отстаивалъ компактаты. Для своей спеціальной цѣли мы постараемся извлечь изъ „Мануальника“ В. Коранды тѣ руководящія религіозно-реформаторскія идеи, которыми еще жилъ утраквизмъ даннаго періода времени въ лицѣ Коранды и его сторонниковъ. Въ этомъ отношеніи „Мануальникъ“ Коранды представляетъ матеріалъ достаточно опредѣленный и содержательный. Какъ уже выше было замѣчено, матеріалъ этотъ содержитъ въ себѣ раскрытіе утраквистскихъ воззрѣній въ противоположность двумъ главнымъ противникамъ утраквизма даннаго періода времени, изъ коихъ одинъ былъ Римъ, настойчиво стремившійся къ подчиненію себѣ всѣхъ съ нимъ разномыслящихъ (въ томъ числѣ и утраквистовъ), а другой противникъ былъ въ лицѣ вновь образовавшейся въ началѣ второй половины XV в. общины чешскихъ братьевъ: въ полемикѣ съ этими противниками и раскрывается сущность современнаго утраквизма Коранды и его единомышленниковъ. Въ полемикѣ съ „римлянами“ раскрываются разногласія по вопросу о церкви, главнымъ же образомъ по вопросу о причащеніи подъ обоими видами, равно и по другимъ членамъ компактатовъ, неодинаково истолковываемымъ „римлянами“ и утраквистами. Въ полемикѣ же противъ „пикардовъ“, т. е. братьевъ, обнаруживается различіе въ ученіи о пресуществленіи, которое, будучи понимаемо утраквистами въ смыслѣ римско-католической церкви, не согласовалось съ братскими представленіями по тому же предмету. Различіе между тѣми и другими обнаруживается въ воззрѣніяхъ ихъ и по другимъ вопросамъ, въ частности и по вопросу объ отношеніяхъ христіанина къ общественнымъ должностямъ и занятіямъ, и пр. Все это существенно раздѣляло „братьевъ“ и утраквистовъ, а общеніе послѣднихъ съ римскою церковію (при нѣкоторомъ разногласіи) еще болѣе удаляло первыхъ отъ своихъ прежнихъ союзниковъ (напр. Рокицаны). Теоретическая полемика утраквистовъ противъ братьевъ сопровождалась и практическими притѣсненіями ихъ въ дѣйствительной жизни. Обратимся къ нѣкоторымъ частностямъ для иллюстраціи сказаннаго.

Прежде всего, въ различныхъ статьяхъ „Мануальника" неоднократно дѣлаются ссылки на компактаты[1]), приписывается имъ руководящее значенiе въ религiозныхъ отношенiяхъ между католиками и утраквистами. Но какое именно толкованiе дается компактатамъ,—объ этомъ можно судить на основанiи цѣлаго содержанiя извѣстныхъ статей „Мануальника". Любопытно, что въ разныхъ его статьяхъ нерѣдко упоминается съ большимъ уваженiемъ имя и авторитетъ маг. I. Гуса[2]). А при такомъ уваженiи къ нему и ученiе его не только не забыто, но цитуется съ явнымъ ударенiемъ на его чистоту и авторитетность. Слѣдовательно, завѣты Гуса, не смотря на эволюцiю, происшедшую послѣ его мученической кончины въ нѣдрахъ гуситскихъ партiй, живо хранились среди умѣренныхъ его послѣдователей—утраквистовъ. Подобно своему учителю, они и въ перiодъ дѣятельности Коранды (въ царствованiе Юрiя Подѣбрада и послѣ него—въ царствованiе Владислава) хранили основные его религiозно-реформаторскiе принципы. Въ догматическомъ отношенiи Гусъ, какъ извѣстно, почти во всемъ исповѣдывалъ доктрину римско-католической церкви съ признанiемъ апостольской преемственности римскаго епископа, но не какъ главы церкви (ибо глава церкви—Самъ Христосъ), съ признанiемъ Filioque, ученiя о транссубстанцiацiи и проч., но съ отрицанiемъ всего того, что не соотвѣтствовало слову Божiю, требованiямъ нравственной евангельской чистоты и примѣру первобытной апостольской церкви[3]). Такъ и его послѣдователи—утраквисты, даже разсматриваемой нами эпохи, опираясь на компактаты и изъявляя послушанiе римской церкви, признавали, конечно, папу какъ верховнаго представителя римской церкви, но не церкви

[1]) См., напр., № 3, стр. 14, 17, 19, 21; № 4, стр. 35; № 7, стр. 50; № 49, стр. 155 и слѣд.; № 53, стр. 171, 173; и много другихъ мѣстъ, гдѣ компактаты служатъ для теоретическаго обоснованiя утраквизма.

[2]) См., напр., № 7, стр. 63 и слѣд., 66 и слѣд., 92 и слѣд.; № 49, стр. 155 и слѣд.; № 53, стр. 172; № 54, стр. 175, 178; № 55, стр. 184. Въ отзывахъ о Гусѣ слышится тонъ не только довѣрiя къ его авторитету для подтвержденiя гуситскихъ положенiй и исправленiя ошибочныхъ воззрѣнiй противниковъ, но и дань уваженiя къ нему, какъ мужу святому, незаконно осужденному и мученически пострадавшему. Такъ, напр., въ полемикѣ съ францисканскимъ монахомъ (№ 7) авторъ, по поводу порицательныхъ эпитетовъ, придаваемыхъ утраквистамъ („husáky", „kališníky" и „obojetníky"), выражается о Гусѣ между прочимъ такъ: „Магистръ I. Гусъ былъ священникъ честный, христiанскiй проповѣдникъ и вѣрный чехъ... несправедливо осужденъ за правду. Считая его мученикомъ, мы не стыдимся за него, уповая, что предъ Богомъ онъ ходатайствуетъ за тѣхъ, которые любятъ вѣру по закону Божiю"... (Manualník, стр. 93). Въ одномъ мѣстѣ Гусъ и вмѣстѣ съ нимъ Iеронимъ Пражскiй (напр., въ № 49, стр 155) называются у защитниковъ компактатовъ „predecessores bone memorie" и вообще благоговѣйно почитаются какъ страдальцы за ту правду, которую и они (т. е. утраквисты) отстаиваютъ въ борьбѣ съ своими противниками.

[3]) О степени согласiя I. Гуса съ ученiемъ римско-католической церкви и отступленiяхъ отъ него подробнѣе см. въ нашемъ сочиненiи „Вопросъ о чашѣ" и пр., стр. 223—248.

вселенской, глава которой есть Самъ Христосъ. Отъ верховнаго же представителя римской церкви и отъ подчиненнаго ему духовенства они требовали чистоты евангельской жизни, въ частности свободы отъ увлеченія мірскими богатствами и полной преданности своему служебному дѣлу. Точно также настаивали на необходимости чистоты нравственной жизни и для всѣхъ вѣрныхъ. „Мы вѣримъ,—пишутъ магистры пражскіе въ отвѣтъ Зайцу,—что церковь вселенская разсѣяна по всему свѣту, гдѣ есть званные Христомъ. Она подчинена Господу Христу и стремится по Его приказанію вѣрить и жить; человѣческихъ измышленій не поставлять выше Божескихъ... Она свята, ибо Господь Христосъ есть ея Глава, а она Его тѣло и, будучи подчинена Ему, стремится сохранить установленія и заповѣди Его... Она разсѣяна по всей вселенной отъ востока солнца до запада, т. е. по всему свѣту, гдѣ только есть званные Богомъ. Она не сосредоточена на одномъ мѣстѣ, такъ чтобы одно мѣсто было центромъ цѣлаго свѣта. Къ этой-то святой и вселенской церкви, пишутъ магистры, мы и принадлежимъ, желая быть въ общеніи таинствъ и послушными во всѣхъ дѣлахъ добрыхъ, также и въ единеніи съ нею пребывать въ наученіи закона Божія, съ тѣмъ, чтобы единомысленно и едиными устами славить Бога и Отца Господа Іисуса Христа“ [1]). Поэтому пражскіе магистры отрицаютъ, чтобы вселенскою церковію была церковь римская, ибо и внѣ ея есть много добрыхъ христіанъ и еще будетъ, какъ напр., въ Индіи, въ Азіи (sic)... Въ другихъ мѣстахъ неоднократно съ особеннымъ удареніемъ дѣлается ссылка на различные православные народы, о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Отрицая вселенское значеніе за римскою церковію и признавая ее одною изъ помѣстныхъ частей вселенской, утраквисты Корандовой партіи держались вмѣстѣ съ нею общихъ догматическихъ вѣроопредѣленій, за исключеніемъ только запрещеннаго Римомъ на констанцскомъ соборѣ причащенія мірянъ подъ обоими евхаристійными видами: они, какъ сказано выше, признавали и Filioque [2]), и транссубстанціацію. Но въ ученіи о способѣ прича-

[1]) Развитіе этихъ идей о вселенской церкви вообще и объ отношеніи къ ней римской въ частности см., напр., въ статьѣ № 3, стр. 21—22, и въ другихъ статьяхъ.

[2]) См., напр., въ статьѣ № 7, стр. 65, гдѣ, между прочимъ, есть одно выраженіе, не догматическое разсужденіе, а готовое символическое ученіе римской церкви (Buoh Otec jest nerozený, Syn rozený, a Duch svaty od obojieho pocházie), приводимое авторомъ въ данномъ мѣстѣ только для опроверженія ученія римско-католическихъ богослововъ, что подъ однимъ евхаристійнымъ видомъ хлѣба преподается вѣрующимъ весь Христосъ. Утраквисты принимаютъ Filioque, не входя въ его критику, какъ и вообще въ критику другихъ догматическихъ вѣроопредѣленій римской церкви: они по преимуществу сосредоточиваютъ свое вниманіе на нравственно-практической сторонѣ жизни церкви, почти не касаясь ея догматовъ.

щенія мірянъ подъ обоими видами они твердо стояли на почвѣ компактатовъ,—продолжали повторять и развивать далѣе аргументацію своихъ предшественниковъ, начиная съ маг. Якубка (или Якобеллуса) Стржибрскаго, затѣмъ І. Рокицаны и другихъ защитниковъ чаши. Въ различныхъ статьяхъ „Мануальника“ вопросу этому отведено довольно много мѣста: подробно доказывается спасительность и необходимость причащенія подъ обоими видами съ опроверженіемъ возраженій, которыя дѣлала противъ этого современная римская церковь въ лицѣ своихъ полемистовъ. Вся аргументація Коранды и его сторонниковъ по вопросу о способѣ причащенія мірянъ, разсѣянная въ разныхъ и многочисленныхъ мѣстахъ извѣстныхъ статей „Мануальника“, сгруппирована въ видѣ отдѣльныхъ положеній въ одномъ вышеупомянутомъ нами спеціальномъ рукописномъ сочиненіи Коранды, находящемся въ сборникѣ библіотеки Музея королевства Чешскаго, sign. V. E. 8, гдѣ на листахъ 87a—132b и содержится упомянутый интересный трактатъ Коранды. Въ этомъ трактатѣ указывается двадцать причинъ, почему именно спасительно и необходимо причащеніе подъ обоими видами. Но любопытно, что въ концѣ трактата (л. 131b) есть указаніе на одно латинское сочиненіе, въ которомъ приводится 61 причина спасительности и необходимости причащенія подъ обоими видами[1]). Нужно замѣтить, что въ числѣ не только этихъ 61 причинъ, но и между 20-ю упомянутаго трактата Коранды встрѣчаются слишкомъ дробныя разчлененія и отсюда неизбѣжныя повторенія однихъ и тѣхъ же основаній для той или иной „причины“. Мы воспроизведемъ ихъ здѣсь, ибо въ нихъ повторяется въ сущности та аргументація, которая разсѣяна въ разныхъ многочисленныхъ мѣстахъ „Мануальника“. Въ видѣ письма къ своему во Христѣ брату Никодиму Коранда пишетъ свой трактатъ, гдѣ подробно разъясняетъ слѣдующія двадцать своихъ положеній о томъ, что „nerownie lépe a mnohem užitečnĕji pode dwĕma spuosoboma přijimati nežli pod jednú“:

1) Самъ Христосъ. установитель таинста евхаристіи, установилъ его подъ двумя видами, а не подъ однимъ, что̀ показалъ своимъ примѣромъ: какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ,—рѣчь свою доказалъ дѣломъ (въ подтвержденіе приводятся слова Евангелія Іоанна 6, 53 и слѣд.; Мѳ. 26, 26—28; Лук. 22, 19—20; 1 Кор. 11, 23—29;

[1]) Оканчивая свой трактатъ о двадцати причинахъ необходимости причащенія подъ обоими видами, авторъ говоритъ между прочимъ: Z tĕchto a z jiných řečí zákona božieho a z swĕdectwie swatých jeho jest toho nepřemožený powod že nerownĕ jest lép swátost tĕla božieho a krwe božie pod dwoji zpnosobú přijímati nežli pod jednú, jakož sem toho šíře w latinském spisu dowedl, položiw příčin šedesát a jednu každú nebo zákonem božím anebo swĕdectwim otców swatých ohradil etc. Рук. библіотеки Музея корол. Чешскаго, sign. V. E. 8, ol. 131b.

толкованія отцевъ и учителей церкви, равно и схоластиковъ). 2) Самъ Христосъ принималъ таинство евхаристіи не подъ однимъ, а подъ обоими видами и подъ каждымъ видомъ хлѣба и вина въ отдѣльности, показывая тѣмъ самымъ примѣръ для поученія будущихъ пастырей церкви, чтобы и они не подъ однимъ, а подъ обоими видами принимали таинство тѣла и крови Господней. 3) Подъ обоими видами самъ Христосъ причастилъ своихъ „возлюбленныхъ“ учениковъ, причемъ ученики Его въ это время еще были мірянами и какъ таковые приняли таинство тѣла и крови Христовой подъ обоими видами (приводятся вышеуказанныя мѣста Св. Писанія Новаго Завѣта и нѣкоторыя толкованія ихъ у отцевъ и учителей церкви, съ опроверженіемъ возраженій со стороны „римлянъ“, что будто въ словахъ „сіе творите въ Мое воспоминаніе“ заключалось уже посвященіе апостоловъ въ священный санъ). 4) Мало того, Христосъ строго заповѣдалъ въ словахъ Ев. Іоанна 6, 53 хранить Его приказаніе. 5) Законъ Божій Ветхаго (въ подобіяхъ) и Новаго (въ „истинѣ“) Завѣта указываетъ на необходимость причащенія подъ обоими видами (приводятся слова В. З. изъ Пятокнижія, Притчей, гдѣ говорится о хлѣбѣ и винѣ, а затѣмъ снова повторяются указанія на извѣстныя мѣста Н. З., гдѣ говорится объ установленіи таинства евхаристіи). 6) Св. апостолы, первые „намѣстники“ Христовы, учили такъ же о причащеніи, какъ приняли отъ Самого Христа (приводится ниже мѣсто изъ 1 посланія ап. Павла къ Кор. 11, 23 и др.), и такъ преподавали таинство всѣмъ вѣрнымъ (приводятся ссылки на свидѣтельства отцевъ, учителей церкви, схоластиковъ и проч., для доказательства существованія таковой практики при апостолахъ, съ опроверженіемъ возраженій ихъ противниковъ sub una). 7) Безчисленное множество лучшихъ христіанъ принимало таинство причащенія подъ обоими видами, и ихъ гораздо болѣе, чѣмъ принимавшихъ подъ однимъ видомъ: такъ было, такъ продолжается и такъ будетъ продолжаться до скончанія вѣка (приводятся свидѣтельства отцевъ и учителей церкви, схоластиковъ и пр.). 8) Такъ какъ всѣ люди должны имѣть одну вѣру, то—по слову апостола Павла—и должны причащаться отъ единаго хлѣба и отъ единыя чаши. 9) Причащеніе подъ обоими видами имѣетъ и то преимущество предъ причащеніемъ подъ однимъ видомъ, что подаетъ человѣку болѣе сильную надежду на милость Божію, ибо кто вкушаетъ тѣло Христово и пьетъ Его кровь, имѣетъ жизнь вѣчную (Ев. Іоан. 6, 53 и слѣд.). 10) Причащеніе подъ обоими видами болѣе способствуетъ, чѣмъ причащеніе подъ однимъ видомъ, умноженію христіанской любви, ибо таинство причащенія есть по преимуществу таинство любви, проявленной Богомъ къ людямъ и

постоянно проявляемой въ преподаваніи имъ тѣла Христова подъ видомъ хлѣба и крови Христовой подъ видомъ вина (приводятся разныя мѣста изъ твореній св. I. Златоустаго въ подтвержденіе этой мысли). 11) Причащеніе подъ обоими видами необходимо и для того, чтобы вѣрные могли быть соучастниками молитвъ священника, который молится за вѣрныхъ при совершеніи таинства евхаристіи на двухъ видахъ, при раздаваніи имъ тѣла и крови Господней во спасеніе подъ каждымъ въ отдѣльности видомъ и послѣ принятія ими таинства причащенія. 12) Причащеніе подъ обоими видами возбуждаетъ въ вѣрующемъ человѣкѣ двойное благоговѣніе, какъ это видно на примѣрѣ священника, освящающаго отдѣльно хлѣбъ и отдѣльно вино; а затѣмъ и на примѣрѣ естественнаго насыщенія человѣка, которое удовлетворяется вполнѣ чрезъ принятіе имъ пищи и питія. 13) Истинное памятованіе о смерти Господа нашего Іисуса Христа („сіе творите въ Мое воспоминаніе"), когда отъ тѣла Его отдѣлилась кровь, что̀ Онъ и Самъ предсказалъ на тайной своей вечери,—это памятованіе о смерти Господа Іисуса Христа свято исполняется только тѣми людьми, которые слѣдуютъ Его заповѣди, примѣру вкушенія и преподаванія таинства подъ обоими видами. 14) Причащеніе подъ обоими видами подаетъ болѣе даровъ благодати, чѣмъ причащеніе подъ однимъ видомъ, ибо подъ каждымъ евхаристійнымъ видомъ подаются особые дары милости Господней, подобно тому, какъ и при естественномъ питаніи одна польза получается отъ вкушенія пищи, а иная отъ питія (приводятся для разъясненія этой мысли авторитеты отцевъ, учителей церкви, схоластиковъ и пр.). 15) Кто достойно принимаетъ таинство причащенія подъ обоими видами, тотъ дѣлается истиннымъ членомъ Христовымъ (ибо, по слову Самого Христа, ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ). 16) Принимающіе подъ обоими видами соблюдаютъ истинное послушаніе Самому Христу и Его вѣрнымъ послѣдователямъ, которые тоже подъ обоими евхаристійными видами раздавали вѣрующимъ тѣло и кровь Господа; но запрещающихъ это дѣлать не должно слушать, такъ какъ они говорятъ „устами антихристовыми", ибо папу можно слушать, когда его слово согласуется съ закономъ Божіимъ. 17) Причащеніе подъ обоими видами, какъ введенное Самимъ Христомъ, предохраняетъ отъ заблужденій, ибо Христосъ есть истинный путь... 18) Оно избавляетъ вѣрующаго и отъ святотатства, что̀ дѣлаютъ преподающіе евхаристію подъ однимъ евхаристійнымъ видомъ хлѣба. 19) Оно избавляетъ отъ обвиненія въ еретичествѣ, ибо повинны въ этомъ скорѣе тѣ, которые не исполняютъ заповѣди Христа и вообще закона Божія В. и Н. Завѣта. 20) Наконецъ, причащеніе подъ обоими видами необхо-

димо для того, чтобы намъ не уподобиться антихристу (противнику Христа), не исполняя заповѣди Христа, какъ дѣлаютъ это теперь „римляне“ (Капистранъ, папа Павелъ II), которые съ помощію своихъ слугъ въ Чехіи чинили разныя притѣсненія исполняющимъ заповѣдь Христа о причащеніи [1]).

Только что приведенныя двадцать причинъ, по которымъ спасительнѣе и необходимѣе принимать таинство причащенія подъ обоими видами, чѣмъ подъ однимъ,—исчерпываютъ болѣе или менѣе полно аргументацію утраквистовъ въ пользу „чаши“ для мірянъ. Подробности этой аргументаціи разсѣяны въ разныхъ статьяхъ „Мануальника“ [2]). Излишне было бы приводить заключающіяся здѣсь подробности аргументаціи, такъ какъ онѣ по большей части повторяютъ только то, что въ свое время писалъ въ оправданіе чаши для мірянъ самъ I. Гусъ, его ученикъ и послѣдователь—первый въ собственномъ смыслѣ реставраторъ „чаши“ въ Чехіи—Якубекъ Стржибрскій, I. Рокицана и другіе утраквисты—предшественники Коранды [3]). Коранда не прибавляетъ какихъ-либо новыхъ аргументовъ, но, безспорно, разъясняетъ старые, настаиваетъ на ихъ догматическомъ значеніи и даже по мѣстамъ усиливаетъ ихъ историческую значимость. Послѣднія три изъ вышеприведенныхъ положеній (18—20) Коранды въ защиту для мірянъ чаши ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что, по мнѣнію автора, отнимающіе у мірянъ чашу суть еретики и даже „антихристы“, которые въ лицѣ папскаго Рима и его служителей противятся прямой заповѣди Самого Христа о причащеніи. Итакъ, по вопросу о способѣ причащенія мірянъ Коранда и его единомышленники остро обличали римскую церковь и рѣшительно расходились съ нею, считая ее еретическою въ данномъ пунктѣ ученія. Но, съ другой стороны, принимая ея ученіе о транссубстанціаціи, они, въ разныхъ статьяхъ „Мануальника“, защищаютъ его отъ „пикардовъ“, т. е. братьевъ, причемъ извѣстныя слова Евангелія Іоанна (6 гл., 53 и слѣд.) объясняются не относительно духовнаго принятія евхаристійныхъ видовъ, а тѣлеснаго и сакраментальнаго. Впрочемъ, здѣсь уже заключается

[1]) Рук. библіотеки Музея корол. Чешскаго въ Прагѣ, fol. 109a и 131b.

[2]) Болѣе или менѣе подробно онѣ изложены, напр., въ слѣдующихъ статьяхъ: № 3, стр. 15, 25 и т. д.; № 7, стр. 49, 52 и слѣд., 58 и слѣд., 61—2 и слѣд., 72, 73, 85 и слѣд.—92; № 24, стр. 122—4; № 26, стр. 125—7; № 53, стр. 160 и слѣд., хотя весь этотъ трактатъ спеціально направленъ противъ ученія „пикардовъ“ (т. е. братьевъ) о транссубстанціаціи; №№ 56 и 57 представляютъ два противоположныхъ по направленію трактата о способѣ причащенія — католика Иларія Литомѣржицкаго и утраквиста Коранды; №№ 59 и 60—положенія (9) и возраженія (9) епископа вратиславскаго Іошта противъ причащенія подъ обоими видами и др. и отвѣтъ (9) на нихъ со стороны утраквистовъ.

[3]) См. подробности въ нашемъ сочиненіи „Вопросъ о чашѣ“ и пр.

полемика и противъ ученія братьевъ, которые возражали противъ грубо-матеріальнаго представленія транссубстанціаціи католиками и отчасти утраквистами, хотя послѣдніе и смягчали крайности римско-католическихъ представленій. Нужно, однако, замѣтить, что и римско-католики, желая ослабить значеніе аргумента въ пользу чаши, заключающагося въ 6 гл. Ев. Іоанна, объясняли эти слова тоже въ духовномъ смыслѣ, хотя и не считали свои объясненія въ полемикѣ съ утраквистами рѣшающими: ихъ рѣшающимъ аргументомъ, какъ извѣстно, въ спорѣ съ защитниками чаши было опредѣленіе констанцскаго собора, по которому римская церковь будто бы имѣла право сдѣлать измѣненіе въ способѣ принятія вѣрующими таинства причащенія, подобно тому, какъ она сдѣлала измѣненіе и относительно времени совершенія евхаристіи (не послѣ обѣда, а до обѣда), тѣмъ болѣе, что въ каждомъ евхаристійномъ видѣ и, слѣдовательно, подъ однимъ видомъ хлѣба—весь Христосъ всѣмъ Божествомъ и человѣчествомъ, а преподаваніе мірянамъ чаши было бы небезопасно вслѣдствіе возможности пролитія ими крови Господней. Всѣ же другія возраженія противъ утраквистовъ, въ томъ числѣ и толкованіе 6 гл. Ев. Іоанна относительно духовнаго причащенія, а не сакраментальнаго, являются второстепенными. Но въ полемикѣ утраквистовъ противъ братьевъ 6-я гл. Ев. Іоанна занимаетъ центральное положеніе, ибо при томъ или другомъ толкованіи ея выдвигается вопросъ о транссубстанціаціи, раздѣлявшій существенно утраквистовъ и братьевъ.

Какъ въ ученіи о способѣ причащенія мірянъ, такъ и въ другихъ пунктахъ разногласія съ римско-католиками Коранда и его единомышленики неоднократно ссылаются на практику греческой церкви, — и противники упрекаютъ ихъ въ этихъ, даже чрезмѣрныхъ, симпатіяхъ къ православному востоку. Такъ, напр., І Заяцъ изъ Газенбурга въ своемъ письмѣ къ пражскимъ магистрамъ отъ 1489 г. пишетъ между прочимъ: „Когда, кто-нибудь пріѣдетъ или придетъ къ вамъ заблуждающійся въ вѣрѣ—грекъ, сербъ или русъ, какъ вы его почитаете и какую грѣховную любовь къ нему проявляете, чрезъ то любезное общеніе утверждая ихъ въ ихъ невѣріи; а когда придетъ къ вамъ правовѣрный христіанинъ, но только причащающійся подъ однимъ видомъ, священникъ или монахъ, то проявляете къ нимъ не-христіанскую не-любовь; сейчасъ же поносите ихъ, хотите съ гнѣвомъ, злословіемъ и срамомъ выгнать ихъ“ [1]). Въ отвѣтъ на это магистры

[1]) Ktož přijede neb přijde mezi vás zmatečný u vieře, Řek, Rác neb Raus, jak je ctíte a lásku k nim okazujete s hříchem, potvrzujíce je skrze to laskavé obcovánie v jich nedóvěře. A pak když mezi vás přijde spolukřesťan viery pravé,

пражскіе, между прочимъ, замѣчаютъ: „если бы мы знали, что греки или другіе заблуждаются въ вѣрѣ, то они не смѣли бы приходить къ намъ; но такъ какъ о нихъ пишетъ бл. Іеронимъ, что разсуждаютъ совершенно, слѣдуютъ правой вѣрѣ... и согласно съ ученіемъ св. апостола Павла принимаютъ причащеніе подъ обоими видами, то какъ мы можемъ не относиться къ нимъ привѣтливо, ибо св. апостолъ Павелъ увѣщевалъ такъ относиться къ присныиъ въ вѣрѣ?“ [1]). Въ полемическомъ трактатѣ противъ францисканскаго монаха, который писалъ, что будто всѣ окрестные народы не считаютъ утраквистовъ за истинныхъ христіанъ, но за людей заблуждающихся, — Коранда или другой какой-либо авторъ трактата, единомышленникъ его, отвѣчаетъ слѣдующее: „Неправда. Суть различные отдаленные народы, какъ то: греки, русскіе, болгары, молдаване и другіе (Řekové, Rusové, Bulgarové, Muldavové i jiní), которые вѣруютъ въ Господа Христа и принимаютъ таинство причащенія подъ обоими видами, подобно тому, какъ и мы“. Полемистъ при этомъ ссылается на одно сочиненіе, напечатанное въ „Могунцѣ“ (т. е. Майнцѣ) [2]), на венеціанскую хронику [3]), гдѣ говорится, что многіе народы, приходящіе на поклоненіе Гробу Господню и обитающіе въ царствѣ „подъ великимъ Іоанномъ“ (т. е. въ Индіи), принимаютъ причащеніе подъ обоими видами, какъ приняли это сначала отъ св. апостоловъ, и они не считаютъ гуситовъ еретиками,—это дѣлаютъ только „шипящіе“ окрестные нѣмцы, всегдашніе ненавистники славянскаго языка, и домашніе противники установленной Богомъ „истины“ [4]). Въ томъ же полемическомъ трактатѣ противъ францисканскаго монаха авторъ,

jediné že přijímá pod jednú zpuosobú aneb knéz, neb mnišek, jakú k nim nekřesťanskú nelásku ukážete, ale hned hledíte jeho pohanbenie a s hněvem a utržkami i s haněním vyhnati. Manualnik, № 1, стр. 8.

[1]) Bychom znali bud' Řeky neb jiné zmatečné při vieře, nemělit' by k nám přístupu; ale poněvadž o nich píše s. Jheronym, že dokonale smýšlejí, a viery pravé následují .. že naucení s. Pavla přijímají pod dvojím zpósobem kterak nemáme k nim se přívětivě miet, an svatý Pavel k domácím u vieře tak se radí zachovati? Manualník, № 3, стр. 29.

[2]) Въ примѣчаніи къ этому неточному указанію сочиненія, авторитетнаго для полемиста, издатель „Мануальника“ предполагаетъ, что въ данномъ мѣстѣ (59 стр.) можно разумѣть или сочиненіе Мандевиля (Mandeville Jean, Voyage à Jérusalem, 1480, а чешское изданіе его, повторявшееся нѣсколько разъ, напр., изд. 1600, есть въ библіотекѣ Музея кор. Чешскаго, sign. 29. G. 3: Jana Mandevily rytíře Englanda Cesta po světě vykonaná 1332—35,—во 2 главѣ отзывъ о грекахъ), или же Брейденбаха (Breydenbach, Opusculum sanctorum peregrinationum ad sepulcrum Christi etc. In civitate Moguntina. A. 1486).

[3]) Разумѣется здѣсь извѣстная хроника венеціанца Марко Поло, которая существовала въ чешскомъ переводѣ, можетъ быть, уже въ концѣ XIV в. По крайней мѣрѣ, рукопись Чешскаго Музея (III. E. 42), по которой изданъ чешскій ея текстъ съ латинскимъ переводомъ Чешской Академіей Наукъ (Sbírka Pramenův. III tř., skup. 1, ř. 1. v Praze 1902), писана ок. 1460—1470 (см. предисловіе къ этому изданію, стр. XIII).

[4]) Manualník, № 7, 59—60 стр.

опровергая заключенія своего противника объ іерархической лѣстницѣ въ римско-католической церкви (священникъ-епископъ-папа), возглавляемой единственнымъ и ни отъ кого независимымъ намѣстникомъ - папою и пр.,—замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ этомъ широкомъ свѣтѣ есть много христіанъ, которые ничего не получили отъ папы, однако, они суть добрые и вѣрные христіане, имѣя своихъ духовныхъ владыкъ почтенныхъ и церкви болѣе славныя, чѣмъ въ Римѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ „венеціанская хроника". О, если бы чехи увидѣли, что папа съ своими подчиненными составляетъ западную церковь, и, оставивъ ее, посмотрѣли бы на восточную и управлялись бы ею, и избрали бы себѣ согласно съ свидѣтельствами писаній достаточно епископовъ своего языка, не нѣмцевъ и не итальянцевъ,—тогда лучше утвердились бы (букв. стояли бы) въ свободѣ христіанской вѣры", тогда бы все пошло своимъ русломъ, какъ въ вопросѣ о причащеніи, такъ и въ другихъ предметахъ. „И окрестные народы скорѣе пристали бы къ этому", и не было бы нужды обращаться въ Римъ за полученіемъ священнаго сана за деньги, „ибо это есть ересь симоніи". „Въ этой западной церкви, гдѣ отъ епископовъ, съ разрѣшенія папы, получаютъ свой санъ епископы, хотя и безъ этого (т. е. разрѣшенія), по примѣру другихъ христіанъ, могли бы они достигнуть (своей цѣли),—и это можетъ быть доказано изъ святыхъ писаній: многіе дѣлались епископами, не видѣвъ папы; но мы ни отъ папы, римскаго епископа, ни отъ другихъ епископовъ не отнимаемъ епископскаго сана и пр.". А „когда они горды, любостяжательны, прелюбодѣи, святокупцы и заражены другими неправдами, прославляя свои измышленія и оставляя Божественныя, то не слѣдуетъ, чтобы мы ихъ почитали, такъ какъ Самъ Христосъ сказалъ: „если соль обуяетъ" и пр. [1])

И такъ и въ этой пространной выдержкѣ автора-утраквиста указывается на восточную церковь какъ на примѣръ для подражанія. Но при этомъ любопытно, что римской церкви отводится роль помѣстной-западной, которая къ тому же заслуживаетъ почтенія и послушанія ей только тогда, когда представители ея будутъ нравственно чисты и свободны отъ грѣховъ, отягчающихъ ихъ вину и лишающихъ ихъ права не на священнодѣйствіе, а на послушаніе имъ. И еще въ одномъ небольшомъ письмѣ на имя I. Дубецкаго неизвѣстный авторъ, возражая противъ аргумента римлянъ объ измѣненіи практики причащенія мірянъ въ римской церкви по подобію перенесенія празднованія субботняго дня на воскресеніе,—замѣчаетъ между прочимъ: „Въ практикѣ прича-

[1]) Manualník, № 7, стр. 73—4

щенія подъ однимъ видомъ заключается уже измѣненіе Христова установленія,—оно умалено въ самомъ существѣ, чего не должно быть; но не соблюдаютъ этого (т. е. новый обычай), какъ соблюдаютъ воскресный день, христіане по цѣлому свѣту, напр., въ Индіи, Азіи, въ Руси и другіе народы, (v Jndý, Asii, v Rusiech, a v jiných, národiech, jakož kronikyokazují), о чемъ свидѣтельствуютъ хроники [1]).

Вышеприведенныя выраженія о сочувствіи утраквистовъ Корандовой эпохи къ восточной церкви свидѣтельствуютъ, повидимому, о живучести среди нихъ тѣхъ уніонально-церковныхъ традицій, которыя были присущи имъ еще въ болѣе раннюю эпоху развитія утраквизма. Не приводя другихъ аналогичныхъ выраженій о греческой церкви болѣе раннихъ послѣдователей Гуса и не излагая фактическихъ подробностей о постепенномъ пробужденіи у чеховъ-гуситовъ интереса къ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ [2]), мы хотѣли бы здѣсь указать только на одинъ разительный примѣръ уніональныхъ стремленій гуситовъ къ востоку въ началѣ второй половины XV в. Извѣстно, что въ это время, т. е., можетъ быть, въ концѣ 1451 или въ началѣ 1452 г., прибылъ въ Константинополь отъ чеховъ посолъ, по имени Константинъ Ангеликъ, іерей, который изложилъ собору константинопольской церкви все, что чеховъ касается, представилъ ему подробно свое собственное исповѣданіе вѣры, признанное здравымъ и удобопріемлемымъ, принялъ отъ нея данное ему наставленіе въ истинной вѣрѣ. Въ отвѣтъ на эту миссію константинопольская церковь въ началѣ 1452 г. (18 января) отправила свое любвеобильное посланіе къ чехамъ, въ которомъ признаетъ ихъ исповѣданіе вѣры „здравымъ и удобопріемлемымъ", причемъ выразила надежду, что они во всемъ будутъ согласны съ нею, обѣщала съ величайшимъ тщаніемъ и любовію озаботиться о снабженіи ихъ духовными пастырями и попечителями ихъ душъ, „которые будутъ пасти словомъ истины и примѣромъ жизни не нанесутъ скорби"; а относительно обычаевъ ихъ церкви она намѣрена была благомысленно сдѣлать имъ снисхожденіе въ тѣхъ предметахъ, „которые исхо-

---

[1]) Manualník, № 24, стр. 124.

[2]) Нѣкоторыя историческія подробности по этому предмету собраны въ трудахъ русскихъ ученыхъ, напр.: Елагинъ, Объ исторіи Чехіи Франца Палацкаго (въ Чтеніяхъ Импер. Общ. ист. и древн. Рос. 1848, № 7, стр. 1—44), Новиковъ, Православіе у чеховъ (тамъ же, № 9, стр. 1—94), и его же, Гусъ и Лютеръ, т. I—II (Москва, 1859), Бильбасовъ, Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца (СПб. 1869); Гильфердингъ, Гусъ, его отношеніе къ православной церкви (СПб. 1871 и 2 е изданіе съ дополнительными приложеніями 1893 г.), В. И. Ламанскій, Видные дѣятели (въ Славянскомъ Сборникѣ, СПб., 1876 г., т. I). Ср. также нѣкоторыя указанія въ нашей книгѣ „Вопросъ о чашѣ" и пр., стр. 142 и слѣд.; въ чешской брошюрѣ Іос. Калаша, Jaká jest dějinná půda hnutí husitského (v Praze, 1887), и др.

дятъ изъ благого основанія и самаго чистаго намѣренія и одобреніе коихъ послужитъ къ ихъ назиданію и не будетъ противно чести сей святой матери"... вообще не затрудняется „благонамѣренно и разсудительно сдѣлать безвредныя уступки". Администраторы пражской утраквистской консисторіи на это посланіе константинопольской церкви отвѣчали (29 сент. 1452 г.) своимъ особымъ посланіемъ, адресованнымъ на имя „императора Константина Палеолога, верховнаго патріарха греческой церкви Геннадія (въ то время еще не бывшаго патріархомъ) и всей греческой церкви". Посланіе это, ввѣренное для отправленія тому же легату Константину, содержало въ себѣ—и радость администраторовъ по поводу полученнаго изъ Константинополя посланія и выраженной въ немъ любви и благоволенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ новую просьбу объ изліяніи на нихъ „милости", „благосклонности" и „любви". Успѣлъ ли Константинъ передать по адресу это послѣднее посланіе,—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, совершившееся въ 1453 г. паденіе Константинополя, естественно, пріостановило начатыя сношенія [1]). Тѣмъ не менѣе, мысль о православномъ востокѣ, какъ хранителѣ чистой церковной истины, не исчезала у послѣдователей Гуса и впослѣдствіи. Она, какъ живая традиція, поддерживалась Рокицаною, не исчезала и у его преемника по администраціи гуситской консисторіей, т. е. у Коранды и его единомышленниковъ. Мало того, она сдѣлалась руководящею идеею и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историческихъ трудахъ—утраквиста Билеёвскаго [2]), у братскихъ историковъ І. А. Коменскаго [3]), Странскаго [4]) и др.

---

[1]) Исторія этихъ сношеній чеховъ-гуситовъ съ Константинополемъ разъясняется главнымъ образомъ на основаніи документальныхъ данныхъ: а) Исповѣданія вѣры Константина Ангелика, напечатаннаго мною въ греческомъ оригиналѣ съ переводомъ на русскій языкъ въ брошюрѣ „Къ вопросу о сношеніяхъ чеховъ-гуситовъ съ восточною церковію въ половинѣ XV в." (СПб. 1889, извлечено изъ Христ. Чтенія за 1888—9 гг.); б) Посланія константинопольской церкви къ чехамъ (изъ Freheri, Rerum bohemicarum scriptores", Hanoviae 1602,—перепечатано и снабжено русскимъ переводомъ Гильфердинга въ его соч. „Гусъ" и пр.) и в) Отвѣтнаго посланія администраторовъ пражской гуситской консисторіи (напеч. Палацкимъ въ Urkundliche Beiträge zur Geschichte Böhmens und seiner Nachbarländer im Zeitalter Georgs von Podiebrad (1450—71). Fontes rerum Austriacarum. Abth. II, Bd. XX). Опытъ этихъ разъясненій сдѣланъ мною въ вышеупомянутой брошюрѣ, главные выводы которой повторены мною и въ предисловіи къ 2-му изданію соч. А. Ѳ. Гильфердинга „Гусъ" и пр., гдѣ въ приложеніи напечатаны всѣ извѣстные, относящіеся къ данному вопросу, документы.

[2]) Kronyka czeská (1837, изд. въ Нюренбергѣ) или Kronyka Cýrkevní etc. (изд. 1816 г. въ Прагѣ).

[3]) Ecclesiae Slavonicae... brevis historiola (1660 г. въ Амстердамѣ, 1702 и др. изд.); есть и новѣйшій чешскій переводъ этой „Historiolae" г. Яр. Бидло, напечатанный въ Прагѣ обществомъ „Comenium" въ 1893 г., подъ заглавіемъ: Krátké dějiny církve slovanské etc.. Коменскому обыкновенно приписывается: Historia persecutionum ecclesiae Bohemicae, чешское изданіе—Historia o těžkých protivenstvích církve české až do léta 1632 (нѣсколько изданій того и другого текста—начиная съ 1648 и кончая пражскимъ 1870 и 1888 гг.).

[4]) Respublica Bohemiae (1634 и др. изд.), а новѣйшій чешскій переводъ,

Изъ всего сказаннаго съ вѣроятностью можно заключить, что Коранда и его единомышленники и по вопросу объ отношеніи къ восточной церкви держались той традиціи, которая унаслѣдована ими отъ ихъ ближайшихъ предшественниковъ, и которая, можетъ быть, имѣетъ болѣе глубокую связь даже съ отдаленными временами таившихся въ народѣ въ до-гуситской Чехіи кирилло-меѳодіевскихъ воспоминаній. Еще Палацкій предполагалъ, что, если не первая мысль о сближеніи гуситовъ съ востокомъ, то, по крайней мѣрѣ, главное содѣйствіе и поощреніе этому дѣлу могли исходить изъ пражской гуситской (утраквистской) консисторіи, которая въ то время имѣла свое мѣстопребываніе въ славянскомъ Эммаусскомъ монастырѣ [1]). А въ этомъ монастырѣ, основанномъ сто лѣтъ тому назадъ Карломъ IV, совершалось славянское (правда, по глаголическимъ книгамъ) богослуженіе, и въ числѣ небесныхъ патроновъ этого монастыря чтились, вмѣстѣ съ бл. Іеронимомъ, св. Прокопомъ и др., также св. Кириллъ и Меѳодій. В. Коранда, какъ преемникъ Рокицаны по администраціи, не могъ не помнить тѣхъ уніональныхъ стремленій чеховъ къ востоку, которыя такъ рельефно обнаружились въ 1452 г., но которымъ, однако же, не суждено было осуществиться въ виду паденія Константинополя въ 1453 году. Во всякомъ случаѣ, существовавшія въ утраквистской консисторіи традиціи о связяхъ чеховъ съ востокомъ не исчезали и въ эпоху Коранды, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ извѣстныя вышеприведенныя нами мѣста изъ „Мануальника".

Итакъ, „Мануальникъ" Коранды характеризуетъ современный утраквизмъ въ его отношеніи къ римско-католической церкви какъ стремленіе провести реформу церкви на точномъ основаніи компактатовъ, т. е. въ догматическомъ единеніи съ римскою церковію,

---

сдѣланный г. Тоннеромъ, напечатанъ въ 1893 г. въ Прагѣ подъ заглавіемъ: Mistra Pavla Stranského ze Zapské stránky poopravené a rozmnožené vypsáni vší obce království českého.

[1]) Dějiny, Díl IV, 1, стр. 228—9. Иниціативу въ этомъ дѣлѣ со стороны Рокицаны Палацкій отрицаетъ, хотя и признаетъ его участіе въ одобреніи и поддержкѣ сношеній чеховъ съ востокомъ. Дѣйствительно, участіе Рокицаны подтверждается, напр., современнымъ свидѣтельствомъ подкоморія Ванька Валечовскаго, который, обвиняя Рокицану во властолюбіи, объяснялъ этимъ, т. е. желаніемъ его получить іерархическія прерогативы въ Чехіи, и сношенія его съ Константинополемъ: не успѣвъ добиться своихъ цѣлей въ Римѣ, Рокицана будто бы обратился послѣ этого къ грекамъ... См. Traktat pana. Vaňka Valečovského etc., učiněný proti Rokycanovi a jeho kněžím („Братскій архивъ" въ Гернгутѣ, а копія въ Прагѣ въ Земскомъ архивѣ, т. II, л. 215 и слѣд.). Трактатъ этотъ изданъ проф. Яр. Челяковскимъ (v Praze 1881). Но насколько показанія В. Валечовскаго, личнаго врага Рокицаны, объективны,—объ этомъ сказать что-нибудь опредѣленное трудно, ибо недостаетъ для этого точныхъ историческихъ данныхъ. По крайней мѣрѣ, участіе Рокицаны въ сношеніяхъ съ восточною церковію въ 1452 г. не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ въ это время Рокицана былъ уже въ Прагѣ и имѣлъ большое вліяніе на происходившія движенія въ утраквизмѣ, состоя, можетъ быть уже съ 1448 г., администраторомъ утраквистской консисторіи.

но съ устраненіемъ ея злоупотребленій въ церковной практикѣ и администраціи и при общемъ повышеніи требованій чистой евангельской морали. Важный въ церковно-историческомъ отношеніи матеріалъ этотъ, въ связи съ другими вышеупомянутыми сочиненіями Коранды, не заключающимися въ „Мануальникѣ“, характеризуетъ современный утраквизмъ въ религіозно-реформаторскомъ направленіи какъ народно-религіозное движеніе, цѣль и задачи котораго наглядно представлены въ царствованіи Юрія Подѣбрадскаго—въ стремленіи утраквистовъ къ политической самостоятельности и церковной независимости отъ Рима, но въ духовномъ общеніи съ преемственно-апостольскою церковію, какою почитался у нихъ Римъ апостольскій, но не папскій—съ позднѣйшими наслоеніями и злоупотребленіями. Поскольку Римъ не противорѣчилъ этому идеалу, они искали съ нимъ общенія: принимая отъ него іерархію, утраквисты Корандовой партіи говорили: „Чехи или моравапе, принимая священство отъ церкви римской, принимаютъ его прежде всего отъ Самого Бога, ибо Онъ есть совершитель таинства, чрезъ посредство ея епископовъ“ [1]). Но при этомъ они добавляли: „а если бы въ нихъ, т. е. въ духовныхъ, усматривалось что-нибудь противное вѣрѣ, дисциплинѣ, праву, чести или справедливости, тогда можно противъ нихъ говорить и писать, чтобы они, зная это.., перестали дѣлать худое и обратились на путь дѣланія добра“ [2]). Затѣмъ, утраквисты Корандовой эпохи, не разрывая духовной связи съ церковію апостольскаго преемства, съ Римомъ апостольскимъ (но не папскимъ, противъ котораго они протестовали, критикуя его злоупотребленія съ точки зрѣнія евангельской морали и примѣра Самого Христа, апостоловъ и первобытной церкви),—проявляли свои симпатіи и къ церкви восточной, которая, однако, послѣ паденія Константинополя въ 1453 году, еще дальше стала отъ нихъ чѣмъ была ранѣе до 1453 г., хотя они и не переставали сочувствовать ей, даже, по словамъ ихъ противниковъ, больше, чѣмъ своимъ единовѣрцамъ, принимающимъ евхаристію подъ однимъ видомъ хлѣба [3]).

Что же касается отношеній утраквизма къ „пикардамъ“, т. е. чешскимъ братьямъ, то въ различныхъ статьяхъ „Мануальника“ они характеризуются тѣми же чертами, какъ и въ предшествующую эпоху Юрія Подѣбрада и І. Рокицаны. Прежде всего, брать

---

[1]) Manualník, № 3, стр. 24. Съ этой точки зрѣнія утраквисты посл... довательно защищали противъ крайнихъ таборитовъ и потомъ противъ братьев... то положеніе, что и недостойный священникъ дѣйственно совершаетъ тан... ство, ибо совершителемъ его является Самъ Богъ чрезъ посредство нарочи... посвященнаго служителя церкви. См. Manualník, № 54, стр. 174—182; № 5... стр. 182—187; и др.

[2]) Manualník, № 3, стр. 24.

[3]) Тамъ же, № 1, стр. 8; ср. выше. стр. 100—1, прим.

продолжаютъ слыть у своихъ противниковъ какъ у римско-католиковъ, такъ и у утраквистовъ, „пикардами". Въ разныхъ статьяхъ „Мануальника" разсѣяно не мало острыхъ полемическихъ нападокъ на „пикардовъ", острой критики ихъ религіозной доктрины и пр. [1]). Конечно, на основаніи однихъ этихъ полемическихъ статей нельзя характеризовать тогдашнюю братскую доктрину, которая къ тому же до конца XV в. не получила еще твердой догматической формулировки. Но, безъ сомнѣнія, матеріалъ, содержащійся въ „Мануальникѣ", можетъ имѣть значеніе при исторической и богословской оцѣнкѣ братской доктрины, въ связи съ другими непосредственными и болѣе объективными свидѣтельствами, т. е. современными конфессіями самихъ братьевъ, ихъ собственными апологіями, спеціальными сочиненіями и пр. Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не то, насколько вѣрно изображается въ „Мануальникѣ" братская доктрина, но какъ вообще она представлялась современными утраквистами и какъ послѣдніе относились къ ней. Т. е., для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ то, чѣмъ характеризуется современный утраквизмъ въ отношеніи къ братьямъ и какъ опредѣляются въ „Мануальникѣ" религіозно-реформаторскія его идеи въ своемъ существѣ и подробностяхъ, при столкновеніи ихъ съ братскою доктриною.

Какъ уже выше было сказано, въ „Мануальникѣ" братья повсюду называются „пикардами", т. е. именемъ позорнымъ и „гнуснымъ" въ глазахъ не только католиковъ, но и гуситовъ. Въ одномъ мѣстѣ [2]), напр., говорится, что „fraterculorum seu Pighardorum secta turpissima, baptismum aliaque sacramenta inficiens, deficiens quoque in credendis articulis numero non paucis, etc. А въ другомъ мѣстѣ [3]) братья приравниваются, повидимому, къ тѣмъ „пикардамъ", которые „въ 1419 г. пришли изъ чужихъ краевъ и во многомъ исказили вѣру въ Прагѣ и на Таборѣ, у которыхъ вождями были священники Петръ Канишъ и Мартинъ изъ Моравіи, по прозванію Loqvis, которые учили различнымъ заблужденіямъ, въ особенности о таинствѣ евхаристіи, что будто бы въ ней нѣтъ истиннаго тѣла и крови Господней, а только хлѣбъ знаменуетъ тѣло Христово". „Въ 1421 году,—говорится далѣе въ той же статьѣ,—прибыли въ Прагу два таборитскихъ священника и обвиняли ихъ (т. е. пикардовъ) въ заблужденіяхъ, такъ что потомъ около 200 пикардовъ были изгнаны изъ Табора, а I. Жижка

---

[1]) Для характеристики религіозной доктрины братьевъ, насколько она казалась извѣстною ихъ противникамъ, главнымъ образомъ, утраквистамъ, содержатся въ „Мануальникѣ" немалочисленныя данныя, напр., въ №№ 1, 3, 4, 5, 6, 10, 11, 22, 23, 37, 52, 53 и 54.

[2]) Manualník, № 11, стр. 102 и слѣд.

[3]) Тамъ же, № 54, стр. 179 и слѣд.

приказалъ сжечь Каниша, Мартинъ же Loqvis былъ сожженъ въ Рудницѣ“ [1]). Конечно, отожествлять съ этими „пикардами“ позднѣйшихъ братьевъ несправедливо уже по тому одному, что братья, какъ отдѣльная община, появляются только въ началѣ второй половины XV вѣка. Тоже несправедливо свидѣтельствуютъ полемисты „Мануальника“, когда говорятъ, что „пикарды“ противились „базельскимъ компактатамъ“, повидимому, въ моментъ ихъ заключенія, когда, слѣдовательно, еще не было братской общины [2]). Есть въ „Манульникѣ“ и другія полемическія преувеличенія, направленныя противъ „пикардовъ“ (т. е. братьевъ), которыя не согласуются съ болѣе достовѣрными историческими свидѣтельствами. Въ нашу задачу не входитъ теперь критически оцѣнивать степень достовѣрности всѣхъ этихъ полемическихъ аргументовъ утраквистовъ. Но для характеристики самого утраквизма важно, все-таки, указать полемическія его возраженія противъ „пикардовъ“ (т. е. братьевъ).

Въ полемикѣ съ братьями, какъ и съ римско-католиками, утраквисты „Мануальника“ придерживались тѣхъ же руководящихъ „критеріевъ“, которыхъ они, по ихъ собственнымъ словамъ, держались и на базельскомъ соборѣ, т. е. „закона Божьяго“, примѣра „первобытной святой церкви“ и „св. древнихъ учителей, основывающихся на томъ же законѣ Божіемъ“ [3]). Съ точки зрѣнія этихъ „критеріевъ“ они и нападали на братьевъ за уклоненіе ихъ отъ общенія съ церковію (т. е. утраквистскою) и отрицаніе ими ея іерархіи, слѣдовательно, и іерархіи римской церкви, которую признавали утраквисты; обвиняли ихъ въ неправильномъ пониманіи Ев. Іоанна 6 гл., 53 ст. и слѣд., возражая противъ исключительно только духовнаго пониманія ими этихъ словъ (о тѣлѣ и крови Господней) и различая при этомъ три способа вкушенія тѣлеснаго, духовнаго и сакраментальнаго на основаніи прямого смысла словъ Ев. Іоанна и авторитета „св. древнихъ учителей“ [4]). Упрекая братьевъ въ односторонности духовнаго „фигуральнаго“ пониманія таинства евхаристіи, утраквисты настаиваютъ на „реальномъ“ при-

[1]) Ср. Tomek, Dějepis města Prahy. Díl IV (v Praze 1879), стр. 137 и 1[illegible]8.

[2]) Manualník, № 53, стр. 173.

[3]) Manualník, № 4, стр 35 Но любопытно, что въ полемикѣ противъ братьевъ утраквисты приводятъ въ подтвержденіе своихъ богословскихъ воззрѣній (напр., на таинство пресуществленія, и что таинство совершается независимо отъ личныхъ достоинствъ лицъ священнодѣйствующихъ) не только І. Гуса и его предшественника Матвѣя Яновскаго (или Парижскаго), но даже [illegible]борита (умѣреннаго) Николая Бискупца, І. Виклефа и пр. (см., напр., №№ 54 и 5[illegible]).

[4]) Всѣ эти возраженія, разъясненія и опроверженія противниковъ содержатся, между прочимъ, въ ст. „Мануальника“: № 53, стр. 160 и слѣд. и № [illegible]4, стр. 174 и слѣд.; ср. еще № 4, стр. 35 и слѣд.; № 11, стр. 102 и слѣд.; № [illegible]2, стр. 121.

ıiи Христа въ таинствѣ, напр., въ слѣдующихъ выраженіяхъ: осъ сказалъ „сіе есть тѣло Мое", и „тогда это было дѣйстви- ɔе Его тѣло, которое Онъ далъ ученикамъ, и это была не а или знаменіе, но истинное Его тѣло силою Его словъ; же Его не было ни безъ души, ни безъ Божества, но соеди- е съ Божествомъ и душею. Иначе, если бы кто-нибудь ялъ Божество отъ тѣла, то раздѣлялъ бы и уничтожалъ бы а въ Его лицѣ, а это есть заблужденіе антихриста, проис- цее отъ невѣрія, къ вѣчной гибели"... А „какъ въ таин- евхаристіи присутствуетъ Христосъ, — этого не постиг- ни умомъ, ни разумомъ"... [1]): нужно вѣрить словамъ о Христа. Въ другомъ мѣстѣ, разъясняя способъ при- iя Христа въ таинствѣ евхаристіи, утраквисты, пользуясь заніемъ Гуса, Матвѣя Яновскаго, даже Николая Бискупца, ıтъ: „Тѣло Христово, родившееся отъ Пресв. Дѣвы Маріи, ь одесную Бога Отца, находится на небѣ и въ таинствѣ истіи, но иначе тамъ и здѣсь, ибо на небѣ оно—мѣстно ně), а въ таинствѣ сакраментально (posvátně)" [2]). Т. е., утра- ы защищаютъ въ „Манувльникѣ" противъ братьевъ римско- ическую транссубстанціацію, хотя въ своихъ толкованіяхъ ряютъ слишкомъ матеріальное средневѣковое представленіе о-католиковъ по этому предмету (о плоти, костяхъ и крови овыхъ): вѣрою, а не естественнымъ видѣніемъ постигается вительное присутствіе Христа-Богочеловѣка въ таинствѣ истіи. Признавая реальное присутствіе Христа въ евхаристіи, висты защищаютъ необходимость поклоненія Ему въ таин- что отрицали братья: „въ таинствѣ евхаристіи, говорили висты, мы кланяемся не тому, что видимъ, но тому, во что ъ; вѣримъ истинно, что тѣло Христово „v své spuosobě съ Божествомъ соединено на небѣ одесную Бога Отца, а тѣло съ душею и Божествомъ есть въ таинствѣ евхаристіи видомъ хлѣба и вина" [3]). „Такъ какъ Христосъ присутствуетъ инствѣ евхаристіи, то Ему поклоняться и молиться достойно, дно и спасительно" [4]). Но, расходясь съ братьями въ ученіи существленіи, утраквисты, конечно, одобряли ихъ способъ щенія подъ обоими евхаристійными видами. Далѣе, противъ евъ утраквисты защищаютъ необходимость крещенія дѣтей уждаютъ перекрещиваніе [1]), защищаютъ внѣшнюю обряд- и въ частности посѣщеніе храмовъ въ воскресные

[1]) Manualník, № 53, стр. 167.
[2]) Тамъ же, № 54, стр. 178 и слѣд.
[3]) Тамъ же, № 54, стр. 178.
[4]) Тамъ же, № 54, стр. 179.

и праздничные дни[2]), доказываютъ, что и „злый“ священникъ дѣйственно совершаетъ таинства, ибо „таинства христіанскія суть Божіи... сила ихъ проистекаетъ не отъ священника, а отъ Божественной благодати“ черезъ посредство священника, и подаются они людямъ достойнымъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную[3]). Наконецъ, съ точки зрѣнія тѣхъ же критеріевъ, утраквисты возражаютъ и противъ уклоненія братьевъ отъ участія въ гражданской службѣ, судѣ и пр.[4]). На основаніи Св. Писанія В. и въ особенности Н. Завѣта авторъ приходитъ къ выводу, что, правильно понимая слова Св. Писанія (напр., Мѳ. 7, 1; Ев. Іоан. 7, 24; ср. Мѳ. 18, 16, и др.), каждый можетъ принимать должность судьи, консула (т. е. члена общиннаго совѣта), чиновника и пр. Съ этимъ впослѣдствіи примирились и братья (по крайней мѣрѣ, т. н. „большая сторона“).

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ общихъ возраженій утраквистовъ противъ братьевъ, первые почти во всѣхъ пунктахъ разногласій съ послѣдними стояли на точкѣ зрѣнія римско католической церкви. Но, съ другой стороны, они защищали и свою особую точку зрѣнія, противъ которой упорно стоялъ Римъ: утраквисты и въ полемикѣ съ братьями отстаивали руководящее значеніе компактатовъ, которыхъ Римъ не хотѣлъ признавать и которыя даже провозгласилъ въ 1462 г. уничтоженными. Съ точки зрѣнія этихъ компактатовъ утраквисты, между прочимъ, одобряли обычай у братьевъ причащенія всѣхъ вѣрныхъ подъ обоими видами, но не могли безразлично смотрѣть и оставлять безъ вниманія отдѣленіе ихъ отъ церкви и другія ихъ заблужденія, возникшія у нихъ внѣ церковной ограды. Отсюда и желаніе утраквистовъ привести сектантовъ снова въ лоно церкви не только силою убѣжденія, но и путемъ политическихъ насилій, которыя они употребляли съ помощію свѣтской власти[5]). Однимъ словомъ, отношенія Коранды и его единомышленниковъ къ братьямъ напоминаютъ прежнюю эпоху Юрія Подѣбрадскаго и Рокицаны, съ тою только разницей, что теперь, въ царствованіе Владислава, ослабѣвшій въ силѣ утраквизмъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ общины братьевъ, уже значительно окрѣпшей внутренно и довольно распространившейся и во внѣ.

Вообще, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ „Мануальника“ объ утраквизмѣ Корандовой эпохи, можно безъ преувели-

---

1) Manualník, № 4, стр. 35 и слѣд.
2) Тамъ же, № 52, стр. 158 и слѣд.
3) Manualník, № 55, стр. 187.
4) Тамъ же, № 37, стр. 141 и слѣд.
5) Ср. письма и просьбы утраквистовъ къ королю Владиславу и пр. См. Manualník, напр., №№ 22, 23 и др. къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ,

ченія сказать, что сущность его (т. е. утраквизма) оставалась неизмѣнною сравнительно съ непосредственно предшествовавшей ей эпохою Юрія Подѣбрада и І. Рокицаны. Религіозно-реформаторскія его тенденціи, опиравшіяся на компактаты, энергично пока поддерживались главными его представителями въ лицѣ утраквистской консисторіи и университета. Университетъ въ лицѣ магистровъ продолжалъ защищать теоретическія основы утраквизма. Всѣ они болѣе или менѣе энергично боролись противъ двухъ своихъ главныхъ противниковъ—„римлянъ" и „пикардовъ" (т. е. братьевъ). Фактическихъ доказательствъ этого указано достаточно и еще можно было бы извлечь ихъ не мало изъ разныхъ вышеупомянутыхъ нами статей „Мануальника": мы ссылались на нихъ въ подтвержденіе тѣхъ общихъ положеній утраквизма, которыя въ данную эпоху составляли его сущность и главное содержаніе. Но мы не будемъ теперь заниматься анализомъ всѣхъ подробностей утраквистской доктрины въ данное время. „Мануальникъ" Коранды содержитъ не мало любопытныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ: въ немъ разсѣяны не малочисленные матеріалы и для комментированія всѣхъ четырехъ членовъ базельскихъ компактатовъ, и указанія на ихъ связь съ І. Гусомъ и его предшественниками (напр. Матвѣемъ Яновскимъ)[1]), находятся интересныя подробности и для характеристики религіозной доктрины „братьевъ"[2]), есть любопытныя данныя и для пониманія таборитскихъ воззрѣній по нѣкоторымъ вопросамъ ихъ богословской доктрины[3]).

Помимо церковно-богословской аргументаціи, характеризующей утраквизмъ второй половины XV в., въ его отношеніи въ римско-католической церкви и къ „пикардамъ" (т. е. братьямъ), есть въ „Мануальникѣ" немало историко-фактическихъ данныхъ изъ внѣшней жизни современнаго утраквизма и отношеній къ нему со стороны его противниковъ. Въ частности, есть не лишенныя интереса подробности объ отношеніи утраквистовъ къ Августину, еп. санктуринскому, который въ бытность свою въ Чехіи (1482—1493 г.) удовлетворялъ хроническія нужды утраквистовъ въ по-

---

[1]) Ссылки на Гуса приведены нами выше; указанія на Матвѣя Яновскаго см., напр., въ № 54, стр. 178.

[2]) См. выше, стр. 108 и слѣд.

[3]) Напр., въ № 54, стр. 178 и слѣд., есть любопытныя свидѣтельства объ отношеніи умѣренныхъ таборитовъ къ таинству евхаристіи (о поклоненіи Христу въ таинствѣ, что̀ отрицали наиболѣе крайніе изъ нихъ). Во всякомъ случаѣ для исторіи эволюціи таборитскаго ученія имѣютъ значеніе и эти данныя „Мануальника", какъ равно и ссылка на „знаменитаго" таборитскаго „епископа" Николая, по прозванію Бискупца, по вопросу о томъ, можетъ ли дѣйственно совершать таинство „злый" священникъ (тамъ же, стр. 177 и др.), что̀ допускали не только католики, но и утраквисты. Въ данномъ мѣстѣ утраквисты опровергаютъ „пикардовъ" (т. е. братьевъ), между прочимъ, ссылкою на Николая Бискупца, который увѣщевалъ слушаться и „злыхъ" священниковъ, какъ сказалъ Самъ Христосъ (Мѳ. 23, 3).

полненіи вымиравшаго стараго духовенства, посвящая новыхъ кандидатовъ въ священный санъ, въ чемъ обыкновенно упорно отказывалъ Римъ, не смотря на признаніе чеховъ въ Базелѣ истинными и вѣрными христіанами. Интересны въ частности историческія подробности изъ полемики самого Коранды съ пражскимъ католическимъ деканомъ Иларіемъ литомѣржицкимъ († 1469), главнымъ образомъ, по вопросу о причащеніи, отношенія къ тому же вопросу Іошта, еп. вратиславскаго, и мн. др. Всѣ эти и другія подробности вообще драгоцѣнны для историка. А весь вмѣстѣ взятый—и церковно-историческій, и богословско-полемическій, и историко-политическій матеріалъ „Мануальника“ характеризуетъ современный утраквизмъ, какъ стремленіе руководящихъ его дѣятелей въ консисторіи удержать первоначальный его престижъ и значеніе. Но въ практическомъ отношеніи, въ жизненныхъ взаимоотношеніяхъ, и самъ утраквизмъ тогдашній, подобно тому, какъ это было уже и ранѣе, развивался въ разныхъ направленіяхъ, видоизмѣняясь подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ историческихъ факторовъ, пока, наконецъ, одна часть утраквистовъ, силою историческихъ обстоятельствъ, не слилась окончательно съ „римлянами“, а другая стала поддерживать сношенія съ лютеранами и сама скоро, такъ сказать, растворилась въ протестантской стихіи, утративъ первоначальный гуситскій характеръ своихъ реформаторскихъ идей. Въ вѣкъ Коранды, этого „протестантскаго“ движенія въ утраквизмѣ еще не было, хотя мирныя, сближающія его съ римскою церковію, теченія, еще до базельскихъ компактатовъ существовавшія (напр., въ партіи Пржибрама), усиливались въ особенности въ царствованіе Владислава (1471—1516 гг.) и его преемника Людовика (1516—1526 гг.), которые покровительствовали въ чешскихъ земляхъ римской пропагандѣ. Процессъ этой, происшедшей въ нѣдрахъ утраквизма, эволюціи не входитъ въ нашу задачу, но для характеристики его и „Мануальникъ“ В. Коранды содержитъ не мало интересныхъ наводящихъ историческихъ указаній, которыми отчасти уже пользовались для своей цѣли вышеупомянутые нами изслѣдователи чешской исторіи разсматриваемаго нами періода времени. Однако, богатый богословскій матеріалъ, характеризующій внутреннее существо современнаго утраквизма и его противниковъ—„римлянъ“ и „пикардовъ“, не былъ еще подвергнутъ спеціальному изслѣдованію. Намѣтивъ по „Мануальнику“ только нѣсколько главнѣйшихъ и существенныхъ религіозно-реформаторскихъ особенностей тогдашняго утраквизма, мы не коснулись спеціальныхъ деталей, которыя требуютъ особаго изслѣдованія.

Этимологическія замѣтки.

А. Погодина.

ь исторіи сношеній славянъ и литвы съ иранскими племенами.

Въ то время, какъ въ славянскихъ языкахъ можно найти до-
но значительное число словъ, заимствованныхъ непосред-
нно изъ иранскихъ языковъ, литовскій даетъ въ этомъ от-
ніи весьма мало материала. Иранскій дуализмъ отразился на
нскихъ вѣрованіяхъ въ добраго *бога* и злого *дива*, тогда
литовская миѳологія отмѣчена сильнымъ вліяніемъ со сто-
мистики финскихъ племенъ, съ которыми литовцы, несом-
ю, находились въ долгихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, будучи
ены финской стѣной отъ степей Южной Россіи съ ихъ ко-
цимъ иранскимъ-скиѳскимъ населеніемъ, куда свободно и уси-
о проникали культурныя вліянія и со стороны греческихъ
оморскихъ колоній, и съ персидскаго Востока. Тѣмъ болѣе
рѣтаетъ интереса всякій новый фактъ, указывающій на
о-литовскія отношенія. Одинъ изъ такихъ фактовъ отмѣченъ
давно, хотя его значеніе до сихъ поръ не можетъ быть
чательно выяснено: это литовско-латышское названіе голубя
dis: *ballodis*, которому соотвѣтствуютъ криво-ливонское *bal-*
и осетинское *bälon*. По справедливому замѣчанію проф.
Миллера (Die Sprache der Osseten. Anhang zum I Band. Grund-
der iran. Phil. 1903, стр. 8), непосредственный источникъ
ствованія въ данномъ случаѣ неопредѣлимъ.

Въ настоящей своей замѣткѣ я укажу на два слова балтій-
лингвистической семьи, которыя, какъ мнѣ кажется, должны
одить къ иранскимъ оригиналамъ.

) Въ сборникѣ латышскихъ сказокъ „Latvēšu tautas pasakas",
нныхъ Ансомъ Лерхъ-Пушкайтисомъ, во 2-й части (Jelgawâ
), напечатана подъ № 3 сказка о диковинной птицѣ *буль-*
съ (иначе *бубулисъ*). Въ самомъ началѣ сказки находимъ

слѣдующее описаніе этой жаръ-птицы латышскаго сказочнаго эпоса: *Bulbulis* (*putnu bulbulis* или *bubulis*) живетъ у одного царя въ саду въ золотой клѣткѣ; на ножкѣ у него золотое колечко; стоитъ только снять у него это колечко, и снявшему Bulbulis будетъ принадлежать и дѣлать все, что тотъ захочетъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что *Bulbulis* обладаетъ превосходнымъ голосомъ, и что онъ птица вѣщая: своимъ пѣньемъ онъ раскрываетъ все, что произошло. Эта сказка извѣстна латышамъ въ нѣсколькихъ варіантахъ (ср. напр. № 6 въ Jelgaw. Rakstu Krajums. 3. Pasakas un teikas 1893, стр. 14—17), но имя *Bulbulis* мнѣ болѣе не встрѣчалось; однако, врядъ ли можно сомнѣваться, что оно имѣетъ характеръ заносный и вмѣстѣ съ иностранными сказками о какой-то чудесной птицѣ проникло къ латышамъ. Полное совпаденіе этого имени съ персидскимъ названіемъ соловья, *bulbul*, показываетъ, что источникомъ латышскаго слова было иранское. Но какъ оно попало сюда, это, во всякомъ случаѣ, интересно было бы выяснить.

2) Распространеніе названій конопли и издѣлій изъ нея среди народовъ древней культуры представляетъ еще много загадочнаго. Самое названіе конопли, не смотря на его широкое распространеніе въ индоевропейскихъ и финноугорскихъ языкахъ, остается еще совершенно невыясненнымъ; трудно сказать даже, есть ли слово *canapis* (латинское соотвѣтствіе славянскому *конопля*) едино, или оно распадается на двѣ части: *cana* и *pis*, изъ которыхъ каждая означаетъ то же самое—коноплю. Другія названія конопли и хлопка идутъ изъ Индіи, откуда проникли и къ семитамъ, отъ нихъ къ грекамъ и далѣе на западъ: такъ, греч. Βύσσος восходитъ къ др.-инд. *picu*; араб. *kirbas* и др.-еврейскія соотвѣтствующія формы къ др.-инд. *karpasa*; изъ др.-инд. *çanaka* (hänfenes Tuch, härnes, durchlöchertes Gewand) возникъ рядъ семитическихъ формъ съ ассимиляціей *n* и *k*, которыя проникли и въ египетскій (поздне-егип. *sak*—härnes Gewand, коптск. *sok*) и въ греческій (σάκκος) языки. Не входя въ подробности этого вопроса, который недавно освѣщенъ Шефтеловичемъ въ его диссертаціи: „Arisches im Alten Testament" (Königsberg. 1901, стр. 34—35), замѣчу, что слав. *керпь*: алб. *kerp* (конопля): фин. *kerpo* указываютъ на другіе пути распространенія разсматриваемаго слова, чѣмъ лат. *carpasus*. И въ н.-перс. это слово означаетъ тонкое полотно, а не матеріалъ, изъ котораго его ткутъ, не ленъ и не коноплю, такъ что заимствованіе должно быть отнесено къ очень старому времени и восходитъ къ утраченному иранскому слову **kerp*—; на то, что и въ древне-инд. языкѣ было названіе конопли **karpa*, указываютъ др.-инд.

karpati (лоскутъ), откуда *karpatika* (одѣтый въ лохмотья, нищій), и др.-инд. *karpāsa* (хлопчатобумажный кустъ, хлопчатая бумага).

Къ Индіи же, какъ къ основному источнику заимствованія, восходитъ названіе *пеньки*, которое проникло на нашъ сѣверъ черезъ посредство какихъ то иранскихъ племенъ. Можетъ быть, все это слѣды сношеній со скиѳами, у которыхъ, по разсказу Геродота, конопля была въ большей чести. Въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, очень интересно то литовское слово, на которое я хочу указать, и которое до сихъ поръ было незамѣчено изслѣдователями. Рѣчь идетъ о діалектическомъ литовскомъ словѣ *bagnietinis* (Mitteilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft за 1883 г., стр. 387, матеріалы г. Шлюпаса)=*kanapinis* (конопляный) въ выраженіи *bagnietine skara* (лоскутъ холста). Это прилагательное подразумѣваетъ имя сущ. **bagnas* или **bagna* (полотно, холстъ), которое едва-ли можно отдѣлить отъ корня *bang*—; форма *bagn* объясняется перестановкой, совершенной подъ вліяніемъ очень обычныхъ сочетаній *bag*—(напр., *bagnà* изъ пол. *bagno*, *bagotas*, *bagósti*, *bágalis* и др.). Указанное **bang-a* нельзя отдѣлять отъ афг. *bang* (конопля), арм. *bang* (бѣлена), др.-инд. *bhangā* (конопля), тогда какъ рус. *пенька*, пол. *pienka*, чеш. *pěnka* восходятъ скорѣе къ н.-перс. *beng* (иначе *meng*, бѣлена). Исторія этого слова, по справедливому замѣчанію Уленбека (Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprachen. 194), погружена еще въ совершенную тьму, но, во всякомъ случаѣ, предполагаемое литовское слово едва-ли не взято непосредственно изъ какого-нибудь древнеиранскаго діалекта, тогда какъ слав. *пенька* со своимъ *п* вмѣсто *б* представляетъ впечатлѣніе заимствованія, прошедшаго черезъ финскую среду. Нѣм. *Bangenkraut* (Schierling), которое часто сопоставляютъ съ перс. *beng*, врядъ-ли относится сюда.

2. Свобода.

Одинъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ сохранилъ удивительно архаистическую форму сложенія имени существительнаго съ мѣстоим. *сво*—, аналогичную древнеиндійскимъ образованіямъ со *sva*—: напр. *svagramas* (собственная деревня), *svagrham* (свой домъ), *svacetas* (своя мысль), *svacchandas* (своя воля) и мн. др. Именно, въ говорѣ деревни Сивы Пермской губерн., описанномъ въ рукописи Имп. Акад. Наукъ № 130 (свящ. Лепорскимъ въ 1854 г.), находимъ оборотъ: *съ своконемъ* (экъ же мы коеváдпи сбашили съ своконемъ, нать хто не будь растурышкалъ, онъ и поди въ попятку=такъ же мы когда-то смѣнялись башъ на башъ

съ его лошадью, но знать кто-нибудь разстроилъ, онъ и спятился). Въ томъ же говорѣ отмѣчено *сводѣльно* (лично, самъ), которое, какъ и пол. *swowolny*, можетъ восходить къ формамъ со **sva*—, а не быть сокращеніемъ изъ *свое*—. Ср. казан. *свобышъ* (неслухъ).

Не есть ли и въ *свобода* первая часть мѣстоим. *сво*—? По объясненію Миклошича (Etym. Wört. 332), это слово восходитъ къ корню *своб*— (при *соб-ьѭ*) и суффиксу—*од*, но въ правильности этого объясненія заставляютъ сомнѣваться два обстоятельства: 1) общеслав. *соб-ьѭ*, *собьство* и т. п. указываютъ на то, что здѣсь была въ ходу только основа *соб*—, а не *своб*—, которая не подтверждается и родственными языками; 2) общеслав. *слоб—ода* заставляетъ думать, что этимологическая связь этого слова *свобода* съ однокоренными словами на *соб*—не воспринималась сознаніемъ говорящихъ; можетъ быть, и вовсе не существовала. Что касается пол. діалект. *sweboda*, то оно встрѣчается лишь въ очень позднее время и легко объяснимо вліяніемъ слова *swewola*.

Итакъ, не рѣшаясь раздѣлять разсматриваемое слово на *сво-бод-а*, вторая часть котораго мнѣ не понятна, я думаю, однако, на основаніи вышеуказанныхъ формъ (*сводѣльно*, *своконь*, ср. ст.- серб. имя *Momir*) и соображеній, что и Миклошичево объясненіе не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній.

Матеріалы для исторіи угорской Руси.

А. Л. Петрова.

„Старая вѣра" и унія въ XVII—XVIII вв.

Во время нашего пребыванія въ Угріи въ 1890—1891 годахъ нами было собрано въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ значительное количество данныхъ о положеніи угро-русскаго народа съ XVI по XVIII в. Кое-чѣмъ мы уже воспользовались въ нѣкоторыхъ нашихъ статьяхъ и замѣткахъ, главный же запасъ матеріала мы предполагали—пополнивъ его при удобномъ случаѣ—положить въ основаніе болѣе крупной работы. Другія занятія, однако, до сихъ поръ не дозволили намъ выполнить наше намѣреніе.

Между тѣмъ появилась и стала осуществляться мысль объ изданіи Сборника въ честь пятидесятилѣтія научной дѣятельности того лица, которому многіе слависты, въ томъ числѣ и мы, обязаны руководствомъ первыми шагами въ области изученія славянства. Зная интересъ, всегда имъ проявляемый къ Угріи и къ судьбамъ живущей въ ней части русскаго народа, мы сочли вполнѣ умѣстнымъ предложить для Сборника кое-что изъ находящагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, хотя бы и въ мало обработанномъ видѣ.

Главная часть печатаемыхъ документовъ относится къ попыткѣ угро-руссовъ въ XVIII в. вернуться въ „старую вѣру" отцовъ, вѣру греческую, вѣру православную. Движеніе въ этомъ направленіи произошло въ 1760—1761 г. Возникши первоначально среди румынъ Трансильваніи, оно передалось и въ собственно Угрію, распространилось среди русскаго народа и причинило много заботъ австрійскому правительству.

Такое движеніе возможно было, конечно, лишь при томъ условіи, если память о православной стихіи еще не исчезла у народа. И дѣйствительно, до тридцатыхъ годовъ XVIII в. (1733—35) сохранилась среди части угро-руссовъ православная вѣра и православная іерархія, во главѣ которой стояли Мараморошскіе епископы. Въ виду этого мы сообщаемъ также и нѣкоторыя новыя данныя о двухъ послѣднихъ православныхъ епископахъ, Іосифѣ Стойкѣ и Досиѳеѣ Ѳеодоровичѣ.

Какъ цѣнное введеніе, мы помѣщаемъ здѣсь два письма почтеннѣйшаго—уже покойнаго—русскаго и славянскаго политическаго, общественнаго и научнаго дѣятеля, который особенно былъ близокъ къ угорской Руси, и которому угорская Русь была особенно близка и дорога. Письма эти были отвѣтомъ на наши запросы, съ которыми мы обратились къ покойному, разбираясь въ накопленныхъ нами архивныхъ данныхъ. Первое письмо отчасти затрагиваетъ вопросъ о цер-

ковномъ прошломъ угро-руссовъ, второе—цѣликомъ посвящено исторіи православія въ Угріи.

Переводъ мадьярскихъ документовъ и разъясненіе нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ латинскаго текста любезно принялъ на себя А. М. Мичатекъ, желая этимъ выразить свое глубокое уваженіе къ лицу, имени котораго посвященъ Сборникъ.

I.

Письма NN объ угорской Руси.

1) Угро-русское нарѣчіе въ настоящемъ и прошломъ (18$^{9}/_{XII}$91).

Матеріаловъ для изученія угро-русскаго нарѣчія нѣтъ у меня. Правда, я сталъ собирать ихъ, но скоро и пересталъ, убѣдившись, что угро-русское нарѣчіе не существуетъ, а употребляются народомъ тѣже нарѣчія, которыя въ смежной Галичинѣ. Разница небольшая состоитъ развѣ въ томъ, что съ половины XVII столѣтія вліяло на русскія нарѣчія Галичины нарѣчіе польское, а на русскія нарѣчія Угорщины, кромѣ польскаго, употребляемаго латинскими миссіонерами, и словенское (словацкое) нарѣчіе (на западѣ), и мадярскій языкъ (на востокѣ), хотя и эта разница замѣтна только по низовьямъ, а не по менѣе приступнымъ гористымъ мѣстностямъ.

На западѣ по южному не менѣе, чѣмъ по сѣверному склону Бескидовъ (Карпатскихъ горъ) вы встрѣчаете Бѣлыхъ Хорватовъ Константина Багрянороднаго, такъ называемыхъ Лемковъ съ извѣстнымъ лемковскимъ говоромъ вплоть до бойкихъ горъ, гдѣ граничатъ съ древними Бѣлыми Сербами, такъ называемыми Лишаками которые дѣлятся на западныхъ (Бойковъ) и восточныхъ (Гуцуловъ). На послѣднихъ повліяли, кромѣ мадяръ и симъ родствен ныхъ половцевъ и печенѣговъ, даже румыны, какъ въ Угорщин такъ и въ Галичинѣ. Русскіе, потерявшіе подъ вѣковымъ гнето свой обрядъ, приняли въ Галичинѣ, гдѣ простирались до сам Кракова, польское нарѣчіе (мазуровъ, почасти горалевъ), а Угорщинѣ почасти словенское (словацкое) нарѣчіе (въ коми тахъ Тековъ или Баршь, Гонтъ, Новоградъ, Зволенъ или Зол и Гемеръ); почасти мадярскій языкъ (въ комитатахъ Торна, болотье или Заболчъ, Сатмаръ, Бихаръ, и въ самыхъ юж частяхъ комитатовъ Абауй, Боршодъ, Землянъ или Земп Унгъ, Берегъ, Убоча или Угоча); а почасти пользуются см русскаго языка съ польскимъ (по долинамъ, не заселеннымъ цами, комитата Спишъ или Сепешъ, въ южной части ко Шаришъ или Шарошъ, въ бо̂льшей сѣверной части ко Абауй, и въ рединѣ комитатовъ Землянъ или Земплинъ и

Этотъ русско-польскій жаргонъ, основанный польскими монахами миссіонерами, которые имѣли свои монастыри почти во всякомъ большомъ селеніи, дѣлится на разные говоры, между которыми выникаютъ говоры: сотаковъ—отъ слова *со*, мѣсто *что*; цопковъ — отъ слова *цо*, мѣсто *что*; цепераковъ — отъ слова *цеперь* (теперь) и новѣйшій — горожанъ, близкій говору цопковъ, но отличающійся примѣсью словенскою (словацкою). Сей жаргонъ, лишенный (само собой понятно) всякой литературы, называли вообще еще за моей памяти языкомъ русскимъ и употребляющихъ его жителей поселянъ—руснаками. Въ новѣйшее время называютъ пользующихся симъ жаргономъ жителей словаками, хотя знатная его часть еще держится русской своей церкви; а самъ жаргонъ—языкомъ словенскимъ, хотя пользующіеся имъ жители не въ состояніи произнести ни одного характеристическаго словенскаго (словацкаго) слова (смрть, крстъ, плный и т. п.), даже „смрекъ" произносятъ „смерекъ", а самое слово „словакъ"—или „словякъ", или даже „славякъ". О свойственной словакамъ просодіи нечего и говорить, ее водворить возможно было бы только знатными колоніями словаковъ, какъ это практиковалось на западѣ, хотя и тамъ удержалъ женскій полъ если не церковь, то, по крайней мѣрѣ, русскій языкъ еще во многихъ селеніяхъ, какъ я въ этомъ лично убѣдился.

Сей русско-польскій жаргонъ представляетъ особенность угорской Руси; другія діалектическія разницы между Угорщиной и Галичиной не существуютъ. Не увлекайтесь письменными памятниками; гораздо важнѣе простонародныя пѣсни, общія русскимъ Угорщины не менѣе, чѣмъ Галичины и составляемыя до сихъ поръ простонародьемъ. Письменные памятники представляютъ до сихъ поръ свои особенности, но эти возникли отъ того, что галицкая Русь, соотвѣтно требованіямъ господствующихъ поляковъ, приближалась постепенно и въ письмѣ къ простонароднымъ говорамъ съ примѣсью польскаго нарѣчія; а угорская Русь, дыша въ виду господства турокъ и междуусобицъ, не прекратившихся до конца XVII столѣтія, свободнѣе, придерживалась общерусскаго или, вѣрнѣе, церковно-славянскаго языка, который и пользуется въ народѣ до сихъ поръ авторитетомъ настоящаго общерусскаго языка. Пособствовало разницѣ въ письмѣ то обстоятельство, что единственный въ то время угро-русскій епископъ Мукачевскій, бывшій только мѣстоблюститель Перемышльскаго епископа, принужденъ былъ угорскимъ правительствомъ отказаться отъ всякой связи какъ съ Перемышльскимъ епископомъ, такъ съ западно-русскою (Кіевскою) іерархіей вообще. Мукачевскіе епископы получали съ тѣхъ поръ рукоположеніе отъ Сучавскихъ (молдав-

скихъ) митрополитовъ, употреблявшихъ еще въ церковныхъ дѣлахъ старославянскій языкъ, хотя и отъ сихъ были независимы, такъ какъ не позволялась переписка съ заграничными церковными властями. Пособствовало разницѣ въ письмѣ и то обстоятельство, что принятая западною Русью въ 1595 году церковная унія, противъ которой стоялъ на Брестскомъ соборѣ Мукачевскій епископъ Амфилохій, привилась съ концомъ XVII столѣтія и галицкой Руси, а угорской окончательно только во второй половинѣ XVIII столѣтія. . . . .

Доказать не только православіе св. Стефана, слѣдовательно, мадяръ его времени, но и принадлежность ихъ къ Цареградскому патріархату (а о то ходитъ, такъ какъ явный расколъ между церквами востока и запада возникъ уже послѣ смерти Стефана) не представляетъ затрудненія, такъ какъ оба митрополиты Угорщины (Сремскій или Бачскій и Остригонскій) находятся въ каталогѣ подвластныхъ Цареградскому патріарху епископовъ, начавъ отъ Льва Премудраго до Андроника (Patrologia Migne). Я писалъ вамъ уже о семъ предметѣ и прибавляю, что о семъ свидѣтельствуютъ, кромѣ единогласныхъ угорскихъ источниковъ (не фалсификованныхъ), и русскіе источники, напримѣръ, жизнеописаніе св. Моисея Угрина, который вступилъ въ русскій монастырь, и приведенный А. С. . . . . въ одномъ изъ своихъ сочиненій (если хорошо помню, въ жизни Адальберта или Войтеха) источникъ, по которому преемникъ православнаго Стефана (Петръ) сталъ подчинять угорскую церковь Риму, хотя, какъ исторія учитъ, безуспѣшно.

. . . .

2) Очеркъ исторіи православія въ Угріи (18⁷/ᵢᵥ91).

Введеніе уніи на угорской Руси, поколику она принадлежала не св. Владиміру, а угорскимъ государямъ, и въ Угорщинѣ вообще, стоявшей въ тѣсной связи не съ западной, а съ восточной имперіей (отъ которой получилъ главный мадярскій воевода Гейза, отецъ св. Стефана, королевскій вѣнецъ), началось уже въ половинѣ XI столѣтія при королѣ Петрѣ I, покровительствуемомъ нѣмецкими императорами. Однако возмутившееся населеніе Угорщины отпорствовало подъ предводительствомъ избраннаго въ короли шурина св. Стефана (мѣстнаго русскаго князька Самуила), а по кончинѣ сего послѣ неудачной борьбы—подъ вызваннымъ изъ Руси королемъ Андреемъ I; и кровопролитная война кончилась тѣмъ, что разъяренный православный народъ лишилъ схваченнаго Петра зрѣнія, убилъ всѣхъ латинскихъ (нѣмецкихъ и итальянскихъ) епископовъ, распространявшихъ унію, а Андрей

принялъ королевскій вѣнецъ изъ рукъ трехъ епископовъ, оставшихъ среди Петровыхъ гоненій вѣрными православію. Возобновилась попытка ввести унію въ Угорщину во время короля Соломона (рожденнаго отъ дочери нѣмецкаго императора сына Андрея I), однако восторжествовало опять православіе при помощи русскихъ до такой степени, что св. король Владиславъ I рѣшилъ на сеймѣ (или синодѣ) прогнать изъ Угорщины всѣхъ латинянъ, не соглашающихся жить по правиламъ угорской церкви. Владиславъ принялъ у себя торжественно польскаго короля, изобщеннаго папой, велѣлъ Остригонскому митрополиту Серафиму рукоположить такъ называемаго схисматика въ Прагскіе епископы и симъ поведеніемъ, которому подражали и его преемники на королевскомъ престолѣ, такъ подѣйствовалъ на умы хорватовъ, державшихся еще крѣпко православія, что они, отложившся отъ своего короля, признавшаго власть папы Григорія VII, поддалися всецѣло королямъ угорскимъ. А связь съ восточной имперіей сталась вслѣдствіе всего того такъ тѣсною, что даже угорскіе королевичи воспитывались въ Царьградѣ, а родственныя связи угорскихъ Арпадовичей съ русскими Рюриковичами повторялись безпрерывно. Восточный императоръ Мануилъ явился лично, въ качествѣ распорядителя, въ Угорщинѣ и былъ встрѣченъ торжественно всѣми, преимущественно же духовенствомъ, оба митрополита котораго (Остригонскій—Στριγμα и Сремскій—Σύρμιον или Бачскій) занимали уже со временъ императора Льва Премудраго свое мѣсто въ каталогѣ архіереевъ, подчиненныхъ Цареградскому патріарху. Вотъ почему уничтожилъ король Коломанъ два полчища крестоносцевъ и пропустилъ прочія полчища только по внушенію изъ Византіи. Вотъ и причина, по которой простой нѣмецкій народъ называлъ жителей Угорщины язычниками (Heiden), а ученые того времени характерисуютъ ихъ словами „magis Graecos, quam Latinos sequuntur".

Не понравилось вмѣшательство восточныхъ императоровъ въ дѣла Угорщины какъ жительству, такъ преимущественно династіи Арпадовичей именно потому, что Византія заняла Сремъ (Σύρμιον) и не хотѣла его возвратить Угорщинѣ, къ которой принадлежалъ прежде. Начались ссоры, которыми ловко съумѣли воспользоваться сосѣдніе нѣмцы и Римъ, ступившій въ переписку съ угорскими королями. Словомъ, наступилъ второй періодъ попытокъ вводить унію, приготовляемый какъ королемъ Бѣлымъ III или Алексѣемъ (Bela III), воспитаннымъ въ Византіи и женатымъ на византійской великой княжнѣ, такъ его наслѣдникомъ Эмрикомъ. Правда, что при концѣ жизни Эмрика (1204), котораго съ братомъ Андреемъ (прогнаннымъ галицкимъ королемъ) мирилъ

уже не восточный императоръ, а папа, громадное количество угорскихъ монастырей принадлежало, по выраженію папскаго письма, безъ исключенія грекамъ, такъ какъ и существовавшій прежде единственный латинскій монастырь переобразилъ Сплѣтскій архіепископъ по соизволенію Эмрика въ угорскій, то есть греческій или, вѣрнѣе, славянскій. Но со времени вступленія на ѳронъ Андрея II (1205), королева, рожденная нѣмецкая графиня Меранъ, пріобрѣла такое вліяніе, что въ епископы и вліятельные сановники производились иностранцы; между ними находился и братъ королевы Бертольдъ, который назначенъ былъ, несмотря на свое крайнее невѣжество, Бачско-Колочскимъ митрополитомъ, вмѣстѣ баномъ Славоніи, послѣ—воеводой Семиградья (Трансильваніи). Эти иностранцы распространяли унію самыми гнусными, насильственными мѣрами, и не знать, куда было бы дошло уже подъ Андреемъ, если не были бы разъяренные вельможи умертвили королеву. Съ тѣхъ поръ поступалъ Андрей осторожнѣе, но не прекращалось введеніе уніи, даже прямо латинства, ни подъ Андреемъ, ни подъ его безпосредственнымъ наслѣдникомъ Бѣлымъ IV (Bela IV), который вслѣдствіе татарскаго погрома искалъ убѣжища у нѣмцевъ, обѣщалъ даже признать надъ собою верховную власть нѣмецкихъ императоровъ, но безуспѣшно. Изъ его письма къ папѣ мы знаемъ, что онъ принуждалъ именно и русскихъ своихъ подданныхъ признать папскую власть надъ собою, но депутація угорской Руси для объявленія своей покорности папѣ не явилась въ Римѣ. Вообще притѣсненія православныхъ теряли постепенно свой насильственный характеръ, такъ какъ король старался возобновить родственныя связи съ православными государями настолько, что папы чуть не потеряли все свое вліяніе на Угорщину. Къ сему причинился немало сынъ короля Стефанъ V, который, явно покровительствовавъ православныхъ, даже воевалъ съ отцемъ; сталея тоже королемъ (rex iunior), а послѣ смерти отца (1270) настоящимъ королемъ. Правда, Стефанъ жилъ не долго, но его сынъ и наслѣдникъ Владиславъ IV былъ тоже приверженцемъ православія, его называли даже схисматикомъ (schismaticus или даже paganus, что, впрочемъ, означало одно и тоже). Арпадовичи оказались опасными врагами латинства или по крайней мѣрѣ ненадежными государями въ странѣ, населеніе которой крайне ненавидѣло латинниковъ и содерживало посредствомъ именно своихъ монастырей и нѣкоторыхъ епископовъ связи съ Цареградскими патріархами. А Арпадовичей было уже немного, да изъ этихъ убилъ одного (Бѣлаго сына Ростислава Арпадовича) нѣмецъ (Heinrich von Gissing) въ поединкѣ.

Въ виду всего того папы стали носиться съ мыслью передать правленіе Угорщины въ надежныя руки члена Неаполитанской королевской династіи Анжу, доказавшей громадный успѣхъ въ католиченіи италійскихъ грековъ. Между тѣмъ, папа Онорій III (Honorius III) грозилъ королю Владиславу IV анаѳемой (1287); два года позже (1289) объявленъ даже походъ крестоносцевъ противъ Владислава; но онъ, не внимавъ всему тому, придерживался неуклонно своего направленія до 20 іюня 1290 г., когда прервана его жизнь скрытоубійцами, какими-то куманами. Послѣ смерти Владислава не медлилъ папа назначить безъ обиняковъ королемъ сына сицилійскаго короля Карла II, однако безъ предварительнаго согласія съ нѣмецкимъ императоромъ Рудолфомъ Габсбургскимъ, который тоже самовластно (опираясь на обѣщаніи Бѣлаго IV признать верховную власть императора) назначилъ королемъ австрійскаго воеводу Албрехта. Между тѣмъ вѣнчанъ на королевскій престолъ (уже восемнадцатый день послѣ кончины Владислава IV), воспитанный въ Венеціи послѣдній Арпадовичъ Андрей III, царствовавшій до своей смерти (1301), значитъ 10 лѣтъ съ половиною. Папы не признавали его королемъ, а, пріобрѣвъ на свою сторону Остригонскаго митрополита, поддерживаемаго могущественными иностранцами, добились все-таки вѣнчанія на престолъ Неаполитанскаго принца Карла-Роберта въ Загребѣ (1300), чѣмъ и принудили Андрея, ради удержанія себя на престолѣ, сродниться съ чешскимъ королемъ Вячеславомъ и съ австрійскимъ воеводой Албрехтомъ, а посредственно— съ нѣмецкимъ императоромъ Рудолфомъ.

Пользуясь этими связями, угорскіе вельможи, предводительствуемые могущественнымъ палатиномъ Матвѣемъ Чакомъ (Тренчанскимъ) и вторымъ митрополитомъ Бачъ-Колочскимъ Іоанномъ, воспротивились занятію королевскаго престола папскимъ кандидатомъ Карломъ-Робертомъ, избравъ въ короли сына чешскаго короля Вячеслава, который, однако, принужденъ былъ возвратиться въ чешскую землю (1304), передавъ свое право вмѣстѣ съ королевскимъ вѣнцомъ Оѳону, воеводѣ баварскому, вѣнчанному на королевскій престолъ въ 1305 г. Карлу-Роберту стало тѣсно: тѣснимый Оѳономъ, онъ принужденъ былъ оставить Угорщину. Не долго былъ бы онъ держался и въ предѣлахъ хорватской земли, но неосторожный король Оѳонъ посѣтилъ семиградскаго своего воеводу Владислава, который-то и посадилъ своего короля въ тюрьму, отнявъ у него и возимый съ собой королевскій вѣнецъ. Папская партія, къ которой перешла постепенно и нѣкая часть духовенства, восторжествовала. Карлъ-Робертъ сталъ царствовать безпрепятственно, а за нимъ его сынъ Людовикъ Великій, со-

уже не восточный императоръ, а папа, громадное количество угорскихъ монастырей принадлежало, по выраженію папскаго письма, безъ исключенія грекамъ, такъ какъ и существовавшій прежде единственный латинскій монастырь переобразилъ Сплѣтскій архіепископъ по соизволенію Эмрика въ угорскій, то есть греческій или, вѣрнѣе, славянскій. Но со времени вступленія на ѳронъ Андрея II (1205), королева, рожденная нѣмецкая графиня Меранъ, пріобрѣла такое вліяніе, что въ епископы и вліятельные сановники производились иностранцы; между ними находился и братъ королевы Бертольдъ, который назначенъ былъ, несмотря на свое крайнее невѣжество, Бачско-Колочскимъ митрополитомъ, вмѣстѣ баномъ Славоніи, послѣ—воеводой Семиградья (Трансильваніи). Эти иностранцы распространяли унію самыми гнусными, насильственными мѣрами, и не знать, куда было бы дошло уже подъ Андреемъ, если не были бы разъяренные вельможи умертвили королеву. Съ тѣхъ поръ поступалъ Андрей осторожнѣе, но не прекращалось введеніе уніи, даже прямо латинства, ни подъ Андреемъ, ни подъ его безпосредственнымъ наслѣдникомъ Бѣлымъ IV (Bela IV), который вслѣдствіе татарскаго погрома искалъ убѣжища у нѣмцевъ, обѣщалъ даже признать надъ собою верховную власть нѣмецкихъ императоровъ, но безуспѣшно. Изъ его письма къ папѣ мы знаемъ, что онъ принуждалъ именно и русскихъ своихъ подданныхъ признать папскую власть надъ собою, но депутація угорской Руси для объявленія своей покорности папѣ не явилась въ Римѣ. Вообще притѣсненія православныхъ теряли постепенно свой насильственный характеръ, такъ какъ король старался возобновить родственныя связи съ православными государями настолько, что папы чуть не потеряли все свое вліяніе на Угорщину. Къ сему причинялся немало сынъ короля Стефанъ V, который, явно покровительствовавъ православныхъ, даже воевалъ съ отцемъ; сталея тоже королемъ (rex iunior), а послѣ смерти отца (1270) настоящимъ королемъ. Правда, Стефанъ жилъ не долго, но его сынъ и наслѣдникъ Владиславъ IV былъ тоже приверженцемъ православія, его называли даже схисматикомъ (schismaticus или даже paganus, что, впрочемъ, означало одно и тоже). Арпадовичи оказались опасными врагами латинства или по крайней мѣрѣ ненадежными государями въ странѣ, населеніе которой крайне ненавидѣло латинниковъ и содерживало посредствомъ именно своихъ монастырей и нѣкоторыхъ епископовъ связи съ Цареградскими патріархами. А Арпадовичей было уже немного, да изъ этихъ убилъ одного (Бѣлаго сына Ростислава Арпадовича) нѣмецъ (Heinrich von Gissing) въ поединкѣ.

Въ виду всего того папы стали носиться съ мыслью передать правленіе Угорщины въ надежныя руки члена Неаполитанской королевской династіи Анжу, доказавшей громадный успѣхъ въ католиченіи италійскихъ грековъ. Между тѣмъ, папа Онорій III (Honorius III) грозилъ королю Владиславу IV анаѳемой (1287); два года позже (1289) объявленъ даже походъ крестоносцевъ противъ Владислава; но онъ, не внимавъ всему тому, придерживался неуклонно своего направленія до 20 іюня 1290 г., когда прервана его жизнь скрытоубійцами, какими-то куманами. Послѣ смерти Владислава не медлилъ папа назначить безъ обиняковъ королемъ сына сицилійскаго короля Карла II, однако безъ предварительнаго согласія съ нѣмецкимъ императоромъ Рудолфомъ Габсбургскимъ, который тоже самовластно (опираясь на обѣщаніи Бѣлаго IV признать верховную власть императора) назначилъ королемъ австрійскаго воеводу Албрехта. Между тѣмъ вѣнчанъ на королевскій престолъ (уже восемнадцатый день послѣ кончины Владислава IV), воспитанный въ Венеціи послѣдній Арпадовичъ Андрей III, царствовавшій до своей смерти (1301), значитъ 10 лѣтъ съ половиною. Папы не признавали его королемъ, а, пріобрѣвъ на свою сторону Остригонскаго митрополита, поддерживаемаго могущественными иностранцами, добились все-таки вѣнчанія на престолъ Неаполитанскаго принца Карла-Роберта въ Загребѣ (1300), чѣмъ и принудили Андрея, ради удержанія себя на престолѣ, сродниться съ чешскимъ королемъ Вячеславомъ и съ австрійскимъ воеводой Албрехтомъ, а посредственно— съ нѣмецкимъ императоромъ Рудолфомъ.

Пользуясь этими связями, угорскіе вельможи, предводительствуемые могущественнымъ палатиномъ Матвѣемъ Чакомъ (Тренчанскимъ) и вторымъ митрополитомъ Бачъ-Колочскимъ Іоанномъ, воспротивились занятію королевскаго престола папскимъ кандидатомъ Карломъ-Робертомъ, избравъ въ короли сына чешскаго короля Вячеслава, который, однако, принужденъ былъ возвратиться въ чешскую землю (1304), передавъ свое право вмѣстѣ съ королевскимъ вѣнцомъ Оѳону, воеводѣ баварскому, вѣнчанному на королевскій престолъ въ 1305 г. Карлу-Роберту стало тѣсно: тѣснимый Оѳономъ, онъ принужденъ былъ оставить Угорщину. Не долго былъ бы онъ держался и въ предѣлахъ хорватской земли, но неосторожный король Оѳонъ посѣтилъ семиградскаго своего воеводу Владислава, который-то и посадилъ своего короля въ тюрьму, отнявъ у него и возимый съ собой королевскій вѣнецъ. Папская партія, къ которой перешла постепенно и нѣкая часть духовенства, восторжествовала. Карлъ-Робертъ сталъ царствовать безпрепятственно, а за нимъ его сынъ Людовикъ Великій, со-

единившій подъ своимъ жезломъ, кромѣ угорскаго, и польское королевство и юго-западную Русь. Ужасно страдало православіе подъ этими королями, вводившими уже не унію, а прямо латинство; а эти страданія не прекратились послѣ смерти Людовика, такъ какъ королевскій престолъ заняли тоже гонители православія, именно нѣмецкіе императоры Сигмундъ и Албрехтъ, послѣ— польскіе Ягайловичи. За единственнымъ исключеніемъ Маѳіи Корвина, всѣ угорскіе короли такъ называемаго мѣшаннаго періода (periodus mixta) оказались настоящими гонителями православія, остатки котораго спасли только непрерывныя войны съ могущественными въ то время турками.

Да, набѣги мусулманъ мѣшали окончательному истребленію православія въ предѣлахъ Угорщины и въ земляхъ угорской короны вообще. Войны съ мусулманскимъ міромъ препятствовали угорскимъ королямъ того времени сосредоточить всѣ свои усилія на искорененіе ненавидѣннаго православія и раздражать до крайности жестокимъ гоненіемъ православныхъ своихъ подданныхъ, въ усердномъ содѣйствіи которыхъ нуждались именно въ этихъ войнахъ. Благодаря этому обстоятельству остались въ концѣ мѣшаннаго періода (до 1525 года) православными большинство румыновъ, сербовъ и русскихъ, часть хорватовъ и незначительныя частички словенцевъ, словяковъ и мадяръ, съ немалымъ числомъ уцѣлѣвшихъ монастырей подъ предводительствомъ немногихъ, по большей части странствующихъ, епископовъ, терпимыхъ по необходимости, защищаемыхъ иногда даже королевскими грамотами противъ разнаго рода напастей, но не признаваемыхъ законами, слѣдовательно и не пользовавшихся правами и преимуществами настоящихъ епископовъ. Этакой епископъ именно для русскихъ существовалъ со времени угорскаго короля Владислава Ягайловича (когда южный склонъ карпатскихъ горъ перешелъ отъ галицкой Руси къ Угорщинѣ) и въ Мукачевскомъ монастырѣ, хотя онъ былъ только мѣстоблюстителемъ Перемышльско-Самборскаго епископа, который получалъ часть доходовъ и снабжалъ угорскую Русь священниками своего рукоположенія. Прочее населеніе Угорщины, Семиградья, хорватско-славонской и далматинской земель тоже придерживались еще восточныхъ обрядовъ, за исключеніемъ нѣмцевъ и италійцевъ, которыхъ было со времени татарскаго погрома немало: почти всѣ города были въ ихъ рукахъ и обязывали ихъ не угорскіе, а нѣмецкіе законы. Епископы признаваемые законами, были уніяты, но это не мѣшало королямъ именовать епископами и латинниковъ римскаго обряда, которые уже со временъ Андрея II начали распространять свой обрядъ всѣми возможными способами, въ чемъ пособствовал

имъ не только короли, но и нѣмцы и, вводимые постепенно, рыцарскіе и другіе монашескіе ордена, преимущественно извѣстные своею ненавистью къ восточному обряду цистерциты, премонстраты и августиніяны, захватившіе немалое число православныхъ и уніятскихъ монастырей. Существовали временно даже мѣшанные греко-латинскіе монастыри.

Изъ этого хаоса выработался подъ непрерывнымъ напоромъ королей особый церковный обрядъ угорской церкви (Ritus ecclesiae hungaricae), представлявшій смѣсь защищаемаго народонаселеніемъ греческаго и покровительствуемаго королями латинскаго, вѣрнѣе римскаго, обрядовъ. Мало того, въ этомъ чудовищномъ обрядѣ возникъ дуалисмусъ касательно богослужебнаго языка, который былъ для мадяръ словаковъ, русскихъ и румыновъ латинскій, а для южныхъ славянъ—старо-славянскій, пустившій именно у нихъ глубокіе корни. Несмотря на все то, дѣло было обдумано не дурно, „ritus ecclesiae hungaricae" сдѣлалъ свою услугу. Все, что падало толпамъ черни въ глаза, осталось, какъ было въ греческомъ обрядѣ, напримѣръ: бороды и одежда священства, преимущественно монаховъ и епископовъ, брачная жизнь низшаго бѣлаго духовенства, причащеніе (какъ оно называлось) подъ обоимъ видомъ, даже употребленіе при немъ ложонки, іорданское водосвятіе и т. п., у южныхъ славянъ даже старославянскій языкъ. А суть была все-таки римская; значитъ, изобрѣли умные люди способъ, которымъ главная цѣль (разъединеніе съ восточною церковью) была вполнѣ достигнута безъ крайняго огорченія приверженцевъ восточнаго обряда. Правда, эта цѣль лежитъ въ основаніи всякой церковной уніи съ Римомъ, однако я смотрю на удавшееся водвореніе мѣшаннаго греко-латинскаго обряда среди уніятовъ Угорщины, какъ на высшую степень уніи, изъ которой легко переходить къ чистому римскому обряду, но не такъ легко возвратиться къ православію, какъ изъ уніи, сохраняющей еще полный видъ восточнаго богослуженія и восточныхъ обрядовъ вообще. Вѣдь не безъ причины обезображены обряды у армянскихъ уніятовъ до неспознанія; не безъ причины намѣрены нѣмецко-мадярскіе политики облагодѣтельствовать мѣшаннымъ греко-латинскимъ обрядомъ галицкую, не менѣе чѣмъ угорскую, Русь уже въ настоящемъ году. Очень поучительна въ этомъ направленіи судьба вспомянутаго „ritus ecclesiae hungaricae" въ періодъ владѣнія царствующей габсбургской династіи, значитъ съ 1526 года.

Первые угорскіе короли изъ габсбургской династіи не имѣли вліянія на восточную половину Угорщины, которая имѣла своихъ государей: короля Іоанна, послѣ его сына, а по смерти сего се-

миградскихъ воеводъ или князей, не признававшихъ верховную власть королей изъ габсбургской династіи, съ которыми даже сражались не разъ съ большимъ успѣхомъ. Войны съ мусулманскимъ міромъ не только продолжались, но принимали громадные размѣры; а успѣхъ былъ на сторонѣ мусулманъ, занявшихъ постепенно большую часть Угорщины со всѣми важнѣйшими ея крѣпостями, угрожавшими даже занятіемъ Вѣны, окрестности которой грабили непрерывно. Мало того, протестантисмъ распространялся по всей габсбургской монархіи не менѣе, чѣмъ въ предѣлахъ всей западной имперіи (sacri imperii romani), такъ какъ нѣмцы видѣли въ немъ не безъ основанія зародышъ народнаго благочестія, которое избавитъ ихъ отъ господства ненавидѣннаго Рима; а славяне и мадяры привѣтствовали его, какъ могущаго врага латинянъ, истребившихъ у нихъ православіе. Только оставшіеся въ православіи не переходили въ протестантисмъ; прочіе охотно принимали его и потому, что протестанты относились первоначально съ любовью къ православнымъ, какъ къ союзникамъ противъ латинства, называли даже себя, по крайней мѣрѣ среди славянъ, православными (ортодоксами) (о чемъ свидѣтельствуетъ находящаяся у меня не печатанная, а писанная объемистая книга) и не перестали убѣждать чешскихъ славянъ до сихъ поръ, что они только возобновили движеніе, начатое противъ Рима Гусомъ. Ловко съумѣли воспользоваться протестанты и введеніемъ новаго календаря папой Григоріемъ, на основаніи котораго доказывали не безъ успѣха простодушнымъ толпамъ народовъ, что не они вводятъ новшества въ благочестіе, а Римъ. Если припомнимъ, что въ рукахъ строго-католической династіи Габсбурговъ была въ ту пору сосредоточена власть не только королей угорскихъ, хорватскихъ, далматинскихъ и чешскихъ, кромѣ того разныхъ князей, воеводъ и владѣтельныхъ графовъ, словомъ, надъ всею австрійскою монархіею (Oesterreichische—Hausmacht), но и императоровъ римско-нѣмецкой державы, то и узнаемъ крайне тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ находилась эта династія въ виду протестантовъ. Между тѣмъ грозила самая большая опасность отъ мусулманъ, поддерживаемыхъ антикоролями, ихъ наслѣдниками—семиградскими князьями, и вспыхнувшими разными революціями.

Среди этихъ смутъ страдали неимовѣрно всѣ народы Угорщины, но гоненіе православія было немыслимо, такъ какъ габсбургская династія нуждалась въ усердномъ содѣйствіи противъ мусулманскаго міра какъ своихъ собственныхъ православныхъ подданныхъ, такъ и заграничныхъ православныхъ народовъ, именно сербовъ и румыновъ. Число православныхъ сербовъ увеличи-

лось значительно въ хорватско-славонской землѣ переселенцами изъ Сербіи и Босніи, снабженными разными льготами, и въ самой Угорщинѣ, въ которую поселились численные православные жители подъ предводительствомъ сербскаго патріарха Арсенія Черноевича на основаніи королевскихъ привилегій, позволяющихъ, между прочимъ, и учрежденіе особой православной іерархіи. Нѣкоторые уніятскіе монастыри возсоединились съ православіемъ; возсоединилась и часть русскихъ уніятовъ, другая утонула въ протентантисмѣ такъ, что на угорской Руси не было уже уніятовъ. Только съ половины XVII столѣтія начались опять попытки съуніятить русскихъ и румыновъ, но дѣло велось такъ осторожно, что о вводимой уніи у румыновъ зналъ одинъ только румынскій епископъ или, какъ его титуловали, архіепископъ Аѳанасій, а у русскихъ, у которыхъ предстоялъ выборъ епископа, только протопресвитеры (протопопы) и немногія лица изъ бѣлаго духовенства. Народъ ничего не зналъ объ уніи, даже не подозрѣвалъ наступившую въ церкви перемѣну, такъ какъ неприкосновенность обряда, даже свободный выборъ епископа вошли въ условія уніи; но нашлись, кромѣ езуитовъ, начавшихъ мѣшаться въ дѣла уніятовъ, и другія личности, открывшія глаза народу и священству. Возникли непорядки, среди которыхъ восторжествовало православіе, такъ какъ изъ письма монаха Петронія Каминскаго къ Ягерскому епископу извѣстно, что всѣ Мукачевскіе епископы включительно Меѳодія Раковецкаго (1687—1689) были православными и вспоминали въ церкви, несмотря на предпринятыя королями мѣры, единственно патріарха Цареградскаго. Являлись, правда, кромѣ канонически избранныхъ и семиградскими князьями защищаемыхъ православныхъ владыкъ и именованные королями уніятскіе епископы, но послѣдніе не пользовались вліяніемъ. Назначилъ императоръ-король Леопольдъ I для поддержанія уніи и временнаго правителя Мукачевской епархіи въ лицѣ уніятскаго архіепископа Сплѣтскаго (archiepiscopus Spalatensis) Рафаила Ангело изъ Далмаціи, и такъ называемаго модератора (moderator) русскаго духовенства въ лицѣ сербскаго священника Монастерли, но ни эти не успѣли въ своихъ предпринятіяхъ, такъ какъ принуждать православныхъ къ уніи крутыми мѣрами было еще опасно.

Королевская власть утвердилась въ Угорщинѣ только съ 1686 года, когда Леопольду I удалось окончательно прогнать мусулманъ изъ сильно укрѣпленнаго главнаго города Угорщины и сломить ихъ силу такъ, что въ 1688 году уже и семиградскіе князья видѣли себя принужденными поддаться королю. Вотъ и наступила пора заняться вытѣсненіемъ угорскаго обряда чисто

римскимъ, обуздать протестантовъ и съуніятить православныхъ, именно русскихъ, чего домогалась и сосѣдняя Польша. (Поляки съуніятили западную Русь, однако за исключеніемъ двухъ, смежныхъ съ Угорщиной, епархій: Львовской и Перемышльской, что приписывалось, не безъ основанія, вліянію православной угорской Руси). Дѣло передано Леопольдомъ I своему любимцу, Остригонскому митрополиту Леопольду Колоничу (нѣмцу, бывшему епископу въ воеводствѣ нижне-австрійскомъ), который привелъ съ собою изъ Рима греческаго іеромонаха Іосифа де-Камелисъ (греческаго скриптора ватиканской вивліоѳики), назначеннаго папой по желанію Колонича Севастійскимъ епископомъ (in partibus infidelium) и апостольскимъ викаріемъ для Угорщины. Сего Камелиса именовалъ Леопольдъ I епископомъ Мукачевскимъ, вмѣстѣ Королевскимъ Совѣтникомъ, и приказалъ, чтобы его слушались непремѣнно всѣ принадлежащія къ Мукачевской епархіи лица. Тутъ и началась среди русскихъ настоящая унія, вмѣстѣ и полнѣйшая зависимость Мукачевскихъ епископовъ, которые считались только викарными, отъ латинскихъ Ягерскихъ епископовъ. Правда, народъ и духовенство отпорствовали, даже камнями убить попытались Камелиса въ Краснобродскомъ монастырѣ, когда тамъ убѣдились, что онъ священнодѣйствуетъ вмѣстѣ съ прибывшимъ туда изъ галицкой Руси епископомъ Крупецкимъ, извѣстнымъ уніятомъ и соперникомъ православнаго Перемышльскаго епископа[1]). Спасло войско—подъ предводительствомъ графа Другета—и Камелиса и тяжело раненаго Крупецкаго, но испуганный Камелисъ искалъ себѣ пріюта въ городѣ Пряшевѣ у миноритовъ, гдѣ и кончилъ свою жизнь, избѣгавъ личную встрѣчу съ своею паствою. Несмотря на эту неудачу, начатое Камелисомъ съуніятеніе угорской Руси продолжалось его преемниками успѣшно, такъ какъ государственной власти было не трудно одолѣть отпоръ именно съ начала XVIII столѣтія, когда восторжествовала унія и въ смежной галицкой Руси.

Вамъ все то извѣстно изъ трудовъ Лучкая, Басиловича, Фидлера и Ниллеса. Предполагаю, что Вы читали и „Историческія черты Угро-Русскихъ“, составленныя священникомъ Іоанномъ Дулишковичемъ. Къ сожалѣнію, не было у нашихъ рус-

---

[1]) Тутъ память измѣнила почтенному автору: Аѳанасій Крупецкій сдѣлался уніатскимъ епископомъ Перемышльскимъ и Самборскимъ въ 1610 г., въ 1638 г. по слабости его здоровья назначенъ ему коадъюторъ—Овлочинскій съ титуломъ епископа Самборскаго; въ 1651 г. Крупецкій былъ еще живъ, но въ отставкѣ (см. №№ 318, 319, 696 и 797 въ „Описаніи архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. Т. I. 1500—1700 гг. Спб. 1897). Происшествіе въ Краснобродскомъ монастырѣ относится къ 1612 или 1614 г. (Петрушевичъ—Дополненіе ко сводной галицко-русской лѣтописи. Львовъ. 1891. Стр. 55. Дулишковичъ. Историческія черты Угро-Русскихъ. II. Унгваръ. 1875. Стр. 81, прим.)—

скихъ писателей достаточной научной подготовки, но Вамъ не трудно исправить ихъ ошибочные взгляды. Много писалъ о судьбахъ греческаго обряда въ Угорщинѣ Бардоши (Bárdosy) въ своемъ сочиненіи „Suplementum Analectorum Scepusii". Угорской Руси касаются сочиненія: Wagner, Analecta Scepusii; Wagner, Diplomatarium Comitatus Sarosiensis; Szirmay, Topographica descriptio Comitatus Zempliniensis; Szirmay, Topographica descriptio Comitatus Ugocsensis; отъ того же Сирмая есть подобное сочиненіе, относящееся къ Сатмарскому комитату, но на мадярскомъ языкѣ; 10 или 12 лѣтъ назадъ издано и описаніе Бережанскаго (Берегскаго) комитата, но тоже на мадярскомъ языкѣ. Въ 1858 году видѣлъ я въ архивѣ города Надь-Баня (Nagy-Bánya), Сатмарскаго комитата, нѣсколько писемъ греческаго Марамарусскаго епископа изъ XVI столѣтія, направленныхъ къ магистрату города (писаныхъ по-гречески), но недоставало времени сдѣлать копіи; они находятся, вѣроятно, уже въ мадярскомъ мусеѣ, значитъ, въ Будапештѣ. Есть въ Вѣнской императорской вивліоѳикѣ небольшое сочиненіе: „Adami Francisci Kollarii, Vindobonensis bibliothecae palatinae custodis primarii: De potestate legislatoria circa sacra apostolicorum regum Hungariae. Vindobonae. 1744." (есть оно и у меня), которое не лишено интереса, такъ какъ авторъ, несмотря на свое крайнее латинско-нѣмецкое, слѣдовательно анти-греческое направленіе, все-таки доказуетъ фалсификацію не только разныхъ важныхъ грамотъ, но и самаго свода угорскихъ законовъ латинскими духовными лицами, чтобы запутать исторію Угорщины. Мастерами фалсификаціи грамотъ оказались повсемѣстно именно монахи цистерциты, выхлопотавшіе у папъ подтвержденія своихъ фалсификатовъ, чѣмъ и добились ихъ автентичности и процессовались на ихъ основаніи успѣшно. Это доказалъ Винтеръ (Winter) въ своемъ сочиненіи „Die Cistercienser", находящемся тоже въ Вѣнской вивліоѳикѣ и представляющемъ вмѣстѣ съ другимъ сочиненіемъ Винтера „Die Prämonstratenser" исторію онѣмеченія прибалтійскихъ славянъ путемъ искорененія православія, въ защищеніи котораго участвовали по нѣкоторымъ мѣстностямъ и русскіе. Интересно и сочиненіе „Lad. Bartholomeides, Memorabilia provinciae Csetnek. Neusolii. 1799"; интересна и статья „Kollar. De origine et situ oppidi Rimaszombath" in opere „Solemnia Bibliothecae Kis-Honthanae" (временникъ года 1821, но изданъ въ Пештѣ въ 1823 году). Интересно вспомянутое сочиненіе „Solemnia Bibl. Kishonth.", изданное въ 1827 году. Все то не трудно отыскать Вамъ въ Будапештѣ.

О Марамарусскихъ православныхъ епископахъ XVIII столѣтія не могу вамъ сообщить ничего, чтобы вамъ было неизвѣстно;

примѣчаю только, что отпоръ противъ уніи оказался по всей угорской Руси равносильнымъ. Если борьба за православіе въ прочихъ комитатахъ Угорщины считалась уже придавленною въ пору, когда въ Марамарусскомъ комитатѣ еще дѣйствовали православные епископы: то этакое явленіе слѣдуетъ приписать выгодному положенію, въ которомъ находились исключительно русскіе Марамарусскаго комитата, смежнаго до послѣдней четверти XVIII столѣтія съ православною Молдавіей, а послѣ съ тоже чисто православною Буковиной. Не такое было положеніе прочихъ частей угорской Руси въ продолженіи XVIII столѣтія, такъ какъ онѣ граничили до четвертой его четверти съ уніатами, управляемыми враждебною православію Польшей, а послѣ съ ополяченною австрійскою провинціей, припоминавшей въ то время свое русское прошедшее только своимъ названіемъ, своимъ простонародьемъ и крайне обезображеннымъ церковнымъ обрядомъ. Мукачевскій уніятскій епископъ того времени Андрей (Бачинскій), пославшій двухъ угро-русскихъ монаховъ въ Кіевъ, чтобы, ознакомившя тамъ въ продолженіи года съ порядками лавры, могли такіе же порядки вводить по угро-русскимъ монастырямъ ради сохраненія единообразія; и, снабдивъ всѣ монастыри и приходы, какъ старославянскимъ священнымъ писаніемъ, такъ старославянскими сочиненіями сербина Мразовича (грамматикой, руководствомъ къ славянскому краснорѣчію, изъ которыхъ учился и я), возбуждалъ священство къ прилежному чтенію сихъ книгъ, чтобы не исчезло постепенно русское благочестіе въ Угорщинѣ, такъ какъ оно исчезло давно уже у чеховъ и исчезаетъ въ настоящую пору въ нашемъ сосѣдствѣ (подразумѣвая галицкую Русь). Отъ этого же епископа Андрея сохранился отрывокъ письма, характерисующій дѣйствіе езуитовъ, направленное, по его словамъ, къ пріобрѣтенію русскихъ, но не протестантовъ. А доскучили угорской Руси не одни езуиты, но и другіе латинскіе монахи; слѣдуетъ Вамъ прочесть только одно сочиненіе мадярскаго вельможи Сирмая, относящееся къ Землянскому комитату, и Вы убѣдитесь, что во всякомъ, и самомъ ничтожномъ, мѣстечкѣ угорской Руси существовали латинскіе монастыри, въ нѣкоторыхъ и два, даже три, а свободенъ былъ отъ нихъ только Марамарусскій комитатъ, гдѣ въ то время жили, кромѣ приверженцевъ восточнаго обряда, только протестанты. Это обстоятельство играло важную роль, такъ какъ администрація и судопроизводство лежали въ рукахъ комитатскихъ чиновниковъ, избираемыхъ свободно народонаселеніемъ (дворянствомъ и духовенствомъ) комитата, за единственнымъ исключеніемъ главнаго жупана (Supremus Comes), назначаемаго королемъ. Слѣдовало только пріобрѣсти

пріязнь послѣдняго подкупомъ, что и дѣлали приверженцы греческаго обряда, подносивъ главному жупану ежегодно денежный подарокъ за его покровительство (taxa protectionalis), и всѣ распоряженія высшихъ правительственныхъ сферъ остались на бумагѣ безъ всякихъ послѣдствій. Вотъ и главная причина, по которой могли тамъ продолжать свое дѣйствіе еще во второй половинѣ XVIII столѣтія православные епископы. . . . .

. . . .

II.

Послѣдніе православные епископы Мармороша [1]).

1) Conscriptio monasteriorum Marmaticorum.

Находящаяся въ нашихъ рукахъ подъ этимъ названіемъ рукопись состоитъ изъ одного большого листа, двѣ страницы котораго написаны почеркомъ половины XVIII в. Нѣсколько строкъ въ началѣ третьей страницы написаны позднѣе. На оборотѣ листа: Conscriptio monasteriorum Marmaticorum 1716, при чемъ цифра 16 написана по подскобленному. Рукопись содержитъ краткія свѣдѣнія объ основаніи монастырей и списана съ оригинала, составленнаго не ранѣе 1733—1735 г. [2]).

Эти краткія свѣдѣнія буквально повторены въ рукописи библіотеки Мукачевскаго монастыря (старый № 2123, in 8°) подъ названіемъ: „Списаніе обителей Мараморыскыхъ, древле бывшихъ“. „Списаніе“, занимающее 41 страницу, написано послѣ 1788 г. [3]). Кромѣ историческихъ свѣдѣній, переписанныхъ съ оригинала нашей рукописи съ весьма небольшими пропусками кое какихъ подробностей о древнѣйшемъ времени и съ нѣкоторыми дополненіями о позднѣйшемъ, рукопись Мукачевская сообщаетъ опись имущества монастырей, разныя замѣтки ревизоровъ и т. п. [4])

---

[1]) *J. Simonchicz.* Noctium Marmaticarum Vigiliae, Bibliothecae Regnicolari oblatae. 1803. (Nemz. Muz. Ms. lat 4°, № 274): „Maramure по-румынски: ущелье. Такъ названа сто́лица по тремъ ущельямъ около г. Густа, ведущимъ въ Польшу, Галичину (sic!) и въ Молдавію (Ökörmező, Körösmező и Borsa). Мадьяры зовутъ эти ущелья vas-kapu (porta ferrea)“. Отъ А. И. Яцимирскаго мы узнали, что въ румынскомъ языкѣ нѣтъ слова maramure; м. б. это искаженіе выраженія „mare murŭ“, что́ значитъ: „великая стѣна“.

[2]) „Обитель Уголска— —въ ней лежитъ блаженной памяти Досиѳей епископъ“, бывшій въ 1733—1735 г. еще въ живыхъ (см. ниже).

[3]) Какъ видно изъ приписки, сдѣланной въ концѣ его тѣмъ же почеркомъ: „Сіи разидошася по иныхъ обителехъ кесарево-царскимъ повеленіемъ епископствовавшу тогда Андрею Бачинскій, протоигуменъ бысть Сулвестеръ Ковечакъ въ Марамарошу. При розходѣ игуменъ бысть Антоній Коцакъ, еже бѣ 1788, мѣсяца Маіа“.

[4]) Слѣдовало бы издать эту Мукачевскую рукопись цѣликомъ.

Оригиналъ ея составленъ кѣмъ то, ревизовавшимъ монастыря въ 1749 г. въ сообществѣ іеромонаха Макарія Шугайды [1]).

Нѣкоторые отрывки изъ Мукачевской рукописи напечатаны въ угро-русскомъ „Свѣтѣ" въ 1869 г. №№ 5 и 6, а изъ нашей—нами въ Ж. М. Н. Пр. 1894 г.

Предлагаемъ здѣсь по нашей рукописи выдержки, касающіяся епископовъ Стойки и Досиѳея.

Обитель Драгувска началася здати року ҂аѱ҃е — —Церковь епископъ Іосифь Стойка святилъ — —.

Обитель Кричовска началася здати року ҂ах҃чѕ такымъ чиномъ: О. Петръ Стойка, парокъ Кричовскый, по преставленіи своея жены, пострижеся во монастырѣ Угольскомъ у игумена Парѳенія и нареченъ бысть Петроній, иже по воспріятіи габиту около и҃ роковъ пришолъ на сіе мѣсто и колибу себѣ учинилъ, а где церковь была, тамо крестъ водрузилъ и начатъ хащу чистити и ортовати. Посему къ себѣ зазвалъ епископа Стойку, яко брата себѣ единоутробнаго, и просилъ, дабы на томъ мѣстѣ монастырь правити, на што епископъ произволи. По тому запросили села окресныи, якоже Кричово, Чумалево, Колодно и такъ поле красное учинили, якоже и нынѣ есть обширно. Року паки ҂аѱ҃в церковь созданна бысть многыми благодѣтелями, якоже и нѣкій воинъ двасто нѣмецкихъ далъ. Въ той церкви Пресвятой Богородицѣ образа за д҃ тыжднѣ плакалъ, который Іосифъ Годермарскый, архимандрита Мукачовскый, взялъ и до Ягру отнюсъ. Року ҂аѱ҃ді по взятіи тоя иконы паки по Татарѣхъ ина икона плакала Пресвятой Богородицѣ и тая взята комендантомъ Кукленд́еръ, епископомъ Досиѳеомъ на замку Густянскомъ въ каплицѣ положена бысть, а теперь не знати, где отнесенна.

Обитель Угольска, иначей Занева, когда ся почала, знати не можъ; кажутъ люде, ижъ разомъ изъ селомъ созданъ (!) есть— —.Зде церковь обновленія требуетъ, въ ней лежитъ блаженной памяти Досиѳей епископъ. Зде Угляне забили Стойку, вицешпана Мараморыскаго, за тое, ижъ монастырь хотѣлъ отобрати на часть свою. Оттого протекло роковъ с҃з, якъ во лвстахъ своихъ Угляне маютъ. Писменъ иныхъ нѣсть, точію окулація готаря монастырскаго и салва гвардія.

Обитель Вулхувска начася року ҂аѱ҃и сице: Нѣкій іерей, вне-

[1]) „Обитель Боронявска — —. Въ сей обители ведлугъ посѣщенія и списанія року ҂аѱ҃мѳ, мѣсяца Іюлія, дня є҃, сіи вещи знаходятся— —. Обитель Кричов ка:— —крестъ — — идъ которому далъ емъ нынѣ драбину приставити и своима очима позиралъ емъ и руками испыталъ емъ, такожде и іермонахъ Макарій Шугайда, сопутешественникъ мой".— —На полѣ при этомъ прибавлено другимъ, повидимому, почеркомъ „Forte P. Manasses Pukacs, sed prouti P. Gedeon Pazin jun".

немъ Іоанъ Зубрицкы, дабы ему церковцу учинили селяне, о томъ просилъ, котра и создалася при протопопѣ Димитріи Вулховскомъ. Предописанный паки іерей габитъ у епископа Стойкы бралъ. По умертіи же женны реченного протопопы, самъ воспріявшы габитъ, нареченъ бысть Досиѳей, посемъ и епископъ бысть. (Сей пакъ монастырь бывалъ—якъ мовилъ теперешній солгабировъ, а Вулхувскій обиватель—аки маіоршагъ [1]), якъ блаженной памяти Досиѳею, такъ и селу. Бо село, коли хотѣло, тогда яловицю взяло или пчолы, или что коли колвекъ, а въ немъ живущіи не могли ся боронити, бо не смѣли.——Списася при архидіаконѣ Іоаннѣ Вулховскомъ и Стефанѣ Терезюскомъ и при солгабировѣ предописанномъ [2]).)

Обитель Джулинска здатися начатъ року ҂АХЧВ отъ нѣкоего Лупула Попъ. Посвящалъ церковь Іосифъ Стойка.— —

Обитель Барсановска почася року ҂АѰЛІ сице: честновелебный о. Іоанъ Стефанъ, парохъ Барсановскый, пріялся предъ Богомъ, аще въ мори не умретъ, то монастырь справитъ, въ которомъ монахъ Савва первый, прежде Стефанъ, парохъ Барсановскый. Во первыхъ святилъ той монастырь епископъ Серафимъ, который не былъ правымъ епископомъ, по тому паки епископъ Досиѳей.

Обитель Моѵсеовска началася здати, якъ листъ волоскый свѣдчитъ року ҂АХПВ, а угорскый року ҂АХОВ. — — Въ то время парохъ Моѵсеовскый, позоставшы вдовцемъ, воспріявшы габитъ, о тое мѣсто тружалася, на немъ же монастырь созданъ есть и стоитъ; въ томъ пребывалъ, якъ игуменъ. По его смерти зосталъ его сынъ власный калугеромъ, а потомъ произведенъ бысть епископомъ Досиѳеомъ во архимандриту. По его смерти зосталъ монахъ Лаврентій, предописаннаго архимандриты братаничъ, при томъ Варлаамъ Биловичъ, аки рукоположенецъ епископа Стойки.——

Обитель на Вышней Вышшавѣ началася звати(!) и созидати року ҂АѰѲІ, для котораго мѣсто далъ градъ (?Драгъ?) Василіе между великыми горами въ хащи. Нѣкій человѣкъ, именемъ Григорій, маючи сколко золотыхъ, справилъ малу церковцу и постригся во Моѵсеови и нареченъ бысть Геннадій и якъ во своемъ монастыри пребылъ. Кажутъ, ижъ епископъ Досиѳей року ҂АѰКГ посвящалъ тую обитель.

---

[1]) Хуторъ.

[2]) „Сей пакъ — — предописанномъ“—изъ Мукачевской рукописи.

2) Изъ М. Лучкаи, Historia Carpatho-Ruthenorum.

О жизни Лучкаи были намъ сообщены теперь уже покойнымъ игуменомъ Мукачевскаго монастыря о. Анатоліемъ Кралицкимъ слѣдующія свѣдѣнія:

Касательно личности Мих. Лучкаи, мнѣ только то извѣстно, что онъ родился въ селеніи Лучки (Lucska) Берегскаго комитата, котораго года, не знаю. Фамилійное имя его было *Матяцко*, а *Лучкаи* самъ себѣ далъ отъ села своего рожденія. Поступивъ въ клиръ Мукачевской епархіи, какъ новосвященникъ, посланъ былъ епископомъ Алексѣемъ Повчи придворнымъ священникомъ въ италійскій городъ Luca (Toscana-Pisa) къ владѣтельному князю этой области крошечной, Людовику де Бурбонъ. Тамъ написалъ свои церковныя проповѣди, съ выпущеніемъ полугласной буквы „ъ", а по тому и извѣстную грамматику славяно-русскаго языка по латинѣ. За ходатайствомъ своего патрона—князя получилъ отъ Лукскаго епископа титулъ почетнаго praepositus tit. beatae Mar. Virg. de Luca. Послѣ возвратился въ епархію, написалъ извѣстную рукопись и былъ приходскимъ священникомъ въ Унгварѣ, на Цеголни, гдѣ и померъ.

Владѣтельный князь Лукки, Бурбонъ, желалъ быть королемъ освобожденной Греціи, внести тамъ унію, по этому воспротивилась Россія, и былъ назначенъ королемъ Оттонъ Баварскій. По этой причинѣ онъ держалъ у себя уніатскихъ священниковъ изъ Мукачевской епархіи, каковые были: Лучкаи, два Лабанцы, Микуличъ, Талапковичъ, а напослѣдокъ нашъ іеромонахъ Авраамій Сючъ. Бурбонъ обзавелся придворною церковью, гдѣ совершалось ежедневно богослуженіе, на которомъ и самъ присутствовалъ, даже кое-когда и канонъ по старославянски читалъ.

Почему не держалъ онъ себѣ, готовясь въ короли греческіе, греческихъ священниковъ изъ среди итало-грековъ—не извѣстно.

Добавляемъ къ этому нѣкоторыя данныя, помѣщенныя самимъ Лучкаи въ его Historia (т. VI, стр. 176, 197—203, 204): Michaël Lutskay e convictu Viennensi, ubi studia theologica finivit, egressus, mox eodem anno (1816) M. Varadini circa festum S. Demetrii S. Ordines suscepit et 24 Nov. a. 1817 in ecclesia parochiali N. Lutskensi promotias habet et ibi, qua cooperator, manet. — — A. 1817, 20 Jan. Lutskay Ungvarinum venit in cancellaria applicatur et 26 Martii in bibliothecario et archivario constituitur. Сдѣлавшись потомъ секретаремъ епископа Алексѣя Pócsy, онъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ, такъ и одинъ, побывалъ по разнымъ дѣламъ въ Вѣнѣ, Остригомѣ, Кошицахъ, Краснобродскомъ монастырѣ, Пештѣ, В. Варадинѣ. Мало-по-малу стали портиться отношенія его къ епископу, кто-то послалъ на Лучкаи доносъ и 26-го дек. 1826 г. Лучкаи получилъ извѣщеніе примаса Угріи, что онъ призванъ

simoniacus. Лучкаи потребовалъ слѣдствія, доносъ оказался ложнымъ, но Лучкаи, огорченный этими непріятностями, отказался отъ секретарства и получилъ въ 1827 г. парохію въ Унгварѣ.

Въ 1829 г. были заведены сношенія Лукскаго двора съ Мукачевскимъ епископомъ. Первоначально было предположено послать туда монаха Стромецкаго, но тотъ умеръ, и тогда былъ отправленъ Лучкаи, за которымъ, однако, осталась парохія Унгварская, ввѣренная его администратору. Въ августѣ 1829 г. прибылъ Лучкаи въ Лукку и оставался здѣсь почти до конца 1830 г. Въ виду тяжелаго впечатлѣнія, какое произвели вѣсти объ іюльской революціи на дворъ Людовика Бурбона, Лучкаи просилъ отпускъ на родину и получилъ его. 25 ноября 1830 г. онъ прибылъ въ Унгваръ, намѣреваясь весной вернуться въ Италію, но тяжелая лихорадка задержала его здѣсь до іюля 1831 г. Несмотря на просьбы принца, онъ и потомъ не рѣшился отправиться къ его двору, опасаясь вспыхнувшей тогда эпидеміи холеры [1]). Такъ Лучкаи и остался до конца жизни въ Унгварѣ. Умеръ, по словамъ Е. Сабова [2]), въ 1843 г.

Лучкаи были составлены и изданы: Grammatica Slavo-Ruthena. Budae. 1830; Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поученіе народное [3]). Въ Будинѣ. 1831.

Приготовленъ былъ также для печати, но до сихъ поръ остается въ рукописи, громадный трудъ Historia Carpatho-Ruthenorum, цѣнный, главнымъ образомъ, по множеству собранныхъ авторомъ матерьяловъ, теперь или утраченныхъ, или малодоступныхъ. Д у л и ш к о в и ч а „Историческія черты Угро-Русскихъ". I—III. Унгваръ. 1874—1877 г. есть въ сущности извлеченіе—не всегда толковое—и пересказъ—не всегда умѣлый—Исторіи Лучкаи. Добавлено Дулишковичемъ сравнительно немногое и не особенно важное.

„Исторія" Лучкаи хранится въ настоящее время въ епархіальной библіотекѣ въ Унгварѣ въ видѣ четырехъ большихъ книгъ in folio въ переплетѣ: 1-ая и 2-ая книги заключаютъ въ себѣ первые 4 тома сочиненія, послѣднія 2—5-ый и 6-ой. Заглавіе ея: Historia Carpatho-Ruthenorum sacra et civilis ex probatissimis Authoribus, Diplomatibus Regiis et Documentis Archivi Episcopalis Dioecesis Munkáts., elaborata per Michaelem Lutskay, B. M. V. Praepositum Aulicum Lucensem in Italia et Parochum Ungvár., antea Secretarium Episcopalem.

Tomus I. A sera antiquitate usque adventum Magyarorum in Jazygiam et Daciam (далѣе зачеркнуто: Cassoviae, Typis 1843). Предисловіе помѣчено 1842 годомъ. Въ 1-омъ томѣ 188 стр.

T. II. Continet harum partium statum ab adventu Magyarorum usque 1690. (Зачеркнуто: Budae, Typis Regiae Universitatis Pestanae 1843). 325 стр.

---

[1]) 57-ая глава VI тома его Historia Carpatho-Ruthenorum составляетъ особый экскурсъ: Historia missionis Ruthenorum ad Ducatum et Aulam Principis Lucensis.

[2]) Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ. Унгваръ. 1893. Стр. 194.

[3]) *Сабовъ ib.*: Его проповѣди при всемъ недостаткѣ чистоты слога имѣли большое вліяніе и сдѣлались любимымъ чтеніемъ народа, у которыхъ на „бантѣ" нерѣдко хранятся его церковныя бесѣды. Священники при составленіи своихъ „наказовъ" подражали ему, такъ что простой народъ привыкъ къ сему пестрому слогу и сталъ его понимати.

Т. III—безъ особаго заглавія—(зачеркнуто: Budae. 1843), обнимаетъ время отъ Іосифа де-Камелисъ до Г. Блажовскаго включительно. Стр. (?).

Т. IV—безъ особаго заглавія — время Мануила Ольшавскаго, І. Брадача. Борьба съ Ягромъ. Школы въ Мукачевской епархіи въ половинѣ XVIII в. Стр. 251.

Т V. Historia Dioecesis Munkátsiensis, concinnata per Ioannem Pasztélyi, Praepositum Majorem Capituli Munkáts., edita vero per Michaëlem Lutskay, Praepositum Aulicum Lucensem. Собственно—исторія Спиша до викаріатства Пастельи. Закончено Пастельи, какъ обозначено въ Epilogus– Unghvarini 2 Martii 1790. Стр. 223.

Т. VI. Historia Dioecesis Munkátsiensis per Michaëlem Lutskay и т. д.—время А. Бачинскаго исторія Унгвара, раздѣленіе Мукачевской епархіи, время Алексѣя Pócsy. Стр. 208.

Historia T. III, cap. 26, p. 109.

A 1719, 9. Octobris peracta est Inquisitio super eo, qualiter in Ecclesia Calugerorum Ruthenorum prope pagum Kricsfalva in Marmatia Imago B. Mariae Virginis flevisse adinventa sit. Est vero Tenor Inquisitionis juratae sequens: Primus testis, Episcopus Ruthenorum Dositheus Ugolsky, annorum 71 sub suo Sacerdotali et Episcopali juramento fatetur, quod mane, dum advocatus fuisset, perlustrans Imaginem B. M. Virginis, in Ecclesiae hujus dextera parte stantem, vidit in dextera parte faciei sub oculo dextero quatuor, sub sinistro vero tres guttas stantes, defluxarum vero humidatatem in pectore hujus, quae resplendent veluti purificatum aurum; infra stante patinula stannea vidit unam guttam defluxam in magnitudine unius pisi, quae adhuc morabatur.

Subscriptio. Ѩ҃ка Досоѳей р. власна.

Далѣе подписи другихъ свидѣтелей.

T. III, cap. 26, p. 111—113.

Combinato Documento, Superius sub 1709, 22. Januarii de Miszticzensi Claustro providendo emanato [1]), cum hac [2]) inquisitione non vane concluserit quis: Dosotheum hunc fuisse filium Joannis—Joannicii Zékány Episcopi, qui pariter uxoratus fuit et habuit filium, Nepotem Episcopi Alexandrum, alias Aphtanasium.

Prodit Dosotheus Episcopus 1719° fuisse annorum 71; ergo nasci debuit 1658°, [3]) quo anno Zékányium jam fuisse Episcopum in Ejus Biographia Tomo 2° attigimus. Indubie eodem anno uxore mortua et manente infante Dosotheo Zékány se consecrari fecit.

---

[1]) Къ сожалѣнію, копіи этого документа мы теперь не могли у насъ найти.
[2]) См. выше.
[3]) 1719 – 71 = 1648! *А. Петровъ.*

Potuit ipse filium suum consecrare in Episcopum, quia circa annum 1686 mortuum esse diximus, quo anno Dosotheus 28 annorum aetatem egit.

Ponderet et illud argumentum, quod eum Miszticzini in Joannicii Zékány Bono et Claustro habitantem inveniamus. Sed obstant duo Documenta, in quibus Dosotheus Theodorovics, ergo Theodoro Patre natus dicitur:

A. 1731. Testimoniales Dosothei Episcopi super Collatis SS. Ordinibus usque Diaconatum inclusive Michaëli Risko. Incipiunt:

Досоѳей Ѳеодоровичъ Оуголскій, Милостію Божією Єпископъ православный отъ Марамарошa и проч.

Данъ во монастири Драгѹскомъ. Рокѹ Божіа ҂аѱла. Єпископъ Досоѳей. Рука власна (L. S.). Monasterium Uglyense.

Pariter: Originale Ruthenicum, in quo annotatio Episcopi Batsinszky legitur: „Michael Risko, qui die 4-a Sept 1753. ipse hoc Testimonium mihi Unghvarini tradidit, dixit se fuisse annorum 13, dum Diaconus ordinaretur". (Arch. Vac. Cand. N-ro 15) Si Batsinszky talia principia de ordinatione a Schismaticis suscepta habuisset, velut Josephus de Camelis, reordinavisset Michäelem Risko. — Pariter: 1733. 23-a Maji: Досоѳей Ѳеодоровичъ оуголскій dat Testimoniales super susceptis Ordinibus usque Diaconatum cuidam Joanni: Дан во монастири Оуголском (Eccl. in gener. N° 23).

Sed non multum sum sollicitus de Genealogia Dosothei, caeteroquin Pseudo-Episcopi, sive sit Joannikii Zékány, sive nefors fratris ejus Theodori filius, satis est, quod ille Jurisdictionem Episcopalem in Marmaros exercuerit.

Praeter superius allata: A. 1718° 3-a Junii Mogur Georgium ad ineundum Matrimonium facultat (Consist. 11). Sigillum in caera Nigra.

A. 1719 dat Formatam Georgio super suscepto S. Ordine Presbyteratus:

Милостію Божію Архієпископъ православный Досоѳей Марамороскій, Администраторъ Митрополіи Молдавской. Писанъ у Крмч. Мц. іюніа ке, ҂аѱѳі.

3) Изъ архива Марамороcской стóлицы.

Во время нашего посѣщенія Марамороскаго Сигота покойный г. Стефанъ Силадьи, директоръ гимназіи или реальнаго училища — теперь не помню — любезно предложилъ въ наше распоряженіе копіи различныхъ документовъ, между прочимъ и изъ стóличнаго архива, которыя и были нами тогда же списаны. Помѣщаемъ здѣсь въ извлече-

ніи (а мадьярскіе и въ переводѣ [1])) относящіеся къ положенію православія въ Марамарошѣ.

а) 1715 г. 14 мая.

Высокочтимое Reformatum Consistorium!

— — Наши честные братья греческаго исповѣданія, живущіе въ нашей — — стóлицѣ, обратились къ намъ (съ заявленіемъ), что послѣ смерти ихъ прежняго епископа произошло propter vacantiam много погрѣшностей и неправильностей, такъ какъ не было изъ ихъ числа никого, кто бы наблюдалъ, какъ слѣдуетъ, за дѣлами церкви и направлялъ (эти дѣла) по ихъ обряду. — — Они въ полномъ согласіи unanimiter кандидовали изъ поповъ своего исповѣданія четырехъ почтенныхъ лицъ, а именно: изъ Верхняго округа—попа Іону, изъ Касовскаго (Kaszó) [2])—попа Андрея, изъ Сиготскаго — Саплонцскаго попа Ивана, изъ Нижняго — попа Петра. Изъ упомянутыхъ лицъ на перваго, т. е. на попа Іону пало 14 голосовъ, на второго, т. е. на попа Андрея—46, на третьяго, т. е. на попа Ивана,—ни одного, на четвертаго—попа Петра—35. Изъ нихъ они сочли per vota наиболѣе подходящимъ попа Андрея, который превзошелъ остальныхъ tam mori(bus), quam suffragiis.

— — Кого изъ нихъ Excelsum Regium Gubernium изволитъ милостиво утвердить, тому дадутъ свое согласіе наши — — братья греческаго исповѣданія. Пусть онъ будетъ затѣмъ по ихъ обряду посвященъ въ епископы. Какъ Excelsum Regium Gubernium дало надлежащій consensus ихъ покойному епископу, такъ (и теперь) пусть при patrocinium Вашихъ Высокородныхъ Милостей будетъ данъ ab Ex. R. Gubernio consensus, чтобы, когда это произойдетъ, были устранены столько лѣтъ существующіе и постоянно увеличивающіеся въ ихъ средѣ недостатки, и чтобы они могли (такъ же), какъ (и) во время покойнаго епископа и прежде во время многихъ въ Марамарошѣ избранныхъ епископовъ, слѣдовать своей религіи, въ которой соизволилъ ихъ оставить блаженной памяти въ Бозѣ почивающій Императоръ Его Величество Леопольдъ in anno 1701, die 12 Decembris Bécsben stb.

Meministis procul dubio Clementissimae Vestrae (? Nostrae) Resolutionis sub 14 Aprilis anni 1648 expeditae et 26 Augusti 1699 repetitae, qua serio decrevimus, ut Valachis graeci ritus integre libertas sit, nisi (! uni) ex quatuor in Transylvania receptis

---

[1]) Латинскія слова и выраженія въ мадьярскихъ документахъ оставлены безъ перевода ради сохраненія характерной черты тогдашняго мадьярскаго оффиціальнаго языка, насквозь проникнутаго латинизмами.

[2]) Districtus Kaszoviensis на границѣ Трансильваніи; села: Bártfalva, Budfalu (Budesti), Gyulafalva (Dzsulesty), Kracsfalva (Kratsesty), Sugatagh и др. Въ 1855 г. онъ былъ отдѣленъ отъ Мукачевской епархіи и присоединенъ къ Самошъ-Уйварской (Schem. Dioec. Munkács. ad a. 1876, p. 150).

religionibus se uniendi vel etiam in suae religionis statu, quo nunc sunt, manendi, stb.

Die 14 mensis Maji a. 1715 in oppido Szigeth (congregatione) celebrata Illustrissimarum, Spectabilium et Magnificarum D. Vestrarum humillimi servi

Universus comitatus Maramarosiensis.

b) 1726 г. 18 ноября.

Illustrissimi и т. д.

Фогарашскій румынскій епископъ, баронъ Іоаннъ Патаки, жалуется Gubernium'у на несоединеннаго монаха и вмѣстѣ архимандрита Дориѳея (Dorytheus), который въ прошломъ году, пройдя изъ Мармороша въ Молдавію, былъ тамъ посвященъ въ епископы. Вернувшись недавно оттуда въ Марморошъ, онъ безъ всякаго права умножаетъ число румынскихъ несоединенныхъ поповъ и умножаетъ clancularie. въ ночное время посвящаетъ ихъ въ попы съ большимъ praejudicium'омъ для уніатовъ, вовсе не обращая вниманія ни на запрещеніе Преосвященнаго г. румынскаго епископа, ни на милостивѣйшую intentio и indultum Нашего — — Государя. Итакъ, чтобы это зло уничтожить in prima herba, поручаемъ Вашимъ Милостямъ этого вышеупомянутаго Дориѳея неложнаго (! nem fictus—д. б. fictus) архимандрита или епископа, если онъ не захочетъ по добру явиться передъ Gubernium'омъ, etiam sub honesta custodia туда привести.

Datum ex R. Principatus Transylvaniae Gubernio. Claudiopoli die 18 Novembris 1726.

Sigismundus Kornis, gubernator. Sigismundus Kun.

c) 1726 г. 24-го ноября.

Illustrissimi и т. д.

Я получилъ отъ R. Gubernium въ третій разъ порученіе, чтобы Благородная Стóлица препроводила sub honesta custodia г. архимандрита Дороѳея (Dorothaeus) къ Лапошскому сеніору — — пусть г. поджупанъ пригласитъ его къ себѣ и, прочитавъ въ стóличномъ собраніи это приказаніе, тотчасъ дастъ ему провожатыхъ, и когда люди отъ стóлицы привезутъ его въ румынскій Лапошъ къ Лапошскому сеніору, то пусть они возьмутъ отъ послѣдняго свидѣтельство, что Его Милость къ нему привели и представили.

Claudiopoli 24 Novembris 1726.

Comes Josephus Bethlen.

d) 1728, 20 ноября.

(Предписаніе—слѣдить за упорнымъ Мараморошскимъ схизматикомъ Дороѳеемъ, валашскимъ епископомъ, который contu-

maciter противится Высочайшему повелѣнію и tam obstinate рукополагаетъ схизматическихъ валашскихъ поповъ. Если онъ хоть еще одного посвятитъ, послать его) Kolosvárra sub honesta custodia.

Datum ex R. Principatus Transylvaniae Gubernio. Claudiopoli 20 Novembris 1728.

Sigismundus Kornis. Sigismundus Kun.

e) 1728 г. 26 ноября.

Illustrissimi и т. д.

Vacante sede episcopali Graeci ritus unitorum — — (былъ здѣсь въ монастырѣ въ минувшіе дни) generalis consistorialis confluxus клира Graeci ritus unitorum, (гдѣ принесены были жалобы) на Мараморошскаго русскаго (orosz) епископа, по имени Доротея, что онъ promiscue ночью и днемъ рукополагаетъ обращающихся къ нему валашскихъ студентовъ (deákokat) и что онъ позабылъ о данномъ имъ бывшему епископу Іоанну Патаки — — реверсѣ. Онъ совершенно ослабѣлъ (одряхлѣлъ) до того, что по большей части и не видитъ (т. е. ослѣпъ); eo non obstante magno cum scandalo et sacrilegio рукополагаетъ — —. Узнавъ про такую fraudulenta malitia этого епископа, я serio возлагаю на Ваши Милости обязанность воспретить кому-либо a modo in posterum ѣздить къ нему и чтобы онъ не покушался кого-либо рукополагать. Comperto autem tali excessu, сообщивъ Gubernium'у de specie facti, арестовать. Если кто casu quo ordinationis fine къ нему пріѣдетъ, также долженъ быть арестованъ — —.
Ex R. Principatus Transylvaniae Gubernio. Claudiopoli 26 Novembris a. 1728.

Sigismundus Kornis. Sigismundus Kun.

f) 1731 г. 14-го февраля.

Illustrissimi и т. д.

Сначала сообщается копія ходатайства предъ Императоромъ Трансильванскаго епископа для румынъ, барона Клейна:

S. C. R. Cath. Majestas, Domine, Domine Clementissime!

A quo — — Majestas Vestra dignata est me uniti Graeci ritus episcopum — — nominare, contigit, ut schismaticus episcopus, in Máramaros latitans nec ulla authoritate publica ad hoc munus constitutus, filium suum et unum archidiaconum ad me post — — meam in episcopum nominationem miserit mihique sancte promiserit, quod ab omnibus episcopalibus functionibus, praesertim ab ordinationibus velit abstinere, dummodo sinatur in aliquo monasterio quiete vivere; quod promissum suum illibate observavit usque ad mortem defuncti Pontificis Benedicti XIII. Ex post vero indignos idiotas,

rudes et inhabiles, ad se venientes et jurisdictioni Fogarasiensi subjectos, promiscue ordinavit, imo et per literas pro ordinatione invitavit, absque ullis dimissorialibus ordinarii sui ejusque vicariorum, non sine magno detrimento et praejudicio dominorum etiam terrestrium. Idem facit episcopus Aradiensis — —. Hinc S. C. Regiamque Majestatem — — exoro, dignetur — — memoratis duobus episcopis Mandatum Caesareum, virtute cujus ab ejusmodi factis, neutri convenientibus, abstinere jubeantur, dari sinere — —.

Ioannes Innocentius L. B. Klein, episcopus Graeci ritus in Transylvania.

Сообразуясь съ смысломъ Высочайшаго Рескрипта, полученнаго въ отвѣтъ на это прошеніе, прикажите serio, — — чтобы этого, не держащагося въ своихъ границахъ, непослушнаго схизматическаго епископа тотчасъ — — citra omnem dilationem еще разъ semel pro semper severe et peremptorie подвергнуть увѣщанію, чтобы онъ болѣе не возлагалъ своего серпа на чужую пшеницу, воздержался бы и не исполнялъ никакихъ епископскихъ функцій, а въ особенности не смѣлъ a modo imposterum посвящать, рукополагать въ попы. Если онъ будетъ это исполнять ad amussim, bene quidem, но пусть Ваши Милости за нимъ старательно наблюдаютъ и поручатъ наблюдать. И если его поймаютъ, что онъ хоть одного только посвятилъ, то велѣть тотчасъ безъ всякаго отлагательства послать къ коменданту Густа подъ хорошимъ конвоемъ. — —

Ex R. Principatus Transylvaniae Gubernio. Claudiopoli die 14 Februarii a. 1731.

Sigismundus Kornis, gubernator. David Makay, secretarius.

g) 1735 г. 10 октября.

Inclyta Universitas, Domini, Domini Patroni и т. д.

— — Notum est — — Universitati, quod in hocce — — Regno Hungariae ab exordio hujus — — regni jus eligendi et nominandi episcopos non alteri, sed soli Hungariae Regi — — conveniat. Non obstante tamen hoc, nescitur quibus praesumptiosis motivis inductus, presbiter Kövesligetiensis Ivanovics Sztojka cum Iona, presbitero Völcshoczensi (? Jrholcz—Vulychuvczi?), magnam confusionem et turbas in clero Maramarosiensi suscitare inceperunt eundemque clerum partim minis birsagiis,[1]) partim dolo in id inducere — — conantur, ut e gremio suo quempiam in episcopum eligerent, ex quo vero hoc esset summe praejudiciosum tum juri Regio, tum

---

[1]) Birság мад.—денежная пеня.

etiam juri meo, mihi per S. Majestatem Sacratissimam, qua episcopo Munkacsiensi, etiam pro Máramaros collato. Ex eo —— Universitatem praesentibus requirendam habeo in eo, quatenus —— Universitas praerecensitis dicti Sztojka ausibus, praesumptuosis juri Regio et meo praejudiciosis, non modo resistere, verum ei neque consilio, neque auxilio aut assensu quopiam hoc in passu adesse, sed e converso eundem ab hoc inhibere dignaretur. ——

In oppido Vereczke 10 Octobris a. 1735.

Ejusdem Inclytae Universitatis humillimus servus
Simeon Stephanus Olsavszky
Episcopus Pellensis, Munkács. et Máramaros., in Hungaria et partibus Vicarius Apostolicus.

III.

Valachorum Ruthenorumque tumultus.

Большая часть документовъ списана нами въ Земскомъ архивѣ (országos levéltár) въ Будапештѣ. Нѣкоторые, найденные въ семейномъ архивѣ графовъ Карольи тамъ же (въ особой пачкѣ, подъ заглавіемъ: Valachorum tumultus), отмѣчены ниже буквами: (*А. К.*). № 78 списанъ—далеко не безукоризненно—вѣроятно, изъ архива Карловецкой митрополіи и доставленъ черезъ одного знакомаго изъ Угріи.

Не было и возможности и нужды помѣщать документы цѣликомъ; поэтому мы печатаемъ ихъ въ извлеченіи, опуская лишнія фразы, титулы, привѣтствія, а также сообщенія о фактахъ, не относящихся къ нашей темѣ [1]), и передавая иногда содержаніе пропущеннаго своими словами—въ видахъ сбереженія мѣста и сохраненія смысла текста. Кое-гдѣ добавляемъ въ скобкахъ явно пропущенныя въ оригиналѣ слова. Въ концѣ мы сочли не лишнимъ кое-что перепечатать изъ „Историческихъ чертъ" Дулишковича, книги у насъ довольно рѣдкой.

1760 г.

1) Fida relatio insolentis facti per Vallachos, ad pristinum Schisma reversos, in oppido Király-Darócz.

Posteaquam Vallachici sacerdotes Sophronius et Georgius Abrugyiensis primo quidem in oppido, Abrugy-Bánya [2]) dicto, unde initium negotii sumptum est, dein vero per omnem fere Transylvaniam, frustra renitente Excelso Transylvaniae Gubernio, quin et militari etiam praesidio—numero utpote concitatae plebi impari—re infecta sese opponente, Vallachicam plebem, superioribus temporibus prae-

---

[1]) Сдѣланные нами пропуски въ текстѣ обозначены двумя черточками: — —
[2]) In comitatu Albensi inf. in Transilvania. *А. Петровъ.*

sulum magno labore ad Unionem S. Romanae Ecclesiae a Schismate Orientis revocatam, speciosis sermonibus ad pristinam scissionem traduxissent abalienassentque a communione Nostrae Ecclesiae pluriumque animos (?), facili negotio eo etiam res est perducta, ut ubique fere exauctoratis Unionem professis sacerdotibus alii veterem—ut illi prae se ferunt—sacrorum ritum, re autem ipsa Schisma professi, in eorum locum substituerentur per eos, qui totius negotii duces atque auctores fuere. Quibus ita gestis missi tandem per suprafatos Vallachos schismaticos sacerdotes quidam studiosi, iisdem dogmatibus imbuti, qui plebem, ut in media hactenus Transylvania, ita et in partibus Hungariae conterminis, turmatim ac temere ex vicis congregatam, ad defectionem a Romana Ecclesia solicitarunt.

Oppidum est, Szántó nomine, Illustri comitatui mediocris Szolnok adjacens; eo Gabrielis Papp Csögiensis, novi vice-archipresbyteri Vallachi schismatici, literis, infra adscriptis, ex Vallachico in Ungaricum translatis sermonem, tum aliis ex oppidis pagisque, tum vero ex oppido Király-Darócz, partim comitatui mediocris Szolnok ad Transylvaniam spectanti, partim vero comitatui Szatthmariensi in Hungaria adjacenti, evocati fuere ecclesiae Daroczniensis Vallachicae curatores. Profecti igitur ad oppidum Szántó Ladislaus Czigány, Ioannes Margith, Petrus Fekete et Ioannes Papp, ibique conventus in horreo quodam trecentorum plus minus hominum, ex triginta quatuor pagis negotium religionis tractandi animo confluentium, actus est. In eo duntaxat sacerdos Csügiensis, scilicet vice-archypresbyter Gabriel Papp, vulgo Papp Gavrila dictus, cui convocandae multitudinis Sophronius et Georgius, Carlovicensis Metropolitae jurisdictioni subjecti sacerdotes, provinciam dedere. Qui haec referebant, vidisse se fatentur eo in conventu exhibitas a vice-archipresbytero literas, sigillo majusculo munitas, Valachice scriptas, quarum summa haec fere complectebatur: habendas primo quidem Deo, tum vero Reginae Nostrae Mariae Theresiae grates, propterea quod arbitrii ipsorum fecisset, seu veteri Graecorum ritui seu vero modernae Unioni addictum sacerdotem habere; ejus fere sententiae est epistola, cursim missa et superius iam adducta. In eo igitur conventu Daroczienses, qui se hactenus quidem veterem Graecorum religionem secutos putarunt, errore, ut prae se ferunt, cognito, vice-archipresbytero illi fidem dederant, se in vetere Graecorum religione permansuros; quam datam fidem, si qua violarent, ad Unionem redeuntes, 500 florenorum mulcta expiarent.

Reversis ex conventu illo Darocziensi suprascriptis ecclesiae curatoribus Király-Daroczienses Vallachi, intellecto, quid actum esset in conventu, comuni sententia veterem Graecorum religionem amplexi sunt, Unionem aspernati. A qua cum deficere nollet coetus

illius Vallachicus sacerdos Georgius Lipcselyi, per Carloviciensis Metropolitanae (!) vice-archipresbyterum, ut complures alii eadem de causa, parochiali munere exauctoratum prae se ferunt. Iidem Daroczienses Vallachi palam professi se templo abstenturos, quoad ipse illud intraret, quin Lad. Czigány, Ioan. Margith et Cyrill. Kecskés Vallachorum coetus voluntate templi claves, solemni ritu consecrato sacerdoti ablatas, Vallachico aedituo vel cantori Michaëli Lengyel — — tradunt. Quae cum vice-archipresbytero, illi scissionis auctori, innotuissent, dedit in mandatis aedituo, ad pagum Csöge deferret capsulam, qua Sacram eucharistiam recondere solebant; sed is, dicto minus audiens, petit a Ruthenorum Gálospetriensi parocho, ut exploraret, essetne eucharistia capsulae illi inclusa, et profecto fuerat. Qua de causa relicta ibi capsula ipse tantum eundem vice-archipresbyterum adit, ab eoque jussa accipit, vocarent pristinum sacerdotem juberentque, eucharistiam tolleret, auferret, quo vellet, se illa usuros nusquam, quippe qui stipulata manu veteris Graecae (religionis) professionem atque studium, Unionis vero eliminationem spopondissent, juxta Graecorum ritum confecta eucharistia sibi opus esse. Persuadet quoque vice-archipresbyter coetui missurum se prope sacerdotem, qui Graecorum ritu sacra faceret ejusque dogmata et ipse amplecteretur et doceret. Ita demum coetus parochum templo abstinere et de finibus oppidi egredi jubet. Is parochus, quandoquidem et templum in fundo — — comitis Antonii Károlyi esset majorque Vallachorum numerus eidem — — comiti partim subdititio nexu, partim vero potestati ejusdem Supremi Comitis obnoxii essent, ad eundem — — comitem confugit. Qui rem fidedigne, placidissimo tamen modo, investigari curasset, negotium omne, quemadmodum hic refertur, ita gestum fuisse comperit. — — Alexander Bölönyi, comitatus med. Szolnok vicecomes, jam antea etiam oberrantium sacerdotum ac studiosorum Vallachorum ignaram plebem ad defectionem sollicitantium facta miratus, duos judices nobilium misit percunctaturos, cujus auctoritate aut literis fisi haec auderent? Verum illi judices nobilium superbo responso dimisere, nihil interesse vicecomitis illorum acta nec ipsius esse potestatis, quam facultatem Sua Majestas ipsis dedisset, infringere. Idem etiam vicecomes, quid in Király-Darócz gestum esset, intelligens, mandavit curatoribus ecclesiae, exauctorato parocho claves templi restituerent, et provisorem— —comitis Antonii Károlyi, eo in oppido commorantem, hortatus est, strenue vendicaret audaciam. Qui cum exauctorandi parochi quemdam ex primariis auctorem custodiae mancipasset, subito supradicti vice-archipresbyteri Gabrielis Papp insolentes accepit literas, quibus illius e custodia dimissionem satis magna confidentia postulat; quibus acceptis hominem ex custodia dimittit.

Interea temporis, dum coetus ille Király-Daroczienisum Vallachorum promissum parochum praestolatur, nemo erat, qui vel baptismum administratet, vel mortuis assisteret. Misit tandem — — vice-archipraesbyter sacerdotem aliquem sui ritus atque dogmatis, qui—quemadmodum ex infra adnexa illius ad Daroczienses scripta schaedula, ex Vallachico sermone Hungarice reddita, elucesceret – baptismum parvulis administraret mortuisque assisteret et sepeliret, liturgiam tamen non faceret.

Praeattactus d. comes, tum jus patronatus, quod in ecclesia Darocziensi Vallachorum haberet, violatum, tum vero eucharistiam etiam eo, quo supra dictum est, modo, in ejusmodi turbis subsequendae nefors profanationis periculo expositam dolens, utrique malo medelam adhibere voluit. Misit igitur suorum officialium duos, qui exauctoratum parochum ad oppidum ducerent, ut ibidem eucharistiam, quam secedens a pristinis sacris plebs— —in templo pati noluit, ipse suo ritu consumeret, quod et 27 elapsi mensis et anni tranquille et decenter—siquidem in exigua quantitate eucharistia fuisset ritu orientali—peractum est. Iidem officiales mandato comitis oppidanos Vallachos, eos imprimis, qui vel subditio iure — — comiti obnoxii essent vel in oppidi parte ad comitatum Szattmariensem spectante habitarent, hortabantur, pristino suo parocho molestias facessere desinerent nec in ipsius locum spreto sive domini sui terrestris, sive Supremi sui Comitis, quod in templum obtineret, patronatus jure alium inducere parochum—ni fundis expelli vellent—attentarent. Iidem Vallachi his auditis parochum non a se, sed a vice-archipresbytero Csögensi, depositum fuisse adeoque se illius restitutioni non admodum obniti reponunt, raro tamen adituros se templum et exiguo numero, quoad ille parochus in eo sacrificaret, aperte dixerunt.

(*А. К.*)

2) Comes Pálffy, Cancellarius Hungarico-Aulicus, Императрицѣ 29-го ноября.

(Изъ письма гр. Карольи видно,) dass einige Studenten (studiosi) Graeci ritus, welche bisnun zu die Siebenbürgische Ortschaften durchstrichen, (собираютъ съ Румынъ деньги, побуждаютъ ихъ прогонять уніатскихъ священниковъ и ставить вмѣсто нихъ схизматиковъ; они проникли и въ Угрію, именно въ Сатмарскую столицу.

Слѣдуетъ озаботиться о принятіи противъ нихъ должныхъ мѣръ).

3) Протоколъ (по-мадьярски) допроса 22-го декабря in oppido Király-Darócz.

(Допросъ участниковъ сходки въ Szántó. Всего было тамъ около 300 человѣкъ — presbyteri, cantores et judices изъ 34-хъ селъ comitatus mediocris Szolnok:)

§ 8. Почему оставили унію и въ какую вѣру или исповѣданіе обратились, въ ту же ли, какъ и раньше?

Оставили унію потому, что (раньше) сами не знали, что дѣлаютъ, а думали до сего времени, что были при своемъ старомъ греческомъ исповѣданіи. Теперь же узнали въ Szántó, что находились въ дурной вѣрѣ; поэтому вернулись къ старой греческой вѣрѣ.

4) Litterae currentales poparum Valachorum 1760—1761 г. [1]).

a) 17-го декабря.

Ad episcopum Agriensem (!—Aradiensem).

Rogamus Sanctitatem Vestram, cum sciat multos pueros nostros absque baptismo esse et multos absque Communione mori, studiosum hunc, nomine Nicola, velit in presbiterum ordinari.

A. 1760, 17 Dec.

Popa Georgie ex Gyögy.
Popa Sophronie ex Rigulte.

(A. K.)

b) 12-го января.

Sanctissimi Episcopi Matris Nostrae Ecclesiae Orientalis et Nostri Orthodoxi Misericordes!

Notum facimus — — Sanctitatibus Vestris propter hunc presbyterum, nomine Onissie (оттуда-то и т. д.) — —, quem praeteritis annis ordinavit in diaconum episcopus Balasfalvensis et praeter juramentum presbyteratus aliud pro Unione non suscepit; et modo in toto regno Transylvaniae Unionem respuerunt et, quot sunt ordinati per episcopos unitos, non acceptant, donec non benedicentur ab episcopis orthodoxis orientalibus. Ea propter — — recurrens iste presbyter ad orthodoxam Clementiam Sanctitatum Vestrarum (проситъ), quatenus dignemini eum benedicere et indulgere in ritu Graeco in parochia servire; modo magna necessitas est presbyterorum in Transylvania tota.

Scriptum in Transylvania
12 Januarii 1761.

Presbyter Soffronius, ieromonachus, et presbyter Georgius ex Abrugbanya, juratus Synod[illegible] non unitae ex Transylvania.

[1]) Эти окружныя посланія приложены къ донесеніямъ разныхъ лицъ [illegible] латинскомъ переводѣ. Румынскіе оригиналы нѣкоторыхъ хранятся въ архи[illegible] гр. Карольи. Мы сочли болѣе удобнымъ соединить ихъ всѣ въ особую груп[illegible]

c) 3-го марта.

Venerandi et fideles Christiani, filii spirituales Ecclesiae Orientalis, in Hungaria manentes, singulariter in comitatu Szatmariensi, cujuscunque nationis Rascianae, Valachicae et Ruthenicae!

Praesentibus vobis significamus cujuscunque demum pagi incolis, quod, postquam privilegium, datum ab Imperatoribus, in Domino quiescentibus, nempe a Clementissimo Imperatore Romanorum Leopoldo, Josepho, item a Carolo etiam Romanorum Imperatoribus (fuerat), et etiam nunc a felici gubernio Clementissimae Dominae et Matris Nostrae Mariae Theresiae confirmata et data est nobis potestas servandi fidem et presbyteros, quos voluerimus, unitos vel non unitos, et ne contemnant uniti non unitos, neque non uniti unitos. Idcirco significamus vobis, quod, quicunque voluerit fieri non unitus, veniat ad nos ad Kornyi in comitatu Szolnokiensi. Dabimus et ostendemus vobis decreta Imperatoria et ordinabimus, quid cuique tenendum sit. Et singulus pagus ferat decem marianos pro parte metropolitae. Et qui voluerit servare fidem veram Ecclesiae Orientalis, ex omni pago veniant septem homines fideles. Currentales hae promoveantur de pago in pagum, atque judices pagani eas mittendas habeant de judice ad judicem. Verum si quis praesumpserit currentales istas impedire vel intercipere, prohibeatur et mulctetur poena 500 florenorum et amissione capitis.

Anno 1761. L. S. Datum in Csöge 3 Martii.

Popa Sophronius m. p. et popa Georgius, vicarius et juratus Sacrae et Magnae Congregationis Carloviciensis m. p.

Congregatio erit in Kornyi 15-a Martii. Haec charta vero non detur ad manus poparum unitorum.

На оборотѣ:

Via praesentium: (названія 14 деревень. Въ концѣ): Dentur ad manus honorandi Hajdonicalis Plateae Hadnagyonis. Et si est vobis voluntas servandi fidem Graecam, inscribatis vos apud nosce venire ad Kornyi in comitatu Szolnokiensi et feratis vobiscum etiam currentales sub poena suprascripta.

Verum et charta haec celeriter ambulet, et, si quis inveniretur, qui eam impediret, sit condemnandus ad poenam suprascriptam.

d) 4-го марта.

Такого же содержанія, какъ ниже *h*.

Конецъ: Szobor sive congregatio erit 15 Martii.

1761 Martii 4 die. L. S. Popa Sopffronius, generalis vicarius et juratus S. Congregationis Karlovicensis.

На оборотѣ:

Via praesentium (слѣдуютъ названія 28 мѣстностей, м. пр.: Béltek, Lugos, Endréd, Böszörmény, Dorog, Pócs и др.).

Далѣе подписка: Nos Dengel(eg)ienses spondemus accedere et manere penes veram Graecam fidem usque ad mortem per hanc nostram subscriptionem. + + (Такія подписки дали еще: Endredienses, Reszegienses, pagus Szaniszló, pagus Terem, Vezendienses, Portelekienses, Irinienses).

e) 15-го марта.

Copia schediasmatis, in Maramatiam missi.

Содержаніе такое же, какъ въ *c* (см. выше).

Подписано: Popa Sophronius, vicarius, et popa Georgius, socius, jurati S. Congregationis Karloviczensis.

f) 1-го апрѣля.

Honorandi verique Christiani comitatus Szatthmariensis!

Ecce postremo praecipitur vobis, quod, si venerunt ad vos currentales, et vos ad veram Graecorum fidem transire nondum potuistis, hisce significo vobis, ut veniatis ad Gerdány neque abhinc emaneatis. m. p. (Слѣдуютъ названія 18 мѣстностей) litera vadat die noctuque, et pro quinta Aprilis venietis Gerdány, ad Gerdány. m. p.

Prima Aprilis 1761. Popa Sophronius, vicarius Abrudino, juratus S. Congregationis Carloviczensis.

g) 3-го апрѣля.

Benevalete pagenses et nobiles honorandi ex Piklise!

Habentes etiam nos mandatum, quatenus ex mandato superiorum possimus directionem etiam nos facere in negotiis necessariis pagorum non unitorum, quale negotium etiam hic repertum est, utpote: parochiae investigantes nos et videntes veritatem Fraternitatis suae patris Onissie, quam attulit a Metropolita Karloviczensi, et jam a nobis datur indultum, quatenus eum agnoscat pagus parochum — — et pagus collocet in parochia intra octo dies, sub mulcta Magnae Synodi 60 fl. — —

Scriptum in Piklise a. 1761, die 3 Aprilis.

Georgius Pap ex Rece-Kristor (Kristyór?).

P. S. Valde bene perpendite, ne intret ille presbyter unitus ad parochiam, quia sine illa eritis.

h) 5-го апрѣля.

Honorandi verique Christiani in comitatu Szatthmariensi!

Gratias agamus Matri Nostrae et Reginae Mariae Theresiae, quod dignata sit Clementiam Suam nobis ostendere et facultatem liberamque voluntatem concedere, ut teneamus veram Graecorum fidem illam avorum proavorumque nostrorum et ut servemus sacerdotes, quos voluerimus, unitos, vel non unitos; et uniti sacerdotes ne persequantur non unitos, neque non uniti unitos. Et domus ac haereditates, quas procuraverunt uniti suis pecuniis, ipsorum sint, sed quas pagus procuravit, paganorum sint cum omnibus, quae ecclesiarum sunt, et pagus dabit, cui voluerit; et sciatis, quod quemadmodum concessum vobis est tenere novam fidem, ita quoque vobis datus est verus episcopus. Quod si quis vero praesumeret currentales has nostras impedire, ne cogitet sub amissione capitis, sive dominus, sive nobilis, sive alius homo, seu officialis. Cui placuerit Unio, sedeat domi; cui vero placuerit vera fides, veniat ad pagum, vocitatum Gerdány, hoc mense; et ferat omnis pagus decem marjanos, cantor vero tres marjanos.

Maria Theresia.

Popa Georgius Abrudino 5 Aprilis, videlicet die Jovis.

L. S.

Popa Sophronius, Vicarius, Hieromonarcha (!), juratus S. Congregationis Carloviczianae m. p.

Litera vadat celeriter et die et nocte multum velociter, et ne detis ad manus poparum unitorum. m. p. Litera sub mulcta 800 fl. ambulet et die et nocte, nam ideo constituerunt inquisitores, ut vos clementent.

i) Вѣроятно, въ началѣ мая.

Содержаніе сходно съ *c*. Въ концѣ: Cantores simul cum pagensibus venient, clavem accipientes a parocho ad — — locum Velen seu Patak 10 Maji — —. Sophronius Pop, juratus Carloviczensis.

Titulus. Hae beatae litterae tradantur pago Budfalva. (*A. K.*)

k) Безъ даты.

Charissime in Christo frater!

Rogo Fraternitatem Vestram, mittas hominem cum hac commissione in Máramaros: data est enim commissio a Gubernio, ut, quos

invenient, faciant papistas. Tu amplius non frequentes ecclesiam hominibusque dicas, ne pergant ad ecclesiam. Qua hora acceperis litteras, transmittas et ne tradas eas ad manus papistarum.

1761 г.

5) Intimatum Gubernii Transylvanici 7-го января.

Ad quendam N. N., ut, gentis Valachicae errores et quasi tumultus sciscitatus, silentio praetereat, quasi nec sciret illos, donec formali Commissione mediante reprimerentur, ne in majus malum gens incauta prorumpat. (*А. К.*)

6) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, графу Антонію Карольи 16-го января.

(Узнавъ изъ Вашего письма отъ 6-го января с. г. объ отступленіи отъ уніи въ Király-Darócz, сожалѣю, что не могу лично отправиться туда и въ окрестныя села). Ut provectae meae aetatis ratio, ita brumale hocce tempus et, quod maximum est, viarum asperitas et in Tybisco praepeditus transitus minus admittit vota mea personaliter promovere. — — Affutura septimana exmittam meum generalem vicarium ad I. comitatum Szatmariensem — —. (*А. К.*)

7) Antonius Károlyi, Supremus Comes comitatus Szathmariensis, Consilio Locumtenentiali 29 марта. — — Primo mox intuitu aegre sane perspexi Valachorum quorundam presbyterorum molimina, hactenus in Transylvania vicinisque mediocris Szolnok et Kraszna comitatibus satis aperte sese ex(s)erentia, non in fines modo ejusdem (Szatmariensis), sed jam in medium ipsum comitatum provehi.

Turbarum istarum authores, qui metropolitae Carloviciensis authoritate omnia se agere videri cupiunt, ipsi quidem huncce in comitatum ex Transylvania nulli transierunt, literae tamen currentales clam sunt ab illis missae ad ejusdem comitatus hujus pagos et oppida, in quibus Valachi Ruthenive degunt. (Передаетъ содержаніе currentalium.) Quae literae, ut insciis comitatus hujus magistratibus— —in comitatum huncce perlatae sint, statim solertia et dexteritate ordinarii vice-comitis ac consiliarii— —Pauli Jólnay in primo pago sunt interceptae. — —

Effluxerunt magno numero anni, ex quo tam Valachicae, quam Ruthenae nationis plebs rustica, hocce in comitatu degens, pi-

episcoporum Munkacsiensium sollicitudine ad Unionem cum S. Romana Ecclesia est revocata, a parochis, eandem Unionem professis ac in Catholicorum scholis plerumque eruditis, edocta morum ac fidei disciplinam. Cujus instituti fructus passim in plebis ejusdem moribus, a summa illa pristina feritate ac ruditate jam jam remotis, quasi oculis cerni possint. Nunc impendit periculum, ne inquietorum hominum calliditate, scriptis et sermonibus, in vulgus sua novitate sat gratis, in veterem errorem ac feritatem non sine publicae tranquilitatis convulsione praecipites delabantur.

Caesarum privilegia, quae jactitant, schismaticis ac eo tempore tumultuantibus Rascianis data fuisse constat. Tantum vero Suae S. C. et Ap. R. Majestatis indultu Valachicae et Ruthenicae nationi concessum fuisse, quantum isti prae se ferunt, nobis nullo modo persuadere possumus. Quam ob rem curam, studium ac vigilantiam omnem ipse ac comitatus hujus magistratus impendimus, ut malum isthoc arceatur, estque nobis omnino constitutum flammam, priusque erumpat, opprimere. (Проситъ инструкцій).

Neque enim ausim celare Excelsum Consilium: nuncia fama ejusmodi hucce ex Transylvania adferuntur, quae solicitudinem excitant, animo repetenti plebem Ruthenam et Valachicam vel in hoc comitatu Hungaris, sed et illis, Helveticae confessioni addictis, ac aliquot per pagos sparsis Svaevorum coloniis numero longe superiorem. Etsi illud videor mihi animadvertere plebem hujatem magistratuum comitatensium ac dominorum terrestrium (reverentia) praecipue retineri, ne, pronis studiis novitatem ista secuta, tranquillo rerum statui contraria attentare audeat.

8) Тоже—2 апрѣля.

(Захвачены еще currentales) — —. Plane video comitatum hunc exiguum proficere invigilando, interdicendo, hortando et minitando: adeo plebis istius animi subito sunt infecti novitatis errore. In quatuor jam locis comitatus hujus plebs deposito unito suo parocho templum occlusit, claves ipsa custodit contemptis etiam magistratuum comitatensium mandatis. Quocunque advolutae hae currentales clancularie penetrare potuerunt, ubique loci communitas se adhaesuram pristinae Graecorum religioni, ut ipsi vocitant, scriptione sua stipulata est, quemadmodum ex acclusis perspicere dignabitur Excelsum Consilium. Firmissime enim sibi persuasum habent haec omnia privilegiorum Suae Majestatis ac Piae Memoriae Caesarum authoritate facere posse. Quin — — sermonibus inter se jactitant, nescio quorum exterorum regum ac principum authoritatem fideique, ad quam ab Unione vocantur, antiquitatem; ita his ad speciem effrenis adeo sunt infecti animi, ut vix in contrarium flecti possint.

Quamvis vero nunc quidem solum veterem Graecorum, ut dicunt, fidem prae se ferre videantur, conjicitur tamen ex plebis sermonibus, nescio quam populi orientalis libertatem commemorantis, decimarum et tributi immunitatem sub hoc fortasse pallio quaeri. Plura in dies singulos audentibus discrimen impendet, ne tandem et magistratuum et dominorum terrestrium, qua nonnihil retineri videntur, excussa reverentia, frequens natio pristinum sacrorum suorum et ne fors etiam conditionis suae statum invertat neve ingruente multitudine nostra subsistentia efficiatur difficilis quantumque contributionale periclitetur, ne, denique, facilioribus successibus ausuum suorum tumida, aegre in officio contineatur, verendum esset.

Spargunt turbarum auctores hic locorum rumorem venturos sese in conspectum meum ac in ipso comitatus hujus gremio habituros conventiculum; serione et ex animo, an vero confirmandae tantummodo plebis gratia ista dictitent—incertum.

9) Comitatus Szathmariensis Consilio Locumtenentiali 4 апрѣля.

(Доноситъ объ) in oppido — — Nagy - Károly celebrata congregatione. — — Valachos — — ad praefatos impostores extra gremium comitatus hujus congregari, impositas pecuniae collectas, licet alias admodum pauperes, ultro benevole praestare et tam ibi, quam domi passim conventiculari, exmissis eatenus officialibus comitatensibus insolentius ac animosius responsare, imo contra severius obsistere volentes etiam tumultuario campanarum pulsu necem et varia quoque minitari, presbyteros unitos contra tenorem etiam praeattactarum currentalium suarum e domibus parochialibus ejicere, templa occludere, in Unione perseverare volentes compulsivis etiam mediis suas in partes trahere ac taliter ejusmodi turbis, conventiculationibus et consultationibus tempus atterendo, sese et opera ruralia, cum detrimento etiam boni publici ac solutionis quanti, negligere — —.(Ссылаясь на грамоты государей, доказываютъ) suos assecias, tutos et securos, nihil et nullos unquam timere oportere. (По этимъ, де, грамотамъ православные будутъ свободны отъ крѣпостной зависимости, отъ податей и т. п. Стóлица проситъ инструкцій).

10) Popa Matthaeus, vicearchidiaconus Busakiensis, Butyano, vicearchidiacono Bikasiensi, 4 апрѣля.

Venerandi presbyteri et coadjutores S. Congregationis S. Metropoliae Carloviciensis, in Gerdán convocatae!

Ego ideo inclinatus ad deponendam Unionem, a qua jam etiam recessi, coram Sanctitate Vestra, pater Butyan,— —vice-archidiacone in congregatione Bikasiensi, simul cum tota congregatione mea, accipiendo commissionem a Sanctitate Tua servandi meam obligatio-

nem sacerdotalem et officii et archidiaconatus, quemadmodum mihi datum fuerat a prioribus superioribus, ideo, ecce, facio vobis notitiam, quid comitatus Szatmariensis loquatur, uniti et non uniti presbyteri et cantores, domini et studiosi latini, quod, ut primum vos aquisiverint in comitatu nostro, alios dabunt ad militiam, alios conjicient in carceres, quoniam sitis homines falsi, et ambulatis tantum decipere homines, et non audetis venire ad comitatum. Nam ecce ego eram Szatmarini die Martis, et dicebant domini, quod metropolita se his de rebus nostris nihil scire asserat, et quod totum regnum a nobis rursum recesserit, et etiam popa Lipoviensis quod sit unitus. Neque ego vos veros invenio, quare datis pagum unum tribus quatuorve presbyteris et facitis in congregatione vestra lites; cantores ponitis, quorum aptitudinem (? конечно, пропускъ), vicearchidiaconatus datis cuicunque, etiamsi omnibus, qui sunt in regno, dummodo pro pecunia petant — —.

Datum in Busak. (*А. К.*)

11) Consilium Locumtenentiale графу А. Карольи 6 апрѣля.

(Пусть Карольи поступаетъ по своему усмотрѣнію и обо всемъ происходящемъ доноситъ).

12) Consilium Locumtenentiale Императрицѣ того же числа.

(Докладываетъ о содержаніи донесеній графа Карольи).

13) Comes Pálffy Императрицѣ 7 и 10 апрѣля.

Доклады: circa observandos in Hungaria tumultuantium Valachorum emissarios; item circa custodiendos passus versus Transylvaniam. (Упоминаются:) die bekannten emissarii Sophronius et Georgius.

14) Consilium Locumtenentiale Supremis Comitibus comitatuum Scepus, Békés, Csongrád, Csanád, Zemplén, Abauj, Sáros 13 апрѣля.

(Въ виду возникшихъ волненій не допускать въ предѣлы стóлицъ агитаторовъ и слѣдить, чтобы безъ паспортовъ никто не приходилъ изъ Трансильваніи и не отправлялся туда. На стóлицы Szatmár, Arad, Bihar, Máramaros, возлагается обязанность стеречь проходы въ Трансильванію).

15) Consilium Locumtenentiale Императрицѣ того же числа.

(Такія же (какъ въ № 14) предписанія слѣдуетъ послать въ стóлицы Szabolcs, Pest, Heves, Torna).— —Quoniam porro omne malum ibi, unde suum coepit ortum ac unde suam sperat manutentionem, convenientissime et efficacissime mederi potest, certum autem esset, quod universus Graeci ritus non unitorum clerus in Hungaria,

imo ipsa natio signanter in spiritualibus absolutam omnique ex parte nutui et voluntati ejusdem coadunatam dependentiam a metropolita suo habeat, illeque in omnibus nationem hanc dirigat, foveat et, quantum potest, protegat, sed et ex ipsis interceptis circularibus non obscure pateat pro ipso collectas desiderari; hinc e re fore — — existimat Consilium hoc R. Locumtenentiale ipsummet metropolitam super iis, quae hactenus prodierunt, serio et districtim constituendum eidemque severissime injungendum esse, quatenus ille universum Graeci ritus non unitorum clerum in regno Hungariae, sibi subordinatum, debite exerceat et intra limites suos contineat; eidem sub gravissima poena et vitae quoque amissione omne commercium et correspondentiam cum nonnullis in Transylvania turbulentis ejusdem nationis et fidei asseclis inhibeat strictissimeque prohibeat, ut nemo eorundem exinde, nefors, transmittendas circulares aut comitatorias literas suscipere, minus promulgare (audeat); imo potius, si quid talis ad notitiam eorundem quaqua ratione devenerit, illud immediate loci judici consignet— —. Disponat praeterea apud eundem clerum hic metropolita, ne idem quoquo demum sub praetextu ad seductionem et avocationem populi uniti semet immittat, minus autem ecclesias, parochias aut scholas occupare aut violenter invadere attentet, aut per populum attentari admittat, taliterque gravissimis poenis, imo et privilegiorum amissionis periculo nationem exponere praesumat.

16) Consilium Locumtenentiale Мукачевскому епископу 13 апрѣля.

(Извѣщаетъ его о происшедшемъ).

17) Franciscus, episcopus Agriensis, comes Barkóczy, comiti Károlyi 17 апрѣля.

(Я уже писалъ Мукачевскому епископу о необходимости принять должныя мѣры; м. пр.): ut plebs sub iisdem presbyteris, quibus hucusque paruit—si tamen suspecti non sunt—ad audiendum Verbum Dei et lyturgiam Dominicis festisque diebus convenire teneatur. Quod edictum, praesertim quoad duo prima puncta (не посѣщать conventicula, не выходить изъ предѣловъ столицъ безъ паспорта), ne in contemptum abeat, opus est et poenarum rigidarum comminatione et nervo, parato ad compescendos contumaces. Qui nervus, si ex 300 aut 400 fidorum capitibus contrahatur, puto, par erit negotio conficiendo, certe, in uno alterove debiliore loco utiliter inchoando. Quod si in principio factum fuisset, uti jure fieri potuisset, non dubito, metus, repente incussus, plebem in officio fors non difficile continuisset. Magnos tumultuantibus animos addit, si notant se timeri ab his, a quibus compesci deberent.— — *(А. К.)*

18) Archidiaconus Gabriel ex Csög 19 апрѣля.

(Священники, дьячки и представители селъ должны собраться

въ) Király-Darócz die Jovis post Pascha 9(?) Aprilis. (Писано) ex mandato— —episcopi Samuelis Rakovicki. *(А. К.)*

19) Графъ А. Карольи Императрицѣ 23 апрѣля. (Доложено графомъ Пальфи 2 мая).

(Во исполненіе полученнаго 10 апрѣля повелѣнія Императрицы о принятіи мѣръ противъ мятежныхъ замысловъ Валаховъ) me procurasse, ut loca, Transylvaniae contermina, quaeve abinde venientes — — praeterire nequeunt, utpote (слѣдуетъ ихъ перечисленіе), comitatus militibus studiose custodiantur, ne quis, nisi passualibus magistratuum litteris instructus, per ea transire possit in Transylvaniam indeque venire.

(Надъ войскомъ наблюдаютъ 6 комиссаровъ), qui loca ista continuo obeant plebisque actis et factis curiosius invigilent. (Войскамъ объявлено, что эти мѣры приняты въ виду чумы въ Молдавіи). Judices praeterea nobilium ac eorum substituti adjunctique jurati assessores plebem a conventiculis habendis prohibitam arce(a)nt——. Ad impedienda porro plebis conventicula multum expedire videtur, si publicis laboribus, ut sunt viarum, aggerum (и т. п.) structurae, (будетъ занятъ народъ).

(При семъ прилагаются недавно захваченныя столичными властями) currentales poparum Vallachorum litterae, quas hic in originali valachico— —submitto— —una cum versione latina [1]) — —.

20) Графъ Карольи Consilio Locumtenentiali 26 апрѣля.

(Обращался чрезъ R. Transylvaniae Gubernium къ столицѣ mediocris Szolnok и къ дистрикту Kovár), ne ibidem commorantes Valachos popas ac studiosos hucce in Hungarium transgredi permittant— —.(Прилагаются захваченныя новыя currentales)— —. Sed et istis interceptis mox aliae sunt subsecutae, (которыя также перехвачены властями).

21) Scepusiensis comitatus Consilio Locumtenentiali 29 апрѣля.

(Во исполненіе предписанія будемъ стараться), ut malignis istius modi erronibus plebemque hujatem Ruthenam ad schisma impium nefors sollicitare nitentibus eorundem emissariis adeoque seditiosis etiam illis currentalibus omnem isthuc aditum penitus praecluderemus. Igitur, praeter communes in singulis oppidis atque pagis eatenus ordinatas vigilias, nostros quoque hajdones in excubiis illico collocavimus ad undecim omnino passus, qui partim Transylvaniam respiciunt, partim e regno Poloniarum aditum ad nos prae-

---

[1]) Въ дѣлѣ ихъ, однако, не оказалось.

bent, ne quo pacto tumultuarii illi desperato per regnum transitu per confinia vicinae Poloniae aditum sibi inveniant et publico noxiam cum unito hactenus Graeci ritus populo communicationem (установятъ)— —.

22) Adamus, episcopus Magno-Varadiensis, baro Patachich, Consilio Locumtenentiali 29 апрѣля.

(Доноситъ о принятыхъ имъ во исполненіе приказанія Consilii отъ 13 сего апрѣля мѣрахъ предосторожности, какъ-то: постановкѣ карауловъ, требованіи паспортовъ). Omnes hae dispositiones sub praetextu comprimendae incendiariorum furumque et latronum, hinc inde grassari incipientium, temeritatis factae sunt.— —

Sub finem— —mensis Martii in districtu Bellényes interceptum esse per officiales meos quendam Franciscum Koszta, aliter Görögh, ex oppido Kőrösbánya, comitatui Zarandiensi ingremiato,— —natione Valachum schismaticum, qui— —diversos graves eosque seditiosos in Transylvania patravit excessus.— —

Intercepti pariter detinentur duo Rutheni uniti episcopi Munkacsiensis, qui cum passualibus commendantis Husztensis ad episcopos schismaticos, Aradiensem videlicet aut in Bukarest— —, pro suscipiendis ordinibus proficisci intendebant.

Comparuit ad oppidum Velencze, Varadino contiguum, inque domo episcopi Aradiensis condescendit quidam monachus schismaticus ex monte Sinaj Ioannicius protosingel cum suo — — clerico — — eleemosynam secum in Turciam deferendam conquisiturus — —. (Онъ), neque — — hactenus detentus fuerit, sed neque modo detineri potuerit, nam mox, ut judex nobilium eundem accessit, populus schismaticus praefati oppidi ad ejusdem hospitium congregari coepit ita, ut finito ejusdem examine vix dein propter — — clamores et inconditas vociferationes clerici examen finire potuerit.

Къ донесенію приложены:

а) Выдержки изъ письма Francisci Kelemen, judicis nobilium et insimul notarii comitatus Zarandiensis, 6 марта.

De Francisco Görög Körösbanyiensi. — — Posteaquam anno praeterito — — aliquis popa Valachicus non unitus hic existentem populum unitum pervertere et ad schisma inducere intentionatus fuisset,— —sibi etiam banderium procuravit, et quo banderio dictus Fr. Görög, titulo et officio capitanei functus, sibi subjectos homines rexit et commendirizavit, ad vicos et pagos excurrendo, iisque ubique praetereundo et ubicumque pagum aliquem transiverant, in quolibet pago unum marianum pro singulo viro et qualibet die desumpsit.— —

b) **Изъ протокола допроса Косты in oppido Belényes 23 марта.**

An noscas Soffronium kalugyerum?

Diabolus n scit, ego non nosco.

Ex unitis presbyteris, quos — — suspendisti et quantum ex illis extorsisti?

Non sum ille.

c) **Изъ протокола допроса Ruthenorum — тамъ же, того же числа.**

1) Andreas Lechki, 30 annorum Ruthenus, uxoratus, ex possessione Szeklencz, comitatui Maramarosiensi adjacente, unitus.

2) Georgius Illyes, 23 annorum Ruthenus (оттуда же).

Quorsum et qua de causa domo movisti?

1 и 2) Nos voluimus nos ordinari curare per episcopum pro sacerdotio, ideo movimus Aradinum et, si ibi non possemus beari, intendimus ad Bukarest, in majorem nempe Valachiam.

Почему не обратились къ еп. Мукачевскому?

1) Ideo non accessimus d. episcopum Munkacsiensem, siquidem ibidem diu nos morari oportuisset. 2) — — Anno praeterito fui Munkacsini, ibi frequentavi scholas et petii ordines, (но не получилъ), quia noster d. dioecesanus non vult ordinare, nisi discas per tres, quatuor annos, quae necessaria sunt.

(Почему онъ такъ долго не посвящаетъ?)

1) Ideo diu detinere solet, quoniam catechismum et alia necessaria pro sacerdotio nobis proponit et instrui curat et, antequam necessaria pro sacerdotio addiscamus, neminem ordinare vult, ita quod et per annum et ultra discere oporteat.

Ergo Aradiensis, ita et Bukarestiensis episcopus sine praevio examine ordinare solet?

1) Ita est, prouti audivi ab aliis, non multum interrogat, sed breviter examinando, ordinat. 2) Non desiderat aliud, tantummodo scias legere et confessiones audire, statim ordinat.

Unde hoc scis (т. е. что предъявляетъ такія малыя требованія)?

2) Sunt multi apud nos tales popae, qui anno praeterito et hocce semet Aradini ordinari curarunt—illi nobis retulerunt.

Qui sunt illi popae?

2) Ex nostro pago Szeklencz est Alexa popa, Jacobus popa, Georgius Novosinszki; praeterea popa Nyagoviensis, Plankoviensis (?), Iszkaviensis. Imsadiensis, qui, qualiter vocantur, non scio; praeter hos sunt quam plurimi, quorum nomenclaturam, neque unde et ubi sint, scire possum.

Quid denotant duplices litterae, Ruthenica lingua exaratae?

1) Sunt recomendatoriae, una a possessione Szeklencz, alia a possessione Komjathi, quatenus pro sacerdotio ordinaremur.

Si vos episcopus Aradiensis vel Bukarestiensis ordinasset, velut non uniti, quo redivissetis?

Nos non scimus Aradiensem, ita et Bukarestiensem episcopos, suntne uniti, necne. Suffecisset nos semet esse ordinatos; susceptis ordinibus domum redivissemus.

23) Csongradiensis comitatus Consilio Locumtenentiali 2-го мая.

(Примемъ нужныя мѣры, хотя у насъ, кромѣ Сегедина) pauci admodum dentur ejusmodi confessionis homines. — — Non alias facilius, quam per schismaticos superintendentes seu vladicas — — malum hocce posse sopiri.

24) Графъ Карольи Consilio Locumtenentiali 3-го мая.

— — Aprilis die 30 in oppido Király-Darócz — — captos esse — — duos poparum Valachorum — — ex comitatu mediocris Szolnok emissarios. — — (Изъ допроса обнаружилось) dictos popas constituisse eodem die in oppido praemisso conventiculum — — habere, duce et auctore Gabriele quodam Pap, vulgo Popa Gavrilla — —, quem motuum istorum initio seductores studiosi Csögiensem — — archipresbyterum priore in S. Unione permanente deposito constituerunt. — —

Ecclesiae, quarum claves ex manibus unitorum sacerdotum per desciscentem plebem erreptas ipsosque unitos sacerdotes ab officio interdictos antea humillime repraesentaveram, adhuc in eodem statu permanent. — —

25) Supremus Comes Zempliniensis comitatus (Ladislaus Szirmay?) Consilio Locumtenentiali 4-го мая.

(Должныя мѣры для предупрежденія волненій приняты). Quia vero partes aliquae ad Poloniam, nimirum comitatus Maramarosiensis, in quo et uniti et non uniti Graeci ritus homines reperiuntur, superior porro pars comitatuum Ugocsensis, Bereghiensis, Ungensis, Zempliniensis et Sarossiensis, in quibus meri uniti Rutheni degunt, ita sitae sunt, ut communicationem incolarum seu intra se, seu cum Polonis conterminis, aeque Graeci ritus unitis, Tybisci etiam sollicita observatio praepedire minus posset, nisi ratio diversum suadeat, quantum necesse foret. Mutua etiam magistratualium et cleri Latini ritus cum cointelligentia, episcopum Graeci ritus unitorum, in oppido Munkács — — residentem, plurimum conferre posse arbitror et apud populum unitum, quo nimirum hi in S. Unione persistant.

26) Bekessiensis comitatus Consilio Locumtenentiali 4-го мая.

(Будемъ наблюдать за настроеніемъ народа, хотя у насъ нѣтъ уніатовъ, кромѣ небольшого числа Валаховъ въ Ker(ek)egyháza и Gyula).

27) Emericus Sztáray, Supremus Comes comitatus Ungvariensis, Consilio Locumtenentiali 6-го мая.

(Уже ранѣе сдѣлалъ нужныя распоряженія, получивъ увѣдомленіе отъ Ягерскаго епископа. Предлагаю слѣдующія мѣры): a) Episcopus Munkacsiensis — — praemittat Basilitas conventuales suos ad populum unitum. — — b) (Лично) visitationem generalem instituat; — — in oculis Ruthenicae gentis plus consistere in praesentia praesulis sui apostolici, quam in armata manu etiam 10.000 virorum; hos scilicet violentos reputant, illos vero venerantur et audiunt pastores doctrinae suae, quod experientia teste habeo. c) Medium videtur esse violentum — —, ut per S. Majestatem cum consensu statuum regni resolveretur triplex quantum portionale in universos, a fide deficientes, cum id e diametro promissioni popae Sophronii contrarium esset. — — d) — — Ut deficientes ab Unione pari ratione, ut apostatae, per magistratus citentur, arestentur et condemnentur.

Caeterum in comitatu meo, Deo laudes, hactenus adhuc tranquillitas omnis viget; vestigia, fateor, tamen terrent, quia major pars subditalis populi in comitatu meo de Ung ex Ruthenis constat — —.

28) Gabriel Pécsy, administrator Saarosiensis comitatus, Consilio Locumtenentiali 8-го мая.

— — Cum — — in comitatu isto contagio perversi Valachici moliminis potissimum in parte, — — regno Poloniae vicina, districtu quippe Makovicza, ex uniti ritus populo Ruteno constante, unice metuenda esset, curam et vigilantiam dominii officialibus — — credidi — —.

29) Графъ Карольи Consilio Locumtenentiali 11-го мая.

— — Quod porro ad internum statum Vallachicae plebis hocce in comitatu adtinet, — — multi jam minus sunt in novitatem proni. Quin pagi Dób incolae ultro finibus suis ejecerunt popam suum, qui et ipse, schismaticus factus, eosdem perverterat, repetitis quoque ab eodem decem illis marianis, quos ipso auctore erronibus istis studiosis dederant, simulque semet obstrinxerunt velle se ab unito episcopo Munkács. dandum — — alium presbyterum accipere. Pagi quoque Szent-Miklós, Terebes, Madarász et Kis Majtény, quorum 3 priores ademptis a suis presbyteris sive popis unitis templorum clavibus non jam a prefato unito — — episcopo, sed a Sophronii emissariis, vagis illis studiosis schismaticis, alios popas petierant— —, horum igitur pagorum communitates — — claves iisdem prioribus suis unitis popis restituerunt, comitatus gratiae sese commendantes. — — Ut adeo non vana spes sit, si vel paulo rigor ex parte comitatus intenderetur, reliquos quoque pagos, adhuc pervicaces et nimium rebus suis fidentes, ad frugem redituros, quorum unius Dengeleg incolae sub hisce pro-

ximis diebus templi clavibus popae suo unito ademptis turmatim templum custodiunt. Sed et istis aliquid spatii dandum censui, quo deferventibus primis motibus vel aliorum, fortasse, exemplo sponte ad officium redirent vel facilius se eodem reduci paterentur. Perniciosus autem plerisque istorum hominum inhaeret error, quem sunt a suis seductoribus edocti, — — quod, scilicet, nec comitatus, nec terrestres domini ipsis resistere ausint; quem nisi deposuerint, dubiae semper et ambiguae fidei promissa illorum fore videntur, nec satis firma in resipiscendo constantia.

Peracta multiplicia benevola examina tot sane eidem negotio implicitos fuisse ostendunt, ut vix praefecturae militari, prout tenore altefati Benigni Rescripti jubeor, ob multitudinem tradi possint.

30) Emericus Barkóczy, Supremus Comes comitatus Maramarosiensis, графу Карольи 13-го мая.

Certi cujusdam schediasmatis, per Graeci ritus archipresbyterum Bikczadiensem, cognomento Tatár, ex comitatu Szatmariensi in Marmatiam ad unitorum vicarium promoti, copiam hicce adnecto, ex qua eundem archipresbyterum impostoris Sophronii fautorem esse et mutuam cum eo cointelligentiam fovere colliget Illustritas Vestra. — —. (*A. K.*)

31) Онъ же Consilio Locumtenentiali 13-го мая.

— — Graeci ritus archipresbyter, cognomento Tatár, in possessione Bikszard (!—Bikszád) comitatus Szatmariensis eidem (ordinario vice-comiti) certam schartetam, Valachico idiomate confectam, tradidit, d. vicario Maramarosiensi unito deferendam, cujus in latino versionem — — hic — — accludo. Ex qua id eruere licet: non solum illas partes comitatus Szathmariensis, ad quas currentales literae — — popae Sophronii delatae sunt, ejusdem seditionibus infectas esse, verum etiam majorem partem Valachorum et Ruthenorum idem velle et intelligere mutuasque correspondentias cum seductoribus habere luculenter dinoscitur — —.

Quod in comitatu, curae meae concredito, nobiles Valachos inter et Ruthenos plebemque ejusdem ritus quies ac tranquillitas regnet, nulli alteri, quam Divinae adscribo Providentiae. Comitatus enim hujus tam nobiles, quam populus — si in quinque oppidis degentes Hungaros excipiam—omnes Valachi aut Rutheni sunt. Quomodo ipsis passum in Transylvaniam praecludam? aut quomodo ipsos a comitatu Szathmariensi arcebo? Hinc major pars comitatus panem ac ad victum necessaria procurat, illinc unus integer processus vitam alimentis sustentat. Aut quid proderit Valachos sive vigilias tenere, sive in passibus comissarios esse? Scilicet lupus lupum custodiet? Aut quomodo in silentio negotia tractabuntur, cum— —Consilii Regii Locumtenentialis literae publice in comitatu leguntur? Nobilitatis autem major pars aut Valachica aut Ruthenica est — —.

Schismaticorum episcopos, ut Rascianos, Valachos, Ruthenos unitos ad schisma seducant, non zelum religionis, sed pure quaestum pro motivo habere manifestum est, ut nimirum eo et splendidius vivere et Viennae plus expendere valeant. Etenim quam ingentes extorsiones in populo subjectoque clero faciant, norunt ii, qui intra illos versantur. Etsi enim uniti schisma amplectantur, num per hoc meliores fient? Clerus et populus ipsorum rudimenta fidei ignorant, taceo, (ut) de Unione vel contra Unionem dissere(re) queant. Unde evenerunt tot furta, latrocinia, bestialitates, bigamiae, incestus? Hi namque, dummodo ipsis solvatur, omnes absolvunt. Quot matrimonia adhucdum reperiuntur in comitatu Maramarosiensi per schismaticos episcopos divortiata sine ulla alia causa, quam quod bene soluti sint? Num ad presbyteratum promovent homines literatos? Minime: sit ille ignorantissimus et sacerdotio indignus, modo aliquid legere sciat solvendoque capax sit, habet rem obtentam. Tolerandum adhuc esset, si penes religionem Orientalem solummodo permanerent, ast ille tantum praetextus est. Metuendum est, ne, magistratui et dominis terrestribus inobedientes, deterius quid moliri audeant. Populus Graeci ritus in Hungaria septuaginta (! septingenta?) millia hominum excedit; multa hinc mala oriri possunt. Procul omni dubio tumultus hic nequaquam extingueretur facilius, quam si militia regularis in iisdem locis, ubi gens illa sedes suas fixit, illocaretur; verum, quia id in his temporum circumstantiis vix fieri poterit, adlaborandum esset, ut seductores illi emissarii, ipsorum fautores, interciperentur ac pro exemplo promeritis poenis afficerentur.— —Ego in comitatu, curae meae concredito, Valachicae et Ruthenicae genti ad oculos posui non amplius esse negotium religionis, sed publicae pacis tranquillitatisque turbationem; hinc scelus perduellionis incurrerent, qui cum iis tenerent aut saltem mutuam correspondentiam haberent, fautores item non solum in vita, sed etiam in bonis plectendos esse — —.

Multum ad rem faceret et id, si — — Consilium Locumtenentiale d. Graeci ritus unitorum episcopo Munkacsiensi insinuaret, ut idem episcopus vicario suo Maramarosiensi injungeret, ne presbyteris, per schismaticos episcopos ordinatis, in exercendis muniis parochialibus obicem ponat, sed cum iisdem paterne dispenset; ita ab acclusione ecclesiarum propter privata delicta parochos suos arceat et in omnibus populi justis querelis paternum remedium exhibeat.

32) Adolf Buccow, Transylvaniae Commendans Generalis, графу Карольи 14-го мая.

— — Les Wallaches de ce pays, las de passer pour croire l'Union, ‸ que la pluspart disent n'avoir jamais embrassé(e) et ne pas connoitre, se sont portés à des excès, qui approchoient d'une ré-

volte, hors qu'ils ont continué à faire leurs corvées et à payer la contribution. — — (*A. K.*)

33) **Carolus de Perény, Supremus Comes comitatus Ugocsiensis, Consilio Locumtenentiali 17-го мая.**

(Все спокойно:) populus in Unione conservatus extitit. — —

34) **Графъ Карольи Consilio Locumtenentiali 18-го мая.**

(Жители pagi Dengeleg заперли церковь) non ob Unionem, sed ob mores (священника) minus compositos. — — (14-го мая прибылъ ко мнѣ епископъ Мукачевскій) statimque cum Sua Illustrissima Dominatione ad aliquos eorundem pagorum, quos ad officium rediisse repraesentaveram, excurri. (Вездѣ мы встрѣтили повиновеніе. Ольшавскій созываетъ на) congregationem всѣхъ presbyteros, curatores et judices. — —

35) **Franciscus Döczy, Supremus Comes comittatus Zempliniensis, Consilio Locumtenentiali 23-го мая.**

(Все спокойно).

36) **Ioannes Barkóczy, Supremus Comes comitatus Szabolcsiensis, Consilio Locumtenentiali 23-го мая.**

(Все спокойно, и въ Сатмарской столицѣ положеніе дѣлъ улучшается.)

37) **Графъ Карольи Императрицѣ 25 мая.**

Quonam pacto ingrata gentis Vallachicae molimina in hocce — — comitatu Szattmariensi, jam ab aliquo tempore comperta, — — componi et ad tranquillitatem inclinare incipiant, id vero ex superioribus meis — — repraesentationibus — — animadvertere dignata fuerit S. Majestas Vestra. — — Sed et ipse Graeci ritus unitus Munkacsiensis episcopus Manuel Olsawski, post habitam presbyterorum unius in hocce comitatu districtus atque plebis congregationem, uberius omnem pastoralis sui laboris seriem S. Majestatis Vestrae Comiti Cancellario Hungarico-Aulico exposuit. Qui cum pro die 21 decurrentis mensis Maji praelibatam congregationem praefixisset, ipsemet locorum communitatibus, quarum multae, episcopi sui jurisdictionem parvipendentes, vix compariturae praevidebantur, serio per meas litteras injungit, ut seposito omni metu ad praescitam diem suos ablegare deputatos minime intermittant. Qua in re semet dicto audientes exhibuerunt et, ad congregationem confluentes, spoponderunt semet in ea fide, ut hactenus fuerant, sub episcopi hujus Munkacsiensis jurisdictione permansuros, (въ чемъ и дали подписку).

Occasione porro habitae hujus congregationis ipsoque antelato episcopo pagos visitante compertum est plebem Valachicam, etsi ad quietem et tranquilliorem statum jam inclinatam, duplicem spem animis concepisse, fore, scilicet, ut Commissio Regia, componendis omnibus motibus ordinata, qualem superioribus annis in comitatu

Bihariensi simili in negotio fuisse novit et nunc actu in Transylvania haberi nuncia fama intelligit, arbitrio singulorum pagorum et incolarum Vallachorum relinquat, in sacrane velint Unione, an vero extra illam, religionem suam profiteri.

Huic non absimile videtur alterum, quod sperant: venturum, scilicet, Patriarcham Orientalis, ut dicunt, Ecclesiae, a quo novum episcopum sint accepturi.

Quod ad primum adtinet, inter gentem harum partium Vallacham versanti perfacile est praevidere: paucissimos fore, qui data libera optione—velintne esse uniti, an secus—in Unione perseverarent; adeo sunt infascinati (!) animi omnium dispersis per Sophronium et emissarios ejusdem litteris et in vulgus jactatis sermonibus, cum tamen sub— — Majestatis Vestrae— —Gubernio, ex quo comitatus ille magis impopulari et populi Valachici atque Rutheni numerus augeri coepit, semper sub episcopis Munkacsiensibus, S. Unionem professis, plebs ista fuerit, sed et sub presbyterorum unitorum, adeoque moribus et doctrina longe cultiorum, cura ipse populus ille pristinam feritatem nonnihil deponere ac mansuetiores et in publicum multo convenientiores mores assumere coeperit. Ut adeo servandae vel relinquendae S. Unionis libera optio, sed et ejus mediante Commissione obtinendae fiducia, quoad plebem harum partium Vallacham, vel publicis etiam commodis minus expedire videatur, omnes, certe, conatus, quos— —in sopiendis motibus— —hactenus fecissem, irritos redditura.

Intuitu autem alterius opinionis, de adventu, scilicet, Orientalis Ecclesiae Patriarchae et constituendo per eundem novo episcopo, non ambigo antelatum episcopum Munkacsiensem suam— —opinionem ac preces uberius exposuisse Majestatis Vestrae Sacratissimae Comiti Aulae Cancellario, ut Majestas Vestra— —eidem benignum Rescriptum Decreti Visitatorii Confirmatorium Clementer elargiri dignetur, quod certe oportunum foret, ut plebs episcopo, a S. Majestate Vestra jam pridem constituto, promptius obsequeretur; siquidem in moderna visitatione Majestatis Vestrae litteras sibi exhiberi ab eodem episcopo pagi unius incolae petierint. Plurimumque ad quietis diuturnitatem interesse videatur tolli e plebis animo spem, de Patriarchae Orientalis Ecclesiae adventu conceptam. Id vero, quo pacto fieri possit, non video, nisi Benigno Majestatis Vestrae S. Rescripto.

Hesterna die — — episcopus Munkacsiensis Szattmarinum movit, ibidem ex altero comitatus hujus districtu similem presbyterorum ac plebis congregationem habiturus; qua finita de toto comitatus istius intuitu praesciti negotii gentis Vallachicae et Ruthenae statu humillimam meam repraesentationem S. Majestati Vestrae devotissime substernere haud intermittam— —.

38) Графъ Карольи Consilio Locumtenentiali 25 мая.

(Такого же содержанія какъ № 37).

(Если дадутъ свободный выборъ), plane perspicio paucissimos in Unione perseveraturos, sunt enim infecti illorum animi doctrina Sophronii. — — (Необходимо дать litteras visitatorias епископу Мукачевскому).

39) Emericus Sztáray, Supremus Comes comitatus Ungvariensis, Consilio Locumtenentiali 25 мая.

(Все спокойно, но слѣдуетъ обратить вниманіе на то), qualiter recentius rejecti ab ordinatione clericali per— —episcopum — — Olsavsky inhabiles studiosi, diak dicti, ad ordinationem episcopi Aradiensis— —currant. Plures jam ordinati tales pestem religionis et scissionis successive inducere possent.— —Ac proinde, si Sua Majestas— —commiserit, ut nemo ad parochiam per dominos terrestres admittatur, donec sese apud— —Supremos Comites comitatuum de ordinatione legitimi sui dioecesani episcopi legitimaverit, (то, вѣроятно, скорѣе возстановится спокойствіе.) — —

40) Императрица графу Антонію Карольи 28 мая.

— — Posteriore quoque demissa relatione tua de statu ingratorum gentis Valachicae moliminum e Transylvania in comitatum etiam, moderationi tuae Clementer concreditum, provectorum, sub die 14 decurrentis mensis isthuc submissa benigne percepta; siquidem ex eadem relatione inter alia et id apparet, quod Dengel(eg)ienses incolae contra popae sui Graeci uniti ritus minus compositos mores querulantur; hacque solum ex ratione, non autem ob Unionis professionem eis intolerabilis sit.— —Ideo tibi harum serie— —rescribendum— —esse duximus, quatenus communicato previe cum Graeci ritus uniti Munkacsiensi episcopo consilio, eo rem— —agere non intermittas, quo facta in mores et reliquam— —Dengel(eg)iensis popae vivendi rationem investigatione, pro re comperta in locum illius alter probus et magis idoneus unitus popa substituatur.— —Caeterum de observandis studiosorum schismaticorum Sophronii popae emissariorum moliminibus conformiter ad demissum sensum et petitum tuum apud districtum Kővár, nec non comitatus mediocris Szolnok, Krasznensem et Dobokajensem sua via necessariae dispositiones proximius instituentur — —.

41) Императрица Consilio Locumtenentiali 29 мая.

Ex eadem (Карольи) relatione inter alia et id apparet, quod Graeci ritus uniti (!—unitus) episcopus Munkacsiensis missis iam ad predicti (Сатмаръ) comitatus Valachica loca currentalibus litteris presbyteros, templorum curatores et judices ad prefixam congregationem pro cognoscenda per id perversorum ejusmodi moliminum origine et moderno rerum statu convocaverit. Haec autem congregatio ob nexum motuum, in Transylvania actu perdurantium, ulteriorem tamquam peculiarem attentionem exposceret. Fidelitates Vestrae tam

apud — —Munkacsiensem episcopum, quam et— —comitem Antonium Károlyi sine — — mora disponere noverint, ut, si — — praefixa congregatio nondum convenisset, ea — — sistatur et in dispenso relinquatur, verum interea idem Munkacsiensis episcopus per modum visitationis atque alia congrua et opportuna media rudem plebem ad quietem — — reducere — — contendat — —.

42) Ladislaus Bornemisza, vicecomes comitatus Bereghiensis, Consilio Locumtenentiali 30-го мая.

(Совѣтовался съ епископомъ Мукачевскимъ.) Episcopus — — indicta clero suo congregatione omnibus presbyteris, cantoribus et — — studiosis, ne, seu presbyterorum aliquis ad schismaticos egredi, eorum documenta amplecti, sequi, aut quoquo modo subinducere, seu cantorum et studiosorum quispiam vel causa suscipiendorum ab illis ordinum, vel quaqua tandem ratione ex praetextu exire attentet, — — sub poena immediatae incaptivationis aut, si casu quo id effugeret, amissionis universorum, quae habuit, atque suae etiam a gremio comitatus eliminationis et proscriptionis edixit — —.

Illud quidem perspectum habeo, quod traditiones schismaticorum et corruptio Ruthenorum, imprimis confiniis Polonicis et Marmaticis adhabitantium, non alias citius, quam per antiquorum presbyterorum filios vel cantores subingredi possent. Qualiter nihilominus tales coercendi aut tollendi forent? Ne ego sive legi patriae, unitorum Graeci ritus sacerdotum filios, in presbyteratu natos, in libertate asservandos innuenti, sive sublimi altiorum judicio — — quoquo modo derogem, illud — — substerno. Si enim contingeret schismaticos emissarium quempiam vel circulares suas in gremium comitatus hujus immittere — —, nil indubito, quin nihil horum firmatas in adversum dispositiones frustraret, aut si ipso dolo quidpiam simile paulisper etiam immigraret, illud certius e vestigio manifestaretur ac per consequens in herba supprimeretur; imo ipsi inferiorum hujus comitatus partium eruditiores et in S. Unione confirmati Graeci ritus parochi ejusmodi moliminibus indubio sub momento resisterent. Illi vero — — comitatus istius superiorum partium multiplicati, inculti, abstracti presbyterorum filii nusquam domi sub tali custodia asservari, ne vel per montium, vel sylvarum devia, vel per limites Poloniae in Marmatiam ac ad schismaticos elabi ab iisdemque ordines suscipere valeant, idque eo cupidius et promptius, quod suus episcopus illos in presbyteratum assumere recuset; recusat vero sancta ratione, quia nec prope quidem ita capaces, firmi, idonei ac instructi sunt, sed nec erudiri volunt, ut in presbyteratum assumi se pares reddant. — — Erudiri vicissim nolunt aut nec a parentibus coguntur, quia presbyteri carent fundis

parochialibus et possident ac resident in fundis, aut ita dictis scultetialibus, aut per se vel antenatos adhuc emptis et aquisitis. Tales iterum fundi per dominia vel dominos terrestres non recuperantur, quia in defectu fundorum parochialium populus sacerdote destitui deberet. In scultetialibus itaque vel quoquo modo aquisitis fundis residentes, haereditatem sibi arrogant et cum filiis imo duobus, tribus, quatuor et pluribus cohabitant, possessoriumque suum in totidem partes partiuntur. Taliter postmodum constituti, seu libertati et facultatibus, imaginatae haereditati vel numero suo confisi, exorbitant, praejudicant, vitam ducunt scandalosam et vivunt nec publico, nec ulli, nisi sibi, aut, forte, sibi etiam inutiles. Ubi caeteroquin, si presbyteri fundis parochialibus provisi essent, quivis eorum in tali fundo degere debens et praetensiva propria haereditate exutus, filios suos aut ad studia dare, aut ad fundos colonicales dimittere cogeretur. Recensiti nihilominus presbyterorum filii, passim popovicsii dicti, appetunt omnino in sacerdotium sufflci, sed propter ignaviam et imperitiam suam non suffecti, quam proni sint ad ordinationes schismaticorum et defectionem. Excelso Consilio R. Locumtenentiali ab exemplo vel sub id breve tempus, quo fama moliminum schismaticorum divulgari coepit, per tales attentato, humilme exhibeo. Utpote:

Recte antequam ad memoratam Generalem Congregationem, in diem 25 praefixam, abscedere debueram, insinuatum erat mihi obscure nonnullos antelatarum partium popovicsios per Marmatiam ad schismaticos intentionari, dominiorum quoque Schönbornianorum loci praefectus — — brevi post de iisdem scriptam consignationem ad me attulit. — —

Mutuo igitur consilio dispositiones factae sunt, quo talia intendentes popovicsiones— —comprehendantur; post aliquot dierum — — mihi — — innotuit eosdem popovicsios cum quibusdam simul rusticis comprehensos, in arestum dominale deductos (допрошены). et hucusque ibidem detineri. Postulavi itaque — — speciem facti et examen illud mihi transmitti — —. Quoniam nihilominus illud mecum nondum communicatum esset — —, loci archidiaconum Ioannem Bradács, examini illi praesentem, ad me accersiri curavi — —, qui — — retulit: possessionum Kanora, Zavadka et Rossos presbyterorum filios, nempe: Iohannem Popovics, Gregorium Kikovics simul cantorem et Ioannem Meles sponte fassos esse, se omnino pro suscipiendis ordinibus ad schismaticos et signanter episcopum Aradiensem intentasse, (но, не имѣя паспорта, на третій день пути были въ Мараморошѣ арестованы. Они признались) ductorem suum habituri fuissent certum hominem Marmaticum Marics nominatum, quem jam praevie idem episcopus Aradiensis ea ratione sine taxa, pro ordi-

natione consueta, ordinaverat, ut pro suscipiendis ordinibus alios adduxerit. Idem — — archidiaconus retulit nonnullos etiam rusticos, — — ejusdem facti, ut praesumitur, — — participes, in eodem arresto dominali detineri. Denominati itaque popovicsii primi fuissent, qui pro casu assecuti intenti sui pariter clam reverti, seductionem schismaticam inducere, si non publice, saltem occulte plures post se trahere, rudem partium illarum populum erga suggestiones schismaticas, quasi ad avitam quampiam fidem, defflectere potuissent. (Какъ съ ними поступать?)

43) Графъ Карольи Consilio Locumtenentiali 7 іюня.

Finita Karolyensi presbyterorum Vallachicorum atque plebis congregatione — —. Ejusmodi congreratio — — ex quatuor districtibus comitatus hujus — — sub praesidio — — episcopi Olsavsky est celebrata. — — Duo proinde districtus, Szatthmariensis — — et Borlestiensis eadem plane ratione ac modo, prout Karolyensis districtus, processerunt et pacificati sunt, sed eandem instantiam, submissionis et resipiscentiae indicia exhibentem, crucibus appictis subscripserunt, quam praeattacti Karolyiensis districtus incolae Vallachi subscripserant. Octo pagis a congregatione, incertum, qua de causa, sese abstentantibus exceptis, reliqui porro districtus Nagy-Bányensis atque Avasiensis ostensa quidem aliqua a S. Unione reformidatione, sequentem tamen professionem— —fidei firmatam fecerant:

Nos — — subscribimus, quod, quemadmodum fueramus adusque sub potestate et obedientia I. D. episcopi Munkacsiensis in unitate fidei cum Romanis, sed non in unitate ritus, ita etiam nunc perseveramus et deinceps perseverabimus in unitate fidei, non vero ritus, verum servabimus Ecclesiae Orientalis ritum usque ad mortem — —.

44) Cancellaria Regia Hungarico-Aulica Императрицѣ 25-го іюня.

(Графъ Ант. Карольи доноситъ, что 15-го мая захвачены въ Арадѣ 8 румынскихъ дьяконовъ, отправившихся туда черезъ Трансильванію изъ Сатмарской столицы для посвященія у епископа Синезія въ пресвитеры, и доставлены ему, Карольи). — — Repertae penes ipsos a Ioanne quodam. vicearchipresbytero Buttyanensi, e comitatu Transylvaniae Colossensi, sub nomine tamen noti Sophronii, dicto Aradiensi episcopo scriptae litterae clarius ostendunt praescriptos diaconos cum Sophronii asseclis colludere et semet illis addixisse — —.

De reliquo autem plebs Valacha, in — — Szathmariensi comitatu degens, per continuam vigilantiam et assiduas investigationes ad tranquilliorem statum posita sit et quieta etiamnum perseveret. (Лишь) въ Somkut-Patak — — Sophronii asseclae (назначили)

conventiculum eoque Valachos, in comitatu Maramarossiensi degentes,—uti hujus comitatus Supremus Comes recenter informat—convocaverint.

Къ донесенію приложенъ:

45) **Протоколъ допроса вышеупомянутыхъ восьми дьяконовъ, произведеннаго въ Nagy-Károly 10-го іюня.**

Quo fine ivisti — — Aradinum?

a) Bayzány: Videndo, quod presbyteri deponantur et in locum eorundem per — — episcopum Aradiensem ordinati assumantur, ego pariter spe futurae accomodationis me in presbyteratum ordinaturus (отправился).

b) Bumba, c) Kaléna—для посвященія (безъ объясненій).

d) Bancsa—(для посвященія) stimulante pago.

e) Sorbán, f) Balasa, g) Hodák: Intellecto eo, quod ibidem in presbyteratum citius ordinentur.

h) Madány—(для посвященія)—vidi multos ex Marmatia eo fine ivisse, instinctu pagi ivi.

Qui sunt illi de nomine, qui te stimularunt, et quis te passuavit, ac usque Aradinum quo versus ivisti?

a) Ego cum sociis meis ad Buttyan ivi, abinde vero, (получивъ) passuales, per vicearchidiaconum Buttyaniensem exoperatas, per districtum Abrudiensem versus Halmagy Aradinum progressus sum.

b) Passuavit me cum sociis meis Nicolaus Rácz, juratus assessor comitatus Kolosiensis, a quo passuales Ioannes Buttyán, vicearchipresbyter Buttyanensis, exoperatus est.

g) Primores pagi — — pagi nomine mihi suaserunt, quod, nisi ad episcopum Aradiensem pro ordinibus ivero, ipsorum popa nunquam fuero [1]).

Quid tibi et sociis tuis Buttyanensis vicearchidiaconus dixit?

Bayzány: Hoc dixit, quod a Sua Majestate conceptum esset mandatum, ne uniti non unitos et non uniti unitos turbent; unde nos assecuravit, quod libere ire possimus, et scripsit penes nos recomendatorias; — — eidem dedimus 4 marianos.

Sorbán: (Вышелъ декретъ Императрицы, что каждый можетъ оставить унію).

Madány: Intentum nostrum (vicearchidiaconus Buttyanensis) collaudans, dixit semet brevi in comitatum Szathmariensem venturum, ut totus comitatus, quemadmodum Transylvania jam fecisset, Synesio episcopo semet subjiceret, quia haec est Suae Majestatis voluntas.

---

[1]) Объ instinctus pagi упоминаютъ почти всѣ допрошенные.

(Остальные—какъ Bayzány).

Quis te et pagenses — — stimulavit, quod, recedendo ab Unione, nec terrestrem dominum habebimus neque comitatus vobis contravenire audebit, dummodo vos unanimes sitis?

Bayzány, Bumba, Koléna, Bancsa: Idem vicearchidiaconus similia nobis protulit.

Sorbán, Balasa, Hodák: Nemo nos attacto modo stimulavit.

Ex Albania, Bulgaria et Macedonia fueruntne aliqui presbyteri vel saeculares apud Synesium aut vicearchidiaconum Buttyanensem, dum tu ibidem fuises?

Bayzány: Praeter eos, qui se ordinari curare voluerint, nullos audivi fuisse ab exteris provinciis. Tömösvariensem episcopum Rascianum scio, quod Aradini fuerit, dum ibi fuissem. In aula episcopi Synesii vidi praeterea duos, Germanicis vestibus honeste indutos, quos dicebant esse ex Moscovia.

Bumba: Neminem observavi positive — —. Vidi duos, Germanicis vestibus honeste indutos, libros vendentes, quos dicebant esse Moscovitas; ad majores dominos intrabant.

Bancsa, Sorbán, Balasa: (видѣли) Moscovitas, (которые) cum episcopo Synesio diu multumque loquebantur.

Hodák: In aula Sinesii episcopi Aradini vidi duos, quos famuli episcopi (e Moscovia?) venisse dicebant; libros attulerant, ad sacrificia in templis peragenda pertinentes.

Madány: (Были) Moscovitae;— — eos vidi, libros ad episcopum ferentes.

Quomodo tu cum sociis tuis convenisti, cum iter Aradinum suscipere intendisti?

Bumba: Communi fama inter Valachos spargebatur unitos popas sufferendos futuros, et mihi ac sociis meis portionale onus imponendum fore. Unde, ad evitandum onus portionale, inter nos conclusimus, ut nos in presbyteros Aradini ordinari faciamus. Dicebatur enim a pagensibus, quod, si Munkacsiensis episcopus nos ordinaverit, non suscipiemur, quinimo expellemur, quia totum regnum jam ab Unione deffecit.

Cum literae recomendatoriae sint subscriptae per Sophronium et Georgium popas, quare, ergo, dicis ab vicearchidiacono Buttyanensi tibi esse datas?

Kaléna: Ego Sophronium et Georgium popas in litteris recommendatoriis subscriptos nunquam vidi; cur Buttyanensis vicearchidiaconus illos subscripserit, nescio.

Hodák: Sophronius praedicto vicearchidiacono plenariam potestatem dederat et sigillum suum, ut sub eodem et nomine Sophronii ille omnia expediat. Ita ab ipsomet vicearchidiacono audivi.

Madány: Popa Sophronius adjuravit vicearchidiaconum Buttyanensem in congregatione Karloviciensi, ut sub ipsius nomine omnia expedire possit. Hoc audivi a mox dicto vicearchidiacono.

Coram popa Buttyanensi qualiter estis Unionem detestati?

Kaléna: Positive non sumus detestati Unionem, quia nec scio, quid sit Unio, quid non Unio.

Quis pago Remetemező ad praesens presbyteros ordinavit et constituit, quis item, cujus authoritate clavim ecclesiae ab unito popa accepit.

Kaléna, Bancsa: (Мукачевскій епископъ). Clavis quidem ab unito popa accepta non est, sed dictum eidem fuerat a pagensibus, ne secus templum accedat, nisi indultum a Butthyanensi vicearchidiacono adtulerit. Ille proinde, eundem accedendo, indultum scripto adtulit, penes quod in functione sua permansit.

Sorbán: (Я сохранялъ ключи, но народъ заявилъ, что не пуститъ меня въ церковь), nisi indultum ab asseclis Sophronii attulero.

Madány: (Мануилъ Мукачевскій); sed, quod popae priores sint a templis prohibiti, scio mandato Sophronii esse.

Audivistine aliquando Sophronii famam, priusquam ad vicearchidiaconum venisses?

Hodák: Audivi in Sznyér-Várallya et Apa, quod habeat magnam potestatem, quam visurus essem, ut litterae ipsius ad pagum nostrum venerint, tamen me sciente nullae venerunt. (Вообще на вопросъ о сношеніяхъ вицеархидіакона съ Синезіемъ отвѣчали, что слыхали объ этомъ лишь отъ вицеархидіакона.)

Madány: Sophronii studiosi — — significarunt pago, ut deinceps per Synesium ordinari curarent suos diaconos, si vellent veros sacerdotes habere.

Scisne, quod populus desideraverit, ut Synesius ipsorum episcopus fuerit?

Madány: A vicearchidiacono Buttyaniensi audivi, quod totum regnum Synesium desiderat pro episcopo. (Остальныхъ объ этомъ не спрашивали).

Fuerantne in Terebes aliqui studiosi Sophronii?

Madány: (Былъ одинъ попъ, говорившій, что онъ посланъ) a studiosis Sophronii. — — Dixit etiam se ad mandatum metropolitae Karlovicziensis et Sophronii venisse, donec isti studiosi veniant, qui proxime adfuturi essent.

(Когда діаконы пришли къ Синезію, тотъ немного спустя объявилъ имъ:) inhibitum se esse, ne ex aliena dioecesi venientibus ordines conferret. Addebat comitatus Aradiensis magistratum petere, ut eos traderet, malle tamen se fortalitii Aradiensis com-

mendanti tradere, pollicetur etiam se effecturum, ut 14 dierum spatio libertati restituantur. Quo facto — — milites supervenientes eosdem ad commendantem deduxere; (потомъ были отправлены къ) A. Bucow, Transylvaniae commendantem generalem, (который ихъ передалъ графу Карольи).

Изъ (А. К.):

Peracto examine una cum alio motuum Valachicorum causae implicito, Michaël Pap dicto, Rutheno, incola Domahidense, Magno-Varadiensi praefecturae militari sunt consignati Junii 12 — —, a quo quidem tempore ibidem in carceribus tenentur.

46) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, графу Карольи 11-го іюня.

— — Quod vero Dengelegiensis populus parochum e domo parochiali ejecerit, non minus in causa parochi quidam excessus, quos ille plurimos coram archipresbytero Karolyensi diluit, quam quod ille a pagensibus suum annuum pensum et stolarem proventum secundum meam determinationem exegerit. Hic enim populus in toto comitatu Szatmariensi nullo modo conformari vult meis — — ordinationibus; ejusmodi proinde parochos sibi quaerunt, qui cum illis accordent secundum eorum vota; unde in aliquo saltem parochus peccet, si debitum proventum exigat, statim eum amovendum volunt. (*А. К.*)

47) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, Consilio Locumtenentiali 13-го іюня.

— — Jam anno proxime evoluto 22 9-bris — — exposui et nunc— — reflecto— —, quod, videlicet, S.— —Majestas repraesentata a me ante 10 abhinc annos Graeci ritus parochorum crassa ignorantia pro scholarum Munkacsiensium professoribus fine juventutis, ibidem — — erudiendae, 300 florenos — — resolvere annuatim dignata est, et quantumvis ex aliis comitatibus numerosa juventus confluens — — in dictis scholis in dies capacitaretur, juventus tamen Ruthena I. comitatuum Ugocsa et Máramaros, ut sine omni studio presbyterium consequeretur, sumptus, quibus in dictis scholis ad apostolicum munus sese aptam reddere posset, ad Moldavicensem et Aradiensem episcopum non unitum causa obtinendorum ordinum offerendos defert, ibidemque, eo non obstante, quod — — modo pecuniam afferat et S. Unionem abjuret — —, ordinibus initiatur; ta-rque initiata, ad propria revertens, magnopere populum corrum-non modo a S. Unione avocando, verum etiam eundem in eo do, quod — — gratis illi parochialia munia absque omni quam stolarium proventuum participatione praestare episcopalis ordinationis praejudicio et legiti-damno. Exemplo esse poterunt duo, quo-Lyahócz, I. comitatui Maramarossiensi in-

gremiata, praeterquam quod summe ignarus sit, etiam bigamus est. Alter in eodem comitatu, ne inter tyrones milites comprehenderetur, abscissis sibi duobus digitis ad — — Aradiensem episcopum cum pluribus aliis, nomen militiae evitantibus, confugit.

Id ipsum facit et Valachica — — juventus, quae cum, Ruthenicae linguae ignara, scholas Munkacsienses — — exhorresceret neque in Valachico suo idiomate scholas in gremio haberet, ad dictos episcopos — — omni — — absque eruditione, modo legere norit, ordinanda recurrit, ordinata vero post suum isthuc reditum non secus ac — — Ruthenica juventus populi perniciei existit. Ego, ut istud malum anteverterem, ante duos annos in possessione Turcz, I. comitatui Ugocsiensi adjacente, loci parochi filium, prius in scholis Munkacsiensibus capacitatum, dein s. ordinibus initiatum Valachicae juventuti professorem destinavi; ad quem plures jam pro excipienda doctrina concurerunt et semet tantopere habiles reddiderunt, ut alios presbyterii, alios diaconatus ordine insignirem; defectu tamen necessariorum pro subsistentia sumptuum, promovenda item domestica oeconomia, a scholis, debito tempore frequentandis, retrahuntur. Et, quod mihi magno dolori existit, octo ex illis, jam diaconi, — — ad praeattactos non unitos episcopos abiere, qui tamen — —, capti et invinculati, isthuc — — his diebus Karolyinum — — reducti sunt, debitas poenas suae temeritatis subituri.

Accedunt tamen hic et plures causae, de quibus — — utriusque linguae juventus, et cumprimis Marmatica, ad exteros non unitos episcopos pro s. ordinibus recurrit.

Alii namque filii presbyterorum, cum forent de lege regia a jobbagyionatu exempti, quia per fas et nefas a quibusdam dominis possessionariis ad statum rusticanum subjugantur — ut mihi meus Marmaticus surrogatus vicarius recenter retulit — ac eorum tam pecora, quam pecunia violenter occupantur, ut sua potiantur libertate, scholis quidem Munkacsiensibus devitatis, eo quod admodum durum esset illis oeconomia domestica et uxore cum suis prolibus relictis demorari, proinde ad praeattactos episcopos recurrunt.

Alii habitis suis fundis nobilitaribus, portionalis quanti tributioni subjectis, ut immunitate ecclesiastica gaudere valeant, eo non obstante, quod parochi locorum haberentur, ad eorum titulum per dictos non unitos episcopos ordinantur, dominorum Valachorum et Acatholicorum litteris passualibus et recommendatoriis commendati; qui dein, reduces, — — populum oblatis suis obsequiis, gratuito praestandis, decipiunt et legitimos parochos exturbari ejicique procurant.

Alii, in statu jobbagyionali constituti, ad officium tamen cantoratus aliorum defectu vel applicati, vel saltem apti, ut in libertatem

emergere per presbyterii ordinis consecutionem valeant, idque absque omni studio et labore suique redemptione ad non unitos recurrunt episcopos, hoc bene memoria tenentes, quod, tametsi in scholis Munkacsiensibus ad ordines habiles redderentur, intervento tamen deffectu manumissionis, a dominis terrestribus procuratae, ordines a me minime consequerentur.

Denique, plurimum juventutem dictorum comitatuum ad antelatos episcopos non unitos pro ordinibus sine omni scientia non minus amor libertatis facilisque vivendi ratio, quam modernorum parochorum, alibi per non unitos ordinatorum, exemplum trahit, qui, tametsi primitus post sui ordinationem ad functiones sui ordinis minus admitterentur, tractu tamen temporis habito tam parochorum, quam subjectorum ad presbyterii susceptionem capacium deffectu, obeundis parochialibus muniis applicari necessitabantur, ex quibus actu dicta juventus spem suae accomodationis, etiamsi alibi ordinetur, pollicetur.

Recursus tamen — — juventutis, ad — — dictos episcopos adusque facti, maxima causa est, mea opinione, deffectus typographiae, de qua jam rationem, qua procurari possit, himillime dedi; deffectus quidem in gremio hujus gentis scholarum, quae nisi in futuro cum typographia erigantur; habitisque necessariis libris domestica juventus a teneris in fidei et S. Unionis principiis instruatur ac ad ordines sacros capacitetur. Non minus veteribus presbyteris, alibi ordinatis, quam cantoribus, aliunde subingressis, eliminatis omni limine ad similium ingressum praecluso lupi aquina sub pelle et domestici S. Unionis inimici non defuturi. Nam, si mihi loqui licet, quid aliud inter reliqua in his temporis circumstantiis perdidit Transylvaniam et insperatum in I. comitatu Szatthmariensi inter gentem Valachicam excitavit tumultum, nisi similium presbyterorum et cantorum ruditas et principia schismatica, nunc vero data Sophronianorum oportunitate in rudem populum derivata, quos tamen presbyteros et cantores solus et unicus domesticae juventutis, in scholis debitae capacitandae, deffectus parochialibus functionibus applicare coëgit, sed non sine luctuoso S. Unionis in populo vulnere. — —

Postremo cognosco hic meum humillimum adusque extitisse obligamen, quatenus eductorum e Moschovia librorum inque passu Unghvariensi cum uno e Societate Jesu sub die 19 mensis Aprilis revisorum informationem una cum eorundem — — synopsi — — Consilio Locumtenentiali submitterem, verum — — eandem mihi concinnare quemadmodum paschalia munia, ita in I. comitatu Szatthmariensi inter tumultuantem gentem Valachicam publicae pacis et tranquillitatis procurandae studium haud admisit, et, siquidem prae-

dicti libri vastis in tomis plerique existerent, nimis arduum est eos ad synopsim redigere — —. Si tamen eandem synopsim me concinnare et — — submittere oporteat, moram gerere non detractabo, praevie — — indicando nullum ejusmodi inter revisos libros repertum esse, qui Catholicae fidei et S. Unioni adversaretur, verum omnes conformes fuisse libris, anno superiore revisis et in submisso cathalogo specificatis.

48) **Ladislaus Bornemisza, vicecomes comitatus Beregiensis, Consilio Locumtenentiali 13 іюня.**

(Сообщаетъ объ арестѣ 6 поповичей, отправлявшихся въ Арадъ для посвященія).

Къ донесенію приложенъ:

49) **Examen benevolum nonnullorum incolarum districtus Verhovina in puncto schismatis, die 1 Iunii in officio institutum.**

1) *Michaël Gesznyó, subditus dominalis ex Zdenyova.*

a) Cantum Ruthenicum scio et etiam sum scripturae gnarus. (Queamdmodum in cantu coram officio probatus, bene cecinit).

b) (Кто еще хотѣлъ отправиться для посвященія?)

Michaël Csubircsak, vicinus meus, transivit in Poloniam fine recipiendorum ordinum, quem etiam ante tres septimanas socer suus, presbyter in Polonia, deduci curavit, et etiam modo est ibi.

(Послѣ допроса отпущенъ на свободу).

2) *Stephanus Trioncsin, subditus dominalis ex possessione Laturcza.*

a) Canere scio, sum etiam gnarus scripturae. (Quemadmodum probatus in cantu, bene cecinit).

b) Stephanus Troincsin convictus et confessus est se fuisse jam semel ante annos 8 apud Aradiensem episcopum fine acquirendorum ordinum, sed noluit ordinare, cum habuerit a S. Majestate prohibitum. — —

3) *Alexius Grega, subditus dominalis ex Bisztra (20 лѣтъ).*

a) Ideo sum adductus ad arrestum, quia aliqui venerunt ad me, scientes parentem meum habere pecuniam, et volebant me seducere pro suscipiendis ordinibus Aradinum.

b) (Кто это именно были?)

Ex Marmatia e possessione Ricska — — Ioannes Marinecz, alias quidem rusticus, sed jam in diaconatum ordinatus per episcopum Aradiensem, — — alter Gregorius Kikovics, cantor Zavatkensis, avunculus meus, tertius Ioannes Popovics, Kanoriensis popovicsius — —, quartus Andreas Popovics ex Szkotarska, qui non me quidem seducebant, sed cum avunculo meo cointellexerunt.

c) Petierunt (они) — — pro episcopo Aradiensi a singulo

fl. 40, pro ductore Marinecz specialiter per 10 marianos, praeterea pro sumptibus itineralibus sufficientem et necessariam pecuniam — —; nihil dedit penitus meus pater.

d) Gregorius Kikovics — — dicebat, quod ibi facilius ordinetur cum Aradiensis episcopus nec ex casibus seu theologia morali examinet, nec in ritu probet.

e) (Кто научилъ читать и пѣть?)

Aliquis Georgius ex Russia Polonica, qui antea in Zavatka habitavit, jam ante tres annos mortuus est.

4) *Ioannes Popovics ex Kanora — annorum sum circiter 24, a 10 annis uxoratus.*

a) (Сколько васъ хотѣло идти?)

De 4 fuit fama, de Gregorio Kikovics, Alexio Grega, Stephano Treincsin et me.

b) (Кто васъ подговорилъ?)

Marmatici homines loquebantur, quod ipsorum cantores fuerint Aradini et ordinati sint, nos etiam animabant.

c) (Кто эти Marmatici homines?)

Aliquis Ioannes, diaconus ex Ricska, scripsit popovicsio Szkotarszkensi, ut, qui volunt ire Aradinum fine ordinum, veniant ad se, quos eorsum ducturus sit; nos deinde ad literas ejusdem in Marmatiam venimus, sed tarde, quia idem cum suis Marmaticis jam abiverat.

d) (Были ли готовы для пути?)

Non fuimus parati, quia nos voluimus saltem diaconum accedere pro consilio.

e) (Намъ говорилъ conductor, что надо дать): pro episcopo 30 fl., 10 vero pro discretioribus (discretionibus?) familiae episcopi, conductori tandem 10 mariani.

f) (Кто научилъ читать и писать?)

Sum doctus domi per parentem.

g) (Зналъ ли отецъ—actualis Kanoriensis presbyter—о твоемъ намѣреніи?)

Scivit, imo suasit, ut venditis bobus congregem pecuniam et pergam.

5) *Gregorius Kikovics, oriundus ex Polonia in possessione Krive* (50 лѣтъ).

Ago — — cantorem in — — Zavadka ab anno 1754. Saltem natus sum tempore pestis, in Hungaria grassantis, in Polonia, sed hic et in Zavadka educatus.

a) Cum ab 11 annis hic Munkacsini scholas frequentaverim et casus audiverim nec ad multas instantias per hujatem episcopum ordinari potuerim, videndo, quod binis vicibus Marmatici homines, Aradinum euntes, ordinati rediverint, ego quoque statui me Aradinum iturum.

b) Quare non obtinuisti hic ordines, si 11 annos studuisti?

Hoc mihi dicebatur, quod, cum parens meus vivat, duo presbyteri in una possessione esse nequeant.

c) A morte parentis tui (годъ предъ тѣмъ) an petieris ordines?

In Adventu hic fui, petii ordines, sed non obtinui, cur autem, non scio; quinimo hoc responsi accepi, quod mea vita non sim futurus presbyter.

d) Audivistine, quod differat (Aradiensis episcopus) a fide cum hujate episcopo?

Non audivi.

e) (Знаю), quod (Sinesius) pro pecunia soleat ordinare et non examinare, quoad doctrinam, sed tantum, quoad lectionem et cantum.

f) Qualiter — — voluisti peccatum simoniae committere?

Ante me hoc fuit, quod praevie etiam ita ordinabantur pro pecunia, ut per Graeci ritus episcopum Maramarosiensem Sztojka et episcopum Polonicum, qui presbyteri huc etiam suscepti fuere, prout et meus parens in Polonia ordinatus. Ad hoc vero, utrum sit peccatum conferre ordines, nihil scio respondere.

g) (Какъ бы поступилъ, если бы получилъ посвященіе?)

(Если бы здѣсь меня приняли, остался бы здѣсь, если бы нѣтъ, пошелъ бы къ Арадскому епископу.)

h) Si fuisses ordinatus et cum tua uxore transiisses ad episcopum Aradiensem, qualem docuisses fidem?

Ut vere confitear, accommodassem me ovili: si oves habuissem, eas pascere volui, tum si hircos, sic illos, si vaccas, sic vaccas.

i) Constabatne tibi Ioannem Marinecz conductorem descivisse a hujate episcopo — — Olsavsky et adhaesisse schismatico Aradiensi?

Nihil audivi, quod hactenus desciverit ab hujate episcopo, nihil enim horum intelligo, vel ideo etiam, quod de schismate in scholis nihil audivi.

Notandum. Praesente hujate — — moralis theologiae professore Ioanne Braday (Bradács) interogatus iterato, num recordetur illius doctrinae, quae de schismate Photiano, specialiter vero de Concilio Tridentino, tradebatur, respondit: non occurrit mihi statim, sed nunc me reflecto et jam intelligo, quid sit schisma.

k) An ergo scias nunc esse Aradiensem episcopum schismaticum, et prohibitum tam tibi, quam conductori Ioanni diacono ordines ab eodem recipere?

Si non unitus, est schismaticus. Scivi, quod pro ordinibus non sit licitum eorsum ire, sed hoc non scivi, quod sit schismaticus vel non sit. — — In eo unice elaborabam, ut ordinari potuissem, saltem ex eo, ut semel sacrificium missae celebrare potuissem, etiam si statim mortuus post hoc fuissem.

l) (Кто собирались съ тобой отправиться?)

(Назвавъ арестованныхъ, прибавляетъ:) Sed plures parabant ire aeque pro ordinibus accipiendis, Andreas nempe Popovics Szkotarszkajensis, Basilius Hujvan, popovicsius Huklivensis, et, nefors, tot parabant, quot sunt stellae.

m) Unde hoc scis, quod tot parabant, quot sunt stellae?

Cum hic sit difficile ordines aquirere, Marmatici autem facile sunt ordinati per episcopum Aradiensem. Caeteroquin autem, quod dixerim tot parare, quot stellae sunt, ex praecipitantia id protuli.

n) Ego seducere ipsum (Alexium Grega) nolui, verum ipse Alexii Grega parens, cum intellexisset me Aradinum intentionari, dixit, ut filium quoque suum — — ad accipiendos ordines mecum assumam.

o) (Слыхалъ ли о Софроніи и его currentales)?

Nihil penitus audivi de ipso.

6) *Ioannes Popovics, alias Meles, ex — — Rossos (44 лѣтъ)* почти во всемъ запирается.

50) Emericus Sztáray, Supremus Comes comitatus Ungvariensis, Consilio Locumtenentiali 14 іюня.

— — Toto hoc tempore in praesens praeter publicam tranquillitatem et quietem nil neque inter populum — —, neque inter popas eorum intercesserit. — —

51) Emericus Barkóczy, Supremus Comes comitatus Maramarosiensis, Consilio Locumtenentiali 15 іюня.

(Захвачены in possessione Budfalva новыя письма Софронія, изъ которыхъ) liquido appareret eundem non solum populum ab Unione seducere, sed etiam nova conventicula agere et tumultuari.

52) Consilium Locumtenentiale comitatibus Zemplén, Borsod et Abaujvár 22 іюня.

Suae S. C. R. Majestati repraesentatum extitit comitatus Ugocsiensis vicecomiti a Tornajensi popa Valacho, Ioanne Kis dicto, relatum fuisse, quod trans Tybiscum, nominanter in comitatu hoc Zempleniensi, currentales literae sub nomine Sinesii, Aradiensis schismatici episcopi promoveantur, quas literas idem se in oppido — — Szerencs — — die 2 elapsi mensis Maji apud ejus oppidi Ruthenum popam vidisse legique audivisse dixit; has porro etiam a Tokajensi Rutheno vicearchipresbytero, Dobrányi nuncupato, ad praefatum oppidum fuisse missas indeque per aedituum ultro promotas, quarum tamen literarum continentiam idem refertus popa paucis ita declaraverit, quod, videlicet, idem ille Sinesius Munkacsiensis fiat episcopus. — —

53) Vicecomes comitatus Csongradiensis Consilio Locumtenentiali 24 іюня.

(Въ общемъ все у насъ спокойно); verum per d. Georgium Makfalvay, emeritum supremum tricesimatorem Devensem, fidedigne informatus sum, quod — — ad Aradiensem — — episcopum seu vladicam ex pagis unitorum Transylvaniae cum recommendationibus non solum pagorum, verum etiam aliorum, signanter cujusdam nobilis possessionati Transilvani, Haykul nomine, circa Zalatnam residentis, diversi uniti juvenes pro benedictione in popas — — per devia Aradinum venire soleant — —.

54) Csongradiensis comitatus Consilio Locumtenentiali 6 іюля.

— — Practicabile non esse, ut praeattactis Graeci ritus studiosis et poponibus satis invigilari possit: hi enim omnia tam secrete et occulte faciunt, ut facilius sit aquam e silice exprimere, quam de eorum arcanis vel minimum rescire; pro maximo enim hoc habent eorum episcopi et popones, ut populus per popones informetur, quod omnis ille, qui vel minimum arcanum ipsorum revelaverit, sit perpetuo anathemate feriendus. Hoc ergo principio, semel inhibito, rudis populus mavult torturam etiam subire, quam vel minimum arcanum revelare, aut exactiones, aut extorsiones suorum episcoporum et poponum revelare, quae tamen tam grandes et enormes sunt, prout in generali hacce Congregatione contribuentes incolae retulerunt, ut satis exprimi non possint — —:

Primum aggravium est, quod episcopus Graeci ritus Aradiensis pure ideo, ut plures tributarios habeat, est vel non est necessitas, popones seu parochos ad pagum quemvis obvium illocat — —: pro exemplo sit pagus Battonya, mediocris classis pagus; ibi sufficerent duo popones seu parochi, ubi tamen sex actualiter illocati habentur. Jam ad calculum reducendo horum facultates vel unius popae decima ex tritico et aliis frugibus — —, juxta submissam per nos — — 3 — — Jannuarii — — 1760 — — conscriptionem, facit cruces[1]) tritici 120, quae, ad currens praetium reductae, faciunt fl. 150 — —.

Et hoc saltem unius poponis facultates; jam aliorum quinque, quid efficiant et quantum aggravium miserae plebi causent, facillimae esset conjecturae et consequentiae. Singulus enim eorundem pro lubitu agros et prata occupat, asserens in privilegiis, schismatico ritui collatis, esse appositum, quod parochis schismaticis sit licitum terras, prata pro lubitu occupare et oeconomiam, prout volunt, exercere, a talique oeconomia nec decimam, nec nonam pendere — —.

---

[1]) Crux — 16 сноповъ.

Secundum aggravium — —, quod singulus talismodi poponum aut parochorum jam fratrem, jam affinem, jam consanguineum penes se servat et a contributione immunem esse debere praetendit — —.

Tertium aggravium — —, quod taliter praeter necessitatem multiplicati popones — — annue episcopo tributum dare debent et jam hic 12 fl., jam ille 18 fl., jam alter 24 fl. annue pendere necessitatur. Volens, nolens, cogitur miseram contribuentem plebem taxare — —.

Quartum aggravium — —, quod episcopus idem Aradiensis pro lubitu suo ecclesias visitando impositas (—impensas?) ponit; prout, visitando ecclesiam Battonyensem, imposuit judici, ut pro visitatione fl. 100 deponat; — — et hoc in quovis pago ubi 6, ubi 9, ubi 12 fl. pro visitatione ecclesiae extorquet et, nisi — — incolae talismodi quottam deponant, ecclesiam iis praecludit. Malunt ergo deponere, aut, non habentes, mutuare alibi talismodi summam, quam ecclesiam praeclusam habere et indignationem episcopalem experiri.

Haec autem omnia ita secrete et oculte tractant, ut de his nec hiscere quisquam, multo minus conqueri aut talia revellare audeat— —.

55) Petrus Darvay, vicecomes comitatus Maramarosiensis, Consilio Locumtenentiali 6 іюля.

(Все спокойно; волненія изъ Трансильваніи сюда не проникли).

56) Antonius Engl, episcopus Csanadiensis, Consilio Locumtenentiali 7 іюля.

— — Ego — — Consilium Locumtenentiale — — informatum esse spero, quam enormes excessus illorum (schismaticorum) metropolita Carlovicensis per episcopos et popones suos medio suorum fautorum sub praetextu suorum privilegiorum, ad libitum proprium interpretatorum, fecerit et faciat. Minima interimalis mea opinio — — uno verbo haec est, ut ista natio in omnibus modo Moschovitico tractetur: in Moschovia enim non licet ipsis contribuentes subditos cum superstitionibus et malitiosis figmentis excoriare, minus — — tumultus publicos in populo contra principem et provinciam excitare. — —

57) Графъ Карольи Consilio Locumtenentiali 13 іюля.

— — Pagi 4, qui occasione congregationum Karolyensis et Szatmariensium cum reliquis subscribere detractarunt, ultro deinde rediverunt ad frugem. Suscepto itinere — — Munkacsiensem episcopum adeuntes, facti veniam supplices rogarunt et fidei professionem, quam reliqui ediderant, subscripserunt — —.

58) Consilium Locumtenentiale comitatui Maramarosiensi 20 іюля.

(Приказъ объ арестѣ Іоанна Маринца въ силу мандата Императрицы отъ 16 іюля).

59) Мандатъ Императрицы 24 іюля.

(Всѣ) Supremi Comites (должны слѣдить), ut Graeci ritus homines ab aditu ad episcopum Aradiensem pro recipiendis ordinibus omnimodo arceantur — —.

60) Emericus Barkóczy, Supremus Comes comitatus Maramarosiensis, Consilio Locumtenentiali 25 іюля.

— — In Kopnyékbánya in Transylvania — — tres schismaticos Valachos non solum fautores esse horum tumultuum, sed et coripheos — —. (Захвачены въ Марамарошѣ) decem profugae Valachi (изъ Трансильваніи). Non video — — rationem, cur de iisdem longa disquisitio et investigatio fiat; — — hi enim uno ore fatentur. omnes benevole, non propter religionem, sed propter saevitiam et labores insupportabiles dominorum terrestrium se profugisse. Misera gens! Disquiritur ab iisdem, utrum uniti, aut schismatici sint? De quo ipsi penitus ignorant, nisi quod per ipsos inquisitores stimulentur, ut se schismaticos declarent. Ego ingenue fateor Exc. Consilio Locumtenentiali, non auderem meis Valachis et Ruthenis hanc quaestionem formare; certum enim est omnes orientales nomen Unionis angue pejus odio habere. Rudis gens sub nomine Unionis, Deus scit, quid latere intelligit, et, licet ab unito episcopo subjectionem habeat omniaque illa, quae uniti Graeci ritus profitentur, se credere asseveret, sacerdotes unitos habeat, uniti nomen tamen abhorreat.— —

61) 29 іюля.

(Въ іюнѣ и іюлѣ дѣлались разслѣдованія о поборахъ епископа Синезія съ духовенства. Главное слѣдствіе было произведено 29 іюля.)

62 Vicecomes comitatus Bihariensis Consilio Locum-tenenti)ali 10 сентября.

— — Penes passuales suspectas et commendatorias famosi illius Sophronii oberrans ac ab Unione deficiens Graeci ritus presbyter, nomine Uonisse, — — possessionis Piklos-Telek—Valachis Piklis— comitatui Transylvanico Doboka adjacentis, parochus, dum praetextu visitandorum cognatorum suorum ad — — Szintye, comitatui Aradiensi adjacentem, se proficisci simularet, ut praesumi potest, plebem Valachorum hujatem in partes factionis Transylvanico-Valachicae pertracturus, districtum Belényes — — ingressus ibique detentus est. — — Qui quamvis — — se praecise fine visitationis cognatorum suorum iter hoc suscepisse asserat, cum nihilominus quinque libros dogmaticos— — circumtulerit et in fassione sua tam Aradiensem episcopum Graeci ritus non unitum, quam vero metropolitam Karloviczensem, fine petendae ab iisdem benedictionis, perprius(!)se jam accessisse recognoscat, indeque in Transylvaniam reversus — —, ab Unione desciverit atque parochiam, qua non unitus, adeptus sit, insuper commendatorias Sophronii nunc quoque secum tulerit; hinc

praesumendum est, quod denuo praefatos non unitos Graeci ritus antistites pro accipienda benedictione simulque solenniter ejuranda coram iisdem Unione accedere statuerit, eo quidem cum proposito, ut in progressu ac reditu rudem plebem ad sequendas partes tumultus meditantium Valachorum Transylvanorum persuadeat. (Поэтому я его задержалъ и ожидаю дальнѣйшихъ распоряженій).

Къ донесенію приложенъ:

63) Протоколъ допроса presbyteri Jonisse въ Várad-Olaszi 7 сентября.

Ego proxima hieme tribus mecum (presbyteris), omnibus in comitatu Dobokajensi residentibus, movimus in — — Arad ad I. d. Graeci ritus non unitum episcopum Sinesium, ratione ex ea, quod quidam vagabundus caluger, dictus (пропущено имя?) presbyter, in principatu Transylvaniae oberrans, postquam turbulentias quasdam ratione Unionis effecisset, (пропускъ?) medelam quaerentes in eo, ut in parochiis nostris subsistere valeamus. Quem episcopum adeuntes, ille nos direxit ad metropolitam Karloviczíensem, ubi nos insinuavimus, dicentes, quod nos adhuc in sacram Unionem juramentum non deposuerimus. Metropolita etiam nobis respondit, jubens nos redire in patriam nostram et sequi dispositionem Exc. Commissionis, intuitu hujus negotii institutae. — —

Dum rediisset a metropolita, quid responsi protunc accepit intuitu Unionis?

Nos responsi loco accepimus a metropolita, quod siquidem hactenus secundum dicta tua Unionem non recepistis et nec sciretis (!), quid sit, redeatis et sequimini, quod vobis Exc. Commissio jubebit.

Что же приказала комиссія?

Posteaquam ego et mei coitinerantes, a metropolita in I. principatum Transylvaniae reduces, nosmet in facie Exc. Commissionis insinuassemus, penes nostram instantiam repositum est nobis per — — baronem Möringer: eatis — — domum, parochi enim erunt et uniti et non uniti. Redux ab Exc. Commissione statim adhaesi Graeco ritui non unito, ita et mei coitinerantes, habentes dependentiam a Soffronio.

Hactenus semper negavit, quod nec benedictionem acquisivisset a metropolita, nec litteras ullas accepiset, ut reponatur in parochiam, apparet tamen ex litteris Georgii Pap adduxisse a metropolita quoddam mandatum, quod reponatur in parochiam. Cui dedit illud mandatum et per quem est repositus ad parochiam?

Ego a metropolita tantum verbale mandatum attuli, quod, dum Georgio popae, tanquam vicearchidiacono Rece-Kristyorensi, proposuissem me resultum fecisse ab Unione virtute harum literarum, eo facto me illocavit in meam pristinam parochiam.

(Раньше онъ показалъ на вопросы о письмахъ Софронія):

Omnes ii, mei consocii, — — a(c)quisiverunt hujusmodi literas a Soffronio et, posteaquam rediissemus, ii etiam, quemadmodum et ego, repositi sunt ad suas parochias servivimusque in parochiis nostris, qua non uniti.

При посвященіи per episcopum Graeci ritus unitum Aaron in Balázsfalva въ дьяконы въ 1759 г. и въ священники въ 1760 г. fecitne professionem fidei protunc?

Ego aliam professionem fidei non feci, praeterquam quod presbyteratum assumpserim, siquidem attunc nulla mentio fuisset Unionis vel non Unionis.

64) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, графу Карольи 14 сентября.

— — Visitam 22 evoluti mensis ceptam ad 14 hujus feliciter et pro votis terminavi, neque unus turbatorum repertus est, qui aliquid contrarii reposuisset; omnes unanimi sensu propositis meis consenserunt. — — Declarata est eisdem unitas fidei et diversitas rituum, quibus intellectis uno ore facto clamore sic velle se servare et stare (народъ) affirmavit. *(А. К.)*

65) Exc. Camera R. Hungarico-Aulica Императрицѣ 18 сентября.

(Епископъ Синезій, посѣтивъ сосѣднихъ съ Трансильваніей неунитовъ, собралъ съ нихъ много денегъ). Demum cum comitiva 15 incirca — — poponum non publica regia, ast suspecta et prohibita, ob montesque et valles vix practicabili via per finitimam possessionem Petrics versus pagos unitariorum in Transylvaniam iter susceperit — — nullis salvi passus litteris reproductis ad ipsae Transylvaniae limites progressus, multos deinde popones ad se accersiri fecerit, ac ipse noverit, quae cum iisdem contulerit, quoversumve dein iter suum continuaverit? — —

(Изъ другаго донесенія видно, что это произошло въ началѣ сентября).

66) Vicecomes comitatus Beregiensis Consilio Locumtenentiali 21 сентября.

(9-го сентября былъ произведенъ въ Мукачевѣ новый допросъ задержанныхъ поповичей (см. выше № 50). Такъ какъ главный подстрекатель Маринецъ бѣжалъ въ Польшу, то ихъ пока нельзя отпустить на свободу.) Nullus alter similis aut quoquo modo internae tranquillitati nocivus casus in gremio comitatus hujus intercessit — —.

67) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, Comiti Cancellario 30 сентября.

(Необходимо основать школы въ Сиготѣ и Nagy-Bánya).

Къ донесенію приложенъ:

68) Докладъ о визитаціи мятежныхъ селъ въ Сатмарской столицѣ. Подробно изложено, чтó было имъ сдѣлано въ каждомъ селѣ. Посѣщены были: Csomaköz, Reszege, Enderöd (Endréd), Dengelegh (народъ призналъ a Sophronio ordinatos cantores nonnisi seductores et impostores fuisse), Iriny, Portelek, Vezend (Unionem hic populus existimavit esse ex Sophronianorum doctrina assumptionem ritus Latini), Terem (епископъ встрѣтилъ недовѣріе къ себѣ. Parochus localis retulerit priorem cantorem profugum et modo in monasterio Szantoviensi in parte Transylvaniae delitescentem clandestine ad hunc populum nocturnis temporibus transire eumque jam per se, jam suis litteris clandestinis in perverso Sophronianorum instillato errore confirmare, quin et amplius turbare et seducere. Qui tamen cantor d. vicecomiti denunciatus est capiendus), Gencs, Szent-Miklós, Isztró, Piskáros, Tőke-Terebes, Madarász, Réztelek, Lipó, Remetemező, Hideg-kút, Felső-Ujfalu, civitas Nagy-Bánya, Csikarló, oppidum Szin(yér)-Várallya, Apa, Aranyos, Megyes, civitas Szatmár-Németi, Dob, oppidum Nagy-Károly.

(Почти вездѣ народъ высказываетъ, что считалъ Унію новой вѣрой, Ольшавскій же разъясняетъ, что ritus Graecus сохраняется, требуется только unitas fidei cum Latinis.)

69) Comitatus Aradiensis Consilio Locumtenentiali въ октябрѣ.

(Волненія среди Валаховъ успокоились).

70) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, графу А. Карольи 23 октября.

Perscripseram Dominationi Vestrae, quod nempe populus Valachicus turbatus dextera —— Dominationis Vestrae manu in Sacram Unionem reductus sit. —— (*А. К.*)

71) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, Марамарошскому викарію Андрею Жеткею 24 октября.

—— Ex fidelibus Dil. Tuae sub 22 Oct. —— literis tam Szeklenczensium, quam Alsó-Rhonensium insolentiam ac temerarium ausum dolenter intellexi. Cui malo ut remederi possit, tam Dilectionis Tuae literas cum annexo contractu in copia, quam R. Pauli Glipcsey gravamina hodie —— Supremo Comiti Marmatico exmisi, eundem requirens, ut, cum mihi temerariam gentem Marmaticam coërcendi alter non suppetat modus, magistratuali brachio curet tam saeculares exorbitantes, quam presbyteros, alibi ordinatos et populum seducentes, interceptos invinculari ac, quemadmodum in Szathmariensi comitatu factum est, carceribus injici, siti, fame macerandos. Credo, pro sua obligatione sataget opportuno remedio hujusmodi insolentes comprimere. ——. (Arch. D. Gr. non Un. 21. 1761).

(*Дулишковичъ*, *I.* Историческія черты угро-русскихъ. Унгваръ. 1877. III, 163. пр. 3.)

72) Марія Терезія 26 октября.

(Указъ объ освобожденіи 8 валашскихъ діаконовъ и другихъ Валаховъ, in praesidio M. Varadiensi hactenus detentos, а также Берегскихъ поповичей).

73) Мануилъ, епископъ Мукачевскій, Consilio Locumtenentiali 31 октября.

(Задержанные поповичи (см. выше № 49) раскаялись и обѣщались быть вѣрными уніи и ему, епископу.)

— — Marmaticus — — d. Supremus Comes sub 6 Iunii labentis anni requisiverat me, ut ad evitandum tumultum in Marmatia, Transylvanico, nefors, parem exoriturum, per Aradiensem episcopum ordinatos in exercendis functionibus dissimularem. Quos etiam dissimulavi, nunc vero populum seducunt, adversus legalem loci parochum concitant, altaria praeoccupant, eundem parochum ejicere contendentes, quemadmodum factum est in possessione Szeklencze, ubi certus Alexius, Varadini ordinatus, tantopere adversum loci parochum meum commovit populum, ut, nisi hinc inde latitasset vel altum siluisset, verberatum ejecisset. Praemissum d. Supremum Comitem conveni, ut eundem Alexium cum sibi similibus curet intercipi non aliter, quam in comitatu Szatthmariensi factum est, ubi incarceratio similium multum refraenavit populum a praeconcepto suo temerario ausu — —.

74) Comitatus Aradiensis Consilio Locumtenentiali 3 ноября.

— — Juxta datam comissarii — — informationem, ad I. Transylvaniae Principatum episcopus idem (Sinesius) haud admissus, ex possessione Petrics non alio, sed directissima via Aradinum redierit — —.

75) Епископъ Синезій—кажется Consilio Locumtenentiali —15 ноября.

(Поборовъ никакихъ не производилъ. Это—ложный доносъ, который подалъ на него tricesimator Szoborsiensis Andreas Magyar. Паспорта не считалъ нужнымъ брать, такъ какъ производилъ обычную визитацію, какъ это установлено привилегіями. Въ Трансильванію отправился, желая посѣтить принадлежащій къ его епархіи districtus Halmagiensis. Никакихъ собраній священниковъ не созывалъ. Проситъ назначить слѣдствіе.)

Безъ даты.

76) Письмо кому-то Мануила Ольшавскаго. (Черновикъ).

— — Illud hic non sine mei animi dolore confiteri debeo — —, quod, si in gremio hujus gentis saltim a 10 annis scholae haberi potuissent, non facile fuisset istud malum exortum. Habitis enim scholis domesticis juventus fuisset bene ad presbyterii et cantoratus munus obeundum in S. Unione capacitata; plurimi vero modernorum presbyterorum, partim in Moldavia, partim alibi ordinatorum, una subingressis cantoribus, quos adusque domesticorum subjectorum defectus tollerare coëgit et ex quibus praesentis mali origo adjuta est, eliminati fuissent — —.

Semper — — praesentes (presbyteri et cantores) erunt luppi(!)sub pelle agnina et domestici S. Unionis inimici, omnes meos meorumve conatus evertentes et eversuri.

Avertant autem boni Superi, ut authoritate Regia — — in Transylvaniam populo, modo in s(ch)isma relapso, schismaticus episcopus admittatur. Tum enim evidenter sequetur, ut vicini Transylvani hujus comitatus populum, hic vero sibi vicinum per ordinem ad defectionem S. Unionis pertraxant. Non desunt enim etiam in superioribus I. comitatus Zempleniensis, prout mihi hesterna die meus Homonnensis archidiaconus retulit, qui ex fama, eorsum perveniente, mussitare incipiunt, Sophroniana opera collaudantes. Ego, ne malum suum in superioribus comitatibus progressum accipiat, jam ex parte (mea) feci ordines, conformiter ad Benignum Exc. Consilii Locumtenentialis Regii decretum, I. comitatibus emanatum — —. *(A. K.)*

77) Puncta, suadenda Suae Majestati pro sedanda inquietudine schismaticorum et pro confirmandis unitis.

1. Privilegia, nationi Illiricae concessa, — — intelligantur de locis, quae a jugo Turcico ad fidem Augustae Domus transiverant, quibus solis sunt elargita; non vero trahantur in favorem religionis ita, ut hujus consortes, ubicunque intra regnum Hungariae degant, ad eorundem privilegiorum participationem admittantur. Privilegia enim haec et localia et vulnera sunt regis, alias in regno Hungariae cum dominante Ecclesia catholica nullam aliam sectam, quam Augustanam et Helveticam confessionem admittentis. — —

3. Episcopi non uniti, si sola eorum ordinatio dematur, nullam a metropolita Carlovicensi habeant dependentiam, nullam negotiorum suorum cum eo communionem, sed ad instar superintendentum Augustanae et Helveticae confessionis quisque suo duntaxat districtui praesit — —.

7. Praecipue Aradiensis non unitus episcopus, amore hujusmodi pensi (т. е. полученія cathedraticum и денегъ за посвященіе), ordinat Graecos, ex quacunque regni parte ad se venientes; qui ejus tributarii, per regnum, etiam inter populum unitum, dispersi,

postea Unionem turbant, schisma promovent. —— Hic episcopus cum reliquis omnibus obligandus esset, ne quempiam ordinare praesumat, nisi ei statim in districtu suo de vacante quapiam ecclesia —— providere possit. (*A. K.*)

78) Императрица митрополиту Павлу Ненадовичу 20-го числа (мѣсяцъ въ копіи не обозначенъ).

Maria Theresia, von Gottes Gnaden Römische Kaiserin in Germanien, zu Hungarn und Böheim Königin, Erzherzogin zu Oesterreich etc.

Ehrwürdiger, Lieber, Andächtiger und Getreuer! Wir haben zu wiederholtenmahlen deiner Andacht Theils selbsten zugleich ernstlich und gnädigst anbefohlen, Theils aber durch Unseren Illyrischen Hof-Deputations-Präsidem beybringen lassen, dass dieselbe sich aller Einmischung in die Siebenbürg. Religions-Anliegenheiten bey Unserer schwerer Ahndung gänzlich zu enthalten hätte.

Nichtsdestoweniger haben Wir seithero vernehmen müssen, dass auf einer derer von einem verwegenen Callugier Namens *Sophronius* gehaltener, höchst verbottener Zusammenkünften beschlossen worden, eigene Abgeordnete an deine Andacht abzusenden, dass diese Abgeordnete bey deroselben sich würklich eingefunden, und dass obgleich, wie vorgegeben wird, deine Andacht selbe zur Ruhe, Treue und Schuldigen Gehorsam angewiesen, untereinsten jedoch ihnen Gehör und Hoffnung gegeben worden, für dortige Nichtunirte wegen Überkommung eines eigenen, über Menschengedencken allda nicht angestellt-gewesten Bischoffs das Vorwort zu sprechen.

Wann also gleich vollen Grund hätte, dass deine Andacht die widerspenstige und Tumultuanten von aller Thathandlung und Ungehorsam ernstlich abgemahnet habe; so würde Sie doch nach Unseren vorhin erhaltenen Befehlen, sich in dem vergangen haben, die Abgeordneten auch nur anzuhören, und ihnen nebst obiger Warnung nicht untereinsten das erhaltene Verbott, und dass sie als Unterthanen Uns als Landesfürstin zu gehorsamen verbunden wären, schlechterdingen zu bedeuten.

Da Wir nun anjezo einen eigenen Königl. Comissarium zu Herstellung der Ruhe in Unserem dortigen Erb-Fürstenthum mit der Anweisung absenden, nach vorhero vollständig versicherter Ruhe alles genau zu untersuchen, die gegründeten Beschwerden abzutun und hierunter Gerecht-und Billigkeit allein vor Augen zu haben, als würde sich deine Andacht doppelt verantwortlich machen und Unsere schwere Ugnade sich unfehlbar zuziehen, wann sie gegen Eingangs erwehntes Verbott handlen, das ist mittel- oder ohnmittelbahr in die Siebenbürgische Händel und was nur immer ihre dortige Glaubens-Genossen betrift, sich einmischen

sollte. Als welches Wir Ihro hiemit nochmahlen auf das schärfste untersagen.

Zugleichen haben Wir bereits vor geraumer Zeit gegen deine Andacht, wie billig, geahndet, dass sie sich unterstanden, den Offner Bischoffen, als er hier war, über dem, was vorgefallen, zur Rede zu stellen.

Da Wir ihn nun anwiderum anhero beruffen, so versteht sich von selbsten, dass sie (sich) nicht minder anjezo und künftighin gänzlichen zu enthalten habe, ihn derenthalben auch nur anzugehen oder zu befragen.

Dieses ist mithin Unser ernstlicher Will, und versehen Wir uns zu deiner Andacht, dass Sie demselben vollständig pflichtschuldigst nachleben werde. In welcher Zuversicht Wir mit Kayserl.-Königl.-und Erzherzogl. - Gnade deiner Andacht wohlbeygethan verbleiben.

Geben in Unserer Stadt Wienn den zwanzigsten Monats-Tag Morgen(?)in siebenzehnhundert ein-und sechzigsten, Unserer Reiche in ein-und zwanzigsten Jahre.

Maria Theresia m. p.

Jos. Christ. v. Bartenstein m. p.
Ad Mandatum Sacrae Caesareo-Regiae Majestatis proprium.

L. S. Dem Ehrwürdigen Paulo Nenadovich, Erzbischofen und Metropoliten der Orient. Kirchen G'raeci ritus non unitorum, Unserem geheimen Rath, Lieben, Andächtigen und Getreuen.

79) Summa porrecti nomine totius plebis Valachicae non unitae memorialis cum resolutione Aulicae Commissionis.

1. Rogamus, ut de praesenti non uniti pacem in nostra religione habeamus.

Resolutio: Hocce petitum supplicantibus non solum applauditur, verum super eo etiam nomine S. Majestatis S. — — assecurantur, quemodmodum et ante hoc Clementissime et plus una vice id ipsis concessum est.

2. Rogamus, ut S. S. Majestas super eo exoretur, ut nobis episcopus non unitus ex voluntate et benedictione suae Exc. de Karlovicz ac Praefectu (?) omnium Transylvaniae magnatum mittatur.

Res.: Commissio, Altissimam hanc Gratiam a S. Sua Majestate exorando, effectuare operam dabit, de cujus successu, dum plebs haec Valachica oboedientiae et tranquillitatis documenta — — edere sataget, nullo dubitet Commissio.

3. Rogamus liberationem nostrorum, intuitu religionis Vien-

nam expeditorum, nominanter (— такихъ-то), quemadmodum per suasionem totius (plebis) eo se contulerunt.

Res.: (Когда все успокоится, можно надѣяться на успѣхъ просьбы).

8. Rogamus protectionem pro popa Soffronio, ut et ipsi libere concedatur non unitos popas per provinciam in Graeco ritu instruere eosque (!), donec S. S. Majestas Graeci ritus episcopum nostrum submiserit.

Res.: Soffronius omnino fruetur protectione nec habet, quod timeat, nam ipsi, veluti et reliquo populo, condonatio praeteritorum commodo cedet, quamprimum ille—uti nec dubitatur—futuris Altissimis ordinationibus se obedientem exhibebit. Propter modalitatem vero populum ultronee docendi et in antiquo Graeco ritu informandi, necesse erit, ut Soffronius ipse a me, tanquam praeside Commissionis, ulteriorem idcirco instructionem accipiat, ut id ipsum suo ordine legaliter instituatur et definiatur.

9. Soffronium omnino excusamus, ille enim provinciae pacem turbare nunquam voluit, assecurantes praeterea, quod nec is, nec tota gens Valachica S. Unionem quomodo vituperet.

10. Rogamus, ut vis nobis non inferatur neque Soffronius persecutioni exponatur, nam nos illum persuasimus, ut nos doceat et juxta religionem non unitam instruat.

Res. ad 9 et 10: In postremo jam responsum, quocirca ille tanto minus timendum habet, quanto in suam securitatem adhuc pro superfluo salvum conductum prae manibus habeat, poteritque ille absque unius capitis pili laesione comparere. (*А. К.*)

Изъ Дулишковича „Историческія черты угро-русскихъ".

80) Барковцій —— между другими и такъ совѣтуетъ: Auctor sum, ut etiam V. D. Ill. se Pócsinum conferat et e vicino invigilet, cum concilio fidorum sacerdotum consultet. Si quos autem ex his suspectos notaverit, illico captos ab ovibus separet petitaque comitatus assistentia Agriam mittat, ubi tutius asservabuntur. — — De oppidis Dorogh et Böszörmény scribit mihi Szabolcs. V. A. D., quod in publicis precibus pro Russica Imperatrice orent. (Archiv. Gr. non Unit.). (*III, 162.*)

81) Сообщивъ объ успокоеніи М. М. Ольшавскимъ, „Волошскаго раздора", Дулишковичъ добавляетъ: Но все-таки находимъ еще слѣдовъ православія и въ Мараморошской жупѣ, — напр., въ Сокирницѣ. (Arch. D. Gr. non Un. 24). Въ Верховинѣ въ Искахъ вѣрники отперли Викарію передати своего схизматикомъ

освященнаго попа. (Arch. Gr. non. uniti 20 ad ann. 1761). *(III, 162.)*

82) Арадскій епископъ самъ 22 августа 1764 г. объявляетъ, что имъ рукоположены: Шепетюгъ изъ Студеного и Мих. Попъ отъ Ростоки (Archiv. D. Gr. non Unit. 36, 1764), слѣдовательно, только 11 іюля 1769 г. объявила Мараморошская I. Universitas „non unitos in suo sinu jam non dari" (Archiv. D. № 43). *(III, 163.)*

Лѣто 1904.
Ораніенбаумъ.

Черты изъ церковной жизни Западной Руси XVI в. по Запискамъ минорита о. Іоанна Коморовскаго.

Е. Тураевой-Церетели.

„Записки ордена братьевъ миноритовъ, братомъ Іоанномъ Коморовскимъ составленныя“ — Memoriale ordinis fratrum minorum a fr. Ioanne de Komorowo compilatum — интересный памятникъ первой половины XVI вѣка. Онъ былъ извѣстенъ еще въ 1872 г., правда не въ полномъ своемъ видѣ, проф. Цейссбергу (Archiv für österreichische Geschichte t. 49), но изданная тогда редакція „Записокъ“ не имѣла никакого почти интереса для занимающихся русской исторіей. Иначе приходится отнестись къ изданію „Записокъ“ І. Коморовскаго въ Monumenta Poloniae Historica 1888 г. t. V (Lwow). Здѣсь мы встрѣчаемъ данныя, имѣющія отношеніе къ Литвѣ и Западной Руси и даже къ Руси Московской.

Интересующій насъ памятникъ находится въ счастливомъ положеніи, по выраженію самихъ издателей: онъ имѣется въ трехъ рукописяхъ XVI в., писанныхъ рукою самого автора. Издатели „Записокъ“ І. Коморовскаго въ Monumenta Poloniae Historica воспользовались всѣми тремя рукописями, изъ которыхъ двѣ — обширной редакціи и одна — редакціи краткой, извѣстной раньше проф. Цейссбергу. Необходимо сказать нѣсколько словъ о рукописяхъ [1]). Рукопись библіотеки кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ подъ № 3792 переплетена въ толстую книгу, на первыхъ страницахъ которой встрѣчаемъ письмо генерала Гонзаго, рекомендацію провинціала Михаила Русина къ братіи ордена въ Польшѣ (событіе, здѣсь упоминаемое — 70 годовъ XVI в.) и знаменательную надпись „pertinet ad Archivum Provinciae Poloniae“. Затѣмъ уже на бумагѣ иного сорта начинается текстъ „Записокъ“, заключающійся на 136 страницахъ. Въ текстѣ много поправокъ, вставокъ, добавленій; на 1-й же страницѣ — надпись „Fr. Ioannes de Komorowo hunc librum compilavit“. Всё это написано однимъ почеркомъ,

---

[1]) См. предисловіе въ „Monumenta“ стр. 1—16.

который и приписывается самому I. Коморовскому. На 136-й стр. отмѣчена другою рукою смерть его и прибавлено на поляхъ: „P. Iohannes Komorowski hunc librum conscripsit". — Въ другой рукописи изъ библіотеки Ягеллонской въ Краковѣ (№ 3539) встрѣчаемъ тотъ же самый текстъ обширной редакціи „Записокъ", съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ и писанный тѣмъ самымъ почеркомъ, что былъ признанъ за почеркъ I. Коморовскаго. Рукопись писана безъ поправокъ и помарокъ, но не тщательно и даже въ перемежку съ другимъ почеркомъ. Число страницъ—281. Начальныя же 16 страницъ книги, въ которую вплетена рукопись „Записокъ", заключаютъ въ себѣ разсказъ о несправедливостяхъ и козняхъ переживаемыхъ миноритами, при чемъ упомянуты 1522 г. и личность Краковскаго гвардіана Раф. Проховецкаго. Въ концѣ книги—надпись „Hoc manuscriptum est venerabilis patris Ioannis Komorowii". Обширная редакція „Записокъ", представленная этими двумя рукописями, составлена I. Коморовскимъ незадолго до его смерти, послѣдовавшей въ 1536 году; къ такому заключенію приводитъ упоминаніе авторомъ 1535 г. и цѣлый рядъ ссылокъ на событія конца 20 годовъ въ текстѣ „Записокъ". Что же касается до хронологической связи между этими двумя рукописями, то, по мнѣнію издателей, первую надо признать за болѣе раннюю.—Третья рукопись отличается отъ двухъ первыхъ, ибо заключаетъ въ себѣ краткую редакцію „Записокъ". Она находится въ Варшавѣ въ библіотекѣ Красинскихъ; текстъ помѣщенъ на 116 стр., писанныхъ тремя почерками, изъ которыхъ 1-й — почеркъ самого I. Коморовскаго. Рукопись представляетъ изъ себя не оригиналъ (не существующій), а копію съ него и по тексту ближе подходитъ къ 1-й, чѣмъ ко 2-й рукописи обширной редакціи „Записокъ". По времени составленія краткая редакція значительно опережаетъ обширную: она составлена около 1512 года и этотъ фактъ чрезвычайно важенъ. Многія вставки и измѣненія соотвѣтствующихъ мѣстъ обширной, болѣе поздней, редакціи проливаютъ свѣтъ на работу I. Коморовскаго и на его отношеніе къ событіямъ.

Авторъ интересующаго насъ памятника, дѣйствительно счастливо сохранившагося, какъ могли это видѣть изъ обзора рукописей, — I. Коморовскій — былъ не безъизвѣстнымъ писателемъ, когда приступилъ къ своему труду. Извѣстно богословское его сочиненіе „Introductio in doctrinam doctoris subtilis", выдержавшее нѣсколько печатныхъ изданій уже при жизни автора (изд. въ Краковѣ 1508, 1512, 1515, 1519 гг.). Другое историческое сочиненіе, на которое авторъ ссылается много разъ, неизвѣстно въ настоящее время, но предполагалось, что оно имѣлось въ библіотекѣ Залусскихъ. Сочиненіе это — „Sermones de regula et condi-

cionibus ordinis minorum", писано между 1503—1506 г. и посвящено „ad Lucam de Rydzyna vicarium provincie Polonie". Интересъ къ трудамъ I. Коморовскаго, сохраненіе ихъ въ архивѣ показываютъ, что они были въ чести и у общества, и у начальства ордена. Что же касается до біографическихъ свѣдѣній объ Іоаннѣ Коморовскомъ, то всѣ они почерпаются изъ его же собственныхъ „Записокъ". Зная, что въ 1536 г. онъ умеръ почти 70-лѣтнимъ старикомъ, относимъ годъ его рожденія къ 70 годамъ XV в. Въ 1493 г. I. Коморовскій былъ, по его собственнымъ словамъ, секретаремъ у одного изъ польскихъ пановъ, а въ слѣдующемъ 1494 г. поступилъ въ число братій ордена Миноритовъ и, будучи капелланомъ, въ 1498 г. спасся бѣгствомъ отъ турокъ, напавшихъ на Самборъ. Въ 1511 г. I. Коморовскій—гвардіанъ Виленскаго отдѣленія ордена, затѣваетъ рядъ построекъ, ищетъ благодѣтелей и распоряжается вслѣдъ затѣмъ судьбой имущества великой княгини литовско-русской и королевы польской Елены Іоанновны. Съ 1513 г. дѣятельность его переносится то въ Варшаву, то въ Краковъ, расширяется; онъ быстро поднимается по іерархической лѣстницѣ, ѣздитъ въ Римъ, присутствуетъ на собраніяхъ духовенства, избирается „in ministrum provincialem provincie Polonie" и только въ 1532 г. по болѣзни слагаетъ съ себя эту должность, до самой смерти, въ 1536 г., продолжая составленіе своего главнаго труда „Memoriale ordinis..." [1])

„Записки" I. Коморовскаго носятъ особый отпечатокъ, наложенный авторомъ, несмотря на всю его осторожность и выдержанность. Вчитываясь въ памятникъ, привыкаешь къ хаотической манерѣ разсказа, отыскиваешь нити, и тогда лишь начинаетъ выступать фигура автора съ его симпатіями и антипатіями, съ его волненіями, съ его традиціями. Внѣшній видъ „Записокъ" и первое знакомство говорятъ, что мы имѣемъ дѣло съ хронологическимъ разсказомъ о жизни ордена въ Польшѣ; присматриваясь же внимательнѣе, видимъ, что авторъ нарушаетъ эту послѣдовательность то воспоминаніями прошлаго, то ссылками на послѣдующія событія, то сопоставленіями и сравненіями: сверхъ того чрезвычайно любопытны разночтенія въ обширной и краткой редакціяхъ „Записокъ". Благодаря всему этому можно иной разъ уловить мотивы, руководящіе I. Коморовскимъ, и уяснить себѣ нѣкоторые изъ его взглядовъ.

Что же представляютъ изъ себя по содержанію „Записки" I. Коморовскаго? Хронологически начинаются онѣ вслѣдъ за обычнымъ вступленіемъ разсказомъ объ основаніи и распространенія

[1]) См. „Monumenta" стр. 217, 219, 248, 266—269, 293, 304, 305—311, 314, 315, и т. д.

по Западной Европѣ ордена Францисканцевъ; съ XIII в., со времени появленія ордена въ Польшѣ, эта страна привлекаетъ главное вниманіе автора. Наибольшей же полноты достигаетъ разсказъ при описаніи событій, касающихся жизни ордена въ Польшѣ въ послѣднія десятилѣтія XV и первыя XVI в.—Заключаютъ въ себѣ „Записки" описаніе капитуловъ, избраній, характеристику дѣятелей ордена, разсказы о постройкѣ церквей, объ открытіи отдѣленій ордена, о столкновеніяхъ въ средѣ ордена, о столкновеніяхъ съ населеніемъ, объ отношеніяхъ къ Римскому престолу и къ правительству. Злоключенія ордена, церковная жизнь Польши, успѣхъ пропаганды среди схизматиковъ, войны Польши съ турками и съ татарами, отношенія Литвы къ Москвѣ, событія въ семьѣ Ягеллоновъ... вотъ тѣ разнообразные мотивы, какіе переплетаются между собою подъ перомъ о. І. Коморовскаго, привлекая вниманіе то историка Польши, то занимающихся Литвой и Западной Русью.

Вниманіе послѣднихъ должны привлечь: во 1) пропаганда бр. Миноритовъ среди русско-литовскаго населенія, для чего важны факты, сообщающіе обстоятельства открытія и закрѣпленія отдѣленій ордена въ русско-литовскихъ городахъ, факты, рисующіе отношеніе населенія, факты, относящіеся до судьбы великой княгини Елены Іоанновны; во 2) національное направленіе въ средѣ ордена, поддержанное обществомъ Литвы; мы имѣемъ здѣсь любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литовскихъ панахъ XVI в., и въ 3) отраженіе внѣшнихъ событій—войнъ съ турками, татарами и Москвой,—на жизни мирныхъ жителей, при чемъ нападеніе турокъ въ 1498 г. находитъ себѣ въ „Запискахъ" чрезвычайно цѣнное описаніе очевидца. — Не имѣя возможности въ данной статьѣ коснуться всѣхъ этихъ вопросовъ и всесторонне разобрать памятникъ, попытаюсь обратить вниманіе на всѣ тѣ мѣста „Записокъ", которыя обрисовываютъ взаимныя отношенія бр. Миноритовъ и русско-литовскаго населенія.

Орденъ Миноритовъ появился въ Польшѣ въ XIII в. и, говоря еще о первомъ капитулѣ у нѣмцевъ, І. Коморовскій обѣщаетъ въ своемъ мѣстѣ сказать, „когда и откуда прибыли братья Минориты" въ польскую провинцію. Обѣщаніе это онъ исполняетъ ссылкой на два противоположныя мнѣнія Іордана и Мѣховскаго. О первой и неудачной попыткѣ ордена проникнуть въ Литву упоминается позже: подъ 1341 г. кратко замѣчено: „Въ герцогствѣ Литовскомъ, въ провинціи Богемской, въ городѣ Вильнѣ въ 1341 г. убиты язычниками два брата францисканца Ульрихъ и Мартинъ". Въ другомъ мѣстѣ упоминается „Kmytha doctor de magna domo dominum", онъ былъ принятъ въ совѣтъ при королѣ

Ягайлѣ Литовскомъ, который въ годъ 1386 былъ избранъ въ короли Польши, въ день, когда въ церкви поется „exurge domine", и крещенъ... Затѣмъ взялъ въ жены дочь короля Венгріи Ядвигу. „И въ это время Литва начала воспринимать вѣру католическую, и тамъ нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ Обсервантовъ доселѣ мучимы; и епископамъ было приказано, и буллы имъ были даны Григоріемъ IX, чтобы могли приводить къ послушанію церкви Римской русскихъ и другихъ схизматиковъ и крестить язычниковъ" [1]).

Высказанная программа дѣятельности не можетъ возбудить нашего особеннаго вниманія: политика Рима хорошо извѣстна. Но выраженіе „тамъ наши братья и доселѣ мучимы" заставляетъ задать вопросъ, о какихъ такихъ мученіяхъ говоритъ авторъ „Записокъ"? въ словахъ его слышится голосъ современника, и дѣйствительно, отвѣтъ на вопросъ мы найдемъ въ изложеніи событій XVI в.—Страннымъ кажется затѣмъ разсказъ о бракѣ Ягайлы съ Ядвигой. Событіе это не выдвинуто на первый планъ, авторъ даже не ставитъ его въ связь съ избраніемъ Ягайлы въ короли Польши; даже больше—все это сообщеніе, помѣщенное въ краткой редакціи, находитъ нужнымъ выпустить въ обширной, болѣе поздней. Подобное отношеніе писателя XVI в. къ событію, имѣющему важное историческое значеніе, заставляетъ думать, что либо Коморовскій не понималъ его важности, либо считалъ замѣтку свою неудобной въ своемъ трудѣ. Мы обращаемся невольно къ другимъ памятникамъ приблизительно того же времени и встрѣчаемъ слѣдующее: въ лѣтописи Авраамки, писанной, какъ въ ней сказано, при великомъ кн. Литовскомъ Александрѣ (рукопись конца XV и начала XVI в.) читаемъ: „оженися Ягайло и поятъ за себе нѣкую королицю, не имущеи ни отца, ни матере, тоя же ради досталось ему корольвъство в Лятьской земли" [2]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи І. Коморовскаго приводятся данныя, по которымъ мы можемъ судить, насколько успѣвали братья Минориты въ своей дѣятельности—пропагандѣ католичества, и какія тернія встрѣчали они на своемъ пути. Перелистывая „Записки", встрѣчаемъ указанія и разсказы объ открытіи отдѣленій ордена по различнымъ мѣстамъ Польши, Литвы и Западной Руси, число ихъ къ началу XVI в. было 24. Разсказы объ открытіи этихъ отдѣленій среди русско-литовскаго населенія заслуживаютъ нашего вниманія.

Первымъ отдѣленіемъ ордена среди русскихъ было отдѣленіе Львовское, открытое въ 1460 году [3]).

---

[1]) См. „Monumenta"—стр. 134.
[2]) П. С. Р. Л. т. 16, стр. 119.
[3]) Monumenta—стр. 189.

„Въ томъ же году, когда и вышеупомянутое (т. е. Люблинское), было открыто 9-е отдѣленіе ордена во Львовѣ о. Гавріиломъ, викаріемъ провинціи; основано же (на средства) вельможнаго пана Андрея Odrowasza, губернатора Подоліи и коменданта Львова, сердечнаго друга нашего ордена, надежнѣйшаго защитника. Вѣдь почтеннѣйшій господинъ архіепископъ Львова со своимъ капитуломъ былъ противъ названнаго пана и братіи, но въ концѣ концовъ онъ преодолѣлъ и получилъ отъ нихъ согласіе, когда братія уже тамъ жила. Между тѣмъ русскіе, которымъ они были ненавистны, сожгли монастырь, и большая часть его была истреблена, въ особенности церковныя облаченія и сосуды. Наконецъ трудами вышеупомянутаго ясновельможнаго пана возобновлены церковь и большая часть службъ. Вышеупомянутый о. Гавріилъ, викарій, имѣлъ обыкновеніе говорить въ своихъ наставленіяхъ, что если надолго желательно утвердиться ордену Обсервантовъ въ Польшѣ, то да воздерживается братія отъ исповѣди и пріязни женщинъ, отъ попоекъ и пиршествъ, не требуемыхъ естественными потребностями, отъ принятія конвентуаловъ и куріаловъ, отъ подозрѣній и ложныхъ доносовъ, такъ какъ и о. de Levanto говорилъ: „кого охватитъ порокъ подозрѣнія, тому невозможно спастись, и по причинѣ взаимнаго неуваженія происходитъ раздѣленіе провинцій".

Зная, что столкновенія съ мѣстнымъ духовенствомъ и раздоры между обсервантами и конвентуалами составляютъ предметъ раздраженія и безпокойства автора, понимаемъ, что не спроста приведены имъ слова о. de Levanto и викарія Гавріила. Ложные доносы, взаимное неуваженіе привело, по мысли Коморовскаго, орденъ къ раздѣленію и къ испытанію несправедливостей всякаго рода. Занятый этою излюбленною своей мыслью, авторъ своими собственными устами засвидѣтельствовалъ попутно другой важный для насъ фактъ,—засвидѣтельствовалъ враждебное отношеніе русскаго населенія, причины трудности для Миноритовъ основаться въ Львовѣ и тѣ средства, къ коимъ они прибѣгали въ своей дѣятельности. I. Коморовскій обмолвился объ исповѣди женщинъ и вліяніи на нихъ. Не менѣе враждебно относилось къ Миноритамъ населеніе Полоцка; еще болѣе опредѣленны полномочія и дѣятельность ордена въ этомъ городѣ, какъ узнаемъ мы изъ послѣдующаго разсказа того же автора. Русскіе Полоцка обвиняли братьевъ по вопросу о бракѣ и разводѣ, обращались съ жалобами къ начальству, которое усиленно поддерживало орденъ. Помѣщеніе монастыря раза три или четыре сжигалось московскими войсками во время нападенія на городъ и, очень можетъ быть, дѣло не обходилось безъ участія жителей. Несмотря на все это, Минориты съ упорствомъ не покидали намѣченнаго ими мѣста и получали поддержку со стороны правительства и со стороны римскаго престола, имѣя право разбирать дѣла семейныя, о бракѣ и разводѣ, имѣя право присутствовать на судѣ и

возбуждать дѣла въ обвиненіи противъ религіи. Но обратимся къ самому источнику [1]).

„XXIII отдѣленіе ордена въ Полоцкѣ было открыто досточтимымъ о. Владиславомъ... во второе его трехлѣтнее избраніе, т. е. въ 1498 г.; дано мѣсто и куплено свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ, такъ какъ мѣста и дома тамъ принадлежатъ разнымъ лицамъ. Въ этомъ отдѣленіи первымъ гвардіаномъ былъ назначенъ о. Левъ изъ Lanczyd'а, который оставался тамъ почти 15 лѣтъ, насаждая вѣру католическую, проповѣдуя и крестя, выслушивая исповѣдь. И многія тысячи схизматиковъ и литовцевъ, изъ тѣхъ, что доселѣ оставались язычниками, обращены были; и тамъ же братіи пользовались привилегіями (ордена) въ св. Землѣ и Босніи по отношенію къ брачнымъ постановленіямъ въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ, по отношенію къ защитѣ на судѣ, къ устройству разводовъ въ иныхъ случаяхъ, по поводу наказанія отступниковъ по указу великаго князя и короля. Господинъ король далъ это самое (разрѣшеніе) письменно, поручая воеводамъ и гражданамъ, чтобы они присутствовали съ братіей на судѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда братіи привлекутъ кого-нибудь на судъ, отстаивая честь религіи; многое и другое заключалось въ этихъ королевскихъ грамотахъ относительно брака и суда брачнаго, такъ какъ русскіе въ этомъ-то сильно и мѣшали братьямъ. Грамоты эти подтверждались и другими королями. Постройки отдѣленія были раза три или четыре сжигаемы москвичами и столько же разъ возобновляемы; хотѣли уже отцы ордена покинуть (это мѣсто), но ради народа христіанскаго и ради спасенія душъ остались: ибо много тысячъ людей различныхъ состояній, ежегодно очищаемыхъ купелью крещенія, увѣровали въ Господа Іисуса Христа и были водимы на всё доброе, а такъ какъ тамъ не было ни одного священника, то братіи и остались. И столь благопріятна для здоровья была и есть эта мѣстность, что братіи тамъ рѣдко умирали; со времени открытія отдѣленія до 1514 г. ни одинъ не умеръ, кромѣ о. Бонавентуры Литвина, бывшаго тогда тамъ гвардіаномъ: онъ былъ убитъ во время осады москвичами. И государь король Польши Александръ пожертвовалъ въ церковь двѣ чаши и отдѣленіе Виленское снабдило церковь всѣми облаченіями, какъ на алтарь, такъ и на священнослужителей, а тамъ позднѣе снабжали и благочестивые люди облаченіями, утварью и другими разными приношеніями".

Въ томъ же году (1498 г.) было открыто отдѣленіе ордена въ Скемпе, а черезъ годъ тотъ же самый о. Владиславъ спѣшитъ разузнать „приготовлены ли для житія братіи отдѣленія ордена въ Скемпе и Полоцкѣ".—Разсказъ І. Коморовскаго въ высшей степени интересенъ. Прежде всего нельзя не отмѣтить, что разсказъ ведетъ современникъ событія, одинъ изъ дѣятелей ордена; пишетъ онъ послѣ 1513 г. и умѣетъ обратить вниманіе на существенныя черты жизни Полоцкаго отдѣленія. Мы видимъ ясно, какъ спѣшили

[1]) Monumenta... стр. 282.

съ открытіемъ его, какъ заботились о возобновленіи, какъ щедро поддерживали. Самымъ крупнымъ жертвователемъ является самъ великій князь Александръ; не мало помощи оказываетъ Виленское отдѣленіе, находившееся уже въ процвѣтаніи. Гвардіаномъ же въ Вильнѣ въ 1513 г. былъ самъ І. Коморовскій. Ясно, что дѣятельности ордена въ Полоцкѣ придавали важное значеніе и права, дарованныя Миноритамъ буллами и грамотами, о чемъ мы уже говорили выше, обезпечивали имъ свободу дѣйствія. Авторъ считаетъ дѣятельность весьма плодотворной, насчитывая крещенныхъ тысячами. Мы только можемъ удивляться, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. еще находились въ Полоцкѣ язычники; можемъ удивляться сообщенію автора, что при тысячной паствѣ не было въ Полоцкѣ ни одного священника изъ римскаго духовенства, кромѣ монаховъ Миноритовъ!—Выслушавъ голосъ современника и современника, заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ, обратимся къ другой версіи, исходящей отъ лицъ, заинтересованныхъ не менѣе І. Коморовскаго. Великій князь московскій Іоаннъ III былъ очень скоро освѣдомленъ о дѣятельности ордена въ Полоцкѣ, и слова его пословъ въ 1500 г. имѣютъ особенный смыслъ послѣ разсказа польскаго писателя: „колко велѣлъ поставляти божницъ римскаго закона въ русскихъ городахъ, въ *Полотцку* и въ иныхъ мѣстѣхъ, да *жены отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ животы отнимаючи*, силно покщаютъ въ римскій законъ“ [1]).—Открытіе отдѣленій въ Вильнѣ и Ковнѣ нельзя пройти молчаніемъ. Прежде всего мы видимъ здѣсь образецъ писательской манеры І. Коморовскаго, не выдерживающаго хронологической послѣдовательности: о Вильнѣ говоритъ онъ дважды подъ 1468 г. и подъ 1511, при чемъ не старается согласовать своихъ извѣстій; постоянно увлекается въ сторону своихъ воспоминаній и сопоставленій. Затѣмъ не должно забывать, что авторъ „Записокъ“, будучи гвардіаномъ Виленскаго отдѣленія, не мало труда положилъ на его благоустройство, искусно добывая для того средства [2]).

„Въ томъ же году (1468) открыто было отдѣленіе Виленское... основано свѣтлѣйшимъ государемъ Казимиромъ..., который столь милостиво былъ расположенъ къ братіи, что повсемѣстно въ своихъ владѣніяхъ и въ городахъ разрѣшалъ охотно отдѣленія... Этотъ наияснѣйшій государь при жизни своей былъ могущественнымъ защитникомъ нашего бѣднаго ордена среди различныхъ гоненій“.

Въ этомъ отдѣленіи первая церковь была деревянная, затѣмъ каменная, которая рухнула въ 1500 г., и тогда всѣ постройки монастырскія были сломаны, а выстроены вновь заново.

---

[1]) Сб. Р. И. О. т. 35, стр. 299.
[2]) Monumenta... стр. 200.

„Все было сдѣлано заново, благодаря щедротамъ разныхъ пановъ, въ особенности пана Cuszyk'а, тамъ похороненнаго, и семьи пановъ Радивиловъ и нѣкоего знатнаго пана Радивила. На его средства была передѣлана церковь каменная и всѣ кельи до церкви или церковки св. Анны и до „cruchta“; всё это было сдѣлано на средства вышеупомянутаго пана Радивила во время гвардіанства брата І. Коморовскаго“.

Это сообщеніе авторъ „Записокъ“ повторяетъ въ дальнѣйшемъ текстѣ нѣсколько иначе:

„Въ 1511 или 1512 былъ назначенъ гвардіаномъ Вильны І. Коморовскій и въ его время построена церковь иждивеніемъ пана Stanko изъ Ковны и благороднаго пана Радивила и помощью другихъ пановъ“...

Въ похвалѣ королю Казимиру повторяется мысль, много разъ высказываемая І. Коморовскимъ, что этотъ государь былъ особеннымъ защитникомъ ордена отъ всякаго рода непріятностей. Ни І. Альбрехтъ, ни Александръ не заслужили такой похвалы, какъ отецъ ихъ. Ему одному посвящаетъ І. Коморовскій цѣлое похвальное слово по поводу его смерти. Не щедрыя пожертвованія не всякаго рода благотворенія, не покровительство останавливаютъ вниманіе писателя, а защита братьевъ Миноритовъ отъ гоненій, клеветы, козней со стороны духовныхъ и свѣтскихъ лицъ

„На различныхъ собраніяхъ, когда врагъ человѣческаго рода возбуждалъ жалобы, конечно ложныя, на братію, этотъ свѣтлѣйшій государь противустоялъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ панамъ за братьевъ, отчего, если только ему было вѣдомо, не рѣшались наносить какое-либо зло братьямъ“ [1]).

Зная, сколько мѣста удѣляетъ авторъ разсказамъ объ этихъ ложныхъ обвиненіяхъ, чувствуемъ въ словахъ его жгучую злобу дня.

Но не одни только русскіе враждебно относились къ водворенію у нихъ ордена Миноритовъ: съ неудовольствіемъ встрѣтили паны Литовскіе открытіе отдѣленія въ Ковнѣ и пыталисъ всѣми средствами помѣшать постройкѣ, такъ что правительство и Римъ пришли на помощь ордену [2]). „Отдѣленіе Ковенское 17-е въ орденѣ открыто въ 1468 году о. викаріемъ, даровано вельможнымъ паномъ Станко, палатиномъ Трокскимъ“, постройки были деревянныя, а затѣмъ сакристія и больница выстроены изъ камня.

„Наконецъ около 1504 г. всѣ службы монастыря стали выстраиваться во время гвардіанства о. Антонія... благодаря пану Станко,

[1]) Monumenta... стр. 262.
[2]) Monumenta... стр. 202.

попечителю братіи, очень богатому человѣку и ревностнѣйшему благотворителю братьевъ; онъ выстроилъ это отдѣленіе со всѣми его службами, въ каковомъ видѣ стоитъ и до сего времени. Милость же папы Иннокентія VIII объ измѣненіи Ковенскаго отдѣленія, о чемъ ниже, надо понимать такъ: такъ какъ паны Литовскіе настаивали передъ королемъ Казимиромъ, чтобы тамъ не воздвигалось ничего изъ камня по причинѣ военной опасности, въ особенности же потому, что уже построили изъ камня сакристію, то они и предлагали другое мѣсто внѣ города достаточно хорошее. Но затѣмъ, такъ какъ городъ строился изъ камня, то и братьямъ тогда разрѣшили строить больницу, а великій князь Литовскій и впослѣдствіи король польскій Александръ милостиво разрѣшилъ, чтобы были воздвигнуты и храмъ и службы монастырскіе. Т. о, братія не воспользовались милостью папы Иннокентія".

Милость папы Иннокентія, которой братія не воспользовались, заключалась, какъ узнаемъ отъ самого І. Коморовскаго, въ согласіи на перемѣщеніе отдѣленія Ковенскаго и въ передачѣ власти надъ еретиками и нѣкоторыми невѣрными „для приведенія, возсоединенія и возвращенія ихъ въ лоно св. матери церкви". Т. о. годы 1504—1512, годы войны Литвы съ Москвою, являются самыми оживленными по благоустройству и обогащенію отдѣленій ордена Миноритовъ и свидѣтельство самого современнаго дѣятеля представляетъ интересъ несомнѣнный.— Въ числѣ городовъ русскихъ—арены дѣятельности Миноритовъ—упоминается Кіевъ. Хотя мать городовъ русскихъ не видѣла у себя постройки орденскаго отдѣленія, но съ дѣятельностью братіи была хорошо знакома. І. Коморовскій, разсказывая о панѣ Гаштольдѣ, палатинѣ Троксномъ, передаетъ слѣдующій фактъ [1]):

„Этотъ Гаштольдъ настолько любилъ братьевъ, что безъ нихъ едва могъ существовать; оттого то, когда онъ былъ назначенъ Казимиромъ въ Кіевъ (какъ capitaneus), то братья изъ Вильны постоянно около него находились"... „Эти братья, находясь тамъ среди русскихъ схизматиковъ, многихъ знатныхъ и простыхъ къ послушанію Римскому первосвященнику привели добрымъ примѣромъ и ученіемъ; городъ же этотъ отстоитъ отъ Вильны на 122 мили".

Этого друга Миноритовъ вспоминаетъ впослѣдствіи І. Коморовскій, возмущаясь дѣятельностью сына его Альберта, дѣйствовавшаго противъ польскихъ Миноритовъ во время національнаго спора и распри между литовскими и польскими монахами ордена.

Упомянувъ о Миноритахъ въ Кіевѣ, нельзя не отмѣтить и другого разсказа—о попыткѣ братіи проникнуть въ Московію. Случилось это въ 50 годахъ XV в. и І. Коморовскій передаетъ

---

[1]) Monumenta... стр. 224; ср. 351.

его, какъ преданіе, сохранявшееся въ орденѣ. Первый гвардіанъ Кракова, о. Владиславъ [1]),

родомъ изъ Венгріи, „пылая ревностью (къ мученичеству) во имя Христово и сострадая своему народу и племени распространилъ свою ревность на Скиѳію (оттуда венгры происходятъ), собралъ 12 (человѣкъ) братіи изъ молодежи ордена Обсервантовъ..... чтобы сѣять и насаждать вѣру католическую. Онъ пришелъ въ городъ Вуесz (Вѣна), гдѣ нашелъ королеву Софію, мать Владислава венгерскаго, убитаго турками, и Казимира, короля польскаго. И былъ ею принятъ ласково и съ почетомъ, и когда она спрашивала, куда отправляются, отвѣтилъ, что желаютъ отправиться съ Божьею помощью въ Скиѳію, которая и до сего времени пребываетъ въ богопротивномъ языческомъ заблужденіи. Желая обратить ихъ, какъ своихъ предковъ, изъ языческаго заблужденія въ католическую вѣру, мы, сказали они, потому то и просимъ смиренно твое королевское Величество, да удостоишь насъ милостиво охранительными и рекомендательными письмами къ князю Московскому. Она сказала: сдѣлаю это съ радостью, чтобы и меня Богъ сдѣлалъ участницей вашего путешествія, работъ и заслугъ. Итакъ предприняли путь, снабженные заботливостью королевскаго величества, ко Львову и оттуда въ Московію".

Испытали много труда, бѣдъ и гоненій, но

„по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ надежды оказались тщетными, такъ какъ отъ Московскаго князя не было получено позволенія идти дальше. Вѣдь какъ былъ этотъ послѣдній въ то время схизматикомъ, то и не обращалъ (никакого вниманія) на то, что было для Бога; вышеупомянутая же Скиѳія находилась подъ его управленіемъ точно также, какъ и въ настоящее время находится; боялся онъ наконецъ и того, чтобы обращенные въ вѣру (католическую) чрезъ этого св. отца не стали бы ему сопротивляться" [2]).

Ознакомившись съ этой неудачной попыткой Миноритовъ проникнуть въ Московію, мы должны остановиться на ней. Любопытно, что въ этомъ разсказѣ Московія называется Скиѳіей и проводится связь племенная съ венграми (подобный взглядъ встрѣчаемъ и въ другомъ памятникѣ, гдѣ въ рѣчи прелата привѣтствуется Сигизмундъ, возвращающійся изъ Сарматіи (1517 г.) и возвращающій отчизну предковъ, сѣдалище славянъ, къ которымъ авторъ не причисляетъ русскихъ [3]). Конечно Московія, исповѣдующая православіе, приравнивается къ странѣ языческой. Разсказъ подтверждаетъ еще разъ извѣстный фактъ—насколько ревниво оберегалась Москва отъ непрошенныхъ проповѣдниковъ.

[1]) Monumenta... стр. 173-174.
[2]) На обратномъ пути съ проповѣдниками случилось чудо: они воскресили своего издохшаго осла.
[3]) Monumenta Polonie, t. III. Rocznik świętokrzyski.

Посредничество королевы Софіи, русской по происхожденію, не избавило братьевъ Миноритовъ отъ суроваго отвѣта Московскаго князя. Надо замѣтить, что авторъ „Записокъ" плохо зналъ имена Московскихъ государей. Въ этомъ разсказѣ онъ словно считаетъ государя Московіи однимъ и тѣмъ же лицомъ и въ 50 годахъ XV в. и въ то время, когда онъ писалъ свой трудъ (1512—1535). Даже говоря о великой княгинѣ Еленѣ Іоанновнѣ, онъ то называетъ ее дочерью, то сестрою Московскаго князя Іоанна. Но такъ какъ и въ 50-хъ годахъ въ Московіи уже правилъ, собственно говоря, Іоаннъ Васильевичъ, то характеристика І. Коморовскимъ правленія Московскаго князя какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности. Заключительныя слова разсказа объ опасеніи возстаній со стороны обращенныхъ—домыселъ І. Коморовскаго и домыселъ любопытный, какъ признаніе политическаго характера миссіи и какъ отзвукъ того политическаго положенія дѣлъ, какое наблюдалось въ Литовско-русскомъ государствѣ въ XVI в.

Несомнѣнно, что среди окружающаго населенія орденъ Миноритовъ находилъ многихъ покровителей и жертвователей. Несомнѣнна поддержка правительства и въ частности королей Казиміра и Александра; даже про великую княгиню Елену Іоанновну сказано, что подавала братіямъ руку помощи. Исторія отдѣленій въ различныхъ городахъ—ясное этому подтвержденіе. Но также несомнѣнны злоключенія Миноритовъ, недоброжелательство духовенства, вражда населенія, цѣлый рядъ обвиненій братьевъ, главнымъ образомъ, въ корыстолюбіи. Эта интимная сторона жизни составляетъ источникъ страданія и раздраженія І. Коморовскаго.

Однѣ изъ нападокъ интересны лишь какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія. Таково, напр., обвиненіе, что орденъ сѣетъ смуту между королями; обвиненіе это связано съ походомъ Казиміра и сына его Владислава Чешскаго противъ короля Венгерскаго Матвѣя; братья Минориты, по мнѣнію населенія, возбуждали эту войну въ виду гусситскаго движенія. Сложилось мнѣніе, что братія ордена лѣнива и небрежна въ исполненіи церковныхъ службъ и требъ, и это вызвало усиленную заботу начальства о ревностномъ исполненіи богослужебныхъ и монашескихъ обязанностей. Таково постановленіе капитула въ Вартѣ. „Не видя и не слыша того, что дѣлалось братьями втайнѣ, говорили, будто они не поютъ мессъ, но спятъ, и такъ по причинѣ ропота простого народа пѣніе мессъ открыто". Разрѣшеніе папы Юлія въ 1509—1510 гг. удѣлять изъ лепты св. Петра $^2/_3$ на нужды государства и на борьбу съ невѣрными (по просьбѣ Миноритовъ) послужило мотивомъ для обвиненія ордена, въ рукахъ котораго

былъ сборъ, въ обогащеніи. „Братья де скоро купятъ себѣ кардинальство". Что братья бывали порой не чужды легкаго отношенія къ чужому имуществу, видимъ изъ строгости прославленнаго викарія I. Vitreatoris'а къ тѣмъ братіямъ, которые, пользуясь небрежностью прелатовъ, присвоили себѣ многія одежды и драгоцѣнности, кои носили на четкахъ. Викарій все это отнялъ, возвратилъ церкви для украшенія алтарей... Но не эти толки, передаваемые равнодушно, болѣзненно отзывались на I. Коморовскомъ. По „Запискамъ" мы можемъ прослѣдить, чему придавалъ особенное значеніе I. Коморовскій, что́ вызывало у него горькія слова объ умѣньѣ одного лишь Казимира защищать орденъ отъ клеветъ, о мученіяхъ, какія и въ его время терпѣли Минориты въ Литвѣ. Мы должны разсмотрѣть остальные случаи обвиненія ордена.

Миноритовъ обвиняли въ незаконномъ присвоеніи имущества благотворителей и лицъ, отдававшихъ деньги монахамъ на храненіе. Эти обвиненія служили однимъ изъ главныхъ пунктовъ въ распрѣ литовскихъ и польскихъ братьевъ Миноритовъ, поддерживаемой литовскими панами. Король Сигизмундъ былъ, въ свою очередь, недоволенъ орденомъ изъ-за имущества великой княгини Елены Іоанновны, въ судьбѣ котораго игралъ главную роль самъ I. Коморовскій.—Ясно отсюда, почему съ такимъ раздраженіемъ авторъ „Записокъ" говоритъ о клеветѣ; пытается въ своемъ трудѣ доказать ложность этихъ обвиненій, но доказать, стараясь сохранить свою объективность, не показать вида своей заинтересованности. И нельзя не сознаться, что авторъ исполняетъ свою задачу весьма искусно.—Всѣхъ случаевъ обвиненія братьевъ Миноритовъ въ корыстолюбіи приведено I. Коморовскимъ семь: дѣло объ имуществѣ великой княгини Елены Іоанновны, о завѣщаніи кн. Мазовецкой, пана Станко, случаи съ имуществами разныхъ частныхъ лицъ въ Коло, Львовѣ, въ Опатовѣ, Радомѣ.—Разберемъ ихъ и увидимъ, въ чемъ суть вопроса.

На стр. 216—218 авторъ „Записокъ" группируетъ четыре эпизода, рисующихъ попытки обмануть и оклеветать братьевъ Миноритовъ. Упомянувъ о дѣятельности викарія изъ русскихъ Михаила Bal'а (избранъ въ 1472, † въ 1495), авторъ прибавляетъ: „Во время вышеупомянутаго викарія... случилось нѣчто такое, что доказало... насколько братья должны быть осторожны при пріемѣ имущества". И затѣмъ приводитъ разсказъ о случившемся съ братьями въ Львовѣ, Опатовѣ, Коло. Во Львовѣ нѣкій обнищавшій воинъ Георгій, желая очернить братьевъ Миноритовъ, просилъ помѣстить въ монастырѣ на храненіе ящикъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнности и дорогія одежды. Братіи отказались принять

ящикъ безъ вскрытія его и безъ описи содержимаго. Георгій не согласился на это, такъ какъ въ ящикѣ ничего не было, кромѣ камней и соломы. Въ Коло ящикъ на храненіе былъ присланъ въ монастырь благотворителемъ ордена, строителемъ многихъ зданій, паномъ de Brudzewo. Случайно ящикъ упалъ и раскрылся, и въ немъ ничего не оказалось, кромѣ одного флорина и простыхъ камней. Въ отвѣтъ на запросъ огорченнаго настоятеля, почему благодѣтель такъ зло поступилъ съ нимъ, послѣдній отвѣтилъ, что поступилъ такъ изъ страха передъ наслѣдниками, дабы имѣть покой у себя дома. Эпизодъ въ Опатовѣ аналогиченъ. Одна изъ благотворительницъ отдѣленія, нѣкая госпожа Rythtwianska помѣстила въ монастырь ящикъ; черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла и поставила братьевъ въ непріятное положеніе. Паны Curoswanky и Pyleczky затѣяли тяжбу изъ-за этого ящика, увѣряя, что въ немъ находится на нѣсколько тысячъ золота. І. Коморовскій былъ въ это время (1494—1495 г.) секретаремъ у одного изъ этихъ двухъ пановъ „processus iuris et cittationes erant michi note, quia circa unum eorum scribe officium tenui". Самъ кардиналъ Фридрихъ, братъ короля Яна Альбрехта, изслѣдовалъ ящикъ, стоявшій въ ризницѣ, сбили замки и нашли всего 4 флорина да дарственныя записи. Затѣмъ сундукъ съ его содержимымъ отправляли къ самому королю Я. Альбрехту, послѣ чего братья и были оставлены въ покоѣ. Разсказы эти составлены І. Коморовскимъ еще въ 1512 г., такъ какъ находятся и въ первоначальной краткой редакціи его „Записокъ", но, работая надъ обширной редакціей, онъ счелъ нужнымъ усилить впечатлѣніе, приведя новый эпизодъ, случившійся въ 1524 г. въ Радомѣ. Снова нѣкая благотворительница внесла на храненіе ящикъ съ извѣстной суммой денегъ, но обманъ ея открылся: въ ящикѣ оказались не деньги, а пресловутые камни. Это слово „lapidibus" доставило вообще не мало хлопотъ І. Коморовскому; онъ его то зачеркивалъ, то вставлялъ, какъ можно видѣть изъ разночтеній рукописи. Заканчиваетъ разсказы І. Коморовскій слѣдующими словами: „это и тому подобное случалось по многимъ мѣстамъ и изъ-за этого братья вынесли много непріятностей и различныхъ оскорбленій отъ мирянъ и, будучи ими уловляемы, должны были, бѣдные, неимущіе, платить кое-что изъ своей милостыни. А потому, да воздерживаются братіи отъ пріема (имущества); когда же не въ состояніи будутъ безъ соблазна воспротивиться помѣщенію у себя, пусть осмотрятъ помѣщаемое при свидѣтеляхъ и опишутъ и одинъ экземпляръ описи дадутъ хозяину—довѣрителю, а другой тождественный по содержанію оставятъ себѣ, и сверхъ того никоимъ образомъ да не обязываются къ сохра-

нению..."—Нельзя не замѣтить, что всё это мѣсто „Записокъ" носитъ чрезвычайно цѣльный характеръ; авторъ группируетъ факты и сопровождаетъ ихъ разсужденіемъ общаго характера. Главная мысль и цѣль всей этой вставки ясна: І. Коморовскій доказываетъ на фактахъ, что братья Минориты подвергались обману, который вредилъ ихъ матеріальному благополучію, и сверхъ того велъ къ оклеветанію въ дурныхъ поступкахъ; только счастливая случайность спасала отъ худшихъ послѣдствій. Заключительныя слова являются ясной и точной программой дѣйствія и заставляютъ думать, что тотъ, кто даетъ подобный совѣтъ,—человѣкъ искусившійся, хорошо знакомый съ подобнаго рода дѣлами. Желая показать, что не одни Минориты подвергались клеветамъ, авторъ прибавляетъ разсказъ объ аналогичномъ случаѣ съ ящикомъ, происшедшемъ въ Калишѣ съ однимъ паномъ.

Сами по себѣ разсматриваемые факты не представляютъ особеннаго интереса и желательнаго впечатлѣнія не производятъ. Является вопросъ—зачѣмъ продѣлывался этотъ обманъ. Если можно допустить, что въ эпизодѣ съ воиномъ Георгіемъ (жителемъ Львова, гдѣ столь враждебно отнеслись къ Миноритамъ) братья могли быть жертвой корыстолюбивыхъ или мстительныхъ намѣреній вкладчика, то эпизоды съ благотворителями и благотворительницами возбуждаютъ сомнѣніе, въ особенности эпизодъ въ Опатовѣ. Г-жа Rythtwianska не дала объясненія, подобнаго объясненію благотворителя изъ Коло, не даетъ разъясненія страннаго дѣла и авторъ, хотя ему, какъ секретарю одного изъ обвинителей, оно было хорошо извѣстно. Употребленіе соломы и камней всѣми обманщиками, повидимому, стало даже ходячимъ слухомъ, ибо, когда гвардіанъ Виленскаго отдѣленія І. Коморовскій заявилъ Радивилу о сокровищахъ великой княгини Елены Іоанновны, то послѣдній съ улыбкой отвѣтилъ: „я думаю, что тамъ въ ящикахъ камни, обвернутые соломой". Эти слова звучатъ прямой насмѣшкой, вызванной частыми разсказами объ ящикахъ съ соломой и камнями. Приведенные эпизоды не безъинтересны и съ бытовой стороны: монастыри являлись обычнымъ мѣстомъ для храненія имущества не только вслѣдствіе опасности отъ внѣшнихъ враговъ, но и по чисто семейнымъ побужденіямъ. Въ случаѣ крупной тяжбы и крупнаго скандала дѣло доходило до кардинала Фридриха, а затѣмъ и до короля.

Но мы уже говорили, что кромѣ только что упомянутыхъ случаевъ обвиненія братьевъ Миноритовъ есть еще другіе: дѣла объ имуществѣ великой кн. Елены Іоанновны, объ имуществѣ кн. Мазовецкой и пана Станко. Изъ знакомства съ этими послѣдними эпизодами мы увидимъ, что только что нами разобранные

(стр. 216—218) имѣютъ лишь служебное значеніе—оправдать орденъ отъ крупныхъ обвиненій.

Объ имуществѣ Елены Іоанновны говорится на стр. 305—311. Въ 1511 г. І. Коморовскій былъ сдѣланъ гвардіаномъ Виленскаго отдѣленія, а подъ 1513 г. словами „Eodem anno quo supra proxime contigerunt Vylne et scribuntur propter cautelam futurorum fratrum" начинаетъ длинное повѣствованіе, чрезвычайно любопытное во многихъ отношеніяхъ.

„Княгиня Елена, схизматичка, родная сестра московскаго князя Ивана, была въ супружествѣ за великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Послѣ смерти Яна Альбрехта, короля польскаго, былъ коронованъ Александръ, его родной братъ, въ короли Польши.

„Сама же Елена, схизматичка, несмотря на свое супружество съ королемъ, осталась не коронованной, такъ какъ, по упорству своему, не пожелала признать возсоединенія съ римской церковью. По смерти же Александра и погребеніи его въ Вильнѣ, Сигизмундъ, братъ ихъ (Яна Альбрехта и Александра), былъ помазанъ въ короли Польши. Упомянутая Елена всѣми звалась королевой. Она нѣкоторыя свои сокровища помѣстила у нашей братіи, а именно: 14 большихъ сундуковъ съ золотомъ и серебромъ въ видѣ большихъ и малыхъ блюдъ, драгоцѣнностей и камней, золотыхъ чашъ и подбитыхъ (подкладкой или мѣхомъ) одеждъ, шитыхъ золотомъ, а также опашней или мантій, числомъ до 350.

„Это бремя сокровищъ, принятыхъ другими гвардіанами, братъ Янъ Коморовскій принялъ безъ особой радости вмѣстѣ съ гвардіанатомъ отъ Ловичскаго капитула. Между тѣмъ отъ царя московскаго Ивана къ королю Польши Сигизмунду присланы были послы, которые и прибыли въ Краковъ. Они, исполнивъ свои посольскія обязанности (данныя имъ порученія), при отъѣздѣ испросили у его королевскаго величества разрѣшеніе навѣстить королеву, вдову Александра, въ Бѣльскѣ. Король имъ разрѣшилъ; они прибыли въ Бѣльскъ къ королевѣ схизматичкѣ, которая приняла ихъ съ почетомъ, съ весельемъ и съ радостью. И тамъ же въ русской церкви внѣ города, дабы ихъ разговоры не услышали какіе-либо придворные обоего пола, она имѣла коварное совѣщаніе съ послами московскими о томъ, что она со всѣми сокровищами своими хочетъ удалиться въ Московію и что сперва она пріѣдетъ въ городъ Бреславль, а тамъ пусть (братъ) приметъ ее съ сокровищами и всѣми городами подъ свое покровительство на нижеслѣдующихъ условіяхъ: пусть онъ, великій князь московскій, братъ мой, пришлетъ нѣсколько тысячъ воиновъ, дабы они доставили меня въ Московію, а города мои, которые находятся на границахъ Московіи, около Полоцка, передаваемые мной, пусть онъ охраняетъ и укрѣпляетъ, ибо я горячо люблю моего брата.

„Съ этимъ порученіемъ послы московскіе, исполненные радости, удалились. Но какая то госпожа, хотя и княгиня-схизматичка, по вѣрноподданная, занимавшая должность охмистрины (ее королева мало уважала), все это слышала и потомъ разсказала все упомянутое князю Александру Гродненскому; князь же Гродненскій чрезъ братьевъ, которые къ ней были присланы, сообщилъ это по секрету брату гвар-

діану Яну и указалъ день, въ который должна была королева пріѣхать въ Вильну за полученіемъ сокровищъ, чтобы гвардіанъ, предупрежденный, зналъ заранѣе, какъ поступить въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что его королевское величество былъ тогда въ отсутствіи, а именно въ Познани, и потому не могъ быть освѣдомленъ объ этомъ и, если бы гвардіанъ не сказалъ о происшедшемъ никому изъ магнатовъ, то королева сама свои сокровища, какъ по собственной волѣ положила, такъ по собственной волѣ и взяла бы обратно и, такимъ образомъ, нанесла бы неописуемый убытокъ и ущербъ княжеству. Поэтому гвардіанъ пришелъ къ ясновельможному пану Николаю Радивилу, въ то время палатину виленскому и канцлеру княжества, и доложилъ ему по порядку обо всемъ, а именно, что есть сокровища королевы, положенныя ею на храненіе у него въ церкви, и такъ какъ она черезъ 4 дня пріѣдетъ въ Вильну для обратнаго полученія сокровищъ, то пусть онъ, какъ намѣстникъ, позаботится о нихъ дабы королевское величество не имѣло ущерба, а княжество значительнаго убытка. Тотъ же, улыбаясь, сказалъ: „отецъ гвардіанъ, говоря по-русски szydzy wamy (?)—иначе, она обманываетъ и смѣется надъ вами; я же думаю, что тамъ въ ящикахъ она положила камни, обвернула соломой и сказала, что тамъ де сокровища“. Гвардіанъ сказалъ на это: „что мы видѣли, о томъ свидѣтельствуемъ; я самъ своими собственными очами видѣлъ многочисленныя сокровища, положенныя въ упомянутые сундуки, а потому да позаботится о нихъ ваша ясновельможность“. Палатинъ, пораженный и удивленный, сказалъ: „Что мнѣ дѣлать, когда король въ отсутствіи, а пановъ-рады теперь около Вильны не находится. Откуда вы знаете, что (королева со свитой) должна прибыть черезъ 4 дня и кто вамъ разсказалъ объ этомъ, и почему я о томъ не знаю“? Гвардіанъ отвѣчалъ: „Кто мнѣ разсказалъ, тотъ навѣрняка узналъ и объ этомъ и о днѣ; пусть же ваша ясновельможность удовольствуется тѣмъ, что я это разсказалъ ради общей пользы и чтобы впослѣдствіи паны не говорили королю: гвардіанъ зналъ объ этомъ и не сообщилъ намъ. А потому ваша ясновельможность пусть созоветъ пановъ, что по близости, чтобы именемъ королевскаго величества вы могли удержать ее отъ удаленія къ границамъ москововъ, заявивъ: хотя онъ тебѣ и родной братъ, но паны и король боятся, что твое королевское величество поступаетъ нѣсколько легкомысленно“. (Палатинъ) поступилъ сообразно этому: онъ собралъ четырехъ пановъ и они именемъ королевскаго величества остановили королеву. Она, воспламененная женскимъ гнѣвомъ, начала негодовать на пановъ, говоря: „По какому это праву вы меня удерживаете, не допуская исполнить того, что я хочу“! Паны же, желая расположить ее къ себѣ, выдали гвардіана, какъ виновника и причину всего этого, и потому королева до самой своей смерти гнѣвалась на гвардіана и братію и отдалила руку помощи отъ нуждъ братіи, чего раньше не дѣлала. И все же королева, такимъ образомъ удержанная, не умыслила отъѣзда къ границамъ Московіи и сокровищъ не тронула. Гвардіанъ же настоялъ передъ палатиномъ, чтобы это было письменно донесено его королевскому величеству, „такъ какъ, сказалъ гвардіанъ, я по неимѣнію вѣрныхъ мнѣословъ лично ничего писать не могу“. Въ томъ же году князь московскій Иванъ осадилъ городъ Смоленскъ, но послѣ 8 или 10 недѣль снялъ осаду и удалился съ большимъ урономъ. А королева-

схизматичка праздновала свадьбу нѣкоторыхъ изъ своихъ придворныхъ и послала своего казначея въ церковь для полученія серебра, а именно бокаловъ для питья, и получила ихъ только 40 и все это гвардіанъ, безъ его вѣдома, съ самой (большой) радостью переписалъ, а затѣмъ палатинъ разрѣшилъ королевѣ отъѣхать въ Бреславль. И тамъ, спустя нѣсколько недѣль, она скончалась отъ яда, погубленная, потому что паны боялись измѣны. Уже пришло нѣсколько тысячъ москововъ къ Бреславлю, но, узнавъ, что королева умерла, быстро удалились въ Московію. А покоится королева въ церкви Пречистой.

„Гвардіанъ, замѣтивъ, что никакого извѣстія о сокровищахъ не было сообщено панами Его Королевскому Величеству и предполагая, что нѣкоторые изъ пановъ пожелали похитить сокровища,—гвардіанъ вошелъ однажды къ нимъ на собраніе, желая открыть передъ всѣми совѣщающимися о вышеупомянутыхъ сокровищахъ, такъ какъ когда всѣ о нихъ знаютъ, то одинъ или двое не рѣшатся похитить ихъ для себя самихъ; къ тому же (гвардіанъ) изложилъ просьбу, чтобы паны по принятію и описи взялись охранять (сокровища), гдѣ пожелаютъ, ибо вышеупомянутые Москвитяне осадили уже вторично Смоленскъ и взяли крѣпость коварной сдачей, такъ какъ наши были нерадивы къ защитѣ. Итакъ гвардіанъ сказалъ, чтобы (сами) имѣли заботу о сокровищахъ, ибо онъ, какъ бѣднякъ, не можетъ защищать ихъ вооруженною рукою и боится, чтобы братья изъ-за нихъ не были убиты. А такъ какъ послы Его Королевскаго Величества были тогда въ Вильнѣ, то гвардіанъ и призвалъ къ себѣ нѣкоего комнатнаго слугу короля и, на вопросъ, откуда онъ, получилъ отвѣтъ: изъ земли Lanciciensi (Ленчицы), и связалъ его клятвою, чтобы никому не говорилъ о сокровищахъ ранѣе умершей королевы, и чтобы понесъ письма отъ него королю, отнесши ихъ сперва въ нашъ монастырь отцу I. Vitreatoris'у, тогда находившемуся въ Познани, который хорошо зналъ о вышеупомянутыхъ сокровищахъ; и чтобы (уже) братья одни отнесли бы эти письма (къ королю) и объяснили бы ему, сообразно тому, какъ написалъ имъ о вышеупомянутыхъ сокровищахъ гвардіанъ Виленскій, дабы Его Королевское Величество послалъ кого-нибудь ему наиболѣе вѣрнаго съ довѣрительными письмами, въ которыхъ бы не сомнѣвались, раньше чѣмъ придутъ враги Москвитяне. Король былъ благодаренъ за письмо, а еще болѣе—за сокровища, и отвѣтилъ, что никого не нужно посылать, такъ какъ мы сами прибудемъ и распорядимся въ скоромъ времени. Увеличилось (однако) опасеніе, что Москвитяне пріидутъ; тогда гвардіанъ пошелъ въ совѣтъ къ панамъ, чтобы они осмотрѣли, описали и спрятали сокровища въ крѣпости подъ властью начальника казны. Паны приняли просьбу и гвардіанъ пожелалъ слѣдующаго: чтобы печати королевы схизматички были сломаны и паны, записывающіе и осматривающіе, запечатали бы своими, дабы братья не подверглись клеветѣ и очерненію, и были освобождены отъ храненія сокровищъ, которыя пусть будутъ перевезены изъ монастыря въ замокъ; паны же не сознавали этой необходимости, къ каковой впослѣдствіи были приведены (обстоятельствами). Въ назначенный день, случившійся около праздника св. Агнесы, года 1514, паны собрались въ монастырь, и, отслушавъ мессы, вошли паны и гвардіанъ съ однимъ братомъ ризничимъ въ ризницу и тамъ, послѣ совѣщанія, велѣли раскрыть два сундука, принесенные только что по порученію пановъ изъ церкви Пречистыя, какъ называлась русская церковь. Въ

одномъ было 16.600 крупныхъ (?) грошей и 2.000 золотыхъ флориновъ, въ другомъ сундукѣ, который былъ раскрытъ, было чистое золото въ жемчужинахъ (?), драгоцѣнностяхъ, цѣпяхъ многихъ и 16 поясовъ было чистаго золота, и было около 400 перстней дорогихъ, четыре пары башмаковъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней вышеупомянутой королевы (стоили, какъ говорили паны, 7.000 флориновъ эти башмаки); и вышеупомянутые сундуки, описываемые, содержали внутри себя около 30 маленькихъ ящичковъ, одни (изъ нихъ были) серебряные, другіе—позолоченные, иные изъ берила, иные изъ различныхъ камней и металловъ; въ нихъ находились жемчужины и драгоцѣннѣйшія налобныя повязки (frontalicia?). Въ теченіе цѣлаго дня сундукъ этотъ по его содержанію не могли описать три писца: два латинина и одинъ русскій. Въ сумерки уже гвардіанъ побудилъ пановъ, чтобы они, какъ совѣтники княжества, всѣ сундуки раскрыли, осмотрѣли и описали. Велѣли открыть всѣ (сундуки) и сломили печати королевы схизматички. Когда сундуки были уже открыты и печати укрѣплены, гвардіанъ, видя пановъ уже утомленныхъ въ часъ повечерія, какъ вслѣдствіе поста, такъ и труда, и въ виду того, что имъ предстояло еще очень много дѣла, такъ какъ враги находились въ странѣ, сказалъ, не хотятъ ли чѣмъ нибудь подкрѣпиться. Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: „охотно“. Гвардіанъ велѣлъ повару приготовить свѣжую рыбу; была изжарена также дичь; соленья (?) и жаркія поставили на огонь, разостлали скатерти и поставили блюда поверхъ сундуковъ, ѣли съ жадностью и весело, и гвардіанъ сказалъ: „имѣю въ ризницѣ вино, пожертвованное вашею ясновельможностью въ честь Божію для мессъ; я дамъ его охотно“. Отвѣтили: „вели принести“. Затѣмъ сказалъ, что у него для нихъ нѣтъ меду (medonem); они сами послали (тогда) въ свои дома и достали его не мало. И уже отдохнувъ и насытившись, хвалились тѣмъ, что съ такимъ вкусомъ, какъ здѣсь, не ѣли въ своихъ домахъ.

Гвардіанъ сказалъ trufatice (сурово?) одному маршалку пановъ, т.е. пану baccalario, что слѣдовало бы заплатить за угощеніе. Отвѣчалъ: „охотно, только начни просьбу“. Тогда гвардіанъ сказалъ: „ясновельможные паны, я, бѣдный, долженъ былъ бы продовольствовать братію тѣмъ, что было даромъ предложено вашимъ ясновельможностямъ; хотя всё это и было пожертвовано милостиво намъ вами, однако, я доселѣ не знаю, чѣмъ въ слѣдующіе дни будетъ продовольствоваться братія“. Вышеупомянутый маршалкъ отвѣтилъ: „хотя я слуга пановъ, но за это угощеніе даю на нужды братіи четыре флорина“. Тогда панъ Гаштольдъ сказалъ: „мы платимъ въ тавернахъ за невкусное пиво, почему же не должны мы заплатить за прекрасное угощеніе и вино? о. гвардіанъ, ты получишь отъ меня три бочки меда неваренаго и другія три лучшаго меда для питья и получишь stirtam (?) овса, а другую пшеничной муки за ваши труды, такъ какъ вы строетесь, и 60 (beszkas) бочекъ пшеницы“. Его поблагодарили. Другіе паны принесли много дичи, жира, ancis, овса, гороха, пшеницы, пшеничной муки, бобовъ (bobus), сыра, рыбы, масла (butiro); съ большою любезностью велѣли привести (всё это), и ихъ поблагодарили. И всѣми этими щедрыми дарами братья были продовольствуемы въ теченіе половины года. — Когда паны хотѣли уходить, гвардіанъ сказалъ: „ясновельможные паны, такъ какъ сундуки открыты и печати сломаны, я ни подъ какимъ видомъ не желаю быть хранителемъ ихъ вмѣстѣ съ братіей, такъ какъ людамъ (всѣмъ) уже очевидно,

что тутъ находятся сокровища и что ваша ясновельможность собралась ради нихъ; конечно, изъ-за нихъ, находящихся здѣсь, всѣ мы, въ особенности во время войны, будемъ убиты; итакъ, я прошу унести сокровища изъ монастыря". Сказали пану Абрааму, казначею княжества, чтобы вынесъ эти сокровища, но онъ отвѣтилъ: вамъ, паны палатины и капитаны, надлежитъ охранять ихъ, такъ какъ вы имѣете людей, которые должны охранять"... Паны начали просить, чтобы гвардіанъ сохранялъ сокровища; онъ отказывался, отвѣчая, какъ выше сказано, и наконецъ сказалъ гвардіанъ: „если ваша ясновельможность запечатаетъ своими печатями сундуки и поставитъ подъ эти своды, а среди народа распространитъ (слухъ), что сокровища хранятся внѣ монастыря, то пусть стоятъ себѣ до счастливаго пріѣзда Его Королевскаго Величества". И начали запечатывать печатями и запечатали, и никто, кромѣ пановъ и 4 братьевъ, не зналъ, куда поставили сокровища. Затѣмъ уже при заходѣ солнца паны удалились радостно въ свои дома. Наконецъ Его Королевское Величество прибылъ послѣ праздника св. Іоанна Крестителя; гвардіанъ бывалъ неоднократно у короля и у ея милостиваго Величества королевы Варвары, прося, чтобы сокровища были взяты, чтобы она (королева) побуждала къ этому короля, для того, чтобы гвардіанъ, которому нужно ѣхать на капитулъ Люблинскій и который охранялъ (сокровища), могъ передъ отъѣздомъ доставить ихъ, и этимъ успокоить братію. Наконецъ, Его Королевское Величество послалъ пана палатина Гаштольда и пана Абраама, казначея, чтобы (они) вывезли сокровища, и 16 лошадей съ двумя повозками; когда они были наполнены сундуками, гвардіанъ пошелъ пѣшкомъ съ панами до замка, а казну везли позади этихъ пановъ. Эти же два пана въ присутствіи другихъ и множества придворныхъ и Его Королевскаго Величества восхваляли гвардіана за усердіе и за сохраненіе казны, такъ какъ онъ приложилъ къ тому, чтобы казна не уменьшилась—такое стараніе, какое они едва ли въ состояніи были выказать и о какомъ они даже не имѣли понятія. Наконецъ, Его Королевское Величество поблагодарилъ за усердіе и вѣрность многими словами и обѣщалъ пещись о братіи, гвардіанѣ и его родныхъ, какъ должно. Однако ничего не сдѣлалъ до настоящаго времени, напротивъ, когда лютеранство усилилось среди нѣмцевъ, онъ повѣрилъ несправедливымъ и крайне ложнымъ клеветамъ на братьевъ относительно многихъ сокровищъ, вывезенныхъ изъ Литвы, которыя отдавались братьямъ различными людьми на храненіе. Эти клеветы распространялись врагами братьевъ, ненавистниками Всемогущаго Бога. Однако никто никогда не являлся безпокоить братьевъ относительно взятыхъ вещей въ какое либо судилище, и относительно этихъ клеветъ будетъ объяснено болѣе обстоятельно ниже по случаю отдѣленія Литвы отъ Польской провинціи. Сокровищъ же столько было по свидѣтельству пановъ: свыше 400.000 тысячъ... и наконецъ (гвардіанъ) представилъ Его Королевскому Величеству списокъ принятаго при свадьбѣ серебра и золота чрезъ казначея королевы схизматички. Итакъ ничто не было потеряно изъ казны, итакъ мы, бѣдные братіи, были въ то время освобождены отъ всякихъ нареканій касательно сохраненія вышеупомянутаго (имущества), но впослѣдствіи діаволъ возбудилъ много непріятностей братьямъ и безчестья, крайне, впрочемъ, незаслуженнаго"

Таковъ этотъ обширный разсказъ І. Коморовскаго —одно изъ наиболѣе любопытныхъ мѣстъ его „Записокъ". Передъ нами вырисовывается яркая картинка изъ жизни западно-русской XVI в. Вотъ таинственная княгиня-охмистрина шепчетъ слухъ о предполагаемомъ отъѣздѣ великой княгини Елены Іоанновны въ Москву; передается разсказъ о совѣщаніи ея съ Московскими послами гдѣ-то за городомъ, въ церкви. Взволнованный гвардіанъ держитъ рѣчь къ пану Радивилу, а на лицѣ послѣдняго играетъ улыбка. Вотъ яркая картина гнѣва Елены Іоанновны, удержанной панами въ желаніи своемъ уѣхать изъ Вильны! Мы слышимъ все время голосъ очевидца и даже участника событій, присутствуемъ при его хлопотахъ, волненіяхъ, страхахъ и огорченіяхъ. Мы словно видимъ передъ собой его фигуру и фигуры пирующихъ въ ризницѣ при закатѣ солнца пановъ; присутствуемъ при той ловкости, съ какой хитрый гвардіанъ вызываетъ ихъ на щедрое благотвореніе. Не забытъ перечень кушаній, съѣденныхъ панами. Не забытъ перечень щедрыхъ даровъ изъ всякого рода припасовъ, что привезены были въ монастырь въ благодарность за угощеніе. Съ большою точностью описано путешествіе сундуковъ Елены Іоанновны изъ монастыря въ замокъ. Мы видимъ, въ какихъ льстивыхъ выраженіяхъ обращался гвардіанъ къ панамъ, видимъ обычай снабжать монаховъ всякой милостыней, знакомимся съ способомъ тайной переписки; мы видимъ изъ разсказа, какой страхъ наводили московскія войска и какъ сильно было опасеніе нападенія ихъ на самую Вильну.

Но увлекаясь каждой строчкой интереснаго разсказа, досадуя на многія недомолвки, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что самъ авторъ обезпокоенъ все время одною мыслью. Эпизодъ этотъ окончился для братіи и гвардіана весьма печально! Они были обвинены въ утайкѣ части имущества и вывозѣ его изъ Литвы, были лишены съ тѣхъ поръ помощи Сигизмунда и подверглись его гнѣву. И І. Коморовскій подробнымъ разсказомъ старается опровергнуть это обвиненіе. Вотъ почему онъ останавливается подробно на фактѣ описи имущества панами, на перевозѣ его въ замокъ; вотъ почему онъ дѣлаетъ удареніе на своемъ нежеланіи имѣть сундуки въ монастырѣ, на своихъ настояніяхъ передъ Гаштольдомъ и другими панами, на требованіи запечатать сундуки, на благодарности короля. Гвардіанъ является по разсказу, единственнымъ лицомъ, позаботившимся объ имуществѣ великой княгини въ интересахъ казны и способствовавшимъ его сохраненію. Паны литовскіе съ Радивиломъ во главѣ обрисованы иными красками. Это обстоятельство—главная цѣль, преслѣдуемая авторомъ въ своемъ повѣствованіи, еще ярче выст-

питъ при знакомствѣ съ другими разсказами того же характера.

На первыхъ порахъ послѣ отдачи имущества Елены Іоанновны братья и гвардіанъ были восхваляемы за вѣрность. Когда случилась перемѣна, точно неизвѣстно, но, судя по словамъ І. Коморовскаго, въ 20-хъ годахъ (когда начались соблазны въ орденѣ и когда усилилось лютеранство у нѣмцевъ). Къ этому времени случились еще два эпизода съ имуществомъ кн. Мазовецкой и пана Станко. Въ 1515 г. І. Коморовскій былъ переведенъ изъ Вильны въ Варшаву и принялся за благоустройство этого отдѣленія. Онъ пользовался при этомъ щедротами кн. Мазовецкой Анны, которая завѣщала монастырю 1.000 флориновъ [1]). Одинъ изъ ея сыновей Станиславъ, † 1524 г., исполнилъ ея волю и выплатилъ 500 флориновъ, другой же Янушъ отказался отъ платежа, давъ лишь 45, и даже подъ вліяніемъ нѣкоихъ своекорыстныхъ духовныхъ лицъ потребовалъ признанія, что завѣщаніе исполнено. І. Коморовскій не захотѣлъ судиться съ герцогомъ, такимъ образомъ было потеряно 500 флориновъ... Король же Сигизмундъ нашелъ вопросъ исчерпаннымъ, если герцогъ Янушъ отказался исполнить завѣщаніе матери. Характерно въ этомъ разсказѣ то, что І. Коморовскій, обманутый въ своемъ ожиданіи, не захотѣлъ судиться съ герцогомъ: вѣроятно не хотѣлъ огласки подобныхъ дѣлъ, чтобы имѣть право сказать, какъ онъ это и сдѣлалъ, „никто не явился безпокоить братію въ какое-либо судилище“.

Почти одновременно произошла крупная исторія въ городѣ Ковнѣ съ имуществомъ пана Станко, извѣстнаго благотворителя этого отдѣленія и отдѣленія Виленскаго.

Нѣкій Iohannes Cichi „оклеветалъ ложно братію въ томъ, что они захватили имущество пана Станко, гражданина этого города, послѣ его смерти; этотъ панъ Станко, будучи лишенъ потомства, еще при жизни почти весь ковенскій монастырь заново отстроилъ... И это лживое обвиненіе было поводомъ къ отложенію Литвы отъ Польской провинціи, такъ какъ нѣкоторые изъ пановъ литовскихъ, въ особенности Гаштольдъ, съ нѣкоторыми псевдобратьями, кои были одно время отлучены отъ Ковенскаго отдѣленія, говорили, хотя и ложно, что братья поляки эти сокровища и многія другія перевезли изъ Литвы въ Польшу“ [2]).

Исторія съ имуществомъ кн. Мазовецкой и пана Станко могла способствовать подтвержденію слуховъ о подобномъ же отношеніи Миноритовъ къ имуществу Елены Іоанновны. А все

[1]) Monumenta... стр. 313.
[2]) Monumenta . стр. 339

это вмѣстѣ послужило исходнымъ пунктомъ для національной распри въ орденѣ, заинтересовавшей и Литовское общество. Монаховъ поляковъ обвиняли въ утайкѣ и увозѣ въ Польшу имущества, принадлежащаго Литвѣ.

Тогда-то I. Коморовскій рѣшился оправдать себя и братію по крайней мѣрѣ на страницахъ своего труда.

Въ „Запискахъ" I. Коморовскаго исторія съ имуществомъ Елены Іоанновны разсматривается поэтому, лишь какъ одинъ изъ важныхъ эпизодовъ въ исторіи злоключеній, пережитыхъ Миноритами. Благодаря этому, авторъ не придавалъ особеннаго значенія другимъ сообщаемымъ имъ въ разсказѣ фактамъ, былъ не особенно остороженъ, разсказывая о судьбѣ великой княгини Елены Іоанновны, занятъ былъ исключительно судьбой ея имущества. И мы получили драгоцѣнныя свѣдѣнія о передаваемыхъ слухахъ относительно намѣренія великой княгини уѣхать въ Москву, свѣдѣнія о причиненномъ ей насиліи; мы получили свидѣтельство объ ея насильственной смерти и погребеніи въ Вильнѣ. Мало того, мы узнаемъ, какое имущество принадлежало великой княгинѣ, узнаемъ, что при сундукахъ находилась роспись ея приданаго, что въ штатѣ великой княгини была и княгиня-охмистрина, ей недоброжелательная, и писецъ, родомъ русскій; узнаемъ, наконецъ, что великая княгиня оказывала помощь Миноритамъ и была въ хорошихъ отношеніяхъ къ I. Коморовскому, которому довѣрила всѣ сундуки свои, кромѣ двухъ, поставленныхъ въ церкви Пречистой. Мы видимъ, какимъ важнымъ вопросомъ для короля, пановъ и не только Виленскихъ Миноритовъ, но и всего ордена, былъ вопросъ о богатомъ имуществѣ великой княгини. Мы узнаемъ, что паны боялись Елены Іоанновны и хотѣли отъ нея избавиться, что и паны и Минориты интересовались сокровищами и, весьма вѣроятно, могли многимъ поживиться. Много еще всякаго рода соображеній можно было высказать по поводу этого интереснаго повѣствованія о. I. Коморовскаго, но это завело бы насъ слишкомъ далеко. Прибавлю только одно. Сомнѣваться въ достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ намъ нѣтъ основанія въ виду особенности изложенія и цѣли, преслѣдуемой авторомъ. У I. Коморовскаго не могло быть никакого желанія сочинить небывалое въ судьбѣ великой княгини; его разсказъ казался ему вполнѣ естественнымъ. Данныя же другихъ источниковъ только подтверждаютъ буква въ букву слова писателя-дѣятеля, поляка-католика. И, сравнивая разсказъ I. Коморовскаго съ донесеніями, между прочимъ, пословъ великаго князя Василія III, мы можемъ только лишній разъ убѣдиться, какъ достовѣрны наши дипломатическіе памятники; мы можемъ придти въ удивленіе и восхи-

ѥніе при видѣ того, какъ старая московская дипломатія при гсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ быстро и точно освѣомлялась о происходящемъ за рубежомъ Московскаго государства.

Обзоръ въ данной статьѣ всего нѣсколькихъ мѣстъ изъ „Meıoriale ordinis fratrum minorum"... можетъ, думается, показать, го не мало интересныхъ штриховъ для жизни Западной Руси и итвы даетъ этотъ памятникъ XVI вѣка.

О Спасо-Прилуцкомъ Прологѣ С.-Петербургской духовной Академіи.

Д. И. Абрамовича.

Этотъ цѣнный Прологъ былъ въ свое время предметомъ доклада Вл. Ив. Ламанскаго въ одномъ изъ засѣданій Имп. Общ. люб. др. письм. [1]).

Рукопись въ двухъ томахъ, на 303 + 255 листахъ пергамента, въ десть (разм. лл. 37×27 и 36,5×26,5 сант.), писана полууставомъ второй половины XIV в., въ два столбца по 37 и 35—36 стр. въ каждомъ. Нѣкоторые листы утрачены, а другіе перепутаны при переплетаніи рукописи. *Переплетъ*—поздній. На лл. 303 об. I т. и 255 об. II—киноварныя записи: а) „Г҃си помози рабу б҃ию феодоту написалъ прологъ. гдѣ буду описалсь с другомь гл҃ѧ или не подобно мꙑслѧ и вꙑ оц҃и чтите исправливаꙗ а не мозіте клѧти ба҃ дилѧ. А кончанъ м҃сца октѧ҃б въ ·ꙁ҃· дн҃ь сергиꙗ и вахка на памѧ҃т“; b) „А си половина пролога кончана м҃сца февралѧ на памѧть ст҃го оц҃а тарасыꙗ. Г҃си помози рабу б҃ию феодоту иж написа книги грѣшною рукою. гдѣ буду описалсь с другомь гл҃ѧ іли не подобно мꙑслѧ. а вꙑ оц҃и чтите исправливаꙗ. а не мозите клѧти ба҃ дилѧ аминь.

Правописаніе —- *русское.*

Полногласіе: городомъ (т. I, л. 26 с и II, 116 а), голодомъ (I, 86 а, II, 224, b), золотѣ (I, 290 с), володимерьскꙑі (II, 92 с), ворочюсѧ (II, 67 с), сорома (II, 138 b), володимеръ (II, 185 b, 190 b), новѣгородѣ (II, 202 d), болотъ (II, 249 а).

Смягченіе зубныхъ въ „ж“ и „ч“: жажею (I, 1 b), преже (I. 10 d), тружати (I, 9 с), рожьнье (I, 63 а), стеречи (II, 29 d),

---

[1]) 22 ноября 1896 г. Памятн. др. письмен. CXXIV, 14. О *Прол.* см. еще „Христ. Чтен.“ 1903 г., авг., 247 — 249, и Журн. засѣд. Совѣта Спб. дух. акад. за 1899—1900 ак. годъ, 283 — 284.

невреженъ (II, 76 b), печеру (II, 81 с), хожаху (II, 178 b), гражанъ (II, 18 а), вижю (II, 172 d), осужати (II, 2 b), горѧчю (II, 234 а).

Начальное „о“ вм. „к“: ӧдва (I, 209 b), одинѣмь (I, 84 с), одинъ (I, 31 с), озеро (II, 227 с), озерника (II, 243 а).

Формы род. п. ед., им. и вин. п. мн. ч. на „ѣ“: овцѣ (I, 130 с), пр̑рчцѣ (I, 252 d), темницѣ (I, 10 а), красотѣ (I, 17 b), пшеницѣ (I, 60 b), цр̑цѣ (II, 73 d), дшѣ (II, 222 d), птицѣ (II, 254 d).

Мѣстоимен. формы: себе (I, 17 а), тебе (I, 17 а), тобѣ (I, 111 с. II, 144 b), собѣ (I, 21 с. 85 d. II, 202 d).

Неопред. накл. на „ть“: молить (I, 171 b), покадить (I, 29 d), пожреть (II, 16 b), оумреть (II, 224 b).

Формы 3 л. ед. и мн. ч. на „ть“: попреть (I, 8 а), имать (I, 8 а), нарѣцають (I, 5 d и 10 d), слашеть (I, 52 а), прозрить (II, 1 а), оубиваеть (II, 1 b).

Причаст. наст. вр. на „а“: муча (I, 29 с), мажа (I, 47 b).

Мѣстныя особенности въ языкѣ могутъ указывать на *Новгородское* происхожденіе памятника — взаимная мѣна „ц“ и „ч“, „ѣ“ и „и“: старчемъ (I, 133 с. II, 78 с), срачинꙑ (I, 134 с и срацинꙑ, 135 b), срачиньскаго (I, 135 а и срациньскиꙗ, 135 а), рчемъ (I, 238 b. II, 175 с), ци (I, 14 а. 266 с), оцѣстило (I, 54 b), оцѣщати (II, 15 d и очищаꙗ, 15 d), конча (II, 215 а): обѣдѣти (I, 133 с), александрьстѣи людии (I, 144 с), срацѣнъ (I, 164 с), зило (I, 238 b), повидите (I, 284 b), блуднѣцѣ (I, 90 с), завѣсти (II, 32 с, 79 b), листвицꙗ (II, 41 d), темнѣцѣ (II, 224 а), мѣлие (II, 202 d), на сѣдалѣщѣ (II, 206 b), о сѣхъ (II, 9 b).

Что касается содержанія нашего *Пролога*, то мы отмѣтимъ лишь статьи несомнѣнно *русскаго* происхожденія.

I, л. 7 с. 5 сент. Оубьение глѣбово кнѧзѧ.

Нач. Глѣба кнѧзѧ русьскаго с̑на володимерѧ его же оуби свои братъ ст̑полкъ...

Кон.: „идеже ꙗрославъ побѣди ст̑ополка и̑ пренесе вышьгороду“. См. *Памятн. др.-р. ц.-учит. лит.* В. II—1, 3—4 и 158—9.

I, 21 b. 16 сент. Ст̑ои мч̑нцѣ людмелꙑ. бабꙑ ст̑го вѧчеслава.

Нач. Бл̑жнаꙗ людмила бѧше ѿ землѧ сербьскиꙗ. кнѧзѧ сербьскаго дщи...

Кон.: „положи мощи еꙗ въ цр̑кви ст̑го георгіꙗ идѣже и нынѣ многа суть знаменьꙗ и̑ чюдеса“::

См. *Памятн.* II—1, 5. 167—8.

I, 26 b. 20 сент. Стра̑ ст̑го мч̑нка михаила кнѧзѧ черниговьского. и феодора боꙗрина е̑г

Нач. Си блжныи кнѧзь михаилъ. ѿ оуныи верстъı хса възлюбивъ...

Кон. „заступиша. ѿ скорбі и печали и всѧкиꙗ нужа славѧщихъ ваю памѧть ·:·“

См. *Памятн.* II—1, 172—175.

I, 38, b. 1 окт. Празднуемъ покрову стъıꙗ бца приснодвъıꙗ мрьꙗ. ѿ видѣньꙗ стго андрѣꙗ и епифаньꙗ ·:·

Нач. Страшное и чюдное видѣнье. чтную стцю андрѣꙗ и епифаньꙗ. како видѣста стую бцю на въздусѣ...

Кон.: „оуставі же таковъı праздникъ. праздновати мца октѧбрѧ въ. а҃. днь стго ананьи въ славу оца и сна и стго“:: (Архп. *Сергій.* П. М. В.[2] II, 304. 406).

I, 134 d. 26 ноября. Стго мчнка гергиꙗ. сщнье црквe его. иже предъ вратъı стъıꙗ софьꙗ.

Нач. Блжнъıи приснопамѧтнъıи всеꙗ русьскиꙗ землѧ кнѧзь ꙗрославъ...

Кон.: „заповѣда по всеи руси. творити праздникъ стго георгиꙗ мсца ноꙗбрѧ въ кѕ. днь::“ См. *Памятн.* II—I, 58—59.

I, 141a. 30 ноября. Проꙗвленье крщнье русьскиꙗ землѧ стго апла андрѣꙗ. како приходилъ въ русь. и блгвилъ мѣсто и кртъ поставилъ идѣже нынѣ градъ киевъ::

Нач. Стму аплу андрѣеви живущю въ синопий, оучащю люди и кртѧщю народъı...

Кон.: „въ пѣлопонѣ же островѣ распѧтъ бъı за хса. и ѿ агата и антупата. тѣмже вси рем̑ъ радуисѧ... славѧще стую трцю оца и сна::“ Разсказъ изъ *Пов. вр. л.* = Лавр. л.[3], 6—7 и краткая похвала св. Андрею.

I, 274d. 14 февр. Памѧт прпдбнаго оца нашег кюрила философа оучитель словѣньскаго·:·

Нач. Въ еолуньстѣмь градѣ бѣ етеръ добророденъ мужь именемъ левъ...

Кон.: „въ старости добрѣ къ гу ѿіде и погребенъ бъı въ канонѣ градѣ“ ·:·

См. *Добровскій.* Кир. и Меѳ., 103—105, и *Памятн.* IV, 45. Варіантъ: „ѿшедъ на римьское море“ вм. „узкое море“.

II. 81 с. 27 апр. Слов о исакиі мнисѣ. его же прельсти дъıꙗволъ. и паки оукрѣпивсѧ побѣди дъıꙗвола и млтъ бию получи.

Нач. Бъıс чернoризецъ именемь ісакиі і родомъ торопчанинъ бѣ...

Кон.: „і тако чтно спрятавше тѣло его погребоша“ ·:·

Изъ Слова о перв. чернор. Печерск. Нестора Лѣтоп.: см. Лавр. л.[3], 186—92).

II, 83d. 28 апр. Памѧт стго оца кюрила еп͠па туровьскаг.

Нач. Сь бѣ блжнъи кюрилъ рожа і въспитанье град турова...

Кон.: „грѣховъ ѿданье и присносущихъ блгъ наслаженье во ономь вѣцѣ о хѣ ісѣ гмь нашимь“ ·:·

О литературныхъ трудахъ Кирилла здѣсь читаемъ:

„Андрѣю болюбивому кнѧзю многа посланыѩ написа. книги написа ѿ еѵульских и пррчскихъ сказаниі. ѩже суть на праздники гьскиѩ. ина дшепользнаѩ въ нихъ словеса. и ѩже млтвы і хвала многъимъ стмъ си вса множаишаѩ нап̃савъ и цркви предасть. ѩже і донынѣ держить вѣрнъиѩ і сурьскиѩ (sic!) люди вса просвѣщающи и веселѧщи“ (л. 84, а—б).

Какъ отмѣчено уже проф. Н. К. Никольскимъ („Журн. засѣд. Совѣта Спб. дух. Ак.“ 190⁰/₁ ак. г., 215), такое чтеніе не даетъ права отождествлять Посланій Кирилла съ Словами на праздники (ср. *Памятники*, I, 103. 182).

II, 90 с. 2 мая Пренесенье мощий стго мчнка бориса и глѣба.

Нач. По оубьению стоѩ мчнку бориса и глѣба бъ прослави ѩ. і дасть има чюдотворнъиѩ даръі...

Кон.: „и по семь бъіша многа чюдеса. ѩже і нъіны суть б нею блгтью і стою млтвми“ :·

См. *Лавр. л.*[3], 176—177, и *Сказ.* о *Бор.* и *Гл.* по изд. Срезневскаго, 75—76. (Вар.: „митрополитъ же бѣ георгиі тогда. еп͠пъ петръ переѩславьскиі федосьи игуменъ печерьскии. софроньи іниі мнози“; „а по тѣ митрополитъ с попъі і е съ еп͠пъі“; „митрополита же обиде гроза“ (вм. „ужасть“); „въставиша на кричала“ (вм. „на сани“); „многу млстню створиша народу велѧща б а молити“ (вм. „и повелѣша народу възвати: „Господи помилуй“).

II, л. 91 с. 3 мая. Оуспенье стго оца нашего феодосьѩ ігумена печерьскаго іже въ киевѣ великиѩ его лавръі въ рустѣи земли·:·

Нач. Феодосьи прпдбнъи оць нашь бѣ ѿ града васильева ѿ блговѣрну родителю рожисѧ...

Кон.: „і вземше чтно положиша съ пѣсми оу стъıѩ бца въ притворѣ цркв͠нѣмь. на десноі странѣ въ. дг. авгсу“.

Начало статьи по Несторовому *Житію пр. Өеодосія*, а ко-

нецъ—по *Слову о перенесеніи мощей*. Въ разсказѣ о послѣднихъ дняхъ жизни Θеодосія замѣтно вліяніе лѣтописи: „бывши пасцѣ праздноваша свѣтло въ. ѕ. і же днь повелѣ братьи събрати к собѣ и оудариша в било и събрашася вси. бѣ лежа на дворѣ прямо цркви“ = Лавр. л.[3], 181.

Между участвовавшими въ перенесеніи мощей упоминается „Антоньи поросскыи“.

II, 92 об. 3 мая. Слово ѿ житья стго оца наше[г] феодосья.

Нач. Стму оцю нашему феодосью живущю съ братьею вкупѣ...

Кон.: „о тебе ра[д]емся й тобою ся хвалимъ. й ѿ твоіхъ млтвъ помощи просимъ славяще стую трцю“ ·:·

Нѣсколько отрывковъ изъ Несторового *Житія* (см. *Успен. Сборн.* лл. 46, с—47, b—с. 55, d—56, d) и краткая похвала, отличная отъ той, какую мы знаемъ въ Печерскомъ Патерикѣ.

II, 98 а. 7 мая. Стго оца наше[г] антонья началника въ руси черньческому житью в печерьскомь манастыри.

Нач. Князю ярославу сну володимірю княжащю киевѣ посемь нѣкоему члвку ѿ града любца. вложи бъ въ срце възлюбити черньчьскыи чинъ...

Кон.: „оуспе с миромь о б ѕѣ. й погребоша і в печерѣ. идѣже многы труды показа“ ·:· Лѣтописная статья Что ради прозвася Печерск. мон.: ср. Лавр. л.[3], 152—4.

II, 103 а. 10 мая. Слово о черноризьцѣ исходящимъ йз монастыря::

Нач. В земли русьстѣи в городѣ киевѣ. есть лавра манастыря печерьскаго оца феодосья...

Кон.: „и прочая дни с міромь скончa. и оуспе въ монастыри великого феодосья“:: Отрывокъ изъ Нестеров. *Житія Θеод. Печерск.*: ср. Усп. Сб. лл. 49 d—50 а.

II, 104 а. 11 мая. Памя[т] прп[д]бнаго оца наше[г] мефодия еп[с]па моравьска оучтля русьскаго.

Нач. Прп[д]бныи оць нашъ мефодии. бѣ ѿ града селуньскаго. ѿ сановиту и бату родителю роженъ оца лва и мтри мрьи...

Кон.: „поживъ же въ старости добрѣ преставися къ боу“::

См. печатн. Прол. подъ 11 мая и Добровск. Кир. и Меθ., 105—106.

(„Егда же бы[с] лѣ[т]. ві постави его князем словѣньнымъ. і пребы[с] тамо лѣ[т]. ї. ізвыче словѣньскому языку і словеса буковная сложиста съ братомь“).

II. 119 с. 23 мая. Обрѣтенье ч[с]тнаго телеси. стго оца наше[г] леонтья еп[с]па ростовьского::

Нач. Сь бѣ бл҃жнъи ц҃рьгр҃а рожьныя и҃ въспитаныя руськъи же і мирьскъи языкъ добрѣ оумѣяше. книгамъ русьскимъ и҃ гречьскимъ велми хитръ словесенъ сказатель...

Кон.: „помолися за мя всемл҃твому ц҃рю х҃у сп҃су. да безъ напасти житиискую пучину преідy помилованъ мл҃тью е҃г :· “

По *Ключевскому* („Древнер. жит. св.“, 3—7), это—*шестая* редакція, а по *Макарію* („Ист. р. ц.“ II, 329—32)—*четвертая*.

II, 123 с. 26 іюня. Сло҃ како дьяволъ іводить до ѿпѣтья изъ ц҃ркви чл҃вкъі.

Нач. Бяше старецъ прозорливъ д҃хмь. в печерьскомь монастъіри. іменемь матфѣи...

Кон.: „повѣда бр҃аи своеи да слъішавше оутвердишася мъіслью не ісходити исъ ц҃ркви до ѿпущенья“ ·:· Изъ *Слова о перв. чернор. Печерск.*: ср. Лавр. л.[3], 184—5.

II, 185 а. 11 іюля. Оуспенье бл҃жнъіи олгъі княгини. пр҃тчи русьския ко б҃у ·:·

Нач. Си бл҃жная олга родомъ плесковътини. жена же игоря князя всея русьския земля. іже сѣдяше въ киевѣ.

Кон.: „вложи в раку древяну. и постави в цр҃кві ст҃ъія бц҃а о х҃ѣ и҃с҃ѣ“ ·:·

См. „Чтен. въ Общ. Нест. Лѣтоп.“ II—2, стр. 67—68. (Варіанты: „тъ кр҃тъ і донынѣ стоїть въ ст҃ѣи софьи“; „могъілъі не съіпати“ вм. „могылы не соути“; „ни годинъі дѣяти“ вм. „ни дына дѣяти“).

II, 186. 12 іюля. Бл҃жную мч҃нку варяга і сн҃а его иѡана оубьеною в киевѣ::

Нач. Володимеръ великии і еще поганъ съі побѣди ятвяги і приде къ киеву творяше кюмиромь жертвъі с болярьі по побѣдѣ...

Кон.: „і ту оусѣчена быста... і прияста вѣчную жизнь за ст҃ую вѣру мучена“ ·:· Ср. *Лавр. л.*[3], 80—81.

II, 190 а. 15 іюля. Оуспенье бл҃жнаго і великаго князя володимера кр҃тившаго землю русьскую::

Нач. Сь оубо володимеръ бѣ сн҃ъ ст҃ославль. ѿ племене варяжьска...

Кон.: „ея же тряпезъі оуподобимся и҃ мъі грѣшниі і недостоіни кающеся о своїхъ съгрѣшні҃х“ ·:·

См. „Чтен. въ Общ. Нест. Лѣтоп.“ II, 28—30.

II, 202 с. 24 іюля. Стр҃а ст҃ою мч҃нку бориса и глѣ҃б.

Нач. Ст҃ая і славная мч҃нка борисъ глѣбъ бѣста с҃на володимеря кр҃тившаго землю русьскую. многъі же сн҃ъі імѣ володимеръ...

Кон.: „и҃хже мл҃твми і мъі смѣрениі да сподобимся получити

бию млсть сдѣ нынѧ і въ днь судныі". Разсказъ составленъ по лѣтоп.: ср. *Пов. вр. л.* подъ 988 и 1015 гг. II, 212d. 1 авг. Празднуемъ всемлтвому спсу гсу нашему ісу хсу.

Нач. Вѣдѣти есть намъ ѿ семь възлюбленаꙗ братьꙗ...

Кон.: „да празднуемъ вси обще мсца августа въ. а҃. днь въ славу сты трца оца..."

Между статьями *учительнаго* характера обращаютъ на себя вниманіе тѣ слова и поученія, какія изданы проф. Е. В. Пѣтуховымъ въ „*Матер. и замѣтк. по исторіи др.-русск. письмен.*", а также: „Къ немлтвымъ кнѧземъ и злымъ судьꙗмъ" (I, 8 а = 5 сент.), „Слово о пьꙗньствѣ" (I, 42 а = 7 окт.), „Сло о мьздоиманьи и о рѣзѣ. и о куполюбиі" (I, 57 d = 13 окт), „Слово ѿ лихоиманьі" (I, 60 а = 14 окт), „Поученье о трудѣ и о цртвии нбнѣмь" (I, 219 а = 13 янв.), „Сло ѿ аплъски оуставъ како подобаеть жити крстьꙗнину" (I, 292 = 24 февр.), „Слово къ судьꙗмъ" (II, 110 с = 16 мая), „Слово о пьꙗньствѣ и о покаꙗньи" (II, 111 с = 17 мая), „Сло о судьꙗхъ і власте емлющихъ мьзду" (II, 120 с = 23 мая), и нѣк. др.

По *составу* нашъ Прологъ, какъ показали наблюденія проф. А. И. Пономарева, единственный въ Россіи полный списокъ окончательной до-Макарьевской редакціи—и въ этомъ его особенный научный интересъ и значеніе.

По опредѣленію Св. Синода, рукопись передана изъ Спасо-Прилуцкаго монастыря въ библіотеку Спб. духовной академіи, гдѣ и хранится подъ № А $^{1}/_{264}$.

Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Н. В. Шлякова.

Принимаясь за посильное рѣшеніе вопроса о Троянѣ Слова о полку Игоревѣ, приведемъ сначала тѣ мѣста, гдѣ встрѣчается это имя, попытаемся дать имъ по возможности наиболѣе близкій къ тексту памятника переводъ и посмотримъ, что скажетъ намъ сопоставленіе этихъ мѣстъ.

Первое мѣсто Слова, гдѣ встрѣчается Троянъ, читается такъ (пользуюсь изданіямъ акад. П. Пекарскаго „Слово о полку Игоревѣ по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II. СПБ. 1864). О Бояне, соловію старого [стараго [1])] времени! абы ты сіа полкы [плъкы] ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умом [умомъ] подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы? Пѣти было пѣснѣ [пѣсь] Игореви, того Ольга [2]) [Олга] внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; Галици [галици] стады бѣжать къ Дону [дону] великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ [Велесовь] внуче: к[К]омони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ, т. е.: Ахъ Боянъ, соловей стараго времени! Вотъ тебѣ бы воспѣть по-соловьиному [3]) эти полки, перескакивая (съ вѣтки на вѣтку), соловей, по мысленному дереву, летая умомъ подъ облаками, свивая славу (вин. мн. въ подлин.) по обѣ стороны [4]) этого времени, рыская въ тропу Троянову черезъ поля на горы [5])! Развѣ пѣть было пѣсни Игорю, внуку того (Олега): „не буря соколовъ занесла черезъ широкія поля —

---

[1]) Въ скобкахъ [ ] напечатаны съ разрядкою тѣ отмѣны, противъ екатерининскаго списка, которыя встрѣчаются въ печатномъ изданіи Слова 1800 г. Предисловіе П. Пекарскаго.

[2]) Слово Ольга въ екатерининскомъ спискѣ, такъ же, какъ и въ печатномъ изд. Слова 1800 г., стоитъ въ скобкахъ ( ). Прим. Пекарскаго.

[3]) Щекотать—пѣть (о соловьѣ).

[4]) Обáполы у Даля. По обѣ стороны этого времени, т. е. сопоставляя между собою славные подвиги (славы) прошлаго и настоящаго.

[5]) Считаю знакъ ? по смыслу неумѣстнымъ: *абы* не *какъ бы*.

галки стадами бѣгутъ къ Дону великому", или такъ, вѣщій Боянъ, Велесовъ внукъ, началъ было пѣть: „кони ржутъ за Сулою, звучитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новгородѣ, стоятъ знамена въ Путивлѣ". Авторъ хочетъ сказать, что онъ не обладаетъ достаточнымъ искуствомъ, чтобы воспѣть полки Игоря: тутъ нужно бы такого мастера дѣла, какимъ былъ Боянъ съ его поэтическими пріемами: съ искусными переходами мысли отъ одного предмета къ другому, съ художественными образами, взятыми съ большой находчивостью и не безъ замысловатости изъ природы, съ мастерскими сопоставленіями прошлаго съ настоящимъ, съ ловкими экскурсами въ путь Трояна, съ быстрыми перелетами черезъ поля на горы. Преклоняясь передъ искусствомъ великаго пѣвца, авторъ и пробуетъ дать два зачина въ его духѣ: одинъ съ художественными образами изъ природы, съ залетомъ умомъ подъ облака, съ отрицательнымъ сравненіемъ, другой съ быстрыми перелетами съ одного противоположнаго мѣста на другое — съ Сулы на Днѣпръ, отъ Новгородсѣверска къ Путивлю. Мимоходомъ дѣлаетъ онъ экскурсъ тутъ и въ прошлое, сопоставля Игоря съ его дѣдомъ. Далѣе въ своемъ произведеніи онъ пользуется этимъ пріемомъ шире, смѣлѣе: онъ особенно соотвѣтствуетъ его цѣлямъ—путемъ сопоставленія славнаго прошлаго съ плачевнымъ, несмотря на весь героизмъ князей, настоящимъ показать вредъ княжеской розни. Этотъ пріемъ авторъ облюбовалъ по преимуществу, о чемъ заявилъ и въ началѣ: „почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго (сравнительно съ современнымъ героемъ Глѣбовичемъ) Владимера (т. е. Всеволодовича Мономаха) до нынѣшняго Игоря". И здѣсь авторъ не насильно привлекаетъ дѣда къ внуку, а самымъ естественнымъ образомъ: Боянъ пѣлъ Олега, пѣлъ, когда приходилось тому, оставя родное княженіе, землю отцовскую, переноситься не умомъ только, а въ дѣйствительности черезъ поля половецкіе на горы касожскія изъ Чернигова къ брату своему „красному Романови Святъславличю" въ Тмуторокань (1078 г.), пѣлъ, можетъ быть, здѣсь на своей родинѣ въ Тмуторокани у Романа, говоря: „когане, хоти тяжко ти, головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы, русской землѣ безъ князя Олега". Беззавѣтная настойчивость Игоря итти противъ врага, несмотря на неблагопріятное предзнаменованіе, напоминала такую же настойчивость Олега добиться отчины, несмотря на цѣлый рядъ неудачъ. Вдумаемся же въ эти обстоятельства: въ 1078 году Олегъ бѣжалъ изъ Чернигова отъ Всеволода въ Тмуторокань къ Роману, своему брату, къ тому „красному Роману Святославичу", пѣвцомъ котораго былъ Боянъ, бѣжалъ только что освобожденный изъ поруба Мономахомъ (Срв. мое

„О поученіи Влд. Мн. 8, 15), Боянъ поетъ безземельному князю о тяжести и его положенія и положенія его земли-отчины (мы знаемъ результаты этой пѣсни—событія 25 августа и 3 октября 1078 г.), воспѣваетъ, нужно думать, и его *бѣгство* и путь „чресъ поля на горы", съ обычными не только ему, но и вообще русской пѣснѣ, пріемами быстро переноситься съ одного мѣста на другое, „рыща", „легъко ходя. аки пардусъ (пантера)".

Вглядимся теперь въ словесное выраженіе мысли нашего автора: „абы ты сіа полкы ущекоталъ .. рища вътропу Трояню чресъ поля на горы! Пѣти было пѣснѣ Игореви, того (Ольга) внуку". Примемъ во вниманіе, что Ольга стоитъ въ скобкахъ въ обоихъ спискахъ. Почему? Не догадка ли это издателей или переписчиковъ, заимствованная изъ заголовка Слова... „внука Ольгова"? Какія имѣются данныя признавать право на существованіе при этомъ „Ольга" мѣстоименія „того"? Ровно никакихъ: ни дальнѣйшаго „который", ни предыдущаго указанія! А въ такомъ случаѣ „того" излишне! Но заподазривается рукописью, ставится въ скобки не „того", а „Ольга", насчетъ „того" никакого сомнѣнія! Выбросимъ „Ольга", получается только необходимое, лишняго не будетъ ничего, все будетъ имѣть свой raison d'être, но смыслъ получается: „тебѣ бы воспѣть по-соловьиному эти полки... рыская въ тропу Троянову черезъ поля на горы! Развѣ пѣть было пѣсни Игорю, его внуку". Чьему „его"? Изъ контекста явствуетъ Троянову, но Игорь—внукъ Олега, ergo Олегъ—Троянъ. Дѣйствительно тропа Троянова, идущая „чресъ поля на горы", можетъ быть тропой Олеговой, и не разъ рыскалъ онъ по ней, какъ по тройнѣ (см. Даль Слов.) со пнями, давая сметку и въ Родосъ, а можетъ быть и на войну Алексія Комнина съ Гвискаромъ и Боэмундомъ (срв. мои статьи по слв. нар. и рус. яку. II. Варш. 1900, 63 пр., только я теперь прибавилъ бы, что Олегъ въ заточеньѣ былъ, м. б., и до бунта Никифора Мелиссина, землевладѣльца на сосѣднемъ съ Родосомъ Косѣ и освобожденъ былъ, можетъ быть, имъ).

Прежде чѣмъ объяснять это названіе Олега Трояномъ, что уже въ такомъ случаѣ ничего общаго съ римскимъ императоромъ Трояномъ имѣть не будетъ, посмотримъ, будетъ ли это положеніе находить себѣ поддержку въ остальныхъ мѣстахъ Слова, гдѣ встрѣчается Троянъ.

Второе мѣсто: Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были Полцы [плъци] Олговы, Олга [Ольга] Святъславича [Святьславлича]... Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ[ь] скратишась. Тогда по Русской

земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣ[е]тѣти на уедіе. То было въ ты рати, и въ [съ] ты полкы [плъкы], а сицеи рати не слышано", т. е. Были вѣка [1]) Трояновы: прошли лѣта Ярослава, были (т. е. настали) походы Олеговы, Олега Святославича... Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялось и прозябало усобицами, погибала жизнь Даждь-Божьяго внука, въ княжескихъ крамолахъ сократилась жизнь людская. Тогда по Русской землѣ рѣдко понукивали пахари, но часто вóроны граяли, дѣля между собою трупы, а галки рѣчь свою вели, готовясь летѣть на поживу. Такъ было въ тѣ сраженія, въ тѣ походы, а такого сраженія еще было не слыхано".—Были вѣка Трояновы, говоритъ пѣвецъ: послѣ лѣтъ Ярослава, который „оутеръ пота с дружиною своею показавъ побѣду и трудъ великъ", при которомъ „оуста оусобицѧ и мѧтежь и бы҇с тишина велика в земли (Лавр. ҂ѕфкн҃ (6528) и ҂ѕфлд҃ (6534), настали походы Олега, когда рѣкою лилась кровь князей и народа, когда галки — половцы (см. выше въ образчикѣ Бояновой манеры пѣть) находили обильную поживу. „Такъ было въ тѣ сраженія", говоритъ авторъ далѣе, возвращаясь къ предыдущему, указанному впереди, вѣкамъ Трояна,—иначе странно поставить ихъ въ началѣ и не охарактеризовать, если вѣка Олеговы, какъ нѣчто отдѣльное отъ Трановыхъ, нуждались въ характеристикѣ. Что же, развѣ вѣка Олега были характернѣе, жестче Траяновыхъ? Тогда чего же и вспоминать о Траяновыхъ, если есть нѣчто поважнѣе ихъ и позабористѣе, если позволительно такъ выразиться? Или вѣка Траяновы были золотые вѣка? Тогда неужели между Траяномъ и Ярославомъ такъ и не было желѣзненькихъ? тогда къ чему же это монахи лѣтописцы говорятъ про Ярославову „побѣду и трудъ великъ", зачѣмъ же самъ Боянъ воспѣвалъ юношею усобицу между Ярославомъ и своимъ покровителемъ храбрымъ Мстиславомъ „иже зарѣза Редедю предъ полкы (пълкы) Ко[а]сожьскыми", воспѣвалъ, оставивъ слѣдъ своихъ Тмутороканскихъ дружинныхъ пѣсенъ въ лѣтописи подъ 1022 и 1024 годами? Мнѣ кажется, допустимо только одно: „ты рати, ты пълкы" это „вѣчи Трояни", такой противоположностью дышущіе съ лѣтами Ярослава и для большей силы характеризуемые, можетъ быть, словами самого вѣщаго Бояна. Эта сильная, мѣткая характеристика, отвлекши автора отъ начатаго „были вѣци Трояни", и заставила затѣмъ снова повторить: „то было *въ ты рати, въ ты полки*".

Третье мѣсто: „Уже бо братіе не веселая година въстала,

[1]) Всѣми принято, что здѣсь ч по-новгор. вм. *ц*.

уже пустыни силу прикрыла, въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы [крылы] на синемь морѣ [синѣмъ море] у Дону плещучи", т. е.: Уже, братцы, настала невеселая година, уже силу скрыла пустыня, поднялась обида среди силъ Дажь-Божьяго внука, вступила дѣвою (а м. б.: вступилъ дѣвъ (Дивъ) ею), на землю Троянову, захлопала она лебедиными крылами на Синемъ морѣ, торжествуя у Дона".—Авторъ говоритъ, что вслѣдствіе пораженія Игоря подверглась невзгодамъ Троянова земля. Какія это невзгоды, дальше и говорится: „Игорева храброго полку не кресити [храбраго плъку не крѣсити]. За нимь [нимъ] кликну Карна и жля [Карна и Жля] поскочи по Русской земли, смагу людемъ мычучи [смагу мычючи] въ пламянѣ розѣ... А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговь [ъ] напастьми", т. е. Не воскресить ужъ храбраго Игорева полка! За нимъ кликнула Карна (ὕβρις, такъ какъ карникъ ὑβριστής) и жалость поскакала (а м. б.: кликнулъ Кончакъ и Кза поскакалъ) по Русской землѣ, бросая среди людей жупелъ (смолу, варъ) въ огненномъ рогѣ... И застоналъ, братцы, Кіевъ отъ скорби, а Черниговъ отъ напастей". Прочтемъ относящееся сюда по лѣтописи (Ипат. Арх. ком. СПБ. 1871, 435—437): „и бысть скорбь и туга люта, яко же николиже небывала во всемъ Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверскомъ, и по всей волости Черниговьской: князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться, аки в мотви; городи воставахуть и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ... Погани же половци побѣдивше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и совокупиша вcь языкъ свой на Русскую землю; и бысть у нихъ котора... и тако раздѣлишася на-двое. Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту вcь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславѣ... язвенъ, труденъ въѣха во городъ свой... слашеться ко Святославу Всеволодовичю (т. е. въ Кіевъ) и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ: они же опоздишася... Половци же вземше городъ Римовъ и ополонишася полона, и пойдоша во-своаси; *князи* же возворотишася во домы своя, *бяхуть бо печални*... А друзии половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю, Кза у силахъ тяжькихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси". Итакъ, Дѣвъ вступилъ обидою главнымъ образомъ на землю Черниговскую, на отчину Олега-Трояна, она застонала отъ напастей, а Кіевъ отдѣлался легче, стоналъ только отъ печали: „бяхуть бо (князи) печални". Для Переяславля, былой отчины

Мономаха, дѣло обошлось не такъ легко: здѣсь „убуди (Дѣвъ) жирня (читай: Курня [1]) времена“, разбудилъ, воскресилъ времена Кури, когда въ 1096 году во время похода Святополка Изяславича съ Владиміромъ Мономахомъ противъ Олега въ Стародубу „воёва куря с половци оу переюславля и оустье пожже м̃ца . мая . кд҃ . днь: теперь на мѣсто Устья сталъ Римовъ, а оба князя такъ же „опоздишася“.

Четвертое мѣсто: „Ярославе и вси внуце Всеславли!.. уже понизить связи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ: вы бо своими крамолами начасте [начясте] наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣцѣ Зояни [на седьмомъ вѣцѣ Трояни]: връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъ [Тъй] клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго [Кіевскаго]... Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады радяше [рядяше], а самъ въ ночь волкомь [влъкомъ] рыскаше; исъ [изъ] Кыева дорискаше до куръ Тмуторокани... Аще и вѣща душа в [въ] друзѣ тѣлѣ нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и первое [пръвое] припѣвку смысленый рече; ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа неминути [не минути]“, т. е. Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! приспустите ужъ свои знамена, вонзите свои попорченные мечи; лишились ужъ вы дѣдовской славы, вы вѣдь своими крамолами начали наводить поганыхъ на Русскую землю, на достояніе Всеславово. Какое вѣдь (или м. б. во время жизни Всеслава, изъ-за ссоры (которою) вѣдь) было насиліе отъ Половецкой земли на седьмомъ вѣку, (вѣку) Трояновомъ, а Всеславъ бросилъ жребій—любую ему усобицу [2])!

---

[1]) Позволю себѣ предложить эти 3 conjecturas: вм. Карны и жля—Конча(къ) и Кзм, что слѣдуетъ изъ лѣтописи, и вм. *жирня* со страннымъ (срв. ниже печаль жирна) значеніемъ и смягченіемъ—Курня.

[2]) Мнѣ кажется, что „о дѣвицю себѣ любу“ не имѣетъ смысла, и я думаю, что стояло оусобицю. Авторъ, мнѣ кажется, хочетъ сказать, что виною половецкихъ набѣговъ во времена Олега былъ Всеславъ. Насколько это вѣрно, сошлюсь на свои соображенія въ Поученіи, стр. 17. Лѣтопись, дѣйствительно, выставляетъ Всеслава зачинщикомъ усобицъ: Новг. I: „въ лѣто 6573 поча всѣславъ рать дрьжати“; Лавр.: „в се же лѣто всеславъ рать почалъ“.—Кстати это мѣсто Слова, хоть нѣсколько, можетъ быть, и страдаетъ хронологической непослѣдовательностью [раззореніе Новгорода и Немига предшествовали Кіевскому княженію. Не смѣшанъ ли тутъ Голотичьскъ съ Немигой (3 марта 1067 г.) и неудачный походъ 23 октября 1069 г. съ походомъ 1066 г.?], даетъ намъ, кажется, указаніе, какъ устроили Всеслава князья послѣ того, какъ 23 октября 1069 г. новгородцы разбили вожанъ, „а самого кн҃зя ѿпоустиша Бога дѣля (Новгор. I): они дали ему Тмуторокань, и, можетъ быть, не безъ его иниціативы въ лѣто 6579 воеваша половци оу растовьця и оу Не-гтина“; такъ какъ „в се же лѣто выгна всеславъ стополка ис полотьска“. Лавр.

Онъ клюками (метафорически: непрямымъ путемъ) подперся на конѣ и скакнулъ къ городу Кіеву, дотронулся шпорами до золотого стола Кіевскаго... Князь Всеславъ строилъ судъ людямъ, раздавалъ города князьямъ, а самъ ночью рыскалъ волкомъ: изъ Кіева до пѣтуховъ дорыскивалъ до Тмутороканя... Хоть и вѣщая душа была у него въ смѣломъ тѣлѣ, но и онъ часто напасти терпѣлъ: ему впервые вѣдь мудрый Боянъ сказалъ припѣвку: ни хитрецу, ни искуснику, ни пташкѣ смышленой [1]) не миновать смертнаго часа".

Какъ бы ни понимать, какъ ни толковать это мѣсто, одно неоспоримо: седьмой вѣкъ Трояновъ — время жизни Всеслава и Бояна, а стало быть и Олега Святославича, его вѣкъ, такъ какъ вѣкъ еще не значило saeculum, а означало время жизни vita, а потому и поколѣніе, родъ, стало быть седьмой вѣкъ есть седьмой родъ, седьмое колѣно. Отъ кого же придется считать время, колѣна для князя? Очевидно, отъ его родоначальника, а таковымъ по нашимъ лѣтописямъ былъ Рюрикъ. Итакъ: 1) Рюрикъ, 2) его сынъ Игорь, 3) сынъ Игоря—Святославъ, 4) Владиміръ св., 5) Ярославъ, 6) Святославъ, 7) Олегъ Святославичъ.

Кажется, довольно: дѣло говоритъ само за себя.

Но что же такое Троянъ для Олега? То же, что Гориславичъ — прозванье. Конечно, не отъ „тройни его со пнями и смётками", какъ я выше назвалъ охотничьимъ терминомъ его судьбу съ 10 апрѣля 1078 г. по Любечскій съѣздъ въ началѣ ноября 1097 г., и не отъ болгарскаго Трояна Самуиловича, о которомъ я говорю на стр. 64-й 2-го выпуска „Статей по славянскимъ нарѣчіямъ". Варшава, 1900 г.,—все это могло вліять только косвенно,—а отъ того корня, отъ котораго происходитъ и охотничье тройня, тропа, перетроенный заячій слѣдъ, на которомъ бываютъ пни (слѣдъ, гдѣ заяцъ сидѣлъ осматриваясь и съ котораго онъ дѣлаетъ смётки въ бокъ) и стрслв. трањ, серб. трајати, трајем, dauern, durare; verweilen, maneo; дȍтрајати чега dauern bis,—durare usque, хватать до чего; што aufhören zu dauern, durare jam non posse не хватать, дойти; зȁтрајати се verweilen, ausbleiben, moror, non venio, замѣшкаться, задержаться, запропаститься; истрајати verbringen,

---

[1]) Кажется, лучше пѣвцу искусному, такъ какъ птичъ (птицю) — означаетъ птенца, да и почему вдругъ (развѣ метафорически?) заговорилъ Боянъ о птицѣ? Во всякомъ случаѣ эта грустная нотка говоритъ о послѣднихъ годахъ жизни Бояна: и пѣвьцю (птицю значило бы переносно то же) горазду суда Божія (т. е. часа смертнаго) не минути! Очевидно, припѣвка сказана по случаю смерти волшебника-князя 14 апрѣля 1100 (мое Поученіе, 27 и 113) уже престарѣлымъ чародѣемъ-пѣвцомъ, которому въ это время было не менѣе 94 лѣтъ (Редедя убитъ Мстиславомъ ок. 1022 г.).

transigo, consumo провести, истратить; лужич. dotrajacy bis hin dauernd, ausdauernd; dotrajny ausdauerlich; dotrojic vollends, bis zu Ende etwas langsam oder schlecht ausführen, vollbringen, entstellt zu Wege bringen; so dotrojic sich endlich aus dem Garne finden, auspruddeln, sich vollends entstellt anziehen; přetrac überdauern, beharren; überleben; přětrac überstehen, aushalten; přětrajny erträglich, aushaltbar; pretrajòmny zu überstehen, auszuhalten; přetrojic umgestalten — čas die Zeit schlecht verbringen, потратить; so přetrojic sich zögernd verhalten; wutrac ausdauern, aushalten, ausstehen; wutrajliwy aushaltbar; wutrajny ausdauernd; erträglich; so trojic sich zögernd aufhalten; trac dauern, währen, trajny dauernd, dauerhoft; trajawy andauernd, während, bleibend. Ниж. луж. Chtož pak hutrajo až do togo konza, ten bužo sbožny претерпитъ, вынесетъ. Мѳ. 24, 13. Въ чеш. тотъ же корень, но съ другой наставкой trváti продолжаться, trvály продолжительный, setrváti вынести, vytrvály настойчивый и т. д. Глаголъ этотъ Бругманъ сближаетъ съ лат. in-tro, др.-инд. tra-ya-te, tra-ti охраняетъ, спасаетъ (первоначально, по его мнѣнію, заставляетъ проникать, счастливо проходить), другой видъ корня въ др.-инд. tar — проникать, переходить. Итакъ, троянъ—настойчивый, доходчивый, дойда, коштанъ, дотора [1]).

Оренбургъ 11 января 1904.

---

[1]) Въ заключеніе не могу не обратить вниманія на тотъ фактъ, что облики корня вида *тро* находятся и распространены преимущественно у лужичанъ (у русскихъ чаще близкій корень въ видѣ *тор* ториться, торить, видъ корня *тер*, тьр), нѣмецкихъ Wenden—вѧтовъ (откуда срв. ст. вѧштьи вящій, лучшій) и на то, что пѣвецъ Слова, воспѣвая походъ Игоря, останавливается съ особеннымъ интересомъ и любовію на подвигахъ не его, а буй-тура Всеволода трубчевскаго (трубечскаго), прославляетъ его курянъ, онъ не чуждъ повѣрій языческихъ, его сердцу ближе югъ нынѣшней Орловской и сѣверъ Курской губерніи, верховье Оки и водораздѣлъ его съ Десной и Сеймомъ, обиталище тѣхъ вятичей (по наставкѣ—дѣтей, отпрыска вятовъ, пришедшихъ отъ ляховъ), среди которыхъ палъ жертвой своей апостольской дѣятельности прп. Кукша печерскій въ началѣ XII в. Эта-то страна, на сѣверѣ которой крѣпко еще было и въ началѣ XII в. язычество, а на югѣ находилась область курянъ-семичей, колыбель сторожеваго казачества, созданнаго героемъ Бояновымъ Мстиславомъ Владимировичемъ, переселявшимъ сюда, для защиты границы, людей, подобныхъ жителю Василева, отцу прп. Ѳеодосія печерскаго, съ его энергичной, какъ мужчина, казачкой-женой,—эта-то страна, надо думать, и произвела славнаго подражателя Боянова, умѣвшаго такъ сознательно отнестись къ своему образцу: не даромъ пропали въ Черниговской области тѣ Святославовы книги, отъ которыхъ уцѣлѣли и до нашего времени Сборники 1073 и 1076 годовъ.

Забытая статья Ф. Миклошича.

(Страница изъ исторіи лексикографіи церковно-славянскаго языка и ново-болгарскаго правописанія).

П. Драганова.

Въ приводимой ниже, въ свое время не замѣченной, а теперь забытой и никѣмъ изъ славянскихъ филологовъ и библіографовъ не зарегистрованной газетной своей статьѣ, знаменитый австрійскій славистъ *д-ръ Ф. Миклошичъ* даетъ намъ слѣдующее: Во 1-хъ, нѣкоторый, довольно любопытный матеріалъ по исторіи лексикографіи церковно-славянскаго языка. Во 2-хъ, онъ указываетъ на научное значеніе для всѣхъ рѣшительно славянъ своего лексикографическаго труда и—попутно, на отсутствіе правильной междуславянской книжной торговли. Въ 3-хъ, Миклошичъ является счастливымъ и, можно сказать, положительно примѣрнымъ орѳографомъ ново-болгарскаго языка и литературы.

Представивъ намъ образчикъ болгарскаго правописанія въ такомъ видѣ, въ какомъ оно, по Миклошичу, *должно быть*, онъ, такъ сказать, является рѣшительнымъ противникомъ орѳографическихъ новшествъ своего не менѣе знаменитаго учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ ученаго фанатика *Б. Копытаря*,—друга послѣдняго, препрославленнаго *Вука Караджича* и ихъ новѣйшихъ послѣдователей, *нѣкоторыхъ* преподавателей въ Софійскомъ Высшемъ Училищѣ.

Иными словами говоря, проф. Миклошичъ стоитъ на строго этимологической почвѣ, являясь рельефнымъ противникомъ „орѳографической“ распущенности во всякой литературѣ, даже въ такой маленькой и областной словесности, какъ болгарская [1]).

Но кромѣ того статья Миклошича, въ видѣ „Письма въ редакцію“, представляется намъ безукоризненною и въ отношеніи

---

[1]) Извѣстно, что за 100 лѣтъ литературнаго развитія „Возрожденной Болгаріи“, ея ученые дидаскалы славяно-греко-россійской школы и особенно новѣйшіе болгарскіе гелертеры, просвѣщавшіе свой разумъ въ Австро-Венгріи и, вообще, въ Западной Европѣ и поэтому всѣ рьяные руссофобы, уже успѣли представить съ полъ дюжины разныхъ „правописаній“, изъ которыхъ, особеннымъ радикализмомъ и совершенною безпочвенностью, наперекоръ болгарской

къ стилистикѣ и орѳоэпіи и, какъ таковая, она могла бы служить дѣйствительнымъ примѣромъ и образцомъ правописанія, какъ для болгарскихъ „мудрословеснѣйшихъ“ писателей и ученыхъ первой половины XIX в., такъ и для могучей кучки болгарскихъ гелертеровъ конца того же вѣка, вынесшихъ изъ чешскихъ и хорватскихъ школъ Австро-Венгріи самое высокое и слишкомъ ужъ подобострастное представленіе о дѣйствительныхъ и мнимыхъ заслугахъ В. Караджича въ дѣлѣ правописной реформы, т. е. удаленія языка современныхъ Сербовъ, Черногорцевъ, Далматинцевъ и отчасти Болгаръ православнаго вѣроисповѣданія отъ традиціоннаго вліянія, столь противнаго извѣстнымъ сферамъ у Юго-Славянъ и нашихъ Малоруссовъ (руссофобамъ и хохломанамъ) стиля и правописанія русской книги Ломоносовскаго и Карамзинскаго періодовъ, высочайшимъ развитіемъ которыхъ являются Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Ѳ. Достоевскій, Гончаровъ, Писемскій, оба Толстыхъ (Алексѣй и Левъ) и другіе представители русской литературной мысли и публицистики конца прошлаго вѣка [2]).

литературной публикѣ, отличилось *четвертое* по счету правописаніе, оповѣщенное министромъ народнаго просвѣщенія Г. Живковымъ (въ 1893 г.) и *седьмое*—въ министерство Т. Иванчева, навязанное, правда, лишь болгарскимъ школамъ въ 1899 году, послѣ почти эфемернаго существованія (всего только *три недѣли!..*) правописанія И. Вазова, смѣнившаго такое же кратковременное правописаніе К. Величкова, дважды возжелавшаго (въ 1885 и 1896 гг.) уничтожить, хотя бы бюрократическимъ путемъ, правописную анархію, водворившуюся въ болгарской печати съ 1870 года и окончательно утвердившуюся въ ней, въ апогеѣ стамбуловщины въ 1893 году вплоть до паденія всемогущаго министра—палочника и его клевретовъ Живкова и другихъ. На эту орѳографическую анархію еще раньше указывали благоразумные и образованные писатели П. Славейковъ, Н. Геровъ, Панаретовъ, К. Величковъ, но ихъ заявленія подверглись глумленію или прошли совершенно незамѣченными. Охранительница устоевъ русско-болгарской литературной взаимности, органъ Д. Цанкова и д-ра Данева „*Болгарія*“ патетически восклицала по этому поводу: „О, вы окаянные руссофобы! Вы уже достаточно потрудились надъ тѣмъ, чтобы искалѣчить болгарскій языкъ въ той мѣрѣ, въ какой искалѣченъ Сербскій“. По—болгарски: „О, окаянны руссофобы и т. д.... за осакаштанье и [illegible] болгарскій языкъ, какъ то е вече осакатѐнъ сърбскій—атъ“. (См. газету „Болгарія“, Софія, въ № 15 отъ 26 февраля 1899 г.).

[2]) Въ этомъ отношеніи Миклошичъ стоитъ гораздо ближе къ отцу науки славянской филологіи, *аббату І. Добровскому*, нежели къ своему бывшему учителю, неугомонному Б. Копытарю. Первый изъ нихъ, Добровскій, глубокій и непредубѣжденный знатокъ дѣла, вовсе не давалъ себя обольщать преувеличенными толками о „великихъ заслугахъ В. Караджича“. Добровскій говаривалъ, что „*плохой выговоръ народныхъ массъ, иноязычныя примѣси и тому подобные ингредіенты въ сербскомъ языкѣ отнюдь не считаетъ такой святынею, которая, заслуживала бы доступа въ письменность*“. Добровскій отнюдь во всемъ не соглашался съ Вукомъ, собственно съ Копытаремъ, который „открылъ“ Вука, упрекалъ Копытаря за его чрезвычайную слабость къ Вуку, и Добровскій занялъ *нейтральное* положеніе въ спорѣ Вука съ сербами—карловичанами, называвшими обыкновенный простонародный сербскій языкъ нарѣчіемъ придунайскихъ скотопасовъ и даже болѣе нелестными и обидными эпитетами. См. трудъ *В. Ягича*: Источники для исторіи славянской филологіи. Спб. 1885 г. и разборъ его въ статьѣ *А. Будиловича*: Добровскій и Копитаръ. Ж. М. Н. П., 1886 стран. 405—406.

Печатаемъ ниже статейку Миклошича въ болгарскомъ подлинникѣ, en régard съ русскимъ переводомъ, снабдивъ её тамъ и сямъ лишь кое-какими подстрочными примѣчаніями.

Разсматриваемая статья Миклошича напечатана имъ въ самый разгаръ политическихъ событій 1849 г., въ константинопольской газетѣ „Цареградскій Вѣстникъ“, по видимому во время его пребыванія въ турецкой столицѣ, при собираніи матеріаловъ для изданія „Monumenta Serbica, spectantia historiam Serbiae Bosniae Ragusi. (Viennae, 1858). Издавалась тогда эта газета ученымъ болгариномъ, „докторомъ“ *Ив. Андреевымъ*, тогда еще не болѣвшимъ руссофобіею и этимологоманіею, на которыхъ онъ впослѣдствіи, переименовавши себя въ *И. Богорова*, окончательно помѣшался, занимаясь „чисткою“ болгарскаго языка, стиля и правописанія [3]).

Подписка за рѣчникъ на Старый Славянскый языкъ.

По-болгарски.

Цѣлый ученъ свѣтъ знае, какво [4]) е Старый Славянскій языкъ за голѣмо почитаніе: По него ся познава, какъ въ е былъ языкъ-тъ нй [5]) у старо време; безъ него не могѫтъ ся

По-русски.

Всему ученому міру извѣстно великое уваженіе, какимъ [4]) пользуется Старо-Славянскій языкъ. Благодаря ему, мы можемъ знать, какимъ былъ нашъ [5]) языкъ въ старину.

[3]) И. Андреевъ-Богоевъ-Богоровъ, окончивши курсъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ въ Одессѣ, завершилъ свое высшее образованіе въ университетахъ Австріи и Германіи и еще въ молодости былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ Миклошичу, ученая дѣятельность котораго ему была небезъизвѣстна. Такъ 36 лѣтъ послѣ этого Богоровъ напечаталъ въ болгарскомъ пересказѣ нѣмецкую монографію Миклошича о матеріалахъ по исторіи болгарскаго языка и письма („*Миклошичъ за гласны тѣ звукове, въ Болгарскый языкъ*“. Вѣна, 1885). Въ болгарской литературѣ, гдѣ Богорова считали болгарскимъ Шишковымъ и Бернолакомъ, онъ извѣстенъ также, какъ редакторъ-издатель *первой по времени* болгарской газеты, именно „Болгарскій Орелъ“, выходившій въ 1848 году (въ Лейпцигѣ).

[4]) Миклошичъ ставитъ какво вмѣсто болѣе употребительнаго и необходимаго въ настоящемъ случаѣ че.

[5]) Миклошичъ, употребляя выраженіе нашъ, говоритъ болгарской публикѣ, и какъ славянинъ вообще, и какъ словѣнецъ въ частности. Оставаясь послѣдовательнымъ во взглядѣ своемъ на родину и происхожденіе старо-церковно-славянскаго языка, онъ ни разу въ своей статьѣ не называетъ этотъ языкъ старо-болгарскимъ, каковымъ именемъ напрасно величали и величаютъ его чешскіе, и вслѣдъ за ними болгарскіе филологи и даже самъ нѣмецкій словистъ А. Лескинъ. Отвергая совершенно гипотезу Копытаря и Миклошича о паннонскомъ и хорутанскомъ происхожденіи этого языка, А. Х. Востоковъ, въ противность Шафарику, Бодянскому и другимъ болгаристамъ болгаризмъ церковно-славянскаго языка принималъ лишь въ смыслѣ македонизма,, не болѣе того, „а потому его можно назвать и македонскимъ, какъ думалъ и Добровскій: собственно-Болгар-

разумѣѭтъ, какъ то трѣбва, стары тѣ споменници на кое и да е Славянско нарѣчіе [6]); безъ него не може ся помыслюва заради Славянскѫ-тѫ филологіѭ.

Споредъ това може ся чюди человѣкъ, какъ до сега не излѣзлъ на свѣтъ ни то единъ толкозъ съвършенъ рѣчникъ на Старый Славянскый языкъ, какъ то ся намира въ найстары тѣ книгы, повѣче рѫкописи, защо (то) какво е излѣзло до сега това дѣло, то е или твърдѣ малко или смѣсено сякакъ, а не само старославянски [7]). Като гледахъ, колко е потрѣбенъ поголѣмъ рѣчникъ на Старый Славянскій языкъ, трудихъ ся около десять годинъ повѣче за това дѣло: колко то можахъ намѣри стары славянски рѫко-

Безъ него нѣтъ возможности понимать, какъ слѣдуетъ старые письменные памятники какого бы ни было славянскаго нарѣчія [6]). Безъ него немыслима наука славянской филологіи.

Въ виду этого, можно лишь удивляться, какъ это до сихъ поръ не появился въ свѣтъ хотя бы одинъ сколько-нибудь сносный словарь старо-славянскаго языка сообразно тому, какимъ представленъ этотъ языкъ въ старопечатныхъ книгахъ и древнѣйшихъ рукописяхъ, опубликованныхъ или извѣстныхъ въ настоящее время. Если же что-нибудь и вышло до сихъ поръ по этой части, то оно очень незначительно или же смѣшано съ славянскимъ языкомъ поздняго періода [7]). Увидѣвъ, насколько не

ское же нарѣчіе могло издревле отличаться отъ него очень важными признаками". Такъ, А. Х. Востоковъ высказалъ свое мнѣніе въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ вслѣдствіе вопроса, ему предложеннаго. См. „*Филологическія наблюденія*" А. Х. Востокова. Издалъ И. Срезневскій. Спб. 1865 стран. 95.

[6]) Именно *нарѣчіе*, а не языкъ! Позже Миклошичъ написалъ Сравнительную Грамматику доброй дюжины Славянскихъ языковъ и, какъ извѣстно, Малорусское нарѣчіе угодило въ число этихъ языковъ, т. е. въ угоду австрійскаго принципа: divide et impera!...

[7]) Перепечатываемая статья Миклошича представляетъ газетное объявленіе о подпискѣ на первое изданіе его книги: „*Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti*". Vindobonae, 1850. 4. 2-е, значительно дополненное, главнымъ образомъ по Востокову, изданіе этого же труда озаглавлено: „*Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum*". Vindobonae, 1862—1865. 8. Несмотря на внушительный размѣръ второго изданія этого словаря, который къ тому же давно вышелъ изъ продажи, онъ очень далекъ даже отъ относительнаго совершенства. Академикъ А. И. Соболевскій въ своемъ докладѣ Предварительному съѣзду Русскихъ филологовъ, по поводу предстоящаго Международнаго Съѣзда Славистовъ, говоря о крайней необходимости изданія старо-церковно славянскаго словаря, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Словарь Востокова составленъ на основаніи немногочисленныхъ, извѣстныхъ въ то время памятниковъ. Словарь Миклошича страдаетъ тоже очень существенными недостатками. Миклошичъ работалъ, почти не уѣзжая изъ Вѣны; онъ не воспользовался рукописями, извѣстными ему—московскими (XI—XII вв.) по описанію Горскаго и Невоструева, и петербургскими—по работамъ Срезневскаго (Миклошичъ воспользовался лишь скудными выписками въ трудахъ Срезневскаго); онъ ввелъ въ

писи и печатаны книги, сички-тѣ прочетохъ по нѣколко пѫти и нищо не оставихъ за да ми стани дѣло то, какъ-то го искатъ науки тѣ на днещный день. Събрахъ около 18000 рѣчи и по много гледахъ та гы написахъ тѫй [8]), какъ то ся намиратъ въ найстары тѣ изворы и какъ то прилича направо споредъ духа на старый нашъ языкъ. Славянскы-тѣ рѣчове истлъкувахъ съ грьцки и латинскы и примного-то гудихъ, дѣка сьмь гы нашьлъ. А защо то у насъ [9]) нѣма още редовна книжна търговья, ами е подписка та [10]) една леснина, съ коіѫ-то ся получаватъ книгы-тѣ, за туй [11]) и азъ призовавамъ сички-тѣ, кои-то желаѭтъ [13]) да иматъ тѫѭ книгѫ, да ся подпишѫтъ [13]).

обходимъ для научнаго употребленія путный словарь старославянскаго языка, я давно. еще болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, началъ трудиться въ этомъ направленіи. Насколько мнѣ доступны были старо-славянскія рукописи и старо-печатныя книги, все это я по нѣскольку разъ перечиталъ, къ матеріалу отнесся осмотрительно, сообразно съ современными требованіями наукъ. Такимъ образомъ, я успѣлъ собрать около 18000 словъ, множество разъ разсматривалъ этотъ матеріалъ и переписалъ ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ я нашелъ въ старинныхъ источникахъ, соотвѣтственно духу стараго нашего языка. Славянскія слова я истолковалъ при посредствѣ греческаго и латинскаго языковъ и во многихъ случаяхъ отмѣчалъ мѣстонахожденіе этихъ словъ.

свой словарь, такъ сказать, суррогаты (матеріалъ изъ такъ называемой Несторовой лѣтописи, Законника Стеф. Душана, даже изъ Трехъ-язычнаго Словаря Поликарпова—начала XVIII в.“ См. Предварительный Съѣздъ Русскихъ филологовъ (10—15 апрѣля 1903 года). Бюллетени. Спб. 1903 стран. 14). На этомъ Съѣздѣ, при составленіи будущаго словаря древняго церковно-славянскаго языка, рѣшено воспользоваться церковно-славянскими памятниками IX и X, но и XI и XII вв. Главное участіе при составленіи Словаря примутъ, кромѣ академика А. И. Соболевскаго, слѣдующіе ученые: заслуженный профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета М. С. Дриновъ, профессоръ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института М. Н. Сперанскій, профессоръ Императорскаго Спб. Университета и Спб. Археологическаго Института П. А. Лавровъ и профессоръ Московской Духовной Академіи Г. А. Воскресенскій, стр. 121.

[8]) Миклошичъ, зная всю нелѣпость и фальшивость употребленія болгарами, вмѣсто необходимаго имъ глухого *â*—начертанія большого юса (ѫ), тѣмъ не менѣе, или вслѣдствіе lapsus calami, или вслѣдствіе заразительности примѣра, пишетъ тѫй вмѣсто тъй. Замѣнить болгарамъ подобный звукъ вмѣсто нелѣпаго юса буквою *â* предлагали въ свое время В. Караджичъ, В. И. Григоровичъ и на лекціяхъ своихъ В. И. Ламанскій и И. В. Ягичъ, но изъ этого ничего не вышло, т. е. этому совѣту никто не внялъ, кромѣ В. Е. Априлова и нѣкоторыхъ другихъ. И, какъ это ни странно и смѣшно, многіе болгары до сихъ поръ пишутъ: бѫлгаринъ, Бѫкль (Бокль, англ. историкъ) и тому подобныя нелѣпости.

Книга та е вѣке готова, ала не ще ся раздава до 15 Декемврія 1849, а до тогава молѫ да ми ся испратѭтъ имена та на едно съ пары-тѣ, за да могѫтъ и тѣ да ся напечататъ.

Но такъ какъ у насъ [9]) еще нѣтъ настоящей книжной торговли, подписка же [10]) представляетъ извѣстнаго рода удобство, благодаря которому получается возможность пріобрѣсти книгу, то я обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ [12]), которые желали бы имѣть вышеназванную книгу, съ предложеніемъ подписаться [13]) на неё.

Книга уже готова, но она начнетъ разсылаться подписчикамъ съ 15 декабря 1849 года, до того же времени прошу высылать мнѣ фамиліи подписчиковъ вмѣстѣ съ деньгами, дабы

---

[9]) Т. е. у насъ Славянъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга государственными границами...

[10]) Замѣчательно, что этотъ руссицизмъ или руссизмъ, т. е. подписка, какъ и ниже слѣдующій подписатель вмѣсто подписчикъ, еще въ 40-хъ годахъ былъ въ употребленіи не только въ болгарской рѣчи, но и у Миклошича, какъ публициста въ настоящемъ случаѣ.

[11]) И здѣсь Миклошичъ, сдѣлавъ уступку фонетическому правописанію, подобно всѣмъ почти болгарамъ, пишетъ туй вмѣсто тое.

[12]) Имѣется въ виду здѣсь главнымъ образомъ болгарская публика.

[13]) Миклошичъ, учась болгарскому языку по болгарскимъ книгамъ и рѣдко встрѣчаясь съ болгарами, главнымъ образомъ въ Вѣнѣ, привыкъ употреблять и извѣстные руссицизмы въ болгарскомъ языкѣ, который *пропитан* ими въ настоящее время, къ великому огорченію пуристовъ типа И. Богорова, А. Теодорова и другихъ. Даже западно-европейскіе воспитанники, никогда не бывавшіе въ Россіи болгары, болгарскіе депутаты, министры, самъ экзархъ болгарскій Киръ Іосифъ (французскій воспитанникъ), не говоря уже о принцѣ Кобургскомъ, какъ и принцѣ А. Баттенбергскомъ, какъ князьяхъ болгарскихъ сплошь и рядомъ употребляютъ русскія слова, какъ въ обыкновенной, такъ и въ высоко оффиціальной рѣчи. Вотъ два выразительнѣйшихъ примѣра: „Болгарскій народъ питае къмъ Россія чувства" и т. д (Слова болг. экзарха). „Наши тѣ предки ожидаваха" (слова князя Фердинанда). Объ этомъ смотри: Драганова П.: „*Русскіе писатели въ болгарскомъ переводѣ*" и т. д въ „Извѣстіяхъ Русскаго языка и словесности" Импер. Акад. Наукъ. Годъ I. 1896 стран. 290. Страшимирова, Д. Т. *Русска та литература у насъ*. Мисъль София. Годъ X, 1900 май стран. 278. Бобчева. Ил. С.: *Русскій языкъ и Русская литература въ Болгаріи*". Славянскій Вѣкъ. 1902 № 8. Цонева, Б.: *Русско-болгарскія паралели*. Славянскій Гласъ. Софія. Годъ I. 1903. Срав. Періодич. Спис., год. XV. 1903 стран. 247—259. Шишманова И. Д., теперь министра народнаго просвѣщенія въ Болгаріи: *Русско то вліяніе въ езика ни и Богоровата реакція* „Българскій Прѣгледъ", 1899, стран. 108—109. Его же: *Наченки отъ Русско то влияніе въ Българската книжнина (За Пушкиновый юбилей 26 мая 1899 г.)*. Тамъ же, 1899, кн. 9—10. Его же: *Русское вліяніе и Пушкинъ въ Болгарской литературѣ* Сборникъ Отдѣл. Русскаго яз. и Словесности Импер. Акад. Наукъ, т. LXX, 1901 и отдѣльно въ трудѣ академика И. В. Ягича: *А. С. Пушкинъ въ южнославянскихъ литературахъ*. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей. Спб. 1901. стран. 33—35.

Книга та е напечатана на голѣмѫ четврьтинѫ; тя е отъ двадесять и петь и половина печятни листа, освѣнь предговора. Цѣна та й е три флорина сребьрны или девять цванцика за подписатели-тѣ [14]), а сетнѣ ще бѫде за петь флорина или петьнадесять цванцика.

Подписателье ся не пріемватъ безъ пары.

Който испрати пары за десять книги, пріема единадесята въ даръ.

15 VIII врія, 1849. Віенна.

Францъ Миклошичъ.

За изъ Българиѫ ся пріема подписка-та въ Писальница та „Цариградскаго Вѣстника“, на Балъ-Капанъ-Ханъ.

напечатать имена подписавшихся.

Книга напечатана формата въ 4-ку; содержитъ всего 25 печатныхъ листовъ. Ея цѣна 3 серебр. флорина (гульдена) или 9 цванциговъ для подписчиковъ [14]), а впослѣдствіи цѣна будетъ повышена до 5 флориновъ или 15 цванциговъ.

Письма подписчиковъ безъ подписной суммы не принимаются.

Кто вышлетъ деньги на 10 экземпляровъ, тому пришлется въ даръ 11-й экземпляръ.

15 VIII бря, 1849. Вѣна.

Францъ Миклошичъ.

Для Болгаріи подписка принимается въ Конторѣ „Цареградскаго Вѣстника“. въ Константинополѣ, Балъ-Капанъ-Ханъ.

(Цариградскій Вѣстникъ, 19 ноемврія 1849 година В. Четь 74, стран. 4. Издава ся всяка сѫббота. Издава И. Андреовъ въ своя-та книгопечятница).

---

[14]) Слово подписатель, неологизмъ на русской почвѣ, есть произведеніе самого Миклошича и 50 лѣтъ тому назадъ: и въ настоящее время болгарская литература и языкъ не знаютъ другого равнозначущаго ему имени, кромѣ вспомоществователь, по-гречески συνδρομητής.

Замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ фонетики Рупаланскаго нарѣчія.

К. Радченко.

Настоящія замѣтки, не претендуя на самостоятельное научное значеніе, имѣютъ цѣлью побудить изслѣдователей къ болѣе точному съ точки зрѣнія физіологіи рѣчи опредѣленію нѣкоторыхъ любопытныхъ фонетическихъ явленій Рупаланскаго нарѣчія. Замѣтки эти являются результатомъ моихъ личныхъ наблюденій надъ этимъ нарѣчіемъ, имѣвшихъ мѣсто лѣтомъ 1898 года. Къ сожалѣнію, эти наблюденія пришлось ограничить крайне тѣснымъ районом. Тѣмъ не менѣе они дали мнѣ возможность отмѣтить неточность въ характеристикѣ нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностей сказаннаго нарѣчія въ появившихся до того времени изслѣдованіяхъ и сообщеніяхъ о немъ. Новыхъ же изслѣдованій по Рупаланскому нарѣчію, на сколько мнѣ извѣстно, до настоящаго времени не появлялось. Посему полагаю, что опубликованіе моихъ „Замѣтокъ" будетъ кстати.

Прежде всего, я долженъ оговорить трудности, съ которыми пришлось мнѣ встрѣтиться при непосредственномъ знакомствѣ съ Рупаланскимъ нарѣчіемъ. Не говоря о трудности для иностранца уловить всѣ тонкости произношенія, я не могу ручаться за то, что пѣвцы, разсказчики и разсказчицы, которыхъ мнѣ удалось залучить, сохранили мѣстное произношеніе во всей чистотѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Болгаріи введено обязательное первоначальное обученіе, литературный языкъ все болѣе и болѣе распространяется не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ. Въ большей чистотѣ сохранили мѣстное произношеніе помаки, но отъ нихъ трудно добыть что-нибудь: они относятся недовѣрчиво не только къ иностранцамъ, но и къ болгарскимъ этнографамъ. Правда, я имѣлъ помощниковъ въ лицѣ сельскихъ учителей, но и они не всегда были свободны отъ вліянія какой-либо теоріи, либо книжнаго языка. Особенную благодарность я долженъ принести, во всякомъ случаѣ, г. директору Чепеларскаго 3-хъ-класснаго училища С. Шишкову, извѣстному

этнографу и прекрасному знатоку своего края, при содѣйствіи котораго я уяснилъ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія.

Результаты моихъ наблюденій можно свесть къ слѣдующему.

Въ Рупаланскомъ нарѣчіи слѣдуетъ различать (по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя мнѣ удалось посѣтить) два говора или поднарѣчія—первое можно назвать Рупчоскимъ, второе, которымъ говорятъ на границахъ Болгаріи и Турціи, въ особенности въ Ахѫ-челебійской каазѣ во Ѳракіи—Ахѫ-челебійскимъ. Первое поднарѣчіе ближе стоитъ къ восточному болгарскому нарѣчію, въ частности къ говору Пловдивскаго Поля, второе приближается къ македонскимъ говорамъ. Наиболѣе характеристическія особенности Рупчоскаго говора слѣдующія: *ѫ* ударенный переходитъ въ *а*, то же относится и къ глухимъ въ соединеніи съ плавными, неударенные звучатъ, какъ глухой звукъ, но съ окраской *а*. Спорадически и ударенный *ѫ* передается глухимъ; *о* неударенный звучитъ почти, какъ *у*; *е* неударенное, какъ звукъ, близкій къ *и*; *л* передъ узкими гласными—среднее; *ѣ* ударенное, если слѣдующій слогъ твердый, звучитъ, какъ *я*, въ остальныхъ случаяхъ, какъ *е*; *х* вообще едва слышно, въ 3 л. мн. аориста оно или совершенно исчезаетъ и, если основа глагола оканчивается на *а*, то это *а* сливается съ *а* окончанія въ одно долгое *а*, или же *х* замѣняется j. Гдѣ *х* слышно, оно скорѣе напоминаетъ греческое густое придыханіе или нѣмецкое *h*, чѣмъ русское *х*; членъ троякій *т*, *н* и *с*.

Гораздо любопытнѣе Ахѫ-челебійскій говоръ.

Здѣсь обращаетъ особенное вниманіе замѣна *ѫ*, глухихъ, *ѧ*, *я* и *ѣ*. Эта особенность нарѣчія была уже давно подмѣчена его изслѣдователями, между которыми почетное мѣсто принадлежитъ С. Шишкову, но, кажется, не было вполнѣ вѣрно ими истолкована и точно передана въ записанныхъ ими памятникахъ. Дѣло въ томъ, что лица, изучавшія это нарѣчіе и сообщавшія свѣдѣнія о немъ, не обладали знаніемъ физіологіи рѣчи. Благодаря этому, возникла теорія о двугласныхъ въ Рупаланскомъ нарѣчіи. Замѣчательно, однако, что представители сельской интеллигенціи въ Родопѣ, въ частности сельскіе учителя, такъ сказать, инстинктивно чувствуютъ невѣрность передачи загадочныхъ звуковъ въ печати и говорятъ, что издатели искажаютъ народный языкъ.

Я обратилъ особенное вниманіе на помянутые звуки, заставлялъ по нѣскольку разъ повторять слово, въ которомъ былъ такой звукъ, повѣрялъ свои наблюденія наблюденіями другихъ... и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Въ Ахѫ-челебійскомъ говорѣ (по крайней мѣрѣ, въ селахъ: Чепеларе, Широка Лѫка, Върбово, Стойки) вмѣсто ст.- славянскихъ *ѫ*

и глухихъ въ соединеніи съ плавными слышится широкое *о*, приближающееся къ *а*, притомъ долгое, долгота въ особенности чувствуется въ ударенныхъ слогахъ. Примѣры: до́рво, на главо́та (в. п.) фо́ркам, во́рзам, во́рли, мо́ски, ро́ка, во́лна, во́лк, ко́шта, зо́п.

Вм. ѧ, ꙗ, *ѣ* слышится широкое *е*, приближающееся къ *а*, долгое. Примѣры: невӓста, дӓте, бӓли, са́бјӓ в. п., печӓлба, чӓдо и проч. Тотъ же звукъ слышится вмѣсто іотированнаго *е* и *е* въ соединеніи съ *ч*: заго́рчӓ (впрочемъ, быть можетъ, здѣсь ѧ перешло въ *е*) конјӓте. Нерѣдко *а*, впрочемъ, почти исключительно, если оно служитъ замѣной старо-славянскаго ѧ, переходитъ въ јо, но только, если на немъ лежитъ удареніе. Примѣры: зјо́мам, срјо́щнам, зјо́тен, зо́л, тјо́шка.

Далѣе, нужно замѣтить, что въ этомъ говорѣ вообще ударенный гласный произносится протяжнѣе, чѣмъ неударенный, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ производитъ впечатлѣніе долгаго слога. Примѣры: ви́кали, ви́но.

Другія особенности говора: *л* или среднее, или мягкое (передъ іотированными гласными). Мѣстами наряду съ обычнымъ переходомъ *тј* въ *шт* встрѣчаемъ вм. тј — k' мягкое (такъ въ Върбово, отчасти въ селѣ Широка Лѫка и въ Стойкахъ): kје (оч. мягко = ште). Такъ же к выговаривается весьма мягко передъ гласными (ср. южновел. чайкю). Примѣры: майкја, рокје, бу̂лкье (зв. п.), свирькја. Тамъ же наблюдается спорадически переходъ дј въ звукъ, средній между весьма мягкимъ *д*, и *г*, похожій на сербское ђ. Примѣры: ви́дје (1 л. е.), Го́сподју (оч. мягко), сле́дјет, ловадје (в. п.).

Глаголъ *хочу* въ качествѣ вспомогательнаго глагола для образованія будущаго времени является преимущественно въ формѣ *ште*, но иногда встрѣчаются формы *кье* и *же*.

Самой любопытной чертой остается замѣна юсовъ и *ѣ*. Было бы желательно, чтобы изученіемъ этого интереснаго нарѣчія занялось лицо, обладающее не только тонкимъ слухомъ, но и основательнымъ знаніемъ законовъ фонологіи. Любопытно было бы выяснить, является эта замѣна первичной или вторичной, обусловленной особенными свойствами ударенія, можно ли назвать эти гласные долгими или только протяжными, свойственна ли эта долгота или протяженность всѣмъ слогамъ или только ударенным, встрѣчаются ли помимо этихъ протяженныхъ гласныхъ еще другія.

Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербскомъ языкѣ.

Г. Ильинскаго.

Праславянская форма родительнаго падежа множ. ч. [1]) основъ на *—о* и *—јо* почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ подверглась большему или меньшему вліянію со стороны именъ на *—и* и *—і*, заимствовавъ отъ нихъ ихъ окончанія *—овъ* и *—ьјъ*

Такъ, въ древнерусскихъ памятникахъ уже съ XI в. попадаются формы вродѣ: бождевъ Свят. сб. 1076, л. 7; дълговъ Златоструй XII в., 5 об.; бѣсовъ Житіе Епифанія XII в.; монастыревъ Житіе Θеодосія Печерскаго по сп. XII в., 7; бѣсовъ ib., 13,19, доуховъ, пълковъ, ib. 13, троудовъ ib. 14 об.; розбониковъ Договоръ Смоленска съ Ригою ок. 1230 г. и т. д. (Соболевскій, Лекціи[3], 171). Въ современномъ русскомъ языкѣ флексія *—овъ* не только почти совершенно вытѣснила окончаніе *—ъ*, но даже распространилась въ имена средняго рода на *—о* и *—јо*: ср. великор. *мѣстовъ*, *дѣловъ*, *кушаньевъ* и т. д. (Собол., т. ж., 172). Въ именахъ на мягкую основу ок. *—овъ* рано (съ XIII в.) встрѣтило сильнаго соперника въ видѣ ок.*—ии* и*—ьи*, перенесеннаго изъ именъ на *—і*. Ср. пѣнязии Ев. 1279 г., 49; стихирарии Кормчая ок. 1282, 613; моужии Ряз. Кормчая 1282, 48, 58, 178; князии Грам. Казимира 1361 г.; князеи Служебникъ преп. Сергія 10, 22 об., 23; создателеи 37 об., 38 об. и т. д. (Соб., т. ж. 174). Это окончаніе почти исключительно употребляется и въ современномъ русскомъ языкѣ, гдѣ его не избѣжали даже основы ср. р.: ср. *морей*, *полей* (Соб. т. ж.).

Весьма похожую картину представляетъ исторія G^3 въ польскомъ языкѣ. Въ XIV в. формы на *—ъ* еще преобладаютъ, но

---

[1]) Для большей краткости, мы будемъ приводить ниже эту форму подъ знакомъ G^3.

уже съ XV в. онѣ получаютъ, по аналогіи именъ на *—и*, окончаніе *—ow*. Ср. *patriarchow*. Молитвы Вацлава; Апокал. 176, b; 182, 189; *ewangielistow* Молитвы Вацл. 173; Хроника Март. Бѣльск. 102; *poetow* жит. Март. Бѣльск. 10, 11; *lutnistow* Нов. Зав. 343, b и т. д. (Kalina, Historya 184—185). Интересно, что, по образцу этихъ формъ, и имена женскаго р. на *—a* стали звучать въ G³ на *—ow*, что во второй половинѣ XVIII в. было довольно обыкновеннымъ явленіемъ. Ср. *welnow* Вруб. 64; *podwodow* Хрон. Хвальчевскаго II, 27; *rękow* Anecd. 27; *figow* Кресц. 416, 417; *pigwow* т. ж. 488; *strugow* Шимановск. Е. 3 b и мн. др. (Kalina, т. ж., 185). Съ начала XVI в. и имена на *—jo* стали переходить въ систему склоненія на *—и*, принимая ихъ окончаніе G³ *—ow*. Ср. *drapieczow* Висл. стат. Ласск. 113; *złoczyncow* т. ж. 117; Экл. L. 1; *sprawcow* Жит. Бѣльск. 27; *grabiow* Бѣльск. D. 4 b.; *hrabiow* Папроцк. 1025 (Kalina т. ж. 188). Не чужды имъ и имена женск. р. *parallellow* Бѣльск. A. 1; *racow* Бѣльск. 73; *tabellow* Конарск. III, 305 и т. д. (Калина, т. ж. 188). Въ современномъ польскомъ языкѣ архаическія формы G³ сохранились только въ названіяхъ странъ, напр. *Czech*, *Węgier*, *Włoch*, *Niemiec*, у именъ на *—ianin*, напр., *mieszczan*, *Słowian*, *Rzymian*, у имени *przyjaciel*, въ нарѣчныхъ образованіяхъ вродѣ *dotychczas*. Въ остальныхъ случаяхъ употребляется окончаніе *—ow*, кромѣ именъ на *—acz*, *—al*, *—arz*, *—asz*, *—el*, *—erz*, *—ol*, *—osz*, *—usz*, *—yl*, *—ysz* и *—ciel*. Послѣднія оканчиваются обыкновенно на *—i*; ср. *tłomaczy*, *kowali*, *Moskali*, *pisarzy*, *rycerzy*, *żołnierzy*, *towarzyszy*, *nauczycieli*, *koni*, *noży* и пр. (Ср. Soerensen, Polnische Grammatik, S. 45).

Особенно широкое распространеніе получило окончаніе *—ow* въ сербо-лужицкихъ языкахъ. Здѣсь оно стало постоянною принадлежностью не только именъ м. р. на *—o* и *—jo*, но и именъ ж. р. на *—a*, *—ja* и *—i*. Ср. ниж. *cłowjekow*, *płotow*, *žiwow*, *bratšow*, *głosow* и т. д., влж. *głow*, *kijow*, *kralow*, *nokšow*, *kónców*, *mužow*. далѣе влж. *mórjow*, *słyncow*, *dašow*, *rybow*, *łozow*, *kólnjow*, *rolow*, *dušow*, *pěsnjow*, *kóscow*, *recow* и т. д. (Mucke, Hist. und vergl. Laut—und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, S. 326, 341, 353—355). Старыя формы G³ встрѣчаются только у pluralia tantum, именныхъ и родовыхъ названій, а также въ отдѣльныхъ окаменѣлыхъ выраженіяхъ (подробности см. у Муки т. ж.).

Переходимъ къ чешскому языку. Здѣсь повторяется картина, знакомая намъ изъ польскаго языка, хотя и съ нѣкоторыми новыми нюансами. Въ именахъ на *—o* древнее окончаніе сохранялось и сохраняется въ названіяхъ народовъ и вообще коллективныхъ личностей, а также въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ. Примѣры см. у

Гебауэра Hist. mluvnice III, 1, str. 54—56. Уже съ самыхъ древнихъ временъ появляется ок. —*óv*, которое господствуетъ до начала XVI в. Ср. *panow* Алекс. Индр. Гр. 5,22, *hradow*, т. ж. 1,2, *yazykow*. Лег. о Св. Духѣ, *chlebów* Библ. В. Марк. 8,6, *zastupow*, т. ж. 8,2, *vczedlników*, т. ж. 8,1, *boyowników* Ол. Num. 2,4, *sadow*, т. ж. 13,21, *hrzichow* Лакт. 79^b и т. д. (Gebauer, т. ж., 56). Но еще въ XIV в. (впрочемъ, гл. обр., у именъ на —*jo*) ок. —*ov* стало переходить въ *ó*: ср. od mvczzedlnyeko Ев. Ол. 322^a, *nyemczo* Дал. 93,—далѣе—въ *uov*: czassuow пасс. 272, *chlebuów* Библ. В. Марк. 8,6, *popuów*, т. ж. 8,31, *hadúow* Крумл. 28^a и т. д., въ —*uo* (съ XV в.): *hrziechuo* Крумл. 63^b, *panuo Pražanuo* Кол. б. 1519, *panuo* Кржиж. б. 95^a, *šatkuo* т. ж. 94^a и т. д., въ—*ů* (съ XV в.): *synv* Ев. Ол. (1421 г.) 135^b, *panv* 154^b, *welbludu* т. ж. 99^a, *angelw* Львов. 46^a, *hauffu* Милл. 53^b, *pánu porucžniku* Колл. арх. 1511 и т. д., наконецъ, съ XVI в. —*ův*: *dworzeninuw* Милл. 8^b, *služebnijkůw* Гаекъ 2^b и пр. (Ср. Gebauer, Hist. ml. III, 1, 56—57). Въ современномъ литературномъ чешскомъ языкѣ употребляется обыкновенно два окончанія: —*ův* въ концѣ предложенія и передъ гласной и *ů*— передъ согл. Въ говорахъ повторяются почти всѣ окончанія, извѣстныя изъ древнихъ памятниковъ (Геб., т. ж.) плюсъ окончанія —*um* (у ганаковъ), —*ou* изъ —*ú* (дол.), —*ůch*, —*uch* (зап.-чеш., валашск.), —*ůj*. (Геб., т. ж. и объясненія этихъ вторичныхъ образованій). Интересно, что въ Моравіи діалектически вм. ок. —*ov* употребляется окончаніе —*í*, безъ сомнѣнія, по аналогіи именъ на —*i*. Ср. *vlasí*, *pačesí* (злинск.), *koláří*, *grajcari*, *hoferi*, *cigani* (грозенк.), *hlasi*, *razi* (ляшск.) (Геб., т. ж., 58). Это окончаніе —*í* особенно часто у именъ на —*jo* какъ въ старое время, такъ и въ особенности въ современныхъ діалектахъ чешскаго языка: ср.: *stupny* Ол. 3. Рег. 10,19, *rytieří i manów* Трист. 405, *obyczegi* Милл. 81^a, *groši* Коз. 406 и пр. (Геб., т. ж., 109),— но въ общемъ и въ мягкомъ склоненіи всегда преобладало окончаніе —*ov* и его рефлексы. Примѣры, хронологическое развитіе которыхъ не отличается отъ хронологическаго развитія окончанія G^3 у именъ на —*o*, см. у Геб., т. ж. 107—109. Почти исключительно окончаніе —*í* у именъ средняго рода на —*jo*, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ суффиксомъ *ce* или *če*. Такое различіе наблюдается еще въ древнихъ памятникахъ. Ср. *polii* Прор. 31^a, *neby* Кап. пс. 148, 4, *loží*, *moří* и т. д. при *zzyrdecz* Ап. Добр. а, *srdecz* Дал. 15, *zrnecz* Алекс. 1098, Манд. 3^b, *wratecz* Лобк. 117^b и т. д. Діалектически ок. *í* встрѣчается даже у именъ ср. р. на—*o*: *jaťmí* злинск. Bart. D. 20. (Gebauer, т. ж. III, 1, 157—158, 141). Подобное соотношеніе между твердыми и мяг-

кими основами наблюдается и у именъ женскаго рода: имена на *—ja* уже въ самое старое время оканчиваются въ G^3 на í, имена на *—a* остаются обыкновенно безъ окончанія (Геб., т. ж., стр. 179—180, 211—212). Интересно, однако, что всенивеллирующая аналогія не осталась безъ вліянія и здѣсь, и уже въ древнечешскихъ памятникахъ мы читаемъ такіе примѣры, какъ: *gyezwy* Руд. 25^b 74^a, *modlytwy* Жит. отц. 72^a, *wrstwy* Алх. Ант. 74^a и т. д. (Геб., т. ж., 180).

Словацкій языкъ представляетъ приблизительно ту же картину, что и чешскій.

Въ словенскомъ языкѣ имена м. р. на *—o* и *—jo* въ G^3 оканчиваются на *—ov* и *—jev* (Miklosich, Vrgl. Gr., S. 132). Имена средняго рода на *—o* и *—jo* остаются обыкновенно безъ окончанія, какъ и имена на ж. р. на *—a* и *—ja* (Miklosich, т. ж. S. 136 и 137). Впрочемъ, по словамъ Облака (Zur Geschichte der nominalen Deklination im Slovenischen ASPh. XII, 440), въ юго-западныхъ словенскихъ говорахъ имена женскаго рода на *—a* съ удареніемъ на конечной гласной оканчиваются въ G^3 на *—a*.

Наконецъ, передъ нами—болгарскій языкъ. И здѣсь наблюдаемъ уже хорошо знакомое явленіе—вліяніе на G^3 именъ на *—u*, и притомъ въ самыхъ древнихъ его памятникахъ. Ср. врачевъ Зогр., грѣховъ Мар., грѣховъ, родовъ Ассем., вѣковъ, врачевъ, градовъ, грѣховъ, даровъ, змиевъ, знoевъ, плодовъ, потовъ, троудовъ, родовъ, сѫдовъ, садовъ, цвѣтовъ, оудовъ Супр., гадовъ, гроздовъ, грѣховъ, даровъ, змиевъ, Син. Тр. (Leskien Handbuch^3, 73). Въ именахъ на мягкую основу спорадически встрѣчается и окончаніе—еи и и, перенесенное изъ именъ на—*i*. Ср. врачеи Ассем. Ев. (Leskien, т. ж.). И тѣ и другіе примѣры, разумѣется, еще чаще встрѣчаются въ среднеболгарскихъ памятникахъ. Ср. съ одной стороны: садовъ, грѣховъ, родовъ, Пог. Пс.; гроздовъ, Берл. сб. (Kalina Studyja, II, 447) и съ другой стороны, цари Бухар. сб., мѫжии ркп. Curz. № 171; дѣлателїи ркп. Соф. Нар. Библ. № 5 XVII в. (Kalina, т. ж).

Итакъ, во всѣхъ славянскихъ языкахъ съ поразительнымъ однообразіемъ повторяется одно и то же явленіе: форма G^3 подвергается аналогіи или именъ на *—u*, или именъ на *—i*, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Только сербскій языкъ составляетъ между ними исключеніе, образуя G^3 посредствомъ какого-то загадочнаго окончанія *—a*.

Но дѣйствительно-ли сербское окончаніе такъ исключительно? И не тождественно-ли оно съ однимъ изъ упомянутыхъ окончаній, хотя и замаскированнымъ спеціальными фонетическими законами сербскаго языка?

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли уже, что въ древнерусскомъ,

напр., языкѣ имена на —*jo*, по аналогіи именъ на — *i*, получили въ формѣ G^3 окончаніе —*ьj*, откуда современно-русское —*ей*. Ср. *мечей*, *князей*, *коней* и т. д. То же самое могло случиться и въ древнесербскомъ языкѣ и притомъ еще въ XIII в., т. е. до наступленія закона вокализаціи глухихъ гласныхъ. Въ такомъ случаѣ, формы G^3 праславянскихъ существительныхъ: **тьčь*, **kъnęzjь*, **koпь* и т. п. должны были бы принять видъ **тьčьj*, **kъnęzьj*, **koпьj* и т. п., а нѣсколько позже **тačaj*, **kinęzaj*, **konjaj* и т. п. Ср. серб. *змај* изъ праслав. **zтьjь*, русск. *змѣй*. А такъ какъ въ сербскомъ языкѣ конечное *j* иногда отпадаетъ, —доказательства см. ниже,—то изъ послѣднихъ формъ и могли явиться современныя формы *ма́ча̂*, *кне́за̂*, *ко́нја̂* и т. д. И подобно тому какъ въ серболужицкихъ языкахъ окончаніе *ow* изъ именъ на —*u* распространилось и въ имена на —*o* (муж. и ср. р.) и даже на —*a* и —*ja* ж. р., въ сербскомъ языкѣ окончаніе *â* распространилось изъ именъ на —*jo* во всѣ остальныя. Такимъ образомъ, и на сѣверѣ и на югѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же процессомъ, и если результаты его здѣсь и тамъ различны, то причиной этого является различіе его *исходныхъ точекъ*.

Къ изложенному выводу мы пришли совершенно *дедуктивнымъ* путемъ. Постараемся теперь оправдать его *индуктивно*.

1) Какъ извѣстно, современнымъ сербскимъ формамъ съ ок. —*a* предшествовали въ древне-сербскомъ формы съ какимъ-то загадочнымъ окончаніемъ, обозначавшимся двумя ьь. Ср. врѣменьь, моужьь, апостольь, пророкьь, родитєльь, работьь, и т. д. (Šafařik, Serbische Lesekörner, S. 50) сєльь, сильь, землыь, игоуменьь, сєльь, ѿцьь, землыь, мѣстьь, моужьь и т. д. (Майковъ, Исторія сербскаго языка, стр. 628), робьь, монастирьь, отацьь, сильь, соуродникьь, человѣкьь, сєльь (Дан. Историја облика, стр. 67, 70, 77). Обыкновенно въ знакѣ ьь видятъ попытку писца передать долготу конечнаго —*a*, но вѣдь послѣднее встрѣчается въ сербскомъ языкѣ во множествѣ другихъ случаевъ,—почему же писецъ выражалъ его только въ формѣ G^3? Съ нашей точки зрѣнія, явленіе объясняется гораздо проще: очевидно, знакомъ ьь писецъ старался изобразить звукъ —*ьj*, тотъ самый, который былъ слышенъ и въ древнесербскихъ т ь и и с ь-и, изображавшихся въ памятникахъ и притомъ иногда съ изумительнымъ постоянствомъ—черезъ тьь и сьь (соврем. сербскія *та̂ј* и *са̂ј*). См. Дан., т. ж. 150.

2) Яркій свѣтъ бросаетъ наша гипотеза и на другое загадочное обстоятельство, тѣсно связанное съ формой G^3, именно на причину долготы двухъ послѣднихъ слоговъ. Эта причина есть замѣнительное удлиненіе, послѣдовательно постигавшее гласныя послѣ отпаденія конечныхъ ь и *j*. Напр., G^3 отъ **конjь* послѣ отпаденія

ь сталъ звучать въ сербскомъ **кôнј*; это послѣднее, подвергшись вліянію аналогіи именъ на —*i*, сталъ звучать **кôнıј* — *кóнјаȷ* и затѣмъ послѣ отпаденія ј—*кóнјâ*. Прекрасные примѣры замѣнительнаго удлиненія послѣдняго рода привелъ недавно г. Бѣличъ въ статьѣ „Прилошци историји словенских језика“ (Глас. LXII): тâ (пирчанск. и озрин. говоръ), *тëга̂*, *тëмŷ*, *ȍвега̂*, *ȍвемŷ*, *ȍнегŷ*, *ȍнемŷ* (дубр. гов.). Ср. также Rešetar, Die serbo — kroatische Betonung, 147—148.

3) Въ настоящее время можно считать вполнѣ доказаннымъ, что каково бы то ни было происхожденіе ок.—*a*, оно есть, во всякомъ случаѣ, явленіе сравнительно—позднее. Это положеніе подтверждается не только отсутствіемъ окончанія—*a* во всѣхъ другихъ языкахъ, но и прямыми показаніями древнихъ памятниковъ сербскаго языка, въ которыхъ оно начинаетъ встрѣчаться только съ конца XIV в. И наше объясненіе вполнѣ гармонируетъ съ этими данными исторіи сербскаго языка.

Итакъ, всѣ три главныя трудности нашего вопроса: графическая, фонетическая и историческая вполнѣ устраняются нашей теоріей. Но какъ это почти всегда бываетъ, взамѣнъ ихъ являются новыя трудности, безъ разъясненія которыхъ нельзя считать вопросъ рѣшеннымъ. Эти новыя сомнѣнія возбуждаютъ слѣдующіе факты.

1) Если окончаніе—*a* тождественно съ окончаніемъ—*ьјь* именъ на *i*, то не понятно, почему глухой не вокализировался и въ окончаніи послѣдняго. На это возраженіе можно отвѣтить, во первыхъ, указаніемъ, что такая фонетическая непослѣдовательность встрѣчается въ сербскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Ср. напр. *змâј* при *змùја*. Во-вторыхъ, это различіе судьбы въ разныхъ категоріяхъ именъ одной и той же фонетической группы, кажется, можно объяснить различіемъ ударенія. Какъ показываютъ литовскія формы G[3] *aviũ*, *nakcziũ*, *szirdiũ*, удареніе въ праславянскихъ именахъ **gostьјь* **ljudьјь* и т. д. удареніе звучало на послѣднемъ слогѣ. Благодаря ему, въ древнесербскомъ языкѣ формы **gostьјь* **ljudьјь* получили видъ *gostьi*, *ljudьi*, откуда историческія формы гостии, гости, людии, люди. Но еще прежде чѣмъ возникли послѣднія формы, окончаніе *ьјь* (принявъ видъ *ьi*), перенесено было по аналогіи въ другія категоріи, гдѣ удареніе должно было пасть, во всякомъ случаѣ, на первое ь; и этимъ объясняется его вокализація [1]).

---

[1]) Иначе объясняется взаимоотношеніе формъ *gostьi* и *gostьį* у Шахматова „Къ вопросу о различеніи іота и неслогового і въ исторіи славянскихъ языковъ“ Варш. 1903 г., стр. 6. Кстати, замѣтимъ, что авторъ напрасно видитъ вокализацію глухого въ формахъ G[3]: *бőра̂ја̂*, *пёра̂ја̂*, *лőза̂ја̂* и т. п. Первое а возникло здѣсь по аналогіи *бőра̂*, *пéра̂*, *лőза̂* и т. д. Въ словѣ *Јураȷ* *аȷ*, вѣроятно представляетъ уменьшительный суффиксъ.

2) Также легко устраняется и другое возраженіе, которое можно сдѣлать нашей гипотезѣ, именно, почему *j* отпалъ только въ G^3 именъ на—*jo*,—*o* и—*a*.Отвѣтомъ служитъ сравнительно-поздній и случайный характеръ его происхожденія, который не далъ ему возможности упрочиться. Ср. такое же исчезновеніе въ упомянутомъ *онѐга̂*, *тѐга̂* и т. п., а также въ нарѣчіяхъ *ѐнда̂*, *та̏да̂* изъ *ѐнда̂j та̏да̂j* (Маретичъ, Grammatika, str. 189), гдѣ *j*, какъ извѣстно, представляетъ позднѣйшій привѣсокъ.

3) Что касается до словенскаго окончанія —*a*, то употребленіе его *какъ разъ* въ тѣхъ говорахъ словенскаго языка гдѣ *ъ* вокализируется въ *a* (т. е. въ юго-зап.), лишь подтверждаетъ нашу гипотезу... А то обстоятельство, что ок. —*a* въ G^3 принимаютъ только имена на —*ȁ* ж. р. съ удареніемъ на *конечномъ* слогѣ, оправдываетъ наше объясненіе вокализаціи —*ъj* вліяніемъ ударенія, падавшаго на *ъ*.

Изъ изложеннаго ясно, что, хотя и наше объясненіе загадочнаго ок.—*a* не свободно отъ извѣстныхъ трудностей, — эти трудности, во всякомъ случаѣ, гораздо меньше тѣхъ, которыя соединяются, напр., съ гипотезой М. Гатталы (Početne skupine suglasah Rad. IV, 158) о тождествѣ ок.—*a* съ санскр. ок. *sâm*, или съ объясненіемъ А. Шлейхера (Склоненіе основъ на—*u*, 11) изъ суффикса L^3, или съ объясненіемъ Ягича (Podmladjena vokalizacija Rad IX 145—146) изъ вторичной вокализаціи, или съ объясненіемъ Бодуэна-де-Куртенэ (Рецензія на кн. Ягича, 16 — 17) изъ ударяемаго ъ, или съ объясненіемъ Брандта (Начертаніе славянской акцентологіи, 101) изъ стремленія произносить односложныя слова съ восходящимъ удареніемъ, или съ объясненіемъ Облака (Zur Geschichte der nominalen Deklination im Slovenischen ASP XII 439—440) изъ взаимодѣйствія трехъ факторовъ: 1) односложности формъ G^3, 2) ударенія въ концѣ слова и 3) вліянія окончаній D^3, I и L^3—*ma*, или съ объясненіемъ Möhl'я (MSL VI, 187—193) изъ аналогіи G^1 именъ на—ъ или—о, или съ объясненіемъ Решетара (Primorski lekcionari Rad, CXXXVI, 138) изъ стремленія „подкрѣпить“ конечный слогъ словъ долгимъ ъ.

Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи.

Е. Ѳ. Карскаго.

Извѣстный писатель *С. Максимовъ* (Живописная Россія, III, 432, 436; Древняя и Новая Россія, 1876 г., № 8, 299—300. 306) считаетъ народный говоръ Орловской губерніи, лежащій къ западу отъ р. Десны и отчасти къ востоку отъ нея, бѣлорусскимъ; онъ даже отмѣчаетъ здѣсь дзеканье. Брянскій, Сѣвскій, Трубчевскій и Карачевскій уѣзды Орловской губ. относитъ къ Бѣлоруссіи и *де-Ливронъ* (Живоп. Россія, III, 250). Со словъ этихъ писателей и *я* („Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени") границу бѣлорусской области опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: „въ Трубчевскомъ уѣздѣ по правому берегу р. Десны, далѣе въ Брянскомъ уѣздѣ по р. Деснѣ и ея притоку Болвѣ". Побывавъ, однако, лѣтомъ 1903 г. въ означенной мѣстности, я нашелъ, что бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ здѣсь значительно меньшее пространстiю: въ Брянскомъ уѣздѣ бѣлоруссы оказались въ Акулицкой и Лутенской волостяхъ, т.-е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были отмѣчены еще въ 1848 г. *Кеппеномъ* (ср. *мою* работу „Бѣлоруссы", I, 14—15). Независимо отъ перечисленныхъ наблюденій, отчасти же подъ вліяніемъ ихъ, а также извѣстныхъ работъ и программъ академика *А. И. Соболевскаго* (напр., „Опытъ русской діалектологіи") въ текущемъ году вышли двѣ работы, посвященныя между прочимъ и народному говору Брянскаго уѣзда; имѣю въ виду отчетъ II-му Отдѣленію Академіи Наукъ проф. *Е. Ѳ. Будде*: „О говорахъ Тульской и Орловской губерній. Матеріалы, изслѣдованіе и словарь" (Спб., 1904) и *П. Тиханова*: „Брянскій говоръ. Замѣтки изъ области русской этнологіи" (Спб., 1904). Присоединивъ сюда и нѣкоторые матеріалы, собранные *мною* въ с. Акуличахъ и отчасти въ друхъ мѣстахъ Брянскаго уѣзда, не дѣлая пока подробной

характеристики названнаго говора, для чего еще не собрано достаточно матеріала, можно высказаться относительно нѣкоторыхъ принципіальныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что они въ значительной степени затронуты въ названной выше работѣ проф. Будде.

Одинъ ли говоръ во всемъ Брянскомъ уѣздѣ?

Могу рѣшительно отвѣтить, что безусловно не одинъ. Жители старой Акулицкой волости (нынѣшней Акулицкой и Лутенской), лежащей въ сѣверо-западномъ углу Орловской губерніи по сосѣдству съ уѣздами Мглинскимъ Черниговской и Рославльскимъ Смоленской губ., говорятъ по-бѣлорусски; въ настоящее время они начали поддаваться сильному великорусскому вліянію. Для насъ теперь совершенно безразлично, какого племенного происхожденія эти бѣлоруссы; но нельзя не отмѣтить, что языкъ ихъ, наружность и бытъ въ основѣ бѣлорусскіе, лишь съ сильнымъ великорусскимъ оттѣнкомъ, что и естественно, если принять во вниманіе ихъ постоянное сосѣдство съ великоруссами. Такъ въ рѣчи населенія преобладаетъ дзеканье (ци, дзѣци, ражáць и т. д.), но замѣтна склонность къ чистымъ *д* и *т* мягкимъ, безъ свистящаго оттѣнка; также здѣсь и *р* мягкое, безъ отвердѣнія, но въ этомъ случаѣ съ даннымъ говоромъ сходны говоры всей сѣверо-восточной Бѣлоруссіи; аканье въ полной силѣ (галавá, цанá, маладня́ [молнія], салóткій, майгó, яны́, яси́, баля́ць и т. д.); извѣстно ў неслоговое на мѣстѣ *у* и *в* передъ согласными (ў аднэй руцѣ, ўнукъ, ўю, ўсей, ў мнé и под.), ў на мѣстѣ *л* въ извѣстныхъ случаяхъ (маўчáць, купáўся, пашóў и т. д.); удвоеніе согласнаго въ соединеніи съ j (льлю, Илья́, но *р* не удваивается: Ягóрья); приставочное *и* (конь иржéць, ирвéць); приставочное *в* (вóсянь, вóзяро, вумъ); особая огласовка нѣкоторыхъ слоговъ (глыбокій, яéчки); слоги *эй* —*éй* подъ удареніемъ вмѣсто —*óй* (ў аднэй руцѣ, у другéй, такéй, жóнки, на аднэй назѣ,тэй [имен. п. муж. р.]); рѣдкое отвердѣніе *л* (пáлцы—неповсемѣстно); вездѣ звукъ $г = h$; *dj* смягчается только въ *ж* (вíжу, ражáць); звательный въ старой формѣ почти вышелъ изъ употребленія, теперь лишь говорятъ: мамъ, бацъ, цётъ и т. д., какъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ; 3-е лицо един. числа глагола всегда оканчивается на —*ць* (—*ть*) (пясéць, знáиць, хвáлиць, ёсьць, магéць); такъ же оканчивается и неопредѣленное (вы́сказаць); при *два* ставится множественное число муж. рода (два сталы́); въ вопросахъ всегда—*ци*; при отвѣтѣ—*нѣ*, *немáшъ*; дательный на вопросъ—*куда* (пашóў двару́); еще нѣкоторыя мелочи, отчасти извѣстныя и великорусскимъ говорамъ: мужуки́, висóкій, ты́сяча рублёў, дзирáвый, éтый, ёнъ—инá—инá (средн. р.), яны́ (множ. ч.). ўси, ўсихъ, дванáтцаць.

Народная поэзія въ указанной мѣстности довольно развита; пѣсни поютъ больше женщины; послѣднія впрочемъ стѣснялись спѣть мнѣ что-нибудь. Нашелся охотникъ мужчина (Пав. Стеф. Шестаковъ), но онъ пѣлъ не типичныя бѣлорусскія пѣсни, а больше великорусскія на бѣлорусскій ладъ. Вотъ нѣсколько его опытовъ:

Зарадзи́ла я́гатка ў щи́ромъ бару́,
Заблудзи́ла кра́сная дзяви́ца ў цёмномъ ляcу́;
Приблудзи́лася къ рѣчки къ Дуна́ю;
Пакли́кала кра́сная дзяви́ца сабѣ пирявóсъ:
„Пирявóщикъ, парень маладóй,
Пирявязи́ мине́ на тэй бокъ ряки́“.
— Красная дзяўчóнка, дóрохъ пирявóсъ—
Па пяци́ рублёў съ палци́наю нашъ пирявóсъ.
„Што хаци́це, то вазьми́це, тóльки пирявязи́це“...

Ты крапи́ва, ты крапи́ва,
Крапи́вица зилянéнькая,
Зялёная качуря́вая!
Ци ўси луга́ приўзялéнивала,
Ци ўси сцежачки-дарóжачки,
Майгó ми́лаго прахóдачки.
Гóниць ми́лый табунóкъ лашадзéй,
Ўси кóники варанéнькія,
Адзи́нъ кóничекъ була́ненькій
Идзéць гóлаву павѣсиўши,
Ясны гла́зушки заплаканныя.
„Што, кóничекъ, змуцёнъ нéвясёлъ:
Или я цебѣ мало сѣна дава́ў,
Или же ма́ло аўса́ засыпа́ў“...

Домашнія постройки въ Акуличахъ бѣлорусскаго типа; но одежда крестьянъ переходная, въ основѣ однако бѣлорусская; у женщинъ запаски.

Уже изъ сказаннаго не трудно видѣть, что въ с. Акуличахъ живутъ бѣлоруссы, подвергшіеся въ настоящее время сильному великорусскому вліянію.

Изъ Акулицкой волости есть записи и у проф. Е. Ѳ. Будде (стр. 84—86) — изъ с. Мужилова. Не бывши лично въ этомъ селѣ, не могу сказать, насколько точно экспертъ г-на Будде передалъ рѣчь своего села. Если вѣрны тѣ свѣдѣнія, которыя сообщилъ мнѣ священникъ въ Акуличахъ, что рѣчь, сходная съ

акуличской, слышится еще въ приходахъ Мужиновскомъ, Воробейнскомъ, Лутенскомъ и Деньгубовскомъ (ср. „Бѣлоруссы", I, 15), то можно думать, что прислуга [1]), отъ которой сдѣланы записи у проф. Будде, или же давно вращается среди великоруссовъ, или же старалась поддѣлаться подъ рѣчь разговаривавшаго съ нею барина; во всякомъ случаѣ у нея господствуетъ южновеликорусское произношеніе, и бѣлорусскія особенности лишь кое-гдѣ всплываютъ наружу; таковы, напр.: 'У Пятроўцы, аддаѣть, тады́, мене́, к с́тю и к ц́тю, маје̄ (имен. п. мн. ч.), пяю́ть, сало́тка, чⁿеряс сат, ё́сьть, братóў мно́hа, на̊нялúся из мýжа̄м, трóшки (вѣроятно, слѣдуетъ читать и „тольки" вм. „толькя" на стр. 84), мы́јеⁱм, а̊ддярѐш, мы́ю и др.—Основываясь, должно быть, только на указанной записи, проф. Будде на стр. 108 своего отчета, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „утвержденіе, будто въ Брянскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, по р. Деснѣ и ея притоку Болвѣ можно провести границу бѣлорусскихъ говоровъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ (Карскій), и будто у жителей Брянскаго уѣзда есть *дзеканье*, или что ихъ можно относить къ Бѣлоруссіи, подлежитъ поправкѣ въ томъ смыслѣ, что это утвержденіе несправедливое: мы были въ самомъ западномъ углу Брянскаго уѣзда (Акулицкая волость), на границѣ съ Черниговской губерніей, вблизи границы со Смоленской губерніей, и не слыхали тамъ ни *дзеканья*, ни твердаго *р*, ни *л* = ў, ни бѣлорусскаго *сильнаго аканья* (выдержаннаго); мы тамъ не видѣли и *типа бѣлоруссовъ*". Не знаю, былъ ли знакомъ проф. Будде въ то время, когда печаталъ эти строки (въ 1904 г.), съ моею книгой „Бѣлоруссы" (Варш., 1903 г.); тамъ я отказался отъ своего прежняго предположенія относительно бѣлорусской границы (она не касается р. Болвы и даже не достигаетъ г. Брянска); но могу рѣшительно увѣрить почтеннаго коллегу въ томъ, что въ с. Акуличахъ (не станціи жел. дороги „Акуличахъ", отстоящей отъ села въ 35 верстахъ) дзеканье преобладаетъ: свое наблюденіе я производилъ въ праздничный день въ волостномъ правленіи надъ массой крестьянъ, собравшихся сюда добровольно, въ отсутствіи начальства; твердаго *р*, конечно, нѣтъ, какъ нѣтъ его вообще къ востоку отъ указанной мною линіи („Бѣлоруссы", I, 193); *л* = ў, аканье [2]), типъ бѣлоруссовъ—все есть.

Иное дѣло другія мѣста Брянскаго уѣзда (г. Брянскъ, по жел. дорогѣ въ Акуличи и дальше, окрестности Брянска): въ

---

[1]) Паля́ мыю ў нядѣлю рас; што хоз'ⁿжаин затѣить, то и дѣла́ю.., стр. 86.

[2]) Аканье у бѣлоруссовъ въ разныхъ областяхъ очень разнообразное, часто ничѣмъ не отличающееся отъ южно-великорусскаго; поэтому терминъ „бѣлорусское аканье" для меня непонятенъ.

настоящее время здѣсь господствуетъ южновеликорусское нарѣчіе примѣрно такого типа, какъ оно представлено у проф. Будде и г. Тиханова. Однако, читая собранные ими матеріалы, мы иногда встрѣчаемъ особыя слова, формы и звуки, которые большею частью незнакомы чистымъ южновеликорусскимъ говорамъ. Напр.

у *Будде*:

'Ш шы́раһа бору 79 (т.-е. изъ щираго бору, что не значитъ ни сѣрый, ни сырой, а густой), бяле́ння, руме́ᵃння 80, люты марозы при ў даро́зиᵃ 81, на чюжэй сторăни 82, у меⁱне́ младэй ib., ў дисятёх ib., мы аднэй во́лăсьти (во́рнаўскэй) 86, шыють ib., сучч̆ям—вѣ̆т̆т̆ицъм маха́ла 87, прйлитѣли һуси ш' чюжэй да́льнэᵘй Ру́си ib., ч̆истууа́ти ib., находить *блаһа́я* минута на јих 88, мы́јеⁱмса ib., кажьнı̆ю субо́ту ib., зьли стала́ 88, мы́ймся 89, мы́ютцă ib.

у *Тиханови*

отмѣчается смѣшеніе *у* и *в*, причемъ вмѣсто нихъ бываетъ и ў; особенно много примѣровъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, приводится изъ памятниковъ XVIII в., напр., на стр. 14—18: аўца́, дроў, ўсѣ, вдарить (изъ памятника 1782 г.), вслышели (1782 г.), о грабежѣ въ крестьянъ (1786 г.), вдарилъ меня въ вуха (1785 г.), увойшо́лъ, наўжо́шъ, ўвесь (за въвесь 1799 годъ), съ удово́ю (1783 г.), узверну́ться, узложи́ть (1794 г.), съ унукомъ (1783 г.), къ гвоздю убитому въ барьеръ...; лашадёмъ 21, лашадёхъ ib., паéть, нясéть 22, паястё (съѣдите) 22; нарѣчіе „домой“ передается исключительно выраженіемъ „двару́“, но прежде употреблялось и „домовъ“ (примѣры изъ документовъ 1796 и 1799 г.), а вмѣсто „долой“ — „доловъ“, „доло́ў“ 24; караһодъ 25; приставочное *в*: вакно, вумъ 26, не въ вуѣздѣ (1779 г.), на вулицы (1783 г.); увесь 27; приставка гласнаго *и*: игруша (1732 г.), ильвовъ (1788 г.), къ посеву іржи (1785 г.), ирванія 27; мыю 28; будишь ясй ib., что могло образоваться только изъ ясцй; слитіе рядомъ стоящихъ гласныхъ: послѣ 'бѣда, ни 'днэй и под. 29; дли = подлѣ (привязать на рукѣ дли ладони 30); отсутствіе *н* передъ формами мѣстоименія „его“, „ему“..., стоящихъ послѣ предлоговъ 31. Наконецъ, можно указать цѣлый рядъ особыхъ словъ, встрѣчающихся въ живой рѣчи и въ старинныхъ брянскихъ документахъ (ср. стр. 33—95), напр., абза́дя, абза́ди, ажъ, анагды́сь, бало́нка, барканъ, брыть—брыю, буйный (крупный), бумажка (кредитный билетъ), виръ, вирябей, гарбу́зъ (тыква), гвалтъ, ги́цаль, глей, глыбокій, гавóрить (3 л. ед. ч.), годя и годи (довольно), голосить (плакать), гонтъ, гра-

баръ, груба, гру́бка (голландская печь), гу́тарить, дасй, диря, дирявый, дражнить, ду́жа (очень), жа́литься (жаловаться), жижа (огонь), жлукта, з = изъ, заку́тать (затворять), заробля́ть, зика́ть, зюзя, ка̀лиу́ка, калитка (кожанный мѣшочекъ при поясѣ), катъ, квачъ, коре́цъ, кочедыкъ, коштова̀ть, кре́йда, кры́га, крыть—крыю, крыши́ть, куплять, лить—льлю и ильлю́, лузга̀ть, лѣтось, макатёръ, маланнйа, молодикъ, мостъ (полъ), напроку́дить, не́коли (некогда), нярушь, отку́тать (отворить), пилованный лѣсъ, позы́ка, полу́дновать, поля̀цкій, почёпка, пра̀нцы, приспа̀ть, пущать, ретовать, рештованье, рештъ, рука̀ться, ру́шить, ря̀шка, сигать, скака̀ть, скибка, скрозь, скуба̀ть, скусъ (вкусъ), спа̀тюшки, сперть (украсть), сподо (изъ-подъ), стебать, стежка (тропинка), стервакъ, сту́каться, стю́день, суко́нка, ся́дня, тесть—цтя, удвоихъ, ужа̀ка, узнаро́къ, учо́ра, хварѣть, холодо́къ (тѣнь), хруптѣть, хряпка, цыбуля, цыганскій потъ, цы́ркать, цѣлко́мъ, чымъ, шостъ, щерба̀тый, яйцо—яе́цъ 156, го́лубъ 212, питьтё, кажнай 256. Въ старыхъ памятникахъ подобные случаи чаще, чѣмъ въ современной живой рѣчи.

Какъ смотрѣть на приведенные случаи?

Отвѣтить можно двоякимъ образомъ: или видѣть здѣсь вліяніе сосѣдства съ бѣлоруссами, особенности языка которыхъ естественно могли зайти въ родственную рѣчь сосѣдей южно-великоруссовъ, или же, какъ думаетъ проф. Е. Ѳ. Будде, въ однѣхъ формахъ, въ родѣ—крыю, мыю, видѣть старое русское произношеніе (104), а въ другихъ—особенности племени сѣверянъ (109). Однако, во многихъ изъ приведенныхъ чертъ нельзя видѣть старорусскаго наслѣдія, да и слоги *-ыj*—*-ij* если бы сохранились въ данной области отъ старины, а не были бы болѣе позднимъ заимствованіемъ, то эта область не могла бы считаться чисто великорусской, такъ какъ характерной особенностью всего великорусскаго нарѣчія является отсутствіе въ извѣстномъ положеніи этихъ слоговъ. Да и помимо разсматриваемой черты у насъ останется масса словъ и особенностей (напр., удвоеніе согласныхъ), которыхъ нельзя вывести и изъ старины и приписать сѣверянамъ: единственный источникъ заимствованія ихъ у бѣлоруссовъ; ясно вслѣдствіе этого, что въ поставленной нами дилеммѣ правильно первое положеніе, а второе должно быть отвергнуто.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать выводы:

1) Населеніе Брянскаго уѣзда не однородно: въ Акулицкой и Лутенской волостяхъ бѣлоруссы, подвергшіеся сильному великорусскому вліянію, въ остальной части южно-великоруссы.

2) Въ рѣчи южно-великорусскаго населенія, разсматривае-

маго уѣзда иногда замѣчается бѣлорусское вліяніе, которое въ старину было нѣсколько сильнѣе.

3) Вліяніе бѣлоруссовъ шло изъ сосѣднихъ губерній—Черниговской и отчасти Смоленской и Могилевской.

4) Современемъ бѣлорусскія особенности подъ вліяніемъ школы, всеобщей воинской повинности, фабрикъ и др. обстоятельствъ, несомнѣнно, утратятся.

5) Рѣчь какихъ древнерусскихъ племенъ лежитъ въ основѣ брянскихъ говоровъ, рѣшительно сказать трудно: очень можетъ быть, что въ Брянскомъ уѣздѣ живутъ потомки радимичей и вятичей, ушедшихъ отъ ляховъ (ср. „Бѣлоруссы“, I, 71—74 и др.).

О древнѣйшихъ знакахъ письма.

Ѳ. И. Успенскаго.

Съ увеличеніемъ количества археологическаго матеріала и съ расширеніемъ области раскопокъ по всѣмъ странамъ извѣстнаго міра получается почти несомнѣнный выводъ, что попытки изображать мысль знаками письма относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Предѣлы этой отдаленности также трудно установить, какъ хронологически опредѣлить границы, на которыхъ человѣческая культура можетъ быть изучаема по археологическимъ памятникамъ, оставленнымъ человѣкомъ. Чѣмъ далѣе идетъ пытливость современнаго ученаго, тѣмъ шире раздвигается область изученія археологическихъ памятниковъ, оставленныхъ обитателями земнаго шара отъ самой отдаленной древности. Въ юности насъ учили въ школѣ, что 700—800 лѣтъ до Р. Х. есть уже самый крайній періодъ, о которомъ мы можемъ знать на основаніи письменныхъ памятниковъ. Въ настоящее время открыты монументальные памятники культурнаго человѣчества, расширяющіе наши свѣдѣнія на 1.000 лѣтъ и больше за этотъ періодъ, т. е. дающіе возможность изучать исторію человѣка на пространствѣ 40 и болѣе вѣковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ связи съ новыми открытіями создаются новыя задачи для изученія и получается новый матеріалъ для рѣшенія ранѣе поставленныхъ, но не вполнѣ рѣшенныхъ проблемъ.

Мнѣ хотѣлось заняться здѣсь одною изъ этихъ проблемъ для сборника въ честь В. И. Ламанскаго между прочимъ въ той мысли, что подобная тема соотвѣтствовала бы характеру духовнаго образа юбиляра, какимъ онъ запечатлѣлся въ моемъ представленіи отъ молодыхъ лѣтъ студенчества. Въ самомъ дѣлѣ, В. И. Ламанскій и тогда, и до настоящаго времени не переставалъ ставить себѣ для разрѣшенія трудныя проблемы, имѣющія отношеніе къ славянской древности, и его умъ неослабно занятъ разработкой новыхъ и смѣлыхъ теорій.

Точкой отправленія для насъ служатъ результаты раскопокъ,

сдѣланныхъ въ Критѣ американцами и итальянцами. Главнѣйше имѣются въ виду раскопки въ Кноссѣ и Фестѣ, обнаружившія замѣчательные памятники архитектуры, живописи и пластики. Эти памятники (въ особенности такъ называемый дворецъ Миноса въ Кноссѣ) позволяютъ дѣлать заключенія о культурѣ человѣческой за 2.000 лѣтъ до Р. Х. и открываютъ передъ нами удивительныя явленія общности нѣкоторыхъ сторонъ цивилизаціи у народовъ, раздѣленныхъ громадными разстояніями во времени и пространствѣ.

Помимо всего прочаго, раскопками въ Критѣ обнаружены знаки письма 1) на строительномъ матеріалѣ и 2) на отдѣльныхъ предметахъ, по преимуществу глиняныхъ табличкахъ, покрытыхъ неизвѣстнымъ и доселѣ еще не раскрытымъ сплошнымъ письмомъ. Оставляя пока вопросъ о письмѣ на глиняныхъ дощечкахъ, покрытыхъ сплошнымъ письмомъ иногда въ нѣсколько строкъ, сосредоточимъ вниманіе на письменныхъ знакахъ, изображенныхъ на строительномъ матеріалѣ.

Имѣемъ въ виду знаки на камнѣ, обработанномъ и приготовленномъ для кладки стѣнъ. Эти знаки сдѣланы мастерами или каменотесами и обозначаютъ либо принадлежность камня опредѣленному хозяину или мастеру, либо указываютъ на каменоломню, въ которой добытъ камень (знаки собственности, или фабричные знаки). По самому назначенію и характеру, эти знаки должны были отличаться такими особенностями, чтобы одинъ знакъ не смѣшивался съ другимъ; каждый изъ нихъ долженъ выражать какой-нибудь признакъ или опредѣленную черту и отличать камень, на которомъ онъ начертанъ, отъ всѣхъ другихъ одинаковыхъ по формѣ камней. Не можетъ быть сомнѣнія, что подобные знаки были въ употребленіи ранѣе изображенія письменныхъ знаковъ и, не будучи въ собственномъ смыслѣ знаками для письма, служили уже для цѣлей письма, т. е. для выраженія мысли посредствомъ знаковъ на разныхъ предметахъ и на различномъ матеріалѣ.

Каменотесные знаки, открытые раскопками въ Критѣ, хронологически могутъ быть отнесены къ періоду отъ 1.500 до 2.000 лѣтъ до-христіанской эры. Что̀ не можетъ не поразить наблюдателя при нѣкоторомъ вниманіи къ этимъ знакамъ, въ особенности если онъ сопоставитъ между собой значительное число ихъ, это то, что будучи вырублены за три тысячи съ половиной лѣтъ, они представляютъ такія сочетанія прямыхъ и кривыхъ линій и такія комбинаціи простыхъ знаковъ, которыя сближаютъ ихъ въ нашемъ умѣ съ употребительными и въ настоящее время фигурами или чертами на камнѣ, на деревѣ и проч. А неболь-

шое число знаковъ, и притомъ чаще повторяющихся, прямо приводитъ на мысль фигуры и рисунки нѣкоторыхъ буквъ греческаго и славянскаго алфавита.

Не останавливаясь пока на этомъ совпаденіи, считаемъ нужнымъ обратить здѣсь вниманіе на другое обстоятельство. Каменотесные знаки отличаются невѣроятною устойчивостью, распространенностью и примѣнимостью къ разнымъ цѣлямъ и потребностямъ человѣчества. Не достойно ли особеннаго вниманія то обстоятельство, что большинство знаковъ на камняхъ дворца полумиѳическаго Миноса мы находимъ въ Болгаріи, на тесаныхъ камняхъ, вошедшихъ въ постройку дворца, въ которомъ жили Крумъ и Омортагъ? Болгарскія древности, которыя имѣемъ здѣсь въ виду, относятся къ VIII вѣку христіанской эры, а критскія на полторы тысячи лѣтъ слишкомъ старше Р. Х. Итакъ, если на пространствѣ почти трехъ тысячъ лѣтъ мы находимъ на строительномъ матеріалѣ примѣненіе одной и той же системы помѣтъ и если эта система встрѣчается какъ на Критѣ съ его египетскими и малоазійскими культурными заимствованіями, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ съ греко-римскими на него вліяніями, то конечно этотъ фактъ распространенности однихъ и тѣхъ же знаковъ на такомъ обширномъ пространствѣ и въ такой громадный періодъ времени—и самъ по себѣ не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія. Но онъ особенно можетъ выиграть въ своемъ значеніи, если его поставить въ соотношеніе съ однородными фактами и если сдѣлать изъ него надлежащія заключенія.

Каменотесные знаки, по времени своего происхожденія и по назначенію своему, несомнѣнно относятся къ условнымъ знакамъ выраженія мысли письменно—изобразительно. Это не есть письмо, но это уже одинъ изъ способовъ схватить мысль или слово и задержать его на вещественномъ предметѣ. Кстати замѣтить, въ наукѣ еще держится теорія о позднемъ происхожденіи письма и о неизвѣстности его не только во время Миноса, но даже и въ троянскій періодъ. „Первая черта, привлекающая къ себѣ вниманіе историка при попыткѣ опредѣлить до-гомеровскую цивилизацію это та, что она чужда знакомства съ письмомъ. *Это нѣмая цивилизація*; создавшій ее человѣческій голосъ никогда не достигнетъ до нашего слуха“ [1]). Весьма можетъ быть, что найденныя на Критѣ глиняныя дощечки со сплошнымъ письмомъ измѣнятъ это воззрѣніе, но въ настоящемъ случаѣ насъ занимаетъ не этотъ вопросъ.

Вопросъ о знакахъ на камнѣ, какъ строительномъ матеріалѣ,

---

[1]) *Perrot—Chipiez*, Histoire de l'Art VI p. 985.

имѣетъ довольно обширную литературу, хотя на эти знаки обращено было вниманіе лишь въ двадцатые годы прошедшаго столѣтія. Первоначально высказывались весьма разнообразныя мнѣнія о значеніи этихъ знаковъ. Одни признавали въ нихъ руны, другіе видѣли здѣсь знаки уставнаго письма; нѣкоторые, наоборотъ, элементы тайнаго письма, или, наконецъ, просто загадочные знаки. Первый *Штиглицъ* [1]) назвалъ ихъ тѣмъ именемъ, которое за ними удержалось до нынѣ: *Steinmetz-Zeichen (Mason's marks)* или *каменотесные знаки.* Съ теченіемъ времени, въ особенности въ нѣмецкой литературѣ, каменотесные знаки поставлены были въ соотношеніе съ корпоративными знаками строительныхъ артелей и за ними признано было нѣкоторыми изслѣдователями ритуальное значеніе. Систематическое собираніе и сравнительное изученіе каменотесныхъ знаковъ еще не можетъ считаться законченнымъ, такъ какъ въ особенности въ новѣйшее время матеріалъ этотъ увеличился и количественно и качественно. Изученіе этого матеріала привело къ тому окончательному наблюденію, что это есть дѣйствительно знаки каменотесовъ и ничего болѣе, и что характеръ знаковъ, замѣтно измѣняющійся по эпохамъ, можетъ давать основанія къ выводамъ о хронологіи строенія памятника [2]).

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, читаемъ въ указанномъ подъ строкой сочиненіи Ржиги, существовали строительныя артели или братства, которыя въ средніе вѣка были извѣстны подъ именемъ *Deutsche Bauhütte.* Этимъ братствамъ преданіе усвояетъ древнее происхожденіе и ставитъ ихъ въ связь со строеніемъ Соломонова храма. Въ средніе вѣка каменныя постройки были привилегіей монастырей (до конца X вѣка), при которыхъ существовали строительныя школы. Отсюда естественное заключеніе, что сдѣланные на камнѣ знаки строителей могутъ быть разсматриваемы, какъ коллегіальные твердоустановленные знаки, переходящіе безъ измѣненія въ строительныхъ корпораціяхъ [3]).

Каменотесные знаки, въ которыхъ можетъ быть скрывается и обрядовое значеніе строительныхъ обществъ, суть въ то же

---

[1]) *Stieglitz*, Geschichte der Baukunst. Nürenberg 1837.

[2]) Довольно значительная литература о каменотесныхъ знакахъ указана въ сочиненіи *Franz Ržiha*, Studien über Steinmetz-Zeichen, Wien 1883; s. 24—25; авторъ собралъ кромѣ того обширный матеріалъ знаковъ и издалъ ихъ въ 67 таблицахъ, присоединенныхъ къ изслѣдованію, на которыхъ показано 1.147 разныхъ знаковъ.

[3]) Ržiha S. 22: es erscheint daher als eine Forderung der Wissenschaft, *dass die in Stein geschriebene Schrift der Bauleute alter Zeiten auf den Charakter ihres Ausdruckes hin eingehend untersucht werde.* Gelingt es nämlich, diesen Zeichen einen gleichen Charakter beizulegen, so würde die Thatsache des Gebrauches der Zeichen zu allen Zeiten ein Beweis sein für eine gleichmässige Gewonheit, also für ein gleichmässiges Rituale aller Bauleute des Alterthums und des Mittelalters...

время реальные знаки, дѣлаемые строителями. Весь обширный матеріалъ знаковъ, изученный авторомъ, приводитъ его къ заключенію, что эти знаки имѣютъ *геометрическое* происхожденіе, и составляютъ тайну строительныхъ корпорацій. Но геометрическій характеръ знаковъ такъ различенъ въ разныя эпохи искусства, что наука нашла возможнымъ изъ этихъ различій дѣлать заключенія къ вѣку памятника. По отношенію къ общимъ выводамъ о каменотесныхъ знакахъ авторъ высказываетъ слѣдующія соображенія [1]). Знаки на античныхъ постройкахъ не были многочисленны, и притомъ гораздо менѣе на греческихъ, чѣмъ на римскихъ. На произведеніяхъ высшаго искусства эти знаки— большая рѣдкость, всего чаще они встрѣчаются на свѣтскихъ постройкахъ низшаго качества, преимущественно на стѣнахъ. Колизей, форумъ, термы, ворота и мосты Рима не имѣютъ каменотесныхъ знаковъ. Но знаки найдены на дворцѣ Діоклетіана въ Сплѣтѣ, на стѣнахъ Трои, Рима и Помпеи. По отношенію къ формѣ знаковъ авторъ высказывается (S. 37) слѣдующимъ образомъ: если ихъ подвергнуть сравнительному изученію, то получится тотъ техническій выводъ, что означенные знаки, какъ бы ни были они разнообразны каждый въ отдѣльности, въ общемъ представляютъ замѣчательное геометрическое сходство между собою. Все разнообразіе знаковъ авторъ сводитъ къ четыремъ геометрическимъ фигурамъ и комбинаціямъ: „wir sind nach der Aufklärung über das graphische Prinzip der Steinmetz-Zeichen in der Lage, auf die *hervorragende Thatsache hinweisen zu können, dass die Mutterfiguren der Steinmetz-Zeichen jene vier Constructionsschemen: Quadratur, Triangulatur, Vierpass und Dreipass repräsentiren*“. (S. 44).

Мы не думаемъ, что вопросъ о знакахъ каменотесовъ исчерпанъ изслѣдованіемъ г. Ржиги. Онъ прекрасно разрѣшилъ техническую часть дѣла, выяснивъ геометрическое происхожденіе знаковъ, и предоставилъ обширный матеріалъ въ распоряженіе науки въ таблицахъ и рисункахъ. Но съ точки зрѣнія археологіи, каменотесные знаки, какъ древнѣйшая попытка выразить на камнѣ мысль, могутъ нуждаться въ дальнѣйшемъ изученіи. И прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что подобные каменотеснымъ знаки встрѣчаются не только на строительномъ матеріалѣ. Имѣемъ въ виду указать нѣсколько сопоставленій и однородныхъ фактовъ, которые, правда, не могутъ состязаться съ каменотесными знаками въ древности, но

---

[1]) Ibid. S. 33—34.

служа той же цѣли, что и послѣдніе, въ то же время относятся къ одной и той же съ ними категоріи.

Что въ образованіи общеупотребительной въ Европѣ азбуки участвовали такіе знаки письма, которыми древніе пользовались и до происхожденія алфавита, примѣняя ихъ къ разнымъ потребностямъ житейскаго обихода, это раскрыто въ достаточной степени въ спеціальной литературѣ вопроса. Обходя вопросъ о заимствованіяхъ въ греческомъ алфавитѣ изъ финикійскаго, мы остановимся здѣсь съ одной стороны на знакахъ *готскаго письма*, съ другой на *древнегерманскихъ рунахъ*. Прекрасное сочиненіе датскаго ученаго *Виммера* [1]), посвященное руническому письму, можетъ представлять для насъ въ этомъ отношеніи не мало полезнаго, въ особенности по обширному матеріалу, которымъ авторъ пользовался и который приводится въ гравюрахъ, таблицахъ и рисункахъ. Главнѣйшіе выводы Виммера состоятъ въ слѣдующемъ. Руническіе памятники въ большинствѣ случаевъ найдены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили древніе германцы (готы). Изъ этого можно заключить, что все германское племя нѣкогда пользовалось общимъ руническимъ алфавитомъ [2]). Такъ какъ между готами и прежде Ульфилы и послѣ него извѣстно употребленіе руническаго письма, то вліяніе знаковъ рунъ на алфавитъ Ульфилы совершенно неизбѣжно и доказывается начертаніемъ самыхъ знаковъ. Переходъ отъ руническаго письма къ другому алфавиту послѣдовалъ у германскихъ народовъ къ концу IV вѣка [3]). Элементы руническаго письма авторъ выводитъ изъ древнелатинскаго алфавита и происхожденіе рунъ относитъ къ концу II или началу III вѣка [4]). Но если въ рунахъ авторъ отмѣчаетъ вліяніе уставнаго латинскаго алфавита, то въ готскомъ алфавитѣ Ульфилы, напротивъ, признаетъ премущественно заимствованія изъ греческаго алфавита. Эта мысль выражена въ заключительныхъ словахъ разсужденія Виммера (Anhang. das Wulfilanische Alphabet). „Результатъ настоящаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что Ульфила воспользовался греческимъ уставнымъ алфавитомъ, какъ основой для своего письма. Но тамъ, гдѣ не находилъ его достаточнымъ для своей цѣли, обращался къ заимствованіямъ изъ латинскаго и лишь для двухъ буквъ сдѣлалъ позаимствованія изъ руническаго письма [5]).

---

[1]) Die Runenschrift von *Ludw. F. A. Wimmer*, vom Verfasser umgearbeitete und vermehrte Ausgabe. Aus dem dänischen ubersetzt von *Dr. Holthausen. Berlin* 1887.

[2]) Die Runenschrift S. 65,73.

[3]) ibid. S. 259.

[4]) ibid. S. 174: dasrunenalphabet aus den lateinischen kapitalbuchstaben entstanden sein kann, mit denen germanische Völker in der ersten römischen Kaiserseit bei den Galliern bekannschaft machten.

[5]) ibid. S. 270, тоже 260.

Мы привели наиболѣе важныя для насъ мѣста изъ книги Виммера объ отношенiи алфавита рунъ къ готскому, а равно того и другого къ греко-римскому алфавиту. Самое существенное въ выводахъ датскаго ученаго то, что греческiй и римскiй алфавиты лежатъ въ основанiи какъ руническаго, такъ и готскаго письма, и что оба послѣднiя являются заимствованiями изъ первыхъ.

Между знаками письма особенное мѣсто занимаютъ знаки собственности уже и въ томъ отношенiи, что по цѣли и значенiю они весьма близко подходятъ къ каменотеснымъ знакамъ. Этому предмету посвящено изслѣдованiе *П. Ефименко*, Юридическiе знаки [1]).

Знаки собственности въ народѣ называются пятнами, знаменами, мѣтками, рубежами, домовыми или жердяными, также заручными клеймами. Всѣ приведеннныя названiя относятся безразлично къ однимъ и тѣмъ же знакамъ; нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, выражаютъ различное ихъ употребленiе и начертанiе [2]). Хотя употребленiе знаковъ собственности весьма разнообразно и примѣнимо ко всякимъ потребностямъ, но всего устойчивѣй клеймо на домашнихъ животныхъ. Кромѣ клейма для обозначенiя полной собственности (лошадь, овца и проч.), знаки собственности налагаются и на такiе предметы, которые прiобрѣтаются въ собственность или въ вѣчное пользованiе среди общиннаго или казеннаго владѣнiя. Тутъ заклейменiе обозназаетъ право признаваемаго обычаемъ присвоенiя или перваго завладѣнiя вещью (клеймо на деревьяхъ въ лѣсу, бирка на промысловомъ предметѣ). Клейма составляютъ не только знакъ собственности, но и знакъ происхожденiя. Въ этомъ отношенiи особенно интересны знаки домохозяевъ. Съ раздѣломъ хозяйства, т. е. съ выходомъ изъ дома отдѣльныхъ членовъ, эти послѣднiе принимаютъ особые отдѣльные знаки [3]). Такъ какъ въ сѣверныхъ губернiяхъ Россiи для этихъ знаковъ употребляются не русскiя названiя: тавро, тамга, тугра, ясакъ, то возможно предположенiе о заимствованiи этихъ знаковъ отъ финскихъ и татарскихъ племенъ. Однако, изслѣдованiе Ефименко даетъ несомнѣнный выводъ, основанный на изученiи древнихъ русскихъ актовъ, что простой народъ и нынѣ [4]) употребляетъ одни и тѣ же слова для обозначенiя знаковъ собственности, что и древнiе письменные памятники. Отсюда нельзя не заключать въ пользу происхожденiя этихъ знаковъ на русской

---

[1]) Ж. М. Н. Просвѣщенiя. 1874; часть 175, стр. 53—83 и 176, стр. 271 (и здѣсь же таблица знаковъ).

[2]) Юрид. знаки, стр. 57.

[3]) Юрид. знаки; стр. 69.

[4]) Ibid. стр. 82.

почвѣ и въ русской средѣ. Весьма интересна для нашихъ дальнѣйшихъ выводовъ присоединенная къ изслѣдованію Ефименко таблица съ изображеніемъ 365 знаковъ.

Указанные въ статьѣ Ефименко знаки употребляющіеся въ простомъ народѣ, даже при существованіи въ крестьянской средѣ грамотности, свидѣтельствуютъ о большой древности этихъ знаковъ и о распространенности ихъ. Насколько еще малыми данными въ этомъ отношеніи располагаетъ наука, видно изъ того, что матеріалъ остается неподобранъ и лишь случайно получаются объ немъ извѣстія. Весьма любопытно отмѣтить, что послѣ моей бесѣды въ одномъ изъ засѣданій Института на тему о древнѣйшихъ знакахъ письма, П. Е. Понафидинъ, только что прибывшій сюда на службу изъ Персіи, замѣтилъ мнѣ, что большинство знаковъ, изображенныхъ на представленной мною таблицѣ, напомнили ему знаки, видѣнные имъ на Памирахъ [1]).

Въ смыслѣ матеріаловъ для исторіи древнѣйшихъ знаковъ письма мы можемъ отмѣтить еще знаки и фигуры народнаго календаря. Частью здѣсь замѣтно примѣненіе руническихъ знаковъ, частью такихъ знаковъ, которые употребительны на строительномъ матеріалѣ и которые вошли въ греко-римскій алфавитъ. Не можетъ возникать сомнѣній, что мастеръ изготовлявшій рѣзной календарь вдохновлялся тѣми же образцами, что изобрѣтатель знаковъ собственности и что главные элементы руническаго и греко-римскаго алфавита почерпнуты изъ того-же источника. Стоитъ сопоставить хотя бы нѣсколько фигуръ изъ календаря съ дрѣвнѣйшими знаками письма на критскихъ постройкахъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. [2]).

Нельзя оставить, наконецъ, безъ вниманія обширный матеріалъ для древнѣйшихъ знаковъ письма, даваемый раскопками Шлиманна. Имѣемъ въ виду Atlas Troianjscher Alterthümer. Photographische Abbildungen zu dem Berichte über die Ausgrabungen in Troja von D-r Heinrich Schliemann. Leipzig 1874. Здѣсь имѣется 217 таблицъ, на которыхъ изображены предметы най-

[1]) Вотъ нѣсколько словъ изъ письма ко мнѣ г. Понафидина по этому вопросу:
По поводу начертаній, о коихъ Вы изволили упоминать въ рефератѣ о поѣздкѣ на Критъ, я не могъ не обратить вниманія на сходство этихъ начертаній съ другими, существующими въ отдаленной отъ Крита странѣ,— на Памирахъ.
Не припомню теперь названія перевала, чрезъ который кочевые киргизы перегоняютъ свои табуны за Алай. По существовавшему обычаю, они высѣкали на этомъ перевалѣ, на скалѣ, тавры лошадей каждаго владѣльца. Вотъ эти то тавры и напоминаютъ скопированныя Вами начертанія. Они именно состоятъ прежде всего изъ прямой, затѣмъ представляютъ комбинацію прямой съ вертикальной, подъ разными углами; далѣе слѣдуютъ ломанныя линіи, затѣмъ кругъ и, наконецъ, сочетаніе круга съ прямыми. Отмѣчу также здѣсь, что и тавры лошадей нашихъ кавказскихъ горцевъ имѣютъ тотъ же характеръ.

[2]) Имѣемъ въ виду рисунки и таблицы въ книгѣ *В. И. Срезневскаго*, Сѣверный рѣзной календарь. С.-Петербургъ 1871.

3) Изъ первоначальныхъ формъ письма развилось, съ одной стороны, чисто линейное „микенское“, съ другой—чисто картинное, критское, напоминающее отчасти египетскіе, отчасти псевдохеттейскіе іероглифы.

4) Сходство извѣстныхъ знаковъ финикійскаго алфавита съ „микенскими“ невольно наводитъ на мысль о существованіи извѣстной связи между обѣими системами... Изображеніе финикійскаго алфавита слѣдуетъ отнести ко времени приблизительно между 1300 и 1000 годами (ближе къ послѣдней датѣ). Самое принятіе этого алфавита греками могло произойти тѣмъ легче, что формы финикійскихъ буквъ не могли не напомнить имъ подобныхъ формъ уже раньше существовавшей въ области Эгейскаго моря „микенской“ письменности.

5) Сравнивая „микенское“ письмо съ буквами греческихъ надписей архаическаго періода, мы не можемъ не признать большого сходства нѣкоторыхъ формъ [1]).

Не будемъ расширять поля наблюденій, чтобы не потеряться въ фактахъ, которые достаточны уже и сами по себѣ, какъ посылки для выводовъ и заключеній. Въ послѣднія дѣсятилѣтія раскопки обогатили науку совершенно новыми фактами, указывающими не только на попытки изображать мысли посредствомъ начертанныхъ на камнѣ и разныхъ предметахъ знаковъ, но даже на довольно распространенный обычай письменности, и это въ самыя отдаленныя эпохи человѣческой жизни. Памятники съ знаками письма мы находимъ отъ разныхъ эпохъ и въ разныхъ странахъ. Теперь представляется задача свести разнообразіе наблюденій къ простымъ выводамъ, т. е. подмѣтить въ нихъ единство мысли и идеи.

Изученіе знаковъ на камняхъ, равно какъ древнѣйшихъ знаковъ письма у различныхъ народовъ можетъ преслѣдовать двоякую цѣль: или обще-культурную, или частную и спеціальную по отношенію къ происхожденію алфавита. Въ общемъ смыслѣ, памятникамъ критской древности приписывается слѣдующее значеніе:

---

[1]) Нов. Время 8 марта 1904 г. № 10061. Научныя новости. *Эльпе*: ...о времени возникновенія такъ называемыхъ зачатковъ цивилизаціи... открытіе сдѣлано французскимъ ученымъ *Пьетомъ*, который въ одной изъ пещеръ (Mas d'Asil) въ Пиринеяхъ обнаружилъ слѣды доисторическаго человѣка — нѣсколько скелетовъ и множество каменныхъ предметовъ. Большинство каменныхъ предметовъ покрыты рѣзанными значками и даже письменами (Бернардъ-Кукъ). Но всего замѣчательнѣе хорошо обработанные каменные кругляки, обозначенные различнаго рода черточками, рисунками совершенно подобными тѣмъ, какіе употреблялись для игръ древними египтянами, финикіянами и греками; на большомъ количествѣ кругляковъ встрѣчается нѣсколько буквъ, совершенно подобныхъ алфавиту финикіянъ и соотвѣтствующимъ греческимъ Γ.Ε.Υ.Ζ.Η.Θ.Ι.Ξ.Ο.Σ“.— Г. Эльпе оппонируетъ противъ теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны.

гунскіе черепки съ письменными знаками обнаруживаютъ рядомъ съ кипрско-хеттейскими также такіе, которые могутъ быть финикійско-греческими, но въ такомъ случаѣ не представляютъ очень древней ступени развитія письма. Съ увѣренностью, однако, нигдѣ нельзя признать за ними характера письменности" [1]). Тѣмъ не менѣе теорія Флиндерса Питри суждено было вновь получить себѣ поддержку на островѣ Критѣ [2]), гдѣ открытъ двоякій типъ письма: картинный и линейный. Первое встрѣчается на такъ называемыхъ печатныхъ камняхъ круглой и призматической формы съ изображеніями людей, животныхъ и разныхъ предметовъ и съ несомнѣнными слѣдами вліянія египетской культуры. Картинныя изображенія на древнихъ критскихъ печатныхъ камняхъ обнаруживаютъ какъ-будто извѣстное отношеніе ихъ къ владѣльцу. Это видно изъ того, что почти на всѣхъ встрѣчается фигура человѣка, имѣющая, очевидно, первенствующее значеніе среди другихъ изображеній. Число знаковъ картиннаго письма восходитъ теперь до 93. Линейное письмо, число знаковъ котораго возрасло до 34, встрѣчается не только на критскихъ печатныхъ камняхъ, но и на камняхъ кносскихъ стѣнъ, на алтарѣ диктейскаго Зевса, на критскомъ и дельфійскомъ бронзовыхъ топорахъ и пр. [3]). Изъ грубыхъ изображеній людей, животныхъ и другихъ предметовъ, напоминающихъ первые рисунки дѣтей на аспидной доскѣ, развилось, какъ настоящее условное линейное письмо, такъ и картинное микенскаго періода.

Весьма большой интересъ представляютъ письменные знаки на алтарѣ диктейскаго Зевса, это девять знаковъ линейнаго характера, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ сходство съ іероглифами. Важность надписи заключается въ томъ, что она носитъ несомнѣнный характеръ письменности и притомъ, вѣроятно, алфавитной. Время надписи слѣдуетъ отнести къ 2.000 л. до Р. Х.

Видеманъ [4]) приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ въ своей статьѣ.

1) Существованіе письменности въ области Эгейскаго моря во второмъ, а можетъ быть и въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х. не подлежитъ болѣе сомнѣнію.

2) Начатки этой письменности слѣдуетъ искать въ формахъ полукартиннаго, полулинейнаго характера, подобныхъ тѣмъ, которыя обнаруживаютъ первые рисунки дѣтей на аспидной или грифельной доскѣ.

---

[1]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Alterthums II. S. 381.
[2]) *Видеманъ*, Ж. М. Н. Просвѣщенія, ч. 318, стр. 33 и сл.
[3]) *Видеманъ*, Ж. М. Н. Просвѣщенія, ч. 318, стр. 36.
[4]) Ibid. стр. 45.

3) Изъ первоначальныхъ формъ письма развилось, съ одной стороны, чисто линейное „микенское", съ другой—чисто картинное, критское, напоминающее отчасти египетскіе, отчасти псевдохеттейскіе іероглифы.

4) Сходство извѣстныхъ знаковъ финикійскаго алфавита съ „микенскими" невольно наводитъ на мысль о существованіи извѣстной связи между обѣими системами... Изображеніе финикійскаго алфавита слѣдуетъ отнести ко времени приблизительно между 1300 и 1000 годами (ближе къ послѣдней датѣ). Самое принятіе этого алфавита греками могло произойти тѣмъ легче, что формы финикійскихъ буквъ не могли не напомнить имъ подобныхъ формъ уже раньше существовавшей въ области Эгейскаго моря „микенской" письменности.

5) Сравнивая „микенское" письмо съ буквами греческихъ надписей архаическаго періода, мы не можемъ не признать большого сходства нѣкоторыхъ формъ [1]).

Не будемъ расширять поля наблюденій, чтобы не потеряться въ фактахъ, которые достаточны уже и сами по себѣ, какъ посылки для выводовъ и заключеній. Въ послѣднія десятилѣтія раскопки обогатили науку совершенно новыми фактами, указывающими не только на попытки изображать мысли посредствомъ начертанныхъ на камнѣ и разныхъ предметахъ знаковъ, но даже на довольно распространенный обычай письменности, и это въ самыя отдаленныя эпохи человѣческой жизни. Памятники съ знаками письма мы находимъ отъ разныхъ эпохъ и въ разныхъ странахъ. Теперь представляется задача свести разнообразіе наблюденій къ простымъ выводамъ, т. е. подмѣтить въ нихъ единство мысли и идеи.

Изученіе знаковъ на камняхъ, равно какъ древнѣйшихъ знаковъ письма у различныхъ народовъ можетъ преслѣдовать двоякую цѣль: или обще-культурную, или частную и спеціальную по отношенію къ происхожденію алфавита. Въ общемъ смыслѣ, памятникамъ критской древности приписывается слѣдующее значеніе:

---

[1]) Нов. Время 8 марта 1904 г. № 10061. Научныя новости. *Эльпе*: ...о времени возникновенія такъ называемыхъ зачатковъ цивилизаціи... открытіе сдѣлано французскимъ ученымъ *Пьетомъ*, который въ одной изъ пещеръ (Mas d'Asil) въ Пиринеяхъ обнаружилъ слѣды доисторическаго человѣка — нѣсколько скелетовъ и множество каменныхъ предметовъ. Большинство каменныхъ предметовъ покрыты рѣзанными значками и даже письменами (Бернардъ-Кукъ). Но всего замѣчательнѣе хорошо обработанные каменные кругляки, обозначенные различнаго рода черточками, рисунками совершенно подобными тѣмъ, какіе употреблялись для игръ древними египтянами, финикіянами и греками; на большомъ количествѣ кругляковъ встрѣчается нѣсколько буквъ, совершенно подобныхъ алфавиту финикіянъ и соотвѣтствующимъ греческимъ Γ.Ε.Υ.Ζ.Η.Θ.Ι.Ξ Ο.Σ".— Г. Эльпе оппонируетъ противъ теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны.

„новыя открытія—говоритъ г. Вель [1]) показали, что критская цивилизація не можетъ быть названа греческой, и что въ частности, съ точки зрѣнія письма, критяне пользуются системой не алфавитной, но іероглифической или силлабической, которая остается до настоящаго времени вполнѣ нераскрытой. Это неизвѣстное критское письмо, дошедшее до насъ въ двухъ или трехъ различныхъ типахъ и въ значительномъ числѣ образцовъ, подходитъ прямо къ тому письму, которое наиболѣе выражаютъ іероглифы хеттейской системы „(les hiéroglyphes du système dit hittite)". По отношенію къ этнографіи тотъ же авторъ высказываетъ мнѣніе, что области средиземно-морскаго побережья были заселены народами не семитскаго, не греческаго, а также не египетскаго происхожденія, что этимъ народамъ лучше бы усвоить старое имя карійцевъ и ликійцевъ. Если теперь установить фактъ, что критяне пользовались неизвѣстнымъ языкомъ и употребляли іероглифическое непонятное письмо, какъ и другіе обитатели побережьевъ Средиземнаго моря, то развѣ не слѣдуетъ отсюда заключеніе, что критская цивилизація Кноссоса принадлежала какъ составная часть къ цивилизаціи средиземноморскаго побережья. Все ведетъ къ предположенію, что восточная часть Средиземнаго моря прежде греческой эпохи, имѣла оригинальную цивилизацію, развившуюся самостоятельно и независимо отъ Египта и Сиріи.

Въ частности, по отношенію къ письменнымъ знакамъ, остается множество не превзойденныхъ доселѣ трудностей. Не претендуя здѣсь на рѣшеніе общихъ вопросовъ, мы все-же, кажется, можемъ представить нѣсколько данныхъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи алфавита. Собранный нами матеріалъ, распредѣленный на двухъ таблицахъ, даетъ достаточныя данныя, чтобы разсматривать элементы европейскихъ алфавитовъ — латинскаго и греческаго, какъ находившіеся въ готовности задолго до появленія письменности на этихъ языкахъ.

Чтобы высказанныя нами заключенія обосновать на твердыхъ данныхъ, намъ предстоитъ сосредоточить вниманіе на прилагаемыхъ таблицахъ и попытаться сдѣлать общепонятными заключающіеся въ нихъ факты.

Таблица № 1 представляетъ 138 основныхъ знаковъ, начертанныхъ на строительномъ матеріалѣ въ Абобѣ; всѣ эти знаки получены при раскопкахъ Института и составляютъ чрезвычайно интересный матеріалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если изучать эти знаки сами по себѣ, совершенно изолируя ихъ отъ данныхъ, полученныхъ изъ другихъ мѣстъ, то нельзя не придти къ выводу,

[1]) Revue Archéologique; janvier—février 1904; p. 71—73 (статья R. Weill).

что многіе изъ нихъ не поддаются объясненію съ точки зрѣнія алфавита, вообще съ точки зрѣнія знаковъ письма. Таковы напримѣръ знаки подъ № 1—7, знаки № 126, 127 и др. Но они получаютъ свой смыслъ, если сопоставить ихъ съ однородными знаками, получаемыми изъ области знаковъ владѣнія или собственности, собранными г. Ефименко. Тутъ черты, рядомъ стоящія, притомъ прямо или вкось, равно какъ черты, поставленныя сверху и снизу при первыхъ, обозначаютъ разнообразіе знаковъ, по которымъ владѣльцы отличаютъ свою вещь отъ принадлежащей сосѣду. Въ дальнѣйшемъ, на той же таблицѣ слѣдуетъ отличать знаки подъ № 8—14 и знаки креста № 27—35. Первые знаки всего вѣроятнѣй отнести къ знакамъ принадлежности; вторые также не могутъ быть принимаемы за знаки креста въ собственномъ смыслѣ, а обозначаютъ либо знакъ собственности, либо неизвѣстный идейный знакъ, напоминающій свастику, съ которой имѣетъ много общаго по употребленію. Затѣмъ, присматриваясь къ отдѣльнымъ знакамъ на первой таблицѣ, мы не можемъ не видѣть, что большинство этихъ знаковъ суть буквенные, или особенный видъ монограммъ, состоящій изъ соединенія буквенныхъ знаковъ или вязи ихъ. Если бы мы, имѣя передъ собой таблицу знаковъ изъ Абобы, стали изучать ее совершенно отдѣльно, то принимая въ соображеніе VIII—IX вѣкъ, къ которому относится постройка, намъ бы слѣдовало объяснить буквенные знаки на камняхъ прямымъ заимствованіемъ знаковъ алфавита. Но такъ какъ здѣсь мы находимся не въ сферѣ письменности, а въ области каменотесныхъ знаковъ, то заключеніе къ находимымъ на камняхъ письменнымъ знакамъ должно быть иное. Попытаемся войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей.

Большинство знаковъ на второй строкѣ (№ 16—26), имѣя сходство съ буквенными, тѣмъ не менѣе примыкаетъ по характеру своему къ знакамъ собственности, которые вообще представляютъ разнообразныя сочетанія прямыхъ и кривыхъ линій. На третьей строкѣ несомнѣнно уже имѣются буквенные знаки, и тѣмъ съ большимъ вниманіемъ слѣдуетъ отнестись къ нимъ, что здѣсь встрѣчается знакъ чуждый греческому алфавиту (№ 39, 41; 108, 135). На четвертой строкѣ, не говоря о разнообразныхъ начертаніяхъ фигуры знака Т, слѣдуетъ обратить вниманіе на элементы знаковъ Ψ, которые затѣмъ продолжаются и на слѣдующей строкѣ (№№ 55—67; 135) Въ дальнѣйшемъ находимъ начертанія слѣдующихъ буквъ: Δ (№ 178,85 и др.) икъ или укъ (81, 86, 88, 93, 96, 97), ерь (№ 92, А №№ 99, 100, 101), знакъ сокращенія въ курсивномъ письмѣ (103, 105), Е (106, 137), Ф (110—114), юсы (118, 123), К во множествѣ случаевъ. Мы

не будемъ настаивать, что это суть настоящіе буквенные знаки, мы желаемъ сказать, что на представленной таблицѣ даны элементы, изъ которыхъ возникли буквы греческаго и славянскаго алфавита.

Знаки, представленные на первой таблицѣ, легче понять и объяснить, потому что они происходятъ изъ одного мѣста, принадлежатъ одному времени и характеризируютъ культуру опредѣленной эпохи и извѣстнаго народа. Можно замѣтить по отношенію къ этой таблицѣ лишь одно, что изображенные на ней буквенные знаки почти современны происхожденію славянскаго алфавита. Если полагать, что постройки Абобы принадлежатъ Омортагу, то ихъ слѣдуетъ помѣтить началомъ IX вѣка, т. е. кануномъ изобрѣтенія славянскаго алфавита. Питаемъ надежду, что сообщаемый здѣсь матеріалъ можетъ представить нѣкоторыя данныя для рѣшенія спора о сравнительной древности кириллицы и глаголицы.

Чтеніе и объясненіе второй таблицы представляетъ больше трудностей, какъ потому, что здѣсь собраны однородные знаки на памятникахъ разнаго происхожденія и разныхъ эпохъ, такъ въ особенности потому, что заключенія о характерѣ знаковъ должны быть составляемы при помощи посредствующихъ данныхъ. Основной матеріалъ знаковъ этой таблицы заимствованъ изъ памятника, который почти на 3000 лѣтъ старше построекъ Абобы. Большинство знаковъ происходитъ изъ раскопокъ на о-вѣ Критѣ, это—каменотесные знаки въ Кноссѣ и др. мѣстахъ; затѣмъ однородный матеріалъ взятъ изъ атласа Троянскихъ древностей Шлимана, наконецъ, значительное число знаковъ изъ книги Ržiha; сбоку таблицы представлены нѣкоторыя начертанія руническаго алфавита. Въ частности, на основаніи раскопокъ въ Критѣ, заимствованы изъ изданій:

Monumenti Antichi publ. per cura della R. Accad. dei Lincei vol. XII—XIII.

The Annual of the British School at Athens № VI нижеслѣдующіе нумера: 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 29, 33, 38, 44, 45, 46, 48, 51, 52, 54, 56, 59, 60, 64, 67, 68, 69, 70, 73, 75, 84, 85, 87, 88, 89, 94.

Изъ Ж. М. Н. Просв. 1874 г. CLXXVI №№ 2, 3, 12, 35, 36, 37, 62, 72, 77, 78, 90, 91, 93.

Изъ книги Ržiha, Studien über Steinmetz-Zeichen: №№ 14, 17, 25, 26, 27, 28, 31, 34, 39, 40, 41, 42, 43, 55, 57, 61, 63, 65, 66, 74, 79, 80, 81, 82, 83, 95.

Изъ Атласа Троянскихъ древностей: №№ 9 (№ 3224 табл. 165), 15 (№ 450 табл. 14), 16 (№ 2541 табл. 126), 30 (№ 321

таб. 10), 32 (№ 3273 табл. 168), 47 (№ 3193 табл. 164), 49 (№ 208 табл. 6), 50 (№ 116 табл. 4), 71 (№ 309 табл. 10, 430 табл. 13), 76 (№ 3415 табл. 187), 86 (№ 143 табл. 5), 92 (№ 3291 табл. 171) 96 (№ 3001 табл. 150), 97 (№ 154 табл. 5), 98 (№ 3289 табл. 171). №№ 53 и 58 взяты изъ моей записной книжки. Наконецъ, руническіе знаки заимствованы изъ книги Wimmer, Die Runenschrift.

Обращаясь къ даннымъ, представляемымъ на второй таблицѣ, мы видимъ, что между знаками, начертанными на строительномъ матеріалѣ за 2000 лѣтъ до-христіанской эры, встрѣчаются уже такія буквенныя начертанія, которыя мы замѣтили на строительномъ матеріалѣ VIII—IX-го вѣка по Р. Х. Слѣдовательно, тѣ элементы, которые вошли въ начертаніе алфавита, были даны самыми древними памятниками, на которыхъ человѣкъ оставилъ слѣды письма. Въ частности на второй таблицѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія начертанія: покой (13—15), твердо (16,31—33), рунич. М (29, 30) малый юсъ (35—38), живети (45, 50, 97), пси и фи (46, 47, 51—52, 76, 78). цы (53), ща (54), начертаніе большого юса (59—66), буки (95), еръ и ерь (92, 93), вѣди (96) и начертанія у (98).

Письма В. А. Жуковскаго къ канцлеру Фридриху фонъ-Мюллеру.

Е. В. Пѣтухова.

При посѣщеніи лѣтомъ 1904 года Гете-Шиллеровскаго Архива въ Веймарѣ я имѣлъ случай ознакомиться съ хранящимся тамъ (подъ № 445) сборникомъ собственноручныхъ, на французскомъ языкѣ, писемъ В. А. Жуковскаго къ веймарскому канцлеру Фридриху фонъ-Мюллеру. Въ виду того, что съ одной стороны письма эти далеко не безъинтересны для исторіи заграничныхъ отношеній Жуковскаго и вообще для его біографіи, а съ другой — что матеріалъ этотъ до сихъ поръ еще не сдѣлался достояніемъ печати, я представляю ниже описаніе этого сборника.

Корреспондентъ Жуковскаго, канцлеръ Фридрихъ фонъ-Мюллеръ, былъ довольно видной фигурой при дворѣ великаго герцога Веймарскаго Карла-Августа въ эпоху высокой литературной славы этого города, когда во главѣ его литературныхъ знаменитостей стоялъ самъ Гете. Здѣсь не мѣсто говорить о важныхъ политическихъ и административныхъ услугахъ, оказанныхъ Мюллеромъ Веймару въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и особенно послѣ нихъ; литературнымъ памятникомъ этой поры жизни Мюллера остались его „Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806—1813“. Гораздо важнѣе указать на его близость къ поэтическимъ корифеямъ своего времени и особенно къ Гете, біографы котораго много обязаны Мюллеру и какъ собирателю, и какъ автору; въ послѣднемъ отношеніи очень цѣнными являются „Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Müller“ [1]), родъ дневника сношеній автора съ Гете, близкаго по характеру къ извѣстному труду Эккермана.

Отношенія Мюллера къ Жуковскому имѣли тоже главнымъ образомъ литературное основаніе. Начались они, повидимому, во

[1]) Herausgegeben von C. A. H. Burkhardt. Stuttgart 1870. 2 Aufl. 1898.

второй половинѣ 1820-хъ годовъ [1]) и продолжались до конца жизни Мюллера (ум. въ 1849 году), будучи поддерживаемы то личными свиданіями, во время неоднократныхъ заѣздовъ Жуковскаго въ Веймаръ, то письменно. Свидѣтельствомъ этихъ послѣднихъ сношеній и является со стороны Жуковскаго къ Мюллеру упомянутый выше сборникъ Гете-Шиллеровскаго Архива.

Вотъ его содержаніе:

1. „Dem guten grossen Manne". Это—извѣстное стихотвореніе Жуковскаго, обращенное къ Гете и врученное Мюллеру для передачи великому поэту. Оно первоначально написано было на русскомъ языкѣ: „Творецъ великихъ вдохновеній..."; здѣсь данъ его нѣмецкій переводъ въ прозѣ, сдѣланный, безъ сомнѣнія, самимъ авторомъ и помѣченный 7 сент. 1827 года. Стихотвореніе является выраженіемъ восторженнаго благоговѣнія Жуковскаго къ Гете, первое личное знакомство его съ которымъ относится еще къ 1821 году. Объ этомъ первомъ свиданіи съ Гете Жуковскій отозвался тогда (въ письмѣ къ вел. кн. Александрѣ Θеодоровнѣ), что „оно было туманное", хотя великій поэтъ принялъ Жуковскаго „ласково"; вскорѣ затѣмъ оба поэта обмѣнялись письмами, изъ которыхъ письмо Жуковскаго (отъ 25 февраля—9 марта 1822 года) носитъ на себѣ отпечатокъ величайшаго благоговѣнія къ своему высокому знакомцу [2]). Новое свиданіе съ Гете въ 1827 году имѣло со стороны Жуковскаго тотъ же характеръ восторженнаго поклоненія, какъ можно судить не только по упомянутому стихотворенію, но и по сообщеніямъ А. И. Тургенева къ брату своему Николаю [3]). Однако со стороны Гете свиданіе это носило, повидимому, весьма сдержанный характеръ. Самъ Жуковскій упоминаетъ о немъ въ своемъ дневникѣ: „Къ Гете. Усталость и дѣятельность. Мы пробыли недолго" [4]); да и упомянутое восторженное обращеніе Жуковскаго къ Гете принято было послѣднимъ довольно холодно, какъ сообщаетъ передавшій его по назначенію Мюллеръ: „Viel zu kalt meiner Meinung nach, nahm Goethe Schukowsky's herrliches Abschiedsgedicht auf, wie wohl er etwas Orientalisches, Tiefes, Priesterliches darin anerkannte", причемъ Мюллеръ приводитъ и самый текстъ стихотворенія въ нѣмецкомъ переводѣ, вполнѣ тождественно тексту въ описываемомъ

---

[1]) По крайней мѣрѣ, въ своемъ дневникѣ, говоря о посѣщеніи своемъ Веймара въ первый разъ 28—30 октября 1821 года н. ст. и о сдѣланныхъ тамъ знакомствахъ, Жуковскій не упоминаетъ имени Мюллера: Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова. Спб. 1903, стр. 166—167.

[2]) Подлинникъ его, на французскомъ языкѣ, хранится въ Гете-Шиллеровскомъ Архивѣ въ Веймарѣ; напечатано съ черноваго подлинника въ „Русскомъ Архивѣ" 1870 № 10 и въ Соч. Ж—го, изд. 7, т. VI, стр. 450—451.

[3]) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу. Лейпцигъ 1873, стр. 114.

[4]) Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 204.

сборникѣ. О свиданіи наканунѣ Мюллеръ сообщаетъ соотвѣтственно впечатлѣнію, полученному Жуковскимъ: „Donnerstag, den 6 September (1827). Als Schukowsky, Reuter und ich Goethen gegen Abend besuchten, fanden wir ihn abgespannt, matt und leidend, so dass wir nicht lange verweilten“ [1]). Впрочемъ позднѣе, по отзыву А. И. Кошелева, Гете относился къ Жуковскому болѣе тепло и сочувственно: „мы разговаривали—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ о визитѣ къ Гете 4 сентября 1831 года въ Веймарѣ—о нѣмецкой и русской литературѣ. Гете очень любитъ нашего Жуковскаго; съ удовольствіемъ говоритъ о часахъ, которые съ нимъ провелъ“ [2]). Конечно, этими данными далеко не исчерпываются ни личныя, ни литературныя отношенія Гете и Жуковскаго, для сужденія о которыхъ только въ самое послѣднее время собранъ имѣвшійся на лицо матеріалъ въ книгѣ акад. А. Н. Веселовскаго [3]), и матеріалъ этотъ склоняетъ читателя именно къ той мысли, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ лицъ Гете болѣе или менѣе снисходительно принималъ отъ своего русскаго знакомца-поэта знаки благоговѣйнаго почтенія и удивленія, а на долю Жуковскаго выпадала лишь совершенно пассивная роль и не всегда вѣрная оцѣнка со стороны Гете. Послѣдній не имѣлъ возможности сколько-нибудь ближе узнать Жуковскаго, въ обстановкѣ менѣе офиціальной, да и лучшія свойства натуры Жуковскаго не были тѣми, которыя болѣе всего цѣнилъ „великій олимпіецъ“.

2. Письмо отъ 13—25 мая 1828 года.

[Пенсія г-ну Бринкману отъ русскаго императора въ 300 р. Поклоны графинѣ Эглофштейнъ и Гете].

3. Письмо отъ 20 ноября ст. ст. 1828 года.

[Послано съ графомъ Вьельгорскимъ, котораго Жуковскій рекомендуетъ Мюллеру и проситъ представить его также Гете. Посылаетъ два экземпляра нѣмецкаго перевода своего стихотворенія „Die Erscheinung“, о которомъ они говорили раньше]. [4])

4. Записка въ сентябрѣ 1833 года.

[Предупрежденіе о своемъ посѣщеніи]. [5])

5. Письмо отъ 23 мая—3 іюня 1838 года, изъ Берлина [6]).

[Холодный пріемъ со стороны г-жи Чевкиной. Маршрутъ на Сток-

---

[1]) Goethes Unterhaltungen, перв. изд., стр. 119—120.

[2]) *Н. Колюпановъ.* Біографія А. И. Кошелева, т. II. 1892, стр. 7. Впрочемъ, со словъ того же лица, г. Бартеневъ (Некрологъ А. И. Кошелева, „Русскій Архивъ“ 1884. I. 248) сообщаетъ и о совершенно иномъ отношеніи Гете къ Жуковскому при этомъ свиданіи; однако, въ виду собственнаго свидѣтельства Кошелева, едва ли это послѣднее сообщеніе цѣликомъ можетъ быть принято.

[3]) В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“. Спб. 1904, стр. 345—360.

[4]) Это—„Видѣніе“: Соч. Жуковскаго, изд. 8., т. II, стр. 447—448.

[5]) Не вполнѣ совпадаетъ съ хронологическими данными дневника: Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 310—312.

[6]) Ср. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 379.

гольмъ, и мало надежды скоро быть въ Веймарѣ. Посылка русскаго перевода „Ундины“ и просьба благосклонно принять этотъ новый трудъ].

6 [1]). Письмо отъ 4—16 ноября 1838 года, изъ Венеціи [2]).

[Благодарность за новости о Веймарѣ. Описываетъ свое путешествіе до Нюренберга по маршруту, указанному Мюллеромъ, черезъ Рудольфштадтъ и Шварцбургъ, потомъ—Регенсбургъ, Мюнхенъ, Миланъ. Въ Миланѣ Жуковскій видѣлся съ Манцони, пользуясь именемъ „друга Мюллера“, и былъ принятъ очень хорошо; ихъ бесѣда о поэзіи, о Гете, объ Италіи, о религіи; разсужденіе Жуковскаго о назначеніи человѣка, высказанное имъ въ этой бесѣдѣ [3]). Поклоны Шорну [4]) и Эккерману.] [5])

7. Письмо отъ 21 іюля ст. ст. 1839 года, изъ Петергофа.

[Разсказъ о путешествіи. Дружескія привѣтствія и комплименты. Вопросъ Жуковскаго о томъ, какъ онъ можетъ направить свои письма M-lle Штейнъ и M-me Шорнъ].

8. Письмо отъ 20 окт. —3 ноября 1839 года, изъ Царскаго Села.

[Увѣренія въ дружбѣ. По возвращеніи въ Россію, Жуковскій ѣздилъ въ Москву и Орелъ къ роднымъ, теперь вернулся въ Петербургъ. Болѣзнь членовъ императорской фамиліи. Намѣренъ посвятить свою жизнь мирнымъ литературнымъ трудамъ и ждать приближенія конца. При этомъ посылаетъ письмо графинѣ Эглофштейнъ. Увѣренность, что, если Шорнъ дѣйствительно женится, то будетъ непремѣнно счастливъ].

9. Письмо отъ 17 іюля 1840 года, изъ Дармштата.

[Извиняется за поздній отвѣтъ на письмо къ нему ф.-Мюллера— въ виду важнаго душевнаго состоянія, которое онъ теперь переживаетъ; объ этомъ обстоятельствѣ (конечно, о намѣреніи жениться на Рейтернъ) онъ обѣщаетъ сказать позднѣе, при личномъ свиданіи, а м. б. и никогда не сказать] [6]).

10. Письмо отъ 31 іюля—12 авг. 1840 года, изъ Франкфурта на М.

[Порученія отъ графини Эглофштейнъ. Дружескія увѣренія].

11. Письмо отъ 22 августа (безъ сомнѣнія нов. ст.) 1840 года, изъ Дармштата.

[Проситъ передать письмо M-me Болье; письмо ф.-Мюллера г-жѣ Гагернъ Жуковскій передалъ. Поѣздка въ Веймаръ въ ближайшемъ будущемъ не состоится, такъ какъ Жуковскій долженъ остаться по своимъ обязанностямъ въ Дармштатѣ. Поклоны Шорнамъ и Эккерману].

---

[1]) Письмо это ошибочно помѣщено въ сборникѣ раньше № 5.

[2]) Въ дневникѣ записано *5—17 ноября* 1838: „ввечеру письмо къ Мюллеру“, стр. 437.

[3]) Ср. Дневники В. А. Жуковскаго. стр. 434.

[4]) Шорнъ (Johann Karl Ludwig v. Schorn), 1793—1842, нѣмецкій историкъ искусства, получившій въ 1832 году приглашеніе завѣдывать художественными учрежденіями въ Веймарѣ; много содѣйствовалъ обогащенію и приведенію въ порядокъ великогерцогскихъ художественныхъ коллекцій. Съ нимъ Жуковскій велъ переписку, какъ я имѣлъ случай слышать о томъ въ Веймарѣ.

[5]) Далѣе въ сборникѣ помѣщены выдержки изъ этого письма, сдѣланныя чужой рукой.

[6]) Ср. ниже письмо 12, которое въ сборникѣ неправильно поставлено между 7 и 8-мъ.

12. Письмо отъ 17—29 августа 1840 года, изъ Дюссельдорфа.
[Смерть Иммермана [1]), возвратившись съ похоронъ котораго Жуковскій пишетъ это письмо. Узналъ, гдѣ находится Тургеневъ (А. И.) и написалъ ему письмо въ Киссингенъ. На вопросъ, почему Жуковскій остается въ Дюссельдорфѣ, онъ отвѣчаетъ сообщеніемъ, что тутъ находится его невѣста, и затѣмъ восторженно говоритъ о своихъ надеждахъ на предстоящее семейное счастіе, проситъ увѣдомить объ этомъ Шорновъ и другихъ своихъ веймарскихъ друзей. Въ припискѣ къ письму Жуковскій сообщаетъ и имя своей невѣсты — старшая дочь Рейтерна] [2]).

13. Письмо отъ 2—14 января 1842 года, изъ Дюссельдорфа.
[Поздравляетъ съ новымъ годомъ семью ф.-Мюллера и Шорновъ. Спрашиваетъ о новостяхъ веймарскихъ и литературныхъ. О себѣ сообщаетъ, что уже 7 мѣсяцевъ живетъ уединенно съ женой, наслаждаясь счастіемъ. Проситъ передать свое почтеніе великой герцогинѣ. Зоветъ посѣтить его когда-нибудь въ Дюссельдорфѣ].

14. Письмо отъ 9 апрѣля 1842 года.
[Хотѣлъ отвѣчать своему другу и раньше, но все ждалъ, что къ письму можетъ присоединить и поэзію: теперь этого момента дождался (въ сборникѣ однакоже нѣтъ къ этому письму никакого поэтическаго приложенія). Сожалѣніе по поводу смерти Шорна [3]) и сочувственная, довольно подробная, характеристика его какъ ученаго и какъ человѣка. Сообщеніе о болѣзни жены; сожалѣніе, что при поѣздкѣ въ Эйзенахъ они не заѣхали въ Веймаръ].

15. Письмо отъ 2—14 ноября 1842 года, изъ Дюссельдорфа.
[Радостное сообщеніе о рожденіи за три дня до этого дочери, которую онъ рѣшилъ назвать Александрой. Просьба разсказать объ этой семейной новости Жуковскаго веймарскимъ друзьямъ и великой герцогинѣ].

16. Записка отъ 14 іюля 1843 года, изъ Эмса.
[Намѣреніе поѣхать изъ Эмса на три недѣли въ Швальбахъ, куда Жуковскій приглашаетъ и Мюллера, обѣщая познакомить его тамъ со своимъ семействомъ].

17. Записка отъ 4 августа 1843 года, изъ Швальбаха.
[Покидаетъ Швальбахъ. Сожалѣетъ, что тутъ не удалось ему увидѣть Мюллера].

18. Письмо отъ 9—21 января 1845 года.
[Сообщаетъ о женѣ и новорожденномъ сынѣ: оба здоровы. Зато самъ болѣетъ, но надѣется на выздоровленіе [4]). Переводъ Одиссеи пріостановился, но Жуковскій надѣется вскорѣ его продолжать. Почтеніе великой герцогинѣ и поклоны г-жѣ Шорнъ и графинѣ Эглофштейнъ].

19. Письмо отъ 5 января (вѣроятно, нов. ст.) 1846 года [5]).
[Сообщеніе о смерти Тургенева (А. И.) [6]) и его характеристика. Просьба написать о немъ въ нѣм. газетѣ].

---

[1]) Карлъ-Лиорехтъ Иммерманъ (1796—1840), извѣстный нѣмецкій писатель.
[2]) Ср. выше прим. къ письму 9.
[3]) Ср. выше прим. къ письму 6.
[4]) Ср. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 534.
[5]) Письмо это помѣщено въ сборникѣ неправильно послѣ письма 20.
[6]) Умеръ 3 декабря 1845 года.

20. Письмо отъ 5—17 января 1846 года.

[Опять о смерти Тургенева. При этомъ, такъ какъ Мюллеръ хочетъ написать некрологъ Тургенева, то Жуковскій сообщаетъ ему біографическія свѣдѣнія о Тургеневѣ въ краткомъ видѣ, и затѣмъ характеризуетъ его какъ человѣка, предоставляя остальное дружескому перу Мюллера. Сообщаетъ печальную новость о смерти единственной дочери Радовица въ Карлсруэ] [1]).

21. Письмо отъ 12 мая 1846 года, изъ Франкфурта на М.

[Пишетъ по поводу некролога, написаннаго Мюллеромъ объ А. И. Тургеневѣ, и дѣлаетъ свои замѣчанія: 1. Объ обществѣ „Арзамасъ", въ которомъ участвовалъ Тургеневъ (не было серьезнаго дѣла, одна забава). 2. Покинувъ службу при князѣ Голицынѣ, Тургеневъ оставался по прежнему въ самыхъ близкихъ къ нему отношеніяхъ. 3. О младшемъ братѣ Тургенева, его болѣзни, смерти и о томъ, какъ относился къ нему А. И. Тургеневъ].

22. Письмо отъ 27 декабря 1846 года, изъ Франкфурта на М.

[О болѣзняхъ своихъ и жены. По поводу вопроса великой герцогини о женѣ Жуковскаго, переданнаго ему Мюллеромъ, Жуковскій, сообщая лишь грустныя извѣстія, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ благодаритъ великую герцогиню за оказанное ему этимъ вопросомъ вниманіе].

Далѣе въ сборникѣ помѣщено нѣсколько писемъ и записокъ безъ даты, въ совершенно произвольномъ порядкѣ.

23. Письмо—вѣроятно 1846 года, безъ обозначенія мѣста.

[Благодаритъ за присылку оттисковъ некролога А. И. Тургенева въ „Allgemeine Zeitung", изъ которыхъ одинъ Жуковскій послалъ брату Тургенева, живущему въ Парижѣ. Сообщаетъ, что братъ Тургенева прислалъ ему изъ Парижа рукописи покойнаго, но это оказались лишь письма Жуковскаго, Вяземскаго и бумаги „Арзамаса"].

24. Письмо, отъ 23 ноября, вѣроятно 1846, изъ Баденъ-Бадена, писанное карандашомъ и очень крупными буквами.

[Благодаритъ за книгу, которую получилъ отъ Мюллера черезъ Мальтица, и извѣщаетъ, что пять мѣсяцевъ тому назадъ онъ сталъ страдать глазами, и что это мѣшаетъ ему читать и писать] [2]).

25. Письмо—послѣ 1846 года, безъ обозначенія мѣста.

[На вопросъ о здоровьи извѣщаетъ, что все идетъ очень хорошо; впрочемъ, говоритъ и о возможности близкой смерти и проситъ Мюллера быть его біографомъ, какъ тотъ былъ біографомъ ихъ общаго друга Тургенева. Поклоны Мальтицу и г-жѣ Шорнъ].

26. Письмо, безъ обозначенія мѣста, между 1846—1849 годами.

[Болѣзнь семьи. Сожалѣніе о болѣзни великой герцогини. Просьба переслать прилагаемое письмо графинѣ Эглофштейнъ].

27. Записка, безъ обозначенія мѣста.

[Приглашеніе прійти къ нему передъ отъѣздомъ Жуковскаго].

---

[1]) Ср. статью Жуковскаго „Іосифъ Радовицъ": Соч., т. VI, стр. 214.

[2]) Ср. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 534: „Моя болѣзнь. Продолженіе моей болѣзни и исцѣленіе. Ослабленіе глазъ. Надобно заранѣе готовиться къ слѣпотѣ" (генварь 1846 года).

28. Письмо, помѣченное 20 октября, изъ Баденъ-Бадена.

[Спрашиваетъ Мюллера о его здоровьи. Мечтательно-пессимистическое разсужденіе о жизни и смерти].

29. Записка, безъ обозначенія мѣста.

[Извѣщеніе, что Крейтеръ получитъ отъ великаго герцога перстень][1]).

30. Записка, безъ обозначенія мѣста, помѣченная только: mercredi.

[Извѣщаетъ Мюллера, что великій герцогъ намѣренъ посѣтить домъ Гете].

31. Записка, безъ обозначенія мѣста.

[Извѣщаетъ, что не можетъ принять участія въ предположенной прогулкѣ].

32. Записка, безъ обозначенія мѣста, писанная „in Erbsprinzen"—вѣроятно изъ гостиницы, которая съ этимъ именемъ и теперь существуетъ въ Веймарѣ.

[Извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ въ Веймаръ].

Въ концѣ сборника приложены:

1. Печатная брошюра „Чувства передъ гробомъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны въ ночи наканунѣ погребенія тѣла Ея Величества. Спб. Въ типографіи Н. Греча 1828". Ср. Соч. Жуковскаго, т. II, стр. 444—447.

2. То же по-нѣмецки: „Gefühle am Sarge Ihrer Kaiserlichen Majestät der Kaiserin Maria Feodorowna. In der Nacht vor ihrer Beerdigung. Von Shukofski". Подписано: „F. A."

3. Въ рукописи стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ: „An Ihre Kaiserliche Hoheit der Frau Grossfürstinn Alexandra Feodorowna. Moskau im April 1818". Ср. Соч. Жуковскаго, т. II, стр. 42—47.

4. Печатное стихотвореніе „Das Erinnerungsfest bei Borodino", помѣченное „Borodino, den 26 Aug.—7 Sept. 1839" и подписанное: „W. Schukowsky, aus dem Russischen übersetzt von dem Freiherrn Franz von Maltitz". Ср. Соч. Жуковскаго, т. III, стр. 290—297.

Не имѣя возможности, по обстоятельствамъ своего пребыванія въ Веймарѣ, сдѣлать точную копію описаннаго сборника писемъ Жуковскаго къ ф.-Мюллеру и потому ограничиваясь пока краткой передачей ихъ содержанія, мы можемъ привести здѣсь лишь выдержку изъ письма № 21, отъ 12 мая 1846 года, гдѣ рѣчь идетъ объ А. И. Тургеневѣ и объ Обществѣ „Арзамасъ" и о нахожденіи котораго до сихъ поръ подъ спудомъ выражаетъ сожалѣніе акад. *А. Н. Веселовскій* [2]). Вотъ этотъ отрывокъ:

[1]) Friedrich-Theodor Kräuter, секретарь велико-герцогской библіотеки въ Веймарѣ.

[2]) Предисловіе къ соч. „В. А. Жуковскій", стр. V.

„Cher et respectable ami! Je Vous remercie du fond de mon coeur pour la communication de votre manuscrit. Vous avez rendu un bien touchant, bien veridique hommage à la mémoire de notre ami; il est consolant pour ceux qui l'ont perdu qu'une plume aussi pure et aussi exercée, que la votre, s'est occupée de le ....[1]) tel qu'il a été à votre nation, qu'il aimait et respectait particulièrement dans son caractère et dans ses grandes lumières. Votre nécrologue se distingue de tous les autres par cette simplicité qui ne souffre aucune exagération qui ne veut que la verité sans fard, ce qui la rend plus payable. plus persuasive, et elle en devient toujours touchante. Merci, cher ami. Je me hate de Vous renvoyer Votre manuscrit en Vous priant de ne pas tarder avec son impression. Serait-il possible d'avoir quelques exemplaires à part de l'imprimé? Vous m'obligerez infiniment en m'enfournissant quelques uns.

J'ajoute ici quelques observations: La société *d'Arsamas* dont Vous parlez gravèment, n'a été qu'une plaisanterie. Les personnes que Vous nommez se sont en effet réunis, mais non pas dans un but d'activité littéraire. Une bouffonerie a été l'occasion de la naissance de la société d'Arsamas; et la bouffonerie dès ce moment est devenue son caractère distinct. Nous nous réunions pour rire à gorge deploiée comme des fous; et moi qui fus elu sécrétaire de la société, je n'ai pas peu contribué à nous faire tous atteindre ce but principal, c. a. d. *le rire;* je redigeais mes protocoles en galimathias, dans lequel je me suis tout-à-coup trouvé d'une force gigantesque. Tant que nous n'avons été que *bouffons*, notre societé est restée active et pleine de vie; aussitot qu'on a pris la résolution de devenir *grave* elle mourut d'une mort subite. Tourgueneff en a été le membre le plus actif; mon activité consistait uniquement dans la redaction de mes protocoles. Les autres prononçaient des discours bouffons, Tourgueneff ne faisait rien. Et comme nous avons en formant notre société pris tous de noms fantastiques et comme on savait d'avance que Tourgueneff ne ferait rien, on lui a donné le nom de *Harpe d'Eole*. La société d'Arsamas n'a laissé aucune trace dans ses travaux par la simple raison qu'il n'y avait pas de travaux".

Изъ другого письма (у насъ № 23), упоминаемаго А. Н. Веселовскимъ, вотъ отрывокъ, относящійся къ „Арзамасу":

„Cette societé dont personne n'a eu une idée juste hors ses membres — говоритъ Жуковскій — est née d'une bouffonerie, n'a existé que pour le galimathias et est morte subitement en couches du sens commun. Voici toute sa biographie".

---

[1]) Не разобрано.

Повѣсть о старцѣ, просившемъ руки царской дочери.

Н. Н. Дурново.

Въ русскихъ рукописяхъ XVI—XIX в. [1]) нерѣдко попадаются списки повѣсти о старцѣ, просившемъ руки царской дочери. Содержаніе ея такое.

Одного старца пустынника смущали евангельскія слова: „Просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; толците, и отверзется вамъ". Чтобы провѣрить ихъ истинность, старецъ пошёлъ къ царю и сталъ у него просить руки его дочери. Царь обѣщалъ старцу выдать за него замужъ царевну, если онъ принесетъ самоцвѣтный камень, отъ котораго ночью было бы свѣтло, какъ днёмъ. Старецъ пошёлъ въ пустыню и набрёлъ на одну пещерку или хижину. Тамъ онъ увидалъ кувшинъ, покрытый крестомъ. Изъ кувшина слышалось жужжанье: въ нёмъ былъ заключёнъ бѣсъ. Старецъ разговорился съ бѣсомъ и выпустилъ его, взявши съ него клятву, что онъ принесётъ ему, старцу, самоцвѣтный камень. Когда бѣсъ принёсъ камень, явившись къ пещерѣ, „аки великій дубъ", старецъ заманилъ его обратно въ кувшинъ (онъ выражалъ сомнѣнье въ томъ, что бѣсъ можетъ сдѣлаться такимъ маленькимъ, что влѣзетъ въ кувшинъ, и этимъ раздразнилъ бѣса), положилъ на него крестъ, а камень принёсъ къ царю. Царской дочери онъ, понятно, не взялъ и вернулся въ пустыню, славя Бога.

Списки повѣсти представляютъ нѣсколько редакцій, сильно отличающихся одна отъ другой [2]).

---

[1]) XVI в. мнѣ извѣстенъ только одинъ списокъ Софійской б-ки въ Спб. Дух. Акад.; остальные списки—XVII в. или позже.

[2]) Нѣкоторые списки повѣсти перечислены въ Протоколахъ Славянской Комиссіи Императ. Московск. Археологич. Общества (Древности. Труды Слав Ком.., т. III, проток. стр. 26. М. 1902). Теперь мнѣ извѣстно ещё нѣсколько списковъ, изъ которыхъ одинъ—контаминація 1-ой и 2-й редд. (вѣроятно, въ основѣ былъ списокъ 1-ой ред., дополненной по 2-й), и одинъ представляетъ отрывки изъ особой редакціи, близкой ко 2-й, но съ другими именами; остальные списки—2-й редакціи.

Въ древнѣйшей редакціи повѣсть очень невелика по объёму; въ дальнѣйшихъ она постепенно разрастается. Во 2-й редакціи, сохранившейся въ большомъ количествѣ списковъ, говорится, что царь, прежде чѣмъ посылать старца за камнемъ, совѣтуется съ боярами, и очень растянутъ эпизодъ со вторичнымъ заключеніемъ бѣса въ сосудѣ.

Въ спискѣ самой поздней редакціи, въ Симоновскомъ Зерцалѣ 1840 года, царь совѣтуется съ царицей. Интересно окончаніе этого списка. Здѣсь старецъ, вернувшись къ себѣ въ пустыню, молитъ Бога освободить бѣса отъ сосуда за то, что онъ сдержалъ клятву и принёсъ камень. Молитва старца услышана, и бѣсъ освождёнъ. Извѣстны и народные пересказы этой повѣсти[1]).

Главные мотивы повѣсти: I. Провѣрка словъ св. Писанія. II. Легенда о заключённомъ и освобождённомъ бѣсѣ, III. Посылка жениха за самоцвѣтнымъ камнемъ. Первому мотиву можно указать нѣкоторыя параллели, между прочимъ въ такихъ сборникахъ благочестивыхъ повѣстей, какъ восточные патерики, Прологъ, Великое Зерцало и т. п.[2]). Мотивъ посылки жениха за самоцвѣтнымъ камнемъ—одна изъ версій мотива неисполнимыхъ порученій, задаваемыхъ жениху, а этотъ послѣдній—одинъ изъ самыхъ распространённыхъ международныхъ сказочныхъ мотивовъ[3]). Роль камня нашей повѣсти въ народныхъ сказкахъ иногда играетъ перстень, отъ котораго ночью въ комнатахъ становится свѣтло, какъ днёмъ, и т. п. Не останавливаясь на этихъ двухъ мотивахъ, обращусь къ третьему.

Въ своёмъ докладѣ о разбираемой повѣсти, который я читалъ на засѣданіи Славянской Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества въ 1900 году, я предполагалъ на основаніи нѣкоторыхъ особенностей языка южнославянское происхожденіе этой повѣсти. Но, кажется, я ошибался. Легенда о бѣсѣ, заключённомъ въ сосудѣ, хорошо была извѣстна въ византійской и переводной южнославянской литературахъ. Но въ извѣстныхъ мнѣ византійскихъ

---

[1]) Напримѣръ, въ Народныхъ Легендахъ Афанасьева (20 с., стр. 78), у Садовникова въ Сказкахъ и преданіяхъ Самарскаго края (Зап. Импер. Русск. Географ. Общ. по отдѣлу этногр., т. XII), № 103 и др. Тексты повѣсти по всѣмъ редакціямъ и народнымъ пересказамъ приготовляются мною къ печати вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти.

[2]) Таковы, наприм., повѣсти о гордомъ царѣ (Іовиніанѣ, Агеѣ, Асѣ, Димитріи Римскомъ и др.), о спорѣ христіанъ съ магометанами (о двинувшейся горѣ), эпизодъ изъ житія Марка Фрачскаго (тоже о двинувшейся горѣ), Повѣсти Луга Духовнаго (Лимонаря) о наградѣ за подачу милостыни, повѣсть объ Агапіи и др.

[3]) Камень, отъ котораго ночью свѣтло, какъ днёмъ, извѣстенъ во многихъ сказаніяхъ и не всегда связывается съ сюжетомъ отысканія невѣсты. Ср. Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ, сказанія о царѣ Соломонѣ, русскую редакцію повѣсти объ Акирѣ, хронику Брунцвика, старину о 40 каликахъ и мн, др.

пересказахъ ея, именно: въ легендѣ о Соломонѣ, входящей въ житіё Марины, въ житіи св. Конона Исаврійскаго, въ повѣсти Скитскаго Патерика объ аввѣ Лонгинѣ, закрестившемъ бѣса въ чашѣ съ водой [1]), а также въ русскихъ переработкахъ византійскихъ легендъ—въ житіяхъ Авраамія Ростовскаго и Іоанна Новгородскаго нѣтъ разсказа о вторичномъ заключеніи бѣса. Святые, заключающіе бѣса въ сосудѣ, не прибѣгаютъ къ хитрости. Въ повѣсти же о старцѣ, просившемъ руки царской дочери, старецъ находитъ бѣса уже заключённымъ и освобождаетъ его по его просьбѣ подъ условіемъ, что бѣсъ исполнитъ порученіе старца. Бѣсъ исполняетъ это порученіе, а старецъ, получивъ отъ бѣса то, что̀ ему нужно, вмѣсто благодарности снова хитростью заманиваетъ его въ сосудъ и закрещиваетъ. Религіозная легенда превращается въ сказку, гдѣ на видное мѣсто выступаетъ хитрость старца и глупость несчастнаго бѣса. Совершенно по той же схемѣ излагается сюжетъ о заключённомъ бѣсѣ въ западныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, сказаніяхъ о Виргиліи и Парацельзѣ [2]).

Нѣкоторыя сказанія о Виргиліи передаютъ легенду о заключённомъ бѣсѣ такъ, какъ передалъ её народный пересказъ повѣсти о старцѣ въ Легендахъ Афанасьева: Виргилій нашёлъ въ землѣ бутылку съ чертями, вывѣдалъ отъ нихъ всѣ тайны и потомъ освободилъ ихъ за это. Но въ одной легендѣ XV в., у Hämmerlein'а, разсказывается, что Виргилій, освободивъ бѣса, подумалъ, что поступилъ нехорошо. Тогда онъ сталъ дразнить бѣса и говорить: „А вѣдь ты не залѣзешь опять въ бутылку!“ и довёлъ бѣса до того, что онъ сдѣлался опять маленькимъ и влѣзъ въ бутылку. Виргилій запечаталъ её Соломоновой печатью [3])

[1]) Тексты житія св. Конона и повѣсти объ аввѣ Лонгинѣ по греческимъ и славянскимъ спискамъ приготовлены мною къ печати.

[2]) См. *Comparetti* (Domenico). Virgilio nel medio evo. Два тома, 1872, или нѣмецкій переводъ: Virgil im Mittellalter von Dom. Comparetti, übers. von Hans Dütschke. Leipzig 1875 (въ одномъ томѣ); *Scheible*. Das Kloster, B. II и XI; *Roskoff*. Geschichte des Teufels.

[3]) Легенда о заключеніи бѣса въ сосудѣ перешла къ христіанамъ и магометанамъ отъ евреевъ, у которыхъ она входила въ циклъ сказаній о Соломонѣ. Соломонъ держалъ демоновъ въ своей власти при помощи печати, данной ему архангеломъ. Этой печатью онъ запечаталъ и тѣ сосуды, куда заключилъ непослушныхъ бѣсовъ. Въ житіи Марины говорится о бѣсахъ, заключённыхъ въ бочкахъ и запечатанныхъ печатью Соломоновой (впрочемъ въ текстахъ, какъ въ изданномъ греческомъ, такъ и въ славянскихъ ошибочно: „сатаниною“). Житіё св. Конона Исаврійскаго представляетъ несомнѣнную христіанскую переработку Соломоновскихъ легендъ. Здѣсь уже печать Соломонова замѣнена „печатью Христовою“, т. е. крестомъ. Въ повѣсти объ аввѣ Лонгинѣ оказывается достаточнымъ только перекрестить сосудъ, чтобы бѣсъ не могъ выбраться. Какъ и другіе эпизоды Соломоновой легенды, эпизодъ о заключённомъ бѣсѣ встрѣчается и въ индійскихъ сказкахъ о Викрамадитьѣ (въ монгол. сборн. Арджи-Борджи. См. Веселовскій. Изъ исторіи литерат. общенія Востока и Запада, стр. 13).

и ушёлъ. Въ другой легендѣ, разсказанной у Шейбле, Виргилій находитъ бѣса въ щёлкѣ, на которой начерчены три буквы „ταυ“; бѣсъ говоритъ Виргилію, что его посадилъ сюда какой-то еврей. Виргилій также освобождаетъ бѣса и потомъ, узнавъ отъ него всѣ тайны, тою же хитростью заманиваетъ его въ щёлку и ставитъ на щёлкѣ тѣ же буквы. Въ легендѣ о Парацельзѣ послѣдній находитъ бѣса въ лѣсу, въ маленькой расщелинѣ дерева. На расщелинѣ ножомъ сдѣланы три крестика. Чтобы освободить бѣса, Парацельзу приходится соскоблить крестики, и бѣсъ сползаетъ въ видѣ маленькаго паучка, но, достигнувши земли, сразу становится большимъ. Онъ приноситъ Парацельзу два пузырька: съ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней и съ жидкостью, обращающей всё въ золото. Парацельзъ заманиваетъ бѣса такъ же, какъ и Виргилій и старецъ русской повѣсти. Но поступокъ Парацельза оправдывается тѣмъ, что бѣсъ при нёмъ говоритъ, какъ онъ отомститъ тому человѣку, который засадилъ его. Чтобы избавить этого человѣка отъ мести бѣса, Парацельзъ спѣшитъ заключить бѣса обратно.

Нѣкоторыя подробности повѣсти сближаютъ её съ русскими легендами объ Авраміи Ростовскомъ и Іоаннѣ Новгородскомъ; такъ наприм., только въ житіи Авраамія и въ нашей повѣсти святой кладётъ крестъ поверхъ сосуда съ бѣсомъ.

Итакъ, можно думать, что эпизодъ съ заключеніемъ бѣса въ повѣсти о старцѣ, просившемъ руки царской дочери, западнаго происхожденія. Что касается самой повѣсти, то она могла быть и оригинальной. Благодаря удачному сочетанію въ ней легендарнаго и сказочнаго элемента она пришлась по вкусу русскимъ читателямъ, о чёмъ свидѣтельствуетъ не столько количество списковъ ея, сколько неоднократныя передѣлки ея въ рукописяхъ и ея народные пересказы.

Къ исторіи каѳедры славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ Королевскомъ Александровскомъ Университетѣ.

Вл. Францева.

Конецъ XVIII-го и начало XIX-го столѣтія въ польской наукѣ и литературѣ характеризуются необыкновенно высокимъ подъемомъ славянскаго самосознанія. Политическія событія первой четверти XIX столѣтія складывались весьма благопріятно для развитія этого движенія въ польской общественной мысли, литературѣ и наукѣ.

Центромъ, въ которомъ сгруппировались всѣ виднѣйшіе представители науки и изящной словесности польской, было знаменитое въ лѣтописяхъ польскаго просвѣщенія „Общество друзей наукъ“ въ Варшавѣ („Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk“), просуществовавшее съ 1800 г. до 1832 г. и положившее не мало трудовъ на пользу славяновѣдѣнія.

Въ обширной монографіи А. Краусгара, посвященной детальнѣйшему обозрѣнію жизни этого ученаго учрежденія [1]), мы встрѣчаемъ рядъ именъ ученыхъ, потрудившихся на поприщѣ разносторонняго изученія славянскаго міра, преимущественно въ его прошломъ, и еще болѣе богатый списокъ научныхъ трудовъ, чтеній и докладовъ членовъ этого общества. Тутъ подвизаются философъ и славянскій патріотъ Станиславъ Сташицъ, знаменитый лексикографъ С. Б. Линде, санскритологъ и изслѣдователь славянской старины Валентій Скороходъ-Маевскій, этнографъ и археологъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, предшественникъ Шафарика Лаврентій Суровецкій, пѣвецъ славянской идеи, поэтъ Янъ Вороничъ, епископъ Янъ Коссаковскій, историкъ Нарушевичъ, Г. С. Бантдке, Іоахимъ Лелевель, кс. Чайковскій, Казимиръ Бродзинскій, славянскій путешественникъ кн. Ал. Сапѣга, архіепископъ могилевскій Богушъ-Сестренцевичъ и мн. другихъ.

---

[1]) Towarzystwo Warszawskie przyjaciół nauk. 1800—1832. Monografia historyczna, osnuta na źródłach archiwalnych, przez Alexandra Kraushara. Warszawa, 1900—1904, вышло 6 томовъ.

Труды названныхъ представителей польскаго славяновѣдѣнія не въ одинаковой степени достойны памяти потомства, но даже и наименѣе удовлетворительные изъ нихъ имѣли въ свое время значеніе, вызывая обмѣнъ мнѣній и возбуждая дѣятельность новыхъ изслѣдователей славянства. Научнымъ силамъ, работавшимъ на этомъ поприщѣ, необходимо было войти въ непосредственную связь съ центромъ тогдашней славянской науки, Прагой и ея учеными. И Общество друзей наукъ рано обратило вниманіе на этотъ „Виѳлеемъ", а затѣмъ и „Іерусалимъ" славяновѣдѣнія. Связи съ Прагой начались очень рано, благодаря посѣщенію ея сначала виленскимъ епископомъ Коссаковскимъ, который по возвращеніи изъ Чехіи 5-го февраля 1803 г. читалъ въ Обществѣ докладъ: „Rzut oka na literaturę Czeską", а затѣмъ, нѣсколько позже, благодаря Яну Вороничу, который, побывавши въ Прагѣ, въ докладѣ Обществу 1-го декабря 1816 г. констатировалъ уже взаимное уваженіе чешскихъ и польскихъ ученыхъ къ трудамъ ихъ и отмѣтилъ пожертвованіе Добровскаго въ пользу библіотеки Общества[1]). На необходимость обратиться къ непосредственному изученію славянства указывалъ знаменитый Альбертранди въ своей интереснѣйшей запискѣ: „Myśli względem sposobów wydoskonalenia i zbogacenia ojczystego języka"[2]).

Въ числѣ средствъ, могущихъ способствовать усовершенствованію и развитію польскаго языка, онъ рекомендуетъ отправленіе одного или нѣсколькихъ лицъ къ братскимъ славянскимъ народамъ („wysłanie iedney lub kilku osób do pobratyńskich narodów, używaniem Słowiańskiego, lub wyrostek Słowiańskiego ięzyka zaleconych") для изученія славянскихъ нарѣчій.

Мысль объ ученомъ путешествіи по славянскимъ землямъ съ цѣлью изученія прежде всего славянскихъ нарѣчій для пользы польскаго языка и словесности занимала и университеты виленскій и варшавскій. Первый привелъ ее въ исполненіе нѣсколько раньше второго, благодаря особому сочувствію этому дѣлу князя Адама Чарторыскаго, куратора виленскаго округа.

Въ 1817 году совѣтъ виленскаго университета отправилъ въ ученое путешествіе по западной Еропѣ, „для усовершенствованія въ экзегетикѣ и библейскихъ языкахъ", магистра богословія, священника Михаила Бобровскаго. Инструкція, данная молодому богослову, предписывала ему, между прочимъ, посѣтить Прагу,

---

[1]) ...„Uczeni Czescy ze strony swoiey pobratymczą uprzeymość i ciągłe porozumiewanie się w tym widoku przez związek łatwy z Krakowem nayuroczyściey przyrzekli, a jeden z nich, ze sławy swoiey Towarzystwu naszemu znaiomy X. Józef Dobrowski dziesięć książek Literatury Czeskiey tyczących się na ręce moie do Bibl. Tow. w oficrze złożyl". Kraushar, op. cit., III, 1, 62.

[2]) Напечатаны цѣликомъ у Краусгара. op. cit., I, 365.

Оломуцъ, Львовъ, познакомиться съ Добровскимъ и другими славянскими учеными и изучить славянскія нарѣчія настолько, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность заняться сравненіемъ переводовъ библіи на этихъ нарѣчіяхъ. Спустя нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Бобровскаго, когда нѣкоторые результаты его славянскихъ изученій были уже обнародованы, выступаетъ съ проектомъ славянскаго путешествія Komissya Rządowa wyznań religijnych i oświecenia publicznego въ Варшавѣ. Рѣшеніе отправить въ славянскія земли кого-либо изъ подающихъ надежды молодыхъ ученыхъ могло состояться, съ одной стороны, подъ вліяніемъ членовъ Общества друзей наукъ, съ другой—на него могъ повліять и примѣръ виленскаго университета.

Кандидаты на стипендію для славянскаго путешествія не замедлили откликнуться [1]).

Первымъ кандидатомъ, пожелавшимъ воспользоваться стипендіей для поѣздки въ славянскія земли, былъ извѣстный впослѣдствіи поэтъ Іосифъ-Богданъ Залѣскій (Józef B. Zaleski), который въ прошеніи своемъ отъ 15 августа 1822 г., поданномъ въ Комиссію, говорилъ слѣдующее: „Я родился на Украинѣ, въ Кіевской губерніи, въ 1801 г. Уже въ юности я имѣлъ возможность ознакомиться съ нарѣчіями (dialekta) старо-славянскимъ, или церковнымъ, малорусскимъ и русскимъ, въ которыхъ впослѣдствіи утвердился основательнѣе. Курсъ гимназическихъ наукъ я прошелъ въ Уманской гимназіи. Въ часы, свободные отъ школьныхъ занятій, равно какъ и въ теченіе года по окончаніи курса, я старался изучать старые и новые труды на славянскихъ нарѣчіяхъ, въ особенности же въ думахъ, обычаяхъ и обрядахъ малорусскаго народа искать духа древности, характера и языка. Эти занятія пробудили во мнѣ непреодолимое желаніе совершенствоваться далѣе и обратить вниманіе моихъ соотечественниковъ на этотъ важный и обрѣтающійся въ пренебреженіи предметъ". Прибывъ въ 1820 г. въ Варшаву, съ цѣлью продолжать образованіе въ университетѣ, Залѣскій, какъ заявляетъ онъ въ своемъ прошеніи, сталъ посѣщать курсы изящныхъ наукъ и администраціи, но по прошествіи двухъ лѣтъ, стѣсненный печальными домашними обстоятельствами, не смотря на всѣ усилія остаться въ Варшавѣ, вынужденъ былъ однако выѣхать въ провинцію и принять обязанности домашняго учителя. Въ обоснованіе своего ходатайства, въ заключительныхъ строкахъ прошенія Залѣскій обращалъ вниманіе Комиссіи на

---

[1]) Матеріалъ для настоящаго очерка мы почерпнули почти исключительно изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи архивныхъ данныхъ о командировкѣ А. Кухарскаго и отчасти изъ его писемъ къ Ганкѣ и цитируемыхъ въ своемъ мѣстѣ писемъ, напечатанныхъ въ Gazecie Polskiej 1828 и 1829 г.

свои „славянскія стихотворенія", напечатанныя имъ въ періодическихъ изданіяхъ, имѣя въ виду, вѣроятно, нѣкоторые переводы, какъ, напримѣръ, „Pieśń staroczeską (z rękopisu Królodworskiego)", напечатанную имъ въ журналѣ Pamiętnik Warszawski (1822, t. III, 11—12). Другіе труды (pisma), относящіеся къ предмету спеціальныхъ занятій своихъ, Залѣскій предлагалъ представить Комиссіи немедленно, если бы она этого потребовала. Кромѣ того, въ доказательство знакомства съ нѣкоторыми славянскими нарѣчіями онъ обязывался сдать соотвѣтствующій экзаменъ.

Резолюція, положенная на прошеніи Залѣскаго, была нѣсколько неожиданной. Комиссія временно какъ бы отказывалась отъ мысли послать какого-либо кандидата за границу („wysłanie wybrać się mającego kandydata nie tak prędko nastąpi"), но въ то же время, въ отвѣтъ на прошеніе Залѣскаго, сообщала ему, что въ случаѣ, если бы въ будущемъ онъ пожелалъ воспользоваться „благодѣяніями командировки", отъ него потребуются необходимыя „квалификаціи", т. е. онъ долженъ будетъ обнаружить свои познанія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Отъ кандидата требовалось въ особенности доказать, что онъ въ полной мѣрѣ исчерпалъ изученіемъ дома все то, что можетъ обезпечить ему достиженіе желанной цѣли, а именно, что онъ основательно изучилъ латинскую и греческую грамматику и ознакомился, насколько это возможно было въ Варшавѣ, и съ языками восточными.

Одновременно съ такимъ отвѣтомъ Залѣскому, Комиссія постановляетъ однако (14 апрѣля 1823 г.) просить совѣтъ Королевскаго университета и Общество элементарныхъ школъ (Towarzystwo do szkół Elementarnych) заняться, по возможности скорѣй, выработкой инструкціи для будущаго стипендіата, путешественника по славянскимъ землямъ.

Совѣтъ университета уже 24 апрѣля 1823 г. на предложеніе Комиссіи далъ краткій и категорическій отвѣтъ: профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій Линде не получилъ еще увольненія и хотя онъ лекцій не читаетъ, однако заявленія объ оставленіи профессуры не сдѣлалъ, а потому каѳедра не можетъ считаться въ дѣйствительности вакантной.

Такимъ образомъ, и заботы о подготовленіи замѣстителя Линде совѣтъ считалъ преждевременными! Кромѣ того, совѣтъ отказывался составить инструкцію для кандидата, который ему былъ неизвѣстенъ, и относительно научныхъ склонностей котораго совѣтъ ничего не зналъ. Отвѣтъ этотъ былъ подписанъ ректоромъ кс. Швейковскимъ и скрѣпленъ Казимиромъ Бродзинскимъ.

Не такъ отнеслось къ предложенію Комиссіи Towarzystwo

Elementarne, въ лицѣ предсѣдателя своего, того же Линде, за котораго столь рѣшительно заступился совѣтъ университета.

Краткая инструкція, или вѣрнѣе—нѣкоторыя мысли о путешествіи по славянскимъ землямъ кандидата на каѳедру славянской литературы была представлена Элементарнымъ Обществомъ уже 28 апрѣля 1823 г., всего четыре дня спустя послѣ отказа университета обсудить этотъ вопросъ.

Содержаніе этого драгоцѣннаго документа состояло въ слѣдующемъ. Кандидатъ долженъ быть отправленъ за границу только тогда, когда онъ въ состояніи будетъ доказать, что имъ въ области его предмета исчерпано все, что можно изучить дома. Прежде всего, онъ долженъ основательно изучить грамматики латинскую и греческую и ознакомиться, насколько это возможно въ Варшавѣ, съ восточными языками. Особенно хорошо надлежитъ ему ознакомиться съ всеобщей философской грамматикой (z grammatyką powszechną filozoficzną), какъ она преподается въ университетѣ и излагается въ трудахъ Сильвестра де Саси, Фатера, Якоба, Бернгарда и др.

Что касается славянскихъ нарѣчій, то инструкція Линде ставила на первомъ мѣстѣ изученіе польскаго языка. Кандидатъ долженъ начать занятія въ этой области съ основательнаго изученія грамматики Линде („zgłębić Grammatykę naszę Narodową z wszelkiemi przypisami") и трудовъ Бандтке и Кассіуша; сравнивши ихъ между собою и съ предшествовавшими имъ грамматиками Крумбгольца, Фогля, Монеты, Шляга, Войны, Менинскаго, Заборовскаго и др., онъ составитъ себѣ ясное представленіе о движеніи польской грамматической науки, а это впослѣдствіи значительно облегчитъ ему „грамматическое примѣненіе другихъ славянскихъ нарѣчій" (przystosowanie grammatyczne innych dyalektów słowiańskich).

Съ русскимъ языкомъ и его литературой кандидату необходимо ознакомиться еще въ Варшавѣ, подъ руководствомъ Маршанда или Вербуша, настолько, насколько это нужно для овладѣнія теоріей русскаго языка и легкаго пониманія различныхъ его стилей. Признавая важное значеніе для всякаго славяновѣда языка церковно-славянскаго, Линде требуетъ отъ кандидата, конечно, на первое только время, хоть нѣкотораго, предварительнаго знакомства съ этимъ предметомъ. Онъ даже предлагаетъ кандидату свое содѣйствіе въ этихъ занятіяхъ, если Комиссія признаетъ его помощь полезною. „Я предложилъ бы кандидату,—говоритъ онъ,—privatissimum у себя на дому, ежедневно часъ, или по крайней мѣрѣ четыре часа въ недѣлю. Въ эти часы я прошелъ бы съ нимъ „Institutiones" Добровскаго, читалъ бы псал-

тырь въ Острожской библіи, сравнивая ее съ новѣйшимъ славянскимъ изданіемъ Петербургскаго Библейскаго Общества и русскимъ изданіемъ его же, а для ознакомленія съ языкомъ малороссійскимъ сравнивалъ бы съ переводомъ Скорины".

Для того, чтобы кандидатъ пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ чтеніи рукописей, Линде предполагалъ читать съ нимъ псалтырь въ переводѣ Лукаша изъ Тарнополя, по рукописи университетской библіотеки; въ зависимости отъ обстоятельствъ могли бы быть пройдены и другія славянскія печатныя и рукописныя книги. „Особенное вниманіе я обращалъ бы всегда на неоцѣнимые труды Добровскаго, который такъ глубоко, какъ никто до него, проникъ во внутренній строй славянскаго языка, и не только въ названномъ выше сочиненіи, но и въ чешской этимологіи и въ грамматикѣ этого же языка". На подготовку кандидата Линде смотрѣлъ серьезно, и требованія его были основательны. „Чѣмъ лучше подготовленъ будетъ отправляемый нами кандидатъ,—заключалъ онъ первую часть инструкціи,—тѣмъ съ большей пользой и тѣмъ скорѣе онъ въ состояніи будетъ совершать свое путешествіе, ибо и глазъ его и ухо будутъ уже имѣть извѣстную сноровку, онъ будетъ знать, на что ему слѣдуетъ обращать вниманіе, съ какой стороны разсматривать предметъ".

Вторая часть инструкціи заключала маршрутъ поѣздки по славянскимъ землямъ. Первымъ пунктомъ остановки послѣ выѣзда изъ Варшавы намѣченъ былъ Краковъ, гдѣ недавно только открылъ свои славянскія чтенія неутомимый проф. Бандтке. Время пребыванія варшавскаго избранника въ школѣ его опредѣляется въ три четверти года, или въ полгода, или и меньше того. Зато для занятій въ Прагѣ отводится цѣлый годъ. Здѣсь необходимо воспользоваться личнымъ руководствомъ и уроками Добровскаго, Ганки, Юнгманна и, можетъ быть, Неѣдлаго. Изъ Праги кандидатъ могъ бы совершить непродолжительную поѣздку въ Лужицу, для ознакомленія съ сербо-лужицкимъ нарѣчіемъ, но для этого рекомендуется предварительно познакомиться основательно съ трудами Бирлинга, Матеи, Тицина, Свотлика, Френцеля, Гауптмана. Для ознакомленія съ славянской территоріей по Эльбѣ и въ Мекленбургѣ пособіями могутъ служить труды графа Яна Потоцкаго и Маша. На эту поѣздку, по расчету Линде, достаточно употребить три мѣсяца.

Съ сѣвера славянскій путешественникъ долженъ направиться прямо въ Вѣну. Знакомство и ближайшее общеніе съ Бандтке, Добровскимъ, а въ особенности съ Копитаромъ дастъ ему возможность выработать себѣ самую детальную инструкцію для путешествія по славянскому югу, Штиріи, Каринтіи, Венгріи, Далмаціи до Рагузы, гдѣ наилучшими руководителями въ занятіяхъ

литературами „кроатской, далматинской, боснійской, рагузинской" и пр. будутъ братья Аппендини. Не забыты въ инструкціи Тріестъ и Венеція съ ея рукописными сокровищами, высказывается наконецъ желаніе, чтобы кандидатъ, если обстоятельства позволятъ, посѣтилъ и Римъ, въ библіотекахъ коего хранится немало славянскихъ рукописей.

Только послѣ этого путешествія по землямъ славянства западнаго и южнаго, послѣ ознакомленія съ славянскими нарѣчіями, кандидатъ можетъ начать поѣздку по Россіи. Она открывается посѣщеніемъ Кіева и знакомствомъ съ просвѣщеннымъ митрополитомъ Евгеніемъ; оттуда путь лежитъ въ Москву, гдѣ кандидатъ встрѣтитъ ученое содѣйствіе со стороны почтеннаго проф. Каченовскаго и ознакомится съ сокровищами библіотеки Синодальной, съ собраніемъ гр. Толстого, а равно и съ трудами Общества Древностей. Въ Петербургѣ содѣйствіе ученымъ занятіямъ его окажутъ Анастасевичъ, Аделунгъ, Кругъ и др., они же облегчатъ ему доступъ въ Императорскую (публичную) библіотеку, къ собраніямъ гр. Румянцева и др., введутъ въ Общество любителей россійской словесности и въ Россійскую Академію.

Инструкція Линде намѣчала, конечно, только важнѣйшее, имѣя въ виду, что кандидатъ во время путешествія своего самъ позаботится о дополненіи этого наброска, что онъ не упуститъ изъ виду ничего, что можетъ быть ему полезнымъ, и что всюду его вниманіе будетъ обращено не только на ученыхъ („na Uczoność"), но и на простой народъ, на его языкъ, произношеніе, костюмы, обычаи, пѣсни, танцы, жилища, хозяйственныя орудія, ихъ названія и пр.

Полагая, что все путешествіе кандидата продолжится три года, Линде считаетъ необходимымъ опредѣлить полтора года на путешествіе по Россіи, но такимъ образомъ на поѣздку по славянскому западу и югу оставалось бы тоже полтора года, а этотъ срокъ очевидно былъ недостаточенъ. Въ виду этого, въ заключеніе своей записки Линде заявляетъ: „Если гдѣ, такъ именно въ данномъ случаѣ должно быть принципомъ festina lente, и я не сомнѣваюсь, что Комиссія не будетъ колебаться добавить и четвертый годъ, если убѣдится въ его необходимости".

О кандидатурѣ Залѣскаго больше не встрѣчаемъ упоминаній. На инструкціи Линде была сдѣлана помѣта: „Gdy wysłanie kandydata do Literatur sławiańsk. zostało odłożone, zatem ad acta". Казалось, дѣло предано было забвенію. Но вскорѣ явился новый кандидатъ, болѣе счастливый въ своемъ ходатайствѣ, хотя и безъ какихъ-либо заслугъ въ наукѣ, дающихъ право на предпочтеніе.

29-го іюня 1823 года въ Комиссію поступило прошеніе А. Ф.

Кухарскаго, учителя келецкой воеводской школы [1]) о командированіи его за границу для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. То, что̀ говоритъ здѣсь Кухарскій о своихъ занятіяхъ, въ значительной степени совпадаетъ съ наставленіями Линде въ изложенной выше инструкціи. Любовь къ отечеству и просвѣщенію,—такъ начинаетъ Кухарскій свое прошеніе, — заставила его избрать тяжелое педагогическое поприще, наиболѣе дающее возможности работать для науки. Спеціально вниманіе Кухарскаго привлекали польская литература и польскій языкъ, особенно послѣдній. Занятія свои въ этой области онъ начинаетъ, какъ совѣтовалъ и Линде, съ основательнаго знакомства съ старыми польскими трудами по языку, выслушавши предварительный курсъ общей грамматики (grammatyki powszechnej) у Линде, въ первый годъ пребыванія въ университетѣ. Эти занятія даютъ ему смѣлость попытать свои силы въ составленіи краткой польской грамматики для женскихъ пансіоновъ и школъ. Учебникъ былъ почти готовъ, но желаніе усовершенствовать его заставило Кухарскаго углубиться въ изученіе „сокровищъ родной рѣчи". Онъ изучаетъ литературу занимающихъ его вопросовъ, причемъ особенную пользу извлекаетъ изъ Словаря Линде и разсужденій В. Скорохода-Маевскаго о санскритѣ [2]). Исключительныя занятія польскимъ языкомъ однако не удовлетворяютъ его, и онъ привлекаетъ къ сравненію прежде всего языкъ русскій, который изучаетъ подъ руководствомъ лектора русской литературы въ варшавскомъ университетѣ Вербуша, а затѣмъ по грамматикѣ Добровскаго знакомится и съ чешскимъ языкомъ.

„Такимъ образомъ, — заключаетъ Кухарскій, — я познакомился съ тремя замѣчательнѣйшими славянскими нарѣчіями" (dyialektami). Вліяніе трудовъ Маевскаго, одного изъ первыхъ

---

[1]) Краткія біографическія свѣдѣнія о себѣ онъ сообщилъ Ганкѣ въ собственноручной запискѣ, которую приводимъ здѣсь въ оригиналѣ, такъ какъ ею исправляются неточности другихъ біографическихъ показаній о Кухарскомъ: „Andrzej Kucharski, Polak, urodził się 1795 r., na Baranach, w Parafii Pajęczno, w województwie naówczas Siéradzkiém, teraz Kaliskiém. Odbył nauki początkowe w domu, gimnazyalne w Piotrkowie, wyższe w Warszawie. Otrzymawszy stopień Akademicki Magistra Nauk i Sztuk pięknych, został naprzód Nauczycielem a potem Professorem Szkół Wojewódzkich. Ucząc przez 10 lat języka i literatury greckiey, łacińskiey i polskiey, tudzież historyi powszechney i polskiey w Płocku, Kaliszu, Kielcach i Lublinie, został wezwany od Ministerium Oświecenia w Królewstwie Polskiem do odbycia uczoney podróży po Niemczech, Włoszech, Turcyi, Węgrzech i Rossyi, dla poznania różnych dyalektow słowiańskich i zebrania wszystkiego, coby bliższy z nauką. ich mogło mieć związek. Wyiechawszy w tym celu za granicę w końcu 1825 r., zwiedził Sląsk, Czechy, Łużyce górné i dolné, Brandenburgiją i Misniją, bawiąc nadewszystko we Wrocławiu, Pradze, Budyszynie, Zgorzelicach, Kotwicy, Berlinie, w Dreznie, Halli i Lipsku". Записка эта помѣчена 28 мая 1827 г. въ Прагѣ.

[2]) „Rozprawa o języku samskrytskim", читанная 30 апр. 1816 г. въ публичномъ засѣданіи Towarzystwa przyjaciół Nauk и напечатанная въ Rocznikach Tow. P. N. Tom XI, 448—477.

лингвистовъ, обратившихся къ сравненію славянскихъ языковъ съ санскритомъ, на направленіе занятій Кухарскаго не подлежитъ сомнѣнію. Но разсужденіе Маевскаго о санскритѣ не удовлетворяло Кухарскаго; онъ сознавалъ недостатки его и искалъ содѣйствія въ этихъ вопросахъ. Руководителемъ и помощникомъ явился профессоръ Адріанъ Кржижановскій, математикъ, занимавшійся однако въ Парижѣ санскритомъ и недавно оттуда вернувшійся. Кржижановскій снабжаетъ Кухарскаго санскритской грамматикой Вилькинса, даетъ ему свои французскія записки лекцій по санскриту проф. Шези, доставляетъ и другія пособія, подаетъ ему нѣкоторые совѣты и поддерживлетъ его энергію.

„Счастливыя обстоятельства" (какія именно,—Кухарскій не говоритъ въ прошеніи точнѣе) дали ему случай ознакомиться, кромѣ того, съ сербскимъ нарѣчіемъ (Верхней Лужицы) и языкомъ церковно-славянскимъ („językiem Cerkiewnym, uważanym za zasadę mowy słowiańskiey"). Убѣдившись въ чрезвычайной важности изученія славянскихъ нарѣчій для науки польскаго языка и желая всецѣло посвятить себя этого рода научной дѣятельности, Кухарскій обращается въ Комиссію съ просьбою о зачисленіи его кандидатомъ для отправленія въ слѣдующемъ, 1824-мъ году за границу „для усовершенствованія въ литературѣ славянскихъ языковъ" („dla wydoskonalenia się w Literaturze języków Słowiańskich"). Научныя „квалификаціи" Кухарскаго были не богаты. Въ обоснованіе своего ходатайства онъ ссылался лишь на разборъ польской грамматики Іос. Мрозинскаго [1]) и прилагалъ къ прошенію, въ доказательство подготовленности своей къ филологическимъ разысканіямъ, статью: „O języku Sęskryckim i dyialektach Słowiańskich" [2]).

Но и Кухарскому, въ отвѣтъ на свое прошеніе, пришлось узнать, что Комиссія рѣшила пока воздержаться отъ посылки кого-либо за границу [3]). Препятствія были, повидимому, чисто финансоваго характера. Отказа собственно не было, напротивъ, подавалась какъ будто надежда на возможность благопріятнаго рѣшенія въ будущемъ. Но ждать пришлось достаточно долго.

---

1) „Pierwsze zasady Gramm. języka Polskiego", przez Józ. Mrozińskiego, Warszawa, 1820, рецензія въ Gazecie literackiej, 1822, № 26, 28, 29, 32, безъ подписи.

2) Напечатана въ Dzienniku Warsz., Tom I, 1825, 17, 515, въ отдѣлѣ: „Filologiia Sławiańska", но не окончена. Въ дѣлѣ Кухарскаго имѣется расписка (дек. 1823 г.) проф. Адр. Кржижановскаго въ томъ, что ему выдана была „rozprawa Kucharskiego, zawieraiąca „Badania o dyialektach Sławiańskich". Авторъ пожелалъ ее исправить и въ новомъ видѣ представить опять Комиссіи. Вѣроятно, эти „Badania" и работа, напечатанная въ Dzienniku Warsz., одно и то же.

3) Отвѣтъ отъ 6 окт. 1823 г.: „Komissya, pochwalaiąc jego pracowitość i chęci stania sie użytecznym oyczyznie, oswiadcza, iż teraz jeszcze wstrzymala zamiar takowego wyslania" etc.

Только 4-го августа 1825 г. Комиссія извѣщаетъ Кухарскаго, переведеннаго уже въ Люблинъ, о томъ, что онъ командируется за границу съ 1-го сентября того же года, съ содержаніемъ въ четыре тысячи польскихъ золотыхъ (т. е. 600 руб.) въ годъ. Къ указанному сроку кандидату предписывалось приготовиться къ отъѣзду. Въ то же время Комиссія вновь обратилась къ Обществу элементарныхъ книгъ съ просьбой приготовить новую инструкцію для славянскаго путешественника („Kom. wzywa Tow. do xiąg Elementarnych, by rychło podało projekt do udzielenia kandydatowi potrzebnej instrukcyi, a mianowicie, które miejsca ma zwiedzić i gdzie jak długo zabawić“). Предполагалось, что инструкція будетъ вручена путешественнику при отъѣздѣ изъ Варшавы, но на этотъ разъ Общество почему-то не торопилось: инструкція была доставлена въ Комиссію только 20 апр. 1826 г., когда Кухарскій былъ уже въ Прагѣ. Лѣтомъ 1826 г. она наконецъ дошла до его рукъ. Вотъ ея существенныя указанія.

На путешествіе по славянскимъ землямъ Комиссія, отъ имени которой препровождена была Кухарскому инструкція, назначала три года. Осень и зиму 1825 года кандидатъ долженъ былъ провести въ Прагѣ для изученія чешскаго языка. Весну 1826 г. онъ посвятитъ „сорабскимъ“ нарѣчіямъ Верхней и Нижней Лужицы, а также Мисніи (Meissen), Бранденбургіи, Помераніи, Мекленбургу и Ганноверу (полабянамъ). Лѣто предназначалось для словацкаго нарѣчія (въ Венгріи) и „карніольскаго“—въ Штиріи, Каринтіи и Карніоліи; осень—для хорватскаго (въ Хорватіи). Отсюда же путешественникъ легко можетъ перебраться въ Тріестъ, а затѣмъ въ Венецію, „гдѣ сохранились еще столь многочисленные слѣды прежней славянщины“, а можетъ быть—и въ Римъ для обозрѣнія богатѣйшихъ собраній славянскихъ памятниковъ въ его книгохранилищахъ. Зиму 1826 г. и весну 1827 г. кандидату, согласно инструкціи, надлежало провести въ изученіи „иллирійскаго діалекта“ въ Славоніи, Далмаціи, Босніи, Сербіи и Болгаріи; лѣто опредѣлялось для занятій малорусскимъ языкомъ въ Кіевѣ; осень и зима (1827—1828)—для великорусскаго языка въ Москвѣ, а весна и лѣто 1828 г—для занятій въ библіотекахъ Петербурга. Составитель инструкціи [1]) предвидѣлъ, что точное во всѣхъ деталяхъ выполненіе начертанной имъ въ кабинетѣ программы можетъ оказаться не выполни-

---

[1]) Авторъ ея намъ не извѣстенъ. Препроводительная при инструкціи бумага Towarzystwa do xiąg Elementarnych подписана предсѣдателемъ его І. К. Шанявскимъ. Странно только, что инструкція помѣчена 26 октября 1826 г., а приложеніе къ ней 15 апр. того же года. Напечатана она въ изданіи проф. Ѳ. Вержбовскаго: „Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego“, Tom II 1526—1830, Warszawa, 1904, str. 219—221.

мымъ на практикѣ, и потому тутъ же поспѣшилъ сдѣлать оговорку: ,,Само собою разумѣется, что сроки, обозначенные въ инструкціи, не настолько строго обязательны, чтобы въ случаѣ надобности кандидату нельзя было пробыть въ извѣстномъ мѣстѣ больше или меньше, или даже измѣнить направленіе поѣздки; необходимо только, чтобы кандидатъ увѣдомлялъ объ этомъ и о причинахъ, вызвавшихъ такія измѣненія, Комиссію и чтобы въ продолженіе разрѣшеннаго ему срока командировки онъ объѣхалъ все пространство славянщины".

Далѣе инструкція рекомендовала кандидату стараться повсюду знакомиться съ лицами, занимающимися разысканіями въ области славянскихъ языковъ и старины, посѣщать библіотеки и изучать въ нихъ сочиненія, относящіяся къ этимъ предметамъ, слѣдить за новѣйшими трудами и періодическими изданіями, стараться самостоятельными разсужденіями и наблюденіями поправить ошибки изучаемыхъ трудовъ. При выполненіи предначертаній программы путешественникъ не могъ, конечно, обойтись безъ опытныхъ и авторитетныхъ руководителей. Инструкція предусматривала необходимость такого руководства: въ Краковѣ кандидату рекомендовалось обратиться къ проф. Бандтке, въ Прагѣ— къ Добровскому, Юнгману, Ганкѣ, Неѣдлому, въ Вѣнѣ—къ Копитару, въ Дубровникѣ—къ братьямъ Аппендини и т. д. Перечислены были тѣ же лица, что и въ извѣстной намъ инструкціи Линде. Наконецъ, инструкція называла всѣ важнѣйшія библіотеки, музеи и частныя собранія старины, указывала (впрочемъ, весьма безпорядочно) и нѣкоторыя пособія по славянскимъ литературамъ и языкознанію.

Главную задачу путешественника-стипендіата, по мнѣнію Комиссіи, должно составить изученіе славянскихъ нарѣчій, но какъ въ разсмотрѣнной выше первой инструкціи, такъ и теперь отъ него требуется предварительное основательное знакомство съ ,,всеобщей философской грамматикой" и внимательное изученіе трудовъ по разработкѣ родного языка. Это облегчитъ кандидату, съ одной стороны, изученіе грамматики другихъ славянскихъ нарѣчій, съ другой—примѣненіе ея къ родному языку. Заботы о родномъ языкѣ, о надлежащемъ историческомъ и сравнительномъ изученіи развитія его вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ желаніямъ, которыя высказаны были въ отмѣченныхъ выше ,,Мысляхъ" Альбертранди.

Не забытъ былъ инструкціей и языкъ церковно-славянскій, значеніе котораго въ системѣ славяновѣдѣнія было уже опредѣлено трудами Добровскаго. ,,Онъ долженъ особенно привлекать вниманіе кандидата", наставляла инструкція.

Далѣе программа занятій славянскаго путешественника обнимала географію всѣхъ славянскихъ земель, въ ихъ древности и позднѣйшихъ измѣненіяхъ, исторію славянскихъ народовъ и исторію ихъ литературъ.

Но пребываніемъ въ главнѣйшихъ центрахъ славянской культурной жизни, занятіями въ библіотекахъ, общеніемъ съ славянскими учеными и бесѣдами съ ними, пользованіемъ ихъ указаніями и руководствомъ не исчерпывается кругъ возложенныхъ на варшавскаго избранника обязанностей. Чрезвычайно важный предметъ изученій его составляютъ славянскія древности, т. е. самые разнообразные вопросы славянской старины: древняя религія славянъ, система правленія, право, образъ жизни, умственная дѣятельность и физическія черты, игры, преданія, повѣрія и пр. Тутъ уже путешественнику необходимо „снизойти къ народу" („do ludu prostego zniżyć się powinien"), ибо въ немъ больше всего сохранились старые обычаи и древнія преданія; тутъ необходимо тщательно искать слѣды древняго языка, изучать обычаи, жилище, орудія, пѣсни, танцы, кушанья, обряды свадебные и погребальные и т. п. Наконецъ, кандидатъ обязывался представлять Комиссіи за каждую четверть года подробный отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ.

Выработанная спеціально для Кухарскаго инструкція признавалась, очевидно, самимъ составителемъ ея недостаточно подробной. Указанія и совѣты ея отличались, какъ мы видѣли, слишкомъ общимъ характеромъ, ибо авторъ знакомъ былъ съ славянствомъ по книгамъ, а съ дѣятелями славянской науки приходилъ въ соприкосновеніе, вѣроятно, лишь при посредствѣ переписки. Въ виду этого къ инструкціи присоединена была (въ польскомъ переводѣ) извѣстная „Записка о путешествіи по словенскимъ землямъ и архивамъ" П. И. Кеппена, только что напечатанная въ Библіографическихъ Листахъ (1825, № 33—34).

Въ концѣ 1825 г. Кухарскій выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ, воодушевленный самымъ горячимъ желаніемъ осуществить завѣтныя мечты, — потрудиться на едва вспаханной нивѣ польскихъ изученій славянства. Мы не будемъ излагать здѣсь всѣ подробности пятилѣтняго славянскаго путешествія Кухарскаго: надѣемся сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ. Замѣтимъ только, что Кухарскій необыкновено добросовѣстно отнесся къ своимъ разнообразнымъ задачамъ, выполнилъ почти до деталей нѣкоторыя части программы Кеппена и изъ своихъ славянскихъ странствованій вывезъ, несомнѣнно, множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для многочисленныхъ задуманныхъ имъ работъ и пріобрѣлъ въ этихъ поѣздкахъ основательное знакомство съ живымъ славян-

скимъ міромъ. Всѣ его письма и сообщенія о немъ другихъ лицъ свидѣтельствуютъ объ этомъ. Одно изъ писемъ къ варшавскому другу своему онъ заканчиваетъ словами: „Warto, aby ta podróż moja, opieką rządu wsparta, zaszczytnym była uwieńczona końcem, aby z niej dostateczną odniosły korzyść dzieje, ziemiopistwo, literatura i filologia słowiańszczyzny, aby z niej spłynęła sława na naród i rząd, w którym i przez który wzięła swój początek“ [1]). Но увы! этимъ надеждамъ его не суждено было осуществиться, даже въ малой степени. Небогатый дарованіями, Кухарскій не въ силахъ былъ справиться съ безчисленными задачами, которыя самъ себѣ ставилъ; занятія его не были сосредоточены на капитальныхъ вопросахъ славянской филологіи, отличались хаотическимъ безпорядкомъ, велись большими скачками. Къ тому же и обстоятельства сложились впослѣдствіи для него крайне неблагопріятно. Интересы научные отодвинулись невольно на задній планъ.

Кухарскій вернулся въ Варшаву въ концѣ 1830 г., наканунѣ роковыхъ событій 1831 г., разрушившихъ и его мечты о профессорской каѳедрѣ. Зачисленный революціоннымъ правительствомъ въ штатъ профессоровъ варшавскаго университета, съ жалованьемъ въ 4 тыс. польскихъ золотыхъ, онъ однако не могъ вступить на свою каѳедру. Съ возвращеніемъ порядка въ странѣ и съ утвержденіемъ вновь дореволюціонныхъ штатовъ университета, онъ лишенъ былъ этого содержанія и вскорѣ неожиданно очутился снова учителемъ келецкой воеводской школы. Къ ученымъ проектамъ онъ вернулся нескоро. Повидимому, подъ впечатлѣніемъ неожиданныхъ ударовъ судьбы все было заброшено, забыто. Прервались даже связи съ пражскими друзьями. „Ученѣйшій филологъ и пламенный славянинъ“, какъ назвалъ его Погодинъ, замолкъ надолго. И только въ 1838 г. онъ издаетъ „Najdawniejsze pomniki prawodawstwa słowiańskiego“. Изданіе не принесло славы имени Кухарскаго, — въ немъ ему принадлежало, впрочемъ, весьма немногое. О позднѣйшихъ незначительныхъ статьяхъ и отчетахъ Кухарскаго никто уже и не говорилъ. О немъ окончательно забыли.

Варшава, май 1904 г.

---

[1]) Письмо изъ Загреба, отъ 31 декабря 1828 г. Gazeta Polska, 1829, № 39—40.

Арабскій синаксарь о болгарскомъ походѣ императора Никифора I.

А. Васильева.

Во время моихъ занятій въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ въ 1902 году профессоръ Н. Я. Марръ указалъ мнѣ на одинъ отрывокъ въ арабскомъ синаксарѣ, гдѣ упоминается о походѣ византійскаго императора Никифора I (802 — 811 г.) на болгаръ. Я заинтересовался имъ и въ этой замѣткѣ хочу привести его въ русскомъ переводѣ.

Арабская рукопись этого синаксаря, № 417 по каталогу англичанки Gibson, такъ озаглавлена у послѣдней: *Σύλλογος πάσης τῆς Ἐκκλησίας καὶ Μνήμη τῶν Ἁγίων τῶν τὸν δρόμον τετελεκότων ἀπὸ καιροῦ εἰς καιρόν*.

Подъ 23 числомъ мѣсяца Теммуса (іюля) на fol. 40 — 39 мы читаемъ слѣдующее [1]):

„Въ этотъ день поминаются братья наши христіане, которые умерли въ землѣ болгарской во дни Никифора царя, который выступилъ съ войскомъ на девятомъ году своего царствованія на болгаръ, внезапно на нихъ напалъ и былъ надѣленъ въ началѣ дѣла побѣдою надъ ними, и (Никифоръ) одержалъ блестящую побѣду. Но то, что произошло послѣ этого, не только не подлежитъ умолчанію, но достойно плача и рыданія. Случилось, что болгары въ одну изъ ночей, пользуясь небрежностью грековъ, напали на ихъ войска, убили царя и многихъ другихъ предводителей. Тѣ, которые получили смертельные удары, переселились тотчасъ изъ (нашего) міра; а у кого полученные удары были только несмертельными ранами, тѣ скрылись въ лѣсистыхъ и поросшихъ мѣстахъ; тѣ, которые попали въ плѣнъ живыми, подверглись многочисленнымъ мученіямъ за то, что не предпочли отречься отъ Господа нашего Іисуса Христа; однимъ изъ нихъ мечемъ были отрублены головы; другіе были лишены настоящей

---

[1]) За нѣкоторыя цѣнныя указанія при чтеніи мною этого арабскаго текста я глубоко благодаренъ академику барону В. Р. Розену.

жизни удушеніемъ; третьи были ранены многочисленными стрѣлами и переселились изъ здѣшней жизни. Что же касается до другихъ, то они были присуждены къ заключенію въ темницы и къ голоду и жаждѣ. Такимъ образомъ они освободились отъ міра и увѣнчались вѣнцомъ мученичества".

Совершенно не арабская грамматическая конструкція этого отрывка сразу заставляла думать о переводѣ его съ греческаго языка. Такъ и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ походѣ императора Никифора на болгаръ, окончившемся погромомъ византійскаго войска. Византійскіе историки говорятъ о немъ и упоминаютъ о гибели и плѣнѣ многихъ грековъ [1]).

Греческій же текстъ выше приведеннаго арабскаго перевода мы находимъ въ греческихъ минеяхъ; иногда этотъ текстъ болѣе кратокъ, иногда болѣе пространенъ, чѣмъ арабская версія. Наиболѣе близкій текстъ мы, повидимому, находимъ въ Acta Sanctorum подъ 23 іюля, гдѣ приведены и разобраны свѣдѣнія Баронія и нѣкоторыхъ византійскихъ источниковъ [2]). Изъ недавно изданныхъ греческихъ текстовъ, очень сходныхъ, но болѣе распространенныхъ, чѣмъ нашъ арабскій отрывокъ, я укажу на версію у грека Дукакиса [3]) и на Codex Sirmondianus [4]).

Въ русскомъ мѣсяцесловѣ мы находимъ „Память въ болгарѣхъ скончавшихся братій нашихъ" подъ 25 іюля [5]).

Такимъ образомъ нашъ арабскій отрывокъ особой исторической цѣнности не имѣетъ, а является лишь однимъ изъ примѣровъ перевода греческихъ миней на арабскій языкъ съ сохраненіемъ въ переводѣ грамматическаго строя греческаго языка.

---

[1]) См. *Theoph.* Chronographia, ed. *de Boor*, I p. 490—491. *Cedr*, II p. 41—42 *Zonar.* Lib. XV, C. XV (*Dind.* III, p. 373—374). Ср. *Historiae Miscellae* у *Muratori.* Rerum italicarum scriptores, t. I, pars I, p. 175 (*Migne*, Patr. Lat., t. 95, p. 1135—1136).

[2]) *Acta Sanctorum.* Julii tomus V, p. 484—486.

[3]) Δουκάκης. Μέγας Συναξαριστής. Ἐν Ἀθήναις, 1893, t. 7, p. 339—340.

[4]) *Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris.* Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanæ e *Codice Sirmondiano.* Bruxelles, 1902, p. 846—848.

[5]) *Арх. Сергій.* Полный мѣсяцесловъ Востока. 2 изд. Владиміръ. 1901. II, стр. 224.

Къ вопросу о старинѣ и новизнѣ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Ѳ. М. Истомина.

Позднѣйшіе собиратели русскихъ народныхъ пѣсенъ, мѣстные наблюдатели деревенскаго быта и сами народные пѣвцы неоднократно заявляли объ упадкѣ современной русской пѣсни въ смыслѣ замѣны въ деревенскомъ обиходѣ пѣсенъ стараго склада новѣйшими стишками и романсами, заимствованными изъ новѣйшихъ сочиненныхъ сборниковъ. Единственнымъ, сколько мнѣ извѣстно, противникомъ такого мнѣнія въ литературѣ выступилъ В. Н. Перетцъ. Съ особенной подробностью онъ высказалъ свои сужденія по этому вопросу въ статьѣ, посвященой разбору изданнаго въ 1894 году И. Р. Географическимъ Обществомъ перваго сборника „Пѣсенъ русскаго народа", собранныхъ Г. О. Дютшемъ и Ѳ. М. Истоминымъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. Ноябрь 1894 г.).

Не безъинтересно возстановить въ памяти содержаніе этой статьи и прослѣдить пріемы автора для сужденій его о старинѣ и новизнѣ въ русской пѣсни. При этомъ по необходимости придется коснуться и разбираемаго имъ сборника.

Сборникъ явился плодомъ пѣсенной экспедиціи, причемъ музыкальная задача была поставлена на первый планъ: этнографу напримѣръ слова пѣсни не представляли интереса, но музыканту былъ важенъ ея характерный напѣвъ,—вотъ почему иногда извѣстныя уже и не интересныя пѣсни записывались и включались въ сборникъ.

Сборникъ озаглавленъ: „Пѣсни русскаго народа", а не „Старинныя пѣсни русскаго народа", какъ называетъ его г. Перетцъ. Названіе дано сборнику мною, и я могъ бы его озаглавить даже: „Древнія пѣсни русскаго народа", подобно „Древнимъ россійскимъ стихотвореніямъ" Кирши Данилова, но я такъ его не назвалъ и едва-ли кто вправѣ прибавлять къ названію произвольныя слова.

Въ предисловіи къ сборнику говорится:.. „возникла мысль о необходимости сохранить для искусства и науки уцѣлѣвшіе еще среди русскаго народа остатки быстро исчезающихъ

памятниковъ русской народной поэзіи"... Приведя эти строки, г. Перетцъ говоритъ: „Ближайшей цѣлью . . . . и было собираніе пѣсенъ старинныхъ (этого слова нѣтъ), уцѣлѣвшихъ и уже исчезающихъ..." Опять произвольно вставленное слово. Почему же непремѣнно старинныхъ? Вѣдь уцѣлѣли и къ сожалѣнію исчезаютъ пѣсни не только завѣдомо старинныя, но и такія, которыхъ старина еще никѣмъ не установлена; уцѣлѣли и исчезаютъ даже и такія пѣсни, какъ, „Еще ѣздитъ, гуляе казакъ молодой", которую г. Перетцъ никоимъ образомъ не признаетъ за старинную, хотя и говоритъ, что она взята изъ народа и снова вернулась къ народу и что ее слѣдуетъ считать народной „въ смыслѣ руководящихъ чертъ, отличающихъ народную пѣсню отъ литературнаго произведенія" [1]), стало быть признаетъ за памятникъ народной поэзіи, а приведенныя имъ строки предисловія къ сборнику только и говорятъ объ уцѣлѣвшихъ и быстро исчезающихъ памятникахъ народной поэзіи.

Какой собиратель въ наше время можетъ поручиться, что въ его сборникъ войдутъ пѣсни исключительно и завѣдомо старинныя? Онъ можетъ этого желать, по мѣрѣ возможности къ этому стремиться и радоваться, если найдется хотя бы извѣстная доля таковыхъ. Г. Перетцъ могъ бы поставить экспедицію въ большое затрудненіе такой исключительной постановкой задачи, которую самъ же онъ признаетъ невыполнимой. Очевидно слово старинный у него привнесено совершенно произвольно. Между тѣмъ авторъ построилъ всю критику на этомъ словѣ и между прочимъ заявляетъ (стр. 208 — 209): „Отсюда слѣдуетъ, что терминъ „старинныя" можно прилагать къ пѣснямъ лишь съ большою осторожностью, и что не всегда субъективное чувство собирателя можетъ угадать въ пѣснѣ, новая она или представляетъ остатокъ быстро исчезающей старины (?!). Примѣръ недоразумѣній проистекающихъ изъ неяснаго представленія, что такое старина и что новое, мы находимъ въ сборникѣ г. Истомина..." и далѣе: „Какого-либо болѣе или менѣе прочнаго критерія для сужденія о старинѣ у г. Истомина не было кромѣ личнаго чувства, а оно-то и обмануло его и не одинъ разъ". Ни разу не обмануло, скажу я, ибо и повода къ тому не было. Большую часть сборника составляетъ завѣдомая старина, это: духовные стихи, былины, свадебныя причитанія и пѣсни и частью хороводныя пѣсни. „Прочный критерій о старинѣ" могъ относиться лишь къ одному отдѣлу сборника—пѣснямъ протяжнымъ (лирическимъ). Въ

---

[1]) Современная русская нар. пѣсня. 1893. стр. 34.

этой области, дѣйствительно, еще никѣмъ неустановлено прочныхъ данныхъ для сужденія о несомнѣнной древности пѣсенъ. Мнѣ, много лѣтъ занимающемуся пѣсней, это обстоятельство было извѣстно, вѣроятно, гораздо ранѣе, чѣмъ г. Перетцу. Тѣмъ менѣе могъ я взять на себя отвѣтственность за несомнѣнную древность всѣхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ этотъ отдѣлъ сборника. Выше указано, что такая отвѣтственность совершенно произвольно навязана мнѣ авторомъ статьи. Такой, по меньшей мѣрѣ, неудачный критическій пріемъ, конечно, не могъ внести поправки въ разбираемый сборникъ и не далъ ничего новаго для интересующихся пѣсеннымъ вопросомъ.

Изъ предисловія къ сборнику (если не ограничиться первыми пятью строками) безпристрастный читатель могъ бы уяснить себѣ, что пѣсни вошедшія въ него противуполагаются, главнымъ образомъ, новѣйшимъ „частушкамъ", „повертушкамъ" и „крутовороткамъ", которыя, въ противуположность уцѣлѣвшимъ и быстро исчезающимъ памятникамъ народной поэзіи, являются быстро наростающими и заполонившими почти весь пѣсенный обиходъ крестьянской молодежи произведеніями новѣйшаго творчества народнаго, основаннаго на образцахъ, заносимыхъ въ деревню при посредствѣ отхожаго промысла и иными путями изъ городовъ и фабрикъ. Не нужно обладать особенно „прочнымъ критеріемъ для сужденія о старинѣ", чтобы отличить отъ настоящей пѣсни этотъ особый родъ произведеній, быть можетъ и имѣющій какой-либо интересъ въ смыслѣ чисто литературномъ, но никакъ уже не въ смыслѣ пѣсеннаго творчества съ его богатымъ содержаніемъ, разнообразнымъ складомъ и вольнымъ напѣвомъ. Названія этихъ новѣйшихъ произведеній (частушки и пр.) указываютъ уже на то, что самъ народъ не удостаиваетъ ихъ имени пѣсни.

Этихъ произведеній нѣтъ въ упомянутомъ сборникѣ и въ послѣдующихъ изданіяхъ экспедицій, задавшихся цѣлью собирать пѣсни съ ихъ напѣвами, а не стихотворные речитативы, распѣваемые подъ одинъ почти скудный напѣвъ, который можетъ дать незатѣйливая гармоника, неразлучная спутница этихъ частушекъ и повертушекъ. Едва-ли было бы цѣлесообразнымъ для экспедиціи тратить время и деньги на собираніе этихъ произведеній. Если онѣ нужны кому либо для „историко-литературнаго анализа", то стоитъ только написать въ любую мѣстность и отовсюду посыплются тысячи варіантовъ къ тѣмъ образцамъ, которые „изслѣдователь" легко можетъ получить въ столицѣ при встрѣчѣ съ любымъ подгулявшимъ съ гармоникой въ рукахъ мастеровымъ.

Переходя къ дальнѣйшему изложенію статьи г. Перетца, я къ сожалѣнію не выношу благопріятнаго впечатлѣнія по вопросу о старинѣ и новизнѣ: все, что въ сужденіяхъ автора заслуживаетъ вниманія, уже не ново и высказано гораздо ранѣе, а все то, что ново и принадлежитъ автору, неустойчиво, туманно и неясно. Не видишь и не понимаешь, чего собственно хочетъ авторъ, собиранія ли всякихъ пѣсенъ безъ разбору, ожиданія ли, пока онъ произведетъ историко-литературный анализъ всѣхъ пѣсенъ (относительно трехъ пѣсенъ это уже сдѣлано авторомъ), или чего либо третьяго? Не знаешь, на чемъ остановиться: признать ли современный упадокъ пѣсни, или же считать нынѣшнюю пѣсню за плодъ послѣдовательнаго развитія и совершенствованія ея? Нужно ли собирать только пѣсни, не высказывая о нихъ сужденія, предоставивъ таковое изслѣдователю „вооруженному знаніемъ", или же изучать пѣсни, не собирая ихъ? Нигдѣ авторъ не высказывается точно и опредѣленно, чего онъ хочетъ и противъ чего и противъ кого онъ борется. Приписывая (неизвѣстно кому) цѣль знакомства съ пѣсней—лишь „полученіе минутнаго удовольствія", авторъ останавливается на такомъ отношеніи къ пѣснѣ, „такъ какъ оно высказывается такими лицами, которыя для массы играютъ роль авторитетовъ и, пользуясь такимъ положеніемъ, поселяютъ въ головахъ читателей мнѣнія далеко несогласныя съ истиной" (стр. 204). Кто это такъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ и какъ онъ достигъ роли авторитета и почему его мнѣнія не согласны съ истиной? доказалъ ли авторъ истинность противуположныхъ? Все это открытые вопросы. На стр. 203 авторъ говоритъ: „Вообще у насъ, слѣдуетъ замѣтить, общія положенія идутъ часто впереди изученія фактовъ исторіи и позднѣйшимъ работникамъ приходится зачастую разрушать легкомысленно построенныя гипотезы, которыя разсыпаются, едва къ нимъ прикоснется строгая научная критика, вооруженная запасомъ прочныхъ и документальныхъ данныхъ". Какія прочныя и документальныя данныя имѣетъ въ виду авторъ? Если только ссылки на старые рукописные сборники, то они далеко не всегда убѣдительны, ибо сборники эти подлежатъ еще критикѣ, такъ какъ въ нихъ нерѣдко попадаются пѣсни „подправленныя" со стороны языка, и очень часто въ старыхъ рукописныхъ и печатныхъ сборникахъ подъ рубрикой „пѣсни простонародныя" оказываются „пасторали" и различнаго рода стихотворенія, которыя надо умѣть отличить отъ народной пѣсни. Можетъ быть, однако, авторъ имѣетъ здѣсь въ виду „строгую научную критику", примѣненную имъ въ брошюрѣ: „Современная народная пѣсня", гдѣ онъ подвергаетъ историко-сравни-

тельному анализу три пѣсни. Къ сожалѣнію мы имѣемъ отзывы знатоковъ объ этомъ трудѣ, какъ слабомъ и неустойчивомъ [1]), и едва ли къ нему можно примѣнить слова о „строгой научной критикѣ, вооруженной запасомъ прочныхъ и документальныхъ данныхъ, отъ прикосновенія къ которымъ разсыпаются легкомысленныя гипотезы".

Указавъ на то, что дѣло сужденія о пѣсняхъ осложняется еще тѣмъ, „что почти всякій слыхавшій или знающій двѣ-три пѣсни почему-то считаетъ себя свѣдущимъ во всемъ, что касается народной поэзіи, и смѣло берется судить о ней съ ученымъ видомъ знатока" (?), авторъ между прочимъ утверждаетъ: (стр. 205) „Обыкновенно пѣсню считаютъ новой и причисляютъ къ продуктамъ лакейско-фабричнаго производства, если въ ней встрѣчаются либо грубыя слова и выраженія, либо циничныя грязныя картины, либо наконецъ, если въ ней есть рѣзкій, выдающій себя размѣръ и риѳма". Опредѣленіе, по моему мнѣнію, слишкомъ широкое: „грубыхъ словъ и выраженій" и „далеко не смиренныхъ отношеній къ мужу" можно видѣть сколько угодно въ пѣсняхъ даже завѣдомо старыхъ, а потому и примѣръ приведенный авторомъ со ссылкою на сборникъ XVIII стол. совершенно бездоказателенъ:

„Пришла млада младёшенька къ чужимъ воротамъ,
Добро было подворьице—старуха лиха и т. д.

Едва-ли кто пѣсню съ такимъ складомъ приметъ за новѣйшую частушку или повертушку, которымъ только и противуполагаются пѣсни.

Интересенъ приведенный авторомъ примѣръ риѳмованной пѣсни: (стр. 207).

„Вы лазуревы цвѣты разцвѣтайте во саду:
Ужь (и) я ли молода со надежою иду;
Тишкомъ лужкомъ
Со милымъ своимъ дружкомъ [2]).

Пойте пташки во саду:
Разгуляться къ вамъ иду.
Пойте громче, пойте вслухъ—
Возрадуется мой другъ.

---

[1]) См. разборъ этой брошюры г. Лященко. (Жив. Стар. 1894 г. вып. II. стр. 259—275).

[2]) Эти два стиха я бы написалъ въ одну строку. *Ѳ. И.*

Ты воспой громче, скворецъ,
Чтобъ былъ веселъ молодецъ;
Распѣвайте два скворца,
Утѣшайте молодца... и т. д.

Авторъ говоритъ: „Помимо риѳмъ и хореическаго размѣра пѣсня эта отличается удивительнымъ безвкусіемъ и пошлостью и, съ точки зрѣнія литературной, собиратель-эстетикъ не преминулъ бы включить ее въ разрядъ пѣсенъ новыхъ и даже самоновѣйшихъ. А между тѣмъ пѣсня эта, какъ показываетъ названный выше сборникъ XVIII вѣка, документально извѣстна была полтораста лѣтъ тому назадъ". И такъ авторъ документальными данными доказалъ древность или старину этой пѣсни. Однако я позволилъ бы себѣ высказать здѣсь нѣкоторое сомнѣніе: пѣсня ли это народная? не есть ли это слабое подражаніе „простонародной пѣснѣ", какихъ не мало разсыпано въ „простонародныхъ сборникахъ" XVIII вѣка, на что я уже указывалъ выше. И складъ этого стихотворенія и „скворцы" и языкъ, повидимому, подтверждаютъ токое мое предположеніе: „*воз*радуется" едва-ли мы встрѣтимъ въ народной рѣчи, а „Возрадуется мой другъ" даже напоминаетъ что-то духовное.

Во всякомъ случаѣ это „документальное доказательство" меня не только не убѣждаетъ, но еще и порождаетъ большое сомнѣніе, лишній разъ подтверждающее необходимость крайне осторожнаго отношенія къ „старымъ сборникамъ". Я въ этомъ случаѣ болѣе склоненъ вѣрить „личному чувству", основанному на изученіи образцовъ завѣдомо старой народной пѣсни, нежели ссылкѣ *только* на „документальныя" данныя, нерѣдко обманчивыя.

Приведемъ свои примѣры новѣйшихъ „частушекъ".

Обращики изъ лучшихъ:

Маменька, не можется,
Што-то не здоровится.
Приведите мни попа,
Исповѣдайте миня,
Приведите вы тово,
Итальянка (гармоника) у ково.

—

Полюбила Колю лѣтомъ,
Коля бѣгаетъ съ конфетамъ,
Люблю Васиньку весной,
Какъ онъ ухаживатъ за мной.

—

Не ругай миня, мамаша,
Ты не сказывай отцу,
Што на бесёды долго жила,
Привела дружка къ крыльцу [1]).

—

Крайняя бѣдность содержанія, скудость и однообразіе размѣра и полное отсутствіе музыкальности, сводящееся къ речитативу,— отличительныя черты этихъ и милліона подобныхъ имъ произведеній.

Образщики изъ худшихъ:

Ахъ спасибо всѣмъ отцамъ:
Дали волю молодцамъ.
Ахъ спасибо матерямъ:
Дали волю дочерямъ:
Гуляй, дочи, до полночи,
Я сама така была... и т. д. [2]).

—

Шла Катюша по воду,
Да на камень сѣла.
Пей . . . . . моя водицу,
Ты солено ѣла.

—

Пей . . . молоко,
Ѣшь . . . . . сметану.
Ты . . . . . хоть и чиста,
Ну, . . . тебя не стану [3]).

—

Дальше этого кажется трудно итти, а между тѣмъ частушки послѣднихъ двухъ образцовъ являются по характеру своему наиболѣе распространенными. Вотъ эти-то пѣсни удовлетворяютъ условіямъ для признанія ихъ за новѣйшія.

Разумѣется и встарину бывали пѣсни столь же низменныя по содержанію и столь же откровенныя по формѣ, но въ обиходѣ имъ удѣлялось особое мѣсто и придавалось совсѣмъ другое значеніе. Въ глуши Вологодской губерніи [4]) намъ довелось слышать отъ по-

---

[1]) Всѣ три изъ доставл. въ Геогр. Общ. рукописнаго сборника: „Нынѣшнія пѣсни Олонецкой губ.“ 1894 г.
[2]) Отъ мастерового за Нарвской заставой.
[3]) Запис. мною въ Мендяевск. вол. Углицк. у., Яросл. губ.
[4]) Дер. Мамаиха, Бабозерск. вол., Тотемск. у.

жилой женщины, спеціалистки по свадебнымъ причетамъ, пѣсню, названную ею „су́прядкой“, которая начиналась стихомъ:

Охъ какъ у *зуя*, было *зуя*, поголощенка и т. д.

собралась пирушка, героями которой выступили зазорные члены человѣческаго тѣла... Сплошь непозволительное, хотя и остроумное и полное юмора содержаніе этой длинной и сложной су́прядки заставило насъ постѣсниться записать ее. Могу только сказать, что по складу и по напѣву это все-таки пѣсня, въ противуположность коротенькой, легко усвояемой всѣми частушкѣ. Обособленность этой пѣсни и необычность ея въ обиходѣ сказалась уже въ тѣхъ пріемахъ, съ которыми исполняла ее пѣвица; она потребовала, чтобы въ избѣ не было „лишняго народу“, при этомъ непремѣнно должна была сѣсть на полъ „противъ печного устья“. Изъ того же разряда пѣсенъ и такимъ же способомъ она готова была исполнить еще какого-то „чулка“, но (къ сожалѣнію) мы уже постѣснились ее прослушать.

Столь же откровенныя выраженія встрѣчаются даже въ пѣсняхъ свадебныхъ. Такъ, напр., въ с. Великорѣцкомъ, Навалихинской вол., Орл. у., Вятской губ. нами записаны пѣсни, которыми „честятъ“ тысяцкаго, дружку и сваху подгулявшія на свадебномъ пиру бабы:

Тысечкой полоротенькой:
Пролетѣла . . . . . мимо роту.
Мы же тебѣ, мы не пѣсню поемъ,
А мы только тебѣ честь воздаемъ,
Честь воздаемъ, низко кланяемся.

—

Друженька бѣжитъ по дорожкѣ.
Зуй волокетъ на ремешкѣ.
Друженька, огленисе,
Онъ же у тя задавился.
Мы же тебѣ, мы не пѣсню...

—

Свахонька, поневѣстенка,
Въ свахи наряжалась, исподки просила.
Свахина ж . . . она лавку грызетъ,
Лавку грызетъ, ошше шшепки летятъ.
Сваха с . . . . на бересто,
Брызги летятъ на три вёрсты.
Мы же тебѣ, мы не пѣсню...

—

Я могъ бы привести и еще нѣкоторые образцы подобныхъ пѣсенъ, но и такъ уже долженъ извиниться за вынужденное уклоненіе мое въ такую область.

И приведеннаго кажется достаточно для того, чтобы судить о разницѣ между старыми пѣснями этого рода и новѣйшими частушками. Тамъ мы имѣемъ дѣло съ пѣснями сложными и по формѣ и по содержанію, знаніе и исполненіе которыхъ далеко не всякому доступно; онѣ поются при извѣстной обстановкѣ и извѣстными знатоками, или спеціалистами; онѣ считаются при этомъ пѣснями „прикровенными"; или же онѣ пріурочены къ обряду, которымъ объясняются и до извѣстной степени извиняются, представляя собою, быть можетъ, остатки прежнихъ переживаній (культъ). По большей части онѣ представляютъ подчасъ остроумное олицетвореніе извѣстныхъ вещей, или же носятъ отпечатокъ патріархальности, когда не стыдились называть вещи своими именами. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ новѣйшія частушки; тутъ уже голый развратъ, въ простѣйшей формѣ, легко усвояемой и запоминаемой каждымъ, всѣми и всюду распѣваемой безъ какой бы то ни было „прикровенности" и безъ всякаго зазору.

Въ этомъ, между прочимъ, заключаются характерныя черты отличающія новизну отъ старины въ народной пѣснѣ; онѣ-то главнымъ образомъ и вызываютъ по моему мнѣнію сѣтованія на упадокъ пѣсенъ со стороны собирателей, мѣстныхъ наблюдателей и самихъ пѣвцовъ.

Западно-русскіе переводы хроникъ Бѣльскаго и Стрыковскаго.

(Библіографическая замѣтка)

С. Пташицкаго.

Хроника Свѣта Мартина Бѣльскаго имѣла въ XVI ст. три изданія 1550, 1554 и 1564 гг. и потомъ не была болѣе перепечатываема. Библіографическое описаніе изданій дано у Эстрейхера (Bibliografia polska, Т. 13, стр. 84—87). Русское рукописное преданіе удостовѣряетъ, что съ этой хроники по повелѣнію короля Сигизмунда-Августа († 1572 г.) былъ сдѣланъ бѣлорусскій переводъ, а съ него въ Москвѣ—на великорусское нарѣчіе. Дата великорусскаго перевода обозначается рукописями 1584 годомъ, но есть упоминаніе о болѣе раннемъ переводѣ при митрополитѣ Аѳанасіи (1565—1568) (Соболевскій, А. И. Переводная литература. СПБ. 1903. стр. 54).

Академикъ А. И. Соболевскій указалъ на существованіе двухъ списковъ западно-русскаго перевода хроники Бѣльскаго, одинъ Публ. Библіотеки XVII в. (F. IV. 688) и другой Музея кн. Чарторыскихъ въ Краковѣ (№ 1273).

На этихъ рукописяхъ, подробно неизслѣдованныхъ, мы въ настоящее время и остановимся.

А. Рукопись Музея кн. Чарторыскихъ.

I. Составъ рукописи.

Рукописный сборникъ XVI вѣка, на бумагѣ, размѣръ 15,2 сант.×9,5; содержаніе его слѣдующее:

Стр. 1. Приписки разными почерками:

Петру Косс. Петра Коссъ. A° ab orbe 7243. A° Xti 1735.

Затѣмъ слѣдуетъ:

Книгы Ездры. Вторые книгы Ездры пророка. сына Захаріева. сына Азаріева....

Отрывокъ изъ книгъ Ездры продолжается до стр. 20.—

Стр. 19. Глава 11—И видѣх сон и се въсхождааше (Острожская библія—всхожаше) ѡт морѧ ѡрель (Остр. орелъ).....

Стр. 20.... и оуповает судіи млрдію его иже сотвори его.

На этомъ заканчивается отрывокъ, но до конца страницы оставлено свободное мѣсто вершка на 2; это 11-ая глава кн. IV. Текстъ очень близокъ къ Острожской библіи.

21. Яко Герберстин ѣздил у поселствѣ до Москвы.

Максимиліань нѣмецкыи цѣсарь. будучи ласкавь на Жикмунта кролѧ полского. старался ото пилно черeз послы Жикмонта Герберстина Фердынандоваго. а Ленарта послы свои, штобы го поеднал з Василем князем московскым лѣта Бож. 1516.

Описаніе это взято изъ хроники Свѣта Бѣльскаго изъ гл. 8 книги девятой:

— Rozdzyelenie osme, co za przyczyna była tego Herberstyna poselstwa do Moskwy.

Maksymilian cesarz, będąc łaskaw na Zygmunta krola Polskiego starał się o to pilno przez posły, Zygmunta Herberstyna Ferdynandowego o Lenarta de Nogaralis swego....

Выписка эта изъ 8-й главы продолжается до стр. 23:

(22)... там ся зѣхали с послы (23) литовскыми. с которыми ѣхали аж до Смоленска. Москва то обычаи маеть. коли против посло ум великым и малым выѣждаючи....

Отрывокъ до словъ—Москва то обычаи маеть—взятъ изъ гл. 8-й, далѣе же изъ гл. 7-й (об. 434):

— Moskwa to w obyczaju ma.... до словъ—siedliśmy przeciw jego stołu u swego.

— сѣли есмо против его столу своим—

На этомъ отрывокъ прерывается, слѣдующій листокъ (стр. 26—27) былъ пустой и заполненъ записками XVII—XVIII вв.

стр. 29—220. Выдержки изъ хроники свѣта тѣмъ же, но только болѣе крупнымъ почеркомъ, что и посольство Герберштейна.

221—258. Ѳедору Скумину [1]) на Олыце и Несвижу воеводѣ Троцкому Ипатии Потѣй Еппъ Влодимерскій. Року 1598.

Великого оуважѣня и пилного присмотрѣваня. рѣч ест годная иж спаситель нашь не толко̄ единость и згоду порядком у црквн своей святои постановленіемь утвръдити рачиль.....

на стр. 258—обрывается на словахъ:

там тут не для того так широко о папе выписал абым его боронити мал, ач бым тым не съгрѣшал, (далѣе нѣтъ).

стр. 259 — непосредственно послѣ приведенныхъ словъ слѣдуетъ:

лѣта рож. Хва 1555 хлопство воевало гды ся наука лютрова на вшиткы стороны розмагалася.

---

[1]) Ѳедоръ Скуминъ (Тышкевичъ) съ 1590—1618 былъ воеводой Новогродскимъ; воеводой Трокскимъ съ 1590—1604 былъ Николай Христофоръ Радзивилъ—князь на Олыкѣ и Несвижѣ.

Это выдержка изъ Бѣльскаго:—

(об. 202) Chłopstwo powstało. Lata 1525. Gdy sie nauka Lutrowa na wszytki strony rozmagała.

Далѣе до стр. 264 выдержки изъ разныхъ мѣстъ хроники Бѣльскаго.

стр. 265—Эздры глава 12. И быс егда глааше лев словеса сіи; стр. 266, строка 8-я—и отиде отъ мене (этимъ заканчивается текстъ Эздры. Почеркъ тотъ же, что и стр. 1—20).

Далѣе со строки 9-й разныя отдѣльныя статьи.

Слово о стѣй троицы стого Григорія еппа Нисійскаго...

стр. 268.... и стый Кириль глеть въ посланіи егож посла к Іоанну антіохійскому....

Послѣднія слова:

Григорій бгословь глеть въ словѣ на бгоявленіе. Ему же начало. пакы мои (. . .) оць есть есть оць безначалень нѣс убо никто.—

Этимъ заканчивается рукопись, почеркъ тотъ же, что и всей рукописи, начиная со стр. 21.—

Слѣдуютъ позднѣйшія случайныя приписки.

II. Хроника Свѣта.

Выдержки изъ хроники свѣта начинаются со стр. 29-й (общей нумераціи страницъ) и продолжаются до 220-й (=1—192).

1. Починается монархія четвертая остатняя панства римскаго. = Poczyna sie Monarchia czwarta a ostateczna państwa Rzymskiego (I изд. л. 37; II—об. 119; III—131).

Текстъ вполнѣ соотвѣтствуетъ польскому оригиналу.

стр. 4. О сивилахъ. Такое заглавіе имѣется въ I изд.; во II—Rozdzyał czterdziesty y pirwszy, ksiąg pirwszych, o Sybillach (л. 120). III—Rozdzyał czterdzyesty y trzeci (л. 132) ksiąg pirwszych, o Sybillach.

Отдѣлъ о Сивиллахъ заканчивается слѣдующимъ образомъ:

Потом гь бъ огнем свѣт и люди отновит тако аж земля будет яко крышталь прозрочиста. а люде пріимут ухваленныи тѣла. в которых жити будут на назначеном мѣстѣ в млсти ба вседръжителя. То ты рѣчи давныи учител хрстіанскый Ланктанкій. писал въ своей послѣдней главѣ выбираючи от сивил и пророковъ жидовскых. ту пишет у кройницѣ о благовѣщѣню роздѣл 44 потом о Іоаннѣ крестители роз 45 на конец главы такь пишеть. Слышачи ученици его. пришли до Махерунты. тѣло Іоанново взяли без головы.

У Бѣльскаго (I изд. 45; II—об. 124; III об. 136.)

Potym pan Bog przez ogień świat y ludzi odnowi tak iż ziemia będzie jako kryształ przezroczysta, a ludzie wezmą uwielbione ciała, w ktorych mieszkać będą na naznaczonym miejscu, w łasce Boga wszechmogącego.

Ty rzeczy Lactancius dawny doktor uczony krześciański pisał w swojej ostatniej kapitule wybierając od Sybil i od żydowskich prorokow, (aczkolwiek to są tajemnice Boskie, wszakże sie ich wiele s pisma swiętego najduje z objawienia pańskiego).

Словъ, поставленныхъ въ скобки нѣтъ въ II—III изданіяхъ.

Затѣмъ въ I изданіи непосредственно слѣдуетъ:
Wiek szosty; во 2-мъ и 3-мъ послѣ: „od żydowskich proroków"—слѣдуетъ:

Rozdzyał czterdziesty i wtóry (III изд. czwarty), o narodzie panny Mariej (об. 124, об. 136).

л. 125 (137). Rozdzyał czterdziesty i trzeci (III—изд. i piąty) ksiąg pirwszych o Janie Krzcicielu...

Глава эта у Бѣльскаго оканчивается такъ:

— Słysząc to zwolennicy jego przyszli do Macherunty ciało jego wzięli bez głowy.

Въ русскомъ переводѣ ссылка на главы 44 и 45-ую, а такая нумерація главъ у Бѣльскаго только въ 3-мъ изданіи.

Непосредственно послѣ упоминанія о Іоаннѣ Крестителѣ въ русскомъ текстѣ слѣдуетъ:

Вѣкъ шестый от рождества Хва аж до дня судного и скончѣня свѣта было лѣтъ сътвореню свѣта до рождества Хва ведлуг жидовъ три тисячѣ девятсот 52 ведлуг Евсевіа пять тисящ сто девятдесять девятого. ведлуг остромомов пят тисящ триста 28. ведлуг Алфонса шесть тисяч девятсот. осмдесят 4-го *а* ведлугъ Каріона лѣтъ три тисячѣ девятсот 44.

Книгы вторыи раздѣлѣня книгъ 15.

Это изложеніе соотвѣтствуетъ 3-му изданію хроники:

Księgi wtore kroniki zwiata.

Wiek szosty a ostateczny: od narodzenia pana krystusa aż do dnia sądnego, albo skończenia swiata, było lat stworzenia swiata do narodzenia pana Kristusa według żydow 3952, według Euzebiusza 5199, według astronomow 5328, według Alfonsa 6984 [(*a*) według Kariona 3944.

Rozdział pirwszy ksiąg wtorych].

Поставленнаго въ большія скобки нѣтъ въ 1-мъ изданіи.—„а"— есть только въ 3-мъ изд. и въ русскомъ переводѣ.—

Въ послѣдующемъ изложеніи русскій текстъ слѣдуетъ 3-му изданію съ небольшими пропусками. Такъ съ л. 159 (далѣе будемъ указывать на 3-ье изд.) польскаго въ русскомъ пропущены статьи о Галлахъ и Вандалахъ; съ об. 160—о бл. Августинѣ, чего тоже нѣтъ и въ 1-мъ изд.

стр. 74. Сиксть папѣж того имени третій был на столцю по Келестинѣ 8 лѣт... много добраго тот папѣж црквам в Римѣ учинил. Того часу Оросіи исторіи писал. Левъ Тускус папѣж был лѣть по Сикстѣ 21 лѣто.

Бѣльскій (I-изд. об. 64; II—об. 145; III—160). Sixtus papież tego imienia trzeci, był na stolcu po Celestinusie osm lat.... Wiele dobrego ten papież kosciołom w Rzymie uczynił (во II — III изд. слѣдуетъ: (II — об. 145; III—об. 160)—O wielebnym Augustynie—въ I-мъ изд. нѣтъ).

(II—об. 146; III—161)—Leo Tuscus papież, ten był lat po Sixtusie XXI...

Пропущены (согласно 3-му изд.) л. 171 и об. событія изъ гражданской исторіи и, послѣ упоминанія о смерти Льва IV-го, въ русскомъ текстѣ идетъ разсказъ о Іоаннѣ VIII.

стр. 117. Лѣта рож. Хва ѡнѕ (856) Іоан папѣж. невѣстою будучи

справовала 2 лѣтъ и 5 мсціи столець папѣзкіи... от того часу при выбираню папѣжа мацят архидіакон през столець дѣравыи (118) если мает папѣж домовое господарство.

Это буквальный переводъ:

об. 171. Jan osmy papież niewiastą będąc, sprawowała dwie lecie i pięć miesięcy stolec papieski... od tego czasu przy wybieraniu Papieża maca archidiakon przez stołek dzyrawy, mali papież Reliquie domowe.

Стр. 119.—Продолженіе о папѣ Іоаннѣ IX.—

— тотъ уставиль. абы духовным не был кто голову забіеть. або того причиною будеть. много и иных рѣчіи пописаль и уставиль. лѣта рож. Хва—891.

Того часу под Арнульфом цесарем. пришли до словенскых земель два мужеве хртіанстіи. единь словакь Кириль. а другыи грекь Меөодіи з Греціи. которыи быль послаль Михаиль Палеологь Константинопольскыи...

...допустил Андріань папѣжь въ црквп хртіаньскои службу мѣти словенскым языком. На Клепари в Краковѣ недавно тот обычаи загынуль бо там у стого крста службу словенскымь языком спѣвано. О руси стои.—

Въ польскомъ текстѣ:

л. 172.—Jan dziewiąty... ten ustawił aby duchownym nie był kto głowę zabije, albo tego przyczyną będzie, wiele jakich rzeczy popisał i ustawił.

Далѣе у Бѣльскаго слѣдуетъ гражданская исторія западной Европы—; такъ нап. на л. 294 любопытны данныя о Финляндіи.

Finlandia ziemia cudna i roskoszna, jeszcze lepsza niż Szwecia, pierwej ją poczytano za krolestwo, ale dziś tylko tytuł ma Dinastiej. Przed tym ta ziemia była pod Moskiewskim książęciem i Grecką wiarę trzymała jako i Moskwa... W Finladiej są dwa języki, od Wiborgu począwszy słowieńskim językiem mowią.

съ л. 333.—О Польшѣ.—

л. 343. Lata pańskiego 902. Tego czasu pod Arnolfem cesarzem, przyszli do Słowieńskich ziem dwa mężowie Krzesciańscy, jeden Słowak Czuryło, a drugi Grek Metodius z Greciej, ktòre był posłał Michał Paleolog Cesarz Konstantynopolski....

.... dopuścił papież w kościele krześciańskim mszą mieć słowieńskim językiem. Na Kleparzu w Krakowie niedawno ten obyczaj zaginął, bo tam u swiętego krzyża mszą słowieńskim językiem spiewano.

Далѣе событія изъ польской исторіи и съ л. об. 343.

O Rusi.

Разсказъ о Руси въ *рк.* идетъ до стр. 122, гдѣ извѣстія о Болеславѣ храбромъ заканчиваются сообщеніемъ, что Б.

„рушился до посред землѣ руской и там Ярославови дръжавы побрал. и иныи княжаты подданость ему учинили и трибуть поступили бо и пред тым был розмѣриль собѣ границы с ними по Нѣстрѣ. того Болеслава руснаци звали хабрым. Мартынь папѣж с Францѣи“...

—Тутъ соединеніе двухъ частей. Со словъ „Мартынь папежъ“ — идетъ вставка извѣстій, помѣщенныхъ у Бѣльскаго ранѣе разсказовъ о папахъ, а именно на лл. об. 172—178=русск. 122—133; извѣстія же Бѣльскаго лл. об. 345—346 пропущены.

стр. 133 соотвѣтствуетъ л. 347.—

Року Рож. Хва 1041. Казимир крол полскыи перъвыи. з кляштора взятыи был... Марія жона его опустивши греческыи способ вѣры. кртилася знову въ Краковѣ. а имя иное пріала. Доброгнѣва.

И такъ идетъ одинаковый порядокъ до стр. 137=об. 348 Бѣльскаго.

На стр. 137 разсказъ о Болеславѣ Смѣломъ прерывается вставкой о папахъ съ л. 180 Бѣльскаго; на стр. 141 послѣ извѣстія о ереси Валденсовъ (=л. 181 Бѣльскаго) слѣдуетъ разсказъ о Болеславѣ польскомъ и о русскихъ событіяхъ (стр. 141—144—об. 352—353).

Начиная со стр. 145—до конца рукописи (стр. 192) русскій текстъ съ небольшими видоизмѣненіями слѣдуетъ польскому оригиналу лл. 190—об. 238. Это исторія папъ. Заканчивается историческая часть извѣстіями о реформѣ календаря.

стр. 192 (220).

Лѣта рож. Хва. 1582 Грегорій родом з Рима выбран на столець папѣзскыи. тоть змѣниль сти(л) въ хрстіанствѣ. переступивши аі (sic!) сть и дны ихь укоротивши року. хотячи накеровати великую ночь к зимѣ. бо ся ему видѣло иж ся в лѣто вънкла. а с того сталося силная ненависть и незгода въ хртіанскых народѣхь. тот же повелѣль уставы нѣкоторыи в книгох старых писаныи попалити. а иншыи новыи друковати. што их теперь много есть. едно възнаеш если ему пріемны. раскоренила бося ненависть и утискь. а выкопала млсть от ба нам заповидѣная. тѣжь и тот папѣж постановивши то скоро умерь. ледво пол року был живь [1]). гнѣвомь бжіим скончалься.

* * *

Переводъ этотъ несомнѣнно сдѣланъ съ третьяго изданія 1564 г. и при томъ послѣ смерти папы Григорія XIII († 1585 г.), когда уже успѣли позабыть о времени его кончины и могли полагать, что онъ умеръ въ полъ года послѣ реформы календаря, послѣдовавшей въ 1582 году.—

Б. Рукопись Публичной библіотеки (F. IV. 688).

I. Хроника Свѣта.

Вся писана однимъ почеркомъ XVII в. южно-русскаго письма. Въ листъ, лл. 633.

Первая часть рукописи содержитъ буквальный переводъ Хроники Свѣта съ нѣкоторыми сокращеніями и видоизмѣненіями. Переводъ сдѣланъ со второго польскаго изданія 1554 г.

л. 1 (заглавіе) Лѣтописецъ то естъ кройника з разных многих а досвѣтчоных авторов и историков диялектом руским естъ зложона.

Напервей за помочю Божою о шести днях почнем.

---

[1]) Григорій XIII ум. 10 апр. 1585 г.

Эта часть соотвѣтствуетъ первой книгѣ и первому вѣку Бѣльскаго, но составлена независимо отъ него.

Kronika |Wssytkyego swyata na ssesc wie-|kow á ná czwory księgi tákież Monárchie rozdzielona, rozmaitych| historÿ, ták w swyętym pismye yáko w prostym, s kozmográfią| nową y z rozmáitemi krolestwy, ták pogáńskimi, żydowskimi, yá|ko krzesciyáńskimi: w ktorey też żywoty Papyeskye, Cesarskye,| y Krolow inych takyeż Ksyążąt, od początku swyátá áż do tego ro-|ku ktory sye pisse 1554. Myedzy ktoremi też nássá Polska yest z osobná położoná, y swyátá nowego wypisánye.|

Dostáteczniey pisána y pilnyey |niż pirwssa, s figurámi ochędożnemi.|

Cum gratia et priuilegio.

Drukowano |w Krakowye przez Hieronimá Scharffenbergá| Roku Páńskyego| 1554.

лл. — 6 нен. сигн. Aij — Aiiij + 1 несиг. (не хватаетъ одного листа).

6-й нен. sign. *A*. Poczyna sye Kronika wssystkyego| swyátá...

л. 7 — List. 1. sign. Aij.

Pirwszy wyek swyatha poczyna sye od Adama do Noego, według żydow yest lat 1656, według Euzebiussa lat 2243, według Augustiná lat 2268, według wykládáczow Bibliyey 2249.

Соотвѣтствіе Бѣльскому начинается со второй книги.

об. л. 9. Книги вторые вѣкъ 2. Року от створеня свѣта (годъ не проставленъ и оставленъ пробѣлъ) — Вышолъ Ное з карабля з сынми своими з жоною и з жонми сыновскими. выпустивши теж звѣрята и птацтво и все живое створене ведлуг рожаю...

У Бѣльскаго (л. 5 изд. II) этому соотвѣтствуетъ:

Wiek wtory swiata poczyna sie od Noego albo od potopu do Abrama, według żydow lat 294, według wykładaczów Bibliej 942.

Rozdzyał wtory ksiąg pirwszych.

Wyszedł jest Noe z okrętu s synmi swoimi z żoną i z żonami synowskiemi, wypusciwszy też zwierzęta i ptactwo i wszytko żywe stworzenie według swego rodzaju...

Далѣе переводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ польскому оригиналу, и притомъ по второму изданію, какъ это видно, напримѣръ по л. 169-му:

Раздѣлъ 35 о рожаю Александра великого царя македонскаго.

У Бѣльскаго:

изд. II, об. л. 111—Rozdział trzydziesty i piąty o rodzaju Aleksandra wielkiego krola macedońskiego.

Изд. Ш—л. 122—Rozdział trzydziesty i siodmy.

Т. е. во второмъ изданіи, какъ въ русскомъ переводѣ, эта глава обозначена 35, а въ третьемъ 37.

На л. 193 заканчивается отдѣлъ о Сивиллахъ стихами изъ Хроники Свѣта:

Знамя судного дня буде:
Земля запалит всюде.
Бовѣмъ прииде пан створеня,
На свѣтъ з неба для суженя.
Буде з учинковъ каждаго
(Sądzić z uczynkow każdego).
Объявит моц панства своего
Узят его вси своим оком
Если добрыи кождыи своим током...
. . . .
. . . .
Станут на суд преложоныи
Вси отъ бога створонии,
Такъ молодыи яко и старыи
Возметъ заплату своеи мѣры.

Стиховъ этихъ не знаетъ Н. В. Перетцъ. Это буквальный переводъ съ польскаго, непосредственно за этимъ слѣдуетъ:

О пречистой двци Маріи животѣ и ее стобливости.

Сравнительно съ оригиналомъ здѣсь пропускъ.

Въ статьѣ о Іоаннѣ Крестителѣ сдѣланъ пропускъ заключительныхъ словъ; л. 195 заключается словами:

Голова стого Іоанна была потомъ объявлена Маркелови архимандрытови въ Фенецѣи и принесена до Константинополя през Феодосія цесаря.

У Бѣльскаго об. 125 (изд. II).

Głowa swyętego Jana była potym objawiona Marcellowi opatowi w Phenicyej i przyniesiona do Konstantynopola przez Teodosiusa cesarza, potym do Rzyma, którą dziś ukazują w kościele swiętego Silwestra w Rzymie... и т. д.

Пропускъ послѣднихъ словъ показываетъ, что или переводъ сдѣланъ до Брестской уніи, или, если послѣ нея, то лицомъ православнымъ.

Л. 196; непосредственно послѣ вышеприведенныхъ словъ слѣдуетъ пустая страница, а затѣмъ:

Книги вторые кроиники свѣта... всего вѣкъ шостыи а остаточныи от нароженя хста гда аж до дня судного. Лѣта от створеня свѣта до нароженя исус хта пятое тисячи пятъ сотъ.

Это мѣсто слѣдуетъ сравнить съ текстомъ оригинала, приведеннымъ выше (стр. 375).

об. л. 408.

О набоженствѣ турецкомъ плюгавомъ. Турцы одного Бога вызнаваютъ быти, который собѣ ровного не мает, а пророк его найвернѣйшій Магамет. Пять през ден молятся Богу обернувши очи на полудне...

об. 179 (II изд.). O nabożeństwie Tureckim. Turcy jednego Boga wyznawają być, ktory sobie rownego niema, a prorok jego najwierniejszy Machomet. Pięć razy przez dzień modlą sie Bogu obrociwszy oczy na południe...

л. 411. ...а кгды се такій стараст оборочает его на охмистровство до жон цесарских, албо милосницъ...

Об. 118. A—gdy sie taki starzeje, obrocą go na ochmistrzowstwo do żon cesarskich, albo miłośnic...

181. A ktorzy z Natoliej, to jest z Aziej małej uciekają, trudniej im przyjdzie, bo muszą przez Helespont sie przeważać, acz wąsko ale wiatr przekaża, wiele ich poginie...

л. 411.—А которые з Натолѣи то ест з Азѣи малое, утекают, труднѣи им прйиде бо мусят през море елеспонтское перевозит, ач вузко але вѣтръ перешкожает, много иных погинет.

Далѣе цѣлая страница извѣстій о туркахъ, которыхъ нѣтъ у Бѣльскаго.

На этомъ заканчивается переводъ изъ Хроники Свѣта Бѣльскаго. Это только половина оригинала. У Бѣльскаго непосредственно слѣдуетъ—пятая книга, содержащая „космографію“.—

Въ краковской рукописи, какъ мы уже видѣли имѣются выдержки изъ дальнѣйшихъ частей Бѣльскаго; въ Петербургской рукописи далѣе съ л. 412 слѣдуетъ Хроника Стрыковскаго.

* * *

Сопоставляя обѣ рукописи съ польскимъ первообразомъ и между собою, мы приходимъ къ заключенію, что это два отдѣльные и независимые другъ отъ друга перевода, а не разные только списки, при томъ переводъ Краковской рукописи сдѣланъ съ третьяго польскаго изданія (1564 г.), а Петербургской со второго (1554 г.).—

II. Хроника Стрыковскаго.

Съ л. 412 начинается вторая часть рукописи Пуб. Библіотеки словами:

сКройника Словяновъ. Руская. о панствах руских, полских и литов ких.

Было теды много их з философов. и поетов поганских на том свѣте которые то твердили якобы свѣтъ и всякіе створеня быт мели без початку и вѣчно трвали в чом барзо блудили. Про то мы иншого певнѣйшаго давнѣйшаго кгрунтовнѣйшаго и доводнѣйшаго *фу*даменту (sic!) початков выводу и початку гисторѣи нашои з великою працою долгим и пилночуиным старанем и усилною и щирою охотою пред себе взятои чителнику ласкавыи заложити и на потомныи трвалости выставити не можемо, одно с писма стого як з студницы жродла вѣдомости и науки о Богу который ест створителем справцою розмножителемъ и початком всѣх рѣчей...

Это начало хроники Стрыковскаго [1]).

Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej rusi.

O stworzeniu świata nieobeszłego, ziemie, nieba i początkach rzeczy, które na nich są, rozmaite były, czytelniku łaskawy, mniemania i wywody filozofów i poetów pogańskich...

Затѣмъ приводятся различныя мнѣнія о началѣ міра, послѣ чего авторъ дѣлаетъ выводъ:

A wszyscy, im nagłębiej rozumy swoje okazać chcieli, tym nabrzydliwiej (bez wiadomości o wszechmocności Bożej, który wszystko z niszczego, a prawie ex vacuo plenum stworzył), błądzili...

Послѣ этого нѣсколько строкъ о Платонѣ и Овидіи, и затѣмъ:

Przeto my inszego pewniejszego, dawniejszego, gruntowniejszego i dowodniejszego fundamentu, początków, wywodów i porządku historiej naszej Sarmatskiej, Litewskiej, Sławieńskiej, Żmodskiej i niemałej części polskiej etc. z wielką pracą, długim i pilno-czujnym staranim, a usilną i szczerą chęcią przedsięwziętej, czytelniku łaskawy założyć i na potomną trwałość wystawić nie możemy, jedno z pisma świętego, jako z studnice i źrzódła wiadomości i nauki o Bogu, który jest stworzycielem, sprawcą, rozmnożycielem i początkiem wszystkich rzeczy...

Переводъ Стрыковскаго продолжается до конца оригинала съ небольшими видоизмѣненіями и сокращеніями.

л. 591. О взятю Великих Лук в Москвѣ от наших. Року 1580. Тогож року сам кроль Стефан зо всим войском полским и литовским *руским* и жомоитским тягнул до Великих Лук...

Эта часть изложена самостоятельно, заключеніе же приведено словами Стрыковскаго:

л. 592. Так теды крол за тою второвю счастливою выправою (об.) тыи вышъ мянованыи мѣста и замки вси з рук Московских выдерши осадил литовским и венгерским рыцерством а роты полские, в земли жомоитской и Литвѣ з великим удрученем посполитого люду были разложоны.

У Стрыковскаго (Т. II, 436):

Tak tedy król za tą wtórą szczęśliwą wyprawą, Wielis, Uświat, Wielkie Łuki . . . . . z ręku moskiewskich wydarwszy, osadził ich Litewskim i Węgierskim rycerstwem, a roty Polskie w ziemi żmodskiej i w Litwie z wielkim udręczenim pospolitego ludu były rozłożone.

Potym z sejmu Warszawskiego roku 1581, posły moskiewskie odprawiono i podatki na wojnę przeciw temuż nieprzyjacielowi uchwalono na dwie lecie, a w tym że czasie naszy Chełmno zamek Moskiewski wzięli.

Этими словами заканчивается польскій оригиналъ хроники Стрыковскаго. Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ читателю. Русская рукопись продолжаетъ разсказъ до избранія въ польскіе короли Сигизмунда III, и въ этомъ слѣдуетъ хроникѣ польской І. Бѣльскаго.

---

[1]) Польскій текстъ приводимъ по изд. 1846 г. Объ изданіяхъ и рукописяхъ Стрыковскаго см. нашу замѣтку въ изданіи Pamiętnik Literacki 1902 г. стр. 220 и сл. Списки русскихъ переводовъ Стрыковскаго многочисленны (см. А. И. Соболевскій—с. l. 79—801). Изъ западно-русскихъ слѣдуетъ еще добавить рукопись Пуб. Библ. F. IV, 342.

III. Польская хроника I. Бѣльскаго.

Послѣ смерти Мартина Бѣльскаго († 18 дек. 1575 г.) осталась въ рукописи Польская Хроника, которую издалъ въ 1597 г. его сынъ Іоакимъ († 1599). Хроника была неоднократно перепечатываема (ср. Эстрейхеръ. Bibliografia polska. T. XIII, 88). Русскіе переводы ея до сихъ поръ неизвѣстны. Не знаетъ ихъ и А. И. Соболевскій (см. Переводная Литература). Слѣды такого перевода на западно-русскій языкъ (юго-западный) сохранила намъ описанная выше рукопись (Пуб. Библ. F. IV. 688).

Послѣ вышеприведенныхъ словъ изъ Стрыковскаго непосредственно слѣдуетъ:

прод. л. 592. Сеймъ въ Варшавѣ. Року 1581. Крол свои речи в Москве добре постановивши ехал до Вилни, а оттоль до Варшавы на сеймъ, где вси панове на том были абы войну з Московским чинил. Также приехали знову послы московские, которые *при справованю поселства яко звикли торговалися долго*, наконецъ всю Инфлянтскую землю пущали окром тых преднѣйших мѣстъ и замков, яко Дерпту, Маріенбургу, Фелина, Перновы и Нарвы...

Этого мѣста у Стрыковскаго нѣтъ; онъ заканчиваетъ, какъ мы видѣли выше, упоминаніемъ о сеймѣ 1581 г. и уже ничего не говоритъ объ условіяхъ мира. Все это извѣстіе взято изъ Польской Хроники I. Бѣльскаго, въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ. Бѣльскій, разсказавъ довольно подробно о сеймѣ 1581 г., такъ заключаетъ:

Byli też na tym sejmie posłowie moskiewscy, którzy wszędzie za królem jeździli; a iż mieli świeże na tenczas zlecenie od kniazia wielkiego, znowu poselstwo sprawowali i już puszczali wszystką ziemię inflantska, okrom tych przedniejszych miast i zamków, jako Derptu, Marienburgu, Felina, Parnawy i Narwy... (Стр. 1481 изд. Туровскаго).

Русскій переводчикъ несомнѣнно держался Бѣльскаго, но отъ себя прибавилъ выраженія, въ которыхъ подчеркнулъ свое антимосковское настроеніе, чего не видимъ у польскаго историка.

Далѣе наша рукопись продолжаетъ выдержки изъ польской хроники. Для примѣра возьмемъ л. 595.

О окрутенстве цара Московскаго иж сына забил. Тогож часу княз великій московскій Иван, Ивана сына своего старшого забил...

Бѣльскій (1499):

Tegoż czasu moskiewski Iwana syna swego starszego zabił o to, że gdy mu skarby swe ukazował, tedy mu miał rzec: Acz ty masz skarby nie małe a król polski ich niema, jednak cię przedsię wojuje.

Событіе это Бѣльскій относитъ 1581 г. Н. П. Лихачевъ (Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Поссевина), приводя много разныхъ свидѣтельствъ современниковъ, на Бѣльскаго не указываетъ.

Первый отдѣлъ выдержекъ изъ Бѣльскаго русскій авторъ заключаетъ собственною похвалою величайшаго врага Грознаго царя—Стефана Баторія и извѣстіемъ объ избраніи Сигизмунда III.

об. л. 197. ...и в томже року 1586 чотыри дни толко хоровавши умерлъ в Гродне, а в Кракове похован з великою жалостю всѣх панов коронных. Был то пан мудрый рыцерскій, учоный, языков килка умѣл, в щастю вшелякомъ был завше, кролевал лѣтъ 10 мцей 7, дни 12. Року от нарожения хтва 1587 Жикгимонт третій сын Яна кроля шведского по смерти Стефана Батора на кролевство полское обраны и от арцибискупа гнѣзченскаго коронованы.

Эти извѣстія изложены независимо отъ Бѣльскаго.

На слѣдующемъ листѣ (598) сверху—

А тут речи тут речи тые которыеся были позостали. Лист.

Року арп (1180) Мечислав крол полскій...

Съ л. 599-го. Короткое собране кройники польской...

Лех первый вожъ и справца поляковъ.

Року от нарожения гда нашого Исуса Хрта 570 з того народу валечнаго Славянскаго, або сарматскаго, которого вывод (в панствах руских троха вышей) широце есмо описали.,.

Въ концѣ рукописи:

л. 631. О татарах на волыню. Року 1579 под тым же часом татарове на волын вторгнули, против которых княз Острозскій Константин послал з Острога Олгона Пятигорца в трох сот коней для языка о чомъ читал лист.

Остик Литвин здрайца. Року афп... — —

об. Гистория О подковѣ гдри волоском. Был за кроля Стефана Батора, Иван Подкова межи запорозскими казаки, брат рожоный (яко нѣкоторые менили) небожчика Ивона волоскаго воеводы...

об. л. 633.

...кгды се ку Сороце приближал Подкова, мыслил куды быся ку низови, удати мѣль, полем боялися гетмана и воеводы браславского, которыи будучы мандатом от короля о него позваным, старалися пилно якъбы его достали, якож пан гетман з людом пришол, але видячи его быт в справе великог и з неледа людом не хотѣлся о него кусит разумѣючи о том же его мѣл ||

[без розлитя крови—]—слова въ скоб. помѣщены внизу страницы съ новой строки, какъ взятыя со слѣдующей страницы. Слѣдующій листъ пустой и имѣетъ старинную нумерацію хм (640). Этимъ рк. заканчивается.

Бѣльскій—Польская хроника (стр. 1405 изд. Туровскаго):

Pod tymże czasem tatarowie na Wołyniu byli, przeciw którym książę Ostrogski Konstantyn posłał z Ostroga Solgiena Pietyhorca we trzech set koni dla języka...

стр. 1430. Był Iwan Podkowa między zaporowskimi kozaki brat przyrodny (jako niektórzy mienili) nieboszczyka Iwona wojewody wołoskiego...

стр. 1435. Gdy się ku Sorоce przybliżał Podkowa, myślił, którędy ku Nizowi udać miał, potem obawiali się śniegów wielkich, a mimo Niemiów jadąc obawiali się hetmana i wojewody bracławskiego, którzy będąc

od króla mandatem oń pozwani starali się pilnie, jakoby go dostali; jakoż nań hetman z ludem przyszedł, ale widząc go być w sprawie wielkiej i z nieleda ludem, niechciał się oń kusić, rozumiejąc o tem, że go mógł bez rozlania krwie dostać.

Эта часть требовала бы специальнаго изученія. Теперь отмѣчаемъ только слѣдъ существованія русскаго перевода Польской Хроники І. Бѣльскаго, хотя и въ сокращеніяхъ и съ видоизмѣненіями.

Характеристика средневѣковой нѣмецкой колонизаціи на югѣ Чехіи.

Проф. А. Н. Ясинскаго.

Начавшись подъ вліяніемъ политическихъ, религіозныхъ и экономическихъ причинъ, нѣмецкая колонизація восточныхъ странъ, заселенныхъ славянами, совершалась по двумъ направленіямъ, изъ которыхъ одно принято называть сѣвернымъ, а другое—южнымъ. Южный потокъ нѣмецкой колонизаціи шелъ изъ Баваріи и направленъ былъ первоначально въ придунайскія страны. Руководителями этой колонизаціи, которая послѣ нѣкотораго перерыва возобновилась болѣе успѣшно съ середины X вѣка, были баварскіе архіепископы, епископы и монастыри, а отчасти князья. Такъ какъ со стороны славянъ не обнаруживалось особеннаго сопротивленія, то въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ нѣмецкіе колонисты заселили Верхнюю и Нижнюю Австрію, Каринтію и Штирію. Разумѣется, этотъ потокъ иноплеменниковъ не замедлилъ проникнуть сначала въ Моравію, а потомъ и въ Чехію.

Въ виду того обстоятельства, что въ Чехію проникала также колонизація нѣмецкая сѣвернаго направленія, изслѣдователямъ было необходимо для опредѣленія территоріальнаго распространенія въ чешскихъ предѣлахъ той и другой колонизаціи установить отличительные признаки, если только таковые были, какъ сѣверной, такъ и южной колонизаціи. Между прочимъ, недавно этимъ вопросомъ занимался Ю. Липпертъ, авторъ „Соціальной исторіи Чехіи“, встрѣченной съ рѣдкимъ единодушіемъ учеными нѣмецкой и чешской національности. По его мнѣнію, баварско-австрійская колонизація, сказавшаяся въ южной, западной и юго-восточной окраинахъ Чехіи, имѣла слѣдующіе отличительные признаки, несвойственные яко-бы сѣверной нѣмецкой колонизаціи, а именно: 1) платежъ поселенцами десятинъ отъ естественныхъ произведеній вмѣсто платежа денежнаго чинша; 2) отсутствіе наслѣдственности при замѣщеніи должности судьи; 3) особенное расположеніе поселеній и полевыхъ участковъ; 4) окончаніе именъ поселеній на „шлягъ“ (Schlag); 5) отсутствіе взносовъ въ пользу землевладѣльцевъ закупнаго платежа. Всѣ эти признаки, по мнѣнію Ю. Липперта, находились

между собою въ нѣкоторой зависимости. Поселенія южныхъ колонистовъ были невелики размѣрами, и дворы ихъ не были расположены по одной линіи, на передней сторонѣ каждаго манса или гуфа по принадлежности. Поселенія эти возникали по большей части въ гористыхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсомъ, отчего и были невелики. Такъ какъ колонистамъ при основаніи поселеній приходилось сводить лѣсъ и выкорчевывать его, то и пашни ихъ назывались обыкновенно „выкорчевками" (Schläge). Въ зависимости отъ небольшихъ размѣровъ поселеній находилось отсутствіе института наслѣдственныхъ судей, какими въ областяхъ сѣверной нѣмецкой колонизаціи были предприниматели (locatores) и ихъ правопреемники, такъ какъ вознагражденіе предпринимателя передачей ему наслѣдственной судебной власти не оправдывалось его услугами, т. е. было бы въ данномъ случаѣ чрезмѣрнымъ [1]).

Эта характеристика баварско-австрійской колонизаціи въ Чехіи, предложенная Юл. Липпертомъ, должна быть признана прежде всего неполной, потому что при этомъ не было указано, какой планъ расположенія дворовъ и полевыхъ участковъ существовалъ въ основанныхъ колонистами селахъ. Между тѣмъ, Августъ Мейтценъ на общей картѣ, приложенной къ его извѣстному сочиненію: Siedelung und Agrarwesen etc., отмѣчаетъ на югѣ Чехіи распространеніе нѣмецкихъ селъ, въ которыхъ земля была раздѣлена на лѣсные гуфы (Waldhufenkolonien), а въ своемъ сочиненіи указывалъ, что баварско-австрійскіе колонисты при основаніи поселеній не всегда придерживались однообразныхъ формъ [2]). Такимъ образомъ, если Юл. Липпертъ, вопреки авторитетному мнѣнію Авг. Мейтцена, пришелъ къ мысли, что нѣмецкія поселенія на югѣ Чехіи представляли какія-либо особенности [3]), то онъ долженъ былъ ихъ указать, а не ограничиваться отрицаніемъ ихъ сходства въ планѣ расположенія дворовъ и полевыхъ участковъ сравнительно съ селами, устроенными по системѣ лѣсныхъ гуфовъ.

Далѣе, опредѣляя область распространенія баварско-австрійскихъ поселеній, Юл. Липпертъ встрѣчалъ затрудненія, которыя ему не удалось преодолѣть. Такъ, ему приходилось довольно часто относить тѣ или другія поселенія къ числу баварско-австрійскихъ только на основаніи наличности одного какого-либо признака, какъ то: платежъ десятины, отсутствіе института наслѣдственнаго судьи или окончаніе наименованія поселенія словомъ Schlag [4]). Любопытно также и то, что Юл. Липпертъ долженъ былъ признать существо-

[1]) *Julius Lippert*, Socialgeschichte Böhmens, Bd. II, S. 368—369, 379.
[2]) *Aug. Meitzen*, Siedelung etc., Bd. II, S. 396—398.
[3]) *Lippert*, Bd. II, S. 367.
[4]) *Lippert*, Bd. II, S. 369—383, 390—394.

ваніе на югѣ Чехіи селъ, устроенныхъ по системѣ лѣсныхъ гуфовъ [1]). Повидимому, авторъ „Соціальной исторіи" болѣе приписывалъ значенія топографической номенклатурѣ, чѣмъ даннымъ аграрнаго строя, когда ему приходилось рѣшать вопросъ о принадлежности извѣстнаго поселенія колонистамъ того изъ другого германскаго племени. Такъ, по его мнѣнію, поселенія нѣмецкихъ колонистовъ на западной окраинѣ Чехіи не отличались по своему плану и расположенію отъ поселеній баварскихъ колонистовъ, а все различіе сводилось къ тому, что въ наименованіи поселеній, основанныхъ между рѣчками Мшей и Углавой, на западъ отъ Кладорубъ, выступаетъ слово Reuth, а въ наименованіи поселеній Теплицкой области—слово Grün, вмѣсто указаннаго слова Schlag, встрѣчающагося въ именахъ южныхъ поселеній. Указывая это различіе, Юл. Липпертъ прибавляетъ, что употребленіе словъ Schlag и Stift, съ одной стороны, а словъ Reut и Grün, съ другой, находится въ зависимости отъ племеннаго діалекта баварскихъ и верхне-пфальцкихъ колонистовъ [2]).

Главный недостатокъ построеній Юл. Липперта, по моему убѣжденію, заключался въ томъ, что онъ пытался возсоздать особый типъ нѣмецкой колонизаціи, сказавшейся яко-бы въ южной и юго-восточныхъ окраинахъ Чехіи, на основаніи такихъ признаковъ, которые хорошо были знакомы и сѣверной нѣмецкой колонизаціи. Не входя теперь въ подробности, скажемъ только, что въ странахъ залабскихъ платежи въ пользу землевладѣльцевъ поступали въ размѣрѣ десятой или одиннадцатой доли хлѣбныхъ и другихъ продуктовъ (vima, vimmen), что и на сѣверѣ первое время обходились безъ содѣйствія предпринимателей, что въ славянскихъ областяхъ, расположенныхъ между рѣками Салой и Лабой, закупный платежъ взимался рѣдко и въ ничтожномъ размѣрѣ, а въ Силезіи не былъ взимаемъ до середины XIII вѣка, что поселенія, имена которыхъ оканчиваются на reut и grün, разсѣяны и къ сѣверу отъ Чешскаго лѣса, Фихтеля и Франкенвальда, а равно къ югу отъ Баварскаго лѣса и Гиршвальда. Всѣ эти факты установлены трудами нѣмецкихъ же ученыхъ (Ed. Schulze, P. Kötzschke, Meitzen и др.) и должны были быть извѣстны автору „Соціальной исторіи". Ко всему этому полезно присоединить замѣчаніе, что рейтами назывались надѣлы крестьянъ въ такихъ южно-чешскихъ селахъ, въ названіяхъ коихъ встрѣчается слово Schlag [3]). Справедливость требуетъ сказать, что въ изложеніи Юл. Липперта попадаются такія замѣчанія, которыя показываютъ, что онъ самъ сознаналъ шаткость своей системы. По его словамъ, наряду съ „франконской" колонизаціей,

---

[1]) *Lippert*, Bd. II, S. 370—371, 374, 391—392.
[2]) *Lippert*, Bd. II, S. 383—385.
[3]) Registrum bonorum Rosenbergicorum, p. 27, nr. 230; p. 13, nr. 88, 89.

проникавшей черезъ Мишну, Верхнюю Лужицу и Силезію, „въ Чехіи сказалась еще другая болѣе ранняя форма нѣмецкой колонизаціи, которая представлена была преимущественно баварско-австрійскимъ племенемъ“. Что же представляла собою эта „болѣе ранняя форма“, можно видѣть изъ другого его замѣчанія: „Что на сѣверѣ проникло въ страну въ видѣ опредѣленной системы, то здѣсь (т. е. на югѣ Чехіи) развивалось только постепенно“ [1]). Сопоставляя эти замѣчанія или выводы, остается прибавить, что болѣе ранняя форма нѣмецкой колонизаціи, представленная баварско-австрійскимъ племенемъ, проникла въ Чехію, не имѣя никакой спеціально германской опредѣленной системы. Конечно, Юл. Липпертъ съ этимъ заключеніемъ не согласится тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за симъ не замедлитъ послѣдовать и другой выводъ, не предусмотрѣнный въ нѣмецкой ученой литературѣ. Если многія черты и явленія, которыя были свойственны болѣе раннему періоду сѣверной нѣмецкой колонизаціи и остались отличительными для южной, на сѣверѣ постепенно исчезли, и тамъ создавалась опредѣленная система, то не придется ли это приписать тому обстоятельству, что фламандско-голландскіе переселенцы внесли въ данномъ случаѣ тѣ творческіе принципы, которыхъ была лишена собственно-германская или нѣмецкая стихія?

Для рѣшенія вопроса о своеобразности той культуры, которую вносили нѣмецкіе колонисты въ славянскія страны, пока не настало, можетъ быть, время, но по отношенію къ Чехіи должно быть принимаемо во вниманіе соображеніе, оставляемое обыкновенно въ тѣни. Въ Чехію волны нѣмецкой колонизаціи сѣвернаго и южнаго направленія проникали изъ такихъ областей, какъ Мишна, Лужица, Силезія, Верхняя Франконія, Оберъ-Пфальцъ, Восточная Баварія, Верхняя и Нижняя Австрія, въ которыхъ издавна густыми массами сидѣли славянскія племена или славянскіе поселенцы. Подобное сожительство должно было повлечь за собою сближеніе въ бытовомъ и правовомъ отношеніяхъ славянъ и нѣмцевъ. Такимъ образомъ, на окраины Чехіи волны нѣмецкой колонизаціи поступали послѣ нѣкоторой ассимиляціи или очистки въ средѣ славянскихъ элементовъ. Въ пользу этого теоретическаго соображенія говоритъ и то обстоятельство, что Авг. Мейтценъ, вопреки своему обыкновенію, не всегда рѣшается по системѣ раздѣленія пашни и расположенію жилищъ опредѣлять старославянское или новогерманское происхожденіе многихъ поселеній на территоріи вышеперечисленныхъ областей [2]).

Говоря о баварско-австрійской колонизаціи, Юл. Липпертъ нѣ-

---

[1]) *Lippert*, Bd. II, S. 367, 379.
[2]) *Aug. Meitzen*, Bd. II, S. 390—392, 412—414.

сколько разъ довольно близко подходилъ къ заключенію, что институты нѣмецкихъ колонистовъ мало отличались отъ славянскихъ институтовъ, т. е., другими словами, къ тому выводу, что нѣмцы въ данномъ случаѣ не внесли въ жизнь страны ничего оригинальнаго и своеобразнаго,—но всегда останавливался, не рѣшаясь сдѣлать яснаго признанія. По его словамъ, если Розенберги и цистеріанцы на югѣ не воспользовались такъ называемымъ закупнымъ правомъ (Kaufrecht), то это произошло отъ того, что въ средѣ австрійско-баварскихъ крестьянъ не находилось такихъ, которые могли уплатить закупный платежъ (arra) наличными деньгами, а, съ другой стороны, тамъ же замѣчалось отсутствіе той „группы предпринимателей, которые подъ названіемъ локаторовъ играли большую роль въ сѣверной Чехіи". Если поселенцамъ,—продолжаетъ авторъ,—предоставленъ былъ только льготный срокъ, но договоръ вмѣстѣ съ тѣмъ не вносилъ ничего существеннаго по части отношеній крестьянина къ землѣ, „то дѣйствительно поселеніе на такихъ основаніяхъ оказывается подобнымъ славянской льготѣ" (die hier übliche „Stift" der slavischen Lhota gleichgestellt). По другому поводу Юл. Липпертъ высказывается такъ: „Внѣшнее расположеніе селъ въ Иглаво-Нѣмецкобродской области походило на славянское, а это можно объяснить отчасти тѣмъ, что новыя поселенія примыкали непосредственно къ существующимъ ранѣе, отчасти же вліяніемъ гористой мѣстности на размѣщеніе построекъ" [1]).

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, какъ слѣдуетъ понимать всѣ подобнаго рода полупризнанія нѣмецкаго ученаго. Ссылка его на характеръ мѣстности малодоказательна, потому что на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ Чехіи была также гористая мѣстность, но это не помѣшало образованію тамъ такъ называемыхъ лѣсныхъ селъ (Walddörfer). Между тѣмъ, дѣло объясняется именно тѣмъ, что германскія поселенія образовывались по образцу славянскихъ: какъ извѣстно, въ южной Чехіи, Силезіи и Мишнѣ очень были распространены кружковыя села (Runddörfer), отличавшіяся своими небольшими размѣрами [2]). Далѣе, совершенно бездоказательнымъ остается увѣреніе Липперта, что баварско-австрійскіе колонисты не имѣли средствъ для уплаты закупнаго платежа (arra), вслѣдствіе чего яко-бы въ данномъ случаѣ не установилось закупное право (Kaufrecht), столь распространенное на сѣверѣ. Гораздо правильнѣе поступилъ бы авторъ „Соціальной исторіи", если бы безъ всякихъ оговорокъ призналъ, что правовыя условія, предоставляемыя нѣмецкимъ колонистамъ, были однородными съ тѣми, которыя были установлены для чешскихъ поселенцевъ по договору льготы.

[1]) *Lippert*, Bd. II, S. 379, 392.
[2]) *Aug. Meitzen*, Bd. II, S. 247, 259—262.

Какъ извѣстно, договоръ льготы ничего не зналъ о закупномъ платежѣ, хотя не исключалъ участія при осуществленіи договора третьяго лица или посредника между крестьянами и землевладѣльцемъ, извѣстнаго впослѣдствіи предпринимателя [1]). Наконецъ, взиманіе аренды натурою (десятина) не представляетъ какой-либо особенности нѣмецкой жизни и колонизаціи, ибо въ славянскихъ селахъ удерживается долѣе, чѣмъ въ поселеніяхъ, основанныхъ выходцами изъ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ селахъ Силезіи, въ которыхъ продолжали дѣйствовать нормы славянскаго права, арендная плата иногда вплоть до XVII вѣка уплачивалась крестьянами главнымъ образомъ хлѣбомъ, медомъ и т. д. [2]) Также было и въ Чехіи. Кто селился въ Либощенскомъ лѣсу, тотъ долженъ былъ уплачивать землевладѣльцу десятину [3]). Платежи дѣдичей селъ Тремошны и Сѣнца состояли преимущественно изъ взносовъ громоздскихъ сельскохозяйственныхъ произведеній, какъ видно изъ того, что землевладѣлецъ жаловался на трудность ихъ доставки вслѣдствіе дурного и опаснаго состоянія путей сообщенія [4]).

Такимъ образомъ, всѣ тѣ явленія, которыя, по мнѣнію Липперта, являются отличительными признаками южной германской колонизаціи, были не чужды не только сѣверной колонизаціи, но и обнаруживались въ такихъ селахъ, въ которыхъ продолжало дѣйствовать славянское право.

Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, необходимо указать также на то, что подобное же сходство замѣчается между поземельными единицами славянскаго происхожденія и пресловутыми рейтами баварско-австрійскихъ колонистовъ.

Какъ извѣстно, славянская поземельная единица была менѣе гуфы или поземельной единицы нѣмецкихъ колонистовъ [5]). Однако, рейтъ, поземельная единица южныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, которое оставлено Липпертомъ безъ объясненія. Конечно, это обстоятельство невольно возбуждаетъ удивленіе, такъ какъ пресловутые рейты играли въ по-

---

[1]) *А. Ясинскій*, Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи, стр. 272—274, 284.

[2]) *Meitzen*, Bd. II, S. 248-253, 257—258; *Aug. Meitzen*, Codex diplomaticus Silisiae, t. IV (Breslau, 1863), Einleitung, S. 115.

[3]) Erben, p. 134, nr. 304, (1160): data est et silva, quae vocatur Luboczca... ea conditione, ut, qui eam inhabitare deliberant, cum tributo beato Stephano decimas solvant.

[4]) Emler, II, p. 719, nr. 1675, (1295): modicum nobis fructificabant, tum propter viarum discrimina... raro eciam sine detrimento personarum et rerum poterat abinde pacifice deportari.

[5]) *Aug. Meitzen*, Codex diplomaticus Silesiae, t. IV, Einleitung, S. 58—59, 84, n. 1; 110, n. 2. Необходимо сдѣлать оговорку: если поземельная единица славянская менѣе по размѣрамъ германскаго колонизаціоннаго гуфа, то это еще не доказываетъ, что то же имѣетъ силу и по отношенію къ гуфу исконной германской территоріи.

строеніи системы Липперта немаловажную роль. Произошло это упущеніе не вслѣдствіе тенденціозности автора „Соціальной исторіи", а вслѣдствіе его недостаточнаго знакомства съ урбаріемъ Розенбергскихъ имѣній, благодаря текстамъ котораго возможно опредѣлить размѣръ и характеръ рейтовъ.

Прежде всего, какъ оказывается, въ Розенбергскомъ урбаріи подъ именемъ гуфа или манса довольно часто скрывается не что иное, какъ рейтъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, послѣ слѣдующаго перечисленія: „Село Розенау имѣетъ 20 лановъ или мансовъ... Поселокъ Стройтшлагъ имѣетъ 1 мансъ... Село Готрталь имѣетъ 2 манса... Также in Gallo находится одинъ мансъ"—слѣдуетъ такое примѣчаніе въ текстѣ: „Эти новыя поселенія относятся къ имѣнію Витинштейнъ и имѣютъ 24 манса, которые называются рейтами" [2]), которое съ полной очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что составитель урбарія находилъ нѣмецкій терминъ слишкомъ вульгарнымъ и потому переводилъ его латинскимъ словомъ. Однако, въ томъ же отдѣлѣ урбарія, представляющемъ описаніе селъ имѣнія св. Ѳомы, составитель урбарія не сумѣлъ послѣдовательно выдержать принятую имъ терминологію, вслѣдствіе чего у него кое-гдѣ прорывается нѣмецкій терминъ [3]). Такимъ образомъ, благодаря непослѣдовательности составителя урбарія, обнаруживается тотъ любопытный фактъ, что крестьянская земля въ имѣніи св. Ѳомы раздѣлена была на рейты. Само по себѣ установленіе этого факта не имѣло бы особеннаго значенія, если бы противъ описанія каждаго села не были сдѣланы другой рукою помѣты, назначеніе которыхъ состояло въ указаніи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ количества земли, по измѣренію Пацовскими ланами. Такъ какъ величина площади Пацовскаго лана извѣстна [4]), то вышеупомянутыя помѣты даютъ возможность опредѣлить размѣръ рейтовъ [5]).

---

[1]) Registrum bonorum Rosenberg., p. 2, nr. 5: Villa Sunnbergh continet XII mansos seu reuthones.

[2]) Registrum bonorum Rosenbergicorum, p. 25—26. nr. 212—215: Villa Roznaw continet XX laneos seu mansos .. Villa Stroytslag continet unum mansum... Villa Hotrtal continet II mansos... Item in Gallo unus mansus.., Nota. Iste sunt nove plantaciones spectantes in Witingstein, que continent XXIIII mansos, qui dicuntur reut.

[3]) *Ibid.*, p. 25, nr. 210: cum II reutonibus Jawgenpergeri; p. 26, nr. 219: continet XII mansos vel XIIII cum molendino et uno reutone.

[4]) Онъ заключалъ въ себѣ около 40—48 югеровъ или стриховъ.

[5]) Необходимо прибавить, что въ другомъ отдѣлѣ урбарія подобнаго же характера помѣты сдѣланы въ самомъ текстѣ (ibid., p. 24—25, nr. 198—200, 202—204), но это не даетъ основанія думать, что въ отдѣлѣ, представляющемъ описаніе поселеній имѣнія св. Ѳомы, помѣты были пропущены по недосмотру переписчика и потому были прибавлены позднѣе, другой рукой, такъ какъ къ описанію селъ Мукеншлага, Рейхенау и Уреша (p. 25, nr. 202 — 211) прибавлены были двѣ помѣты, изъ которыхъ одна находится въ текстѣ, а другая—внѣ его. Хотя данныя въ упомянутомъ другомъ отдѣлѣ относятся къ территоріи, лежащей въ Верхней Австріи, около Чешской границы, но въ интересахъ сопоставленія они приведены въ прим. 2 и 3 слѣд. стр.

Иногда, но сравнительно рѣдко, рейты по своей величинѣ равнялись Пацовскимъ ланамъ и даже превосходили ихъ, а именно: 1) въ поселеніи Стройтшлагъ 1 рейтъ соотвѣтствовалъ полутора ланамъ Пацовской мѣры и 4 югерамъ; 2) въ селѣ Рейтѣ или Шванькове̌ изъ 7 рейтовъ составилось 8 лановъ Пацовскихъ; 3) въ селѣ Урешѣ или Урушѣ 8 рейтовъ соотвѣтствовали 7—8 ланамъ Пацовской мѣры [1]). Рейты въ селѣ Рейхенау или Рыхновѣ равнялись $^2/_3$ Пацовскаго лана [2]). Въ большинствѣ же случаевъ рейтъ составлялъ половину Пацовскаго лана, представляя иногда немного большую, а иногда немного меньшую площадь, а именно: 1) въ селѣ Оберъ-Марктшлагѣ 10 рейтовъ соотвѣтствовали 6 ланамъ и 20 югерамъ Пацовской мѣры; 2) въ селѣ Унтеръ-Марктшлагѣ 10 рейтовъ соотвѣтствовали 6 Пацовскимъ ланамъ; 3) въ селѣ Розенау или Рожновѣ 20 рейтовъ равнялись 10 ланамъ; 4) въ поселкѣ св. Галла (in Gallo) 1 рейтъ равнялся половинѣ лана и 6 югерамъ Пацовской мѣры; 5) въ селѣ Рейтершлагѣ 22 рейта равнялись 10 ланамъ и 20 югерамъ; 6) въ селѣ Мультербергѣ 24 рейта равнялись $9^1/_2$ ланамъ; 7) въ селѣ Бернекѣ 14 рейтовъ равнялись 7 ланамъ и 10 югерамъ; 8) въ селѣ Асангѣ 13 рейтовъ равнялись $6^1/_4$ лановъ; 9) въ селѣ Оттеншлагѣ 10 рейтовъ равнялись 6 ланамъ 20 югерамъ [3]). Въ селахъ Мукеншлагѣ и Гласгутѣ

---

[1]) Registrum bon. Rosenberg., p. 26, nr. 213: Villa Stroytslag continet unum mansum... Facit $1^1/_2$ lan. IIII jug. Paczaw.; p. 32, nr. 277: Villa Swancowa Lhota habet VIII laneos de VII reuthonibus... Pessek Bobr de mensura Gerhardi de IIII Jug. Paczowiensis mensure ante Nativitatem s. Marie anno LXXIX mensurati dabunt—ultra mensuram prescriptam in laneis factam; p. 25, nr. 211: Villa Oross continet VIII mansos... Hec hereditas facit septem laneos Paczavienses. Къ послѣднему тексту другой рукою добавлено: Facit VIII lan. X minus jug. Paczaw. Такое же соотношеніе наблюдается въ селахъ Ёдѣ, св. Освальда и Гунтеррейтѣ, принадлежащихъ къ составу австрійскаго имѣнія Гаслахъ: Villa Oed continet II laneos... Hec hereditas facit III laneos Paczawienses (p. 25, nr. 204); Villa de Sancto Oswaldo continet V mansos... Hec hereditas facit $4^1/_2$ laneum Paczawiensem (p. 24, nr. 198); Villa Kuntesreid continet VI laneos... Hec hereditas facit V laneos Paczawienses (p. 25, nr. 203).

[2]) Ibid., p. 25, nr. 210; Villa Reyhnaw continet VI mansos... Hec hereditas facit IV laneos Paczawienses. Позднѣе была сдѣлана другая приписка: Facit VIII laneos Paczaw. cum II reuthonibus Jewgenpergeri, que habet in feodo.—Такой же размѣръ имѣли рейты и въ селѣ австрійскомъ Альтмесбергѣ: Villa Altmansperch continet III laneos... Hec hereditas habet II laneos de mensura Paczawiensi (p. 24, nr. 202).

[3]) *Ibid*, p. 25, nr. 207: Villa Obermarthslag continet X mansos... Facit VI lan. XX jug. Paczawiensia; nr. 208: Villa Nidrmarthslag continet X mansos... Facit VI lan. Paczawienses; nr. 212: Villa Roznaw continet XX laneos seu mansos... Facit X laneos; p. 26, nr. 215: Item in Gallo unus mansus... Facit $^1/_2$ lan. et VI jug. Paczaw.; nr. 217: Item Reuterslag continet XXII mansos... Facit X lan. et XX jug.; nr. 218: Item in Multersperch cum molendino sunt XXIIII mansi... Facit $9^1/_2$ lan. mensurationis Paczawiensis; nr. 219: Item Pernek continet XII mansos vel XIIII cum molendino et uno reutone... Facit VII lan. et X jug.; nr. 220: Item Ansag XIII mansos cum molendino... Facit VI lan. 1 quartale; nr. 221: Item Ottenslag continet X mansos... Facit VI lan. XX jug. Такого-же размѣра были рейты въ австрійскомъ селѣ Гёрлейнсёдѣ: Villa Hornleinsed continet XXIII mansos... Facit $12^1/_2$ laneum Paczawiensem (p. 24, nr. 199).

рейты были исключительно малаго размѣра, такъ какъ 7 рейтовъ перваго села составляли всего только 2½ Пацовскихъ лана, а 16 рейтовъ второго—6 лановъ и 4 югера [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно сказать, что рейтъ, подобно славянской дѣдинѣ, не представлялъ площади всегда опредѣленнаго или постояннаго размѣра [2]): въ исключительныхъ случаяхъ онъ равнялся Пацовскому лану или даже нѣсколько превосходилъ его по величинѣ, т. е. заключалъ въ своемъ составѣ 48 югеровъ или немного болѣе, но въ большинствѣ случаевъ въ площади его заключалось 24—30 югеровъ или стриховъ Пацовской мѣры [3]).

На установленіе величины рейта, подобно тому, какъ это наблюдалось и по отношенію къ славянскимъ поземельнымъ единицамъ, имѣло вліяніе плодородіе земли [4]), иначе говоря—расположеніе поселенія въ гористой мѣстности или въ долинѣ, такъ какъ въ Будеёвскомъ краѣ вообще и въ частности въ Крумловскомъ округѣ, гдѣ находилось имѣніе св. Ѳомы, плодородіе почвы находилось въ зависимости прежде всего отъ высоты положенія [5]). Дѣйствительно, село Мукеншлагъ лежитъ на горахъ, а сосѣднее село Урешъ въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, и соотвѣтственно съ этимъ рейты перваго села, какъ было указано, отличаются особенно малымъ размѣромъ, тогда какъ рейты второго села принадлежатъ къ числу наиболѣе громадныхъ. Села Оберъ-Марктшлагъ и Оттеншлагъ расположены были въ долинахъ, а сосѣднія съ первымъ Унтеръ-Марктшлагъ и со вторымъ Асангъ лежали на горахъ, а потому рейты въ первыхъ двухъ селахъ имѣли сравнительно большую величину, около 31 стриха, тогда какъ рейты Унтеръ-Марктшлага заключали въ себѣ 28 стриховъ, а рейты села Асанга—только 23 стриха каждый. Поселокъ Стройтшлагъ, въ которомъ рейтъ соотвѣтствовалъ полутора ланамъ и 4 стрихамъ Пацовской мѣры, т. е. заключалъ въ себѣ 76 стриховъ,—находился, несомнѣнно,

---

[1]) Ibid., p. 25, nr. 209: Villa Muknslag continet VII mansos... Hec hereditas facit $2^1/_2$ laneum Paczawiensem. Къ этому другой рукой было прибавлено: Facit III lan. Paczaw. cum molendini hereditate, que Harmastein dicitur; p. 26, nr. 222: Glashut continet XVI mansos... Facit VI lan. et IIII jug. Paczaw.

[2]) См. *А. Ясинскій*, Очерки и изслѣдованія, стр. 223—225.

[3]) Тругляръ, издатель урбарія Розенбергскихъ имѣній, полагалъ ошибочно, что ланъ, мансъ и рейтъ—единицы одинаковаго размѣра. См. введеніе, стр. 3. Эта ошибка была отмѣчена его рецензентомъ (*J. M. Klimesch* въ журналѣ Mittheilungen d. Ver. f. Gesch. d. Deutschen in Böhmen, Bd XX, Litt. Beil., S. 26—28), который совершенно справедливо указалъ, что рейтъ и ланъ не одна и та же единица, но при этомъ, неосновательно считая ланъ всегда равнымъ 60 югерамъ или іохамъ, ограничился замѣчаніемъ, что рейтъ имѣлъ менѣе 60 югеровъ.

[4]) *А. Ясинскій*, Очерки и изслѣдованія, стр. 228—229.

[5]) *Sommer*, Bd. 9, S. XIX—XX, XXVII, 230—231.

въ плодородной долинѣ, простиравшейся въ направленіи съ запада на востокъ, къ сѣверу отъ селъ Уреша и Розенау.

Наконецъ, подобно тому, какъ дѣдины даже въ предѣлахъ одного села оказывались различной величины [1]), и рейты въ селѣ Винау или Щиптоньѣ также были двоякаго размѣра [2]).

Такимъ образомъ, рейты во всѣхъ отношеніяхъ напоминали славянскія поземельныя единицы, рѣзко отличаясь отъ извѣстнаго типа колонизаціоннаго германскаго манса или гуфа.

Всѣ эти данныя даютъ основаніе утверждать, что баварско-австрійскіе колонисты не внесли въ сельскую жизнь Чехіи ничего своеобразнаго, никакой новой культурной практики, такъ какъ формы жизни и строя сельскаго и простого люда славянскаго и нѣмецкаго народовъ, принадлежавшихъ къ одному арійскому племени, въ сущности были однородны и тождественны вплоть до XIV вѣка. Самая же мысль представлять нѣмецкаго крестьянина какимъ-то культуртрегеромъ является странной и слишкомъ притязательной.

23 окт. 1904 года.
Г. Юрьевъ.

---

1) *Ясинскій*, Очерки, стр. 224, 229—230.
2) Registrum bonorum Rosenbergicorum, p. 12, nr. 85.

рейты были исключительно малаго размѣра, такъ какъ 7 рейтовъ перваго села составляли всего только 2½ Пацовскихъ лана, а 16 рейтовъ второго—6 лановъ и 4 югера [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно сказать, что рейтъ, подобно славянской дѣдинѣ, не представлялъ площади всегда опредѣленнаго или постояннаго размѣра [2]): въ исключительныхъ случаяхъ онъ равнялся Пацовскому лану или даже нѣсколько превосходилъ его по величинѣ, т. е. заключалъ въ своемъ составѣ 48 югеровъ или немного болѣе, но въ большинствѣ случаевъ въ площади его заключалось 24—30 югеровъ или стриховъ Пацовской мѣры [3]).

На установленіе величины рейта, подобно тому, какъ это наблюдалось и по отношенію къ славянскимъ поземельнымъ единицамъ, имѣло вліяніе плодородіе земли [4]), иначе говоря—расположеніе поселенія въ гористой мѣстности или въ долинѣ, такъ какъ въ Будеёвскомъ краѣ вообще и въ частности въ Крумловскомъ округѣ, гдѣ находилось имѣніе св. Ѳомы, плодородіе почвы находилось въ зависимости прежде всего отъ высоты положенія [5]). Дѣйствительно, село Мукеншлагъ лежитъ на горахъ, а сосѣднее село Урешъ въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, и соотвѣтственно съ этимъ рейты перваго села, какъ было указано, отличаются особенно малымъ размѣромъ, тогда какъ рейты второго села принадлежатъ къ числу наиболѣе громадныхъ. Села Оберъ-Марктшлагъ и Оттеншлагъ расположены были въ долинахъ, а сосѣднія съ первымъ Унтеръ-Марктшлагъ и со вторымъ Асангъ лежали на горахъ, а потому рейты въ первыхъ двухъ селахъ имѣли сравнительно большую величину, около 31 стриха, тогда какъ рейты Унтеръ-Марктшлага заключали въ себѣ 28 стриховъ, а рейты села Асанга—только 23 стриха каждый. Поселокъ Стройтшлагъ, въ которомъ рейтъ соотвѣтствовалъ полутора ланамъ и 4 стрихамъ Пацовской мѣры, т. е. заключалъ въ себѣ 76 стриховъ,—находился, несомнѣнно,

---

[1]) Ibid., p. 25, nr. 209: Villa Mukuslag continet VII mansos... Hec hereditas facit 2½ laneum Paczawiensem. Къ этому другой рукой было прибавлено: Facit III lan. Paczaw. cum molendini hereditate, que Harmastein dicitur; p. 26, nr. 222: Glashut continet XVI mansos... Facit VI lan. et IIII jug. Paczaw.

[2]) См. *А. Ясинскій*, Очерки и изслѣдованія, стр. 223—225.

[3]) Труглярь, издатель урбарія Розенбергскихъ имѣній, полагалъ ошибочно, что ланъ, мансъ и рейтъ—единицы одинаковаго размѣра. См. введеніе, стр. 3. Эта ошибка была отмѣчена его рецензентомъ (*J. M. Klimesch* въ журналѣ Mittheilungen d. Ver. f. Gesch. d. Deutschen in Böhmen, Bd XX, Litt. Beil., S. 26—28), который совершенно справедливо указалъ, что рейтъ и ланъ не одна и та же единица, но при этомъ, неосновательно считая ланъ всегда равнымъ 60 югерамъ или іохамъ, ограничился замѣчаніемъ, что рейтъ имѣлъ менѣе 60 югеровъ.

[4]) *А. Ясинскій*, Очерки и изслѣдованія, стр. 228—229.

[5]) *Sommer*, Bd. 9, S. XIX—XX, XXVII, 230—231.

Андр. Н. Поповымъ въ 1880 г., но по рукописи поздней (южнорусскій сборникъ 1679 г.)[2]). Въ 1884 г. *Ст. Новаковичъ* издалъ иной текстъ книги Еноха по сербской рукописи XVI—XVII в., представляющій, несомнѣнно, сокращеніе полной редакціи, явившееся уже на славянской почвѣ[3]). По этимъ двумъ текстамъ славянскій апокрифъ сдѣлался извѣстенъ западнымъ ученымъ. Въ Англіи *д-ръ Чарльсъ* въ 1896 г. издалъ славянскую „Книгу тайнъ Еноховыхъ“ въ переводѣ на англійскій языкъ съ обширнымъ комментаріемъ[4]). Переводчикомъ славянскихъ текстовъ на англійскій языкъ для д-ра Чарльса явился извѣстный англійскій славистъ *В. Р. Морфиль*, которому нами доставленъ былъ славянскій текстъ пространной редакціи книги Еноха, установленный по открытымъ нами рукописямъ, болѣе древнимъ и исправнымъ, чѣмъ текстъ Попова, принятый также во вниманіе. Къ сожалѣнію, г. Морфиль положилъ въ основу своего изданія текстъ Попова, вѣроятно потому, что переводъ приготовленъ былъ до полученія отъ насъ текста, установленнаго по нѣсколькимъ рукописямъ; изъ нашего текста приводятся многочисленные варіанты, какъ и изъ текста сокращенной редакціи по изданію Новаковича. Надлежащаго взгляда на взаимное отношеніе полной (списокъ Попова) и краткой (списокъ Новаковича) редакцій славянской книги Еноха Морфиль не составилъ, иначе онъ не сталъ бы приводить такъ много варіантовъ изъ текста, изданнаго Новаковичемъ и представляющаго механическое, часто не осмысленное *сокращеніе* древнѣйшаго полнаго *славянскаго* текста. Въ томъ же 1896 г. нѣмецкій ученый Бонвечъ издалъ нѣмецкій переводъ славянской книги Еноха[5]), такъ же по текстамъ Попова и Новаковича, но особо по каждому, справедливо находя неудобнымъ сливать ихъ путемъ подведенія варіантовъ. Уже послѣ подготовки своего перевода Бонвечъ познакомился съ изданіемъ Чарльса и кой-чѣмъ воспользовался изъ сообщеннаго мною Морфилю текста.

Въ это же самое время нами напечатанъ былъ полный текстъ славянской „Книги тайнъ Еноховыхъ“ по открытой нами болгарской рукописи XVI—XVII в. съ варіантами изъ изданія Попова и изъ открытаго также нами русскаго текста въ Ува-

---

[2]) Библіографическіе матеріалы, собранные *Андреемъ Поповымъ*. II—VII. М. 1880. Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив.“ 1880 г. кн. 3.

[3]) „Starine“, izd. Jugosl. Akad. u Zagrebu, knj. XVI, стр. 66—80.

[4]) The Book of the Secrets of Enoch. Translated from the slavonic by *W. R. Morfill* and edited, with introduction, notes and indices by *R. H. Charles*. Oxford. At the Clarendon Press. 1896.

[5]) Das slavische Henochbuch von *N. Bonwetsch*. Berlin. 1896. (Изъ Abhandlungen der königlischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. Neue Folge. Band I Nr 3).

ровской рукописи XV вѣка и съ приложеніемъ латинскаго перевода [6]). Вмѣстѣ съ полной напечатана нами и сокращенная редакція славянской Книги Еноха по неизвѣстному дотолѣ русскому тексту изъ рукописи Е. В. Барсова съ варіантами изъ сербскихъ текстовъ—упомянутаго выше Новаковича и еще—Вѣнскаго, въ копіи г. Стояновича. Послѣ мнѣ стали извѣстны еще новые тексты, въ числѣ ихъ одинъ, очень важный, въ рукописи А. И. Яцимирскаго, молдавскаго письма XVI—XVII в., другой—въ русской рукописи Е. В. Барсова начала XVIII в. Въ приводимыхъ въ настоящей статьѣ выпискахъ изъ Книги Еноха о фениксѣ приняты во вниманіе всѣ находящіеся въ моемъ распоряженіи славянскіе тексты, а не только тѣ, которые были у меня при печатаніи славянской книги Еноха.

Славянская „Книга тайнъ Еноховыхъ" представляетъ собою несомнѣнно переводъ съ греческаго, но греческій текстъ доселѣ не открытъ. Такимъ образомъ только по славянскому тексту можно пока судить о происхожденіи, древности и важности памятника. Несомнѣнно, эта редакція Книги Еноха была извѣстна Оригену (De princ. I, 3, 2, IV, 35), Клименту Александрійскому (Eclog. prophet. III, 456 ed. Dind.), автору „Завѣтовъ 12 патріарховъ" (Test. Dan. 5, Test. Naphth. 4, Test. Juda 18). Замѣтить можно слѣды вліянія этой же редакціи Книги Еноха на апокрифы: Восхожденіе Исаіи, Апокалипсисъ Петра, Павлово видѣніе, Завѣтъ Авраама, а равно и на другіе памятники. Наши изслѣдованія, равно какъ Джемса и Бонвеча, приводятъ къ тому заключенію, что редакція Книги Еноха, дошедшая пока только въ славянскомъ переводѣ, появилась на греческомъ языкѣ (въ зависимости главнымъ образомъ, отъ болѣе раннихъ еврейскихъ матеріаловъ) не позже перваго вѣка по Рождествѣ Христовѣ.

Апокрифическое „Откровеніе Варухово", извѣстное на славянскомъ языкѣ, принадлежитъ, подобно Книгѣ Еноха, къ цѣлому циклу памятниковъ, извѣстныхъ съ именемъ Варуха. Этотъ циклъ составляютъ: I. Библейская „Книга Варуха". II. „Апокалипсисъ Варуха" на сирскомъ языкѣ, написанный въ подражаніе IV (III) Книгѣ Ездры и появившійся послѣ разрушенія Іерусалима. III. „Паралипомена Іереміи" или „Остатки словъ Варуха"—памятникъ, извѣстный на языкахъ греческомъ, эѳіопскомъ, армянскомъ, славянскомъ и румынскомъ. IV. „Апокалипсисъ Варуха" особаго рода, сдѣлавшійся извѣстнымъ впервые на славянскомъ

[6]) Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ *Матвѣя Соколова.* Выпускъ третій. VII. Славянская книга Еноха. II. Текстъ съ латинскимъ переводомъ. Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. 1899 г. кн. IV.

языкѣ, а потомъ открытый въ одномъ спискѣ и на греческомъ. V. „Эѳіопскій Апокалипсисъ Варуха", отмѣченный Дильманомъ, но еще не изданный. Насъ интересуетъ здѣсь только Варухъ IV, такъ какъ лишь въ немъ находится сказаніе о фениксѣ и только онъ наилучше представленъ славянскими текстами.

Въ печати существуютъ слѣдующія изданія славянскихъ текстовъ „Откровеніе Варухова": 1) *Ст. Новаковича* по сербской рукописи XVII в.—Открьвѣнне Варохово—въ Starine, knj. XVIII, 1886 г.; 2) *Тихонравова* въ Сборникѣ отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Н., т. LVIII, № 4, 1894 г., Апокрифическія сказанія, стр. 48: „Откровеніе Варуха" по русской рукописи XV в.; 3) *Лаврова, П. А.* въ томъ же Сборникѣ т. LXVII, № 3: Апокрифическіе тексты, стр. 149: „Откровеніе Варуха" на новоболгарскомъ языкѣ по рукоп. XVIII в.

Съ сербскаго текста, изданнаго Новаковичемъ, упомянутый выше Бонвечъ въ 1896 г. сдѣлалъ нѣмецкій переводъ и снабдилъ краткимъ введеніемъ (См. Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch—historische Klasse. 1896. Heft 1: *N. Bonwetsch.* Das slavisch erchaltene Baruchbuch. S. 91—101).

Мнѣ извѣстны и имѣются въ моемъ распоряженіи еще слѣдующіе славянскіе тексты „Откровенія Варухова": а) открытый мною еще въ 1886 г. сербскій текстъ XIII—XIV в. въ *рук. Сречковича*[7]); б) сообщенный мнѣ въ копіи А. П. Кадлубовскаго текстъ изъ болгарской рукописи XVI в., принадлежащей *М. С. Дринову;* в) русскій текстъ изъ рукописи начала XVIII в., принадлежащей *Е. В. Барсову.*

Въ 1897 г. Джемсъ напечаталъ открытый имъ греческій текстъ Откровенія Варуха по рукописи XV в., а такъ же, въ переводѣ Морфиля на англійскій, и славянскую версію по изданію Новаковича[8]).

Нами приготовлено къ печати изданіе и изслѣдованіе славянскихъ текстовъ Откровенія Варухова, причемъ приняты во вниманіе всѣ извѣстныя намъ рукописи, равно какъ и изданный греческій текстъ. Здѣсь достаточно отмѣтить, что наше „Откровеніе Варухово", или „Варухъ IV", какъ стали называть эту редакцію европейскіе ученые, принадлежитъ къ числу весьма древнихъ памятниковъ: онъ извѣстенъ былъ уже Оригену (De

---

[7]) См. объ этой рукописи въ нашихъ „Матеріалахъ и Замѣткахъ", вып. первый, I—V, М. 18-8 г., стр. 1—20, о Варуховомъ откровеніи стр. 15.

[8]) Texts and studies, contributions to biblical and patristic literature; edited by *T. A. Robinson.* Vol. V. No 1. Apocrypha anecdota II, edited *M. R. James.* Cambridge. 1897. Introd. p. LI—LXXI, Texts p. 84—94 греческій, 95—102 переводъ со славянскаго.

princip. II, 3, 6), находится въ близкой связи съ „Книгой Тайнъ Еноховыхъ“, лежитъ въ основѣ многихъ подробностей „Павлова видѣнія“ и т. д. Бонвечъ, Гарнакъ[9]) и Джемсъ единогласно признаютъ памятникъ очень важнымъ и явившимся не позже второго вѣка по Рождествѣ Христовомъ; по мнѣнію Гарнака, въ основѣ его лежатъ фантастическія представленія, заимствованныя изъ книги болѣе древней. Фантастическій элементъ составляетъ обычную принадлежность позже-іудейской апокалиптики[10]).

Схема славянской „Книги тайнъ Еноховыхъ“ состоитъ въ разказѣ самого Еноха о своемъ путешествіи по семи небесамъ и о видѣнныхъ на нихъ тайнахъ и данныхъ ему откровеніяхъ. Подобную же схему представляетъ и „Откровеніе Варухово“[11]).

Приведемъ сначала сказаніе о фениксѣ изъ „Книги тайнъ Еноховыхъ“. Текстъ мы приводимъ по нашему печатному изданію, упомянутому выше, а варіанты помѣщаемъ въ скобкахъ, заимствуя изъ рукописи Яцимирскаго. Гдѣ тексты значительно расходятся, мы печатаемъ ихъ параллельно.

Енохъ на четвертомъ небѣ разсматриваетъ солнце и луну и изучаетъ ихъ движеніе:

И показаста ми тоу всѣ шествїа и прѣхожденіе и всѧ лоучѧ свѣта сл҃нчнаго и мѣсѧчнаго (*П** лоуннаго). И размѣрихъ шествїа еѫ (*П* ихъ) и сложихъ свѣтъ еѧ (*П* ихъ) и видѣхъ: седмогоубнь (*Я* седморицеѫ) свѣтъ имать сл҃нце паче мѣсѧца (*П* лоуны); крѫгъ еѫ, и колесницѧ еѫ, на немъ же ѧздить (*П* шествоуеть) къждо еѫ, ꙗко вѣтрь ходѧща прѣчюдноѫ бръзостїѧ, и нѣсть има покоа нощь и дьнь ходѧщема же и възвращаѫщимасѧ; и четири ѕвѣзди великыѫ, коеждо (*Я* коѫждо, *П* каѧждо звѣзда) имѫщи подъ собоѫ тисѧщѫ звѣздь ѡдеснѫѧ колеснице слн҃чне и четири ѡшоуѧѫ, имѧщи коеждо подъ собоѫ тысѧщѫ (*П* + звѣздъ). въсѣхъ въкоупь и҃. тисѧщь, и ходѧще съ слн҃цемь винѫ. И водѧть (*П* пазѫть) его въ д҃не еі. тьмѫ аг҃гль, а въ нощы тисѫща аг҃гль. Комоуждо аг҃глоу по шесть крыль, иже ходѧть пред колесницеѧ (*Я* и ходѧть аг҃глы прѣдъ коло слн҃чное ѕ҃крылаты въ пламене ѡгньпѣ). И ѡгнь даѧть емоу сто анг҃ль (*Я* и възгарѣеть и раждежеть слн҃це р҃ анг҃ль). (По нашему изданію гл. VI, ст. 1—5).

---

9) *Adolf Harnack.* Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Erster B. 1897. S. 565.

10) О поздне-іудейской апокалиптикѣ, въ частности и о славянскомъ Варухѣ, см. въ книгѣ *кн. С. Н. Трубецкаго:* Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Т. I. М. 1900 г. Ч. II, гл. III, стр. 277 и слѣд.

11) Нѣкоторыя подробности объ апокрифическомъ „Откровеніи Варуха“, см. въ изложеніи нашего доклада въ Славянской Коммисіи Импер. Моск. Археол. Общ., напечатанномъ въ III т. „Древностей, трудовъ Слав. Коммиссіи“ М. 1903 г., протоколы, стр. 24—25.

*) Подъ буквою *П* приводятся варіанты изъ изданія Попова.

Наше изданіе.

И дс҃и лéтѧще обрáзом двѣю птицѹ, едúнь ꙗко фúнеѯь, и дроýгы ꙗко хал кедрїи. образи их львовъ, ноге и ѡпаш и глáва коркóдилоу. вúдѣнїе их ѡбагрено ꙗко доуга ѡблáчна. великота их девѧт съ҃т мѣрь. крила их агглеска, и комоуждe их по .вı҃. крилѣ. иже мѫчет колесницѫ сл҃нцоу. носѧще росѫ и знои. (VI, 6).

Рукоп. Яцимирскаго.

И д҃хы летѣще стихїи слънечный, имена им финизи и хал кедри, стоудныи (*П* чѹдни) и дивный, ѡбразом лъвовомъ и ѡтеи (sic! *П* ноге и) ѡпашь (*П* ѡпáши) и глава коркодилова, видѣнїе их ѡбагрено ꙗко дъга ѡблачнаа, величьствїа их ц҃ мѣрь, и крыла их агглескаа комѫждо по вı҃ крúль, иже пазить (*П* пазѧтъ) и течет (*П* текѹтъ) съ сл҃нцемь носѧ зной и рóсѫ.

И ꙗко повелит г҃ь. тáко ѡбращаѫт. и нисходит и въсходѧт по нб҃си и по земли съ свѣтом лоучь своих.—И несоста мѧ мѫжа та на въстокь нб҃си того и показаста ми врата, имиже происходить сл҃нце по оуставнымъ врѣменемъ и по ѡбхожденїемъ мѣсѧца лѣта въсего и по число (*П* числоу) часоберїѧ дн҃ь и нощь. (Ст. 7—8).

Далѣе (ст. 9—11) слѣдуетъ описаніе солнечныхъ вратъ, шести восточныхъ и шести западныхъ, но его мы здѣсь не приводимъ. Затѣмъ читается слѣдующее:

Наше изданіе.

И егда изыдет ѿ западных врат, и възмѫт четириста агг҃ль вѣнець его и несѫт его къ гоу, а сл҃нце ѡбратѧт съ колесницеѫ его, и прѣходит безь свѣта ,з҃. час нóщи ликьх. И въ ,и҃. час нóщи приносет агг҃лы ,д҃. ста агг҃ль вѣнець и вѣнчаѫт его. и въспоет стúхи, рéкоми фúниксь, и хáлкедри. и тóго ради всѧ птице въстрéпещѫт крыли своúми. радѹѫщесѧ свѣтодáвцоу поѫще гласы своúми. приходить свѣтодавець. и даѫт свѣть твари своеѫ.

(Ст. 12—15).

Рукоп. Яцимирскаго.

Тáко пакы́ захóдит къ восточным врáтом под зéмлеѫ. И съвлѣчет своѐ свѣтило величьствїа, егож свѣтлос (*П* его свѣтлости), понеж оубо ес вѣнéць сїанїе (*П* сїѧнїѧ егó) прѣд бм҃ь, и агг҃лы у҃ пазимїѧ, и солн҃це ѡбходит под зéмлеѫ по колéси, без свѣта велúка, еже ес емоу великаа сїанїе и стéмѫ ,з҃ час велúких въ нѡщ и прѣполовлѣеть под зéмлеѫ кóло и идетъ къ приближенїю въстѡчному. въ и҃ час нóщи, провиде (*П* приводитъ) свѣтила

своа и вѣнець сïáнïе, и раждежетсѧ слнце пач ѡгнѣ. И тогда въспѣваѫт стихïй слнчный рéкомïи финизи и халкедри, тогó ради въсѧ птицѧ въстрéпещѫт крылами своими раздуѫщес живѣтодав цоу (*П* свѣтодáвцꙋ), и въспѣваѫт пѣнïе, повелѣнïе гне прихóдит свѣтодавець дати сïанïе въсемоу мíру. И бѫдет стража оутрънѣà еже сѫт зáри слнчныѧ, и изидет слнце на лíце зéмноѐ, и прïимет сïанïе своѐ просвѣтити въсе лíце зéмноé.

Изложимъ своими словами сказанiе „Книги тайнъ Еноховыхъ“ о фениксѣ. Солнце и луна ѣздятъ по своимъ кругамъ на колесницахъ, быстро, какъ вѣтеръ, безпрестанно, днемъ и ночью. По сторонамъ солнцу постоянно сопутствуютъ звѣзды: съ правой стороны четыре великiя звѣзды и четыре съ лѣвой, каждая имѣетъ подъ собою по тысячѣ звѣздъ, всего восемь тысячъ.

Водятъ (мчатъ, пазятъ=охраняютъ) солнце днемъ пятнадцать тысячъ ангеловъ, а ночью тысяча; у каждаго изъ ангеловъ, ходящихъ передъ солнечною колесницею, по шести крыльевъ.

Огонь даютъ солнцу сто ангеловъ.

Передъ солнцемъ летятъ *духи*, солнечныя стихiи, въ образѣ двухъ птицъ; одна какъ (называется) фениксъ, другая какъ (называется) халкедрiй (халкадръ, халкидры). Странные, удивительные образы (лица) ихъ похожи на львиные; ноги же, хвостъ и голова—какъ у крокодила. Видъ ихъ багровый, какъ радуга. Величина ихъ—девятьсотъ мѣръ. У нихъ ангельскiя крылья, у каждаго по 12 крыльевъ. Они охраняютъ (мчатъ) колесницу солнца, (солнце), сопутствуя ему постоянно, нося росу и зной.

Когда солнце днемъ пройдетъ отъ восточныхъ вратъ до западныхъ, четыреста ангеловъ снимаютъ съ солнца его вѣнецъ, дающiй ему сiянiе, и относятъ его къ Господу; солнце же въ теченiе семи ночныхъ часовъ совершаетъ обратный путь безъ свѣта (по кругу, подъ землею).

Въ восьмомъ часу ночи четыреста ангеловъ приносятъ вѣнецъ и вѣнчаютъ солнце.

Тогда солнечныя стихiи, фениксъ и халкедрiй, начинаютъ

пѣть, а вслѣдствіе этого и всѣ птицы вострепещутъ крыльями и воспѣваютъ, радуясь свѣтодавцу, который даетъ свѣтъ всему міру.

Итакъ фениксъ и халкедрій, по книгѣ Еноха, духи или солнечныя стихіи; внѣшнимъ видомъ похожи на птицъ, имѣютъ по 12 крыльевъ, но съ лица, образа похожи на льва, а съ ногъ, хвоста и головы — на крокодила. Описаніе не совсѣмъ ясное, отчетливое, ибо, во-первыхъ, не совсѣмъ понятно, какъ съ лица—образа можно быть похожимъ на льва, а съ головы на крокодила; во вторыхъ, это сходство по внѣшнему виду со львомъ и крокодиломъ относится ли къ обоимъ существамъ, или только ко второму—халкедрію, или же фениксъ—похожъ на льва, а халкедрій на—крокодила.

Какъ бы то ни было, фениксъ и халкедрій — странныя по виду, багровыя цвѣтомъ, 12-крылыя, огромныхъ размѣровъ — птицы, предшествующія солнцу въ его движеніи, охраняющія (что?—солнце? колесницу? міръ?) и носящія росу и зной.

Обратимся теперь къ откровенію Варуха, въ которомъ въ изображеніи солнца найдемъ много сходнаго.

Въ виду разницы въ текстахъ мы не будемъ пользоваться однимъ какимъ либо изъ нихъ, а на основаніи всѣхъ, намъ извѣстныхъ, соберемъ тѣ черты, какими въ откровеніи рисуются солнце и предшествующая ему птица.

Солнце выѣзжаетъ на огненной колесницѣ (*греч.* съ четырьмя возницами: ἅρμα τετραέλαστον, *Сречк.*: ороужиꙗ четвороѡбразна), кони огненные; это пернатые (крылатые) ангелы. Солнце имѣетъ видъ мужа съ огненнымъ вѣнцемъ на головѣ; несутъ (везутъ, гонятъ) колесницу сорокъ (20 *Сречк.*) ангеловъ.

Впереди солнца летитъ птица (величиною какъ девять горъ *греч.*), крылья ея отъ востока до запада. Птица эта — хранило (хранительница) міра, она распростираетъ свои крылья и заслоняетъ огненные лучи (заклмлеть *Ср.*, *Др.*, закриваеть *Нов.*, щититъ огненный зракъ *Барс.* *Тих.*; *греч.*: δέχεται τάς πυριμόρφους ἀκτῖνας) солнца; если бы она не заслоняла солнечныхъ лучей, то ни родъ человѣческій и никакая тварь не могла бы стерпѣть солнечнаго пламени; Богъ повелѣлъ этой птицѣ служить всей вселенной до скончанія вѣка.

На правомъ крылѣ этой птицы находится огромная золотая надпись, какъ большой токъ (*греч.* приб. ὡς ἅλωνος τόπον ἔχων μέτρον ὡσεὶ μοδίων τετρακισχιλίων, *Барс.* величество ея, яко на единомъ крылѣ посѣяти триста кубѣль маку), такого содержанія: „ни земля меня родила, ни небо, но родилъ меня престолъ отца" (прѣстоль ѿчь *Сречк.* *Дрин.*; *Лавр.* престолъ божій; *нов.*—сынъ

своа и вѣнець сїа́нїе, и раждежетсѧ сл҃нце пач ѡгнѣ. И тогда въспѣваѫт стихїи сл҃нчный ре́комїи финизи и халкедри, того́ радк въсѧ птицѧ въстре́пещѫт крылами своими радуѫще живѣтодавцоу (*П* свѣтода́вцꙋ), и въспѣваѫт пѣнїе, повелѣнїе гн҃е прихо́дит свѣтодавець дати сїанїе въсемоу ми́ру. И бѫдет стража оутрънѣа̀ еже сѫт за́ри сл҃нчныѧ, и изидет сл҃нце на ли́це зе́мноѐ, и прїимет сїанїе своѐ просвѣтити въсе ли́це зе́мноé.

Изложимъ своими словами сказаніе „Книги тайнъ Еноховыхъ“ о фениксѣ. Солнце и луна ѣздятъ по своимъ кругамъ на колесницахъ, быстро, какъ вѣтеръ, безпрестанно, днемъ и ночью. По сторонамъ солнцу постоянно сопутствуютъ звѣзды: съ правой стороны четыре великія звѣзды и четыре съ лѣвой, каждая имѣетъ подъ собою по тысячѣ звѣздъ, всего восемь тысячъ.

Водятъ (мчатъ, пазятъ=охраняютъ) солнце днемъ пятнадцать тысячъ ангеловъ, а ночью тысяча; у каждаго изъ ангеловъ, ходящихъ передъ солнечною колесницею, по шести крыльевъ.

Огонь даютъ солнцу сто ангеловъ.

Передъ солнцемъ летятъ *духи*, солнечныя стихіи, въ образѣ двухъ птицъ; одна какъ (называется) фениксъ, другая какъ (называется) халкедрій (халкадръ, халкидры). Странные, удивительные образы (лица) ихъ похожи на львиные; ноги же, хвостъ и голова—какъ у крокодила. Видъ ихъ багровый, какъ радуга. Величина ихъ—девятьсотъ мѣръ. У нихъ ангельскія крылья, у каждаго по 12 крыльевъ. Они охраняютъ (мчатъ) колесницу солнца, (солнце), сопутствуя ему постоянно, нося росу и зной.

Когда солнце днемъ пройдетъ отъ восточныхъ вратъ до западныхъ, четыреста ангеловъ снимаютъ съ солнца его вѣнецъ, дающій ему сіяніе, и относятъ его къ Господу; солнце же въ теченіе семи ночныхъ часовъ совершаетъ обратный путь безъ свѣта (по кругу, подъ землею).

Въ восьмомъ часу ночи четыреста ангеловъ приносятъ вѣнецъ и вѣнчаютъ солнце.

Тогда солнечныя стихіи, фениксъ и халкедрій, начинаютъ

нечные лучи, иначе погибла бы на землѣ вся тварь. Въ книгѣ Еноха не дается прямого указанія, для чего птицы фениксъ и халкедрій состоятъ при солнцѣ. По однимъ варіантамъ онѣ *мчатъ*, *везутъ* колесницу солнца, но тутъ же рядомъ, нѣсколько ранѣе, говорится, что солнечную колесницу *везутъ* собственно *особые ангелы*, пятнадцать тысячъ ангеловъ днемъ и тысяча ночью, какъ и по Варуху колесницу везутъ крылатые кони-ангелы. По другимъ варіантамъ фениксъ и халкедрій *пазятъ* и *текутъ* съ солнцемъ, нося росу и зной. *Пазити* значитъ беречь, охранять, сторожить. Что же охраняютъ птицы? Если солнце, то отъ чего? При томъ въ нѣкоторыхъ текстахъ книги Еноха говорится, что фениксъ и халкедрій *мчатъ*, или *пазятъ* солнце, *нося росу и зной*. Для охраненія чего здѣсь роса и зной? Изъ книги Еноха этого не видно. Откровеніе Варуха, напротивъ, вполнѣ осмысливаетъ эту подробность: фениксъ защищаетъ землю отъ солнечнаго жара, а потому роса, которую онъ, по Еноху, носитъ, вполнѣ понятна у защитника земли отъ зноя. Что касается зноя, носимаго птицами вмѣстѣ съ росою, то его, можетъ быть, слѣдуетъ отнести на долю другой солнечной птицы, спутницы феникса, на долю халкедрія, о которомъ въ откровеніи Варуха не упоминается вовсе.

Въ книгѣ Еноха говорится, что утромъ, когда ангелы вновь надѣваютъ вѣнецъ на солнце, фениксъ и халкедрій воспѣваютъ, вслѣдствіе чего всѣ птицы на землѣ трепещутъ крыльями и поютъ, радуясь свѣтодавцу, который приходитъ и даетъ свѣтъ твари своей.

То же самое, только съ большими подробностями и обстоятельностью, говорится о фениксѣ и въ Откровеніи Варуха. Когда послѣ ночи отдѣляется свѣтъ отъ тьмы и раздается грохотъ отворяемыхъ ангелами солнечныхъ воротъ, фениксъ хлопаетъ крыльями и поетъ: „Свѣтодавче, пошли свѣтъ твой міру". Тогда и на землѣ пробуждаются и поютъ пѣтухи.

Въ Откровеніи Варуха о фениксѣ, какъ солнечной птицѣ, находимъ еще подробности, которыхъ нѣтъ въ книгѣ Еноха. Такъ въ откровеніи указывается, какое дѣйствіе производятъ на феникса солнечные лучи въ теченіе дня: фениксъ дряхлѣетъ, тощаетъ, опускаетъ крылья (какъ будто даже совсѣмъ исчезаетъ, или таетъ, потому что) утромъ снова мало по малу ростетъ, полнѣетъ и, вмѣстѣ съ прибавленіемъ солнечнаго свѣта, постепенно распростираетъ крылья.

Итакъ, связь книги Еноха и Откровенія Варуха въ изображеніи феникса не можетъ подлежать сомнѣнію. Если ставить вопросъ о заимствованіи, то, конечно, старшинство придется признать за Откровеніемъ Варуха, такъ какъ въ немъ полнѣе,

осмысленнѣе изображеніе загадочной птицы. Если сходство объяснять общностью источника, то откровеніе полнѣе и обстоятельнѣе воспроизвело этотъ источникъ. И тотъ и другой случай, т. е. или заимствованіе, или пользованіе однимъ общимъ источникомъ, должно отнести, конечно, не къ славянскимъ текстамъ, а къ ихъ греческимъ оригиналамъ, при томъ къ очень древнему времени, именно ко времени перваго столѣтія по Р. Хр.

Въ Откровеніи Варуха въ изображеніи феникса находимъ еще черты, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ книгѣ Еноха.

Кромѣ упомянутой уже надписи на крылѣ, Откровеніе сообщаетъ въ нѣкоторыхъ текстахъ, что, во 1-хъ, фениксъ питается манной небесной и росой земной, во 2-хъ, онъ производитъ кинамонъ (корицу), которымъ помазуются цари.

Для объясненія этихъ особенностей феникса, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію многочисленныхъ сказаній объ этой птицѣ, извѣстныхъ на разныхъ языкахъ съ древнѣйшихъ временъ. Но въ настоящей статьѣ въ нашу задачу это не входитъ.

Почаевскій Сборникъ Кіевской Духовной Академіи молдаво-болгарской редакціи XVI вѣка со стороны своего языка [1]).

А. М. Лукьяненко.

Сборникъ молдаво-болгарской редакціи XVI-го вѣка, принадлежавшій прежде библіотекѣ Почаевской Успенской Лавры, а затѣмъ переданный въ силу указа Святѣйшаго Синода отъ 11 декабря 1874 г. въ библіотеку церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи (№ 116), представляетъ собой чрезвычайно интересный памятникъ какъ по своему содержанію, такъ, въ особенности, по своему языку.

Впервые рукопись эта была кратко и не особенно точно описана со стороны своего содержанія студентомъ Академіи Василіемъ Березинымъ въ „Описаніи рукописей Почаевской Лавры". Кіевъ 1881 г. Полное и болѣе точное описаніе содержанія рукописи было сдѣлано профессоромъ Кіевской Духовной Академіи К. Д. Поповымъ, напечатано оно академикомъ Ягичемъ въ его прекрасномъ и обширномъ трудѣ: „Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ" (Изслѣдованія по русскому языку, изданіе Отдѣленія рус. яз. и словесн. Импер. Академіи Наукъ, т. I стр. 576—581).

Содержаніе сборника отличается большимъ разнообразіемъ, въ немъ находятся болѣе популярныя произведенія по всѣмъ интересовавшимъ въ то время читавшую и писавшую публику вопросамъ религіи, науки и жизни. Такъ, въ началѣ идутъ слова, поученія и извлеченія изъ твореній св. отцевъ и учителей церкви, все это статьи религіозно-поучительнаго характера съ болѣе или менѣе ярко выраженнымъ аскетическимъ колоритомъ: св. Василія Великаго слово „ка́ко досто́итъ

[1]) Авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность г. библіотекарю К. Д. Академіи *А. С. Крыловскому* за любезное предоставленіе ему тѣхъ удобствъ, какими онъ пользовался при занятіяхъ рукописями.

инокѡм быти нестѧжателнѡмь", св. Аѳанасія Великаго, архіеп. Александрійскаго „слово ѡглавлено къ заповѣдемь б҃жіамь всѣм ѿвръгшіи҆сѧ мира и хотѧщи҆ спастисѧ", съ ярко выраженнымъ аскетическимъ направленіемъ: все мірское губитъ душу инока „ꙗко ръжда снѣдае[т] желѣзо"; его же „слово полезно ѡ иночьскѡм житіи"; повѣданіе „ѿца 'Исаїѧ"; слово Ѳеофила архіеп. Александрійскаго „ѡ с҃тѣм приношенїи"; препод. Стефана Ѳивейскаго „заповѣди ѿрекшїихсѧ мира и иже въ мирѣ"; его же „о бдѣних всенощних..."; св. Макарія Великаго „о еже како подобаеть быти инокоу"; св. І.-Златоуста „о м҃з"; отрывокъ изъ слова препод. Симеона Новаго Богослова; „рѣчи избрани ѿ с҃тог Дороѳеа ѕѣло полезны"; слово Метафраста „ѡ покаании"; „что есть ѡбразь иночьскаго жительства"; „кое ес по иночьскому жительствоу с҃щеноначѧліе"; ѡ ѡбразѣ зрака иночьскаго ѡдѣанїа"; „что сѫт ѡбразы ц҃рковнаго с҃щеноначѧлнаго оустроенїа"; „оустави б҃говидѣтелни"; „ѡ повиновани и послоушанїи"; „главизны ѡ сънныих искоушенихь" (начало этой статьи—на 66б страницѣ, а не на 66а, какъ показано у Попова—стр. 577); „о еже како подобаеть въземати м҃лстынѧ безмлъвнику"; слово І.-Златоуста „на с҃тѫѧ пасхѫ" (у Попова—„пасха"—577); слово препод. Дороѳея „ѡ постѣ"; слово Макарія о поминовеніи усопшихъ (начало на 79б стр., а не на 79а); отвѣтное посланіе послѣдняго болгарскаго патріарха Евѳимія Трновскаго на вопросъ изъ области церковной практики Никодиму Тисменскому, первому основателю монастырей въ Валахіи; „оуставленїе с҃тых ѿць ѡ жити всего лѣта"; „правила" св. Іоанна постника, „ѿ правиль с҃тых ѿць".

Послѣ этого длиннаго ряда статей одного направленія идетъ какъ бы отдѣлъ философіи и логики: извѣстное посланіе св. Іоанна Дамаскина къ св. Космѣ еп. Маіумскому (*κεφάλαια φιλοσοφικά*) съ пояснительными чертежами и схемами (л. 109а—204а).

Затѣмъ выступаетъ отдѣлъ филологическій, представленный здѣсь тремя популярнѣйшими произведеніями древне-славянской письменности: знаменитой апологіей славянскихъ письменъ черноризца Храбра, статьей „о восьми частяхъ слова", авторомъ которой считаютъ иногда св. І. Дамаскина, а переводъ на славянскій языкъ приписываютъ, тоже безъ достовѣрныхъ данныхъ, Іоанну экзарху болгарскому, и, наконецъ, — извлеченіемъ изъ сказанія „о письменехь" Константина философа (Костенчскаго) (л. 205а—236б).

Послѣ теоретико-грамматической части идетъ Пасхалія, составленная „Гюргемь Црьноевикем" со статьей „о свѣтѣ,

ѡгни, свѣтилницѣхь слнца же луны и ѕвѣздъ"—астрономическаго и космологическаго характера.

Послѣ этого небольшого экскурса въ область естествознанія слѣдуетъ рядъ статей полемическаго, обличительнаго характера, направленныхъ противъ латинянъ (азимитовъ) и нѣмцевъ: весьма интересное по живости изложенія въ формѣ діалога „сьпрѣніе панагїѡта философа съ вї гардинари", касающееся не только вопросовъ религіи, но и проблеммъ мірозданія; далѣе—небольшія статьи о вечеряхъ Христовыхъ, о генеалогіи Христовой, вопросы и отвѣты о вѣрѣ христіанской, „сл(л)вооуказанїе ѡ ги іѵ хѣ" въ опис. Попова: слово во оуказанїе—578); послѣ этихъ статеекъ идетъ: „повѣсть полезнаа ѡ латинѡх....... како изобрѣтѡшѧ себѣ ереси"—статья полемико-историческая; затѣмъ идутъ того же направленія: „слово ѡ нѣмечьскѡм прѣльщени како прѣльсти их гнѣвы Пѣтрь", три слова Никиты протосиггела Никейскаго, Петра Антіохійскаго и св. Никона „ѡ безквасной слоужбѣ", повѣствованіе о семи соборахъ вселенскихъ, вопросы и отвѣты „ѿ еѵглскых реченіи" и затѣмъ большое посланіе св. Аѳанасія архіеп. Александрійскаго къ Антіоху князю въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Послѣ этихъ статей полемическаго направленія идетъ апокрифическая статья „ѿ прѣмѫдрости сотмѡнѧ како ıасти въ всѧ мсцѧ" и такое же „творенїе "Езры прр҃ка", состоящее изъ примѣтъ о погодѣ, войнѣ и урожаѣ на основаніи того, въ какой день придется рождество Христово (конца статьи нѣтъ).

Послѣднею частью въ сборникѣ является часть историческая: „Сказанїе вькратцѣ лѣтом сѫщим ѿ адама до нынѣшнѣго врѣмене родом"—[а) всемірная хроника отъ Адама до 1425 г. (Мануилъ Палеологъ), в) сербская лѣтопись отъ 1355 г. († Стеф. Душан.) до 1490 г. и с) драгоцѣнная болгарская лѣтопись отъ 1296 г. до 1413 г.] и, наконецъ: Сказанїе вькратцѣ ѡ молдавскых гпрехь" отъ начала Молдавской земли (1359 г.) по 1554 г., съ дальнѣйшимъ продолженіемъ скорописью, гдѣ имѣется дата: 1561 г.

Таково содержаніе даннаго сборника, изъ всего этого богатаго содержанія напечатаны слѣдующія части: румынскій ученый, историкъ Богданъ издалъ въ XIII т. „Archiv'a für slav. Philologie" (1891 г.) всю историческую часть, кромѣ сказанія о молдавскихъ господаряхъ, т. е. л. 422а—447б подъ заглавіемъ: „Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtschreibung" и выяснилъ ея важное историческое значеніе; онъ же сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ о языкѣ этой именно части сборника. На эту работу послѣдовала въ слѣдующемъ же томѣ „Archiv'a für slav. Phil." обширная рецензія Иречка: „Zur Würdigung der neuentdeckten bulgarischen Chronik", гдѣ почтенный ученый, при-

знавая всю важность болгарской лѣтописи, доказываетъ недостовѣрность нѣкоторыхъ датъ (смерть I-Александра). Затѣмъ ак. Ягичъ въ „Разсужденіи старины о ц.-слав. языкѣ“ (1895 г.) напечаталъ конецъ извлеченія изъ сказанія о письменахъ Константина философа, л. 234 б. (конецъ)—236 б., и вообще въ своей работѣ принималъ во вниманіе этотъ важный по своей цѣльности списокъ извлеченія изъ труда Константина философа. Наконецъ, проф. Калужняцкій въ своемъ прекрасномъ новомъ трудѣ: „Werke des patriarchen von Bulgarien Euthymius nach den besten Handschriften“ Wien 1901 г. напечаталъ отвѣтъ Евѳимія Никодиму, л. 86б—90а. Исторической части даннаго сборника удѣлилъ двѣ страницы и проф. Сырку въ трудѣ: „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.“, т. I, вып. 1 стр. 504—506; по мнѣнію Сырку, оригиналъ „сказанія“ оконченъ въ 1358-омъ г., а затѣмъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія.

Заключающійся въ сборникѣ списокъ сказанія черноризца Храбра мы сличали со спискомъ того же сказанія, находящимся въ другой рукописи церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи № 37, представляющей собой сборникъ въ 173 л. (безъ конца) XVI—XVII вв. русской редакціи; сказаніе носитъ обычное для русскихъ редакцій заглавіе: „Сказаніе како состави с҃тыи Кѵри҄ философъ азбуку по ꙗзыку словеньску и книги преведе ѿ греческихъ на словен҄скій ꙗзык“ (л. 135—141, скоропись), затѣмъ—съ напечатанными Ягичемъ въ „Разсужденіи“ списками сказанія: по болгарскому сборнику 1348 г. Императ. Публичн. Библіотеки, по рукописи русской редакціи (весьма важной) Московской Духовной Академіи, по среднеболгарскому сборнику Королевской Берлинской Библіотеки XIII в. (передѣлка), по рукоп. рус. ред. Синодальной Библіотеки XVII в. и по Бѣлградской рукописи сербской ред. XVIII в. (стр. 956—959). Вообще апологія славянскихъ письменъ черноризца Храбра сохранилась во многочисленныхъ спискахъ, весьма мало разнящихся другъ отъ друга. Отъ шести перечисленныхъ выше списковъ списокъ нашего сборника отличается слѣдующей любопытной особенностью: Послѣ обычной даты ѕтѯг (855 г. отъ Р. Хр.) и обычнаго окончанія идутъ три строки, писанныя той же рукой, что и все предыдущее, въ этихъ строкахъ дается вторая дата и перечисляются ученики св. братьевъ, какъ сотрудники ихъ въ данномъ дѣлѣ: „Кѵриль и братъ моу Меѳодіе. гоораздо. Кліментъ. Наоумъ. аггеларіе. сава. лавре҄діе лѣ҃ ѕу҃кд (6424, т. е. 916 г. нашей эры)! Сборникъ 1348 г. и Синодальная рукопись даютъ 855 г.; рукопись М. Д. Ак.—795 (ѕтг; б. можетъ пропускъ!), въ Бѣлградской рукописи есть, кромѣ даты 855, въ записи (не въ

текстѣ) послѣ сказанія указаніе на 829 г.: отъ ѕ҃ѱ҃лз (7237—1729) до времени Кирилла и Меѳодія ц (900) лѣтъ!

Вообще нашъ списокъ ближе всего къ списку въ сборникѣ 1348 г., а затѣмъ—къ списку М. Д. Ак. Списокъ же рукоп. № 37 К. Д. Ак. весьма близокъ къ Синодальному списку XVII в., къ нимъ же отчасти приближается и Бѣлградскій списокъ.

Укажемъ слѣдующія *отличія* нашего списка отъ другихъ, въ общемъ несущественныя, но порой представляющія любопытныя ошибки и непониманія нѣкоторыхъ мѣстъ:

гръ поо^д^бѧщесѧ 205б (сбрн. 1348 г. и друг.—гръ*ци*....), на ѿвръстїе оусть въ разоу^м^ оучѧщи^м^ боуква^х^ 205б (1348—оучѧщим *сѧ* буква*мъ*, М. Д. Ак.—учѧщиимсѧ буква^м^, Синод.—оучащимсѧ боуквамъ, К. Д. Ак. № 37—оучащи^м^сѧ бук̑вамъ).

ѡна письмена... възгласитсѧ и исповѣдаѫтсѧ 206а (1348—възгласѧтсѧ и исповѣдаѫтсѧ; М. Д. Ак.—възгла*си*тсѧ, исповѣдаѫтсѧ; Синод.—воз̑гласѧтсѧ и исповѣдѧтсѧ; К. Д. Ак. № 37—во^з^гласıатсıа и исповидıатсѧ).

чесомоу.... словѣнскы кнїгы ни того бо е^с^ б҃гъ сътворилъ, то ни агг҃ли 206а (1348—ни того... ни *то*; М. Д. Ак.—ни того... ни *того*; Синод. и К. Д. Ак. № 37—тѣхъ).

ѿ кона 206а (1348— ѿ кона, М. Д. Ак.—искони; Синод. и К. Д. Ак. № 37—ѿ закона).

къ тацѣ^м^ безоумїемь 206б (1348—безоуми*емь*! М. Д. Ак., Берлин., Синод. и К. Д. Ак. № 37—безумны(и)м).

Панами^д^ 207а (1348—Па*нами*^д^! М. Д. Ак.—Палумид, Синод.—Паламидъ, Бѣлград.—Паламидь, К. Д. Ак. № 37—Палами^д^).

Кадъмь лисїи 207а (1348—Кадьмъ *ми*лисїи, М. Д. Ак.—Кадмъ милїсии, Синод.—Кадмосъ и Миликїи (!), К. Д. Ак. № 37—Кадмосъ имиликїи).

Любопытное непониманіе слова: аще ли въпроси (не дописано) словѣнскыѧ блъгари 208а (1348—въпросиши словѣн̑скыѧ боукарѧ, М. Д. Ак...., боукварѧ, Синод.... буквареи, Бѣлград.... боукварѣ, К. Д. Ак. № 37—букварей).

Растица кнѧза морска (на поляхъ: мора^в^ска) 208а (1348—Растица.... *мор̑ска!* въ друг.—морав(ь)ска; Берлин.—Ростислава).

Коцелѣ кнѧза *братенска* 208а (1348—Коцелѣ блатен̑ска, М. Д. Ак.—Коцлѧ.... блатьска, Синод.—Костелѧ блатыньска, К. Д. Ак. № 37—Костелѧ.... блатин̑ска).

При обычной датѣ 855 перечисляются: Михаилъ, царь греческій, и князья: Борисъ, Ростиславъ (Растица) и Коцелъ. То же самое мы находимъ и въ сбрн. 1348 г., и въ рукоп. М. Д. Ак. (дата 795); въ Берлин. сбрн. упоминаются: Михаилъ, Борисъ и

Ростиславъ (даты нѣтъ вовсе); въ Синод. сп.—Михаилъ, мать его Ѳеодора, патріархъ Фотій, князья: Борисъ, Ростиславъ, Коцелъ; въ К. Д. Ак. № 37—тѣ же лица, кромѣ Фотія; точно такъ же обстоитъ дѣло и въ Бѣлград. спискѣ.

Статью „о восьми частяхъ словъ“ мы сличали съ напечат. у Ягича въ „Разсужденіи“ списками той же статьи—Хиландарскимъ сербской ред. XV-го в. и Румянцевскими рус. ред. по рукоп. № 950 и 951 и затѣмъ съ Даніиловскимъ спискомъ XVI-го вѣка (у Калайдовича „Іоаннъ Экзархъ болгарскій“). Весь нашъ списокъ поразительно близокъ къ Хиландарскому, различія самыя незначительныя, являющіяся слѣдствіями описокъ и ошибокъ. Въ Хиландарскомъ сп. есть пропускъ сравнительно съ нашимъ: Хиланд.—соупроужьства рѣчи окончаваема..... ꙗко се слова землꙗ, жена..... Нашъ списокъ: съпрѫжьства же рѣчи окончаваемими словеси съ силами ꙗвлѣема слаⷡ҇, землѣ... Въ Румянц. и Даніил. списк. послѣ этого мѣста идетъ длинное разсужденіе о причастіи, чего нѣтъ ни въ Хиланд., ни въ нашемъ спискахъ. Въ концѣ нашего списка есть приписка на поляхъ: „Кѵриⷧ҇ философъ“.

Что касается „словесъ вкратцѣ избранныхъ отъ книги Константина философа....“, то сличеніе нашего списка съ Буковинскимъ спискомъ XV—XVI вв. сдѣлано Ягичемъ, причемъ констатирована замѣчательная близость обоихъ списковъ.

Не мало любопытнаго представляетъ и палеографическая сторона нашего сборника.

Памятникъ прекрасно сохранился, писанъ на немного пожелтѣвшей, особенно у краевъ, плотной, мѣстами лощенной бумагѣ in 8°, въ 20—28 строкъ на страницѣ. Длина страницы 21 сантим., ширина—15½; переплетъ—изъ деревянныхъ досокъ, обтянутыхъ кожей, съ тисненнымъ узоромъ. Въ сборникѣ двойная нумерація страницъ: первоначальная, обозначенная внизу страницъ кирилловскими буквами, считающая въ листѣ по 16 страницъ и доведенная до ҂д и ³/₈ ҂е листа, и позднѣйшая, принимающая ¹/₈ листа (2 стран.) за листъ. Такихъ листовъ насчитано 504, столько же ихъ значится и у Попова, но такъ какъ два листа (между 65 и 66 и 480—481) при позднѣйшей нумераціи были пропущены, то слѣдуетъ считать всего 506 л. Какъ видно изъ первоначальной нумераціи, послѣ 256 листа вырвано ⁵/₈ л. и затѣмъ послѣ 422 л.—¹/₈ л. Нѣкоторые листы оставлены ничѣмъ незаполненными: оборотная сторона 99 листа (99б) (переносъ съ 99а на 100а—совершенно правиленъ), затѣмъ—страница 108б, листы 439, 448, 449 и страница 504б.

Писался сборникъ въ разныхъ мѣстахъ разными лицами,

б. можетъ, иногда чередовавшимися между собою, въ теченіе, вѣроятно, довольно продолжительнаго времени и потому представляетъ собой большое разнообразіе почерковъ, чернилъ и отчасти бумаги: съ л. 1а по 19а почеркъ представляетъ собой четкое вертикальное полууставное письмо, чернила — черныя, слегка выцвѣвшія; съ л. 19а по 31б буквы мельче, но жирнѣе, почеркъ не столь четкій; съ л. 31б по 36б идетъ почеркъ весьма близкій къ первому, буквы немного мельче, но жирнѣе, строки не такъ ровны, какъ въ 1-мъ поч.; половина 36б писана другой рукой тонкимъ полууставомъ, весьма близкимъ къ скорописи; съ л. 36б по 39а почеркъ опять измѣняется, хотя въ общемъ довольно близокъ къ первому: буквы мельче и тоньше; съ л. 39а по 62а почеркъ, въ особенности на первыхъ порахъ, представляетъ крупное и жирное полууставное письмо; съ л. 62а по 71а почеркъ болѣе мелкій и тонкій, но прямой, чернила блѣднѣе; съ л. 71а по 72а—полууставъ крупный, но некрасивый и неровный, контуры буквъ отличаются угловатостью, чернила блѣднѣе всѣхъ предшествовавшихъ; съ л. 73а по 86б—письмо четкое, довольно ровное и жирное, чернила черныя, яркія; съ л. 86б по 101а почеркъ мельче и тоньше, чернила блѣдноватыя; съ л. 101б по 104б почеркъ того же размѣра, что и предыдущій, но тонкостью буквъ приближается отчасти къ скорописи, хотя буквы вертикальныя, вообще письмо весьма четкое и красивое; съ л. 104б по 107б почеркъ весьма похожъ на письмо л. 86б—101а; съ л. 109а по 205а (посланіе І.-Дам. къ Космѣ Маіум.)—почеркъ довольно крупный, ровный, чернила черныя, на первыхъ листахъ глянцевитыя, подъ конецъ почеркъ немного утончается; л. 205а—236б (вся филологическая часть) писаны блѣдноватыми чернилами довольно крупнымъ, но некрасивымъ, сжатымъ полууставомъ, (особенно сказаніе Храбра) блѣднѣе всего чернила на л. 219—222; л. 237а—248а (Пасхалія) отличаются мелкимъ убористымъ почеркомъ, на страницѣ 28 строкъ; съ л. 248а по 256б почеркъ немного крупнѣе, тонкій, сжатый; съ л. 257а по 274а идетъ довольно красивый полууставъ, отличающійся вертикальнымъ положеніемъ буквъ, весьма четкій, хотя чернила довольно блѣдны; Съ л. 274а по 277б почеркъ значительно мельче и тоньше; съ 277б по 287а почеркъ крупнѣе, чернила черныя, яркія; съ л. 287а по 345а почеркъ весьма близокъ къ почерку л. 274а—277б, мѣстами онъ немного утончается; съ л. 345а по 419б идетъ сравнительно мелкій и тонкій полууставъ, мѣстами приближающійся отчасти къ скорописи, чернила блѣдныя; л. 420а—421б писаны крупнымъ, жирнымъ полууставомъ черными чернилами, но почеркъ не отличается красотой; л. 422а—447б (хроника) писаны мел-

кимъ, не всегда ровнымъ, но четкимъ и черпымъ полууставомъ; л. 450а—499б (молдав. хроника) писаны четкимъ, прямымъ и ровнымъ полууставомъ; наконецъ, л. 500а—504а писаны скорописью, довольно четкою, и въ первоначальную нумерацію, какъ писанные позднѣе, не вошли.

Изъ скромныхъ тружениковъ, переписывавшихъ и составлявшихъ данный сборникъ, два оставили краткія записи съ указаніемъ, б. можетъ, и мѣста переписки: на стр. 419б запись черн. чернилами внизу строкъ: „† Рóма^н^ дїѧкь ѿ бае̏ пíсаль сїй въпро^с^ и ѿвѣти“; имъ написано, судя по единству почерка, все посланіе св. Аѳанасія къ Антіоху (л. 345а—419б). Бае—нынѣшняя Байя въ сѣверной Молдавіи, недалеко отъ Нямца, знаменитаго религіозно-культурнаго центра въ исторической жизни Молдавіи, разсадника славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи. На стр. 499б—запись, также черными чернилами внизу строкъ: „сїе̏ писáнїе писа^х^ Ісаíа ѿ слатина:—; этому писцу принадлежитъ внесеніе въ сборникъ Молдавской Хроники, т. е. л. 450а—499б. Слатина—недалеко отъ Нямца и Байи. На стр. 237б послѣ пасхальнаго ключа, внизу строкъ киноварная запись: „Матѳе̏я позна̀ сїе състáвити“, вѣроятно, переписчикъ Пасхаліи „изобрѣтенной Гюргемь Цръноевикем“.

Рукопись не можетъ похвастаться особенной выдержанностью и послѣдовательностью въ области орѳографіи, и Константинъ Костенчскій, будь это современный ему памятникъ, лишній разъ долженъ былъ бы сѣтовать на развращеніе и гибель письменъ. Для обозначенія звука **о** употребляются слѣдующія начертанія: обычное **о**, то болѣе широкое и круглое, то болѣе сжатое и продолговатое; очковое **о** въ словѣ: очи и производныхъ; два **о** сжатыхъ рядомъ—**оо**: слововѣне 205а и др. и, наконецъ, ѡ послѣдовательно только въ предлогѣ „отъ“, во флексіяхъ же и формахъ спряженія (1 л. мн. ч.) ѡ преобладаетъ, но часто является и обычное **о**; ѡ употребляется въ основѣ „м(ъ)ног“, но далеко не такъ послѣдовательно, какъ рекомендовалъ то дѣлать Константинъ философъ; ѡ встрѣчается и въ концѣ словъ, но тоже непослѣдовательно.

Для изображенія звука **у** употребляются **оу** и **у** безъ строго опредѣленной послѣдовательности; точно такъ же употребляются начертанія **и** и **і** для обозначенія звука **и** въ положеніи передъ гласными и согласными. Звукъ **ы** обозначается всегда черезъ **ы**, крайне рѣдко обѣ части соединяются горизонтальной черточкой.

Для обозначенія глухого **ъ** употребляются три начертанія: обычное **ъ**; затѣмъ, преимущественно послѣ плавнаго **р**, въ концѣ словъ и въ префиксахъ употребляется начертаніе **ъ** съ длинной

шейкой, выдающейся надъ строкой, и, наконецъ, тоже послѣ р и л, является ъ съ чуть замѣтнымъ крючкомъ, близко подходящее къ ь: (144б и др). ь обозначается обыковенно черезъ ь; довольно часто вм. ъ и ь употребляется паерокъ (҆). Начертаніе ѫ вообще довольно близко къ начертанію согласнаго ж, у обоихъ верхнія половинки значительно меньше нижнихъ, иногда даже у ѫ является съ лѣвой стороны крючекъ въ мѣстѣ совпаденія обѣихъ половинокъ, встрѣчающійся довольно часто у ж; ѫ обозначается обычнымъ ѫ то болѣе широкимъ, то болѣе сжатымъ. ѣ чаще всего имѣетъ длинную верхушку, возвышающуюся надъ строкой, при чемъ лѣвый хвостикъ горизонтальнаго перечерка иногда очень длиненъ. т при обычномъ начертаніи иной разъ возвышается надъ строкой

Иногда у буквъ: „р, щ, з, у, х, ц являются длинные хвосты, въ общемъ сравнительно рѣдко.

Для обозначенія звука е употребляются: є (широкое) и болѣе узкое, иногда оба рядомъ — стр. 7а и др., но съ л. 345а въ почеркѣ Романа дьяка и далѣе къ концу сборника является и „ε“, болѣе близкое къ скорописному; здѣсь вообще сказывается бóльшая близость къ скорописи: довольно часто является α рядомъ съ обычнымъ а, затѣмъ начертанія буквъ к, у, ѳ весьма близки къ скорописи.

Звукъ ч изображается въ видѣ латинскаго г, и лишь изрѣдка является большое ч въ видѣ чаши.

Рядомъ съ обычнымъ в является в съ длинной шейкой.

Изъ лигатуръ излюбленными являются сочетанія: тв, тр, ти, аѵ.

Титлъ вообще сравнительно немного, больше всего ими пестрятъ л. 422а—426б.

Рукопись интересна и въ акцентологическомъ отношеніи, такъ какъ весьма часто на словахъ обозначены ударенія.

Рукопись не блещетъ нарядностью и изяществомъ отдѣлки, не пестритъ витіеватыми заставками и иниціалами; она представляетъ, какъ мы уже отмѣтили, пеструю мозаику разныхъ почерковъ и чернилъ. Украшеній нѣтъ почти никакихъ: во всемъ сборникѣ всего двѣ скромныя киноварныя заставки изъ густо переплетенныхъ ремней; всѣ заглавія писаны киноварью, изящнѣе другихъ заглавіе начальной статьи и затѣмъ философіи І.-Дамаскина, иногда же и заглавія писаны неровно и некрасиво съ помарками, какъ наприм., на стр. 311б; начальныя буквы статей писаны киноварью тоже, но особенной затѣйливостью не отличаются. Подчистокъ въ общемъ мало, пропуски слоговъ и повторенія одного и того же слога попадаются, пропущенныя слова пишутся на поляхъ и подъ строками; поправки на поляхъ встрѣ-

чаются, особенно ихъ много на л. 401б—420а. На поляхъ встрѣчаются приписки позднѣйшаго времени блѣдноватыми чернилами на польскомъ языкѣ; на стр. 245б — румынская запись. На стр. 108а, вообще бѣлой, — двѣ киноварныя строки скорописью: „плакася Адамъ предъ раемъ стоя—ѡ раю мои раю прекрасный“; далѣе первая строка повторена крупной киноварной вязью, очевидно, здѣсь писецъ намѣревался помѣстить статью апокрифическаго содержанія, но такъ и не привелъ намѣренія въ исполненіе. Въ двухъ мѣстахъ есть запись Почаевской лаврской библіотеки, въ обоихъ случаяхъ поставленъ 1854-й годъ (стр. 1а и 20а); очевидно, въ этомъ году рукопись была уже во владѣніи Лавры, откуда въ 1874 г. передана въ Кіевскую Духовную Академію.

Бумага, на которой писанъ сборникъ, далеко не такъ однообразна, какъ то кажется при первомъ впечатлѣніи; вообще вся бумага состоитъ изъ меленькихъ вертикальныхъ водяныхъ полосокъ, пересѣченныхъ 6—7 горизонтальными полосками; на бумагѣ есть интересные водяные знаки, къ сожалѣнію, у самаго корешка, и потому видна обыкновенно часть рисунка. Въ первой половинѣ (до 205 л.) чередуются листы съ контурами животнаго въ родѣ носорога (64, 65, 87, 89, 106, 138 и т. д.) съ значительно рѣже встрѣчающимся крестомъ, упирающимся въ полумѣсяцъ и обвитымъ змѣей (72, 78); съ 205 л. бумага болѣе грубой и шероховатой выдѣлки съ блѣднымъ знакомъ въ видѣ круга съ шестиугольной звѣздой надъ нимъ (223,-4,-5); съ 257 л. водяныя полоски яснѣе и даже чувствуются при осязаніи, независимо отъ продавленныхъ для письма строкъ, водяной знакъ—крестъ надъ полукругомъ, но совсѣмъ иной, чѣмъ въ началѣ; съ 350 л. встрѣчается крестъ, обвитый змѣей, опять; съ 422 л. опять является силуэтъ животнаго, бумага худшей выдѣлки; съ 452 л. чередуются двѣ короны съ одной, очевидно знакъ состоялъ изъ трехъ коронъ; на скорописныхъ листахъ является кругъ со звѣздой вверху.

Точныхъ датъ для опредѣленія времени написанія даннаго сборника, къ сожалѣнію, нѣтъ. Время, когда было окончено составленіе сборника, можно опредѣлить приблизительно на основаніи хронологическихъ датъ, заключающихся въ сказаніи о молдавскихъ господаряхъ и затѣмъ въ написанныхъ скорописью пяти послѣднихъ листахъ. Сказаніе о молдавскихъ господаряхъ обрывается на 1554 г., внесено же въ данный сборникъ оно Исаіей отъ Слатина вскорѣ послѣ этого 1554 года, такъ какъ весь сборникъ заканчивается извѣстіемъ о прибытіи въ молдавскую землю патріарха Цареградскаго Іосифа въ правленіе Александра воеводы, при Евѳиміи Радовскомъ епископѣ и др. въ 1561 г.

На основаніи этихъ данныхъ ак. Ягичъ и проф. Богданъ

относятъ время окончанія сборника вполнѣ справедливо къ періоду между 1554—1562-мъ г., но врядъ ли возможно считать періодъ 1554-1562 г. временемъ написанія всего сборника! Ягичъ говоритъ только, что сборникъ начатъ раньше 1554-го г. (стр. 581), но Богданъ склоненъ относить происхожденіе всего сборника къ періоду 1554—1561 г. (Arch. f. slav. Phil XIII—481). Конечно, послѣдняя часть (молдавская хроника) не могла быть написана ранѣе 1554-го г. и позднѣе 1561-го, но вся остальная огромная часть сборника, какъ то доказывается отчасти разнообразіемъ почерковъ, чернилъ и бумаги, могла писаться въ теченіе довольно продолжительнаго времени; къ такому убѣжденію приводитъ языкъ даннаго сборника: въ первой части онъ представляетъ обычный языкъ среднеболгарской редакціи съ нѣкоторыми любопытными и оригинальными чертами въ области фонетики и отчасти морфологіи, но затѣмъ постепенно все чаще и чаще падежныя формы смѣшиваются: видно, какъ писцамъ все труднѣе различать ихъ между собою; дѣлаются неправильныя согласованія, зачастую подъ вліяніемъ непосредственно предшествующей формы; синтаксическія конструкціи не выдерживаются и весьма часто искажаются; особенно рѣзко отличается въ этомъ отношеніи болѣе поздняя часть сборника—молдавская хроника; уже между нею и непосредственно предшествующимъ сказаніемъ отъ Адама разница по языку довольно рѣзка, если же сопоставить языкъ молдавской хроники съ языкомъ начальныхъ статей, то разница получится еще болѣе рѣзкая. Врядъ ли возможно объяснять дѣло индивидуальными чертами писцевъ, такъ какъ разница касается не отдѣльныхъ особенностей, которыя можно было бы объяснять всецѣло невниманіемъ писца, но общаго облика языка, послѣдовательно выдерживаемаго въ опредѣленныхъ частяхъ. Быть можетъ, начало сборника относится къ первымъ десятилѣтіямъ XVI-го вѣка, это положеніе мы утверждали бы рѣшительнѣе, если бы въ памятникѣ не наблюдалась нѣкоторая систематизація въ размѣщеніи статей, что можно подмѣтить при разсмотрѣніи содержанія сборника вообще. Во всякомъ случаѣ сборникъ писался разновременно разными лицами и довольно долго, б. можетъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Языкъ этого любопытнаго памятника оставался до сихъ поръ неизслѣдованнымъ, а между тѣмъ онъ составляетъ чрезвычайно важную сторону даннаго сборника, такъ какъ даетъ весьма интересныя данныя для выясненія постепенности паденія флексій въ болгарскомъ языкѣ, того въ высшей степени своеобразнаго и еще далеко не вполнѣ выясненнаго сложнаго процесса, который такъ отдалилъ новоболгарскій языкъ отъ среднеболгарскаго.

Періодъ этого постепеннаго развитія современнаго типа болгарскаго языка изъ среднеболгарскаго падаетъ на самую темную и тяжелую эпоху XV—XVI вв. Тяжелыя это были времена для болгарскаго народа; казалось, народъ скоро перестанетъ существовать, какъ этнографическая индивидуальность, но не погибъ онъ, несмотря на исполненное постоянныхъ треволненій и ужасовъ историческое прошлое: мощный духъ народа, таившій въ себѣ много жизненныхъ силъ, не могъ умереть, незримо онъ крѣпъ среди ужасныхъ испытаній и при первыхъ же проблескахъ лучшаго будущаго проявилъ, полный жизни и силъ, всю свою энергію, и народъ сталъ дѣлать быстые шаги по пути культурнаго совершенствованія. Не погибла и его богатая средневѣковая литература, несмотря на то, что сжигались цѣлыя груды драгоцѣнныхъ рукописей: она нашла себѣ гостепріимный пріютъ и продолжала пышно развиваться на привольной территоріи молодыхъ въ то время, полныхъ жизни и силъ, близкихъ славянамъ по своему историческому прошлому и по своей культурѣ—княжествъ Валахіи и Молдавіи. Вотъ къ числу этихъ многочисленныхъ памятниковъ письменности, возникшихъ на территоріи Валахіи и Молдавіи, и принадлежитъ изслѣдуемый нами сборникъ XVI-го вѣка.

Глухіе **ъ** и **ь**.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ праславянскіе глухіе совпали въ языкѣ даннаго памятника въ одномъ звукѣ, обозначаемомъ преимущественно черезъ **ь**:

достоить 1а, бл҃гостоанїемь 1а, оумѣрень 1а, въсѣкомь 2а, ѿнѫдь 3а, равныимь 1б, благыихь 3а, прѣ҇зрѣхь 3б, ѡрѫжьствомь 4а, источникь 5б, чл҃кь 6а, ап҇ль Павель 6а, слышавь 6а, сънь 8б, мѫтежь 8б, лъживь мрьзъкь 10б, хлѣбь 11а, бѫдеть 11а, помысль твои 11а, сътвориль 11б, ѿ стрѣль 13б, азь 14б, сань 18а, заповѣдаль 23б, недѫгь 24а, ѫзькь пѫ҇т 37а, по҇бень 42б, тръблажень 52а, оумь 53б, свѣть 112а, разоумь 112а, Іѡаннь 130а, кратъкь 134б, Петрь 144б, ножь 156б, крърь 187а, истокь 203б, с҃нь, д҃хь 209а, аг҃гль 209а, ерь 209а, пѣс҇кь 219б, воинстъвь 260а, басънствоуѫть 345в, тѫжькь грѣхь 378б, прибыт҇кь 382б, мрът҇вь 401а, ковчегь 422а, живь 422б, Лоть 423а, стлъпь 422б, възбранѣемь 440а, гнавь 444а и т. п.

Особенно послѣдовательно употребляется **ь** послѣ конечнаго **м** (помимо отдѣльныхъ случаевъ, творит. пад. ед. ч. м. р. основъ на **о** и сложнаго склоненія, дат. пад. множ. ч. именного, мѣстоимен. и сложнаго склон., 1ᵉ л. множ. ч. наст. врем. и прич. наст. врем. страд. зал.), затѣмъ послѣ гортанныхъ **г**, **к**, **х** (помимо отдѣльн. словъ, мѣстн. п. множ. ч. мѣстоим. и сложн. склон.

27

и 1ᵉ л. ед. ч. аор.), послѣ т (3-е л. ед. и мн. ч. наст. врем.), послѣ в (прич. прош. д. з. I), послѣ л (кромѣ отдѣльн. случаевъ, прич. прош. д. з. II) и послѣ н (прич. прош. врем. страд. зал., прилагательныя съ суф.—ънъ).

Значительно рѣже въ общемъ является въ конечномъ открытомъ слогѣ ъ:

Прѣᵈ б҃мъ 2б, ѿнѫдъ 3а, рабъ 4а, добръ 7б, вънѫтръ 8а, ѿцъ 14б, 18бб; кораблъ 19а, естъ 31б, инокъ 34а, страненъ 34а, длъженъ 35а, чинъ 35а, мѫжъ 53б, въсхощетъ 55а, пастыръ 65а, трупъ мрътвъ 79а, смрадъ многъ 80а, ересъ 86б, мѫᵈръ 89а, Аполѡсъ 106а, Петръ 121б, 130а, 144б, 209а; ѡдръ 137б, ѿцъ, с҃нъ 165а, презвитеръ 188а, б҃гъ 205а, 422б; еръ 209б, ап҃лъ 218а, създанъ 248а, свѣтъ 248а, прѣбѫдѫтъ 248а, м҃цъ единъ 251а, юнецъ 251а, праведенъ 251а, речетъ 252а, ц҃ръ 281б, 298б; азъ 315а, хлѣбъ 315а, Данїилъ 401б, жезлъ 405а, погоублъ 444б, Алеѯандръ ц҃ръ 442а и т. п.

Чаще, чѣмъ въ другихъ случаяхъ ъ является послѣ конечнаго р, затѣмъ ц, иногда послѣ л и послѣ л эпентетическаго при губныхъ; всѣ остальные случаи являются спорадическими. Чаще появляется ъ въ концѣ словъ на протяженіи л. 35—50 и л. 248 — 257 (вторая половина Пасхаліи), хотя ь и здѣсь далеко не рѣдко.

Довольно часто ъ и ь стоятъ рядомъ: ѿнѫдь, ѿнѫдъ—3а; ап҃лъ Павель—15а; Петръ и Петрь—144б; ерь 209а, еръ 209б; оумъ и оумь—53б.

Паерокъ вм. ъ и ь употребляется довольно часто, особенно въ концѣ строки, иногда онъ здѣсь совершенно лишній.

Глухой конечный сокращается иногда подъ титла; преимущественно титла являются въ формахъ 3 л. ед. и множ. ч. и въ падежныхъ окончаніяхъ (мь, хь).

Въ предлогахъ всегда употребляется ъ:

Съ бл҃гостоанїемь 1а, въ скръби 2а, съ мирскыми 19б, въ рѡвѣ 24а, въ д҃ни 61а, изъ цр҃кве 93б, въ снѣхь 386б и т. п.

ъ въ концѣ предлога иногда можетъ опускаться:

С тобоѫ 10б, в сѫ҃ 106а, к тебѣ 267а и т. д. Такіе случаи довольно рѣдки.

Пропускъ глухого въ концѣ слова весьма послѣдовательно наблюдается только передъ энклитическими формами мѣстоименій личныхъ и возвратнаго, а также передъ союзами:

ѡтъщетих сѧ 6а, хощет бо 7а, отънчавает ѧ 8б, празност бо 11а, съмѫщает тѧ 11б, слышав же 15а, Іакѡв же 22б, принесет ми 23б, дивит же сѧ 81б, зрит бо 81б, боит же сѧ 81б,

слоучит сѧ 91б, приѡб҄щаѫт сѧ 124б, въпросим же 403а, аз же 412а, он же 445а, сам же 454б, и т. п.

Вокализація въ конечномъ закрытомъ слогѣ (при тѣсномъ сочетаніи слова съ указат. мѣстоим. **тъ** и **съ**) чрезвычайно рѣдка: единственный примѣръ—родоⷭ҇ 466а; обыкновенно же глухой остается неизмѣнно: мирьсъ 12б, недѫгь съ 24, члкь тъ 69а, мѫжь тъ 100а и т. д. На глухомъ въ мѣстоим. стоитъ обыкновенно удареніе.

Какъ единичные случаи слѣдуетъ отмѣтить формы: много сънъ (ѡдебелѣваетъ мысль) 8б и Гооразд*о* 208б, съ крайне рѣдкой вокализаціей глухого въ открытомъ конечномъ слогѣ

Въ префиксахъ чаще всего глухой удерживается; въ этихъ случаяхъ всегда является **ъ**, примѣры съ **ь** весьма незначительны:

съвѣтованїе 1а, съвѣтникь 407б; съплѣтатисѧ 2а, сърадоватисѧ 2а, съслъзити 2а; въмѣсто 3б, вънимаи 6б, вънемли 11а, вънимана 87а; сънѣⷭ҇ тебе ѕвѣрь 6б, сънѣдае 10а, сънѣдная 26б, безьсънѣды 217б; съѕижди 7а, създанъ 248а; ѡтъщетихсѧ 6а; съмр҇ть 11а, 434б, до съмр҇ти 18а, съмрът҇нымь 401а; съмѫщаѫт 11б, ѿ съмѫщенїа 32б, съмѫщнїе 435а, мнѡгосъмѫщеннѫѧ 110а; сътвор҇шаго 25а, сътвориль 11б; съвыше 17а, съобещниⷦ҇ 24а; съпротивниⷨ҇ 48а, съдѣйствьника 61б; по съмотренїю 65ббб, посъмотрѣмь 119а, съмотри 216б; сълоучает сѧ 75б, сълоуч҇шеисѧ 87б, сълоучаи 119а; ѿ... съвѣсти 81б, съвѣсть 219б; съкрывенна 113а; съмышлѣти 146б; съвъносе 151а; съвъводит сѧ 187б; съвръшителнаа 216б; сраженїе 251б, съражаѫ 440а; сърѡдница 277б, съвъкупишѧⷭ҇ 441а; ѡ сънитїи 405б, съшеды 315а, възеⷨ҇ 19а, възѧти 20а, въсуе 19б, въселитисѧ 19б, въселен҇скомоу 295а, въселенскыи 428б; въмѣнѣеⷨ҇ 21а, вънити 13б, въдъхнѫ 31а, въселисѧ 106б, вънезаапѫ 13б, вънезаапьна 203а, въкоушаи 420а, въпросим же 403а, въдагалища 14б, прѣдьчиние 196а; ѡб҄идошѧ 414а, ѡб҄дьржателна 138а, обьсѣⷯ҇ 457а.

Пропускъ глухого въ префиксахъ значительно рѣже, чѣмъ удержаніе его:

смѣрѣеть 9а, скончати 11б, смѣшаѫсѧ 12б, спадша 14а, скровище 14б, срѣзавше 30а, скровища 113а, свѣⷮ҇теле 87б, свѣды 109а, свѣдѣти 345б; слоучит сѧ 91б, скон҇чаваеть 209а, смѫтисѧ 483а.

Сравнительно чаще пропускается глухой въ префикс. *изъ*, *възъ*, *разъ* и *безъ*, хотя и здѣсь довольно часты случаи удержанія глухого: из҇въноу 196а, изѡщрены 217б, из҇четени 389а, изьѡбрѣте 407б; възьал҇чеⷨ҇ 23а, въз҇можно 89а, въз҇г҇лет 110б, въз҇раженїю 115а, възьѡпѣть 240б, възъпїеть 267а; без҇мълвїе 50б, безьсънѣды 217б, бесцѣнны 217б, безьсилїе 174б, безьдъждїе 396а.

Случаи пропуска ъ: избран҇ны 82а, изврьженіе 404а; възысковати 3а, въздрьжатисѧ 3б, въздрьжаніе 6б, възлюби 6б, въздъхнѫвь 19а, всхощеть 55а, вспѣть 246а, възл ка^х^ 383б; бесконечнаа 5а, безмлъвіе 12а, безмѣрна 67а.

Въ срединѣ словъ въ открытыхъ слогахъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ глухой удерживается, является преимущественно ъ, часто глухой обозначается паеркомъ.

въсегда 1б, въсѣкомь 2а, всѣ^м^ 2а, повсед҇невных 2а, ѿ въсего 4а, въсѣкь 10б, вьси 11б, въсеч҇тнѧ 12б, въ в҇се^х^ 88а, по всѣ^х^ 260а, всѣ 440а; тъчїѫ 2а; мъздѫ 3б, мъзда 5а, мъз^д^овъз^д^ааніе 70а, възмъздившомоу 462б; тъщеславїу 4б, тъщеславіе 84а; потъщисѧ 5а, потъщимсѧ 13б, лъживь 10б, лъжѫ 32а, лъгати 194а, лъживы^х^ 404а; тъмы 13а, тъмѫ 16а, тъма 62б, 112б, въ тъмѣ 115б; ръци 19а, жънѫ^т^ 23б, въ рѡвѣ лъвовѣ 24а, прочьтено 29а, прочьтѣмь 114а, чьтѣхѫ 205а, б҇гопочътенномоу 109а, нечъстіе 114б; о бьдѣни^х^ 32б, ѿмъстити 79а; въ чъсомь 124б, п҇тица 149а, пъса 187а, лъна 340б, стъѕы 217б; въ вънѣшнѫѧ 16а, из҇вьноу 196а, п҇соу 124а, приѡб҇щаѭтсѧ 124б, 137б, ѡб҇щеніе 139а; сытѡ^с^ съна 8б, съновидцемь 387а, въ сънѣ 495а, прѣлъщаеши 13а, лъстець 401а, лъстьникы 249а; мол҇бѣ 28б; ръж^д^а 10а, оръждавѣти 54б, изьрьждавѣвшее 84а; дъж^д^ить 49а, дъж^д^оу 422а; цькло цькларской (хытрости) 154б; сьнхоѧ 92б; мъгла 203б, прит҇чѧхь 353а, лъжицеѫ 459а; съ ѡц҇тѡмь 404а, ѡцта 414а.

Значительно чаще глухой въ открытомъ слогѣ въ срединѣ слова опускается, напр.:

книгы 3а, книга 152а, боуква 115а, боуквах 205б; прѣ^д^мноѫ 3б, зло 3б, зла 3б, злодѣе 65а, ничто 4а, никто 5б, что (всегда) 11а, 441а, бдѣніе 8б, бдите 13б, бдѣніа 32б, двѣ (всегда) 14а, два 65б, птицѧ 23б, назва 24а, призвавше 29а, слоужба 31а, кнѧѕы 31б, княѕи 423б, кнѧѕь 435а, оуснѫвъ 32а, спиши 32а, оуспеніе 103а, въ снѣхь 386б, ковче^г^ 52а, вдовица 41б, 269б, правда 47а, начнет҇ 656б, зачнеть 406б, послани 81а, послашѫ 440б; братисѧ 56а, тъкмо 93б, 440б; ѿгнаніе 111б, гнавь 444а, зрѣніе 117б, зрѣти 172а, ѡбще 119а, пса 149б, пси 414а, мнѡѕи 414а, 437б, всѧ 420а, мнѡга 5а; бисромь 443б; мнїи па^ч^ всѣ^х^ 45а.

Въ срединѣ слова въ закрытыхъ слогахъ глухой обыкновенно удерживается во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не подвергается вокализаціи, напр.:

мъсть 3б, отънчавает 8б, сънъ 8б, бъдрьствуи 6б, въздъхнѫвь 19а, съссца 105а, дъждь 203б, сън҇мь 414а, лъвь 474а и т. п.

Глухой въ закрытыхъ слогахъ въ суффиксахъ (кромѣ слу-

чаевъ съ вокализаціей): мръзъкь 10б, ѧзыкь пѧ҃ 37а, кратъкь 134б, пѣс̾кь 219б, ов̾нь 256б, тѧжькь 378б, прибыт̾кь 382б, лакъть 422б.

Иногда наблюдаются рѣдкіе случаи пропуска глухого въ закрытыхъ слогахъ: словеснь 143а, росопроливцъ 256б, ослъ 409а, ꙗснь... ѧзыкь 410б, съвѣ҃ злъ 412б, есн̾ 421а, несъгласнь ѧзыкь 422б.

Въ суффиксальныхъ открытыхъ слогахъ можно отмѣтить слѣдующее колебаніе между удержаніемъ и пропускомъ глухихъ:

Въ суф.—**ьнъ** пропускъ глухого чаще, чѣмъ удержаніе его.

Случаи удержанія: д҃хѡв̾ному 44б, вънѧтрънѧѧ 53б, изѧщ̾нѣишими 112а, зрителное 117а, землъни҃ 153а, внезаапьна 203а, м҃лител̾наа 216б, повелител̾наа 216б, навод̾неніе 387а, съмрът̾нымь 401а, тоутное... пришествіе 403б, живот̾наа 403б, ѡ нелъж̾нѣмь 405б, хѧдѧж̾ни 446а.

Случаи пропуска глухого: мѫжелюбовно 1б, любопитны҃ 1б, равныимь 1б, повъсед̾невных 2а, страшное и славное 4б, неразоумна 7б, въ вѣчнѫѫ 16а, безгрѣшно 17б, оугодно 21б, сънѣднаа 26б, потрѣбно 48а, вѣрна 48б, соуетна 52а, полезны 39а, тъмны 53а, образное 63б, опасному 65бб, праведніи 71б, прилежно 71а, недооумѣтелное 109а, немощнаа 109а, къснѫзычна 110а, хѫдожну 112б, дѣтелное 117а, бездоушное 163а, ц҃рковнаа 267б, връхѡвніи 296б, съвръшителнаа 216б, по҃обна 430б; брашно 90б. коупно 65б, неразлѫчно 125б.

Въ суф.—**ьскъ** глухой удерживается чаще, чѣмъ въ суф.—ьнъ, но часто и пропускается:

ѿ плътъскых 1б, жен̾скыихь 3б, плътъстѣи 4а, миръскаа 6б, мир̾скаа 9б, плътъскыи 19б, бѣсѡвьскаго 67а, маласіан̾скѫ ере҃ 87а, нават̾скѫ прѣлъ҃ 87а, словѣн̾стѣи 205б, мѫжьско 209а, гръчьскыми 205а, мѫжьскомоу 216а, блъгар̾скымь 220а, въселен̾скомоу 295а, идолска 423а, србскѫѧ 442б.

Пропускъ глухого: херувімскыи 17а, мирскыми 19б, искаріотскому 24а, плътскыи 19б, хрістіанскои 83а, египетское 90б, цькларскои 154б, рымскыми 205а, жидовскы, римскы, еллинскыи 206а, слоовѣнскы 206б, блъгарское 293б, въселенскыи 428б, мѡлдавскаа 450а.

Въ суф.—**ьство** глухой еще чаще удерживается:

Піан̾ства 3а, ѡрѫжьствомь 4а, непокор̾ство 8б, множьство 8б, прѣзор̾ство 9а, простран̾ство 9а, лѫкав̾ствіа 11б, страничьство 13б, хитръство 28б, таиньствоу 65б, множъство 68б. богат̾ства 81б, богатьство 81б, таин̾ства 82а, богатъства 114а, ѿ кнѧжьстъвь 296б, послушьстъвь 404а, роож҃ьство 406б, рож҃ьство 406б.

Случаи пропуска глухого: піанство^м 14а, непотрѣбство 27а, ласкосръдству 13а, хѫдо(ж)ство 116б, чювство 215б, воинстъвь 260а, сѫщство 287б, воевоʹство 424а.

Суф.—**ьствїе:** црьствїе 23б.

Суф.—**ьств** въ глагольныхъ формахъ весьма часто сохраняетъ глухой:

мѫдръствовати 3а, жителʹствовати 3а, благодарʹствити 4а, бъдръствуи 6б, высокомѫдръствуи 7б, страннопрїемьствуѫть 48б, здравьствовати 135б, жидовʹствоуемь 345а, малоразʹньствоуеть 225а, вдовʹствоваше 431б.

Пропускъ глухого: жителствовати 118а, елʹлинствуемь 345а, басънствоуѫть 345 б.

Въ суф.—**ьш, вьш** глухой чаще опускается, особенно въ суф.—**вьш:**

сътворʹшаго 25а, поставлъше 28а, просвѣщьшеисѧ 54а, ѿшедʹшои дʹши 82а, не оудорастъше 86б, сълоучʹшеисѧ 87б, родивʹшаго 127б, въставʹша 425а.

Пропускъ глухого: къ меншїи [м] 1б, спадша 14а, ѿрекшесѧ 25б, бывшоу 27б, 82б; призвавше 29а, срѣзавше 30а, вѣщша 42б, горши 46б, разоумѣвше 118б, постигше 118б, емше 268а, минѫвши^м 422б, плѣнивше 441а, оумершоу 441а.

Въ суф.—**ьць** глухой рѣдко удерживается:

конʹца 40б, любомѫʹръци 146б, мѫдръци 163б, млʹтивьцѧ 383а, конʹцѧ 399б.

Пропускъ глух.: вѣнци 5а, конца 154б, младенцу 186б, чръноризца 205а, пѣʹнопѣвца 406а, съновидцемь 387а, дʹхоборца 428а.

Въ суф.—**ьникъ,—ьница** глухой также удерживается весьма рѣдко:

Поклѡнʹници 54а, лъстьникы 249а, сърѡдʹница 277б, вистѣрʹника 457а, ножʹницѫ 459а.

Значительно чаще глухой здѣсь опускается: исповѣдникы 5а, источникь 5б, 61б, ѡрѫжницы 13б, наслѣдникы 13б, наслѣдници 70б, ратни^к и 18а, свѣтилникь 60а, темници 52б, наставника 63б, празника 65б, родителница 66а, помощника 115а. виновникь 115а, понедѣлникь 269а, съвѣтникь 407б, плѣнника 424б, прѣстѫпни^к 427б и т. д.

Въ суф.—**ькъ, ъкъ** глухой удерживается рѣдко:

рѣдʹкомʹ 67а, крѣпʹкы 217а, тьнькота 220а, тенʹко 199а, опрѣснъци 325б, кротʹкое 403б.

Пропускъ глух.: горкое 24б, сладкы 75а, на ѡблацѣ легцѣ 409б и т. п.

Въ группѣ—**ньн** глухой чаще пропускается:

огньнѫѭ 7а, скврън̆ны̆ 35а, ѡгнъное 42б, просвѣщен̆нѣ 53а, писан̆номоу 54а, избран̆ны 82а, непрѣстан̆но 82а, истин̆ныи 113а, по̆чин̆ных 215б.

Случаи съ пропускомъ глух.: повинни 27а, странна 32а, бреннѫѭ и оукрашеннѫѭ 111б, истинны 116б, протѣженное 215а, по̆чиннаа 216а, скврънныи 270а, мнѡгоцѣнное 276б.

Въ группѣ „зубной+в+глухой" (**твь**) происходитъ перестановка глухого, такъ что эта группа является преимущественно въ видѣ—**тъв**; этотъ глухой значительно чаще сохраняется:

ходатаистъвна 27а, б̆жестъвнѫѭ 28б, въ жрътъвницѣ 29б, съдѣистьвника 61б, бл̆годарест̆вно 71а, вещест̆вное 109б, мрът̆вно 122а, мрътъвное 131б, простошестъвно 153а, неразньстъвнѣ 193а, дѣистъвно 211а, д̆вьст̆вникы 217а, бӂтъвное 248а, ж҄ѫтъвныи 250а, д̆вестъвникоу 270а, естьстъвно 400б.

Рѣдко является—**твь** (безъ перестановки): бӂтв̆ныи 109б, пачеӗств̆ное 109б, чювеств̆ное 129б.

Иногда, несмотря на перестановку, глухой ставится механически и на прежнемъ мѣстѣ: **тъв̆**: б̆жестъв̆ныи 114б, дѣистъв̆ныѧ 214б.

Сюда же слѣдуетъ отнести и формы: съ...вѣтъвми 78б, съ... ладъвьми 443б.

Случаи съ пропускомъ глухого: бӂтвны̆ 29б, бӂтвноѧ 65ббб, ӗствнаго 65ббб, н̆бошественое 65ббб, ӗствна 186а.

Въ творит. пад. множ. ч. основ. на **и** глухой чаще опускается: стр̆т̆ми и похотми 15а; творенми 115б (по осн. на и).

Въ груп.—**бъв, къв** глухой то удерживается, то опускается: любьвы 48б, смок̆вѣ 186б, люб̆ви 429а;—изъ цркве 93б.

Изъ суффиксальныхъ формъ отмѣтимъ еще форму: смѣх̆ливъ 125б.

Въ сочетаніи съ плавными является ъ при **р** и при **л** и при томъ всегда послѣ плавнаго: грѫдынѧ 2а, дръжати 3б, въздръжатисѧ 3б, трънїе 6а, чрьвь 10а, мръзкь 10б, безмлъвїе 12а, ласкосръдству 13а, миродръжителӗ 13а, млънїѧ 14а, тръпѧщїй 15а, тлъцѣмь 114а, чрътами 205а, пръсть 209б, стлъпь 422б, съвръшӗ 441а. Эти сочетанія соотвѣтствуютъ праславян. сочетан.: глухой + плавный; глухой стоитъ послѣ плавнаго и въ тѣхъ случаяхъ, которые соотвѣтствуютъ праславян. сочетан.: плавн. + глухой: кръви 13а, плъти 13а.

Чрезвычайно рѣдко глухой стоитъ передъ плавнымъ: безмълвїе 50б, оу Хърлѡвѣ 484а (Хрълѡвь 494б).

Еще рѣже глухой пропускается при плавномъ совсѣмъ: срб̆скѫѭ 442б.

При плавномъ развивается глухой вмѣсто этимологическаго чистаго гласнаго: тръблажень 52а, тръвлъненїа 109б, тръѡкааныи 430б, пръкалаби 452б.

По всей вѣроятности—описка: дрбрѫѧ жизнь 370а.

Глухой, не имѣющій этимологическаго основанія, появляется сравнительно рѣдко: чаще всего въ словѣ: змїа: ѿ зъмїѧ 22б, зъмїа 22б, 149а, 492а, з̾мїа 149а, (въ данномъ случаѣ глухой является довольно часто въ Добромировомъ Евангеліи XII-го в., гдѣ вообще подобнаго рода глухіе часты, и во многихъ памятникахъ среднеболгарской редакціи), затѣмъ неорганическій глухой является въ родит. пад. множ. ч. при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ: воинствъвь 260а, ѿ кнѧжьствъвь 296б, послушьствъвь 404а; въ формѣ: вѣтъвь—имен. пад. ед. ч. и слѣдующихъ случаяхъ: ел̾линь 111а, ел̾линствуемь 345а, Кадъмь 207а, м̃чницѧ вар̾вары 217а, пев̾гы 217б, іерар̾си 218а, въ алеѯан̾дрїи 296б, мрът̾вь 401а, вѫгръц̾кы кра̃ 443б, архиман̾дрита 429б, мол̾давскы̃ 450а.

Вокализація въ закрытыхъ слогахъ въ срединѣ слова наблюдается въ общемъ не особенно часто:

меншїи 1б, тогда 7б, съобещни̃ 24а, любовь 25а, ѿ брашень 26б, цр̾кѡвь 27б, 91б, пришель 28а, пришедъ 34а, чер̾вїи 41а, ве̃ 48а, 425б, темници 52б, топлотѫ 61а, въшедше 70а, легко 77а, праведнаго 81а, оумершїихь 84б, темное 111а, пе̃ 121а, песь 134б, меншее 140б, ме̃ 156б, праве̃никь 157б, тен̾ко 199а, тесть 258а, пришедь 386б, праведное 408а, веплъ 409б (по мнѣнію Облака, подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога; по мн. Щепкина—подъ вліяніемъ косвен. падежей), наше̃ 442б, простерь 477б, начень 485а.

Въ закрытыхъ суффиксальныхъ слогахъ глухіе вокализуются довольно часто, особенно въ суф.—**ьнъ:**

оумѣрень 1б, вышепарень 19а, страненъ 34а, бл̃голѣпенъ 34б, бл̃говиденъ 34б, длъженъ 35а, по̃бень 42б, гнѣвень 46а, непрѣходень 60а, блж̃е̃ 61а, непричѧсте̃ 71б, потрѣбень 109б, назнаменателень 120б, овенъ 251а, праведенъ 251б, вѣрень 319б, сп̃сень 377б, алчень 381б, дивень 407б, съвръше̃ 441а.

Такъ же часто встрѣчается вокализація глухого и въ суф.—**ьць:**

конець 10б, 339б, старець 19а, вѣнец̾ 45а, агнець 65а, х̃олюбець 71а, чл̃колюбець 71а, 205а, телець 71б, младенецъ 105а, хытрець 114б, творець 115а, часець 189а, юнецъ 251а, иконоборець 295б, 432а, провѣдець 399б, лъстець 401а, ж̃рѣбець 411б.

Довольно часто наблюдается вокализація въ суф.—**ъкъ**:

крѣпокь 7б, начѧтокь 72а, десѧтокь 74а, прибытокъ 84а, глѫбо́кь 107а, 388а, пѧтокь 107б, четвръток 324а, 451б, ѿпрѣснокь 326а, кротокь 378б, 411б, крѣпокь 407б.

Въ суф.—**ьлъ**:—ѿрелъ 19а, 477б.

Вокализація неорганическаго **ъ**: симонь влъховь 310а.

Вокализація глухихъ въ открытыхъ слогахъ въ срединѣ слова:

оупованїемь 1б, оупованїу 106а, оуповаѭть 408а; шествїа 50а, пришествїе 81б, нашествїе 65бб, пришествїа 423б; четенїе 60а, изчетени 389а; скрежещѫщѫ 84б; двереи 113б, песїи 121а, песа 134б; праведенъ 251б, праведень 411б; жезлоу (на поляхъ) 278б, оумери 354б, честемь 373б, по весеи земли 488а; шестокрылни 17а, идолослоуженїе 24а, крстоносныи 64б, домостроителное 117а, книгочїѧ 207б, слнцоѿбратны 95б, осмосѫтное 450а.

Вокализація глухихъ въ открытыхъ суффиксальныхъ слогахъ чаще всего наблюдается въ суф.—**ьство**,—**ьскъ**,—**твьн** (твн), затѣмъ въ суф.—**ьш**,—**ьн**:

сѫщество 142б, 209а, врачество 152б, множество 203а, рождество 421б, сверѣпество 445а; блгодарествно 71а, чювествное bis 129б, нечювествное 129б, 131б, чювествно 144а, ѩвестъвнѣ 351а, ѩвестъвное 404а; блгодарестъвнѫѫ 495а: гръческими 205а, фрѫжеское 266б, старечьскыѧ 391а, лѣтописечъствоу 459а, лѣшескаго 460б, лѣшескыи 460б, юношескы 471б, старечьскыи 485а; прѣвишешїа 44б, рождешаго сѧ 429а, вѣщешим срамом 444а; брашенное 6б; ѿбѣшени 211б; црѣ иконоборецa 306б—307а—(„е" стерто, но слегка видно!).

Бо́льшая часть этихъ примѣровъ или возникла графическимъ путемъ, или же представляетъ собой аналогическія образованія.

а вм. глухого чрезвычайно рѣдко: зима снѣжана 421а, босаньска 436а, жарнов 436а (послѣдніе два примѣра относятся къ сербской лѣтописи, языкъ которой отличается отъ языка остальныхъ частей примѣсью сербизмовъ).

ъ вм. **а**: Бъсъраба 454б, Басъраба 454б, Басараба 464а (въ валашск. и молдавск. грамот. Венелина и Милетича то же явленіе).

ь вм. **е**: стыи сице речь 204а (3 л. ед. ч. аор.); вѣроятно, описка.

ь вм. **ѣ**: осльпѣ 274а.

ь вм. **и**: желаемыи емоу закѿнь... получьть 488б, съглит 445а (сиглитѿм 445а).

Въ груп. — **свь** и **цвь** происходитъ перестановка глухого (подобное явленіе мы видѣли уже въ груп.—**твь**): нобо съвтѧщесѧ

29а; процьвтѣвам 61б, ѡцъвтеть 355а; пропускъ глухого: тѣлесе цвтѫ 202а, описка.

Мѣна глухихъ и носовыхъ:

Звуки, обозначаемые черезъ ъ и черезъ ѫ, очевидно, были весьма близки другъ къ другу по произношенію, вслѣдствіе чего писцы довольно часто смѣшивали знаки, употреблявшіеся для ихъ обозначенія, одинъ съ другимъ.

Чаще появляется глухой вм. ѫ:
съпостатници 18а, съмъщенїа 42а, ѿкъду 42б, възлюби же... тъгь (вин. ед. ч.) 44а, мътнаго 67а, съпостата 79а, тъчѫ е^с напрасна вода 203а, съпръ^жства 213а (съпрѫжьства 215б), съпрътъ 259б (съпрѫгь 259б), ръкавицами 273а (рѫкавици 273а), въ същьствѣ 285а, същїи 348а, видѫ^т тъчѫ 387а, въгръскоѫ 452б, ѿтъду 437б, въгръцкѫѫ 444б (вѫгръскѫѫ 443а), тъчамь слъзни^м 479а, въгръскаго 482а.

ѫ вм. глухого — преимущественно въ открытыхъ слогахъ: мѫздѫ 44б, безмѫздень 49б, мѫздѫ 342а, 370б, 380б, 411б bis; мѫзда 381а, мѫзды 382б, за мѫздѫ 385б, възмѫздїе 391б; ласк^ьрѫство 50а, истѫщенїе 67б (истъщенїе 67б), стѫѕѫ 236а, кѫбли 259б bis, възбѫнѫвь 479а, осмосѫтное 450а; не имѣхѫ кнїгѫ 205а (Сбрн. 1348 г. — книгъ, М. Д. Ак. — писмен., Синод. — писмѫнъ, К. Д. Ак. № 37 писме^н, Берлин. — писанїѩ).

ѫ вм. ъ не этимологическаго: Чюбѫрь воевода 451а, хъдѫрь имѫ емоу 485б, (хъдърѡ^м 487а).

Союзъ противительный всегда въ видѣ нѫ, но здѣсь можно предполагать для праязыка формы нѫ и нъ (Кульбакинъ).

Смѣшеніе глухихъ (ъ) съ носовыми (ѫ) извѣстно въ различной степени всѣмъ среднеболгарскимъ памятникамъ, особенно же богато подобными случаями Боянское Евангеліе XII—XIII в., прекрасно изслѣдованное г. Кульбакинымъ.

Значительно рѣже смѣшеніе ѧ съ ъ и ь:

ь вм. ѧ: чьсти ими же състоитсѧ 208б, чьсти къ съставленїю 208б (ѡсмь чѧстїи 208б).

ѧ вм. глухого: пронѧѕивь 442б, пронѧѕи 442б (Боянское Евангеліе: вънѧзь, вьнѧзѧше (прич.). вьнѧзь!), доброчѧстнѫѫ старость 481б.

Носовые гласные.

Взаимная мѣна юсовъ.

Послѣ звуковъ **ш**, **щ**, **ж** и **жд** весьма часто является ѫ вм. ѧ: въ 3 л. множ. ч. аор. весьма часто окончаніе шѫ вм. шѧ:

прїѧшѫ 17а, поидошѫ 28а, приближишѫ сѧ 29б, съхранишѫ 39а, принесошѫ 39а, рѣшѫ 82а, полꙃевашѫ 84а, приѫшѫ 159а, покоусишѫ сѧ 346а, стѫпишѫ 433а, прѣимишѫ 434б, прѣгнашѫ 437а, укоришѫ 440б. послашѫ 440б, оубышѫ 441а, погыбошѫ 442а, начѧшѫ 442а и т. п.

Довольно часто, однако, въ этомъ случаѣ ѧ удерживается:

прїидошѧ 19а, рѣшѧ 19б, стѧжашѧ 23а, бышѧ 30а, съзⷣашѧ 422б, ѾпадошѦ 427а, оубишѧ 435а, досадишѧ 440б, оукоришѧ 440б, посѣкошѧ 455а, плѣнишѧ, запалишѧ 455а и т. п.

Въ общей сложности количество тѣхъ и другихъ случаевъ почти равномѣрно.

Въ 3 л. множ. ч. наст. врем.: тъщѫтсѧ 38а, но и:— съдръжѧть 245б.

Въ причастныхъ формахъ: аггелы бывшѫѧ 17б, спѧщѫ (вин. множ.) 13б, ѡслабльшѫсѧ (вин. множ.) 22а, жѫждѫ 25б, бѣжѫще 27а, 441б, трепещѫ 29а, 445а, дръжѫщеи 29б, лежѫщи 30а, силы възносѧщѫс (им. множ.) 31а, славѧщѫѧ мѧ прославлѧ 32а, блажѫщѫѧ 43а, ѡбдръжѫщѫ и възбранѣѫщѫ (им. множ.) 53а, слоужѫщаго 77а, блъщѫщѫѧ сѧ (р. пад. ед. ч. ж. р.) 260б, лежѫща 334б, боѫщѫѧ сѧ 447а, оуповаѫщѫѧ (вин. мн.) 447а, слышѫще 471б.

Случаи удержанія ѧ значительно рѣже:

дръжѧ 75б, прилежѧщеи 349а, Ѿшеⷣшѧѧ д҃шѧ 352а.

Въ именномъ, мѣстоименномъ и сложномъ склонен.: Ѿ тысѫщѫ 23б, д҃шѫ (род. п. ед. ч.) 26а, Ѿ лъжѫ 78а, без҇нѫждѫ 106а, Влⷣчцѫ нашѫ Бцѫ (р. ед. ч.) 362а, 445а. Въ силу этого явленія родительный пад. ед. ч. основъ на ја, совпавъ вполнѣ по формѣ съ винит. пад., могъ легко разсматриваться, какъ этотъ послѣдній.

Случаи удержанія ѧ:

мѧтежѧ (вин. п. множ. ч.) 24б, кромѣ... нѫжⷣѧ 44а, мѫжѧ и жены (вин. п. множ.) 92а, юнѣишѧѧ иноки 106б, госпождѧ (р. п. ед. ч.) 258б, д҃шѧ члчѧ (им. п. множ. ч.) 352а.

Въ корняхъ словъ: щѫдимаа 4б, жѫтвѣ 16а, възжѫжⷣемь 23а, жѫждѫ (прич.) 25б, жѫло 72а, жѫтва 202а, 421а; но и: шѧташѧс 413а.

Обыкновенно послѣ **ш**, **щ**, **ж** и **жд** этимологическій ѫ сохраняется:

пищѫ (вин. п. ед. ч.) 1а, дшѫ (вин.) 1а, подвижѫ (1 л. ед. ч.) 4а, приобрѧщѫ (1 л. ед. ч.) 6а, одеждѫ 6а, въ чашѫ 30а, стражⷣѫщаго 212а, Оуглешѫ 435а и др.

Случаи появленія ѧ вм. ѫ послѣ звука ш чрезвычайно рѣдки, можно привести всего три примѣра, б. можетъ—описки: милуеши дшѧ е҃г 42а, сушѧ (в. п. ед. ч.) 286б, [исповѣдашѧ плъть х҃вѫ] д҃шѫ имѧщѧ 428б.

Послѣ звука ч обыкновенно ѧ удерживается:

Чѧсто 6б, начѧлѡ҃м 13а, чѧдѡм 14а, алчѧ (прич.) 25б, причѧстишисѧ 27б, ѡтрочѧ 29б, рож҃дьство п҃р҃тчѧ 91б, чѧстное 149б, ѡблачѧщаго 186а, начѧлникь 422б и др.

Вмѣсто же ѫ является иногда ѧ:

плът чл҃чѧ ѩси 12а (подъ строками), при҃тчѧ (в. п. ед. ч.) 336а, видѧ҃т тъчѧ... бываѫщѫ 387а, плачѧщомоу 477а.

Послѣ звука ц употребленіе юсовъ въ большинствѣ случаевъ правильное:

пшеницѫ (в. п. ед. ч) 3а, ѡвцѧ (в. п. мн. ч.) 14а, птицѧ (им. п. множ. ч.) 23б, въ житницѧ (мн. ч.) 23б, Бцѫ 65б, дъсчицѫ 106б, на иконоборцѧ 295а, оудицѫ твоѫ 337а, едино-сѫщныѧ тр҃оцѧ силѫ 346б и др.

Изрѣдка встрѣчается ѫ вм. ѧ: житницѫ 16б, Вл҃дчцѫ... Б҃цѫ (р. п. ед. ч.) 258б, 362а, 445а, с҃тыѧ тр҃оцѫ таинства 346а—346б, Б҃цѫ 425б, прѣж҃де ден҃ницѫ 427а.

Послѣ з и ѕ юсы употребляются правильно: полѕѫ (в. п. ед. ч.) 29а, трапезѫ 21б, ѡгнѣнѫѧ ѫѕѫ имаши 420а.

ѫ вм. ѧ довольно часто является послѣ j:

Въ началѣ словъ: ѫзыка 109а, ѫже (вин. п. множ. ч.) 208а, ѫѕѫ имаши 420а, зла ѫѕа 420б, ѫть 443б.

Почти въ такой же степени, если не чаще, удерживается въ этихъ случаяхъ ѧ: ѧзыкь 8а, 205а, ѧзыкома 422б, ѧзыци 16а, 413а, ѧти 298а, ѧть 450б, 457а.

Въ срединѣ словъ:

поѫль 13а, прїѫхѡмь 22а, приѫти 70а, 445а, късноѫзычна 110а, приѫшѫ 159а, прїѫтно 164б, боѫщѫѧсѧ 447а.

Но и: въсприѧтїе 2б, приѧта 10б, прїѧтель 171а, заѧцемь 275а, прѣѧхѡ҃м 296б, прїѧть 424а, прѣѧти 443б.

Въ именномъ склонен. ж. р. (родит. п. ед. ч. основъ на ја и именит. п. мн. ч.), въ мѣстоименномъ и сложномъ склон. (родит. п. ед. ч. ж. р.; имен.-винит. п. множ. ч. м. и ж. р.):

вѣчныѫ жизни 3б, плод еѫ 10а, ѿ въсѣкоѫ вещи 12б, славы с҃тыѫ своеѫ 16а, кромѣ потрѣбы своеѫ 20а, нѣ҃с любве б҃жїѫ 22б, своѫ д҃шѫ (р. п. ед. ч.) 26а, своеѫ плъти 31а, еѫ 215б, прч҃тыѫ ти м҃тре 258б, ради немощи тѣлеснїѫ 270а, прѣс҃тыѫ Вл҃дчцѫ 362а, ѿ самоѫ моѫ д҃вы 406б, ѿ с҃тыѫ Мр҃їѫ 406б, сеѫ 425б, алеѯандрїискыѫ цр҃кве 427а, ѿ неѫ 429а, ѿ Далматїѫ 441а, сѫдїѫ 468а. своѫ (вин. п. множ. ч.) 20а, 25б,

бж҃ственыѧ силы (им. п. мн. ч.) 31а, кѡткы дивїѧ 304а, змїѧ.. малыѧ 304а.

Такой родительный пад. ед. ч. ж. р. въ мѣстоименномъ склоненіи сталъ послѣ, какъ мы увидимъ ниже, смѣшиваться съ творительнымъ пад., а родит. пад. въ сложн. и имен. склон.— съ винительнымъ и отчасти творительнымъ тоже.

Весьма рѣдко является ѧ вм. ѩ, стоящаго послѣ ѩ же:

ѿ далнѧѧ странѧ 34а, вънѫтрънѧѧ страсти (им. п. мн. ч.) 53б.

Случаи удержанія ѩ весьма часты:

ѿ славы б҃жїѩ 24б, ѡбычаи парочитыѩ не҃лѩ 28а, кромѣ нѫждѧ великыѩ 32а, паче потрѣбы твоеѩ 32б, прч҃тыя... прѣнепорочныѩ 258б, ѿ въсточныѩ страны 440а, 444а, нашѩ р. п. ед. ч. ж. р. 464а, ѿ алеѯандрїѩ 19а;

безчинныѩ 2б, малод҃шныѩ 2б (вин. п. мн. ч.), лютыѩ 7а, заповѣди моѩ 14б, срд҃чныѩ (им. п. мн. ч.) 15б, хытрости вражїѩ 18б, малыѩ и великыѩ 304а, дивїѩ и пасомыѩ 304а, евреискыѩ с҃щенныѩ книгы 424б—425а.

Въ прич. д. з. наст. врем. м. р.:

надѣѧи сѩ 10б, смѣшаѧ сѩ 12б, разоумѣѧ 13а, показуѧ 14б, ѿмѣтаѧ сѩ 15б, имѣѧи 16а, побѣждаѧи 18б, прѣбываѧи 20а, смѣрѣѧ себе 20а, ꙗды и пїѧ и почиваѧ 20б, послоушаѧи 21б, немощнуѧ 25б, помръзаѧ 25б, м҃луѧи 42б, настоѧщаго 62б, биѧ сѩ 440а, съражаѧ сѩ 440а и т. п.

Рѣдко въ этихъ случаяхъ ѩ остается безъ измѣненія:

боѩи сѩ 7б, имѣѩи 104б, раз҃рѣшаѩи 106а, настоѩщу 422 б.

Въ 3-мъ л. мн. ч. наст. врем.: стоѧ҃ 18а, 341а, състоѩтсѩ 211б.

Послѣ j въ нашемъ сборникѣ наблюдается и обратное явленіе: вм. этимологическаго ѧ является, тоже довольно часто, ѩ, такъ что послѣ j происходитъ взаимная мѣна юсовъ.

Извѣстно, что мѣна юсовъ составляетъ обычную черту памятниковъ среднеболгарской редакціи, но послѣ j въ этой мѣнѣ наблюдается большое разнообразіе.

Взаимная мѣна юсовъ (ѧ вм. ѩ и ѩ вм. ѧ), которую хорошо знаетъ нашъ сборникъ, наблюдается въ слѣд. среднеболгар. пам.: Трновскомъ Евангеліи XIII в., Евангеліи Импер. Публичн. Библіот. XIII—XIV в. (Верковича), Отрывкѣ четвероевангелія Григоровича XIII—XIVв., Сборникѣ 1345 г., Лондонскомъ Еванг. I.-Александра XIV в., Пражскомъ Еванг. XV в. (Starine XIX), Пражскомъ сборникѣ XV в. (Starine XXIV), Сборникѣ Бухарестскаго Архива XVI—XVII в. (Сырку-Arch. f. Sl. Phil. VII. его же „Виз. повѣсть", Милетичъ и Агура—Сбрн. за народн. умотв. IX).

Боянское Евангеліе XII—XIII в. и Охридскій Апостолъ XII в. знаютъ ѧ вм. ѫ, но ѫ вм. ѧ послѣ j нѣтъ! Зато—Паламейникъ Григоровича XII—XIII в., Сретьковичево Евангеліе XIII в. и Пирдопскій Апостолъ XIII в. знаютъ ѫ вм. ѧ послѣ j, но ѧ вм. ѫ нѣтъ!

ѫ вм. ѧ послѣ j:

В ъ н а ч а л ѣ с л о в ъ: ѫ (вин. п. ед. ч. ж. р.) 8б, 257б, ѫроду 63а, разⷣрѣшаеть ѫзь плътьскых 66а.

Чаще здѣсь ѧ удерживается: ѧже (вин. п. ед. ч. ж. р.) 9а, 215б, ѧтробѧ 42б, 420а, ѧдоу 205а, ѧглїа 272а, ѧроде 374б, ѧтробы 394а, ѧзы 404а, ѧдолїа 476б.

В ъ с р е д и н ѣ с л о в ъ: вънѫже мѣрѧ мѣриши 32а, вънѣтрьѫдоу 49б, 479б, бл҃гоѫханїе 262б, бл҃гоѫханⷩаго 276б.

Но и—: обоѧду 156б, бл҃гоѧтробїе 169б.

Часто очень ѫ вм. ѧ является послѣ j въ с к л о н е н і и: въ т в о р и т. и в и н и т. п а д. ед. ч. ж. р. именъ существ., въ т в о р и т. и в и н и т. п. мѣстоим., причастій и прилагательныхъ и т в о р и т. п а д. мѣстоим. личн. и возвратн.: мноѫ 14б, мыслїѫ 62а, множицеѫ 67а, 140б, водоѫ 90а, прѣⷣ кръстилницеѫ 90а, съ пр҃ноѫ сестроѫ, снъхоѫ, коумоѫ... дъщерїѫ 92б, нагоѫ д҃шеѫ 112б, бл҃гⷣтїѫ 428б, съ Туркїеѫ 441а, собоѫ 461б, женоѫ 478б, съ прѣвъзлюбленноѫ м҃терїѧ своеѧ анастасїеѫ 496а, несъзданнѧѫ и единосѫщнѧѫ троицѧ 2б, ѡдеснѧѫ 4а, 257а, 444б, геенѧ огньнѧѫ 7а, своѫ волѫ 9б, славѧ нечистѧѫ и соуетнѧѫ 9б, ст҃ѧѫ стрⷭть крⷭтнѧѫ 15а, многѧѫ любовь 15б, въ вънѣшнѧѫ тъмѧ 16а, вѣчнѧѫ 16а, даннѧѫ 24а, заповѣдь гл҃ѫщѧѫ 24б, бж҃ⷭтъвнѧѫ силѧ 28б, страстнѧѫ 53а, фрѧжьскѧⷽ 257а, безкваснѧѫ... ѡпрѣсночнѧѫ 311б, гладнѧѫ 240а, въсѫ арбанасїйскѧѫ землѫ 442б; госпожⷣѧ еѵдѡкыѫ 452а; въ странѧ своѫ 453а, госпожⷣѧ Марїѫ 454а, обновившѧѫсѫ ереⷭ 431б и т. п.

Случаи удержанія ѧ довольно часты:

льстїѧ 3а, мноѧ 3б, 15а, блⷣгтїѧ 5а, еѧ (тв. пад. ед. чис.) 15б, съ неѧ 21а, радостїѧ 21б, зимоѧ 25б, непокръвеноѧ 62а, силоѧ 138б, землеѧ 203б, бл҃гочьстивоѧ ц҃рицеѧ ириноѧ 295а, ст҃оѧ м҃трїѧ 403б, плътїѧ 425б, въсеѧ силоѧ въгръскоѧ 452б.

единѧѧ 4б, своѧ 11б, похотнѧѧ... бывшѧѧ 63а, граматикїѧ, риторикїѧ, философїѧ 207а, б҃жїѧ (вин. пад. ед. чис.) 216б.

Иногда встрѣчаются параллельно тѣ и другія формы:

непокръвеноѧ мыслїѫ 62а, бж҃ⷭтвноѫ силоѧ 65ббб, ꙗкоже завѣсоѫ плътїѧ покриваем... д҃шѫ 112б—113а; въч҃еѧ воискоѧ своеѧ 454б и: въсеѫ воискоѫ своеѫ 455а.

Въ 3 л. множ. ч. наст. врем.:

прѣлъщаѧть 19б, изгнїѧ^т 52б, пїѧт 91а, пїѧть 91б—92а, ваѧть 349а; но и—: въпадаѫ^т 6а, принашаѫть 11б, прѣ^д ва-ѫть 216а.

Въ причастныхъ формахъ:

съ оумѣѧщи^м 44а, съгрѣшаѧща 46б, дрързаѧщимь 109а, амену̑ѧщи 120б, грѣѧщи 186б, нарицаѧще 433б, побиваѧщи 7б; но и—: исправлѣѫщимь 2а, въпрашаѫщимь 2б, въскли-ѫще 441б.

Весьма часто является ѧ вм. ѫ послѣ мягкихъ л, р, н и тѣмъ послѣ губныхъ, смягченныхъ непосредственно или по-щью л эпентетическаго:

1 л. ед. ч. наст. врем.: глѧ 8б, прїемлѧ 21б, разорѧ 25а, творѧ 25а, 446а, прославлѧ 32а, азь спо^д блѧ сѧ 83б, не мнѧ ь 88б.

3 л. мн. ч.: прѣемлѧть 18а, гл̃ѧть 20б, приемлѧть 63б, емлѧ^т 269б, глѧтсѧ 423б.

Причастныя формы: гл̃ѧща 21а, гл̃ѧщѫѧ 24б, каплѧщїа 5б, гл̃ѧщуму 427а.

Склон. именныхъ основъ на ja (вин. пад. ед. ч.):

на землѧ 5б, 18б, волѧ 7б, 9б, 25а, грърдынѧ 2а, мл^с тынѧ б, въ землѧ 423б, на Тандиновѫ землѧ 440а (у г. Богдана: млѫ—Arch. f. Sl. Phil. XIII—526).

Послѣ с, непосредственнаго смягченнаго, является иногда вм. ѫ: попросѧ (1 л. ед. ч.) 23б, износѧ 24а.

Послѣ такого же д: оугодѧ 27а.

Выше мы отмѣтили три спорадическихъ случая появленія ѧ вм. ѫ слѣ ш и не особенно частое появленіе ѧ вм. ѫ послѣ ч.

Весьма послѣдовательно является ѧ въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) Въ нарѣчіи „вънѫтрь" и производныхъ: вънѧтръ 8а, нѫтрънѧѫ 53б, вън^ѫ тръ 61б, вънѧтрънїи 251б, вънѧтрънѣа 442б.

b) Въ сущ.: „тысѧща" являются и ѫ и ѧ: тысѫща^х 408б, сѧщь 454б и т. п.

c) Въ формахъ глаголовъ „имѣти" и „вѣдѣти": имѧщеи 6а, ѧщи^х 27а, имѧть 53б, не вѣдѧ (1 ед.) 16а, съвѣдѣщїа^х 467б; дко ѫ: имѫщи 384а.

Всѣ эти случаи являются особыми образованіями и не отно-тся къ области мѣны юсовъ.

Въ твердыхъ слогахъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ы употребляются обыкновенно правильно:

нестѧжателно 1а, мѫжелюбовно 1б, рѫкама 1б. лѫкавых 2а, ждати 2а, въ лихвѫ 3а, мъздѫ, похвалѫ 3б, вынѫ 3б, оуко-знѫ 10а, мл̃твѫ непрѣстаннѫ 11б, гѫгнива 110а, трѫси 435а

и т. п.; пѫ фрѫгѡ^м^ и инѣми хитрост^м^и и цаграми и лубарды 445б (у Богдана въ текстѣ коньектура: фѫдомь, а въ примѣч. указано на то, что въ рукописи стоитъ фѫгомь — Arch. f. Slav. Phil. XIII—533).

Іотированныхъ юсовъ нѣтъ вовсе, есть только нѣсколько неясныхъ попытокъ іотаціи тамъ, гдѣ въ ней нѣтъ надобности: сіѫщьствныи 122б, творѧ^т^ 222а, накажѭтсѧ 253а, голѫбици 351б, творѧщи^х^ 383а.

ъ вм. ѫ было разсмотрѣно выше.

у вм. ѫ въ общемъ встрѣчается довольно рѣдко, чаще всего наблюдается эта замѣна ѫ въ Пасхаліи (л. 237—257) и затѣмъ въ исторической части, особенно въ сербской лѣтописи (л. 434—438); обѣ статьи по всей вѣроятности списаны съ сербскаго оригинала; въ остальныхъ частяхъ у вм. ѫ—явленіе спорадическое:

съ бранїю 27б, су^т^ 39б, м҃лтву 46б, ниже ногу г҃лемь слѣпу 187б, въ гредущую не^д^лю 247а, текуща^г^ 247а (текѫщаго 247а), будут 247а, бывают, сут же 255а, раздѣлѭщь 255б, съвръшають 255б, мнѣху 255б, имоут 255б, съпѫтьствую^т^ 256а, Оугре 308а, 436б, въ д҃шу ч҃лчю 350а, чюеть воню 356а, юже 386б, причю 376а, на ину страну 389б, волю бж҃їю 396а, пушкою 452а, срѣ^м^скоу землю 457б—458а, бл҃гтїю б҃жїею 467а, Клеопатру 425б, Фрузи, Фруги 434б, воиску срьбску 436а, Дубравницѣ 435а, башу 436а, Морею 436а, Речаву 437а, воеводу 437б, всу босну 437а, ратїю 437а, соущоу 483б, доцр^е^кою портоу 484а, мирчю воеводоу 497а.

Въ нашемъ памятникѣ наблюдается чрезвычайно интересное чередованіе ѫ и а, указывающее на то, что праславянскому ѫ, очевидно, соотвѣтствовалъ въ языкѣ даннаго сборника звукъ весьма близкій къ звуку а, по всей вѣроятности съ глухой окраской, такъ какъ мы видѣли уже, что ѫ близокъ отчасти и къ ъ.

Этотъ любопытный фонетическій процессъ сблизилъ винительный и именительный падежи ед. ч. въ основахъ на а, въ именномъ и даже сложномъ склон. ж. р. и весьма сильно содѣйствовалъ выработкѣ изъ сліянія винит. съ именит. того падежа, который впослѣдствіи, при сближеніи и другихъ падежей той же основы, сдѣлался общимъ падежомъ для этихъ основъ.

Формы съ ѫ этимол. и а вм. этого ѫ рядомъ: бо^г^ша мѫздѫ има^т^ 44б; тъчїа 42б, 136а, 140а, тъчїѫ 136а; на странѫ и на страна 164б, на страна и на странѫ 166а, дѣиствоуѫщи, страж^а^щи 179б, имѫть... силѫ е^с^ствна 175б, емшаѫ сѫ рыбѫ възми 337а, проиде^т^ сквозе рѣка огньнѫ 342б, сп^с^еніе

нарицает такова м҄ка 343а, раз҄бори оугро҄ витѧж҄ск҄ трапеза 437б, приѧ҄ госпож҄ еуд҄кыѧ сестра семена ц҄рѣ ѿ кѵева 452а.

ѧ вм. а и а вм. ѧ рядомъ: посагнѧ же Марїѧ пръвая его дъщи въ виѳлеемъ и роди саломїѧ баба 277б.

а вм. ѧ этимол. (винит. и именит. пад. осн. на а совпали вполнѣ!): възвръзи печа҄ твоа 51а, вода готовааше 89б, да не слоужи҄ по҄ година 102а (при отриц. винит. часто); философїа начѧти 115б, ѿѧти начѧшѧ... фїлосѡфїа 118а, имѣти мѫжу жена 193а, поѧт же... дъщере аггеѡва 278б, въ іоудеа 425б, посла ц҄рь базит ахма҄ баша 438а, възѧшѧ Македонїа 442а, Македонїа проходѧщоу 445б, обсѣде гра҄ килїа 452а, постави имь... Ісаіа и боухтѣ пръкалаби 452б, разби... Радоула воевода 453б, на Радоула воевода 454а, възѧ҄ г҄ж҄а Радоула воевода и дъщерь его Марїѧ г҄ж҄а 454б, възѧшѧ Килїа 456а, воиска его посѣкошѧ 458а, посла҄ на молдавскаа землѣ 460б, събра сила велика 463а, землѣ срѣмова плѣнишѧ 464а, постыже оугръскаа землѣ перско҄ множьство 465б—466а, оу дроуга строна 489а. Такіе примѣры, какъ: на... загорскаго воевода 466б, на... въгръскаго воевода 482а, съпо҄виже Ра҄ула воево҄а 482а, можно впрочемъ еще объяснять и согласованіемъ съ непосредственно предшествующимъ словомъ, что, какъ увидимъ ниже, довольно часто практикуется въ нашемъ сборникѣ, такимъ согласованіемъ объясняется и слѣд. фраза: ѿ радоула... загорскаго воевода 459а.

а вм. ѧ въ родит. пад. ед. ч. осн. на ja (ѧ въ силу смѣшенія юсовъ):

ѿ славы б҄жїа 22б, словесныѧ чѧсти фїлосѡфїа 118б, ѿ моусикїа 157б, ѿ граматикіа 157б, ѿ д҄ша и тѣла 162а (ѿ д҄шѧ и тѣла 162б!), ѿ... виѳин҄скы҄ епар҄хїа 279а, бесъмрътїю д҄ша нашеѧ 351а, ѿ Марїа 429а.

Такой родит. совпалъ съ именит. (а этимол.) и винит. (ѧ=а!).

а вм. ѧ въ именит. и винит. пад. множ. ч. сложн. склон. въ силу смѣш. юсовъ (ыѧ—ыѩ):

прочїа... чл҄кы 149а, движимїа... и недвижимїа праз҄ники 238а, люди б҄жїа 300а (люди б҄жїѧ 300б).

а вм. ѧ послѣ шипящихъ смѣш. юс.):

ищаи 114а, съдръжащасѧ 166б (съдръжещесѧ 166б), жате҄ 259а, дръжать 263б (дръжѧть 263б), слоужаще 270б, съдръжащи҄сѧ, 287а, аг҄глы оуслыша по҄ща 299а, лежащаго 342а, быша 435а, воеваша 458а.

а вм. ѧ (этимол. и стоящаго вм. ѧ) послѣ j: лѵ҄ргїѧ да... поꙗть 100б—101а, пострааꙗть 207б (Сбрн. 1348—пострааѧть); рїꙗтел҄, прїатель 173а.

Обратное явленіе: ѫ вм. этимол. а — въ свою очередь повліяло на сближеніе именит. и винит. пад. у основъ на а. Употребленіе ѫ вм. а вызвано близостью звука, соотвѣтствующаго ѫ, къ звуку а.

ѫ вм. а въ именит. пад. ед. ч. основ. на а (смѣшеніе именит. съ винит.!).

съ б҃гомь и того изложѫ бл҃тїѫ еи же славѫ вънѣтръ ѡблистаѫщи иже прочитаѫщи҇х... просвѣщает҇ 111б—112а; тоѫ бо въсѣкѫ хытрость ѡбрѣтаетсѧ 116б, птицѫ 149а, (птица 149б), единицѫ бо и единици съходѧщисѧ бываеть двѣ 116а, сїа... възмѣрѣтсѧ къбло҇м... ꙗкоже пшеницѫ или что сицевы҇х 166б; сѫ҇т два свѣта бж҃тво и чл҃чьство и ипостаси г҃ тр҇оицѫ неразделимаа 259а, посагнѫ же марїѫ пръваа его дъщи въ виѳлеемь 277б, имена ....кикилвара иже именоуетсѧ балтѫ 453а.

ѫ вм. а въ родит. (вин.) пад. ед. ч. основъ на о и въ именит. пад. ед. ч. ж. р. сложнаго склоненія:

прѣжде оумрътїѫ 50б; г҃лемь же сѧ и женѫ имѣти и жена мѫжѫ имѣти 192б, (имѣти мѫжу жена или женѣ мѫжа 193а), ѿ сїмона влъхвѫ 310а, раѫ нѣ҇б (подъ строк.) 331б; снѣ҇г е҇с исполумрьзьшїа вода... на землѧ съходѧщїѫ 203а, вода ѿ прѣложенїа землѧ бываѫщїѫ и изливаѫщисѧ 203б, раба бжїѫ г҇ж҇а Марїѧ 455б.

ѫ вм. а еще можно отмѣтить въ слѣд. форм.: вещьми изѡбражѫѧ (прич.) изстоука҇н сътвори 199а; своѧ си видѧщи и повиннѫ (им. п. мн. ч. ср. р.).. мѫцѣ сеѧ имѫщи 384а.

Сближеніе и смѣшеніе винит. и именит. пад. ед. ч. у осн. на а въ силу ѫ = а и а = ѫ вызвало по аналогіи то же явленіе и въ ж. р. сложнаго склоненія:

Іѡакы҇м в҃ женѣ имѣ, а не ст҃ѫѧ Анна г҃ мѫжи имѣ 280а; иже матѳеѡмь и маркѡ҇м възлиавшїа мνро.. исцѣлѣна сп҃сомь, другаа же лукоѫ писанѫ грѣшнѫѧ, възлїавшѫѧ... мνро, а инѫѧ іѡаннь лазаревѫ сестра, ꙗко быти въсѣ҇х г҃ 283а; боле въсего е҇с злаа ненависть братнѫѧ и немилостинѣ 378а.

ѫ и ъ, какъ мы видѣли выше, довольно близки другъ къ другу, ъ вм. а мы видѣли тоже, хотя и очень рѣдко; ѫ же и а весьма близки между собою, отсюда можно предположить, что какъ праславян. ѫ, такъ и ъ соотвѣтствовало въ языкѣ даннаго памятника а редуцированное (а̥). Нѣкоторое указаніе даютъ намъ написанія собственныхъ именъ: съ Цъпѫлоушемъ 455а, Цапалоуша 455а; Фѫгърашъ 483а, Фъгѫраш 483а, (Фаграш — грам. Венел.). Быть можетъ, иногда а редуцированное (= ѫ) имѣло и легкій носовой призвукъ, на что даютъ нѣкоторое указаніе такіе примѣры, какъ: Франгїѫ 309а, Франѕести 443б. У Богдана

напечатано: жигмѫнть (Arch. f. Slav. Phil. XIII — 530) вмѣсто: Жигмѡнт 443б.

а вм. ѫ встрѣчается во многихъ среднеболгар. памятникахъ, напр.: въ Струмицкомъ Октоихѣ конца XII в., въ Евангеліи Сретьковича XIII в., въ Троянской притчѣ XIV в., въ Пражскомъ Еванг. XV в., въ Октоихѣ Михановича XIII в. и въ Хлудовскомъ (Лобковскомъ) Паремейникѣ XIII—XIV в.—часто, въ Бухарестск. Архивн. Сборникѣ XVI—XVII в., въ Одесской рукоп. Григоровича XVII в. и друг.; затѣмъ — въ Валашскихъ и Молдавскихъ грам. XV—XVI в., изд. Милетичемъ (№ 17, 20 и др.) и Венелинымъ (№ 21, 22, 30 и др.).

ѫ вм. а—въ Струмицкомъ Октоихѣ, Сретькович. Евангеліи, Октоихѣ Михановича и Пражскомъ Евангеліи.

ѫ вм. е: да піѧт же и вино оумѣреноѫ въ сѫб и не 91а, назнаменателны глас ес ꙗко же лаанїѫ пес, тъ оубо назнаменоуеть... пса... 121а; глеть же сѧ истѣе при ѡдшевлены оубо старѣишѫ, при бездшны же ветшаише 187б; дръзнѫшѧ рещи... съѫзь... раздрѣшити въсхотѣвшѫ 432а. Эти случаи производятъ впечатлѣніе описокъ или ошибокъ, особенно послѣ ш, гдѣ часто вообще— ѫ. Вѣроятно ошибкѣ же обязано появленіе въ статьѣ „о 8 частяхъ слова“ формы: биѫтсѧ въ качествѣ примѣра 3 л. ед. ч. и фрм.: биетсѧ — для 3 л. мн. ч. 214б (Хиланд.—биетсѧ 3 ед., биютсѧ 3 мн.).

ѫ вм. о (ошибки или вліяніе аналогіи): въ бедрѫ 88б, сѫдръжателнѫ бо.... и болѣзнинѫ и трудомь.... и по въсѣх даѫщаг, ба блгтїѫ 114а—114б; хѫдѫжни 446а.

ѫ вм. ом: тѣло... дша и воскь таковажде прѣбываѫт неизмѣноуѫщесѧ сѫщьствѫ (тв. п. ед. ч.) 119б—120а.

Не мало любопытнаго представляетъ данный сборникъ и въ области другого носового гласнаго ѧ.

На носовое произношеніе ѧ нѣтъ никакихъ указаній, если не считать формъ: пѧндесѧтницѫ 74б, 75а, пѧндесѧтница 75а, въ седмицѫ пендїкостиѫ 103б, но здѣсь можно видѣть и вліяніе греческихъ формъ.

е вм. ѧ чаще всего появляется въ тѣхъ же частяхъ, носящихъ слѣды сербскаго оригинала, гдѣ является чаще и у вм. ѫ, т. е. въ Пасхаліи и сербской лѣтописи. Въ остальныхъ частяхъ сборника е вм. ѧ — явленіе сравнительно рѣдкое.

е вм. ѧ этимолог.:

паметїѫ 35а, веще 47а, скръбет бѣсѡве 52б, причещаемсѧ 90б, до пѧтидесѧтнице 95а, име 145б, 150а, (имѧ 144а), своиствнѣишее виды 147а, честнѣише... (събѡрнѣише) 177а, съвъносе 151а, съѿемле 151а, есство подлежещеѧ вещи 152а,—

по^л^лежѧщеѧ вещи 152а, име̑ 156а, ви^н^нѣишеѧ види 162а, съдръжещесѧ 166б, бѣше 205а (сбр. 1348 г. бѣшѧ), г̃летсѧ (на поляхъ — ѧ) 211б, теженое 215а, се^м^мице (р. п. ед. ч.) 238а, ѿ прѣлъстные звѣз^д^ы 256а, въ начелѣ 256а, творе^т 256а, реда 264б, коваше... ковачи 266а, братучеда 277б, се (на поляхъ — ѧ) 341а, въжеда^х^сѧ 381б, ж^р^рѣбети 404а, наче^т 424а, сѧщее (р. п. ед. ч. ж. р.) 423а, прѣидоше 434б, свеза 436а, оуоваше 440б, събрашесѧ 441а, рѣше 441а, приведоше 442а, вое (вин. п. мн. ч.) 444а, опе^т 444б, поечати 444а.

е вм. ѧ, являющагося вм. этимол. ѧ въ силу смѣш. юсовъ: родителское лѣностїѧ 97а—97б, панагїе оупусти^т 102а, биваеть 386б, прѣж^д^еварѣ̑еть 387а, нощїе 446б.

Обратно — ѧ вм. **е** — рѣдко:

въсѧнощна 32б (въсенощни^х 32б), ѿсѣтѧи 32а, листвїѧ 39б, блг^д^ть... прїемлеть и ѿвръзаѧ оуста исплънѣѧтсѧ д̃ха не пекыисѧ что възг̃ле^т 110б, сѧ^т съ лоучаиѧ 139б (сълоучаие 141б), г̃лѧ^т онзи 214б, сѧ^т (съсѧть) м̃трѧ (вин. п. ед. ч.) 260а; прѣходить н̃бо прѣзь д̃нь и водѧ^т ѧ аг̃гли 264б, роди дъщерѧ именемь Соломїи 278а, въстанїе ирѡдово и пилатово несъмыслїѧ 412б—413б, възбранѣемь бѣшѧ 440а, хощетѧ (2 л. мн. ч.) 441а.

ѧ и **ѣ** означали, очевидно, звуки имѣвшіе весьма близкое сходство между собою, чѣмъ объясняется появленіе **ѣ** вм. ѧ, весьма частое, и затѣмъ употребленіе ѧ вм. **ѣ**. По всей вѣроятности звуки эти близки были къ широкому **е**, приближающемуся къ **а** (ä).

Оригинальнѣе другихъ примѣръ: пѧнѣѕь 71а, здѣсь оба знака употреблены какъ разъ наоборотъ!

ѣ вм. ѧ весьма часто:

по въсѣ вечеры 41а, вѣщша 42б, стѣжанїа 44а, привѣзану 44а, видѣще 44а, сѣдѣи (прич.) 44б, водѣщому 45а, имѣща 45а, възѣта 45б, вънѣтръѧду 49б, мѣ 61б, хотѣщому 87б, дивлѣ же сѧ (1 л. ед. ч.) 91б, ѡсѣѕанїе 98а, 277а, исплънѣтсѧ 111а, вънѣтръ 111б, приходѣщи 113а, троудѣисѧ 115б, творѣще 120б, ѿходѣ 125а, десѣть 158а, ѿ десѣти^х... десѧти^х 158а, девѣт̃ 158а, проѕѣбати 161а, възмѣрѣтсѧ 166б, горѣщь 174а, сїа... зрѣтсѧ 177а, протѣженное 215а, дѣлѣт сѧ 216а, прѣмѣнѣть 219а, въспѣть 246а, ѡбрѣщеши 246а, болѣщїи 273б, пѣнѣѕа 335а, ѿ землѣ твоеѧ 340б, поставлѣ (1 л. ед. ч.) 348б, оубїицѣ (им. мн.) 375а, постыдѧтсѧ и посрамѣтсѧ 405а, хотѣще 410а, нисходѣщїими 415б, скиптри молдавскыѧ землѣ 452а, вѣще м̃ стѣговь 455а, плѣнѣ (прич.) 466б, памѣти 473б, любѣща 484б, оучителѣ 485б, хоулѣ и блѣдѧ 487а, азь... люблѣ 488б, насладѣтсѧ 494б, ве^с^лѣсѧ и бл̃годарѣ б а 496а, сѣ 496б, славлѣ (прич.) 499б.

Въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ винит. пад. ед. ч. основъ на **ja** появленіе **ѣ** можно разсматривать и какъ **ѣ**=ѧ (изъ ѧ въ силу смѣш. юсовъ), и также—какъ результатъ смѣшенія винит. пад. съ именит. по аналогіи основъ на **а**, близкихъ весьма основамъ на **ja**, т. е. б. можетъ, часть этихъ формъ съ **ѣ** является формами именит. пад. съ обычнымъ **ѣ** вм. ꙗ. Если же всѣ такіе примѣры считать за ф. винит. пад., то всетаки появленіе **ѣ**=ѧ сблизило именит. пад. (гдѣ ѣ вм. ꙗ) съ винит. и у этихъ основъ.

Сюда относятся: ѿсѣцати волѣ нашѧ 40б, въсѣ волѧ... остави 45а, млстинѣ... творѧще и на тѧ единѧ надѣѧщесѧ 49а, въ поустинѣ бѣгаѧ 50а, на злѣ 52б, носѧ... помысла.... боурѣ 110а, единѧ волѣ 287а, сътвори вечерѣ 292б, на землѣ 405б, плѣнишѧ въсѣ землѣ 455а, раздѣли... землѣ 422б, оу оугръска землѣ 497а.

ѧ вм. **ѣ**, обратное явленіе,—довольно часто:

тѧх ради 6б, оузрѧ стыи антоніе 39а, дажь в цѣтѧ (двойств.) 41б, прѣспѧ 43б, сѣдѧти 44а, зрѧти 52б, о чистотѧ тѣлеснѣи 87а, хотѧше (3 л. ед. ч.) 92б, родѧиши 192б, врѧмѧ 202а, женѣ, ꙗже имѧ десѧт драхмь 336а, кромѧ 344б, оуспѧет 389а, горѧніе 401а, ѿ въходѧ ег въ егупет 409б, доспѧвшоу 444б, птици хоудоперѧи (д. п. ед. ч.) 474б, хотѧ (3 л. ед. ч.).. свое ѿмъстити 482б.

Въ формахъ: имѧѧи 45а, имѧемаго 185б, имѧніа 186б и т. п., б. можетъ, это явленіе объясняется воздѣйствіемъ широко развитыхъ формъ отъ основы — имѧ.

ѧ вм. **ѣ**, ставящагося весьма послѣдовательно послѣ губныхъ смягченныхъ, плавныхъ **л**, **р** и **н** и мягкаго **с** вмѣсто ꙗ (видѣть здѣсь ѧ вм. ꙗ невозможно въ виду вполнѣ послѣдовательнаго, какъ мы увидимъ ниже, появленія въ этихъ случаяхъ **ѣ** вм. ꙗ):

избавлѧѧи 61б, распалѧѧщоу 109б, въсѧкь 165а, землѧ (им. ед. ч.) 181б, 262а, въсѧко 184а, умалѧемое 191б, въсѧ вода 203а, поганѧеть 264б, ѡригенѧне 351а, ѡскврънѧѧть 385б, каплѧ (им. ед. ч.) 405б, землꙗ завулѡнѧ и земле нефоалимлѣ 409б, въсѧ землѣ 422б, мисирѧне 438а (мисираны—тверд., 438а), оустрълмлѧетсѧ 481а.

ѧ вм. **ѣ** (вм. ꙗ) можно видѣть еще въ слѣд. примѣрахъ: грѣдинѧ (им. п. ед. ч.) 46б, рабинѧми 114б, млстинѧми 382б (банѣми 481б!); до гнѧ възнесніа 426а, кралѧ Вλъкашина 435а.

ѧ вм. **а** послѣ шипящихъ и иногда мягкихъ гортанныхъ, что указываетъ на нѣкоторую мягкость шипящихъ:

вашѧ срдца 13б, имѣніа вашѧ 14а; не имаши ѿкъду помиловати тѣло, млуеши дшѧ ег, каа ес болшѧ (им. п. мн. ч. ср.

р.).... м҇лу҃и д҇шѧ е҇ болшѧ 42б, тѧжчѧйше 92б (тѧжчаиши 93а), погрѣшѧеть 117а, тъчѧ (им. п. ед. ч.) 203а, пр҇тчѧ Іѡаннъ 278а, прѣжде бытїа ч҇л҇чѧ 348б, притчѧхь 353а, ѿ кигѧчѧ (р. п. ед. ч.) 461а; Думитра ѩкшикѧ 438а, г҇пгѧ... Мара 438а, деспота Гюргѧ 435б; Іл̈ïашѧ 481а, матïашѧ 483а. **а**—: ч҇л҇ча рѡда 205а, Илïаша 484а.

ѧ вм. ѩ (русское вліяніе, вполнѣ возможное на молдавской территоріи) очень рѣдко:

Исаïѧ 19а, синклитикïѧ 45б, раѧ (р. п. ед. ч.) 52а, преж҇е прïѧтïѧ 89а, изѧдь или испивь 102а, житïѧ тръвлъненïа 109б, ѧже—ѿ ни҇х именна 157б, ѿ сѫщьства и сълоучаѧ 163а, творѧщаѧ, страж҇ащаѧ (ср. р.) 193б, млънïѧ (им. п. ед. ч.) 263а, ѧицѧ 269а, въ козïѧ҇х кожа҇х 372а, хуленïѧ (мн. ч.) 375б, Илïѧ 396а, еѵдокïѧ 453а.

а вм. ѧ (рус. вл.) можно видѣть въ слѣд. случаяхъ:

начашѧ 29а, ѡблачать 265а, начала 283б; видѣть здѣсь **а** вм. ѫ̈ (ѧ) мы не имѣемъ права въ виду отсутствія примѣровъ съ ѫ̈ вм. ѧ послѣ **ч** ! Въ примѣрахъ же: ѩзыку 117а, (кинов. прип.), ѩзыка 150а, прïѩте҇л, прïатель 173а, можно **а** разсматривать, какъ соотв. ѫ̈ (ѧ) въ виду наличности подобныхъ примѣровъ.

ѧ вм. **е**, **ѣ** вм. ѧ и ѧ вм. **ѣ** наблюдаются: въ сборникѣ Берлин. Королевской Библіот. XIII-го в., въ Пражскомъ Ев. XV-го в., въ Бухарестск. Архивн. Сборн. XVI—XVII в., въ валашск. грам. Милетича; ѧ вм. **ѣ** въ Македон. Апостолѣ XIII в., въ грамотѣ I. Асѣня II. **а** вм. ѧ и ѧ вм. ѩ—въ Пражск. Ев. XV в.; ѧ вм. ѩ въ Бухарестск. Сборн. XVI—XVII в. и въ валашск. грам. Милетича.

Въ области *вокализма* слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія явленія:

Послѣ мягкихъ **л**, **р**, **н**, послѣ губныхъ смягченныхъ непосредственно или помощью **л** эпент. и послѣ мягкаго **с** весьма послѣдовательно употребляется **ѣ** вм. ѩ:

оудалѣтисѧ 3а, помышлѣи 7а, стрѣ҇лѣ҇т 21а, дïаволѣ (р. п. ед. ч.) 23б, хранителѣ 61б, искоусителѣ 98б, дрѣводѣлѣ 211а, полѣ (им. п. множ. ч.) 473а и др.;

оукарѣти, оукарѣему 3б, смѣрѣеть 9а, мирѣнинь 19б, сътварѣти 29а, прѣдѣда 52а, ц҇рѣ 55б, вечерѣ (им. п. ед. ч.) 277а, лазарѣ 292б, прѣвноуци 418а, ѿ алеѯандрѣ 427б, потрѣсесѧ 436а и др.;

послѣднѣа 1б, искрънѣго 3а, оупражнѣетсѧ 8а, ѿганѣеть 9а, вънѣнѣе҇м 21а, съединѣеть 66а, инокынѣ (им. п. ед. ч.) 93б, лѣнѣхсѧ 109а, конѣ 130а, долнѣа 191а, м҇лтва г҇нѣ 277а, възбранѣемь 440а, Асѣнѣ 441а и др.;

исправлѣѫщимь 2а, погоублѣеть 6а, избавлѣеть 11а, сподоблѣетсѧ 12б, землѣ 21а, кръмѣшесѧ 105а, саблѣ 156б и др.;

въсѣ заповѣданнаа 4а, въсѣкь 7а, въсѣка 47а, персѣни" 425а и т. п.

ꙗ въ этихъ случаяхъ чрзвычайно рѣдко: раздѣлꙗеми 256а.

ѣ вм. а и ꙗ послѣ т (мягкаго):

телець оупитѣнь 71б, питѣтелнѫѧ 147а, гостѣ своего 292б.

ѣ вм. а послѣ м: измѣилитѣне 480а;

Послѣ ч—ѣ вм. а является очень рѣдко: правда чл҃чѣ 47а, Мирчѣ (им. п.) 443а.

Обыкновенно а въ этомъ случаѣ не измѣняется: обличает^т 11а, ча^с 11б, скончати 11б, опе^{ча}лишисѧ 11б, обычаи 28а, 486а, чаша 656б, Мирча 497а.

Но вм. оу послѣ ч является ю: чюдны 32б, чюдеса 48а, чювствы 78б, чл҃чю 349а, врачюет 420а, мечю 480ббб, Илиашю 484б.

Такимъ образомъ для опредѣленія качества шипящихъ мы имѣемъ слѣд. данныя: ю вм. у, ѧ вм. а, дальше увидимъ два случая ѥ послѣ шипящ., но ѣ вм. а рѣдко; заключать объ особенной мягкости шипящихъ нельзя.

Весьма рѣдко ѣ смѣшивается съ е, что указываетъ на от, что звуки эти въ языкѣ даннаго памятника имѣли мало общаго между собой:

ѣ вм. е: въсему (ѣ стерто) 387б, хотѣстѣ 441а, стѣкаахѫсѧ 493а.

е вм. ѣ: древле 90б, мена 238а, на... плече 268а, на свѣте 293а.

ѣ вм. е (рефл. глух.): правовѣрѣнїи и маловѣрнїи 276а.

Въ словѣ: трѣва 355а ѣ на подчищенномъ мѣстѣ.

Форма нарѣчія: само 55б и др. представляетъ собой особое образованіе по аналогіи сербск. „овамо", „онамо" (Кульбакинъ) и рус.: „сямъ", „тамъ" (Поливка).

е пропущено графически: нашго 90б, съмѫщнїе 435а.

и вм. е довольно рѣдко:

Пими" 51б, Пимйнь 52б, никто же непричѧсте" изыди 71б, призвитерь 93б, х҃оoубїицъ 106а, мечиць 156б, ѡгнь е^г тѣло.. чѧстнѣйше и горѣщеи 201а, Іеримїа 411б, дашѧ... жлъчь... напоиши мѧ ѡц҃та 414а, въз^движисѧ... амора^т 441б, воивода 456б.

е вм. и: ерїны и: иринoѧ 295а, ѡрегенаа 430б.

ю вм. е (мягкаго): воювати 442а, къ ѡлтарюви 378а.

у вм. о—также—рѣдко:

ѿ служѥнїа миру 383а—383б, маслоу мнѡжьствоу 421б (быть можетъ аналогія!), г^лѧщуму 427а, ѿ тѣла въ тѣлоу 430б, соучавскыи 481а, въ оучав҃стѣмь градѣ 484б.

о вм. **у**: тродовь 67а, повелѣ же и акаѳисто пѣтисѧ 445а (описка)—у Богдана: акаѳиста Arch. f. slav. Phil. XIII—532.

а вм. **о**: въ акїанѣ 265б, въ авїанѣ 265а (а стерто), до ѡкїана 306а.

Вокализація **в** въ **у**: оуз̾смиасѧ 266а, оу кои д҃нь 247а, оу килїи 452а, оу хрьловѣ 458а, оу Рѡ͗ноу 484а, Оуеспасіань 426а, оу чл҃ка вѣроуѫща͛ х҃а 429а; въ сербской лѣтописи—чаще: оу Бе͗гра͗ 436б, оузѧти 437а, оу Крушев̾цу 436б, оу Коупиннику 436б, оу Ц҃риграду 438а.

в вм. **у**: въсоумнѣшѧ͛ 376б, вътрьпѣти 484б—485а.

Смѣшеніе **и** и **ы** на всемъ протяженіи сборника довольно равномѣрно, но въ общемъ явленіе это не особенно частое, обыкновенно **и** и **ы** довольно строго различаются:

ы вм. **и**: погыбаеть 17б, скрьбы͗ 17б, ѿводымь 17б, хытрости 18б, быти прьси 25б, прѣходыти 31б, видыть 31б, сѣты 39а, бѫде͗ ты сѣденїе 46а, нерадывиѧ 49а, без мислы 50б, въ сы͗ 61а, ѡ покааныи 61б, стр҃тмы 113а, жизны 116б, въ тѣлесы 184а, въ хуленыи 377а, иды... съмирисѧ 378б, на ны͗ 440а, постыже 465б, оубывь 425б, съмрьты 480б, Петроу воеводы 482б.

и вм. **ы**: любопитны͗ 1а. нинѣшнѣго 4б, помисли 11б, посилаѫ 14а, крилѣ 17а, без мислы 50б, простиѧ 64б, красоти 83а, бывїи 110б, мысльнїѫ воды 203б, тысѫща рибь (на поляхъ—ы) bis 393б.

е вм. **ы**: въ попразд͗естви͗ владечныхь празни͛ 104а, бевшее Іс҃ово плътное пожитїе 407а.

ы не дописано: съ ѡцы, съ патрїархь, съ прр͗кы 5а.

Чередованіе **и** и **а**: камилавка и: камалавка 62б.

Довольно часто является **е** вм. **ја** (перегласовка), процессъ, сыгравшій также извѣстную роль въ смѣшеніи родит. пад. ед. ч. ср. р. основъ на **јо** съ именит. и винит. пад.: без неѧ же и без̾смѣренїе 52а, без послушанїе 52б, невѣдомаго пѫтѣшествїе 81б, ѿ опитїе 102а, прѣжде прѣнесенїе 102а, вина дв͗женїа... и лежанїе 161б; велика имѫнїа (а изъ е) ѿложенїе 186б, лишеніе орѫжїа (а изъ е) 186б (лишенїе орѫжїа 186б), без̾врѣменьство е͛ ѡскѫдѣнїа (изъ е) 202а, звѣздовиднаго копїа сирѣ͛ друга ѡгневидѣнїе... посилаѫ лоуча 202б, множество въспаренїа (изъ е) 203а, сту͗нѣна любодѣавїе 385а, ѿ дрѣва и каменїе 423а.

Такія формы, какъ увидимъ далѣе, могли приниматься за именит. пад. и по нимъ согласовались опредѣленія въ именит. и винит. пад.

Другіе случаи появленія **е** вм. **ја**: ѿ феврарїе и ѿ мартїа 246б (Венелинъ—м҃ца Мартїе 1534 г.), Авїа роди Іѡдее 278а, на Нестѡрїе злочьстива͛ 428б, изврьгошѧ .. Нестѡрїе 429а.

Любопытная форма мѣстоим. 1 л.: причю е вѣмь сл҇ци рекше видимѣ҇ 376а.

Сравн.: по ѡсмых лѣтѣх г҇нѣ възнесеніе, далѣе—възнесеніа—Пражск. Ев. XV в., пѫть покаяние—Венел. гр. № 23—XVI в., днь сп҇ение—Боян. Ев. XII—XIII в. обитѣли... чесна. еѧ успеніе—Милетич. гр. № 22—XV в.

Іотація въ началѣ словъ и въ сложн. словахъ послѣ префиксовъ почти всегда выражается, особенно часто передъ а (причемъ ѣ вм. ꙗ не является вовсе), рѣдко—передъ е и у:

объꙗденіа 3а, ꙗко, ꙗкоже 3а, ꙗрѡсти 3а, ꙗвленіе 5а, ꙗвѣ 8а, ꙗды 12б, ꙗсти 15а, ꙗзвы 15б, прїємле҇ 43а, изъꙗвлѣѫщемь 65б, юнны҇ 87б, ꙗець 94б, ꙗков же е҇ днь 94б, ꙗсно 113а, ютрѣ 165а, є҇ 379а, ѿ еѵ҇лїа (на поляхъ є) 403а, въ ꙗсле҇ 403б; є҇ 225а (Буковин.—е҇; подъ вліяніемъ предшеств. страницы, гдѣ трактовалось о „є").

Іотація отсутствуетъ: единѣм, единого 5б, е҇тво 209а, оувеналіе 428б.

Зато внутри словъ при гласныхъ іотація довольно рѣдка:

бл҇гостоаніемь 1а, послѣднѣа 1б, бес прѣстаніа 1б, дѣаних 2а, даати 3а, боатисѧ 4а, заповѣданнаа 4а, своа 6а, твоа 10б, сіа 11б, покааніе 13а, издыханіа 15б, дѣаніа лютаа 15б, ѡдѣаніе 17а, каа 27а, стоахѫ 29б, стоати 33а, поась 63а, покоа 106а, смѣателное 136а, сълоучаа 140б, пріатель 173а, папааѧ 203б, сѣатель 219б, оубоатисѧ 446а; братолюбіу 2б, прѣпираніу 4а, длъготрпѣвіу 60б, сълоучау 140а, съчинениу 200б, прѣданіоу 303б, безчиніоу 466б.

Случаи съ іотаціей въ срединѣ слова значительно рѣже:

оуꙗсть 22б, моє 54а, моємь 59б, усвоꙗеть 66а, пролїꙗвь 102а, прїꙗте҇ 173а, манїꙗкь 211а, бїꙗхь 215а, раꙗ 262а, сїꙗ 323б, неприꙗзнıѧ 333б, своємь 410б, прѣисподнє҇ 415б, Илїꙗша 451а; приношенїю 30а, сълоучаю 141а, ѡсѫдѣнїю 185а, различїю 209б, православїю 298а, моусею 424а.

Іотація встрѣчается иногда тамъ, гдѣ она не нужна, особенно при гласномъ е:

нєповиноуѫщагосѧ 98б, палєстини (палестинѣпе) 126б, ѡмакавшє 276б, каиꙗфы 324б, сътворитє 382а, ѿ служєніа миру 383а—383б, не въ сєлимаа (мѣста) 386б, повѣдитє 388б, нє житіе, нѫ вѣра 391б, естє 391б, землє завулѡнѧ и земле нефѳалимлѣ 409б, очєса 410б.

Праславянское ije даетъ исключительно ие (ïе):

покааніе 13а, издыханіа 15б, ѡчищеніе 74а, ѡхудѣние 191а и др.

и и е иногда соединяются на письмѣ въ є:

Василє 270а, посрамленє 402б.

еи изъ **ии** (**ьи**): заповѣдеи 7а, добродѣтѣлеи 13б, страстеи 56б, ц҃реи 252а, д҃неи 73а, 422б; свѣть велеи 409б, корабеи 440а, костеи 444б, велеи г҃дь 447а, тръ҃ велеи 454а и т. п.

Встрѣчается и — **ии**: заповѣдїи 15а, чѧстїи 208б, д҃нїи 422б.

Стяженіе гласныхъ: **ии**=**и**:

въ млъчани 8б, ѿ поучени 11а, добродѣтѣли си҃ 12б, въ трьни 13а, въ дльготрьпѣни 15а, о продани и куповани 26а, фер҃фаровѣхь д҃ни 247а, двѣ етерѣ знамени (двойств. ч.) 363а —363б, въ съмирени 441б, но и — : по прѣнесен҃и 102а, въ послушанїи 44б.

Удвоеніе гласныхъ чрезвычайно рѣдко:

ѿ вьсѣкого злаа 11а, съведеннїа̀а̀ (р. п. ед. ч.) 189б, ѡрегенаа 4̇30б.

Отмѣтимъ еще интересную описку: вода... събираема скорозѣ чрѣво 203б.

Въ области *согласныхъ* звуковъ можно отмѣтить слѣдующія явленія:

Непосредственное смягченіе губныхъ и губно-носового **м** значительно рѣже, чѣмъ смягченіе тѣхъ же звуковъ помощью **л** эпентетическаго:

оусугоубѣвае҃ 21а, ѡздравѣе҃ 22б, умрьщвѣѧ҃ 50а, ослѣпѣваеши 54б, оумрьщвенїе 63а, 64б, кръмѣшесѧ 105а, бл҃гоıавенѣе 213а, корабе (им. п. мн. ч.) 276а bis, корабеи 440а, 443б, неоустановенїю 466а, многословѧ (1 л. ед. ч.) 480бб.

Сюда же относится: велбѫду 21б.

Обыкновенно является **л** эпентетич.: възлюбленїи 5б, ловленїа 13а, кораблъ 19а, потаплѣетсѧ 19а, саблѣ 156б, оскръблѣеми 424а, съломлено 443а; землѣ 21а, имле҃ 51а, вьдуновленїе 80б, спо҃блѣвати҃сѧ 89а, прѣполовленїе 246б, 392а, проѕѧбленіе 249б, срьбле 435б, срьблеи 447б и др.

Употребленіе особаго знака (зѣло) для передачи свистящаго звука, происходящаго изъ гортаннаго **г**, въ отличіе отъ обычнаго **з** (земля) — отличается довольно большой послѣдовательностью въ нашемъ сборникѣ.

Обыкновенно звукъ этотъ передается черезъ ѕ и чрезвычайно рѣдко выражается знакомъ—**з**:

стѧѕовати 2а, ѕѣлѡ 2а, 440б, и т. д., о бѕ҃ѣ 8а, въздвиѕаеть 9а, небрѣѕи 11а, подвиѕаитесѧ 13б, постриѕаетсѧ 17б, полѕа 26а, кнѧѕы 31б, наѕи 56а, о сѫпрѫѕѣ 64а, ѕвѣзда, ѕвѣздица 65б, пѧнѣѕь 71а, ѡсѣѕанїе 98а, постиѕанїе 110а, съпротѧѕаемо 214б. бѣлѣѕи 216б, стьѕы 217б, ѕѣлнѣишимь 249а, ѿ двиѕанїа 346б, мноѕѣ 440а, пронѧѕи 442б, помоѕи 445а;

Звукъ ѕ, гдѣ онъ не ожидался бы: ѕвѣрь 6б, съѕижди 7а, сквоѕѣ 13б, ѕиздецъ 262а, (съзидоуеть 66а);

з: постизанїю 118б, пѣнѧзу 374а.

з вм. ѕ: постизанїа 115а, звѣз^д^ 202а, ѿстризи 267а, въстрѫзати 341а.

Смѣшеніе ѕ и **ц**: мноцѣ^х^ очїю оулиши 487б; формы: еретиѕи 269а, 431а (еретици 297а) можно объяснять появленіемъ въ именит. пад. ед. ч. звонкаго **г** вм. глухого **к** (подобныя появленія звонкихъ согласныхъ вм. глух. мы увидимъ ниже).

Изъ всѣхъ случаевъ употребленія ѕ въ отличіе отъ **з** и факта смѣшенія ѕ съ **ц** можно предполагать, что въ языкѣ писцовъ знакомъ ѕ обозначался звукъ=отличный отъ звука **з** и немного подходящій къ **ц**, быть можетъ—**дз**.

Въ І.-Александровомъ Евангеліи XIV-го в. Шольвинъ указалъ на форму: кладѧцъ, какъ на фактъ смѣшенія звуковъ ѕ и **ц**, по его мнѣнію, конечный звонкій ѕ перешелъ въ соотвѣт. глухой **ц**, такъ какъ скорѣе можно смѣшать звуки **дз** и **ц**, чѣмъ **з** и **ц**. Въ Боянскомъ Ев. XII—XIII в. также встрѣчается эта форма: кладѧцъ, но Кульбакинъ, допуская фактъ существованія звука **дз** въ языкѣ писца І.-Алекс. Ев., указываетъ на то, что форма эта является слабымъ доказательствомъ несомнѣнности этого предположенія и, быть можетъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особымъ образованіемъ, рус.: колодецъ, сербск.: кладенац.

Нашъ примѣръ является болѣе достовѣрнымъ фактомъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь смѣшеніе звука **дз**, имѣющаго полное этимологическое основаніе для своего существованія, съ звукомъ **ц**. Къ сожалѣнію, и онъ теряетъ нѣкоторую долю своего значенія въ силу того, что на поляхъ 419а стр. есть появленіе **ж** вм. ожидаемаго ѕ: кнѧжїе (им. п. мн. ч.); появленіе же **ж** легче допустимо вм. **з**, чѣмъ вм. **дз**!

Опиской **з**—вм. **б**: ковче^г^ плънь рызи и аще остави^т^ кто лѣтѡ^м^ изгнї^т^ 52а.

Смягченіе группы **ск** въ **ст** весьма употребительно:

корабници мор̑стїи 56а, по слоовѣн̑стѣи рѣчи 205б, ѧзыци скиѳстїи 306а, въ земли ханаанстѣи 423б, ц̑рїе ри^м^стїи 425б, вои блъгарсти 441а, въ рѣцѣ Дунавстѣи 444а, гръчьсти^м^ страна^м^ 440а, сръбстїимь господам^м^ 440б.

Но—и: словѣнскы кнїгы 206а, хр^с^тїанскы^х^ 435а, господа^м^ сръбскыи^м^ 440б—441а.

сц: людїе іоудеисцїи 338а, жидов̑сци отроци 345б, аг̑глъсцѣи тъности 350б—351а.

Еще можно отмѣтить **сц** вм. **ск**. въ слѣд. случ.: Вѫгрѫц'кы кра^л^ 443б, въгрѫцкѫѫ землѧ 444б;

ц вм. к: расѣцаетсѧ 129а.

к' и г' изрѣдка наблюдаются въ сербской лѣтописи и Пасхаліи: гюргемь цръноевикем 238а, госпогѧ 436б, гͤпгѧ 438а, Думитра ıакшикѧ 438а.

Иногда встрѣчается смягченіе свистящихъ въ шипящіе передъ мягкими согласными:

на жʼрѣбѧ ѡшлїе 362б, жрѣбца ѡшлѧ 362б, ни кажнени бышѧ 371б, изыѫшнѧеть 413б, кнѧжїе 419а (на поляхъ).

Наблюдается иногда и отсутствіе смягченія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ таковое ожидалось бы:

ѡхудѣние 191а, госпоʼа еνгенїа 435б; 1 л. ед. ч.: попросѧ 23б, износѧ 24а, оугодѧ 27а; 3 л. мн. ч.: клеветѧʼ 47б.

Наоборотъ, смягченіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его не ожидалось бы: пло҃ иже слѣпыѧ оумѫжʼрѣѧщаго д҃ха 111а.

Замѣна глухого согласнаго соотвѣтствующимъ звонкимъ: андонїе 44б, мандїа 62б, проходить грѧгь 202а, ламбада 202б, Сови 277б, ебископь 470а, празникы (к изъ г) 32б.

л вм. р: боусоулманскои вѣрѣ 309б.

р вм. л: Коцелѣ кнѧза братенска 208а.

р твердое: кесарова кесарови 381б, кесару 381б.

н вм. л: Панами҃ 207а.

Сочетаніе мн вм. мл: оу лѣшькои земни 487б.

Вставка согласнаго: разʼрушѧтсѧ 354а, жʼрѣбѧ 362б; ıастнѣишее (т и н въ видѣ лигатуры) 119а.

Пропускъ согласнаго: празниʼ 104а, лоуше 116а.

Ассимиляція въ предлогахъ и префиксахъ:

ис корене 408а, ис тебе 408б; бесконечнаа 5а; расыпа 45а, расѣцаетсѧ 129а, рассѣченїе 149а, въспѣть 246а (възьѡпѣть 240б) и т. п.

гг по греческому образцу въ знач. нг — правописная традиція: анг҃гла 107б, ан гла 107а, аг гла 17б.

Отмѣтимъ еще: фер҃фаровѣхь д҃ни 247а.

Морфологія.

Именное склоненіе. Основы на о:

Звательный пад. употребляется въ собственныхъ именахъ вм. именительнаго:

с҃тыи Антонїе 39а, авва Андонїе 44б, Василїе 78б, ѿцъ Макаріе 80а, Тимоѳее, Григорїе, Василїе 99а, Николае 105а, Саломїе жена Иѡсифова 278б, Нѡе 422а, Тиверїе 426а, с҃ты Димитрїе 442б.

Въ дат. пад. ед. ч. окончаніе ови (изъ основъ на у) рѣдко:

Б҃ви 11б, Пахомїеви 17а, Хⷭ҇ви 110б, къ ѡлтарюви 378а, кесарови 381б, Арїеви 427а, Радоулови 483а;

отвердѣніе основъ: кóноу 124а (коню 124а), кесару 381б.

Винит. пад. ед. ч. иногда сохраняетъ древнюю форму (= именит.) и при именахъ одушевленныхъ у осн. на **о** и на **у**: хула на с҃ты д҃хъ 86б, ре҇ть слово на с҃нъ 374б, слово на с҃нь 375б, ре҇ть на д҃хъ с҃тыи 376а.

Обыкновенно: поставлъше брата 28б, ѡставишѧ ѿца 70а и т. д.

Обѣ формы рядомъ: ѿ сѫщї҇и ꙗже никако же сѫща съсложивше и славящь, таково же е҇с конѧ, чл҃кь и сиринь и козокошоута 199а.

Иногда винит. пад. именъ неодушевленныхъ равенъ родит.: умѫчи ада 71б, лѣто... мѣритсѧ въ мимоше҇шаго и въ хотѧщаго быти 168б; чрѣзь единого д҃не 107а.

Сравн. — : гнѣваꙗи на брать — Сретькович. Ев. XIII в.; видѣвь... аньгель божи пришедьша — Макед. Апост. XIII в.

Мѣстный пад. ед. ч. на **у** (изъ осн. на **у**) оканчивается довольно рѣдко: по иномь... ѡбразоу 142а, въ... чиноу 202б, на... числу 246б, въ н҃ боу 256б, на рѣцѣ ефра҇ту 437б.

Смѣш. мѣстн. съ дат.: приобщатисѧ другъ друꙋѣ 252б, по провъзглашенїю 419б.

Двойств. ч.: ѡбѣ крилѣ 17а, двѣ лици 30а, двѣ лицѣ (по тверд. осн.) 29б, двѣ... различїи 75а, г҃на моа 80б, ѿ двою ...е҇ствоу 162б, на кѡлѣноу 268б, двою брату 278а и др.

Именит. и винит. пад. мн. ч. съ суф — **ов** встрѣчаются, но не часто:

часовы 32б, садовїа 84а, гласове 137б, видове 173а, стихѡвы 298б, мѣхѡве 338а, (мѣси 338а), стѣгове 454а, градове 458а, оугрове 463б, носови 492а.

Не особенно часто встрѣчаются въ этихъ падежахъ **и** оконч. **е**, **їе** (изъ осн. на **и**): злодѣе 65а, потире 65бб, свѣ҇теле 87б, сълоучаиѧ (ѧ вм. **е**) 141а, сълоучаие 145б, оучителїе 164а, корабе 276а, крале 293а, варваре 318а, ц҃рїе 425б, воевашѧ на Влахе 435а, ѿиде на оугре 436а.

По осн. на **с**: добра дѣлеса 387а.

Въ родит. пад. мн. ч. является иногда оконч. **овь** (**овъ**) изъ осн. на **у**, но весьма часто сохраняется правильная органическая форма на **ъ** (**ь**): бѣсовь 7б, скотовъ 47б, ѡбразовь 64а, садовь 117а, цвѣтовь 255а, краевь 266б, Тоурковь 454б, стѣговь 455а.

Оконч.—**еи**, **їи** (изъ осн. на **и**) также далеко не часты:

динареи 23б, мѫжїи 116а, фарижеи 266а, динарїи, динари 276б, корабеи 443б, щитевїи 444а.

Древнія формы: посрѣдѣ влъкь 14а, толико аг҇гль 17б, мнѡгы҇х ѿць 22б, нѣкыи ѿ старець 38б, съпротивны҇х доухъ

лѫкавствїа 56а, въсташѧ из грѡбь 72б, ѿ грѣх въсего лѣта 75а, тысѧщи сребрънихъ 77б, развѣ рабь и рабынь 94а, бгодъхновенны пррокъ... рыбарь... пастырь... и оучитель 111б; съмѫщаѫщи помыслъ ѿложенїемь 111б, сѣатель д 259б, вї источникь 262б, три тисѫщѧ куплѧ дѣвѫщь мѫжь 388б, ѿ властель 483б.

Въ дат. пад мн. ч. формы съ суф.—**ов** встрѣчаются довольно рѣдко; вообще вліяніе основъ на **у** на осн. на **о** въ языкѣ даннаго сборника не особенно сильно:

ѡбразовомь 64а, обрáзовѡм 117б, градовѡм 118а, сълоучаевомь 137а, 141б, глáсовѡмь 137б, видовомь 138а, родовомь 173а.

По осн. на **а**: движенїам 191б, прѣхчинїам 194б, доукатам 440б.

Ср.: Оружіамь пов. объ Алекс. Макед. 1562 г., по мѣстамь—Бѣлградское Ев. № 63 XII—XIII в. (Ламанскій, Сперанскій, Катал. Стојановича), на чедах (грам. Милетича № 26)!

Въ творит. п. мн. ч. рядомъ съ обычными формами:

мртвы есмы грѣхы 15а, и т. п., являются формы съ суф.—**ов** (изъ именит. пад.; въ силу смѣш. **и** и **ы** именит. и твор. легко могли совпасть) : съ ѳкрътными градовы 436б, съ мнѡгыми дарове 457а, даровы многобогатными 481а.

По осн. на **и** творит. пад. образуется рѣдко: дарми 87а, сълоучаими 147б, агглми 355б.

Въ мѣстн. пад. мн. ч. является иногда заимствованное у основъ на **у** окончаніе **охь** (ѣхъ): помыслѡх 2а, образохь 68б, по ...мѣстох 84б, правилох 86б, о роусох 307б (на поляхъ), въ... рогатѡх клобоукох 310б, въ единѡх съсѫдох 311а, ѡ... хрстїанѡх 345а.

Съ суф. **ов**: ѡ... гласовѣх 119а;

По тверд. основ.: ѡ мѫжех 92б, но—: въ срдцихь 31а.

Основы на **у** въ извѣстной степени, какъ мы уже видѣли, оказали свое воздѣйствіе на осн. на **о**.

Изъ правильныхъ органическихъ формъ можно отмѣтить слѣдующія:

въ домоу 182а, при... Тітѣ сну его 402а, ѡ сноу бжїи 418а (мѣстн. ед. ч.), г сны (дв.) 422а; синовь 423а, по домоу 442а, но въ творит. мн. ч.—: снѡви 434а (вм.—ъми).

Сущ.: дьнь имѣетъ въ родит. п. ед. ч. и: дни 253б, и: дне 107а; двойств.: ради двою дню 20а.

Основы на **а**. Въ родит. п. ед. ч. рядомъ съ органическими формами твердыхъ основъ на **ы**: ѿ славы 10а, тъмы 13а, злобы 22б и т. д. являются по аналогіи основъ на **ја** формы съ ѫ (ѫ вм. ѧ у мягкихъ основъ въ силу смѣш. юсовъ):

ѿ далнѧѫ странѫ 34а, хотѣщеи же славѫ похвални суть нагу 39б, повелѣнїе ѿ... влдкѫ бга нашего 84б, ѿ... главѫ 161а, на

ѿгнаніе срамотѫ... еритикь 300б, вароуисѧ зеліа капоустѫ 420а. Такой родит. пад., совпавъ по формѣ съ винит. пад. и отчасти— именит. (ѫ вм. а), легко могъ приниматься за винит. падежъ и разсматриваться, какъ послѣдній, напр.: посрѣд мо̑дава рѣкѫ 498б.

Въ творит. пад. ед. ч. являются краткія формы на ѫ:

правдѫ 157б, во̑ѫ 422б, иже именоуетсѧ доцр̑кою портоу 484а.

Такое сближеніе родит. п. и, какъ сейчасъ мы видѣли, творительнаго пад. съ именит. и винит. п. еще сильнѣе развивало выработку общаго падежа.

Двойств. ч.: двѣ ризѣ 14а, рѫцѣ и нозѣ 30а, въ рѫкоу 30а, рѫкама 27а и др.; блѫдницѣ (по тверд. осн.) 282б

Во множ. ч. замѣтно вліяніе твердыхъ основъ на мягкія: блѫдници (вин. н. мн. ч.) 486б; блоудницѧ 491б.

Во множ. ч. при выработкѣ общаго падежа возобладали, какъ извѣстно, твердыя основы въ противоположность ед. числу, гдѣ было сильно вліяніе мягк. основъ на твердыя.— блѫдница 486б, блоудницѫ 491б.

Сравн.—птици, овци—Ев. Верковича XIII—XIV в.

Основы на ija и ынjа образуютъ именительный пад. ед. ч. по аналогіи остальныхъ основъ на а, но сохраняютъ и свое органическое окончаніе:

млънïа 29б, 203а, грдинѧ 46б, витиꙗ 204а, сѫдïа 424а; грьдыни 46б, мл̑тыни 48б, сѫдïи праведныи 85а, ма̑далины лазарева сестра 281б, праведныи сѫдïи 335б, мл̑тини 382б; Саломïи баба и Елисавеѳь 278а, оумрѣть... саломïи жена іѡсифова 278б.

Смѣшеніе винит. съ именит. сказалось и здѣсь: поѧ̑т же тектонъ саломïи дъщере аггеѡва 278б.

Изъ основъ на р можно отмѣтить слѣд. формы:

Винит. ед. ч.: м̑тре 70а, м̑трѧ (ѧ вм. е) 260а, дъщере 278б; род. мн. ч.: ѿ дъщерь ханаань 417б. Двойств. ч.. ѿ двою дъщерю 423а.

Основы на ъв. Въ именит. пад. ед. ч. наблюдается нѣкоторое разнообразіе: органическія ф. — любы 10а; формы, проникшія изъ винит. пад.: любовь 48б, ц̑ркѡв 205а; формы по осн. на а: смоква 186б; ф. изъ косвен. пад. съ разложеніемъ ы: ц̑ркви 84б, с̑таа ц̑ркви 85а.

Въ родит. п. ед. ч. рядомъ съ ф. на е является и оконч. и (ы):

нѣ̑ любве б̑жïѫ 22б, въ кръве мѣсто 43а; чѧ̑ любьвы 48б.

Въ винит. п. являются формы именит. пад.: сътвори любовь 25а, но: прозрѣніе рождаеть любы 12б.

Род. п. мн. ч.: въ тисѫщи ц̑рковь свои̑ 355б.

Основы на **н** и на **т** часто склоняются по осн. на **о**:

чаᵉ врѣмена сего 41а, ѿ... камена 120б, прѣдѣл(ь) того имена 143б, врѣмева 202а; г писмена 207а; любовному пламеноу 66а, отроч͞ѧтоу 97а, по именоу 155б, камену 164б, повремену 187б, именю 209а, 216а; именомь (тв. ед. ч.) приѡб̈щаѫщесѧ 155б;

Затѣмъ въ род. пад. ед. ч. рядомъ съ ф. на **е** является и оконч. **и** д̈тѧ отрочѧте 90а, врѣмене 212б, ѿ дви-ѕанїа отрочѧте 346б, ѿ сѣмене Д в͞а 403б, но: имени моего ради 402б; въ мѣстн. п. ед. ч. является оконч. **и**: на жрѣбѧти 78б, по имени 155б, въ тоᵐжᵈе врѣмени 189а, при камени 191б, въ... имени 210а, но и: въ именѣ (вм. е) 210б, въ врѣменѣ 215а; творит. п. мн. ч. у осн. ср. рода по осн. муж. р.: имен̈ми 156б (каменьми); двойств.—двѣ писмени 207а (по муж. р.).

Основы на **и** часто склон. по осн. на **о**: пѫтѣ своего 50а, ѧтсѧ пѫтѣ 490а; єї лакъть 422б, два пута 436а.

Встрѣчаются однако и вполнѣ правильныя формы этихъ основъ:

Зват. п. ед. ч.: где ти сърм̈ти жѫло 72а.

Родит. п.: конець единого лакти 167а, начѧло другаго лак̈ти 167а;

Дат. п.: поᵈлежить дрѣводѣли 180а.

Двойств. число: двà лакти, три лакти 158а, три лакти 192б; но: ѿ двою чѧстӱ слова 211б (по осн. на **а**).

Именит. п. мн. ч.: гѡсподїе 251б, голѫбїе 260а.

Въ мѣстн. п. мн. ч. является оконч. **ихъ** вм.—**ьхъ**: ѡ добродѣтѣлиˣ 118а.

Интересная аналогія, хорошо извѣстная современнымъ болгарскимъ говорамъ: нощїѫ и... д̈нїѫ 265а.

Точно такъ же извѣстно болгар. говорамъ исчезновеніе конечнаго **т** у основъ ж. р. на **и**: ни малосъ 483а, глаᵈкосъ 484б.

Иногда основы ж. р. осн. на **и** являются въ муж. родѣ и образуютъ формы по осн. на **јо**:

съ болѣзнїемь мнѡгом̈ 50а, б̈жїемь помощїем̈ 452а, за-виᵉтїеᵐ 484б.

Именное склоненіе прилагательныхъ довольно часто, оно выдерживается послѣдовательно:

Ед. ч.: сребролюбивь инокь 22б; грѣшна себе исповѣдовати 2б, сребролюбива инока 22б, прѣжᵈе прїѧтїѧ с͞щенничьска 89а, ѕвѣздовидьна ѡгнѣ събранїе 202а, ѿ пръва 205б, жидовска ѧзыка... римска... еллинска 206б, ѿ рода ст͞лъска 277б, поᵈбни суᵀ нагу 39б, сѣдоу... чᵈкоу 136а, велико къ малоу 171а,; къ колицѣ злобѣ 24а, ꙗроости лѫкави разгорѣнїе 65ббб, велицѣ молбѣ 28б; хлѣбѡᵐ малѡᵐ и водоѧ 90б, хлѣбѡᵐ дебелѡᵐ а не

чистѡм 90б, соуровѡм зеліем питатисѧ 90б, великом развыженіемь 205б, видомь голѫбинномь сходѧща 346б, гл҃аше... ѧзыкомь лъстивомь 412а, веселіемь многомь 494а; въ страсѣ г҃ни 13а, въ рѡвѣ лъвовѣ 24а, о празнѣ словеси 27б, вь стъклѣници тврьдѣ и не... разбиваемѣ 276б, при цр҃твѣ клеѡпатринѣ 277б.

Дв. ч.: Оуши иглѣнѣ 21б, неоумывенама рѫкама 27а, ѿ двою истинну прѣдчиию 194а;

Мн. ч.: ѡгневидень ѕвѣздь събраніе 202а; достоить инокѡм быти нестѧжательнѡмь 1а, къ заповѣдемь б҃жіамь 5б, невѣдомымь проходомь рѣдкомь бывшемь 67а, повелѣ б҃гъ с҃нѡмь ін҃левомь 73а, нѣкыим д҃ховникѡм милованіемь пѡдвижимѡм 87а, хлѣбѡм чистом и рыбам причещаемсѧ 90б, толикамь странамь 363б. ѧзыкѡм... мнѡгом наставшем 308б, ѡстриженами брадами 311а, постриженами брадами 451б; въ чрънах ризах и въ рогатѡх клобоуках 310б, въ тысѧщах іоудовах 408б.

Сложное склоненіе.

Въ сложномъ склоненіи им. прилаг. и причаст. являются формы полныя наряду со стяженными:

Им. пад. ед. ч. бл҃женыи 24а, великыи 105а, великы 78б и т. п.

Род.: послѣднѣаго 15б, 71б, сѫщаaго 66б, прьвааго 71б, тѣлеснаaго 82б, нб҃наго и т. п.; третеему—186б; прискръбныим пѫтем 13б. чистыимь и прозрачнымь окомь 113а (твор. п. ед. ч.); равныимь 1б, злыим 24б, злым 24а (д. п. мн. ч.), ѿ злыих и плътьскых 1б, въ благыихь 3а и др.

Въ творит. пад. ед. ч. м. р. вм. оконч.—**иимь** является—**иемь**: страхомь б҃жіемь 32б, страхомь велиемь 70а, б҃жіемь повелѣніемь 207а.

Въ род. п. ед. ч. ж. р. подъ вліян. *мягкихъ* основъ является оконч.—ѫѧ (изъ ѩѩ): въ... бдѣни стѫѧ педлѧ 34а; до сырнѫѧ педлѧ 328а. Такой родит. могъ легко приниматься за *винит.* п. и еще больше способствовать смѣшенію падежей въ ж. р. сложнаго склоненія, гдѣ мы уже видѣли смѣшеніе именит. и винит. подъ воздѣйствіемъ именныхъ основъ на **а**.

Форма именит. п. множ. ч. проникаетъ въ винит.: патріархы великыи 296б.

Винит. п. мн. ч. совпадаетъ иногда съ родит.: мноѕи (вин.) живѣхь (вин.) оухвати 455а.

Творит. п. ед. ч. м. р. смѣшив. съ мѣстн. ед. ч.: о добрѣ бываемыимь 381а, при іоустиніанѣ древным 430а.

Въ Ев. Верковича: вь истиннымь.

Смѣш. дат. п. ед. ч. м. р. съ мѣстн. ед. ч.: ѡ семь назнаменоуемомоу ѿ фїлософь слово (конецъ строки—недописка) 136б.

Краткая форма въ творит. п. мн. ч.: златми доукати 486б.

Суф. **ога** въ родит. п. ед. ч. м. р. — крайне рѣдко и то только въ сербск. и молдав. лѣтописяхъ по одному примѣру: кралѣ оугръскога 450б, кнѧѕа ци^л^скора ѡрлиха 436б (вѣроятно описка), у Богдана напечатано: цилискога стр. 523.

Послѣ шипящихъ **ш** и **щ** въ дат. п. ед. ч. м. и ж. р. въ сложномъ склоненіи причастій, прилагательныхъ и степеней сравненія являются во флексіяхъ—**ому** и **ои** вм.: **ему** и **еи**:

обращаѫщомоу 2а, даѫщому 24б, г҃лѧщому 42б, хотѧщому 43а, водѣщому 45а. каѫщомусѧ 61а, въставшомоу 72а, с҃щеннѣишомоу 73б, сѫщомоу 129а, желаѫщомоу 298б, послѣ^д^нѣишомоу 458а. **у** вм. **о**: гл҃ѧщуму 427а.

Оконч.—**ему** рѣдко: сѫщемоу 130б.

ж. р.: не имѫщои 55б, каа полѕа... ѡшед҃шои д҃ши 82а, ѡсвитаѫщои единои ѿ сѫбо^т^ 344а, но и правильныя вполнѣ формы: бывши велицѣ мол҃бѣ 28б, д҃ши... ищѫщи и любѧщїи миръ 55б.

Оконч. **ом** является въ этихъ случаяхъ вм. **ем** (собственно правильн.—**им**) въ мѣстномъ п. ед. ч. м. р.: въ гра^д^ци лежѫщо^м^ при горѣ 89б.

Но оконч.—**имь** преобладаетъ и надъ—**ом**, и надъ **ем**: на ви^ш^нѣйши^м^ видѣ 161б, на по^д^лежѫщим҃ чл҃вцѣ 144а—144б, въ настоѫщимь и мимоше^д^ше^м^ и бѫдѫщимь лѣтѣ 181а.

Въ дат. п. мн. ч. послѣ тѣхъ же звуковъ или удерживается оконч.—**емь**, или рядомъ являются формы на **имь**:

сътворше^м^ же с҃тымь оуч҃никѡ^м^ 14б, проходомъ рѣд҃ком҃ быв҃шемь 67а, тре^м^ пръвы^м^ съшедше^м^сѧ 136а, си^м^. . не дошедше^м^ 300а, даѫщемь... оугрѡ^м^ 479б.

бывши^м^ 300а, сима... не могшима 334б.

Оконч. — **емь** вм. **имь** послѣ шипящихъ наблюдается въ мѣстоименномъ склоненіи также: вашемь заповѣде^м^ 112а, нашемь садомь 367а.

Въ мѣстн. п. множ. ч. въ этихъ случаяхъ является оконч. **е**^х^ вм. **и**^х^: на менше^х^ 142б, но: на мнѡжаиши^х^ 142б.

Вліяніе мѣстоименнаго склоненія на сложное въ данномъ памятникѣ сильнымъ назвать нельзя:

творит. пад. ед. ч. м. р.: миро^м^ х҃вѣ^м^ 46а, прѣд кр^ѕ^томь х҃вѣмь 61а, чистѣмь оумомь 62а, свѣто^м^ царевѣмь 322б, въч҃лченіе^м^ х҃вѣ^м^ 405а, съ с҃номь але^ѯ^андровѣмь 441б, съ с҃номь аморатовѣмь 441б;

мѣстн. п. ед. ч. м. р.: въ суетномь мирѣ 83б, ѡ... фїлосѡфьскомь гласѣ 120а, въ женско^м^ имени 210а;

дат. и мѣстн. п. ед. ч. ж. р.: въсѣкои д҃ши хрїстїанскои 83а, врачьвьскои хытрости 152б—153а, въ трид҃невнои мрътвости 428а, на вла^ш^кои зе^м^ли 436а;

родит.—винит. п. мн. ч.: ѿ заповѣдей х҃вѣх 7а, наѕѣх 445б;

дат. п. мн. ч.: ученикѡм х҃вѣмь 285б.

Часто формы, образованныя по мѣстоименному склоненію, стоятъ рядомъ съ органическими формами сложнаго склоненія:

ѡ назнаменителном... и съборномь... гл҃емѣмь 121б; при... хытростех... дрѣводѣлнѣи, ковачьнои 180а, о православнѣи вѣрѣ хрстіанскои и о... фрѫжьскои 257а; на деснѣи... на лѣвои 273а. Формы органическія въ данныхъ случаяхъ преобладаютъ.

Въ склоненіи причастныхъ формъ рядомъ съ правильными формами являются еще и другія новообразованія, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше, иногда подъ вліяніемъ склоненія им. прилагательныхъ.

Въ именительный пад. ед. ч. м. р. проникаетъ форма винит. падежа па—ѫщь(и): глас... непишѫщьсѧ ес или писѫщ 120б, (гласъ) иже ничьсо же знаменуѫщи... знаменоуѫщи нѣчто 120б, агг҃ль... словесьнь сѫщи нѣс чл҃кь 143а, если ѿ ѡ҃ца д҃хь исходѫщ 259а, неисповѣдоуѫщи га... бѫдет проклѧт 289б, ѡригень конець сѫщь мѫцѣ исповѣдоуѫщь 375а.

Въ именительномъ пад. ед. ч. ж. р. является изъ сложнаго склоненія прилаг. оконч. — **аа** рядомъ съ органическимъ **іа**:

горѣщаа сила прѣвосходѣщи дроугых тѣлес горѣщинѫ 136б; обыкновенно: мѣра... мѣрѧщїа и числѧщїа 166а, съмръзшиасѧ вода 203а и т. д.

Въ именит. п. мн. ч. рядомъ съ оконч.—**еи** является изъ склон. им. прилагат.—**їи**:

хотѧщїи 6а. въливаѫщиї еле въ хлѣб... бѫдѫт проклѧти 291а; обыкновенно: имѫщеи 6а, дръжѫщеи 29б, давшеи 41б.

Во фразѣ: чръвїа не оусыпаѫщїа блѫда 44б, окончаніе **їа** явилось въ причастіи по аналогіи непосредственно предшествующей формы.

Въ области мѣстоименій можно отмѣтить слѣдующія явленія и формы:

Указательныя мѣстоименія отличаются большимъ разнообразіемъ:

мирь съ 12б, чл҃кь тъ 69а, смрадь тъ 80а, мѫжь тъ 100а, родос—единств. случай съ вокализ. глухого 466а; да оумртвитсѧ и тъ мирови 15а, скръбыт чинь агглскыи ѕѣлѡ и тъ сам г҃ь нашь 20а; сый другс б҃гу ес 42б, съй антихрис 44а, въ сй вѣкь 37б, сѐзи бѣло 179а, сїемоу бѣлоу 179а, ѡнѣ... блѫдницѣ... си бо чстаа 282б; каково си ес дрѣво 367б; сеѧ мн. ч. ср. р. 384а, сїе мн. ч. м. р. 124а, сй им. мн. ч. 124б, тїе им. мн. ч. 159б,

ап[с]ль сѐ (дѣйствіе сребролюбія) вѣды не тъкмо корень всѣ[м] злы[м] тò (сребролюбіе) нарече, нѫ и идолослоуженїе тò назва 24а, да[с] ми сѧ тѣло и не можах прїѧти тò 30б, ког[д]а бы[с] ото что 182а; бл҃гаа онà 16б, ономоу мнихоу 24б, ѡни богатїи 41б, чл҃кь мѣста оного 89б, двà ѡнà анг҃ла 107б;—ѡ[н]сица мних 20б, ѡнсица мних добрѣ пое[т] 20б, въ келїи ѡн҃сица брата 40а, где е[с] ѡньсица 182а, ѡ[я]сйца нѣ[с] прѣмѫдръ, ѡнь сйце не ходить 193б; помысль сицевь 25а:

Въ слѣдующихъ примѣрахъ указат. мѣстоим. еще сохраняютъ вполнѣ свое указат. значеніе: рѣка прїиде и тà рѣка брода не имать 259б, имѣх ми зе[л]кѫ и вѣза[х] на корени тоѫ зелкы вї фарижеи 266а; имѣ[х] коте[л] и коваше на то[м] котлѣ вї ковáчи 266а; вънѫтръ землѣ тоѫ бываеть 483б.

Но наряду съ подобными формами, сохраняющими свое исконное значеніе, можно отмѣтить нѣкоторые случаи, гдѣ мѣстоименія эти имѣютъ уже значеніе болѣе формальное, членное, чѣмъ указательное:

приѧть хлѣбъ тъ̀ и бл҃годаривь мѫжа того 69б, аще бѡ случит сѧ ꙗко чл҃коу томоу съгрѣшити 74б, е[с] въ раи сладо[с]тà, еже ѡко не видѣ... 262б, връхь дрѣва того 262б, ис коре[не] того дрѣва 262б, паче чл҃ка того 366б, въ земли тои 466а, землѣ тоѫ... постыже 466б—467а, ѿ властелень землѣ тоѫ 469а, гра[д] въ земли тои 469а, ѿ властель тоѫ землѣ 483б.

Изъ другихъ мѣстоим. формъ можно отмѣтить слѣд.:

ꙗкова любо чл҃ка 47б, ꙗци же бѫдѫ[т] грѣси 93а; въ которїи мена м[с]ца е[с] 238а;—разньство инаќвое 124а; хытрость е[с] иже въ нѣчéсомь (въ нѣкоторомъ, кое въ чемъ) погрѣшаѫщи.... хѫдожьство же иже ни въ чéсо[м] же (ни въ чемъ) погрѣшаѫщи 117а; нѣчїе пришествїе 121а.

Въ родит. пад. ед. ч. ж. р. появляются краткія формы на ѫ вм. еѫ (изъ ıꙗ въ силу смѣш. юс.): празник... прѣс҃тыѧ вл[д]чцѧ нашѫ б҃цѫ 91а. Такой родит. чрезвычайно легко могъ разсматриваться и какъ винит., и какъ творит. (въ силу появленія крат. формъ и тамъ); формы же родит. п. въ родѣ: ѿ нѣкоѫ стр[с]ти 176б, могли смѣшиваться съ творит. п., но встрѣчается и: кромѣ нѣкоеѫ вещи 254а.

Въ дат. п. мн. ч. личн. мѣстоим. являются краткія формы: кто ви е[с] письмена сътвори[л] 207—208а, что ны е[с] по[д]бно... помышлѣти 387а.

Въ винит. п. ед. ч. м. р. мѣстоименія и, ꙗ, ıє обыкновенно— и или его; въ сербск. лѣтописи попадается форма—га: не прїими га, оуби га 437б; въ ж. р. ѫ, ѧ и еѫ 80б. и др.

Возвратное мѣстоименіе иногда является при глаголахъ въ формѣ си: не стѫжаим си въ брани 13а, стѫжаѫ си 46а; сему сѧ намь нѣ[с] лѣпо дивити 391б (мѣсто, занимаемое мѣстоименіемъ въ предложеніи!).

Иногда мѣстоим. сѧ **опускается** при глаголахъ возвратнаго залога: ѡмываеть ѿ грѣха 17б, на ѿвръстїе оусть въ разоу[м] оучѧщи[м] боуква[х] 205б.

Иногда же мѣстоименіе сѧ является совершенно **лишнимъ** и искажаетъ смыслъ фразы:

запрѣтити ѡ иконоборствѣ и православїю наоучитисѧ и[х] 298а, не чьтѫщихсѧ ст҃ыѧ икѡны 290а.

Въ области **им. числительныхъ** отмѣтимъ слѣдующія случаи склоненія числительныхъ количественныхъ отъ пяти и далѣе:

ѿ пѧти[х] 56б, по седмихь 68б, другымь пѧти[м] планитѡмь 251а, з҃-мимь планитѡ[м] 251а; прѣ[д]ре[ч]ными пѧтими ѡбразы 67а.

Въ **сложныхъ** числительныхъ колич. склоняется обыкновенно лишь—первое: ѿ триста и шестидесѧть и пѧть днеи лѣта 73а; е[с] десѧтокь тристамь и шестьдесѧть и пѧтимднемь 74а.

Числит. „семь“ звучитъ иногда, какъ: „седим“ 169а.

Любопытнѣе всего и интереснѣе *синтактическая сторона* въ языкѣ нашего сборника, такъ какъ здѣсь яснѣе всего сказались послѣдствія разсмотрѣнныхъ выше фонетическихъ процессовъ и аналогическихъ образованій и сближеній.

Весьма часто встрѣчается **дательный принадлежности** (dativ. posses.) вм. родит., синтаксическій оборотъ, сыгравшій немаловажную роль въ постепенномъ смѣшеніи и затѣмъ паденіи флексивныхъ формъ и повлекшій за собой рядъ несогласованій.

Примѣры dativ. possessiv.:

кѡсти ч҃лкѡоугодникѡмь 4б, въ вѣкы вѣкѡмь 5а, непомнѣнїе ѕлу 6б, исхѡд д҃ши твоеи 7а, мати добродѣтѣлем, исплъненїе злым 8а, сп҃сенїе д҃ши 8б, лишенїе похоте[м] 13б, вь врѣмѧ жѫтвѣ 16а, ему свѣща 16а, корень въсѣ[м] злы[м] 21а, ѧзыкь мнихоу 24б, рѫцѣ и нѡзѣ отрочѧтоу 30а, чинъ инокомь аг҃глѡ[м] е[г] по[д]бїе 35а, рѫцѣ враго[м] твои[м] 51б, пѫти сп[с]енїю 52а, лице ч҃лку 52б, постриженїе власѡмь 62а, исплъненїе заповѣдем 65ббб, богатьство вѣнцемь 65ббб, ѡчищенїе... грѣхѡ[м] 74а, въ врѣмѧ нѫжди 77б, по съмрьти ч҃лкоу 82а, празникь Бц҃и 91б, ѿсѣченїе главѣ 91б, ѿца свѣто[м] 111а, лъжи ѿтгнанїе 111б, хытрость хытростем и хѫдожьство хѫдожьство[м] 116б, образовѡ[м] и ѕвѣзда[м] движенїа 117б, росѣ събранїе 203а, волѣ д҃ши 213б, сло[г] именю 216а, крѫ[г] морю 247а, сл҃нцу крѫ[г] 245а, дилкы мѣсцѣ 257а, число ѕвѣзда[м] и число аг҃глкы[м] чинѡ[м] и легеѡно[м] и тъмы сатанѡ[м] 261а, памѧ[т]

гнѣву 382а, ѿ различны^х^ чюдотвоорени^х^ ему 403б, въ хѿ^д^ ему въ іер^с^лмь 404а, маслоу мнѿжьствоу (о) 421б, до пришествïа Аврааму 423б, ц҃рѣ Евреѡ^м^ 424б, брата Мирчѣ воеводѣ 443б, стѣны граду 445а, зѫбци граду 446а, къ прѣдѣло^м^ оугръскои земли 463б, воевода земли загорстѣи 464а, емоу цр^с^тво 495б.

Энклитич. формы мѣстоим. личн. и возвратн. въ знач. dativ. possessiv.:

да просвѣтить ти сѧ ср^д^це 6б, чисто ти есть око 31б, д҃ховному си ѿцу 38б, загра^д^ си оуши 43б, събери си оумъ 58а, въ плачь облѣци си зракъ 59а, брать моу 208б, пр^с^ство ти 257б, прч^с^тыѧ ти м҃тре 258б, съ м҃трїѧ си 431б.

При притяжат. мѣстоим. являются плеонастически энклитич. формы возвратн. мѣстоименія или же форма род. п.: ихъ:

къ свои^м^ ихъ чѧдѡ^м^ 87а, писаахѧ своѧ си рѣ^ч^ 207а, на своеи си зе^м^ли 438а, въсѧ своѧ си властелѣ 489а, въ своа ихъ землѣ 494б.

Рядомъ родительный и дательн. для выраженія принадлежности: празникь или Б҃ци или архаг҃глоу или пр^д^тчи или вї ап^с^ль 93б, зръцало Б҃оу и б҃ж^с^тв҃ны^х^... ꙗвленїи 110а, начѧло коемоуж^д^о сѫщи^х^, движенїа же и лежанїа 161а, въ рѫцѣ стефана воеводи и воисцѣ его 453а, въ имѧ прѣс҃тѣи Вл^д^ци нашеи Б҃ци и пр^с^нодѣвѣи Марїи и ч^с^тнаго е҃ѫ акаѳиста 498а.

Предметъ, которому что-либо принадлежитъ, стоитъ въ дательномъ, а опредѣленіе при немъ—въ родительномъ:

поѫти дш҃ѫ чл҃к*оу* или праведн*аго* или грѣшн*аго* 81а;

Прилагательное и дательный пад. для выраженія принадлежности рядомъ:

ради... оумѧгченїа тѣлеснаго и слабости е^с^ствоу 270а; ѿбразъ х҃вь и пр^с^тѣи Б҃ци 486б.

При прилагательномъ, выражающемъ принадлежность, является опредѣленіе, стоящее въ родит. пад., и при томъ въ томъ числѣ, въ какомъ стояло бы существительное:

пришествїа аг҃гел҃скаго посланни^х^ поѫти его 81б.

Опредѣленіе при предметѣ принадлежности согласуется не съ этимъ предметомъ, но съ тѣмъ, которому послѣдній принадлежитъ:

тъчїѧ кр҃щенїю слъзныи источникь ѿчищаеть чл҃ка 377б—вм. кр҃щенїю слъзному источпикь!

Оригинальная ошибка: мѣсто же ꙗвлен*їе* е^с^ въздух*у* 168б—вм., наоборотъ: мѣсто же ꙗвлен*їю* е^с^ въздухъ!

Родит. принадлежн. (genetiv. possessiv.) значительно рѣже: орѫжїе добродѣтѣлеи 13б, смрадь грѣшнаго дш҃ѫ ощоущаете 80б,

д҃шѧ отрочѧте 90а, праздник... прѣс҃тыѧ Вл҃чцѧ нашѧ Б҃цѧ 91а, праздникь връховны[х] ап҃лъ Петра и Павла 91б, ѿ създанїа мира 208а.

Родит. съ предлогомъ для выраж принадлежн.:

паденїе ѿ прѣдѣда Ада[м] 52а, въ монастыри ѿ Бистрицѧ 457а.

Прилагательное для выраж. принадлежн.:

прѣжде ѿвѣта сѧдїина 82а, ѡ е[с]ствѣ чл҃ч[с]кѡмь 152а, лунвїи крѫ[г] 245а и т. п.

Отъ dativ. possessiv. надо отличать dativ. commodi и incom..:

пагубѧ д҃ши своеи сдѣваеть 8а; dativ. ethicus: имѣх ми зе[л]кѧ 266а.

Употребленіе рядомъ дат. и родит. п. для выраженія принадлежности знаетъ уже Троянская прича: образъ Минѣрве госпождѧ. Особенное обиліе формъ dativ. possessiv. наблюдается въ Златоустѣ Имп. Публичн. библіот. XIV-го в. (Ягичъ-Sitzungsberichte CXXXIX), гдѣ этотъ оборотъ повлекъ за собой столь же интересныя несогласованія, какъ и въ нашемъ сборникѣ:

даждь ми тѣла *I-сова*, омрачившо*моу* сл҃нце..., раздроушьшоу, потрѫсьшоу... ѿврьзьшоу... раздравшоу!; тѣло б҃жїе, изьмывшомоу вьсѣхь и оцѣщениe давшоу!;

Въ грам. Венелина: до живота синовъ и до живота тѣхъ внучатомъ и пръвнучатомъ (№ 11—XV в.), въ име... нераздѣлимеи троицѧ (№ 23 — XVI в.), с҃нь великаго и милосердаго покоиному Александра воеводи (№ 42 — XVI в.), ѡчине ѡтъ стому монастиру (№ 19—XV в.). Въ валашск. грам. Милетича: обитѣли с҃тыѧ и живоначелнѣи Троици (№ 9—XV в.), обитѣли с҃тѣи и прѣблагословеннѣи и приснодѣви Маріи и чесна еѧ успеніе (№ 22—XV в.), гръла ѿ Орлово гнездо (№ 16 — XV в.), виноград Василіев (прилагат.!) калугеру! (№ 31—XVI в.), синъ прѣдобраго Мирчев воевода, анепсеу Михнев воевода (№ 37 — XVI в.), дел Думитрѡв и жупаницев его Влъдае (№ 38—XVI в.), синъ Борчев лѡгофета (№ 38, 39—XVI в.), синъ великаго и прѣдобраго Мирчев воеводу сину Михнев воеводу! (№ 40—XVI в.), синь прѣдобраго Александру (№ 41—XVI в.), мытникъ ѿ Сучавѣ (№ 64—XVI в.). Въ Брашевск. грам. Милетича: при дню родителю г[с]ва ми Дана воевода (№ 82—XV в.).

При отрицаніи наблюдается колебаніе между употребленіемъ формъ винит. и родит. падежей, что влечетъ за собой также нѣкоторыя несогласованія:

Винит. при отриц.: правило не разорѧ 25а, сотворенымѧ пѣснемь часовы... не небрѣꙁи 32б, не имыи люб[ѡв] 46б, ни м[о]тву его прїемле[т] б҃гъ 46б, не прїемлет б҃гъ м[о]твѧ еѧ 47а, не има[т]... два раѧ (дв.) 52б, неимѫщои образь ц҃ревь 55б, смрадь т҃ъ

не ощоущаемь 80а, не имать ѡб҃щи прѣдѣль съвкоуплѣѫщь чѧсти его 167б, да не служи҃ по҃година 102а; сюда же мы относимъ и примѣры: не истудити своѧ топлотѫ 61а, да не ꙗсть рыбѫ 91а, не погуби҃ мъздѫ своѫ 105б;

Винит. и родит. рядомъ:

не даати сребра въ лихвѫ ниже пшеницѫ, вино и масло 3а; не стѧжите сребра, злата и двѣ ризѣ 14а; не имы одѣаніа брачна или образь мои 55б.

Родит. при отрицаніи: не твори҃ плода 13а, не стѧжа масла 16а, не прѣкланѣти... кѡлѣноу 75а, нѣсть бѡ сътвориль б҃гъ жидовска ѧзыка, ни римска, ни еллинска 206б, лъна вънъмшасѧ не оугасиши 340б, въсѣ҃ сѫдобь б҃жіи҃ нѣ҃ мощно съвѣдѣти 389б, не оудолѣѫть цр҃квы 402б.

Одно отрицаніе: не вънимаи чьсому вѣка сего 6б, иди ниединого оукори 46а.

Мѣсто отрицанія подъ вл. логическаго ударенія: въсоумнѣш҃ѧ и не ѿ сего ѡсѫж҃ени бышѧ 376б.

Сравн.—не имамь где сьбрати плоды моихь—Ев. Верковича; не остави прѣстоль отечь—Златоустъ Имп. Публ. Библ.; не примѫть область—Македон. Апост.; грам. Милетича—метех да не имат (№ 18), Брашевск. грам.: моѫ реч не слушате (№ 6).

Genetivus partitivus: множицеѫ вълагаеть емоу діаволь слъзь и въздыханіа 25б.

Винит. вм. genetiv. partitiv.: просѧ помощь 79а.

Nominativus absolutus: и еще не добрѣ доспѣвше гръчьстіи архіереи... вънити въ земли и҃..... абіе единь ѿ кнѧѕ ѡнѣ҃.. прѣстависѧ 308б.

Dativus absolutus не всегда правильно выдерживается:

корабль не можеть плавати оскѫдѣваѫщоу что ѿ орѫдіи его 56а; немощно д҃ши прѣити влъны... не нага обрѣтшисѧ ѿ мирскы҃ 56а; тридесѧть и пѧ҃... д҃неи... прилагаемоу посту с҃тыѫ сѫботы и поль свѣтлыѫ и свѣтоносныѫ нощь бываѫть тридесѧть и шесть и по҃ д҃неи 74а; стефань землѣ тоѫ есень сѫщоу постыже 466б—467а.

Сравн.—чаѫщимь имь и видѧще—Македон. Апост.; не оумираѫщимъ онемь пльвы—Златоустъ XIV в.

Ablativus qualitatis: прѣбываи въсегда страхомь б҃жіемь 32б, бѫдет ты сѣденіе безмлъвно и миро҃ хвѣ҃ 46а; этотъ же оборотъ употребляется и для обозначенія возраста и вообще количества лѣтъ: растетъ дондеже аще бѫдетъ д҃немь ді-тимь и пѧтаго(!)три чѧсти 253б, лунна... лѣта тримьстомь и н҃-тимь и четыремь (подъ вл. предшеств. оконч.) сѫтъ днемь 253б, лѣто оно гі-тимь м цемь обрѣтаетсѧ 254а; но и—: лѣто оно тѕ҃ѕ д҃ніи иматъ 253б.

Бухарест..-Арх. Сборн.—егда бысть шестемь мѣсѧцемь.

При нарѣчіи „много" иногда существительное вм. обычнаго родит. пад. подчиняется непосредственно глаголу и стоитъ въ томъ падежѣ, какого послѣдній требуетъ, т. е. нарѣчіе считается какъ бы прилагательнымъ: много показавшаго труди 88б; видить сѣдѧщи^х д҃шѧ множьство... рыдаѫщѫ и... скрежещѫщѫ 84б, прїидошѧ множьство татаре 461а:

То же явленіе наблюдается при числит. свыше 5 и далѣе: числительныя употребляются, какъ прилагательныя: ѵ҃ метанїи, р҃ метанїи, р҃ метанїе 102а, девѣт҃... сълоучаие 158а, скв^о зѣ вї животна 251а, сѣатель д҃ сѫ^т д҃ еѵ҃листи 259б, коваше вї ковачи 266а;

Родит.: въ си^х пѧ^т словь 213б, вѣѕа^х... вї фарижеи 266а.

Родит. мн. ч. при числит. 3 и 4: Іѡахаз м^сць г҃ 424б. Іехонїа м^сць г҃ 424б (у Богдана мѣсѧцѧ г҃ Arch. f. sl. Phil. XIII—506); м^сць д҃ 425б (у Богдана мѣсѧцѧ—508).

Двойственное ч. при числит. 12: плава вї м^сца и аї д҃нь 422б.

Изъ синтаксич. оборотовъ отмѣтимъ еще слѣдующіе:

достоить инокѡ^м быти нестѧжательнѡмь 1а, дах... ва^м власть ч҃ѧдѡм б҃жїи^м быти 14а; надѣѫисѧ своеи силѣ 10б (дат. п.); поставишѧ себѣ кнѧѕа на^д себе 320б; ап҃ла имѧ его пишет сѧ на нбсех 17б; что бо врѣди^т мѧ злато 25а; ниже похваламь и вѣнцемь, ниже хулам ниже мѫкамь есмы дѡ^с ни 251б (дат. п.); разньствоуѫщи^х дру^г дроугоу 122б; .разньствоуѫ^т дроу^г дроуга 123а; книгы дашѧ другь другь 441а, ѧшѧ съ десноѫ рѫкоѫ дилкы мъсцѣ 257а, ѡбразы и^х съжегѡшѧ съ желѣзноѫ скрижалїѫ 298б (предл. съ при ablativ. instrument.), оумѣтель ѡбои^м книгамь 301а (соврем. болгар.—учен на книга; примѣръ, гдѣ сказывается синтаксич. близость дательнаго и мѣстнаго вообще.— Милетичъ „Старото склонение въ днешн... нарѣчия" Сбрн. за народн. умотв. II); ни въ сї вѣкь ни въ бѫдѫщїи 376а (вин. врем.).

Несогласованія въ употребленіи мѣстоим.—**иже**, **ѩже**, **ѥже**:

нѣ^с тѣлѡ и кръвь хва емоу же идеши причѧститисѧ 28б (могло подразумѣваться—„то"); но далѣе болѣе явные примѣры: дъсчицѫ мѣднѫѧ, въ не^м же написано бѣше 106б; отрочѧ *иже* сѫ м҃трѧ 2 60а; сладо^с та, *еже* ѡко не видѣ... 262б; еже въ домоу... вечерѣ 276б (вечерѣ ѩже о... пасцѣ 277а); хоулѫ еже на с҃тго д҃ха 296а; четыри патрїархы великыи иже въ ц҃риградѣ, иже въ алеѕан҃дрїи и іерл^с мскыи и ѩже въ велицѣи антиохіи 296б; желѣзноѫ скрижалїѫ написаноѫ, иже бѣше... ц҃рь сътворилъ 298б, ѿцъ вашь *еже* е^с на нбсе^х 383б—384а; ѡстави... своего кѡнѣ, его же иного въса^дника не прїемлѣше 476б; въ землѧ ханан скѫ;

иже еⷭ҇ палестина 423б. Подобныя несогласованія встрѣчаются уже въ Добромировомъ Ев. XII в.

Въ ряду всѣхъ несогласованій и невыдерживаній конструкцій весьма значительное число случаевъ падаетъ на причастныя формы и затѣмъ формы прилагательныхъ, поставленныя въ качествѣ опредѣленій и весьма часто несогласованныя съ опредѣляемымъ предметомъ. Сильное вліяніе оказали здѣсь тѣ новообразованія, какія мы видѣли въ склоненіи причастій.

Появленіе въ именит. пад. мн. ч. формъ на **ии** рядомъ съ **еи** повлекло смѣшенїе им. п. мн. ч. съ именит. пад. ед. ч., куда проникла форма винит. падежа на ѫщь(и): имѧщеи .. пищѫ сими да довл*итсѧ*; хотѧщїи обогатитисѧ въпадаѫⷮ въ напасти 6а.

Смѣшеніе винит. съ именит. проникло и сюда и въ ед. и во множ. ч.: любѧⷮ питаѫщѫ*и* иⷯ 47б; хѫдѫжни сѫщѫѧ ѿ фрѫⷢ 446а; да ѡбеслѡвесившѫѧ сѧ д҃шѫ и оупоⷣблъ*шисѧ* скѡтѡⷨ обратить и покорить 79а; гѫгнива нарица себе и късноѧзычна: ꙗко не мо*гы* бжⷭ҇тⷡномоу послоужити съвѣту 110а.

Въ винит. пад. стали проникать формы родит. пад. по аналогіи винит. = родит. при именахъ одушевлен., и это обстоятельство повлекло слѣд. несогласованія: видѣⷯ д҃ чини... пръвїи чинь болѧща и Б҃а бл҃годарѧща, вторїи чинь имѧща́го страно-любїе, третїи чинь въ поустини живѫщаго и чл҃ка не видѣти, четврътїи чинь сѣдѧи (вин. см. съ имен.) въ послоушанїи ѡцу д҃хѡвному, повинуѫщасѧ ему б҃а раⷣи и смѣрѣѫщаⷭ 44б—45а—слѣдующую затѣмъ фразу, совершенно отдѣльную, писецъ подчинилъ во второй ея половинѣ предшествовавшей конструкціи: поошааше же имѫѫи послушанїе гривнѫ златѫ и обрѫⷱ и бол҃шѫ славѫ имѣ*ща*!! 45а;—уподобисѧ.., м҃три юно ражⷣаѫщи... младѧ ѿвръг*ша* сѧ мира 66б; бл҃гочьстивь ꙗвлѣѧсѧ... и кротокь и любѣ*ща* болѣри 484б;—прѣбываѫща тоⷢ въ... хоулени изврьгошѧ ꙗко жидѡⷡскаа съмыслѧ*щу* (!) въ ч҃ка вѣруѫщ*аго* Нестѡрїе 429а.

Слѣдствіемъ явилось употребленіе винит. п. вм. родит.: оусте ѡгнѣ иже въ земли вънѣтекѫщь и възригаѫщь 203б.

Несогласованіе причастій въ родѣ съ опредѣляемымъ предметомъ: не обрѣтаѫⷮ брашна рождаѫщѫѧ похоти грѣховныѧ (вм. винит. п. мн. ч. ср. р.) 50а; ꙗже именомь приѡб҃щаѫ*щесѧ*. оуста(ста)воⷨже... разньствуѫ*ща* 155б; вода... събираема... и... вѫмѣщаѫсѧ въ състави 203б; пасхалїа... имѣѫ... пасхѫ... показоуѫщь... пазнаменуѫщїи 238а.

Дат. п. вм. винит. и именит. подъ вл., б. м., dativ. absolut. и dativ. possessiv.: проскомиди... два коупно празника назнаменоуеть, рожⷣьство и заколенїе въкупѣ сътварѣема, начѧло и конець таиньствоу изыꙗвлѣѫщ*емь* 65б; дат. п. вм. винит.: (Мѡисеи)..

того (Б а Слова)... въ кѫпинѣ... видѣти сп҃обисѧ, распалѧѫщоу оубо и раж҃изаѫщоу кѫпинѫ и къ своеи свѣтлости прѣ҃лагаѫщоу, не попалѣѧщи же ниже потрѣблѣѫщу ниже оубо своего сѫ (вм. еи!) истѫпаѫщи е҃ства 109б.

Во фразѣ: ѿ сѫщїи҃ иже никако же сѫща съсложивше и славѧщь 199а, б. м. ь—опиской.

Родит. (винит.) вм. именит.: не кланѣѫщихсѧ ни чьтѫщихсѧ (сѧ 2-е подъ вл. 1-го!) стыѧ... икѡны... да бѫдѫ҃ прѡклѧти 290а; совпаденіе родит. и винит. п. во мн. ч. проникаетъ въ средній родъ: мнѡѕи... изложишѫ... словеса широка, сирѣ҃ простръ*ти*҃ и велицѣ҃, нѫ пѣсѫ҃ оустави, за не пѣсѫ҃ скори 152а.

Вмѣсто косвенныхъ падежей появляются формы именит. и винит. падежей:

движенїе д҃ха напрасна, по҃ землеѫ заходѧща и сїѫ колѣбатисѧ понѫж҃аѫ*щи* 203б; ѡ помазавш*їа* мирѡ҃ (вм. мѣстн.) 281а; ст҃ыими аг҃гльми прѣѡбражаѫ*щесѧ* въ ѡбразь ст҃ыи҃ 355б (вм. твор.); противѫ нашемь садомь и ѡвощїемь, гниѫ*ща* и чръвивѣѫща (вм. дат.) 367а; ѡ нелъж҃нѣмь... сънитїи, еже съ н҃бсе бывшее (вм. мѣстн.) 405б.

При утратѣ чутья къ точному разграниченію флексій иногда послѣдующія части предложенія согласовываются съ непосредственно имъ предшествующими, хотя весьма часто эти послѣднія стоятъ совершенно внѣ вліянія на дальнѣйшія части предложенія:

отрочѧ... двцѫ (вин. п. ед. ч.)... растлившѫ (подъ вл. предшеств. вин. ед. ч. т. р. вм. вин. п. ед. ч. ср. р.!) 87б; възпрѣщааше въсѣмь слѡвесе҃ и мѫже҃ и оучителе҃ и не имѫ*щи*҃ (подъ вл. ряда предшеств. дат. п.!) о се҃... послати папа въ Константиньгра҃... посла въ іероусалимь 297б; по кѡн҃ци пр҃но въспоминае*мъм*҃ (подъ вл. предш. мѣстн. падежа!) и въ мѫжествѣ прѣславѧ*щаго* іѡанна стефана воеводы 459б; оставивь цр҃тво с҃ноу своему Стефаноу воеводѣ юному, девѣтолѣ҃ноу (подъ вл. предш. ряда дат. п.!) нѣгде сыи и бл҃венїе помазанїа прїемь 461б—462а.

Иногда несогласованія объясняются переходомъ отъ одной конструкціи къ другой: проходѧ *по* пѫте҃ непрохо҃*ни*҃ ѕвѣрѣ кръмѧщї*имь* 476б—падежъ (творит.) второго опредѣленія вызванъ, б. м., примѣненіемъ другой, болѣе популярной конструкціи ablativ. lineae: проходѧ... пѫтемь кръмѧщїимь!!

Во фразѣ: приведошѧ мъскѫ ѡсе҃ланѫ и ѡбоузданѫ... ѡбразь папи҃ носѧ*ще* 257а, послѣднее опредѣленіе согласовано съ „приведошѧ"!

Сравн.—: обладает... землѧ и гады прысмыкаѧщѫ—въ Парем. Григоровича XII—XIII в., примѣръ, противъ котораго ополчался

Билярскій; о единомь братѣ злѫ славѫ имѫща — Берлин. Сбор.; пріидѣте вьси труждаещихсе и ѡбрѣмѣнени (грам. Милет. № 17), монастиру зовомаго Езер (№ 25); стому монастирю нарицаеми (Венел. № 35) и др.

Неправильности въ употребл. двойствен. числа:

им.-вин. п. вм. родит.: аггльстѣи сѫтъ по пѡдбію крилѣ 62 б;

род. п. вм. вин.: даровавь емоу двѣю градоу 453а.

Дв. и мн. ч. рядомъ: ѿ двою... вещіи 200а; ѡбоими пръсты, ѡбѣма пръстома 268б.

Несогласованія въ родѣ: ѿѫтѡм сѫбѡтамь и неслѣмь четыри десѫте днеи бываѫть 73б; хрстіанстим силам немощном сѫщемь 442б; плѣвам ѿ вѣтръ възвышаемом 444а; плѣвам ѿ вѣтръ възвѣваемѡм 445б.

Сравн.—дверемъ затвореномъ—въ Струмицк. Октоихѣ; Златоустѣ XIV в.

Затѣмъ можно отмѣтить здѣсь еще: отрочѫ *иже* сѫ мтрѫ и таковіи зрѫт раи 260а, четыры нѣк*аа* вечерѣ таиныѫ 377а; половина ес правовѣрнаѫ ѫзыка на свѣтѣ 293б.

Сл. „монастырь" иногда *ж.* р.: монастирь глемаа побрата 484б. Сравн.: что имала стаа монастирь (Венел. № 40).

Слово „дѣти" понимается, какъ собирательное, отсюда—несогласованіе въ числахъ: о дѣтех иже ѿ ирѡда избіеномь 409а; съ нароодомь многом и хвалѫ*щи*м дѣтем 411а; согласов. по смыслу: свѫтыи съборь... изврьгошѫ 429а.

Любопытны и интересны несогласованія и въ области формъ существ., мѣстоим. и прилагательныхъ, такъ какъ и здѣсь, какъ и въ области причастныхъ формъ, большая часть ихъ является естественнымъ и возможнымъ послѣдствіемъ постепеннаго смѣшенія и паденія флексій и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ трудностяхъ, какія испытывали писцы, стараясь оріентироваться въ начинавшемся хаосѣ совпадавшихъ и сближавшихся формъ, а не является простыми ошибками невнимательныхъ писцовъ!

Разсматривая фонетическія явленія, мы отмѣтили появленіе зв. **е** вм. **а** въ родит. п. ед. ч. основъ ср. р. на **jo**; такія формы могли пониматься какъ ф. именит.—вин. пад. что мы дѣйствительно и видимъ: се бо истинн*ое* пѫт спсніе дши 50б; мѣсто бо тв*ое* ꙗвлен*іе* сирѣч конець ѡбдръжѫщаго тѫ въздуха ес 168б! Не безъ вліянія этихъ формъ и въ мѣстн. п. ед. ч. явились формы на **іе**: по вторѣм же... поклонен*іе* 84б, ѡ съимѣннѣмь нань глан*іе* 143б, отсюда явились, б. м., и слѣдующіе примѣры: тогда съ малѣмь страхом... ходить въ прѣдвѡр*іе* црево

328б (вин. совп. съ мѣстн. въ оконч. іе!); бѣшѧ въ заточеніе и въ темница^х 299б. Въ Боянск. Ев.: сѫщи ва точение крьви.

Въ примѣрѣ: по пришествія х҃вѣ 352б, б. м., писецъ стремился возстановить правильную, по его мнѣнію, форму на іа вм. іе.

Весьма любопытное чередованіе мѣстн. и винит. пад.: винит. п. — на вопросъ: гдѣ? вм. мѣстн. и, наоборотъ, мѣстн. на вопросъ: куда? вм. винит.:

Винит. вм. мѣстн., иногда рядомъ вин. и мѣстн.:

Въ не^мже дѣ*ло* достиженъ бѫде^т ч҃лкь, въ то^м и сѫди^т ему, ли въ постѣ, ли въ бдѣніи, ли въ трудѣ 50б; въ котор^ѫ добродѣте^ꙁ доспѣ^х еси аще ли въ бдѣніи аще ли въ м҃лтвѫ, аще ли въ пост, ли въ без^мълвіе 50б; оуби га стефа^н воевода... на св*ою* зем*лю* 437б; па по*ле* михачев*о* л^ѡиша кралѣ разбишѧ 458а; въ рѣкѫ оутопе 458а; елици градове бѣхѫ въ срѣ^мск*оу* зем*ли* (!) вьсѣ прѣѧшѧ 458а; оу хоти*нь* и житіе скончa 467а; бл҃веніе пріемь... въ сочавскыи прѣславныи гра^д 462а; вь тврьдостѣннѣмь своемь гра*дѣ* зовом*ии* фѫгъра^ш 483а: погребень бы^с въ новосъз^даннѣ^м ѿ него монасти*рь*, г҃лемаа побрата 484б;

Мѣстный вм. винит.:

въходи^т въ един*ои* ѿ катръгь 444а; на *неми*же крѣпко оплъчисѧ 459а; нападошѧ... на зем*ли* молдавст*ѣи* 461а; оуранен въ гла*вѣ* 462б; въскочи на его*вѣ* мѣс*тѣ* 464а; по^движе... рать на сакоули оугръст*ѣмь* ѧзы*цѣ* 468б; ѿиде оу хърл^ѡ*вѣ* 484а; прѣше^д въ прѣ(л)дѣ*лѣ*^х и^х 496б—497а; пріиде патріархъ... въ зем*ли* м^ѡ^лда^вск*ои* 504а.

Отмѣтимъ еще мѣстн. вм. винит. въ слѣд. случ.: памѧ^т гнѣву на ближни^м 382а (и изъ е); вин. и мѣстн.—рядомъ: помолитисѧ въ сладости д҃ховнѣи и ср^дца наслаж^деніе 53а.

Интересныя параллели:—вин. вм. мѣстн.: въ Златоустѣ XIV в.: вь тоуждѫѭ земѭ... имѫща житие; тоу Даниль вь прѣисподни гробь адовь, тоу еремиꙗ... вь ꙗмѫ тимѣньнѫѭ, вь адьскы гробь и смрьтноу истлѣнию (!); вь чрѣво адское лежить и^ѡна; въ грам. Милетича: живущим въ с҃тем место тои (№ 17—XV в.), исписах въ търговище (№ 5), обрѣтаѫщих се въ храм (№ 1); въ Макед. Апост. XIII в.: вь вѣрѫ примѣте, не вь сьмнѣни; въ Троянск. причѣ: присташѫ въ единомъ отъ отокъ, красенъ зѣло; въ грам. Венелина: во с҃тые божие церкви и царские монастырех (№ 23 — XVI в.), пребывающи въ с҃таа монастирь (№ 64—XVII в.). Мѣстн. вм. вин.: въ Мак. Ап.: приде... вь иерсалимѣ; вь смрьти его крьстихомьсѧ; въ Троянск. причѣ: Ззыдошѫ под Трои; въ Трновск. Ев.: омакавыи въ солилѣ; въ златоустѣ: въ сѣни сьмрьтнѣи приходить; въ грам. Милетича:

кто на нем възрит (№ 56), платили... у руках Мърікови (№ 69) въ Брашевск. грам.: побегоше у Турцех (№ 87—XV в.)!.

Подъ вліяніемъ сложнаго и мѣстоим. склоненій, гдѣ обыкновенно ф. родит. и мѣстн. п. совпадаютъ, и въ именномъ склоненіи начинается сближеніе этихъ же падежей, и довольно часто являются ф. мѣстн. п. вм. родит.:

съ приплетеніемь сълоучаи^{х} 158б; вънѫтръ прѣдѣл*ѣхъ* его 460а; въ л҃то л҃д врьхоу се^{д}мы^{х} тыс*ѫща*^{х} 466б; ѿ хр^{с}тїанстїи^{х} господ*а*^{х} 443а.

Отсюда является и употребленіе родит. вм. мѣстнаго: изꙗвително чесомоу о *кого* 196а; по въсѣ^{х} нб^{с}ны^{х} воинстъвь 260а, хоще^{т} вънити въ цр^{с}кы^{х} двѡр*овь* 328б (собств.—мѣстн. вм. винит., но принятъ, очевидно, за родит.!); при митрополитѣ Григорїа и при еп^{с}коупѣ Анастасїа и Евѳимїа ра^{до}вска^{г} 504а.

Срв. ѿ маліихь службахь и дажбахь (Венел. № 3), ѿ постехъ (№ 23); половина селах (Милетичъ № 61), ѿ слугах и правителех (№ 17), ѿ ваших рѫках (Брашев. гр. № 14), ѿ въсѣкых нравох (Яцимирск. Слово Ѳеодосія о вѣрѣ варяж. XV в.).

Мѣстн. п. вм. дат:

не причѧщаисѧ грѣсѣ^{х} тоужд^{л}ии^{х} 88а; ближши^{х} финицѣ^{х} женскыи^{х} примѣшаѫщесѧ 367а; противѫ наши^{х} градо^{х} и ѡвощїемь 367а (противѫ нашемь садомь и ѡвощїемь 367а!); живѡ^{т} мои адѣ приближисѧ 415б, нѫ ни прикоснѫтисѧ емь 349а (въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ сказывается ясно близость дат. и мѣстн. пад., указанная Милетичемъ въ „Старото склонение" (Сбрн. за умотв. II); именно когда дательный выражаетъ движеніе къ достигнутой цѣли, то „мѣстное" значеніе его сильно: коснѫсѧ ѥмь, но: стрѣлы ѥмоу не касахѫсѧ!); прилежѧщеи страсте^{х} 349а; въскои неправдѣ... и мѫчительствѣ из^{д}астсѧ 491б (б. м., 2-я форма по аналогіи 1-й!); по мѣсто^{м} хр^{с}тїанск*ы*^{х} 435а; въ разоу^{м} оучѧщи^{м} боук*ва*^{х} 205б.

Мѣстный п. безъ предлога: лани, ѡномь лѣтѣ 182а; причю е вѣмь сл^{н}ци рекше видимѣ^{м} 376а.

Мѣстн. вм. творит.: по^{д} Никополе^{м} град*ѣ* 443б.

Смѣш. дат. и творит. п.: съразившесѧ съ старѣишин*амь* ихь 469а; цр҃кв*ами* прилежѫ 491а.

Въ силу частаго употребленія дат. п. (и какъ dativ possessiv., и въ dativ. absolut.) является иногда дат. п. вм. именительнаго въ независимомъ предложеніи: егда помышлѣеть ч҃лкь ꙗко добрѣ живеть, аще сїа помышлѣеть ч҃лку не живе^{т} въ не^{м} б҃гъ 47а; толи оубо мног*оу* неоустановен*їю* въ земли тои прирасте 466а.

Сравн. — их покупил болѣрину г҃ва ми жупан стоика второму логофет (грам. Милетича № 44—XVI в.!).

Дательн. вм. родит. является и послѣ предлога „до": до молдавскои земли 454б, до сочавѣ 455б—456а; здѣсь же является и винит.: до сѡчавскыи гра^д 457а, до петровь м҄ѧсопу^с 264б, но: до само^м Костантинагра^д 308а.

Родит. вм. дат.: против҄ѧ силѣ свое҄ѧ 42б; раж^дьза҄ѧщоу к҄ѧпин҄ѧ... ниже оубо своего *е҄ѧ* ист҄ѧпа҄ѧщи е^сства 109б.

Винит. пад. ед. ч., какъ мы видѣли при обзорѣ морфологическихъ явленій, у именъ неодушевл. могъ принимать ф. родит. пад., такая форма и принималась иногда всецѣло за родит. п. въ своемъ первонач. значеніи не только при неодуш., но и при одушевл. именахъ: не прѣсташ҄ѧ вѡева҄ѧще... и истра рѣ*кы* прѣхѡд҄ѧще 309а; сътвори... побѣж^денїе на арѡна воево*ды* 451б, въздвижес҄ѧ... на Стефана воево*ди* 457а.

Именит. вм. винит.: постави стефань воевода вто*рыи* їгоу*ме*^н въ поутпои Паис*їе* архїмандри^т 456б; отмѣтимъ еще: посла... воевода прьвїи ѿ вель҄м҄ѧжь свои^х грозава великаго дворника 469б; възвѣща҄ѧ... прѣда*нїа* їуди*но* 411б.

Неправильныя согласованія подъ вліяніемъ непосредственно предшествующихъ формъ, иногда совершенно машинальныя: толикамь странамь на цр҃ство ихъ воевавши^хмь 363б; съ стефанѡ^м воеводѡ^м 450б; възѧ^т гж^да радоула воево*да* 454б, ѿ радоула... загорскаго воевода 459а; пособникѡ^м емоу быти на непокарѣ҄ѧщи*мс҄ѧ* емоу ѿ властелень 469а; (б҄ѧд҄ѧтъ знаменiѣ вь сл҃ци и лоунѣ и звѣздам—Боян. Ев.).

Смѣшеніе винит. и именит. пад. сказалось въ слѣд. оригинальномъ примѣрѣ въ пояснительной фигурѣ (чертежѣ) на 149а и 149б стр.: на 149а: зъмїа, риба, чл҃ка, птица, конѣ, вола, пса (очевидно, все это формы винит. пад. на основаніи первыхъ двухъ, принятыхъ за ф. винит. пад., хотя всѣ онѣ стоятъ совершенно независимо!), на 149б (тотъ же чертежъ, схема): зъмїа, рыба, чл҃ка, птиц҄ѧ, конѣ, вола, пса!

Именит.-винит. вм. косвен. пад.: Григорїю прѣѡсщенному архїереоу старѣиши*на* рима града... въселенскому папѣ мнѡга лѣта 257б; быти сеи грѣшни*ца* въ градѣ 283а; ѿ мно^ж*ство* корабеи 443б; на^м повелѣно бы^с ѿ бл҃гочъстиваго и добл*аа* блгочьстїа вѣтъ*вь*, г҃на їѡанна алеѯандра воеводи 482а; съ... елено҄ѧ и въсѣми великыми болѣри и ве^с сигкли^т і архїереами 484а.

У основъ на **а** творит. п. ед. ч. смѣшивается иногда съ винит. (вслѣдствіе появленія краткой ф. на ҄ѧ творит. п. сблизился вообще съ винит., что мы отмѣтили выше): на православн*ою* нашею вѣр*оу* 487а.

Родит. п. ед. ч. ж. въ мѣстоим. склон. съ оконч. о҄ѧ, е҄ѧ, вм. о҄ѧ, е҄ѧ, въ силу смѣш. юсовъ совпалъ съ ф. творит. п. и по-

тому иногда сталъ пониматься, какъ послѣдній: наваж^енїемь м҃тере свое^м г^джем елено^м 487б, съвѣтомь и наставленїемь м҃терїм свое^м гж^ем елено^м 489б.

Сравн. ѿ всем доушем твоем Пражск. Ев. XV в.

Неправильности, вызванныя переходомъ отъ одной конструкціи къ другой: д҃ вещи сѫть:... грьдыни... злопомнѣнїе... сѫдѧи чл҃ка... неимыи любѿ^в 46б; соуровѿ^м зелїе^м питатисѧ и бобо^м... грахѿ^м или лѧщем квашеноѧ и смоквы же и ѿрѣхь 91а (вторая половина какъ бы подчинена гл. „ıасти"); единь ѿ христоимениты^х людїи въсѣ^х на полатм призва... иже... бѣ великыи логофеть Ѳеѿ^дрь цыганди^х и тесть его Папила и ѿсихїи... и Малеи, иже тог^да протопо*па* (б. м. подъ вл. „*п*ризва"!) 257б.—258а; кыи грѣ^х творить мл҃твы чл҃чѧ непрїѧтны? поминанїемь злꙋ (ablativ. instrum.) 377б (отвѣтъ, какъ если бы вопросъ гласилъ: какимъ грѣхомъ... и т. д.).

Вмѣсто оборота „къ+дат. п." (къ кому, чему) употребляется любопытный оборотъ „у+родит. п." (у кого, чего) (послѣдній оборотъ вообще выражаетъ собой послѣдствіе перваго: результатъ стремленія къ кому есть нахожденіе у кого!):

прїиде маилать из гра^д оу Петра воеводы 483а—483б; поусти до ц҃рїи гра^д оу велика^г ц҃рѣ самодръжца 484в; идѫ оу ц҃рѣ 488б, азь... грѧдѧ оу великаго ц҃рѣ 489а; Жолдю оухватишѧ и иже съ ни^м... и оу алеѯандра воево^ді ѿведошѧ и^х 494 а;

Но и: къ алеѯандру воеводѣ 495а.

Въ области *спряженія* нашъ памятникъ значительно консервативнѣе и строже выдерживаетъ въ конструкціяхъ глагольныя формы.

Неопредѣленное наклоненіе вполнѣ послѣдовательно и строго выдержано: имѣти, быти 1а, разоумѣвати 1б, пещисѧ 5б, срѣсти 7а, поврѣщи 61а, жещи 158а; начѧт^и (конецъ строки) 109а.

Оконч.—ть встрѣчается всего 1 разъ: рѣ^ч прѣж^де оуставихѿ^м изъяснить 212б.

Однако, уже наблюдаются слабые проблески утраты ф. неопредѣленнаго наклоненія: хотѧше... да имать женм 267а.

Достигательное наклон. не употребляется вовсе.

Въ 1-мъ л. ед. ч. наст. врем. встрѣчаются чрезвычайно интересныя формы безъ смягченія (собственно — смягченіе здѣсь есть, но непосредственное только): попросѧ 23б. износѧ 24а, оугодѧ 27а, многословѧ 480бб,—въ Троянск. причѣ: видѧ!

Въ 3-мъ л. мн. ч. подобныя формы наблюдаются тоже: не клеветѧ^т 47б.

Въ 1-мъ мн. ч. обыкновенно — оконч. — **мь** или ᵐ (вверху строки); единств. форма: биемосѧ 214б; въ V кл. — **мы**: есмы 11б, дамы 27б; форма на **мо** встрѣчается еще въ одной испорченной фразѣ: ѡ искапиˣ... недооумѣемыˣ и ѡ въсѣˣ хр҃тїанѡˣ вѣдѣти длъж*но* ес*мо* (б. м., подъ вл. предшеств. слова, оканч. на **о**) 345а; форма со смягченіемъ: ѡбрѣщаеᵐ 344б.—по аналогіи родственнаго глагола „обрѣсти"—обрѧштѧ и т. д.

Въ 3-мъ л. ед. ч. одинъ разъ отсутствуетъ **т**: ръжˣа сънѣдае желѣзо 10а; въ 3-мъ л. мн. ч.—: темни бываѧ ѿ вѣтръ 264а— б. м., подъ вліяніемъ ѿ!

Будущее вр. чаще всего выражается помощью глагола „хотѣти" въ соединеніи съ неопред. наклоненіемъ:

оуготовй оубо себе на въсѣкь д҃нь срѣсти х а, хощет бо невидимо прїити 7а; хотѧи... въ... добродѣтѣли сїѧ прїити, бе́с печали быти хощеᵀ ѿ въсѣкоѧ вещи и възненавидѣти мирь съ 12б; хотѧᵀ бо ꙗвитисѧ ꙗже въ на҃дѣанїа лютаа 15б; како хощеᵐ цр҃тво нб҃ное наслѣдовати 23а; хощеᵐ искати... и не ѡбрѣщеᵐ 41а; что хощеть быти еще сѣсти ємоу на жрѣбѧти 78б; краи... мимоше ˣшаᵀ лѣта и начѧло хотѧщаго быти 132б; не хотѣстѣ помощи наᵐ, каати сѧ хощетѧ 441а.

Будущее II: аще бѫдеᵀ кто причѧщалсѧ... ѿлѫчити ѿ ст҃го причѧщенїа 94а; аще кто... покаетсѧ, то ѿ чесого хощеть разоумѣти простиль ли ему бѫдеть б҃гъ или ны 378б.

Повелительное наклоненіе, заключающее въ себѣ отрицаніе, выражается иногда повелительнымъ накл. глаголовъ „хотѣти" и „мощи"+неопредѣл.: не хощи слышати прѣгрѣшенїе 10б; не моꙃи... рещи 51а; иногда въ такихъ случаяхъ является причастіе при повелит. наклон. гл. „хотѣти": не хощи начѧ҃ствуѫи 43 б.

Глаголъ „хотѣти" употребляется въ знач. глаг. „долженствовать"... хотѧ ѡчиститисѧ ѿ грѣˣ... пръвѣе оубо хощеть хранити себе 75а; тотъ же глаголъ въ знач. „мочь": виды же и имѧ и ве҃ прѣдѣль рода съвръшень хотѧть прїемати 129а. **ѣ** въ качествѣ гласнаго характеристики проникаетъ въ III и IV кл. глаголовъ: въспрїимѣте 71а, пристѫпѣмь 113а, въпросѣᵐ 114а, ѡстризѣте 267б, прїимѣте 324б.

Въ тѣхъ же классахъ у глаголовъ съ основой въ повелит. н. на шипящій является—**а**: оусрѧщамь 79б, възыщамь 114а, ѿложам 114б. Иногда въ 1 л. мн. ч. являются формы съ *е* вм. ѣ (смѣшеніе графич. е и ѣ): разгнѣнемʼ... и навикнѣмь 64а.

Аористъ встрѣчается только сложный на **х** съ соединит. гласной и безъ нея: рѣшѧ 19б, идоˣ 77а, аꙁ... рѣˣ 45а и т. д.

Въ 1-мъ л. мн. ч. являются всюду формы на—**хомь**: прѣѧхѡмь, вѣровахѡмь 3а, ѡблѣкохомсѧ 16б, прїѧхѡмь 22а, сказохѡмь 142а и т. п.

Въ 3-мъ л. ед. ч. иногда является оконч. —**ть**: начѧт глати 15а, прїѧть 45б, жит 422а, оумрѣт 422а.

Одинъ разъ въ 3-мъ л. мн. ч. является оконч. изъ преходящаго врем...—хѫ: бл҇вихѫ его 257б (смѣш. аор. съ imperf.!).

Вм. аориста употребляется иногда perfectum (сложное прошедшее): никтоже... видѣль на земли 355б — 336а, гдь е реклъ 378а.

Преходящее имѣетъ полныя и стяженныя формы: имѣахѫ 17а, нѡсѣхѫ 17а, глаахѫ 27б, можах 30б, чьтѣхѫ, гатаахѫ 205а, хотѣаше 406б. Отмѣтимъ еще формы: готоваание 89б, стицаахѫсѧ 446б; преход. отъ гл. соверш. вида: не творѣхѫ... сѣбранїе дондеже не прїидѣхѫ въси 28а;

Двойственное ч. въ 3-мъ л. иногда удерживаетъ древнее оконч. на *те*: прѣтчѧ iѡаннъ и гь нашь ї҇с х҇с вторїи братучѧды есте 278а; обыкновенно же здѣсь является оконч.—*та*: ѡна... рѣста 80а, в ѡблака оударѣетасѧ 263б, и члкь и скоть тъчно оумираета 400а.

Неправильности въ употребл. двойствен. ч.: множ. число при существит., стоящемъ въ двойств. ч.: двѣ бо сѫть различїи 75а; двѣ е҇ствѣ ...въкоупѧтсѧ 165б; множ. ч. вм. двойствен.: прїидемь (—мь на подчищенномъ мѣстѣ) аз и ѿцъ мои и обитѣль... сътворимь 14б;

Причастїе наст. вр. д. з. у гл. I кл. всегда имѣетъ въ оконч.—правильно—ы(и): идыї 15а, спадыи 22а и т. п.

Изъ прич. прош. д. з. I отмѣтимъ встрѣчающіяся иногда краткія формы: срѣть 107а;

Затѣмъ—прич. страд. зал.: слеми бываѫть 355б.

Давнопрошедшее: иже бѣше самь цръ сътвориль 298б.

Изъ оборотовъ отмѣтимъ: ради двою дню ѧже сътвори въ градѣ продати рѫкодѣлїе свое (infin. finalis) 20а.

Несогласованія въ числахъ:

стыи аггглы посѣщаѫт тебе... и тебе въстаѫщу и тъстанѫт с тобоѫ и млтсѧ о тебѣ и ѿгонит духи 51б; оузрѣтсѧ и движенїе 189б (движенїе оузритсѧ 190а); иже глѧть и ꙗсть млѣко... да бѫдѫт прѡклѧти 291б; принеси оубо и мы елико послѣ 458а; бесловеснаа не клеветѫт, не грѫдитсѧ нѫ и любѫт 47б. Затѣмъ: — иже... нед҇оинѣ ꙗ*сти* хлѣбь и пїеть чашѫ 392б. (б. м., описка).

Въ грам. Милетича (валашск.): сами калугери си съберит къблове (№ 26).

Наконецъ для характеристики лексической стороны сборника можно привести слѣдующія выраженія:

недалече 12б, далечь 446а; не хотѧи ѿцѧты сътворити млᵒть ниже ѿ тысѧщѧ динареи сътворить 23б; давшея дары... въ газофилакіѧ 41б; даждь в҃ цѣтѧ 41б; оцѣстивїисѧ 52а; въсѣкого иного грѣха свѣнити себе 78а; по нерадени пазѧщи; его 100б, на кошоули 102б; срѣда... пѧтка 107б; пѧтовь 107бˣ един҇... мѫдрь, дроугь же лоудь 134б; лани, днеᶜ҃ 158а; глѫбость (глѫбина) 168б; скѫдѣлу; въ съсѫдѣ 192б; токмы ли сѫть или сѫть лихы 261а, ѕиздець 262а;назданїе; на поляхъ—будов. 342а; трїе етери б҃ѕи 345б; сѫщїе агглское 347б; пѣготивь 354а (прокаженъ); чисме (число) 368а; ровь 392а; инь грѣˣ҃... епᶜ҃кпу... инь... людину 395а; тоутное и кроткое пришествїе 403б; юноткѫ двѫ 407а, ѡпладнѣвши ѩжᵗь 420б; собират.—Туркїа 441а, 442а; трупїа 442б (родит.—трупеи 443а); врачюет тѧ ѿдѫны 420а, сипавица или бѫба ѩвиᵗсѧ 420а, цаграми и лубарди 445б, пушками 446а; кого мѣнѧть... три крати мрътвыи҃ причтенна 369б—370а.

Хельчицкій и Гусъ.

Н. В. Ястребова.

Изслѣдователи жизни и литературной дѣятельности Петра Хельчицкаго высказывали мысль, что Хельчицкій не выходитъ изъ рамокъ гуситскаго движенія. Это сужденіе отрицательнаго характера въ своей положительной формулировкѣ гласитъ, что всѣ вліянія, вызвавшія гуситство, дѣйствовали и на Хельчицкаго, хотя и не всѣ въ одинаковой степени. Несомнѣнно, что часто очень трудно установить эту степень. До сихъ поръ чешскіе ученые наиболѣе были заняты вопросомъ о вліяніяхъ, шедшихъ на Хельчицкаго изъ источниковъ не чешскихъ, туземныхъ, а изъ чуженародныхъ: разумѣемъ вліяніе Виклефа и вальденцевъ. Въ то время, какъ Голль, напримѣръ, посвящаетъ вопросу о вліяніи Виклефа и вальденцевъ на Хельчицкаго почти 8 страницъ, вліяніе на Хельчицкаго такъ называемыхъ „предшественниковъ гуситства“ и настоящихъ гуситовъ обсуждается Голлемъ всего лишь на 1 страницѣ[1]).

Между тѣмъ сочиненія Хельчицкаго даютъ иногда значительный матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о степени вліянія на него современниковъ-соотечественниковъ, видныхъ представителей и вождей гуситства. Прежде всего, это справедливо относительно законоположника гуситства, самого мистра Яна Гуса.

Мы довольно часто встрѣчаемъ мистра Яна Гуса на страницахъ сочиненій П. Хельчицкаго: послѣдній то опредѣленно называетъ его по имени, то ясно разумѣетъ его, и не называя по имени; то одобряетъ и принимаетъ его ученія, то порицаетъ ихъ—въ обоихъ случаяхъ часто буквально цитируя сочиненія Гуса; постоянное любовное чтеніе ихъ оставило неизгладимые слѣды въ мысли и языкѣ (стилѣ) Хельчицкаго.

---

[1]) Goll, Quell. u. Untersuch., II, 34—35 и 35—43.

Въ душѣ Хельчицкаго Я. Гусъ всегда былъ мученикомъ за истинную вѣру Христову, Божіимъ праведникомъ; праведная жизнь Гуса и его мученическая смерть всегда выдвигались Хельчицкимъ въ полемикѣ противъ католической церкви и папства, какъ живой укоръ послѣднимъ. Хельчицкій преклонялся передъ силой вѣры въ Я. Гусѣ, который является у него очень часто съ эпитетомъ „вѣрный“: „Свирѣпая (свѣтская) власть, говоритъ онъ, можетъ стать для вѣрующихъ людей причиной терпѣливости и мученичества, какъ, напримѣръ, была она таковою для вѣрнаго Гуса“ [1]). Преклоненіе передъ чудодѣйственной силой вѣры у Гуса слышится и въ слѣдующихъ словахъ Хельчицкаго: „Сколько вѣры имѣлъ Гусъ! Если бы не имѣлъ онъ особой силы отъ Бога, то знанія всѣхъ коллегій (университетовъ), сколько ихъ ни есть въ римской церкви, удушили бы въ немъ вѣру, ибо въ Констанцѣ слетѣлись противъ него всѣ эти коллегіи. Но милый Богъ далъ ему знаніе святыхъ, чтобы антихристовъ духъ всѣхъ этихъ каркуновъ не имѣлъ силы удушить въ немъ вѣру“ [2]). Для Хельчицкаго Гусъ—человѣкъ святой, избранникъ Божій, несмотря на осужденіе его римской церковью. Говоря о недѣйственности церковныхъ проклятій, которымъ подвергаются люди правые передъ Богомъ, Хельчицкій вспоминаетъ прежде всего Я. Гуса, хотя и не называетъ его по имени: „Хотя бы всѣ прелаты со всей римской церковью осудили человѣка на смерть и *поручили его душу діаволамъ*, все это не повредитъ ему, ибо Богъ не подтверждаетъ такого суда надъ тѣмъ, кого Онъ учинилъ праведникомъ по вѣрѣ въ Сына Божія“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ Хельчицкій высказывается уже вполнѣ ясно: „(Прелаты) извинутъ изъ Царства небеснаго тѣхъ, кого І. Христосъ избралъ и искупилъ Своею Кровію; они сожгутъ такихъ людей и, поручивъ ихъ діаволамъ, пошлютъ въ адъ, какъ мистра Я. Гуса“... [4]). Хельчицкій разъясняетъ и то, почему католическая церковь столь жестоко поступила съ Гусомъ (и Іеронимомъ Пражскимъ): Гусъ проповѣдывалъ истинную вѣру Христову, обличалъ заблужденія римской церкви и грѣховную жизнь ея духовенства. „А если бы кто исповѣдалъ противъ священниковъ правую вѣру“, говоритъ Хельчицкій вообще и неопредѣленно, „того они посадятъ въ нечистоты (соб. „laypa“; разумѣется вонючая тюрьма Гуса въ доминиканскомъ монастырѣ на берегу Рейна у Боденскаго озера) и сожгутъ“ [5]). Указывая здѣсь, повидимому, на смѣ-

[1]) Sít' víry, 122.
[2]) ibid. 261.
[3]) Postilla, II, 152b.
[4]) ibid. I, 373.
[5]) ibid. II, 202b.

лыя рѣчи Гуса на Констанцкомъ соборѣ, какъ на окончательную причину, побудившую римскую церковь предать Гуса смерти, Хельчицкій въ другихъ мѣстахъ указываетъ на проповѣдь Гуса еще во время пребыванія его въ Чехіи и отмѣчаетъ нѣкоторые пункты ея въ частностяхъ. „Діаволъ имѣетъ много гордыхъ людей, мистровъ и докторовъ... которые съ большими расходами сожгли въ Констанцѣ двухъ праведныхъ людей за ихъ проповѣдь—великій соборъ мистровъ, епископовъ, съ папой—симонистомъ, своимъ главой“ [1]), заявляетъ Хельчицкій. Это общее указаніе на проповѣдь Гуса разъясняется такъ: „Развѣ священники не обвинили въ ереси и не сожгли за нее праведныхъ людей въ Констанцѣ и не поручили ихъ душъ діаволамъ за то, что они истинно проповѣдывали слово Христово противъ ихъ *роскошной симонистской жизни*?“ [2]). Но Гусъ проповѣдывалъ не только противъ грѣховности жизни духовенства, но и противъ своекорыстнаго пониманія духовенствомъ ученія о спасеніи человѣка: „Если кто исповѣдуетъ, что самъ Богъ прощаетъ грѣхи, а не священники-симонисты, господствующіе, какъ язычники, то священники не справятся съ совѣстью, не подумаютъ о той правдѣ, которая указывается противъ ихъ грѣховъ, а—*скорѣе его на костеръ*“! [3]).

Пониманіе Хельчицкимъ личности Гуса и смысла его проповѣднической дѣятельности отлично выражается въ поэтическомъ отожествленіи Гуса съ кающимся разбойникомъ, распятымъ со Христомъ. Въ одномъ мѣстѣ Хельчицкій, разсказывая о двухъ разбойникахъ, распятыхъ вмѣстѣ со Христомъ и восхваляя „благоразумнаго разбойника“ за его укоризну разбойнику-хулителю Христа („аще ты еси Христосъ, спаси себе и наю“), замѣчаетъ: „Какъ будто бы тутъ самъ Гусъ стоялъ и говорилъ папѣ (= разбойнику-хулителю): Глупецъ! не заблуждайся! вѣдь ты—въ такомъ же ничтожествѣ, какъ всякій другой человѣкъ на свѣтѣ, полный злости и грѣховъ, и не можешь ты избавиться отъ нихъ,—даже ни отъ одного мученія—, если не избавитъ тебя Богъ: поэтому не заблуждайся, глупецъ, и не дерзай раздавать отпущеній грѣховъ и избавленій отъ мукъ, ибо ты—въ такомъ же осужденіи, какъ и Христосъ, страдающій за стадо Божіе, ибо выдаешь себя за пастыря Его стада, обязаннаго страдать, какъ и Христосъ, а не расписывать ложь, будто люди не должны терпѣть мученій“ [4]).

Преклоненіе передъ нравственнымъ характеромъ Гуса, отмѣченное нами у Хельчицкаго, является не только отраженіемъ

---

1) ibid, I, 212.
2) ibid, I, 322.
3) ibid, I, 347.
4) Comenium, II, 85.

общаго настроенія большинства чешскаго народа, но, кажется, и послѣдствіемъ личнаго общенія Хельчицкаго съ Гусомъ. Нѣкоторыя выраженія самого Хельчицкаго даютъ основаніе предполагать о личномъ знакомствѣ его съ Гусомъ. Такъ въ „Replika proti Rokycanovi“ Хельчицкій пишетъ: „А что ты приводишь противъ меня нашихъ мистровъ (Гусъ, Якубъ и Матвѣй Парижскій), подтверждая ими чистилище въ аду, такъ я признаю ихъ, поскольку они своимъ ученіемъ утверждаютъ меня въ вѣрѣ Закона Божія, и *этому-то наученъ я ими*“ [1]). Выраженіе „*этому-то наученъ я ими*“ едва-ли можно понимать только въ переносномъ смыслѣ,—въ смыслѣ изученія Хельчицкимъ сочиненій названныхъ чешскихъ мистровъ,—тѣмъ болѣе, что, напримѣръ, о личномъ „наученіи“ Хельчицкаго м. Якубомъ имѣются несомнѣнныя свидѣтельства самого Хельчицкаго. Есть и другое, болѣе ясное, свидѣтельство самого Хельчицкаго о знакомствѣ его съ Гусомъ. Хельчицкій, полемизируя съ епископомъ таборитовъ Николаемъ изъ Пельгржимова о таинствѣ причащенія и указывая на неправильное пониманіе таборитами сочиненій Виклефа, говоритъ: „Я не скажу, чтобы я хотѣлъ возражать вамъ на основаніи сочиненій Виклефа („О тѣлѣ Христовомъ“), какъ будто бы я сполна прочиталъ ихъ; но нѣсколько я все-же читалъ ихъ. А больше *я бесѣдовалъ о нихъ съ вѣрными чехами*, сердечно любящими Бога и ту правду, которую написалъ Виклефъ въ своихъ двухъ книгахъ о тѣлѣ Христовомъ, обращающими вниманіе на особенныя выраженія Виклефа и на его окончательный умыселъ въ этихъ выраженіяхъ, *каковъ былъ доброй и святой памяти м. Янъ Гусъ*, м. Якубекъ, лучше другихъ чеховъ понимавшіе Виклефа“ [2]).

Вопросъ о томъ, когда и гдѣ познакомился Хельчицкій съ Гусомъ, можетъ быть разрѣшенъ только предположительно. Знакомство могло состояться въ 1413 году, когда Гусъ удалился изъ Праги въ замокъ Козій и мѣстечко Устье на р. Лужницѣ, въ мѣста близкія къ вѣроятной родинѣ и постоянному мѣстожительству Хельчицкаго—мѣст. Хельчицамъ, около Воднянъ. Гусъ проповѣдывалъ въ Козьемъ, куда сходилось множество слушателей изъ окрестностей; затѣмъ онъ разъѣзжалъ далеко по замкамъ и деревнямъ, проповѣдуя не только въ костелахъ, но и въ полѣ, въ лѣсу, въ огородахъ, причемъ за нимъ толпой ходилъ народъ. Очень можетъ быть, что Хельчицкій, по собственному свидѣтельству, столь охотно и много на своемъ вѣку слушавшій проповѣди, былъ въ числѣ слушателей и проповѣдей Гуса, причемъ познакомился съ нимъ и лично.

[1]) Listy filol. 1898, 391.
[2]) Replika, 472 (Сбор. LV).

Имѣются и косвенныя подтвержденія справедливости этого предположенія. Извѣстно, что черезъ 5—6 лѣтъ послѣ пребыванія Гуса въ этихъ мѣстахъ сложилось радикальное таборитство, съ центромъ Таборомъ. Въ „Replika proti Mikuláši bisk. Táborskému“ Хельчицкій говоритъ, что онъ „издавна“ имѣлъ пріязнь къ таборитамъ; это „издавна“ поддается и болѣе точному—хотя и не вполнѣ—опредѣленію: въ трактатѣ „О духовномъ боѣ“, написанномъ около 1421 года, Хельчицкій говоритъ о таборитахъ—хиліастахъ, какъ о близкихъ ему людяхъ („наши братья“)[1]). Въ этомъ трактатѣ Хельчицкій уже отчасти расходится съ ними, осуждаетъ ихъ хиліастическія заблужденія—особенно мысль о борьбѣ оружіемъ противъ нечестивцевъ антихристовыхъ (католической церкви). Изъ „Реплики противъ Рокицаны“ и изъ анонимнаго посланія (L. F., 1898, стр. 466 и слѣд.) мы знаемъ, что Хельчицкій уже въ 1420 году возставалъ противъ допустимости войны въ христіанскомъ обществѣ, спорилъ о томъ съ м. Якубомъ, который въ исходѣ 1419 или въ началѣ 1420 года въ общемъ одобрилъ [2]) точку зрѣнія таборитскихъ вождей, требовавшихъ войны противъ враговъ гуситства. Но таборитскіе священники уже въ 1419 году проповѣдывали войну противъ „безбожныхъ“; слѣдовательно, уже въ 1419 году Хельчицкій долженъ былъ осуждать ихъ за это. А если такъ, то, очевидно, начало пріязни Хельчицкаго къ таборитамъ, точнѣе — къ духовнымъ вождямъ ихъ, священникамъ, придется отнести къ времени еще болѣе отдаленному, къ тому времени, когда населеніе южной Чехіи воспринимало сѣмена Гусовой проповѣди... Въ числѣ этихъ затронутыхъ проповѣдью Гуса людей, вѣроятно, ходилъ потомъ на благочестивыя собранія на гору Таборъ и П. Хельчицкій („počal se počet scházejících rozmnožovati den ode dne více; nežli již z Písku, *Vodňan* etc... Vavřinec въ Fontes rer. Bohemic. V, 402).

Вмѣстѣ съ толпами таборитовъ, но во многомъ уже несогласный съ вождями ихъ, пришелъ Хельчицкій въ Прагу въ концѣ 1419 года.

Здѣсь, въ Прагѣ, посѣщая Виѳлеемскую часовню и ея проповѣдниковъ, ближайшихъ друзей Гуса: м. Якуба, м. Мартина изъ Волыни и м. Николая изъ Миличина, Хельчицкій по разсказамъ еще болѣе, конечно, оцѣнилъ нравственную личность Гуса, ставшую для него болѣе ясной и понятной; здѣсь же продолжалъ онъ изученіе сочиненій Констанцскаго мученика, начатое еще ранѣе и продолженное потомъ. Но здѣсь же, вѣроятно, изъ

---

[1]) Cod. D. 82 Праж. капит. библ., fol. 352[b].
[2]) См. Goll, Quell. u. Untersuch. II, 51—53.

устныхъ бесѣдъ съ вѣрными учениками Гуса, изъ ихъ проповѣдей и трактатовъ, стали понемногу выясняться Хельчицкому и тѣ ученія Гуса, съ которыми онъ не могъ согласиться, слабыя стороны которыхъ легче замѣчались имъ въ устахъ блѣдныхъ учениковъ Гуса, не имѣвшихъ и мученическаго ореола учителя...

II.

Естественно воздвигающійся теперь передъ нами вопросъ о вліяніи на П. Хельчицкаго духовнаго наслѣдія Гуса, его идей и сочиненій, не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно съ точки зрѣнія научнаго идеала — полноты и точности знанія. Разсматривая идеи, ученія и сочиненія Хельчицкаго, мы въ большинствѣ случаевъ не можемъ опредѣлить, каковъ собственно ихъ источникъ: они могутъ быть оригинальными, коренящимися въ дѣйствительности чешской жизни того времени и въ основныхъ настроеніяхъ народа; но они могутъ быть и заимствованными у иныхъ людей — или безсознательно, носясь, такъ сказать, въ воздухѣ, или сознательно, — при томъ снова двояко: или съ указаніемъ источника или безъ этого. Въ частности, что касается Гуса, то Хельчицкій, несомнѣнно, воспроизводилъ въ своихъ сочиненіяхъ ученія Гуса, или самъ изучая ихъ по сочиненіямъ Гуса, или усваивая ихъ отъ другихъ гуситскихъ учителей, выражая ихъ при этомъ въ новыхъ, своихъ, формахъ и комбинаціяхъ. Установить во всѣхъ частностяхъ подобнаго рода вліянія Гуса на Хельчицкаго невозможно; но общее положеніе о дѣйствительности такого вліянія, несомнѣнно, подтверждается наблюденіями въ сферѣ вліяній Гуса, опознанныхъ и отмѣченныхъ самимъ Хельчицкимъ. Мы разумѣемъ многочисленныя въ сочиненіяхъ Хельчицкаго буквальныя или почти буквальныя выдержки изъ трактатовъ Гуса, подтверждающія, съ одной стороны, внимательное изученіе Хельчицкимъ сочиненій Гуса, съ другой — вдумчивое отношеніе къ ихъ содержанію, сказывающееся то въ одобреніи его, то въ порицаніи. Когда Хельчицкій хочетъ заявить о своемъ согласіи или несогласіи съ ученіями Гуса, то онъ всегда точно и ясно (поскольку это было принято въ средневѣковой литературѣ) цитируетъ Гуса и тѣмъ облегчаетъ изслѣдователю установить теперь вліяніе на него Гуса. Но случаевъ такого рода сравнительно немного... Зато гораздо больше такихъ случаевъ, когда Хельчицкій, признавая правильность той или другой мысли Гуса, но не придавая особеннаго значенія принадлежности ихъ именно Гусу, а не кому-либо другому, выписываетъ въ свои сочиненія мѣста изъ Гуса, не указывая при этомъ своего источника.

Установленіе всѣхъ такихъ случаевъ — работа очень кропотливая; микроскопическій анализъ сочиненій Гуса и Хельчицкаго

съ указанной точки зрѣнія пока и не осуществимъ вполнѣ, ибо сочиненія Хельчицкаго далеко еще не всѣ изданы, а изданія Гуса, повидимому, не всегда даютъ надежные тексты, въ чемъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться далѣе.

III.

Сообщеніе результатовъ своихъ наблюденій надъ случаями заимствованій у Гуса Хельчицкимъ, безъ отмѣтки послѣднимъ этихъ заимствованій, мы будемъ вести въ случайномъ порядкѣ сочиненій Хельчицкаго: и самыя наблюденія наши—случайны, не претендуютъ на полноту; и въ характерѣ этого рода заимствованій мы не можемъ найти руководящей нити для какой нибудь группировки ихъ по содержанію.

I) Естественно предполагать, что Хельчицкій, работая надъ составленіемъ своей „Postilla“ (толкованій на воскресныя и праздничныя евангелія), долженъ былъ ознакомиться съ „Postilla“ Гуса.

Такъ это и было въ дѣйствительности. Издатель „Постиллы“ Хельчицкаго, др. Сметанка, очень пристально изучилъ текстъ Хельчицкаго сравнительно съ текстомъ Гуса и отмѣтилъ 21 случай [1]), небольшихъ (въ нѣсколько строкъ) заимствованій Хельчицкаго у Гуса. Кромѣ эихъ случаевъ, мы сообщимъ и нѣкоторые другіе, замѣченные нами.

Хельчицкаго „Postilla“:	Гуса „Postilla“:
1) I, 328: „Neb nynějšie kněžie sami oslové jsú, lení, strašliví, a smyslu k odvázánie málo, neb nic nemají. viece osly zapletajíece svazky těžkými“.	Sebr. spisy II, 131:... „oni samí jsú ta oslice od ďabla přivázaná k plevám marnosti světské, aby je jedla, a k jeslem rozkoši tělestné“.
2) II, 186... „negsu hodni, aby gim kto swinie pasti poruczel“.	S. s. I, 447 (O svatokupectví): „V tom mnoho jest vladyk, jenž dávají nestatečným přatelóm, jenž nebyli by hodni sviní pástí“.
3) II, 195 в. Иногда трудно примириться съ „братомъ“: „niekdy bude ten bratr ukrutny,	S. s. II, 288: „Umřel-li jest bratr, ale Bóh jest živ, jemuž zvlaště má se člověk po-

[1]) „K Postille Chelčického, Listy filol.“ 1903, 234—238; нѣсколько случаевъ отмѣчены въ изд. Сметанкой 2-й ч. Постиллы Х-го (1903); важнаго изданія этого мнѣ неудалось достать въ книгохранилищахъ СПБурга; можетъ быть, мои наблюденія совпадаютъ съ наблюденіями г. Сметанки. Ссылки на I-ю ч. „Постиллы“ дѣлаются по изд. др. Сметанки.

gessto neprzigme pokory sameho, ani s mnohymi, ale wždy se chcze mstiti Nebo takowemu odczinienij, gessto s nie nemož byti ten, ktož pokoru czinie. Ten nenie zawazan niczimž, když rowneho nemuož požiti. Opiet niekto nietczo pokradl, a hrdlo gemu platÿ, když by se zgewie a snad ne ma cziem nahraditi, aniž smij, aby hrdla ne ztratil. Muož li skrze przately, ma to ucziniti; pak li nemuož aneb nesmie se s tiem zgewiti, ale Bohu se muož pokorziti: ten srdcze zna a przigme pokoru od czlowieka". Если тотъ, противъ кого провинился, далеко находитсяили умеръ, то можно примириться съ Богомъ. Если умершій имѣетъ жену, дѣтей, родственниковъ, то слѣдуетъ примириться съ ними. Если кто соблазнитъ чью-нибудь жену или дѣвушку и не посмѣетъ въ томъ сознаться изъ-за соблазна, ссоры, боязни потерять жизнь, то онъ можетъ покаяться Богу; но, вообще говоря, нельзя уклоняться отъ примиренія съ „братомъ", иначе и Богъ не приметъ раскаянія [1])".

4) II, 215: „Ukrotil ge (священниковъ) swiet stoly dobrymi, aby na nieg ne wrczeli, yako psy, když gim chleba podadij newkrnut, ale dadit po sobie y pohladiti" (ср. Siet' Viery", 62:... „jako pes lačný lapė kost ohlodanu"....).

kořiti; a učinil-li jest křivdu bratru na zboží, a má čím odložiti, tehdy má dietkám neb přátelóm odložiti: Též nevie-li, kde jest, a též jest-li daleko, že nemóž podobně k němu přijíti. A pak nechce-li slyšeti a přijieti dostiucinenie.... již tento nebude jemu vinen.... Pak.... když nesmie se jemu zjeviti o zavinění, neb mohlo by snad mnoho zlého z toho zjevně přijíti, tehdy musí opatrně učiniti, neb skrze jiné lidi: jako vzal-li co, aby vrátil též nebo tolikéž; pakli jest jiné zaviněnie, jako že mu dceru zprznil, neb manželku, tehdy mlčeti s tiem a bohu se pokořiti, a dosti za hřiech učiniti" и т. д.

S. s. II, 81: „Psi se o kost' hryzú, vezmi kost', a přěstanút': nebud' zbožie u kostela. a nenalezneš k němu kniežka"....

[1]) Въ моихъ выпискахъ, сдѣланныхъ во время пребыванія въ Прагѣ, которыми только я и вынужденъ пользоваться, данное мѣсто имѣется въ приведенномъ видѣ.

5) II, 216: Ginij gsu opiet, gessto nechwale na sobie skutkuow božich, kteřii se wždy oprawuji, chtiecz krasnij byti, a ginu twarz sobie připrawugý, ginak hlawu wlasy strogij, aby kaderzawe byli, spletanie wrkoczuow aby až do pat wisali. Protož w tieth pyssnych srdczych nikdiež dobrze Buoh neumiel ani twarzi, ani kaderzij, ani ginych uduow dobrze stworziti... A czoz nemagi bokowe, ramena, nohy, to kasanim pyssneho a draheho rucha, zlatymi pasy, strzibrem, postawczy, barwami oprawij umiegicze lepe, než Buoh wssechen žiwot zpiprawiti, nohy utahnuti—gednu zelenu, druhu czerwenu. A když by ge Buoh tak stworzil, opiet by to chtieli ginak oprawiti. By zeny s tiemi chomuty ssirokymi a s rukawy do zemie stworzil, rzekliby: o tiežke gest brzemeno na nas wložil, tiežko s takowu hlawu choditi!"

S. s, 68 („Výklad desatera"): „Také o tom hřešie, jenž z sebe dělají obrazy; jako ten, jenž kabátu vlny přidává, aby mněli, by byl prsatý, a tak silný a smělý. Též žena, jenž sě líčí, neb vlasy sobě cizie strogji, neb jest jich pilna viece, aby sě jimi viece lidu než bohu líbila. A o takových mluví s. Jan Zlatoústý, řka: že činie křivdu svaté trojici; že tak činiece, obraz ujímajíc nebo přidávajíc, v skutku ukazují, jako by buoh otec nemohl, a buoh syn neuměl, a duch svatý nedobrovolně chtěl toho člověka tak stvořiti. A tak ač ústy neřkú, však skutkem to ukazují, že chtie lepší tvořitelé, neřku stvořitelé, nezli pán Bóh býti" и т. д.

(Хельчицкій *развиваетъ* эти мысли, взятыя у Гуса).

II) „Siet' viery" Хельчицкаго обнаруживаетъ также знаніе Гуса и пользованіе имъ.

S. V., 283: „A v tom bludu mnoho jest vládyk, ješto dávají kostely nestatečným přátelóm, jenž by nebyli hodni sviní pásti, neřku duší lidských... A někteří vetují aneb se zakládají o kostely takto řkúce: Oč platí, pane, že nedáš synu mému kostela? A pán die: Platí o padesát kop, že dám. A on die: Platí. A pán dí: Já dávám synu tvému kostel: dajž mi padesát kop!"

S. s. I, 447. „V tom mnoho jest vladyk, jenz dávaji nestatečným přatelóm, jenž nebyli by hodni sviní pásti. A mají také jini lstivý klobúček, že vet uje se neb zakládá takto: Oč platí, pane! že nedáš mému synu kostela? A pan dí: Platí o padesát kop, že dám. A on dí: Platí! A pan: Nu, ja dávám synu tvému kostel, dáš padesát kop". (Ср. выше I, 2).

III) Слѣды пользованія Хельчицкаго сочиненіями Гуса, хотя и незначительные, имѣются и въ неизданномъ трактатѣ Хельчицкаго: „O 7 svatosti“ [1]).

Въ отдѣлѣ, посвященномъ таинству брака, Хельчицкій говоритъ:

Fol. 173^{b}: „Nebo pro smilstwie rzekl gest Buoh: „Žel mi gest, že sem czlowieka stworzil, a rzek to, zatopil wessken swiet—lidij y howada, kromie osm czlowiekow“.

Гусъ:

S. s. 201 („Výklad desatera“): „A z toho máš, žet' milost' boží ten hřiech v člověku hasí; protož pro tento hřiech čte sě, že Buoh řekl: Žel mi, že sem člověka učinil! a že udeřen jsa vnitř bolestí srdce, učinil jest potopu lida“.

2) Въ отдѣлѣ о таинствѣ елеосвященія Хельчицкій, между прочимъ, замѣчаетъ fol. 190: „мистры собрали соображенія о помазаніи елеемъ немощныхъ и говорятъ: посредникъ Божій и человѣческій называется не только Іисусомъ, который можетъ спасти, но и Христомъ, который можетъ излить на другихъ благодать помазанія!“ Вѣроятно, онъ имѣлъ при этомъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ Гуса: S. s. 1, 15 („Výklad viery“): „A také slove Kristus, česky mazaný, neb mazanec, neb jest nade všechny jiné svaté zmazán dary Ducha Svatého, tak že všechno jich mazánie od něho pocházie“.

3) Въ томъ же отдѣлѣ Хельчицкій обличаетъ духовенство, представители котораго:—„Niekterzi pomazie nemoczneho ze dwu grossy, niekterzi ze dwanaczti peniez, a niekterzi z groše“—fol. 195^{b}.; въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, воспроизводитъ слова Гуса—S. s. I, 436 („O svatokupectví“): „Olej svatý také draze prodávají nad jiný olej, a to ne pro jiné, než jest svatý; někde dva groše, někde XII peněz, a někde groš berú“.

IV. Въ трактатѣ „O starém člověku“ Хельчицкій описываетъ процессъ постепенной побѣды грѣха надъ человѣкомъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, что́ и Гусъ.

Хельчицкій:

Comenium, II, 39: „Najprve u vóli tělestné počne se, a když povolí člověk rozomný té žádosti

Гусъ:

S. s. I, 347—348, („Výklad modlitby páně): „Žádost' tělestna jest troje: Prvá, když vóle plne

[1]) Cod. D. 82, ff. 119—204.

těla, tehdy hřiech jest ji žobdržel královstvie nad člověkem; a když v obyčej vejdú, opět silněji ujmú člověka".

přivolí k hřiechu, ač skutkem nekoná. Druhá, když žádost' zlú skutkem koná. Třetie, když tu žádost skutečnú bez přetrženie v obyčeji jmá".

V. Въ „Řeč o 20 гл. еванг. отъ Матвѣя" Хельчицкій, объясняя разсказъ евангельской притчи о томъ, какъ нѣкоторые рабочіе въ виноградникѣ роптали на хозяина, замѣчаетъ (Com. II, 73—74): „Это мѣсто евангелія трудно, ибо старые и *позднѣйшіе* доктора, размышляя объ этомъ ропотѣ, по моему мнѣнію, не согласились въ объясненіи и не указали тутъ настоящаго смысла" и т. д. Повидимому, въ этомъ случаѣ Хельчицкій выражаетъ свое впечатлѣніе отъ прочтенія соотвѣтствующей проповѣди изъ „Postilla" Гуса и особенно слѣдующихъ словъ Гуса: „A věz, že velmě jest těžké čtenie v tom kusu o reptání, jako ve všech čteních; a ját' znám, žet' nerozumiem jemu, a s. Řehoře nazamietám" (S. s. II, 69).

VI. Особенно же много заимствованій изъ Гуса удалось установить намъ въ неизданномъ до сихъ поръ „Výklad na páteř" [1]) Хельчицкаго; заимствованія сдѣланы изъ „Výklad na páteř" Гуса (S. s. I, 288—358):

Хельчицкій:	Гусъ:
1) F. 229b: „A gest w te modlitbie sedm proseb a každa z nich gest zwlasstni modlitba"....	315. A že všechna ta modlitba Kristova jest v sobě modlitba, protož každý diel te modlitby jest modlitba"...
2) F. 230b: „Mnoho wazne byloby, kdyby kral nebo cesarz przičetl sobie w rodu pastyrze a postavil geho we cti s kniezaty swymi, toho by swiet welmie powazil, gessto nic nenie u přirownani geho přewyssena welebnost" и т. д.	316. „O, kdyby zemský ciesař neb král vyznal sedláčka sobě v rodu, a učil ho, aby mu řiekal: „otče", kak by divně byl sedláček vděčen! I kterak nenie nesmierně veličejšie, vážněyšie a dóstojnějšie vzácnost'" и т. д.
3) Fol. 235: „Nebo když žadamy swietla slunce, kde(?)za oblaky stogi, rziekame: „Oswiet'se mile slunce, chtiece aby nam se zaswitilo".	321—322. „Aj slunce to vždy v sobě jest světlo; avšak když mlhy jsu, neb oblaci, neb slepota.... tehdy dieme: Osvět'sě, milé slunéčko!"....
4) Fol. 251b. „A chtiegme	325: „Poňavadž prosme my

[1]) Cod. 32 Праж. Митроп. библіот., 217a—286b. Въ текстахъ неизданныхъ сочиненій Хельчицкаго я держусь правописанія рукописей.

my nebo nechtiegme, wole jeho wzdy wěčně ulozena przed se pogde, a my swu modlitbu nemuožem promieniti geho wole".

5) Fol. 258: „abychom we wssech wiecech zuostali wedle wole bozie a wzdy zadali zuostati, jakož učinil s. Tobiass syna sweho (sic!) řka: „W každy cas и т. д.... wzdycky gsu". A tak bude w prawdie řekati „Bud wuole twa" — jako angele a swieti w nebi uplnie se sgednawagi s twu woli, at'y my take na zemi sgedname se, což naywiece mozem, s twu woli"...

neb neprosme, aby sě jeho vóle stala, vzdy se stane"...

325:... „aby nás ráčil pravú cestú vésti. A za to máme pilně pána Boha prositi, neb die s. Tobiáš: V každý čas и т. д. wždy jsú". „Protož prosime, aby jakož angelé a světi v nebesiech plnie vóli boží, abychom my zde takéž plnili". ..

6) Fol. 268 Хельчицкій, приступая къ объясненію словъ „И остави намъ долги наша", замѣчаетъ: „А при этихъ словахъ молитвы *мистры* находятъ трудность въ томъ, что говорится: „и остави намъ долги наша": представляется-де неподходящимъ сказать Богу, чтобы Онъ оставилъ намъ долги, называя грѣхъ долгомъ, ибо мы не должны Богу грѣхомъ, ибо Онъ не далъ намъ его и не ссудилъ намъ его". Очевидно, Хельчицкій имѣетъ въ виду слѣдующія слова Гуса (S. s. 354): „neb by hřiech byl dluh, tehdy bych ja tén dluh měl dáti tomu, komu jsem dlužen, a tak měl bych bohu dáti hřiech; a to sé nezdá, neb ani mi dal buoh hřiechu, ani mi pojičil hřiechu" и т. д.

7) Fol. 270[b]—271 Хельчицкій говоритъ: „Но *мистры* говорятъ здѣсь, что за раскаяніе Богъ прощаетъ вины, но не прощаетъ наказанія (pokuty) или отмщенія (pomsty); но за отмщеніе, которое человѣкъ долженъ былъ бы терпѣть вѣчно, говорятъ мистры, долженъ человѣкъ удовлетворить Бога постомъ, милостыней и другими добрыми дѣлами". Здѣсь Хельчицкій разумѣетъ слова Гуса — S. s. 336: „Ještě věz ze po odpuštění hřiecha neb provinění zóstává pokuta... Milostivý pán... vinu zavázánie k zatracení take odpustí; ale ostane pokuta. Která? Dostiučiněnie, modlitbú, postem, almužnú a jinými dobrými skutky"...

8) Fol. 275 мы читаемъ у Хельчицкаго: „Ale przi tomto odpusstieni bezprawie nehned proto lechce bez příčiny dluh peniezity zawazan gest člowiek odpustiti. le muoz penieze od dluznika wzieti w dobrotie,—leč by takowy byl, genz by nawratiti nechtiel tak daleko, ze by se chtiel waditi o to. A ze na sluhy bozie ne-

slussie to, aby se wadili o tielesne wiecy w sudiech nebo ginde se zlimi lidmi jakoz die s. Pavel. Protoz kdoz by nechtiel dobrowolnie prosbu nebo napominanim podobnym zaplatiti dluhu, ma gemu odpustiti ze dwu přičinu: gedno proto, že gest lakomiec nesprawedliwie zadrzuge weč blizniebo sweho, druhe—proto, že gest snad chudy a nema čim platiti. A to oba sta chuda: geden-na statku, a druhy—na dussi gest chud, sprawedlnosti nemage"... Эти слова представляютъ собой не что иное, какъ почти буквальную передачу текста Гуса, S. s. I, 338 („Nenie tobě nuzno... chudoba jest duše").

9. Хельчицкій говоритъ:

Fol. 276: „И не введи насъ"... Tuto prosbu giz po odpusstieni hrziechuow prosyme milosti nebo zachowanie od buduce zlosti, w kteru bychom mohli upadnuti skrze pokussenie".

Гусъ:

344: „Šesta prosba.... Tú prosbú již po minulé zlosti vsvobození prosíme výstrahy od zleho, jenž by nás mohlo potkati".

10. У Хельчицкаго имѣются слова:

Fol. 283: „Ale zbaw nas od zleho". Tuto pzosbu, genz gest poslednie dokonanie ginych proseb, znamenawa plnost modlitby, jako by člowiek pozadal Otce nebeského z milosti rka: Ale zbaw nas od zleho, w kteremz wiezime zde. Neb tehdy uplnie bude zbaweni od zleho, kdyz přestane kazde pokussenie nam protiwne. A to nebude, dokud zde putugeme do swe wlasti ku Otcy. Nebo tielo wzdy zada proti duchu. Acz niekdy na čas swiet, diabel popřestanu a oblewie nad nami, ale proto nas neostanu, aby swych osydel nam" и т. д.

У Гуса:

355: „Ale zbav nyod zlého... Túto prosbú, jenž jest poslednie zavřenie jiných proseb, přibiera to slovce: „ale", jenž znamenává plnost modlitby; jako by řekl člověk: „Ale, totiž ovšem, učiň ten konec, zbav nás zlého. Nebo tehdy plně jsme zbaweni zlého, když přestane každé nám pokušenie; a to nebude, dokavadž putujem ku pánu Bohu. Neb tělo vždy žádá proti duchu: ač za čas ďabel a svět ukrotnú, avšak dokud jsme zde živi, bojiece sě, aby nás nepodtrhli ti nepřieteli, neúplně jsme svobodni".

IV.

Обратимся теперь къ тѣмъ случаямъ, гдѣ Хельчицкій приводитъ мнѣнія и слова Гуса, называя его по имени.

Въ однихъ случаяхъ Хельчицкій цитируетъ Гуса въ подтвержденіе своихъ собственныхъ мнѣній, защищая ихъ въ полемикѣ съ противниками.

I) Извѣстно, что Хельчицкій, сынъ своего народа и вѣка, много размышлялъ и писалъ по вопросу о существѣ таинства евхаристіи. Однимъ изъ главныхъ спорныхъ пуктовъ было пресуществленіе евхаристійныхъ видовъ—хлѣба и вина въ тѣло и кровь I. Христа. Хельчицкій, слѣдуя Виклефу, съ одной стороны, защищалъ сохраненіе (remanentia) въ таинствѣ хлѣба и вина и отрицалъ пресуществленіе (transsubstantiatio); съ другой стороны, онъ признавалъ духовное присутствіе I. Христа въ евхаристійныхъ видахъ и возставалъ противъ ученія таборитовъ о простомъ лишь знаменованіи хлѣбомъ и виномъ искупительной жертвы Спасителя.

1) Полемизируя противъ ученія и католической церкви и умѣренныхъ гуситовъ — „пражанъ" (магистровъ пражскаго университета по преимуществу) о пресуществленіи, Хельчицкій ссылается на единомысліе съ нимъ въ этомъ вопросѣ и Гуса.

Въ трактатѣ „Řeč a zpráva o těle božiem" [1]) Хельчицкій, разсказавъ, какъ одинъ пражскій мистръ тщетно хотѣлъ склонить его къ вѣрѣ въ то, будто-бы I. Христосъ далъ священникамъ мощь всегда посвящать хлѣбъ въ тѣло Его, а вино—въ кровь Его, продолжаетъ: „Pak již k těm řečem napřed pověděným jest odpora těch mistrův, kteří pravdy čtenie následují o tělu božiem, a toto mezi jinú řečí řkú": „A zě nižádným tiem čtverým obyčejem, ani kterým z těch nemóž kněz stvořiti netoliko Boha, ale ani těla Krystova z ničéhož, ani učiniti móž z jiné věci. Nebo tělo Krystovo, to jakž jest jednú stvořeno od Boha v životě panny Marye z krve jejie, tak to tělo nikdy jest nezhynulo, ani kdy potom se počalo, aniž se móž znova počieti. Protož nižádný kněz nemóž jeho stvořiti z ničehož, aniž z jiné věci jeho učiniti. A k tomu rozumu s. Bernard die v kazání ku papeži Petrovi: Tělo Kristovo nerodí se, neplodí se, netvoří se, ale v rukú kněžskú spolu činí se, to jest, že Bóh mocí svú a slovy svými, kteréž kněz mluví, činí Bóh, že v rukú kněžskú spolu býva i tělo Krystovo i zpósob chleba". „*Все это пишетъ Гусъ*, продолжаетъ Хельчицкій, противъ тѣхъ священниковъ, которые говорятъ и вѣрятъ, что они творятъ, дѣлаютъ и посвящаютъ хлѣбъ въ тѣло Христово".

Приведенныя Хельчицкимъ слова Гуса взяты имъ изъ трактата Гуса: „O šesti bludích" (S. s. III, 213—214: „A nižadným tiem čtwerým obyčejem... 214: „Bernard v kazaní... i zpósob chleba").

---

[1]) Com. I, 1—12.

2) Гусъ былъ для Хельчицкаго авторитетнымъ единомышленникомъ не только въ борьбѣ противъ ученія о пресуществленіи: авторитетомъ Гуса онъ защищалъ и правильность своего пониманія ученія Виклефа о духовномъ присутствіи I. Христа въ таинствѣ евхаристіи. Табориты, подобно Хельчицкому, отрицавшіе пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову, шли и далѣе: они отрицали вообще какое бы то ни было присутствіе I. Христа въ евхаристіи и утверждали, что хлѣбъ и вино называются въ св. Писаніи тѣломъ и кровью I. Христа лишь фигурально (in figura, w znamení), знаменуя смерть I. Христа и духовное единеніе Его съ вѣрующими. Хельчицкій, полемизируя съ епископомъ таборитовъ—Николаемъ изъ Пельгржимова, между прочимъ доказываетъ, что табориты взяли это свое ученіе отъ Виклефа, но поняли Виклефа неправильно [1]). Хельчицкій приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ трактата Виклефа „De Eucharistia tractatus major" (изд. Лозертомъ, 1892), изъ гл. I, II, IV и V. Сопоставляя эти мѣста, онъ доказываетъ слѣдующее: Виклефъ отрицаетъ превращеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа, отрицаетъ присутствіе I. Христа въ таинствѣ тѣлеснымъ образомъ, „съ тѣлесными членами", „съ мясомъ и костьми" (стр. 476), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исповѣдуетъ присутствіе I. Христа въ таинствѣ „болѣе возвышеннымъ и болѣе подходящимъ къ нашей нуждѣ способомъ", т. е. духовно (477). Такое пониманіе Виклефа сложилось у Хельчицкаго отчасти путемъ собственнаго знакомства съ 2 трактатами Виклефа объ евхаристіи („Tractatus major" и „Tractatus minor", изданный Ширлеемъ въ „Fasciculi Zizaniorum" (1858), которые онъ „немного читалъ". Но, такъ какъ самъ Хельчицкій „не могъ особенно похвалиться знаніемъ латинскаго языка", а „латинская рѣчь Виклефа отличается, по свидѣтельству знающихъ людей, трудностью и сжатостью" (479), вообще „своеобразіемъ" (472), то Хельчицкій искалъ разъясненія своихъ недоумѣній у „вѣрныхъ" чеховъ, хорошо знакомыхъ съ сочиненіями Виклефа. Въ ряду этихъ „вѣрныхъ чеховъ", вмѣстѣ съ мистромъ Якубомъ изъ Стшибра и Мартиномъ изъ Волыни, стоитъ и „святой памяти мистръ Янъ Гусъ" (472). Хельчицкій не только „бесѣдовалъ" съ Гусомъ и упомянутыми близкими Гусу учениками, но имѣлъ отъ нихъ и письменныя разъясненія непонятныхъ для него вопросовъ, возникавшихъ при знакомствѣ съ ученіемъ Виклефа объ евхаристіи: „я имѣю, между прочимъ говоритъ Хельчицкій, толкованіе Гуса о выраженіи „sacramentaliter"—по латыни и „swatostnie"—по-чешски". Что такое было это за „толкованіе" („wykla-

---

[1]) Replika proti Mikuláši b. táborskému, 471 и далѣе (Сборникъ II отд. LV).

danie"), сказать объ этомъ что-нибудь опредѣленное мы не можемъ. Можетъ быть, это было извлеченіе изъ какого-нибудь трактата Гуса, посвященнаго вопросу о таинствѣ Евхаристіи („De Corpore Christi", „De sacramento corporis et sanguinis Jesu Christi", „De transsubstantiatione"), а можетъ быть, и какое-нибудь спеціальное, такъ называемое, „Quaestio"...

II) Хельчицкій ищетъ и находитъ для себя опору въ Гусѣ и тогда, когда полемизируетъ съ вождемъ умѣренныхъ гуситовъ—„пражанъ" Яномъ Рокицаной о церковной обрядности [1]). Рокицана, признавая, что Виклефъ много и справедливо писалъ противъ „человѣческихъ установленій" въ церкви, считалъ нужнымъ напомнить Хельчицкому и слѣдующія слова Виклефа: „Слѣдуетъ соблюдать достохвальный церковный обычай, хотя бы онъ и не былъ явно (explicite) указанъ въ св. Писаніи, а только, такъ сказать, заключенъ (explicite) въ Писаніи". На это Хельчицкій отвѣчаетъ такъ: „Если вы разумѣете здѣсь каменныя церкви (костелы), такъ въ нихъ мало достохвальныхъ обычаевъ, а больше — обычаевъ святопродавческихъ и сплошной лжи къ совращенію народа,—иногда больше, чѣмъ на торгу. Поэтому мистръ Янъ Гусъ, объясняя 1-ю заповѣдь, описываетъ много непохвальныхъ обычаевъ, которые держатся въ костелахъ" (стр. 265). Вслѣдъ затѣмъ Хельчицкій выписываетъ изъ „Výklad desatera božieho přikázanie" Гуса (S. s. I, 77) слѣдующія слова: „Též i my máme pilně lid vystřěhati" и т. д., кончая словами: „celý den bude mluwiti o tom a o bohu nic". „Поэтому-то, прибавляетъ Хельчицкій отъ себя, если вы (магистры) вмѣстѣ съ Виклефомъ считаете такія прикрасы и суету къ соблазну слѣпыхъ достохвальными церковными обычаями, такъ вотъ Гусъ противъ васъ и противъ восхваленія этихъ обычаевъ"...

III. Хельчицкій, вмѣстѣ съ таборитами, не признавалъ ученія о чистилищѣ, которое содержалось не только католической церковью, но и умѣренными гуситами—„чашниками".

Въ сочиненіяхъ П. Хельчицкаго мы часто встрѣчаемъ самую острую критику этого ученія:

1) Въ упоминаемой выше „Replika" противъ Рокицаны онъ полемизируетъ по этому вопросу съ гуситскими магистрами. Между прочимъ, его противники, защищая ученіе о чистилищѣ, ссылались на авторитетъ уважаемыхъ чешскихъ учителей: Я. Гуса, Якуба изъ Стшибра и Матвѣя Парижскаго. Что касается Гуса, то Хельчицкій въ своемъ отвѣтѣ (L. F., 1898, 389 и слѣд.) при-

[1]) Replika proti Rokycanovi, L. F, 1898, 264 и слѣд.

знается: „Правда, мистръ Гусъ, изъясняя вѣру (=„Výklad viery“), привелъ ученіе о чистилищѣ монаха Ѳомы, который, отмѣтивъ различіе человѣческой вины въ отомщеніи, установилъ и различіе мѣстъ ада для этого отомщенія. Однако, описывая все это, мистръ Гусъ выпустилъ на чистилище острыя и тугія каленыя стрѣлы: если бы эти раны и выстрѣлы имѣли силу въ людяхъ, то сильно бы занемогло отъ нихъ чистилище; Гусъ мужественно высказался объ этомъ: „Если бы люди хорошо жили, то уничтожили бы это чистилище; но оно потому-то и въ большой чести, что люди всѣми путями лѣзутъ въ нечистоты, приготовляя такимъ образомъ свои души въ адское чистилище“.

Приведенное нами мѣсто изъ Хельчицкаго вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ „Výklad viery“ (S. s., I, 17), въ гл. XIII („Tomáš, pátý kus“), Гусъ, дѣйствительно, излагаетъ ученіе Ѳомы-Аквинскаго (у Гуса—просто Ѳома) о четырехъ отдѣленіяхъ ада, сообразно различію грѣшниковъ [1) peklo zatracencóv, 2) p. dietek nerzstěných, 3) očistec, 4) „limbus“, темница св. отцовъ].

Но приведенныя Хельчицкимъ слова Гуса, содержащія „каленыя стрѣлы“ на чистилище, въ изданномъ Эрбеномъ текстѣ „Vyklad'a“ отсутствуютъ... Въ чемъ тутъ дѣло? Можетъ быть, въ рукописи, по которой велъ изданіе Эрбенъ, интересующихъ насъ словъ и не имѣлось? Можетъ быть, Эрбенъ измѣнялъ текстъ Гуса, дѣлая въ немъ пропуски? Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно: Хельчицкій не приписалъ Гусу словъ, имъ несказанныхъ: во-первыхъ, противники не замедлили бы обличить Хельчицкаго, а во-вторыхъ, и слова эти—вполнѣ въ духѣ Гуса: нѣчто похожее высказано Гусомъ въ сохранившемся — къ сожалѣнію, не въ полномъ видѣ — его трактатѣ „O vieře“ (S. s. III, 296): „Если бы люди имѣли въ виду общеніе святыхъ, то остерегались бы смертныхъ грѣховъ и не покупали бы у насъ, священниковъ, молитвъ и обѣденъ“ и т. д.

2) Аналогичный случай — отсутствіе въ изданіи сочиненій Гуса цитируемаго Хельчицкимъ мѣста встрѣчаемъ мы и еще разъ. Хельчицкій, все въ той же полемикѣ противъ ученія о чистилищѣ, приводитъ слова Гуса: „Всѣ дѣла праведниковъ помогаютъ освобожденію тѣхъ, кто находится въ чистилищѣ“ („wssecky cziny sprawedliwych gsu pomocy tiem, kterzi w ocziſtcy su, k wyswobozeni“, L. F., 1898, 390). По словамъ Хельчицкаго, Гусъ говоритъ это, „wypisuge o uczastnosti swatych“. Очевидно, здѣсь разумѣется все тотъ же „Výklad viery“ Гуса, именно XIX глава его („Judáš, jedenastý článek“), трактующая о „svatých obcování“ (S. s. I, 26 и слѣд.). Просматривая текстъ Гуса, мы

не нашли приводимыхъ Хельчицкимъ словъ въ буквально тожественномъ видѣ: у Гуса есть только мысль тѣхъ словъ, на который ссылается Хельчицкій. Имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ тѣми же возможностями, что и въ первомъ приведенномъ нами случаѣ, или Хельчицкій не цитируетъ здѣсь Гуса буквально (здѣсь текстъ „Реплики“ не совсѣмъ ясенъ)—рѣшить трудно...

V.

Теперь разсмотримъ вопросъ о томъ, въ какихъ пунктахъ расходился Хельчицкій съ Гусомъ, расходился сознательно, указывая на это самъ.

Въ полемикѣ съ Рокицаной („Replika“, L. F., 1898, 391) Хельчицкій такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ чешскимъ учителямъ: „Я признаю ихъ, по скольку они своимъ знаніемъ утверждаютъ меня въ вѣрѣ Закона Божія; не пороча ихъ добродѣяній, сказавшихся въ ревностной ихъ проповѣди во имя Божіе и въ другихъ добрыхъ дѣлахъ, я все-таки скажу, что и они пили вино великой блудницы, которымъ она опоила всѣ народы и всѣхъ людей, блуждавшихъ потомъ отъ ея отравъ“.

Этотъ приговоръ въ устахъ Хельчицкаго относится прежде и болѣе всего къ Я. Гусу. Хельчицкій упоминаетъ тѣ „соблазны, которые оставилъ послѣ себя въ своихъ сочиненіяхъ, къ совращенію людей отъ заповѣдей Божіихъ, м. Янъ Гусъ“—„особенно же объ убійствахъ, о присягахъ, о образахъ и о другихъ предметахъ“.

Пункты ученія Гуса, „особенно“ отмѣченные Хельчицкимъ, развиты Гусомъ въ его „Výklad desatera bozieho přikázanie“: объ убійствахъ Гусъ говоритъ въ объясненіи заповѣди „не убій“, въ гл. XLV—L „Vykladu“ (S. s. I, 156—190); о присягѣ—при объясненіи заповѣди: „не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“, въ гл. XXXVIII—„Slušé—li přisahati?“ (S. s. I, 97—110); объ образахъ—при объясненіи 1-й заповѣди, въ гл. XXXIV—XXXV (S. s. I, 69—82).

1) Расходясь съ Гусомъ въ отмѣченныхъ пунктахъ ученія, Хельчицкій въ частности подробно останавливается на первомъ пунктѣ—„объ убійствахъ“: онъ приводитъ—часто буквально—слова Гуса и критикуетъ ихъ.

Хельчицкій приводитъ именно слѣдующія слова самого Гуса. „Опасно убійство людей по законамъ человѣческимъ, законъ Божій такого убійства не указываетъ. Ибо только самъ Богъ можетъ сотворить душу и соединить ее съ тѣломъ, а изъ-за грѣха отдѣлить её отъ тѣла. Поэтому убійца людей неправильно присваиваетъ себѣ отомщеніе и опредѣленіе смертоносной вины, что подобаетъ только самому Богу. Поэтому всѣ заповѣди второй скрижали указываютъ,

какъ мы должны любить ближняго, указываютъ, что нѣтъ ничего столь противнаго этой любви, какъ убійство ближняго. (L. F., 1898, 392). Эти слова взяты Хельчицкимъ изъ самаго начала XLV-й гл. „Výkladu“ Гуса, гдѣ они стоятъ, впрочемъ, не въ такомъ порядкѣ: „Všechna přikázanie druhé dskv ukazují, kterak máme blížnieho milovati; a že nic nenie tak protivné tomu milování, jakožto blížnieho *zabitie bez viny* (характерно, что у Хельчицкаго стоитъ просто „zabitie“, безъ прибавки „bez viny“)... Protož zabíjenie lidí vedlé nálezkóv lidských (у Хельчицкаго: „zakonow lidskych“) jest velmě nebezpečné a nejisté („nejisté“ отсутствуетъ у Х-го).... (пропускъ 11 строкъ)... a zákon boží tak zabiti neukazuje... (пропускъ 2 строкъ)... neb jedné Bóh móž duši stvořiti, a sám ji zpósobiti a s tělem spojiti („a sam gi zpuosobiti s tielem“ у Хельчицкаго), a pro hřiech od těla odlúčiti. Protož mordéř neb zabiječ člověčí („morderz czlowieczí“ у Х—го) chápá sě pomsty a známe viny k smrti, jenž na Boha zvláště („genz toliko na sameho Boha“ у Х—го) slušie“ (S. s. I, 156—157).

Хельчицкій одобряетъ эти слова Гуса: „Если-бы Гусъ остановился на этомъ и не объяснялъ заповѣди иначе, то какое благое дѣло оставилъ бы онъ по себѣ!“ Къ сожалѣнію Хельчицкаго, Гусъ „принявъ заповѣдь „не убій“, такъ ломалъ её туда и сюда, что наконецъ при ея помощи установилъ міръ въ крови“. Въ чемъ же дѣло? Гусъ, по словамъ Хельчицкаго, всѣ свои добрыя рѣчи „разорилъ, допуская убійство по чину, изъ любви, ради вѣры, правды, присоединяя сюда еще 16 членовъ любви!“ (L. F, 1898, 392). Дѣйствительно, мы видимъ, что въ главѣ XLVI-й „Výkladu“ Гусъ разрѣшаетъ христіанамъ войну „pro obranu viery a pravdy“ (S. s. I, 160): „Тому, кто хочетъ право воевать, говоритъ Гусъ, слѣдуетъ имѣть въ себѣ всѣ эти (перечисленные выше, числомъ—16) виды, или частности любви и только потомъ, пребывая уже въ любви, воевать за вѣру и справедливость, какъ сказано выше“ (S. s. I, 164).

Однако Хельчицкій не могъ ограничится этой язвительной ироніей по отношенію къ Гусу, столь высоко имъ цѣнимому и за возвышенный нравственный характеръ и за многіе пункты его проповѣди и сочиненій. Хельчицкій серьезно задумался надъ противорѣчіемъ ученій „этого человѣка, который установивъ столь вѣрный смыслъ заповѣди „не убій“, снова идетъ противъ этого смысла,—какъ бы наставивъ себѣ на грудь мечъ—и идя на него.“ (L. F., 1898, 392). Поражалъ Хельчицкаго и трагическій смыслъ ученія Гуса примѣнительно къ судьбѣ его самого: допуская убійство за вѣру, Гусъ самъ былъ сожженъ въ интересахъ вѣры... „Я понимаю, замѣчаетъ Хельчицкій, что Гусъ, готовясь

къ мученичеству, не выдумалъ бы самъ отъ себя оправданія войны!..“ И Хельчицкій нашелъ разъясненіе противорѣчія въ Гусѣ: Гусъ не одобрялъ бы убійства, „если-бы не былъ наученъ тому докторами!“ Самъ Гусъ далъ Хельчицкому возможность найти такое разрѣшеніе: вѣдь, Гусъ заявляя: „я допускаю, что св. церковь имѣетъ два меча“, ссылается при этомъ на слова бл. Августина: „Gesstie pan byl kazal, aby uczedlnicy geho zelezo nesli. Takez cierkew swata ustawicznie ma dwa mecze-duchowni a tielesny“ (L. F., 1898, 392).

Любопытно, что указаніе на слова бл. Августина, повліявшаго на Гусса, сдѣлано Хельчицкимъ такъ, что вина Августина, отягчается, а вина Гуса—смягчается: текстъ, приводимый самимъ Гусомъ изъ Августина, нѣсколько полнѣе, имѣя оговорки, ослабляющіе представленіе объ Августинѣ, какъ о безусловномъ и откровенномъ защитникѣ „матеріальнаго меча“. Вотъ проводимыя самимъ Гусомъ слова Августина: „Die s. Augustin řka: Jistě pán byl jest kázal, aby železo nesli jeho učedlnici, *ale ne přikázal, aby bili*; též čierkev svatá, jenž jest zbor z panstva, z žakovstva a z těžaróv ustavený, má dva meče, dokavad zde rytěři proti d'ablu, tělu a světu: duchovní, jenž jest slovo božie, a druhý tělestný... Prvý ten kněžím přislušie... tělestný meč ten panstvu přislušie“... и т. д. (S. s. I, 175—176).

Отъ „наученія докторовъ“ зависитъ, по мнѣнію Хельчицкаго (L. F., 1898, 392), и то, что Гусъ видѣлъ обоснованіе военнаго сословія въ христіанскомъ обществѣ въ бесѣдѣ І. Крестителя съ воинами, Лук., 3 (S. s. I, 165).

Хельчицкій указываетъ двоякаго рода вредныя послѣдствія отъ ученія Гуса объ убійствѣ. Съ одной стороны, „нѣкоторые люди такъ соблазнены писаніямя Гуса, что ненавидятъ ихъ, какъ языческія“ (L. F., 1898, 392); съ другой стороны, „многіе столь утверждены въ убійствахъ, что не вняли-бы и ангелу, если-бы онъ училъ иначе, чѣмъ Гусъ“ (ibid.), „установившій весь народъ въ крови, какъ это явно и сильно доказываетъ дѣйствительность“, т. е. гуситскія войны (L. F., 1898, 393).

Но вина Гуса ослабляется въ глазахъ Хельчицкаго тѣмъ, что онъ „былъ опоенъ виномъ великой блудницы, матери блуда и мерзости земныхъ, которая установила весь міръ въ крови и опилась кровью святыхъ и мучениковъ Іисусовыхъ“. Гусъ „не сталъ-бы пить такого яду, если бы блудница подала его изъ своихъ собственныхъ рукъ; но она имѣетъ виночерпіевъ, своихъ и апостоловъ докторовъ!“...

Переводя эти слова на современный нашъ языкъ, мы выразимъ взглядъ Хельчицкаго такъ: Гусъ въ вопросѣ объ убійствѣ

и войнѣ не освободился отъ духа и воззрѣній воспитавшей его римско-католической церкви,—этой, по мнѣнію Хельчицкаго, апокалипсической блудницы, тѣла Антихристова...

Ревностный, но очень самостоятельный ученикъ далъ и другое удовлетвореніе памяти своего учителя, какъ разъ въ спорномъ вопросѣ объ убійствѣ и войнѣ.

Собственныя воззрѣнія Хельчицкаго по данному вопросу были не что иное, какъ послѣдовательное проведеніе той части воззрѣній учителя Гуса, которую одобрилъ ученикъ—Хельчицкій. Эти воззрѣнія высказаны были Хельчицкимъ впервые въ спеціальномъ трактатѣ „О духовномъ боѣ", представляющемъ толкованіе словъ ап. Павла въ посл. къ Ефесянамъ, гл. VI, ст. 10—20 (см. Cod. D. 82 Святовитской Капитульной библіотеки. ff. 337—414). Это первое литературное произведеніе Хельчицкаго (не позднѣе 1421 года), между прочимъ, обязано своимъ происхожденіемъ знакомству Хельчицкаго съ XLVIII гл. „Vykladu" Гуса: оно, по существу, не что иное, какъ развитіе мыслей Гуса, высказанныхъ имъ въ толкованіи того же отрывка изъ посланія къ Ефесянамъ (S. s., I, 177—179)...

Намъ остается еще немного сказать о разногласіи Хельчицкаго съ Гусомъ по двумъ пунктамъ, въ которыхъ Гусъ, по мнѣнію его ученика, не освободился отъ вліянія „ядовитаго вина великой блудницы"—о присягахъ и объ образахъ.

2) Хельчицкій ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій не приводитъ цитатъ изъ Гуса по вопросу о присягѣ и не занимается разборомъ ихъ. Но несомнѣнно, что Хельчицкій имѣлъ въ виду рядъ разсужденій Гуса, допускающихъ присягу и формулированныхъ Гусомъ въ такомъ, напримѣръ, видѣ: „Когда ставится вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли присягать, то должно допустить присягу. Если спросятъ, хорошо или худо присягать, то мы отвѣтимъ, что иногда—хорошо, иногда же—худо: худо—по привычкѣ, по легкомыслію, безъ нужды, ложно; но слѣдуетъ присягать для подтвержденія невинности, къ утвержденію мира" и т. д. (S. s. I, 98). Что касается Хельчицкаго, то онъ вообще не обсуждаетъ спеціально вопроса о присягѣ. Мы имѣемъ у него лишь отрицаніе присяги, при томъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. „Люди, говоритъ онъ, добываютъ себѣ матеріальныя блага посредствомъ боевъ, колотя другъ друга и мстя одни другимъ, убивая другъ друга, понося другъ друга и ссорясь въ судахъ, учиняя неправильныя свидѣтельства, показанія, *принося присягу* (Sít'víry, 96). Въ другомъ мѣстѣ Хельчицкій жалуется: „Ужъ я оставлю то, сколько въ судахъ дается лживыхъ свидѣтельскихъ показаній: такъ какъ нынѣ люди обосновали свои суды

на такихъ показаніяхъ, на дарахъ и дружбѣ, *на присягахъ*, то они не послушаютъ моего совѣта судить по правдѣ". (Com. II, 130) (см. еще Com. II, 52 и O tr. lidu, 32).

3) То же самое наблюдаемъ мы и въ вопросѣ о почитаніи образовъ (иконъ), раздѣлившемъ Гуса и Хельчицкаго. Послѣдній, укоряя Гуса, имѣетъ, очевидно, въ виду разсужденія его въ „Výklad desatera": „Но кто-нибудь—скажетъ: къ чему образа? Я отвѣчу: къ тому, чтобы простецы учились по нимъ, вспоминали Бога и святыхъ" (S. s. I, 70); или: „нельзя отвергать образа и запрещать имѣть ихъ или утверждать, будто Богъ н-можетъ совершать при ихъ посредствѣ чудесъ"... (ibid. 72). Хельчицкій не приводитъ нигдѣ выдержекъ изъ „Vykladu" Гуса и вообще не обсуждаетъ почитанія образовъ. Но Хельчицкій несомнѣнно относился отрицательно къ этому почитанію; у него мы находимъ, напримѣръ, такія слова: „Молитвы нѣкоторыхъ людей неправильны потому, что люди обращаютъ ихъ къ предметамъ сотвореннымъ, возлагая на нихъ свои надежды въ такихъ дѣлахъ, съ которыми должны были-бы обращаться къ Творцу. *Поэтому-то люди и молятся образамъ, что полагаютъ, будто они творятъ чудеса, и будто въ нихъ заключается божественная сила къ излѣченію людей или къ другимъ ихъ нуждамъ*". (Postilla, изд. др. Сметанки, I, 415). Можетъ быть, въ этихъ словахъ—и имъ подобныхъ, къ слову сказать, очень рѣдко встрѣчающихся у Хельчицкаго — и заключается извѣстнаго рода неясно высказанная полемика противъ Гуса...

VI.

Заканчивая свое изслѣдованіе объ отношеніяхъ Хельчицкаго къ Гусу, мы позволимъ себѣ высказать свое общее впечатлѣніе отъ изученія этихъ отношеній. Хельчицкій преклонялся передъ высокой нравственной личностью Гуса и принималъ нѣкоторыя ученія его; но это не помѣшало ему видѣть и слабыя стороны Гуса, какъ мыслителя, въ общемъ стоявшаго на почвѣ римско-католической средневѣковой доктрины. Въ этомъ случаѣ Хельчицкій оказался выше своего вѣка и среды. Въ XV и даже въ XVI вв. въ гуситскихъ кругахъ не позволялось критиковать „чешскаго мученика". Въ 1429 году, по поводу распри виклефиста и гусита англичанина Пэна и маг. Я. Пшибрама изъ-за правовѣрія Виклефа, составлено было оффиціальное распоряженіе, чтобы „никоторый изъ противниковъ не смѣлъ объявлять еретикомъ и вообще какимъ бы то ни было образомъ порочить святой памяти м. Яна Гуса или его сочиненія—ни въ цѣломъ,

ни въ частяхъ, а чтобы оба считали ихъ правовѣрными (pro catholicis) [1]).

Въ сущности говоря, распоряженіе предупреждало лишь возможность „опороченія“ памяти Гуса, притомъ, такъ сказать, косвеннаго: запрещалась „indiscreta maculatio librorum Wikleffi“, ибо, при такой „maculatio“, „legitima et non impugnabilis haberetur bonae memoriae magistri Joannis Hus in Constantia ad mortem sententiatio“ [2]). Проходитъ сто лѣтъ—и мы видимъ другую крайность. Въ началѣ XVI вѣка чехи гуситы оффиціально обращались къ своимъ соплеменникамъ — католикамъ съ такимъ компромиссомъ въ воззрѣніи на Гуса: пусть католики перестанутъ утверждать, что Гусъ—въ аду; тогда они, гуситы, не станутъ настаивать на томъ, что онъ—въ раю...

Воззрѣнія Хельчицкаго на Гуса, свидѣтельствуя своимъ духомъ о большомъ критическомъ и самостоятельномъ умѣ Хельчицкаго, заслуживаютъ вниманія и по своему содержанію. Новая историческая наука въ своихъ воззрѣніяхъ на Гуса, какъ человѣка и мыслителя, въ общемъ и главномъ сходится съ Хельчицкимъ.

---

[1]) Höfler, II, Chron. taboritorum. 595.
[2]) ibid. 594.

Дубровницкій Статутъ 1272 г.

Т. Д. Флоринскаго.

I. Общія замѣчанія.

Исторія Дубровника, этого удивительнаго полуславянскаго, полуиталіанскаго крошечнаго государства, игравшаго въ теченіе многихъ вѣковъ видную политическую и культурную роль на Адріатическомъ морѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, уже давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ разныхъ странъ. Въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ она уже и раскрыта, главнѣйше благодаря почтеннымъ трудамъ славянскихъ историковъ: В. Богишича, К. Иречка, Гелчича С., Любича, А. Майкова, В. Макушева, П. Матковича, М. Пуцича, К. Войновича И. Ягича, Павича и др. [1]) Но разъясненіе многочисленныхъ частностей и подробностей разнообразной, богатой событіями исторической жизни Дубровника еще впереди. Оно стало возможнымъ лишь недавно, съ той поры, какъ началось систематическое изданіе сохранившихся въ огромномъ количествѣ историческихъ и литературныхъ памятниковъ знаменитой республики. Дѣло это постоянно развивается и подвигается впередъ, но до окончанія его еще далеко. Главная заслуга въ дѣятельномъ раскрытіи сокровищъ дубровницкой старины принадлежитъ Югославянской Академіи въ Загребѣ, которая уже издала: акты венеціанскаго архива, относящіеся къ исторіи Дубровника, пять томовъ актовъ дубровницкаго государственнаго архива, статуты братствъ и торговыхъ корпорацій Дубровника, статуты подвластнаго Дубровику острова Ластова, хроники Анонима, Николы Раньины и І. Растича, и

[1]) Обзоръ трудовъ по исторіи Дубровника см., между прочимъ, въ одной изъ новѣйшихъ работъ ак. К. Иречка—Die Bedeutung von Raguza in Handelsgeschichte des Mittelalters. Wien. 1899.

произведенія всѣхъ дубровницкихъ поэтовъ [1]). Благодаря заботамъ той же Югославянской Академіи и на ея средства недавно вышло въ свѣтъ первое изданіе Дубровницкаго Статута 1272 г., такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся въ ученомъ мірѣ. Теперь дѣлается доступнымъ для всесторонняго изученія драгоцѣннѣйшій памятникъ дубровницкой исторіи, древнѣйшій сводъ законовъ Дубровника, доселѣ извѣстный въ печати лишь въ немногихъ отрывкахъ [2]).

Удивительна судьба этого памятника. Тогда какъ статуты другихъ менѣе значительныхъ далматинскихъ городовъ были издаваемы уже въ старыя времена и недавно вновь критически переизданы Югославянской академіей, статутъ Дубровника, замѣчательнѣйшаго между далматинскими городами-общинами, ни разу не былъ изданъ за все время существованія республики и только теперь, позже всѣхъ другихъ далматинскихъ статутовъ, становится достояніемъ науки. Зато въ настоящее время изданіе этого памятника выполнено образцово, благодаря трудамъ двухъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ южнославянскаго права и дубровницкой исторіи, академиковъ В. Богишича и К. Иречка. Оно не только воспроизводитъ критически возстанавливаемый текстъ Статута 1272 г. вмѣстѣ съ дополненіями послѣдующихъ временъ, но и содержитъ рядъ важныхъ замѣчаній и указаній, служащихъ къ уясненію исторіи памятника или къ облегченію пониманія его смысла и значенія [3]).

---

[1]) См. изданія Югославянской Академіи: I, Monumenta spectantia historiam Slavorum meriodinalium, vol. I—V, IX, XII. XVII, XXI, XXII; X, XIII, XXVII, XXVIII, XXIX (Monumenta Ragusina); XIV (Annales Ragusini Anonymi, item Nicolai Ragnina), XXV Chronica Ragusina I. Resti et L. Gundulae); 2, Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium VII, VIII, IX, 3, Stari pisci hrvatski.

[2]) Полное заглавіе этого изданія: Liber statutorum civitatis Ragusii, compositus anno 1272. Cum legibus aetate posteriore insertis atqe cum summariis, agnotationibus et scholiis a veteribus juris consultis ragusinis additis, nunc primum in lucem protulerunt praefatione et apperatu eritico instruxerunt, indi es adjecerunt. *V. Bogišic et C. Jireček.* Sumptibus Academiae scientiarum et artium Slavorum meridionalium. Zagrabiae. 1904 8[1] LXIX. 466. (Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium Vol. IX). Отрывки изъ Статута 1272 г. помѣщены въ изданіяхъ: *Медо Пуцић*, Споменици Српски II Београд 1862; *В. Макушевъ*, Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (Спб. 1867); *An. degl'ivello*, Saggio d'uno studio storicocritico sulla colonia (Ragusa 1873); Gelcich Instituzioni maritime e sanitarie della Republica di Ragusa. (Trieste 1882); *Bogišić*, Le statut de Raguse (Paris. 1899) въ Nouvelle Revue historique. 1893.

[3]) Содержаніе академическаго изданія Статута 1272 г. таково. Предисловіе (Prolegomena—60 стр.) представляетъ обстоятельное введеніе въ изученіе Статута. Здѣсь сообщены свѣдѣнія о памятникахъ дубровницкаго права и ихъ изученіи; сжато выяснена исторія Статута 1272 г. и позднѣйшихъ къ нему дополненій и измѣненій въ его текстѣ; охарактеризовано содержаніе Статута и намѣчены его источники; описаны и оцѣнены всѣ существующія редакціи Статута и важнѣйшія рукописи памятника; наконецъ, разъясненъ планъ изданія. За предисловіемъ слѣдуютъ тексты 8 памятниковъ дубровницкаго права относящихся къ порѣ, предшествовавшей составленію Статута 1272 г. Затѣмъ идетъ основной текстъ Статута. Послѣднюю часть книги составляютъ приложенія. Сюда помѣщены разныя позднѣйшія прибавки къ основному тексту Статута, какъ-то: заглавія, оглавленія, указатели, примѣчанія, внесенныя какъ

Задача настоящей статьи сообщить важнѣйшія данныя о Статутѣ 1272 г. и остановиться нѣсколько подробнѣе на одномъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи этого памятника, съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему введенію его въ кругъ наблюденій русскихъ славяновѣдовъ и историковъ славянскаго права.

Статутъ или Liber statutorum 1272 г. не единственный сборникъ дубровницкихъ законовъ. Кромѣ него сохранился цѣлый рядъ другихъ сборниковъ, большею частью извѣстныхъ въ печати лишь въ отрывкахъ; таковы: Liber Reformationum, Liber Viridis (законы съ 1358 по 1460), Liber Croceus (законы съ 1460 по 1806 г.), Liber statutorum doane 1277 г., Capitolare delle dogana grande, Libri de consilii et reformationibus и др. Но Liber statutorum 1272 г. имѣетъ по сравненію со всѣми остальными преимущественную важность, потому что, во 1-хъ, содержитъ древнѣйшіе законы дубровницкой республики и, во 2-хъ, представляетъ первый и единственный систематическій кодексъ дубровницкаго права. Эти двѣ черты вполнѣ опредѣляютъ высокое значеніе Статута 1272 г., какъ одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ права и какъ историческаго источника.

Изъ самаго заглавія Статута [1]) видно, что онъ составленъ въ 1272 г. Первичная редакція памятника, однако, не сохранилась ни въ одномъ спискѣ. Статутъ извѣстенъ намъ лишь въ послѣдующихъ редакціяхъ, въ которыхъ первоначальный текстъ подвергся разнымъ измѣненіямъ и къ законамъ 1272 г. прибавлены позднѣйшіе законы, изданные въ концѣ XIII в. въ XIV, XV вв. и позже. Такимъ образомъ, Статутъ 1272 г. имѣетъ свою длинную исторію. Издатели установили пять редакій памятника. Первая редакція (A), содержавшая только законы, собранные и изданные въ 1272 г. не извѣстна; вторая (B), представляющая текстъ Статута съ добавленіями отъ 1272 по 1358 г. [2]), сохранилось только въ одной пергаментной рукописи XIV в. (библіотеки дубровницкаго суда); третья (C), содержащая текстъ Статута, исправленный въ 1358 г. и распространенный дополненіями отъ 1358 по 1408 г., также дошла всего въ одной пергаментной рукописи XV в. (1430—1437 библіотеки дубровницкаго суда); четвертая редакція (Д) XV—XVI в., представляю-

---

другими дубровницкими юристами, такъ особенно Фр. Гундуличемъ. Здѣсь-же находится составленный издателями новый болѣе подробный указатель къ памятнику.

[1]) Liber sratutorum civitatis Ragusii compositus ucr egregium virum d. Marcum Justinianum de Venecuis, honorabilem comitem Ragusii, anno domini millesimo ducentesimo septuagesimo secundo, indicione quinta decima mense maii; confirmatus per populum Ragusinum more solito congregatum, die dominico, vigesimo nono ejusdem mensis.

[2]) Годъ прекращенія зависимости Дубровника отъ Венеціи.

щая кое въ чемъ возвращеніе къ тексту рецензіи B—не оффиціальнаго происхожденія (лучшій (пергаментный) списокъ В. Богишича XVI в.); пятая редакція (E), снабженная подробнымъ оглавленіемъ, указателемъ и измѣненіями дубровницкаго юриста XVI в. Франца Гундулича († 1589), также, повидимому, не имѣла оффиціальнаго значенія. При изданіи Статута приняты во вниманіе всѣ эти редакціи, но издатели позаботились о томъ, чтобы древнѣйшій текстъ могъ быть легко отличенъ отъ прибавокъ позднѣйшихъ временъ, чтобы части Статута, принадлежащія законодателю были отдѣлены отъ того, что привнесено юристами—толкователями, и чтобы юридическій матеріалъ былъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ. Задача эта въ академическомъ изданіи выполнена безукоризненно. Въ основаніе изданія Статута положенъ древнѣйшій списокъ редакціи B, параллельно которому приведены тексты редакціи C, если они представляютъ отличное отъ первой редакціи изложеніе отдѣльныхъ статей. Изъ остальныхъ редакцій подведены варіанты по лучшимъ спискамъ. Разныя позднѣйшія прибавки, какъ-то: заглавія, указатели, примѣчанія и проч. помѣщены отдѣльно въ приложеніяхъ. При такомъ способѣ изданія, древнѣйшая основа Статута выступаетъ болѣе или менѣе отчетливо. Болѣе точное опредѣленіе состава первичной редакціи облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе законы, внесенные послѣ 1272 г. имѣютъ точную дату.

Liber Statutorum civitatis Ragusii одинъ изъ любопытнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ юго-западнаго славянства. Его содержаніе весьма разнообразно; оно охватываетъ съ значительной полнотой разнородные отдѣлы права и отчетливо рисуетъ юридическій бытъ старыхъ дубровничанъ. Статутъ раздѣленъ на 8 книгъ. Въ первой книгѣ идетъ рѣчь о должностныхъ лицахъ республики, ихъ правахъ и обязанностяхъ; здѣсь же находятся постановленія о правахъ церкви, архіепископа, духовенства и монаховъ. Во второй книгѣ содержатся „sacramenta“, формулы присяги всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ князя (comes) и кончая низшими чиновниками, а также формула клятвы народа въ вѣрности князю и венеціанскому дожу. Въ третьей книгѣ изложены законы о внутреннемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ и о порядкѣ разбирательства тяжебныхъ дѣлъ съ сосѣдними землями и народами (stanicum—станакъ). Въ четвертой книгѣ собраны законы, относящіеся къ семьѣ и дому, о родительской власти и отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, о раздѣлѣ и наслѣдованіи имуществъ, о бракѣ и приданомъ. Въ пятой книгѣ говорится о недвижимой собственности въ городѣ и деревнѣ, объ отношеніяхъ владѣльцевъ земли къ крестьянамъ, о продажѣ недвижимости за долги

и т. п. Въ шестой книгѣ содержится уголовное право; здѣсь же говорится о рабахъ, пиратахъ, контрабандѣ. Въ седьмой книгѣ изложено морское право. Восьмая глава, самая обширная, содержитъ самые разнородные законы, какъ бы въ дополненіе къ законамъ, изложеннымъ во всѣхъ другихъ книгахъ.

Составители основной, древнѣйшей части Статута 1272 г., повидимому, не заботились о полнотѣ юридическихъ нормъ вырабатываемаго ими кодекса, которыя предусматривали бы всевозможные казусы права, а лишь ставили своей задачей собрать въ одинъ сборникъ всѣ примѣнявшіеся въ жизни законы до 1272 г., которые размѣщены ими въ извѣстной системѣ, въ извѣстномъ порядкѣ. При распредѣленіи матеріала не видно подражанія ни Институціямъ, ни Пандектамъ, а принята своя особая система. Нумерація главъ и раздѣленіе ихъ на параграфы сдѣланы были значительно позже, когда древнѣйшій текстъ Статута былъ распространенъ болѣе новыми законоположеніями.

Вопросъ объ источникахъ Статута не изъ легкихъ, но онъ всетаки, хотя и въ общихъ чертахъ, разрѣшенъ издателями памятника. По ихъ мнѣнію, заимствованія изъ римскаго Юстиніанова права въ Статутѣ незначительны. Нельзя установить и непосредственныхъ заимствованій изъ каноническаго права. Не особенно сильно выражено въ Статутѣ и вліяніе венеціанскаго законодательства, несмотря на то, что въ 1358 г. Дубровникъ находился подъ верховной властью Венеціанской республики, такъ что и его comites назначались венеціанскимъ дожемъ. Это вліяніе наиболѣе замѣтно въ уголовномъ и морскомъ правѣ. Тѣмъ не менѣе, многія постановленія изъ области морского права взяты изъ византійскаго νόμος ναυτικός, составленнаго въ VIII в. Главнымъ источникомъ Статута всетаки слѣдуетъ признать дубровницкое же обычное право, что подтверждается многочисленными ссылками на antiquam consuetudinem въ самомъ Статутѣ [1]).

2. Славянскіе элементы въ Дубровницкомъ Статутѣ 1272 г.

Важнѣйшимъ источникомъ Дубровницкаго статута 1272 г. были старые обычаи; но какіе? Такъ какъ въ Дубровникѣ сталкивались два этнографическихъ элемента: старый—романскій и болѣе новый, славянскій, то возникаетъ вопросъ, что́ въ этихъ обычаяхъ должно относить на долю славянской стихіи и что́— на долю мѣстной романо-дубровницкой. Вопросъ этотъ не затронутъ въ введеніи къ изданію Статута, а между тѣмъ онъ пред-

[1]) Напр. L. IV. 4, 6, 9, 44; L. V. II. L. VIII 34, 58, 59 и др.

ставляется однимъ изъ существенныхъ и наиболѣе важныхъ въ ряду многихъ другихъ, вызываемыхъ изученіемъ памятника.

Насъ здѣсь пока занимаетъ одна сторона этого большого вопроса: можно ли изъ Статута извлечь несомнѣнные элементы славянскаго права и, если можно, то какіе именно?

Для правильнаго рѣшенія этого вопроса прежде всего необходимо уяснить себѣ, насколько сильна была славянская народность въ Дубровникѣ въ эпоху составленія Статута 1272 г. и дополненій къ нему, внесенныхъ въ концѣ XIII и XIV вв. и позднѣе. То обстоятельство, что Статутъ 1272 г. и дополненія къ нему явились на латинскомъ языкѣ и никогда не были переведены на славянскій языкъ, само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ ничтожности славянскаго населенія въ Дубровникѣ. Извѣстно, что латинскій языкъ въ теченіе многихъ столѣтій былъ языкомъ государственнымъ и общественнымъ въ областяхъ съ кореннымъ славянскимъ населеніемъ (напр. въ Чехіи и Польшѣ) и что въ самомъ Дубровникѣ онъ удерживалъ за собой привиллегированное значеніе языка государственнаго и научнаго въ ту пору, когда славянская стихія въ республикѣ несомнѣнно взяла перевѣсъ надъ романской, т. е. въ XV—XVI столѣтіяхъ. Необходимо обратиться къ историческимъ фактамъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно очень ранняго появленія славянъ-сербовъ въ Дубровникѣ и на принадлежащей ему территоріи. По свидѣтельству дубровницкихъ лѣтописцевъ, первые славянскіе колонисты въ Дубровникѣ являются уже въ концѣ VII и половинѣ VIII вѣка. Около 690 г. требинскій банъ Павлиміръ, возвращаясь изъ Рима на родину, щедро одарилъ дубровничанъ за ихъ гостепріимство, увеличилъ и укрѣпилъ ихъ городъ, въ которомъ поселяются многіе изъ его спутниковъ на правахъ гражданства. Немного позже, около 717 г., по случаю междоусобій, возникшихъ въ Боснѣ по смерти Павлиміра, его сторонники поселяются въ Дубровникѣ [1]). Въ послѣдующіе вѣка число такихъ выходцевъ въ Дубровникѣ постоянно увеличивалось. Недовольные властели изъ сосѣднихъ сербскихъ государствъ уходили въ свободолюбивую Дубровницкую республику и, поселяясь въ ней, домогались правъ дубровницкаго гражданства. Одновременно съ приливомъ въ городъ новыхъ славянскихъ поселенцевъ Дубровникъ съ XI вѣка увеличивалъ свою территорію на счетъ областей, занятыхъ славянами; такъ, въ 1050 г. Степанъ Крешиміровичъ, король Хорватіи и Далмаціи, даритъ дубровничанамъ Жупу (Breno), Гружъ (Gravoza), Рѣку (Ombla) и Затонъ (Malfi); въ 1080 г. далматскій король

[1]) *В. Макушевъ.* Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867. 2—3.

Сильвестръ подарилъ имъ острова: Колочепъ (Calomota), Лопудъ (Mezzo) и Шипань (Guipana); въ 1100 г. король Бодинъ по духовному завѣщанію отказалъ Лакромскому монастырю долину Шуметъ (Gionchetto), въ 1151 г. пріобрѣтенъ островъ Млѣтъ (Meleda) и въ 1164 г. мѣстность Бѣло въ Жупѣ; въ 1310 г. жители острова Ластова (Lagosta) добровольно подчинились Дубровнику; въ 1333 г. дубровничане купили отъ бана боснійскаго Пелешацъ и Стонъ (Sabioncello и Stagno); въ 1347 г. Стефанъ Котроманичъ даритъ дубровничанамъ острова Александрію и Посредницу въ Неретвинскомъ заливѣ, а въ 1839 г. Остоя Христичъ Приморье; въ 1410 г. Дубровникъ пріобрѣтаетъ (впрочемъ, на короткое время) острова Корчулу (Curzola), Хваръ (Lesina) и Брачь (Brazza); въ 1419 г. дубровничане покупаютъ восточное Конавле у Сандала Хранича, а въ 1424 г. западное Конавле у Радослава Павловича. Расширенная такимъ образомъ территорія Дубровницкой республики имѣла до 150 миль въ длину и до 15 въ ширину [1]). Такимъ образомъ уже въ XIV вѣкѣ масса населенія въ предѣлахъ Дубровницкаго государства была славянская. Только въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ преобладало еще населеніе грекороманскаго происхожденія: то были или основатели Дубровника—Епидавритяне и Салонитане, или позднѣйшіе колонисты: греки и итальянцы съ начала XII вѣка, а также (съ XV в.) и испанцы. Но и среди городского населенія постоянно увеличивался славянскій элементъ. Этому способствовало не только постоянное появленіе выходцевъ и переселенцевъ изъ Босны, Захолмья и Сербскаго королевства, но и оживленіе и развитіе торговыхъ сношеній Дубровника съ славянскими землями Балканскаго полуострова, а также брачные союзы дубровничанъ съ сербскими властельскими родами сосѣднихъ земель. Весьма цѣнныя данныя, заимствованныя изъ архивнаго матеріала, сообщаетъ акад. К. Иречекъ въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ трудовъ [2]). Въ одной грамотѣ императора Византійскаго Василія II (976—1025) упоминается 35 дубровницкихъ личныхъ именъ; изъ нихъ только 2 славянскихъ. Въ грамотѣ 1044 г. изъ 52 дубровницкихъ именъ только 8 славянскихъ. Въ договорѣ Дубровника съ княземъ Холмскимъ Мирославомъ 1190 г. названо по именамъ 60 свидѣтелей-дубровничанъ; изъ нихъ у 13 славянскія имена или фамиліи. Еще позже въ договорѣ Дубровника съ царемъ болгарскимъ Михаиломъ Асѣнемъ 1253 г. на 101 имя свидѣтелей славянскія личныя имена соста-

[1]) Тамъ же, 3—4.

[2]) Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Wien. 1901, I. 93—98. (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe Bd. XLVIII).

вляютъ 8%, а славянскія фамиліи 28%. Въ концѣ XII столѣтія въ Дубровникѣ уже встрѣчаются должностныя лица со славянскими именами: въ 1199 г. comes Dobrosclavus, въ 1190—1199 г. судья Dersimirus, въ 1236 г. аббатъ монастыря въ Лакромѣ Dessa. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія слѣдующій фактъ: изъ упоминаемыхъ въ грамотахъ за 100 лѣтъ (1200—1300) именъ женъ и дочерей гражданъ Дубровника 129 несомнѣнно славянскія. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ XIII вѣкѣ съ развитіемъ торговли, мореплаванія, промышленности дубровничанъ, а также съ распространеніемъ территоріи самого Дубровника и въ городѣ постепенно увеличивался классъ новыхъ гражданъ—cives de populo; это были купцы, ремесленники, матросы, рыбаки—большею частью славянскаго происхожденія. Такимъ образомъ уже въ XIII столѣтіи, а тѣмъ болѣе въ XIV вѣкѣ славянскій элементъ былъ довольно численъ не только на территоріи Дубровницкой республики вообще, но и въ самомъ городѣ. Быть можетъ, правильно было бы пріурочить именно къ концу XIV в. и началу XV в. окончательную славянизацію Дубровника, какъ это допускалъ проф. В. В. Макушевъ.

Въ виду этихъ данныхъ естественно предположить, что дѣйствовавшее въ Дубровникѣ старое обычное греко-римское право должно было воспринять въ себя въ извѣстной степени и славянскую стихію, что въ свою очередь не могло не отразиться и на содержаніи Статута и на представленныхъ въ немъ правовыхъ нормахъ. При всемъ томъ относительно силы славянскаго вліянія на дубровницкое законодательство можно сомнѣваться. Дубровничане, повидимому, очень дорожили своими римскими традиціями и обычаями и неохотно воспринимали славянскій элементъ. Объ этомъ можно судить на основаніи ревниваго отношенія дубровничанъ, потомковъ старыхъ гражданъ романскаго происхожденія, къ новымъ гражданамъ, выселенцамъ изъ славянъ, которые не пользовались одинаковыми съ ними правами, а также на основаніи систематическаго отстаиванія привиллегированнаго положенія въ Дубровникѣ латинскаго и итальянскаго языковъ противъ славянскаго даже въ ту пору, когда славянское населеніе въ государствѣ взяло перевѣсъ надъ романскимъ [1]). Къ этому присоединяется

[1]) Въ 1472 г. состоялось постановленіе сената, запрещавшее употребленіе „lingua sclava" во время преній въ засѣданіяхъ Большого и Малаго Вѣча. Въ роли языка государственнаго и общественнаго допускались только lingua vetus Ragusea aut latina vulgaris. Историческія и научныя сочиненія писались и издавались въ Дубровникѣ только на латинскомъ и итальянскомъ языкѣ. См. *Макушевъ* о. с. 5, *C. Jireček* 1. c. 100. Любопытно и постановленіе статута 1272 г., запрещающее дубровничанину быть защитникомъ славянина или славянки (т. е. серба или сербки) передъ дубровницкимъ судомъ или на „станкѣ" (см. ниже). L. VI. 63. Statuimus quod nullus Raguseus pro aliquo Sclavo vel Sclava,

еще слѣдующее соображеніе. Дубровничане оставляли славянамъ вновь присоединенныхъ къ государству областей ихъ мѣстное самоуправленіе съ подчиненіемъ ихъ центральной власти романскаго происхожденія и издавали для отдѣльныхъ областей мѣстные законники, въ которые также входило не мало чужихъ романскихъ элементовъ. Такъ извѣстны законники или статуты Млѣта, Ластова и Стона. При такомъ положеніи дѣла общее законодательство Дубровника, представляемое Статутомъ 1272 г., могло и не подвергаться существеннымъ и рѣзкимъ измѣненіямъ согласно духу большинства народонаселенія— славянъ.

Дѣйствительно, Статутъ 1272 г., даже при болѣе близкомъ ознакомленіи съ нимъ, не производитъ впечатлѣнія памятника съ рѣзко обозначенными чертами славянскаго права. Въ этомъ отношеніи его нельзя и сравнивать, напримѣръ, съ такими памятниками южно-славянскаго законодательства, какъ Законъ Винодолскій и Статутъ Полицкій [1]). Славянскіе элементы въ Дубровницкомъ Статутѣ, несомнѣнно, присутствуютъ, но едва-ли въ значительномъ количествѣ. Они выступаютъ лишь, какъ извѣстное наслоеніе на правовыхъ нормахъ иного происхожденія и притомъ захватываютъ не всѣ стороны этики и не всѣ области права; иногда они не болѣе—какъ параллели къ инороднымъ нормамъ, занимающимъ въ Статутѣ господствующее мѣсто. Выясненіе славянской стихіи въ Статутѣ 1272 г. во всей ея полнотѣ довольно трудная и большая задача, рѣшенію которой должно предшествовать сопоставленіе Дубровницкаго Статута съ Венеціанскимъ Статутомъ и сборникомъ греко-римскаго права съ одной стороны и съ сборниками южно-славянскаго писаннаго и обычнаго права съ другой. Здѣсь я ограничусь лишь нѣсколькими наиболѣе безспорными указаніями и фактами.

Болѣе всего замѣтно присутствіе славянской стихіи въ законоположеніяхъ Дубровницкаго Статута по семейственному праву, т. е. въ той области права, которая легче всего могла быть усвоена дубровничанами-романцами вслѣдствіе этническаго сліянія ихъ со славянами. Весьма цѣнныя указанія въ этомъ отношеніи уже были сдѣланы акад. В. Богишичемъ въ прекрасной его работѣ: „Glavnije crte obiteljskoga pisanoga prava u starom Dubrovniku“ [2]), явившейся въ свѣтъ еще за-долго до изданія Дубровницкаго Статута. Знаменитый славянскій юристъ разъяснилъ здѣсь, что форма

tum in Ragusio ante d. comitem et coram magna et parva curia, quam eciam in stanico, audeat advocare...

[1]) Hrvatski pisani zakoni. U Zagrebu 1890. (Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium. P. I. V. IV.

[2]) Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. U Zagrebu. 1868. Knj. V.

*

семьи въ Дубровникѣ въ общемъ была сходна съ формами городской семьи въ западной Европѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляла такія своеобразныя черты, которыя отличали ее отъ западно-европейской семьи. Именно, въ дубровницкой семьѣ стремленіе ея членовъ къ личной индивидуальности не достигло такой крайности, какъ на Западѣ. Главной идеей семьи осталось сознаніе ея цѣлостности, для поддержанія которой каждая отдѣльная личность жертвуетъ кое-что изъ своего я. Въ дубровницкой семьѣ чувствуется особый духъ общей солидарности и взаимнаго содружества между членами ея, духъ, который заставляетъ ихъ заботиться другъ о другѣ, помогать другъ другу, взаимно наблюдать за дѣлами и поступками каждаго представителя семьи, такъ какъ хорошее и дурное, почетъ и стыдъ, все, что отдѣльный членъ семьи навлекаетъ на себя, касается не только его одного, но и всей семьи и рода, къ которому онъ принадлежитъ. Такой характеръ дубровницкой семьи, по мнѣнію акад. В. Богишича, сложился подъ вліяніемъ славянъ. Дѣйствительно, въ законоположеніяхъ Статута, относящихся къ семейственному праву, ясно видно воздѣйствіе славянскихъ началъ. Прежде всего особенно важно, что Статутъ признавалъ существованіе задруги, этого характернаго института южныхъ славянъ, особенно сербовъ. При этомъ любопытно, что задруга понимается въ широкомъ смыслѣ слова; въ составъ ея входятъ не только женатые братья, но и болѣе отдаленные родичи. Такъ, въ кн. IV читаемъ: Si fratres patrem vel matrem non habentes simul steterint, et aliqui illorum legittime etatis fuerint, et unus ex eis uxorem cum perchivio acceperit et ipsum in compagniam aliorum fratrum posuerit, volumus, quod perchivium illud sit solvum [1]) (52). Si unus aut plures ex fratribus simul habitantibus perchivium quod ex uxoribus suis receperint in communitate aliorum fratrum posuerint, ordinamus quod omnes expensas uxorum suarum et heredum et nutricum heredum faciant de tota comunitate [2]) (53). Mater potestatem habeat donandi omnibus filiis et filiabus suis equaliter et non aliis de comunitate archam cum rebus intus habitis ad suam voluntatem [3]) (57).

Власть отца въ семьѣ, по Статуту, достаточно велика, но не въ такой степени, какъ это видимъ въ римскомъ законодательствѣ. Отецъ въ дубровницкой семьѣ отнюдь не былъ деспотомъ, какимъ является римскій pater familias. Законъ, правда, предоставляетъ отцу право еще при жизни раздѣлить имущество,

---

[1]) Liber Statutorum civitatis Ragusii p. 100. Perchivium, въ старомъ сербскомъ яз. прикия, въ соврем. прћиjа—изъ греч. προίξ, новогр. προίκα, προίκιον.
[2]) Ibid. 101.
[3]) Ibid. 102.

хотя бы противъ воли сыновей, и послѣ раздѣла удерживать за собой недвижимую собственность [1]); но этотъ же законъ признавалъ за сыновьями неотъемлемое право на полученіе своихъ долей изъ семейнаго имущества и предоставлялъ отцу право оставлять на поминъ души не болѣе одной четверти своего имущества [2]). Затѣмъ, отецъ не имѣлъ права по своему усмотрѣнію дѣлить общее имѣніе, предоставляя одному изъ сыновей больше, другому меньше, а равнымъ образомъ дарить что-либо безъ согласія сыновей: 58-я ст. кн. IV категорически говоритъ: Pater sine voluntate filiorum suorum aliquid donare non possit [3]). Отецъ не имѣлъ права препятствовать совершеннолѣтнему сыну жениться по его желанію и не могъ достигшую совершеннолѣтія дочь насильственно отдавать въ монастырь или, напротивъ, мѣшать ей, въ случаѣ ея желанія, уйти въ монастырь [4]). Сыновья противъ воли отца не имѣютъ права оставить семью; иначе отецъ не обязанъ былъ имъ ничего давать; но и отецъ не могъ неженатыхъ сыновей удалить изъ дому, если они ни въ чемъ не провинились [5]). Въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ подобнаго же рода нельзя не видѣть смягченія основного римскаго закона о неограниченной власти отца. Объясняется это смягченіе естественнѣе всего вліяніемъ славянскаго обычнаго права.

Вполнѣ согласно со славянскими обычаями и противно духу римскаго права Статутъ 1272 г. признаетъ за матерью такую же власть въ семьѣ, какъ за отцомъ, въ случаѣ смерти послѣдняго: Equiparantes, quoad filios, matrem patri, statuimus, quod illam potestatem, quam habet pater supra filios in vita sua, eandem habeat mater post mortem viri sui, possidendo lectum ipsius... Et illud quod filii tenentur facere patri in vita sua, teneantur et matri, possidenti lectum et bono mariti [6]).

Въ близкой связи съ семейственнымъ правомъ стоитъ наслѣдственное право. И въ этой области права въ Статутѣ 1272 г. довольно замѣтно славянское вліяніе. Основной принципъ наслѣдованія—славянскій, не согласный съ духомъ римскаго права: преимущественное право на полученіе наслѣдства имѣютъ мужчины, а женщины наслѣдуютъ только тогда, когда нѣтъ наслѣдниковъ мужского пола. Обыкновенно женщины получаютъ только приданое. Принципъ этотъ послѣдовательно проведенъ во многихъ

[1]) Lib. Stat. IV. c. 16. p. 89.
[2]) Lib. Stat. IV. c. 17. p. 89.
[3]) Lib. Stat. p. 102. Нѣкоторыя незначительныя отступленія отъ этого закона оговорены въ особыхъ постановленіяхъ.
[4]) Lib. Stat. IV c. 12, c. 61. p. 87, 103.
[5]) Lib. Stat. IV c. 9, 44, p. 87, 98.
[6]) Lib. Stat. IV. c. 20. p. 90.

постановленіяхъ по наслѣдственному праву [1]). Онъ несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи со старымъ задружнымъ началомъ, съ принципами нераздѣльности семьи. Съ перваго взгляда можно усмотрѣть въ проведеніи этого принципа крайне несправедливое отношеніе закона къ женщинѣ. Но это только кажущаяся несправедливость. Женщина—будь она дѣвица, замужняя или вдова—не была оставлена въ безпомощномъ положеніи. Статутъ 1272 г. содержитъ не мало законовъ, обязывающихъ не только отца, но и братьевъ заботиться о выдачѣ замужъ дочерей и сестеръ, а также оказывать имъ помощь и поддержку въ трудныхъ обстоятельствахъ [2]). И въ этихъ законахъ отражается въ извѣстной степени указанный выше взглядъ дубровничанъ на цѣлостность семьи, заимствованный ими изъ славянскаго обычнаго права.

Гораздо меньше замѣтно славянское вліяніе въ другихъ отдѣлахъ гражданскаго права—въ вещномъ правѣ и обязательствахъ, а равно въ правѣ государственномъ, уголовномъ и процессѣ. Едва ли не правильно будетъ признать здѣсь преобладаніе началъ и нормъ, ведущихъ происхожденіе отъ римскаго и византійскаго права. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ законоположеніяхъ Статута 1272 г., относящихся ко всѣмъ этимъ областямъ права, могутъ быть открыты извѣстные слѣды вліянія славянскихъ правовыхъ нормъ. Я ограничусь здѣсь указаніемъ лишь на два института, славянское происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Они и въ латинскомъ статутѣ сохранили свои славянскія названія. Это—„станак" (stanicum) и „вражда" (vrasda).

„Станак"—есть особый видъ собранія, созываемаго обыкновенно въ пограничной мѣстности для разслѣдованія и улаженія несогласій и ссоръ, происшедшихъ между двумя племенами, двумя общинами, двумя землями, или для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между отдѣльными представителями такихъ двухъ политическихъ единицъ. По Дубровницкому Статуту stanicum—по-сербски станак—видъ международнаго суда для разбора гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ Дубровницкой республики или отдѣльныхъ ея гражданъ съ сосѣдними далматскими общинами и славянскими (сербскими) государями или съ ихъ подданными. Въ третьей книгѣ Статута 1272 г. находится цѣлый рядъ законовъ, трактующихъ о станкѣ. Изъ нихъ мы видимъ, что относительно дѣйствія такого международнаго суда Дубровникъ находился въ соглашеніи съ далматинскими общинами—Задромъ, Шибеникомъ, Трогиромъ, Омишемъ, Сплѣтомъ, Хваромъ, съ городами верхней Далмаціи и съ сербскими землями—Захолмьемъ, Босной, Зетой

[1]) Lib. stat. IV. c. 26, 27, 37, 38, 65; VI. 1. pp. 92, 96, 97, 104, 125.
[2]) Lib. stat. L. IV. c. 10, 13, 27, 34, 48, 50.

и Сербскимъ королевствомъ [1]), Соглашеніе это въ отдѣльныхъ случаяхъ, по отношенію къ разнымъ общинамъ и областямъ, представляло свои особенности. Но въ общемъ различались три вида „станка“: 1) большой или полный „станак“ (plenarium stanicum) созывавшійся для рѣшенія спорныхъ государственныхъ вопросовъ между двумя землями; на немъ могли разбираться и процессы частныхъ лицъ; 2) малый или особый „станак“ (stanicum parvum vel proprium), назначенный для разсмотрѣнія частныхъ тяжебныхъ дѣлъ; и 3) общинный „станак“ (commune stanicum vel parlamentum), служившій главнымъ образомъ для разбора дѣлъ, касающихся государства и, какъ исключеніе, для разсмотрѣнія тяжбъ частныхъ лицъ только съ общинами нижней Далмаціи. „Большой и общинный станки“ созывались правительствами, „малые станки“ собирали сами спорящія стороны. На первыхъ присутствовали представители правительствъ каждой стороны, а иногда сами государи и глава дубровницкой республики—comes. На вторые являлись сами тяжущіеся или ихъ уполномоченные и адвокаты. Свидѣтели обязательно присутствовали на всѣхъ „станкахъ“. Судьи были избираемы каждой стороной въ равномъ количествѣ, но число судей не было опредѣлено. Изъ другихъ источниковъ (Libri Reformationum), а не изъ Статута, мы знаемъ, что иногда ихъ было два, иногда четыре [2]). Судьи присягали надъ Св. Евангеліемъ въ томъ, что они будутъ разбирать дѣло безпристрастно и по старому обычаю: Et debent eligere tot judices ex una parte quot ex alia, qui debent jurare ad evangelium Dei judicare omnes questiones et placita que ibi fient, bona fide sine fraude, secundum antiquam consuetudinem [3]).

Славянское происхожденіе этого судебнаго учрежденія явствуетъ уже изъ самаго его чисто славянскаго названія, которое удержано и въ латинскомъ текстѣ Статута 1272 г., въ общемъ весьма небогатомъ славянскими словами [4]), сохранено старыми сербскими памятниками [5]), и до сихъ поръ живетъ въ сербскомъ языкѣ. Производить ли „станак“ отъ возвратнаго

---

[1]) Lib. stat. III. cc. 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57.

[2]) Monumenta Ragusina. Zagrabiae. T. I (1879) p. 64. T. II (1882) 245.

[3]) Lib. stat. III. c. 51. Подробнѣе о „станкѣ“ см. въ изслѣдованіяхъ: 1) ак. В. Богишича, Станак по дубровачкоме законику од 1272 год. (Гласник српског ученог друштва. У Београду 1877. кн. XLIV); тоже по-нѣмецки въ Archiv für Slavische Philologie. V. II. 1877: 2) dr. K. Vojnovića, Sudbeno ustrojstvo republike dubrovačke. (Rad Jugoslavenske Akademije. U Zagrebu. 1891 kn. CV).

[4]) Славянскихъ словъ въ Статутѣ не много, не больше, чѣмъ греческихъ. Вотъ, кажется, всѣ главныя: meja, babica, lidinia, vrazda, stanicum; греческія: entega (ἐνθήκη), aptagi (εκταγματικα), pivati (επιβάται), parospodia, perchivium, naulum, yperperum.

[5]) Miklosich. Monumenta Serbica, 7; Даничић, Рјечник из књижевних старина српских. III, 163.

глагола „стати се“ (встрѣтиться) или отъ средняго „стати“ (стать, остановиться, состояться), смыслъ его этимологически вполнѣ понятенъ. Слово это обозначаетъ собраніе извѣстныхъ лицъ съ опредѣленною цѣлью, въ данномъ случаѣ—собраніе для разбора международныхъ споровъ и тяжебъ частныхъ лицъ, подданныхъ различныхъ государствъ. Да и не только слово „станак“, но и обозначаемый имъ судебный институтъ существовалъ еще сравнительно недавно у нѣкоторыхъ сербскихъ племенъ, которыя особенно крѣпко держались патріархальнаго быта и старыхъ обычаевъ. По сообщенію В. Богишича [1]), у черногорцевъ до временъ князя Даніила были въ употребленіи „станки“ для разрѣшенія ссоръ и тяжебъ какъ между отдѣльными племенами, такъ и между болѣе значительными братствами одного племени. У нѣкоторыхъ же племенъ верхней Герцеговины и у всѣхъ арнаутовъ „станак“, по утвержденію того же ученаго, сохранялъ значеніе международнаго судилища еще въ самое послѣднее время (1876 г.). На славянскій характеръ дубровницкаго „станка“ указываетъ присутствіе въ данной формѣ суда одной важной черты, которая такъ ярко представлена уже въ старомъ славянскомъ писанномъ правѣ: избранные для участія въ „станкѣ“ судьи должны были присягать надъ св. Евангеліемъ. Въ судебномъ устройствѣ Дубровника, не знавшемъ строгаго раздѣленія власти судебной отъ административной, не было мѣста для суда присяжныхъ. „Станак“ въ этомъ отношеніи представлялъ исключеніе,

Словомъ „вражда“ въ старомъ славянскомъ писанномъ правѣ обозначалось и убійство, и денежное взысканіе за убійство въ пользу близкихъ родственниковъ убитаго. Въ послѣднемъ значеніи это слово до сихъ поръ употребляется сербами, живущими въ окрестностяхъ Боки Которской. Въ Черногоріи и сѣверной Далмаціи вмѣсто него крв, крвнина, или крварина (pretium sanguinis) [2]). Въ Дубровникѣ каждое убійство наказывалось смертною казнью. Въ Статутѣ 1272 г. говорится: Quicunque fecerit homicidium, nisi se defendendo quod plene possit probari, morietur [3]). Но въ случаѣ убійства дубровничанина славяниномъ, т. е. сербомъ изъ сосѣднихъ государствъ и областей или на-оборотъ, въ случаѣ убійства серба дубровничаниномъ наказаніе ограничивалось по словянскому обычаю денежнымъ взысканіемъ—враждой.

Весьма важныя свѣдѣнія объ этомъ правовомъ обычаѣ содержитъ Статутъ 1272 г. [4]). Относящійся сюда законъ помѣченъ

[1]) См. вышеуказанную работу. Гласник XLIV 224—228.
[2]) V. Bogišić. Le Statut de Raguse въ Nouvelle Revue historique de droit français et etranger. 1893 p. 554.
[3]) Lib. stat. VI. c. 1. p. 124.
[4]) Lib. stat. VIII. c. 58. p. 201—202.

29 сентября 1308 года. Здѣсь вражда или пеня за убійство опредѣлена въ 500 перперовъ, а самый обычай названъ древнимъ. Относительно примѣненія его въ жизни Дубровникъ издавна находился въ соглашеніи съ сосѣдними сербскими властителями и въ частности съ сербскимъ королемъ.

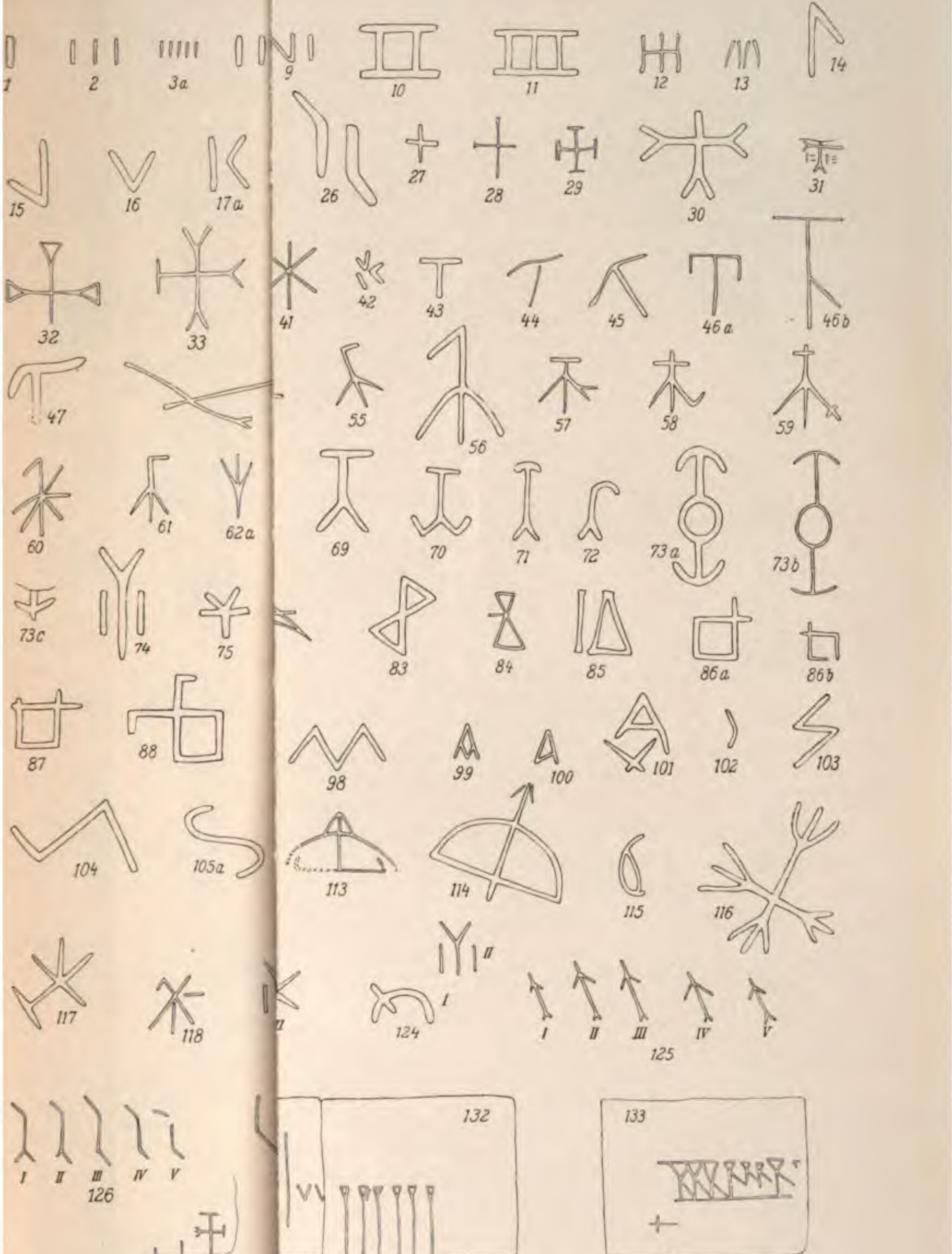
Въ началѣ XIV в., въ правленіе князя (comes) Белеція Фалетро (1305—1307 гг.), дубровницкимъ правительствомъ сдѣлана была попытка измѣнить это соглашеніе въ духѣ венеціанскаго законодательства, назначавшаго за убійство смертную казнь, на что послѣдовало согласіе венеціанскаго дожа вопреки протесту дубровничанъ. Однако новый comes Андрей Дауро (1307—1309), уступая желаніямъ народа, просилъ венеціанскаго дожа, чтобы позволено было сохранить старый обычай вражды (quod—dicta antiqua consuetudo vrasde servaretur). Дожъ поставилъ то или иное рѣшеніе дѣла въ зависимость отъ согласія сербскаго государя Уроша Милутина, котораго надлежало просить, чтобы онъ принялъ обычай, угодный Богу, людямъ и всему міру (Deo et hominibus et toti mundo amabilis), т. е. чтобы согласился наказывать за смерть смертью. Снаряжено было посольство къ сербскому королю, который однако отвергнулъ шедшее изъ Венеціи предложеніе. Милутинъ отвѣтилъ посламъ, что онъ предоставляетъ Дубровнику поступать по своему желанію съ дубровничанами, совершающими убійства, а что онъ, король, не желаетъ проливать кровь своихъ сербовъ и потому, будетъ держаться стараго обычая вражди (Quibus auditis dictus d. rex respondit, quod in hoc nullo modo assentiret et quod nolebat spargere sanguinem suorum, sed volebat servare et tenere antiquam consuetudinem vrasde predecessorum suorum et suam, et quod aliud non faceret aliquo modo, quia hoc eciam firmaverat per sacramentum). Такимъ образомъ былъ вновь подтвержденъ старый законъ о враждѣ, въ силу котораго дубровничанинъ, убившій славянина (aliquem de Sclavonia) обязанъ былъ уплатить пеню въ 500 перперовъ; если же онъ былъ не въ состояніи выплатить эту сумму, то подвергался изгнанію изъ предѣловъ государства, пока не выплатитъ полностью всю вражду.

Изложенная выше вкратцѣ исторія внесенія въ Дубровницкій Статутъ закона о враждѣ прекрасно раскрываетъ пути, какими проникало славянское право въ нормы дубровницкаго законодательства. Отсюда же видно, что эпоха, въ которую вырабатывался Дубровницкій Статутъ—эпоха политической зависимости Дубровника отъ Венеціанской республики, не благопріятствовала широкому усвоенію дубровницкимъ законодательствомъ славянской стихіи. Венеція черезъ поставляемыхъ ею князей или comites Ду-

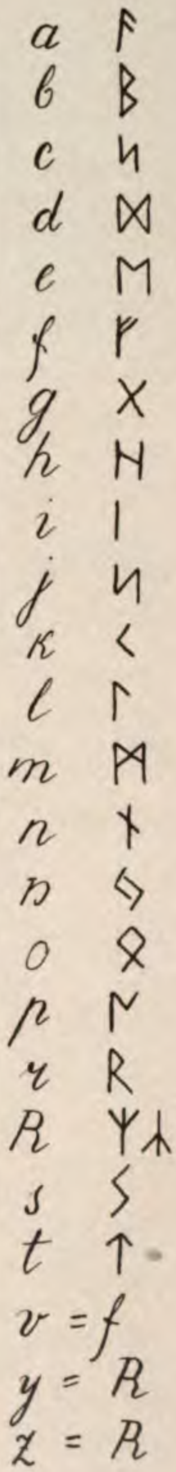
бровника заботилась о распространеніи въ немъ своихъ законовъ и обычаевъ, покровительствовала римской традиціи и посягала даже на укоренившіеся старые славянскіе правовые обычаи. Въ данномъ случаѣ побѣда осталась за славянскимъ обычаемъ. Но, конечно, не всегда такъ бывало. Любопытно, что дубровницкое населеніе стояло за славянскую старину. Позже, съ прекращеніемъ зависимости отъ Венеціи (съ 1358 г.) создаются болѣе благопріятныя условія для защиты славянскихъ началъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ древнюю редакцію Статута вносятся болѣе или менѣе существенныя измѣненія.

Кіевъ.

11 ноября 1904 г.


децим.

8
9
10
11
12
19
20
21
22
28
29
30
31
32
40
41
42
43
52
53
54
55
63
64
65
66
72
73
74
75
76
82
83
84
91
92
93
94


a
b
c
d
e
f
g
h
i
j
k
l
m
n
n
o
p
r
R
s
t
v = f
y = R
z = R

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Посвященіе	III
Предисловіе (Къ юбиляру)	V—IX
Хронологическій перечень трудовъ В. И. Ламанскаго. *П. Драганова*	XI—LVIII
Оглавленіе статей со спискомъ авторовъ	LIX—LXI
Періодизаціи славянскаго права. *Ѳ. Ѳ. Зигеля*.	1— 20
Къ характеристикѣ Фр. Лад. Ригра. *А. С. Будиловича* . .	21— 34
О двойныхъ формахъ и объ ограниченномъ числѣ. *Р. Ѳ. Брандта*	35— 44
Карпатская Русь наканунѣ XX вѣка. *И. П. Филевича* . .	45— 63
Изъ славянской церковной хроники 1902 г. *Г. А. Воскресенскаго*	64— 68
Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. *К. Я. Грота* . . .	69—140
Мануальникъ Вячеслава Коранды, какъ источникъ для характеристики религіозно-реформаторскихъ идей чешскаго утраквизма второй половины XV вѣка. *И. С. Пальмова*	141—180
Этимологическія замѣтки: 1) Къ исторіи сношеній Славянъ и Литвы съ иранскими племенами. 2) Свобода. *А. Л. Погодина*	181—184
Матеріалы для исторіи Угорской Руси. „Старая вѣра и унія въ XVII—XVIII вв.“. *А. Л. Петрова*	185—257
Черты изъ церковной жизни Западной Руси XVI в. по 3 письмамъ минорита о. Іоанна Комаровскаго *Е. Ф. Тураева-Церетели*	258—281
О Спасо-Прилуцкомъ Прологѣ Спб. Дух. Академіи. *Д. И. Абрамовича*	282—287
Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ *Н. В. Шлякова* . . .	289—296
Забытая статья Ф. Миклошича. *П. Д. Драганова* . . .	297—303
Замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ фонетики Рудаланскаго нарѣчія. *К. Ѳ. Радченко*	304—306
Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербскомъ языкѣ *Г. А. Ильинскаго*	307—313
По вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи. *Е. Ѳ. Карскаго*	314—320

	стр.
О древнѣйшихъ знакахъ письма. *Ѳ. И. Успенскаго* . . .	321—332
Письма В. А. Жуковскаго къ канцлеру Фридриху фонъ-Миллеру. *Е. В. Пѣтухова*	336—343
Повѣсть о старцѣ, просившемъ руки царской дочери. *Н. Н. Дурново*.	344—347
Къ исторіи каѳедры славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ Королевскомъ Александровскомъ Университетѣ. *В. А. Францева*	348—360
Арабскій синаксарь о болгарскомъ походѣ Императора Никифора I. *А. А. Васильева*	361—365
Къ вопросу о старинѣ и новизнѣ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. *Ѳ. М. Истомина*	363—371
Западно-русскіе переводы хроникъ Бѣльскаго и Стрыковскаго. (Библіографическая замѣтка). *С. Л. Пташицкаго.*	372—384
Характеристика средневѣковой нѣмецкой колонизаціи на югѣ Чехіи. *А. Н. Ясинскаго*	385—394
Фениксъ въ апокрифахъ объ Энохѣ и Барухѣ. *М. И. Соколова*.	395—405
Почаевскій Сборникъ Кіевской Духовной Академіи Молдаво-болгарской редакціи XVI в. со стороны своего языка. *А. М. Лукьяненко*	406—467
Хельчицкій и Гусъ. *Н. В. Ястребова*	498—490
Дубровницкій статутъ 1272 г. *Т. Д. Флоринскаго*	491—506

ПРИЛОЖЕНІЕ

Библіографическіе перечни ученыхъ и учено-литературныхъ трудовъ учениковъ В. И. Ламанскаго и ихъ учениковъ *).

Ѳ. Ѳ. Зигель.

Самостоятельные труды:

1. Законникъ Стефана Душана, Вып. 1, Спб. 1872.
2. Очеркъ чешскаго процесса въ верховномъ земскомъ судѣ. „Юридич. Вѣстникъ“, 1880. № 7.
3. Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ. „Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности“. Спб. 83.
4. Общественное значеніе дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія. „Меѳодіевскій юбилейный сборникъ“. Варш. 1885.
5. „Исторія права“, 5 статей, „Юрид. Вѣстн.“ 1884. № 8 и № 10, 1886. №№ 4, 5, 6 и 7.
6. Юридическое образованіе въ сѣверо-американскихъ штатахъ. „Сборникъ Правовѣдѣнія“. Т. VI. М. 1896.
7. Lectures on slavonic Law being the Ilchester Lectures for the year 1900. London. Henry Froude. 1902.
8. „Славянское право“ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. 1900.
9. Періодизація славянскаго права, „Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, сост. учениками В. И. Ламанскаго по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности“. Спб. 1905.

Критическія статьи:

1. Dzieje Polski w zarysie przez M. Bobrzyńskiego. W. 1879. (1-е изд.). „Критич. Обозрѣніе“. 1879. № 18 и 19.
2. Lib. terrae cernensis. W. 1879. „Крит. Обозр.“ 1880. № 5.

---

*) Перечни эти составлены авторами не по одному плану, а потому они далеко не соразмѣрны: въ однихъ библіографія трудовъ является болѣе или менѣе полною, въ другихъ перечисляются лишь наиболѣе важныя и крупныя или только строго-ученыя работы. *Ред.*

3. Общій имущественный законникъ для черногорскаго княжества д-ра Богишича. „Юрид. Вѣстн.“ 1888. № 9.
4. Преподаваніе исторія права въ Германіи, Англіи, Франціи и Австріи. „Юрид. Вѣстн.“ 1888. № 11.
5. Древнѣйшее право семитскихъ и арійскихъ народовъ „(Dareste. Études d'histoire du droit. Paris. 1889). „Юрид. Вѣстн.“ 1889. № 2.
6. Очеркъ ученой дѣятельности Мэна. „Варш. Унив. Изв.“ 1890. № 2.
7. Рецензія по порученіюАкадеміи Наукъ на: Памятникѣ законодательной дѣятельности Душана. Т. Флоринскаго. Кіевъ. 1888. Ред. 1890 г.
8. „Публичныя лекціи М. М. Ковалевскаго въ Штокгольмѣ“. „Варшав. Дневн.“ 1890. №№ 131, 132 и 134.
9. „Объ ученой дѣятельности Р. М. Губе“. Ж. М. Н. П. Іюль. 1891 г.
10. „Соціологія и панславизмъ“. „Славян. Обозр.“ 1892. т. II, кн. 5 и 6.
11. „Наука права въ древней Греціи“. Ж. М. Н. П. Май. 1893.
12. „Колеггіи и университеты въ Америкѣ“. Ж. М. Н. П. Декабрь 1894 г.
13. „Russia by W. R. Morfill. London. 1891“. Ж. М. Н. П. Декабрь. 1895.
14. „W. R. Morfill. The story of Poland. 1893“. Ж. М. Н. П. № 5. 1896.
15. Международное общество для сравнительнаго правовѣдѣнія и науки о народномъ хозяйствѣ. Ж. М. Н. П. № 7. 1896 г.
16. Sociology appliet to politics. стр. 1 –37. Annals of the American Academy of political and social science. March, 1898
17. По порученію чеш. Академіи Наукъ. Palacký jakožto historik slovanského prava. p. 498—517 въ Památnik na oslavu stých narozenin Františka Palackého. V Praze. 1898. Тоже въ Ж. М. Н. П. 1898. № 7.
18. „Критическія замѣтки“ (La justice administrative en France par Rodolphe Dareste и L'année sociologique publiée sous la direction de E. Durkheim). Ж. М. Н. П. 1899. № 2.
19. Критическія французскія статьи въ L'année sociologique. т. III 1898—1899). 1900.
20. Разборъ сочиненія Дж. Брайса: Studies in History and Jurisprudence. 2 т. Osford. 1901. „Журн. Мин. Юстиціи.“ Іюнь. 1903.
21. Разборъ книги Роб. Дареста. Nouvelles études d'histoire du droit. Paris. 1902 и его статьи о Законникѣ Гаммураби въ Journal des Savants. Oct. et Nov. 1902. „Журн. Министерства Юстиціи“. Октябрь. 1903 г.
22. Разборъ: Études de droit commun législatif ou de droit civil comparé par Éd. Lambert. Paris. 1903 въ „Вѣстникѣ права“. Октябрь. 1904.

Замѣтки, рѣчи и т. п.

1. Современное значеніе исторіи права, рѣчь, произнесенная на актѣ Варшавскаго Университета 30-го авг. 1882 г.
2. Некрологъ Мацѣевскаго. „Юрид. Вѣстн.“ 1883 г. апрѣль. № 4.
3. „Akta grodzkie i ziemskie“, т. XI. 1886. „Варш. Дневн.“ 1886. № 140.
4. „Kwartalnik historyczny“. 1887. „Варш. Дневн.“ 1888. № 32.
5. „A. Pawiński. Dzieje ziemi Kujawskej oraz akta historyczne do nich służące. Warsz. 1888“. „Варш. Дневн.“ 1888. № 111.
6. Etudes sur l'histoire du droit. Traduit de l'anglais avec l'autorisation de l'auteur. Paris. 1889. „Юрид. Вѣст.“ Апрѣль. 1889. № 4.
7. Ordo judicii terrae, чешскій юридическій памятникъ, изданный Ф. Зигелемъ для своихъ спеціалистовъ. Варш. 1901.

А. С. Будиловичъ.

1. Каменецкая вежа (съ рисункомъ). Изъ письма къ проф. И. И. Срезневскому, отъ 2 авг. 1864 года. Въ книгѣ И. И. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ". I—XL. Спб. 1867, стр. 5—10.
2. Характеръ, цѣли и результаты Славянскаго съѣзда. I—IV. „Голосъ", 1867, №№ 161, 163, 165, 166.
3. Къ пріѣзду нашихъ славянскихъ гостей. I — III. „Голосъ". 1867, №№ 121, 123, 131.
4. Славянская библіографія за 1868 годъ (рецензіи на книги: Дѣдицкаго, Сасинека, Месича, Любича, Богишича, Кукулевича-Сакцинскаго, Бильбасова, Ami Boué и др.) Журн. М. Н. Пр. 1869 г. Ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 416—436 и оттиски.
5. М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности. Журн. М. Н. Пр. 1869, ч. 144, августъ, II, 272—333 и ч. 145, сентябрь, 48—106. То же отд. книгою. Спб. 1869. Предисловіе и оглавленіе, I—VII. Предварительныя замѣчанія (1 — 18) А. Ученая дѣятельность Ломоносова по естествознанію 18 — 62 Б. О филологическихъ трудахъ Ломоносова (62—120). Приложенія (1—72, здѣсь впервые напечатанныя).
6. Славянскія матицы и ученыя дружества (библіограф. статья). „Журн. М. Н. Пр." 1869, ч 141, февраль, отд. II, стр. 459—475 и оттиски.
7. Пангерманизмъ и панславизмъ. „Биржевыя Вѣдомости". 1870. № 360.
8. Вліяніе прусско-французской войны на правительства и народности Австро-Венгерской имперіи. „Голосъ", 1870 г., № 299.
9. Сербія и сербы въ періодъ возрожденія. Критическая статья на книгу Нила Попова: „Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г." I и II. М. 1869. „Заря". 1870. I—VII: августъ, 98—156 и октябрь, 143—206.
10. Не былъ ли православнымъ человѣкомъ Іеронимъ Пражскій († 30 мая 1416). „Христіанское Чтеніе". 1870, ч. I, № 4, 684—708 и оттискъ, 1—25,
11. Славянское обозрѣніе (положеніе западныхъ славянъ). „Голосъ" 1870, № 320; 1871. №№ 12 и 41.
12. О современномъ положеніи словаковъ. „Первыя 14 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотвор. Общества". Спб. 1883, стр. 66—67.
13. Славянская библіографія. Журн. М. Н. Пр. 1871, ч. 157-я, октябрь, отд. II, стр. 352—378.
14. Въ книгѣ: „Поэзія Славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Н. В. Гербеля" (Спб. 1871), очерки: „Сербо-Хорватская литература" (223—232). „Хорутанская литература" (312—314), „Словацкая литература" (385 — 388). „Польская литература" (398—410). „Лужицкая литература" (529—530). Статьи о Сербо-Хорватской и Польской литературахъ перепечатаны въ изданіи: „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. благотв. общества". Спб. 1883, стр. 133—143)
15. Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова, „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ". Т. VIII, № 1. Преди-

словіе I—VII+1—316, указатель личный и предметный, 1 — 10, Спб. 1872. Тоже отд. книгою. Спб. 1871. 1—VII+1—316.

16. Изслѣдованіе языка древнеслав. перевода XIII словъ Григорія Богослова, по рукописи Имп. Академіи Наукъ XI вѣка. Спб. 1871.
17. Чехія и Чехи, въ книгѣ: Чехія и Моравія (съ чешскаго). Съ картою Спб. 1871. I—VI+1—180.
18. Нѣсколько замѣчаній о польскомъ вопросѣ, съ точки зрѣнія всеславянства. „Бесѣда". 1871, VI, 146—164.
19. Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи по поводу соч. проф. Е. Голубинскаго: „Краткій очеркъ исторіи церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской". М. 1872). Журн. М. Н. Пр. 1872, ч. 159, январь, отд. II, стр. 107—134.
20. Рецензія на трудъ Н. Некрасова: „Краледворская рукопись, въ двухъ транскрипціяхъ текста, съ предисловіемъ, словарями, примѣчаніями, приложеніями". Спб. 1872. Журн. М. Н. Пр. 1872, ч. 160, апрѣль, II. 295—301.
21. Мечта ли панславизмъ? „Бесѣда". 1872, январь, 195—215, и оттискъ, 1—21.
22. Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная (Извлеченіе изъ отчета по ученой командировкѣ заграницу). Журн. М. Н. Пр. 1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, 132—174.
23. О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ (Рѣчь, произн. въ Спб. Отдѣлѣ Славян. Благ. Комитета 3 ноября 1874). „Славянскій Сборникъ" 1875, т. I, стр. 585—604. Перепечатано въ книгѣ: „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Славян. Благ. Общества". Спб. 1883, стр. 273—282.
24. XIII словъ Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ, по рукописи Имп. Публичной Библіотеки XI вѣка. Съ литограф. снимками. Критико-палеографическій трудъ. Спб. 1875. XIV+285. Изданіе Имп. Академіи Наукъ.
25. Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи за послѣдніе годы. „Славянскій Сборникъ". 1875. Т. I, 205—317 и отд. оттискъ 1—113.
26. Статистическія таблицы распредѣленія славянъ: а) по государствамъ и народностямъ и б) по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ (нарѣчіямъ), съ объяснительною запискою. Спб. 1875, стр. 1—23. Перепечатано: въ кн.: „Славянскій Ежегодникъ" на 1876 г. Вып. I. Кіевъ, 1876, стр. 137—139; „Вятскія Еп. Вѣд." 1876, № 21, стр. 602—604.
27. Очеркъ современнаго положенія Черной Горы. „Протоколы засѣданій Спб. Славянскаго Благотв. Общества". 1875. № 5. стр. 35—45; перепечатано въ книгѣ: „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Славянскаго Благотв. Общества". Спб. 1883, стр. 311—315, и въ изданіи „Славянскій Ежегодникъ" (сборникъ статей по славяновѣдѣнію). Вып. I. Кіевъ. 1876, стр. 172—181.
28. О причинахъ различія боевыхъ качествъ черногорцевъ и сербовъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости". 1876, № 328.
29. По вопросу объ автономіи славянскихъ областей Европейской Турціи. „Гражданинъ". 1876, № 41—42.
30. О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени. „Славянскій Сборникъ". Спб. 1877, т. II, отд. III, 1—15, и оттискъ, а также

въ книгѣ: „Первыя 15 лѣтъ Славянск. Благ. Общества". Спб. 1883, стр. 324—331.

31. Нѣсколько замѣчаній объ изученіи Славянскаго міра. „Славянскій Сборникъ". Спб. 1877, т. II, I—VII, 1—54, и отд. оттискъ.

32. Письмо Чиляковскаго. „Славянскій Ежегодникъ" (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію). 1878, Вып. III, 285—295.

33. Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія (изъ „Извѣстій Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ" за 1877 г., т. I, 103—208. Также отд. оттискъ. Кіевъ. 1877 г. стр. 1—106.

34. Чехи и Австро-Венгрія. „С.-Петербургскія Вѣдомости". 1877 г. № 291.

35. Пора ли мириться съ турками. „Гражданинъ". 1877, № 31—35.

36. О значеніи для Черногоріи порта на Адріатическомъ морѣ. „С.-Петербургскія Вѣдомости". 1877, № 57.

37. Очерки изъ сербской исторіи. I—III. (I. Паденіе сербскаго царства. II. Возстановленіе сербскаго государства; III. О взаимныхъ историческихъ связяхъ народовъ Русскаго и Сербскаго). „Славянскій Сборникъ", 1877, т. II, 290—345.

38. Первобытные славяне, въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованіе въ области лингвистической палеонтологіи славянъ. „Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ" за 1878—1879 годы и отд. книга. Часть I. Кіевъ. 1878. Посвященіе I—II. Введеніе, I—XXII, 1—265. Выпускъ второй. Кіевъ. 1879, стр. 165—408. I—XII. Часть II, выпускъ первый. 1882 г. стр. 1—153.

39. Рецензія на книгу А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича: „Исторія славянскихъ литературъ". Изданіе 2-ое. Спб. 1879. Томъ I. Журн. М. Н. Пр. 1879, ч. 203, іюнь, II, стр. 277—311.

40. Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ Хорватской исторіи. (Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Института кн. Безбородко, 30 авг. 1878). Кіевъ. 1879, стр. 1—12. Изъ „Извѣстій" того же Института. Т. IV.

41. Очерки изъ церковной исторіи западныхъ славянъ. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о Пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ (Sanctus Adalbertus + 997). „Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ" 1879 и 1880 г.г. и отд. оттискъ. Варшава. 1880, стр. 1—195.

42. О Янѣ Непомуцкомъ, іезуитско-габсбургскомъ святомъ. „Холмско-Варшавскій Вѣстникъ" 1879 г. № 10 и отд. оттискъ. Перепечатано въ „Волынскихъ Епарх. Вѣд." 1879 г. № 16.

43. О славянскихъ добровольцахъ въ Россіи. Письмо въ редакцію. „Берегъ". 1880. № 70.

44. Два слова объ отношеніяхъ Пушкина къ литературамъ южныхъ и западныхъ славянъ. „Московскія Вѣдомости". 1880. № 158 (за 9 іюня).

45. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ моимъ рецензентамъ. „Русскій Филолог. Вѣстникъ". В. 1880 г., № 2. стр. 295—309, и оттискъ, стр. 1—15.

46. Вступительная лекція, читанная въ Имп. Варшавскомъ университетѣ 10 сент. 1881 г.: „О значеніи церковно-славянскаго и русскаго языковъ и исторіи русской литературы въ системѣ историко-филологическихъ наукъ вообще и русско-славянскихъ въ частности". „Русь" И. С. Аксакова. М. 1881 г., № 17 и оттискъ.

47. Отрывокъ изъ Червонорусской Мартирологіи (По поводу Львовскаго политическаго процесса объ Ад. И. Добрянскомъ, Ольгѣ Ад.

Грабаръ и др.). „С.-Петербургскія Вѣдомости". 1882 г. №№ 231, 232 и 234.

48. О преподаваніи отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. „Русскій Филологическій Вѣстникъ". Въ 1882 г., № 1, педаг. отд. 1—12, и оттискъ. 1—12.

49. Варшавскій листокъ изъ церковно-славянскаго евангелія русскаго письма XI—XII вѣка. „Русскій Филологическій Вѣстникъ". 1882 г. № 2, стр. 177—189.

50. В. В. Макушевъ († 2 марта 1883). Некрологъ, „Журналъ М. Н. Пр." 1883, ч. 226, апр., IV, 76—83.

51. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава. 1883. I—XIII+1—349.

52. Рецензіи на книгу Н. Засадкевича: „Мелетій Смотрицкій какъ филологъ". Одесса. 1883. „Журн. М. Н. Пр." 1883, ч. 228, іюль, отд. II, стр, 144—151.

53. Іеронимъ Каваньинъ, полузабытый стародалматинскій панславистъ начала XVIII в. Въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составленномъ и изданномъ учениками В. И. Ламанскаго по поводу 25 л. его ученой и профессорской дѣятельности". Спб. 1883. Стр. 156—178 и отд. оттискъ.

54. Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній (одобренъ Учен. Комитетомъ М. Н. Пр., какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій). Варшава. 1883, стр. 1—93.

55. Нѣсколько словъ о сочиненіи г. Владиміра Качановскаго: „Неизданный Дубровницкій поэтъ Антонъ-Маринъ Глегевичъ" (Спб., 1882) и о прибавленіи къ нему: „Образцы дубровницкаго языка и письма, съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру" (1882 г.). „Русскій Филолог. Вѣстникъ", 1883 г., № 2, стр. 321—346, и оттискъ стр. 1—26.

56. Памяти В. А. Мацѣевскаго. „Нов. Вр." 1883 г. № 2497.

57. Надгробное слово Викентію Васильевичу Макушеву († 2 марта 1883. „Рус. Филол. Вѣстн." 1883 г., № 1, 156—159, и въ оттискѣ: „Поминки по проф. В. В. Макушевѣ", В. 1883, стр. 20—23.

58. Замѣтка о праздновaніи тысячелѣтія со дня кончины Св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго и Паннонскаго. „Варшавскій Дневникъ", 1884, № 261 и оттискъ, 1—10. Перепечатано: въ „Литовскихъ Е. Вѣд." 1884, № 51, 442—445 (отд. оттискъ, стр. 1—13) и въ „Извѣстіяхъ Слав. Благ. Общ." 1884, № 12, стр. 34—38. Тоже въ нѣмецкомъ переводѣ: Die Kyrill- und Method-Feier. Въ журналѣ „Parlamentär". Wien. 1885, № 2 и 3.

59. Отчетъ о занятіяхъ въ заграничной командировкѣ съ ученою цѣлью въ іюлѣ и августѣ 1883 г. (обзоръ важнѣйшихъ явленій германистики за послѣдніе годы). „Варшавскія Унив. Извѣстія". В. 1884. № 5, стр. 1—24, и оттискъ.

60. Рецензія на книгу: „Географическій Словарь западно-сзавянскихъ и юго-славянскихъ земель и прелегающихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географич. карты". Вильна. 1884. „Журн. М. Н. Пр." 1884 г. ч. 234, августъ. II, 298—312 и оттискъ.

61. Нѣсколько замѣчаній на публичную лекцію проф. Н. И. Карѣева о духѣ русской науки. „Варшавскій Дневникъ". 1884. № 252.

62. Рецензія на книгу В. Ягича: „Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями“. Спб. 1883. „Журн. М. Н. Пр.“ 1884 ч. 232, мартъ, II, 152—169.
63. Новыя данныя для исторіи Восточнаго вопроса. По поводу книги проф. В. И. Ламанскаго: Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle. Par Vladimir Lamansky. S.-Petersbourg 1884. „Журн. М. Н. Пр.“, 1885, ч. 237, февраль, отд. II (I—XI), стр. 316—348; ч. 238, апрѣль (XII—XIV), 285—299; ч. 239, май (XV—XVI), 147—166; іюнь (XVII—XXVI), 238—280.
64. Рецензія на историко-географическое и этнографическое изслѣдованіе А. О. Риттиха: „Славянскій міръ“. В. 1885. „Журн. М. Н. Пр.“, 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 52—71.
65. Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія. В. 1885. I—IX, 1—117. Отд. оттискъ изъ книги: „Меѳодіевскій юбилейный сборникъ“, изд. Имп. Варшавскимъ Университетомъ къ 6 апр. 1885 г., подъ редакціею орд. проф. А. С. Будиловича. В. 1885. Стр. 1—117.
66. Рѣчь о славянскихъ первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ, произнесенная на юбилейномъ актѣ Имп. Варш. Университета 6 апр. 1885 г. В. 1885. Стр. 1—22.
67. Добровскій и Копитаръ (По поводу изданія И. В. Ягича: „Источники для исторіи славянской филологіи. Т. I, письма Добровскаго и Копитара“. СПБ., 1885). „Журн. М. Н. Пр.“, 1886, ч. 245, іюнь, II, 397—414.
68. Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства, со включеніемъ червонорусскихъ, въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ. СПБ. 1886. Предисловіе, I—II+1—120+Алф. указатель 1—23.
69. Рецензія на кн. Ѳ. Вержбовскаго: „Христофоръ Варшевицкій и его сочиненія“. „Русскій Филолог. Вѣстникъ“, 1886, кн. II, 395—404.
70. Историко-политическія замѣтки по вопросамъ Болгарскому и Эльзасъ-Лотарингскому. Варшава, 1887, стр. 1—33.
71. Рѣчь по поводу празднованія 50-лѣтняго юбилея Варшавскаго каѳедральнаго собора. „Холмско-Варш Еп. Вѣстн.“, 1887, № 15, стр. 345.
72. Рецензія на сочиненіе И. И. Малышевскаго: „Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“. Кіевъ. 1886. „Журн. М. Н. Пр.“, 1887, ч. 251, іюнь, отд. II, стр. 373—385.
73. А. С. Пушкинъ въ исторіи большихъ литературныхъ языковъ. (Рѣчь на Пушкинскомъ актѣ Имп. Варшавскаго университета 1 февраля 1887 г.). „Извѣстія СПБ. Слав. Благ. Общ.“, 1887, апрѣль, № 4, стр. 205—209.
74. Рѣчь, произнесенная въ г. Холмѣ 8 сент. 1887 г.: „О значеніи церковной уніи“. „Варшавскій Дневникъ“, 1887, № 200 и оттискъ.
75. Рецензія на книгу: „Gr. Krek. Einleitung in die Slav.-Literaturgeschichte. Graz. 1887. „Русскій Филолог. Вѣстн.“, 1887, № 2, стр. 409—415.
76. Микрофонологія въ примѣненіи къ русской грамматикѣ. Рецензія на книгу В. А. Богородицкаго: „Курсъ грамматики русскаго языка“. Ч. I. Фонетика. В. 1887. „Журн. М. Н. Пр.“, 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 194—210.
77. Къ вопросу объ общемъ языкѣ славянъ. „Варшавскій Дневникъ“, 1888, № 167.
78. Привѣтственная рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Имп. Варшавскаго университета 30 авг. 1889 г. „Варшавскія Университетскія Извѣстія“, 1889, № 6, стр. 1—4.

79. Рецензія на книгу: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. Составилъ А. Потебня. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ, 1889. „Журн. М. Н. Пр.“, 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 203—210.
80. Въ какомъ видѣ возможно и желательно сближеніе славянъ на почвѣ общаго языка? „Варш. Дневникъ“, 1889.
81. Рецензія на книгу Н. Некрасова: „Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ церковно-славянскаго языка“. СПБ., 1889. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“, 1889, стр. 145—164.
82. По поводу празднованія 500-лѣтія битвы на Косовомъ полѣ. „Варшавскій Дневникъ“, 1889, № 132.
83. Рецензія на книгу Е. В. Барсова: „Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси“. Т. III. Лексикологія Слова А — М. Москва, 1890. „Журн. М. Н. Пр.“, 1890, ч. 269, отд. II, стр. 172—187.
84. О значеніи національнаго вопроса въ современныхъ отношеніяхъ Европы. „Варшавскій Дневникъ“, 1890.
85. Кн. Бисмаркъ и его политика по отношенію къ Россіи. „Варшавскій Дневникъ“, 1890.
86. О русскомъ произношеніи (по поводу соч.: Études sur la prononciation Russe. Par S. A. Lundell“. Upsala, 1890). „Русскій Фил. Вѣстн.“, 1891, т. XXV, № I. II. 1—7.
87. Къ предстоящему тысячелѣтію со дня смерти патріарха Фотія (6 февраля 1891 г.). „Русскій Филол. Вѣстникъ“, 1890, № IV, стр. 257—269 и отд. оттискъ. В. 1890, стр. 1—12. Къ этой статьѣ: „Поправки“, въ „Русск. Фил. Вѣстн.“ 1891 г. т. XXV, № I.
88. Моравская діалектологія. Отзывъ о трудахъ Франца Бартоша (по поводу перваго присужденія преміи проф. Котляревскаго). „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“. Т. 51-й. 1890, стр. 17—24; тоже въ Приложеніи къ „Отчету Имп. Ак. Наукъ“ за 1889 г. и „Записки Имп. Ак. Наукъ“ 1890 г. Т. 63, кн. I. 66—73, и оттискъ. СПБ., 1890, стр. 1—8.
89. Лондонскій конгрессъ мира и отношеніе Россіи къ вопросу о разоруженіи. „Варшавскій Дневникъ“, 1890, № 154.
90. Рецензія на книгу И. В. Помяловскаго: „Житіе св. Саввы Освященнаго, составленное св. Кирилломъ Скиѳопольскимъ, въ древнерусскомъ переводѣ“. „Рус. Фил. Вѣстн.“, 1891 г., т. XXV, № I, стр. 142—150.
91. На поминкахъ по Іоаннѣ Наумовичѣ. „Первыя 15 лѣтъ существованія СПБ. Слав. Благ. Общ.“. СПБ., 1891, стр. 446—448.
92. Рецензія на сочиненія проф. П. В. Владимірова: А. „Житіе св. Алексѣя, человѣка Божія“ и Б. „Докторъ Фр. Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“. СПБ., 1888. „Отчетъ о 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“. СПБ., 1891, стр. 22 — 38. Приложеніе къ LXIX т. „Записокъ Имп. Акад. Наукъ“, СПБ., 1892 г.
93. „Славянское Обозрѣніе“. Ежемѣсячный журналъ. 1892. Редакторъ-издатель проф. А. С. Будиловичъ. Написанныя имъ въ журналѣ статьи отмѣчены въ подлежащихъ мѣстахъ указателя. Редактору же принадлежитъ „Лѣтопись“, веденная въ журналѣ.
94. Къ читателю. I — XVIII. Обращеніе редактора журнала „Славянское Обозрѣніе“ къ „читателю“. „Слав. Обозрѣніе“, 1892, январь, 1—18.
95. Іоаннъ Амосъ Коменскій (1592 — 1670 г.). „Славянское Обозрѣніе“, 1892, кн. II, 173—187.

96. Дидактика I. А. Коменскаго, въ ея отношеніяхъ къ славянской школѣ нашего времени. „Слав. Обозрѣніе", 1892, кн. III, 329—350 и оттискъ.
97. Александръ Афонасьевичъ Потебня († 20 дек. 1891 г. въ Харьковѣ). Некрологъ. „Слав. Обозрѣніе", 1892, январь, 80—88.
98. Осипъ Осиповичъ Первольфъ († 21 дек. 1891 г. въ Варшавѣ). Некрологъ. „Слав. Обозрѣніе", 1892, январь, 89—91.
99. Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ западническомъ освѣщеніи. „Слав. Обозрѣніе", 1892, кн. V—VI, 45—65 и оттискъ.
100. Червонорусская эмиграція. „Слав. Обозрѣніе", 1892, кн. IX, стр. 15—34 и оттискъ.
101. По поводу девяностой годовщины Имп. Дерптскаго университета (изъ рѣчи, произнесенной 12 дек. 1892 г. на актѣ ун-та). „Слав. Обозрѣніе", 1892, кн. XI и XII, стр. 451—455.
102. Процессъ С. I. Гурбана-Ваянскаго. „Славянское Обозрѣніе", 1892, ноябрь—декабрь, 564 — 565.
103. Отвѣтъ Всеволоду Крестовскому. „Славянское Обозрѣніе", 1892 ноябрь—декабрь, 566.
104. Рецензія на книги В. З. Завитневича: „Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности". Кіевъ, 1891 и Вл. Соловьева: „Національный вопросъ въ Россіи". Вып. 1—2. Спб., 1891 г. „Славянское Обозрѣніе", 1892, янв. 121—122.
105. Рецензія на книгу Бендерова: „Сербско-Болгарская война 1885 года", Спб. 1892. „Слав. Обозрѣніе". 1892, январь, 122—123.
106. Рецензія на книгу: „Das Fürstenthum Bulgarien. v. Konst. Jireček", Wien 1891. „Слав. Обозрѣніе". 1892, январь, 124.
107. Рецензія на книгу: „Словарь русскаго языка", составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Вып. I. Спб. 1891. „Славянское Обозрѣніе", 1892, кн. II, стр. 238—242.
108. Рецензія на книгу В. В. Уманова-Каплуновскаго: „Славянская Муза" Спб. 1891. „Славянское Обозрѣніе". 1892, II, 245—246.
109. Рецензія на книгу М. И. Сухомлинова: „Сочиненія М. В. Ломоносова", съ объяснительными примѣчаніями. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Т. I. Спб. 1891. „Славянское Обозрѣніе". 1892, V—VI, 193—196.
110. Библіографическая замѣтка о славянскомъ отдѣлѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона. Т. VII, Спб. 1891. „Славянское Обозрѣніе". 1892, X, 256—257.
111. Изъ переписки кн. Вл. А. Черкасскаго и Н. А. Милютина по польскимъ дѣламъ. Предисловія ко всѣмъ главамъ переписки, редактора „Слав. Обозрѣніе". 1892. I. 54—69; III, 359-378; VIII—IX, 295—335; XI—XII, 306—310.
112. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Удостоено первой Кирилло-Меѳодіевской преміи и издано иждивеніемъ Спб. Славянскаго Благотв. Общества. Томъ I. Очерки образованія общихъ языковъ южной и западной Европы. Къ читателю, I—IV, введеніе, V—VIII, 1—436; томъ II: Зарожденіе общаго языка на Славянскомъ Востокѣ. Предварительныя замѣчанія I—II+1—374. Варшава. 1892.
113. Янъ Колларъ и западное славянофильство. (Рѣчь, произнесенная въ торжеств. собраніи Спб. Славянскаго Б. Общества 19 дек. 1893). Сборникъ „Славянское Обозрѣніе", 1894, стр. 1—4 и оттискъ.
114. Образованіе литературныхъ языковъ и ихъ значеніе въ исторіи. (Вступительная лекція 1 февр. 1893). „Ученыя записки Имп.

Юрьевскаго университета", 1893, № 2, стр. 71—8[illegible]
тискъ, 1 — 18.

115. О значенiи русскаго похода 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ. „Русская Бесѣда", 1895, декабрь, 137—156, и отд. оттискъ 1—20. Переиздано въ словацкомъ переводѣ въ журналѣ: „Národnie Noviny". Turčiansky Sv. Martin, 1896.

116. Историческая замѣтка о бюджетныхъ отношенiяхъ Имп. Юрьевскаго университета, въ разные перiоды его существованiя. „Журн. М. Н. Пр." 1895, CCCI, сентябрь, стр. 1—31, и отдѣльный оттискъ, 1—31. Спб. 1895.

117. Надъ могилою проф. В. Н. Попова. „Ученыя записки Имп. Юрьевскаго университета". 1895, № 4, стр. 57 и оттискъ.

118. О задачахъ славяно-русской археологiи по отношенiю къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгрiи. „Труды десятаго археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1896 г." Т. I, 264—269, и оттискъ М. 1899.

119. Тысячелѣтiе Мадьяръ. (Публичная лекцiя, прочитанная 19 апр. 1896 въ актовомъ залѣ Имп. Юрьевскаго ун-та). „Недѣля", 1896, № 32 и отд. оттискъ: Спб., 1896, стр. 1—24.

120. Культурная отдѣльность народовъ Греко-славянскаго мира. „Русское Обозрѣнiе", 1896, ноябрь, 162—181, и отдѣльный оттискъ. М. 1896, 1—22.

121. Юрьевскiй университетъ (нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанiю „Отвѣтъ бывшаго ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевскаго университета"). „Рижскiй Вѣстникъ" 1897, №№ 90—95, и отд. оттискъ. Рига, 1897, стр. 1—51.

122. Еще два слова о балтскихъ взглядахъ на Юрьевскiй университетъ „Рижскiй Вѣстникъ", 1897, №№ 149 и 150.

123. Университеты Юрьевскiй и Страсбургскiй и ихъ нацiонально-культурныя задачи по отношенiю перваго къ Россiи, а второго къ Германiи. „Рижскiй Вѣстникъ", 1897, № 20.

124. О причинахъ гибели балтiйскаго славянства. (Публичная лекцiя, читанная 13 февр. 1898). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ". Т. I, 1899, стр. 144—158 и оттискъ.

125. Нѣсколько замѣчанiй о научной постановкѣ славянской исторiи, ея объемѣ, содержанiи и перiодахъ. „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ". Т. I. Юрьевъ. 1898 Стр. 85—124 и оттискъ.

126. О значенiи въ славянской исторiи битвы подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ. (Публичная лекцiя, прочитанная 27 февр. 1898). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ". Томъ II. Юрьевъ, 1899, стр. 1—20 и оттискъ.

127. Къ характеристикѣ Палацкаго. 14 (26) апр. 1876 (докладъ, прочитанный въ засѣданiи Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ 3 окт. 1898 г., по поводу 100-й годовщины рожденiя чешскаго историографа). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества". Т. II. Юрьевъ, 1899, стр. 21—65 и отд. оттискъ, стр. 1—47. Юрьевъ, 1899.

128. Нѣсколько данныхъ и соображенiй объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекающемъ столѣтiи (Рѣчь, прочитанная 10 мая 1898 г. въ годичномъ собранiи Учено-Литературнаго Общества). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества", т. III. Юрьевъ, 1900, стр. 1—73 и отдѣльн. оттискъ, 1899. Юрьевъ, стр. 1—73.

129. Памяти Н. А. Лавровскаго (рѣчь, прочитанная въ Учено-Литературномъ Обществѣ 30 сентября. 1899). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества". Т. III, Юрьевъ, 1900, стр. 74—92 и отд. оттискъ, 1—19, 1899, Юрьевъ.
130. Юбилейная рѣчь: О задачахъ православія въ Прибалт. краѣ. Въ „Рижскихъ Еп. Вѣд." 1900 г., стр. 802—805 и въ изданіи „Торжество пятидесятилѣтія самостоятельнаго существованія Рижской епархіи (1850—1900)". Рига. 1901, стр. 34—38.
131. Объ основныхъ воззрѣніяхъ А. И. Добрянскаго. Протоколы Спб. Славянскаго Благотв. Общества за 1901 г. и отд. брошюра. Спб., 1901.
132. Историческая замѣтка о русскомъ Юрьевѣ стараго времени, въ связи съ житіемъ св. Исидора и съ нимъ сопострадавшихъ 72 юрьевскихъ мучениковъ (чтеніе въ Юрьевскомъ семейно-общественномъ собраніи, „Родникъ", 8 янв. 1901 г.). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества". Т. IV. Юрьевъ, 1901. Стр. 75—144 и отд. оттискъ, стр. 1—72, Юрьевъ, 1901.
133. Студенческія корпораціи при Юрьевскомъ университетѣ. „Рижскій Вѣстникъ", 1901, №№ 102 и 103 и отд. оттискъ, 1—23, Рига, 1901.
134. Къ вопросу о литературномъ языкѣ Юго-западной Руси. Рѣчь, прочитанная 29 мая 1900 г. въ годичномъ собраніи Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ. „Сборникъ Учено-Литер. Общества". Т. IV. Юрьевъ, 1901, стр. 46—74 и отд. оттискъ. Юрьевъ, 1900, стр. 13.
135. Современный мадьяризмъ въ перспективахъ угро-славянской исторіи. „Изв. Спб. Слав. Бл. Общества". 1902. № 1. стр. 1—13.
136. О Московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія (прочитано въ „Русскомъ Собраніи" въ Спб. 29 марта 1902). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ". Т. V. Юрьевъ, 1902, стр. 170—176.
137. Къ характеристикѣ дѣятельности И. П. Корнилова. „Извѣстія Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества". 1902. Приложеніе. №№ 3 (стр. 1—12), за 1903 г. 6 (13—20), 7 (21—28), 8 (29—40).
138. Къ вопросу о племенныхъ и культурныхъ отношеніяхъ Червонной Руси (рѣчь, произнесенная при торжественномъ открытіи „Галицко-Русскаго Благотвор. Общества" 9 февр. 1902 года). „Галицко-русское Благотвор. Общество въ С.-Петербургѣ". Спб. 1903. Стр. 12—28.
139. По поводу столѣтняго юбилея Имп. Юрьевскаго университета. „Русскій Вѣстникъ", 1903, II, 730—734.
140. Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси. „Живая Старина". 1903, вып. III, 265—275.
141. Значеніе Македоніи въ судьбахъ греко-славянскаго міра. „Извѣстія С.-Петербургскаго Слав. Благотв. Общества. 1903, № 1. окт. стр. 5—21.
142. Въ чемъ заключаются главныя трудности Македонскаго вопроса. „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотв. Общества". 1903 № 5, стр. 2—10.
143. Предварительный Съѣздъ русскихъ славяновѣдовъ въ С.-Петербургѣ (10—15 апрѣля 1903). „Русскій Вѣстникъ", 1903, V, 334—344.
144. Генезисъ россійскаго украйномана (по поводу львовскаго изданія малорусскихъ „Писаній" Трофима Абрамовича Зиньковскаго). „Русскій Вѣстникъ", 1903, VIII, 628—640.
145. Объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому, въ связи съ идеей русскаго національнаго единства. „Русскій Вѣстникъ", 1904, IV, 483—509.

146. Замѣтка. По вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. ...
Европы" 1904, V, 419—422.
147. Академія Наукъ и реформа русскаго правописанія. „Русск. Вѣстн.", 1904, VII, 241—283.
148. Къ характеристикѣ Ф. Л. Ригера. „Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, сост. учениками В. И. Ламанскаго", Спб. 1905.

Ѳ. И. Успенскій.

1. Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. С.-Петербургъ. 1872 Стр. 266+XI, 8°.
2. „Болеславы"—статья въ Энциклопедическомъ словарѣ Березина.
3. Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ. Спб. 1874.
4. Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи (вступительная лекція). „Записки Новороссійскаго Университета" т. XVI (1875), стр. 1-18.
5. Отчетъ о занятіяхъ (за-границей, май—іюнь 1876 г.). Одесса. 1877 (въ Запискахъ Новоросс. Унив., т. XXII).
6. О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской Національной Библіотекѣ. „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 194 (1877 ноябрь), отд. II, стр. 64—79.
7. Une page d'histoire roumaine. Revue historique. t. VI, p. 400 ss.
8. О нѣкоторыхъ славянскихъ и по-славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ. „Журн. Мин. Нар. Пр." ч. 199 (1878), отд. II, стр. 1—21; ч. 200, стр. 63—94.
9. Неизданныя рѣчи и письма М. Акомината: „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 201 (1879 январь), отд. II, стр. 112—130; (февраль) стр. 367—396.
10. Образованіе второго болгарскаго царства. Одесса, 1879 (въ „Запискахъ Новороссійскаго Университета, т. XXVII, стр. 97—416).
11. Меликъ Гази и Дзуль-Нунъ Данишменды. Одесса, 1879 (изъ „Записокъ Новоросс. Унив.", т. XI. стр. 229—268 in 4°).
12. Некрологъ Ф. К. Бруна: „Новороссійскій Телеграфъ", 1880 г. № 1591 (11 іюня).
13. Ф. К. Брунъ (1804—1880). Одесса. 1881. 50 стр. in 8° (изъ „Записокъ Новоросс. Унив.", т. XXXII).
14. Сочиненія М. Акомината. Одесса. 1881 (оттуда-же).
15. Царь Алексѣй II и Андроникъ Комнины (1180—1185). „Журн. Мин Нар. Просв." ч. 212 (1880, ноябрь), отд. II, стр. 95—130; ч. 214 (188 мартъ), стр. 52—86.
16. Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи. „Журн. Ми Нар. Просв." ч. 225 (1883, январь), отд. II, стр. 30—87; (февраль) с 301—360.
17. Значеніе византійской и южно-славянской проніи. „Сборникъ ста по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. ... манскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣят ности." Спб. 1883, стр. 1—32.
18. Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV вѣкѣ. Одесса. 1... 56 стр. (изъ „Запис. Новоросс. Унив." т. XXXVIII (1883), стр. 1...
19. Документы, относящіеся къ исторіи Россіи. „Русская Историч... Библіотека". т. VIII (1884), № 1—9, стр. 1—82.
20. Рецензія на книгу В. Р. Розена. „Императоръ Василій Болгар...

Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Спб. 1883". „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 232 (1884, апрѣль), отд. II, стр. 282—315.

21. Сношеніе Рима съ Москвой (Разборъ трудовъ по Русской исторіи о. Павла Пирлинга): „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 234 (1884, авг.), отд. II, стр. 368—412; ч. 235 (1884, окт.), стр. 316—340: ч. 240 (1885, авг.), отд. II, стр. 290—325.

22. Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи: „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 231 (1884, янв.), отд. II, стр. 1—43; (февраль) стр. 433—443; ч. 240 (1885, іюль), отд. II, стр. 1—52.

23. На память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 6 апр. 1885 г.). „Новороссійскій Телеграфъ" 1885, 9 и 10 апр., №№ 3030 и 3031; „Кіевская Старина" 1885, май, стр. 107—126; „Извѣстія Спб. Слав. Благотвор. Общ.", 1885 апр., стр. 230—238; отд. оттискъ 13 стр. 8°.

24. Наказъ царя Ивана Васильевича Грознаго князю Елецкому. Одесса, 1885 (изъ „Зап. Новоросс. Унив. т. XLIII).

25. Сельская община въ Англіи. (Отзывъ о книгѣ Fred Seebohm, the English village community examined in its relations to the manorial and tribal systems of husbandry. London, 1883): „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 241 (1885, окт.), отд. II, стр. 253—323.

26. Древнѣйшіе памятники славянскаго права. „Юридич. Вѣстникъ" 1886, апрѣль; сокращенно — въ „Извѣстіяхъ Спб. Славянскаго Благотвор. Общ. 1886 г., январь, стр. 34—36.

27. Корреспонденціи изъ за-границы въ газетѣ „Новости", издав. въ С.-Петербургѣ (1886—1887).

28. Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Спб. 1887, 68 стр. 8°. Изъ „Извѣстій Слав. Благотв. Общ. въ Спб. за іюнь 1886 г.

29. Ζητήματα πρὸς μελέτην τῆς ἐσωτερικῆς ἱστορίας τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους. Ἐν Ἀθήναις 1887 (изъ греч. журнала Δελτίον).

30. Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей въ 1581—82 гг. Одесса 1887. Изъ „Записокъ Новоросс. Унив." т. XLV (1887), стр. 343—426.

31. О бракѣ Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ: „Историч. Вѣстникъ", т. XXX (1887), стр. 680—693.

32. Тысячелѣтіе крещенія Руси: „Одесскія Новости" 1888, 15 іюля.

33. Франція на Востокѣ въ XIV вѣкѣ (Отзывъ о соч. Delaville le Roulx. La France en Orient au XIV-e siècle. Paris. 1886). „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 255 (1888, февраль), отд. II, стр. 486—504.

34. Рецензія на учебный атласъ Замысловскаго: „Одесскія Новости" 1888 г.

35. Византійскіе землемѣры. Наблюденіе по исторіи сельскаго хозяйства. Одесса. 1888. 70 стр. 8° (изъ „Трудовъ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. 1884 г., т. II, Одесса, 1888, стр. 272—341).

36. Наблюденія по сельско-хозяйственной исторіи Византіи: „Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 259 (1888, окт.), отд. II, стр. 229—259.

37. Русь и Византія въ X вѣкѣ (Рѣчь, произнесенная 11 мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси). Одесса 1888. 38+2 стр. 8°.

38. Рецензія на книгу В. И. Модестова „Германія". „Одесскій Вѣстникъ" 1888 г., 4 іюля.

39. Замѣтка по исторіи Черногоріи (Отзывъ о соч. Fr. Miklosich. Die ser-

bischen Dynasten Crnojević, Wien, 1886): „Журн. Мин. Нар. Пр." ч. 261 (1889 февраль), отд. II, 391—399.

40. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Кіевъ. 1889. 42 стр. 8⁰, съ картой: оттискъ изъ журн. „Кіевская Старина", т. XXV, (1889, январь), стр. 253—294.

41. О миражахъ, открытыхъ В. Г. Васильевскимъ (отвѣтъ на статью о построеніи крѣпости Саркела). „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 266 (1889, декабрь), отд. II, стр. 550—555.

42. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго: „Кіевская Старина" т. XXVII (1889, дек.), стр. 604—631.

43. Патріархъ Іоаннъ VI Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра. „Журн. Мин. Нар. Просв.", ч. 267 (1890 январь), отд. II стр. 1—31.

44. Воспоминаніе о В. И. Григоровичѣ. Актовая рѣчь, со значит. сокращеніями, произнесенная 1 мая 1890 г. въ день празднованія 25-лѣтія Новоросс. Университета. Одесса, 1890, 38 стр.: изъ Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Новоросс. Унив., т. I (1890), стр. 15—52.

45 Исторія византійской литературы (По поводу книги К. Крумбахера „Geschichte der byzantinischen Litteratur). „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 274 (1891, мартъ), отд. II, стр. 199—218; Literarisches Centralblatt. 1891. № 8.

46. Дѣятельность патріарха Фотія въ связи съ исторической миссіей византинизма. Рѣчь, сказанная въ публичномъ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества при Новоросс. Университетѣ 6 февр. 1891). журн. „Помощь самообразованію" № 3 (Саратовъ, 1891), стр. 213—222.

47. Очерки по исторіи византійской образованности. Спб. 1891. 364 стр. 8⁰. Извлечено изъ „Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 273 (1891, янв.), отд. II стр. 73—158; ч. 274 (1891, апр.), стр. 267—323) (сравн. Труды VIII Археолог. съѣзда въ Москвѣ 1890 г., т. IV, Москва, 1897, стр. 123); ч. 277 (1891, сент.), стр. 102—159; (Октябрь) стр. 283—324; ч. 279 (1892, янв.), отд. II, стр. 1—64; (февраль), стр. 348—403 и 404—427.

48. Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ. Одесса, 1892. 60 стр. Изъ „Лѣтоп. Истор. Филол. Общ. при Новор. Унив." т. II (= Визант. отдѣленіе т. I), стр. 25—84.

49. Рецензіи на сочиненія Лебедева, Schwarzlose, Krumbacher въ Хроникѣ „Лѣтописи Истор.-Филологич. Общ. при Новорос. Универ. Визант. отд.", т. I. (Одесса, 1892).

50. Византія и крестоносцы. Завоеваніе латинянами Константинополя Одесса 1892. 30 стр. (изъ „Южнаго Сборника", изд. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая).

51. Византія. Статья въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. VI, полутомъ 11, 1892 г., стр. 251—260.

52. Quelques observations sur la chronique de Laomédon Lacapène. Byzantinische Zeitschrift Bd. II (1893), S. 122—125.

53. Византійскій журналъ, издаваемый проф. Крумбахеромъ (Byzantinische Zeitschrift, herausg. v. K. Krumbacher. 1-e Band Leipzig 1892). „Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 288 (1893 іюль), отд. II, стр. 231—272 (совмѣстно съ А. И. Кирпичниковымъ).

54. Рецензія на сочиненіе Н. Попова „Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Москва,

1892. „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 298 (1893 августъ), отд. II, стр. 534—542.

55. Синодикъ въ недѣлю православія. Сводный текстъ съ приложеніями Одесса 1893. изъ „Зап. Новоросс. Унив." т. LIX (1893), стр. 407—502

56. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ, кн. II. Д. Ѳ. Бѣляева. Спб. 1893; рецензіи въ „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 290 (1893, дек.) отд. II. стр. 364—379.

57. Вопросъ о готахъ. Сообщеніе на IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ. Протоколы, стр. 96—98.

58. Памятникъ В. И. Григоровичу. Одесса, 1894. 8 стр. (изъ „Лѣтоп. Истор. Филол. Общ. при Новоросс. Унив." т. III, стр. 60—65).

59. Рецензіи на книги: Rose, Leben des hl. David; Nicole, Le Livre du Préfet; Krumbacher, Studien zu den Legenden hl. Theodosius; Бѣляевъ. Byzantina: въ Хроникѣ „Лѣтописи Истор.-Филол. Общ. при Новор. Унив. Виз. отд.", т. II (Одесса 1894).

60. Неизданное церковное слово о болгарско-византійскихъ отношеніяхъ въ первой половинѣ X вѣка. Одесса 1894. 76 стр. 8° (изъ „Лѣтоп. Истор. Филол. Общ. при Новоросс. Унив.," т. IV)

61. Партіи цирка и димы въ Константинополѣ. „Византійскій Временникъ" т. I (1894), стр. 1—16.

62. Рецензія на соч. Д. Ѳ. Бѣляева. „Bizantina", т. I и II. Записки Акад. Наукъ" 1895 г. (написана по порученію Академіи Наукъ, присуждена Уваровская премія).

63. Открытіе Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ 26 февраля 1895 г. „Извѣстія Русск. Археолог. Инст. въ К—лѣ", вып. I (1896), стр. 1—21.

64. Актъ отвода земли монастырю Богородицы Милостивой. „Извѣстія Русск. Археол. Инст. въ К—полѣ", вып. I (1896), стр. 1—34.

65. Рѣчи въ Институтѣ и на археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ — см. „Отчеты о дѣятельности Русск. Археол. Института" за 1895 и 1896 гг. и протоколы Рижскаго съѣзда.

66. Дѣлопроизводство по обвиненію Іоанна Итала въ ереси. „Изв. Русск. Археол. Инстит." въ К—лѣ, вып. II (1897), стр. 1—66.

67. Рецензія на соч. К. Крумбахера „Geschichte der byzantinischen Literatur. 2-te Auflage. München 1897". „Literarisches Centarlblatt 1897, № 28 (von 17 Juli), col. 912—914.

68. Хроника въ „Извѣст. Русск. Археол. Инст." въ К-лѣ, вып. II (1897), стр. 1—12, 23—26 (№№ 1—5, 7—8).

69. Византійская Эпическая поэма (Разборъ соч. G. Schlumberger. L'épopée, byzantine à la fie du X-me siècle. Paris 1896). „Русская Мысль" 1897 г. сентябрь, стр. 67—75.

70. Двѣ историческія надписи (I. Надпись на башнѣ Артавазда. II. Пограничный столбъ между Византіей и Болгаріей при Симеонѣ). „Изв. Р. Арх. Инст." въ К—лѣ, вып. III (1896), стр. 180—194.

71. О военномъ устройствѣ въ Византіи (τάγμα и θέμα). Сообщеніе на VIII Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1890 г.: „Труды VIII Археологичск. съѣзда" въ Москвѣ 1890 г., т. IV (Москва 1897), стр. 169 сл.

72. Византійская табель о рангахъ: „Изв. Русск. Археол. Инст." въ К—лѣ вып. III (1898), стр. 98—137.

73. Надпись царя Самуила: тамъ-же, т. IV, вып. 1 (Софія 1899), стр. 1—4.

74. Охридская рукопись Іоанна Куропалата Скилицы, тамъ-же, т. IV. вып. 2-й (Софія 1899), стр. 1—8.

75. Константинопольскій эпархъ. Тамъ-же, т. IV вып. 2-й, стр. 79—104.
76. Константинополь въ послѣдніе годы IV вѣка (по случаю 1500-лѣтняго юбилея Св. Іоанна Златоустаго). „Изв. Р. Арх. Инст.“ въ К—лѣ, т. IV, вып. 3-й (Софія 1899), стр. 156—165.
77. Академикъ В. Г. Васильевскій: „Журн. Мин. Нар. Прос.“ ч. 325 (1899, окт.), стр. 291—342.
78—81. Отчеты (въ бо́льшей ихъ части) о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ въ вып. I—IV „Извѣстій Института“. Одесса 1896—Софія 1899).
82. Рядъ статей въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона.
83. Мнѣнія и постановленія Константинопольскихъ помѣстныхъ соборовъ XI и XII вв. о раздачѣ церковныхъ имуществъ (харистинаріи). „Изв. Русск. Археол. Инст.“ въ К—лѣ, вып. V (Одесса 1900), стр. 1—48.
84. Рефератъ о раскопкахъ въ Абобѣ на Римскомъ Археологическомъ съѣздѣ.
85. Рецензія на книгу „H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig 1899“: „Literarisches Centralblatt“ 1900, № 12 Kol. 526—528.
86. Военное устройство Византійской имперіи. „Изв. Русск. Арх. Инст.“ въ К—лѣ, т. IV вып. 1 (Софія 1900), стр. 154—208.
87. Старо-болгарская надпись Омортага: тамъ-же, стр. 217—227.
88. Исторіи Крестовыхъ походовъ, Спб., 1900. Стр. 1—167.
89. Schlumberger. L'Epopée byzantine. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, августъ 1901
90. Археологич. памятники Тырнова, т. VII, вып. 1 „Изв. Р. Арх. Инст.“ въ К-лѣ.
91. Поѣздка по сѣверо-восточной Болгаріи, VI т. вып. 2—3. „Изв. Русск. Археол. Инст.“ въ К—лѣ (Отчетъ).
92. Археологическіе памятники Сиріи, въ VII т. „Изв. Инст.“.
93. Рецензія на сочиненіе г. Вебстера, составл. по порученію Академіи Наукъ. „Записки Акад. Наукъ“.
94. Фрагменты мозаики въ церкви Св. Іоанна въ Равеннѣ, въ VIII т. „Извѣстій“.
95. Артосная панагія, въ VIII т. „Извѣстій“.
96. Вновь открытыя на о-вѣ Критѣ древности. „Библіотека Самообразованія“ № 13, 1904 г.
97. О древнѣйшихъ знакахъ письма. „Новый Сборн. статей по Славяновѣдѣнію, составленный учениками В. И. Ламанскаго“, Спб. 1905.

Г. А. Воскресенскій.

1. Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода Апостола по рукописямъ XII—XV. Москва, 1879. Отзывъ акад. И. В. Ягича въ журналѣ „Archiv für slav. Philologie“, B. 4, 1880, 535—536.
2. Славянская хрестоматія. Сборники по славянскимъ нарѣчіямъ: древнему церковно-славянскому, древнерусскому, болгарскому, сербо-хорватскому, словинскому, чешскому, лужицкому и польскому, съ свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ и общими характеристиками нарѣчій. Выпуски I—III, М. 1882—1884. Отзывъ: Ягича—„Archiv f. slav Philol. B. 6, 475—476, B. 7, 498—499 и B. 8, 162—163; Извѣстія Слав. Благотв. Общ. 1884, № 7, 34—36.

3. Славянскія рукописи, хранящіяся въ заграничныхъ библіотекахъ: берлинской, пражской, вѣнской, люблянской, загребской и двухъ бѣлградскихъ. Спб. 1882. Напечат. въ Сборникѣ Отд. Рус. яз. и Слов. Импер. Акад. Наукъ, т. 31, отзывъ: „Ягича—Archiv f. slav. Philol. B. 7, 507.
4. Валентинъ Водникъ. Очеркъ изъ исторіи Славянской литературы Напеч. въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, сост. и изд. учениками проф. В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности" Спб. 1883.
5. Тысячелѣтіе памяти св. Меѳодія, архіепископа моравскаго. Рѣчь въ Моск. Общ. любит. дух. просвѣщенія, 7 апр. 1885. Напеч. въ „Прибавл. къ твор. Св. отцевъ", 1885, кн. 3 и въ „Чтен. Общ. люб. дух. просв. за 1885 г. Въ Моск. „Церк. Вѣдомостяхъ", 1885, № 15 напеч. замѣтка: Первоначальный кирилло-меѳодіевскій переводъ Библіи.
6. Характеристическія черты главныхъ редакцій Славянскаго перевода Евангелія. Рефератъ, напеч. въ Трудахъ VI Археологическаго Съѣзда, т. I, Одесса, 1886.
7. Исторія Славянскаго перевода символовъ вѣры. А. Гезена. Спб. 1884. Критическая статья въ „Прибавл. къ твор. Св. отцевъ", 1886, кн. 1. Офиціальный отзывъ напечатанъ въ Отчетѣ о 28 присужденій наградъ гр. Уварова. Спб. 1886.
8. Къ вопросу о Славянскомъ переводѣ Евангелія. Напеч. въ „Сборникѣ Отд. Рус. яз. и Слов. Импер. Акад. Наукъ", т. 40, 1886. Статья эта по поводу изд. архим. Амфилохія: Галичское четвероевангеліе 1144 г. По поводу того же изданія критич. замѣтка въ „Извѣстіяхъ Славян. благотв. Общ. Спб.", 1884, № 2.
9. Симеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность. I. Татарскаго. М. 1886,—отзывъ въ „Прибавл. къ твор. Св. отц." 1887, кн. II (Проток. Моск. дух. акад.) Тамъ же, въ Проток. Ак. напечатано не мало ученыхъ отзывовъ о сочиненіяхъ кандидатскихъ, магистерскихъ и докторскихъ.
10. Древнерусская редакція славянскаго перевода Евангелія. Напеч. въ журн. „Странникъ", 1888, іюнь—іюль.
11. Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завѣту. П. Гильтебрандта. Спб. 1884—1885,—отзывъ въ „Христ. Чтеніи", 1888, іюль—авг.
12. Новый Завѣтъ въ рукописи святителя Алексія. Критическая статья въ „Церк. Вѣдомостяхъ", изд. при Св. Синодѣ, 1889, № 6. Другая статья по поводу фототипическаго изданія митр. Леонтія (М. 1892)—въ „Богосл. Вѣстникѣ", 1893, янв.
13. Голосъ перваго русскаго естествоиспытателя (Ломоносова) объ отношеніи естествознанія къ религіи. Напеч. въ „Душеполезн. Чтеніи", 1890, ноябрь—декабрь.
14. Ломоносовъ и Московская Славяно-Греко-латинская академія. Актовая рѣчь 1 окт. 1890, напеч. въ Прибавл. къ твор. Св. отцевъ, 1891, кн. 1 и 2, отзывъ въ „Странникѣ", 1891, сент.
15. Придворная и академическая проповѣдь въ Россіи полтораста лѣтъ назадъ (Архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, архим. Кириллъ Флоринскій, митр. Димитрій Сѣченовъ, архіепископы: Стефанъ Калиновскій, Симонъ Тодорскій, Сильвестръ Кулябка). Напеч. въ „Душепол. Чтен." 1891, янв., мартъ, сент.; 1892, окт.; 1893, янв., февр., окт.; 1894, май—іюнь.

16. Древне-славянскій Апостолъ. Посланія Св. ап. Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго слав. апостольскаго текста, съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв. Вып. I. Посланіе къ Римлянамъ. Сергіевъ Посадъ, 1892. Отзывы: „Церк. Вѣстникъ 1892, № 36; „Церк. Вѣд.", изд. при Св. Синодѣ", 1892, № 42, „Богосл. Вѣстн." 1892, № 10 и 1894, № 1, Archiv f. slav. Philol. B. 15, 1893, 611—612, „Моск. Вѣд." 1893, № 16, „Рус. Обозрѣніе", 1893, № 3.
17. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). И. Шляпкина. Критич. статья въ „Богосл. Вѣстн. 1892, февр.
18. Славянскія рукописи заграницей. Съ палеографическими снимками,—въ „Библіографическихъ Запискахъ", 1892, № 5.
19. Памяти о. архим. Леонида (Кавелина)—въ „Чтен. Общ. ист. и древн. Рос. при Моск. унив." 1892, кн. 2 и „Слав. Обозр." 1892, № 5—6.
20. Протоіерей А. В. Горскій. Съ портретомъ—въ „Слав. Обозр." 1892, № 10.
21. Изъ церковной жизни православныхъ Славянъ,—рядъ статей, представляющихъ ежегодное обозрѣніе церковной жизни въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Карловицкой и Буковинско-Далматинской митрополіяхъ, Босніи и Герцеговинѣ, начиная съ 1892 г. Печат. въ „Богосл. Вѣстникѣ" 1893, мартъ, авг. сент.; 1894, май, 1895, февр., мартъ, 1896, апр., дек., 1897, мартъ, апрѣль, іюнь, 1898, янв., мартъ, іюнь, авг., 1899, янв. мартъ, апр., ноябрь; 1900, мартъ, май, іюнь, 1901, янв., февр., апр., іюнь. сент.; 1902, мартъ, іюль, авг., сент., ноябрь; 1903, май, ноябрь; 1904, апр., іюнь, іюль—авг.
22. Алексіевскій списокъ „Новаго Завѣта" и четвероевангеліе преп. Никона, Радонежскаго Чудотворца—въ „Богосл. Вѣстн." 1893, іюль.
23. Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго Евангельскаго текста съ разночтеніями изъ ста восьми рукописей Евангелія XI—XVI вв. Сергіевъ Посадъ, 1894. Отзывы: „Церк. Вѣстн." 1894, № 37, „Церк. Вѣд. изд. при Св. Сvнодѣ, 1894, № 39, „Рус. Обозр." 1894, ноябрь; Archiv f. slav. Philol. B. 17, 1895, 296—298, „Богосл. Вѣстн." 1895, сент.; The Church Quarterly Review. London, Vol. XLI. № 81. October, 1895, 203—225—Статья проф. Оксфордскаго унив. M. J. Bebb подъ заглавіемъ: The Russian Bible (по поводу книгъ: Астафьева, Опытъ Исторіи Библіи, Г. Воскресенскаго, Евангеліе отъ Марка и Посланіе къ Римлянамъ и 7 ч. Pastrnek—приложеніе къ Archiv f. slav. Philologie, Berlin, 1892).
24. Амфилохій епископъ угличскій—въ „Чт. Общ. ист. и др. Рос. при Моск. унив., 1894, кн. I.
25. Послѣднія новости въ Кирилло-Меѳодіевской литературѣ—въ „Богосл. Вѣстн." 1894, дек.
26. Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв. М. 1896. Напеч. въ „Чтен. въ Общ. ист. и др. Рос. при Моск. унив.", 1896, кн. I, а вышла въ концѣ 1895 г. отдѣльною книгою. Отзывы: „Церк. Вѣстн." 1895, № 47; „Странникъ", 1896, янв., Archiv f. slav Philol. B. 18, 1896, 272—274; „Богосл. Вѣстн." 1897, янв. и февр.; Отчетъ о 39-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова; „Русскій Филол. Вѣстн." 1899, № 1—2, Христ. Чтеніе, 1897. янв.
27. Христинопольская рукопись славянскаго Апостола XII в., изд. проф.

Е. Калужняцкимъ на средства Вѣнской Императорской Академіи Наукъ (Вѣна, 1896)—въ „Богосл. Вѣстн." 1897, янв.

28. Высокопреосвященный Михаилъ, архіепископъ Бѣлградскій, митрополитъ сербскій,—въ „Богосл. Вѣстн. 1898, февр.

29. Греческій рукописный Евангелистарій изъ собр. проф. И. Е. Троицкаго (нынѣ библіотеки С.-Петерб. дух. академіи № Б 1/7). Изслѣдованія Н. Глубоковскаго. Спб. 1898. Критич. замѣтка въ „Богосл. Вѣстн.". 1898 г. февр.

30. Чешско-славянская старокатолическая литургія (переводъ съ чешскаго и примѣч. въ „Богосл. Вѣстн.". 1898, № 10.

31. Къ вопросу о снятіи „болгарской схизмы"—въ „Богосл. Вѣстн." 1898, № 12.

32. Академикъ А. Ѳ. Бычковъ,—въ „Богосл. Вѣстн." 1899, № 5.

33. Величіе Пушкина, какъ поэта и человѣка—въ „Богосл. Вѣстн". 1899, № 6.

34. О заслугахъ прот. А. В. Горскаго для славяно-русской историко-филологической науки—въ „Богосл. Вѣстн." 1900, № 11.

35. Православна Далмациjа. Еп. Никодима. Нови Сад. 1901,—замѣтка въ „Богосл. Вѣстн." 1901, сент.

36. По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго—въ „Богосл. Вѣстн." 1902, № 3.

37. Къ вопросу о новомъ пересмотрѣ славянскаго перевода Библіи—въ „Богосл. Вѣстн." 1903, № 2.

38. Погодинскій № 27 Апостолъ и Чудовская, усвояемая Св. Алексѣю, рукопись Новаго Завѣта—въ „Сборникѣ по славяновѣдѣнію", изд. Отдѣленіемъ Рус. яз. и слав. Импер. Академіи Наукъ, 1904.

39. Изъ славянской церковной хроники 1902 г. въ „Нов. Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составл. и изд. учениками В. И. Ламанскаго" Спб. 1905.

Р. Ѳ. Брандтъ.

1. Разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ"—сочиненіе, удостоенное Историко-филологическимъ Факультетомъ Имп. Спб. Университета, въ 1875 году, награды золотою медалью. І-ая часть этого сочиненія напечатана, подъ заглавіемъ „Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ", Кіевъ, 1879 (Извѣстія Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, томъ IV); 2-ая часть—О языкѣ Гундулича—осталась въ рукописи.

2. Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880. (Изв. Ист.-фил. Инст. т. V).

3. Грамматическія замѣтки. Т. І. Варшава, 1883, 2-е изд. Спб. 1886 г.; а) О личных наставках славянскаго глагола; б) О вставочных **д** и **т**; в) О мнимомъ переходѣ **ы** и **и** въ **о** и **е**; г) О звуковом значеніи **ѣ**; д) О нѣкоторых формах мѣстоименія **и**; е) О происхожденіи славянскаго имперфекта; ж) О примѣтѣ второго разряда славянских глаголов; з) О присвоенных животным собственных именах; и) Нѣсколько соображеній о склоненіи согласных основ у Славян; і) Два слова о смягченіи **т** и **д**; к) Идѫ, ꙑдѫ, бѫдѫ; л) О слоговом **р** и **л** у Славян; м) О нѣкоторых окончаніях ереваго и уковаго склоненія; н) Поправки и дополненія (Изв. Русскаго Филоло-

гическаго Вѣстника, тт. V, VI, VII, VIII и IX). Т. II, вып. I. а) Нѣчто объ аористахъ; б) О ятевых и ижевых глаголах; в) О сильных и слабых формах. Варшава. 1886 (Р. Ф. В., тт. XI, XIII и XIV).

4. Об инфинитивах на **шти** и подобных им формах. Р. Ф. В., т. XV.
5. Об аористѣ **бимь** (Сборникъ статей по Славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками Влад. Ив. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. Спб. 1883).
6. Нѣсколько мелочей: а) Перецъ; б) Вьсь, вьсе, вьса; в) Человѣкъ; г) Акцентныя крохи. (Юбилейный сборникъ въ честь Вс. О. Миллера. Москва, 1900).
7. О польскомъ **Ѣ**. (Сборникъ статей, посвященныхъ академику Ф. О. Фортунатову. Варшава. 1902. Р. Ф. В., т. XLVIII).
8. О двоинных формах и об ограниченном числѣ „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составл. и изданный учениками В. И. Ламанскаго". Спб. 1905.
9. Об этимологическом словарѣ Миклошича. Варшава. 1887. (Р. Ф. В. т. XVIII) и Дополнительныя замѣчанія к Разбору Этимологическаго словаря Миклошича. Варшава. 1891. (Р. Ф. В., тт. XXI, XXII, XXIII и XXIV).
10. Григоровичевъ Паримейникъ, въ сличеніи съ другими паримейниками, издалъ Романъ Брандтъ. Выпуски I, II и III. Москва. 1894 и 1901 (Изъ Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ).
11. Лекціи по исторической грамматикѣ Русскаго языка. Выпускъ I. Фонетика. Москва. 1892. (Изъ XVI т. Ученыхъ Записокъ Имп. Московскаго Университета по Историко-филологическому Факультету).
12. Краткая фонетика и морфологія Польскаго языка. М. 1894. (Записки Моск. Ун., т. XX).
13. Краткая фонетика и морфологія Сербскаго языка. М. 1895. (Зап. М. Ун., т. XXIV).
14. Краткая фонетика и морфологія Чешскаго языка. М. 1900. (Зап. М. Ун., т. XXIX).
15. Краткая фонетика и морфологія Болгарскаго языка. М. 1901. (Зап. М. Ун., т. XXX).
16. Сравнительная морфологія Славянскихъ языковъ, сочиненіе Франца Миклошича, перевелъ Николай Шляковъ, подъ редакціей Романа Брандта. М. Вып. I. Старословенскій языкъ. 1883. (Изв. Института князя Безбородко, т. VIII), 2-ое изд. 1889 г. Вып. II. Языки Новословенскій, Болгарскій и Сербскій. 1885. (Изв., т. IX), 2-ое изд. 1890. Вып. III. Языки: Малорусскій и Русскій и IV. Языки: Чешскій и Польскій. 1886. (Изв. X). Вып. V. Языки: Верхнелужицкій и Нижнелужицкій и Поправки и дополненія. 1887. (Изв. XI). VI. Романъ Брандтъ. Поправки и дополненія къ русскому переводу Сравнительной морфологіи Франца Миклошича. Изд. 2-ое. Вып. I. М. 1891.
17. Выписки изъ старопольской литературы, со словарикомъ. М. 1900 г. (Уч. Зап., т. XXVIII).
18. Ленора, Людмила и Нерина. Замѣтка по польской литературѣ. Варшава. 1896. (Р. Ф. В., т. XXXV).
19. Адамъ Мицкевичъ и основные мотивы его поэзіи. М. 1902 („Подъ знаменемъ науки". Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка).
20. Prinos k tekstu Palmotićeve Captislave (Имѣетъ появиться б.

изданіи Юго-славянской Академіи „Gradja za povjest knjiżevnosti hrvatske").
21. Павелъ Іосифъ Шафарикъ, какъ изслѣдователь славянскихъ языковъ и письменъ. М. 1898 (Труды Славянской Комиссіи при Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, т. II).
22. Памяти Яна Коллара. М. 1902 (Протоколы засѣданій Слав. Ком. при Моск. Арх. Общ.).
23. Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. Рѣчь, сказанная на годичномъ актѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ въ 1882 г. (Изв. Инст., т. VIII, 1884 г.).
24. Мнѣніе г. Тулова о русскомъ правописаніи (Р. Ф. В., т. V, 1881 г.).
25. О лженаучности нашего правописанія. Публичная лекція. Воронежъ. 1901. (Фил. Зап., вып. I—II).
26. О проектѣ упрощенія русской орѳографіи. Отвѣтъ А. С. Бѣлкину (Ж. М. Н. П., 1902, № 8).
27. Zur orthographischen Frage in Russland (Archiv für slavische Philologie. B. XXIV, 1902 г.).
28. Къ орѳографической реформѣ („Русь" 1904 г., № 124).
29. Рѣчь о правописаніи, произнесенная въ засѣданіи орѳографической комиссіи Имп. Академіи Наукъ 12 апрѣля 1904 г. („Русь", № 130).
30. Мнѣнія о русскомъ правописаніи Игн. Викент. Ягича, Ѳед. Евг. Корша, Ант. Сем. Будиловичъ и Ал-др. Ив. Томсона (Ф. З. 1904 г. вып. II).
31. Нѣчто о правописной реформѣ—отвѣтъ г. О. Ржигѣ (Печатается въ Р. Ф. В.).
32. Загробный голосъ о русскомъ языкѣ и правописаніи (Имѣетъ появиться въ Ф. З.).
33. Отвѣт на Замѣтку Ант. Сем. Будиловича по вопросу об упрощеніи русскаго правописанія. (Имѣетъ появиться въ Р. Ф. В.).
34. Отзывъ о I-ой части труда орд. проф. Т. Д. Флоринскаго „Лекціи по славянскому языкознанію: I. Введеніе. II. Югославянскіе языки (болгарскій, сербохорватскій и словинскій)". Кіевъ 1895. (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г.). (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. LXVI. Спб. 1900).
35. Отзывъ о 2-ой части того же сочиненія: „Сѣверо-западные славянскіе языки" [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. Спб. и Кіевъ 1897. (Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 году. Тамъ же).
36. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausits von Georg Liebsch, Bautzen 1884. (Р. Ф. В., т. XI. 1884 г.).
37. Нѣсколько замѣчаній по грамматикѣ славянскихъ языковъ (Въ отвѣтъ критикамъ). Ж. М. Н. П., 1887 г., мартъ.
38. Грамматика старославянскаго языка А. Лескина. Переводъ съ нѣмецкаго съ дополненіемъ по языку Остромирова евангелія. Москва. 1890. (Ж. М. Н. П., 1890, іюль).
39. Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Изъ лекцій А. И. Соболевскаго, орд. проф. Спб. Университета. М. 1891. (Ж. М. Н. П., 1892 г., іюнь).
40. С. К. Буличъ. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Ч. I, Спб., 1893. (Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXI. Москва, 1894).

41. А. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава, 1893. (Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXIV. Москва 1895).
42. Францъ Миклошичъ (Этнографическое Обозрѣніе, кн. IX. Москва, 1891).
43. Францъ Палацкій (Протоколы Славянской Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Москва, 1902).
44. Найденъ Геровъ. (Тамъ же).

Ѳ. Я. Гротъ [1]).

*1. Нѣсколько словъ за Чеховъ. („Новое Время", 1876, 4 ноября).
*2. О „Славянскомъ Ежегодникѣ" Н. П. Задерацкаго. („Новое Время". 1878, № 972).
*3. Каѳедры славянскихъ нарѣчій въ нашихъ университетахъ. („Новое Время", 1879, № 1015).
*4. „Гимназія Высшихъ Наукъ кн. Безбородко" Н. А. Лавровскаго. („Новое Время". 1879, № 1264).
5. О книгѣ М. И. Соколова „Изъ древней исторіи Болгаръ" („Ж. М. Н. П.", 1879, сентябрь).
*6. О книгѣ Ѳ. И. Успенскаго „Образованіе второго Болгарскаго царства" („Критич. Обозрѣніе", 1879, № 10).
*7. О книгѣ Р. О. Брандта „Поэма Гундулича Османъ". („Критич. Обозрѣніе", 1879, № 17).
8. О книгѣ Кёммеля „Die Anfänge deutschen Lebens in Oesterreich". („Ж. М. Н. П.", 1880, апрѣль).
9. Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ (соч. пис. на факультет. тему и удостоенн. золотой медали), стр. I—IV+232. (Спб. 1880. IX томъ „Записокъ Имп. Русск. Географ. Общества" и отдѣльно).
10. Моравія и Мадьяры съ половины IX до нач. X в. Спб. 1881, стр. I—XXIV+436 (магистер. диссерт.). („Записки Имп. Спб. Унив." и отдѣльно).
11. Zur Kritik einer Stelle bei Konstantin Porphyrogenet. „Archiv fur slav. Philol." Ягича, т. V, 1882.
12. Изъ поѣздки по Моравіи (чтеніе въ Славян. Благотв. Общ. въ 1878 г.). („Сборникъ 15-лѣтія Слав. Благ. Общ.", 1883).
13. О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедію. Замѣтки Н. Я. Данилевскаго и К. Я. Грота. („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.". Т. XIX, 1883).
14. Вступительная лекція, читанная въ Имп. Варшавск. Университетѣ 16 сент. 1883. (Нѣсколько мыслей объ изученіи исторіи литературы южныхъ Славянъ). („Варш. Унив. Извѣстія", 1883, № 4).
15. О новыхъ трудахъ по исторіи Венгріи. („Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго". Спб 1883).
16. Изъ поѣздки къ Сербо-Лужичанамъ. („Извѣстія Спб. Славян. Благотв. Общества", 1883, октябрь).
*17. „Два славянскія торжества. („Варш. Дневн.". 1883. № 228).

[1]) Небольшія рецензіи, библіографическія, некрологическія и друг. статьи, рѣчи и т. п. отмѣчены звѣздочкой. Мелкія статьи, замѣтки, корреспонденціи etc. не вошли совсѣмъ въ этотъ перечень. *К. Г.*

*18. Слово при открытіи памятника профессору В. В. Макушеву. („Варш. Дневникъ", 1884, № 52).
19. Историческій Институтъ при Вѣнскомъ Университетѣ. („Ж. М. Н. П.". 1884, ч. 232).
20. Изъ воспоминаній о Люблянѣ. („Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.", 1884, апрѣль).
21. Нѣсколько вновь пріобрѣтенныхъ рукописей Народной Библіотеки въ Бѣлградѣ. („Русск. Филолог. Вѣстникъ". Варш., 1884, № 4).
*22. Польская хрестоматія г. Вержбовскаго. („Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.", 1885, май—іюнь).
23. Взглядъ на подвигъ Славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія ихъ греческаго происхожденія. („Меѳодіевскій Сборникъ". Варшава, 1885).
*24. Библіографическія Замѣтки. („Извѣстія Спб. Слав. Общ.", 1886, янв.),
*25. Новыя русскія пособія по славяновѣдѣнія. („Варш. Дневникъ", 1886, дек. 27—29).
26. Новый нѣмецкій трудъ чешскаго слависта (г. Пича). („Ж. М. Н. П.", 1886, іюль).
*27. Р. I. Бошковичъ. („Варш. Дневникъ", 1887, № 26).
*28. Библіографическая замѣтка о книгѣ П. А. Лаврова: „П. П. Нѣгошъ". („Варш. Дневникъ", 1887, № 77).
29. Лондонскія замѣтки. (Славянскія рукописи Британскаго музея. Славистика въ Англіи). („Русск. Филолог. Вѣстникъ", 1887, кн. I).
30. О книгѣ г. Пича „Les lois romaines", etc. („Ж. М. Н. П.", 1887, ноябрь).
*31. Библіографическія замѣтки о книгахъ Кочубинскаго, Первольфа, Флоринскаго и Соколова. („Варш. Дневникъ", 1888, іюль, № 159—160).
32. Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII в. (1141—1173), стр. I—XII+424+I—LXXVIII. Варшава. 1889 (Доктор. диссерт.).
*33. Русско-славянскій календарь. Библіограф. замѣтка. („Варш. Дневн." 1890, 6 апр., № 75).
*34. Объ изданіи „Живая Старина" I, II, 1890 („Варш. Дневн." 1891, № 32, 7 февр.).
*35. О славянскомъ календарѣ на 1891 г. (Библіограф. замѣтка). („Варш. Дневн.", 1891, № 56—57).
36. На берегахъ Дикой Орлицы (Изъ поѣздки въ Чехію). („Русск. Вѣстн." 1891, апр. и май. Извлеченіе по-чешски въ сборникѣ „Potštýn", 1897).
*37. Семенъ Николаевичъ Сулима (Некрологъ). („Варш. Дневн.", 1891, № 97, 20 апр.).
38. Изъ исторіи давнихъ угро-славянскихъ отношеній. („Варш. Универс. Извѣстія", 1891, № 8).
*39. О трудахъ Шапкарева по собиранію памятниковъ народнаго творчества. („Живая Старина", 1891, № 4).
40. Лекція, посвященная памяти профессора I. I. Первольфа († 21 дек. 1891 г.), читанная 15 янв. 1892 г. въ Имп. Варшав. Университе („Варш. Дневн.", 1892, янв. 21 и 22, №№ 16 и 17).
*41. Русскіе труды по славяновѣдѣнію въ 1891 г. („Славян. Обозр.", 1892, февр. № 2).
42. О. О. Первольфъ (Некрологъ). („Ж. М. Н. Пр.", 1892, февр.).
43. Исторія Венгріи. („Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона", т. X).
44. Поминки по Іос. Іос. Первольфѣ (съ его портретомъ). („Варш. Унив. Извѣстія", 1893, кн. III).
45. Славянскія основы идей и дѣятельности I. А. Коменскаго. („Славян.

Обозр.", 1892, май—іюнь (чешск. перев. въ „Slavn. Almanach morav. učitelstva" (k. jubil I. A. Komensk.), Kroměř., 1892).

*46. Переписка I. А. Коменскаго (объ изданіи А. О. Патера) („Слав. Обозр.", 1892).

*47. Къ характеристикѣ пропаганды уніатства въ Австріи. (Тамъ же, смѣсь).

*48. Іосифъ Буденцъ (некрологъ). (Тамъ же, смѣсь).

*49. Изъ Лондона (корреспонд.) („Слав. Обозр.", 1892, ноябрь—дек.).

*50. Коменскій и Мадьяры. (Тамъ же).

51. Редакція изд. II ч. III-го тома соч. Первольфа „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи". Варшава, 1893.

52. Мадьяры и Славяне въ прошломъ. Историческія справки о славянахъ въ государственной жизни Угріи (Рѣчь на университ. актѣ). („Варшав. Унив. Извѣстія", 1893, № 6. Словацкій перев. въ Slovensk Pohl'ady 1894. S. 3 и 4).

53. Михаилъ Горникъ. (Сборн. „Славян. Обозрѣніе", 1894, подъ ред. И. С. Пальмова).

54. Двѣ потери славянской науки (Рачкій и Горникъ). („Русскій Филол. Вѣстникъ", 1894, № 1—2.

55. Něšto slowow wopomnječa na Michala Hórnika. (Журн. „Lužica", 1894, č. 5 (Meja).

56. Изданіе (съ введеніемъ и примѣчаніями): „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ", три тома. Спб. 1896.

57. Нѣсколько писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ Плетневу. („Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н.", 1897, т. II, кн. I).

58. Два эпизода изъ жизни Финляндіи въ послѣдніе годы царствованія Имп. Николая I. („Историч. Вѣстникъ", 1897, іюль).

59. Изданіе: Труды Я. К. Грота. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра. Спб. 1898 г.

60. Изданіе (съ дополненіями редактора): Фритіофъ, скандинавскій витязь. Спб. 1898 г. (отт. изъ I т. Трудовъ).

*61. Рѣчь на торжествѣ (банкетѣ) Палацкаго въ Прагѣ. („Варшав. Днев." 1898, 24 іюня (Приложеніе) № 169).

62. Изданіе: Труды Я. К. Грота. II. Филологическія разысканія Спб. 1899 г. (изд. значит. дополненное).

63. Изданіе: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. 2-ое изд. (съ дополненіями и замѣтками редактора). Спб. 1899 (Отт. изъ III т. Трудовъ).

64. Критическій отзывъ о книгѣ г. Ясинскаго: Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ. Спб. 1899 г. (Присужденіе премій имени А. А. Котляровскаго).

*65. Памяти Н. А. Лавровскаго. („Новое Время", 1899, 21 сент.).

*66. Архимандритъ Никифоръ Дучичъ. („Новое Время", 1899, 20 окт. Приложеніе).

*67. „Житіе пр. I. Наумовича", Мончаловскаго (рецензія). („Новое Время" 1899, 27 окт. Приложеніе).

72. Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ П. А. Плетневымъ. („Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. А. Н.“, 1900, т. V, кн. 1).
73. Славяновѣдѣніе—въ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, 59 полутомъ.
74. Изданіе: Труды Я. К. Грота. III. Очерки изъ исторіи русской литературы. Спб. 1901 г.
75. Русская красавица минувшаго вѣка (памяти М. А. Паткуль). („Истор. Вѣстникъ“, 1901, май).
76. Нѣсколько дополненій къ рукописямъ Жуковскаго. („Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н.“ 1901, т. VI, кн. 2).
77. Объ изученіи Славянства. Судьба славяновѣдѣнія и желательная постановка его преподаванія въ университетѣ и средней школѣ Спб. 1901 г.
78. Изданіе: Труды Я. К. Грота. IV. Изъ Русской исторіи. Спб. 1901 г.
*79. Къ вопросу о національзаціи русской школы. („Славянск. Вѣкъ“, 1901, № 26, 15 сент.).
*80. Ѳ. И. Езбера (некрологъ). („Новое Время“, 1901, 31 окт., № 9217).
81. Подвижникъ идеи всеславянскаго братства (Памяти Ѳ. И. Езбера). („Нов. Время“, 1901, 10 ноября, прилож. № 9227).
*82. Louis Leger, La Myhtologie Slave. Paris 1901 (библіогр. зам.). („Новое Время“, 1901, 14 ноябр. Прилож. № 9231).
83. Изданіе: „По поводу школьной реформы. О необходимыхъ элементахъ общаго образованія и воспитанія Я. К. Грота, съ присоединеніемъ статьи К. Я. Грота. „Къ вопросу о національзаціи русской школы, Спб. 1901.
84. Къ біографіи И. И. Дмитріева. („Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесности“, 1901, т. VI, кн. 4).
*85. Памяти А. В. Плетневой. („Новое Время“, 1901, 31 дек., № 9276).
86. Письмо А. С. Пушкина къ П. А. Плетневу (1814). (Сообщ. „Русск. Арх.“, 1902, февраль).
87. Альбомъ Анны Петровны Буниной. („Русск. Арх.“, 1902, мартъ).
*88. И. И. Соколовъ (некрологъ). („Новое Вр мя“, 1902, 10 марта № 9344).
89. Къ матеріаламъ о В. А. Жуковскомъ. („Истор. Вѣстн.“, 1902, апр.).
*90. Къ юбилею В. А. Жуковскаго. („Новое Время“, 1902, 8 апр.).
91. П. А. Плетневъ о В. А. Жуковскомъ. („Русск. Арх.“, 1902, № 5).
92. Формулярный списокъ В. А. Жуковскаго. (Сообщ., тамъ же).
*93. О книгѣ W. R. Morfill, A History of Russia from the berth of Peter the Great to the death of Alexander II. („Новое Время“. Приложеніе, 1902, 1-го мая, № 9394).
*94. О книгѣ Ѳ. Ѳ, Зигеля: Lectures on Slavonic law, London 1902. „Новое Время“. (Приложеніе), 1902, 8 мая, № 9401).
95. В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г. (отд. отт. изъ не вышедшаго еще „Акад. Сборника“ въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго), Спб. 1902.
96. Петръ Александровичъ Плетневъ. Біограф. очеркъ. Спб. 1902. („Русскій Біографич. Словарь“, отд. оттиски).
97. Къ матеріаламъ о Гоголѣ. („Литератури. Вѣстникъ“, т. IV, кн. 5. Спб. 1902).
*98. О книгѣ В. А. Францева „Очерки по исторіи чешскаго возрожденія“. („Новое Время“, 1902, 16 окт.).
99. Памяти Адольфа Ивановича Добрянскаго. („Извѣстія Спб. Славянск. Бл. Общ.“, 1902, декабрь).

*100. О книгѣ Rev. A. H. Hore „Students History of the Greek Church“. 1902. („Новое Время“, 1902, 18 дек., № 9624).
*101. Памяти К. П. Яновскаго. („Новое Время“, 1903, 11 янв., № 9646).
102. Къ исторіи журналистики въ сороковые годы прошлаго вѣка. „Современникъ“ Плетнева и сатира Я. К. Грота. („Литератур. Вѣстн.“, т. IV, 1902, кн. 8, стр. 362).
103. Изданіе: Труды Я. К. Грота, т. V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Спб. 1903. съ портретомъ.
*104. Одна изъ задачъ школьной реформы. (О преподаваніи исторіи). („Новое Время“, 1903, 1 апр., № 9725).
105. Н. М. Карамзинъ и Ѳ. Н. Глинка (Матеріалы къ біографіямъ русскихъ писателей). Спб. 1903. („Извѣстія Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н.“ т. VIII, кн. 2).
106. Мадьяры (ист. очеркъ). („Правит. Вѣстникъ“, 1903, окт. 29, 30, 31, 2 и 5 ноября, №№ 239, 240, 241, 243, 245).
107. К. К. Гротъ въ юности и въ первую эпоху службы. Спб. 1904 (изъ не вышедшаго еще Сборника въ память К. К. Грота).
108. Редакція вмѣстѣ съ Московъ. Психол. Общ. кн. „Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи“. Спб., 1904.
*109. Памяти А. Л. Апухтина (Замѣтка). („Новое Время“, 1903, 4 ноября, № 9939).
*110. А. И. Козлова (Историко-литературная поминка). „Новое Время“, 10-ое ноября 1903, № 9945).
*111. М. С. Дриновъ (по поводу его юбилея). („Извѣст. Слав. Благ. Общ.“ 1904, № 1).
112. В. А. Жуковскій и А. И. Козлова (письмо Жуковскаго). („Русск. Арх.“, 1904, № 22, стр. 283).
113. Страничка изъ прошлаго. Къ исторіи оперы „Жизнь за Царя“. (Письмо бар. Розена къ Пушкину). „Правит. Вѣстн.“, 1904, 20—21 марта №№ 69—70.
114. В. А. Жуковскій и А. П. Зонтагъ. (По поводу 40-лѣтія смерти Зонтагъ 1864, 19 марта. („Правит. Вѣстникъ“, 1904, №№ 96, 100, 105, 119, 133, 134).
115. Е. А. Баратынскій и П. А. Плетневъ. „(Русск. Старина“), іюль 1904.
116. Матеріалы къ біографіямъ русскихъ писателей. Къ біографіи, твореніямъ и перепискѣ И. И. Козлова. „Извѣстія Имп. Акад. Наукъ“. т. II отдѣл. (т. IX), 1904, кн. 2.
117. Изъ исторіи славянскаго самосознанія и славянскихъ сочувствій въ русскомъ обществѣ (изъ 40-хъ годовъ XIX вѣка). „Правит. Вѣстн.“, 1904 (авг. 26, 27, 28 и 29).
118. Нѣсколько писемъ по поводу смерти и погребенія В. А. Жуковскаго. („Литературн. Вѣстн.“, 1904, т. VII, кн. 4).
119. Большой праздникъ у самаго маленькаго Славянскаго народа. („Славянск. Изв.“, 1904).
120. Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ славянства и русскихъ историческихъ изученіяхъ. „Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго“. Спб. 1905.

Т. Д. Флоринскій [1]).

1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Спб. 1880.
2. Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в. Два выпуска. Спб. 1882.
3. Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ. Кіевъ. 1888.
4. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть первая. I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки (болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій). Кіевъ. 1895.
5. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій). Кіевъ. 1897.
6. Малорусскій языкъ и украïньско-руській литературный сепаратизмъ. Спб. 1900 г. (раньше въ газетѣ „Кіевлянинъ" за 1899 г.).
7. Константинъ Порфирородный, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ передъ судомъ новѣйшей критики. Спб. 1881 („Ж. М. Н. Пр.").
8. Новые матеріалы для исторіи Дубровника. Спб. 1881 („Ж. М. Н. Пр.").
9. Политическая и культурная борьба на греческомъ Востокѣ въ первой половинѣ XIV в. Кіевъ. 1883 („Унив. Изв.").
10. Новыя книги по южно-славянской исторіи. Кіевъ. 1883 („Унив. Изв.").
11. Новые матеріалы для исторіи Греціи въ средніе вѣка. Кіевъ. 1883 („Унив. Изв.").
12. Къ вопросу богомилахъ. Спб. 1883 („Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго").
13. Гусъ и Виклефъ. Кіевъ. 1884 („Унив. Изв.").
14. В. В. Макушевъ (некрологъ). Кіевъ. 1884 („Славянскій Ежегодникъ").
15. Юрій Даничичъ (некрологъ). Кіевъ. 1884 (тамъ же).
16. Юбилей Франца Миклошича. Кіевъ. 1884 (тамъ же).
17. Юбилей В. И. Ламанскаго. Кіевъ. 1884 (тамъ же).
18. Новый русскій трудъ по исторіи Византіи (о сочиненіи Н. Скабалановича: Византійское государство и церковь въ XI в. Спб. 1884).
19. Новыя книги по этнографіи и исторіи славянъ. Кіевъ. 1884 („Унив. Извѣстія").
20. Новости сербской литературы. Кіевъ. 1886 („Унив. Изв.").
21. Замѣтки о новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1885 („Унив. Извѣстія").
22. Изученіе болгарской народной старины. Кіевъ. 1885 („Унив. Изв.").
23. Польскій ученый трудъ о Дубровникѣ. Кіевъ. 1885 („Унив. Изв.", о книгѣ Adama Rzążewskiego „Złoty wiek literatury Dubrownika").
24. Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ. Кіевъ. 1885 („Кіевл.").
25. Словенская матица и ея изданія. Кіевъ. 1886 („Унив. Изв.").
26. Замѣтки о новыхъ трудахъ по славянской филологіи и исторіи. Кіевъ. 1887 (тамъ же).

---

[1]) Въ этотъ списокъ не вошла большая часть меньшихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: „Пчела", „Русскій Міръ", „Голосъ", „Новое Время", „Кіевлянинъ", „Кіевское Слово", „Россія", „Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.".

27. Новыя книги по сербской исторіи. Кіевъ. 1888 (тамъ же).
28. Новыя книги по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1888 (тамъ же).
29. Въ память пятисотлѣтія Косовской битвы. Кіевъ. 1889 (тамъ же).
30. Новости славянскихъ литературъ. Кіевъ. 1890 (тамъ же).
31. Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала. Кіевъ. 1890 (тамъ же).
32. Новѣйшія историческія изслѣдованія архимандрита Иларіона Руварца. Кіевъ. 1890 (тамъ же).
33. Разборъ сочиненія Стеф. Гопчевича: „Makedonien und Alt-Serbien". 1889.
34. Новыя книги по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1891 („Унив. Изв.").
35. Памяти Миклошича. Кіевъ. 1891 (тамъ же).
36. Чехъ о славянскомъ вопросѣ. Спб., 1892 („Славянское Обозрѣніе").
37. Глаголическій миссалъ Хервои, воеводы боснійскаго и герцога Сплѣтскаго. Кіевъ. 1892 („Унив. Изв.").
38. Янъ Амосъ Коменскій, „другъ человѣчества". Публичная лекція въ пользу голодающихъ, читанная въ Имп. Университетѣ св. Владиміра 14 марта 1892 г. Кіевъ. 1892 (тамъ же).
39. Новое открытіе въ области южно-славянскаго эпоса. Кіевъ, 1892 („Кіевскій Сборникъ" въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая).
40. Воззрѣнія южныхъ славянъ на Русь (по историческимъ свидѣтельствамъ и народнымъ пѣснямъ). Спб., 1892 („Славянское Обозрѣніе").
41. Новѣйшіе труды по изученію южно-славянской старины и народности. Кіевъ. 1894 („Унив. Извѣстія").
42. Жизнь и труды д-ра Фр. Рачкаго, перваго председателя юго-славянской Академіи. Кіевъ, 1895 (тамъ же).
43. Новые труды по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1895 (тамъ же).
44. Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX ст. Кіевъ. 1895.
45. Обзоръ важнѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію за 1895 г. Кіевъ. 1896 („Унив. Изв.").
46. Извѣстія и замѣтки о новѣйшихъ трудахъ и изданіяхъ по славянской исторіи и филологіи. Кіевъ. 1897 (тамъ же).
47. Большой праздникъ у самаго малаго славянскаго народа. Кіевъ. 1898. (Приложеніе къ Отчету о дѣятельности Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества за 1897 г.).
48—59. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. Вып. I—XII. 1898—1904. Кіевъ („Унив. Изв.").
60. Всѣми забытый и униженный славянскій народъ. Кіевъ, 1892 (Приложеніе къ Отчету о дѣятельности Кіевскаго Слав. Благ. Общ. за 1898 г.).
61. Пушкинъ и Челяковскій. Рѣчь, произнесенная 16 мая въ торжественномъ годичномъ собраніи Кіевскаго Слав. Благотв. Общ. („Кіевлянинъ", 1899, № 136 и въ Сборникѣ Университета св. Владиміра „Памяти Пушкина").
62. Нѣсколько замѣчаній о надписи царя Самуила. Софія. 1899 („Извѣстія Русс. Археол. Института въ Константинополѣ", т. IV, вып. 1).
63. Къ вопросу о древности и взаимныхъ отношеніяхъ кириллицы и глаголицы. Кіевъ. 1900 („Чтенія въ Истор. Общ. Пр. Нестора Лѣтописца).
64. Зарубежная Русь и ея горькая доля. Кіевъ. 1900.
65. Гдѣ правда? По поводу новыхъ толковъ о малорусскомъ языкѣ, какъ органѣ науки и высшей образованности. („Кіевлянинъ", 1900).

66. Тревожные вопросы дня въ славянскомъ мірѣ. Кіевъ. 1901 („Кіевлянинъ, 1901 г., № 133 и Приложеніе къ Отчету о дѣятельности Кіевскаго Слав. Благ. Общ. за 1901 г.).
67. Отзывъ о сочиненіи г. Фридриха Вестберга. Комментаріи на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянахъ. Спб. 1902 („Отчетъ о 42 присужденіи наградъ графа Уварова).
68. Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій (некрологъ). Спб. 1903 („Журн. Мин. Нар. Просв.").
69. Рецензія сочиненія А. Н. Ясинскаго: „Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка" (1901). Спб. 1903 (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1901 г.).
70. Древнѣйшій памятникъ болгарскаго права. Кіевъ. 1904. („Сборникъ статей по исторіи права", изданный подъ редакціей проф. М. Н. Ясинскаго въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова).

С. Л. Пташицкій.

1. Критическія и библіографическія замѣтки. Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность. Статья В. В. Макушева въ Слав. Сборникѣ. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1878 г., ч. 191, отд. 2).
2. О литературной и ученной дѣятельности Августа Бѣлевскаго (тамъ же ч. 194, отд. 2).
3. Критическія и библіографическія замѣтки. Полный словарь польскаго и русскаго языка, составл. П. П. Добровскимъ (тамъ же ч. 197, отд. 2).
4. Деспоты Зеновичи въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ. Архивное разысканіе („Русская Старина" изд. 1878 г., т. XXI, XXII).
5. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Вержбнѣ. 20-го ноября 1830 г. (тамъ же XXII (1878), 317).
6. Малоизвѣстныя путешествія по Польшѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ „Жур. Мин. Нар. Просв." ч. 199, отд. 2).
7. Іоахимъ Лелевель, какъ критикъ Исторіи Государства Россійскаго соч. Карамзина („Русская Старина" изд. 1878 г., т. XXII и XXIII).
8. Петербургъ въ 1720 году. Записки поляка-очевидца (тамъ же изд. 1879 г. т. XXV).
9. Mikolai Rej z Naglowic i ks. Józef Wereszczyński. Ustęp z większej calości. Wilno. 1880. str. 33 (Odbitka z Upominku Wileńskiego).
10. Listy Joachima Lelewela do Tadeusza Bulharyna (Gwiazda, Kalendarz petersburski na rok 1881).
11. Antoni Edward Odyniec. Wspomnienie jubileuszowe (Gwiazda na rok 1882).
12. W kwestji oryginalności Zwierciadla Rejowego (тамъ же).
13. Критика и библіографія. Prawo polskie w XIV wieku. Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Opracowal R. Hube („Журн. Гражд. и Уголовн. Права" 1882, кн. III).
14. Критика и библіографія. Prochaska. Codex epistolaris Vitoldi („Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 224, отд. 2).
15. П. П. Дубровскій. Некрологъ (тамъ же отд. 4).
16. Критика и библіографія. Писцовая книга Гродненской экономіи (тамъ же ч. 226, отд. 2).
17. В. А. Мацѣёвскій. Некрологъ (тамъ же отд. 4).

18. Николай Рей, польскій писатель XVI ст. Нѣсколько новыхъ данныхъ для его біографіи. С.-Петербургъ. 1883, стр. 22 (Оттискъ изъ Сборника статей по славяновѣдѣнію, изданнаго учениками В. И. Ламанскаго).
19. Biblioteki i archiwa petersburskie (Gwiazda na rok 1884).
20. Cesarska Biblioteka publiczna i Metryka Litewska w Petersburgu. Krakow. 1884.
21. Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie z końca XVI w. Ustęp z dziejów drukarstwa w Polsce. Kraków. 1884, str. 43 (Odbitka z XI tomu Rozpraw Wydz. Filolog. Ak. Um.).
22. Иванъ Өедоровъ, Московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ. Очеркъ по вновь открытымъ архивнымъ матеріаламъ („Русская Старина" изд. 1884 г. т. XLI).
23. Критика и библіографія. Вержбовскій Ө. Христофоръ Варшевицкій и его сочиненія („Журн. Мин. Нар. Просв." ч. 246, отд. 2).
24. Łukasz Górnicki. Kilka nieznanych szczegółów z życia dzierżawcy tykocińskiego i wasilkowskiego (Bibl. Warsz. zeszyt z Maja 1886).
25. Dostojnicy Litewscy (Odbitka z Ateneum 1886).
26. Описаніе книгъ и актовъ литовской метрики. Спб. 1887, стр. 238.
27. Библіотека Великаго князя Литовскаго въ Вильнѣ въ 1510 г. (Библіографъ 1888 г.).
28. Новѣйшія польскія библіографическія изданія (тамъ же).
29. Длугошъ, польскій историкъ XV ст. (тамъ же).
30. Dzieje rodów litewskich, jako materjał do archeologji historycznej (Odbitka z Ateneum w r. 1888).
31. Mikołaja Reja z Nagłowic Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego. Według wydania z r. 1560. Petersburg, Warszawa. 1881—1889.
32. Mikołaja Reja z Nagłowic Wizerunk. Notatka literacko-bibliograficzna. Warszawa. 1889.
33. Poezye Krzyckiego (Ateneum 1889).
34. Критика и библіографія. Карѣевъ. Польскія реформы XVIII вѣка („Жур. Мин. Нар. Просв." 1890 г.).
35. Любовичъ. Начало католической реакціи въ Польшѣ (тамъ же).
36. Najdawniejszy zabytek mowy polskiej, nowo odnaleziony w Petersburgu (Kraj 1890)
37. Fortuny i cnoty różność. 1524. Wydał St. Ptaszycki. Kraków. 1889.
38. Hermana Schottena. O cnocie. Wydał St. Ptaszycki. Kraków. 1891.
39. Новѣйшія сочиненія по польской исторіи конца XVIII вѣка („Ис...рическое Обозрѣніе". Т. IV).
40. Переписка Литовскаго Канцлера Льва Ивановича Сапѣги („Ж... Мин. Нар. Просв." 1893 г. ч. 285, № 1).
41. Средне-вѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и сла...скихъ литературахъ („Историч. Обозр." Т. VI, стр. 157—127).
42. Powieść u nas przed trzystu laty (Upominek na cześć Orzeszkowej. 1893).
43. Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго С... Спб. 1894.
44. Къ исторіи Литовскаго права послѣ третьяго Статута. Сп... (Оттискъ изъ „Журн. Мин. Нар. Просв.").
45. Z dziejów starego rodu (Charitas SPB. 1894).
46. Сборникъ образцовъ славяно-русскихъ старопечатныхъ издан... 1895 г. Вып. I: XV—XVI вѣкъ.
47. С. А. Бершадскій. Некрологъ („Журн. Мин. Нар. Просв." 18...

48. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I. Исторія изъ римскихъ дѣяній. Спб. 1897 стр. 101.
49. Къ исторіи литературныхъ заимствованій въ польской литературѣ XVI ст. (Commentationes philologicae въ честь И. В. Помяловскаго. Спб. 1892).
50. Nieznane dawne druki polskie (Kraj. 1898. № 18).
51. Jeszcze raz o akcie chrztu Adama Mickiewicza (Kraj. 1898. № 26).
52. Nowe dzieło o Dymitrze jako Samozwańcu (Kraj 1898. № 31).
53. Библіотека графа Литавора Хрептовича въ Щорсахъ (Древности. Труды Археографической Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ. 1898).
54. Krótka wiadomość o rękopisach biblioteki Szczorsowskiej (Z ziemi pagórków lesnych, książka zbiorowa pośw. pam. A. Mickiewicza. Warszawa. 1899, str. 294—315).
55. Wiadomość statystyczna o archidyecezyi mohilewskiej w r. 1823. Przedrukował St. Ptaszycki (SPB. Kalendarz Katolicki 1898).
56. Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII (Извѣстія II отд. Имп. Академіи Наукъ 1899 и отд. оттискъ).
57. Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. Спб. 1899, стр. 131.
58. Польская библіографія за 1899 г. Списокъ изданій по исторіи, языку и литературѣ, вышедшихъ на польскомъ языкѣ (Извѣстія отд. рус. яз. Имп. Академіи Наукъ, IV, 1516—1537).
59. Важнѣйшіе новые польскіе труды о Мицкевичѣ (Вл. Мицкевичъ, Каленбахъ, Хмѣлёвскій; тамъ-же V, 339—350).
60. Польская библіографія за 1900 г. Списокъ изданій по исторіи, языку и литературѣ, вышедшихъ на польскомъ языкѣ (тамъ-же V, 1416—1431).
61. Критика и библіографія. Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма. Вып. I. Кіевъ. 1899 („Журн. Мин. Нар. Просв.", ч. 330 (1900), отд. 2. 385—398).
62. Библіографія. Wierzbowski. Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego. T. I. Warszawa. 1900 (Изв. отд. русск. языка Имп. Академіи Наукъ, VI, 360—372)
63. Средне-вѣковыя западно-европейскія повѣсти. II. Обзоръ матеріала по исторіи средне-вѣковой свѣтской повѣсти въ Польшѣ (тамъ-же, VII, 319—358 и отд. оттискъ, Спб. 1902 г.).
64. Новѣйшіе труды по исторіи польской литературы (Бигелейзенъ, Хмѣлёвскій и Тарновскій; тамъ-же, VII, 366—384).
65. (Mikołaj Rej z Nagłowic). Psałterz Dawidów wydał St. Ptaszycki. Petersburg. 1901.
66. Польская библіографія (1901 годъ). Систематическій указатель трудовъ по языкознанію, литературѣ, этнографіи и исторіи (Оттискъ изъ Славяновѣдѣнія въ 1901 г.). Спб. 1903, 96.
67. Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akta unii Litwy z Polską (Kwartalnik Historyczny. XVI (1902), 588—591).
68. Wiadomość bibliograficzna o rękopisie nieswieskim kroniki Strykowskiego (Pamiętnik Literacki. II (1903), 220—246).
69. Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV в. Изданіе Спб. Археологическаго Института подъ редакціей А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго. Спб. 1903, ц. 12 р. 50 к.
70. Отчеты о научныхъ занятіяхъ въ 1900, 1901 и 1902 (Сборникъ отд. русск. языка Имп. Академіи Наукъ, Тт. 69 (83), 71 (67), 74 (102).

71. Иванъ Өедоровъ. Изданія Острожской библіи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни („Печатное Искусство" и отдѣльно). Спб. 1903.
72. Западно-русскіе переводы хроникъ Бѣльскаго и Стрыковскаго (библіограф. замѣтка). „Новый Сборникъ статей по словяновѣдѣнію, сост. учениками В. И Ламанскаго", Спб. 1905.

М. И. Соколовъ.

1. Представленія древнихъ о подземномъ мірѣ и состояніи по смерти. Переводъ съ нѣмецкаго. „Яросл. Епарх. Вѣд.". 1875 г., стр. 143, 153 161, 173 и сл.
2. Общинное землевладѣніе въ Византійской имперіи. „Спб. Вѣд.", 1878 г. № 319.
3. Изъ древней исторіи Болгаръ. I. Образованіе Болгарской національности. II. Принятіе христіанства болгарскими славянами. Сочиненіе, удостоенное Имп. Спб. Универ. золотой медали. Спб. 1879. Въ „Запискахъ Истор.-филол. факульт. Имп. Спб. Универ." ч. IV.
4. Боснія до прихода Турокъ. „Еженед. Новое Время". 1879 г. 11 окт. стр. 111 и слѣд.
5. Славянское Обозрѣніе. Фельетоны въ „Спб. Вѣд.". 1879—1880 гг. Въ сотрудничествѣ съ И. И. Соколовымъ.
6. О борьбѣ Чеховъ съ Нѣмцами за право своего языка и народности. Въ изданіи: „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотвор. Общ.". Спб. 1883 г. стр. 631—641.
7. Обращеніе въ христіанство Болгарскаго князя Бориса. 1881 г. Ibid. стр. 685—691.
8. Археологическое изслѣдованіе Босніи и Герцеговины. „Изв. Спб. Слав. Благотвор. Общ.". 1883. Годъ первый. № 2.
9. Стихотворенія Яна Ботто. „Сборникъ статей по Славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго. Спб. 1883 г., стр. 402—420.
10. Изъ „Лабиринта Свѣта" Я. А. Каменскаго, гл. 10: Путешественникъ обозрѣваетъ сословіе ученыхъ. Переводъ съ чешскаго. „Славянскій Ежегодникъ". вып. VI. Кіевъ, 1884 г., стр. 163—174.
11. Новыя гипотезы о происхожденіи славянскихъ письменъ. „Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.". Годъ первый. 1884 г., № 4.
12. Православная Сербская семинарія въ Загребѣ. Ibid. 1884 г., № 8.
13. Къ празднованію 1000-лѣтія памяти Св. Меөодія. Ibid. 1884 г.
14. Труды Юго-Славянской Академіи наукъ. Ibid. 1884.
15. Службы Свв. Кириллу и Меөодію. Ibid. 1885 г., № 2.
16. А. Л. Блокъ. Политическая литература въ Россіи и о Россіи. Отзывъ о книгѣ. Ibid. 1885 г., № 2.
17. Свв. Кириллъ и Меөодій (читано на торжественномъ актѣ въ Историко-Филологич. Институтѣ князѣ Безбородкѣ въ Нѣжинѣ 6 апр.). Ibid. 1885 г. № 4 и отдѣльно.
18. Меөодіевскій юбилейный сборникъ, изд. Имп. Варш. Универ. къ 6 апр. 1885 г. Отзывъ объ изданіи. Ibid. № 6.
19. Матеріалы и замѣтки по старинной Славянской литературѣ. Вып. первый. I—V. Москва, 1888 г. Тоже въ „Изв. Историко-филол. Инст. князя Безбородка въ Нѣжинѣ", томъ XI (1887—1888 г.). Москва 1888 г., стр. 1—211.

20. Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ. Змѣевиками. „Журн. Мин. Народ. Просв.". 1889 г., іюнь, стр. 339—368.
21. Переписныя книги Костромскаго Ипатіевскаго монастыря 1595 года. „Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс. при Моск. Унив.". 1890 г. кн. 3 и отдѣльно. Москва, 1890 г., XI—60 стр.
Рецензія на книгу: В. Васильевскій. Обозрѣніе трудовъ по Византійской исторіи. Вып. 1. Спб. 1890 г. „Церк. Вѣд." № 28 за 1890 г., стр. 912.
22. Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, издава Мин. за народно то просвѣштение. Книга I. Софія, 1890 г. Рецензія въ „Этнограф. Обозр.". Книга V, 1890 г., стр. 183—192.
23. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ? „Жив. Старина", годъ 1, 1891 г. вып. II.
24. Урочные посты. Ibid. 1891 г., вып. III.
25. Русская гигіена XVI в. Ibid. 1891 г., вып. III.
26. Примѣты по днямъ луны. Ibid. 1891 г., вып. III.
27. Пространное житіе преп. Авраамія Ростовскаго чудотворца. „Яросл. Епарх. Вѣд." 1890 г. №№ 14 и 15.
28. Новооткрытое сочиненіе Юрія Крижанича о соединеніи церквей. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1891 г. апрѣль, стр. 232—266, май, стр. 1—56. Отдѣльное изданіе подъ названіемъ: „Матеріалы и замѣтки по старинной Славянской литературѣ. Вып. второй. VI. Спб. 1891.
29. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича. Вып. второй. 1674 годъ. Толкованіе историческихъ пророчествъ. XIV+122 съ двумя фототипич. снимками. М. 1891 г. Тоже въ „Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.". 1891 г.
30. Буддійская параллель къ ростовской легендѣ объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ. „Этногр. Обозр." 1891 г., кн. IX.
31. О редакціяхъ житія Св. Авраамія Ростовскаго. Въ „Трудахъ VIII Археол. съѣзда въ Москвѣ", т. II, стр. 236—241 и отдѣльно, 1892 г.
32. Слава россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ Гошпиталѣ по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Москва, 1892 г. Съ предисловіемъ и приложеніемъ трехъ фототипическихъ снимковъ. (То-же въ „Чт. въ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. при Моск. Унив." 1892 г., кн. II.
33. Алтынъ—Золотое Слово (восточная сказка). „Этнографич. Обозр." 1892 г., кн. XII.
34. Неизвѣстное сказаніе начала XVII в. легендарно-географическаго характера. „Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе Географ. отд. Имп. Общ. Любителей Естеств., Антроп. и Этногр." М. 1894 г., вып. I—II.
35. Н. С. Тихонравовъ. Некрологъ. „Рѣчь и Отчетъ Имп. Моск. Унив. за 1893 г.". М. 1894 г.
36. Дѣятельность Н. С. Тихонравова по изданію памятниковъ литературы. „Памяти Н. С. Тихонравова. Сборникъ, изданный Обществами Любителей Росс. Словесности и Московскимъ Археологическимъ". М. 1894 г.
37. Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ Змѣевиками. „Древности. Труды Славянской Комиссіи Импер. Моск. Археол. Общ." т. I. М. 1895, стр. 134—202 и отдѣльно.
38. Летучій огненный змѣй. „Живая Старина" за 1895 г., вып. III—IV, стр. 493—494.
39. Славянскіе стихи монаха Мардарія Хоникова къ лицевой Библіи Пискатора. „Археологич. извѣстія и замѣтки", изд. Моск. Археол. Общ. 1895 г. № 9—10 и отдѣльно.

40. Св. Стефанъ, епископъ Пермскій. „Прибавл. къ Церк. Вѣд.", изд. при Свят. Прав. Синодѣ. 1896 г., № 16 и отдѣльно.
41. Рецензія на сочиненіе С. А. Бѣлокурова: „О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи" въ „Отчетѣ о третьемъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова". М. 1897 г. и въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс." за 1897 г., кн. III.
42. Болгарская письменность. Въ „книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. т. II. М. 1897 г.
43. Стефанъ Душанъ. Ibid. т. III. М. 1899 г.
44. Матеріалы и замѣтки по старинной Славянской литературѣ. Выпускъ третій: VII. Славянская книга Еноха. II. Текстъ съ латинскимъ переводомъ. „Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс. при Моск. Универс.". 1899 г., кн. IV, IV+112.
45. Нѣкоторыя произведенія Кирилла Туровскаго въ сербскихъ спискахъ. „Древности. Труды Славянской Комиссіи Импер. Моск. Археол. Общ.", т. III, подъ ред. М. И. Соколова, предсѣдателя Слав. Комиссіи. М. 1902 г., стр. 214—230 и отдѣльно.
46. Повѣсть о благотворномъ князѣ Димитріи Римскомъ. Ibid. 1902 г. Приложенія къ протоколамъ, стр. 57.
47. Сербская повѣсть о Москвѣ. Ibid. 1902 г.
48. Посланіе Ѳедора Жидовина. „Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс.". 1902 г., кн. III и въ книгѣ отдѣльной „О жидовствующихъ. Новые матеріалы". Изд. Общ. Истор. и Др.". М. 1902 г., стр. 95 — 109.
49. Житіе Авраамія Ростовскаго. Въ книгѣ: „Минеи Четьи на русскомъ языкѣ". Изд. Моск. Синод. Типографіи. Мѣсяцъ октябрь". М. 1902 г., стр. 617—623 и отдѣльно. М. 1902 г.
50. Сказаніе о Ѳеодорѣ и Павлѣ Ростовскихъ, основателяхъ Борисоглѣбскаго монастыря. Ibid. 1902 г., стр. 508—516.
51. Житіе Стефана Дечанскаго. Ibid. 1902 г., ноябрь, стр. 261—278.
52. Житіе Іоанна Власатаго, Ростовскаго чудотв. Ibid. 1902 г., стр. 308 и слѣд.
53. Житіе Михаила Воина Болгарскаго. Ibid. 1902 г., стр. 613 и сл.
54. Житіе Іакова, архіеп. Ростовскаго. Ibid. 1902 г., стр. 748 и сл.
55. Житіе Ѳеодора, архіеп. Ростовскаго. Ibid. 1902 г., стр. 795—803.
56. Житіе Стефана Уроша, царя Сербск. Ibid. ноябрь, 1903, стр 44 и сл.
57. Житіе Данiила, архіеп. Сербскаго. Ibid. 1903 г., стр. 563—574.
58. А. И. Кирпичниковъ. „Рѣчь и отчетъ, чит. въ торж. засѣд. Имп. Моск. Унив. 12 янв. 1904 г." и отдѣльно.
59. Житіе Евстаѳія, архіеп. Сербскаго. „Минеи Четьи на русск. языкѣ". 1904 г., январь, стр. 176—181.
60. Житіе Саввы, архіеп. Сербскаго. Ibid. 1904 г., стр. 343—380.
61. Житіе преп. Иринарха, затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, что на Устьѣ. Ibid. 1904 г. 399—426.
62. Житіе Геннадія, Костромскаго и Любимоградскаго. Ibid. 1904 г., подъ 23 января.
63. Фениксъ въ апокрифахъ объ Энохѣ и Варухѣ. „Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, сост. учениками В. И. Ламанскаго", Спб. 1905.

И. П. Филевичъ [1]).

1. Забытый уголъ. „Ист. Вѣстн.“, 1881.
2. Три силуэта. „Слав. Изв.“, 1886.
3. И. С. Аксаковъ и польскій вопросъ. „Слав. Изв.“ 1887.
4. Къ 50-лѣтію возсоединенія зап.-русскихъ уніатовъ. „Рус. Вѣстн.“ 1889.
5. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. Спб. 1890.
6. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. „Ж. М. Н. П.“, 1891.
7. Вопросъ о возсоединеніи западно-русскихъ уніатовъ въ его новѣйшей постановкѣ (по поводу изслѣдованія Бобровскаго). „Варш. Ун-Изв.“, 1891.
8. Чехія и Чехи (изъ путевыхъ замѣтокъ). „Слав. Обозр.“, 1892.
9. Угорская Русь и связанные съ нею вопросы и задачи русской исторической науки. „Варш. Ун. Изв.“, 1894.
10. IX Археологическій съѣздъ въ Вильнѣ. „Ж. М. Н. Пр.“, 1894.
11. Польша и польскій вопросъ. „Рус. Обозр.“, 1894.
12. О разработкѣ географической номенклатуры. Труды X Археологич. съѣзда, т. I-й.
13. Исторія древней Руси. Территорія и населеніе. Варш. 1896.
14. По поводу отзывовъ объ „Исторіи древней Руси“. „Варш. Ун. Изв.“ 1896.
15. Поминка по К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ. „Рус. Обозр.“, 1897.
16. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. Научно-литерат. Сборн. Гал.-русск. Матицы, 1901 г., кн. 2—4.
17. Вопросъ о двухъ русскихъ народностяхъ и „Кіевская Старина“. „Варш. Ун. Изв.“, 1902.
18. Очерки по исторіи Карпатской Руси. „Варш. Ун. Изв.“. 1902—3 г.
19. Изъ современныхъ направленій польской общественной мысли. „Слав. Извѣст.“, 1904.
20. Россія и Азіаты. „Правит. Вѣстн.“, 1904. № 71—72.

И. С. Пальмовъ [2]).

1. Гуситское движеніе. Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи. Спб. 1881 (маг. диссертація).
2. Религіозно-реформаторскіе идеалы французской оппозиціонно-либеральной партіи начала XV в. и отношеніе ихъ къ религіозно-реформаторскимъ тенденціямъ Виклефа (въ „Христ. Чт.“, 1881, кн. 7—8).
3. Изъ поѣздки къ сербамъ-лужичанамъ (въ „Христ. Чт.“, 1883, кн. 3—4).
4. Памятники кирилло-меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи (въ Сборникѣ учениковъ В. И. Ламанскаго 1883 г. Спб.).
5. Кирилло-меѳодіевскія преданія у юго-западныхъ славянъ латинскаго обряда (въ „Христ. Чт.“, 1885, кн. 5—6).

---

[1]) Здѣсь перечислены лишь важнѣйшіе труды и статьи автора.

[2]) Перечисляются главнѣйшія его труды, напечатанные имъ по окончаніи въ 1880 году курса въ Спб. Дух. Академіи.

6. Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда (въ „Извѣстіяхъ Спб. Слав. Благотвор. Общества", 1885 г.).
7. Кирилло-меѳодіевская идея въ современномъ западномъ славянствѣ (въ „Странникѣ", 1885, кн. 4).
8. Къ вопросу о сношеніяхъ чеховъ-гуситовъ съ восточною церковію въ половинѣ XV в. (въ „Христ. Чт.", 1888 г. и отдѣльно; общіе выводы и документальныя приложенія къ этой брошюрѣ повторены авторомъ въ предисловіи и въ приложеніяхъ ко 2-му изданію соч. А. Ѳ. Гильфердинга „Гусъ, его отношеніе къ православной церкви". Спб., 1893 г.).
9. Подробная рецензія о сочиненіи И. К. Малышевскаго „Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе" Кіевъ, 1886 г. (на Макарьевскую премію). Изъ „Христ. Чт.", 1888. кн. 7—8.
10. Современный судъ надъ І. Гусомъ въ чешскомъ сеймѣ (въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ", 1883, №№ 48—50). Тамъ же: Славянство тысячу лѣтъ тому назадъ и теперь.
11. День блаженной кончины св. Меѳодія и послѣдніе годы т. н. великой Моравіи въ современномъ славянскомъ сознаніи (въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ" 1890 г.).
12. Законъ о церковныхъ властяхъ восточно-православной церкви въ королевствѣ Сербіи (Переводъ съ арабскаго въ „Христ. Чт.", 1891, кн. 1—6).
13. Историческій взглядъ на начало автокефаліи сербской церкви и учрежденіе патріаршества въ древней Сербіи (въ „Христ. Чт.", 1891. кн. 3—4.
14. Цареградскій патріархъ Фотій и его отношеніе къ современному ему славянству (въ „Странникѣ" и „Слав. Извѣстіяхъ" за 1891 г.).
15. Памяти проф. М. О. Кояловича (въ „Слав. Извѣстіяхъ за 1891 г.).
16. Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи сербской архіепископіи св. Саввою въ XIII в. (въ „Христ. Чт.", 1892, кн. 5—6).
17. Славянское обозрѣніе 1894. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, въ числѣ коихъ напечатана и статья редактора съ греческими приложеніями: Новыя данныя къ исторіи охридской архіепископіи XVI, XVII и XVIII столѣтій).
18. Окружное патріаршее и синодальное посланіе константинопольской патріархіи по поводу энциклики папы Льва XIII (въ „Церковномъ Вѣстн." 1895 г., №№ 44—45, и отдѣльно. Переводъ съ новогреческаго).
19. Славянофильство и Славянское Благотвор. Общество. Спб. 1895 г.
20. Болгарская экзархійская церковь: первоначальное и современное ея устройство (въ „Христ. Чт.", 1896, кн. 7—8 и 11—12).
21. Юбилей 300-лѣтія Брестской уніи во Львовѣ и столѣтняя борьба противъ нея въ Галицкой Руси (въ „Христ. Чт.", 1897, кн. 6).
22. Основныя черты церковнаго устройства у православныхъ румынъ въ Австро-Угріи (въ „Христ. Чт.", 1898 г., кн. 6).
23. Блаженно-почившій сербскій митрополитъ Михаилъ, какъ ревнитель церковнаго благоустройства и церковнаго мира (тамъ же).
24. Франтишекъ Палацкій. Спб. 1898. Отд. брош.
25. Нѣкоторыя воспоминанія о преосв. еп. Борисѣ, бывшемъ ректорѣ Спб. Дух. Академіи (въ „Христ. Чт.", 1901, кн. 12).
26. Историческая записка о дѣятельности Издательской Коммиссіи при Совѣтѣ Спб. Слав. Благ. Общества 1869—77, 1883—1900. Отд. брош. Спб. 1901.

27. Памяти проф. И. Е. Троицкаго (въ „Христ. Чт.“, 1903 г., кн. 5 и отдѣльно).
28. Подробный разборъ соч. В. З. Завитневича. „А. С. Хомяковъ“. Томъ I, (кн. 1 и 2), Кіевъ, 1902. Изъ „Христ. Чт.“, 1903 г.
29. Чешскіе братья въ своихъ положеніяхъ до начала сближенія ихъ съ протестантами въ концѣ первой четверти XVI в. Прага. 1904. Томъ I въ двухъ выпускахъ (обзоръ источниковъ съ приложеніями).
30. Мануальникъ В. Коранды, какъ источникъ для характеристики религіозно-реформазскихъ идей чешскаго утраквизма втор. пол. XV вѣка „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго“, Спб. 1905.

Кромѣ того, въ изданіяхъ Спб. Дух. Академіи „Церковный Вѣстникъ“ и „Христ. Чтеніе“ съ 1881 г. и по 1904 г. включительно ежегодно помѣщались библіографическія замѣтки и статьи по современнымъ церковнымъ вопросамъ цѣлаго греко-славянскаго міра, изъ коихъ нѣкоторыя были изданы отдѣльными брошюрами, какъ, напр., статьи, содержавшія въ себѣ обзоръ церковныхъ событій въ греко-славянскомъ мірѣ за цѣлые годы (за 1893, 1895, 1896, 1897, 1898 и 1899 гг.).

Ѳ. М. Истоминъ.

1. По поводу тонической теоріи въ славянскомъ народномъ творчествѣ. Въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, состав. и изд. учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности“. Спб. 1883.
2. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Архангельскую губернію лѣтомъ 1884 года. Въ „Извѣст. Имп. Росс. Географ. Общ.“. 1884.
3. Введеніе къ ст. „Остатки язычества у черемисъ“. С. К. Кузнецова въ „Изв. Имп. Росс. Геогр. Общ. 1885 г.
4. П. Голохвастовъ. „Законы стиха народнаго русскаго“. Въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“. 1885 г.
5. Е. Романовъ. „Бѣлорусскій сборникъ“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“. 1886 г.
6. О рукописныхъ находкахъ въ Архангельск. и Олонецк. губ. лѣтомъ 1886 г. въ „Изв. Имп. Росс. Геогр. Общ.“. 1886 г.
7. Указатель къ изданіямъ Имп. Русс. Геогр. Общ. и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 годъ. Спб. 1886 (законченъ и напечатанъ).
8. Предварительный отчетъ о результатахъ экспедиціи для собиранія Русскихъ народн. пѣсенъ съ напѣвами въ 1886 г. въ „Изв. Имп. Русс. Геогр. Общ.“ 1887 г.
9. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія с.-зап. края, собранное и приведенное въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I ч. I, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1888 г.
10. Крестьянскія пѣсни записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинск. уѣзда, Уфимск. губ. А. Е. Пальчиковымъ въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“. 1888 г.
11. Поѣздка въ Печорскій край лѣтомъ 1889 г. въ „Изв. Имп. Росс. Географ. Общ.“ 1890 г.
12. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край лѣтомъ 1890 г. въ „Изв. Имп. Росс. Геогр. Общ.“. 1890 г.

13. Отзывъ о трудѣ П. А. Ровинскаго: „Черногорія въ ея [illegible] настоящемъ“, т. I. въ „Отчетѣ Имп. Росс. Геогр. Общ. за 1890 г.“.
14. О религіозномъ состояніи обитателей Печорскаго края (изъ путевыхъ наблюденій по Печорскому краю лѣтомъ 1889 г.) въ журн. „Церковныя Вѣдомости“ изд. при Свят. Сvнодѣ. 1890 г.
15. Объ этнографическомъ изученіи Печорскаго края. Въ „Трудахъ“ VIII съѣзда естествоиспыт. Отд. VIII“. Спб. 1890 г.
16. О религіозномъ состояніи обитателей русской низовой Печоры (изъ путевыхъ наблюденій по Печорскому краю лѣтомъ 1890 г. въ журн. „Церковныя Вѣдомости“ изд. при Свят. Синодѣ. 1891 г.
17. Обращеніе въ христіанскую православную вѣру язычествующихъ самоѣдовъ—въ журн. „Церковныя Вѣдомости“, 1891 г.
18. О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ.—въ журн. „Живая Старина“. 1892 г.
19. А. Титовъ. „Сибирь въ XVII вѣкѣ“—въ „Изв. Имп. Росс. Географ. Общ.“ 1892 г.
20. Отчетъ объ экспедиціи для собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами въ 1893 году—въ „Изв. Имп. Росс. Геогр. Общ.“ 1894 г.
21. Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губ. Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали: слова Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы Г. О. Дютшъ. Изд. Имп. Росс. Геогр. Общ. на средства Высочайше дарованныя. Спб. 1894 г. 8°. XXIV+244 стр.
22. Отчетъ объ экспедиціи для собиранія русск. нар. пѣсенъ съ напѣвами въ 1894 г.—въ „Изв. Имп. Р. Геогр. Общ.“. 1895 г.
23. Указатель къ изданіямъ Имп. Росс. Геогр. Общ. и его отдѣловъ съ 1886 по 1895 годъ. Спб. 1896 г. 8°, 190+27 стр.
24. Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губ. Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году. Записали: Слова Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы С. М. Ляпуновъ, Спб. 1899 г. 8°. XIX+279 стр.
25. 30 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно изъ собранн. въ 1886 г. Г. О. Дютшемъ и Ѳ. М. Истоминымъ, гармонизовалъ Милій Балакиревъ. Изд. съ Высочайшаго соизволенія Пѣсенною Комиссіею Имп. Росс. Геогр. Общ.: Типогр. Г. К. Редера въ Лейпцигѣ (1899).
26. 35 пѣсенъ Русскаго народа для однаго голоса съ сопровожденіехъ фортепьяно изъ собр. въ 1893 г. С. М. Ляпуновымъ и Ѳ. М. Истоминымъ, переложилъ Сергѣй Ляпуновъ. Изд. съ Высоч. соизволенія Пѣсенною Комиссіею Имп. Росс. Геогр. Общ.; Типогр. К. Г. Редера въ Лейпцигѣ (1901 г.).
27. 35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожд. фортепьяно изъ собран. въ 1894—95 г.г. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. М. Истоминымъ, переложилъ Анатолій Лядовъ. Изд. съ Высоч. соизволенія Пѣсенною Комиссіею. Имп. Росс. Геогр. Общ.: Типогр. К. Г. Редера въ Лейпцигѣ (1902 г.).
28. 40 народныхъ пѣсенъ села Барятина, собр. пѣсенною экспедиціею Имп. Росс. Геогр. Общ. въ 1899 г. Записали: слова Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы И. В. Некрасовъ. Положилъ на голоса И. В. Некрасовъ. Изд. С. Т. Филиппова. Спб. 1902 г.
29. 50 пѣсенъ русскаго народа для мужского хора изъ собран. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. М. Истоминымъ въ 1894—97 г.г., положилъ на голоса И. В. Некрасовъ. Изд. съ Высоч. соизв. Пѣсенн. Комисс. Имп. Росс. Геогр. Общ. Спб. 1901 г.

30. 50 пѣсенъ русскаго народа для смѣшаннаго хора изъ собранн. въ 1894—97 гг. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. М. Истоминымъ, положилъ на голоса И. В. Некрасовъ. Изд. съ Высоч. соизвол. Пѣсенною Комисс. И. Р. Геогр. Общ. Спб. 1902 г.
31. Протоколы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Имп. Росс. Геогр. Общ. съ 1883 по 1897 г. въ „Изв. Имп. Росс. Геогр. Общ." Обзоры дѣятельности Отдѣленія Этнографіи Имп. Росс. Гегогр. Общ. съ 1883 по 1897 г. въ „Отчетахъ Имп. Росс. Геогр. Общ.".
32. Къ вопросу о старинѣ и новизнѣ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ „Нов. Сборникъ учениковъ В. И. Ламанскаго" Спб. 1905.

Мелкія статьи и замѣтки въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворит. Общества".

А. Л. Петровъ [1]).

I. Статьи самостоятельныя:

1. Гербордова біографія Оттона, епископа Бамбергскаго. Критическое изслѣдованіе („Ж. М. Н. Просв. 1882—1883 и отд.).
2. Князь Константинъ Бодинъ. Очеркъ изъ исторіи сербовъ XI в. (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, изд. учениками В. И. Ламанскаго Спб. 1883).
3. Забытый уголокъ русской земли—Буковина („Изв. Спб. Слав. Благ. Общества, 1884 г.).
4. Женскія учебныя заведенія въ Австріи (Цислейтаніи). („Ж. М. Н. Пр. 1890 г.).
5. Угрорусскіе заговоры и заклинанія. („Жив. Ст." 1891).
6. Замѣтки по Угорской Руси. („Ж. М. Н. Пр." 1892).
7. О мартовскомъ годѣ въ русскихъ лѣтописяхъ—по мадьярски. (Századok 1892 г.).
8. Памятники угрорусской письменности (По поводу Е. Сабова: Хрестоматія ц.-сл. и угро-русск. литературныхъ памятниковъ. Унгваръ. 1893 г.) („Ж. М. Н. Пр." 1893 г.).
9. Перечень относящихся къ славяновѣдѣнію унив. диссертацій, гимназическихъ программъ и т. п., вышедшихъ въ Австро-Венгріи и Германіи съ 1889 по 1899 г. (Изв. II отд. 1900 г., т. V, кн. 4).
10. Еще два слова объ изученіи Угорской Руси („Жив. Стар." 1903 г.).
11. Матеріалы для исторіи Угорской Руси. „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго". Спб. 1905.

II. Рецензіи и замѣтки:

1. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію къ юбилею В. И. Ламанскаго. („Ж. М. Н. Пр." 1883 г.—подъ фамиліей и съ разрѣшенія А. Павловскаго).
2. Первольфъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. I. („Ж. М. Н. Пр. 1886).
3. Aem. Kalužniacki. Monumenta linguae palaeoslovenicae. I. Evangeliarium Putuanum. Wien u. Teschen. 1888. („Ж. М. Н. Пр." 1888).
4. Яр. Челаковскій. O domácích a cizích registrech, zvláště o registrech české a jiných rakouských dvorských kanceláří. Praha. 1890. („Ж. М. Н. Пр." 1890).
5. Письмо Анастасія Библіотекаря (Новый источникъ по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу) („Ж. М. Н. Пр." 1893 г.) и др.

---

[1]) Списокъ этотъ, вслѣдствіе спѣшности составленія, не претендуетъ на полноту.

П. Д. Драгановъ.

А) По русскому языку и литературѣ:

1. Пушкинъ въ иноязычныхъ переводахъ (Рецензія на книгу В. И. Межова: Puschkiniana. Спб., 1886). „Новое Время", 1887, марта 4.
2. Пушкинъ и Лермонтовъ во всемірной литературѣ. „Историческій Вѣстникъ", 1891, № 9.
3. Международное значеніе Крылова и новыя свѣдѣнія о переводахъ его басенъ на иностранные языки и нарѣчія. „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1895, № 7, іюль. Имѣется и сербскій переводъ: „Međународно значенье Крилова и нови подаци о преводима његовихъ басана на туђе језике и нарјечја. С руского превео Ненко Седлар. Сремски Карловци. 1902. 8°
4. Русскіе ученые, писатели и публицисты въ болгарскомъ переводѣ съ возникновенія ново-болгарской литературы до нашего времени. Кишиневъ. 1895.
5. О географическомъ и статистическомъ распредѣленіи старо-печатныхъ книгъ церковно-славянскаго шрифта съ обозрѣніемъ важнѣйшихъ и рѣдчайшихъ изъ нихъ. Сообщеніе Археологическому Институту. Спб. 1897. „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи", вып. XI, 1899.
6. Дальнѣйшая судьба кириллицы въ Юго-Восточной Европѣ, Сѣверо-Восточной Азіи и у славянскихъ переселенцевъ въ обѣихъ Америкахъ, послѣ введенія новой гражданской азбуки. Тамъ же. 1897.
7. О стихотвореніи „Отецъ нашъ", приписываемомъ Пушкину и переложеніи Молитвы Господней гр. Л. Толстого. Библіографич. справка. „Новое Время", 1898, декабря 2. № 8178.
8. Пушкинъ въ переводѣ на европейскіе и азіатскіе языки. Тамъ же, 1899, февраля 26, № 8262.
9. Кто впервые переводилъ Пушкина и первоначальные переводы его на 50 языковъ и нарѣчій міра. „Историч. Вѣстникъ", 1899, № 5 (май).
10. Пятидесятиязычный Пушкинъ, Спб. 1899—8.
11. Заграничный всеславянскій органъ на русскомъ языкѣ. „С.-Петерб. Вѣдом.", 1900, мая 9.
12. Постановленіе соединеннаго засѣданія совѣта Русской Рады и Галицко-Русской Матицы объ отношеніи Русскаго литературнаго языка къ мѣстному нарѣчію въ Прикарпатской Руси. „С.-Петерб. Вѣдом.", 1900, іюня 23.
13. Толстовщина въ Болгаріи. Тамъ же, 1900, іюля 2.
14. Русская литература въ Румыніи. „Россія", 1900, августа 12.
15. Пушкинъ въ оцѣнкѣ соединенныхъ обществъ Гетевскаго, Шиллеровскаго и Шекспировскаго въ Веймарѣ и Комитета Международнаго союза писателей и артистовъ въ Парижѣ. „С.-Петерб. Вѣдом.", 1900, іюня 4.
16. Русскій языкъ у Хорутанъ (Словенцевъ), архіепископъ Егличъ и „русскіе кружки" въ Австро-Венгріи. „Россія", 1900 октября 11.
17. Русскіе писатели въ венгерско-мадьярскомъ переводѣ. „Спб. Вѣд.", 1900, № 283.
18. Графъ Л. Н Толстой въ переводѣ на персидскій и сіамскій языки. Тамъ же, 1900, № 287.
19. Къ 200-лѣтію русской гражданской печати, и распространеніе ея на

окраинахъ Греко-славянскаго міра, въ Сѣверо-Западной Азіи и въ обѣихъ Америкахъ въ настоящее время. Сообщеніе Русскому Библіологическому Обществу. Спб. 1900.

20. Памяти замѣчательнаго переводчика и почитателя Пушкина (Некрологъ А. А. Вольфа). „Нов. Время", 1900, декабря 7.
21. Разноязычный Гоголь. „Новое Время", 1902, февраля 26, № 9328.
22. Гоголь въ перекладѣ на „руський" языкъ. „Новое Время", 1902, августа 12, № 9496.
23. В. А. Жуковскій въ иноязычныхъ переводахъ. Спб. 1903.
24. Литература всего относящагося къ Пушкину до конца XIX в. включительно. Спб. 1902.
25. Указатель произведеніямъ и издѣліямъ художественнаго, ремесленнаго, кустарнаго и лубочнаго искусства съ предметами фабрично-заводской промышленности, появившимися въ свѣтъ въ юбилейномъ 1899 году и соединенными съ именемъ А. С. Пушкина. (Рукопись въ Пушкинскомъ музеѣ при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ). Спб. 1902.
26. Указатель литературы о благотворительныхъ, просвѣтительныхъ, человѣколюбивыхъ и вообще культурныхъ учрежденіяхъ имени Пушкина въ Россіи и за-границей и дѣйствующихъ, какъ таковыя, со времени Пушкинскаго юбилейнаго 1899 года. Спб. 1902.
27. Русско-Славянскія періодическія изданія, выходящія въ обѣихъ Америкахъ. „Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества", 1902, №№ 2 и 3.
28. Каѳедры русскаго языка и его литературы въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. „Новое Время", 1902, ноября 12, № 9588.
29. Къ статьямъ о Гоголѣ въ болгарской литературѣ. „Литературный Вѣстникъ", 1902, № 6.
30. Гоголь и гр. Л. Н. Толстой въ греческой литературѣ. Тамъ же.
31. Стихотвореніе Н. А. Некрасова въ похвалу графу М. Н. Муравьеву-Виленскому. Къ исторіи гражданской поэзіи и публицистики 60-хъ годовъ XIX в. (Библіографическое изслѣдованіе). Спб. 1903.
32. Страничка изъ исторіи украинофильства. „Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.", 1903, № 7, апрѣль.
33. Новѣйшее украиноманское свидѣтельство о русскомъ языкѣ, какъ общеславянскомъ органѣ высшаго научнаго преподаванія. Спб. 1903.
34. Переводы басенъ Крылова на 40 европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ языковъ. Спб. 1903.
35. Графъ Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный и распространеніе его произведеній въ Россіи и за-границей. Спб. 1903.
36. Хронологическое обозрѣніе первоначальныхъ сорока пяти разноязычныхъ переводныхъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого. (Tolstojana Polyglotta) Спб. 1903.
37. Труды русскихъ писателей, какъ предметъ контрафакціи и фальсификата въ болгарской литературѣ. „Литературный Вѣстникъ", 1904.
38. Русская Антологія въ словянско-хорутанскомъ переводѣ. „Журналъ Мин. Нар. Просв.", 1904 № 1.
39. Университет через підписку. „Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества" 1904, январь.
40. Къ 75-лѣтію смерти А. С. Грибоѣдова. (Библіографическая замѣтка). „Новое Время", 30 января 1904 г. № 10024.
41. Русскій Этимологическій букварь для церковно-приходскихъ школъ въ Америкѣ. „Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.", 1904, № 6, мартъ.

42. Кто авторъ „Севастопольской пѣсни?" (Справка). „Новое Время", 1904, мая 15.
43. Новѣйшій библіографическій трудъ объ А. С. Грибоѣдовѣ. „Литерат. Вѣстникъ". Томъ VII, Спб. 1904, № 2.
44. Замѣтка объ иноязычныхъ переводахъ „Горя отъ ума" Грибоѣдова. Тамъ же.
45. Каѳедры русскаго языка въ Японіи, Китаѣ и Кореѣ. „Правительственный Вѣстникъ", 1904, іюля 30, № 173.
46. Русскій языкъ въ японскихъ учебныхъ заведеніяхъ и русскіе писатели въ японскомъ переводѣ. „Русскій Вѣстникъ", 1904 № 10.
47. Русскій языкъ въ японскихъ, китайскихъ и корейскихъ школахъ. „Русская Школа", 1904 №№ 9 и 10 (сентябрь и октябрь).
48. Критическіе отзывы русской науки, литературы, публицистики и педагогики о трудахъ Орѳографической Коммиссіи и особенно ея Подкоммиссіи по упрощенію существующаго русскаго правописанія. (Съ двумя библіографическими указателями къ литературѣ этого предмета). Спб. 1904.
49. Литература о русскомъ правописаніи и русск. стилистикѣ. I. Орѳографія. II. Орѳоэпія. Спб. 1904.
50. Русскія братства въ Америкѣ. Спб. 1904.
51. Русскія книги въ Сербіи и Болгаріи по цифровымъ даннымъ ихъ оффиціальной статистики. Спб. 1904.
52. Образованность русскаго центра (Московскаго Царства) до Петра Великаго (по книгѣ А. И. Соболевскаго: Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. Спб. 1903). 1904.
53. О германизмахъ: „выглядитъ, согласно чего и предварительно сего" въ русскомъ языкѣ. „Сборникъ статей, посвященныхъ А. И. Соболевскому по случаю 25-лѣтія его ученой дѣятельности". Спб. 1904.
53а. Дополнительная справка объ анонимномъ авторѣ мнимо-солдатской пѣсни—шутки о битвѣ на Ѳедюхиныхъ высотахъ, у Инкермана подъ Севастополемъ. (Къ 50-лѣтію Севастопольской осады). Спб. 1904.

Б) По славяновѣдѣнію. (Этнографія, діалектологія, исторія, словесность церковная и современная жизнь).

54. Анти-Энциклика или Братско Слово отъ Едине Православенъ Славянинъ къмъ Католически тѣ Славяне по поводъ на издадена та отъ папа Левъ XIII булла за празднуванье память та на свв. Кирилла и Меѳодія. Сочинилъ по-русски И. В. Платоновъ [1]), прѣвелъ студентъ П. Д. Драгановъ, а съ иждивеніе на Единъ Харьковскій Поборникъ на Православіе-то въ Россія [2]), и съ приложеніе на едно предисловіе. „За сношеніе на наши-тѣ царове съ Рима", издава митрополитъ Мелетій. Спб. 1884. 8°.
55. Особенности ударенія звуковъ, формъ, сочиненія и словаря Македонско-Славянскаго нарѣчія и его говоровъ по сравненію съ тако-

---

[1]) Заслуженный ординар. проф. юридическаго факультета Императорскаго Харьковскаго Университета И. В. Платоновъ, великій ревнитель Кирилло-Меѳодіевской идеи и любитель Славянства, умеръ въ глубокой старости въ 1890 году.

[2]) Высокопреосвященный Амвросій Ключаревъ, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, умершій въ 1899 г.

выми-же сербскими и болгарскими. (Матеріалы для сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій) Солунь, 1885—1886.

56. Македонско-Славянскій Этнографическій, діалектографическій, литературный и лексикографическій Сборникъ. Составленъ въ 1885, 1886 и 1887 г.г. изъ фонетически записанныхъ образцовъ. Солунь. Вновь тщательно просмотрѣнъ, значительно дополненъ, мѣстами исправленъ и снабженъ множествомъ примѣчаній. Севастополь. 1891. Въ третій разъ просмотрѣнъ и вновь дополненъ. С.-Петербургъ 1896—1904.
57. Дополнительные матеріалы по вопросу о происхожденіи и родинѣ Церковно-Славянскаго языка древнѣйшаго періода. Спб. 1887.
58. О границѣ между Сербскимъ и Болгарскимъ „языками" въ Сѣверной Македоніи. (По поводу полемики профессоровъ М. С. Дринова и П. Сречковича). Спб. 1887.
59. Объ изученіи современной Македоніи въ отношеніяхъ этнографическомъ, статистическомъ и діалектологическомъ. Сообщеніе Императорскому Рус. Геогр. Обществу по отдѣленію Этнографіи 11 декабря 1887 г.
60. Новы изслѣдованія вврху изученіе на съврѣменна Македонія въ отношенія етнографическо, филологическо и историческо. „Зорница", Цареградъ. 1888. №№ 4, 5, 6. 7 и 8.
61. Носовые гласные звуки въ современныхъ Македонско-Славянскихъ говорахъ. „Русскій Филологическій Вѣстникъ", 1888 № 1.
62. Новый трудъ по этнографіи Македонскихъ Славянъ. „Журналъ Мин-Нар. Просвѣщенія", 1888 № 4, апрѣль.
63. Общій этнографическій очеркъ Македонской провинціи. „Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества", подъ редакціей В. И. Ламанскаго 1887 №№ 11—12.
64. Краткій Этнографическій очеркъ славянской части Македоніи. Тамъ же, 1888, №№ 1—9. (Вторая часть не напечатана).
65. Русско-Македонская торговля. Тамъ же, 1888, № 2.
66. Нѣсколько свѣдѣній объ отуреченіи Родопскихъ Помаковъ. Тамъ же, 1888, №№ 6—7.
67. Задруги въ Западной Болгаріи (въ Шоплукѣ). Тамъ же, 1888, № 8.
68. Новѣйшія мистификаціи С. И. Верковича и защита ихъ въ русской литературѣ. Комратъ. 1889.
69. Македонско-Славянскій Этнографическій Сборникъ. Выпускъ I, Спб. 1894. (Оттискъ XXII тома Имп. Русск. Географ. Общ. по отдѣленію Этнографіи). Изд. подъ наблюденіемъ В. И. Ламанскаго и П. Д. Драганова).
70. Библіографическое обозрѣніе литературы Южныхъ Славянъ и Галицкой Руси за 1895 годъ. I. Систематическій указатель важнѣйшимъ произведеніямъ Болгарской литературы по періодическимъ изданіямъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ. „Извѣстія Отдѣл. Русск. яз. и Словесности Импер. Акад. Наукъ", Годъ I, 1896 №№ 2 и 4. Годъ II, 1897 № 3 и отдѣльно, Спб. 1897.
71. Слово правды о Буковинѣ. „С.-Петерб. Вѣдомости", 1900, мая 16.
72. Императоръ Александръ III въ Тростеникѣ. Тамъ же, 1900, мая 3.
73. Д. Ризовъ и его анти-династическая газета. Тамъ же, 1900, іюня 24.
74. Историческая справка Д. Ризова о причинахъ сверженія князя Румынскаго Кузы, короля Греческаго Оттона, короля Сербскаго Милана и князя Болгарскаго Александра Баттенберга, какъ memento принцу-Фердинанду Кобургскому. Тамъ же, 1900, іюня 25.

75. Двѣнадцать бѣлыхъ столбцовъ въ конфискованной конституціоннымъ правительствомъ Австро-Венгріи газетѣ („Србобран"). Тамъ же, 1900 іюля 11.
76. Къ вопросу о населеніи современной Македоніи. Тамъ же, 1900 іюля 24, № 200.
77. О болгарскихъ и сербскихъ поддѣлкахъ исторіи и археологіи Македоніи. Тамъ же, 1900, октября 5, № 273.
78. Отчетъ о работѣ по Всеобщей Кирилло-Меѳодіевской библіографіи. „Сборникъ Отдѣленія Русскаго яз. и Слов. Импер. Акад. Наукъ", T. LXXI, Спб. 1902 (въ Отчетѣ по Отдѣленію, составленномъ академикомъ А. И. Соболевскимъ).
79. Американскіе Славяне. „Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общества" 1903 февраль, № 5.
80. Гимны Славянскихъ народовъ. Тамъ же, 1903 № 8, май.
81. О македонизмахъ типика письменнаго и переплетнаго искусства по юго-слав. рукописи половины XVII в. „Извѣстія Отдѣл. Русск. яз. и Слов. Импер. Акад. Наукъ", томъ VIII, кн. 2 и отдѣльный оттискъ, Спб. 1903.
82. Desiderata по Македонско-Славянской діалектологіи (къ предстоящему Первому Международному Съѣзду славистовъ въ Спб.). 1903.
83. Сербская пресса въ предѣлахъ королевства. „Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ.", 1904 № 6, мартъ.
84. Замѣчательнѣйшія турецкія султанши православно-христіанской вѣры. I) Марія Кантакузина (гречанка), II) Марія Шишманова (болгарка). III) Марія Бранковичъ (сербянка). IV) Роксолана или Роксана (русская).
85. Знаменитѣйшіе султаны-метисы полу-греческаго и полу-славянскаго происхожденія (Мурадъ I Божій Труженикъ, Баязедъ I Молненосный, Мохамедъ II Эль-Фатихъ (Побѣдитель) и Селимъ I Непреклонный).
86. Что читаютъ Сербы? „Славянскія Извѣстія", Спб. 1904, № 1, октябрь.
87. Забытая статья Ф. Миклошича. (Къ исторіи лексикографіи церковно-слав. языка и ново-болгарскаго правописанія) „Новый Сборникъ статей по Славяновѣдѣнію, составленный учениками В. И. Ламанскаго по случаю пятидесятилѣтія учено-литературной дѣятельности В. И. Ламанскаго". 1904. Спб.
88. Хронологическій списокъ ученыхъ трудовъ и публицистическихъ статей заслуженнаго профессораИмп. Спб. Университета и ординарнаго проф. Импер. Акад. Наукъ В. И. Ламанскаго. Составленъ къ семидесятилѣтію В. И. Ламанскаго (1833—26 іюня—1903) и пятидесятилѣтію (1854—1904) его ученой и литературной дѣятельности Спб. 1904.
89. Болгарско-Русскій Словарь и Грамматика Болгарскаго языка для Русскихъ. (Составлены по порученію Спб. Слав. Благотв. Общества). Спб. 1904.

В. Библіографическія работы по изученію странъ и народовъ Балканскаго полуострова:

90. Всеобщій указатель литературы о Македоніи (классической, средневѣковой и современной) съ ея населеніемъ Македонянами и Македонцами.
91. Указатель литературы о Ѳракіи и Иллиріи, Ѳракійцахъ (Тракійцахъ) и Иллирійцахъ.

92. Указатель литературы о Болгаріи и болгарахъ за послѣднія 25 лѣтъ (1875—1900). Спб. 1901.
93. Указатель литературы о Молдаванахъ, Волохахъ, Румынахъ то жъ.
94. Указатель литературы о Гагаузахъ и ихъ вѣроятныхъ предкахъ Куманахъ и Половцахъ.
95. Указатель литературы объ Албаніи (Арнаутлукѣ), Албанцахъ и Албанской лигѣ. (Albanologia).
96. Всеобщій указатель литературы о Святой горѣ Аѳонской (Athonica).

Г. Отечествовѣдѣніе и Родиновѣдѣніе:

97. Матеріалы по эмиграціи и иммиграціи юго-восточной окраны Имперіи (Русской). „С.-Петерб. Вѣдомости", 1900, іюня 10.
98. Страна Угличей и Тиверцевъ. (Матеріалы по исторіи, этнографіи и статистикѣ). Къ столѣтію возсоединенія Бессарабіи (1812—1912).
99. Комратъ или Камратъ? Письмо Вице-Президенту Импер. Русскаго Географ. Общества П. П. Семенову. „Извѣстія И. Р. Г. О.", томъ XXIX, № 6 и отдѣльно. Спб. 1894.
100. М. Комратъ, Бессараб. губ. Историческій очеркъ. (1818—1904).

Д) Varia.

101. Будущее народовъ и религій (по Э. Гартманну). „С.-Петерб. Вѣдом.", 1900, іюля 9.
102. Отчеты по Императорской Публичной Библіотекѣ за 1898 и 1899. Спб. (Рец.). „Историческій Вѣстникъ", 1902, № 12. 1904, № 5.
103. Новѣйшія пріобрѣтенія Императорской Публичной Библіотеки. „Нов. Время", 1904, октября 6, № 10273.

Е. В. Пѣтуховъ.

1. Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Сборникъ II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ т. XL. 1886 (второе изданіе этого сочиненія—въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы" А. И. Пономарева. Вып. III. Спб. 1897).
2. Къ вопросу о Кириллахъ—авторахъ въ древне-русской литературѣ. Сборникъ II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ т. XLII. 1887.
3. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888.
4. Павелъ Александровичъ Катенинъ (Біографическій и историко-литературный очеркъ). „Историческій Вѣстникъ". 1888, № 9.
5. И. П. Пнинъ и его „Вопль невинности, отвергаемой законами". „Историческій Вѣстникъ" 1889, № 7.
6. Изъ исторіи одного литературнаго общества. „Историческій Вѣстникъ" 1889, № 7.
7. Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова „Ж. М. Н. Пр." 1890, № 3.
8. Нѣсколько замѣчаній о лицахъ въ Лермонтовской поэзіи. „Историческій Вѣстникъ" 1891 № 10.
9. Николай Васильевичъ Гоголь. Замѣтка о его письмахъ къ Н. Я. Прокоповичу. „Русская Старина" 1892, № 11.
10. Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Памятники Древней Письменности Спб. 1893.

11. Болгарскіе литературные дѣятели древнѣйшей эпохи на русской почвѣ. „Ж. М. Н. Пр." 1893, № 4.
12. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. I—III. Кіевъ 1894.
13. Къ біографіи А. А. Котляревскаго „Кіевская Старина. 1894, № 4.
14. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, очеркъ его жизни и дѣятельности, „Ж. М. Н. Пр." 1894, № 8.
15. Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895.
16. Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Ист.-фил. Института князя Безбородко. Кіевъ, 1895.
17. Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832 — 1850). Кіевъ. 1895.
18. Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко (1820—1832). Спб. 1895.
19. А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ. 1895.
20. О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи. Кіевъ. 1895.
21. О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII-го и первой половины XIX вѣка. Юрьевъ. 1895.
22. Изъ бумагъ П. I. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи русско-чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка. Юрьевъ 1896.
23. О пессимизмѣ И. С. Тургенева. Юрьевъ. 1897.
24. Объ отношеніяхъ Императора Николая I и А. С. Пушкина. Юрьевъ. 1897.
25. В. А Жуковскій въ Дерптѣ. Юрьевъ, 1897.
26. Слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую. „Ж. М. Н. Пр." 1897, № 7.
27. Лужицкіе Сербы (Лужичане). Изъ путевыхъ замѣтокъ лѣтомъ 1897 года. Юрьевъ. 1898.
28. Эпиграмматическія, сатирическія и шуточныя стихотворенія М. В. Ломоносова. Юрьевъ. 1898.
29. По берегамъ Адріатики. I. Приморская Хорватія и Далмація. II. Въ Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. „Рижскій Вѣстникъ". 1898, №№ 98—119.
30. О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв. Труды X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, т. I. М. 1899.
31. Два года изъ жизни А. С. Пушкина. Юрьевъ. 1899.
32. Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Юрьевъ. 1900.
33. И. В. Ѳедоровъ—Омулевскій. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. Томскъ. 1900.
34. Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727). Историко-литературный матеріалъ изъ эпохи преобразованій. Съ 1 автотипическимъ снимкомъ. Юрьевъ. 1901.
35. Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. (1802—1865). Историческій очеркъ съ фототипическими приложеніями Юрьевъ. 1902. Отдѣльное приложеніе къ нему: „Статистическія таблицы и личные списки". (1802—1901). Юрьевъ. 1902.
36. Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ. 1903.
37. Статьи, рецензіи и замѣтки по вопросамъ русскаго языка и слове

ности, помѣщенныя въ „Ж. М. Н. Пр. за 1902 годъ. Извѣстія Отдѣленія русс. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ. 1903, кн. 1.
38. Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ. Рѣчь. 1802—1902. „Литературный Вѣстникъ“ 1903, № 2.
39. Нѣсколько словъ о наукѣ и объ университетѣ. Рига, 1904.
40. Письмо В. А. Жуковскаго къ канцлеру Фридриху фонъ-Миллеру. „Нов. Сборникъ по славяновѣдѣнію, составл. и изд. учениками В. И. Ламанскаго“. Спб. 1905.

А. А. Васильевъ.

1. Рецензія на житіе св. Өеодора Эдесскаго, изд. И. В. Помяловскаго. „Журн. Минист. Народ. Просв.“ Ч. 286, (1893).
2. Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана. „Виз. Временникъ“, т. I (1884), стр. 469—492.
3. О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, ibidem, т. III (1896), 582—633.
4. Славяне въ Греціи, ibidem, т. V (1898), стр. 404—438, 626—670.
5. Рецензія на Ch. Diehl. L'Afrique Byzantine. 1896. Ibidem, т. V (1898), стр. 220—227.
6. Рецензія на G. Schlumberger. L'Epopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Jean Tzimiscès. 1896. Ibidem, т. V (1898), стр. 494—508.
7. Греческій текстъ житія 42 аморійскихъ мучениковъ по рукописи Парижск. Нац. библ. № 1534. Записки Имп. Академіи Наукъ по Ист.-Фил. отд. VIII сер., т. III (1898).
8. Византія и арабы при императорѣ Өеофилѣ (829—842). („Виз. Врем.“, т. VI, 1880, стр. 380—447.
9. Рецензія на K. Krumbacher. Studien zu Romanos. 1898. (Ibidem, т. VI, 1899, стр. 468—475).
10. Рецензія на A. Stoll. Der Geschichtschreiber Friedrich Wilken. 1896. (Ibidem, VI, 1899, стр. 147—152).
11. Рецензія на G. Rauschen. Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen. 1897. (Ibidem, т. VI, 1899, стр. 152—156.
12. Византійско-арабскія отношенія въ царствованіе Михаила III (842—867). („Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 329, 1899, стр. 55).
13. Житіе Филарета Милостиваго. Одесса, 1900, 38 стр. (Изъ „Извѣстій Константинопольскаго Археологич. Института“).
14. Рецензія на H. Gelzer. Sextus Iulius Africanus und die byzantinische Chronographie. 1880—1898. („Виз. Врем.“, т. VII, 1900, стр. 726—732).
15. Рецензія на R. Röhricht. Regesta Regni Hierosolymitani. 1893 и его же Geschichte des Königreichs Ierusalem. 1898. (Ibidem, т. VII, 1900, стр. 152—155).
16. Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. Спб. 1900. XII+210+183 стр.
17. Время жизни Романа Сладкопѣвца. („Виз. Врем.“, т. VIII, 1901, стр. 435—478).
18. Рецензія на E. Gerland. Das Archiv des Herzogs von Kandia. 1899. (Ibidem, т. VIII, 1901, стр. 143—152).
19. Рецензія на A. van Millingen. Byzantine Constantinople. (Ibidem, т. VIII 1901. стр. 568—572).
20. Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Македонской династіи. Время съ 867 по 959 г. Спб. 1902. XII+320+220 стр.

21. Рецензія на P. Bourier. Ueber die Quellen der ersten vierzehn Bü[cher] des Iohannes Malalas. 1899—1900. „Виз. Врем.," т. X, 1903, 4 стр.
22. Рецензія на H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung, 1899. (Ibidem, т. X, 1903, 10 стр.)
23. Рецензія на G. Schlumberger. L'Epopée Byrantine à la fin du dixième siècle. Sec. partie. Basile II. 1900, (Ibidem, т. X, 1903, 4 стр.).
24. Рецензія на A. Heisenberg. Analecta. Mitteilungen aus Italienischen Handschriften byzantinischer Chronographen. 1901. (Ibidem, т. XI, 1904).
25. Поѣздка на Синай въ 1902 г. Путевые наброски. Спб. 1904, 88 стр. (Изъ „Сообщеній Имп. Правосл. Палест. Общества" за 1904 г., т. XV, вып. 3-й).
26. Арабскій Синаксарь о болгарскомъ походѣ Императора Никифора I. „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составл. учениками В. И. Ламанскаго". Спб. 1905.

А. Л. Погодинъ [1]).

1. Новости заграничной литературы. „Рус. Фил. Вѣст.", 1893 г.
2. Жмудскіе пѣсни, записанныя Мечис. Довойна-Сильвестровичемъ, съ переводомъ и примѣчаніями А. Л. Погодина. „Живая Старина", 1893.
3. Замѣтки о народной медицинѣ. „Журн. М. Н. Пр.", 1894.
4. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. „Жив. Старина", 1894 г.
5. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 г. и Приложеніе къ отчету—Литовскіе тексты. „Живая Старина", 1894 г.
6. Нѣсколько этимологій. „Р. Ф. В.", 1894 г.
7. Нѣсколько этимологій. „Р. Ф. В.", 1894 г.
8. Отчетъ о поѣздкѣ къ лифляндскимъ латышамъ лѣтомъ 1894 г. „Живая Старина", 1895 г.
9. Космическія легенды балтійскихъ народовъ. „Живая Старина", 1895.
10. Къ вопросу о куронахъ. „Живая Старина", 1895 г.
11. Еще по поводу литовской печати. „Жив. Старина", 1895 г.
12. Нѣсколько этимологій. „Р. Ф. В.", 1895 г.
13. О нѣкоторыхъ окончаніяхъ Loc. Sing. въ славянскихъ языкахъ. „Р. Ф. В.", 1896 г.
14. Нѣсколько этимологій „Р. Ф. В.". 1896 г.
15. Литовскія слова въ древнерусскихъ азбуковникахъ. „Arhiv f. slav. Phil. B. 17". 1896 г.
16. Основной курсъ общаго языкознанія. Спб. 1897 г.
17. Послѣдніе труды въ области финскихъ древностей. „Журн. Мин. [Нар.] Просв.". 1897 г.
18. Къ вопросу о смягченіи гортанныхъ въ славянскихъ языкахъ [въ] связи съ общими законами развитія языка. „Р. Ф. В.", 1897 г.
19. Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени „Вѣстникъ Истори[и и] археологіи", 1898 г.
20. Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ. „Журн. [Мин.] Нар. Просв.", 1898 г.
21. Этимологическія замѣтки „Р. Ф. В.", 1898 г.

[1]) Изъ рецензій приведены лишь наиболѣе крупныя и представл[яющія] самостоятельную оцѣнку предмета. *А. П.*

22. Критическая оцѣнка книги L. Niederle: „O kolébce národa slovanského". „Изв. Отд. рус. яз.", 1899 г.
23. Жреческая культура индогерманцевъ „Живая Старина", 1899 г.
24. Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ. „Р. Ф. В.", 1899 г.
25. Распространеніе культуры въ доисторическія времена. „Журн. М. Н. Пр.". 1900 г.
26. Примитивный индивидуальный строй. „Журн. Мин. Нар. Пр." 1900 г.
27. Примитивныя формы общественнаго быта. „Журн. Мин. Нар. Просв.". 1900 г.
28. Къ вопросу о ѳракійцахъ. „Вѣстн. Ист. и Археологіи". 1900 г.
29. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій (диссертація на степень магистра слав. словесности). 1901 г.
30. Къ вопросу о варварскихъ именахъ на южнорусскихъ греческихъ надписяхъ. „Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.". 1901 г.
31. Эпиграфическіе слѣды славянства. „Р. Ф. В.", 1901.
32. О происхожденіи русск. слова глазъ („Зап. Имп. Рус. Арх. Общ.". 1892 г.
33. Къ вопросу о вліяніи индоевропейскихъ языковъ на кавказскіе („Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". Вып. 21). 1902 г.
34. Еврейскія имена на южнорусскихъ греческихъ надписяхъ. „Восходъ". 21 февр. 1902 г.
35. Къ вопросу о методѣ этнографіи. „Журн. М. Н. Пр.". 1902 г.
36. Трагедія Гоголя. Психологическій очеркъ по письмамъ. „Рус. Школа". 1902 г.
37. Нравственная личность Жуковскаго. „Рус. Школа", 1902 г.
38. Этимологіи. „Р. Ф. В.". 1902 г.
39. Матеріалы для словаря литовскихъ цыганъ. „Р. Ф. В." 1902 г.
40. Обзоръ литературы о славянороманскихъ лексикальныхъ отношеніяхъ (1890—98) въ Kriticher Jahresbericht der romanischen Philologie. 1902 г.
41. Виленскій учебный округъ (1803—1831). 1902 г. Переведено на польскій яз.
42. Къ вопросу о геродотовскихъ неврахъ („Изв. Отд. Р. яз.", 1902).
43. Образованіе сравнительной степени въ славянскихъ языкахъ („Изв. Отд. Р. яз. и Слов. Имп. Ак. Наукъ", 1903).
44. Къ исторіи формъ славянскихъ языковъ („Варш. Унив. Изв.", 1903).
45. Этимологическія замѣтки („Р. Ф. В.", 1903).
46. Религія Зороастра (Общеобр. библ. О. Н. Поповой, 1903).
47. Гельсингфорская школа филологовъ и лингвистовъ („Журн. М. Н. Пр.", 1903).
48. Рецензія на книгу А. С. Ермолова: „Сельскохозяйственная мудрость" („Журн. М. Н. Пр.", 1903).
49. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ., 1903 (Диссертація на степень доктора слав. словесности).
50. Боги и герои Эллады (1904, изд. О. Н. Поповой).
51. Древніе литовцы. (Сборникъ статей по исторіи, составленный подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго). 1904 г.
52. Сѣверно-русскія словарныя заимствованія изъ финскаго языка („Варш. Унив. Изв." 1904).
53. Изслѣдованія въ области народной пѣсни („Варш. Унив. Изв.", 1904).
54. Очеркъ развитія латышской этнографіи за послѣднія 15 лѣтъ. („Журн. М. Н. Пр. 1904).

55. Этимологическія замѣтки. (Нов. Сборн. статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго). Спб. 1905.
56. Обзоръ литературы о славяно-романскихъ лексикальныхъ отношеніяхъ. 1899—1901, („Kritischer Jahresbericht der romanischen Philol." 1904).

Кромѣ того, А. Л. Погодинъ перевелъ нѣсколько книгъ съ нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ и писалъ въ нѣкоторыхъ журналахъ статьи по новѣйшей литературѣ. Въ 1902 г. былъ изданъ „Сборникъ статей по археологіи и этнографіи", куда вошли ранѣе появившіяся работы.

Н. В. Ястребовъ [1]).

1. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Петра Хельчицкаго („Журн. М. Н. Пр.", 1895).
2. Исторія Польши („Энцикл. словарь" Брокгауза и Ефрона, полутомъ 47-й, 1898).
3. Br. J. Blahoslava spis o původu Jednoty Bratrské a řádu v ní („Č. Č. H.", 1902).
4. O původu Jednoty Bratrské a řádu v ní. Я. Благослава. Введеніе и текстъ съ указателемъ („Сборникъ II отд. Академіи Наукъ", т. LXXI, 1902, и отдѣльно).
5. Петра Хельчицкаго: „O trogiem lidu rzecz — o duchownych a o swietských"—чешскій текстъ съ введеніемъ и русскимъ переводомъ („Сборникъ II отд.", т. LXXVII, 1903 и отдѣльно).
6. Хельчицкій и Гусъ. „Новый Сборникъ статей по славянов̌ѣдѣнію, составл. учениками В. И. Ламанскаго", Спб. 1905.
7 etc. Критико-библіографическіе обзоры, статьи и замѣтки въ журналахъ русскихъ („Журн. Мин. Нар. Просв.", „Извѣстія II отд. Имп. Академіи Наукъ") и чешскихъ („Časopis Český Historický"), главнымъ образомъ, по исторіи славянскихъ народовъ.

Д. И. Абрамовичъ.

1. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературн. памятникѣ. Спб. 1902 г.
2. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертаціи. („Христ. Чтен.", 1903 апр.).
3. Къ вопросу объ источникахъ Несторова Житія пр. Θеодосія Печерскаго. („Извѣст." II Отдѣл. И. Ак. Наукъ. т. III, кн. 1).
4. Нѣсколько словъ въ дополненіе къ изслѣдов. А. А. Шахматова „Кіево-Печ. Патер. и Печерск. лѣт." (Ib. III—2).
5. Памятники языка и письма на XI Археологич. Съѣздѣ. (Ib. IV—4).
6. Новый трудъ по русск. библіографіи. (Ib. V—4: о книгѣ А. В. Мезіеръ. Русск. словесн. съ XI по XIX стол., ч. I).
7. Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературн. дѣятельности Нестора Лѣтописца. (II т. „Трудовъ" XI Археол. Съѣзда).
8. Село Коспище Владимиръ—Волынск. уѣзда. („Жив. Старина" 1898, II—III).

[1]) Здѣсь названы лишь главные ученые труды автора. *Ред.*

9. „Библіограф. матеріалы“ Н. П. Смирнова. („Христ. Чтен.“ 1899, апр.).
10. Пушкинъ предъ судомъ современниковъ и потомства. Юбилейная рѣчь. (Ib. 1899, авг.).
11. Памяти Аполлона Майкова. Рѣчь при открытіи читальни имени поэта на ст. Сиверской. (Ib. 1900, авг.).
12. Гоголь въ русск. критикѣ. Юбилейная рѣчь. (Ib. 1902. май).
13. Памятники языка и письма и археографич. на на XII Археологич. Съѣздѣ. (Ib. 1903, янв.).
14. О рукописн. и старопеч. собраніяхъ Волынской губ. (Отчетъ Отд. Имп. Ак. Н. за 1902 г. и „Христ. Чт.“ 1903, іюль: съ отрывк. Церковн. Уст. кн. Ярослава).
15. Библіографич. замѣтки: „Извѣст“. III—2. 4 и IV, 3.
16. Описаніе рукописей Софійской библіотеки. Вп. I. (Печатается).
17. О Спасо-Прилуцкомъ Прологѣ Спб. Дух. Академіи. „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составл. учениками В. И. Ламанскаго“. Спб. 1905.

Г. А. Ильинскій.

1. Изъ исторіи старославянскаго аориста („Изв. отъ русск. яз. и слав.“ V, 1900 г., кн. I).
2. Происхожденіе част. *зи* въ болгарскомъ и серб. языкахъ („Русск. Филологич. Вѣстн.“ 1901 г.).
3. Грамота царя Іоанна Алѣкс. II („Извѣстія Русск. Археологич. Института“ въ Константинополѣ, т. VII, вып. 1, 1901 г.).
4. Дибрскій отрывокъ сербской лѣтописи („Научно-литер. сборникъ“ Галицкой Матицы I, 1901 г.).
5. Страничка изъ исторіи праславянскаго языка („Научно-литер. сборникъ Галицкой Мат.“ II, 1902 г.).
6. О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ праславянскаго языка. Прага, 1902.
7. Zur slavischen Wortbildung (Archiv für slav. Phil. 1902, Band XXIV).
8. Къ исторіи сложнаго склоненія прилагательныхъ именъ („Сборникъ Галицкой Матицы“. 1902 г., т. II).
9. Дѣушка и баушка. (Тамъ же).
10. Сложныя мѣстоимѣнія и окончанія родит. пад. ед. муж. и сред. р. неличныхъ мѣстоим. въ славянскихъ языкахъ. Варшава, 1903.
11. Рукопись Копитара въ Люблянской Лицейской Библіотекѣ („Извѣстія отд. русс. яз. и слов.“, 1904 г., т. VIII, кн. 1).
12. Чешское hezky—„красивый“ („Извѣстія отд. русс. яз. и слов.“ 1904 г., т. VIII, кн. 2).
13. Рукописи Верковича въ Загребской Академической Библіотекѣ. („Р. Ф. В.“, LII, 1904).
14. Объ одномъ аѳонскомъ Служебникѣ Погодинскаго Древнехранилища Имп. Публичной Библіотеки. (Р. Ф. В., LII, 1904 г.).
15. Къ исторіи славянскихъ азбукъ („Виз. Врем.“, т. XI, 1—3, 1904 г.).
16. Сложныя мѣстоимѣнія и окончанія родит. п. ед. ч. муж. и ср. р. въ слав. яз. Изд. 2. Москва, 1904.
17. Zur Geschichte der serbischen Deklination (Archiv für slav. Philologie. Band XXVII).
18. Окончаніе родит. п. ед. ч. ж. р. основъ на—*a* въ праслав. яз. (Сборникъ въ честь Т. Д. Флоринскаго).

19. Сверлижскіе отрывки 1279 г. („Сборникъ по славяновѣдѣнію“, вып. II).
20. Отрывокъ среднеболгарской Служебной Минеи XII—XIII в. („Русск. Филол. В.“, т. LIII).
21. Двадцатипятилѣтіе „Архива“ Ягича („Изв. Слав. Благ. Общ.“, 1903—1904).
22. Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербскомъ языкѣ (Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго. Спб. 1905).

Е. Ѳ. Карскій [1]).

1. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва. 1886 г.
2. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава. 1893 г.
3. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ. Вильна. 1893 г.
4. Два памятника стараго западно-русскаго нарѣчія: Лютеранскій катехизисъ 1562 г. и Католическій катехизисъ 1582 г. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., августъ).
5. О языкѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей. Варшава. 1895 г.
6. Русскія нарѣчія домой, долой. Нѣжинъ. 1895 г. (изъ „Извѣстій Историко-Филологическаго Института“, т. XV).
7. Особенности письма и языка Мстиславова Евангелія. Варшава. 1895 г.
8. Западно-русскіе переводы псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ. Варшава. 1896 г.
9. Западно-русскій сборникъ XV в., принадлежащій Имп. публ. библ., Q. I, № 391. Спб. 1897 г.
10. Западно-русское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI в. Варшава. 1898 г.
11. Особенности письма и языка рукописнаго сборника XV в., именуемаго лѣтописью Авраамки. Варшава. 1899 г.
12. Разборъ этнографич. труда П. В. Шейна „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западн. края“. Спб. 1899 г. (Отчетъ о присужденіи премій Батюшкова).
13. О вліяніи поэтической дѣятельности А. С. Пушкина на развитіе русскаго литературнаго языка. Рѣчь. Варшава. 1899 г.
14. Надпись Самуила 993 г. („Русск. Фил. Вѣстн.“, т. XLII).
15. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Составилъ Н. М. Тупиковъ. Рукопись. Разборъ. (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1899 г.). Спб. 1900 г.
16. Очеркъ славянской Кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ студентамъ Имп. Варш. Универс. Съ приложеніемъ снимковъ. Варшава. 1901 г.
17. Образцы славянскаго Кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Изд. 2-е. Варшава. 1902 г.
18. Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ. Изъ исторіи русскаго языковѣдѣнія. Варшава. 1903 г.
19. Бѣлоруссы. Т. I: Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Варшава. 1903 г.
20. Листки Ундольскаго, отрывокъ Кирилловскаго Евангелія XI в. Фо-

[1]) Здѣсь перечислены лишь главнѣйшія изъ его печатныхъ трудовъ.
Ред.

тотипическое воспроизведеніе текста и изслѣдованіе письма и языка. Спб. 1904 г.

21. Разборъ историко-этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова по сѣверо-западному краю, вышедшихъ въ теченіе 1898—1901 годовъ. Спб. 1904 г. (Отчетъ о присужденіи премій Батюшкова).
22. Къ вопросу о реформѣ русск. орѳографіи. (Русск. Филол. Вѣстн., LII). Варшава. 1904 г.
23. Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи. „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго". Спб. 1905.

Н. В. Шляковъ.

1. Перейдя на 2-й курсъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко, лѣтомъ 1882 г. занялся переводомъ III т. Vergleichende Gram. der Slav. Sprachen. von. Franz Miklosich., который подъ редакціей проф. Р. Ѳ. Брандта и началъ выходить въ Извѣстіяхъ Института подъ заглавіемъ „Сравнительная Морфологія славянскихъ языковъ" съ 1884 по 1887 г. (печатался въ Москвѣ). Выпускъ I (Языкъ старословенскій) вышелъ 2 изд. на средства Р. Ѳ. Брандта въ Москвѣ въ 1889 г. Въ „Предисловіи" ко всему переводу въ 1887 г. въ примѣчаніяхъ редакторъ говоритъ: „Въ настоящемъ изданіи есть также нѣкоторыя примѣчанія переводчика, иногда дополненныя мною".
2. Въ „Извѣстіяхъ Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества съ 1883 по 1886 г. помѣщено нѣсколько рецензій и между ними имѣющая нѣкоторый научный интересъ рец. на „Изслѣдованіе языка Остромирова ев." г. Козловскаго. Веденъ былъ въ „Извѣстіяхъ" и отдѣлъ „Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ чешскимъ, болгарскимъ и словинскимъ".
3. Въ Изборникѣ, изданномъ Святѣйшимъ Синодомъ къ 6 апр. 1885 г., исполнено было переложеніе на новоцерковный языкъ и правописаніе Житій (паннонскихъ), службъ и похвалы свв. Кириллу и Меѳодію.
4. Въ „Ярославскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1885 г. за подписью (Студентъ) Н. Ш. помѣщена статья „О шестисотлѣтіи со дня кончины св. благовѣрнаго кн. Романа угличскаго". (Авторъ ошибочно останавливался на 1285 г., какъ годѣ смерти, вмѣсто 3 февраля 1286; исправленіемъ этой ошибки должна была служить статья „Трехсотлѣтіе обрѣтенія мощей св. кн. Романа" (1895 г.), которая вмѣстѣ съ другою статьею „О седьмомъ бракѣ Іоанна Грознаго" (по поводу статей въ „Новомъ Времени" Суворина и С. Ѳ. Платонова) остались въ портфелѣ редакціи. Позднѣе тамъ же (въ редакторство Ѳ. А. Бычкова) помѣщена ст. „Сводъ извѣстій о дворцѣ св. Царевича Димитрія въ Угличѣ".
5. Въ „Странникѣ" 1885 г. рефератъ о брошюрѣ Офейкова „Македония въ хилядогодишнина-та на св. Методия".
6. Рецензія на Болгарскій словарь Дювернуа, подписанная 15 мая 1886 г. Ею началось сотрудничество въ „Русск. Фил. Вѣстн.", издававшемся А. И. Смирновымъ въ Варшавѣ. Статьи въ „Рус. Фил. Вѣстн." составили 2 выпуска „Статей по славянскимъ нарѣчіямъ и русскому языку". Варшава. 1896 и 1900 г. Въ составъ этихъ выпусковъ не вошли

заметка „Веденей“ и дополненіе къ ней и ст. „Завѣты В. А. Жуковскаго русскому юношеству“, рѣчь въ Перновской гимназіи.

7. Въ „Русскомъ Паломникѣ“ (ок. 1886 г.) „Надпись св. Димитрія Ростовскаго къ образу св. царевича Димитрія“.
8. Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Сvнодѣ, рядъ статей и рецензій, между которыми можно указать: „Аѳонскій Патерикъ“ (поправка о св. митроп. Кипріанѣ), „Пиры св. кн. Владимира“, „Неизданное (точнѣе: неправильно приписываемое преосвящ. Амвросію Юшкевичу) слово св. Димитрія Ростовскаго „О памяти смертнѣй“, „Новый фактъ заботливости прп. Сергія Радонежскаго объ отечествѣ въ 1380 г.“, „Чудо св. царевича Димитрія во время моровой язвы въ 1654 г.“, „Муромскій Успенскій преп. Лазаря монастырь“ въ Пудож. у. Олонецкой губ.—резюме приготовленной къ печати, но затерянной по небрежности автора въ типографіи Е. А. Евдокимова рукописи изслѣдованія объ этомъ монастырѣ,—и другія.
9. Въ газетѣ „Свѣтъ“ 6 авг. 1888 г.—замѣтка о праздновании дня крещенія Руси 1 августа.
10. Въ „Словарѣ Русскаго языка“, составленномъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ со 2 тома слова и формы угличскаго нарѣчія.
11. Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1900 г.: „О поученіи Владимира Мономаха“; 1901 г.: „Ермакъ Тимоѳеевичъ лѣтомъ 1581 года“.
12. Въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1904 г. Спб. 1904 статья, „Почему 1 августа бываетъ крестный ходъ на воду?“
13. Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго“, Спб. 1405.

Приготовлены къ печати: 1) „Когда будетъ 850-лѣтіе со дня кончины Великаго кн. Ярослава I Мудраго“ († 4 марта 1055 г.; до 1114 г. новый годъ начинался у насъ 25 марта (свидѣтельство, что христіанство у насъ на русской территоріи существовало еще до IV в.)—легкій способъ опредѣленія дня Пасхи); 2) „Начало казачества на Руси“ (на Сеймѣ еще со времени побѣдителя Редеди князя Мстислава Владимировича черниговo-тмутараканскаго).

А. Н. Ясинскій.

1. Исторія Великой Хартіи въ XIII столѣтіи. Кіевъ. 1888.
2. Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. Кіевъ. 188[illegible]
3. Московскій Государственный архивъ въ XVI вѣкѣ. Кіевъ. 1889.
4. Донесеніе о Московіи Марка Фоскарини. Кіевъ. 1890.
5. Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ. Кіевъ. 1895.
6. Объ охранѣ и заселеніи степной окраины Московскаго государс[illegible] въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ. Кіевъ. 1900.
7. Объ этнографическихъ и культурныхъ отношеніяхъ въ средніе в[illegible] Юрьевъ, 1897.
8. Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ п[illegible]водствѣ. Юрьевъ. 1898.
9. Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизаціи на берегахъ Балті[illegible] моря. Юрьевъ. 1898.

10. Причины паденія древней Ливоніи. Юрьевъ. 1898.
11. Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка, т. I. Юрьевъ. 1901.
12. Основныя черты развитія права въ Чехіи XIII—XV вѣковъ. Юрьевъ. 1902.
13. Өедоръ Яковлевичъ Фортинскій, какъ ученый и профессоръ. Кіевъ. 1903.
14. Введеніе „нѣмецкихъ“ правъ въ селахъ Чехіи XIV вѣка. Кіевъ. 1903.
15. Характеристика средневѣковой нѣмецкой колонизаціи на югѣ Чехіи „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго“, Спб. 1905.

К. Ө. Радченко.

1. Большія работы:

1. Досиөей Обрадовичъ и его литературная дѣятельность. Кіевъ. 1893.
2. Отчетъ о занятіяхъ рукописями въ библіотекахъ и другихъ ученыхъ учрежденіяхъ Москвы и С.-Петербурга. Кіевъ. 1898.
3. Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи, въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ. 1898.

2. Меньшія работы и рецензіи:

1. Einige Bemerkungen zur neugefundenen Abschrift des Lebens des heil. Barbar in bulgarischer Uebersetzung — Arch. f. sl. Phil., Bd. XXII S. 575 ff.
2. Einige Bemerkungen über das Leben und die literarische Thätigkeit Dositej Obradović's ibid. S. 594 ff.
3. Новооткрытая „Буквица“ Досиөея Обрадовича — „Извѣстія Историко-филологическаго Института кн. Безбородко“, т. XX.
4. Малоизвѣстное сочиненіе Евөимія Зигабена, трактующее о богомилахъ, ibid.
5. Къ исторіи философско-религіознаго движенія въ Византіи и Болгаріи XIV вѣка.—„Научно-литературный Сборникъ“ Гал.-рус. Матицы, т. II, кн. 1.
6. Рецензія книгъ Е. Калужняцкаго: „Panegyrische Lit. d. Südslaven“ и „Werke des Euthymius“. Arch. f. sl. Phil., Bd. XXIV, S. 592 ff.
7. Замѣтка по поводу статьи г. Цвѣткова о кондакахъ Романа Сладкопѣвца, помѣщенная въ „Виз. Врем.“, т. X.
8. Zur Literatur der „Fragen und Antworten“—Arch. f. sl. Phil. Bd. XXV, P. 611 ff.
9. Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской Городской Библіотеки.—„Извѣстія Отд. Русск. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“, т. VIII, стр. 336—352 (кн. 3).
10. Замѣтки о пергаменномъ Сборникѣ XIV вѣка Вѣнской Придворной Библіотеки ibid. т. VIII, кн. 4, стр. 175—211.
11. Этюды по богомильству. Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству. Кіевъ. 1904 (изъ „Юбилейнаго сборника въ честь Т. Д. Флоринскаго“).
12. Рецензія книги А. И. Яцимирскаго: „Григорій Цамблакъ“. „Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1904, окт.

„Нов. Сборникъ статей по славяно
Ламанскаго", Спб. 1905.

В. А. Францевъ.

1. Матица Сербская въ Будишинѣ (1847—1897). 8° стр. 32. Спб. 1897.
2. Rusové v Čechách za válek Napoleonských. 8° str. 24. Praha. 1898.
3. А. С. Пушкинъ въ чешской литературѣ. Библіографическіе матеріалы. 8°, стр. 22. Спб. 1898.
4. Даніилъ-Адамъ Велеславинъ, Архитипографъ Пражскій. Къ трехсотлѣтію его смерти (1599—1899). 8°, стр. 28. Спб. 1900.
5. Къ исторіи изданій Реймскаго Евангелія, 8° стр. 30. Спб. 1900.
6. Новая этнографическая карта Сѣверной Чехіи. 8°, стр. 23. Спб. 1901.
7. Объ изученіи славянства (По поводу статей проф. К. Я. Грота). I. Славянское книжное дѣло. II. Общеславянскій журналъ. 16°, стр. 26. Варшава. 1901.
8. Главнѣйшіе моменты въ развитіи чешскаго славяновѣдѣнія. 8°, стр. 43. Варшава. 1901.
9. Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси. 8°, стр. 53. Варшава. 1901.
10. Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные Ф. Л. Челаковскимъ. 8°, стр. 21. Спб. 1901.
11. Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго съ русскими учеными. 8°, стр. 56. Москва. 1901.
12. Къ перепискѣ П. I. Шафарика съ П. И. Кеппеномъ. Три неизданныхъ письма П. I. Шафарика. Спб. 1901.
13. Стихотворные опыты первыхъ русскихъ славяновѣдовъ. Львовъ. 1901.
14. Изъ эпохи возрожденія Угорской Руси. Львовъ. 1902.
15. Русскія посольства въ Чехіи въ XVI ст. Варшава. 1902.
16. Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ. Къ исторіи славянскаго литературнаго общенія въ XIX ст. 8°, стр. 37. Спб. 1902.
17. Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца XVIII и первой половины XIX ст. 8°, стр. 386+LXXI. Варшава. 1902.
18. В. Г. Дундеръ и Императорская Россійская Академія. Эпизодъ из исторіи нашихъ книжныхъ связей съ славянами. 8°, стр. 16. Ва шава. 1903.
19. Чешскія драматическія произведенія XVI—XVII ст. 8°, стр. Варшава. 1903.
20. Къ исторіи каѳедры славяновѣдѣнія къ Варш. Королевск. А ксандровскомъ университетѣ. „Нов. Сборн. статей по славянов нію учениковъ В. И. Ламанскаго", Спб. 1905.

Е. Ф. Тураева-Церетели.

1. Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская и ко польская. Біографическій очеркъ въ связи съ исторіей того в Е. Церетели. 1898 г. Спб.
2. Василій Петровичъ Кулинъ. „Ж. М. Н. Пр." 1900 г. № 6.

3. Освободительная война. „Извѣстія Спб. Славянск. Общества". № 4, январь 1903 г.
4. Черты изъ церковной жизни западной Руси XVI в. по письмамъ Минорита о. Іоанна Коморовскаго. „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго". Спб. 1905.

Н. Н. Дурново.

1. „Узникъ" Пушкина въ народной передѣлкѣ. (Пушкинскій сборникъ студентовъ Московскаго Университ. подъ ред. А. И. Кирпичникова. Москва. 1900).
2. Замѣтка о говорѣ Шацкаго уѣзда Тамбовской губерніи. („Извѣстія Отдѣл. русскаго яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ", т. V, 1900, кн. 3).
3. Къ исторіи сказаній о животныхъ въ старинной русской литературѣ. I—II. М. 1901, 74 стр. 4° (Древности. Труды Славянской Комиссіи Имп. Московск. Археологич. Общества, т. III. М. 1902, стр. 45—118).
4. Мелкія замѣтки по русскому языку, 1—4. („Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.", 1902, іюнь, стр. 257—268).
5. (Южно)великорусскія дѣепричастія на—мчи и—мши. (Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Өедоровичу Фортунатову по случаю тридцатилѣтія его ученой и преподавательской дѣятельности въ Имп. Московск. Университетѣ. 1872—1902; Варшава 1902, стр. 407—423).
6. Описаніе говора деревни Парфёнокъ Рузскаго у. Московской губ. Варшава. 1903. 267 стр. (Отд. отт. изъ „Русск. Филологич. Вѣстника", 1901—1903 гг.).
7. Діалектологическая карта Калужской губ. Спб. 1903. 35 стр.+карта. (Изъ „Сборника Отдѣл. русскаго языка и словесн. Имп. Академіи Наукъ, т. 76).
8. Одинъ изъ источниковъ Стоглава. („Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.", 1904, апр., 2 стр.).
9. „Привѣтство брачное" Сильвестра Медвѣдева. („Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ", т. IX, 1904 г., кн. 2, стр. 303—350).
10. Повѣсть о старцѣ, просившемъ руки царской дочери „Нов. Сборникъ статей по словяновѣдѣнію, составл. учениками В. И. Ламанскаго". Спб. 1905.

А. М. Лукьяненко.

1. Кайкавское нарѣчіе. „Универс. Извѣстія" (Унив. св. Владиміра) 1904 г. іюль. Введеніе (остальная часть печатается).
2. Новыя данныя для характеристики Гуцульскихъ говоровъ. К. 1904.
3. Шиллеръ, Пушкинъ и Островскій въ изображеніи эпохи смутнаго времени на Руси (печатается).
4. Почаевскій Сборникъ Кіевской Духовной Академіи молдаво-болгарской редакціи XVI в. со стороны своего языка. „Нов. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ В. И. Ламанскаго", Спб. 1905.

Замѣченныя опечатки и поправки.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
97	18 св.	гусситства	гуситства
124	2 „	интересовъ съ участіемъ ея	интересовъ, съ участіемъ ея
151	15 „	трудовъ	трудахъ
155	15 сн.	религіознаго движенія данной эпохи	религіознаго движенія въ Чехіи данной эпохи
168	10 „	какъ вы его почитаете	то какъ вы его почитаете
169	18 „	miet	mieti
173	къ 19 сн.	*слѣдуетъ прибавить:* при пользованіи чешскимъ переводомъ Тоннера «Исторіи Чешскаго Государства» Странскаго, необходимо имѣть въ виду цѣнныя критическія замѣчанія А. Тругляржа, напечатанныя въ Čas. Mus. král česk. 1894 г.	
176	8 сн.	, и что таинство	и на то, что таинство
180	19 „	хотя мирныя	хотя съ другой стороны были мирныя и пр.
182	16 „	Βόσσος	Βόσσος
183	21 св.	piėnka	pieńka
204	15 „	A 1719	A. 1719
205	9 сн.	Божію	Божією
217	17 св.	novam	novam (? veram)
253	5 „	S.	s.
282	7—8 св.	пергамента	пергамена
284	10 св.	мца	м҃ца
„	11 сн.	солуньстѣмь	селуньстѣмь
285	20 „	ст҃оы	ст҃ою
„	18 „	нъны	нъıнѣ
„	10 „	ба	б҃а
„	5 „	оць	оц҃ь
„	2 „	црквнѣмь	ц҃рквнѣмь
286	3 св.	і	і҃
„	14 сн.	Нестеров.	Несторов.
289	9 св.	изданіямъ	изданіемъ

Стр.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
294	3 сн.	мео	его
„	2 „	гтина	штина
295	8 „	лучше пѣвцу искусному	лучше «пѣвцу искусному»
296	3 „	не даромъ пропали	не пропали даромъ
„	16 св.	trvály	trvalý
„	17 „	vytrvály	vytrvalý
306	6 „	печäлба, чäло	печа̏лба, ча̏до
„	9 св.	*а*	*ā*
„	10 „	jo	o
315 и сл.		(въ ст. г. Карскаго): *знакъ* ў *вездѣ передаетъ* у *неслоговое.*	
363	18 „	пѣсни	пѣснѣ
368	17 „	токое	такое
375	22 „	zwiata	swiata
380	12 сн.	сКройника	Кройника
406—467		*Выдержки изъ Почаевскаго Сборника приводятся безъ знаковъ придыханія.*	
—		*«Паерокъ» пропущенъ въ нижеслѣдующихъ случаяхъ:*	
408	13 сн.	молдавскых	
419	4 „	из Ѡщрены	
421	15 св.	тоут ное	
„	12 сн.	идол скаа, срб скѫѧ	
422	16 св.	Ѿтшед шои	
„	17 „	родив шаго. въстав ша	
423	16 сн.	цр кве	
410	7 и 9 сн.	кнѧза	кнѧѕа
420	13 сн.	княѕи	кнѧѕи
425	5 „	*всю строку исключить.*	
430	2 и 3 св.	Палремейникъ	Паремейникъ
„	2 сн.	въч̃ еѫ	въсеѫ
432	20 „	Речаву	Ресаву
433	17 „	(ѿ д̃ шѧ	(ѿ д̃ шѫ
„	9 „	(люди б̃ жїѧ	(люди б̃ жїѫ
„	1 „	рïмтел̃ я	прïмте̃ я
435	19 „	дажщаг	дажщаго
439	20 „	стѣкаахѫсѧ 493а—*исключить.*	
„	20 св.	на от	на то
441	5 „	чесна. еѧ	чесна еѫ
443	3 „	*вмѣсто* з *должна быть эта же буква, но съ горизонтальной черточкой съ правой стороны у верхней половинки.*	
447	17–18 св.	*слова* блѫдница 486б, блоудницѫ 491б—*исключить.*	
448	21 св.	*всю строку исключить.*	
453	20 „	синтактическая	синтаксическая
459	1 „	Б а Слова	Б̃ а Слова
„	18 сн.	т. р.	ж. р.
460	17 св.	с̃ ѧ	с̃ ѫ
461	2 сн.	Ззыдошѫ	изыдошѫ
„	1 „	платоустѣ	Златоустѣ
464	22 „	грѫдѧ	грѧдѫ

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
465	18 св.	еще	еже
467	6 „	пазѧщи	пазѧщих
493	12 „	consilii	consiliis
493	15 сн.	сохранилось	сохранилась
494	4 св.	измѣненіями	примѣчаніями
499	20 „	этики	жизни
„	20—10 сн.	сборникомъ	сборниками

Въ Приложеніи:

СТР.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
XL	11 св.	Н. К. Малышевскаго	Н. И. Малышевскаго
„	21 „	съ арабскаго	съ сербскаго
XLI	5 „	въ своихъ положеніяхъ	въ своихъ конфессіяхъ
„	9 „	религіозно-реформазскихъ	религіозно-реформаторскихъ
XLII	26 „	1886	1876

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

D 377 .N6
Novyi sbornik statei po slavia
Stanford University Libraries
3 6105 041 356 143

D
37
N6

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

APR 19 1992